Юрий Нестеренко, Михаил Харитонов

Юбер аллес

Ablehnungshinweis: Всякое совпадение имен и названий с известными реальными является неслучайным. Тем не менее, авторы напоминают, что в жанре альтернативной истории не только события, но и характеры могут получать альтернативное развитие, и персонажи романа могут существенно, вплоть до полной противоположности, отличаться от своих прототипов. Несмотря на то, что в романе приводятся в том

числе и реальные сведения, авторы подчеркивают, что данная книга не может рассматриваться как источник информации о реально существующих физических и юридических лицах и торговых марках.

Большинство сведений по военной истории соответствует действительности.

Авторы также напоминают тем, кто прогуливал в школе уроки литературы, что взгляды писателя могут как совпадать, так и не совпадать со взглядами его героев.

Вы приступаете к чтению на свой страх и риск. Авторы не несут никакой ответственности за моральные травмы, которые могут быть нанесены вам содержанием романа.

Разве я плачу о тех, кто умер?
Плачу о тех, кому долго жить...

Максимилиан Волошин

Die Knechtschaft dauert
Nur noch kurze Zeit!
(Неволе длиться
Долго не дано!)

Хорст Вессель

VORWORT

9 сентября 1941 года, вторник. Берлин, Кёнигсаллее, 35. Раннее утро.

HAUPTTEXT

Kapitel 1. 3 февраля 1991 года, воскресенье, утро. Окрестности Висбадена.

Kapitel 2. Тот же день, около полудня. Берлин, Принц-Альбрехтштрассе, 8.

Kapitel 3. Тот же день, ближе к вечеру. Берлин, международный аэропорт Шёнефельд – борт "Люфтханза LH3723".

Kapitel 4. Вечер того же дня. Москва, аэропорт Внуково – проспект Освободителей.

Kapitel 5. Тот же день, поздний вечер. Москва, Трубниковский переулок, 30 – Староконюшенный переулок, 39.

Kapitel 6. Тот же день, ближе к полуночи. Москва, Старый Арбат, 35.

Kapitel 7. Вечер того же дня (по времени Атлантического побережья). Нью-Йорк, Мэнхэттен, Всемирный Торговый Центр.

Kapitel 8. Тот же день, поздний вечер (по времени Атлантического побережья). Нью-Йорк, Мэнхэттэн, Лафайетт Стрит, 281.

Kapitel 9. 4 февраля, понедельник, утро. Москва, Трубниковский переулок, 30.

Kapitel 10. Тот же день, ближе к вечеру. Москва, площадь Освобождения, 9.

Kapitel 11. Тот же день, поздний вечер. Москва, Трубниковский переулок, 30.

Kapitel 12. 5 февраля, вторник, утро. Москва, Трубниковский переулок, 30 – Тверская улица.

Kapitel 13. Тот же день, после полудня. Москва, подземка, станция "Площадь Гёте" – станция "Воскресенское шоссе".

Kapitel 14. Тот же день, ближе к вечеру. Москва, Новослободская улица, 45 – Алтуфьевское шоссе, 13, корпус 4.

Kapitel 15. Тот же день, поздний вечер. Москва, улица Гудериана, 1, корпус 2.

Kapitel 16. 6 февраля, среда, около полудня. Москва, Трубниковский переулок, 30 – Ореховый бульвар, 14, корпус 1.

Kapitel 17. 7 февраля, четверг, утро. Москва, Трубниковский переулок, 30.

Kapitel 18. Тот же день, позднее утро. Москва, улица Гудериана, 1, корпус 2 – улица Бутырский Вал, 8а, кв. 23.

Kapitel 19. Тот же день, около полудня. Москва, улица Бутырский Вал.

Kapitel 20. Тот же день, после полудня. Москва, площадь Освобождения, 9.

Kapitel 21. 8 февраля, пятница, вечер. Москва, Белогвардейский бульвар, 8/1.

Kapitel 22. Тот же вечер. Москва, Власовский проспект, 66.

Kapitel 23. Тот же день, ближе к ночи. Москва, Власовский проспект, 66.

Kapitel 24. 9 февраля, суббота, после полудня. Москва, окрестности станции подземки "Университет".

Kapitel 25. Вечер того же дня. Москва, улица Веневитинова, 19/2, корп. 1. Чайная "Небесный Покой".

Kapitel 26. Тот же день, поздний вечер. Москва, Трубниковский переулок, 30.

Kapitel 27. 10 февраля, воскресенье, день. Москва, улица Бутырский Вал.

Kapitel 28. Тот же день, поздний вечер. Москва, Старый Арбат, 35

Kapitel 29. Тот же день, около полуночи. Москва, улица Бутырский Вал, д. 8а, кв. 23.

Kapitel 30. 11 февраля, понедельник, до полудня. Москва, Трубниковский переулок, 30.

Kapitel 31. Тот же день, ближе к вечеру. Москва, переулок Огородной Слободы, 5.

Kapitel 32. 12 февраля, вторник, утро. Санкт-Петербург, улица Булгарина, 8. Книжный магазин издательства "Наука".

Kapitel 33. Тот же день, около полудня. Санкт-Петербург, Дворцовая площадь – Невский проспект – ул. Колчака, 9.

Kapitel 34. Тот же день, позднее утро. Берлин, Райхенбергштрассе.

Kapitel 35. Тот же день, ближе к вечеру.Санкт-Петербург, переулок Освободителей, 4 (Рифеншталь-фонд, монтажная студия Лени Рифеншталь).

Kapitel 36. Вечер того же дня. Санкт-Петербург, переулок Освободителей, 4. (Рифеншталь-фонд, зал приемов).

Kapitel 37. Тот же день, поздний вечер. Санкт-Петербург, переулок Освободителей, 4. (Рифеншталь-фонд, центральный офис).

Kapitel 38. Ночь с 12 на 13 февраля. Санкт-Петербург, Брусиловский проспект – улица Платона Павлова, 28

Kapitel 39. 13 февраля, среда, середина дня. Санкт-Петербург, посёлок "Николаевская усадьба", ул. гр. Фредерикса, д. 3 (особняк профессора Вальтера Порцига).

Kapitel 40. 22 ноября 1990 года, день. Москва, Кремль. Приёмная Верховного Правителя Российской Республики.

Kapitel 41. 13 февраля 1991 года, среда, вечер. Санкт-Петербург, посёлок "Николаевская усадьба", ул. гр. Фредерикса, д. 3 .

Kapitel 42. Тот же день, поздний вечер. Санкт-Петербург, улица Колчака, 9 – Садовая улица – Чернышёв мост.

Kapitel 43. 14 февраля, четверг, раннее утро. Москва, улица Бутырский Вал, д. 8а, кв. 23.

Kapitel 44. Тот же день. Санкт-Петербург, улица Колчака, 9 – Путиловский район.

Kapitel 45. 12 сентября 1953 года, день (по берлинскому времени), околоземное пространство, борт космоплана "Норд" – 2 февраля 1991 года, ночь, Берлин, остров Шваненвердер, Инзельштрассе 20/22 (резиденция Райхспрезидента) .

Kapitel 46. Ночь с 14 на 15 февраля 1991 года. Санкт-Петербург, склады станции "Сортировочная".

Kapitel 47. 15 февраля, пятница, утро. Санкт-Петербург, улица Платона Павлова, 28

Kapitel 48. Вечер того же дня. Москва, окрестности станции подземки "Университет" – улица Бычкова, 7.

Kapitel 49. Тот же день, поздний вечер. Москва, Котельническая набережная – улица Теплый Стан, 27.

Kapitel 50. 15 ноября 1990 года, раннее утро. Мюнхен, Эберсбергерштрассе, 18.

Kapitel 51. 16 февраля 1991 года, суббота, утро. Москва, Трубниковский переулок, 30.

Kapitel 52. Тот же день. Москва, Новый Арбат – Центр – Садовое кольцо.

Kapitel 53. Вечер того же дня. Москва, улица Бутырский Вал, д. 8а, кв. 23.

Kapitel 54. Тот же день, поздний вечер. Москва, Трубниковский переулок, 30.

Kapitel 55. Ночь с 16 на 17 февраля. Москва, Трубниковский переулок, 30.

Kapitel 56. 17 февраля, воскресенье, предутренние часы. Москва, улица Роммеля, 9 – Можайское шоссе.

Kapitel 57. Тот же день, раннее утро. Москва, Трубниковский переулок, 30.

Kapitel 58. Тот же день, утро. Москва, улица Краснова, 18 – проспект Освободителей.

EPILOG

23 мая, четверг, день. Берлин, Трептов-парк.

NACHSPIEL

23 августа, пятница, вечер. Нью-Йорк, Мэнхэттэн, Лафайетт Стрит, 281.

24 августа, суббота, день. Борт "Аэрофлот RU314".

APPENDIX

Anhang I. Из "Краткого русско-английского словаря технических терминов"

Anhang II. Из "Краткого словаря русского уголовного жаргона"

Anhang III. Краткий справочник социально-политических понятий

Anhang IV. Схема московского метро (1990)

Anhang V. Речь Райхспрезидента Эдварда Дитля перед выпускниками ВПШ имени Канта

VORWORT

9 сентября 1941 года, вторник. Берлин, Кёнигсаллее, 35. Раннее утро.

Вокруг был войлок, целые горы сырого войлока. Он давил на грудь, на лицо, вонял мокрой жарой. Откуда-то издалека, из-за войлочной завесы, доносилось непонятное "бу-бу", "бу-бу-бу".

Клаус попытался открыть глаза, но лучше не стало: в горячем тумане плавали какие-то белые пятна. Одно из них приблизилось, и коснулось его лба сухим и холодным. Потом войлок опять накрыл его с головой.

Постукивание серебряной ложки по зубам ненадолго привело его в чувство. Он послушно разжал челюсти. Ложка скользнула внутрь, и во рту стало горько. Он с усилием сглотнул, и снова погрузился в беспамятство.

– Через два часа ребёнок умрёт, – сказал кто-то из-за войлока.

Клаус знал, что значит умереть. В прошлом году, летом, умерла его маленькая сестричка, Барбара. Мама сидела в гостиной и читала французскую книжку, и тут вошёл отец, высморкался, и сказал: "Господь забрал нашу малютку, Марта". Тут мама сразу начала плакать, а толстый семейный доктор, которого Клаус звал просто "дядя Вальтер", совал ей в руку флакончик с вонючей солью от обморока.

Клаус тоже плакал. Но, по правде говоря, ему не было особенно жалко сестричку: она всё равно была очень маленькая, и ничего не умела, даже говорить. Лежала себе в кроватке и кричала. Он потом спросил у отца, зачем Бог забрал её к себе – чтобы она лежала и кричала на небесах? "Это всё для нашего вразумления" – невразумительно ответил отец и дал ему конфету.

Потом Клаус долго приставал к отцу с вопросом, когда умрёт Бог. Отец сказал, что Бог никогда не умрёт, и опрометчиво добавил, что хорошие мальчики таких вопросов не задают. Клаус, конечно, начал ныть и просить папу рассказать про то, как Бог умрёт. Потом он сообразил, что если быстро-быстро говорить "Бог – сдох", то получается в рифму. И стал бегать по гостиной и кричать: "Бог сдох, Бог сдох! Бог сдох, Бог сдох, Gott ist tot, Gott ist tot" – пока отец не поймал его и не ударил. Он побежал жаловаться маме, но на этот раз ябедничество не возымело обычного действия: мама строго запретила ему говорить такие вещи. Мальчик надул губы, но замолчал, хорошо зная, что маму, в отличие от отца, надо слушаться...

– Gott ist tot, – услышал он совсем близко от себя. – Бог мёртв. Мы убили его.

На этот раз Клаус понял, кто говорит. Дядя Вальтер, вот кто.

– Это, кажется, из Ницше, – ответил отец. Клаус прислушался: да, это был отец.

– Я не читаю подобных авторов... – ответил доктор. – Но как предсмертная записка это сошло бы. Или как признание. Всё зависит от того, как угодно будет истолковать это "мы" господам из Комиссии. Скажите честно, Людвиг, – голос доктора стал масляным, просящим, – вы всегда всё знаете... ведь это же самоубийство? Это самоубийство, да?

Мальчику показалось, что войлок снова облепил его. Но это было просто молчание.

– Значит, вот как... – доктор вздохнул. Его вздох отозвался в ушах ребёнка шуршанием тысяч мягких иголок.

– Мы знаем друг друга много лет, – наконец, ответил отец, – и знаем жизнь. Есть вещи, о которых лучше не говорить.

– Мне нужно знать, Людвиг! Вы вхожи в эти сферы, а я нет. В то время как моё

положение...

– Вальтер, подумайте лучше о моём мальчике, – тихо сказал отец, – давайте не будем хотя бы сейчас, у его постели, говорить о политике. Вы можете что-нибудь сделать?

– Медицина бессильна, мой дорогой друг. Давайте ждать и надеяться. Я не хочу обнадёживать, но, возможно, молодой организм...

Жар опять навалился на измученного ребёнка. Но на этот раз Клаус решил не поддаваться. Сосредоточившись, он выплыл из багрового омута бреда.

– Ничего не знаю точно, – говорил тем временем отец, – но лично я не верю в то, что доктор Гёббельс мог пойти на такое. Сейчас, когда Райх на краю пропасти... Нет, нет, нет.

– В таком случае это убийство.

– Я этого не говорил. Что мы имеем сейчас? Есть тело. Есть несомненные признаки отравления. Есть предсмертная записка.

– И есть заключение Комиссии по расследованию, не так ли?

Мальчик понял, что разговор скучный. Такие разговоры отец обычно вёл в курительной комнате. Клаус много раз спрашивал у мамы, зачем папа водит домой каких-то незнакомых людей и тратит на них время. Мама гладила его по голове, вздыхала, и говорила, что ему рано об этом думать. Как-то раз Клаус специально забрался под маленький диван, чтобы послушать, о чём же всё-таки они говорят. Оказалось – ничего интересного: обсуждались какие-то "перестановки в министерстве". В результате Клаус так и заснул под диваном, и его еле нашли...

– Везде шныряют типчики из Комиссии, – говорил отец. – Что-то вынюхивают, шпионят. Говорят, кое-кого забрали.

– Ещё до пятого?

– Когда они, наконец, объявили? Не понимаю, почему нельзя было сказать об этом дойчам сразу. Уже второго числа все были в курсе. Что знают двое – знает и свинья. А в Райхстаге было очень много свиней...

– Это правда, что там была настоящая бойня?

– Простите, друг мой. Пересказывать некоторые детали я не могу даже вам... Скажем так: погибло гораздо больше людей, чем вы думаете. Скажу больше, если вы...

Опять провал, на этот раз короткий. Клаус как будто учился плавать в жаркой темноте болезни и выплывал всё быстрее.

– ...как крыс. Я видел трупы, и поверьте мне на слово – я не хотел бы снова видеть подобное. А ведь я работал в Леверкузене и знаю о таких вещах достаточно. Это что-то новое. И я уверен, что у каких-то случайных людей такое оружие просто не могло оказаться...

Мальчик попытался пошевелиться. Лёгкое, почти невесомое тельце не слушалось, но ему удалось пошевелить пальцами. Это взяло у него все силы: он почувствовал, что ниточка, удерживающая его на этом свете, опасно натянулась.

В чувство привёл голос дяди Вальтера..

– До сих пор не могу поверить. Борман. Ламмерс. Хейдрих. Теперь Гёббельс. Кто за всем этим стоит? Кто?

– Я не говорил, что Гёббельса убили.

– Вы это уже сказали, – вздохнул доктор. – Да, в конце концов, и в наших кругах кое-что известно. Это ведь Гебхардт, не так ли?

Опять молчание.

– Людвиг, мы знакомы тридцать лет...

– Тридцать два года, если быть точным.

– Пусть тридцать два. Людвиг, я безгранично вам доверяю. Вы могли бы...

– Прошу вас, не говорите ничего. Я знал профессора Гебхардта ещё до того, как он начал пользовать Химмлера. Что бы про него ни говорили, он патриот и лично предан Фюреру, то есть был предан, – отец закашлялся.

– Мы уже привыкли к тому, что Фюрера нет, – вздохнул доктор. – А ведь прошло чуть больше недели. И как будто ничего не изменилось... Всё та же "Лили Марлен" по радио, потом сводки с фронта...

– Война, мой друг, война. На войне не до сантиментов.

– Война без Фюрера.

– Не будем лгать друг другу. Фюрер был гениальным провидцем, но посредственным полководцем...

Клаус знал, кто такой Фюрер. Фюрер – самый главный человек в Райхе. Его звали Хитлер. Взрослые на улице поднимали руку и говорили "Хайль Хитлер!", а дома говорили "гутен таг" и руки не поднимали. Клаус однажды носился по комнате и кричал "Хайль Хитлер!", пока не устал, и мама его не останавливала, только смотрела. А когда ему надоело, попросила больше так не делать. Он спросил "почему", а она сказала – "ради мамочки". Первого сентября Фюрера убили в Райхстаге, и вместе с ним поубивали ещё много важных людей. В тот день Клаус заболел.

– Простите, Людвиг, я сам не свой. Сижу у постели вашего сына, и веду этот дурацкий разговор о политике...

Голоса пропали в тонком пении подступившей к ушам крови.

Когда Клаус снова пришёл в чувство, то ощутил спиной лужицу остывающего пота, не успевшего впитаться в перину.

Взрослый разговор всё тянулся.

– ... колченогий. А профессор Гебхардт – лучший в Европе специалист по болезням коленного сустава. Это более чем естественно, что Гёббельс лечился у Гебхардта. К тому же, насколько мне известно, Комиссия сняла с него все подозрения.

– Комиссия ни с кого не снимает подозрений. Она их просто не оглашает, ради сохранения общественного спокойствия. Я уверен – головы ещё полетят. Особенно в СС. В конце концов, убийцы тоже носили чёрные формы. Во всяком случае, такова официальная версия.

Клаус приоткрыл глаза и голова тут же закружилась. Он крепко зажмурился и стало легче.

– Что вы думаете об этом новом человеке?

– Дитль? Ширма. Говорят, он не хотел покидать фронт. Его заставили прилететь в Берлин. И вручили власть. Точнее, видимость власти.

– Не забывайте, Людвиг: такие люди всему учатся очень быстро. Он ведь не просто бравый вояка, каким его изображают газеты. Он в Партии с двадцатого года.

– Это верно. Сугубо между нами: через него шла вся агентурная работа и пропаганда в армии.

– Даже так? Ну, тем более. Разумеется, сейчас он – просто кукла, которую дёргают за ниточки. Но те, кто принимают его за Хансвюрста, очень сильно ошибаются.

– Я тоже так думаю.

– Вопрос в том, кто тут кукловоды.

– Вермахт и военная разведка. И, возможно, кое-кто из партийных... Смотрите! Неужели...

Мальчик снова попробовал открыть глаза. На этот раз белых пятен не было. Он увидел блестящую спинку кровати и красную руку доктора с серебряной ложечкой между пальцами.

Во рту было сухо. Воспаленное горло болело, как будто его расчесали изнутри.

– Пить, – тихонько попросил он.

Kapitel 1. 3 февраля 1991 года, воскресенье, утро. Окрестности Висбадена.

"Ра-асцветали яблони и груши..."

Фридрих снял правую руку с руля, опустил с потолка кронштейн держателя. Вытянул из кармана черную тушку целленхёрера, переходящего уже к туманам над рекой. Легкое, безобидное фрондерство, проходящее скорее по графе "милые чудачества". Имперский барон, оберст Люфтваффе, кавалер Рыцарского Креста Фридрих Власов не считает нужным скрывать свои русские корни. И даже слегка бравирует ими. Что ж, почему бы и не побравировать. Его фамилия уж никак не менее славная, чем, скажем, какой-нибудь "фон Бок". В конце концов, фон Бока отец в свое время так шуганул от Москвы, что первый на всю жизнь проникся ко второму глубоким и искренним уважением...

С тем же успехом это могла быть "Песня Хорста Весселя", которую так любят твердолобые патриоты, или "Лили Марлен", все еще не теряющая популярности в вермахте, или любой из маршей Люфтваффе. Просто милые чудачества – это такая вещь, которую лучше иметь, чем не иметь. Что бы там ни говорила официальная доктрина о сверхчеловеке – и начальство, и случайные собеседники чувствуют себя настороженно в присутствии того, кто лишен даже самых невинных слабостей.

"Вы-хо-дии-ла на берег Катюша..."

И все-таки целленхёрер – пожалуй, самое страшное творение дойчского инженерного гения. Достанет тебя где хочешь – хоть в кровати, хоть в туалете. Хоть на загородном шоссе воскресным утром, когда ты только-только выбрался, наконец, полетать в свое удовольствие... Хорошо бы сделать вид, что он вне зоны приема. Конечно, его целленхёрер – только по виду обычный "Сименс", а на самом деле в мире найдётся очень мало мест, где он не принял бы сигнал... разве что пещеры глубоко под землей... но почему бы барону Власову – в свой выходной, между прочим, день – не отправиться исследовать пещеры?

Увы. Высветившийся в окошке номер хоронил на корню спелеологическую версию. Долг есть долг, как бы высокопарно это ни звучало.

Власов потыкал большим пальцем в кнопки, набирая код активизации фершлюселера.

– Доброе утро, Фридрих, – потек из трубки привычно неторопливый, с хрипотцой голос Мюллера. – Кажется, я вас разбудил?

– Нет, Отто, – по телефону, даже через фершлюселер – никаких званий и подлинных фамилий.

– В таком случае, вы долго берете трубку, мой мальчик.

Фридрих терпеть не мог это обращение, подходящее, может быть, зеленому

лёйтнанту, но не сорокалетнему оберсту. Однако шеф тоже имел право на маленькие чудачества. Власов иногда размышлял над тем, насколько они натуральны: уж очень не подходили этому человеку манеры этакого ворчливого, но добродушного дядюшки. Фридрих достаточно хорошо знал настоящего Мюллера, чтобы прийти к выводу: все эти мюллеровские "мальчики", равно как и тщательно подчёркиваемая аристократическая брюзгливость в голосе – такая же игра на публику, как и его, Власова, музыкальные вкусы... Впрочем, сейчас всё это неважно.

– Я за рулем, – пояснил Власов и тут же уточнил: – Один.

– Едете по делам? – как ни в чем не бывало, продолжал светскую беседу Мюллер.

– Нет. На аэродром. С понедельника у меня отпуск, – добавил Фридрих, хотя и понимал, что это уже ничего не решает.

– Знаю, мой мальчик, знаю. Но, боюсь, ваш отпуск придется отложить. Вы нужны.

Власов мысленно взвесил последние слова. Разумеется, шеф никогда не сказал бы "вы нужны Райху" или чего-то похожего. Как и большинство сотрудников Управления, он тщательно избегал даже намёка на патетику. Однако же, в другой ситуации Мюллер сказал бы что-нибудь вроде "вы нужны Управлению", или "вы нужны мне". В первом случае можно было бы, по крайней мере, поворчать. Во втором – выговорить себе сколько-нибудь времени для улаживания личных дел. Но простое "вы нужны" – гм, похоже, что-то серьёзное...

– Как скоро? – ровно спросил Власов.

– Как говорят наши заокеанские друзья, вчера. Так вы говорите, что подъезжаете к аэродрому? Очень кстати. Вы сейчас под Висбаденом, не так ли?

– Майнц Фитен. Поведу сам. Распорядитесь, чтобы мне без проволочек дали маршрут на Берлин.

– Разумеется, мой мальчик, разумеется. Жду вас в нашем уютном гнездышке.

– Постойте, Отто! Скажите хотя бы в двух словах, что случилось!

– При встрече. До свиданья, Фридрих.

Скверно. Если Мюллер не доверяет даже шифрованному сигналу, значит, неприятности и впрямь значительные.

Забавно все-таки, в который раз подумал Фридрих, что фамилия его нынешнего шефа – Мюллер. Нет, не сын, даже не дальний родственник того, легендарного, который пережил и приход к власти своих вчерашних врагов из НСДАП, и Сентябрьские убийства, с последовавшим за этим разгромом СС, когда слетели головы всех его начальников и многих подчиненных, и дитлевские реформы, и Нюрнбергский Чрезвычайный съезд, и Обновление – и наконец с почетом ушел в отставку в шестидесятом, удалившись в свое поместье под Мюнхеном ухаживать за садом, нянчить внучат и писать мемуары. Что до последнего, то ему настоятельно рекомендовали этого не делать. Но старина Хайни всех успокоил, заверив, что его мемуары будут опубликованы лишь через тридцать лет после его смерти. Тем самым наглядно продемонстрировав, что в откладывании своей кончины на как можно более поздний срок заинтересован не только он. Позже, при Шуке, он для пущей убедительности даже разместил в REINe личную штелку с обложкой несуществующей книги и несколькими оборванными цитатами; даже на восьмом десятке для него не составило труда освоить новые технологии. Человек, которого называли "германским Талейраном", в чей особняк еще и через много лет после его отставки наведывались не последние в Райхе люди, умер лишь в позапрошлом году, дожив до 89 лет. Говорят, его разум оставался ясным до последней минуты.

А Отто Мюллер – всего лишь однофамилец. И за свою фантастическую карьеру он может быть благодарен только себе, а не родственным связям: у шестого сына кёнигсбергского учителя математики влиятельным родственникам взяться было неоткуда. Да и фамилия, честно говоря, заурядная: мельников в старом Дойчлянде всегда было много, у многих профессия стала наследственной, так что ничего удивительного в том нет, что любимое Отечество не испытывает недостатка в Мюллерах... Но все же: насколько фамилия человека определяет его судьбу? Фридрих Власов не раз задавался этим вопросом. Уж, казалось бы, насколько далеко от России лежала его дорога – его, имперского гражданина, офицера Люфтваффе, участника Африканской кампании – и мог ли он думать тогда, рассекая на своем Ме 600 раскаленное марево над Сахарой, что пройдет не так уж много лет, и "восточный вопрос" станет его основной профессией?

Он остановил "BMW" у ворот пропускного пункта. Седоусый охранник важно изучил пропуск, сверил фотографию с оригиналом, и, наконец, с достоинством кивнул. Интересно, неожиданно подумалось Власову, воевал ли он? Тогда, в ту войну? Судя по возрасту, мог успеть. Возможно, даже на Восточном фронте. Хотя нет, вряд ли: там все закончилось в сорок третьем, а охраннику вряд ли тогда было больше шестнадцати. А вот в последней попытке высадки в Англии мог и поучаствовать... Но Власов никогда не заговаривал с охранником, и сейчас не стал нарушать этой традиции.

Миновав застывшие в ряд транспортные "Дорнье" с зачехленными моторами и одинокую пилотажную "Экстру 300", Фридрих подъехал к своей стоянке и заглушил двигатель. Он взял с заднего сиденья шлем, вылез из машины и торопливо застегнул теплую пилотскую куртку, ежась от сырого февральского ветра. Машинально прикинул направление: западный. Значит, взлет по полосе 26. Карл, механик, уже заметил его и приветственно махал рукой от самолета. Власов махнул в ответ и зашагал к "Блом унд Фоссу". Хромота была едва заметна, незнающий вряд ли обратил бы внимание. Ханс-Ульрих Рудель одерживал победы без правой ступни, а Виктор Петерман так и вовсе без левой руки. У англичан был в свое время летчик-истребитель, летавший без обеих ног, и у русских тоже.А тут всего-то одна голень чуть короче другой. Но... "сейчас не военное время, херр оберст, Люфтваффе не нужны герои, летающие на пределе своих сил". На самом деле, конечно, дело не в голени, у него были проблемы и посерьезнее, особенно с позвоночником, после которых ему противопоказаны перегрузки выше 4 g... Хотя его все равно называют везунчиком. В конце концов, в истории было лишь два пилота, которым удалось посадить на брюхо в чистом поле "Мессершмит 600" и сохранить после этого способность рассказывать об этом. Вторым стал майор Эрих Баумер, три года спустя. Баумер тоже ушел из истребителей – говорят, что сам, решив, что "одного предупреждения свыше достаточно". Власов не был суеверен, он сопротивлялся медикам до конца. Но, как говорят летчики, "разница между военврачом Люфтваффе и террористом в том, что с террористом можно договориться." И вот – в тридцать пять лет, можно сказать, на взлете карьеры, ему вешают на шею Рыцарский Крест и выпихивают на пенсию. Идите куда хотите, херр оберст, ваши заслуги не будут забыты...

И ведь действительно не забыли. Тогда-то его и подобрали люди Мюллера, предложившие новоиспеченному пенсионеру послужить Фатерлянду в новом качестве. Как потом выяснилось, в Управлении работало немало бывших военных летчиков, да и вообще профессионалов в различных областях, в прежней жизни не связанных с разведкой и контрразведкой. У Отто Мюллера была на сей счет своя теория, что

спецслужбы, в силу их крайней замкнутости, находятся под вечной угрозой застоя и закукливания, и им необходим постоянный приток свежей крови...

– Как птичка? – осведомился Власов, подходя к самолету.

– Рвется в небо, господин барон! – на обветренном лице техника сверкнула белозубая улыбка. Фридрих мысленно усмехнулся: казалось бы, ну какое значение имеет этот феодальный титул сейчас, в конце XX века? Тем более что все его баронство – во втором поколении... Но Карл всегда произносил титул с явным удовольствием и без всяких просьб со стороны Власова. Дойчи любят субординацию.

Фридрих протянул технику ключи от "BMW", добавил хрустящую десятимарочную купюру: "Позвоните в бюро проката, пусть заберут автомобиль" – а затем обернулся к "Блом унд Фоссу". Похлопал "птичку" по крылу, словно по плечу – старого друга. В принципе, это не был жест нежности, летчик перед вылетом должен лично осмотреть самолет – нет ли где трещин и прочих дефектов. Но Власов и впрямь еще с училища любил эти машины, их причудливый асимметричный дизайн, ставший визитной карточкой "Блом унд Фосс". Вынесенная на крыло отдельно от фюзеляжа кабина, хвост, идущий не только не по центру, но и фактически лишенный одного из горизонтальных стабилизаторов, нередко еще и причудливый излом крыльев... Конечно, главную роль в воздушной войне сыграли не Блом и Фосс, а старина Вилли Мессершмит, но... им попросту не дали как следует развернуться. Непривычный облик BV смущал даже молодых офицеров Люфтваффе – что уж говорить о райхсмаршале Гёринге, чей летный опыт безнадежно увяз во временах Первой мировой! А зря, ей-богу, зря. Уж по крайней мере американским "Лайтнингам" BV могли составить весьма достойную конкуренцию. Да и пресловутые "Мустанги", при всей их быстроте и маневренности, не шли ни в какое сравнение с "Блом унд Фоссами" по обзору из кабины и устойчивости на малых скоростях. А 194-я модификация с двойной силовой установкой – турбовинтовым двигателем в фюзеляже и реактивным в гондоле позади кабины пилота – вообще была самолетом на все случаи жизни, который мог носиться по небу, как реактивный истребитель, и садиться на короткую полосу, как тихоходный биплан. BV 494, личный самолет Власова, был наследником именно этой модели. И сейчас, забираясь в прозрачную, похожую на изящную елочную игрушку кабину на правом крыле, Фридрих подумал, что после выхода на маршрут включит реактивную тягу. Полет по служебной надобности – значит, контора оплатит топливо.

В Берлине он будет уже через час.

Kapitel 2. Тот же день, около полудня. Берлин, Принц-Альбрехтштрассе, 8.

Зала с приспущенными шторами терялась вдали в полумраке. Шаги на мраморном полу клацали с отзвоном, пугая позолоченных ангелочков, нарисованных высоко на потолке вместе с голубыми и изумрудными облаками.

Мюллер чуть отодвинул тяжёлую штору. На мрамор легла косая призма белого света. За окном сияла прозрачная берлинская зима.

При дневном свете стало заметно, что вид у Мюллера неважный. Набрякшие веки, тени под глазами, нижняя губа капризно оттопырена... Впрочем, Власов не обманывался. Он знал, что в таком состоянии шеф способен проработать тридцать часов, подгоняя валящихся с ног молодых подчиненных.

– Dobri' den, dorogoi, – произнес Мюллер, продолжая стоять вполоборота к окну.

Фридрих в который раз подумал, что рачительная природа, вложив в черепную коробку шефа недюжинный запас ума и хитрости, изрядно сэкономила на чувстве юмора и тактичности. Впрочем, Мюллер крайне редко напоминал Власову о его русских корнях. И если уж шеф принялся тяжеловесно шутить на эту тему, значит, его настроение и впрямь хуже некуда. Вероятно, самым мудрым было бы не обращать внимания и перейти сразу к делу, но любая неграмотность резала ухо Власову почти физически, и он не сдержался:

– Извините, шеф, но русские так не говорят. "Дорогой" – это форма вежливости, принятая в личной переписке, и употребляемая только вместе с именем. В других случаях это слово означает "требующий больших денежных затрат". Моё жалованье пока что не даёт оснований...

Шеф вдруг издал смешок – если это ржавое поскрипывание можно было назвать смехом.

– Если вы имеете в виду счет за керосин, то вы сами хотели, чтобы я прилетел как можно скорее, – Власов чувствовал, как нарастает его раздражение. – На винтовой тяге я был бы сейчас еще...

– Простите старика, Фридрих, – отсмеялся Мюллер. – Просто я только что с совещания. Эти ослы собираются в очередной раз урезать нам финансирование. Скоро они придут соскребать с потолка позолоту, – он показал взглядом на ангелочков.

– Если бы, – вздохнул Власов. – Каждый раз, когда я смотрю на это...

– Как в итальянской церкви? Да, очень похоже. У меня дурной вкус, я это знаю. Но я терпеть не могу то самодовольное уродство, которое у нас называют "дойчским стилем"... Ничего, Фридрих, рано или поздно это безобразие ликвидируют. И вместо него здесь будут три кабинета, обшитых дубовыми панелями. Когда они найдут деньги на реконструкцию здания. Надеюсь, я до этого не доживу.

– Все так серьёзно? – вежливо поинтересовался Власов.

– Серьёзней некуда, – подтвердил Мюллер. – Они и в самом деле решили, что нам пора ужиматься.

Слово "они" шеф сопроводил характерным движением головы в сторону письменного стола, над которым висел чёрный портрет. Вообще-то руководителю его ранга полагалось бы иметь над столом все три, но Мюллер понимал всю деликатность своего положения: выставленные напоказ изображения предшественников нынешнего Райхспрезидента могли бы, чего доброго, восприниматься как выражение каких-то политических симпатий. Что, по мнению Мюллера, было бы совершенно некстати.

– Похоже, – продолжал скрипеть шеф, – мы слишком хорошо работаем. Или полвека гегемонии в Европе чересчур размягчающе действуют на некоторые мозги. Или что у них там наложено вместо мозгов.

– Или их слишком мало интересует Райхсраум, – подхватил Власов. – Сейчас вошло в моду любить Фатерлянд в его, так сказать, естественных границах.

– И вы о политике! Помилосердствуйте, Фридрих, я и так уже весь пропитан желчью. Давайте всё же о наших делах, – Мюллер, наконец, полностью повернулся к нему. – Вы знали Руди Вебера?

– Ну что значит – знал... – Власов собрался с мыслями. – Мне, конечно, известно, что это наш человек в Москве, и что информацию оттуда я получаю в основном через него. Но лично общаться нам практически не доводилось. Так, виделись пару раз в

Управлении... – на самом деле, разумеется, от Власова не укрылось прошедшее время. Шеф уже начал отвечать на его вопросы. Итак, Рудольф Вебер, во-первых, мёртв, и, во-вторых, умер не такой смертью, какая полагается уважающему себя агенту Главного Управления Имперской Безопасности.

Мюллер молчал, давая подчиненному проявить подобающую сообразительность.

– Как и когда? – спросил Фридрих, не найдя лучшей формулировки.

– Тело нашли еще вчера, в 16:40 по московскому времени. Но к нам информация поступила только сегодня утром. Естественно, всякие следы, если они были, уже затоптала русская полиция, она это умеет... Официальное заключение о причине смерти – передозировка наркотика. Какая-то новомодная синтетическая дрянь.

– Глупо! – возмущенно фыркнул Власов. – Топорная работа. Кто поверит, что офицер РСХА с безупречным послужным списком...

Мюллер молчал, и Фридрих осекся.

– Вы думаете, это русская контрразведка? Делают нам толстый намек? – предпринял он еще одну попытку.

– Джентльменское соглашение не убивать агентов друг друга выполняют даже скунсы, – скривился шеф. – А русские, как-никак, пока еще считаются нашими союзниками.

– Вот именно – пока еще считаются, – пробормотал Власов. – Хотя – слишком вызывающе... Тогда что же? Кто-то подставляет русских? Хочет столкнуть нас лбами? Скунсов я бы тоже не списывал со счетов. Хотя это было бы слишком просто. Но если допустить, что кто-то хочет подставить заодно и их... – Мюллер по-прежнему хранил скептическое молчание, и Фридрих спросил напрямик: – Не думаете же вы, что Вебер и в самом деле мог сам подсесть на иглу?

– Не знаю, мой мальчик. Если бы я знал, разве бы я стал портить вам отпуск? Мы можем строить какие угодно гипотезы, но это Россия. О которой сами русские любят говорить, что умом ее не понять.

– Образцовая глупость, которую любят повторять те, кто не желает отвечать за свои действия. И написал это человек, большую часть жизни проживший в Дойчлянде...

– Не кипятитесь, мой мальчик! Я не собирался задевать ваши славянские чувства...

– У меня их нет. Я отношусь к России как...

– Я вызвал вас сюда не для того, чтобы узнать о вашем отношении к России! – неожиданно рявкнул Мюллер.

Власов решил, что благоразумнее будет промолчать. Когда Мюллер выходил из роли ворчливого старика, с ним лучше было не препираться.

– Так или иначе, мы имеем труп в Москве, – прежним брюзгливым тоном продолжил шеф. – И как раз тогда, когда нам меньше всего нужны проколы на Востоке.

– Кто у нас там остался?

– По этой теме – в основном мелкая шушера. Есть несколько приличных оперативников, но они заняты по своим направлениям. Вебер был центром большой сети, действовавшей относительно автономно. Сейчас его место временно занял некто Ханс Лемке. Но, по правде говоря, он не внушает мне никакого оптимизма. Мы пришлем ему замену, но сначала следует убедиться, что второй наш человек не попадет в ту же ловушку, что и первый.

Фридрих понял, куда клонит шеф, и тот не замедлил подтвердить его опасения:

– Так что, мой мальчик, в порядке компенсации за сорванный отпуск, предлагаю

вам совершить путешествие на Восток. На землю предков.

– Но... я всё-таки аналитик, а не оперативник, – неуверенно возразил Власов. – К тому же вы знаете мою специализацию В Варшаву или Прагу я поехал бы хоть сейчас. В Софию – тоже. Но Москву я знаю только по документам. Как и Россию в целом.

– Да. Но по документам вы знаете её лучше, чем те ослы, которые там живут годами. Не будем скромничать. На сегодняшний момент вы – мой лучший специалист по этому вопросу. К тому же вы засиделись за бумажной работой, мой мальчик. Пора бы вам немного размяться. Для того, чтобы понять, что происходит, мне нужен как раз аналитик. И нужен именно на месте. Оперативники будут в вашем подчинении. Знаете, я вам даже завидую: постоите на проспекте своего имени.

– Моего отца, – холодно уточнил Фридрих, не расположенный к шуткам на эту тему.

– Да, но все-таки... В честь Мюллеров назван разве что Большой Мюллеровский Словарь, да и к тому моя семья не имеет никакого отношения... Ладно, это все лирика. Полагаю, вам интересно, что думаю об этом деле я?

Власов чуть подался вперёд. Обычно шеф избегал раньше времени излагать свои гипотезы, чтобы не оказывать давления на подчиненных. Но, как видно, на сей раз у него имелись достаточно важные соображения.

– Мы до сих пор исходили из стандартной схемы соотношения сил, – начал Мюллер. – То есть уделяли основное внимание подполью. Бородатым боевикам в сапогах и с автоматами: ubei nemtza и всё такое прочее. Легалов же и сочувствующих мы рассматривали главным образом как безобидных болтунов, способных в худшем случае устроить пикет возле посольства. У нас теперь хватает собственных либеральных демагогов, чтобы заниматься еще и русскими, не так ли?

Власов кивнул.

– Есть, конечно, среди них и люди посерьезнее, – продолжал разглагольствовать Мюллер, – такие часто служат политическим прикрытием экстремистским группировкам – от коммунистов до визенталевцев. Но, если уж на то пошло, такие обычно работают больше на себя, чем на своих клиентов. У нас есть сведения, что несколько этих ловкачей умудрились получить от того же ЦСВ очень приличные суммы. Вот только пошли эти деньги не на борьбу с Райхом, а на приобретение недвижимости во Франции... Бедные злые юде были очень недовольны, – Мюллер ехидно осклабился.

– Не такие уж они и бедные, – заметил Власов. – Сколько миллиардов осталось у Симона?

– Не будем считать деньги в чужом кармане, мой мальчик, тем более в кармане юде: это грязное место. Возблагодарим судьбу, что хотя бы о них мы можем не думать. По крайней мере, сейчас... Итак, русские легалы – это просто бульон, на котором растет разнообразная плесень. И свою задачу мы всегда видели в том, чтобы эту плесень регулярно соскребать... но никогда не занимались самим бульоном. Между тем, он может оказаться интересен сам по себе. Что вы на это скажете?

Фридрих пожал плечами.

– Полагаю, ничего интересного там нет. Легальная оппозиция, за которой не стоит личный интерес обывателя, не имеет шансов. А русский обыватель заинтересован в дойчах и знает это. Он, конечно, недоволен sassil'em, и может повозмущаться на эту тему... за кружкой байришского пива. Но при этом сам он никогда не пойдёт служить в полицию, и своему сыну не посоветует туда идти: на это есть дойчи. И едва ли наймёт на

работу бухгалтера с русской фамилией. Если он от кого и хотел бы избавиться, так это от юде.

– Как вы думаете, почему? Из-за воспоминаний о большевизме? – неожиданно поинтересовался шеф.

– Ну, – Власов чуть призадумался, – Петербургский процесс проходят в средней школе, и русские знают, что отнюдь не все большевики были юде... Нет, дело не в большевизме. Историческое чувство русских не простирается столь далеко в прошлое. Всё банальнее. Считается, что юде хитры, корыстны, мутят воду, и к тому же любят выдавать себя за дойчей, чтобы получше устроиться. А ещё они составляют половину российского журналистского корпуса. Левую половину, разумеется. Так что все публичные разговоры про российские национальные интересы ведут в основном они. Русских это раздражает.

– Понимаю. Двуглавых орлов никто не любит, – вздохнул шеф. – И, конечно, пользоваться сходством фамилий – это нечестно с их стороны. Но не пользоваться им было бы очень глупо... В такой ситуации лучше уж слыть двуглавым, чем быть безголовым... Хорошо, я понял вашу точку зрения. Я представлял себе дело примерно так же. До сегодняшнего утра.

– А что изменилось? Вебер убит. Допустим, его убили русские. Тогда, очевидно, это сделали нелегалы. При чём тут все эти разговоры о плесени и бульоне?

– При том, мой мальчик, что заказчиком убийства мог быть кто-то из руководства одной из оппозиционных российских организаций. Легальных.

– Но какой здесь возможен мотив? Даже оставляя в стороне их трескотню об исключительно законных методах, мы, как вы только что отметили, не слишком мешали им жить. И в их же интересах, чтобы так было и дальше... Или вы знаете что-то ещё?

Мюллер замолчал. Посмотрел зачем-то на Чёрный портрет. Власов невольно скосил глаза туда же. Райхспрезидент Вальтер Шук – в скафандре без шлема на фоне звёздного неба -улыбался широко и открыто, как и положено улыбаться честному дойчу

– В том-то и дело, что видимый мотив не просматривается, – наконец, заговорил шеф. – Мы вынуждены вступить в игру, не зная правил и не видя других игроков. И должны быть готовы к дальнейшим неожиданностям.

Власов ненадолго задумался, систематизируя услышанное.

– Итак, – резюмировал он. – Во-первых, вы говорите об убийстве, и говорите уверенно. В таком случае, я буду исходить в своих действиях из того, что этот факт установлен. Хотя, разумеется, я проверю и все остальные версии, это мой долг... Во-вторых, вы не стали бы выдвигать гипотезу просто по принципу плохого детектива – "у кого самое прочное алиби, тот и преступник". В то же время, вы не называете ни источник информации, ни конкретных подозреваемых. Значит, вы сомневаетесь в вашем источнике и хотите, чтобы я пришел к тем же выводам независимо – если, конечно, они верны. В-третьих, наше непосредственное начальство к нам сейчас не слишком благосклонно, и лучше всего не ставить его в известность, пока у нас не будет результата. А это значит, в свою очередь, что дело нужно раскрыть как можно скорее. Я ничего не упустил?

Мюллер кивнул.

– Всё правильно. Но дело обстоит ещё сложнее. Вам придётся взаимодействовать с русскими спецслужбами. Я думаю, что им можно доверять... в известных пределах. Для них вы должны твёрдо придерживаться той версии, что нас интересует подполье и только подполье. Осторожнее с Лемке. Скользкий тип, хотя неплохой оперативник. Чрезмерно

озабочен юдским вопросом. И недолюбливает русских: на войне у него погиб отец...

– Я буду по возможности щадить чувства господина Лемке, – холодно произнес Фридрих. – В частности, не напоминать ему о том, что русские тоже погибали на этой войне, причём с обеих сторон...

Мюллер удовлетворенно шевельнул уголком рта.

– Я хорошо знаю своих сотрудников, Фридрих. Уверен, вы приложите все усилия, чтобы отнестись к Лемке объективно, не примешивая к этому личную неприязнь. Имейте только в виду – вами лично он восхищается. Он специально просил меня о возможности поработать с Власовым.

– Значит, вы удовлетворили его просьбу? – с иронией спросил Фридрих, отходя от окна.

– Не так. Я воспользовался возможностью послать в Москву единственного агента, который, как мне кажется, способен что-то понять в этой истории... Если я прав, то пирамида перевернулась. Сейчас именно легальная оппозиция стала заказчиком, а нелегалы перешли на положение обслуги. Но если и так – на русских легалах ниточка вряд ли заканчивается. За этим что-то кроется. Что-то или кто-то... Ладно, не буду вас больше смущать. Идите. Документы, деньги и инструкции получите в стандартном порядке. Полетите рейсом "Люфтханзы", легенда обычная – сотрудник совместного предприятия, поиск деловых партнеров... И не забудьте: даже если вы найдёте убийцу, не торопитесь с окончательными выводами. Мы не знаем, кто здесь игроки, а кто фишки.

Kapitel 3. Тот же день, ближе к вечеру. Берлин, международный аэропорт Шёнефельд – борт "Люфтханза LH3723".

– Проше пана, – улыбнулась полными губами полячка-остарбайтерша в синей униформе, подавая Фридриху выездной лист. – Иди к пятому окошку, там пусто, – тихо шепнула она ему по-русски, возвращая паспорт.

Фридрих поморщился: он вообще не любил фамильярности, и особенно этого славянского братания, в последнее десятилетие ставшего распространённым. Он отказывался понимать, почему его фамилия вызывает дружелюбные улыбки у магазинных барышень, гостиничной прислуги, носильщиков и чистильщиков сапог. Ему становилось неловко, когда щекастая украинка-ладенфройляйн из варшавской колбасной лавки норовила подложить "пану Власову" лишний виток кровяной колбасы, или когда в Праге в ресторане "У калеха" хозяин лично подносил ему гуся с кнедликами, игнорируя других посетителей, которые пришли раньше. Однажды в каком-то дешёвом баре, куда его занесло по служебной надобности, он с удовольствием разбил физиономию пьяному сербу, который пытался в его присутствии сказать какую-то гадость о "nemtzah".

Тем не менее, Власов хорошо знал первую заповедь своей профессии – "лишних преимуществ не бывает, используй любое преимущество, которое у тебя есть" – и имел немало поводов убедиться в её справедливости. Сейчас он торопился, и поэтому сделал то, чего ему не хотелось: любезно улыбнулся в ответ, быстро заполнил лист прямо на стойке и поспешил к пятому окошку.

Как он и опасался, полячка предложила нечто сомнительное: в пятом окошке обслуживали инвалидов разряда G. Когда Фридрих подошёл к окошку, от него как раз отъезжал старик в блестящей инвалидной коляске, с железным крестом на шее. Власов

повернул было назад, но девушка в окошке энергично кивнула, приглашая его сдать документы. Как и следовало ожидать, она тоже была полячкой. Интересно, подумал Фридрих, звонила ли ей та девица с паспортного контроля? Решил, что всё-таки нет. Невидимая постороннему глазу сеть отношений, которая опутывает любое крупное предприятие, будь то аэропорт, вокзал, или универсальный магазин, обычно работает тихо и бесшумно, но очень эффективно.

Таможенный контроль он тоже прошёл быстро – правда, тут сыграло роль почти полное отсутствие багажа. В его чемоданчике лежали только гигиенические принадлежности, перемена белья, разношенные домашние туфли из берлинской квартиры, пара книжек в мягких обложках, да ещё пакет с одноразовыми пластиковыми перчатками и фильтр для воды. Интереса проверяющих эти вещи не вызвали. Единственным предметом, хоть как-то заинтересовавшим местных орднунгсхютеров, был его нотицблок – да и то, скорее, из-за понятного пиетета к дорогой модной игрушке. Через десять минут он покинул здание аэропорта, а ещё через десять уже стоял в автобусе, везущем его к самолёту.

Беспородная тупорылая туша гражданского лайнера вызвала во Власове новый приступ раздражения. Он вообще недолюбливал лайнеры и линейных пилотов, полагая, что бодрым голосом приветствовать пассажиров и скучать весь полет возле автопилота можно и за куда меньшие деньги – но особенно ненавидел американские "Боинги". Он не мог понять, по какой причине величайшей авиационной державе мира приходится закупать подобное барахло, к тому же у стратегического противника. Газетные отмазки относительно дороговизны отечественных машин и прочие "рыночные соображения" его не устраивала: по роду занятий он слишком хорошо знал, что всякие рыночные соображения кончаются у порога крупных корпораций, связанных с правительственными заказами. Экспансия "Боингов" ему категорически не нравилась. Дойчи слишком быстро забыли времена, когда старшие братья этих "Боингов", "летающие крепости" и "либерэйторы", стирали ковровыми бомбардировками города Фатерлянда. И если бы не своевременная победа на восточном фронте и не бурное развитие реактивной авиации Райха, которой скунсам тогда нечего было противопоставить... Пару раз он говорил об этом с Мюллером, и неизменно слышал в ответ про какие-то "большие интересы". Когда же Фридрих позволил себе заметить, что само это словечко – "интересы" – более соответствует семитскому, нежели германскому, стилю мышления, Мюллер устроил ему разнос. Из чего Власов заключил, что шеф всё прекрасно видит и понимает, но сделать ничего не может.

На борт он поднялся со скверными предчувствиями, которые его не обманули. Несмотря на то, что народу в салоне было не так уж много, а его собственное сдвоенное место было выкуплено заранее (любопытный сосед, заглядывающий через плечо, был ему совершенно не нужен), ему не повезло с попутчиками: сразу за его сиденьем расположилась молодая фрау с ребёнком, малолетним дитём неопределённого пола, одетым в синие американские штанишки и расстегнутую оранжевую курточку, из-под которой выглядывала зеленая маечка с какой-то надписью на английском языке. Увы, ребёнок даже и не пытался вести себя прилично. Сначала он громко потребовал молочного шоколада, получил его, и немедленно перемазал им свою физиономию, платье матери и всё вокруг. Через минуту он заканючил, что ему вот прямо сейчас надо пи-пи. Мамаша засюсюкала что-то неубедительное по поводу того, что "ты сделаешь пи-пи, когда самолётик взлетит". Дитё тут же устроило истерику со слезами. Потом, как следует

обрыдавшись и обсопливевшись, оно нашло себе новое занятие: колотить своими крепкими ботиночками в кресло перед собой – которое Власов как раз занимал.

Он терпел минуты три, рассчитывая, что гадёныш или уймётся сам, или мать, наконец, употребит родительскую власть. Осознав, что ни того, ни другого никто делать не собирается, Фридрих вздохнул и нажал кнопку вызова бортпроводницы.

Через минуту появилась молоденькая симпатичная фройляйн – почти без следов румян и помады на лице, с вышитым именем "Фрида" на белом шёлковом блузончике – и почтительно осведомилась, что угодно уважаемому пассажиру.

– Я требую, – нарочито громко заявил Власов, – чтобы вы либо прекратили вот это (он показал на буянящего ребёнка, который тем временем вошёл в раж, и лупил ножками по пластику кресла с удвоенной силой), – либо удалили этих пассажиров с занимаемых ими мест. Здесь невозможно находиться.

– Это наши места, и мы никуда не уйдём, – тут же возвысила голос молодая мамаша. Голос у нее оказался неожиданно высоким, визгливым, без того бархата, который, по мнению классика, должен отличать голос настоящей дойчской фрау. – Уберите руки от моего ребёнка, немедленно! – взвизгнула она, когда девушка попыталась удержать рукой молотящие ножки.

Донельзя довольный ребёнок тут же развернулся и харкнул прямо в белый блузончик.

Опешившая девушка машинально сделала шаг назад. На красивой форменной одежде висела слюна с бурым потёком хорошо разжёванной шоколадки.

– Не смейте ограничивать свободу моего сына! – на всякий случай прошипела мама.

Ребёнок скорчил рожицу и высунул длинный, грязный от шоколада, язык.

Фридрих спокойно встал, взял с багажной полки чемоданчик, достал пакет с одноразовыми перчатками. Натянул одну на правую руку. Отодвинул в сторону плачущую бортпроводницу, и хлестнул ребёнка ладонью по щеке.

Маленькая головёнка мотнулась в сторону, глазки мгновенно высохли.

Теперь стало понятно, что это всё-таки мальчик.

В наступившей тишине Власов громко и отчётливо сказал:

– Если здесь никто больше не способен привести к порядку расшалившегося мальчишку, это сделаю я. Если он ещё раз позволит себе вести себя так, как не подобает воспитанному дойчу, я ударю его ещё раз. Если у его матери будут претензии ко мне, она сможет их предъявить по завершению полёта. Пусть разбирается суд по гражданским делам... Хотя я предпочёл бы иметь дело с вашим мужем. У вас есть муж? Он дойч?

Молодая фрау, присмиревшая и напуганная, покосилась на Власова и поспешно закивала головой.

– В таком случае, я обязательно объясню вашему мужу, что отпускать вас с ребёнком одну, да ещё и в Москву – безрассудный поступок, – с удовольствием заключил Фридрих. – Вы не способны контролировать ни себя, ни вверенное вашему попечению дитя.

Дитя откинулось в кресле, изображая страдание; полы курточки разошлись – и Власов наконец прочёл английскую надпись на маечке: "MAKE LOVE NOT WAR".

Тем временем бортпроводница успела убежать, а когда она вернулась – уже переодетая в новое – рядом с ней стояла женщина в голубой форме воздушной полиции.

Молодая фрау почувствовала себя увереннее, и решилась нанести удар первой.

– Этот господин ударил моего ребёнка... – начала она, но женщина в форме её перебила:

– Согласно имперскому Гражданскому уложению, вы, как сопровождающее лицо, отвечаете за поведение недееспособных, оставленных на ваше попечение, как-то: детей до пятнадцати лет, домашних животных, умственно и психически неполноценных, и так далее. Сопровождаемый вами ребёнок вёл себя непристойно, а также нанёс ущерб имуществу и личному достоинству вот этой фройляйн. Мы намерены возбудить гражданское дело. Приятного путешествия.

– Я готов немедленно дать показания на предмет приложения к делу, – тут же сказал Фридрих. – Здесь мои данные, – он протянул свою официальную визитную карточку с чёрным имперским орлом.

Молодая фрау уже поняла, что ситуация складывается не в её пользу.

– Я не хочу никакого дела. Может быть, я могла бы компенсировать ущерб... – робко начала она.

Полицейская критически посмотрела на неё, потом решила сжалиться.

– У вас есть время до конца полёта. Если сумеете договориться с пострадавшими о компенсации ущерба... и если больше никаких жалоб не последует... то, возможно...

– Да, да, – женщина закивала головой. – Я... я приношу свои извинения, – она подняла глаза на бортпроводницу, – за безобразное поведение моего сына... и за своё безобразное поведение. Пожалуйста, простите нас, – было видно, что она готова заплакать.

Бортпроводница тяжело вздохнула.

– У меня нет юридических претензий к этой госпоже, – наконец сказала она, – но постарайтесь всё-таки немножко больше следить за своим сыном!

Власов тем временем сорвал с себя перчатку, испачканную шоколадом, и аккуратно опустил её в коробку для мусора сбоку от сиденья.

– Я очень надеюсь, – всё также твёрдо сказал он, – что меня больше не побеспокоят.

Женщина и ребёнок притихли.

Через десять минут самолёт, наконец, взлетел. Было как-то странно ощущать всем телом набор высоты, сидя в пассажирском кресле. Тем не менее, когда самолёт пробил слой облаков и пассажиры стали расстёгивать ремни и подзывать бортпроводниц, развозящих ужин и аперитивы, Фридрих почувствовал себя относительно комфортно. Он открыл нотицблок (в Управлении ему вручили новенькую казённую "Тосибу"), подключил его к кресельному разъёму через блок питания, и закрыл глаза – чтобы не видеть заставку операционной системы "Ди Фенстер".

Он терпеть не мог эту графическую оболочку – рассчитанную на интеллект ниже среднего, яркую, аляповатую, громоздкую и ненадежную, как все американское. Дойчефицированная версия, пусть и свободная от некоторых раздражающих моментов типа звездно-полосатого фона, все равно не могла скрыть своего гнилого американского нутра. Единственное, на что годилась эта система – так это на то, чтобы лишний раз продемонстрировать правоту национал-социалистического учения об обусловленности технологии национальным менталитетом. Только скунсам с их наплевательским отношением к легко дающимся им ресурсам и любовью к броским дешевым эффектам могло прийти в голову создать нечто подобное – и, что хуже всего, "окна" стремительно становились мировым стандартом, в то время как дойчское программирование всё больше

отставало, проигрывало в мировой гонке за потребителя. Пресловутая добросовестность неожиданно оказалась мешающим фактором: гениальные дойчские кодемайстеры были просто не способны предлагать покупателям сырые, недоделанные программы – в то время как американцы преспокойно заполоняли рынок дерьмом в красивых коробках.

"Тосибы" Фридрих еще мог понять. Отношения Райха с Японией, конечно, складывались скверно. Страна самураев после оккупации так и осталась в орбите США, словно героиня бульварного романа, сперва изнасилованная захватчиком, а потом воспылавшая к нему бурной страстью. При этом гордые жители Страны восходящего солнца удивительно быстро простили Америке Хиросиму и Нагасаки – и в то же время до сих пор продолжают попрекать Райх тем, что он "бросил их на произвол судьбы", подписав Женевский мир. Что делать – ситуация на западном фронте тогда сложилась патовая, а с появившейся у янки атомной бомбой приходилось считаться. Японцам следовало тогда проявить больше гибкости... Но, так или иначе, Япония действительно выбилась в лидеры по части микроэлектроники – нотицблоки того же класса, выпускавшиеся в Райхе, были на полтора килограмма тяжелее и потребляли больше энергии. Однако кто закупил для Управления партию "Тосиб" именно с предустановленными "Ди Фенстер"? Похоже, ситуация с "Боингами" повторялась: даже в цитадель безопасности Райха проник дух "интересов".

Наконец, "окна" загрузились, и даже вроде бы без особых приключений. Власов ввел пароль и, тихо чертыхаясь, начал возить пальцем по упругой красной подушечке посреди белой клавиатуры, пытаясь направить экранную стрелку в нужную сторону. Некстати вспомнилась недавняя гаденькая статейка в бульварном "Шпигеле", каким-то образом пропущенная цензурой: там японская подушечка сравнивалась с клитором (хотя сами японцы, видимо, вдохновлялись своим восходящим солнцем), а популярный в Райхе световой карандаш – с мужским членом. Вся эта фройдистская пакость использовалась для косвенной рекламы новомодного американского устройства под названием "мышь". Фридрих показал статейку одному своему знакомому из политуправления, и тот потом долго рассказывал ему об американском культе мышей, и о том, что мышь символизирует американского юде – юркого, пронырливого и жуликоватого. Не разделяя свойственной идеологическим работникам юдофобской подозрительности, Фридрих всё же был вынужден согласиться с тем, что доля правды в этом есть – случайно посмотрев в кинотеатре предварявший сеанс американский цайхенфильм о мышонке Томе, который на протяжении всей ленты безнаказанно и изощренно издевался над котом Джерри. Этот прокол был уже посерьезнее статейки в "Шпигеле": во время войны "джерри" было американским прозвищем дойчских солдат и дойчей вообще. Тем не менее, политуправление прохлопало и это, и дойчские детишки в зале весело хохотали, глядя на выходки наглого мыша.

При всём том американцы, со злостью вспомнил Власов, обожают к месту и не к месту поминать пресловутый "Зелёный дом" в качестве примера промывания детских мозгов. Сам Фридрих в детстве очень любил эту передачу и с нетерпением ждал девяти часов, чтобы посмотреть очередную серию. Впоследствии, уже совсем не в нежном возрасте, ему понадобилось для служебных надобностей пересмотреть пару выпусков. Он был поражён, насколько же невинной оказалась программа. Во всяком случае, кукольный дойчский зайчик, боровшийся с американским скунсом-вонючкой и его прихвостнями, даже ни разу никого не ударил – в то время как американский мышонок только что не крутил из кота колбасу... И, конечно, Хельсинские соглашения на этот счёт красноречиво

молчали.

Наконец, удалось вызвать нужную программу и переключиться в привычный "Норденкоммандёр". Два синих экранчика подействовали успокаивающе. Пальцы забегали по клавишам, и Фридрих довольно быстро нашёл раздел "Nachlass". Там лежало всё оставшееся от покойного Рудольфа Вебера, включая отчёты, служебные записки, копии счетов, и прочее в том же роде.

Weber значит "ткач". Что же за сеть ты соткал, Руди, и кто попался в нее – настолько зубастый, что охотник и дичь поменялись местами?

Власов прекрасно понимал, что разбираться во всем этом придётся ещё долго. Для начала он, однако, попытался представить себе общую картину.

Он быстро нашел то, что искал – общую базу данных по политическим силам и общественным организациям Райхсраума. Разумеется, там не было ничего уникального – большинство этих сведений легко можно было почерпнуть в открытой печати, и все это Власов знал, но всегда полезно освежить в уме базовую информацию. К тому же Вебер мог вносить в стандартные записи свои изменения. В последний раз он выходил на цифровую связь за два дня до гибели и мог скинуть на берех Управления очередные обновления. Текучка, конечно, ничего сенсационного – о сенсационном он бы доложил особо. Может быть, просто не успел... Интересно, нашли ли в Москве его личный рехнер? С одной стороны, исчезновение машины, равно как и начисто стертый плат, сказали бы о многом, и те, кто убрал Вебера, не могли этого не понимать. Тогда уж и комедия с наркотиками была ни к чему. С другой – даже если бы они располагали временем на поиск и удаление опасных для них данных, без знания личных кодов и паролей Вебера им бы не удалось это сделать. Кстати, наркотик... надо будет узнать о нем поподробнее. Не является ли побочным эффектом его приема чрезмерная разговорчивость?

Ладно, это после прилета. А сейчас – база данных по возможным участникам игры.

Итак, для начала – Райх. Список организаций занимал много экранов, но оппозиционных, легальных и достаточно крупных было, по существу, всего две. Это, разумеется, Социал-Либеральный Союз (около ста тридцати тысяч членов, штаб-квартира в Праге) и их антиподы из Хитлеровского Национал-Патриотического Фронта (восемьсот тридцать четыре тысячи, штаб-квартира в Мюнхене). "Верные хитлеровцы" все еще многочисленны, но всерьез их, кроме все того же СЛС, давно никто не воспринимает. А ведь в свое время были по-настоящему опасны, особенно в период Обновления, когда недовольное бурчание на местах оформилось в мощное организованное движение с массовым выходом из "разложившейся" и "захваченной предателями" НСДАП и даже попыткой создания собственных штурмовых отрядов... Теперь же средний возраст НПФ-овцев – 63 года, и ясно, что, несмотря на жиденькие ручейки коротко стриженной молодежи, после ухода военного поколения будущего у движения нет. Конечно, связи и сочувствующие в спецслужбах у них все еще имеются, но способны ли они организовать убийство агента РСХА в Москве, и главное – зачем? Прочие всеимперские политические объединения тем более не вписывались даже в самый фантастический сценарий. Политическими они были, по существу, лишь номинально. Не Партию же Любителей Пива (42380 членов, штаб-квартира в Мюнхене) подозревать, в самом деле...

Далее шел длинный хвост всевозможных добровольных обществ, спортивных организаций и клубов по интересам. Их в Райхе всегда было много, даже при Хитлере. Правда, тогда почти все эти общества имели явную или подразумеваемую приставку "национал-социалистическое". Потом от этого ушли, осознав, что навязчивая пропаганда

эффективна на коротком этапе, но проигрышна в длительной перспективе. Если обывателя регулярно гонять на митинги и оставлять на политинформации после рабочего дня, у него вырабатывается стойкий иммунитет к официозу и начинается реакция отторжения на все, что исходит от властей, будь оно хоть десять раз верно и справедливо. Маленькому человеку приятно какое-то время поучаствовать в большой политике, побыть частью силы, с которой считается весь мир, но он быстро устает от этой несвойственной ему роли. Маленькому человеку надо предоставить возможность жить его маленькими интересами, отгородившись от политики партии рамками Добровольной ассоциации любителей лыжного туризма (численность – 81240 членов, штаб-квартира в Гродно) или Союза жен и матерей за трезвость и благонравие (численность – 771120, штаб-квартира в Кёнигсберге). Или просто рамками дома и семьи. Это и будет самой мудрой политикой партии. Собственно, Обновление во многом было простым осознанием этой истины. А дела власти говорят лучше любых пламенных слов. Социальная стабильность, экономическое процветание, практически уничтоженная преступность...

Есть, конечно, те, кого все это не устраивает. Но это единицы, маргиналы. Вот они, список нелегальных организаций Райха – от маоистской Всемирной Красной Армии до параноиков из "Ахтунг, юден!", от которых вынуждены отмежёвываться даже хитлеровцы из НПФ, желающие сохранить свой легальный статус. Уже почти полвека как был окончательно решен пресловутый юдский вопрос, а этим все неймется... Плюс, разумеется, сепаратисты на восточных территориях. Правда, целый ворох региональных "движений сопротивления" и "партизанских фронтов" грозен лишь списком названий. Реально террористов в основном повыбили к середине семидесятых, численность тех, что остались – от нескольких десятков до нескольких сотен человек, да и те по большей части либо сбежали за границу, либо сидят тихо и боятся высунуться. На крупные акции они уже давно не отваживались. И не отважатся, если не хотят разделить судьбу визенталевцев. А этого они, очевидно, не хотят... Разведанные штаб-квартиры и опорные точки тоже в основном за рубежом. Кстати, включая Россию – что, в принципе, может оказаться ниточкой к делу Вебера...

Зато в последние годы вновь подняли голову национальные движения, делающие ставку на "мирный гражданский путь". В прошлом году они, казалось бы, достигли апофеоза, когда сначала ландтаг Западной Украины, а следом за ним – польский и беларусский, приняли "декларации о суверенитете", провозглашавшие выход их земель из состава Райха. В ответ на это Райхспрезидент своим указом распустил мятежные парламенты и ввел прямое правление. Целую неделю местные крикуны строили баррикады и ходили с флагами и песнями вокруг зданий распущенных ландтагов, ожидая штурма. Но штурма не было. Просто как-то так вышло, что, пока вчерашние школьники и пенсионеры драли горло на митингах, все, кто реально имел значение – от чиновников среднего звена и местной полиции до деловых людей, моментально осознавших, чем чревата полная заморозка счетов и экономическая блокада – выполняли не указы свежепереименовавшейся "рады" или "сейма", а распоряжения присланного из Берлина гауляйтера. Последние свои указы мятежные парламентарии принимали при свечах – муниципальные службы отключили им свет, воду и отопление. Затем очень кстати пришедший с севера холодный фронт обрушил на Восточную Европу морозы – борцы за независимость были столь нетерпеливы, что провозгласили свои декларации в январе – и уличные крикуны разбрелись по домам лечить горло. Следом пришлось разойтись и тем, кого они всю неделю клялись защищать до последнего. Кажется, двух или трех все же

арестовали, но и то вскоре выпустили; прочих и вовсе не тронули. Один из уроков Обновления гласил, что из врага лучше сделать посмешище, чем мученика. Действительно, не было, кажется, в Райхе в те дни эстрадного юмориста (особенно старалась программа "Аншлаг! Аншлаг!"), который не прошелся бы по страданиям несчастных сидельцев, отлученных от благ канализации. И хотя уровень этих шуток порой заставлял Фридриха брезгливо морщиться, он не мог не признать, что свою пропагандистскую роль они сыграли... Всё, что осталось от бунта – несколько польских штелок в REINe, посвящённых "январским событиям". Впрочем, владельцы этих "информационных ресурсов" были всё же вынуждены воздерживаться от явной лжи, антигерманских выпадов или оскорбительной символики: несколько разорительных судебных процессов изрядно охладили польский гонор. Власов с удовольствием вспомнил о том, что Управлению даже не пришлось вмешиваться в это дело: все процессы инициировали частные лица, в основном дойчи, случайно зашедшие в польский REIN-сектор...

Впрочем, подумал Власов, в тот раз все могло кончиться и не так смешно. Если бы у них хватило ума дождаться лета... а главное – если бы на их сторону встала Россия. К чему, между прочим, кое-кто из русских – и не только из числа либералов – активно призывал. Не обязательно даже политическое признание сепаратистов – хотя бы отказ поддержать экономическую блокаду... К счастью, российское правительство все же не захотело – или не решилось? – пойти на подобное. Но что будет завтра?

Итак, Россия, она же Российская Республика. Формально – верный политический союзник и один из главнейших экономических партнеров Райха. Фактически всё сложнее: между союзниками всегда бегали чёрные кошки, а сейчас их собралась целая стая. До настоящего конфликта дело пока не дошло, но, если быть реалистами, главное слово тут – "пока". А потому не следует и ограничивать свой интерес только оппозиционными организациями...

Власов скользил по диагонали по тексту, освежая в уме основные факты.

Политическая система России практически скопирована с имперской – с небольшой поправкой на стилистику парламентской республики, которую русские почему-то предпочли президентской. У власти уже 46 лет находится Партия Национального Возрождения; ее Первый секретарь сочетает посты Верховного Правителя и премьер-министра. Обычно он именуемый просто "Первым" или "Верховным". В настоящий момент пост Верховного занимает Сергей Альфредович Мосюк, маленький седой человечек с повадками добродушного хомяка. Этот безобидно выглядящий дедушка уже пятнадцать лет рулит Россией – победив, переиграв или просто пережив всех своих политических противников и конкурентов. В политических кругах имеет прозвище "Дядюшка Лис" и репутацию осторожного, расчётливого, беспринципного политикана. За последние годы он, правда, сильно сдал: сказывается возраст. Однако до конца его правления ещё далеко. Во всяком случае, о преемнике пока разговоров не идёт...

Существует также декоративный пост Президента РР, традиционно занимаемый каким-нибудь безобидным деятелем культуры без политических амбиций. В настоящее время Президентом является некий Никита Михалков, пришедший на эту должность не то из кино, не то из театра. Впрочем, это уже детали.

В последние годы реальная власть в стране сконцентрирована не столько в руках Первого, сколько у партийной верхушки, с одной стороны, и у Консультативного Совета, с другой. Сейчас Консультативный Совет резко усилил свои позиции, и готовится к

переименованию в Государственную Думу, и соответствующему расширению круга полномочий. Первый вроде бы поддерживает Совет – впрочем, что там у него на уме на самом деле, никто толком не знает.

Подавляющее большинство мест в Совете, разумеется, занимают депутаты от ПНВ. Также представлены ее сателлиты из Российского Молодежного Союза и Женского Патриотического Движения. Плюс независимые, но по сути лояльные партии, выражающие интересы фермеров и городских предпринимателей.

В настоящий момент ПНВ практически едина – внутренняя борьба за власть, конечно, идет, куда же без этого, но сколько-нибудь значительной, идеологически оформленной внутрипартийной оппозиции, способной грозить расколом, как это было в пятидесятые или в семидесятые годы, нет. Платой за это является довольно-таки двусмысленный внутри– и внешнеполитический курс, а также постоянные колебания в сфере идеологии. Недавно Мосюк – вряд ли по своей инициативе – сделал очередной сомнительный жест, вернув партбилеты бывшим "русским обновленцам", членам так называемого "конструктивного крыла" ПНВ, официально распущенного в середине шестидесятых. Насколько Власов помнил, берлинские газеты комментировали это решение в весьма раздражённом тоне... Впрочем, на фоне выходок польского ландтага это выглядело почти безобидно.

Что там ещё? Умеренную "официальную" оппозицию представляют кадеты (девять мест) и совсем крошечная фракция монархистов. Профсоюзное движение по-прежнему запрещено. И, кажется, в отличие от Райха, в России об этом никто не жалеет. Коммунисты за время своего четвертьвекового царствования успели полностью дискредитировать этот институт.

Так, а дальше интереснее. Вебер по-новому отсортировал базу данных. В отличие от традиционного для законопослушных дойчей деления оппозиции на легальную и нелегальную, он предпочел сгруппировать российских оппозиционеров по идеологическому признаку. Не это ли имел в виду Мюллер – который, конечно, ознакомился с платтендатами покойного агента раньше Власова?

Вебер выделил восемь групп, тут же, впрочем, оговорившись в примечании, что "как и по критерию отношения к закону, точная классификация невозможна, ибо одна и та же организация может примыкать к нескольким группам перманентно либо поочередно-периодически." Далее он отмечал, что "данные по численности организаций можно установить лишь очень приблизительно, ибо информация из разных источников может различаться более чем на порядок и, по всей видимости, даже их собственные руководители не располагают точными цифрами; практически невозможно отличить действительных членов, с одной стороны, от сочувствующих, а с другой – от "мертвых душ", приписанных ради поднятия собственной значимости. Вместе с тем, реальное влияние той или иной российской группировки часто совершенно не пропорционально ее численности." Власов с раздражением вспомнил тютчевскую фразу и продолжил чтение.

"1. Антигерманские сепаратисты. Выступают за максимальное дистанцирование России от Дойчлянда и выход из Райхсраума. Делятся на сторонников сближения с США и приверженцев т.н. "третьего", или "своего", пути. Последняя концепция не имеет четкого идеологического оформления и может означать любые варианты дистанцирования от обоих блоков вплоть до полной самоизоляции России. Несмотря на видимую несовместимость первого и второго подхода, их представители нередко сотрудничают и участвуют в совместных акциях и даже могут состоять в одной

организации. В последние годы представители этого направления все чаще пользуются неявной, а иногда и явной (см. интервью министра обороны Горемыкина корр-ту "Вошингтон пост") поддержкой правящей партии. Основные представители: Либерально-Демократический Альянс, Партия Независимости, Российское Движение Неприсоединения, Евразийский Союз, движение "Третий путь". Список продолжали две дюжины организаций помельче; по каждой прилагалась краткая справка.

"2. Реваншисты. Выступают за "восстановление России в прежних границах". Под "прежними" понимают, в порядке возрастания притязаний, границы СССР на 31.08.39, 21.06.41 или "границы 1913-го года". Также имеют сторонников в правящей партии, в основном в среднем и низовом звене. При этом ряд представителей этого направления симпатизируют Райху, видят в нем естественного союзника в борьбе против американского блока и ратуют за дальнейшее укрепление партнерства внутри Райхсраума при условии, что их территориальные притязания будут удовлетворены. Резко антигермански (но при этом и антиамерикански) в этой группе настроены Русский Национальный Фронт, движение "Славянское Единство" (претендующее также на Сербию и Болгарию), Союз Ветеранов Великой Отечественной Войны (не путать с проправительственным Союзом Ветеранов РОА и прогерманским Союзом Ветеранов Второй Мировой Войны, костяк которого составляют осевшие в России солдаты Райха). Прогерманские настроения сильнее всего выражены у "Единой России" и "Отечества". Движение "Белая гвардия" расколото по этому признаку примерно поровну."

Фридрих усмехнулся. "Территориальные притязания..." Принято считать, что по Смоленскому договору обе стороны, и Россия, и Райх, ничего не потеряли (ну, если не считать суомских земель, захваченных СССР в 1940 и теперь возвращенных законным владельцам с небольшими прибавками), а лишь поделили между собой Украину, Беларусь и Кавказ. Но ведь русские-то привыкли считать эти территории своими, причем целиком. И оккупированную перед самой войной Прибалтику, кстати, тоже. Конечно, о притязаниях на Прибалтику могут кричать только маргиналы из РНФ или "Третьего Рима"; никто из русских официальных лиц не осмелится заявить такое даже в речах для внутреннего употребления. Но вот крымский вопрос торчит занозой в пятке все послевоенные десятилетия. Недавно российский министр иностранных дел в очередной раз заявил "наша позиция остается неизменной – на момент оккупации (даже "оккупации", а не "занятия германскими войсками", как принято было говорить раньше!) Крым не входил в состав Украины и должен быть возвращен под российскую юрисдикцию". Тут же, впрочем, добавив, что этот вопрос "может решаться только путем переговоров с нашими берлинскими партнерами". Для Фридриха эта тема была особенно неприятной: среди русских патриотов ходила байка, столь же идиотская и столь же, однако, неистребимая, как и история про бежавшего в женском платье Керенского: будто генерал Власов подписывал Смоленские соглашения "спьяну", потому, дескать, и отдал не глядя "немцам" "исконно русские земли". Если уж говорить, чьи эти земли исконно, придется вспомнить татар, а то и греков... Фридрих велел себе не распаляться и перешел к следующему разделу.

"3. Коммунисты (сюда же входят и другие левые группировки). Характерные черты: ревизионизм (отрицание преступлений большевизма и решений Петербургского трибунала), крайняя ортодоксальность и негибкость, ориентация на вооруженные методы борьбы. Непримиримые враги как Райха, так и Атлантического блока. Прослеживаются связи с китайскими спецслужбами. Находятся вне закона, но их влияние сильно в таких

незапрещенных структурах, как Союз Ветеранов ВОВ, движения "За Родину!" и "Социальная справедливость". Боевые организации в настоящее время в основном разгромлены, но наблюдается тенденция к их возрождению под видом "военно-исторических" и "военно-спортивных" обществ. В последнее десятилетие наблюдается постепенный рост их рядов за счет молодежи, не знакомой с ужасами большевицкого режима. В целом, однако, влияние этой группы в обществе незначительно. Понимая это, пытаются блокироваться под "антифашистскими" лозунгами с патриотическими и даже либеральными движениями, но в основном безуспешно, в силу собственной одиозности." Далее шел длинный список коммунистических партий, возглавляемый тремя самыми крупными – ВКП(б), КПСС и РСДРП, каждая из которых в одиночку претендовала на сомнительное ленинско-сталинское наследство и костерила других "оппортунистами", "самозванцами" и "фашистскими прихвостнями".

"4. Либералы. Самая разрозненная группа, частично пересекающаяся с первой. Для нее характерно обилие "партий" и "движений" численностью менее 40 человек, однозначная ориентация на США (при том, что многие из них не против и союза с Райхом при условии "демократизации" последнего и вывода с российской территории дойчских военных баз), отсутствие самостоятельной идеологии и четких программ (доминируют лозунги "защиты прав и свобод" и стремление "сделать все, как в Америке"), агрессивное отрицание патриотизма (вплоть до призывов к расчленению России и вводу американских войск). В целом настроены против коммунистов, но при этом нередко считают необходимым защищать их от "гонений". Популярны лозунги легализации проституции и наркотиков, а также "защиты сексуальных меньшинств". Резко выступают против евгенических программ и смертной казни. Сюда же примыкают пацифисты, "зеленые" и ряд религиозных организаций, оппозиционных Русской Православной и Российской Протестантской церквям. Общей объединяющей структуры, подобной СЛС, не имеют. Террористические методы борьбы отвергают, но охотно нарушают закон в таких вопросах, как проведение несанкционированных митингов и распространение запрещенной (в т.ч. порнографической и сектантской) литературы. Прямые связи с атлантическими спецслужбами не доказаны, но организации этой группы активно поддерживаются "неправительственными" и "благотворительными" фондами США и Британии при полном попустительстве российских властей. Прослеживаются тенденции к налаживанию связей с СЛС. Популярность группы в последние годы неуклонно растет." Как и следовало из преамбулы, здесь список организаций был самым длинным, и среди них попадались такие, как "Православно-демократическое братство" (сопредседатели Г. Якунин и С. Бабурин) или "Лига сексуальных реформ" Е. Дебрянской. Впрочем, название "Московская марсельская группа" звучало не менее забавно для всякого, кто знал, что Марсель – не только место подписания Хартии по правам человека, но и столица французской гомосексуальной жизни. Однако, подумал Власов, смеяться можно сколько угодно, но сами-то эти люди принимают себя всерьез. И хуже всего, что в этом они не одиноки. Причем не только в России.

"5. Русские культур-националисты. Частично пересекаются со всеми вышеперечисленными группами, но в основном не возражают против политического и экономического союза с Райхом, борясь лишь с "немецкой культурной экспансией" и "германизацией страны". Яростные противники Осткультуркампфа, принципиально употребляют слово "немец" и производные, а также искаженные имена и названия, утверждая, что "никого не хотят оскорбить, а лишь говорят на родном языке". Выступают

за введение "культурных квот", ограничивающих на территории России показ германских фильмов и т.п. К США относятся в основном нейтрально или враждебно. Как правило, подчеркнуто религиозны (православие). Значительную часть этой группы составляют литераторы нелиберальных направлений и др. гуманитарии. Что интересно, многие из этих "борцов за русскую культуру" – этнические юде. Оформленной организационной структуры не имеют, признанные лидеры – А.Солженицын, В.Распутин, В.Черномырдин."

"6. Ультрагерманисты. Узкий круг германизированных интеллигентов (подобно многим специалистам по России, Вебер писал странное русское существительное Intelligent без расшифровки) и укоренившихся в России дойчей, полагающих современный Дойчлянд "морально разложившимся" под бременем франко-атлантистского влияния и "почивания на лаврах победы". Ностальгически относятся к Российской империи, управлявшейся династией энтических дойчей – Романовых, и мечтают о возрождении "на просторах России" некоего "истинно-германского государства". Идейным ядром этой группы является санкт-петербургское общество "Ингерманландия", исходящее из того, что реализация их мечты "в масштабах Российской империи" в настоящее время невозможна, поэтому таковая должна быть реализована в масштабах "самого германского города России" Петербурга и прилегающих земель, которые должны ради этого получить полный государственный суверенитет. Духовным вождем этой группы является академик Д. Лихачев; петербургский салон его супруги Лени Рифеншталь является, по сути, штаб-квартирой движения. Несмотря на малочисленность и экзотичность, движение пользуется довольно заметным влиянием в среде российских интеллектуалов, особенно имеющих германские корни."

"7. Антирусские сепаратисты. Разнородные националистические движения проживающих в России нерусских народов, главным образом мусульманских. Сюда же примыкают столь непохожие и враждебные друг другу силы, как исламские радикалы, казацкие сепаратисты и преимущественно русские по крови сторонники создания Сибирской и Дальневосточной республик. Спектр – от умеренных интеллектуалов-теоретиков до фанатиков-террористов. К Райху и США относятся в основном настороженно-неприязненно, но своим главным врагом считают единое Российское государство и в борьбе с ним готовы принять помощь у любого, кто ее предоставит. Группировки мусульманской направленности щедро спонсируются "исламскими благотворительными фондами", базирующимися как в арабских, так и в атлантистских странах. Некоторые группировки имеют собственные боевые отряды (базируются в труднодоступной горной местности) и, по всей видимости, тесно связаны с арабскими террористическими организациями. Внутри страны пользуются частичной поддержкой первой, пятой и шестой групп (мотив: "пусть Россия избавится от враждебного ей балласта"), коммунистов ("все во благо, что подрывает существующий режим") и особенно либералов ("поддержка борцов за свободу и независимость")." Список членов этой группы тоже был весьма пестрым – от Всевеликого Войска Донского до Верховного Меджлиса Исламской Революции.

"8. Русские юде. В отличие от седьмой группы, не образуют собственных организационно оформленных структур, не выступают с сепаратистскими и вообще политическими лозунгами. Их метод – как можно более широкая инфильтрация существующих структур и непрямое влияние главным образом через экономические и "кулуарные" рычаги. В принципе, готовы сотрудничать с кем угодно, но к Райху и "всему германскому" испытывают "историческую неприязнь", что сближает их с первой и пятой

группами. В то же время часто выдают себя за дойчей, дабы использовать высокую деловую репутацию последних. Щедро спонсируются американскими юде и их организациями; в то же время в Израиле особым уважением не пользуются, по причине политической и деловой нечистоплотности многих представителей этой группы. Несмотря на малочисленность и крайнюю непопулярность в народе, имеют влияние в интеллектуальных и деловых кругах. "

Просматривая эти справки, Власов поймал себя на мысли, что привычно ставит галочки в уме напротив экстремистских организаций. Российские "легалы" всегда рассматривались Имперской безопасностью как неприятные, но безобидные болтуны. Все их акции сводились, по существу, к мелкому эпатажу – вроде демонстративного употребления в приличном обществе слов "немец" и "немецкий". К сожалению, результаты Осткультуркампфа никогда не оформлялись в виде законодательных актов, а словарь – не Кодекс о правонарушениях... Но в любом случае всё это было слишком мелко и неинтересно для такой серьезной организации, как РСХА, вынужденной, помимо собственных "борцов с немецкой оккупацией", одновременно противостоять и лучшим спецслужбам Атлантического блока, и миллиардному коммунистическому Китаю, чья разведка, благодаря массовой иммиграции недобитых в Сибири большевиков, тоже не испытывала недостатка в людях арийской внешности. Однако теперь Мюллер советовал обратить внимание на "легалов", и, прогоняя по экрану документы, Фридрих начал догадываться, почему. Уже хотя бы потому, что Вебер, судя по содержанию его архива, тоже, похоже, в последнее время сосредоточил свое внимание на них...

"Прослеживаются тенденции к налаживанию связей с СЛС. Популярность неуклонно растет", – снова мысленно повторил Фридрих. Неуклонно растет... Он задумался, потом снова загрузил справочную базу и перешел в первый раздел. Социал-Либеральный Союз, СЛС. У карикатуристов проправительственных газет Райха стало уже общим местом изображать первые две буквы аббревиатуры, S и L, наложенными друг на друга, так что получалось похоже на знак доллара. Намек, понятный последней домохозяйке – вот они, наймиты американской и мировой плутократии. Если бы все было так просто... Если бы финансирование СЛС из-за рубежа удалось доказать, Союз бы, разумеется, давно разогнали. Хотя всякому здравомыслящему человеку очевидно, что США все же находят способы поддержать социал-либералов. Подставные фирмы в третьих странах, фиктивные контракты... вариантов хватает. Но не это самое худшее. Страшны не наймиты, страшны идейные. Пусть их всего сто тридцать тысяч на двухсотмиллионный Райх, но им уже удалось добиться от властей согласия на референдум. Конечно, это не только их заслуга. Кто-то наверху просто посчитал СЛС разменной пешкой, а референдум – комбинацией, которая позволит эффектной "вилкой" обезоружить атлантистскую пропаганду и одновременно оголить королевский фланг в борьбе за лидерство в Партии... однако подобные комбинации нередко кончаются тем, что кувырком летит вся доска. Мюллер прав – за полвека благополучия слишком у многих мозги заплыли жиром. СЛС нельзя недооценивать. Когда всего четыре года назад это химерическое образование возникло практически ниоткуда, кто мог предположить, что спустя столь короткий срок оно впервые в истории Третьего Райха добьется общенационального референдума? Тем не менее – вот он, назначен на 12 мая. Осталось чуть больше двух месяцев...

СЛС. По сути – аморфное объединение сорока двух организаций... Фридрих проверил свою память, сверившись с базой данных. Там стояло 44. Власов взглянул на

дату обновления – нет, это не память подводит, это просто более свежие сведения. С этими демократами всегда так – у одних расколы, у других объединения, третьи создают разные партии с одинаковыми именами... Мелочный суетливый бардак, противный самому духу Германского Порядка. Тем не менее, именно за счет своей аморфности и отсутствия единой дисциплины СЛС, как пылесос, быстро всосал в себя чуть ли не всю сколь-нибудь заметную легальную и полулегальную оппозицию Райха – от кёльнских христианских демократов до остатков польской "Солидарности", от умеренно-националистической беларусской "Грамады" до перещеголявшего в любви к Америке самих американцев "Демократического Союза" Новодворской, которая, похоже, твердо вознамерилась стать беларусской Жанной Дарк и принять мученическую смерть за право каждого жить спокойной, сытой и размеренной жизнью... каковой, собственно, и живет среднестатистический гражданин Райха. К несчастью для неистовой Валерии, сжигать людей за их идеи в Райхе считалось неизящным...

Прагу для штаб-квартиры СЛС, конечно, тоже выбрал не просто так. Учредительный съезд-то был в Вене... Но Прага – это символ для всякого либерала. 64-й год, последнее крупное восстание на восточных территориях, подавленное танками Манштайна. Для старика это тоже была последняя боевая операция... Впрочем, назвать ее боевой сложно – чехи практически не сопротивлялись. Что и позволило свести число жертв к минимуму – но, как говорится, рубец остался. И рубец этот может загноиться. Прага не приняла участие в прошлогоднем "параде суверенитетов", но не потому, что не хотела, а потому, что запомнила урок. Чехи просто выжидали, чья возьмет...

Впрочем, напомнил себе Фридрих, сейчас надо думать не о прошлом, а о настоящем. Итак, допустим, СЛС ищет контактов со своими единомышленниками в России. Вполне логичное стремление, и за такое не убивают. Может быть, Веберу удалось проследить нелегальные финансовые потоки, коими добрый дядюшка Сэм подпитывает союзную кассу? Эти потоки очень даже запросто могут идти через Россию, в последнее время приобретающую репутацию подходящего места для отмывания денег...

В этот момент, однако, Власова отвлекли: девушка – та самая Фрида – привезла на тележке еду и напитки. От алкоголя Фридрих отказался, но ужин взял. Увы, тот тоже был американского образца: штампованный пластиковый лоток, разделённый на отсеки и затянутый пищевой плёнкой. Внутри лежало что-то условно-съедобное: несколько ломтиков сыра, тонкий сэндвич с ветчиной (Власов по опыту знал, что ветчина в таких сэндвичах по вкусу напоминает пипифакс), какая-то котлетка, и тюбик с майонезом. Тем не менее, поесть следовало. Фридрих со вздохом положил включённый нотицблок на соседнее кресло и потянулся за пакетом с перчатками: всё тот же опыт подсказывал ему, что это гораздо проще, чем вставать в длинную очередь для мытья рук.

Кто-то осторожно тронул его за плечо. Он поднял голову и увидел молодую фрау, с которой вышел инцидент при посадке.

– Извините за беспокойство, пожалуйста, – она заговорила быстро, опасаясь, что он её прервёт, – мне очень нужно с вами поговорить. Пожалуйста, – повторила она.

Фридрих несколько секунд изучал её лицо, потом молча пересел на соседнее кресло, сложив нотицблок и поставив его в ноги. Рехнер обиженно пискнул и перешёл в спящий режим. Снова активизировать его можно было, только набрав уникальный пароль.

– Говорите, только быстро, – не слишком любезно проворчал Власов. – И представьтесь, раз уж нас некому представить. Фридрих Власов, к вашим услугам.

– Франциска Галле... Только не называйте меня Франсуазой, прошу, эта шутка

успела мне надоесть ещё в школе... Я хочу поговорить про Микки... про сына. Понимаете, он совсем меня не слушается. Иногда он делает ужасные вещи. Он просто как чертёнок, как маленький кобольд. Я не знаю, что делать. Всё дело в том, что я его слишком люблю! И когда вы его ударили... я готова была вас убить. Но... но он успокоился. Я почувствовала: он стал спокойнее. Сейчас он спит. Я не могу понять, почему. Я убеждена, что над детьми нельзя совершать насилие...

– Только один вопрос, – остановил женщину Власов. – Вы когда-нибудь держали дома собаку?

– Ненавижу собак! – с жаром воскликнула женщина. – У моей матери была болонка. Эта маленькая дрянь тиранила весь дом. Я была единственной дочерью в семье, и эта маленькая тварь меня возненавидела. Она кусала меня за ноги, грызла мои вещи. Когда у меня был первый рождественский бал, я сшила себе чудесное платье, и эта гадина... – женщина с трудом остановилась. – Простите меня, это было лишнее, – чуть спокойнее произнесла она. – Но почему вы спрашиваете?

– Очень характерная история. Теперь я расскажу вам свою. Когда я был в том же возрасте, что и ваш сын – ну, чуть постарше – мой отец разрешил мне взять на воспитание щенка из питомника. Это была пастушеская собака, прекрасный чистопородный пёс. Разумеется, мне первое время пришлось туго. Я кормил его, убирал за ним, я выгуливал его три раза в день, в любую погоду. Отец считал, что это закаляет характер, и был прав. Хотелось мне того или нет, я должен был вывести собаку на улицу, даже если там лил проливной дождь. Но это было не так сложно. Знаете, что было самым сложным?

Женщина внимательно слушала, не перебивая.

– Вовремя и правильно наказывать щенка. Это целая наука. Отец дал мне книжку о пастушеской собаке. В главе "первоначальное воспитание", раздел первый, параграф восьмой, было сказано: "Первая и главная обязанность хозяина – корректировать поведение щенка. Помните: собака благодарна вам, когда вы корректируете её поведение, и совершенно теряется, если вы пренебрегаете своей обязанностью вовремя наказывать её за неправильные действия. Собака должна получить своё наказание своевременно и в точном соответствии с проступком. Помните: собака всегда знает, справедливо ли её наказывают или нет." Я заучил это наизусть.

– Вы говорите о собаках... – начала было женщина, но Власов перебил её:

– Потом я не раз убеждался в мудрости этих слов. Заметьте, что имелось в виду: собака всегда знает, правильно она поступает или нет. Если её наказывают – обязательно вовремя и обязательно справедливо, заметьте это! – собака получает подтверждение того, что мир устроен правильно, и она занимает в этом мире своё законное место. Если этого не происходит, собака оказывается в растерянности, страдает и начинает мстить...

Молодая фрау слушала, полуоткрыв рот.

– Дело даже не в боли – дело в быстроте и неотвратимости наказания. Вы должны наказать щенка именно в тот момент, когда он совершил проступок, или вскоре после этого – промедление делает наказание бессмысленным. Вы должны дать ему столько ударов, сколько заслуживает его проступок. И главное – вы должны делать это всегда. Вы должны быть всегда внимательны к нему и исправлять его погрешности. Это самое сложное, но только таким путём вы сможете развить в нём его лучшие задатки... Вас, видимо, воспитывали иначе.

– Совсем иначе, – сказала женщина непонятным тоном.

– Теперь подумайте, что произошло с вашим ребёнком, когда он плюнул в

бортпроводницу. Скажите честно: как вы думаете, он понимал, что поступает плохо?

– Наверное... – без особой уверенности в голосе призналась молодая фрау.

– Не наверное, а точно. Он прекрасно знал, что совершает зло. Иначе бы он его не сделал. Он делал его нарочно, потому что в тот момент ему было приятно совершить зло. Но если бы он его совершил и не получил своего наказания – что произошло бы в его душе? Молчите? Тогда скажу я: он снова убедился бы, что всё в мире относительно, добра не существует, а зло остаётся безнаказанным. И убедили бы его в этом вы, пытаясь спасти его от наказания. Тем самым вы дали ему понять, что он родился и живёт в аду. Потому что мир, в котором зло безнаказанно, а добра не существует – это и есть ад. Своими любящими руками вы поместили его в ад. Неудивительно, что он ведёт себя как маленький чертёнок.

– Это какая-то софистика... – растерянно пробормотала женщина.

– Если вам не нравится то, что я говорю, оставьте меня в покое. Это вы подсели ко мне, а не я к вам. У меня есть моя работа, у вас есть ваша работа – займёмся же делом.

– Нет, нет, пожалуйста... Просто то, что вы говорите, для меня... непривычно, – выдавила из себя молодая мама, украдкой поглядывая на задние сиденья, где спал её сын.

– Что же тут непривычного? Вы можете прочесть всё то же самое, только в более строгом и научном изложении, в любом хорошем учебнике по национал-социализму. Но вы же читали в школе хотя бы речь Эдварда Дитля о достоинстве дойчей? Вы помните, что там сказано?

Женщина сердито сверкнула глазами.

– Нет, конечно! Ах, да, вы же не понимаете. Наша семья... в ней есть пострадавшие. Моего деда взяли в сорок первом. Комиссия подписала смертный приговор. Сейчас его реабилитировали, но мы относимся ко всему... ко всему этому... так. – Она поставила голосом жирную точку.

– Нет, не понимаю, – Фридрих поморщился. – Во-первых, даже если вы считаете виновным в своих бедах именно национал-социализм – хотя это само по себе глупо, ошибки совершали конкретные люди...

– Во имя национал-социалистического учения! – в голосе собеседницы вновь прорезались визгливые нотки.

– Во имя борьбы за власть. Политика – это кровь. Она была, есть и останется такой, пока существует власть и борьба за неё. Скажите ещё, что национал-социалисты придумали борьбу рас, классовую борьбу, борьбу за существование... и вообще жизнь и смерть как таковые. Кажется, на это не претендовал даже Хитлер... при всех его ошибках. Но даже если вы и в самом деле ненавидите национал-социализм – вы должны были хотя бы поинтересоваться, что он из себя представляет. Впрочем, ненавидеть легче как раз то, чего не знаешь...

– Ну я же говорю: в нашей семье было не принято читать такую литературу, – сказала уже с несколько меньшим апломбом фрау Галле. – По национал-социализму у меня всегда были низшие баллы. Меня за это никогда не ругали. Мы никогда об этом не говорили... но мне кажется, мама была этим даже довольна.

В голове Власова закоротились несколько проводков: он внезапно понял, с кем беседует.

– Простите, – сказал он, – один нескромный вопрос. Вы случайно не пишете в "Либерализирунг"? Я помню пару статей про национал-социализм, подписанных "Францёзин". Это вы?

– Вот как? Вы читаете "Либерализирунг"? Впрочем, вы, наверное, ждёте вопроса о том, как вы догадались? Вы его дождались. Мне и в самом деле любопытно. – От смущения фрау Галле не осталось и следа. Она поудобнее устроилась в кресле и аппетитно улыбнулась.

– Банально. Журналисты – это люди, которые обычно некомпетентны в тех вопросах, о которых пишут, но имеют при этом твёрдое мнение обо всём на свете. Когда вы с гордостью заявили, что не читали даже Дитля, я сразу подумал, что из вас получился бы прекрасный журналист либерального направления. Дальнейшее несложно. К тому же, погибшего деда вы поминаете в каждой статье. Кстати, вы его помните?

– Нет, конечно! Вы полагаете, мне пятьдесят лет? Так меня ещё никто не оскорблял, – женщина возмущённо выпрямилась, как бы невзначай поведя пышной грудью.

– В таком случае, ваша скорбь довольно абстрактна. Вы никогда не видели вашего дедушку, не знали его – и, кстати, вряд ли полюбили бы, если узнали бы поближе...

– Ну, знаете ли! Нацисты убили моего дедушку, а вы ссылаетесь на то, что...

Самолёт качнуло в воздухе – очевидно, попал в воздушную яму. Ребёнок проснулся и немедленно завозился. Молодая мать тут же вскочила с кресла.

Фридрих потянулся было к нотицблоку, но фрау Галле тут же вернулась и с облегчением плюхнулась обратно на насиженное место.

– Кажется, спит... Давайте не будем о политике. Давайте о Микки.

– Это его имя? – Власову стало интересно.

– Н-нет... Вообще-то он Михель. Но сейчас детей так не называют. Мы зовём его Микки.

– Что, теперь так называют детей?

– Это какая-то новая игрушка, очень популярная.

– А-а. Американская мышь? Нет, это очень старая игрушка. Просто раньше дети дойчей играли в свои, дойчские игрушки... – Власов не стал развивать эту тему. – Да, ещё вопрос: откуда "Францёзин"? Вам известно, что такой псевдоним звучит несколько двусмысленно?

– Что вы имеете в виду? – фрау Галле поджала губы. Похоже, она и впрямь не знала.

– Не хочу показаться пошляком, но на жаргоне определенных кругов "француженка" означает проститутку, а "француз" – педе.

Женщина вспыхнула. "Сейчас она оскорбится и уйдет", – подумал Фридрих. Еще несколько минут назад его такой вариант вполне бы устроил, но сейчас – как знать, вдруг эта либеральная журналистка может сообщить ему нечто полезное?

– Очевидно, я вращаюсь совсем в других кругах, – наконец процедила она, совладав с собой.

– Я тоже, – заверил Власов. – Просто информация не бывает лишней, вот я и счел нужным вас предупредить. Так почему вы решили так назваться? Из-за вашего имени? Или вам так нравится Париж?

– Вообще-то не то и не другое, – сказала фрау Галле, немножко подумав. – Я же всё-таки люблю свою страну. Просто мне нравится слово "франк". Знаете его древнее значение? Должно быть знаете, вы же так любите всё дойчское. Frank – это "прямой", "честный", "свободный". Прежде всего – свободный... Понимаете?

– Как интересно. У меня тоже есть любимое слово. Deutlich. "Ясный" и

"отчётливый".

– Вот и поговорили... – женщина повела плечами. – Но ваши идеи насчёт воспитания... Знаете, в этом что-то есть. Не то чтобы я была с ними согласна, но...

– А почему вы с ними не согласны?

– Я же вам объяснила. Это противоречит моему воспитанию и семейным традициям. Моему грунту, если говорить на вашем языке.

– И, конечно, крови тоже? Вы ведь минимум наполовину юде?

Женщина красноречиво промолчала.

– Не беспокойтесь, я не юдофоб. Кстати, по крови я не вполне дойч. Я наполовину славянин, русский. Вы, видимо, не обратили внимания на мою фамилию, когда я представлялся.

– Вы русский? Не ожидала... – видно было, что собеседница и в самом деле растерялась. – Eto est otschen' – медленно произнесла она, выуживая из памяти слова, – interesnyi.

Настала очередь удивляться Фридриху.

– Вы учили русский? Зачем?

– Ja... – журналистка, похоже, искала русское слово, и, наконец, сдалась – как будет по русски наше wollen?

Власов подумал.

– Пожалуй, никак... Wille по-русски очень похоже – "wolja". А вот wollen не переводится. Русское "hotet'" имеет другой оттенок – всего лишь абстрактное желание, не подкрепленное волей к действию. Во время Осткультуркампфа в словари ввели слово "волить", но оно, кажется, так и осталось в словарях. Можно перевести словами "stremit'sa" или "namerevat'sa"...

– Ох, я это не выговорю, – фрау оставила попытки говорить по-русски и продолжила на родном языке. – В общем, у меня были планы поработать в России, и я стала учить язык... – она хотела сказать ещё что-то, но вдруг её лицо исказилось, и она, промычав нечто вроде "ой, простите, мне нужно отойти..." побежала, держась за живот, по направлению к туалетной кабине.

Фридрих подумал, что после такой еды это неудивительно.

Тем не менее, времени терять не следовало. Он был уверен, что в отчётах Вебера Франциска Галле упоминалась – и не один раз. Следовало воспользоваться паузой в разговоре и сделать быстрый поиск по документам.

Он вытащил из-под сиденья нотицблок, быстро разблокировал его. Справочная база данных по-прежнему была загружена в режиме просмотра. Фридрих решил пока не выгружать ее и нажал кнопку переключения задач, чтобы запустить второй "Норденкоммандёр" и уже там задать параметры поиска. Однако вместо того, чтобы спокойно переключиться из текстового режима в графический, экран мигнул и окунулся в черноту, посреди которой светились несколько фраз на языке "наиболее вероятного противника", как говаривал один из офицеров в летном училище. В эту минуту Фридрих был совершенно согласен с такой формулировкой и жаждал лететь бомбить этого противника немедленно, хоть прямо на этом "Боинге".

Усилием воли он заставил себя успокоиться и нажал кнопку перезапуска. "Черный экран смерти" исчез, появилась ненавистная аляповатая заставка, затем "окна" осчастливили пользователя новостью о "некорректном завершении предыдущего сеанса" и принялись неспешно тестировать плат, возвращаясь к началу процедуры всякий раз,

когда не ведавшая о происходящем программа загрузки запускала очередную задачу из стартового списка. "Это надолго," – тяжело вздохнул Фридрих и посмотрел на часы. От Берлина до Москвы лететь всего два с половиной часа и, оказывается, за работой и разговорами основная часть этого срока уже прошла. Поработать толком все равно уже не удастся. Фрау Галле всё не возвращалась. Её сын, похоже, проснулся, но сидел тихо, как мышонок – не буйный американский, а честный серенький дойчский маус. Фридрих подумал, что день выдался суматошный и самым разумным, пожалуй, будет немного вздремнуть перед посадкой. Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Kapitel 4. Вечер того же дня. Москва, аэропорт Внуково – проспект Освободителей.

Власов проснулся за четыре минуты до того, как самолёт пошёл на посадку: инстинкт, как обычно, не подвёл. Но было что-то ещё, ещё какая-то дополнительная причина проснуться именно сейчас: интуиция тихо скулила, как просящаяся на улицу собачонка. Что-то было не в порядке. Какая-то деталь реальности не вписывалась в привычную картину.

Фридрих отреагировал как положено уважающему себя профессионалу: замер, отпустил мускулы шеи, расслабил веки, и задышал медленно и громко, притворяясь спящим. Это давало две-три секунды на то, чтобы окончательно прийти в себя и оценить ситуацию.

Шум в салоне его успокоил: звуковой рисунок был совершенно нормальный. По крайней мере, можно было ручаться, что посадка проходит в штатном режиме, и никакие люди с автоматами не захватили "Боинг". Вообще, никакой непосредственной угрозы он не почувствовал. Это уже радовало. Он вдохнул поглубже и открыл глаза.

Всё было как обычно. Наиболее сознательные пассажиры застёгивали посадочные ремни, менее сознательные торопливо допивали бесплатное спиртное. Кто-то громко кряхтел – видимо, пытаясь добраться до упавшей под кресло вещицы. Женщина в кресле через проход напротив торопливо подкрашивала губы тёмной помадой.

Настораживало одно: тишина на заднем сиденье.

Власов медленно, осторожно оглянулся. Маленький Микки дремал, свернувшись на кресле. На откидном столике стоял поднос с почти нетронутой едой. Кресло матери мальчика было пустым. А ведь времени прошло... сколько же прошло времени?

Дальнейшие действия Фридрих совершал на автомате. Раз-два – он держит за синий жакетик бортпроводницу и суёт ей под нос своё удостоверение... Три-четыре – он идёт к туалету, на ходу прикидывая, что он будет делать, когда обнаружит в кабинке ещё не остывший труп фрау Галле, и следует ли немедленно звонить в Берлин... Пять-шесть – хлипкая дверь туалета с сырым хрустом выламывается из петель...

В нос ударила кислая вонь настоявшихся фекалий.

Фрау Галле, развалившись верхом на пластмассовом унитазе с запутавшейся в ногах юбкой, полулежала, прислонившись головой к стене. Она была, несомненно, жива – её грудь тяжело вздымалась.

На полу валялся маленький пластиковый одноразовый шприц и ватка со следами крови.

Бортпроводница, заглянувшая в туалет следом за ним (это была всё та же Фрида), тихо ахнула и невольно отшатнулась. Фридрих полуобнял девушку за плечи, чтобы успокоить.

– Ничего страшного. Сейчас она придёт в себя, – сказал он без особой уверенности в голосе.

Госпожа Франциска Галле слегка пошевелилась, веки её дрогнули, под ними блеснули белки – блестящие, как пластмассовые пуговицы на блузке Фриды. Потом она сделала ещё одно усилие, и на мгновение открыла глаза. Набрякшие веки тут же упали, но Власов успел увидеть неподвижные, неестественно расширенные зрачки.

– А, это ты, – неразборчиво произнесла она. – Ты славный малый... иди ко мне... я прибалдела... торчу... хочешь... – она прислонилась к другой стенке и снова отключилась.

Голова Власова заработала с утроенной скоростью. Судя по вырвавшимся словечкам, фрау Галле имеет какой-то наркотический опыт. Наркоманка? Но никто не сказал, что фрау Галле ввела себе наркотик самостоятельно. Едва ли бегство в туалет было предлогом: у неё действительно схватило живот, хотя толком поесть она так и не успела... И чтобы сразу после этого, даже не спустив за собой, колоться – нет, до такого не могла дойти даже либеральная журналистка, это невозможно. Значит, наркотик ей кто-то ввёл...

Он обшарил взглядом пол кабинки, ища осколки ампулы. Ампулы не было. Может быть, она в унитазе? Неважно, дальше... Кто-то ввёл. Как? Прошёл через салон, выломал дверь... нет, никто ее не выламывал, кроме него самого, в этом Фридрих не сомневался. Открыла сама? Абсолютно невозможно... Правда, у персонала есть ключи, но все равно, любая нормальная женщина успела бы завизжать. Нет, с ходу версия не выстраивается. Отставить размышления. Теперь – что делать. Самое резонное – немедленно после посадки известить местную безопасность... или, может быть, не теряя времени, воспользоваться замешательством и забрать подозрительную женщину с собой? Потом, когда она придёт в себя, её можно будет допросить. Точнее говоря, поговорить начистоту: здесь он не имеет права кого-либо допрашивать.

– Уважаемые пассажиры, через несколько минут наш самолёт совершит посадку в аэропорту "Внуково". Пожалуйста, пристегните ремни и оставайтесь на своих местах до распоряжения бортпроводниц, – раздалось в салоне.

Нотицблок! Включённый нотицблок! Он не должен оставаться без присмотра! Власов метнулся обратно в салон, оставив опешившую бортпроводницу наедине с фрау Галле.

Так и есть! Чемоданчика не было.

Спустя вечность – секунду или две – Фридрих услышал характерное щёлканье клавиш. Звук доносился с заднего сиденья. Ребёнок, высунув язык, увлечённо тыкался пальчиками в клавиши. Заблокированный нотицблок возмущённо попискивал.

– Это моя вещь. Не смей её трогать. – выпалил Власов в два приёма, и вырвал чемоданчик из липких ручек Микки.

Пол под ногами покачнулся, и Фридрих увидел испуганно спешащую в его сторону коллегу Фриды. Нетерпеливым жестом показав, что у него все в порядке, Власов быстро и ловко защёлкнул ремень на пузе ребёнка (тот недовольно зыркнул изподлобья, но ничего не сказал), сел рядом, и пристегнулся сам, сжимая ногами драгоценный чемоданчик. Он искренне надеялся, что Фрида справится с ситуацией в туалете – или уж, по крайней мере, не сделает никаких особенных глупостей. Вряд ли ей приятно смотреть на Франциску Галле, особенно в таком состоянии, но свой долг она должна знать... Фридрих ещё полторы секунды помечтал о том, как он увозит либеральную журналистку на одну из местных точек, где и беседует с ней подробно и тщательно, возможно – с применением кое-каких препаратов... Мечты разбивались о грубую реальность: никаких шансов

покинуть аэропорт незамеченным не было. Особенно в том случае, если происходящее каким-то боком касается его дела... Значит, надо ждать.

Когда самолет, наконец, зарулил на стоянку и, вздрогнув, замер напротив размытых огней терминала, Фридрих привычным жестом положил руки на живот, собираясь избавляться от ремней. Однако разрешения не последовало. Вместо этого по громкой связи раздалось:

– Вниманию пассажиров. Просим всех оставаться на своих местах. Если в проходе имеются ваши вещи, уберите их и освободите проход.

Как обычно в таких случаях, люди слегка заволновались, но никто не двинулся с места, ожидая дальнейших распоряжений.

Вскоре прибыла медицинская бригада в сопровождении двоих в форме – судя по всему, офицеров аэродромной службы безопасности. Они быстро и деловито прошли к туалетной комнате, и через несколько минут фрау Галле уже лежала на раскладной каталке. Её не стали приводить в порядок – просто накрыли нижнюю часть тела простынёй. Из-под простыни свешивались ноги в чёрных туфельках. Когда каталка проезжала мимо Власова, нога задела за кресло, и одна туфелька свалилась.

В тишине салона стук упавшей вещицы прозвучал как выстрел.

Фридрих, наконец, расстегнул свой ремень (застёжка звонко щёлкнула), затем ремень Микки (ещё один звонкий щелчок), и встал. Сопровождающий офицер хотел что-то сказать, но Власов его опередил.

– Это её сын, – веско сказал он на дойче, беря испуганного мальчика за руку.

– Вы – отец? – отреагировал офицер. – Пройдёмте с нами.

Власов не стал его разубеждать.

На улице совсем стемнело – сказывалась двухчасовая разница во времени. Было холодно; с низкого неба сыпались редкие мелкие снежинки, неприятно коловшие лицо. "Паршивая погодка" – будто услышав его мысли, пробормотал офицер. Фридрих невольно усмехнулся: похоже, даже местные жители не очень-то жалуют знаменитый русский климат.

Мальчик упорно молчал, цепляясь за мужскую руку, и лишь смотрел по сторонам округлившимися глазами.

На припорошенном снегом бетоне их дожидался белый медицинский фургончик с красным крестом на боку и серебристая полицейская "сука" с российским двуглавым орлом. Власов поморщился, увидев его: неприязнь к жаргонному смыслу термина поневоле передавалась и буквальному. Фридриху не раз приходило в голову, что двусмысленная репутация России и постоянные подозрения в двойной игре, распространённые в Управлении, как-то связаны с её злосчастным гербом. Никому-то этот герб-мутант не приносил счастья – ни Византии, ни Австро-Венгрии... Впрочем, российское руководство в последнее время давало достаточно обоснованные поводы для подобного отношения к себе.

Фрау Галле, видимо, уже погрузили в медицинскую машину. Туда же отправили и маленького Михеля – тот не сопротивлялся, только напоследок сильно сжал руку Власову, словно утопающий, хватающийся за выскальзывающий канат.

Фридрих полез на заднее сиденье "суки", игнорируя возмущённые возгласы офицера. Уже устроившись на заднем сиденье, он показал водителю удостоверение. Тот мельком глянул на готические буквы и махнул рукой офицерам – узнаваемым интернациональным жестом, означающим что-то вроде "ребята, всё в порядке, это свой".

Через минуту господа офицеры заняли свои места – один спереди, один рядом с Фридрихом. Оба изучили удостоверение, на этот раз куда внимательнее.

– Коллега, значит, – пробормотал себе под нос тот, что сидел рядом, посмотрев на Власова с невольным уважением.

– Я знаю русский, – на всякий случай сказал Власов. – Точнее, это мой родной язык.

В салоне "суки" сразу потеплело – словно включили печку.

Когда машина доехала до здания аэропорта, Фридрих успел рассказать коллегам то немногое, что знал и считал возможным сообщить о странной истории с пассажиркой Галле. Офицер, в свою очередь, пожаловался на погоду, рассказал пару баек об аэродромных делах (байки были стандартные, узнаваемые), а также позвонил в аэропорт какой-то "Анечке". Власов чуть напряг слух и услышал хорошо знакомое: "Анечка, тут один человек есть... у дойчей безопасником работает... хороший человек... говорю тебе – хороший человек, поняла?.. ну да, наш... ты уж без формальностей его проведи... лады?... ну и славненько." Опять некстати вспомнилась украинская кровяная колбаса. Тут Власов поймал себя на том, что голоден. Даже американский ужин он не успел съесть, всё из-за той же некстати подвернувшейся журналистки и её семейных проблем.

Вторично допрашивать его не стали. Начальник охраны, огромный толстый дойч со смешной фамилией Фалтер, сухо поблагодарил "господина Власова" за посильную помощь следствию, после чего отправил его восвояси – видимо, опасаясь, что заезжий коллега начнёт что-нибудь вынюхивать. Впрочем, дело касалось наркотиков, что создавало определённые проблемы. Фридрих еще помнил времена, когда задержанных с поличным наркокурьеров расстреливали прямо в аэропортах. Разумеется, не на глазах у пассажиров, а в специальной комнате Службы охраны, но секрета из этого никто не делал – напротив, о каждом таком случае сообщали в новостях, что в конце концов и возымело должный эффект... Сейчас, правда, от подобной практики отошли, предпочитая разводить судебную волокиту – но это лишь оттягивало казнь, а не отменяло ее. По крайней мере, в Райхе. В России же с некоторых пор взяло верх мнение, что к наркоте и наркоманам надо относиться терпимее. В связи с этим в Райхстаге все чаще звучали речи, что прозрачная граница с Россией не дает Фатерлянду ничего, кроме наркотиков, преступников и нелегальных иммигрантов. Причем все чаще всем этим занимаются представители славянских национальностей, так что прежних законов, запрещающих предоставление въездных льгот неарийцам, уже недостаточно.

Положим, – размышлял Фридрих, машинально подавая документы в окошечко, откуда ему изо всех сил улыбалась девушка с вышитым именем "Анна" на блузке, – пафос этих речей, как обычно и бывает с публичными выступлениями, не очень-то соответствует реальности. В первую очередь потому, что Райх слишком уж непривлекателен для криминальных гастролеров. Да и в качестве "ворот на Запад" Райх подходит мало – из самой России попасть в ту же Америку, да даже и во Францию, было куда проще. И все же... нельзя сказать, что призывы закрыть границу с Россией совсем уж бессмысленны. В конце концов, не так страшен ввоз в страну наркотиков и проституток, как ввоз идей, призывающих относиться к тому и другому толерантно.

Фридрих вышел из здания аэровокзала и направился к стоянке такси.

Под ногами хлюпала печально знаменитая соленая слякоть, разъедающая и обувь, и шины автомобилей. Упорство, с которым московские власти применяли именно этот реагент, достойно пополняло коллекцию аргументов в защиту тютчевского тезиса. С

неудовольствием думая о заляпанных ботинках и брюках, Власов подошел к выстроившимся в очередь бежевым "Опелям" и взялся за дверцу крайнего из них.

Таксист в ожидании клиентов жевал бутерброд, запивая его чаем из термоса. Фридрих опустился на заднее сиденье справа, наискосок от шофера, и, поймав его вопросительный взгляд в зеркале, назвал адрес в Трубниковском переулке. Водитель кивнул, не прекращая своего занятия. Власов немного подождал, слушая, как мягко урчит на холостых оборотах двигатель и прихлебывает чай таксист.

– Может быть, мы все-таки поедем? – потерял терпение Фридрих.

– Не беспокойтесь, господин, – ответил шофер, громко сглотнув, – я ж счетчик не включил еще.

– Я понимаю, – произнес Фридрих очень вежливо, – но дело в том, что я спешу.

– Сейчас поедем, – заверил водитель, откусывая от бутерброда. Власов подумал, не пересесть ли в другое такси, но пассажиры, прибывшие тем же рейсом, уже разбирали соседние машины. Так можно остаться и вовсе без транспорта...

Власов заметил, как в соседнее такси садится старик в наглухо запахнутом черном пальто. В старике было что-то неправильное, раздражающее – Фридрих попытался понять, что именно, но так и не понял. Решив, что в нём говорит зависть – соседняя машина, громко бибикнув, уже тронулась с места – он рассудил, что пара минут и в самом деле ничего не решают, подавил усилием воли нарастающее раздражение и принялся от нечего делать разглядывать таксиста и внутренность кабины. В конце концов, это был первый местный житель, которого он увидел за пределами аэропорта.

Шофер был уже немолод – лет пятидесяти пяти; своей шарообразной лысой головой, да и всей упитанной комплекцией, он вызывал устойчивую ассоциацию с колобком из русской сказки. На лысине блестел пот – должно быть, от горячего чая – поэтому кожаная кепка, фирменный атрибут московских таксистов, лежала поверх приборной панели. Впрочем, Фридрих знал, что у молодых таксистов эти кепки уже не в моде. О том, что машина принадлежит ветерану, говорил и вырезанный из газеты портрет, приклеенный к стеклу. Фотография давно выцвела, и при неярком внутреннем освещении кабины Власов не мог различить черты, но он знал, кто там изображен. Кумир русских шоферов: когда-то в Москве трудно было найти грузовик, такси или автобус без этого лица на ветровом стекле. В 1961 году Юрий Гагарин для многих в России стал символом возрожденной национальной гордости. Еще бы – первый русский, ставший чемпионом мира в гонках "Формула-1"! И где – в самом сердце Райха! А вот гоночная трасса, выстроенная в родной Москве, стала для него роковой. Его гибель во время Гран При 69-го оплакивала вся страна...

– Двадцать первый, ответьте диспетчеру, – ожило вдруг переговорное устройство.

– Двадцать первый на связи, – водитель поспешно сглотнул остаток бутерброда.

– Михалыч, свободен? Тут вызов в Кунцево...

– Нет, занят. Клиента из Внуково везу. До Трубниковского потом.

"Везет, как же!" – зло подумал Власов, но тут, наконец, таксист покончил с трапезой, убрал в бардачок термос, скомкал промасленную бумагу от бутербродов и, приспустив стекло на двери, выкинул комок на улицу. Фридрих открыл было рот, чтобы возмутиться этим безобразием, но вновь решил сдержаться. "В конце концов, я не дома", – напомнил он себе.

Не дома?

– Домчимся мигом, – сказал водитель, как видно, все же чувствуя свою вину за

задержку и надеясь на чаевые. – Сейчас машин немного. Это летом в воскресенье вечером все дороги забиты, не проедешь. Нынче жить-то все хорошо стали, машины, дачи у каждого второго, а дороги остались, как при немц... при дойчах, то есть, – шофер бросил в зеркало короткий опасливый взгляд на собеседника.

– Разве при дойчах были плохие дороги? – усмехнулся Власов.

– Нет, я ж не то хотел сказать, – смешался таксист. – Дойчи нам много чего построили, и дороги тоже... прямой автобан на Берлин, только он к северу отсюда, кольцевая опять же... Только тогда в Москве четыре миллиона жило, а сейчас восемь. И машины тогда были, дай бог, у одного из двадцати. Хорошо хоть, дойчи с запасом строили, а то бы нынче совсем труба.

– Кто же мешает городским властям теперь строить хорошие дороги?

– То-то и оно, что хорошие! – с жаром подхватил водитель; как видно, тема задела его за живое. – Хорошую ж дорогу по правилам строить надо! Чтоб если сказано – такой-то состав, при такой-то температуре, чтоб так все и было, и ни бугорка, ни ямки. А у нас? Там в раствор песку сыпанут, да еще и премию за экономию получат. Здесь асфальт зимой положат прямо на снег. Разворуют все, что можно... Какие ж тут автобаны? Для автобанов порядок нужен! Вот при дойчах порядок был, а нынче... – он тяжело вздохнул.

– Если вы так любите порядок, почему выбрасываете мусор в окно? – осадил его Власов.

– Так я о чём и говорю: порядка настоящего нет! – воскликнул шофер. – При дойчах-то я бы ни в жисть так не сделал. Сразу бы за жо... ох, простите... за одно место сразу взяли бы. А теперь что... – он опять вздохнул, как бы приглашая пассажира присоединиться к его скорби.

– Но всё-таки, – не отставал Фридрих, – кто вам мешает не мусорить? Вам лично?

Таксист задумался.

– Вот ведь какая штука, – в конце концов сказал он, – когда знаешь, что нельзя, тогда и самому не хочется. А когда можно... как-то распускаешься, что ли... Не, не знаю, как сказать. Я человек маленький. Вот... одно скажу: был бы порядок, я бы его чувствовал. И от этого самого ощущения... ну, как-то иначе ведёшь себя, что ли. Подтягиваешься как-то. А так...

Водитель ненадого замолчал, затем, должно быть, взгляд его скользнул по фотографии Гагарина.

– Или вот возьмем тезку моего, – таксист кивнул на портрет. – Ведь по-глупому погиб, на ровном месте. Вроде и международная комиссия трассу принимала, и машины тоже... Да только у нас пыль в глаза пускать научены. Своих проверяльщиков дурим, не то что международных, – в этой фразе, произнесенной осуждающим тоном, Власову в то же время послышалась какая-то тайная гордость.

– Мы с ним ровесники почти, – добавил таксист без особой связи с предыдущим. – Я с тридцать шестого, он с тридцать четвертого. Говорят, он в детстве летчиком хотел стать. А я так думаю, хорошо, что в гонщики пошел. От летчика в мирное время стране какая слава? А убиться что так, что этак можно, тут не подгадаешь...

Фридрих вновь усмехнулся, но не стал спорить. Время, когда весь мир внимал громким авиационным рекордам, действительно прошло – а в России у летчиков в особенности не было шансов. Смоленский мирный договор, хотя и не запрещал формально России иметь военную авиацию, обставлял ее таким множеством условий и ограничений, что многим пилотам не то что бывшей Красной Армии, но и РОА пришлось

расстаться с небом, а ведущие конструкторские бюро переключились с самолетов на автомобили. Не на машины для массового потребителя, конечно. Тут у хилого российского автопрома не было никаких шансов выстоять против германских концернов, наводнивших страну своей продукцией. Но в специальных областях русские показали, на что способны. Гоночные "МиГи", начиная с гагаринского и кончая болидом нынешнего чемпиона Михаила Сапожникова, доставили немало горьких минут пилотам "МакЛарена" и "Феррари", а полицейские бронеавтомобили Сухого (в России, с ее вечной неприязнью к полиции, их именовали не иначе как "суками") охотно закупали спецслужбы многих стран – включая, разумеется, Райх.

– Вы сами-то в Москву по делам? – с истинно русской бесцеремонностью спросил водитель.

– Да, – не стал спорить Фридрих.

– Ну, ясно, для туристов не сезон сейчас. Туристы на Масленичной неделе будут, а в нынешнюю слякоть кому охота... Что вы не москвич – это сразу видно, у меня на приезжих глаз наметанный. Да только не могу признать, откуда вы. Вроде на дойча похожи, но по-русски больно хорошо говорите... только слишком, ну, чисто, что ли. Будто по книге. Наши так не говорят. Не из эмигрантов, случаем?

– Из эмигрантов, – вновь согласился Власов.

– А-а, – голос водителя наполнился уважением. – Дворянин, наверно?

Фридрих усмехнулся. Воспитанная на душещипательных безграмотных романсах убежденность в том, что Белая гвардия состояла исключительно из князей и графов, была одним из самых стойких русских мифов, который не смогло пошатнуть даже возвращение многих белоэмигрантов после свержения большевизма. Но в данном случае развенчивать миф было ни к чему.

– Барон, – честно ответил Фридрих.

– Вот оно как! – воскликнул таксист. -Ну, с прибытием вас на Родину, господин барон. Вы извините, коли что не так, сами понимаете, не каждый день баронов возим... А... – он почему-то понизил голос, – *там* вы где живете?

Власов подумал, не укоротить ли наконец это назойливое любопытство, но решил, что откровенность и на этот раз ему не повредит, а словоохотливость таксиста еще может оказаться полезной.

– У меня квартира в Берлине, и дом в Висбадене, материнское наследство.

– А, в Германии, значит, – в голосе водителя сквозило разочарование, и Фридрих вдруг понял, что значило это выделенное голосом "там". Америка, Франция, Атлантический блок. В общем-то, таксист, при всей своей простоватости, предположил вполне логично. Раскол в Белом движении, впервые оформившийся еще в 1918 – тогда это был раскол между сторонниками Антанты и Германии – продолжал тлеть и в эмиграции, а в годы Второй мировой обострился до предела. Многие белые, включая даже некоторых прославленных генералов, предпочли поддержать большевиков в борьбе против "исторического врага, посягающего на суверенитет России". Нашлись и те, которые не ограничились словесной поддержкой и сражались на стороне Красной Армии – когда дела большевиков пошли совсем кисло, те готовы были принять помощь хоть от черта. После Петербургского процесса многих из этих бывших белых – тех, конечно, кого удалось поймать – повесили либо отправили на каторгу за измену и соучастие в преступлениях коммунизма. Естественно, что их единомышленники предпочли остаться по другую сторону линии фронта – фронта новой, холодной войны; те же белоэмигранты, что

поддержали Германию – сразу или хотя бы после победы над большевизмом – в первые же послевоенные годы практически все вернулись на родину. Многие бросили ради этого налаженную за двадцать лет жизнь на Западе. Хотя еще больше было тех, кому и бросать-то было нечего, кроме разве что такой же работы таксиста...

– А вы предпочли бы, чтобы я прилетел из США? – спросил Власов напрямую.

– Ну, почему сразу из США, – смутился таксист. – Много всяких стран есть... вот, говорят, и в Южной Африке наши люди живут...

Фридрих недоверчиво усмехнулся.

– Вы же так уважаете дойчей и дойчский порядок. Не думаете же вы, что в атлантистских странах его больше?

– Да нет, не в том дело! – заторопился таксист. – Мы же знаем, что там у них творится. Что ж мы, газет не читаем... Безработица, преступность, негры с арабами. Только... вы понимаете... в Райхе нам все знакомо. Фильмы смотрим дойческие, музыку слушаем дойческую... – Власов брезгливо дёрнул щекой, услышав жирное плебейское "е" в середине слова, – на их машинах ездим, пиво и то ихнее пьем. Сами туда много мотаемся, по делам и так... Я-то, правда, ни разу не был, а дочка моя аж дважды, первый раз еще в школе, экскурсия с классом была, а второй – в свадебное путешествие. А Америка... только по газетам, да по фернику когда покажут, как там малолетка какой полшколы пострелял. Вы понимаете, это как на готикфильм сходить. Сам в такой жути жить не захочешь, а посмотреть любопытно.

– По-моему, российские власти предоставляют более чем достаточно возможностей для утоления любопытства, – с неудовольствием заметил Власов. – Достаточно спуститься в подземку.

– Да там половина товаров – на самом деле китайские, – презрительно фыркнул таксист. – Только написано, что маде ин УСА. Хотя настоящая Америка тоже есть. Вот, к примеру, консервы мясные классные, мы их с мужиками всегда покупаем. Название такое мудреное, вроде словно бы даже и неприличное... "Педегрее Пал", вот.

– Это собачья еда.

– Ну, не скажите, – обиделся шофер. – Очень даже недурные консервы, особенно под водочку.

– Я не говорю, дурные или недурные, – терпеливо пояснил Фридрих. – Просто это специальная еда, предназначенная для собак. Там еще на этикетке пес должен быть. Нету пса? Ну что ж, это вполне в духе янки. Специальная упаковка для России. И ведь не придерешься. Формально они пишут, что это за товар – естественно, по-английски. А что нет картинки, так просто маркетинговые исследования показали, что банки без пса в России продаются лучше. А для чего их потребитель использует, это продавца не касается. Атлантистская система в действии.

– Нехорошо так шутить над старым человеком, – укоризненно заметил таксист. – Мы, конечно, по заграницам не ездим, но тоже кое-что... Нет, правда? Неужто впрямь собачья жрачка?

– Уверяю вас. Когда в следующий раз повезете иностранца, спросите у него.

– А я-то думал, чего они дешевые такие, – посетовал таксист. -Ну, жулье! Но ведь сами-то они это не едят? – добавил он после паузы.

– Нет, разумеется.

– Ну вот я и говорю – любопытно узнать, как они на самом деле живут... Или вот памятник наш, к примеру – он больше ихней Статуи Свободы или как?

Машина уже катила по проспекту Освободителей, и впереди справа, над Поклонной горой, вздымался в свете прожекторов памятник Воину-Освободителю – исполинский солдат Вермахта, разрубающий тевтонским мечом пятиконечную звезду. Левой рукой солдат прижимал к груди спасенную русскую девочку.

– Ну, чтобы узнать это, не обязательно ехать в Америку, – усмехнулся Фридрих. – Это есть в любом туристическом справочнике. Высота статуи Воина-Освободителя – 48 метров, что на 2 метра выше Статуи Свободы в Нью-Йорке, правда, без учета пьедестала. Но в данном случае пьедесталом служит вся Поклонная гора.

– С Коляныча пиво, – радостно засмеялся водитель. – Он вчера в столовке доказывал, что Статуя Свободы – самая большая в мире. Тоже американец выискался... Да только неправда это, – добавил вдруг таксист другим, серьезным тоном.

– Что неправда?

– Я ж хоть и пацан был, а помню. Не было никакого германского солдата-освободителя. Москву одни русские брали. Немцы, дойчи то есть – извините, с детства привычка – они уже потом пришли.

Это Фридрих, разумеется, знал. Его отцу стоило в свое время большого труда добиться права единолично занять город. Против поначалу было и Верховное командование Вермахта, и сам Дитль. Но Власову удалось убедить Канариса, а тот, в свою очередь, убедил Гудериана и Роммеля. Аргумент был простой – только если РОА сама освободит Москву, дойчи будут восприниматься русским народом как союзники, а не как оккупанты. Поначалу генерал Власов вообще не хотел, чтобы "нога немецкого солдата ступала в столицу России". Но потом вынужден был согласиться и на совместный Парад Победы, и на размещение ограниченного контингента. Именно с этого контингента, выполнявшего в основном охранные функции, пошла традиция службы этнических дойчей в русской полиции, сохранившаяся и после вывода основной массы войск.

– Дело не в том, кто первый вошел в Москву, – дипломатично заметил Фридрих. – Дело в том, что без помощи германской армии Россия не была бы освобождена от большевицкого ига.

– Так-то оно так, – покивал таксист, – а все ж обидно, что посередь Москвы – памятник чужеземному солдату.

– Но ведь при дойчах был порядок?

– Был. Это они молодцы, без них бы мы...

– Ну так что же вы видите неправильного в памятнике?

– Я ж не говорю, что неправильно. Я говорю, что – обидно.

Kapitel 5. Тот же день, поздний вечер. Москва, Трубниковский переулок, 30 – Староконюшенный переулок, 39.

Таксист довез его до середины Трубниковского переулка. На счетчике было 15.13, и Фридрих протянул купюру в двадцать марок – не желая новых задержек, он не стал менять деньги в аэропорту, зная, что при фиксированном курсе 1:1 легко сможет сделать это в городе. Таксист, похоже, счел валюту Райха хорошим знаком и широко улыбнулся "господину барону".

– Нельзя ли поскорее, я спешу, – одернул его Власов.

Таксист все понял и разом поскучнел. Судя по лицу, его мнение о русских эмигрантах упало, словно акции Уолл-Стрита в день взятия Москвы.

– Извините, – пробурчал он, отсчитывая 4 рубля 87 копеек, – я думал, это на чай.

– Мне кажется, вы и так пьете слишком много чая, любезный, – мстительно ответил Власов, ссыпая мелочь в кошелек. Он терпеть не мог чаевых, находя нелепой и даже безнравственной идею приплачивать работнику за то, что тот всего лишь исполняет свои обязанности. Если его жалование недостаточно – пусть решает эту проблему с работодателем, а не с клиентом. Этак и честные граждане начнут клянчить денег у полиции – на том основании, что не совершают преступлений.

Выйдя на улицу (даже мотор отъезжающего "Опеля" взвыл как-то обиженно), Фридрих оглянулся по сторонам и решительно нырнул в арку вытянувшейся вдоль переулка старой двухъярусной семиэтажки. Власову нужен был дом 30, строение 3 – по сути, совершенно отдельнное здание, стоявшее во дворе и имевшее, однако, тот же номер, что и соседние. От кого-то в Управлении Фридрих слышал шутку, что система нумерации московских домов разработана специально для того, чтобы сбивать с толку иностранных шпионов. В самом деле, трудно было придумать какое-то иное рациональное объяснение ситуации, когда целый квартал может иметь один домовой номер, причем отдельные здания могут именоваться корпусами, строениями или владениями, обозначаться цифрами или буквами и вообще находиться, по существу, на другой улице и чуть ли не в соседнем районе.

Дом 30, строение 3, долго искать не пришлось – он находился почти сразу же за аркой, также вознося в хмурое московское небо семь этажей старинной постройки. Над высокими окнами первого этажа в свете одинокого фонаря унылые львиные морды грызли свои каменные цепи; сбоку прилепилась ограненная мутным серым стеклом шахта лифта, сооруженная много позже самого здания. Чудом не поскользнувшись на раскатанной детьми ледяной полоске, Фридрих остановился у входа, вставил в прорезь под домофоном выданный в Управлении плоский ключ и вошел в тускло освещенный, пахнувший сырой затхлостью подъезд. Высокая тяжелая дверь глухо бухнула за его спиной.

Предназначенная ему квартира находилась на самом верху, на седьмом, но Фридрих двинулся вверх пешком. Во-первых, это помогает поддерживать форму. Эту привычку Власов приобрел после аварии, еще в госпитале, когда, стискивая зубы от боли в ноге, из принципа раз за разом штурмовал лестничные пролеты. Во-вторых, он не доверял лифтам. Они иногда имеют обыкновение застревать, особенно в таких вот старых зданиях. Неисправный самолет покинуть куда проще, чем неисправный лифт...

Прежде, чем отпереть дверь, Фридрих опустился на корточки и, достав из кармана пальчиковый фонарик, посветил на дверную щель в нескольких сантиметрах от пола. Засеребрившийся волосок подтвердил, что с тех пор, как квартиру в последний раз покинул представитель Управления, в нее не входил никто посторонний.

Тем не менее, открыв дверь, Фридрих быстро обежал прихожую лучом фонаря, прежде чем шагнуть внутрь и зажечь свет. Все как будто было в порядке. Впрочем, предстояла еще одна проверка. Сняв куртку и переобувшись в домашние туфли, Власов прошел в кабинет и, присев в обитое черной кожей кресло, открыл нотицблок.

Клавиши все еще хранили липкие следы пальцев Микки. Фридрих поморщился, вскрыл полиэтиленовый пакетик и достал оттуда приятно пахнущую, чуть влажную бархатистую салфетку. Тщательно протерев клавиатуру и корпус рехнера, он сходил вымыть руки.

Теперь можно было ввести пароль и запустить программу сканирования. Он снял

пластмассовую крышку, на обычных нотицблоках закрывающую отсек с батарейками, и вытянул из гнезда антенну с овальной петлей на конце. На жаргоне Управления это устройство именовалось "пылесосом". Фридрих неторопливо обошел квартиру, старательно водя антенной вдоль стен и мебели. Чисто; во всяком случае, активных жучков в квартире нет. Власов вернулся в кабинет, поставил раскрытый нотицблок на стол и вновь опустился в кресло.

В углу экрана, ритмично мигая двоеточием, светились цифры 20:08. Со времени обнаружения тела Вебера прошло почти 28 часов; со времени смерти... с официальными заключениями медэкспертов, как российских, так и дойчских, Фридриху еще предстояло ознакомиться. Но это утром. Пока же... пока о его прибытии никто не знает, и Власов чувствовал, что это обстоятельство следует использовать. Действовать, не поставив в известность своих, рискованно; возможно, именно такая тактика погубила Вебера. С другой стороны, Фридрих помнил слова Мюллера – "мы не знаем, кто здесь игроки, а кто фишки". Раз уж дело дошло до убийства агента РСХА, нельзя исключать утечки информации и от своих. Конечно, если к делу каким-то боком причастны русские спецслужбы, из аэропорта уже сообщили, кому надо, но... даже в этом случае пока еще есть шанс. Эти несколько часов предполагаемой форы следует использовать, в первую очередь, для осмотра квартиры Вебера. Разумеется, там уже побывали и русские полицейские, и, почти наверняка, кто-нибудь из местных агентов Управления. Тем не менее, что-то могло укрыться от внимания как коллег, так и, возможно, соперников. И, как гласит русская поговорка, лучше один раз увидеть, чем сто раз прочитать отчет.

Фридрих вывел на экран карту Москвы, переключил язык на русский, ввел в окне запроса адрес – "Староконюшенный 39". Программа услужливо сменила масштаб на крупный и показала путь. Так, здесь недалеко. Вверх по Новому Арбату, затем по переулку с красивым названием Серебряный до Арбата Старого и уже оттуда – в искомый переулок.

Власов закрыл нотицблок – его он собирался взять с собой – и сунул в карман пару резиновых перчаток. Этим, однако, экипировка не исчерпывалась; открыв своим ключом ящик стола, он достал оттуда пару компактных устройств, которые могли бы вызвать ненужные вопросы у службы контроля в аэропорту, а из аптечки на кухне принес два пластиковых флакона – судя по надписям, в одном находились безобидные глазные капли, в другом – аэрозоль от простуды. Дольше всего он раздумывал над оружием (второй ящик). Черный "стечкин" местного производства так и просился лечь в руку, но, чтобы получить разрешение на ношение, надо дать знать русским о своем прибытии. На крайний случай у него было с собой липовое, но Фридрих не любил фальшивых документов, да и его шеф не раз говорил, что "90% работы хороший разведчик делает легальными средствами".

С другой стороны, Власова не покидало интуитивное ощущение опасности. И уж конечно, вызвано оно было не угрозой встретиться в этот поздний час с московской шпаной – мастером рукопашного боя Фридрих не был, тем более после аварии, но аэрозольного баллончика на такой случай вполне бы хватило.

Он попытался проанализировать причины своего беспокойства. В интуиции ведь нет ничего мистического, это просто результат неосознанной обработки ранее полученной информации... Ну, если не считать самой причины его нахождения в Москве, то во-первых, конечно, странная и неприятная история с Галле. История, которой, вероятно, еще предстоит заняться. Зрелище, открывшееся ему в туалете, вновь возникло перед его

мысленным взором; Фридрих скривился и даже тряхнул головой, силясь его отогнать. Во-вторых... определенно было "во-вторых"... таксист? Нет, не таксист сам по себе, но что-то, с ним связанное... что-то, царапнувшее Фридриха еще до всех этих разговоров о порядке и национальной гордости великороссов... Старик, вспомнил Власов. Старик в темном пальто, севший в соседнюю машину. Ведь это был тот самый, кавалер Рыцарского Креста , получавший билет в пятом окошке. Но тогда он был в инвалидной коляске, а в московское такси садился сам... Но, может быть, это не он, просто похож? Фридрих оба раза видел старика мельком и не присматривался... но теперь, прокручивая эти моменты в памяти, он все больше убеждался, что это был один и тот же человек. Разве что на улице его орден был скрыт запахнутым воротником пальто.

Так, дальше, куда он поехал? Возможно ли, что он сел на хвост такси Власова? От стоянки машина старика отъехала первой, это точно. Но это еще ничего не значит... Фридрих встал, погасил свет и, подойдя к окну, чуть раздвинул светонепроницаемые шторы. Двор, озаренный светом единственного фонаря, был пуст. Из подворотни неспешно протрусила одинокая собака и принялась деловито рыться возле мусорных ящиков. Насколько ему было известно, московские власти, довольно успешно справляющиеся с большинством обычных городских проблем, никогда не могли извести бездомных собак. И не смогут, подумал он – пока жильцы будут бросать мусор не в ящик, а мимо. И пока сердобольные московские старушки не перестанут специально подкармливать этих грязных и агрессивных животных.

Ладно, одернул себя Фридрих. Собаки – это не его проблема. Если что, аэрозоль сработает и против них.

И старик, скорее всего, тоже не его проблема: и возраст не тот для шпионских игр, и, главное, шпион избегает привлекать к себе внимание, а инвалидная коляска этому не слишком способствует. Скорее, это просто старый мошенник, путешествующий по поддельной справке об инвалидности и поддельному наградному свидетельству.

А вот провокации – или даже просто глупой случайности – со стороны московской полиции исключать нельзя, и лучше не попадаться ей с неоформленным должным образом оружием. И, кстати, с таким, как у него, нотицблоком: пожалуй что, пока будет лучше все же оставить его здесь.

Фридрих решительно закрыл и запер второй ящик, затем оделся и вышел.

С неба по-прежнему сыпалась колкая ледяная крупа. Пес все еще рылся возле помойки. Когда Фридрих проходил мимо, он поднял голову и злобно залаял, выхаркивая облака гнилого пара.

Власов пожалел, что не может его пристрелить. Он никогда не понимал людей, заявляющих, что они "любят собак" – собак вообще. Собаки, как и люди, бывают не вообще, а конкретные и очень разные. Есть те, что достойны симпатии, есть верные друзья и надежные помощники – но есть и испорченные твари, заслуживающие в лучшем случае пинка. А то и пули.

Он вышел на Новый Арбат, заранее готовый к неприятному зрелищу.

Действительность оказалась именно такой, какой он и ожидал. Огромные уродливые здания по обе стороны запруженного машинами пространства, аляповато подсвеченные и украшенные какими-то мигающими разноцветными полосками, напоминали внутренности громоздкого технического устройства – скорее всего, древнего релейного рехнера. Насколько Власову было известно, идиотский проект был результатом деятельности всё того же "конструктивного крыла" ПНВ – во времена своего недолгого

торжества они успели-таки реализовать ряд градостроительных планов, призванных приблизить облик Москвы к обожаемым ими американским городам. Разумеется, в том виде, в котором они сами представляли американские города. Как выяснилось – уже в ходе партийного расследования – архитекторы, в кратчайшие сроки слепившие проект, вдохновлялись даже не столько великими западными мегаполисами, Нью-Йорком или Лондоном, а латиноамериканскими столицами, Сантъяго и Гаваной... В любом случае, смотреть на это безобразие не хотелось.

Серебряный переулок, оказавшийся на самом деле грязно-желтым, начинался крутой узкой лестницей, зажатой между стеклянными громадами новоарбатских торговых рядов; Фридрих едва не прошел мимо, приняв ее за спуск в какое-то подсобное помещение.

Минуту спустя он был уже на Старом Арбате.

Улица производила странноватое впечатление. Гроздья круглых белобрюхих фонарей, расталкивая завесу мокрой темноты, заливали все вокруг ярким, но каким-то мертвенным светом. Второй ряд освещения создавался рекламными вывесками, бегучими и подмаргивающими огоньками и прочими завлекалочками. Кое-где из светящейся неоном надписи выпадала погасшая секция или целая буква, но это, похоже, никого не волновало.

Несмотря на позднее время и скверную погоду, людей было довольно много. Правда, основной контингент составляли не поредевшие в эту пору гуляющие, а уличные торговцы, упорно мерзнущие возле своих квадратных "полевых шатров", натыканных чуть ли не через каждые десять метров. Стены-витрины этих хлипких сооружений были сплошь уставлены рядами матрешек, расписанными "под хохлому" подносами, дешевыми иконками, живописными вариациями на тему кустодиевских красавиц и прочими "русскими сувенирами" для непритязательного иностранного туриста.

Арбат, цитадель русской пошлости и кича... А ведь когда-то, открывая здесь пешеходную зону, московские власти хотели превратить Арбат в улицу художников и музыкантов, наивно полагая, что дают зеленый свет неофициальному, неподцензурному, молодому и свежему искусству. Получилось же примерно то же самое, что и с печально знаменитой московской подземкой.

Иначе, впрочем, и быть не могло. Настоящее искусство, как изысканная роза, нуждается в уходе садовника. То, что большевики были плохими садовниками, погубившими много цветов, не значит, что садовник не нужен вообще. На пустыре уличной свободы растут одни сорняки.

Некоторые торговцы пытались рекламировать свой товар даже собственным внешним видом. Власов неприязненно покосился на круглолицую девку в белых красноармейских валенках, длинной белогвардейской шинели с башлыком и пришитыми цирковыми эполетами, и высокой боярской шапке с кокардой РОА. Девка тоскливо переминалась на месте, не вынимая озябших рук из рукавов шинели. За ее спиной сквозь полиэтиленовую пленку, прикрывавшую товар от снега, маячили не только бесконечные матрешки и голомясые бабы, но также парочка красных знамен с серпом и молотом, плакат с профилем Сталина и несколько плешивых ленинских бюстов разного размера – словно слоники на каминной полке. Завидев приближающегося полицейского, торговка неторопливо, явно исполняя надоевшую формальность, завесила запрещенную коммунистическую символику трехцветным российским флагом, который, очевидно, тоже предназначался на продажу. Но, как только толстый страж порядка, постукивая себя

дубинкой по колену, лениво профланировал мимо, большевицкие символы вновь были выставлены напоказ.

Фридрих велел себе не вмешиваться. Он понимал, что, просто окликнув полицейского, ничего не добьется – торговка наверняка с ним делится, и для того, чтобы действительно прекратить этот бардак, нужно устроить большой скандал, в котором он, Власов, сейчас меньше всего заинтересован. Да и не в арбатских торговцах главное зло. Эти как раз начисто лишены какой-либо идеологии и продают все, что покупается; нередко в одном таком ларьке советская символика висит рядом с американской и официальной российской.

Несколько утешало одно: среди продаваемого дерьма не было ничего явно антигерманского – в отличие от той же Варшавы, где чуть ли не на каждой стене – особенно в рабочих кварталах – можно было увидеть намалёванное "109", а то и свастику в прицеле.

Впрочем, на лотке со Сталиным среди прочего барахла валялась майка с соответствующими цифрами, где единица была стилизована под молот, девятка – под причудливо изогнутый серп с вычурной рукояткой, а ноль – под чью-то физиономию. Присмотревшись, Власов понял, что это карикатура на Сергея Альфредовича: видимо, такое носила оппозиционно настроенная молодёжь. Впрочем, Фридрих знал, что летом местные неформалы, хлебающие из горла германское пиво, щеголяют в футболках, у которых с одной стороны Мао Цзедун, с другой – Рональд Рейган. Сейчас уже появились и портретики Буша, но Рейган, провозгласивший Райх "империей зла", пользовался особой популярностью у молодежи, которой главное – быть против, а чего и почему – совершенно не важно.

Но эти-то подрастут и перебесятся. Хуже то, что в Москве – не на Арбате, похожем на обсосанный леденец, а в более приличных местах – можно практически в открытую купить "Краткий курс истории ВКП(б)", книги Ленина, номера газеты "Правда", причем не довоенные раритеты, а новенькие, пахнущие свежей типографской краской. И покупают их отнюдь не только падкие до Russian exotic туристы...

Вот, наконец, и Староконюшенный. Фридрих свернул направо, сразу окунувшись в полумрак после неестественно ярких арбатских фонарей. Дом номер 39, высокий и узкий, был зажат между двумя соседними зданиями. Фасад подпирала пара атлантов; смотреть на их припорошенные снегом голые торсы было смешно и неприятно. То, что хорошо для знойной Эллады, попросту нелепо во льдах России... А может, не без иронии подумал Фридрих, дело еще и в звуковой ассоциации: атлант – Атлантический блок...

Он отыскал на связке нужный ключ и отпер подъезд. На сей раз его путь лежал лишь до второго этажа. Дверь квартиры не была взломана – очевидно, Вебер (вернее, его убийца) лишь захлопнул ее на стандартный замок, не применив все имевшиеся запоры, и полиции хватило ключа, взятого в домоуправлении, чтобы попасть внутрь. Теперь квартира, разумеется, была опечатана, но Фридриха это не смущало. Он натянул резиновые перчатки и достал флакон с "глазными каплями". Несколько капель растворителя из пипетки... теперь нужно немного подождать, и можно будет, не разрывая, отлепить конец бумажной полоски от дверного косяка.

В этот момент снизу гулко хлопнула дверь. Власов замер, готовый на цыпочках взбежать вверх по лестнице, если пришедший тоже окажется любителем пеших восхождений. Но вместо этого несколько секунд спустя ожил мотор лифта. Фридрих оставался настороже, пока старый лифт медленно полз вниз, и особенно когда он, клацнув

дверями, начал подниматься наверх. Однако кабина ушла высоко, этажа, как минимум, до пятого. Впрочем, если гость не застанет хозяина, он может сразу же и вернуться, и на сей раз по лестнице... Нет, кажется, обошлось. В доме вновь воцарилась тишина. Фридрих взглянул на часы и достал бритву – обыкновенную опасную бритву, которую даже московская полиция не сочтет оружием и которая, тем не менее, способна выполнять немало полезных функций. Несколькими аккуратными движениями он отслоил размокший край бумажной ленты, затем с помощью фонарика тщательно исследовал дверную щель и, не обнаружив никаких сюрпризов, вставил ключ в замок.

Власов немного постоял на пороге, пытаясь определиться с ощущениями от квартиры. В целом она не производила впечатления обжитой. Шторы и внутренние двери были распахнуты – конечно, результат визита полиции; желтый свет близких окон дома напротив мутно отражался в стекле книжных полок, расплывался на полированных дверцах шкафов, обозначал тусклым блеском тяжелый круг маятника напольных часов, стилизованных под старину. Часы, разумеется, стояли, никто не подводил их после смерти хозяина. Фридрих скользнул лучом фонаря по паркету и отчётливо различил на нем грязные рубчатые отпечатки многочисленных ботинок. Воистину – московская полиция умеет затаптывать следы... в самом буквальном смысле. Знакомого по детективам мелового контура нигде не было – вроде бы Вебера нашли в кресле, а не на полу.

Первым делом Фридрих тщательно задернул шторы в комнатах и на кухне. Как и в его нынешнем жилище в Трубниковском, они были светонепроницаемы. Теперь можно и зажечь люстру. Окинув внимательным взглядом кабинет и не обнаружив ничего необычного – если что и было, это наверняка упаковали в пакеты и унесли полицейские – Власов погасил свет и направился на кухню. Он особым образом нажал одну из кафельных плиток между стенными шкафами, и тотчас шесть других единой панелью плавно вышли из стены, обнажая дверцу сейфа. Фридрих покрутил маленькие черные ручки, вводя код, затем открыл сейф. Верхнее его отделение, к разочарованию Власова, оказалось совершенно пустым. В нижнем находился магнитофон; принимая в этой квартире посетителей, Вебер должен был записывать разговоры (микрофоны имелись в каждом из помещений). Фридрих нажал крайнюю кнопку – без особой надежды, полагая, что кассету уже забрали коллеги из Управления (московской полиции, естественно, знать о тайнике было совершенно ни к чему). Однако кассета неожиданно выехала ему в руку. "Черт побери, о чем думает этот Лемке?!" Не поддавшись искушению прослушать запись тут же – задерживаться в квартире не следовало – Фридрих сунул кассету в карман.

Затем он проверил второй, малый тайник – в шкафу рядом, в днище железной коробки с крупой. Там вполне могли поместиться несколько накопителей, фотопленка или сложенные бумажные документы; однако там тоже ничего не оказалось. В тот момент, когда он ставил коробку на место, из прихожей донесся звук. Тихий вкрадчивый звук осторожно вставляемого ключа.

Фридрих метнулся к выключателю и успел погасить свет до того, как дверь отворилась. Но больше он сделать не успел ничего – лишь замер у выхода с кухни, прижимаясь к стене. Со своего места он видел, как темную прихожую рассекла узкая полоска тусклого света с лестничной клетки. Дверь открывалась медленно, не скрипнув. Тот, кто находился по ту сторону, наверняка заметил отклеенную печать. И лишний раз Фридрих убедился в этом, когда в расширившемся светлом параллелограмме появилась рука с пистолетом.

"Суперагент нашелся!" – выбранил себя Фридрих. "Джеймс Бонд!

Штандартенфюрер фон Штирлиц!" (Кажется, знаменитый сериал про дойчского разведчика, под именем полковника Исаева работавшего в большевицкой Москве, в очередной раз крутили по одному из центральных каналов.) Все-таки аналитик и оперативник – разные специализации, и не следовало их смешивать. А уж если смешиваешь, надо хотя бы брать с собой оружие... Московской полиции он, видите ли, испугался. Этот тип явно не из полиции. Та врывается толпой – руки вверх, всем лежать...

Темный силуэт незваного гостя скользнул в прихожую, мягко прикрывая за собой дверь. Свет он не зажигал, и фонарь включать тоже не спешил – вероятно, понимая, что это сделает его удобной мишенью. Во мраке Фридрих не столько видел, сколько догадывался, как он поворачивается, поводит стволом из стороны в сторону... затем крадущиеся шаги двинулись к кухне. Власов сжимал в руке аэрозоль. Что ж, пусть подойдет. Пистолет дает ему преимущество только на расстоянии. Правда, аэрозоль в небольшом помещении кухни тоже лучше не применять, но если задержать дыхание...

Фридрих чувствовал, что его противник стоит за углом и выжидает. "Как бы я поступил на его месте?" – применил Власов классический прием. "Он не уверен, что снявший печать все еще здесь, но предполагает это. Если он знает обстановку квартиры – а он, похоже, ее знает – то понимает, что на кухне слева от входа мне спрятаться негде, значит, я справа – либо держу дверной проем на прицеле из дальнего угла, либо стою сразу за косяком. Значит, он попытается быстро проскочить проем, пригнувшись, вдоль серванта у левой стены..."

Едва он успел это подумать, как нечто стремительно метнулось мимо него, всколыхнув воздух на уровне пояса. Если Фридрих и собирался ударить незнакомца сверху вниз в дверном проеме, то опоздал. В следующую же долю секунды из левого дальнего угла в лицо Власову сверкнул фонарь. Фридрих, уравнивая шансы, ударил по квадратной клавише выключателя и шарахнулся в проход, уходя с возможной с линии огня.

Выстрелов не последовало. Пришелец, на миг ослепленный вспышкой, пару раз удивленно моргнул, а затем опустил пистолет, расплываясь в улыбке.

– Фридрих! Вот это сюрприз! И давно ты занимаешься этим делом?

– С сегодняшнего утра. Рад тебя видеть, Хайнц, и еще больше рад, что ты сначала смотришь, а потом стреляешь.

– Ну, зачем нам тут еще один труп, правда? Я надеялся взять тебя живым, – ухмыльнулся Хайнц, гася уже ненужный фонарь.

– А я тебя, – усмехнулся в ответ Фридрих. – Мюллер не сказал мне, что ты в Москве. Я даже не знал, что ты вообще в России.

– Ну, ты же знаешь старого лиса. Никогда не клади все яйца в одну корзину, никогда не доверяй все дело одному человеку... Вообще-то я только утром приехал из Бурга. А тут такие дела... Бедняга Вебер.

– Ты хорошо знал его?

– Как-никак, я здесь уже несколько месяцев, мы часто общались... Он был отличным профессионалом.

– Не очень, раз позволил себя убить, – сухо заметил Фридрих.

– Ты все такой же бескомпромиссный, – улыбнулся Хайнц.

– Компромисс – половина поражения, – процитировал Власов свой школьный афоризм.

Kapitel 6. Тот же день, ближе к полуночи. Москва, Старый Арбат, 35.

С Хайнцем Эберлингом Власов познакомился в восьмом классе, когда после смерти отца переехал с матерью в ее родной Висбаден. Как это обыкновенно бывает, школьная среда приняла новичка настороженно, причем знаменитая фамилия скорее усиливала, чем развеивала отчуждение. Но с Эберлингом они сошлись и подружились почти сразу, несмотря на заметные различия характеров: Фридрих был холоден и замкнут, Хайнц – горяч и порывист. Оба, впрочем, были в числе лучших учеников школы (несмотря на все проблемы, которые Эберлинг создавал учителям – особенно учителям истории и национал-социализма – дискуссиями, затеваемыми прямо на уроках), и оба решили поступать в одно летное училище Люфтваффе. На экзаменах Хайнц набрал 20 баллов из 20 (Фридрих – 19, из-за арифметической ошибки), но в последний момент его забраковала медицинская комиссия. Что-то им там не понравилось в его сердце, какой-то микроскопический, незаметный в обычной жизни врожденный дефект клапана... Фридрих утешал друга, как мог, говоря, что с такими результатами экзаменов его примет с расспростертыми объятиями любое военное училище Райха – и тот сообщил, что и в самом деле получил несколько интересных предложений.

Затем, однако, пути друзей разошлись. Нагрузки в летном училище оказались очень серьезными, свободного времени не оставалось совершенно, и Власову было не до Эберлинга; он даже не знал его нового адреса. Затем – выпуск, полеты, новые машины, аэродром в Польше, база Райха в Болгарии, полк истребителей-перехватчиков на границе с Францией, Африканская кампания... Правда, несколько раз за это время школьные друзья обменялись письмами (первое пришло от Эберлинга), но эта переписка была не слишком информативной; Хайнц избегал рассказывать о своей жизни, и Фридрих, тоже дававший по службе разнообразные подписки о неразглашении, хорошо его понимал. Судьба снова свела старых товарищей спустя годы, когда после той злосчастной аварии летчик-эксперт Фридрих Власов – сбивший в небе над Африкой шесть "Фантомов", удостоившийся личной благодарности райхсмаршала Ралля – вдруг оказался на земле с пенсионным свидетельством в кармане. Именно тогда неизвестно откуда вновь материализовался Эберлинг и предложил ему работать на Мюллера. Конечно, это была не его личная инициатива. Но, как считал Власов, Хайнц тоже замолвил за него словечко.

– Ну что ж, раз так вышло... – Хайнц поковырял мизинцем правой руки уголок левого глаза. Власов улыбнулся: это была старая, школьная ещё привычка Эберлинга. Физиономия друга, наполовину закрытая ладонью, смотрелась довольно забавно. Однако Фридрих помнил и то, что означал этот жест: Эберлинг собирается принять важное решение.

Наконец, Хайнц перестал копаться в глазу и посмотрел Фридриху в лицо.

– Давай начистоту. Каждый из нас собирался осмотреть квартиру. Ты пришёл незадолго до меня, не так ли? – Фридрих кивнул, – а значит, вряд ли что либо успел сделать за это время. (Власов обиженно промолчал.) В таком случае, займёмся этим в паре. Я буду работать руками, а ты контролируй, не упустил ли я чего. Хотя вряд ли мы что-нибудь здесь отыщем.

– Не сомневаюсь в твоём профессионализме, – сказал Фридрих. несколько суше, чем хотел. Старый товарищ слишком ясно давал ему понять, что он справится с делом лучше него, Власова.

– Тогда начнём с прихожей, – следующим ходом Эберлинг взял на себя функции старшего в группе. Это было вполне ожидаемо. В школьные годы Хайнц тоже обычно

брал на себя инициативу, а Фридрих обладал чем-то вроде права вето.

Которым, подумал Власов, сейчас самое время воспользоваться.

– Я уже начал работать, и не хотел бы бросать дело на полпути. Кто первый пришёл – первый мелет.

– Ладно, твоя взяла, – легко согласился Хайнц. – Но вот насчёт интересной добычи – очень сомневаюсь. Чует моё сердце – тут пусто... Сейф ты уже проверил?

– Да, разумеется. Эти ослы из Управления...

За окном грохнул выстрел.

Тело Власова среагировало само – прямо по учебнику. Через две секунды он лежал, вжавшись в холодный пол: ноги вместе, руки закрывают затылок от осколков вываливающегося стекла, дыхание на мягком ступоре, на случай газовой гранаты, голова просчитывает варианты: так, стекло цело, теперь принять низкую стойку, перекат, прыжком в дверь, где Хайнц?

Хайнц стоял посреди комнаты и смеялся – искренне, от души. Злой, раскрасневшийся Фридрих аккуратно сгруппировался и встал на ноги.

Увидев его глаза, Эберлинг немедленно замолчал.

– Фридрих, прости! Я знаю, ты не любишь насмешек... но ты всё сделал правильно. Просто ты не знаешь обстоятельств... (Хайнц осторожно вытер выступившую от смеха слезу). Тут рядом живёт один смешной старик, инвалид войны. Обрусевший дойч. Очень славный старикан, хотя и немножко того... Обожает вечерами палить из ракетницы. Устраивает, так сказать, себе и соседям персональный салют. Местные к нему привыкли. Полиция тоже...

На улице снова грохнуло, потом ещё и ещё. Нетрезвый мужской голос крикнул "ура".

– Забавное словечко, – протянул Хайнц. – Между прочим, тюркское. Означает "бей". В связи с чем местные пуристы предлагают вычеркнуть его из русского языка вместе с прочими тюркизмами...

– Ты увлёкся филологией? – Власов с недоумением посмотрел на друга.

– Было где поднабраться... Это всё бургские дела, потом расскажу – несколько туманно объяснил Эберлинг. – Давай всё-таки закончим с нашими. Мне, признаться, не хочется оставаться тут надолго. В России всегда можно ожидать каких-нибудь неожиданностей. Например, визита полицейских, вызванных бдительной бабушкой из соседнего дома. Которая сидит целыми днями и смотрит на это окно. И поймала момент, когда ты задёргивал шторы. Поверь, здесь такое бывает. Да чего там! Недавно вот был случай... Какой-то набоб из местной полиции завёл себе любовницу. И устраивал с ней романтические встречи в квартирах, опечатанных после ограблений или убийств. То ли это его как-то особенно возбуждало, то ли просто прятался от жены и коллег таким вот оригинальным образом... А прокололся он случайно – эксперт-криминалист забыл в одной такой квартирке какой-то из своих инструментов, спохватился уже ближе к ночи, поехал на место, ну и увидел... Так безалаберность раскрыла должностное преступление... Представляешь?

– Давай отложим разговоры на потом, – попросил Фридрих. – Сначала я хотел бы закончить дело.

Хайнц пожал плечами, но замолчал.

Для того, чтобы сколько-нибудь подробно осмотреть всё, достойное внимания, понадобилось минут двадцать. Всё интересное содержимое стола и книжных шкафов

подчистую выгребла полиция. Осталось только несколько книг. Фридрих педантично осмотрел и пролистал каждую – разумеется, ничего не обнаружив. В основном это были дорожные романы на французском. Один из них был обёрнут в старый номер какой-то парижской – судя по бумаге – газеты, с политической карикатурой на германо-российскую тему: дойчский заяц в каске залезал сзади с недвусмысленными намерениями на русскую белочку, умудряясь при этом держать в лапах удилище с подвешенным на крючке орешком, которым он и помавал перед беличьей мордочкой. Приглядевшись, Власов разобрал, что на орешке было написано "беспроцентный заём". Почему-то вспомнилось, что в прошлом веке Франция считалась родиной галантности, остроумия и хорошего вкуса.

Эберлинг наблюдал за действиями друга, откровенно скучая.

– Ну что? Я же говорил – пусто. Давай-ка закругляться. Что ты думаешь насчёт лёгкого ужина? Я, честно говоря, голоден как волк. Есть тут одно заведение на Арбате – кормят вкусно и относительно недорого. Зато пиво там отменное. Сами варят. Особый солод, нефильтрованное... ах да, ты же не употребляешь наш главный национальный напиток... Или уже? По кружечке...

– Я не хочу есть, – ответил Власов машинально: как обычно с ним бывало, неприятное ощущение недоделанного дела – в данном случае порожденное безрезультатным обыском – начисто отбило у него аппетит. Тут же он, однако, вспомнил, что за целый день так толком и не поел, и лучше уж воспользоваться предложением Хайнца, чем потом на ночь глядя пытаться что-то приготовить самому. – Впрочем, компанию тебе составлю, – заключил он.

– Вот и составь, пожалуй. К тому же там подают отличный чай с травами по-славянски.

– Предпочитаю хонг.

– Китайский красный? Это как-то очень по-коммунистически, – съехидничал Хайнц.

– Старые почтенные сорта и никакой идеологии, – в тон ему ответил Фридрих. – Кстати, если бы Китай не был красным, это стоило бы других денег. Просто чай – практически единственная статья китайского экспорта, помимо минерального сырья. Ну, и не считая того хлама, который они производят нелегально под видом известных марок, но с этим на серьезный рынок не выйдешь... Насколько я помню, каждый пятый китаец проводит жизнь на чайных плантациях. Кстати, если бы они сократили производство и подняли цены, то получили бы те же деньги, а то и больше. И сэкономили бы десятки тысяч часов человеческого труда. Но такая простая мысль не приходит им в голову: они считают, что чем больше продашь, тем больше заработаешь. Коммунизм несовместим не только с человеческой природой, но и с хорошей бухгалтерией.

– Вот в этом ты сильно ошибаешься, – серьёзно сказал Эберлинг. – У них с бухгалтерией не так уж плохо. Но давай всё-таки поторопимся, что ли. Я и в самом деле хочу есть.

Через десять минут друзья уже шли по заснеженному Арбату. Сырой ветер приутих, и мерно падающий снег в свете фонарей даже казался красивым.

Торговцы потихоньку сворачивались, укладывали и перекладывали товар, уже не надеясь на скорый барыш. Давешняя девка в шинели продолжала стоять на своём посту: видимо, дневная выручка её не устроила.

Неожиданно из тёмного проулка выкатился непонятного вида господин в огромной

лисьей шубе и шапке из того же меха. Он как-то очень быстро пронёсся мимо Фридриха, задев его плечом (Власов брезгливо отшатнулся), подвалил к девке и навис над ней, что-то гундя – тихо, зло, неразборчиво. Девка отлаивалась простуженным высоким голосом. Власов прислушался, но понять ничего не смог.

– Вот, кстати, колоритный типаж... – протянул Эберлинг. – Ночная жизнь. Точнее, предпринимательство. Этот, в шубе – хозяин балаганчика.

– Так, значит, это он торгует серпом и молотом, – протянул Фридрих. – А местная полиция, я так понимаю, в доле?

– Ох, ты опять со своей бескомпромиссностью, – вздохнул Хайнц. – Понимаешь... тут всё очень сложно.

– Мне приходилось слышать эти слова много раз. Как правило, они прикрывали какое-нибудь очень простое обстоятельство, о котором не хочется говорить вслух.

– Ну ты сам понимаешь – нельзя ведь всегда и во всём действовать согласно уставу и партийной программе, – Эберлинг повёл плечом, – есть же и реальная жизнь. Вот, например, этот, в шубе... Я ведь интересовался этой ситуацией. Знаешь, что сказали безопасники? Он – платный осведомитель. Полиция закрывает глаза на то, что он приторговывает серпом и молотом, а он сдаёт им наркодилеров. Принцип меньшего зла.

Мужик в шубе ударил девку по лицу. Та завопила в голос, потом попыталась заплакать. Получилось громко, но неубедительно.

– Я не уверен, что серп и молот – "меньшее зло", – холодно сказал Власов. – Во всяком случае, мой отец был иного мнения.

– Ну будь же ты реалистом! Сейчас другие времена. Коммунизм как таковой непопулярен. Оставим в стороне Петербургский процесс. Но китайцы сделали всё, чтобы от этой идеи остались рожки да ножки.

– Ты мне вроде что-то хотел сказать насчёт бухгалтерии? – припомнил Фридрих.

– Потом, потом... Пойдём.

Через несколько минут друзья дошли до освещённого фасада, над которым горела надпись "Калачи" с двумя рыжими неоновыми блямбами по бокам.

Присмотревшись, Фридрих сообразил, что эти штуки изображают какие-то хлебобулочные изделия – судя по форме, кренделя. Из чего Власов сделал закономерный вывод, что заведение принадлежит русским или юде: хозяин-дойч, прежде чем использовать в названии своего дела непонятное слово, хотя бы заглянул бы в энциклопедию.

Внутри оказалось тесновато, зато тепло. Свет давали круглые лампы, свисающие с потолока на витых металлических хоботках. Возле гардероба стояли две девушки в свитерках и синих американских брючках. Пожилой портье, кряхтя, пытался пристроить на высокий крючок меховую шапку, ещё искрящуюся крохотными капельками воды от подтаявших снежинок.

Хайнц небрежно перекинул через барьер свой длинный серый плащ, и пошёл прямо в зал. Видимо, его тут хорошо знали. Власов с удовольствием освободился от куртки и отдал её гардеробщику, получив в обмен тяжёлый деревянный жетон с выжженными цифрами "67". После этого он направился было в зал, но потом решил, что не худо бы сперва зайти в мужскую комнату: неприятное чувство внизу живота давало о себе знать. Туалет был выложен ярко-красной плиткой тревожного оттенка – за исключением чёрного пола и столь же чёрного потолка. Власов понимающе усмехнулся: сочетание цветов настраивало на совершенно определённый лад – быстренько сделать

свои дела и поскорее уйти. Фридрих, впрочем, и не собирался задерживаться.

Уже застёгивая брюки, он вдруг услышал, как из соседней кабинки вдруг раздалось: "Здорово, Курц! Как ты жив, старик?" Фридрих сообразил, что кто-то разговаривает по целленхёреру, но невольно прислушался.

"Что ты говоришь? Счёт-фактура?... У кого там вторая подпись? Что? Не слышу! Этот урод, Ханс? Ну что ты от него хочешь, типичная немчура" – слово было произнесено с явным отвращением. "В общем, пусть всё подписывает и едет. Едет пусть, говорю! В Цюрих этот грёбаный, чтоб его..." – дальше пошёл какой-то совершенно невразумительный разговор о финансовых операциях, перемежающийся бранью.

Власов прошёл к блестящей никелированной раковине, тщательно вымыл руки, затем лицо. Достал из настенной коробки бумажное полотенце, аккуратно вытер ладони насухо. Потом посмотрелся в зеркало.

В принципе, Фридриху нравилась его внешность. Приличный рост, длинное и узкое лицо – типичный нордический тип, никакой тебе азиатской низкорослости и круглоликости, столь портящей порой носителей русских генов. Разве что нижняя челюсть тяжеловата, и губы он бы предпочел потоньше... хотя это уже мелочи. Но сейчас из зеркала на него глядел исподлобья хмурый господин средних лет с нездорово-бледной кожей – возможно, виной тому было освещение – и глубоко залегшими тенями под глазами. Портрет завершали короткие чёрные волосы и того же цвета щетина: увы, за весь этот день он так и не выкроил момента, чтобы побриться, принять душ и привести себя в порядок. А следовало бы – если уж штурм унд дранг не дал никаких результатов... Впрочем, у него есть добыча: кассета из сейфа. Правда, ещё неизвестно, какова её ценность.

Он прислушался к собственным ощущениям. Интуиция глухо молчала. Власов вздохнул и направился к выходу.

В общем зале было не протолкнуться. За всеми столиками сидели посетители – судя по непринуждённому виду, в основном местные завсегдатаи. Ловко сновали официантки в красных фартучках, разнося тарелки с жареным мясом и батареи пивных кружек. Грохотала непонятного происхождения музыка, напоминающая своей беспородностью уличную шавку: слышно было только ритмично повторяющееся "дщ! дщ! дщ!", местами скрашенное незатейливой мелодией. В середине за сдвинутыми столами сидела и шумела большая компания уже подвыпивших мужиков.

Хайнц поджидал друга у стойки – он ловко устроился на высоком табурете с крохотным сиденьем. Перед ним уже красовалась литровая кружка-"башня". Бармен ловко срезал специальным ножиком белую шапку пены, грозно вздымающуюся над блестящим стеклом и готовую в любой момент обрушиться и растечься по стенкам кружки.

– Тут сегодня плотно, – извиняющимся тоном сказал Эберлинг. – Ну да ничего, сейчас нам всё устроят. Точно не хочешь пива?

– Ты прекрасно знаешь моё отношение к алкоголю, – Власов покосился на барную стойку, которую украшали ряды бутылок, в основном с английскими и французскими этикетками, – и уж тем более к импортному. Я не понимаю, зачем поддерживать своими деньгами американскую пищевую промышленность. А точнее – военную.

Хайнц поднял бровь.

– Ну, знаешь ли... Это у тебя уже паранойя.

– Производство отравляющих веществ обычно относят именно к этой категории, –

пояснил Фридрих.

– Тьфу! Это же надо так выразиться... Просто ты не понимаешь, чем отличается шнапс или водка от ирландского whisky хорошей выдержки... Что делать: мы производим лучшие в мире самолёты и автомобили, но в области bukhla Америка впереди.

Власов подумал, что Эберлингу следует ещё поработать над произношением. Русское слово "бухло" в его исполнении звучало как "букло".

Музыка отыграла своё и стихла. Гуляки немедленно застучали кружками, требуя продолжения. Через минуту "дщ, дщ" возобновилось, и стук прекратился.

– Зато пиво тут варят из нашего солода, – патриотично завершил свою тираду Эберлинг. – Подождём минуту-другую, а потом... А, вот это к нам идут.

Длинноногая девица в красном "байришском" фартучке – официантка – подобралась к Хайнцу и что-то ему шепнула на ухо. Тот ухмыльнулся и подмигнул Фридриху.

– О, нам сделали столик в кабинете. Пойдём, там спокойно.

Друзья прошли сквозь жующую, веселящуюся толпу. Девушка подвела их к неприметной двери, которую открыла маленьким ключиком. Хайнц достал из кармана смятую десятку и вложил девушке в ладошку. Ключик перекочевал к нему.

Друзья оказались в маленькой комнатке с единственным столиком, на котором уже стояли тарелки, набор стопок и стаканов и зелёная бутылка зельтерской в лотке со льдом. Стены были забраны имитацией витражей с виноградными гроздьями. Всё те же круглые лампы светили вполсилы, создавая то, что обычно называется "уютный полумрак". Фридрих не любил такое освещение – да и вообще "Калачи" ему не показались очень уж уютным местечком. Зато Эберлинг, судя по всему, чувствовал себя здесь вполне комфортно.

Власов, впрочем, догадывался, зачем Хайнц потащил его сюда. Помещение наверняка прослушивается русской полицией – а, значит, вести здесь слишком откровенные разговоры нежелательно. Разве что намёками, вокруг да около. Так они и поговорят. Потом Хайнц пожалуется на усталость, выпитое пиво, попрощается и уйдет. Или не уйдет – в зависимости от того, как сложится разговор. Что ж, пусть так. Власов тоже умеет играть в эти игры.

Хайнц устроился на левом стуле. Фридрих заметил, что лицо Эберлинга скрывает густая тень, в то время как он сам оказался на освещённой стороне столика.

Эберлинг, не заглядывая в меню, сделал сложный заказ из нескольких блюд. Все названия были Власову незнакомы. В довершение ко всему он потребовал ещё пива и двести грамм "русской особой". Власов вопросительно посмотрел на друга: подобное было ему в новинку . Тот сделал непроницаемое лицо.

Быстро пролистав меню, Фридрих заказал себе только десерт: кусок яблочного пирога и чай по-славянски – зафиксировав в памяти, что, ко всем своим прочим недостаткам, заведение ещё и недешёвое: за один чайничек просили три двадцать две.

– Ты не будешь горячего? – Хайнц казался искренне огорчённым. – Попробуй хотя бы вырезку с травами... она здесь очень недурна, уверяю тебя.

– Сначала я посмотрю меню, – пожал плечами Власов. Он не понимал кулинарных изысков, и вообще с трудом привыкал к любой новой еде, неизменно предпочитая любым разносолам старую добрую свинину с картошкой. В особенности же он не доверял рекомендациям гурманов – те, как правило, предпочитали жрать какую-нибудь особо изысканную отраву, вроде французского сыра с плесенью. Фридрих же относился к

своему желудку – и к телу вообще – проще и серьёзнее.

Девушка, записав в своём блокнотике пожелания гостей, ушла. Эберлинг тут же достал откуда-то прозрачную капсулу, кинул в рот и быстро запил минеральной водой.

– Желудок не варит, – коротко пояснил он. – Всё от нервов. Крайняя неделька была ещё та. Мы прорабатывали одну версию по Бургу, но, кажется, там...

– Подожди, – Фридрих слегка подвинулся на стуле, – постой. Мы можем говорить?

– В разумных пределах. Тут шарятся русские безопасники. Они нам, конечно, друзья, и в курсе наших проблем. Я имею в виду – по моей линии. Ну... будем считать, что у нас первый крестик.

Власов молча кивнул. Эберлинг намекал на обычную систему пометок допуска к информации для журналистов, принятую в Управлении. На профессиональном жаргоне информационщиков "первым крестиком" назывались материалы, подлежащие самой минимальной редактуре – в основном сводящейся к вычёркиванию некоторых имён и слишком точных цифр.

– Хорошо, пусть будет первый крестик... Что ты думаешь... об этом происшествии в целом?

– Если честно, пока ничего, – Хайнц пожал плечами, – у меня нет даже первой версии. Последнее время я работал в основном по Бургу. Но есть у меня одно подозрение... Наш покойный друг кого-то задел. Может быть даже, кого-то, не имеющего отношения к теме.

"Темой" в Управлении называли предмет расследования и всё связанное с ним.

– Ну да. Например, перебежал дорогу местной наркомафии, – невесело усмехнулся Фридрих. – Наткнулся на тайник с тонной героина.

– Зря смеёшься. Я не исключаю и такой возможности. Я вообще ничего не исключаю. Ты не представляешь, насколько всё тут запутано.

Дверь открылась. Девушка принесла на подносике кружку пива и графинчик с беленькой. Вопросительно глянув на Хайнца (тот еле заметно покачал головой), она поставила графинчик на лёд, после чего упорхнула.

– Видишь ли, у него была идея, – Хайнц взял в руки пивную кружку, подул на неё, отхлебнул. В полумраке пиво казалось чёрным. – ...что разговорчики за чаем и газетные статьи могут сделать больше, чем бомбы. По крайней мере, в современном мире.

– И что, он всерьёз занялся любителями чаепитий? – Фридрих добавил в свой голос скепсиса, которого на самом деле не чувствовал.

– Вроде того... Его интересовала вот какая штука. Наши маленькие друзья, любители свободы, – Власов понял, что речь идёт об СЛС – очень аккуратны со счетами. Мы знаем, сколько на них поступает, мы знаем, сколько уходит. В частности, у них есть графа, по которой идут средства на работу в Райхсрауме. В том числе, конечно – здесь, в России.

– Да. Но это же считанные пфенниги, – пожал плечами Власов. – К тому же это делается совершенно легально.

– Подожди, – Эберлинг отхлебнул ещё пива. – Что-то долго они несут... Так вот: во-первых, это не пфенниги. Они подкидывают денежек местной прессе, потом кое-что уходит на устройство всяких разных мероприятий, то-сё – в общем, набегает не такая уж маленькая сумма. К тому же она растёт. По нашим данным... – он осёкся, – да, первый крестик... Короче, суммы не такие уж незначительные. Но дело-то не в этом. Представь себе вот какую вещь. Допустим, у нас есть сто марок. Эти сто марок СЛС получил

совершенно законным способом, собрав их на митинге. Так? Теперь они кладут эти деньги себе на счёт. Счёт открыт в Имперском банке. Разумеется, мы его контролируем...

– Ну и к чему всё это? – Фридрих с трудом сдержал зевок.

– Погоди, погоди, – отмахнулся Эберлинг. – Ты слушай. Теперь наши свободолюбцы хотят проплатить выпуск в Москве дополнительного тиража газеты "Свободное Слово". Это их право. Но мы, конечно, сообщаем в Москву кому следует, что местным уродам пришли деньги из Райха. Это понятно?

Фридрих кивнул.

– Итак, СЛС переводит деньги в филиал российского банка. Допустим, это "Бета-Банк". Через некоторое время выходит доптираж "Свободного Слова". Русские безопасники, конечно, проверяют ведомости. И видят, что все деньги потрачены на этот самый доптираж. Что-то, конечно, украдено местными функционерами – но по мелочи... Тебя здесь ничего не смущает?

Власов промолчал.

– А вот теперь самое интересное. Представь себе, что на самом деле деньги со счёта "Бета-Банка" в Москву не пришли. А были втихую переведены на анонимные счета...

– В таком случае, кто финансирует дополнительный тираж газеты? – спросил Фридрих, уже догадываясь, что услышит в ответ.

– Ты начинаешь прорубать рыбку! – Власов удивленно сдвинул брови – какую рыбку, почему прорубать? – но вовремя сообразил, что это какая-то русская идиома, дословно переведенная на дойч. Не иначе, Хайнц решил поразить своего русского друга знанием тонкостей языка. Забава вполне невинная, и все же Фридриху фраза резанула слух. Стремление казаться "своим парнем", как правило – признак неуверенности. Хотя, конечно, любые преимущества надо использовать, особенно в чужом окружении. Но ломать комедию перед ним, Власовым? Похоже, Хайнц заигрывается...

– ...обеспечивался какими-то другими деньгами, пришедшими по российским каналам, – продолжал меж тем Эберлинг. – В принципе, их можно было бы отследить. Но местные безопасники обычно полагаются на хорошую работу коллег из Берлина. Те сказали, что придут деньги, сказали на что именно и сколько. Русские проверяют – вроде бы всё сходится.

– Ну, допустим, – Власов собрался с мыслями, – таким образом можно отмыть какие-то небольшие суммы. Что это доказывает? Что у СЛС есть чёрная касса? Это не открытие. К тому же зачем такие сложности? Хотя, – Фридрих в задумчивости почесал подбородок, ногти проскребли по свежей щетине с неприятным звуком, – может быть, скунсы таким способом оплачивают свою агентуру? Нет, не агентуру, там есть схемы получше. Пятая колонна? Тоже нет: всё равно там денег немного... Нет, это бессмысленно. Разве что как неприкосновенный запас на крайний случай. Или на оплату разовой акции... Стоп. А откуда вообще взялась эта идея? Насчёт счетов?

Эберлинг оживился.

– О, это интересная история. Всё началось с одного мероприятия. В Бурге на днях должен был состояться, – Хайнц заговорил по-русски, – Festival NEMETSKOI KULTURY – он выделил голосом последние два слова. – Да-да, – он снова перешёл на родной язык, – именно с таким названием. Основной бенефициатор – Рифеншталь-Фонд.

– Я до сих пор не могу понять, почему мы терпим эту... эту женщину, – Фридрих удержался от более резкой формулировки. – И её восьмого мужа. Этого, как его...

– Господина Лихачёва, – любезно напомнил Хайнц. – И не надо лишней грязи: он у неё всего лишь седьмой. А фрау Рифеншталь, вообще-то, является национальным достоянием Райха и народа Дойчлянда. У неё больше наград, чем у всех руководителей Управления, вместе взятых. В конце концов, ты ведь каждый год смотришь "Ужин в "Медведе"? За одно это ей можно многое простить.

– Ранние её фильмы действительно хороши, – согласился Власов, – да и "Ужин", конечно, шедевр... Но вот та гадость, которую она снимала после этого... Этот, как его... "Ночной патруль". Это же обычная порнография. К тому же с политическим душком.

– Но, между прочим, она тогда привезла нам пальмовую ветвь из Канн. Помнишь заголовки в газетах? "Германия снова побила французов на их территории"...

Фридрих почувствовал, как к горлу подступает тяжёлая, холодная злоба.

– Да, заголовки помню. И считаю этот день нашим национальным позором, – сказал он по возможности спокойно. – Когда нация, давшая миру Гёте, Ляйбница, Бетховена, Шопенхауэра, мало того что умудряется прославиться дешевым непотребством, но еще и гордится этим... Я не понимаю, как этого не понимаешь ты? По крайней мере, сейчас. Ты был юнцом – как, впрочем, и я. Но теперь...

– Наверное, я хорошо сохранился, – усмехнулся Хайнц, – но я и сейчас не понимаю, что именно тебя так злит. Конечно, старуха не ангел, но отрицать её заслуги перед культурой? Это просто смешно.

Вошла официантка, неся заставленный поднос. В центре стояло блюдо, накрытое серебристым куполом.

– М-м-м, – оживился Хайнц, – это у нас что? Мясо с брусничным вареньем по-славянски... Аб-ба-жаю, – последнее слово было сказано по-русски, причём, как заметил про себя Власов, с правильной интонацией.

Эберлинг развернул салфетку с прибором. Сыто звякнула вычурная двузубая вилка.

Девушка взяла со льда графин. Посмотрев на Фридриха (тот энергичным жестом отверг предложение), она быстро и ловко наполнила стопку Эберлинга, после чего деликатно пододвинула к нему поближе тарелочку с копчёной севрюгой. Белые ломти рыбы украшали маслины и половинка лимона. Ко всему этому полагалась специальная белая посудинка с тёртым хреном.

– Ну, – Хайнц торжественно поднял стопку, – за встречу. Хоть ты и не пьёшь... – Он зажмурился, быстро опрокинул в рот водку, подцепил вилкой ломтик севрюги, окунул в хрен, закусил – после чего блаженно откинулся на спинку стула.

В этот момент его лицо на мгновение попало в полосу света.

То, что Фридрих увидел в эту секунду, ему совсем не понравилось. Тонкое, нервное лицо Эберлинга на секунду лишилось своей обычной иронической маски – и на нём проступили напряжение, усталость и глубоко въевшееся беспокойство. Фридрих внезапно понял, что Хайнц зазвал его сюда не только затем, чтобы оградить себя от каких-то ненужных расспросов. Ему и в самом деле нужно было расслабиться. То есть, проще говоря, выпить...

Власову стало неприятно. Он отвернулся и спросил у девушки, могут ли они пожарить для него лично свинину с картошкой. Девушка записала свинину, попыталась предложить в качестве гарнира какой-то там "картофель-грате", но по лицу клиента поняла, что это не очень хорошая идея.

– Так вернёмся к кинокритике, – вступил Эберлинг. Судя по голосу, момент

слабости благополучно миновал. – Что же ты имеешь против международного признания нашего кинематографа?

Он пододвинул к себе блюдо под крышкой. Снял её. Вдохнул аромат жареного мяса, после чего вонзил в него вилку и нож.

– Начнём со слова "международное", – Власов завёлся с полуоборота. – Сейчас оно имеет одно значение – "американо-франко-британское". Заметим, не дойчское, не итальянское, не эспанское, не русское. А именно американо-франко-британское! Мы почему-то отдали врагу право называть себя "Мировым Сообществом", после чего немедленно начали ощущать себя провинциалами. И нуждаться в "международном признании". То есть в похвале врага, если называть вещи своими именами. И чествовать тех, кто заслужил эту похвалу. Но заслужить похвалу врага может только тот, кто ему полезен...

– Ничего себе логика! Ты хочешь сказать, что старая ведьма – пособница американской плутократии? – Эберлинг фыркнул. – О ней можно сказать много всяких гадостей. Но что она патриотка до мозга костей, в этом-то сомневаться не приходится.

– Да я в этом и не сомневаюсь. Но я хорошо знаю, что патриотизм, как и любая другая система убеждений, вещь двусмысленная. Особенно у нас, у дойчей. Патриот Дойчлянда, как правило, любит не Фатерлянд, а своё представление о нем. Дальше он совершает одну из двух типичных ошибок. Либо он принимает реальность за своё представление, и начинает эту реальность боготворить, препятствуя всяческим переменам. Либо он понимает, что реальность не похожа на его представление, и начинает её ненавидеть. Насколько мне известно, Лени Рифеншталь состоит сразу в дюжине реакционных организаций, включая ХНПФ. Где до сих пор принято приветствовать друг друга "Хайль Хитлер"...

– А что в этом страшного? ХНПФ сейчас – организация беззубая во всех смыслах, включая буквальный. Всё что они могут – устраивать коллективные камлания под коричневым портретом. Что касается остального – я, конечно, понимаю твои славянские чувства к Хитлеру... Но всё-таки именно Хитлер создал Райх. Иначе нас просто не было бы. Хотя – переживи он Сентябрь...

– При чём тут мои славянские чувства? Ты, кажется, не понимаешь простой вещи: врагам Райха всё равно, какие имена использовать для пропаганды. В нашем случае это делается, чтобы противопоставить "идеалы чистого хитлеровского национал-социализма" той реальности, которая настала после Обновления. Обращение к святыням противника с целью манипуляции ими – самый обычный пропагандистский приём. К примеру, если бы мы и в самом деле хотели морально разложить Америку, следовало бы начать с обильного финансирования Джефферсоновского общества и Линкольновского клуба. Чтобы они непрерывно поносили Рейгана, как отступника от заветов отцов-основателей...

– Ну, допустим, ты в чём-то прав... Прости, я ещё клюкну. За наше здоровье, – Эберлинг наполнил стопку, закусил рыбкой. – Но при чём тут Каннский фестиваль?

– Ещё раз. Похвалу врага может заслужить только тот, кто ему полезен. За что этому фильму дали приз? Да за то, что впервые за всю историю кинематографа дойчи, известные своим пуританством, показали всему миру на широком экране сексуальные извращения. Совершаемые французским офицером с нашей девушкой. Причём – полицейской из ночного патруля... И это сделала сама Фрау! Фигура вне критики! Политуправление вынуждено было заткнуться. Помнишь, что после этого началось на телевидении? А в печати?

– Ничего особенного не началось. Я вообще не вижу связи. Людям надоела униформа, ханжество и запреты, вот и всё. Рано или поздно это должно было произойти. Не надо во всём видеть козни врагов.

– Во-первых, не подменяй понятия. Ханжество – это лицемерие, а вовсе не чистота нравов. Борец с развратом и извращениями является ханжой лишь в том случае, если он сам – развратник и извращенец. И вот это последнее нам пытается внушить вся эта озабоченная публика, начиная с Фройда. Что на самом деле порочны все, а потому – еще одна грубая подмена – порок есть на самом деле норма. Ложь, грубая и грязная ложь, но скажи человеку сто раз "свинья" – он захрюкает. Особенно если ему попутно внушать, что хрюкать не постыдно. Ты знаешь, я не юдофоб, но я не знаю, кто принес человечеству больше зла – Маркс или Фройд. И, как бы я ни относился к Хитлеру, но когда он жег книги того и другого – он был прав на сто пятьдесят процентов. Это не было возвратом в средневековье, как вопят либеральные демагоги. Это была нормальная дезинфекция. Выжигание заразы, более вредоносной, чем чума, – Фридрих глубоко вдохнул, стараясь успокоиться. Хайнц открыл было рот, но Власов уже продолжил: – И потом, что значит – надоело? Что, если где-то кому-то что-то надоедает, с этим следует завязывать? Если школьнику надоели уроки – пусть растет невеждой и бездельником? Если кому-то надоело честно работать, ему надо разрешить воровать? Или мы уже превратились в Америку и сделали своим богом мнение толпы? Да, кстати – американцев ведь никто не спрашивает, не надоел ли им их свободный рынок? Тоже, между прочим, изматывающая вещь – когда в любой момент ты можешь лишиться всего и сразу. Это у нас в Райхе все законопослушные граждане имеют крышу над головой и "Фольксваген" в гараже...

– Свободный рынок – это же естественный порядок вещей, – Хайнц хмелел на глазах: Фридрих отметил про себя, что раньше Эберлинга от ста грамм водки и недопитой кружки пива так бы не повело. Похоже, его ждут сложности в Управлении... Впрочем, может быть, у него уже начались какие-то проблемы на работе – поэтому он и пьёт? Надо будет провентилировать эту тему...

– Ну разумеется – "естественный"! – саркастически протянул Власов. – А естественное может надоедать сколько угодно, потому что отменить его все равно некому. Зато когда что-то открыто и официально контролируется государством, всегда можно предъявить претензии к государству, чтобы оно всё сделало по-другому. Между тем, в рыночной экономике ничего естественного нет. Такой же государственный институт, как и все остальные. Просто западная пропаганда внушила всем, что их порядки – это законы природы. Зато их плутократы ни за что не отвечают: всё делается как бы само. А у нас до сих пор принято учение Хитлера о фюрерпринципе, в том числе и о личной ответственности власти за всё. Это, конечно, честно, но пропагандистски – невыгодно... Но мы отвлеклись. Ты хотел что-то рассказать о Рифеншталь-Фонде.

– Ах да, совсем из головы вылетело... Надо выпить, – Хайнц налил себе ещё, глотнул, отрезал кусок мяса. – Чёрт, остывает... Это надо есть горячим... – Он склонился к блюду и заработал ножом и вилкой.

В кармане у Власова завибрировал целленхёрер.

Фридрих потянулся было к карману, но вовремя понял, что вибрация какая-то странноватая: тушка сотового подёргивалась слишком быстро и неритмично. Др, др, дрррр... др, дррр... Старая добрая морзянка, честно служащая свою службу в эпоху высоких технологий – особенно в ситуации, когда информация срочная, а передать его надо по возможности незаметно. Кажется, придумка Мюллера.

Власов поставил локти на стол, обнял голову руками и сделал вид, что задумался.

Сообщение было коротким. "СВЯЖИСЬ GGG ПОДТВЕРДИ".

Это означало, что звонит Мюллер. Намереваясь сообщить ему что-то очень важное. Строго секретное (уровня тройного G). И наверняка – неприятное. В этом Фридрих почему-то не сомневался.

– Да я смотрю, ты что-то загрустил, – Эберлинг вытряс себе в стопку остатки водки из графина и опрокинул ее в рот. – Маловато взяли, а? Эх, жаль покойника. Вот с кем можно было посидеть...

Власов слушал вполуха: целленхёрер снова затрясся, повторяя сообщение.

Он осторожно опустил руку в карман, на ощупь нашёл кнопку со звёздочкой и нажал четыре раза. Телефончик дёрнулся последний раз и затих.

– Ладно, ладно, давай о фонде. Так вот, они там хотели провести этот самый фестиваль. Цензурный комитет, разумеется, потребовал изменить название, убрав слово... ну ты понял какое.

– Последний раз я слышал это слово здесь. В местном сортире, – не удержался Власов. – "Немчура".

– А, это, – Хайнц махнул рукой. – Не обращай внимания. Так местные фольксдойчи называют... ну, как бы тебе объяснить... надутых господ из Фатерлянда, которые, только приехав сюда, начинают учить жить местных. Но это только между своими. Если такое скажет русский – может в морду получить... Только избавь меня от рассуждений, чем это угрожает единству и безопасности Райха.

Тихо открылась дверь: это принесли заказ Фридриха. На большой тарелке лежал, окружённый картошкой, аппетитный кусок свинины с косточкой и ароматным жирком: Власов был вынужден признать, что местный повар знает свое дело.

Фридрих, однако, решил начать с чая; когда-то он прочитал, что здоровое питание должно начинаться с жидкости, а не завершаться ей, и с тех пор следовал этому правилу.

Девушка отработанным движением опустила носик вычурного чугунного чайника в белый фарфор, после чего резким движением подняла его вверх. Длинная струя кипятка сверкнула в воздухе и пропала.

Вопреки ожиданиям, чай оказался превосходным: сочетание мяты, чабреца, и ещё каких-то незнакомых трав оттеняло, но не заглушало основу.

Дождавшись ухода официантки, Хайнц продолжил: – Так я про фонд. Короче, фестиваль запретили. Разумеется, началась обычная склока. Либеральные газеты подняли шум. Академик Лихачёв объявил голодовку, требуя проведения фестиваля под заявленным названием. Хотя голодовки он объявляет регулярно, даже западники устали о них писать. Но всё-таки пишут – как же, информационный повод. На этот раз он дал интервью "Ле Монд". Договорился до того, что объявил российских фольксдойчей, "немцев" – особой нацией, сохранившей в чистоте истинно-германский дух...

– Ты только что очень хорошо объяснил, чем именно обращение "немец" угрожает Райху, – не выдержал Власов.

– Опять ты за своё! При чём тут это? Ладно, слушай дальше. Старуха подала в суд на российские власти – по поводу нанесённого Фонду финансового ущерба. Из текста искового заявления следует, что на фестиваль они уже потратили пятьдесят тысяч марок, и намерены потратить, как минимум, в два раза больше.

– И что? – Фридриху поднадоела эта затянутая история.

– Тут-то они и прокололись. У нас есть лазейка в банк. Так вот, никаких денег они

никому не платили. Во всяком случае, из легальных средств фонда. Остаётся, конечно, вероятность, что какие-то вещи делались бесплатно, добровольцами. Например, они успели разместить рекламу фестиваля в местной прессе. И вот...

– Надеюсь, газетчики оштрафованы? – Власов ловко нанизал на вилку кусочек свинины и ломтик картошки зараз, намереваясь отправить всё это в рот.

– Естественно. Но тут начинается самое интересное. Все молча выплатили штраф, без жалоб и visga, как будто так и надо. Что для российских газет нехарактерно. При попытках же разобраться, кто платил за рекламу фестиваля и платили ли за неё вообще, редактора молчат, как рыбы. А ведь обычно они очень говорливые, особенно когда страдают их интересы. Более того. Вебер разговорил одного khmuir'a (Фридрих с трудом разобрал в этом наборе звуков русское "хмырь"), некоего Третьякова, бывшего главреда одной местной газеты. Человек он богатый и независимый. Так вот, он ему сказал, что с некоторых пор у фонда образовалась репутация конторы, с которой лучше не ссориться.

– Что значит "образовалась репутация"?

– А никто не знает. Просто с какого-то момента – никто ничего точно не помнит – откуда-то пошло такое мнение. Дескать, у тех, кто наезжает на фонд, потом возникают всякие лишние проблемы. Доказательств никаких, одни слухи. Но все верят. До такой степени верят, что готовы оказывать им бесплатные услуги, лишь бы не связываться.

– Пока я не вижу связи с Райхом и деньгами СЛС, – вернулся к теме Власов.

– Тут тоже свои игры. СЛС состоит в тесных отношениях с фондом. Ключевая фигура здесь – некий Мюрат Гельман, галерейщик. Юде, разумеется.

– Юде сотрудничает с "истинными немцами"? Забавно.

– Гельман-то? Сотрудничает. Это же юде, – Эберлинг махнул рукой. Власов, со времен училища привыкший есть быстро, отделил от косточки последний кусок свинины и подумал, не заказать ли еще – тем более, что разговор начинал становиться интересным. Кажется, знакомство с местной кухней, несмотря на неурочный час, оказалось вполне приятным... Правда, его ждёт Мюллер. Хотя есть простейшее решение: всё та же кабинка туалета. Беседовать придётся, конечно, в текстовом режиме: какова слышимость в этих кабинках, Фридрих уже знал.

– Извини, я выйду на минутку, – Власов встал.

– Да-да, понимаю. Кстати, знаешь, откуда взялось слово "сортир"? Как название ватерклозета?

– Не знаю и не интересуюсь, – Фридрих отодвинул стул, намереваясь выйти.

– Из французского. Excusez-moi, je dois sortir. "Извините, мне нужно выйти." – Хайнц засмеялся.

Власов решил, что его старый товарищ, похоже, обзавёлся тем, что англичане называют "hobby" – безобидным увлечением, которое, однако, может оказаться не слишком приятным для окружающих. Сама по себе этимология – штука довольно интересная, но филологические экскурсы Эберлинга по каждому поводу начали его раздражать.

Он прошёл через полный народу зал. Шумливая компания с кружками догуливала: многие уже перепились до того, что откровенно спали прямо на стульях, несмотря на шум. Фридрих невольно вспомнил училище: времени на сон не хватало, так что добирать своё приходилось где угодно. Правда, пузатые пьяницы мало походили на подтянутых лётчиков-курсантов.

В туалете было полно народу, все кабинки оказались заняты. Пришлось ждать.

Наконец, Фридрих заперся в тесном помещеньице, опустил на унитаз крышку, уселся верхом (попутно подумав, что штандартенфюрер Штирлиц в подобные ситуации почему-то не попадал на протяжении всех семнадцати серий – видимо, большевицкая Москва была более удачно оборудована для тяжёлой работы разведчика) и достал целленхёрер.

Мигнул зеленый экранчик. Власов ввёл код, потом второй. Телефон тихо хрюкнул, принимая KMD-сообщение.

На экране целленхёрера высветилось: DOBRI'DEN, DOROGOI.

На самом деле это был контрольный вопрос. Агент мог выдать коды доступа под воздействием боли или наркотиков – но контрольные вопросы задавал лично шеф, и ответить правильно мог только сам агент, причём в достаточно вменяемом состоянии. Мюллер в таких случаях предпочитал простейшие варианты – на которые можно ответить сходу или не ответить вообще.

В данном случае это был прозрачный намёк на последний разговор. Фридрих перевёл целленхёрер в режим морзянки и поставил большие пальцы на две нижние кнопки – звёздочку и решетку. Из всех способов набора текстовых сообщений он предпочитал именно этот.

ПОВЫСЬТЕ НАКОНЕЦ МОЕ ЖАЛОВАНЬЕ – процитировал он сам себя и нажал на зелёную кнопку.

Телефончик немного подумал, потом снова пискнул. ПЛОХИЕ НОВОСТИ. С НАМИ СВЯЗАЛСЯ ВИЗЕНТАЛЬ. ЗАЙН В МОСКВЕ.

Власов, не веря глазам, перечитал сообщение несколько раз.

Это была и в самом деле скверная новость. Да что уж там – это был полный абгемахт.

Центр Симона Визенталя когда-то был основной темой Управления. Антигерманская террористическая организация, возглавляемая и финансируемая полусумасшедшим миллиардером-юде, поставила себе задачей уничтожение "виновных в преступлениях против юде". Сюда относилось руководство Райха и дружественных ему государств, а также все те, кого Визенталю было почему-либо угодно считать "антисемитами". Впрочем, ими ЦСВ не ограничивался: самой знаменитой акцией Центра был теракт в Мюнхенском аэропорту. Тогда им удалось уничтожить самолёт с олимпийской сборной Германии по футболу. После этого внешнеполитическому ведомству Райха удалось добиться запрещения деятельности Центра в Америке (где он долгое время считался легальной организацией) и достичь договорённости с европейскими правительствами о выдаче наиболее одиозных деятелей, связанных с ЦСВ. Лишившись официального статуса, Центр скоро зачах. В настоящее время от него осталась небольшая кучка стариков, прячущихся от правосудия где-то в Латинской Америке. Во всяком случае, такова была официальная версия.

Власов, однако, знал кое-что ещё. Дипломатические усилия имперского МИДа вряд ли имели бы успех, если бы не серия экстраординарных спецопераций, получивших общее название Foulspiel – "игра без правил". Для их проведения была создана специальная структура "F" с неопределённым статусом, впоследствии распущенная. Фолшпильманы (этим вычурным словечком в Управлении называли сотрудников "F") работали без прикрытия – в случае провала Управление никогда не признавало их своими агентами, выдаче и обмену они также не подлежали. При этом им вменялось в обязанность совершать *любые* акции, лишь бы они наносили ущерб Центру. В число мишеней фолшпильманов входили не только сами террористы, но и их окружение, в

особенности друзья и близкие родственники. В тот же список кандидатов на убой входили и все, когда-либо сотрудничавшие с Центром, из каких бы то ни было соображений. В американских шпионских детективах фолшпильманам приписывалось даже зверское убийство холливудской актрисы Сары Гольдстиин, известной своими симпатиями к ЦСВ... Как бы то ни было, через несколько лет Фолшпиля от визенталевцев стали шарахаться, как от чумы. Тотальное уничтожение агентов ЦСВ довершило дело: некогда страшная организация перестала быть сколь-нибудь серьёзной угрозой.

Фридрих пришёл в Управление уже после того, как все документы, связанные с "F", отправились в муфельные печи, а уцелевшие фолшпильманы – на пенсию. Тем не менее, по долгу службы Фридрих несколько раз имел дело с последствиями той истории, а потому был в курсе некоторых деликатных моментов. В частности, того, что полное уничтожение Центра отнюдь не входило в планы Управления: старый враг, лишённый зубов и яда, был полезен в качестве подсадной утки. Со стариком Визенталем, прячущимся в Парагвае и совершенно сломленным после ряда неудач, было заключено тайное соглашение о сотрудничестве. О сути этого соглашения знали только те, кого это касалось непосредственно. Вроде бы Визенталю позволили существовать, и даже время от времени совершать акции: примерно раз в два года ЦСВ удавалось-таки провести успешный теракт, всякий раз за пределами Райха и всегда с минимальными жертвами. В качестве ответной любезности Визенталь исправно сдавал Управлению информацию о всех неофитах, завербованных агентами Центра. Их уничтожали или брали под контроль. Когда Власов разговаривал на эту тему с шефом (это было один-единственный раз и по делу), Мюллер отпустил следующую сентенцию: "Нам не нужно, чтобы они все сдохли прямо сейчас. Эмоции тут неуместны. Нам нужно, чтобы они не оставили потомства." Картина была почти идиллической – если бы не Зайн.

Зайн, он же Бен Ами, он же Джон Ди, он же Крабат, успевший также получить известность ещё под десятком разных имён, пришёл в ЦСВ относительно поздно – но быстро завоевал авторитет в качестве планировщика операций. Именно он планировал захват директората Райхсбанка в 65-м, убийство генерала Стангля в 67-м, взрыв в концертном зале в Берлине в 70-м. Он же приложил руку к составлению схемы захвата самолёта с олимпийской сборной. И он же стоял за множеством других, менее известных, но иной раз даже более опасных ударов по безопасности Райха.

Зайн был блестящим профессионалом. Он числился в официальном списке врагов Райха и дойчского народа под номером семь. Для того, чтобы заслужить такую честь, надо было убить очень много дойчей, но Зайн оправдывал свою репутацию. При этом он и его люди старательно дистанцировались от структур Центра, сохраняя с ними чисто номинальную связь: Зайну были нужны визенталевские деньги, идеологию ЦСВ он тоже разделял – но все акции он планировал и проводил исключительно сам.

Это дало ему возможность во время Фолшпиля свернуть всю свою деятельность и лечь на дно. Пролежал он там довольно долго. Управление подозревало, что Визенталь каким-то образом его подкармливает, но проверить это не представлялось возможным. К тому же Визенталь лично поручился, что Зайн будет соблюдать все соглашения, на которые пошёл Центр. Этому стоило верить: Зайн особенно гордился тем, что скрупулёзно выполняет все взятые на себя обязательства.

В восьмидесятые годы его имя снова стало мелькать в оперативных сводках. Старый паук приобрёл известность в определенных кругах в роли эксперта-консультанта по вопросам подготовки и проведения террористических акций, работая на тех, кто

заплатит больше. Ему, в частности, приписывали идею и разработки акций в модной стилистике "мягкого насилия" – он якобы разрабатывал схемы налётов радикальных экологистов на биологические лаборатории, акции "зелёных" возле атомных станций, и много чего ещё.

О самом Зайне известно было немногое, поскольку мало кто из видевших его оставался после этого в живых. Сам Визенталь клялся, что встречался с этим человеком всего два раза в жизни. Зато не было недостатка в легендах, согласно которым Зайн был демоническим красавцем-иудеем, наделённым неотразимой харизмой и необычайным сексуальным аппетитом. Тут, возможно, сыграл свою роль его псевдоним: "зайн", название седьмой буквы ивритского алфавита, аналогичной латинской Z, обозначало также мужской член. О размерах и форме этого последнего писали много и обильно: одно время книжонки типа "Я была любовницей Зайна" или "Секс-машина смерти" неплохо шли на американском рынке. Впрочем, после Фолшпиля, когда с несколькими издателями подобной продукции вдумчиво потолковали, жанр как-то увял сам собой...

Всё это пронеслось в голове Власова, пока он ждал следующей порции информации от Мюллера. И она не заставила себя ждать.

НОВОСТЬ ЕЩЕ ХУЖЕ. ЗАЙН ВЫЛЕТЕЛ В МОСКВУ ИЗ ДОЙЧЛЯНДА. СТАРИК ОТРИЦАЕТ СРЫВ ДОГОВОРЕННОСТЕЙ С ЕГО СТОРОНЫ. ЗАЙН ИСПОЛЬЗОВАЛ НЕКИЙ ТРЮК НО ФОРМАЛЬНО НИЧЕГО НЕ НАРУШАЛ. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ СТАРИК ГОТОВ СОТРУДНИЧАТЬ С НАМИ. ОН БОИТСЯ НАС И БОИТСЯ ЕГО. НО ЕГО ОН БОИТСЯ БОЛЬШЕ.

Тут Фридрих понял, что предыдущее отнюдь не было полным абгемахтом. То был, как выражались юде из анекдотов, таки ещё марципанчик.

Насколько было известно Власову, в тайные соглашения входило, что теракты в пределах Райха прекращаются. Более того, ни один визенталевец никогда в жизни не имел права ступить на землю Райха – в противном случае все договорённости с ЦСВ отменялись, и Управление начинало новую войну на уничтожение, которую Центр гарантированно проигрывал. Зайну, судя по всему, было небезразлично, что случится с Центром. Значит, происходит что-то настолько важное, что террорист решился рискнуть самим существованием ЦСВ и своего покровителя. Визит в Дойчлянд, в свою очередь, мог понадобиться только для одного. А именно – для длительных, сложных переговоров с кем-то, находящимся в пределах Фатерлянда и не могущих эти пределы покинуть даже на короткое время. С какими-то высокопоставленными людьми из верхушки Райха, если говорить прямо.

То есть речь идёт об измене. Об измене на самом верху.

В таком случае понятно, зачем Зайн самолично отправился в Москву. Единственная цель, которая может заставить старого паука вылезти из своей норы – это подготовка теракта. Теракта масштабного и очень дорогостоящего. А главное – имеющего очень значительные последствия. Возможно, намечены к ликвидации первые лица государства? Или, скажем, крупный военный объект? Или атомная электростанция – Зайн вроде бы планировал атаки на АЭС? Или...

В любом случае, логика начальства понятна: таинственная смерть Вебера подождёт, потому что его, Власова, перекидывают на новое задание.

Жаль. Он уже втянулся в дело.

Фридрих набрал слово ИНСТРУКЦИИ и вопросительный знак в конце. Это было скорее по-русски, чем по-дойчски, но в данном случае русский синтаксис оказался

удобнее.

Ответ его удивил.

ПРОДОЛЖАЙТЕ ЗАНИМАТЬСЯ ВЕБЕРОМ. ПОДГОТОВЬТЕ ПОДРОБНЫЙ ОТЧЕТ О СВОЕМ ПЕРЕЛЕТЕ ИЗ БЕРЛИНА В МОСКВУ. ТЕОРЕТИЧЕСКИ ВЫ МОГЛИ ЛЕТЕТЬ ВМЕСТЕ С ЗАЙНОМ. ВЕРОЯТНОСТЬ МАЛА НО НАМ НУЖНЫ ЛЮБЫЕ ЗАЦЕПКИ. ЧТО ЗА СТРАННАЯ ИСТОРИЯ С ФРАУ ГАЛЛЕ?

"Быстро же аэродромные доложились" – с непонятной и совершенно неуместной в данных обстоятельствах досадой подумал Власов. Он вспомнил салон полицейской "суки", симпатичных офицеров, толстого Фалтера – видимо, тот-то сразу после его ухода и поднял трубку, чтобы сообщить куда следует. Судя по скорости, с какой информация дошла до Мюллера, Власов был охарактеризован начальником охраны аэропорта как "крайне подозрительный субъект", а то и похуже. Интересно, кстати, что с Галле и мальчиком? И какое отношение они могут иметь к пресловутому Зайну? Хотя история и впрямь нехорошая...

Мюллер, конечно, ищет "где светло" – но, в конце концов, где же ещё искать? В темноте всё равно ничего не видно, а на свету – вдруг, на наше счастье, оно там и лежит, на относительно видном месте?

Так. Во всяком случае, ни Галле, ни мальчик не могли быть старым мужчиной. Он, впрочем, мог быть тем, кто отравил Галле непонятным препаратом. Точнее, подсунул ей шприц: Власов был практически уверен, что препарат молодая фрау ввела себе сама. Хотя – зачем? Такой трюк...

Трюк?

В голове Власова загорелось целое ожерелье красных лампочек.

У НАС БЫЛА ДОГОВОРЕННОСТЬ С ВИЗЕНТАЛЕМ АГЕНТЫ ЦЕНТРА НЕ МОГУТ ПОСЕЩАТЬ ДОЙЧЛЯНД?

Мюллер быстро ответил, не задавая лишних вопросов:

ДА.

КАК БЫЛ СФОРМУЛИРОВАН ЭТОТ ПУНКТ? ТОЧНАЯ ФОРМУЛИРОВКА?

На этот раз аппаратик молчал почти минуту – очевидно, Мюллер набирал длинное сообщение. В дверь кабинки кто-то постучал, потом подёргал ручку туда-сюда. Видимо, кому-то очень хотелось пописать.

ВСЕ ПЕРЕГОВОРЫ С ВИЗЕНТАЛЕМ ВЕЛИСЬ УСТНО, – наконец, ответил Мюллер. СУЩЕСТВУЕТ ПЛЕНКА КОТОРУЮ Я ПРОСЛУШИВАЛ. НАСКОЛЬКО Я ПОМНЮ РЕЧЬ ШЛА О ТОМ, ЧТО НИКТО ИЗ ВИЗЕНТАЛЕВЦЕВ НИКОГДА И НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ НЕ СТУПИТ НА ЗЕМЛЮ РАЙХА.

Власов шумно выдохнул.

ОН НЕ СТУПАЛ НА ЗЕМЛЮ РАЙХА. – быстро набрал он. – ЗАЙН ПЕРЕМЕЩАЛСЯ В ИНВАЛИДНОЙ КОЛЯСКЕ. ЭТО ОН СКАЗАЛ ВИЗЕНТАЛЮ КОГДА ТОТ ОБВИНИЛ ЕГО В СРЫВЕ СОГЛАШЕНИЙ. ОЧЕНЬ ТИПИЧНО ДЛЯ ЮДЕ И ИХ ОТНОШЕНИЯ К ДОГОВОРЕННОСТЯМ.

На экране появилось:

ДА. МЫ УЖЕ ЗНАЕМ. ВЫ ДОГАДАЛИСЬ ИЛИ ЧТО-ТО ВИДЕЛИ?

Я ВИДЕЛ ЗАЙНА В АЭРОПОРТУ, – Власов был почти уверен, что он прав. – Я ПОЛУЧАЛ ДОКУМЕНТЫ В ОКОШКЕ ДЛЯ ИНВАЛИДОВ. ТАМ БЫЛ СТАРИК НА КАТАЛКЕ С РЫЦАРСКИМ КРЕСТОМ НА ШЕЕ. ОН ЛЕТЕЛ МОИМ РЕЙСОМ. ПОТОМ В МОСКВЕ ОН ПОПАЛСЯ МНЕ НА ГЛАЗА. ОН ШЕЛ СВОИМИ НОГАМИ.

На этот раз Мюллер молчал целых пять минут.

Впрочем, Фридрих прекрасно знал – можно сказать, видел своими глазами – что происходит в его кабинете, поскольку знал процедуру. Сейчас шеф тянется к кнопке... вот включена связь... вот он вызывает людей из оперативного отдела. Сейчас он здоровается... вводит в курс дела... даёт вводные... Комментарии он озвучит после. Теперь связывается с людьми в Москве... А сейчас он закончит говорить с Власовым.

Власов угадал почти точно: очередной текст пришёл через несколько секунд после ожидаемого срока.

ОЧЕНЬ ХОРОШО. СЕГОДНЯ ЖЕ ОТЧЕТ. ЗАНИМАЙТЕСЬ ВЕБЕРОМ. ДО СВЯЗИ.

Фридрих вышел из кабинки, стараясь привести мысли в порядок. Похоже, на этот раз им повезло. Зайн сделал маленькую, совсем крохотную ошибку: кадровый сотрудник Управления оказался вблизи окошка, совершенно не предназначенного для здоровых людей, и увидел своего будущего попутчика на коляске. Если бы старик попался ему в аэропорту, он не обратил бы на него внимания. В самолёте он, возможно, уже не изображал инвалида: самолёт уже не является *землей* Райха... Интересно, где и как он избавился от кресла? Впрочем, это уже не забота Власова. Он сообщил Мюллеру достаточно. Сейчас, наверное, в аэропорт уже выехали оперативники. Очень скоро испуганная полячка будет беседовать с психологами из Управления. И не она одна: все, кто мог встретить на своём пути коляску с колоритным стариком, проведут ближайшую неделю за воспоминаниями. На самом деле человек ничего не забывает. Несколько дней спокойной, терпеливой работы, квалифицированная помощь и нужные лекарства – и можно восстановить в подробностях даже то, что произошло много лет назад... Сам аэропорт обыщут – никому не мешая, не прерывая работы, но тщательнейшим образом. Коляску, скорее всего, найдут, где бы она сейчас ни валялась. Блестящий никель будет изучен на предмет следов и отпечатков. Потом начнётся поиск того магазина, где эта штука была приобретена. Найдут продавца – найдут и покупателей. Все покупатели будут тщательно проверены... Огромная машина имперской безопасности завертелась. Власов очень хорошо знал мощь этих жерновов.

Kapitel 7. Вечер того же дня (по времени Атлантического побережья). Нью-Йорк, Мэнхэттен, Всемирный Торговый Центр.

Вид из окна кабинета босса открывался действительно шикарный. Может, и не такой, как со смотровой площадки, но все же со сто четвертого этажа Северной башни можно было окинуть взглядом половину Мэнхэттена, прихватив изрядную часть Хадсона слева и Ист-Ривер справа. По воде в этот вечерний час протянулись длинные тени небоскребов; то ныряя в них, то вспыхивая белым бортом в последних лучах солнца, по Ист-Ривер в сторону острова Свободы полз теплоходик. На Мэнхэттэнском и Бруклинском мостах уже затеплились елочные гирлянды иллюминации. Закатное солнце пылало медным огнем в фасеточных зеркалах тысяч окон, плавилось в металле гигантских зданий, большинство из которых, впрочем, с этой высоты казались уже не столь гигантскими – лишь далекий шпиль Крайслера гордо вонзался в синеву, высоко возносясь над неразличимыми отсюда вертолетными площадками соседних крыш. Небо было совершенно безоблачным; лишь одинокий лайнер, летящий с северо-востока, нарушал его ультрамариновую безупречность тонким золотистым росчерком инверсионного следа.

Но босса, разумеется, не интересовали красоты, раскинувшиеся в окне за его спиной. Все это он видел множество раз, а если бы даже и нет, то уже давно забыл времена, когда мог позволить себе просто любоваться закатом. За окнами кабинета лежал мир, в котором ежечасно, ежеминутно происходили события, и их надо было уметь выхватить горячими, на лету завернуть в красивую упаковку и всучить потребителю – желательно раньше, чем это сделают конкуренты. Закат в число таких новостей не входил.

Майку Рональдсу тоже было не до заоконных красот. Он был уже на пути домой, когда босс звонком на сотовый развернул его обратно. В первый миг у него неприятно похолодело в животе при мысли, что Брэндон собирается устроить ему разнос и, может быть, даже уволить из-за тех дурацких ошибок, которых он наделал в репортаже с феминистского съезда. Он по старинке назвал председательствующую chairman вместо chairwoman и допустил еще парочку аналогичных ляпов, непростительных по нынешним временам. Что вообще за дурацкая идея – посылать мужчину освещать феминистский съезд... хотя, конечно, у Клэр отпуск, Черити в Вошингтоне, а Лора.... Лора по такой ерунде просто не работает. Ей подавай события международного масштаба...

Но тут же он сообразил, что любые репрессии спокойно могли подождать до утра. Если же он понадобился боссу столь срочно, значит... значит, это может оказаться шансом, которого он так долго ждал. Холодок в животе стал еще сильнее, но теперь это чувство не было неприятным – это была лихорадка предвкушения.

– Ты нужен мне в Москве, Майк, – ворчливо сообщил Брэндон, привычным жестом засовывая большие пальцы за синие, в белых звездах, подтяжки. Взгляд молодого человека невольно скользнул по объемистому начальственному пузу.

– В какой Москве? – не смея поверить своей удаче, спросил Рональдс. Речь вполне могла идти о каком-нибудь заштатном городишке в Иллинойсе, тем более что босс любил одурачить подчиненного подобной двусмысленностью.

Но на сей раз тому было не до шуток.

– В той самой. Столице этой долбаной России. И как можно скорее. Там сегодня – по их времени, уже вчера – арестовали германскую правозащитницу... как ее... Фрэнсис Гэлл или что-то в этом роде. Разумеется, это провокация нацистских спецслужб. Кажется, ей подбросили наркотики.

– Откуда известно, что именно подбросили?

– Майк, не разочаровывай меня. Ты что, ребенок? Даже если она сама удолбалась по самую макушку и везла презерватив с героином в заднице...

– Конечно, босс. Интересы свободного мира и все такое. Я просто думаю вслух. Но... как же Кевин?

– Кевин! – гневно выплюнул Брэндон, и Майк ощутил на щеке капельку его слюны. Замешкавшись в первый миг и разозлившись на себя за это, он все же вытер щеку тыльной стороной ладони. – Представь себе, этот идиот оказался геем! – продолжал меж тем босс, тут же, однако, поправившись: – То есть не потому идиот, что гей, конечно, я не гомофоб и толерантно отношусь к любым сексуальным меньшинствам... – последние слова босс произнёс торопливой скороговоркой. – Но он это скрывал!

– Неужели стеснялся? – удивился Майк. – В таком случае, он последний стеснительный гей в Америке. По крайней мере, в Нью-Йорке точно.

– Может, ему просто очень хотелось поехать в Россию. Сам знаешь, во все страны Райхсраума запрещен въезд гомосексуалистам. Там это – уголовная статья и поражение в правах, 175-й параграф, тюрьма и высылка во Францию... Ну ладно, черт с тобой, наврать

наци в анкете – не самый большой грех. Но по крайней мере придержи своего дружка в штанах, пока работаешь на их территории! Так нет, ему американских задниц мало, ему русские понадобились! Свел знакомство с каким-то парнем с "Русского Радио", какая-то совсем мелкая сошка, практикант, что ли... сначала просто выпивали вместе, а потом наш герой-любовник решил, что пора. А парень, небось, и слов таких не слышал, думал, что pidoras – это русское ругательство, означающее просто плохого человека... ну и, конечно, сначала – глаза на лоб, а потом – бегом в полицию. Русские вообще не любят, когда кто-то из них неформально общается с нашими, а тут такое! В общем, скандал маячит жуткий, Кевин объясняет, что просто пошутил, до парнишки он не дотронулся, доказательств нет, мы подключились, тянем из дерьма этого олуха... еле вытянули. Русские согласились, что посадить его проблематично, а раз так, незачем и шум поднимать ни им, ни нам. Но из страны его вытурили в течение суток. Хорошо хоть не "французским поездом".

– А почему бы и нет? Прокатился бы до Парижа. Чем плохо? Тем более, там их встречают с цветами...

– Пусть они засунут эти цветы себе... то есть я, разумеется, не гомофоб, но пусть они засунут их себе в это самое! – выдохнул шеф. Вытащил платочек, промокнул им лоб, потом с наслаждением провёл им под воротничком.

Майк терпеливо ждал, пока тот закончит гигиенические процедуры, думая про себя, что у Брэндона тоже есть свои достоинства: вряд ли он, к примеру, когда-либо станет объектом гомосексуального интереса. Хотя... извращенцы во всём извращенцы, потная красная шея может им даже понравиться... То есть не извращенцы, конечно, поспешно поправился Майк, успешно задавив крамольную мысль обычным аргументом: в конце концов, французский сыр тоже не всем нравится, да и воняет он отвратительно, и тем не менее, культурный человек не может не ценить оттенки плесени на хорошем камамбере... Некстати вспомнилось где-то читанное, что знаменитая сырная плесень, придающая шедеврам французской кулинарии столь изысканный вкус, оказывается, ядовита. Впрочем, написано это было во время последнего "макдональдсовского" конфликта, так что...

– Только не спрашивай меня, сколько взяток пришлось сунуть, чтобы они не прикрыли нам аккредитацию, – шеф немного успокоился: уже не кипел, но что-то ещё побулькивало. – И уж тем более – ускоренно оформили тебе визу. Ты-то хоть, надеюсь, нормальной... то есть, извиняюсь, я хотел сказать – гетеросексуальной ориентации?

– Мои подружки не жаловались, – усмехнулся Майк.

– Хорошо, если так... Ты не куришь? Там с этим туго.

– Не курю, – подтвердил Майк.

– Значит, летишь ближайшим рейсом. Билеты закажем прямо отсюда. У тебя какие-то сомнения?

– Никаких, шеф... разве что... я почти не знаю русский...

– А зачем он тебе? В России правительство знает дойч, а оппозиция – английский. Все остальное есть на диске с электронным словарем.

"Хорошо, что ему понадобился человек в Райхсраум, – подумал Майк. – Если бы куда-нибудь еще, наверняка послали бы Лору. Но в России ей делать нечего, она же нег... афроамериканка", – вновь поспешно поправился он. Еще одно свеженькое табу. Если в chairwoman еще была какая-то логика, то смысл запрета на слово "негр" оставался для Рональдса непостижимым. Ведь это не "ниггер", в слове "негр" нет ничего оскорбительного. Оно означает просто-напросто "черный" на испанском и португальском.

Кажется, и на итальянском тоже... Почему по-английски назвать черного черным можно, а по-испански нет? Но, так или иначе, попробуй употреби теперь это слово – живо вылетишь с работы, а если это сделать в неофициальной обстановке, то и по морде схлопотать недолго. И суд еще и оправдает ударившего. Скажет, что тот находился в состоянии аффекта, вызванном оскорблением его расовых чувств. Два года назад парочка афроамериканцев ограбила Майка в подъезде его собственного дома. Он не сопротивлялся, его с детства учили, что сопротивляться уличным грабителям нельзя, иначе вообще зарежут или застрелят, поэтому отделался сравнительно легко – разбитым носом и пинком в пах, после которого минут пять корчился на заплеванном бетонном полу. У того... афроамериканца были такие остроносые ковбойские сапоги... Нет, суд не оправдал тех парней – их просто не нашли. Но Майк готов был поспорить, что, если бы их поймали, они получили бы меньше, чем белые в аналогичной ситуации. Уж адвокаты бы расстарались, рассказывая про тяжелое детство в Харлеме, омраченное веками расовой дискриминации... Да, конечно, когда-то была дискриминация, было рабство, но почему за эти несправедливости столетней давности должно расплачиваться нынешнее поколение? В частности, он, Майк, у которого и в роду-то не было ни одного рабовладельца? Наоборот, его прапрадед воевал в армии Линкольна за свободу этих самых... афроамериканцев... и вернулся домой с медалями и без ноги!

Или вот взять Лору... она, конечно, неплохая журналистка, но действительно ли настолько талантливая, чтобы все время держать ее на первых ролях? Или ее специально продвигают потому, что она – чернокожая, да еще женщина? Ну ладно, может быть, таких, как Лора, и надо поощрять, чтобы служили примером другим... но зачем поощрять бандитов? 80% преступлений в Соединенных Штатах совершается чернокожими, и их коэффициент интеллекта в среднем на 15 пунктов ниже. Об этом стараются не говорить, но ведь эти цифры – не выдумка, и они что-нибудь да значат...

Нет, нет, одернул себя Майк, нельзя так думать, это расизм, это нацизм, как в Райхе и России! Но уровень преступности в Райхе – один из самых низких в мире, и это тоже не выдумка. Конечно, методы, которыми это достигается, неприемлемы в демократическом обществе...

Брэндон тем временем щелкал кнопками своей "мыши", намереваясь, видимо, заказать для Роналдса билет через рехнер.

– Гребаное дерьмо! – воскликнул он вдруг. – Все рейсы отложены на неопределенный срок! Что там у них еще стряслось?! – он принялся лихорадочно перебирать короткими толстыми пальцами маленькие кнопки телефона. – Вот дерьмо, все линии заняты... – Он снова уставился в монитор и заелозил "мышью", чтобы минуту спустя выплеснуть очередной сгусток брани.

– В этой конторе вообще работает кто-нибудь, кроме меня? – разорялся он, потрясая зажатой в кулаке "мышью", – Почему о заложенной в аэропорту Кеннеди бомбе я узнаю лишь через 18 минут, и не от своих корреспондентов, а с ленты "Рейтер"?! Рональдс, ты еще здесь? Похоже, эта хреновина надолго. Они не успокоятся, пока не перероют весь Джей-Эф-Кей. Так что еще несколько часов можешь гулять, а потом дуй в аэропорт, и если ты не улетишь сразу, как только он откроется...

– Все понял, босс. Считайте, что я уже лечу!

– Был бы счастлив так считать. Я боюсь, пока ты доберешься, они уже расстреляют эту Гэйл... Или, чего доброго, вообще отпустят.

Kapitel 8. Тот же день, поздний вечер (по времени Атлантического побережья). Нью-

Йорк, Мэнхэттэн, Лафайетт Стрит, 281.

Выйдя из Северной башни ВТЦ, Рональдс поймал такси на Весей Стрит. Шофер, толстый (как теперь положено говорить, полновесный) молодой пуэрториканец, повернул к нему лунообразное улыбающееся лицо.

– Какой русский ресторан тут есть поблизости? – спросил Майк, усаживаясь поудобнее. Раз уж предстояло ждать, пока откроется аэропорт, в эти несколько часов он решил совместить приятное с полезным, окунувшись в русскую среду.

– "Русская чайная" на Пятьдесят седьмой, – предложил таксист.

– Нет, с тех пор, как его купил американец, там от России осталась одна вывеска, – качнул головой Рональдс. – Да и цены там... Мне что-нибудь попроще и поскромнее.

– Тогда "Pravda". Это тут рядом, на Лафайетт.

– "Pravda"? Что это значит?

– Не знаю. Что-то красное. Кажется, так при большевиках назывался Петербург

– Нет, Петербург при большевиках назывался "Ленинград", – возразил Майк.

– Мистер, я таксист, а не историк, – обиделся водитель. – Если вы сами так хорошо знаете, зачем спрашиваете?

– Ладно, поехали, – кивнул Рональдс. Машина резво тронулась с места.

Уж кто-кто, а Майк хорошо знал, как при большевиках назывался Петербург. В сорок третьем году его дед, Джонатан К. Рональдс, получил Пулитцеровскую премию за серию репортажей из только что взятого германскими войсками Ленинграда. Имперское командование тогда решилось на беспрецедентный шаг, пригласив в город западных репортеров – даже на Восточном фронте еще шли бои, а уж до Женевского мира и вовсе оставалось два года. Тем не менее, американским и британским журналистам была гарантирована "безопасность и неприкосновенность со стороны германских войск и их союзников при условии соблюдения упомянутыми лицами изложенных инструкций и предписаний германских официальных лиц". Тут же, впрочем, оговаривалось, что германское командование "не несет ответственности за авианалеты противника, действия подрывных элементов и иные непредвиденные обстоятельства военного времени", так что на самом деле командировка была далеко не безопасной... Конечно, в АКК (по слухам, идея принадлежала лично Канарису) прекрасно понимали, что по крайней мере часть приехавших корреспондентов будут на самом деле кадровыми или внештатными разведчиками. Вероятно, даже специально рассчитывали на то, что Америка и Британия не устоят перед соблазном и примут предложение. Потому что все вытекающие из этого для Германии риски с лихвой перекрывались пропагандистским эффектом акции. Не имперская пропаганда, а собственная независимая пресса должна была донести до граждан свободного мира подлинный лик их коммунистических союзников, обрекших миллионы своих граждан на чудовищную голодную смерть. Западным журналистам, разумеется, были продемонстрированы и тренажеры, с помощью которых посреди вымирающего Ленинграда лечился от ожирения местный большевицкий бонза Жданов. Самому Жданову тогда удалось бежать перед самым падением города; его самолет получил два десятка пробоин, но благополучно дотянул до своих. Его поймали и повесили позже, вместе с другими осужденными на Петербургском процессе... Ну, подлинность тренажеров тогда еще пытались отрицать, зато что отрицать было невозможно, так это длинные очереди похожих на живые скелеты ленинградцев, тянувшиеся к развернутым по всему городу германским благотворительным кухням. Снимки этих очередей, сделанные

Джонатаном Рональдсом, тогда обошли газеты всего западного мира.

Дед Майка был все еще жив и достаточно бодр, хотя в январе ему исполнилось 77. Они с внуком были более близки, чем это обычно бывает в современных западных семьях, потому что Рональдс-старший фактически заменил Майку отца. Крис Рональдс погиб во Вьетнаме, когда его сыну было два года; Майк совершенно его не помнил. Но, при всей доверительности их отношений, на вопрос внука и коллеги, получил ли он тогда, перед самой знаменитой своей командировкой, особые предписания от OSS, старина Джо лишь лукаво улыбался в пышные седые усы. Хотя, казалось бы, какие могут быть тайны спустя полвека... Так или иначе, свой журналистский долг он исполнил честно, не пытаясь исказить правду в угоду недобитым тогда еще большевикам. За что сначала получил Пулитцеровскую премию, а позже, при МакКарти – крупные неприятности, когда Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности обвинила его в пособничестве нацистам. Джонатан тогда полтора года провел без работы... МакКарти был помешан на "нацистской угрозе" и готов был дружить хоть с чертом, лишь бы тот был врагом Райха; при нем коммунисты – и местные, и советские иммигранты – чувствовали себя в США вольготно, словно в покойном СССР. То есть на самом деле, конечно, еще вольготнее, ибо в Америке не было ГУЛАГа. Удивительно, как паранойя одного человека – даже не президента, всего лишь сенатора – может заразить все общество...

Наверное, и этот ресторан с большевицким названием возник в то время.

Машина остановилась. Дорога не заняла и пяти минут. Майк выглянул в окно.

– Уже приехали? Где же ресторан?

– Вот он. Эта матовая дверь.

– Но здесь нет никакой вывески! Это что, черный ход?

– Все правильно. Здесь нет вывески. Сюда приходят те, кто и так это место знает.

Майк подумал, уж не влипает ли он в авантюру, вламываясь в заведение, не предназначенное для чужих – но, в конце концов, штаб русской мафии или большевицких террористов незачем было маскировать под ресторан. Куда удобнее избрать для такого заведения форму закрытого частного клуба. Опять же, таксист никак не походил на агента подпольщиков. Да и журналисту, который боится влипнуть в историю, надо менять профессию. Майк расплатился и вышел, направившись к матовой двери, сквозь которую пробивался неяркий свет, мигавший то желтым, то розовым.

Стоило Майку лишь приоткрыть дверь, как в уши ему ударила громкая разухабистая музыка, смешанная с нестройным шумом голосов (складывалось впечатление, что посетители здесь силятся перекричать друг друга), а в нос – табачная вонь, и только во вторую очередь – запах каких-то кушаний. Не вдохновленный всем этим, Рональдс, тем не менее, шагнул в теплое душное нутро ресторана.

Первым, кто его встретил, был здоровенный медведь. Зверь в портупее и красноармейской ушанке стоял справа от входа; в левой лапе он держал афишу, возвещавшую на двух языках, что в ресторане весь вечер поет "знаменитый русский бард" Иосиф Кобзон. Отвернувшись от оскаленной морды чучела, Майк окинул взглядом зал, в первый миг показавшийся ему нереально огромным, но затем он понял, что такой эффект создают многочисленные зеркала. Они тянулись вдоль каждой стены, размыкаясь лишь у стойки бара; стойку обрамляли два повешенных вертикально знамени – слева красное советское, а справа – незнакомое Майку черно-желто-белое. Над зеркалами простерлись кумачовые лозунги по-русски; Рональдс в них мало что понял – разве что слова "СЛАВА" и "СОВЕТСКИЙ".

На невысокой сцене слева под всплески цветомузыки ломалась длинноногая нарумяненная девица в блестящих хромовых сапогах, чисто символической миниюбке защитного цвета и приталенной красноармейской гимнастерке, туго обтягивавшей ее объемистые молочные железы. Ворот гимнастерки был распахнут, и в глубоком разрезе сверкал позолотой, стукаясь об округлости в такт движениям певички, наперсный крест. Волосы, вытравленные до белизны и посеченные химией, венчала надетая набекрень казацкая папаха. Даже при очень богатой фантазии эту особу едва ли можно было принять за русского барда Иосифа Кобзона.

В том, что она пела трагически-надрывным прокуренным голосом, Майк разобрал разве что часто повторявшееся слово Moorka. Насколько он помнил, в России так звали кошек. Хотя едва ли это домашнее животное могло стать темой столь страстно исполняемого произведения. Наверное, подумал Майк, имеется в виду фривольный смысл слова "киска" – если, конечно, в русском он такой же, как и в английском. Во всяком случае, облик певицы и ее телодвижения вызывали именно такие ассоциации.

В зале было многолюдно: почти все столики оказались заняты. С некоторым облегчением Майк отметил, что, видимо, не все посетители здесь русские. Правда, явно американские панки с разноцветными гребнями и проклепанными куртками, равно как и юные особы с десятком колец в губах и под бровями, на фоне коих даже наряд девицы на сцене казался образцом высокого вкуса, тоже не внушали большого доверия. Заведение, похоже, не отличалось респектабельностью.

Чувствуя все более острое желание повернуть назад, Майк вышагивал между столиками, обходя громко обсуждавшие что-то компании и поднимавшиеся к потолку султаны сигаретного дыма. Кажется, ни в одном нерусском ресторане не было столько курильщиков. Еще одна особенность, которую Майк заметил сразу, но осознал позже – в зале совсем не было негров и вообще цветных.

Рональдс заприметил свободный столик недалеко от сцены, но идти туда не решился, опасаясь за свои барабанные перепонки – столик был почти напротив динамика. К тому же он пришел сюда, желая "окунуться в среду", так что сидеть в одиночестве было не лучшей стратегией. Оглядываясь по сторонам, он увидел за столиком неподалеку одинокого мужчину лет тридцати пяти во вполне цивильном костюме и даже при галстуке; правда, узел галстука был распущен, открывая расстегнутую верхнюю пуговицу рубашки. Из облика образцового клерка выбивались также длинные, почти до плеч, темные волосы и легкая небритость – скорее, впрочем, преднамеренная, чем неряшливая. Похоже, он уже успел выпить, но еще был далек от состояния "vstelku". В принципе, этот парень мог оказаться кем угодно – от сутенера до торговца наркотиками. Тем не менее, Майк направился к нему.

– May I... – начал он, положив руку на спинку стула.

Мужчина окинул его коротким взглядом,

– Присаживайся, – сказал он по-русски, подтверждая свои слова приглашающим жестом.

– Spasibo, – блеснул познаниями Рональдс, опускаясь на громко скрипнувший под ним стул. Но, разумеется, сойти за русского он не мог.

– Американец?

– Yes, I'm American. But I like Russia, – сверкнул белозубой улыбкой Майк.

– Раша... Раша-параша... – проворчал его визави. – Ладно, never mind. Не педик, надеюсь? – осведомился он по-английски, и Майк, мысленно вздрогнув от

неполиткорректного слова, во второй раз за последние полчаса подтвердил, что он не гей.

– Это хорошо. А то педиков развелось, плюнуть некуда. Если мужик домогается бабы и получит от нее по морде – это все правильно, это защита от сексуального харассмента. А если к мужику полезет педик и схлопочет по морде, это дискриминация сексуальных меньшинств. Довели страну... Ладно, раз ты не педик, будем знакомы. Николай, – он протянул через стол руку.

– Майк.

– В первый раз здесь?

– Да.

– Эй, половой! – заорал Николай, поднимая руку и щелкая пальцами. Лавируя между столиками, к ним направился официант – стриженый "под горшок", в рубахе-косоворотке в горошек и штанах, заправленных в блестящие круглоносые сапоги, с расшитым полотенцем через плечо.

– Чего изволите-с? – подобострастно склонился он над столиком, протягивая меню новому гостю.

– Ты что-нибудь смыслишь в русской кухне? – спросил Николай Майка.

– Ничего, – улыбнулся Рональдс. – Закажи на свой вкус.

– Значит, ему – салат "Московский", жаркое... блины с икрой будешь?

– Конечно, – радостно кивнул Майк, – раз уж я в русском ресторане...

– 112 баксов на двоих, – охладил его пыл Николай. Майк, зная, что русские любят широту натуры, не решился возразить, но по его лицу новый знакомый все понял.

– Тогда просто пару клубных бутербродов. Они тут ничего.

– Что будете пить? – осведомился официант у Майка по-английски.

– Вино не бери, – быстро посоветовал Николай, – вина здесь дерьмо. Можешь взять "ленинад", это их фирменный коктейль, ну и водки по вкусу.

– Водка у нас одиннадцати сортов, – гордо сообщил официант, не вступая в дискуссию насчет вина.

– Нет-нет, мне хватит одного коктейля, – сказал Рональдс с некоторым испугом.

– Значит, ему – один "ленинад", ну а мне еще перцовочки и... пожалуй, омлетик с грибами.

Официант, записав заказ, удалился. Певица тем временем в четвертый раз подряд заканчивала финальный припев песни про Мурку.

– О чем она поет? – спросил Майк.

– Blatniak, – коротко ответил Николай. – Ээ... Russian gangster's folk. Бандит любил бабу, а она спуталась с копами. Он ее порешил. Обычный сюжет.

– И много здесь... русских гангстеров? – осторожно поинтересовался Рональдс.

– Не больше, чем юдских! – хохотнул Николай. – Не бери в голову, Майк. Это вполне приличный кабак. Просто русский шансон – это почти исключительно блатняк. Впрочем, ваши рэпперы не лучше. Наши хотя бы белые.

Певичка тем временем отдышалась и готова была перейти к следующей песне. "Гоп-стоп!" – крикнул кто-то из зала. "Гоп-стоп!" – поддержали его. Певичка согласно кивнула. Оркестр заиграл мелодию, подозрительно похожую на припев предыдущей песни. "Гооооп-стоп..." – затянула девица низким голосом.

– А эта песня о чем? – поинтересовался Рональдс.

– О том же самом.

Вернулся официант и принялся ловко сгружать с подноса заказ. Перед Майком он

поставил неожиданно глубокую тарелку с салатом и горшочек, откуда поднимался аппетитно пахнувший пар. "Ленинад", оправдывая свое название, оказался жидкостью кумачового цвета.

– Кстати, а где русский бард КОбзон? – осведомился Майк.

– А-а, ты об этом? Тут вчера был скандальчик, – охотно пояснил Николай. – КобзОн, надо сказать, действительно способен петь всю ночь. И не запыхается, как эта мочалка. Ну и вот под утро, когда он собирался петь очередную песню, какой-то тип крикнул, что этот жид уже всех задолбал и что пусть лучше найдут девочку с приличными сиськами, на которую хоть приятно посмотреть...

– А что такое "zhid"?

– То же, что и "ниггер", только про юде, – Николай хохотнул. – Ну вот, а Кобзон сошел со сцены, подошел и дал тому типу в морду. Их стали разнимать, завязалась потасовка между русскими и юде, кто-то наложил в штаны и вызвал полицию. Приехали копы, забрали человек десять, включая зачинщиков. Кобзон вырывался и кричал, что больше ноги его в этом кабаке не будет, администрация пыталась его успокоить и уладить вопрос с полицией... Судя по тому, что афишу до сих пор не сняли, Кобзона еще надеются уговорить. Вообще-то это нормальное место, здесь такое редко случается. А пока, как видишь, девочку с сиськами все-таки нашли... Ну, за встречу, – он поднял свой стакан, и Рональдс энергично чокнулся с новым знакомым.

Он знал этот русский обычай и даже знал, откуда тот пошел: в старину русские боялись, что собутыльники их отравят, и потому чокались полными чашами, чтобы вино переплеснулось из одной в другую, обрекая потенциального отравителя на ту же участь, что и жертву. Не очень-то умно, учитывая, что доза яда в нескольких каплях совсем не та, что в полной чаше...

Николай залпом опрокинул свой стакан и отправил в рот кусок омлета с грибной шляпкой. Майк, привыкший пить спиртное маленькими глоточками, попытался повторить этот подвиг, но закашлялся, и на глаза его навернулись слезы.

– Закуси, закуси скорее, – напутствовал Николай. – "Ленинад" незачем так глотать, это не водка. Хотя водка там, конечно, тоже есть...

Вторая попытка Майка оказалась более удачной.

– Неплохо, – оценил он. – Из чего его делают?

– "Столичная" лимонная, гранатовый ликер, лимонный сок и мята. Пропорций не знаю.

Оркестр заиграл новую мелодию, звучавшую несколько тяжеловесно, но в то же время лихо, и певичка подхватила ее, патетически встряхивая грудями в наиболее ответственных местах. Похоже, эта песня пользовалась здесь не меньшей популярностью, чем "Мурка" и "Гоп-стоп". Майк заметил, что некоторые, в том числе и американцы, начали подпевать, дирижируя стаканами или вилками. Особенно дружно подхватывали припев, и даже стукали кулаком по столу в самом забойном его месте, где пелось про какую-то Вайнану: "Ии-дет! (хрясь!) Вайнана рОдная!" Следующая строчка тонула в неразборчивом шуме, из которого выплывало только финальное тоскливое "на-а-а".

Слово "идёт" Майк знал, "рОдная" потребовала некоторых умственных усилий. В конце концов он сообразил, что его сбивает с толку ударение: видимо, имелось в виду "rodnaya". Как ему когда-то пытался объяснить дед, это специфическое русское понятие, нечто среднее между "native", "own" и "beloved", с хитрым переплетением родственных и сексуальных чувств – то есть что-то по ведомству доктора Фройда и при том сугубо

славянское. Ударение на первый слог, кажется, тоже что-то значило: то ли подчёркнутое плебейство, то ли выражение экспрессии... В середине, несомненно, было русское женское имя.

– Тоже blatniak? – спросил Майк у сосредоточенно жевавшего Николая.

– Не-ет, – покачал головой тот, сглотнув, – это одна из главных красноармейских песен. Настоящая, в отличие от всяких "полковников Синицыных", которые тридцать лет спустя написали. Хотя эту тоже придумали еще в Первую мировую, большевики только дописали кое-что...

Майк пораскинул мозгами и понял, что "Вайнана" – это, скорее всего, какой-нибудь русский аналог германской Лили Марлен. Правда, судя по музыке, воспеваемая девушка была куда мужикастее и брутальнее Лили. Опять же, пресловутые славянские вкусы...

– Большевики вообще ничего своего придумать не могли, – продолжал меж тем Николай. – Мелодию "Все выше, и выше, и выше" украли у германцев, "По долинам и по взгорьям" и "Смело мы в бой пойдем"– у белогвардейцев... "Интернационал" уж тем более не их.

– Я все хочу спросить, – перебил Майк, – вся эта большевицкая символика тут... не возникает ли проблем? Мы ведь признали результаты Петербургского процесса... еще при Эйзенхауэре, кажется...

– Ну и что? У нас свободная страна, – усмехнулся Николай. – И ты что, всерьез думаешь, что тут есть идейные? Что, наслушавшись красных песенок, кто-то побежит штурмовать Белый дом?

– Ну, как сказать... нацисты ведь начинали в пивных.

– Нацисты начинали, а большевики закончили, – возразил Николай. – Те, которые не на виселице, конечно... Нет, все, кто верил в эту бодягу всерьез, подались в Китай, а не сюда. Здесь от Ленина остался один "ленинад".

– А черно-желто-белый флаг – это тоже что-то большевицкое?

– Нет, это флаг Российской империи.

– Но ведь российский флаг – бело-сине-красный?

– Ээ, Майк, – покачал головой Николай, снова наполняя из графина свой стакан, – в России всегда был такой бардак, что она даже с собственной символикой не могла разобраться. Почти до самого большевицкого переворота не могла решить, какой флаг выбрать. Одна комиссия постановила так, другая этак. Только, наконец, определились – война и переворот. Ну, сейчас, конечно, бело-сине-красный почитается священным, потому что под ним воевали белогвардейцы и Власов. Зато те, кому они не нравятся, из принципа избрали себе черно-желто-белый. Между прочим, после победы над большевиками были и другие варианты. Предлагали, например, оставить флаг красным, по образцу знамени Райха, только серп и молот заменить свастикой-коловратом, или даже андреевским крестом... А гимн? Ты в курсе, Майк, что у России почти до середины XIX века не было своего гимна? Исполняли английский "Боже, храни короля!" И даже когда придумали, наконец, свой, первую строчку оставили прежней... Я же говорю – ничего своего. Не только у большевиков, вообще... Пушкин, солнце русской поэзии и как там его еще звали... он же просто популяризатор европейской классики. Одну из своих главных вещей перепер у Байрона, вторую у Шекспира. Вся русская знать говорила по-французски... А знаешь, что сказал француз де Кюстин? "Русский гений есть гений под-ра-жа-тель-ный"... Что сидишь, как неродной, давай я тебе тоже водочки плесну...

– Нет-нет, спасибо... ну, разве что на донышко, – уступил напору Рональдс.

– Ну, budem!... Впрочем, у вас, американцев, тоже нет ничего своего, – продолжал Николай, смачно закусив. – Но вы хоть ведете себя проще. Вы не пытаетесь кому-то подражать, а просто скупаете все сколь-нибудь стоящее по всему миру и вешаете на это лейбл "Сделано в Америке". Прямо как китайцы, только те не покупают, а воруют. Атомную бомбу вам германцы сделали, вертолет и телевизор – русские...

– Телевизор?! – возмутился Майк. Вообще-то он никогда не интересовался тем, кто именно изобрёл телевизор, но было и без того очевидно, что это чисто американская вещь.

– Ну да, Зворыкин изобрёл... слышал такую фамилию? Нет? То-то же. Бежал в Штаты от большевиков. Большевики сделали вам много подарков, вообще-то. То-то к ним здесь такая терпимость.

– Ну, допустим, – Майк решил, что нахальному русскому нужно напомнить кое-что, – но ведь деньги-то ему на разработки дали мы, не так ли? Это тоже чего-то стоит.

– Вообще говоря, денег ему дал Давид Сарнов. Президент Radio Corporation of America. Кажется, юде. Его ребёнком увезли родители от...

– ...от большевиков, как это у вас принято, – саркастически заметил Майк. Выпитое уже давало о себе знать, к тому же окружающая обстановка как-то не располагала к политкорректности. Рональдс поймал себя на мысли, что ему это, скорее, нравится. По крайней мере, тут уж точно никто не схватит тебя за задницу... Хм, а ведь это неплохая коммерческая идея: оазис традиционных отношений, замаскированный под экзотическую эмигрантскую тусовку. Об этом можно сделать неплохой репортаж...

– Ну да, от большевиков, – пожал плечами Николай. – И что?

– А то, что этот ваш, как его... – фамилию изобретателя телевизора Майк произнести не сумел, – так и остался в Америке, даже после того, как большевиков не стало. Почему бы это?

Музыканты заиграли вступление очередной песни – вероятно, даже более популярной, чем предыдущие, судя по возросшему шуму в зале.

– О, вот и "Синицын". Так и знал, что его мы сегодня не избежим, – поморщился Николай. – А насчёт того, почему не вернулся – так это понятно...

Четвёртые сутки проклятые фрицы
Штурмуют столицу с утра до темна!
Не па-а-адайте духом, полковник Синицын!
Майор Коваленко, надеть ордена!

– вывела с надрывом певичка.

В зале подхватили рефрен.

– Совершенно безграмотная песня, – прокомментировал Николай. – Начать с того, что германцы Москву не штурмовали...

– Так почему же этот ваш изобретатель не вернулся? – Майку захотелось дожать собеседника.

– А зачем? У него здесь работа, деньги, успех. В России он получил бы всё то же самое, минус затраты на переезд, адаптацию, и расталкивание локтями конкурентов. Плюс, конечно, джерри. Зворыкин с ними ещё в первую мировую воевал.

Майк улыбнулся старому военному словечку: оно напомнило ему рассказы деда и любимые с детства фильмы про подвиги американских летчиков.

– Кстати, первый самолет построили братья Райт, – припомнил он.

– Идея была не их. Им просто повезло найти хоть сколько-то приемлемое инженерное решение. Но именно "хоть сколько-то". Их "Флаер" был почти неуправляем, да и мощности на самостоятельный взлет ему не хватало – фактически его поднял в воздух встречный ветер... Скажи мне, Майк, если американцы такие пионеры авиации, то что ж всю Первую мировую американские летчики летали на французских "Ньюпорах" и "Спадах"? А Зэнгера или фон Брауна вам купить было слабО, вот ваша космическая программа и провалилась.

– Что значит провалилась?! – Майк напомнил себе, что он профессионал, и не должен заводиться, что бы ни говорил собеседник, но это уже было слишком. – Америка – великая космическая держава, на наших кораблях уже летали астронавты доброго десятка стран...

...Который уж месяц житья нет от фрицев,
Солёного пота, и крови рекой,
А мне бы в девчонку,
в девчонку влюби-и-иться...

– надрывалась певичка.

– Ну да, да... Программа "Аполло", – Николай криво усмехнулся. – Речь Кеннеди – "к 1970 году Соединенные Штаты должны запустить человека в космос..." Скажи мне, Майк, зачем это было надо? На кой вбухивать миллиарды долларов в одноразовые консервные банки, если германцы уже с пятьдесят третьего летают на космопланах? Я понимаю, метеоспутники, связь, спутники-шпионы – это все важно. Но пилотируемые полеты надо было оставить Райху, раз уж у него это так хорошо получается. Все равно, случись что, исход решат не астронавты, а баллистические ракеты. Так ведь вы же органически не способны признать, что вам утерли нос! Русские, по крайней мере, хоть это умеют. Русские, в очередной раз получив по морде, почешут в затылке, скажут "Ну и что? А зато у нас классический балет!" и вернутся к привычным занятиям, – Николай снова выпил. – Но вы – нет. Вы будете, как в том анекдоте – "Джо, отлепи меня от стенки, я ему еще врежу!" Картер этот со своей лунной программой... Слава богу, Рейгану хватило ума ее прекратить. Но и то – после третьей катастрофы ракеты на старте. В то время как германцы еще в середине шестидесятых обследовали Луну зондами и убедились, что там нет ничего полезного...

В последнее утро сойтись в рукопашной,
Великой России еще послужить!
Полковник Синицын, погибнуть не стра-а-ашно!
И всё же так хочется, хочется жи-и-ить!

– закончила девушка под грохот аплодисментов.

– Ага, как же, хочется жить, товарищ полковник, – Николая песенка явно раздражала. – Этот Вилли Розенбаум, или как его там... ну, который сочинил это дерьмо – он всё-таки vkray ofonarel. Советские офицеры так не разговаривали. Тем более перед самым концом. Какое там "не падайте духом" и "жить хочется". "Это что, пораженческие настроения?! Да я тебя, суку, под трибунал!" – вот это было бы похоже. Да и Россию тогда

поминать было не велено, тем более "великую". Союз Советских Социалистических Республик – вот это было можно. В крайнем случае – Родину без названия. "За Родину, за Сталина" – вот и весь сказ. СМЕРШ-то до самой капитуляции орудовал... и после нее тоже, на востоке. Почему-то на Западе принято считать, что для России война закончилась в сорок третьем. Это с германцами она закончилась, а гражданская война в Сибири продолжалась до сорок шестого... Последних партизан и вовсе в конце пятидесятых добили.

– А ты сам давно из России? – спросил Майк.

– Я что, такой старый? – усмехнулся Николай. – Я здесь родился. Отец политруком был. Не то чтобы особо идейный, просто время такое было, что самая удобная карьера – по партийной линии... Ну а когда все так обернулось, драпанул из Мурманска с последним британским конвоем. Мать к нему только в пятьдесят четвертом выпустили. Тогда в Райхе Обновление было, вроде как свободы больше стало, ну и в России тоже гайки поослабляли. Хотя, надо отдать должное Власову, он еще в сорок третьем указ издал, чтобы семьи партийцев не трогали. Имущество только отбирали, как "приобретенное за счет незаконных привилегий", да и то у родни шишек, не у рядовых. Не стал, значит, мстить. У него самого-то большевики жену расстреляли, причем вторую уже, первая еще в тридцатых в лагерях сгинула... правда, он, говорят, в Германии быстро утешился... А мой отец, представь, так одиннадцать лет верность матери и хранил. Прямо хоть сценарий для Холливуда пиши. По крайней мере, – Николай вновь усмехнулся, – такова официальная версия.

– Значит, ты вообще не был в России? – Майк почувствовал разочарование.

– Это ж не на Хавайи в отпуск махнуть! Чтобы нашего брата-эмигранта хоть по туристической визе пустили, это ж такой геморрой... Да и не очень-то и хотелось. В гробу я видал и коммуняк, и власовцев. Мне и здесь хорошо.

– Мне казалось, тебе не очень нравится Америка, – язвительно заметил Рональдс.

– Ну, по большому счету... ты не обижайся, Майк, Америка, конечно, дерьмо. И Россия тоже дерьмо. Но американское лучше пахнет, – Николай чокнулся со стоящим на столике пустым стаканом Майка и осушил очередную порцию. В графине оставалось на донышке.

– Может быть, тебе хватит? – обеспокоенно спросил Майк.

– Не учи русского водку пить... Ты куришь? – Николай достал распечатанную пачку "Винстон" и приглашающе протянул ее Рональдсу.

– Нет, – поспешно закрылся рукой Майк. От прокуренной атмосферы заведения у него уже начинала болеть голова.

– Ну и правильно, – сказал Николай, выуживая сигарету и вставляя ее в рот. – Никогда не начинай, – добавил он, щелкая зажигалкой. Затянувшись, он блаженно откинулся на спинку стула и тонкой струей выпустил дым к потолку. – Вот, кстати, ещё одна причина не тосковать по российским просторам. Я без никотина не могу.

– Значит, ты не чувствуешь ностальгии? – вернулся к прежней теме Майк, в свою очередь, стараясь отодвинуться подальше от ядовитого дыма.

– Делать мне больше нечего... Вот мои родители – те да, отец особенно, до последнего дня... пролетарский интернационалист, blin... Смешно просто, какими патриотами России становятся те, кто когда-то бежал от этой страны, как от чумы. Есть в нашем доме такая тетя Циля – стопроцентная юде. Так вот, вообрази, ударилась в православие, крестилась под именем Галины, посещает все службы в церкви... И, кажется,

уже сама уверовала в то, что у нее в родне были белые офицеры. Или вот еще один сосед, сумасшедший старичок... тихий такой и безвредный, но каждый день начинает с чтения русских газет. Нет, не местных иммигрантских, а настоящих, тамошних. Их здесь можно достать. Ну это бы ладно – но он читает их все. То есть все, которые достанет, конечно – как будто они пишут не об одном и том же, там же вся пресса под каблуком у государства! Бывало, с утра встретишь его в подъезде: идет, нагруженный ворохом... некоторые, по виду, из мусорных баков возле российского посольства тягает... Давно, правда, его уже не видел. Может, помер. А может, забрали в клинику для престарелых, наконец. Ну а уж все праздники отмечать – это тут вообще святое. Ты бы заглянул сюда на 7 ноября и на православную пасху... что интересно – одни и те же лица.

– А ты?

– А мне просто нравится, как здесь готовят, – Николай наполнил стакан в последний раз. – И водка здесь хорошая. Жаль, цены в последнее время выросли. Хоть я и могу себе это позволить, а деньги лишними не бывают.

– А что ты делаешь, чтобы жить? – Майк употребил стандартное американское выражение, означающее "кем ты работаешь?"

– Дышу, ем и сплю, – осклабился Николай. – Шутка. Если серьезно, я сисадмин в конторе тут неподалеку. В Южной башне Близнецов. Заведую локальной сетью и все такое. Что ты на меня так смотришь? Ты думал, я русский мафиозо?

– В первый момент было такое подозрение, – улыбнулся Майк. – Но потом, после всех этих рассказов, я решил, что ты историк или что-то вроде этого.

– Просто с детства родители компостировали мне мозги своим русским патриотизмом, вот я и решил разобраться во всем сам. Прочитать побольше, и тех, кто славит Россию, и тех, кто ругает. Выяснилось, что первые рисуют еще более неприглядную картину, чем вторые. Одно дело – просто указать на пороки, а другое – гордиться ими... А ты где работаешь?

– Представь себе, почти там же – в Северной башне. WNYC, Общественное радио Нью-Йорка.

– Близнецы, – протянул Николай и раздавил сигарету в пепельнице. – Нерушимый символ американской демократии. Так, Майк?

– Ты иронизируешь? – догадался Рональдс

– Просто не понимаю, зачем было громоздить посреди Нью-Йорка эти два совершенно безвкусных дрына. У Крайслера или Эмпайра хоть есть своя эстетика. А тут – просто пара пара-ллелепипедов, – несмотря на выпитое, Николаю все уже удалось не сбиться в трудном слове. – Ладно японцы, у них земли мало. Но у нас-то? Горизонтальный путь проще вертикального. Ты можешь объяснить, какой смысл в зданиях, где даже авария лифта может стать причиной трагедии, я уж не говорю о пожаре где– нибудь в середине? А уж если это все когда-нибудь рухнет...

– Конструкцией предусмотрены любые чрезвычайные ситуации, – возразил Майк. – Близнецы не могут рухнуть.

– Ага, – кивнул Николай. – А "Титаник" не мог потонуть. Близнецы – это просто еще один американский выпендреж. В них нет никакого смысла, кроме размера. Как у подростков, которые меряются членами. Дядя Сэм стремится показать всему миру, что у него больше. Прямо по Фройду.

– А что стремится показать миру Московская телебашня?

– Очевидно, четыре всероссийских телеканала, – рассмеялся Николай. – "Говорит и

показывает Москва!" Кстати, а что ты делаешь на радио?

– Я репортер.

– Да-а? А я подумал, наш брат технарь. Погоди, уж не собираешься ли ты делать репортаж о русском кабаке?

– Нет-нет... но... знаешь, Николай, через несколько часов я лечу в Россию, – признался Рональдс почти извиняющимся тоном.

– Вот как?

Николай смотрел на него странным взглядом. Майк пытался понять, что выражает этот взгляд. Зависть, любопытство, может быть, досаду и злость? Нет, все не то...

– Кан-фет-ки ба-ра-а-а-а-ночки! – блеяла певичка, высоко вскидывая ноги.

– Будь там осторожен, Майк, – сказал, наконец, Николай.

Kapitel 9. 4 февраля, понедельник, утро. Москва, Трубниковский переулок, 30.

Будильник надрывался. Власов встал с кровати, сунул ноги в зеленые резиновые шлепанцы, пересек комнату: он всегда оставлял будильник вне пределов досягаемости, зная, как просто выключить его и продолжать спать. Взяв часы в руку, утопил красную кнопочку. Резкий пиликающий звук, однако же, не прекратился. Фридрих удивленно помассировал кнопку, затем, убедившись, что она, очевидно, сломалась, вытащил батарейку.

Будильник продолжал звонить.

Фридрих чуть ли не минуту пялился на него в полном недоумении и крутил в руках непокорную вещицу. Вместе с недоумением росло раздражение – уж больно противным было пиликанье. Проблема, конечно, была смешной и нелепой, но хоть как-то заткнуть взбунтовавшийся приборчик было необходимо. Власов вернулся к кровати и сунул будильник под подушку, затем накрыл одеялом. Звук не только не исчез, но даже не стал тише. Власов немного подумал, и решил, что если враг не сдаётся – его уничтожают. Он извлёк пластмассовую коробочку из-под подушки, бросил на пол и раздавил ногой. Вещица хрустнула, из-под тапочка выкатилось какое-то колёсико. Ничего не изменилось: в ушах по-прежнему стояло мерзкое "пиу-пиу".

Только тут Фридрих разлепил веки по-настоящему и осознал, что нелепая борьба с будильником ему приснилась. Тот все еще пиликал где-то на подоконнике, честно исполняя свой долг.

Он потянулся, с неудовольствием услышал хруст позвонков. Сел. Пошарил ногой по полу. Никаких дурацких резиновых шлепанцев там, конечно, не было (приснится же такое уродство!), но и его домашние туфли с меховой опушкой что-то не попадались – должно быть, перед сном запихнул их слишком глубоко под кровать. Ладно, для того, чтобы взбодриться, пройтись босиком по холодному полу даже полезно... Зевая во весь рот, Фридрих поплёлся выключить будильник. Посмотрел на время и с крайним неудовольствием отметил, что противился пробуждению больше пяти минут. В ситуации повышенной боеготовности он уже должен был за это время добежать до самолета и сидеть в кабине... Все-таки кабинетная работа сильно расхолаживает.

Хотя предыдущий день особенно кабинетным не назовешь. И лечь ему вчера (точнее, уже сегодня, поправился Фридрих, конвоируя себя в душ) удалось лишь в третьем часу ночи...

Он резко крутанул синий кран, обрушив на голову и плечи свистящие потоки

ледяной воды. Очухался, глотнул воздуха. Не торопясь, прочел про себя "утреннюю молитву" ("Я абсолютно здоров, полон сил и энергии; мое сердце бьется ровно и размеренно; мои легкие полны кислорода..." – начинать каждый день с сеанса аутотренинга он научился в госпитале), и лишь затем позволил себе включить горячую воду. Сонная одурь отступила, и можно было привести мысли в порядок, еще раз припомнив окончание предыдущего дня.

Тогда, вернувшись из туалета после разговора с Мюллером, он неожиданно убедился, что кабинет пуст, а со стола убрано. Фридрих оглянулся в недоумении и увидел спешащую к нему официантку.

– Ваш друг просил передать вам свои извинения. Он был вынужден уйти... – девушка наморщила маленький лобик, – по срочному делу. Он записку вам оставил, – добавила она, вытаскивая из кармашка декоративного фартучка ресторанную визитку. На маленьком жёлтом прямоугольнике из плотной бумаги с рекламой и телефонами ресторана в углу было нацарапано крошечными буковками: "I weg GGG H" – дальше шла характерная эбернлинговская закорючка. Фридриху понадобилось секунд пять, чтобы сообразить: Хайнц, безбожно сокращая слова и пользуясь аббревиатурами, хотел сообщить ему, что он уходит, имея на то серьёзную причину. Причину, обозначаемую тройным G. То есть крайне важную и строго секретную.

Если, конечно, он писал это сам. И не под давлением.

– Если вы желаете продолжить заказ... – затянула тем временем официантка.

– Пожалуй, ещё один чайник... и, пожалуй, сабайон. – Он знал, что этот десерт из клубники, запечённой в ванильном соусе, готовят долго. Достаточно долго, чтобы он успел сделать всё необходимое.

– У нас кончилась свежая клубника, – смутилась ресторанная барышня. – Может быть, согласитесь на "Чёрный лес"? Это шоколадный торт с вишнями...

– Тогда просто чай с травами. И заварите как следует: чай должен настояться. – Фридрих понимал, что клубника и в самом деле могла закончиться. Но его насторожило, что взамен ему предлагают готовое блюдо, которое можно принести через пару минут, если поторопиться. Тем самым украв у него необходимое время.

Официантка чиркнула что-то в своём блокнотике, принимая заказ, и убежала.

Власов закрыл дверь кабинки, прислушался – ресторанный шум вроде бы не изменился. Подошёл к столику, извлёк фонарик, включил его на полную мощность. Быстро и аккуратно осветил пол, стулья, внутреннюю поверхность столика – в поисках каких-нибудь следов насилия. С отвращением обнаружил, что к перекладине стула, на котором он сидел, прилеплено что-то белое – судя по виду, американская жевательная резинка. Быстро натянул перчатку, проверил. Резинка оказалась старой, затвердевшей. Теоретически в ней мог оказаться "жучок", поэтому Власов не поленился тщательно раздавить гадость каблуком. Однако в любом случае эта штука появилась здесь задолго до их прихода.

Больше ничего подозрительного на полу не было, за исключением обычного мусора.

Осталось изучить записку.

Он сел за столик поудобнее, развинтил фонарик и достал оттуда сильную линзу. Склонился над визиткой, направляя на неё суженный луч света, и стал быстро и аккуратно просматривать букву за буквой.

Почерк, похоже, принадлежал Эберлингу. Разумеется, это следовало проверить на

рехнере, благо программа анализа почерка входила в стандартный комплект. Но именно это и убеждало, что записка подлинная: подделывать чужой почерк, да ещё и в полевых условиях, никто бы не стал – по крайней мере, профессионалы... Кроме того, надпись была чистой, без "флажков": ни одна чёрточка не содержала малозаметных модификаций из той серии, которую учили – точнее говоря, намертво вбивали в моторную память руки – на тренировках. Агент, даже захваченный врасплох, практически всегда мог оставить в записке любого содержания кое-какую дополнительную информацию, закодированную в форме и расположении рукописных букв. Эберлинг такой возможностью пренебрёг.

Судя по всему, следовало остановиться на рабочей гипотезе: Хайнц сообщил ему именно то, что считал нужным сообщить.

Когда принесли чай, Фридрих сидел за столиком в расслабленной позе, размышляя о сложившейся ситуации. Благородный напиток он выпил в три приёма, не чувствуя вкуса, и попросил счёт.

Счёт оказался очень коротким. Сумма тоже не впечатляла.

– Это только за новый чайник. Ваш друг оплатил за себя и вас, – объяснила девушка.

– Заплатил, – машинально поправил Фридрих.

– Да, я и говорю – уже заплатил...

– Вы говорите "оплатил за", а это не по-русски. "Оплатить что", но "заплатить за кого".

Девушка пару раз хлопнула ресницами и растерянно улыбнулась.

– Надеемся увидеть вас здесь снова, – произнесла она наконец, на всякий случай растягивая губы пошире.

– Может быть, – ответил Власов, не покривив душой: все-таки кормили здесь недурно. Поблагодарил девушку (отметив про себя, что отсутствие чаевых она приняла как должное – видимо, Хайнц и это предусмотрел) и направился к выходу.

Направляясь домой – судя по всему, именно так ему предстояло именовать квартиру в Трубниковском в ближайшие дни, а то и недели – Фридрих размышлял о странном исчезновении Хайнца.

"Срочное дело..." Какое срочное дело может сорвать с места и потащить куда-то в ночь усталого и не очень трезвого человека, расслабляющегося в дружеской компании?

Разумеется, у людей их профессии срочные дела случаются в любое время суток. Вот, в частности, у него, Фридриха, сейчас срочное дело – написать и отправить отчет по Зайну. Хм, а может быть, Эберлинга запрягли охотиться на ту же дичь? И даже назначили главным егерем. Это было бы вполне логично – раз уж Власову оставлено дело Вебера, должен кто-то сосредоточиться на Зайне? Не Лемке же, в самом деле. Да, но это если Мюллер уже знает, что Эберлинг в Москве, и к тому же хочет снять его с петербургских дел. В которые Хайнц, похоже, влез весьма основательно. И, в свою очередь, логичнее теперь дать ему довести их до конца, чем вводить с нуля нового человека. Опять же, если приказ Хайнцу исходил от Мюллера, когда тот успел – ведь как раз в это время он был на связи с Власовым? Хотя – за пять минут можно успеть многое. По крайней мере, отправить соответствующее сообщение. Вполне в стиле старикана... Но Хайнц ведь вполне мог подождать пару минут, чтобы попрощаться с Фридрихом? Опасаться лишних вопросов ему не стоило – и он это прекрасно знал. Неужели что-то такое, что не терпело отлагательства буквально ни на секунду?

Ладно, оставим это. Другие гипотезы? Допустим, Эберлинг просто хотел

избавиться от спутника. Оставим пока в стороне вопрос, зачем ему это надо. Собственно, и встреча их была внеплановой, так что Фридрих и впрямь мог, сам того не подозревая, помешать каким-то задумкам старого друга... Что ж, Служба – не то место, где принято обижаться на маленькие и большие секреты друзей и партнеров. Но как раз поэтому незачем было устраивать цирк с внезапным исчезновением. Достаточно было сказать открытым текстом – мол, а теперь нам надо расстаться, не провожай меня (Фридрих хмыкнул: пришедшая в голову фразочка звучала как строчка из пошлого романса). Тогда что же? Тогда напрашивается мысль, что, раз уж комедия была разыграна, на роль зрителя в ней планировался кто-то другой. А это, в свою очередь, пробуждает к жизни закон тринадцатого удара: если часы бьют тринадцатый раз, это не только означает, что тринадцатый удар не верен, но и порождает сомнение в верности предыдущих двенадцати. То есть комедией мог быть и весь предшествующий разговор. И это, кстати, многое объясняет. Например, чрезмерный интерес Хайнца к алкоголю и чересчур успешное означенного алкоголя действие. И сам тот факт, что Эберлинг потащил его в "Калачи". Но был ли комедией именно весь разговор? Едва ли. Скорее всего, по большей части Эберлинг рассказал правду, иначе неведомый зритель не заглотил бы наживку. Первый крестик, хм... Информация правдивая, но без излишних деталей. Но ведь в них-то и прячется дьявол, как говорят англичане... Тогда кто же зритель, коего Эберлинг столь старательно пытался убедить, что либо не доверяет своему другу и партнеру, либо просто не знает чего-то важного? Русские спецслужбы? Ответ напрашивающийся. Но, увы, не единственный. Особенно в свете недавнего визита Зайна в Берлин.

Фридрих чуть замедлил шаг. Он только что осознал, что у него не выходит из головы самая отвратительная из всех мыслей, которые только могут прийти в голову сотруднику Управления: может ли он доверять собственному начальству? В том числе... надо, наконец, назвать вещи своими именами... – в том числе и Мюллеру.

Ну, конечно, Мюллер не предатель. Это совершенно невозможно. С тем же успехом можно сразу подозревать в предательстве Райхспрезидента. Но не слишком ли шеф заигрался в "интересы"? Как ни крути, а Управление вовлечено в серьёзную политическую борьбу наверху. А Власов отдавал себе отчёт, куда может завести подобная борьба.

Что ж, допустим... Допустим – хотя бы в качестве безумной гипотезы – что Мюллеру зачем-то понадобилось убрать Вебера. Причины могут быть самые разные. Например: Вебер, с его дотошным раскапыванием странных российских дел, случайно влез в сверхзасекреченную спецоперацию, проводимую Мюллером втайне от политического руководства. Возможность посложнее: убирая Вебера, Мюллер рассчитывает привлечь внимание людей наверху к российским делам, которые он почему-то считает важными. Кстати (тут по спине Власова пробежал неприятный холодок), почему расследовать это дело послали именно его? Он хороший аналитик, но работать "на земле" ему не приходилось уже очень давно... А может быть, шефу нужен именно провал? Кстати, Власов наполовину русский, а сейчас кое-кто склонен придавать этому особое значение... Уж не делают ли из него, Власова, козла отпущения?

Всё, всё, отложим это до тех времён, когда подобные мысли станут актуальны. Хотя лучше бы, конечно, до этих времён не дожить... Тем не менее, будем смотреть в лицо фактам. Вебера убили в его собственной квартире. И весьма вероятно, что он впустил убийцу сам и по доброй воле. В качестве кого? Как любовницу или друга из местных? Сомнительно, очень сомнительно. Уж скорее он открыл бы дверь коллеге. Эберлингу,

например. Или Лемке. Надо, кстати, выяснить у Лемке, насколько контактным человеком был Вебер...

Кстати: интересно, кто обнаружил тело? Учитывая, что первой об этом узнала русская полиция. Какой-то случайный человек? Скажем, сосед, зашедший одолжить какую-нибудь бытовую мелочь? Но как он попал в квартиру – неужели убийца не запер дверь? Конечно, и такое возможно, если убийца был сильно напуганным непрофессионалом. Или... или хотел создать такое впечатление...

Впрочем, это всё подождет. Сначала нужно выяснить факты, уже известные полиции и Лемке, а потом уж строить гипотезы. Сейчас важнее Зайн...

Он вновь вышел на Новый Арбат. Стараясь обращать на окружающее уродство как можно меньше внимания, Фридрих вновь и вновь прокручивал в памяти свой полет, и в первую очередь два мимолетных эпизода – у касс и на стоянке. Нет, кажется, отсюда ничего уже не выжмешь. Кроме внешности для фоторобота. Хотя можно не сомневаться, что сейчас Зайн выглядит уже по-другому. Впрочем, он всего лишь человек, а не монстр из холливудских лент (хотя как раз про Зайна многие сказали бы обратное). Человеческая способность менять внешность все-таки сильно ограничена. Особенно когда это человек в возрасте. Молодому легко загримироваться под старика, но не наоборот...

Где он все-таки сидел во время перелета? Это наверняка скоро выяснят. Очевидно, он все же не мог избавиться от коляски раньше, чем поднялся на борт – ведь он был еще "на земле Райха". Но ветерану и инвалиду полагается повышенное внимание бортпроводниц, что ему было весьма некстати. А ведь, пожалуй, происшествие с фрау Галле было Зайну на руку – вызванная этим делом суматоха отвлекла внимание от него самого. Так что же, он все-таки мог каким-то образом подсунуть ей шприц? Хм, а интересная параллель получается. В самолете фрау Галле вводит себе наркотик – вроде бы добровольно, но, видимо, не зная о содержимом шприца. За сутки до этого в Москве умирает Вебер – и тоже от наркотика, который он, по официальному заключению русской полиции, ввел себе сам. Правда, Зайна тогда еще в Москве не было, но это еще ни о чем не говорит. Надо выяснить, какой препарат использовался в обоих случаях. Если один и тот же...

Размышляя таким образом, Фридрих дошёл до подъезда дома в Трубниковском переулке (точнее сказать, ноги сами принесли его туда – чувство направления Власова не подводило ни в воздухе, ни на земле) и начал подниматься по лестнице. На площадке между вторым и третьим этажами самозабвенно целовалась парочка. Фридрих поморщился: подобные зрелища всегда вызывали у него острую брезгливость. Он решительно не понимал людей, находящих удовольствие в том, чтобы мазать друг друга слюнями. Хуже, впрочем, было то, что эти двое могли оказаться вовсе не теми, кем старались казаться. Одеты они были по-уличному, но одежда и обувь были сухими – значит, стоят здесь уже давно, а может, и вовсе вышли в таком виде из одной из ближайших квартир и сразу заняли наблюдательный пост.

На коричневой куртке парня серебрился маленький значок – правосторонняя славянская свастика. Российский Молодежный Союз. В отличие от комсомола большевицких времен, членство в этой организации было по-настоящему добровольным, туда принимали действительно идейных – но и спрос с них был строже, чем с загнанных под общую гребенку.

– Шли бы вы по домам, молодые люди, – неприязненно произнес Фридрих, поравнявшись с парочкой. Девушка отпрянула от своего кавалера, стремительно краснея.

Пожалуй, это не было наигранным. Тот, в свою очередь, обернулся к Власову, сверля его злобным взглядом.

– А т-т-т... (парень осадил назад)... вы кто такой, чтобы нам указывать?

– Тот, кто может сообщить в вашу первичную организацию о вашем непристойном поведении в общественном месте. Или мне процитировать устав РОМОСа?

Парень набычился, но понял, что умнее будет не спорить.

– Ладно, Лен, – обернулся он к подруге, – раз у вас тут такой... правильный дом... Пока, созвонимся завтра, – и, наградив Фридриха еще одним злым взглядом, устремился вниз по лестнице, быстро перебирая ногами ступеньки. Власов направился вверх и услышал, как за девушкой захлопнулась дверь квартиры на третьем этаже. Некоторое время он постоял, глядя вниз через два пролета и прислушиваясь, но никто не попытался вновь занять "наблюдательный пост".

Поднявшись к себе, Фридрих первым делом побрился, потом принял душ. Мюллер, конечно, ждет отчета как можно скорее, но от отчета, написанного в полусонном состоянии, проку было бы немного. Затем сел за рехнер и без десяти два закончил, наконец, изложение событий этого длинного дня, описав не только перелет, но и встречу с Эберлингом и странное этой встречи окончание. Перечитав все это на предмет упущенных деталей, Фридрих воткнул в гнездо нотицблока разъем оптоволоконного кабеля и отправил сообщение. Предстояло еще поработать с программой составления фотороботов, которую он загрузил с центрального береха Управления. В ближайшие дни таких фотороботов будет составлено, наверное, не один десяток. И, просуммировав их все, РСХА наконец-то получит более-менее достоверное представление о внешности врага Райха номер семь.

Когда Фридрих, наконец, оторвался от клавиатуры, он уже валился с ног. Что поделать – он завидовал волшебной мюллеровской способности работать сутками напролет, но сам ею не обладал. В критической ситуации можно, конечно, принять стимуляторы, но за это обычно приходится расплачиваться разбитостью и рассеянностью на следующий день. Так что оставалось лишь поставить будильник и добраться до кровати. Засыпая, он подумал, что надо было бы сосканировать записку Эберлинга и проверить почерк – но сил уже не было, да и чутьё подсказывало, что это не понадобится.

И вот теперь, вытираясь после душа большим махровым полотенцем, Власов выстраивал в уме список дел на сегодня. Перво-наперво встретиться с Лемке и вытрясти из него всё, что тот знает. Дальше – если, конечно, не откроется нечто, требующее немедленных действий – пора, пожалуй, представиться русским коллегам. Раз уж их бюрократическая процедура требует личной явки за разрешением на оружие. А заодно и выяснить у них ситуацию с фрау Галле. Надавить, если понадобится. Пока неизвестно, будет ли она полезна, если он сумеет ее вытащить – но в русской тюрьме от нее пользы точно не будет. Да, зайти в какой-нибудь хороший магазин и купить всякие мелочи, без которых невозможно жить. Убраться в квартире тоже не мешало бы...

Но было ведь что-то срочное. Черт, кассета! Вчера с этим Зайном он так до нее и не добрался. А ведь, быть может, разгадка смерти Вебера, в прямом смысле, у него в кармане!

Даже не одевшись, он подошел в висящей в прихожей куртке и выудил из кармана свою вчерашнюю добычу. С мягким клацаньем она легла на свое место в магнитофоне. Фридрих включил воспроизведение и лишь после этого занялся собственным гардеробом.

Из динамика меж тем не доносилось ни звука, хотя лампочка горела и крошечные

бобины исправно крутились. Власов вывел громкость на максимум. На смену тишине пришло тихое фоновое шипение, но это было все.

Через несколько минут Фридрих уже практически не сомневался, что теряет время впустую, но добросовестность требовала дослушать пленку до конца. Впрочем, Власов решил, по крайней мере, позавтракать и перетащил магнитофон на кухню. В холодильнике он нашёл несколько коробок замороженных полуфабрикатов, два десятка яиц (судя по штемпелям на боках – довольно свежих), банку сгущенки, плитку шоколада, два пакета апельсинового сока, хлеб в вакуумной упаковке, масло и пакет с розовыми парниковыми помидорами. Что ж, на первые дни этого хватит. Кроме того, в одном из кухонных шкафов обнаружились запасы кофейных зёрен четырёх сортов, электрическая мельница и жезва на одну чашку.

Власов довольно скептически относился к любимому дойчами безалкогольному напитку, предпочитая чай – возможно, в этом сказывалась его славянское происхождение, в других случаях ничем себя не проявлявшее. Однако чая не было. Не забывая о крутящейся кассете, Фридрих избрал меню, обеспечивающее бесшумное приготовление: разогрел себе в микроволновке что-то рыбное и запил соком.

Спустя еще семьдесят минут Власов знал, что, если не считать завтрака, потратил полтора часа зря. Лента была пуста с обеих сторон.

Вообще говоря, он не слишком этому удивился. Задним числом он даже был почти уверен, что интуитивно знал это с самого начала – потому и вспомнил о кассете так поздно. Уж больно все было бы просто. Конечно, это только в плохих детективах простые решения никогда не срабатывают... но, раз Лемке не изъял кассету, может быть, он попросту знал, что там ничего нет? Пора уже, наконец, с ним связаться.

Фридрих достал целленхёрер, несколько раз нажал кнопку, выбирая из списка нужный номер. В отличие от серийных трубок, кнопка нажималась беззвучно. В квартире был, конечно, и "обычный" телефон, подключенный к городской сети, но ему Фридрих не доверял, даже несмотря на встроенный фершлюселер. Даже когда противник не может расшифровать звонок, сам факт, что звонили с такого-то номера на такой-то, может дать ему лишнюю информацию... Радио и оптоволоконная связь, которой пользовались агенты Райха в Москве, работала не через российских операторов, а через аппаратуру, установленную в германском посольстве.

Трубку долго не брали. Лишь после пятого гудка недовольный и, как показалось Фридриху, сонный голос сказал: "Алло?"

– Я по объявлению. Вы еще продаете щенков ризеншнауцера? – осведомился Фридрих по-русски.

– Да, остались еще два – мальчик и девочка, – голос на другом конце как-то сразу подобрался.

– Мне мальчика. Guten Morgen.

– Herr Erste? Sehr angenehm! – Лемке тоже перешел на дойч. – Я ждал вашего звонка, шеф.

"В таком случае, вы долго берете трубку, мой мальчик", – чуть было не процитировал Мюллера Власов. – Нам необходимо встретится и обсудить дела, – сказал он вместо этого.

– Когда и где? – Лемке был само служебное рвение.

Фридрих бросил взгляд на часы.

– В десять. Точка С. (Это означало квартиру в Трубниковском; квартира Вебера

именовалась точкой А.) Успеете?

– Так точно!

– Хорошо. Учтите, мне нужен полный отчет. До встречи.

Дав отбой, Фридрих включил нотицблок и проверил почту. Ничего сверхсрочного он не ожидал – оно бы пришло прямо на целленхёрер, но текущие инструкции вполне могли поступить. И впрямь, "Ди Фенстер" помигивали запечатанным конвертиком.

Фридрих подогнал к нему стрелку и надавил на сенсорную подушечку; после мгновенной паузы, вызванной работой программы дешифровки, на экране возник короткий текст. Да, кое в чем жизнь агента все же стала намного проще со времен Штирлица и его верной радистки Кэт...

"О Хайнце не беспокойтесь. Ваша главная задача прежняя. Постарайтесь вытащить фрау Галле из подвалов Лубянки. Официально наш МИД не собирается в это вмешиваться. Но наши маленькие друзья хотят поднять шум. О."

"Подвалы Лубянки" были, разумеется, очередным приступом тяжеловесного мюллеровского юмора. Здание, некогда наводившее ужас на всю страну, давно не использовалось по прежнему предназначению, превращенное в Мемориальный музей жертв большевицкого террора. Да и, в любом случае, над либеральной журналисткой висело отнюдь не политическое, а чисто уголовное обвинение.

Фридриха, однако, внезапно заинтересовало другое выражение, которое он уже однажды слышал от Эберлинга. "Маленькие друзья". На жаргоне американской – а стало быть, и всей атлантистской – военной авиации так именуются истребители прикрытия. Бомбардировщики, соответственно – "большие друзья". Вряд ли Мюллер знал это; он-то, понятно, имел в виду СЛС и их российских единомышленников. Но что, если во всем этом деле либералы и впрямь играют роль истребителей прикрытия? И весьма похожая на провокацию история с Галле (которая, вполне возможно, все же сознательно ввела себе наркотик ради дальнейшей шумихи), и даже смерть Вебера на самом деле лишь призваны отвести огонь защитников Райха от... от чего или от кого? "Истребители". Власов повторил это слово по-русски. На этом языке оно звучало более зловеще, чем его иностранные аналоги – "охотники" в дойче или "бойцы" в английском. В отличие от большинства летчиков, Фридрих не был суеверен и не придавал значения явно случайным совпадениям, но сейчас ему всё это очень не понравилось. Похоже, меланхолично отметил он про себя, он уже заразился эберлинговским интересом к словам. Хотя... случайности случайностями, а своей интуиции он привык доверять.

Чтобы не терять время до прибытия Лемке, Фридрих спустился вниз и вернулся с вечерними и утренними газетами (попутно отметив про себя, до чего же они похожи, даже по внешнему виду, на то, что издаётся в Фатерлянде – разве что в заголовках не так щедро использовалась готика). Тщательно просмотрел колонки происшествий и криминальной хроники, бегло скользнул глазами по остальному. Об убийстве Вебера нигде ни слова, об аресте во Внуково тоже. Кто бы за всем этим ни стоял, очевидно, российские власти не заинтересованы в огласке. Во всяком случае, пока. Полезная все-таки штука цензура, сразу позволяет отфильтровать сигнал от шума.

Довольно скоро в прихожей раздалась прерывистая трель условного звонка. Фридрих бросил взгляд на часы – без трех десять – затем взял со стола пульт и включил стоявший в углу фернзеер, один из каналов которого транслировал изображение с вмонтированной в дверной глазок камеры.

Маленький объектив искажал пропорции, но Лемке, очевидно, и в жизни был

невысокого роста, с овальным, слегка одутловатым лицом и рачьими глазами навыкате. Жидкие белобрысые волосы казались прилизанными; под носом топорщилась по-хитлеровски узкая щеточка усов, которые Лемке совершенно не шли. Весь он производил впечатление старательного, но недалекого унтера, который борется со скукой, муштруя новобранцев в каком-нибудь глухом провинциальном гарнизоне. "Le petit caporal" – подумалось вдруг Фридриху. Так называли Наполеона. Вот уж на кого Лемке совершенно не походил.

Власов вышел в прихожую и открыл дверь. Гость, приходившийся ему по подбородок, вытянулся, чуть ли не щелкнув каблуками, и вскинул руку в официальном приветствии. К счастью, ему хватило ума не гаркнуть при этом "Heil dem Reich!", оповещая о своем визите все соседние квартиры. Но все равно подобное патриотическое рвение было совершенно неуместным – дверной глазок имелся не только в квартире Власова. "Штирлиц шел по улице Горького, не понимая, что больше его выдает – мужественное арийское лицо, именной кортик на поясе или волочившийся за спиной парашют..."

Глаза у вошедшего оказались линяло-голубыми.

– Входите, – коротко бросил ему Фридрих, отступая в глубину прихожей. – И запомните на будущее, что мы не в Берлине.

Две минуты спустя Лемке уже сидел на предложенном ему стуле (в спинку которого был вмонтирован микрофон) и бодро, гладко, как по бумажке, озвучивал свой доклад.

– Позавчера, второго февраля, в 16:28 по московскому времени, на пульт дежурного по городу московской полиции поступил анонимный звонок. Высокий голос сообщил, что в квартире по адресу точки А находится труп. Спустя 11 минут...

– Что значит "высокий голос"? Женский? – перебил Фридрих.

– Более точной информации получить не удалось, – признался Лемке, несколько сбившись с официального тона. – Похоже, русские сами не знают. Может, женщина, может, ребенок. Но бывают и мужчины с такими голосами.

– Особенно если голос был изменен... Ладно, надеюсь, нам удастся получить запись разговора. И что именно он сказал? "Труп хозяина"?

– Нет, просто "труп".

– Он не сказал, что человек был убит?

– Насколько я знаю, нет.

– Хорошо, продолжайте.

– Через 11 минут опергруппа криминальной полиции прибыла на место, – Лемке, кажется, снова почувствовал себя уверенно. – Дверь в квартиру оказалась не заперта...

– Что значит "не заперта"? – вновь перебил Фридрих. – Закрыта, но не защелкнута, приоткрыта, распахнута? Язычок замка был выдвинут, убран, поставлен на "собачку"?

– Не знаю, – ответил Лемке, в его голосе проскользнуло раздражение – Я докладываю ту информацию, которую нам дали русские. Итак, они вошли и увидели...

– Понятые присутствовали?

– Ммм... кажется, нет.

– Кажется?

Тщательно выбритые щеки Лемке начали слегка розоветь.

– Прошу прощения, херр Власов. У меня не было достаточно времени выяснить это точно.

Фридрих вздохнул.

– Ладно. Значит, они вошли и увидели...

– Вебера, сидевшего в кресле в гостиной. По заключению их эксперта, он был мертв уже около двух часов. Следов борьбы в квартире и насилия на трупе не было.

– Наши эксперты еще не работали с телом?

– Вряд ли. Его должны были передать представителям посольства только сегодня утром. Может быть, все еще не передали.

– Каково официальное заключение русских?

– Передозировка наркотика. Наркотик Вебер ввел себе сам, одноразовый шприц был найден на ковре рядом с креслом. На шприце – только отпечатки пальцев Вебера, не смазанные. Так они утверждают, – уточнил Лемке еще раз.

– Какой именно наркотик?

– Штрик.

– Штрик? – это название Фридрих слышал впервые. – "Веревка"? – переспросил он по-русски.

– Нет, – Лемке растянул рот в улыбке. – Эту дрянь придумали вонючки, кто же ещё. Какой-то шибко умный студент из Оклахомы. Там она называется strike. Но русские не в ладах с английским произношением. При всей своей любви к Америке, – ядовито добавил он.

Фридрих мысленно усмехнулся: характерное берлинское "r" Лемке тоже трудно было спутать с оксфордским.

– Strike, – повторил он вслух, – "удар". Вроде бы я что-то об этом слышал.

– Да, "удар", – кивнул Лемке. – Такое у этой дряни действие: быстрое и сильное. Как тут говорят, "сносит башню начисто".

Фридриху представился танк, в башню которого угодил крупнокалиберный снаряд. Как на известной картине Глазунова, изображающей разгром Красной Армии под Москвой.

– Они, разумеется, тщательно обыскали квартиру, – сказал он без вопросительной интонации. Лемке кивнул. – Вы получили опись изъятого? – спросил Власов.

– Обещают предоставить, но тянут. Вы же знаете эту русскую волокиту. "Тот, кто этим занимается, отбыл по служебной надобности, его заместителя не могут найти, а у секретарши сломался рехнер..."

– Вот-вот. Именно рехнер меня интересует прежде всего. Они нашли его?

Лемке потребовалась пара секунд, чтобы сообразить, что речь идет о рехнере Вебера.

– Как я могу знать, если мы до сих пор не получили опись? – пожал плечами он. – Может, они потому и тянут, что надеются в него влезть.

– Вряд ли они столь наивны, чтобы надеяться вскрыть код за реальное время, – заметил Фридрих. – Вебер был профессионалом, он не мог использовать в качестве пароля имя жены или собаки. Хотя... на их месте я бы тоже попытался... Ладно, я всё понял. Это то, что нам сообщили русские. Каковы ваши личные впечатления? Вы осматривали квартиру?

– Нет, – ответил Лемке и, упредив гневную тираду Власова, уже открывшего рот, поспешно добавил: – Я получил распоряжение ничего не трогать до вашего приезда!

– От кого? – Фридрих был настолько озадачен, что задал явно глупый вопрос.

Его собеседник, естественно, в ответ скосил глаза к потолку. Раз уж

непосредственный начальник Лемке был убит, от кого еще, кроме Мюллера, мог исходить приказ? Но с какой стати шефу отдавать столь несуразное распоряжение? Из боязни, что Лемке все испортит? Хорошо, пусть "маленький капрал" не хватает звезд с неба, пусть он даже круглый дурак (хотя это все-таки вряд ли – Управление не настолько неразборчиво с кадрами), но элементарно осмотреть тайники и забрать кассету он может? Значит, либо Мюллер знал (откуда?), что тайники – это пустой номер, либо опасался какой-то ловушки (ловушка, в которую жалко послать Лемке, но не жалко Власова?) Либо... Фридрих уже и сам не знал, что "либо".

– Ладно, – сказал он в очередной раз. – Какие у вас соображения по этому делу?

– Ну... – протянул Лемке, – не знаю... грязная история...

– Я догадался, – ядовито изрек Фридрих. – Я читал официальное досье Вебера, там все безупречно. Но вы работали с ним уже не первый год. Вероятно, неплохо его знали и нередко с ним общались. Вы замечали что-нибудь странное или необычное в его словах, в его поведении в последнее время?

Лемке сосредоточено соображал.

– Начнем с отбрасывания самых невероятных гипотез, – помог ему Власов. – Возможно ли хотя бы теоретически, что Вебер добровольно и преднамеренно ввел себе наркотик? Что он употреблял его уже не в первый раз?

– Теоретически-то все возможно, – охотно откликнулся Лемке. – Тем более в этой чертовой России. Здесь порою "сносит башню" и без всякой наркоты. Особенно в эти проклятые русские зимы. Но едва ли Вебер мог подсесть на штрик. Штрик – не марихуана. Если человек колется штриком, у него не получится долго это скрывать. Разве что – решил попробовать в первый раз и не рассчитал дозу, или подсунули грязный порошок... но не думаю. На него это совсем не похоже. Впрочем, мы общались только по службе. Вебер был не из тех, кто заводит дружбу с подчиненными, – последнее было сказано без осуждения. Как и полагал Власов, Лемке понимал субординацию.

– Тогда обратимся к его служебной деятельности. Чем он занимался в последнее время?

– Мне известно лишь, что он поручал мне. В последнее время я работал по связям местного либерального трепла с черными. Так здесь называют кавказских сепаратистов... и вообще выходцев с Кавказа. Либералы их традиционно поддерживают, как "борцов за свободу". На самом деле, конечно, это банальные азиатские бандиты. И, как и всяким бандитам, им очень невыгоден порядок – ни наш, ни российский. Так что любовь тут взаимная. Предполагалось, что в обмен на политическую поддержку чеченцы подкармливают либералов криминальными деньгами. Но доказать ничего не удалось. То есть не то что формально, для суда, но и фактически. Если такая подпитка и есть, она, должно быть, идет не через Москву.

– А вот это как раз интересно! – воскликнул Власов. – Если предположить, что Вебер все-таки нащупал этот канал...

– Он сам дал мне отбой несколько дней назад.

– Кстати, когда вы в последний раз виделись с Вебером?

– В среду... Тридцатого января. Вечером.

– Где?

– На точке А.

– О чем шла речь?

– Как раз об этом. Он выслушал мой доклад по черным и согласился, что это тупик.

– Что еще?

– Больше ничего.

– Он не дал вам нового поручения?

– Нет. Сказал быть в готовности. Ну, это и так ясно.

– Было что-нибудь примечательное в его поведении? Может быть, он был взволнован? Или старался выпроводить вас побыстрее? Подумайте.

Лемке, уже открывший было рот, честно застыл на несколько секунд, исполняя последнюю команду.

– Нет, – сказал он наконец, – Все как обычно.

– И больше вы не общались? Телефон, электронная почта?

– Нет.

– Ну что ж, это еще ни о чем не говорит. Вы ведь были не единственным его подчиненным.

– К тому же штрик – не кавказский стиль, – настаивал Лемке не без обиды в голосе. – Это же синтетика, серьезное химическое производство, это не баранов в горах пасти. Чеченцы предпочитают афганский героин. А с другими криминальными группировками у них отношения очень напряженные. Их тут никто не любит, даже другие бандиты... кроме либералов, разумеется. Могли, конечно, купить, деньги не пахнут... но организовать все это... нет следов насилия... говорю же, не их стиль, слишком сложно. Пуля – куда проще.

Да, думал Фридрих, куда проще. И если окажется, что здесь обычная уголовщина, пусть и связанная с политикой – это тоже будет куда проще. Гипотеза выстраивается весьма стройная – Вебер нашел истинный канал финансирования либералов наркоденьгами, потому и дал отбой Лемке, который рыл не в том направлении... вот только почему он не упомянул об этом ни словом в своих последних отчетах? Пусть у него еще не было стопроцентных доказательств, но если имелись хоть какие-то зацепки, он наверняка бы о них сообщил. Это же азы профессии – заботиться о том, чтобы важная информация не была потеряна для Управления в случае непредвиденных обстоятельств. Допустим, у него еще ровно ничего не было, бандиты просто сработали на упреждение... но Лемке прав, не их это стиль. Обычно подобного рода публика, даже поигрывающая в политику, старается без крайней нужды не перебегать дорогу Имперской Безопасности; рядового агента, конечно, могут убить, но Вебера бы тронуть побоялись. Они еще помнят, какими методами Райх подавлял мусульманский экстремизм на своей части Кавказа. Методы оказались весьма эффективными. И без всякой надежды на рай для умерших за веру – в мусульманский рай не пускают фарш в свином желудке.

Но они могли просто не знать, кто такой Вебер. Собственно, и не должны были знать о нем вообще ничего. Значит, утечка?. Вероятнее всего, не полная, и очень может быть, что преднамеренная. Что опять-таки возвращает нас к нашим проблемам, даже если чеченская версия и верна...

Лемке видел, что начальство размышляет, и молча ждал результатов этого деликатного процесса.

– Подготовите мне сводку по этому вашему "чеченскому следу", – наконец сказал Фридрих. – Имена, адреса, контакты и все, чем вы занимались. Пусть это пустышка – я, по крайней мере, должен быть уверен, что не занимаюсь тем же самым по второму разу. Самостоятельную инициативу не проявлять, о любых необычных обстоятельствах докладывать. Сейчас – свободны. Завтра с утра – ко мне с материалами.

После ухода Лемке Власов вновь запустил почтовую программу и запросил в

Управлении полную информацию по штрику. Затем выбрал из памяти целленхёрера новый номер – это был один из номеров посольства Райха, не значащийся в справочниках для туристов. Ему нужно было выяснить, когда будут результаты повторного вскрытия. Оказалось, что не он один с утра занимался делом; заключение германского судмедэксперта было уже готово, и после некоторой паузы тот сам взял трубку. В общем, эксперт подтверждал выводы своего российского коллеги: смерть от передозировки штрика, следов насилия нет, в момент инъекции обследуемый был жив. Время смерти также подтверждается – хотя, если русские хотели сделать вид, что Вебер умер раньше, им достаточно было просто подержать труп нужное им время вне холодильника. В крови присутствуют остаточные следы алкоголя, но слишком незначительные, чтобы говорить, что наркотик был введен в состоянии опьянения. Следов других наркотиков и психоактивных веществ не найдено.

– Мог ли он употреблять тот же наркотик раньше? – спросил Фридрих.

– Маловероятно, – ответил любящий корректные формулировки эксперт. – Разве что короткое время, иначе были бы заметны патологические изменения, характерные для штрикоманов. Но, в любом случае, на теле нет следов других инъекций.

– Что и когда он ел в последний раз?

– Если он и глотал перед смертью какие-то бумаги, то они достались русским, – в голосе медика прозвучала ирония, но Фридрих знал, что нельзя исключать и такую возможность. – После того, как они исследовали содержимое его желудка, мне мало что осталось для анализа. Но, скорее всего, он достаточно плотно позавтракал, но не успел пообедать. Ничего необычного. В ротовой полости нет микротравм, свидетельствующих о попытке что-то туда запихать.

– Ну а общее состояние организма? Какие-нибудь серьезные патологии?

– У него не было рака или чего-то подобного, если вы об этом. Во всяком случае, в неоперабельной стадии – полную гарантию может дать лишь подробный гистологический анализ, который, как вы понимаете, занял бы намного больше времени, но безнадежные случаи видны невооруженным глазом. Так что, по крайней мере, с медицинской стороны у него не было причин для самоубийства.

Фридрих кивнул – доктор верно угадал его мысль. Вслух же он поблагодарил эксперта и нажал кнопку, разрывающую связь – попутно в очередной раз подумав, какой же странной психикой надо обладать, чтобы добровольно посвятить жизнь изучению содержимого чужих желудков и кишок, притом нередко уже подгнивших.

Что ж – по крайней мере, с налету подловить русских коллег на подлоге не удалось, но Фридрих не слишком на это и надеялся. По правде говоря, он вообще предпочел бы, чтобы их и не на чем было подлавливать, чтобы ДГБ не только формально, но и фактически играл на его стороне. Союзник, которому не доверяешь, еще хуже прямого врага... Но они провели обыск без понятых, грубо нарушив законную процедуру, а это о чем-нибудь да говорит. Обыск, правда, проводили крипо... хотя почему обязательно крипо? Они прибыли на вызов, но позже, как только информация дошла "куда надо", как здесь выражаются, могли подъехать и ребята из ДГБ.

Что ж, так или иначе, пора с ними познакомиться.

Фридрих набрал очередной номер.

Ему не пришлось долго объяснять, кто он такой. Очевидно, о его приезде знали и даже, вероятно, ждали его звонка. По крайней мере, когда голос на другом конце с задумчивой паузой, словно бы подыскивая окно в списке неотложных дел, назначил

встречу на 16:30, эта пауза показалась Власову наигранной.

Kapitel 10. Тот же день, ближе к вечеру. Москва, площадь Освобождения, 9.

Фридрих в очередной раз проверил почту и убедился, что отчета по штрику все еще нет. Такое впечатление, что российская безалаберность передалась отсюда прямиком в штаб-квартиру РСХА вместе с письмом, словно рехнервирус... Это было очень некстати – на беседу в ДГБ он рассчитывал приехать во всеоружии. Однако больше ждать было нельзя – опаздывать на встречу он не собирался. Не только у всякой игры, но и у всякого игрока есть свои правила. Это русские могут позволить себе демонстративные задержки, а дойчи выражают неудовольствие, подчеркивая свою знаменитую пунктуальность.

У Власова даже возникла мысль выйти в REIN и поискать какие-нибудь публикации на эту тему. У него был и выход на шлюз западного "интернета", в котором тоже наверняка имелась какая-то информация. Однако, подумав, он отверг обе эти возможности. В REINe он всё равно не найдёт ничего существенного, а информация из западной "паутины" вполне могла оказаться ложной или просто бредовой. Западная система откровенно поощряла анонимное и безответственное распространение чепухи. Как-то раз Фридрих, попытавшись найти в "интернете" некоторые сведения об американской космической программе, наткнулся на плац неких "уфологов", где содержался антинаучный бред на тему "маленьких зелёных человечков", которые якобы тайно управляют Америкой и Райхом то ли с Сириуса, то ли с Альдебарана... Причём, как выяснилось, эта даже не было пропагандистским проектом скунсов: всего лишь частный ресурс, поддерживаемый какими-то ненормальными. В другом месте "интернета" он наткнулся на непристойные рассказы о сексуальных извращениях. Оставалось только радоваться, что у американцев пока не было легальных технологий сжатия и быстрой передачи изображений: Власов ни на минуту не сомневался, какого свойства картинки будут размещены в "паутине" в первую очередь... Как бы то ни было, искать там сведения на тему наркотиков явно не стоило. С сожалением Фридрих закрыл нотицблок и направился прихожую.

Ехать Власов решил на троллейбусе. Он мог бы воспользоваться стоящим в гараже "BMW" с навигационной системой, но не решался сесть за руль – он пока ещё слишком плохо знал город.

На первый взгляд, городской транспорт в Москве не слишком отличался от берлинского. Те же самые зелёные и серые троллейбусы, сошедшие с конвейеров вездесущего "Фольксвагена", те же жёлтые автобусы-"мерседесы" (последних, правда, было заметно меньше, чем машин на электрической тяге). Примерно ту же картину можно было наблюдать и в любом крупном городе Райхсраума – разве что в местечках победнее вместо "мерседесов" можно было увидеть мадьярские "икарусы".

Внутри троллейбуса было немноголюдно, а главное – тепло. По крайней мере, не было противного сырого ветра, так донимавшего на улице (идя до остановки, Власов изрядно промёрз). В полупустом салоне мирно дремали несколько бабушек, закутанных в пушистые платки, да на задней площадке стояли какие-то молодые люди непонятного вида. Неподалёку от Власова девушка в изящных платиновых очках (Власов, с его отличным зрением, заметил, что на позолоченных дужках крохотными буковками выбито "Cerruti 1881": похоже, оправа стоила недёшево), держась одной рукой за поручень, внимательно изучала толстую тетрадь. Фридрих присмотрелся и разглядел какие-то

математические формулы. Видимо, это был конспект, а девушка ехала в свой институт на какой-нибудь поздний семинар.

Если что и отличало московский городской транспорт от берлинского, так это обилие аляповатой рекламы на боках. А также и внутри: поднимаясь на переднюю площадку, Фридрих обратил внимание на рекламный щит, закрывающий кабину водителя. В берлинских троллейбусах на этом месте размещались правила пользования городским транспортом – текст довольно длинный, к тому же написанный большими буквами, занимал всю видимую часть стенки. В Москве аналогичные правила были, наверное, всем известны и без того. Во всяком случае, на месте параграфов и подпараграфов красовались дебиловатого вида парень в красной кепочке козырьком назад, склоняющийся над запрокинутым девичьим лицом. Девица держала во рту кусочек печенья, каковое, видимо, и было предметом вожделений парня. Поверх всего этого было наляпано ярко-красным: "Печенье "Услада" – слаще, чем поц...". Остальные буквы в слове "поцелуй" закрывал угол криво приклёпанного ящика для пожертвований: "на устройство масленичных гуляний", как гласила надпись на крышке.

Власов купил билет у водителя, приятно удивившись его дешевизне: проезд стоил пять копеек. Он не помнил точно, во сколько пфеннигов обходился проезд в Берлине – там ему давненько не приходилось пользоваться общественным транспортом, да и принятые в Райхе магнитные карточки как-то не способствовали запоминанию считываемой суммы. В Софии проезд стоил, кажется, шестьдесят стотинок, то есть те же шестьдесят пфеннигов. В Пеште, насколько он помнил, – двести пятьдесят дореформенных форинтов, а потом – что-то около марки... В любом случае, московские цены были очень низкими.

Он уселся на одно из передних сидений, прикрыл глаза, чтобы не видеть дурацкого плаката с печеньем, и постарался сосредоточиться.

Итак, сказал он себе, ещё раз сверим часы. Труп Вебера был обнаружен второго февраля. Утром третьего Мюллер срочно вызывал Власова из отпуска и отправил в Москву. Уже на борту самолёта (а точнее, ещё в аэропорту) он оказывается втянут в поток незапланированных событий. Здесь, в Москве, сюрпризы тоже не заставили себя ждать – так что волей-неволей Фридрих сразу переключился в форсированный режим, да так из него и не вышел. Что по-своему удобно, но искажает восприятие местной специфики: начинаешь относиться к пространству как к шахматной доске, уделяя внимание в основном движению фигур. А это чревато попаданием в какую-нибудь яму или канаву.

В принципе, Власов знал Москву (как и Россию в целом) – по бумагам, оперативным сводкам, отчётам, картам, видеокассетам и тому подобному. Пока что книжное знание его не подводило. Но и ясного впечатления от российской столицы у Власова тоже пока не сложилось. Обращали на себя внимание две вещи: поразительно мерзкая погода, да ещё, пожалуй, то трудноопределимое, но безошибочное ощущение, которое охватывает человека, оказывающегося в по-настоящему *большом* городе.

Власов окончательно решил посвятить следующий день экскурсии. Надо обойти хотя бы центр города и заглянуть на какую-нибудь из окраин. Можно, кстати, воспользоваться Лемке в качестве чичероне...

– Sie müssen den Fahrschein entwerten! – пропел у него над ухом нежный женский голосок.

Фридрих мгновенно открыл глаза. Над ним предупредительно склонилась та самая девушка в дорогих очках. Только вместо конспекта у неё в руке был жетон контролёра.

С секундным опозданием Власов сообразил три вещи. Во-первых, девушка попросила его прокомпостировать билет – о чём он, по берлинской привычке, забыл. Во-вторых, она обратилась к нему на дойче. И, в-третьих, если бы она действовала строго по инструкции, она должна была бы потребовать его билет, и, убедившись в отсутствии компостерной метки, взять с него штраф.

– Entschuldigen Sie! – извинился он, и, приподнявшись, вставил билет между щёчек компостера. Аппаратик щёлкнул.

– Извините меня, – повторил Фридрих на русском.

– Вы говорите по-русски! – девушка улыбнулась, показав блестящие металлические скобки на верхних зубах. – Из наших, что ли? Я думала, вы берлинец.

– Просто у меня деловые связи с Россией, – пустился в объяснения Власов, – но всё больше на расстоянии. Язык знаю по семейным обстоятельствам. Здесь я впервые. Прилетел из Берлина только вчера.

– А, понятно, – в голосе девушки проскользнула самодовольная нотка, – а то я уж думала, что ошиблась... У вас вид такой. Берлинский. Ваших за версту видно.

Власов решил не уточнять, что такое "верста" – он смутно помнил, что это устаревшая русская мера длины, но никогда не знал, чему она равна в метрах, – зато поинтересовался, что именно навело её на такую мысль.

– Ну, как бы, – девушка задумалась, – трудно объяснить... Я вообще-то студентка, а контролёром подрабатываю, деньги нужны... Меня, кстати, Мартой зовут. Я фолька... ну, вы поняли.

Власов сообразил, что имеется в виду слово "фольксдойче", и с понимающим видом кивнул.

– Ну так чего... я на людей всяких насмотрелась. Берлинцы – они всегда, когда входят, делают рукой вот так, – она вяло помахала левой рукой, – типа за поручень хотят взяться, а тут его нет, у нас площадки шире... И ёжитесь, холодно вам тут... Потом обязательно на рекламу смотрите. И билет забываете компостировать. У вас там, в Берлине, уже пять лет как магнитные карточки... – последнее было сказано с нескрываемой завистью. – Да ладно, – махнула она рукой, – всё это фигня. Вы имейте в виду: если вдруг чего, обращайтесь к нашим. Мы своим всегда поможем... Только не важничайте, что вы из Берлина и всё такое. Иначе вас будут считать... ну... есть такое слово, "немчура"... У нас таких не любят. Ауфвидерзеен, – она махнула рукой и направилась к молодёжной стайке, поигрывая своим жетоном.

Фридрих попытался сопоставить в уме всех этих "наших", "ваших" и "своих", и пришёл к выводу, что национальное самосознание российских фольксдойче очень запутано. Впрочем, последний совет Марты показался ему дельным: Власов хорошо знал, что пользоваться симпатиями сплочённого меньшинства бывает очень полезно. Что ж, надо использовать те преимущества, которые у тебя есть...

Департамент Государственной Безопасности размещался на площади Освобождения, в здании бывшего большевицкого ЦК. Сразу после войны здесь работала Комиссия по расследованию преступлений коммунизма – так сказать, поближе к предмету изучения, ибо неуничтоженных документов, в том числе и со всеми возможными грифами, в здании оказалось на удивление много. Может быть, их спас извечный русский бардак, а возможно, это был последний подарок Берии, который все еще надеялся, что головой Сталина и остальных выкупит свою собственную. Не выкупил, конечно, и в итоге болтался с ними на одной виселице. Говорят, Сталин успел в него плюнуть, прежде чем у

них из-под ног выбили скамью.

Этому предшествовал Петербургский процесс, во время которого комиссию перевели по месту его проведения. В здании же обосновалась только еще создававшаяся русская служба безопасности, представлявшая собой в то время причудливый конгломерат из контрразведки РОА, немногочисленных поначалу местных добровольцев, представителей РСХА (формально числившихся советниками, но не подчинявшихся русскому командованию и управлявших целыми подразделениями, целиком состоявшими из дойчей), и даже спешно вытащенных из заграничного нафталина врангелевцев и деникинцев – большинство из которых, впрочем, за двадцать с лишним лет не забыли прежний опыт... Романтическое было время. Власов, однако, предпочитал революционной, равно как и контрреволюционной, романтике – солидный, устойчивый порядок. И серая твердыня ДГБ производила соответствующее впечатление. По крайней мере внешне.

Зато внутри порядка оказалось меньше, чем хотелось бы. Во всяком случае, несмотря на предварительную договоренность, в бюро пропусков его промурыжили целых десять минут: явно больше, чем требовалось на изучение его документов. Хотя, скорее всего, это было сделано специально. Местные демонстрировали, кто в доме хозяин.

Так или иначе, наконец формальности остались позади, и Фридрих, поднявшись на второй этаж, вошел в дверь кабинета номер 203.

Фамилии на двери не было.

Хозяин кабинета, плотного сложения мужчина средних лет с седыми висками и тусклыми серыми глазами, коротко кивнул посетителю, но руки не подал. Его штатский костюм без наградных знаков, даже без золотой партийной свастики на лацкане, скрывал, вероятно, не такой уж маленький чин. Подполковник? Полковник? Фридрих с первого взгляда почувствовал к нему интуитивную неприязнь: откуда-то пришла уверенность, что, повернись история по-другому, этот человек сделал бы ту же самую карьеру и в большевицком НКВД.

– С приездом, господин Власов. Присаживайтесь. Вот ваше разрешение на оружие. Распишитесь.

Фридрих скользнул глазами по бланку, поставил свой росчерк – разумеется, латиницей – напротив галочки и убрал справку во внутренний карман.

– Благодарю, – сказал он. -Но, как вы понимаете, я пришел сюда не только за этим.

Еще бы тот не понимал – однако продолжал молча ждать, и Фридриху пришлось продолжить:

– Убит гражданин Райха Рудольф Вебер, и нас крайне беспокоит как само это обстоятельство, так и недостаток сотрудничества со стороны российских спецслужб.

– Кто вам сказал, что он убит? – дэгэбэшник не заглотил наживку, не бросился опровергать сразу вторую часть фразы. – Экспертиза не нашла никаких следов насилия. В настоящее время основные версии следствия – несчастный случай и самоубийство. И мы уже передали имеющуюся у нас информацию имперским представителям.

– Труп Вебера был найден второго февраля в 16:40, – продолжал нажимать Власов. – Нам сообщили об этом лишь на следующее утро.

– Необходимо было время для идентификации тела, – пожал плечами дэгэбэшник.

– Я думаю, мы сэкономим массу времени, если не будем тратить его на произнесение и опровержение явных несуразностей. Вы его не из кислоты выловили. Вы нашли его целым и невредимым, в его квартире, при обыске наверняка обнаружили его

документы. Какое время для идентификации?

– Существуют стандартные процедуры. В делах такого рода, могущих иметь международные последствия, недопустимы поспешные выводы, даже когда они представляются очевидными. *Особенно* когда они представляются очевидными. Я удивлен, что должен объяснять это... профессионалу. Тем не менее, мы проведем детальную проверку работы наших коллег из криминальной полиции. Если выяснится, что чье-то разгильдяйство повлекло необоснованные задержки, виновные понесут дисциплинарную ответственность.

– Кстати, о стандартных процедурах. Почему обыск проводился без понятых?

– В соответствии с постановлением от десятого-пятого-семьдесят восьмого, которое действует до сих пор, в случае подозрения на теракт следственные действия на месте происшествия проводятся без привлечения гражданских лиц, с целью обеспечения безопасности последних. Вам же известен почерк террористов – они могут оставить на месте преступления взрывные устройства или еще что-нибудь в этом роде.

– Значит, в квартиру Вебера приглашали сапёров? – ядовито осведомился Власов.

– Приглашали, о чем имеется соответствующая запись в протоколе, – невозмутимо ответил его визави. – Как вам известно, подозрения, что это мог быть теракт, не подтвердились.

– Нам до сих пор не передан список изъятых при обыске вещей. Не говоря уже о самих этих вещах.

– Разве? Мне доложили, что факс уже отправлен. Что касается передачи предметов, то следствие еще не закончено. Факт смерти имел место на территории России, и дело ведем мы.

– Я могу взглянуть на список?

– Сейчас, – он пощелкал кнопками стоявшего на столе рехнера. – Вот.

Фридрих обошел стол и встал рядом с дэгэбэшником, склонившись к монитору (и попутно отметив, что тот – болгарской модели; не то русские безопасники проявляли славянский патриотизм, не то просто экономию). Хозяин кабинета убрал руку с клавиатуры, позволяя Фридриху пролистать список. Его худшее подозрение подтвердилось.

– Где рехнер Вебера?

– Откуда мне знать? – весьма натурально удивился дэгэбэшник. – Вы видите перед собой все, что нашли в квартире. Он у него вообще был?

– Разумеется, он у него был! И не болгарской сборки, – не удержался от шпильки Власов. – Нотицблок "Тосиба".

– Ну вот видите, сами все объясняете, – невозмутимо отреагировал хозяин кабинета. – Дорогая переносная модель, в сложенном виде выглядит как обычный чемоданчик. А дверь квартиры была открыта. Любой мог зайти и взять. Может быть, даже тот, кто потом позвонил в полицию.

– Рискуя, что та его тут же арестует за воровство, а то и за убийство? По-вашему, кто-то настолько глуп?

– А что, человеческая глупость является для вас новостью? Будь у нас больше времени, я мог бы порассказать вам массу занимательных историй из практики...

Фридрих демонстративно пропустил намек насчет времени мимо ушей.

– Расскажите мне подробнее об этой открытой двери. И об этом анонимном звонке.

– Дверь была приоткрыта, но не распахнута – щель составляла около двадцати

сантиметров. Замок стоял на "собачке". Звонок был сделан из ближайшего автомата дальше по Староконюшенному.

Надо будет взглянуть на этот автомат, мысленно пометил себе Власов.

– Голос походил на детский, поэтому оперативники ехали на вызов почти в полной уверенности, что это глупая шутка подростков. Тем не менее, полиция обязана проверять любые сигналы...

– Что насчет отпечатков?

– Ничего, что проходило бы по нашим картотекам. Самые свежие отпечатки на дверной ручке принадлежат Веберу, но они слегка смазаны. Похоже, после него за ручку брался некто в перчатках. Но это не означает преступных намерений. Сейчас зима, знаете ли.

Фридрих тем временем просматривал опись более внимательно.

– Я не вижу здесь ничего похожего на штрик, – заметил он.

– Ну, во-первых, мы еще не провели полную экспертизу содержимого его аптечки, – парировал хозяин кабинета. – Хотя уже ясно, что там попадаются весьма любопытные препараты... А во-вторых, вы что же думаете, он хранил его у себя килограммами? Полутораграммовой дозы уже достаточно, чтобы отправиться на тот свет.

– А ампула? Вы нашли ее?

– Нет. Вероятно, он выбросил осколки в унитаз, после того как наполнил шприц.

– Да с какой стати ему все это делать? Да еще оставлять дверь открытой. Скажите еще, что он открыл дверь в состоянии наркотического опьянения. Может, заодно и рехнер вынес прямо на лестничную площадку?

– Насчет "с какой стати" – это вам виднее, – спокойно возразил дэгэбэшник. – Мы за морально-политический облик ваших людей не ответственны. А дойти до лестничной площадки и вернуться в кресло при такой дозе он вряд ли мог. Штрик действует очень быстро. И оглушающе. Мне картина представляется следующей. Дверь он не запер случайно. Знаете, с замками иногда бывает, что они встают на "собачку" от слишком резкого поворота ключа. И дверь просто не захлопнулась. ("Исключено, – подумал Фридрих, – он бы обратил внимание на отсутствие щелчка и проверил". Но перебивать не стал, желая выслушать официальную русскую версию до конца.) Позже он сделал себе укол, оказавшийся смертельным. Поскольку записки мы не нашли, то считали самоубийство маловероятным, но ваши слова о пропавшем нотицблоке меняют дело. Возможно, его последнее послание было именно там. Так или иначе, он умер. Дальше дверь, вероятно, приоткрылась от сквозняка...

– Чтобы был сквозняк, нужны открытые окна в доме, – не выдержал Фридрих. -Это зимой-то?

– Да, на кухне была приоткрыта и поставлена на фиксатор форточка, – хозяина кабинета было не сбить. – Итак, дверь приоткрылась. Кто-то из жильцов или гостей дома, вполне вероятно, что подросток, шел мимо – на нижних этажах люди часто предпочитают ходить пешком, а не дожидаться лифта – заметил открытую дверь и вошел. Может быть, сначала позвонил, а вошел, не дождавшись ответа. Вероятно, с вполне благородной целью – предупредить хозяина, что у того не заперта дверь. Увидев, что хозяин мертв, он, как мы полагали, в испуге покинул квартиру, стараясь ничего не трогать – в том числе не закрыв дверь – и поспешил к автомату, чтобы вызвать полицию. То, что он не воспользовался домашним телефоном и не представился, вполне понятно – у нас тут не Дойчлянд, лишний раз общаться с полицией никто не любит. Ваши сведения о рехнере несколько

меняют картину. Видимо, этот человек был все же не настолько напуган, чтобы не оглядеться по сторонам и не увидеть на столе "Тосибу". А дальше, особенно если это был подросток, ход мыслей понятен – мол, покойнику она уже не нужна, а мне на такую ни в жизнь не скопить... Далее – либо в борьбе между жадностью и гражданским долгом второй не проиграл окончательно, и в полицию он все-таки позвонил. Либо после ухода похитителя рехнера приоткрытую дверь заметил кто-то еще, и тут уже все произошло по ранее описанной схеме. Мы опросим жильцов этого и соседних домов, у которых есть дети-подростки, не принес ли на днях их ребенок нотицблок, который ему якобы дали поиграть друзья.

– Хотелось бы надеяться, что это даст результат. Хотя я сомневаюсь. Вы так уверены, что это был ребенок? Может быть, голос был изменен?

– Все может быть. Наши эксперты работают над записью звонка. Мы сообщим вам, если найдем что-нибудь интересное.

– Мне нужна сама запись, – покачал головой Власов.

– Хорошо, вы ее получите, – сказал дэгэбэшник не без раздражения и выразительно посмотрел на Фридриха. Тот понял, что должен отойти от клавиатуры, и вернулся на свое место по другую сторону стола. Хозяин кабинета вновь что-то отстучал на клавишах рехнера – не иначе, отправлял сообщение по локальной сети. Что ж, действительно более удобно, чем звонить по телефону в присутствии постороннего. Хотя – что он сообщал такого, что не предназначалось для ушей Фридриха, если речь шла лишь о том, чтобы скопировать для него аудиозапись звонка? Может, это просто привычка, въевшаяся до уровня рефлексов – не говорить, когда чужие могут услышать, не писать, когда могут увидеть...

– До сих пор, насколько я понимаю, от соседей не удалось узнать ничего интересного? – уточнил для проформы Власов.

– Нет. Их, разумеется, опрашивали. Никто ничего не видел и не слышал.

– Но вы записали их голоса на предмет сравнения с голосом на пленке?

– Господин Власов, мы умеем делать свою работу.

– И найти свидетелей, видевших звонившего из автомата, конечно, тоже не удалось.

– Нет.

– И куда только девалась знаменитая бдительность московских бабушек?

– Вы совершенно напрасно иронизируете, – холодно изрек дэгэбэшник. – Население нередко оказывает нам помощь. Но раз на раз не приходится.

– Кстати, а что с автомобилем Вебера? – поинтересовался Власов.

– Стоит в гараже. Обыскан. Ничего.

– В смысле – ничего интересного?

– Ничего – это значит ничего, – отрубил хозяин кабинета.

Фридрих не слишком удивился: Вебер был профессионалом, и оставлять в машине хоть какие-нибудь личные вещи он бы не стал.

В дверь постучали. Получив разрешение, в кабинет вошла женщина лет сорока в форме с прапорщицкими погонами и положила на стол перед Власовым аудиокассету. Фридрих предпочел бы накопитель с цифровой записью, но пришлось удовольствоваться предложенным.

– У вас еще какой-то вопрос? – сухо осведомился хозяин кабинета, видя, что гость не спешит подниматься.

– Да. Вам известно, что вчера в аэропорту Внуково задержана дойчская журналистка Франциска Галле?

– И что? Это дело целиком в компетенции криминальной полиции. Какое отношение оно имеет к вам?

– Она – гражданка Райха.

– Вы представляете имперский МИД?

– Вы прекрасно понимаете, кого я представляю.

– Если все это – часть операции Имперской Безопасности, ей следовало прежде всего уведомить российские органы и получить наше согласие. А сейчас делу уже дан законный ход. Нынче не сорок третий год, знаете ли. Россия – суверенная держава.

– Если Россия и теряла свой суверенитет, то как раз до сорок третьего года, – ответил Фридрих, не скрывая раздражения. Видение этого субъекта в кабинете с алыми знаменами и портретом Дзержинского на стене стало особенно отчетливым. – Большевики захватили власть военным путем и оккупировали страну. А в сорок третьем году Россия была освобождена союзными войсками...

– Господин Власов, нет никакой необходимости читать мне политинформацию, – перебил хозяин кабинета. – Лучше прочитайте ее тем, кто шлет в нашу страну своих представителей, доверху накачанных наркотиками. Насколько я знаю, в Райхе за наркотики расстреливают.

– Она не наш представитель, – устало сказал Фридрих. – Вот уж на кого она похожа менее всего.

– В таком случае, почему она вас так интересует? Вы, разумеется, вправе не отвечать, – спохватился дэгэбэшник, – но и мы не обязаны давить на наших коллег из полиции.

– Ну хотя бы потому, что ей был введен тот же наркотик, что и Веберу, – рискнул Власов. И попал.

– Откуда вам это известно, если, как вы утверждаете, РСХА не имеет к этому отношения?

Фридрих улыбнулся: – Но ведь и вам кое-что известно об этом деле, хотя оно находится в ведении исключительно криминальной полиции?

– Хорошо, не будем играть в кошки-мышки. Она, как вы заметили, гражданка Райха. И, что еще более важно, нам известны ее политические взгляды. Вам, конечно, тоже.

– Конечно.

– Значит, вы хотите попросить, чтобы мы вывели ее из игры? Пустили в разработку по полной программе?

– Напротив, я прошу освободить ее как можно скорее. Идеально, если она выйдет на свободу сегодня.

– Вот как? – дэгэбэшник, похоже, впервые за весь разговор был по-настоящему удивлен. – Вообще-то, это будет непросто. Все же наркотики – серьезное обвинение и в России. А у нее с собой был десяток многоразовых флаконов.

– Ну вы же прекрасно понимаете, что ее подставили. У либералов, конечно, часто мозги набекрень, но не до такой же степени, чтобы вкалывать себе дозу тяжелого наркотика в самолете, прямо перед посадкой в международном аэропорту! Что говорит она сама?

Хозяин кабинета подумал пару секунд, затем, как видно, все же решил играть в

открытую:

– Говорит, что ничего не знает о штрике. Что хотела сделать себе обычную инъекцию инсулина. Собственно, на коробке и на флаконах действительно написано, что это инсулин. Реально во всех был штрик.

– Значит, у нее диабет! Надеюсь, ей была оказана необходимая помощь? ("Черт, не хватало только, чтобы эти ослы ее уморили...")

– Не беспокойтесь за нее. В Бутырке хорошая больница. Но диабет или нет – это вопрос неоднозначный.

– Что значит "неоднозначный"? Ей сделали анализы?

– В моче сахара нет. В крови уровень повышен, но не запредельно. Это может означать диабет, а может, и нет. В таких случаях положено наблюдать больного в условиях стационара и делать повторные анализы в течение нескольких дней.

– Несколько дней? Нет, это нелепо. Она должна быть на свободе сегодня, в крайнем случае завтра.

– Что значит "должна"? Кому должна? Существует порядок, господин Власов. Разве порядок – это не то, на чем стоит Райх? И согласитесь, что псевдо-инсулин и симуляция диабета – это не такой уж плохой камуфляж для наркокурьера.

– Согласился бы, если бы ее взяли с этими флаконами на таможне. Да и то – лишь десять штук... какой емкости?

– По пять миллилитров. Это около десятка разовых доз из расчета на начинающего.

– Ну вот. Маловато для коммерческого курьера... Но раз она ввела это себе, значит, была уверена, что там действительно инсулин.

– Скорее всего, вы правы. Но еще раз повторю – люди порой совершают очень глупые поступки. Тем более наркоманы, которым приспичило получить очередную дозу.

– Вы понимаете, что, если вы ее не выпустите, пресса поднимет визг? Не ручная российская пресса, конечно же. А западные корреспонденты, аккредитованные в Москве. Достанется и нашим, и вашим.

– Волков бояться – в лес не ходить, господин Власов. А это даже не волки. Это шавки. С каких это пор в Райхе прислушиваются к их лаю?

– Не прислушиваются, когда речь идет о действительно принципиальных вопросах. Но нет смысла провоцировать лай по пустякам. Буду говорить прямо: как вы знаете, в Райхе готовится референдум. Который должен раз и навсегда заткнуть глотки нашим врагам, показав, что народы Райха отвергают атлантистскую модель демократии. Показав в полном соответствии с принципами этой модели – всеобщим, равным, тайным и прямым волеизъявлением. И здесь все должно быть безупречно. Мы не должны дать врагу ни единого повода для придирок, для обвинений, что референдум был подтасован, превращен в фарс и так далее. Теперь вы понимаете, почему нам не нужен скандал вокруг ареста оппозиционной журналистки по явно сфабрикованному делу?

– В любом случае, мы не можем прямо приказать криминальной полиции взять и отпустить ее. Крипо выведены из подчинения ДГБ шесть лет назад.

– Формально – да.

– Формально – не формально, а здесь, раз уж у нас пошел такой откровенный разговор, есть свои игры. И свои козыри, которые нам тоже не хотелось бы пускать в ход по пустякам.

"А ведь сейчас, пожалуй, он и впрямь искренен, – подумал Фридрих. – Взаимная нелюбовь крипо и госбезопасности известна. Может быть, она отступает в сторону, когда

речь идет о долге, но насолить по мелочи, упереться там, где есть формальный повод – это святое."

– Пожалуй, мы могли бы ее депортировать, – предложил хозяин кабинета. – Выслать обратно, и пусть уже дальше ваши сами с ней разбираются.

– Нет! – быстро сказал Фридрих. В Райхе пользы от Галле было бы немногим больше, чем в русской тюрьме. – Все гораздо проще. Вам пришлют копию ее медицинской карты, и с диабетом все прояснится. Однозначно и официально.

– Да... но тогда она из обвиняемой превратится в потерпевшую и, возможно, свидетельницу...

– Это уже наша забота. Ей подсунули наркотик на территории Райха. От вас нам нужно только, чтобы русские спецслужбы оставили ее в покое. Мы сами проведём расследование. Если госпожа Галле замешана в чём-то предосудительном, она ответит по всей строгости законов Райха. Об этом мы позаботимся.

– Что ж, – произнес, чуть подумав, хозяин кабинета, – пожалуй, такой вариант устроит все заинтересованные стороны.

"Кроме одной, – подумал Власов. – Той, которая это все подстроила."

Kapitel 11. Тот же день, поздний вечер. Москва, Трубниковский переулок, 30

Вернувшись домой, Фридрих первым делом включил рехнер и проверил почту. Наконец-то! Власов открыл отчет и углубился в чтение.

"Для служебного пользования.

Штрик, strike, der Strick (в документах Управления обозначается аббревиатурой Sk-1). Быстро набирающий популярность "тяжёлый" наркотик.

Название. Видимо, от англ. strike – "удар", по иной версии – в значении "забастовка"; словосочетание brain strike, описывающее действие препарата, может пониматься в обоих смыслах. В странах Райхсраума (в первую очередь в России) наиболее известен как "штрик". Типичный пример ложной этимологии: малограмотные молодые люди читают английское слово по правилам дойча. Прочие жаргонные названия препарата на русском – "верёвочка", "проказник", "шалый" (первые два слова соответствуют обычным значениям слова der Strick), а также "сладкий", "шампунь", "грязь", и ещё около десятка слов. Распространено также китайское название "хей кэ".

Происхождение. Синтезирован в США не раньше декабря 1988 и не позднее марта 1989 г. По официальной информации американской Администрации по борьбе с наркотиками, создателем препарата является студент-химик из Университета Оклахомы, впоследствии скончавшийся от передозировки. Согласно принятому в США Акту о предотвращении моральных страданий, его имя не разглашается в интересах родственников. Оперативная разработка установила имена трех студентов химического факультета упомянутого университета, умерших с января 1989 по настоящее время: Чарльз Лерой, Габриэла Лопес и Марк Вудс. В двух первых случаях причиной смерти является, предположительно, передозировка неустановленного наркотика, в последнем – авария при управлении автомобилем в нетрезвом виде. Разработка контактов вышеупомянутых лиц дополнительной значимой информации не дала.

Однако, согласно агентурной информации, реально strike является модификацией препарата, разработанного Отделом научно-технических исследований ЦРУ в качестве средства для допросов (так называемый "наркотик правды", имеющий также эффект

"подавителя воли"). По версии, нуждающейся в дальнейшем подтверждении, название strike на самом деле происходит от кодового обозначения исходного препарата как S3000, или S3K (S-Tri-K). В документах Управления исходный препарат обозначается аббревиатурой Sk-0, жаргонное название – "щекотун" (о происхождении этого названия см. ниже).

Состав. Sk-0 – смесь нескольких веществ, из которых важнейшими являются три:

– синтетический анандамид (SA) (вещество, близкое по своему действию к тетрагидроканнабиолу (ТГК), выделено в США в 1987 г. Уильямом Девайном, синтезировано в 1988);

– бета-ремизин (BR) (холинолитик, близкий по своему действию к циклодолу, но отличающийся по химическому составу; малоисследованное вещество, выделено в конце 1988 г. в Великобритании);

– органическое вещество неизвестного химического состава, присутствующее в препарате в крайне малых дозах, так что химический анализ до сих пор не дал убедительных результатов. В доступной нам документации обозначается обычно как "ингибитор". По косвенным данным, имеет отношение к ионному обмену.

Sk-1 отличается от Sk-0 отсутствием ингибитора и слегка измененным процентным соотношением SA и BR; обычно применяется также с добавлением глюкозы, отсюда название "сладкий". Судя по всему, наркотик появился в результате экспериментов с Sk-0. Обратная версия – о происхождении Sk-0 от Sk-1 – оценивается как малодостоверная.

В большинстве случаев при разовом применении сопоставимых доз анализ крови не позволяет определить, действию какого препарата – Sk-0 или Sk-1 – подвергся тестируемый.

Действие. Sk-0 удобен тем, что может быть введён в организм жертвы разными способами (в том числе перорально), не разрушается алкоголем и не имеет известных антидотов. Недостатки: действие препарата включает в себя довольно длительную первоначальную стадию усвоения вещества. Её продолжительность зависит от индивидуальных особенностей и состояния объекта и занимает 20-30 минут. Первая стадия действия (усвоение препарата) сопровождается повышением тонуса, подъёмом настроения и т.п. Заканчивается обычно приступом безудержного веселья, сопровождаемого судорожным смехом (отсюда "щекотун"), после чего начинается вторая стадия.

Вторая стадия характеризуется глубокой подавленностью, унынием, рассеянностью, выключенностью интеллекта. Субъект способен только выполнять чужие приказы (простейшие) и отвечать на вопросы. Воля к сопротивлению отсутствует полностью. Из физиологических эффектов: ощущение ледяного холода, эффект "гусиной кожи", озноб, ослабление болевой чувствительности. Продолжительность второй стадии варьируется от десяти минут до получаса, после чего начинается третья стадия.

Третья стадия: ещё большее угнетение воли, полное подавление интеллекта, расстройство речи. Часто сопровождается частичной потерей зрения или зрительными галлюцинациями. При этом субъект понимает обращённую к нему речь, исполняет команды. Состояние несколько напоминает глубокие стадии гипноза. Продолжительность действия – несколько часов, после чего начинается ремиссия.

После возвращения сознания – глубокая подавленность, рассеянность, неспособность вспомнить произошедшее. Иногда амнезия распространяется и на предшествующие периоды времени. Возможно развитие тяжёлого депрессивного

состояния, требующего медикаментозного лечения.

Собственно strike (без ингибитора) используется в дозе несколько большей, нежели Sk-0. В отличие от "щекотуна", действует очень быстро. Эффект парадоксален: под воздействием дозы Sk-1 человек теряет волю, при этом впадая в эйфорию. Возможны галлюцинации – как правило, слуховые, реже зрительные. Примерно у 30% субъектов отмечается сильное сексуальное возбуждение. Действие – около двух часов.

Использовать Sk-1 как "наркотик правды" не представляется практически целесообразным. Находящийся под воздействием большой дозы strike человек утрачивает контакт с реальностью, а при средних и малых дозах контактабелен, но говорит не то, что есть, а то, что, по его мнению, собеседник хочет от него услышать (а также отвечает на вопросы "голосов" в голове).

Употребление Sk-1 приводит к быстрому (иногда с одной-двух доз) формированию психической, а затем – физической зависимости от наркотика. На поздней стадии (в среднем развивается за полгода от начала употребления) лишение наркотика вызывает тяжёлый абстинентный синдром, могущий, особенно в сочетании с другими патологиями (сердечно-сосудистой системы, органов дыхания), привести к летальному исходу. На этой стадии угнетение воли приобретает перманентный характер, так что для штрикомана практически невозможно противостоять своему пороку и воздерживаться от дальнейшего увеличения дозы. Ухудшаются сначала высшие (логическое мышление, память), затем и низшие (координация движений) функции нервной системы; возможно развитие соматических патологий на фоне общего ослабления иммунитета. Смерть, как правило, наступает в результате передозировки. Летальная доза составляет 16-17 мг чистого Sk-1 на килограмм массы тела для начинающего, для штрикомана со стажем – в 5-8 раз выше.

Вместе с тем, в наркоманской среде циркулирует устойчивая легенда (очевидно, поддерживаемая наркоторговцами) о якобы практической безвредности "штрика" при "умеренном" употреблении. Вероятно, существованию легенды способствует тот факт, что около 3% людей маловосприимчивы к действию Sk-0 и Sk-1.

Применение. Несмотря на вышесказанное, есть сведения о практике использования малых доз strike в качестве средства допроса – в частности, среди членов преступных группировок. Strike также часто используется в сексуальных целях: "подштрикованный" человек абсолютно покорен и позволяет делать с собой и своим телом всё что угодно, даже испытывая боль и страдание. По некоторым данным, большинство порнофильмов садомазохистской тематики снимаются с применением "штрика". По этим причинам strike в первое время считался в наркоманских кругах "постыдным" наркотиком, а штрикоманы образовывали замкнутое сообщество, мало сообщающееся с "обычными" наркоманами.

Однако, начиная с середины 1990 года, strike стал неожиданно популярен и даже вошёл в моду. Большую роль в этом сыграла творческая практика американского писателя Теренса Маккены, автора книги "Сатанинские голоса". По утверждению писателя, все главы книги были изготовлены следующим образом: автор записывал на магнитофонную плёнку вопросы и приказы (в основном – приказы писать), после чего принимал небольшую дозу препарата. Это якобы позволяло ему "достичь небывалой доселе искренности". По мнению авторитетных литературных критиков, художественная ценность книги невелика: текст представят собой "поток сознания", основное содержание – агрессивные и сексуальные мечтания, а также переживания по поводу музыкальных произведений и размышления на религиозные темы. Тем не менее, скандальность ситуации (strike запрещён во всех западных странах, включая Францию) вызывала

небывалый интерес к сочинению, а книга стала бестселлером. Автор был арестован по обвинению в незаконном приобретении и хранении наркотиков, но выпущен под залог, после чего бежал из США, принял ислам и в настоящее время скрывается в Исламской Республике Иран под именем Салмана Рушди.

Так или иначе, strike стал модным в среде атлантистской богемы. В Райхе распространение Sk-1 пока удается предотвращать, отмечены лишь единичные случаи, своевременно пресекаемые. Из стран Райхсраума наибольшее распространение strike получил в России, где завоевал некоторую популярность в субэлитарных кругах, особенно среди "золотой молодёжи".

Известны анекдотические попытки использовать strike для лечения наркомании, когда человеку, находящемуся под действием препарата, приказывают "завязать" с наркотиками. Эффективность этого способа нулевая: Sk-1, равно как и Sk-0, непригодны для длительного внушения.

Технология производства (имеющиеся сведения)..."

По этим абзацам Фридрих лишь скользнул взглядом: с органической химией он не имел дела с выпускного класса школы. Но, в общем, было ясно, что на коленке штрик не сделаешь – требуется серьезное оборудование и высокая квалификация. За технологическим разделом шел еще один, о каналах распространения, еще более пестревший указаниями на непроверенность, предположительность и попросту отсутствие данных. Одна из версий, в частности, гласила, что Sk-1 – такой же проект ЦРУ, как и Sk-0, и наркотик предполагалось распространять в странах Райхсраума с целью разложения их молодежи, попутно пополняя бюджет ЦРУ или же карманы отдельных высокопоставленных офицеров. Однако, как водится в таких случаях, наибольшую популярность strike получил на территории самих США и их союзников. Тем не менее, деловые связи между ЦРУ и исламской наркомафией будто бы сохраняются, и упоминалось даже имя пропавшего без вести вошингтонского журналиста, пытавшегося их расследовать. Это могло быть и правдой, и плодом разыгравшегося воображения чересчур ретивого агента, и даже пропагандистской уткой – увы, даже в Райхе порой случалось, что в отчеты на полном серьезе попадала дезинформация, придуманная коллегами из соседнего отдела. Издержки конспирации... Фридрих догадывался, почему ответ на его запрос так задержался. Он запросил полный отчет по штрику – вот и получил все, что смогли найти, вместе со слухами и домыслами, причем по каждой "неподтвержденной версии" наверняка еще проверили, не поступало ли новых фактов.

Никаких сколько-нибудь достоверных данных о путях и каналах распространения штрика в России не было вовсе, кроме туманного указания на всё те же "круги".

В любом случае, этот ворох гипотез ничего не прояснял. Кто бы ни создал штрик, теперь доступ к нему мог получить кто угодно. Конечно, в России достать его труднее, чем в Америке, а в Райхе – труднее, чем в России. Но для серьезных людей нет ничего невозможного. А в том, что в игре участвуют серьезные люди, Власов не сомневался.

Зато обнаружившееся близкое родство штрика с наркотиком правды – это, может быть, самая важная информация за все время расследования. ДГБ может до посинения допрашивать окрестных мальчишек и их родных – уже ясно, что никто из них не приносил домой дорогой японской игрушки. Тот, кто убил Вебера, получил доступ и к материалам его рехнера...

Стоп. Если Вебер под действием наркотика выдал пароль, зачем злоумышленник унес нотицблок, подрывая версию о "несчастном случае"? Содержимое плата можно было

переписать за несколько минут, а потом уже разбираться у себя в спокойной обстановке... Допустим, Вебер, как человек осторожный, защитил паролем не только плат целиком, но и некоторые отдельные платтендаты. Все равно, имея под боком еще живого Руди, чья воля сломлена наркотиком, убийца мог быстро узнать, где лежит именно то, что его интересует, и каков нужный пароль. Как ни крути, все можно было сделать на месте, не унося рехнер. Выходит, Вебер все-таки не сказал то, чего от него добивались? Да, жертва штрика говорит не то, что есть, а то, что от нее хотят услышать. Но хотели услышать именно пароль, это требование формулируется настолько ясно, что исключает разночтения. Бывает, конечно, что люди забывают свой пароль – но только не профессионалы такого класса.

Фридрих еще раз припомнил досье Вебера, заодно проверяя собственную память. Родился 8.09.45... школа с отличием, победитель математических олимпиад... зачислен без экзаменов в Хайдельбергский университет... диплом с отличием по прикладной математике, приглашение в "Цузе Аппаратебау" – крупнейший в Европе концерн по производству рехнеров, кошмарный сон американской IBM, вынужденной, несмотря на протекционистские усилия Вошингтона, отказаться от собственных разработок в пользу "цузе-совместимых" машин... Однако столь соблазнительным предложением Вебер не воспользовался, ибо в то же самое время получил и другое приглашение. В РСХА всегда с интересом присматривались к верхним строчкам в списках выпускников ведущих университетов. На новом месте аналитический ум Вебера также достойно проявил себя. Операция "Гнездо кондора", операция "Василиск"... благодарности в именном приказе... разоблачение американского шпиона в Управлении... Дойчский Крест за операцию "Крысолов"... С таким послужным списком Вебер мог бы давно и прочно осесть в берлинском кабинете, но ему нравилось работать на местах. Причем, будучи стопроцентным дойчем и по крови, и по складу ума, он почему-то предпочитал славянские страны – словно задался целью опровергнуть все тот же дурацкий тютчевский лозунг. София, Загреб, Москва...

Образцовая карьера. Если бы не последняя строчка в личном деле.

Вебер, несомненно, был умным человеком. Но тот, кто его переиграл, едва ли глупее.

Может ли запись звонка дать какой-то ключ, или это лишь пустышка, подброшенная неведомым противником? Фридрих достал кассету и подсоединил магнитофон к нотицблоку, чтобы сразу оцифровать запись.

– ПОЛИЦИЯ, ТРЕТИЙ СЛУШАЕТ! – оглушительно рявкнуло из динамика. Власов болезненно сморщился, поспешно убавляя звук, и вспомнил, что утром вывернул громкость на максимум, прокручивая кассету из квартиры Вебера.

В трубке кто-то учащенно дышал – не иначе, от волнения спазм перехватил горло звонившего.

– Полиция, говорите, – подбодрил дежурный.

– Тут... тут это, труп. В квартире. В кресле. Староконюшенный переулок, 39. Квартира 6.

– Пожалуйста, назовите ваше имя и где вы...

Конец фразы заглушили короткие гудки.

М-да, негусто. Голос и впрямь походил и на детский, и на женский. Но мог оказаться и мужским. Звонивший никак не обозначил свой пол. Манера речи действительно похожа на детскую, но это может быть и следствием волнения.

Подлинного или наигранного? Кажется, слово "труп" в русском языке не совсем естественно для детской речи. Ребенок скорее сказал бы "мертвый" или "мертвец". Но это надо уточнить у специалистов. Эберлинга, что ли, спросить, раз уж он увлекся языковыми вопросами? Но Эберлинг интересуется этимологией, а не стилистикой... Что еще? Акцента вроде нет, говор вполне московский – насколько, конечно, об этом может судить человек, впервые оказавшийся в Москве вчера. Нет, не надо пытаться подменять экспертов. Отослать им запись, и пусть дадут полное заключение...

Так Фридрих и поступил. Остаток дня он посвятил изучению сохранившихся архивов Вебера, знакомство с которыми начал еще в самолете. Материалов было много, но пока что интуиция ни разу не сделала охотничью стойку.

Kapitel 12. 5 февраля, вторник, утро. Москва, Трубниковский переулок, 30 – Тверская улица.

Утром Власов встал самостоятельно – секунд за десять до начала арии будильника. Похоже, с удовлетворением решил он, к нему постепенно возвращалось чувство времени, почти утраченное за аналитической работой.

Он отважился выйти на балкон в одном нижнем белье и с удовольствием убедился, что российская погода решила побаловать москвичей редким десертом: на улице было прохладно, снежно, но совершенно безветренно. Холодок бодрил и казался вкусным, как мятная конфета.

Вернувшись в тепло кухни, Фридрих занялся завтраком. На сей раз он соорудил себе большую яичницу с помидорами, и, напомнив себе, что надо все-таки купить пачку чая, занялся приготовлением кофе. Звонок от Лемке случился как раз в тот момент, когда он пытался сбить поднимающуюся пенку – так что на сей раз Хансу пришлось ждать, пока "Herr Erste" возьмёт трубку. Недовольный собой Власов распорядился, чтобы Лемке прибыл как можно скорее, и вернулся к манипуляциям с жезвой.

Маленький оперативник явился через десять минут – видимо, он звонил с дороги. Он приволок с собой несколько накопителей с материалами по кавказским делам, которые распутывал по поручению Вебера. Материалы были малоинтересными и предсказуемыми. Венчала всё это сводка, подготовленная Лемке за вчерашний вечер.

Сводку Власов прочёл внимательно, выслеживая расплывчатые и неясные моменты, неточные формулировки и прочие следы намеренной или ненамеренной дезинформации. Ничего особенно криминального он не обнаружил – за исключением, пожалуй, того банального обстоятельства, что Лемке, не особенно продвинувшись, пытается несколько преувеличить значение собранных им фактов. Единственное, что его заинтересовало – пару раз промелькнувшее упоминание Рифеншталь-Фонда, да ещё текст опубликованного в "Свободном Слове" интервью какого-то кавказского "инакомыслящего", любопытного по фактуре.

Никаких – даже самых тоненьких – ниточек, связывающих кавказское подполье с производством "штрика", не обнаружилось.

Власов практически убедился, что по крайней мере на этом направлении ничего интересного Веберу разыскать не удалось. Лемке он, однако, своих выводов сообщать не стал, равно как и угощать его кофе: что-то подсказывало ему, что маленький оперативник воспримет это как панибратство.

Теперь надо было приступать к следующему пункту программы – поездке по

городу. За вчерашний вечер неясное желание "посмотреть местность" оформилось в голове Власова в довольно-таки определённый план.

Подумав, Власов решил, что его не интересует так называемая "историческая часть города", отданная на откуп туристам – то есть Кремль и всё прочее. Ещё меньше любопытства возбуждали деловые кварталы, где люди сидели над цифрами: эти места он знал и без того, они все были устроены примерно одинаково. Интерес представляло сердце города – места, где шла реальная жизнь.

Как рассказывали коллеги из Управления, знавшие Москву не по бумажкам, а по личному опыту, ему нужно было обязательно побывать в трёх местах – на Арбате (его он уже видел), в зоне свободной торговли на Тверской с её знаменитыми магазинами, и в Университетском квартале. Университет и всё с ним связанное Фридрих решил оставить на потом: интуиция подсказывала, что в эти места ему ещё придётся наведаться. Поэтому он решил начать с Тверской – заодно можно будет приобрести кое-какие нужные ему вещи. Потом – направиться в какой-нибудь хороший тир и пострелять из "стечкина", чтобы рука привыкла к новому оружию. Потом проехаться по каким-нибудь окраинам. Ну и под конец спуститься в подземку и проехать пару остановок. Со всем этим он планировал управиться за полдня. Вечером ему предстояло свидание с госпожой Галле.

С собой Власов взял два комплекта документов – настоящие и для представительства – и бумажник. Подумав, он решил взять с собой всю имевшуюся у него наличность: около пяти тысяч в рублях и марках. Как выяснилось впоследствии, это было дальновидным решением.

Предложение сыграть роль проводника было принято Хансом почти с восторгом. Он немедленно вызвался вести "BMW". Власов согласился: самому водить машину по оживлённым улицам чужого города, не зная местных неформальных правил и принятого стиля езды, ему не хотелось. В таких случаях лучше сперва немного посидеть справа от водителя, чтобы понять, что к чему.

Однако через некоторое время выяснилось, что добраться до главной московской улицы не так-то просто: дорога, на которую собирался было вырулить Лемке, оказалась перегорожена из-за каких-то ремонтных работ. Пришлось ехать вкругаля.

Очень скоро у Власова сложилось мнение о московских дорогах и водителях, и оно было нелестным. Сами по себе дороги, впрочем, были неплохими, даже очень неплохими – вопреки нытью давешнего таксиста, по крайней мере в центре Москвы асфальт клали явно не на снег. Зная об извечных российских проблемах с континентальным климатом и глинистой почвой, можно было даже восхититься качеством покрытия. Однако всё портила организация движения. Светофоры, казалось, были понатыканы безо всякой системы, полосы пешеходных переходов располагались в самых неудобных местах, и так далее. Особенно же раздражало поведение водителей – агрессивное и нервозное. Такую езду Власов видел только в западных фильмах.

Лемке за рулём его тоже не порадовал. Он нервничал, часто бил по тормозам, слишком много крутил головой, и вообще демонстрировал все признаки плохого, но самоуверенного водителя. К тому же маленький оперативник всё чаще поглядывал на зелёный экранчик навигатора, на котором менялись контуры улиц с длинными славянскими названиями. Похоже, его знание московских закоулков всё-таки оставляло желать лучшего.

Довольно скоро они стали свидетелями ДТП – потрёпанного вида "Мерседес" пятой модели буквально въехал в зад чёрного лакированного "Запорожца". Вальяжный

владелец "запора" в меховой шубе до пят объяснялся – судя по мимике, на повышенных тонах – с полицейским в синей форме, который меланхолично заполнял какую-то квитанцию.

Глядя на два столь разных столкнувшихся автомобиля, трудно было поверить, что на самом деле они братья. Точнее, кузены: "Запорожец", ставший во всем мире символом роскоши, комфорта и дороговизны (по слухам, цена некоторых моделей, собранных по индивидуальному заказу в единственном экземпляре, была сопоставима с бюджетом небольшой африканской страны), был совместным детищем концерна "Мерседес-Бенц" и четырех российских компаний. От "Мерседеса" у машины был общий дизайн, каркас, ходовая часть, система управления и бортовая электроника. Русские обеспечивали "Запорожец" могучим и безотказным МиГовским двигателем и роскошной отделкой снаружи и внутри; еще две фирмы участвовали в проекте только инвестициями. Кстати, несмотря на заоблачные цены – а точнее, как раз благодаря им – проект был не таким уж и прибыльным: уж больно узок был рынок. Во всем Райхе, в частности, обычно покупали не более пяти-семи "Запорожцев" в год, да и то чаще всего на восточных территориях: практичные дойчи, даже весьма состоятельные, предпочитали более дешевые и скромные машины. В странах Атлантического блока, по понятным причинам, люди соответствующего круга отдавали предпочтение местным "Бентли", "Роллс-Ройсам" и "Линкольнам", хотя даже западные эксперты вынуждены были признать, что по своим техническим характеристикам "Запорожцы" превосходят каждую из этих марок. Зато в России продажа шла весьма неплохо, а бронированная модель "Атаман-Люкс" пользовалась неослабевающей популярностью у многих глав государств, от латиноамериканских диктаторов до нефтяных шейхов; личный гараж султана Брунея насчитывал целую дюжину этих машин. Кстати, под своим родным названием "Запорожец" был известен в основном в России и славянских землях Райхсраума, а также, в дословном переводе – Hinterstromschneller, или HSS – в самом Райхе; в остальные страны автомобиль обычно экспортировался под более коротким и произносимым названием "Kosak". Собирали же чудо-машину, как ни странно, украинские рабочие, потомки тех самых запорожцев, в честь которых был назван автомобиль; завод располагался почти на самой границе между Райхом и Россией, но все же на территории Райха. Большинство мастеров и инженеров на заводе были дойчи.

"Запорожец", попавший сейчас в ДТП на московской улице, был, конечно, не класса "Атаман" – напротив, одна из самых дешевых моделей, вряд ли хозяин выложил за него больше четырехсот тысяч марок. Но все равно будущее владельца "Мерседеса", если его вина будет доказана, рисовалось в мрачном свете. Особенно учитывая национальную нелюбовь русских к страхованию.

– Плохая примета, – мрачно заметил Лемке. – Как бы самим не влипнуть...

– Надо лучше следить за дорогой, – откликнулся Власов, – и меньше верить в приметы. Иначе вы будете подсознательно настроены на неудачу, и она случится. Суеверие – признак непрофессионализма.

– Наверное, всё сложнее, шеф, – осторожно сказал Лемке, явно опасаясь вызывать неудовольствие Власова. – Вот, к примеру, господин Вебер по этому поводу говорил, что... Дерьмо! – "вольво" из соседнего ряда внезапно вильнул вправо, подрезая их машину. Лемке вывернул руль, одновременно резко нажимая на тормоз; Власова швырнуло вперед, на ремень, и одновременно он явственно услышал хлопок. Рука Фридриха автоматически прыгнула в карман, где лежал "стечкин". Сзади тоже раздался

визг тормозов и резкое гудение.

"Вольво" тем временем шарахнулся обратно влево, успешно преодолел (точнее, снёс) тоненький разделительный заборчик между полосами и теперь нёсся по встречной. Несколько машин сумели в последний момент сумели уклониться от столкновения. Над улицей повис рёв гудков.

Лемке под возмущенные гудки с решительным лицом вырулил направо и загнал машину на тротуар – прямо под надписью "Стоянка запрещена" на трёх языках. После чего извлёк из кармана целленхёрер и начал набирать номер.

Злополучную машину тем временем вынесло на противоположный тротуар, с которого буквально сдуло прохожих. Власову показалось, что "вольво" теперь уже точно во что-нибудь врежется, но водителю, видимо, все же удалось затормозить. Фридрих подождал еще несколько секунд, после чего опустил пистолет на колени. Похоже, это не провокация и не попытка покушения. Следовало, тем не менее, понаблюдать за развитием событий.

В этот момент – прежде, чем Лемке успел куда-либо дозвониться – прямо перед ними замаячил синий мундир. Потом возникло лицо полицейского, который заглядывал через стекло в салон.

Через секунду на Лемке и Власова глядело чёрное отверстие ствола. Полицейский выразительно показал рукой направо, не спуская глаз с водителя и пассажира. Власов открыл дверь и начал медленно, подчёркивая каждое движение, выбираться наружу. "Стечкин" соскользнул с колена и упал.

Фридрих вылез, подошёл к капоту, положил обе руки на холодное железо, уже успевшее покрыться грязными брызгами, и расставил ноги, приготовившись к обыску. Следом за ним, пыхтя, из недр салона выпростался Лемке.

Полицейский не спускал с них глаз, поигрывая оружием.

– Допо Москвы, фельдфебель Владимир Кормер, личный номер девяноста два тридцать семь, – представился он. – На основании Дорожного Уложения, параграф 16, пункт "г", вы задержаны до выяснения обстоятельств. Патруль уже вызван. Вы и ваш автомобиль будут подвергнуты обыску...

– Но ведь не было ничего серьёзного, – заявил Лемке. – Мы очень торопимся. Выпишите штраф, и отпустите нас.

– Вы и ваш автомобиль будут подвергнуты обыску, – повторил, нахмурившись, фельдфебель.

– Лучше бы вам заняться делом, – продолжал своё Лемке. – Посмотрите, что там творится! – он попытался протянуть руку вперёд, но был остановлен окриком: "Руки на капот!": фельдфебель был явно не настроен на ведение дискуссий.

– Лемке, без глупостей, – одёрнул подчинённого Власов. – Простите, фельдфебель, но мы и в самом деле торопимся. Насколько я понимаю, мы совершили всего лишь мелкое правонарушение. Почему мы задержаны и зачем нас обыскивать?

– Параграф 16, пункт "г", – повторил Кормер. – Задержание при подозрительных обстоятельствах.

– Мы кажемся вам подозрительными? – не удержался Лемке.

– Да, кажетесь, – спокойно ответил полицейский. – Я знаю людей. С вами что-то не так. И сейчас мы узнаем, что именно.

– Ну-ну, – проворчал Лемке.

Подоспела машина с синими. Один из них сразу нырнул в "BMW". Через пару

секунд оттуда раздался свист, и тут же сильные руки прижали Власова к капоту. То же было проделано и с Лемке – только его, похоже, приложили посильнее.

– А-га, – с растяжечкой произнёс фельдфебель. – Что там?

– Оружие, – сообщил довольный полицейский, – пистолет. "Стечкин".

– Достаньте же, наконец, мои документы. Они во внутреннем кармане, – прошипел Власов, прикидывая, сильно ли пострадала его любимая куртка от соприкосновения с капотом.

Через пару минут донельзя смущённый Владимир, вытянувшись в струнку, приносил от имени дорожной полиции Москвы и от себя лично официальные извинения господину офицеру имперской безопасности и его уважаемому коллеге. Фридрих слушал фельдфебеля вполуха – он пытался вытереть запачканные ладони влажной салфеткой.

– Мы сообщим по нашей сети, господин офицер, – закончил Кормер свою речь, – вашу машину больше не будут беспокоить.

– Что значит "не беспокоить"? – поинтересовался Власов. – Что, мы получим право что-то нарушать?

– Нет, конечно. Просто существует список номеров автомобилей, к которым у нас особое отношение. Так что, если вам потребуется превысить скорость или съехать в неположенном месте, вас не будут преследовать или тормозить на следующем посту. Мы понимаем специфику вашей работы... Штрафы потом заплатите, квитанции мы вам пришлём, – добавил он. – Адрес только оставьте.

Власов в очередной раз напомнил себе про преимущества, которыми лучше пользоваться, если уж их предлагают. Похоже, российские доповцы воспринимали имперцев из Управления как пусть и не совсем "своих", но все же товарищей. Вряд ли общение с российской криминальной полицией пройдёт столь же гладко... Откровенно говоря, Фридрих был почти уверен в обратном.

– В самом деле, сообщите по сети... – согласился он. – Кстати говоря, – Власову пришла в голову одна мысль, – у вас в допо, наверное, ведётся архив сводок по происшествиям?

– Два года назад поставили электронную систему, – с гордостью заявил Владимир, – теперь не хуже, чем в Берлине.

– Туда попадают всё происшествия? В том числе и такие, к которым у вас, как вы выразились, особое отношение?

– Точно не знаю, – развёл руками Владимир. – Это надо выяснять у информационщиков, наверное... Нет, не знаю.

Власову подумалось, что в досье по делу Вебера у него полностью отсутствует информация о каких-либо транспортных происшествиях, связанных с машиной покойника. А ведь такую информацию наверняка у русских запрашивали: Мюллер в таких вопросах очень аккуратен, его люди – тоже. Но, возможно, произошла накладка из-за двойной бухгалтерии с номерными знаками? Надо будет провентилировать этот вопрос: мало ли что.

– Этот список номеров машин, к которым особое отношение... его можно посмотреть?

– Извините, нельзя, – вежливо, но твёрдо сказал фельдфебель.

– Хорошо, – вздохнул Власов, понимая, однако, правоту Кормера, – скажите только, часто ли меняется этот список.

– Его нам каждый день выдают, перед дежурством, – объяснил полицейский. –

Всего около тридцати номеров. Бывает и больше. Есть ещё всякие спецномера, на которых власть ездит. Этих мы вообще стараемся не видеть и не слышать, разве только что-нибудь серьёзное... подозрительное...

– Кстати, а почему вы решили, что мы чем-то подозрительны?

– Ну как... Я на лица смотрю, – подумав, ответил полицейский. – У вас, например, такое лицо было, что вы стрелять собираетесь. Я таких лиц навидался. На прошлой работе.

Власов задумчиво кивнул, не спрашивая, что это за "прошлая работа" была у молодого фельдфебеля.

На противоположной стороне улицы, около неподвижного "вольво", уже возился целый полицейский наряд. Рядом стояли синяя полицейская "сука" и грязно-белый фургончик "скорой".

– Мне всё-таки хотелось бы знать, что произошло, – Власов решил выяснить ситуацию до конца, – это может иметь отношение к нашим делам. Не могли бы вы?..

– Ага... Понимаю, – улыбнулся Кормер. – Подождите здесь, я поговорю с ребятами. – Он пошёл к переходу, чтобы перебраться на ту сторону.

Фридрих тем временем вспомнил о хлопке, который слышал, и принялся осматривать левый борт "BMW" на предмет повреждений. Он уже успел заметить, что серьезных вмятин нет, но ездить с царапиной тоже совершенно не хотелось; помимо эстетических соображений, это еще и совершенно не нужная особая примета. Потеря времени в автосервисе, однако, тоже была решительно некстати... К счастью, полоска на крыле, бросившаяся в глаза Власову, оказалась всего лишь грязью; "вольво" зацепил лишь зеркало, которое и захлопнулось с тем самым звуком. Стекло было цело, но зеркало слегка перекосилось и не желало разворачиваться обратно по нажатию кнопки на приборной панели; Фридрих слегка покачал его, и оно с сухим щелчком встало на место. Маленькая царапинка на пластиковой окантовке все же просматривалась, но это ерунда. Стало быть, все же обойдемся без автомеханика...

– Свинья в мундире, – проворчал Лемке. Фридрих неудоменно повернулся к нему.

– Извините, – смутился маленький опер, – не люблю местную полицию.

– Вот как? "Человек, не способный и не желающий доверять, чтить и любить каждого чиновника, полицейского, школьного учителя – такой человек не способен любить Фатерлянд, доверять Партии, чтить идеалы национал-социализма" – процитировал Власов хрестоматийную фразу Дитля.

– Вы их просто не знаете, – обиделся Лемке. – Особенно дорожников. С ними договориться невозможно.

– Что значит "договориться"? – поинтересовался Фридрих.

– Ну, что значит... Вот в Софии, если что-то мелкое нарушил, ну так, случайно – всегда можно дать двадцатку, и они отстанут. Ну, если что-то серьёзное, тогда нет, а так – пожалуйста... А здесь...

Власов изумлённо уставился на Лемке.

– Вы хотите сказать, – переспросил он, не веря ушам, – вам не нравится, что полицейские не берут взяток от правонарушителей?

– Я имел в виду не это, – заюлил Лемке, – ну просто, ну как бы это объяснить... Вот в Софии... А тут...

– А в Берлине, – Власову хотелось ясности, – вы хотели бы, чтобы наши полицейские брали взятки? Помнится, мне рассказывали, что во времена Хитлера за это

расстреливали. Теперь – всего лишь сажают. Взяткодатель и взяткополучатель должны сидеть в тюрьме. Вы не согласны?

– Ну это же в Берлине! – искренне возмутился опер. – Одно дело Берлин! А то Москва! Мы же понимаем разницу, где люди живут, а где кто... Я вот не знал. Так они меня чуть в тюрьму не упекли. Хорошо, что господин Вебер похлопотал...

Власову стало всё понятно – и противно. Очевидно, Лемке, начинавший свою карьеру в Болгарии (где дойчская община была немногочисленной, и в правоохранительных органах, как и в прочих структурах, безраздельно властвовали местные), попытался "вмазать" московскому доповцу. Несчастный недоумок, похоже, не знал, что в московской дорожной полиции служили почти исключительно дойчи, своей неподкупностью она могла соперничать с военврачами Люфтваффе, а попытка дачи взятку рассматривалась любым постовым как тяжёлое личное оскорбление, где-то на уровне плевка в лицо. Плевать же в лицо полицейскому является чистым самоубийством в любом уголке мира, тем более в Райхсрауме... Скорее всего, Веберу пришлось напрячь все свои связи, чтобы вытащить Лемке из переделки. Интересно, кстати, почему после такого прокола Ханса не отозвали немедленно? Доложил ли, кстати, Вебер об инциденте?

– А ещё свои называются, – обиженно бубнил тем временем Лемке. – Вот если русский полицейский встретится, его хоть в чём-то убедить можно. Мол, то-сё, не видел, не слышал, простите дурака. Если нарушение какое-нибудь мелкое, может и отстать. А если фольк – ничего не слушает, выписывает квитанцию, и всё. Особенно если берлинский акцент слышит.

Фридрих внимательно посмотрел на собеседника.

– Лемке, вам не доводилось в Москве слышать слова "немчура"? В свой адрес?

Губы Лемке дрогнули, но он заставил себя смолчать. Однако на невыразительной физиономии вспыхнул предательский румянец. "Как от пощёчины", подумалось Власову.

– И ещё одно. Дальше машину поведу я. Вы плохой водитель.

Подошёл Кормер. Лицо его было серьёзным, даже печальным.

– Нам разрешили посмотреть... Похоже, человек *из настоящих*. Был, – добавил он с грустью.

Власов оставил Лемке в машине (оперативник, надув щёки, молча загрузился в салон и притулился на правом сиденье) и пошёл за фельдфебелем.

"Вольво" стоял возле магазинной витрины, от которой его отделяло каких-нибудь десять сантиметров. На земле, в окружении полицейских и врачей, лежали носилки, накрытые прорезиненной простынёй.

Кормер откинул простыню, давая возможность Фридриху увидеть тело водителя.

На носилках лежал старик в мундире Люфтваффе. Благородное лицо с седой гривой волос казалось спокойным, даже отрешённым. Глаза старика были открыты, но зрачки уже подёрнулись характерной пеленой. На груди сияли боевые ордена. Взгляд Власова упёрся в Рыцарский Крест с Дубовыми Листьями.

– Врачи говорят – сердце не выдержало, – с той же грустью в голосе произнёс фельдфебель. – Ехал, наверное, на ветеранский праздник, друзей повидать. Костюм надел... И тут прихватило посреди дороги. Он уже был почти мёртвый. Но всё-таки успел как-то вырулить и затормозить. Видите, где он остановился? Ещё чуть-чуть, и въехал бы в витрину. Вот же воля была у человека! Настоящий дойч...

Власов рассеянно кивнул. Ему доводилось слышать истории о смертельно раненых летчиках, успевавших посадить самолет в буквальном смысле на последнем дыхании.

Сейчас он, однако, внимательно смотрел на породистое лицо старика. Оно почему-то казалось ему смутно знакомым – очень, очень смутно. Во всяком случае, он никогда не видел этого человека живьём. Разве что на фотографиях...

– У него были с собой документы? – на всякий случай спросил Власов.

– Да, ветеранское удостоверение. У него фамилия такая, знаете, из старых... Зайн...

Кормер помялся, вспоминая, потом закончил фразу:

– ...Зайн-Витгенштайн, кажется. Если хотите, сейчас посмотрю точно.

Он сделал шаг к работающей бригаде, но Власов его удержал.

– Кажется, я знаю, кто это... Хайнрих цу Зайн-Витгенштайн, не так ли?

Молодой полицейский растерянно кивнул.

– Когда-то я мечтал с ним познакомиться... Это легенда Люфтваффе. Никогда бы не подумал, что увижусь с ним... таким вот образом.

Полицейский открыл было рот, явно желая что-то спросить, но наткнулся на взгляд Власова, и опустил глаза.

Фридрих молча постоял у носилок, потом так же молча отправился назад.

Настроение было напрочь испорчено.

Этот человек был когда-то одним из его кумиров. Потомок древнего рода, князь Хайнрих цу Зайн-Витгенштайн поступил на службу в Люфтваффе в далёком тридцать пятом. В качестве пилота бомбардировщика "Юнкерс 88" он совершил около 150 боевых вылетов в Битве за Британию. В августе сорок первого князь переквалифицировался в ночные истребители, дослужился до командира эскадрильи, а впоследствии до командира знаменитого Сотого гешвадера ночных истребителей. За время войны он сбил восемьдесят три самолёта, в том числе однажды – три за пятнадцать минут. Сбитый в сорок четвёртом над Нормандией, майор Зайн-Витгенштайн попал в плен к французам и выжил буквально чудом. Когда в январе сорок пятого атлантистов снова вышибли за Ла-Манш, князь, еле живой, был освобожден, но признан врачами негодным к летной работе. До конца войны и несколько лет после преподавал в одном из лучших училищ Люфтваффе. В 1947 он написал "Тактику воздушного боя", сразу же признанную классическим учебником по предмету. Последующая отставка и многолетнее затворничество, завершившееся эмиграцией в Россию, на таком фоне выглядела странно. Ходили слухи о каком-то "открытом письме", который князь то ли написал, то ли подписал. Попытки поговорить на эту тему с кем-нибудь из знающих людей обычно начинались и заканчивались словами "это всё политика, и не наше дело в неё лезть" – и пальцем, устремлённым в потолок.

Уже на новом месте работы Власов узнал причину столь прискорбного завершения звёздной карьеры. Увы, была она не только политической, но и личной. Зайн-Витгенштайн, гениальный пилот и прекрасный офицер, недолюбливал Адольфа Хитлера, но терпеть не мог и Эдварда Дитля. Причины такого отношения были малопонятны: похоже, корни уходили в загадочные обстоятельства августа-сентября 1941 года. Где-то проскакивала малодостоверная байка, что райхсмаршал Гёринг – который, собственно, и выдвинул Эдварда Дитля в качестве удобной временной фигуры, за что впоследствии поплатился – якобы хотел продвинуть наверх и Зайн-Витгенштайна, но Дитль почему-то воспротивился... Как бы то ни было, Зайн-Витгенштайн после войны удалился от дел. Известно, что решения Второго чрезвычайного съезда и Обновление он воспринял в штыки, несмотря даже на своё невысокое мнение о Хитлере. Своё недовольство он выразил в открытом письме Райхспрезиденту, получившем известное распространение в

военных кругах. Письмо было крайне оскорбительного содержания и содержало прямые обвинения Райхспрезидента в предательстве национал-социалистических идеалов. Заканчивалось оно угрозой эмигрировать из Дойчлянда в любую страну, "где ещё жив дух нации и чтят традиции национал-социализма в его неискажённом виде". Дитль ответил на это сухой запиской, где предлагал герою в кратчайший срок приискать себе подходящее место проживания – в пределах Райхсраума, "если вы всё ещё считаете себя дойчем", или вне его, "если, как утверждают многие, вы уже духовно сроднились с теми, чьи истребители некогда вызывали у вас совсем иные чувства". Этот обмен любезностями завершился демонстративным прошением о российском гражданстве – князь намеревался жить как можно дальше от Берлина. Впрочем, он всё-таки предпочёл Москву Владивостоку...

Как бы то ни было, весь этот туго завязанный клубок обид всё-таки не довёл старого упрямца до настоящего предательства. Гордый аристократ никогда не принимал никакого участия в антигерманской деятельности – хотя, судя по документам, с которыми Власову довелось работать, попытки использовать князя в политических играх были. Впрочем, когда Шук вернул ему райхсгражданство, Зайн-Витгенштайн не стал публично отказываться, но и никак на это не отреагировал...

И вот теперь, наконец, всё кончилось. Сердечным приступом за рулём на кривой московской улице.

Хорошо хоть, никто не пострадал. Старый лётчик всё-таки сумел вовремя затормозить.

До Тверской доехали в молчании – если не считать кратких указаний Лемке. Тот, похоже, уже переварил обиду, нанесённую начальством: что-что, а чувство субординации у маленького опера было развито в достаточной степени.

Власову разговаривать не хотелось.

Сперва он задумался о совпадениях. Суеверный Лемке наверняка усмотрел бы в двух встречах со стариками, каждый из которых был известен как "Зайн" – пусть даже у одного из них это была гнусная кличка, а у другого часть почтенной аристократической фамилии – какую-нибудь плохую примету. Власов презирал дешёвую мистику; впрочем, и без всяких примет в обеих встречах не было ровным счетом ничего хорошего...

В этих мрачных размышлениях он чуть было не проскочил поворот: выручили рефлексы, намертво вбитые еще в училище. Даже в гуще воздушного боя пилот не должен терять ориентацию.

На Тверскую они выезжали из какого-то переулка, намертво закупоренного нетерпеливо гудящими автомобилями. Между ними ходили доповцы, собиравшие деньги за проезд по историческому центру. Власов отдал десятку, получив в обмен белый прямоугольник с изображением Кремля и датой. Пропуск крепился на лобовое стекло и давал право на езду по Центру в течение суток.

Наконец, он дождался своей очереди и выехал на идеально ровный асфальт Тверской. И при первом же взгляде по сторонам понял, что очутился в каком-то другом городе. Даже в другом времени, отстоящем от уже знакомой ему Москвы образца 1991 года как минимум на эпоху.

В принципе, он был готов к чему-то подобному – хотя бы потому, что неплохо знал историю этого странного места, начиная с "Декрета о свободной торговле", наспех сочинённого временным российским правительством, и кончая фундаментальным "Уложением об особом статусе Центрального Округа г. Москвы" от 11 августа 1973 года.

Он хорошо помнил старые чёрно-белые фотографии: бесконечные, на всю улицу, ряды детей и старух, пытающихся хоть что-нибудь продать. Где-то среди них стояла высокая иссохшая женщина с пачкой рукописных листков в руке: знаменитая русская поэтесса, петербурженка Анна Ахматова, еле-еле выбравшаяся из эвакуации в Москву, к друзьям-писателям. На Тверской она пыталась продавать свои стихи. Листочек со стихами стоил две картофелины, и их иногда покупали. Это помогло Ахматовой дожить до первого тома "Carmina", до премии Гёте, второго тома "Carmina", Нобелевской премии за поэму "Тихий Дон", Ахматовского Дома в Переделкино, всемирной славы и памятника в Царском Селе. Не так давно один из этих рукописных листочков с автографом знаменитого стихотворения "Я целую немецкие руки..." был выставлен на Сотбисе. Листочек выкупил Ахматовский Музей. Фридрих даже знал, что восьмистишие Ахматовой – единственный текст из русской школьной хрестоматии, в котором можно найти слово "немец", пусть даже в виде прилагательного; в прозаической классике все подобные слова были тщательным образом исправлены.

Дальнейшая история улицы была не столь трогательна и героична, но чрезвычайно успешна. Очень скоро толпы нищих старух исчезли, зато открылись двери первых магазинов. Продуктовые довольно скоро сменились ювелирными. "Сердце московской торговли", освобождённое от всех видов налогообложения, в сочетании с соблазнительной близостью туристической Мекки – Кремля и прилегающего к нему музейного комплекса – с тех пор билось ровно и мощно. Здесь *торговали* – день за днём, год за годом, десятилетие за десятилетием. Магазины, торговые ряды, меняльные конторы, палатки и прилавки открывались и закрывались, в беспощадной конкуренции уступая место более успешным: на Тверской выживали те, кто умел выжать с каждого квадратного метра торговой площади максимальное количество денег. То же касалось офисов: иметь хотя бы клетушку на Тверской (и соответствующий почтовый адрес на визитке) было невероятно престижным. Что бы ни делалось в Москве и в России, на Тверской шелестел рублёвый дождь. Впрочем, согласно московскому Уложению, здесь можно было предлагать в качестве платы любую валюту, лишь бы её согласился брать продавец... Сама же Тверская, с её блеском, роскошью и сомнительными нравами, была излюбленным местом действия дешёвых детективных романов с "русской" спецификой.

Все эти знания, однако, не заменяли личного впечатления от улицы-прилавка.

Здания невероятных форм и расцветок сияли рекламными щитами. Воздух пронизывали разноцветные лучи прожекторов, в свете которых вспыхивали растяжки, плакаты, связки летучих шаров с логотипами фирм и компаний. Дорогие машины намертво забивали расчерченный асфальт стоянок. По широким тротуарам валила пёстрая толпа – люди шли покупать. Кто коробку конфет, кто швейцарские часы, кто новый автомобиль.

Фридрих решил затормозить и как следует осмотреться. Он перестроился в правый ряд и стал высматривать свободное место на какой-либо стоянке. Но даже огромное асфальтовое поле возле киноцентра "Германия" (Власов знал из сводок, что это здание давало приют ещё и универсальному магазину, казино, знаменитому на всю Москву ломбарду, не менее известному массажному салону, а также ещё ряду весьма сомнительных, но очень прибыльных заведений) было намертво забито. В конце концов, уже почти проехав всю улицу, он нашёл свободное местечко возле мраморной громады "Минска".

Выйдя из машины, он с неудовольствием убедился, что за время поездки погода

успела подпортиться: понизу задул противный холодный ветерок, норовящий забраться под куртку и выгрызть немножечко тепла. Лемке, одетый повнушительней, тоже поёжился и засунул руки в карманы.

Власов решил, что для начала нужно купить себе хорошие тёплые перчатки.

Он не успел сделать и дюжины шагов, как на глаза попалась узенькая золотая вывеска: "Accessories", украшенная изображениями очков, ножниц и тому подобных вещиц. Фридрих решил, что здесь может найтись то, что ему нужно, и потянул дверь на себя.

Лемке предпочёл остаться на улице.

Внутри было тепло, но не жарко. В воздухе висел аромат дорогого мужского одеколона и каких-то благовоний. С потолка сиял золотистый свет, расточаемый хрустальной люстрой экстравагантной формы. Стены были зеркальные, и бесконечный ряд отражений раздвигал крохотное пространство в бесконечную даль.

Несколько хорошо одетых господ со скучающим видом стояли перед маленькими зеркальными витринками, оформленными в виде вертикальных вертящихся столбиков, на которых были разложены кошельки, визитницы, мужские маникюрные наборы, ещё какие-то стильные приспособления для неизвестных целей. Никакого прилавка не было, продавцов тоже не было видно. Зато в углу стоял в небрежной позе, опираясь на массивную трость, высокий юноша в дорогом сером костюме. В петельке у него была зелёная гвоздика, чуть ниже висела на крохотном золотом зажимчике табличка с надписью "Алекс".

Заметив Власова, молодой человек оторвался от стены и моментально оказался рядом с потенциальным покупателем. Фридрих, неприязненно глядя на юношу (при ближайшем рассмотрении выяснилось, что у того слегка подкрашены глаза, а лицо хранит следы крема), сухо объяснил, что ему нужны тёплые меховые перчатки для московского климата.

Юноша что-то пробормотал про ужасные московские морозы (голос у него оказался высокий и чуточку гнусавый), после чего приглашающе кивнул в сторону ближайшего освещённого столбика. Власов заглянул в стекло, и почувствовал, что у него буквально разбегаются глаза: на небольшом пространстве в хорошо продуманном порядке лежали десятки (впрочем, нет – сотни) пар перчаток и варежек – кожаных, матерчатых, тканевых, из каких-то совсем непонятных материалов, расшитых золотом, бисером, покрытых пупырышками, заклёпками, украшенные вставками из металла и камня, с разным числом пальцев или вовсе без них... Фридрих ещё раз посмотрел на это великолепие, потом на ценники (некоторые цифры были астрономическими) и попросил кожаные перчатки с натуральным мехом, под цвет куртки, на свою руку и не дороже двухсот рублей.

"Алекс" иронически улыбнулся, бросил внимательный взгляд на руки Власова, и куда-то исчез.

Отсутствовал он минуты две. За это время Власов успел ознакомиться с соседней витриной, оказавшейся неожиданно интересной. Там выставлялись ножи, начиная от игрушечных серебристых рыбок и кончая устрашающего вида тесаками – судя по всему, ручной ковки. В ножах Фридрих разбирался: не будучи коллекционером, он неплохо владел ножом как инструментом и как оружием. Разглядывая выставленные под самыми неожиданными углами лезвия, он с удивлением убедился, что ассортимент маленькой витрины примерно соответствует знаменитому "дорогому" прилавку в берлинском

"Klinge" – тому, где выставлялись ножи ценой более тысячи марок. Причём некоторые цены были, как ни странно, ниже берлинских.

От созерцания острого металла его оторвало деликатное покашливание над ухом. Обернувшись, Власов обнаружил, что вместо педоватого Алекса к нему подошёл другой продавец – ярко выраженной славянской внешности, широкоплечий, в простой серой гимнастёрке и мундирного вида брюках. На гимнастёрке винтом крепилась табличка с именем "Алексей". В руках у него были прозрачные пакетики с перчатками.

– Вы уж извините, Сашу к хозяину позвали, – голос у Алексея оказался низкий и мягкий, простеленный бархатом, – так я вместо него буду. Вот, пожалуйста, перчатки. Все по вашей руке, – пакетики призывно блеснули. – Вот эти за триста девяносто (Власов невольно сделал шаг назад: к подобной цене он был совершенно не готов), вот эти за двести двадцать (Власов остановился: это, по крайней мере, укладывалось в предполагаемый им диапазон), а вот эти за пятьсот пятьдесят. Их вы и возьмёте, – уверенно сказал он. – Да вы сначала померяйте, – добавил он, ловким движением вытряхивая первую пару из пакетика, – они же для руки делаются, на взгляд тут ничего не скажешь...

Последнее соображение Власов счёл резонным, и засунул руку в первую предложенную перчатку. Пошевелил пальцами. Перчатка действительно была ему по руке, и, судя по всему, тёплой. Но, во всяком случае, четырёхсот марок это удовольствие не заслуживало. Вторая пара, подешевле, понравилась ему больше: чувствовалась добротность, мех мягко пружинил, шлифованная кожа блестела. Если бы это стоило хотя бы на полсотни дешевле, Фридрих с удовольствием купил бы подобную вещь.

Третья пара на вид мало отличалась от второй, за исключением крохотных серебряных заклёпок с неразборчивым фирменным клеймом на запястьях. Власов решил, что за них-то и просят лишние четыреста рублей и уже без всякого интереса натянул перчатку на руку.

Ощущения оказались странными. Меховая подпушка оказалась тоненькой, но очень плотной. При этом пальцы чувствовали себя свободно – как будто на руку была надета тонкая резина, но не липнущая к коже, а мягко охватывающая её. Фридрих побарабанил кончиками пальцев по витрине: чувствительность пальцев сохранялась. При этом руке было тепло, даже жарко.

– Особая выделка кожи, пропитка, патент, – запел Алексей, довольный произведённым впечатлением. – Держит двадцать пять градусов мороза, рука как в тёплой ванне лежит... Работа Читинской мануфактуры, небольшие партии, эксклюзив... Да вот, кстати, пожалуйста. Вы, я тут видел, ножиками интересовались. Толк понимаете, – уважительно добавил он. – А попробуйте-ка в перчаточке-то вот такой вот ножик подержать...

Власов собирался было сказать, что лезвием можно пропороть дорогую вещь, когда Алексей ловким движением открыл хрустальную стойку и достал что-то с самого низа.

Щёлкнула кнопка, и в воздухе сверкнул сине-голубой металл.

Это был "зонненбранд" – знаменитый швейцарский нож, который Фридрих намеревался когда-нибудь купить. Разумеется, в том маловероятном случае, если в его бюджете каким-то образом возникнут совершенно лишние три тысячи марок. Увы, эта игрушка с коротким двенадцатисантиметровым лезвием странной треугольной формы стоила именно столько. Или дороже. Сюда входила цена уникального сплава, ручной ковки, секретов отжига, особой формы лезвия и рукоятки – и, конечно, престиж фирмы.

Парочка "зонненбрандов" с накладными ручками разных цветов обычно украшала тот самый "дорогой" прилавок. Покупали их нечасто.

Он недоверчиво взял нож, убеждаясь, что ощущает рукоять ладонью и кончиками пальцев через перчатку. Выкинул лезвие, сделал несколько осторожных движений.

– Вы, я вижу, у нас в первый раз будете, – участливо заметил Алексей, – так у нас новому клиенту полагается особое отношение... ну и скидки, конечно. Да и ножик этот будто по руке вам деланный. Хотите и ножичек и перчаточки... – он сделал крохотную, но очень выразительную паузу, – за две пятьсот? Только для вас...

Фридрих хотел было вежливо отказаться, но почему-то промолчал.

С одной стороны, тратить такие деньги на прекрасную, но не очень-то нужную вещь было нерационально. С другой стороны, он понимал, что другого шанса приобрести настоящий "зонненбранд" за такую цену у него может и не случиться. Предложение было, что ни говори, выгодным, даже соблазнительным... Слишком соблазнительным. Не подделка ли?

– Ну конечно, такой ножик обычно дороже стоит, – успокаивающе мурлыкал Алексей, глядя в лицо клиента, – но у нас с производителями свои отношения, – честное славянское лицо расцвело лукавой купеческой улыбкой. – А насчёт качества и всего такого... вы уж поверьте, в нашем деле главное порядок и дисциплина. Ordnung, то есть, und Zucht (парень выговорил эти слова со смешным русским акцентом). Так что не извольте беспокоиться, ножик самый настоящий, с сертификатом... перчаточки, кстати, тоже. У вас карточка или наличные? – осведомился он чуть другим тоном.

– Наличные. Я предпочёл бы оставить у вас марки, – сказал Фридрих, чувствуя, что просто не в силах расстаться с ножом. Кривая рукоять "зонненбранда" лежала в руке как влитая. Перчатка и в самом деле совершенно не мешала.

– Я так думаю, с разрешением на оружие у вас всё улажено, – быстро и плавно вёл разговор Алексей, одновременно ухитряясь лихо пересчитывать власовские деньги, – а что-нибудь огнестрельное вас интересует? Если что, так это вам зайти прямо тут рядышком, буквально через дом, если вниз к вокзалу идти, магазинчик хороший, вот адресок, вы загляните, не пожалеете... – в руке продавца материализовалась визитная карточка и тут же очутилась в пакетике с перчатками, – а вот здесь адрес хорошего тира, там и пристреляться можно, и с ножиком, если что, потренироваться тоже хорошо... – вторая карточка легла рядом с первой, – ну и нас не забывайте, а уж мы-то вас не забудем, – чёрный прямоугольник с белой надписью "Accessories" лёг поверх двух первых. Деньги Власова тем временем куда-то исчезли, зато откуда-то взялся выписанный от руки чек всё с той же чёрно-белой эмблемой. – Вот извольте, всё готово. Ещё что-нибудь посмотреть желаете?

– Благодарю, как-нибудь потом, – сказав это, Фридрих почувствовал, что симпатичный продавец ожидал именно такого ответа.

Через минуту он уже был на улице, где его ждал перетаптывающийся с ноги на ногу Лемке.

В этот момент он, наконец, полностью осознал тот факт, что за десять минут потратил половину своих личных денег.

Хитренькие глазки Лемке следили за Фридрихом. На одутловатой физиономии читалось нечто вроде интереса – пополам с каким-то ехидным пониманием.

– Я сделал очень удачную покупку, – решил объясниться Власов, неторопливо шагая по плитке тротуара, инстинктивно отстраняясь от спешащих прохожих, – но меня

немного смущает один момент. Мне продали дорогую вещь за две трети её берлинской цены. Может быть, всё-таки подделка? – он извлёк из кармана футляр с "зонненабрандом" и открыл его. Драгоценное лезвие возмущённо блеснуло, как бы отвергая любые подозрения на свой счёт.

Лемке впился глазами в нож.

– Настоящий "зонненбранд", – с неожиданной уверенностью заявил он. – Вы на заточку посмотрите, шеф. Этим лезвием бриться можно. Правда, если порежешься – не почувствуешь, пока кровь не потечёт. Всю жизнь хотел такой... – признался он.

Фридрих впервые за всё время знакомства с Лемке почувствовал нечто вроде симпатии к маленькому оперативнику – похоже, Ханс разделял с ним общее увлечение.

– Меня всё же смущает цена. Я взял нож и перчатки. Перчатки у них стоили пятьсот пятьдесят. Они действительно хороши. Берлинская цена этого ножа – три тысячи как минимум. Они предложили мне всё за две пятьсот, и я согласился.

– Тут всё без обмана, – принялся объяснять Лемке, не скрывая удовольствия от того, что наконец-то может блеснуть тонким пониманием ситуации, – но это же Тверская! У них знаете какой оборот? Им, небось, эти ножики вчера-позавчера привезли. А сегодня они уже один продали. Вот и выгода.

– В чём же она? – Фридрих наморщил лоб: он никогда не понимал странной логики мира денег.

– Ну, допустим, – принялся рассуждать Лемке, – ножик этот пошёл за две тысячи. Берут они его, скажем, за тысячу. За столько же его берут в Берлине, где он стоит три. А сколько он там лежит на прилавке? Месяца два, наверное... Значит, зарабатывают они на нём две тысячи, но за шестьдесят дней. То есть... то есть... это получается где-то по тридцать марок в день. А эти заработали на нём, скажем, тысячу марок. Только лежал он у них дня три. Ну, максимум, неделю. То есть это получается...

– Сто сорок за день, – Фридрих начал что-то понимать. – Неплохо. Но почему они уверены, что могут продать его за неделю?

– Они его за десять минут продали, – напомнил Лемке. – Это же Тверская. Продавцы тут... – он запнулся и с трудом выговорил по-русски, – uschlyie. – Это такое непереводимое русское слово, – зачем-то сообщил он Власову. – Не то чтобы обманщики, а, как бы это сказать... знают свою выгоду. И людей тоже знают. Человек только входит в ихнюю лавочку, а они уже видят, зачем он пришёл, можно ли его раскрутить на покупку, что ему нужно и сколько у него денег. И с собой, и вообще... Это у русских в крови, – добавил он раздумчиво. – Русские – слуги по природе, как и все славяне. Sclavi, рабы. Поэтому у них, кстати, театр лучший в мире. Система Станиславского. Как сказал один умный француз, "русский гений есть гений под-ра-жа-тель-ный", – последнее слово он выговорил по-русски, запинаясь на каждом слоге.

– Кстати, – рассуждающий на общие темы Лемке перестал Власову нравиться, – есть здесь место, где можно купить что-нибудь съестное? И не за безумные деньги? Мне бы не хотелось тратить остатки денег на булочку.

– А вот и булочки, – Лемке кивком указал на высокую резную дверь. Над ней простирала крыла двуязычная вывеска "Дойчской Булочной Розанова", украшенная справа одноглавым германским орлом, а слева – русским Doppeladler'ом.

Фридрих подумал было, что лучше было бы посадить русскую птицу справа: в бюрократическом мире, который ему был хорошо знаком, правая сторона документа считалась более значимой, и размещение российского герба на более уважаемом месте

выглядело бы более корректным, особенно со стороны фольксдойча. Потом он, однако, сообразил, что в таком случае вывеска смотрелась бы так, будто национальный символ Дойчлянда с отвращением отворачивается от национального символа России, так что булочник Розанов развесил птиц правильно.

Пока Власов размышлял над вопросами государственной символики, дверь отворилась, и из неё выкатилась маленькая старушка в синем пальто и белой береточке. За ней следовал мужчина в лёгком костюме с непременной фирменной табличкой на левом кармане, кативший магазинную тележку с крашеной лубяной корзинкой, доверху наполненную какими-то картонками и пакетиками. Сверху на тележке сидела крохотная остроухая собачка, одетая в оранжевую попонку. Собачонка недовольно поводила носом: холод на улице ей был неприятен, и она отнюдь не желала этого скрывать.

Процессия остановилась у тротуара, где старушку поджидал роскошный шестидверный "Запорожец" цвета топлёного молока. При приближении старушки боковые двери с клацаньем распахнулись – сразу все три. Магазинный человек ловко пристроил на заднее сиденье корзинку со снедью (умудрившись попутно вложить туда несколько разноцветных карточек), на среднее – собачонку (та недовольно тявкнула, когда её нежного тельца коснулась рука постороннего, и даже попыталась клацнуть маленькими зубёшками). Зато бабуся легко нырнула в объятья красного кожаного кресла, высокомерно проигнорировав вовремя подставленную руку мужчины.

– Дорогая старушка, – прокомментировал Лемке. – Вы беретик её видели? Французский. Он знаете сколько стоит? Небось, как наш "BMW".

– Вряд ли, – рассеянно заметил Власов, не слишком-то доверявший познаниям Лемке в дорогих вещах, тем более женских.

– Газета, господа, газета! Бесплатная газета! – прозвенел откуда-то снизу детский голосок.

Перед Фридрихом стояла маленькая девочка в красном пальто и красной шапочке с наушниками. Розовое личико сияло искренней, располагающей улыбкой. За плечами у неё был рюкзачок, на пузике – нечто вроде большого накладного кармана, из которого торчали свёрнутые в трубочку газеты.

– Бесплатная цветная газета "Твер-Буль"! Всё о новых торговых площадках, магазинах, центрах обслуживания! Здесь же расписание сеансов в кинотеатрах, программа телевидения на неделю, новости столичной жизни...

Власов взял газету. Девочка улыбнулась ещё шире и закричала ещё громче:

– Также есть свежие номера "Частной газеты", "Наблюдателя", "Русского Спорта", очень дёшево, все номера за рубль! Специально для православных – завтрашний "Московский богомолец", очередная сенсационная проповедь отца Тихона против абортов и презервативов, берите, всего пятьдесят копеек, берите! Также "Свободное Слово", самая запрещённая газета России!

– "Свободное Слово"? – машинально переспросил Фридрих.

Перед ним немедленно развернулся и хлопнул по ветру газетный лист. На скверной, но прочной на вид бумаге в две краски была отпечатана шапка: "Свободное Слово. Независимая российская газета". Ниже курсивом тянулся девиз: "Где не погибло слово, там и дело еще не погибло. А. Герцен."

– Пять рублей, – деловым тоном сообщила девочка.

Власов машинально вытащил пятерку, с опозданием сообразив, что за демократический листок ломят совершенно безумную цену. Ушлая девочка, однако,

настолько ловко вынула деньги у него из пальцев, что делать было нечего. Он взял газету (из неё тут же выпала неаккуратно вложенная рекламка, зачем-то подхваченная Лемке), после чего решительно направился к стоянке.

– Лучше купим хлеба поближе к дому, – объяснил он своё решение.

– Тоже верно, – не стал спорить Лемке, – на Тверскую не за хлебом ездят, разве что такие вот... – не вынимая рук из карманов, он мотнул головой в сторону "Запорожца", который как раз в этот момент осторожно выезжал во второй ряд. – Куда теперь?

Власов хотел было ответить, но осёкся: он почувствовал спиной чей-то пристальный взгляд.

Примерно в пяти шагах от них стояли две женщины в дорогих шубах – одна в горностаях, другая в норке – с какими-то бумажками в руках. Одна из них держала в руке целленхёрер. Власов успел разглядеть нечто вроде глазка: похоже, аппаратик был с фотокамерой.

Через мгновение даме срочно понадобилось поправить воротник. Интересный предмет тут же пропал – видимо, канул в рукав шубы.

Вторая дама ловко повернулась. На тёмной спине шубки была инкрустация из серебристого меха с изображением лисьей головы и какой-то надписью. Присмотревшись, Власов понял, что это логотип мехового салона. Фридрих на глазок оценил стоимость шубы в два "зонненбранда".

Лемке скосил глаза на женщин, сделал понимающее лицо, кивнул.

– Тут многие работают на полицию, – объяснял он через пару минут, усаживаясь в машину. – Например, в "Германии" есть массажные салоны... ну, вы понимаете, о чём я... так вот, там всё прослушивается и просматривается крипо. Сами понимаете, иностранцев полно, истории всякие случаются. Ну и дэгэбэшники, конечно, тоже тут пасутся... Вы ещё хотите что-нибудь посмотреть? Может, в "Чай-Кофе"? Есть тут такой павильончик, интересное место.

– Нет. Поехали отсюда. Хватит с меня Тверской, – решительно заявил Власов.

Он решил, что ни в какое "Чай-Кофе", или как его там, он не пойдёт. Лучше уж поесть в проверенных "Калачах". Там, по крайней мере, никто не пытается забросать тебя визитками ещё десятка лавочек и магазинчиков. Понятно, разумеется, что половина этих торговцев в доле друг с другом и делятся прибылью с поставляемых друг другу клиентов, и нет в этом, в принципе, ничего предосудительного... но все равно, ощущение такое, что тебя со всех сторон опутывают липкой паутиной.

Около машины их уже поджидал охранник – толстомордый мужчина в зелёной униформе какого-то частного охранного предприятия. Он потребовал ни много ни мало тридцать рублей за тот кусок асфальта, который занимал "BMW". Потом он заметил глянцевый прямоугольник в руках Лемке, услужливо осклабился и тут же снизил свои притязания до двадцати рублей – после чего, интимно понизив голос, посоветовал "прямо сейчас" подъехать к "Германии", где через десять минут начнётся показ новейшей французской эротической комедии. Он также изъявил готовность продать – опять-таки "прямо сейчас" – билеты на хорошие места в одиннадцатом ряду, а также место на забитой стоянке возле "Германии".

Власов, с трудом сдерживаясь, молча устроился за рулём. Тем временем бойкий страж порядка, смерив взглядом Лемке, наклонился к его уху и что-то зашептал, похабно ухмыляясь. Лемке отрицательно потряс головой. Тогда охранник буквально впихнул ему в руку крохотную визитку и услужливо захлопнул за ним дверь.

Мягко заурчал мотор.

Власов с облегчением вздохнул: несмотря на удачные покупки, впечатления от Тверской остались не самые приятные.

– Странно, что эти охранники конфетами не торгуют, – заметил он, выруливая со стоянки.

– Конфетами не торгуют, – не понял юмора Лемке. – Они обычно американскую жвачку предлагают, ну и презервативы. Вместе с адресами массажных заведений.

Фридрих поймал себя на мысли, что сейчас он с удовольствием зашёл бы в обычный берлинский магазин – чистый, просторный, без назойливых вертлявых холуёв, зато со скромными и милыми девушками у касс.

– Кстати, здесь почему-то нигде нет кассовых аппаратов, – заметил он.

– А зачем они? – пожал плечами Ханс. – Налогов здесь не берут, государственный контроль минимальный. Ставить кассы – лишняя площадь, лишние расходы на кассира, к тому же потеря времени. Время эти ребята ценят. Работают круглосуточно, кстати. Ну разве под утро закрываются на час-другой, и то не все.. Утром здесь, между прочим, бывают большие скидки, так что народу хватает... Опять же, оборот...

– Ладно, – перебил Власов. – Вы знаете где-нибудь поблизости хороший тир? – Пользоваться почти насильно всученной карточкой ему не хотелось.

– Я тренируюсь в стрелковом клубе, – охотно ответил Лемке. – Хорошее место, много наших... правда, среди них тоже свиньи порядочные встречаются. Но там нельзя просто с улицы зайти пострелять, туда вступать надо. Вы ведь в Москву не надолго?

– Надеюсь, – ответил Фридрих, думая о сроках завершения расследования. – Тогда... как там выражаются американские пропагандисты? "Москва – город контрастов"? Хочу взглянуть на московскую подземку. Тир подождёт. Надеюсь, в ближайшие полчаса стрелять на поражение мне не придется.

Kapitel 13. Тот же день, после полудня. Москва, подземка, станция "Площадь Гёте" – станция "Воскресенское шоссе".

Арбалетный болт пробил перегородку прямо над головой. За проломленной стенкой что-то треснуло и посыпалось. В воздухе блеснула тонкая нить, идущая от болта во входной проём.

Фридрих взмахнул левой рукой, не выпуская из правой "стечкин". Треугольное лезвие "зонненбранда" со щелчком выпрыгнуло из рукояти и сверкнуло в воздухе. Перерезанная нить задрожала и лопнула.

Власов перехватил пистолет поудобнее. Если какая-нибудь тварь попытается просунуть хотя бы кончик носа... Впрочем, с них станется зашвырнуть сюда дымовую шашку. Или какую-нибудь дрянь с химией. Или просто ком пакли в бензине.

– Слышь, гуй, – донеслось из-за спины. – Пес-сец тебе, гуй.

Власов высунул руку с пистолетом и выпустил пулю в наиболее вероятном направлении. Выстрел разорвал гулкий воздух тоннеля. Зарокотало эхо.

Первый бандит неподвижно лежал на рельсах. Похоже, он был мёртв или серьёзно ранен. Власов предпочёл бы первое.

– Чуешь, цао, сыла пришла? – это был всё тот же голос из-за спины. – Щаз те будет...

Фридриху надоело слушать угрозы, и он, не оборачиваясь, выстрелил в угол,

откуда вещало радио. От грохота заложило уши, зато мерзкий голос заткнулся.

Через две секунды в дверном проёме что-то мелькнуло. Фридрих, уже готовый, спустил курок. "Стечкин" дёрнулся, выплёвывая свинцовый зуб с керамическим наконечником – но, похоже, напрасно.

Послышался звон. Похоже, бандит взобрался на балкончик. Потом – быстро удаляющиеся шаги. И тишина.

Меленько затряслось тельце целленхёрера в кармане куртки.

Власов бросил нож, и, продолжая держать наготове пистолет, с трудом выпростал левой рукой из правого кармана чёрную коробочку.

– Herr Erste? – это был слабый, но отчётливый голос Лемке. Похоже, подчинённый паниковал.

– Да, это я. Я на станции, в тоннеле. То есть в служебном помещении, приблизительно в тридцати метрах от выхода среднего тоннеля против хода поезда. В меня стреляли из арбалета. Одного я, кажется, уложил. Но их тут несколько.

– Русские уже здесь, – в голосе Лемке послышалось облегчение. – Они слышат наш разговор. Сейчас тут остановится поезд. Не стреляйте, шеф, это безопасники.

Из тоннеля донёсся стон, потом неразборчивая ругань. Похоже, подстреленный бандит приходил в себя.

Власов улыбнулся, слушая нарастающий вой подходящего поезда. Теперь подранок уж точно не успеет уйти.

– Хаун ба!.. – заорал в полный голос бандит, видя приближающуюся смерть.

Тут раздался глухой удар, потом ещё один: поезд просто снёс тело с путей.

Через несколько секунд поезд остановился. Подобрав "зонненбранд", Власов, озираясь, высунулся наружу. Увидел открытую дверь желтого служебного вагона напротив балкончика. Мысленно выставил высший балл искусству оперативников, умудрившихся затормозить с такой точностью. Впрочем, решил он, это могло быть и совпадением.

В вагоне его ждали несколько офицеров и два медика. Прямо на полу лежали носилки, рядом в железных ящичках находились медицинские принадлежности. В углу стояла полностью подготовленная капельница. Похоже, медики были готовы к любым неожиданностям.

– Там был ещё один, – сразу сказал Власов кинувшимся ему навстречу.– Его надо взять.

– Основные пути перекрыты, – ответил один из офицеров. – Будем надеяться, что нам повезёт. Выпустим собак. Хотя там такие лабиринты, что может и уйти. Особенно если это... Вы не ранены? – он обеспокоено посмотрел на Власова.

– Нет, – сказал Фридрих.

Тяжёлая тёмная капля крови проползла по лбу, наглядно опровергая его утверждение.

Врач – бесцветный блондин с узким лицом – буквально взвился с места, подскочил к Власову, сильно и бесцеремонно нагнул ему голову.

– Kratzer, – сказал он на дойче, – царапина... салфетку, четвёрку, быстро, – это было сказано по-русски.

Влажная салфетка промокнула лоб, потом коснулась пореза на голове. Ранку слегка защипало.

– Подержите минуты три, – небрежно бросил врач. – Другие раны, ушибы есть?

Еще где-нибудь болит? Как общее самочувствие?

– Больше ничего нет, – ответил Фридрих. – Я в порядке.

– Вы уверены? – допытывался врач. – Если у вас есть какие-то повреждения...

– Я офицер, – отрезал Власов, – я знаю, что такое ранение.

– Тогда отдыхайте, – распорядился врач. – Садитесь сюда, – он указал на прислонённое к задней стенке вагона низенькое кресло с откидной спинкой и железным коробом под сиденьем. Власов узнал в этом приспособлении переносной туалет для легкораненых, но сел.

В открытую дверь вошёл офицер в камуфляже. В руках у него были арбалетный болт и пластиковый пакет с обломками приёмника.

– Магний, – заключил он, – с наполнителем. Знаем мы эти штуки. Горит как бенгальский огонь. Странно, что она не загорелась.

– Там была нитка, – вспомнил Власов. – Я её перерезал. Наверное, в ней был провод. Проверьте ещё ту штуку... транзистор.

– Отправляемся, – распорядился второй офицер.

Поезд тронулся с места. Власов откинулся на спинку и закрыл глаза.

Под опущенными веками с бешеной скоростью закрутились события последних часов.

Первая попытка попасть под землю оказалась неудачной: все стоянки вокруг "Берлинской" были забиты под завязку. Покрутившись, Власов вырулил по направлению к "Динамо", по ходу дела отмечая, что ориентируется на московских улицах не так уж плохо. По крайней мере, схема основных транспортных артерий города у него в голове примерно совпадала с тем, что он видел вокруг себя.

Тем не менее, "Динамо" он каким-то образом проскочил – так что пришлось ехать дальше. Лемке осторожно посоветовал не останавливаться у "Аэропорта", а ехать прямо к "Площади Гёте", где, по его словам, было "почище". Фридрих не стал уточнять, что именно Лемке имел в виду, но совет принял.

Припарковаться удалось не сразу. В конце концов Власов загнал машину между невесть как попавшей в эти края "Тойотой" и новеньким "Фольксвагеном". Выбираясь, Лемке задел рукавом грязный бок "Тойоты" и негромко выругался.

Площадь вокруг станции Власову чистой не показалась – скорее наоборот. Она была заставлена какими-то палатками, полотняными шатрами, тентами, и прочими недолговечными сооружениями, при взгляде на которые из памяти тут же выскочило русское – или всё-таки тюркское, спросить бы Эберлинга – слово "базар". Власову вспомнилось, как один его коллега, много лет проработавший в России в полевых условиях, пытался объяснить, чем "базар" отличается от "рынка". В конце концов он определил "базар" как рынок, на котором считается допустимой лживая, агрессивная и навязчивая реклама.

Через пять минут Фридрих убедился, что толчея вокруг здания станции и в самом деле представляет собой именно базар. Продавцы что-то орали из-под тентов, пытаясь привлечь внимание к своему товару – как правило, какой-нибудь ерунде. Один раз Фридриха попытались схватить за рукав. Он, не оборачиваясь, ударил по цеплючей руке – в ответ из-за спины злобно свистнуло "Schwuler".

Внизу было грязно и очень многолюдно. Фридриха толкнули раз, другой, третий. Толпа вихрилась возле касс и около настенных железных ящиков для продажи входных жетонов. Власов нагнал Лемке как раз около такого ящика, на котором горела цифра "1".

Тот сосредоточенно гонял по ладони мелкие русские деньги.

Фридрих полез за кошельком, но тут его снова толкнули, на этот раз сильно. Одновременно кто-то попытался прижаться к спине. Власов хорошо знал этот приём карманников, и тут же, не глядя, ударил локтем, одновременно разворачиваясь. Разумеется, он не увидел ничего, кроме всё той же толпы.

Его внимание привлекла странная сцена. Насупленный мужчина в грязной некрасивой одежде – Власов извлёк из памяти слово "телогрейка" – с рюкзаком за плечами ломился по лестнице вниз, поперёк восходящего людского потока. Люди, ругаясь, сносили его обратно, но он упорно продвигался, не обращая внимания на то, что совсем рядом находился законный спуск. В рюкзаке что-то стеклянно звенело.

– Русский характер, – прокомментировал происходящее Лемке.

– Н-да. Героическое преодоление препятствий, которые проще обойти, – процедил Власов, извлекая кошелёк.

– Да какое там! Этот тип хочет прорваться в подземку через выход. Чтобы не платить.

– Не платить пять копеек? У него нет пяти копеек? – не поверил Фридрих.

– Есть, конечно. Не платить законную цену за законные услуги – это и есть русский харак... – он не договорил: к ящику притиснулся здоровенный бугай разбойного вида, и, отпихнув тщедушного Лемке, бросил в щель автомата какую-то железку, отдалённо напоминающую монету. Автомат обиженно заурчал и выплюнул дрянь в лоток. Тогда бугай с досады стукнул по ящику кулаком. Железный ящик глухо звякнул, но и только. Бугай злобно зашипел, как кот, подул на кулак и нырнул в толпу.

– Скоты, – выругался по-русски оперативник.

Власов, наконец, нашёл пятикопеечную монету, бросил её в щель и через секунду получил круглый пластмассовый жетон. Лемке проделал то же.

Они нырнули в длинный коридор, по которому тёк человеческий поток. Стены его были заклеены почти под самый верх рекламными плакатами, местами полусодранными или поцарапанными. Кое-где были намалёваны надписи, в основном замазанные краской. В тех местах, где бумажная каша была содрана до основы, проступал старый, исцарапанный, но породистый мрамор с остатками полировки.

Вдоль всего коридора стояли маленькие киоски, раскладные прилавки, столики и прочие торговые приспособления, лепящиеся к стенам, как пчелиные соты. Торговали чем попало: прилавки с журналами перемежались с расстеленными на полу газетами, на которых были разложены какие-то гайки или болты, в одном месте девушка продавала кактусы в маленьких пластмассовых горшочках.

Лемке потянул его за рукав, показывая на безногого в островерхой шапке. Он сидел на низенькой деревянной тележке и ловко загребал костылями, лавируя среди толпы. К тележке были привязаны три воздушных шарика, подёргивающиеся на ниточках.

Фридрих в недоумении посмотрел на расторопного калеку.

– Что это? Почему он не пользуется коляской? Или у него нет коляски? Куда смотрят социальные работники?

– Всё нормально, – Лемке ухмыльнулся. – Это попрошайка. Если бы он был в коляске, ему бы меньше подавали.

– Я думал, попрошайничество в России запрещено, – скривил губы Власов.

– Запрещено, конечно. Формально он мелкий торговец. Видите шарики? Это как бы товар. В случае неприятностей с полицией он их предъявит. А может, у него и другие

товары есть, поинтереснее. Порнография, например.

У входных турникетов им опять пришлось ждать: половина вертушек не работала, к остальным стояли длинные хвосты. Прошло минуты три, прежде чем машина, проглотив жетон, освободила вертушку и Фридрих, наконец, прошёл внутрь, к спуску на посадочную платформу.

На спуске снова возникла толчея. Причиной тому была лужа, от которой разило дешёвым пивом. В середине валялись осколки бутылки. Все старались обойти лужу, видимо, не надеясь, что её когда-нибудь уберут.

Какая-то неопрятная женщина преклонных лет с ручной тележкой попёрлась прямо по луже, давя ногами хрустящие осколки стекла. За тележкой потянулся мокрый след. Люди неохотно расступались, давая дорогу напористой старухе.

Вниз вела широкая лестница. На ступеньках торговали. Правда, то была уже совсем мелочная торговля. Две тётки с раскрытыми колёсными сумками лихо распродавали сомнительного вида консервные банки без этикеток.

Как ни странно, посадочная платформа производила не столь уж неприятное впечатление, по крайней мере с архитектурной точки зрения. Гнутые колонны, расширяющиеся кверху, можно было даже назвать изящными. На некоторых даже сохранились следы мраморной облицовки, а белёные верха были относительно чистыми. Правда, вид сильно портили рекламные щиты, привешенные к потолку на тонких тросиках и раскачивающиеся в потоках воздуха.

Из общей картинки резко выбивалась одна деталь: металлический барьер, отделяющий платформу от путей. Барьер состоял из секций, разделённых на две половинки. По прибытию поезда они открывались, превращаясь в воротца.

Фридрих знал, что при большевиках – станция была построена в тридцать восьмом году – открытые пути ничем не отделялись от платформы. Заборчики были сделаны позже, когда травматизм и смертность из-за падений на пути достигли критической отметки. Однако, решил Власов, можно было бы всё-таки сделать это полезное защитное сооружение более изящным и хоть сколько-нибудь соответствующим облику станции. Впрочем, похоже, что архитектурные изыски в данном случае никого не интересовали.

Он в очередной раз отметил разницу между теоретическим знанием предмета и личными впечатлениями о нём же. В принципе, о московской подземке он знал почти всё, что нужно знать аналитику. Ему был хорошо знаком и внешний вид станций – по фотографиям, фильмам, видеозаписям, в том числе и сделанным в оперативных надобностях. Но никакие фотографии и записи не заменяли впечатлений от попрошайки на тележке, или от типа, ломившегося навстречу толпе. Или от запаха пивной лужи.

Первый поезд подошёл где-то через минуту. При его появлении вдоль барьера раздались громкие металлические щелчки: это раскрывались секции. Через минуту они уже были открыты настежь – как раз когда открылись двери поезда и оттуда повалила толпа. Кого-то из ожидающих зашибло створкой. Пострадавший матерился.

Фридрих решил не лезть в этот поезд: слишком уж плотной была толпа. Пришлось переждать.

Когда народ схлынул, Власов заметил, что каждую колонну охватывает нечто вроде деревянной скамеечки, правда, очень грязной и изрезанной. Он нашёл местечко, показавшееся ему относительно чистым, достал пакет с большими салфетками без увлажнителя, разложил две на краешке и осторожно присел.

Лемке плюхнулся рядом, не задумываясь о гигиене.

– Тут можно поесть, – сказал он. – На том сходе, – он махнул рукой в сторону, противоположную той, откуда они пришли, – жарят пирожки. Что они туда пихают, лучше не думать... но есть можно, я пробовал и вроде бы не отравился. Зато очень дёшево, – полуизвиняющимся тоном добавил он. – Это не Тверская.

– Да уж вижу, что не Тверская, – усмехнулся Власов. – Но вы же не предлагаете мне попробовать эту отраву?

– Нет, что вы, шеф. Я просто хотел перекусить...

Власов усмехнулся.

– Прижимистость не доведёт вас до добра, Ханс. Вам эти пирожки кажутся вкусными, несмотря на их, так сказать, происхождение?

– Ничего так, – признался Лемке. – Съедобно.

– Забавно. Вы тут живёте довольно долго, а я знаю обстановку только по рабочим документам. Но, оказывается, некоторые детали я знаю лучше, чем вы. Мне попадался один отчёт, где упоминалась эта проблема... В России нет закона против пищевых добавок. Точнее, его принятие было заблокировано лоббистами от сельского хозяйства. В результате чего во все эти пирожки пихают химические добавки для улучшения вкуса. Например, глютамат натрия.

– Это который "адзи-но-мото"? – неожиданно блеснул познаниями Лемке. – "Душа вкуса"? Так это японская разработка. Тут её на каждом шагу продают. Вроде бы в ней нет ничего вредного.

– За исключением того, что при быстрой обжарке глютамат разлагается и превращается в токсины, – парировал Власов. – К тому же в этих пирожках огромные дозы этой дряни. И неизвестно, что! они туда! кладут ещё!

Последние слова он уже выкрикивал – таким сильным был грохот прибывающего поезда.

На этот раз народу было поменьше, и им удалось войти в вагон.

Внутренности вагона выглядели довольно аскетически. Все удобства, которые предлагались пассажиру, заключались в узеньких железных сиденьях и паре металлических поручней, намертво вделанных в потолок. Окошки были забраны мелкой, но прочной на вид металлической сеткой – впрочем, прорванной в нескольких местах. На потолке горели маленькие, но яркие лампочки в виде глазков, забранные толстым стеклом. Кое-где стекло было замазано краской – видимо, оно было настолько прочным, что больше ничего с ним было сделать нельзя. Зато стены были исцарапаны и изрезаны как только возможно. Власов привычно пригляделся к граффити, и на сей раз обнаружил и сакраментальное "109", и серп с молотом, и даже – над самым потолком – трудолюбиво выцарапанное "немцев нах" (дальше была длинная царапина – видимо, автор надписи не смог её завершить по независящим от него причинам). На полу валялся и гремел всякий мусор – пустые банки, бумажки, остатки содранных рекламных плакатов, и ещё что-то такое. В целом всё это напоминало внутренности мусорного бака.

Лемке бодро ухватился за поручень. Власов, подумав о том, сколько рук его трогали и что это были за руки, предпочёл сначала протереть его влажной салфеткой.

В вагоне задребезжал звонок – видимо, это был сигнал к отправлению. Потом что-то загудело и хриплый неразборчивый голос произнёс: "следующая Вррр... левская". Через пять секунд двери со скрежетом захлопнулись, и поезд поехал.

Фридрих прикрыл глаза, представляя себе карту подземки. Насколько он её помнил, за Площадью Гёте в направлении центра следовали станции "Аэропорт" и

"Динамо", потом "Берлинская" с переходом на кольцевую линию, и дальше, после длинного перегона, "Театральная". Всё это были станции старой довоенной постройки. Власов вспомнил старые фотографии станции, называвшейся при большевиках "Площадь Революции" (ныне "Воскресенская Площадь"). Когда-то это было эффектное сооружение, отделанное разноцветным мрамором, с бронзовыми скульптурами в нишах, изображавших то ли революционеров, то ли сотрудников ЧК с наганами. Что примечательно, все скульптуры были согбенными, словно придавленными мощью государства. Говорят, Сталину весьма понравился проект... После Освобождения скульптуры быстро исчезли – судя по всему, какие-то расторопные москвичи продали творения большевицкого зодчества сборщикам цветных металлов, а мраморные плитки ободрали.

Впоследствии какие-то международные (то есть, конечно, англо-американские) организации настаивали на том, что станции "метрополитена имени товарища Кагановича" – так называли большевики подземку – суть памятники архитектуры и зодчества и нуждаются в восстановлении. Власов же считал, что это как раз тот самый случай, когда вандализм может быть хоть чем-то оправдан. Во всяком случае, восстановление большевицкого капища с его гнусными героями представлялось ему кощунством и надругательством над жертвами коммунистического режима. Этак можно договориться и до идеи воссоздать так называемый "мавзолей". При подрыве которого, между прочим, пострадала часть кремлёвской стены...

На "Аэропорту" вагон заполнился: во все двери влилась густая, как гороховый суп, толпа. Власова обдало запахом пота, немытых тел, дешёвой еды и перегара. О том, чтобы выйти, нечего было и думать. На "Берлинской" народу прибавилось вдвое, причём добавилось много людей с ручной кладью – видимо, эти пришли с вокзала. Власову пришлось отпустить поручень и как следует упереться в стену, чтобы толпа его не раздавила.

Каждый раз при закрытии дверей голос рычал: "следующая Вррр... левская". Видимо, объявление делал автомат, который заклинило. Фридрих попытался сообразить, какая станция имеется в виду, и после недолгих размышлений понял, что рычание заглушает слово "ангел".

– Может, сойдем на Пересадочной? – прокричал Лемке, при этом пыхтя как паровоз: ему приходилось туго.

– Это что за станция? – удивился Фридрих. Насколько он помнил, следующей после "Берлинской" шла "Театральная".

– Просто труба! Переход! На Таганско-Пресненскую линию! – кричал Лемке, пробивая голосом шум поезда и гудение толпы.

Власов кивнул, пытаясь вспомнить, о чём идёт речь. В голове вертелись смутные воспоминания о каком-то московском скандале, вроде бы связанным с планами строительства новой станции, но ничего определённого он так и не припомнил. Похоже, с этой темой он не пересекался.

Лемке протиснулся вперёд, ввинчиваясь между плотно сжатыми телами. Фридрих последовал за ним, доверяя его опыту: похоже, маленький оперативник бывал под землёй чаще, чем можно было бы предположить.

Выбраться из вагона оказалось на удивление легко: они попали в выходящий поток, который сам вынес их на платформу и потащил куда-то дальше. Лемке с готовностью последовал было по этому пути, но Фридрих его удержал – ему хотелось

осмотреться.

На первый взгляд, посадочная платформа выглядела на редкость уродливо. Это было большое помещение с голыми бетонными стенами и заасфальтированным полом. Своды поддерживали толстые железные колонны. Освещалось всё это мощными лампами дневного света, свисающими, как сосиски, с провешенного на потолке кабеля толщиной с руку. Никаких скамеек и прочих излишеств не было. Всё вместе смотрелось как свежевыстроенный заводской цех, в который ещё не завезли оборудование. Хотя, подумал Власов, такие цеха сейчас можно увидеть только в кино про пятидесятые годы.

Даже после того, как основная масса народа схлынула, на станции осталось достаточно людей, чтобы было тесно. Власов отошёл к одиноко стоящей железной колонне в центре зала, чтобы немного отдохнуть от тесноты: там никого не было, кроме старухи с сумкой, наполненной всё теми же консервными банками. Фридрих, присмотревшись, обнаружил на одной из них остатки сорванной этикетки. На ней можно было различить часть собачьей морды и слово "Pedigr...". Власову вспомнился таксист, который вёз его из аэропорта, и его рассказы о вкусных дешёвых консервах.

– Вот она, "Пересадочная", – заговорил Лемке. – То есть это неофициальное название. Вообще-то это недостроенная "Тверская". На новых схемах так и обозначена, да толку-то...

"Почему же ее открыли?"– хотел спросить Власов, но сообразил, что уместнее будет другой вопрос: – Почему ее не достроили?

– Деньги разворовали, – охотно пояснил Лемке. – Причем грамотно так, что и концов не найдешь. Каких-то стрелочников посадили, конечно, да что с них возьмешь... И вот теперь городские власти уже который год бодаются с центральными по поводу того, кто должен покрыть недостачу. Там еще какие-то юридические закавыки, связанные с тем, что это Тверская, особая экономическая зона... в законе прямо не прописано, что он распространяется и на подземные территории, но не прописано и обратное... А тут пока открыли времянку без отделки и выходов на поверхность, потому как очень уж переход нужен. Ну, как говорят сами русские, нет ничего более постоянного, чем нечто временное.

– Вот же бардак, – возмущенно пробормотал Фридрих. Разумеется, дома, в Дойчлянде, подобное было немыслимо. Все же он с интересом оглядывался по сторонам – доселе ему не доводилось бывать на недостроенных станциях метро. Он даже сделал несколько шагов, направляясь в сторону тупикового

конца платформы – там, очевидно, по плану должен был располагаться выход в город, но ныне виднелась лишь неглубокая ниша, символически перегороженная одиноким железным турникетом. Свет в том конце горел совсем тускло. Лемке преданно семенил следом.

– Эй, гуй? Тебе, может, надо чего?

Власов резко обернулся на негромкий голос. За колонной, которую он только что миновал, стоял молодой парень странноватого вида. Фридрих не сразу понял, что именно показалось странным, но потом сообразил, что драная куртка с вываливающейся из дыр подкладкой, распахнутая на груди, никак не сочетается с красивым чёрно-белым свитером, явно недешёвым. Да и американские брюки-джинс в стиль как-то не вписывались. К тому же стоял незнакомец так, словно от кого-то прятался... или кого-то поджидал.

Фридрих поднял бровь: странный парень его заинтересовал, но он не был уверен, что хочет продолжать разговор.

– Может, чего надо? – парень подобрался поближе. – Я говорю – надо, может, поправиться? – он сделал ещё шажок. – Дайен? Кокс? Тяжёлое?

Тут до Власова, наконец, дошло, с кем имеет дело: теоретические познания со щелчком встали на нужное место в голове, совпав с наблюдаемой реальностью. Теперь он знал, что это за молодой человек, что он предлагает, а главное – как с ним надо себя вести.

Перед ним приоткрылась любопытная возможность выяснить один важный вопрос, и он решил – после полусекундного колебания – попробовать ею воспользоваться.

– Я никого здесь не знаю, – начал он, отодвигаясь от слегка опешившего Лемке. – У моего друга есть проблема. Мне сказали, что есть люди, с которыми можно поговорить.

– Эй, гуй, – парень заговорил уверенно, а тон стал наглым и грубым, хозяйским – один раз: если ты пантуй, канай отсюда.

Власов сыграл лицом испуг и негодование.

– Говорите нормальным языком, – попросил он, – по-русски или на дойче. Я не понимаю.

– Ц-цивил, – сплюнул парень на пол. – Сохуашь, у тебя проблема? Поправиться, что ли, надо? Лекарство нужно? Полечиться?

Власов сделал вид, что думает.

– Если я правильно вас понял, то нечто вроде этого, – наконец, выдавил он из себя признание. – Но это нужно не мне, – это было сказано торопливо и немного испуганно. – Я сам не употребляю.

– Да вижу я, что ты не шидудзе, в арык сам не мажешь... Но если гую надо поправиться – лады, это тема. Толкнём с тобой, чё те светит ин зис план. Но не здесь. Тут пипло говняное грузится, темы толкать некомфорт. Мне тут светиться хайпато.

Вдалеке послышался шум поезда.

– Делай так. Го-го в вагон до Воскреши, там тебя подберут. Сохуай, что от Вени Грубчика. От Вени, понял? С людьми не говняйся, толкай темы политично. И не надо конджить, спервенца всех пробирает, а потом нормалёк, земеля... Главное – суджи. В смысле – тихо.

В это время поезд остановился, и новая толпа затопила платформу. Парень растворился в людском потоке, как щепоть соли в кипящем супе.

Лемке уставился на шефа, ожидая каких-либо указаний.

– Едем, – просто сказал Фридрих. – Что такое Воскреша? – на всякий случай уточнил он.

– Станция "Воскресенское Шоссе", – подтвердил его догадку Ханс. – Местечко ещё то. Тогда нам на переход, это по той ветке... Шеф, но это опас... – Лемке замолчал, перехватив яростный взгляд патрона – и с опозданием соображая, что их сейчас вполне могут подслушивать.

Они окунулись в движущееся человеческое месиво.

О сложившейся в России ситуации с наркотиками Власов был осведомлён достаточно хорошо. И, в отличие от обычного берлинского бюргера, наслышанного о славянской наркомафии, знал, насколько непростой была ситуация, в которую попали российские власти.

Первая волна наркотрафика пришлась на начало восьмидесятых. Почин положили китайские иммигранты, которым Россия предоставила политическое убежище как беженцам от коммунизма. Сделано это было отчасти в пику расовой политике Райха: дойчи упрямо не желали видеть в своей стране расово неполноценных, да и печальный

опыт с "францдойче" сыграл свою роль. Мосюковское же правительство решило проявить терпимость к несчастным страдальцам от коммунистической диктатуры. Китайцы сполна отблагодарили принявшую их страну, развернув в крупных городах сети по торговле опиатами. Когда власти спохватилась, выяснилось, что под видом китайских аптек и центров традиционной медицины тихонько функционируют подпольные притоны, а продвинутая молодёжь лечит хандру средствами с вычурными названиями типа "пыльца с крыльев уснувшего мотылька" или "три яшмовых удовольствия" – на основе кокаина и героина.

Русским потребовалось три года, чтобы перекрыть основные каналы поставок. Но тут подоспела вторая волна, на этот раз кавказская. На Москву и через неё в другие страны Райхсраума пошла волна опиатов. С ней так просто справиться не удалось. Но, во всяком случае, русские, в отличие от тех же поляков, боролись с наркотиками серьёзно. Более того, именно отдел по борьбе с наркотиками был, пожалуй, самой дружественной по отношению к Управлению российской полицейской структурой – ну, конечно, в той мере, в какой российская полицейская структура может быть дружественной к берлинским коллегам.

Фридрих также знал, что сеть дилеров-дуфанов, работающих в московской подземке, оказалась особенно живучей. Созданная всё теми же китайцами, она очень быстро зажила самостоятельной жизнью. От "китайского" периода остался особый наркодилерский жаргон, напичканный искажёнными китайскими словами и выражениями.

При этом мелкие дуфаны, стоящие на отлове клиентуры, не имели при себе ни грамма "лекарств" – и, более того, сами не знали, где и у кого они есть. В их обязанности входил отлов потенциального покупателя и его ориентация в том направлении, где он мог бы обрести желаемое. Дальше в дело вступала сложная система "ведения" клиента с передачей его из рук в руки по цепочке. Покупка – или просто банальное ограбление, если клиент оказывался достаточно глуп, – ждали только в конце пути.

Фридриха не интересовали наркотики как таковые. Но его очень интересовало, насколько просто – или насколько сложно – приобрести в Москве штрик. Поэтому он решил рискнуть и принять предложение мелкой крысы, принявшей его за новичка в поисках дилера. Впрочем, это-то как раз было понятно: вид прилично одетого человека, явно не привычного к подземке и чего-то ищущего в глухом конце станции, не имеющей выхода на поверхность, наводил на вполне определённые мысли. Однако насчёт своего шанса дойти до реальных продавцов – или хотя бы до людей, с которыми имеет смысл разговаривать – Фридрих не обольщался. Насколько он помнил общую схему, клиент сдавался с рук на руки несколько раз. На каждом этапе его "смотрели". До продавцов доходили либо явные наркоманы, либо люди со специальными рекомендациями. Ни того, ни другого у Власова не было. Однако у него были кое-какие профессиональные знания, которые могли сыграть свою роль.

Власов перебирал в памяти всё, что он знал о российской наркомафии из текущих материалов, стоя на посадочной платформе станции "Пушкинская", на которую только что перешел. Эта была достроена, но мало чем отличалась от только что покинутой – тот же бетон вокруг, тот же асфальт под ногами, те же железные колонны. Разве что с нормальными плафонами без свисающих проводов, да еще между колоннами висело красно-белое полотнище с надписью, выполненной стилизованной славянской вязью: "Масленичные Гуляния! Весеннее Веселье!". Веселья размалёванная тряпка явно не

добавляла.

Подошёл поезд, защёлкала ограда. Власову и Лемке не повезло: та секция, перед которой они стояли, почему-то не открылась. Людям с другой стороны попали в ещё худшее положение – они не могли выйти. Какой-то парень ловко перемахнул через ограду, чуть не сбив с ног Лемке. Остальные заторопились к другой двери.

Лемке, чертыхнувшись, показал на какой-то пластмассовый мусор, аккуратно забитый в узенький паз, в котором вращалась штанга. Это было явно дело рук человеческих.

Следующий поезд был под завязку заполнен солдатами-новобранцами. Высокие, ладные, в хорошо пригнанных зелёных гимнастёрках, они заполнили платформу, оттеснив обывателей к другому краю. Когда же испорченная секция барьера снова не открылась и часть солдат осталась в вагоне, к ней подскочили четверо крепких ребят, ведомых сержантом в фельдграу. Они дружно взялись за заевшие створки и рванули на себя. Запертые с другой стороны тоже навалились, и воротца со скрежетом разъехались. Сержант осмотрел штанги, и, видимо, заметил засунутый в щель мусор. Он отдал какие-то распоряжения, и тут же один солдат вытащил нож, присел и принялся выковыривать застречку, а сержант стал названивать куда-то по целленхёреру – надо думать, дежурному по станции.

Нехитрое зрелище восстановленного порядка Власова искренне порадовало. Смотреть на солдат было приятно. Эти парни принадлежали к простому, ясному, правильному миру, частью которого он и сам был когда-то – миру военной службы. Широкое славянское лицо сержанта напомнило ему кадры старой хроники: солдаты РОА вешают пойманного комиссара, ловкие солдатские руки ладят петлю и затягивают её вокруг мешка, надетого на голову коммуняки, и весёлый сержант ловким ударом сапога выбивает из-под казнимого деревянный кругляк... Фридрих усилием воли вернул себя к непривлекательной реальности, в которой всё было куда сложнее и неоднозначнее. Тем не менее, он вошёл в вагон, бодро насвистывая марш Русской Освободительной Армии:

Отступают неба своды,
Книзу клонится трава -
То идут за взводом взводы
Добровольцы из РОА!

Полупустой вагон – вышедшие солдаты почти полностью очистили поезд – немногим отличался от того, в котором они доехали до "Пересадочной". Разве что вместо поручней стояли вертикальные металлические шесты, за которые можно было держаться на любой высоте.

Власов скептически посмотрел на грязную скамейку и решил не садиться.

Он дождался, пока поезд войдёт в тоннель и шум станет достаточно сильным, потом поманил к себе Ханса, взял его за руку и несколько раз сжал его пальцы. Лемке мучительно думал минуту, потом закивал головой: к счастью, он всё-таки знал морзянку. Власову очень не хотелось говорить вслух: любой сидящий рядом мог оказаться "пасущим", и даже шум поезда не смог бы защитить его от направленного микрофона.

К сожалению, Лемке разбирал точки и тире, передаваемые ручным способом, медленно и плохо. Но Власов всё-таки успел распорядиться, чтобы тот сошёл на следующей станции, поднялся на поверхность, связался с русскими безопасниками из

отдела по борьбе с наркотиками, и сообщить, что коллега из берлинского Управления проводит небольшое расследование – чтобы не лезли, но были в курсе. Связь держать по целленхёреру: Власов включил одностороннюю передачу через фершлюселер, чтобы все его разговоры были слышны. В случае возникновения угрожающей ситуации – немедленно просить помощи.

Получив "отбой", Лемке истово закивал головой и вышел на следующей же станции.

Самым слабым звеном во всём плане оставался целленхёрер. Фридриху хотелось надеяться, что он не попадёт в заэкранированную зону. Пока что, впрочем, приборчик прекрасно работал и в тоннеле. Это было не так уж удивительно: хитрый аппаратик успешно "цеплялся" практически к любым стандартным приёмо-передающим станциям, начиная от полицейских раций и кончая автоматическими радиомаячками, встраиваемыми в разного рода технику. Похоже, что-то подобное в подземке имелось: огонёк на панели показывал устойчивый приём...

Тут Власов, наконец, обратил внимание на то, что в этом вагоне названий станций вообще не объявляют, и даже обычного звоночка не слышно. Причина была проста и вульгарна: на месте решётки динамика зияла рваная дыра, из которой торчат провода. Фридрих понял, что попал в глупую ситуацию: он никак не мог сообразить, сколько остановок отделяет "Пушкинскую" от "Воскресенского Шоссе". В забранных сеткой окошках одна за другой проплывали какие-то унылые бетонные стены.

Тем не менее, вышел он правильно. Он понял это сразу, как только увидел огромный зал с тремя путями вместо двух. Воскресенское Шоссе было единственной такой станцией на всей линии. С неё можно было перейти на недостроенную Воскресенско-Николаевскую ветку, строительство которой намертво застряло на станции "Проспект Витте" из-за проблем с финансированием.

Станция "Воскресенское Шоссе" тоже не производила впечатления достроенной до конца. Возле выходного отверстия среднего тоннеля стояли какие-то леса, там же на полу валялись бумажные мешки с цементом и какие-то стройматериалы. Асфальт перрона был в свежих заплатках – не говоря уже о том, что он был изрисован мелом и кирпичом. Зато колоннада выглядела относительно пристойно: тонкие восьмигранные колонны были обложены мелкой светло-голубой плиткой. Кое-где, правда, плитка уже отвалилась – скорее всего, из-за постоянной вибрации. Рекламные щиты уныло свисали с потолка, чуть покачиваясь в восходящих потоках теплого сырого воздуха.

Между колоннами располагались импровизированные прилавки, вокруг которых, как обычно, кучковались продающие и покупающие москвичи. Это зрелище Власову уже изрядно приелось, но, следуя обычному принципу "осмотрись, раз пришёл", Власов заставил себя оглядеть ассортимент – и был удивлён. В отличие от "Площади Гёте", здесь в основном торговали предметами далеко не первой необходимости: некий человечек с усиками предлагал набор ручек с золотыми перьями, рядом продавались часы, сделанные "под Швейцарию", и прочее в том же духе. Правда, вездесущие бабки с консервами нашлись и здесь, но Фридрих уже понял, что в московской подземке они представляют собой неизбежное явление. Равно как и попрошайка на костылях, делающий вид, что пытается продать три полупустые газовые зажигалки.

Власов как раз подошёл к крошечному развальчику со старыми книгами, как вдруг услышал тихое:

– Лекарство нужно? Рекомендация есть?

– Я от Вени, – так же тихо сказал Власов.

– Не оглядывайся, – предупредил всё тот же голос, – или ничего не будет. Потусуйся здесь, пропусти два трайна... два поезда. Потом топай к средней линии, где ремонт. Пройдёшь под досками, там будет дорожка. Иди по ней, потом спустишься, под лестницей дверь. Туда.

Фридрих честно пропустил два поезда, рассматривая старые книжки, которыми торговал чистенький опрятный фольк. Книжки были по большей части замызганные, с вываливающимися страницами – но среди мусора попадались прелюбопытные экземпляры. Власова заинтересовала было перевязанная бечёвкой пачка пропагандистских брошюр военного времени, но времени копаться в бумажном хламе уже не осталось.

Не особенно скрываясь, Фридрих пробрался сквозь строй ожидающих поезда и подошёл к лесам. Секция барьера, отделяющий пути от платформы, там была снята. В проходе была видна узенькая, в две доски, дорожка, провешенная по боковой стороне тоннеля. Выглядела она непрезентабельно и к тому же была заляпана белилами. Тем не менее, выбирать не приходилось. Пригибаясь – над головой тоже были доски – Власов ступил на этот хлипкий путь, стараясь не наступать на белые пятна, чтобы не запачкать ботинки.

Было темно: всё освещение создавали тусклые лампочки по ту сторону тоннеля. Один раз он напоролся головой на торчащий из верхней доски гвоздь. Царапина тут же набухла кровью. Власов потянулся было за своим пакетиком с салфетками, но в этот момент в тоннеле загрохотал поезд. Шум приближающегося состава казался куда сильнее, чем на платформе. Доски затряслись, так что Власов невольно схватился за какую-то торчащую из стены штангу. Через мгновение ему в лицо ударил сжатый воздух, а вагоны замелькали в полуметре от его левого плеча.

Переждав, пока доски не кончат трястись, он продолжил путь, и вскорости вышел на узенький металлический балкончик, забранный слева перильцами из сваренных прутьев. По нему было идти удобнее, чем по доскам. Метров через двадцать балкончик кончался. От него шла лесенка вниз, прямо на пути. В тусклом свете лампочки рельсы зловеще блестели. Фридрих попытался сообразить, где находится токопроводящий рельс, но не нашёл. Как бы то ни было, надо было спускаться.

Он подождал, пока проедет следующий поезд, и сошёл на пути. Под лестницей и в самом деле были две двери. На одной из них висел замок. Власов вошёл во вторую и оказался в маленькой комнатёнке, освещаемой тусклой лампочкой на витом шнуре. Судя по всему, когда-то обе комнаты были соединены; сейчас их разделяла перегородка.

Оглядевшись, Власов понял, что в комнатке нет никого и ничего, кроме голых стен. В углу, впрочем, стоял старенький транзисторный приёмник.

Он пожал плечами, не зная, что делать дальше.

Приёмник внезапно зашипел, прокашлялся и заговорил.

– Хи, гуй. Говоришь, Венчик тебя прислал?

В отличие от давешнего дилера с его чудовищным жаргоном, этот голос был интеллигентным, но очень уж неприятным, с издёвочкой и угрозой. Обладателя такого голоса следует опасаться всерьёз.

– Да ты не менжуйся, слова говори, – заявил приёмник. – А то у нас беда: слышу я тебя хорошо, а вижу плохо.

Фридрих догадался, что приёмник настроен на частоту портативной рации или

чего-то подобного. Наверное, где-то поблизости был спрятан и микрофон – возможно, вделан в стену, или как-нибудь иначе. Насчёт видеокамеры и прочих сложностей у Власова были сильные сомнения. Во всяком случае, понятно, что его предполагаемый собеседник находится где-то поблизости, но добраться до него в случае чего вряд ли удастся.

– Он меня к вам направил, – громко сказал Власов.

– Значит, говоришь, тебя Венчик сюда отправил. Хороший гуйчик Венчик, но беда с ним – в детстве хедом об табель приложился. Ума нет. Всё время грязь какую-то гребёт. Может, пора гуя хинчануть под четыре доски?

Власов открыл было рот, но понял, что вопрос был обращён не к нему: в приёмнике заговорил другой голос, погрубее и попроще.

– Чё Венька-то? Он у тебя за всё хуаится. А я каолью: он у нас сагуа, да не пантуй...

Перекорёженные китайские слова в речи русского бандита звучали грубо и смешно. Фридрих поморщился.

– Потише, – снова вступил первый голос, – наши джанхуашки гости слушают... Эй, тебя как звать-то, гуй?

– Фридрих, – ответил Власов. В этот момент он занимался важным делом – проверял состояние целленхёрера. Увы, скверные предположения оправдывались: сигнал начинал ловиться только около самой двери. Рация в корпусе транзистора была для него недоступна.

– Уж вижу, что не Ваня... Давно из Берлина? Да ты не менжуйся, я же на тебя, сокола ясного, уже посмотрел. Дыо, сразу видно. Причём берлинец. И непростой берлинец. На русском сохаешь прямо как свой, и фасе соответствующее. Такие за двумя яопиньками хайлуина в подземку не лезут. Ну, пой, пряник, с какой ты фанду и чего тебе от нас надобно.

Власов помнил, что "фанду" или "фирмой" русские дуфаны называют сильную преступную группировку, занимающуюся не прямым бандитизмом, а куплей-продажей чего-либо запрещённого – в основном наркотиками.

– Представляться будем, когда у нас возникнет взаимопонимание. Я вас не знаю, а вы не знаете меня. – Это был, конечно, блеф, но Власов сознательно шёл на него. – Меня и мою фирму интересуют небольшие партии товара, но постоянные поставки. Штрик.

Молчание продолжалось минуты три.

– Я жду ответа, – напомнил о себе Власов.

– Гуй, а гуй? – голос стал откровенно угрожающим. – Скажи дяде, что ты шутканул. Сейчас скажи. И попроси у дяди прощения за шутки. А то ведь ты отсюда не выйдешь. Как тебя там? Фридрих? Федя, по-нашему. Так вот, Федя, ты ведь отсюда не выйдешь, нет, не выйдешь. Мы тебя вот тут прямо и хинчанём под четыре доски.

– Да я ща сам его с-сыкну, шныря подшконочного, тихулечки, – заторопился второй голос, но первый опять прервал:

– Не щемись. Слышишь, я с человеком разговариваю. Может, последние джанхуашки с ним толкаем. Так что же, Федя, ты ведь пошутил? Тебе ведь нужны яопиньки, да? Или кокс? У нас партиями по сто пластов, берём? Морфой интересуемся?

– Я уже сказал, что мне нужно, – Власов не собирался отступать. – Штрик. Вы знаете, что это такое?

Радио опять замолчало.

– Федя, дружище, пряник ты мой тульский, ты меня очень огорчаешь. Нешто мы

тут совсем без башни – с такими делами возжаться? Шампунь – это очень нехорошая вещь. Мы по нему не работаем. Про хайлуин – это к нам, по морфе тоже. За джу – тоже к нам. А насчёт грязи мы не в теме. У нас джахуа чистая.

– Мне нужен штрик, – повторил Власов. – Есть люди, которые готовы взяться за мой заказ?

– Совета, значит, просишь? Дык страна советов накрылась кунтом, когда нас с тобой ещё на свете не было. Ундерштанд?

Власов понял.

– Сколько? – спросил он.

– Десяточку за указивочку. Только вот не сохай мне, Федюша, что у тебя в кармашке блоха на аркане скачет. Потому как ежели ты без ченей пришёл, значит, ты не купец, а вовсе даже хаун бадан... Ну да ты понял.

– Десять тысяч за простую наводку? Это столько не стоит, – Фридриху ничего не оставалось, как начать торговаться. – Три тысячи.

– Ты чё, баран? Я сказал – десять, значит десять. Или у нас другие джанхуашки пойдут, нехорошие такие, злые...

Переговоры продолжались минут пять. Власов отчаянно упирался, надеясь только на то, что бандит не потребует предоплаты.

Наконец, Фридрих предложил семь тысяч и объявил, что это последняя цена.

– Ну, ты меня утомил, гуй. Я уж, грешным делом, каолил, что тебя хинчануть проще, чем с темы свести. Ладно, слушай дядю, дядя добрый. В Москве ты сладкого не найдёшь. Нету его тут. Нету, абсолютели. Не наше это. Если кто предложит – сразу лупи в хобот, потому как фуфел тебе присунули, а не шалого. А вот если тебе очень надо, собирайся на Неву. Есть такая речка, на которой Бург стоит... Ну что, интересно?

– Пока я не услышал ничего конкретного, – ответил Фридрих.

– Любопытной Варваре на базаре хвост оторвали. Выйди, Федя, на пути, положь за рельсу чени – тогда, бог даст, я ещё чего тебе спою... Давай, не жмись. И клади все, я считать буду. Свой глазок – смотрок.

Делать было нечего. Фридрих открыл дверь настежь (закрывать он её не собирался), вышел на пути, отыскал в кармане свой тощий кошелёк и сделал вид, что достаёт оттуда деньги. Он и в самом деле достал их – несколько десяток. Никаких семи тысяч у него всё равно не было. Так что оставалось надеяться на удачу.

Для начала нужно было убрать свет. Фридрих уже убедился, что никаких выключателей в комнате нет. Разбивать лампочку тоже не хотелось – шум был бы слышен. Власов вовремя вспомнил о ноже – достал, выщелкнул лезвие, подпрыгнул, в прыжке ухватился за шнур левой рукой и изо всех сил полоснул по нему лезвием. Комната погрузилась во тьму.

Власов проморгался, привыкая к отсутствию освещения. Через несколько секунд зрение устаканилось, и тускло освещённый тоннель стал виден. Фридрих вытащил "стечкин" и приготовился к стрельбе.

Минуты через две мимо прогрохотал поезд. Когда вагоны отстучали, Власов увидел с другой стороны тоннеля невысокого плотного человечка. Он, не скрываясь, перешёл через пути и пошёл вдоль рельса – видимо, ища деньги.

Власов дождался, пока он окажется на кратчайшей линии, и выстрелил. Человек споткнулся и упал на рельсы.

Спустя мгновение арбалетный болт, пущенный откуда-то справа, тихо свистнул в

воздухе над головой и пробил перегородку...

Фридрих встряхнул головой и пришёл в себя, возвращаясь от воспоминаний к реальности. Прокрученные в голове впечатления более или менее легли на подходящие полочки. Теперь можно было переходить к выводам.

После непродолжительных размышлений Власов оценил свою авантюру как небесполезную, хотя её плоды оказались не столь уж богатыми. Всё, что он узнал – так это то, что штрик в Москве достать трудно, а одним из центров распространения наркотика является Петербург. Достоверность этой информации оценить было сложно. С одной стороны, бандит мог попросту солгать. С другой, у него не было причин это делать. В любом случае, информацию нужно было бы перепроверить. Но если уж в отчёте Управления не было даже этой малости... Или русские всё-таки что-то скрывают? Вряд ли... Но всё-таки...

В этот момент офицер, разбирающий обломки приёмника, неожиданно присвистнул. К нему подошёл другой, посмотрел, и тут же помянул тойфеля и его бабушку.

– Что там такое? – заинтересовался Власов.

– Вы в рубашке родились, коллега, – не оборачиваясь, ответил второй офицер. – В приёмнике был взрывпакет с дистанционным взрывателем. Они вполне могли отправить вас на тот свет, просто нажав на кнопку. Надо думать, хотели взять живым. Для беседы.

– Но я же стрелял в эту штуку, – усомнился Власов. – Почему же она не взорвалась?

– Похоже, – офицер всё рассматривал проводки – взрывпакет того... Учебный, короче. Кто-то решил немножко заработать. Большой дуфан этому кому-то теперь яйца оторвёт.

У офицера в кармане зазвонил целленхёрер. Он приложил его к уху, два раза сказал "понял", и один раз – "идиоты", после чего осёкся. Потом, не глядя, сунул его обратно и зло выматерился.

– Что случилось? – осведомился Власов.

– Ушёл. Положил двух собак и ранил одного нашего. В плечо. Стрелой, или как она там называется, чем из арбалета стреляют.

– Болт, – проявил эрудицию Фридрих.

– Во-во, точно... Вот же пидор хренов!

– Матиас? – спросил другой офицер. Вопрос был явно риторическим.

– Он самый... Вы тут беседовали, – это уже было обращено к Власову – с редкостной гнидой. Мы за ним уже третий год гоняемся, и никак не можем взять. Это вам очень повезло с таким знакомством. Так-то до него как до Луны: на обычной фанду-цаньсуо... в смысле, на точке сбыта... он сам не появится: не по чину. Но мы тут недавно хорошо почистили местность. В особенности его фанду. Взяли человек двадцать. Так что теперь большому дуфану приходится самому вставать на вахту... Но до чего хитёр! Этого логова на Воскресенской мы не знали.

– Старый конь борозды не испортит, – не вполне в тему отозвался врач-фольк.

– Кто он? – заинтересовался Власов.

– Некий Матиас Спаде. Бывший спецназовец, специализировался по операциям в подземных помещениях. Коммуникации знает как свои пять. Умеет пользоваться всякими спецназовскими штучками, в том числе дистанционными. Любимое оружие – арбалет. Болты к нему у него есть на все вкусы. В вас он стрелял зажигательным. Опять же, не

хотел сразу убивать.

В этот момент поезд остановился. Судя по тому, что можно было разглядеть сквозь оконные решётки, они были в депо.

– Ну, сейчас приступим к официальной части, – невесело сказал офицер. – Будете беседовать с нашим начальством, и вообще...

– Надеюсь, это не займёт много времени, – Фридрих тяжело вздохнул. – Мне сегодня ещё нужно посетить тюрьму.

Офицер приподнял бровь.

– Вытаскивать оттуда одну фрау, – сказал Власов.

– Надеюсь, не наркокурьера? – мрачно пошутил офицер.

– Вот и я на это надеюсь, – Фридрих тяжело вздохнул, думая о том, преподнесёт ли ему этот день ещё какие-нибудь сюрпризы.

Kapitel 14. Тот же день, ближе к вечеру. Москва, Новослободская улица, 45 – Алтуфьевское шоссе, 13, корпус 4.

Бутырская тюрьма расположена буквально в считанных метрах от широкой и оживленной Новослободской улицы, на ее перекрестке с улицей Лесной, но многие тысячи человек, ежедневно минующих это место пешком и на транспорте, даже не догадываются об этом. Тюрьма отсечена от праздных взоров с улицы длинными, выстроенными встык домами, образующими вдоль Лесной и Новослободской тупой клин со срезанным на перекрестке углом. В основном это обычные жилые дома, на первых этажах которых размещены магазины.

Власов осторожно вёл машину по незнакомой улице. Движение было довольно оживлённым, так что зевать по сторонам не приходилось.

Фридрих чувствовал себя вымотанным – однако возможности отдохнуть не было. На свидание с фрау Галле он поехал прямо от безопасников. Те, впрочем, напоили его кофе. Предлагали ещё какие-то стимуляторы, якобы совершенно безвредные, но Власов, недолюбливающий подобные средства, отказался. Он хорошо знал, что действие любой таблетки заканчивается, причём обычно в самый неподходящий момент. Нет уж, лучше старый добрый кофеин и армейское воспитание...

"ПАЛАНТИР" – прочитал Фридрих на срезе угла, подъезжая к светофору; крупные буквы сияли голубым огнем в сгущающихся московских сумерках. Странное слово, явно не принадлежавшее ни одному из известных ему языков, показалось, тем не менее, знакомым.

Светофор в последний раз мигнул зеленым и зажег желтый сигнал; Власов плавно затормозил у стоп-линии. Слева от него, едва не ободрав бок "BMW" и пересекая двойную сплошную, рванул вперед белый "мерседес", едва успев зарулить налево перед носом встречного лихача, также стремившегося проскочить на желтый. "Какой русский не любит быстрой езды!" – подумал Фридрих с уже привычным раздражением: московская манера вождения его злила. Жаль, что поблизости не нашлось ни одного доповца, способного оценить этот высший пилотаж по достоинству. Расторопный фельдфебель Кормер тут был бы очень и очень уместен.

Пока горел красный, Фридрих пытался вспомнить, откуда происходит странное название магазина на углу. Через полминуты размышлений ему это удалось. Название было взято из книги английского писателя Толкина. У антлантистской молодежи он

считался культовым, а в Райхе был практически неизвестен.

Фридрих, тем не менее, уже работая в Управлении, прочел "Властелина колец" (нуднейший "Сильмарилион" ему не удалось осилить дальше двадцатой страницы, пришлось ограничиться кратким изложением). И ему совсем не понравилось, что в центре Москвы, столицы, что ни говори, союзного государства, называют магазины в честь книги, в которой Райх выведен в качестве царства тьмы и зла Мордора, сокрушаемого светлыми силами Запада. Правда, говорят, сам Толкин отрицал аллегорический смысл своей трилогии, утверждая, что написал просто сказку... но, скорее всего, это обычное британское лицемерие. И, в конце концов, на практике важно даже не то, что он имел в виду, а то, что такая трактовка получила достаточное распространение.

Впрочем, – задумался Власов, – даже если отвлечься от прямых политических аллюзий, мораль толкиновских книг была гнилой, вполне соответствующей нынешнему разложению атлантистской культуры. Мир в них четко, без полутонов, делился на Светлых и Темных, причем вторые изображались откровенно карикатурно, тупыми злобными уродами, непрерывно отравляющими жизнь не только окружающим, но и самим себе, а первым прощалось любое изуверство просто в силу того, что они – Светлые. Светлые вели жизнь паразитов, попивая эльфийское вино и распевая баллады; у них не только отсутствовал всякий прогресс (в отличие от Темных – вспомнить хотя бы машины и генетические опыты Сарумана), но и деградация дошла до того, что жители Минас Тирита, величайшего из городов Запада, даже не могли собственными силами починить городские ворота; эльфы же и вовсе при первых признаках проблем предпочитали бежать на запад, к своим заокеанским хозяевам. Все, о чем мечтали Светлые – чтобы все оставалось по-прежнему и никто не колыхал их застойное болото. Их высшими добродетелями были смирение и покорность воле высших сил – Валаров; когда же жители Нуменора осмелились восстать и потребовать у Валаров бессмертия, те в ярости уничтожили всю их страну, погрузив ее в пучину океана. И, разумеется, никто из Светлых этим не возмутился, а люди больше не дерзали роптать на свой удел и завидовать бессмертным эльфам. Светлые даже ради своей победы не смели воспользоваться Кольцом Всевластия, они могли лишь уничтожить его, ибо были слишком слабы духом, чтобы выдержать искушение властью и силой. Было сказано, что Кольцо обратит в раба любого из них; на самом деле, оно лишь проявляло их подлинную сущность, ибо Светлые уже были типичными рабами. О, как это похоже на "Светлых" всех мастей – уничтожать то, что не умеешь и не смеешь использовать! Прометей, даруя людям огонь, не знал, что со временем такие же примерные католики, как профессор Толкин, воспользуются его даром, чтобы сжигать его последователей. И как же далека эта бледная немочь от всего гордого и здорового, от воли, прогресса, от того мятежного фаустианского духа, который некогда воздвиг из мрака европейскую цивилизацию, предначертав ей владеть миром! Духа, который вел романские легионы и эспанские каравеллы, который, будем справедливы, владел когда-то и британцами, строившими свою империю, и американскими пионерами, покорявшими свой дикий континент... но теперь сохраняется лишь в границах Райхсраума.

Да и то... Фридрих скривился, глядя на голубые буквы. Официально книги Толкина в Райхе не были запрещены, но и не издавались. При очень большом желании их можно было найти, но желание это, как правило, не возникало. Любители облачиться в кольчугу и помахать мечом имели возможность делать это в клубах исторического фехтования, а для тех, кто исторической точности предпочитал романтику легенды, существовали

ежегодные Зигфридовские игры под эгидой Райхсюгенда, проводимые с истинно имперским размахом... Как видно, российские власти и руководство РОМОСа не додумались до этой простой и эффективной политики, и толкинизм успел здесь прорасти, как плесень на хлебе.

В этот момент зажегся зеленый, и Фридрих, пропустив встречные машины, смог, наконец, свернуть на Лесную.

Несмотря на свое название, улица была типично городской и напрочь лишенной растительности. Подъехав к подворотне, в которой висел знак "Въезд запрещен", Власов остановился и вылез из автомобиля.

Подворотня вела в обычный, в общем-то, двор жилого дома – разве что слишком узкий, вытянутый коридором вдоль внутренней стороны клина. Как и в любом нормальном московском дворе, вдоль домов шла асфальтовая дорожка, а за ней, на заметенной снегом земле, стояли лавочки и низкая оградка огибала качели-карусели с невостребованной по зимнему времени песочницей; несколько мальчишек перекидывались снежками, а на спинке одной из скамеек сидела парочка постарше ("и не холодно им!" – подумал Фридрих); правее девица в дутой желтой куртке, закутанная в белый шарф по самый нос, скучающе следила за эволюциями своей собачки, а напротив подъезда переминался какой-то мужик, поставив на снег синюю сумку с длинными ручками – не иначе, ждал, пока кто-то выйдет из дома... Вот только позади всего этого возвышалась бетонная стена высотою с двухэтажный дом, и поверх нее кольцами, как на фронтовых позициях, вилась колючая проволока. Такие же кольца ограждали и видневшийся над стеной край крыши одного из строений Бутырского замка.

Замок, действительно замок – левее над стеной кокетливо скалила окаймленные белым зубцы круглая малиновая башенка в средневековом стиле. Впрочем, для полного соответствия стилю она выглядела чересчур новенькой и нарядной. А интересно, каково жить в этих домах напротив? С верхних этажей открывается прекрасный вид на тюрьму. Да и эти мальчишки, играющие во дворе, знают, что в считанных метрах от них – сотни воров, насильников, убийц... Наверняка со временем это накладывает определенный отпечаток на психику. Хотя это лучше, чем жить в доме с видом на кладбище – есть в Москве и такие...

Скорее всего, здесь живут семьи полицейских, подумал Власов. Во всяком случае, это было бы логично.

Взгляд Фридриха скользнул еще левее, и настроение его испортилось. Ибо чуть ли не напротив скрытых за углом стены ворот он увидел уже знакомый белый "мерседес", которому, очевидно, знак "Въезд запрещен" был так же не писан, как и правила проезда регулируемых перекрестков.

Власов, конечно, понял, кто там сидит, равно как и почему в этот промозглый вечер во дворе так многолюдно. Он опоздал.

Но делать было нечего, и он зашагал налево, к воротам. Выглядели они весьма внушительно. Стена здесь отступала вглубь, образуя как бы нишу, и эту нишу перегораживали сначала ворота обычной высоты из проволочной сетки с колючкой поверху, а уже в паре метров за ними высились исполинские бурые металлические створки во всю высоту стены. "Врата Мордора!" – невольно подумалось Фридриху под влиянием предыдущих размышлений. Слева от сетчатых ворот располагалась скромная будочка проходной с зарешеченной дверью.

Власов решительно толкнул дверь и вошел. Из-за перегородки слева в него

вперился профессионально подозрительным взглядом немолодой полицейский с широкими лычками вахмистра. Русский, и, скорее всего, родом не из Москвы – служба в охранных и конвойных подразделениях считалась непрестижной, столичные жители ею брезговали. Фридрих протянул ему удостоверение. Вахмистр внимательно изучил его, протянул обратно и снова молча уставился на Власова.

– Я встречаю гражданку Франциску Галле, – вынужден был пояснить Фридрих. – Она должна быть освобождена сегодня, сейчас. С вашим начальством все согласовано.

Полицейский продолжал молчать, и Власов добавил:

– Между прочим, там, снаружи, полно журналистов. Вы можете их разогнать? Или, еще лучше, вывести нас другим путем.

Полицейский поднял телефонную трубку.

– Гас-дин ротмистр? Мироненко. Да, он пришел. Здесь. Понял, гас-дин ротмистр, – он положил трубку и бросил Власову: – Ждите.

– Вы слышали, что я сказал? – повысил голос Фридрих.

– Не кричите. Все вопросы решайте с начальством. А мое дело – дверь открыть.

– Хорошо, – в голосе Власова звучало бесконечное терпение, словно нижний чин, хамящий оберсту, был самым заурядным и естественным делом. – Могу я позвонить вашему начальству?

– Согласно должностной инструкции, не имею права предоставлять служебный телефон посторонним.

Фридрих выдохнул. Вот она, знаменитая "дружба" госбезопасности и крипо. Он все же не ожидал, что все настолько плохо. Должно быть, у местных на Галле были далеко идущие планы. Или дело вовсе не в ней, просто недавно две службы поцапались по другому вопросу, и теперь полицейские, вынужденные вновь уступить заклятым друзьям, срывали злость при первом удобном случае. Может быть, даже специально слили информацию о времени освобождения журналистам.

Или... или все это пьеса, разыгранная по нотам ДГБ. Такой вариант был бы самым неприятным.

За стальной дверью, ведущей вглубь тюрьмы, послышался металлический лязг – не иначе, отперли внутреннюю решетку – и вахмистр, взглянув на пульт перед собой, вышел из своего закутка. Фридрих невольно ожидал увидеть круглое кольцо из толстой проволоки, звенящее длинными тяжелыми ключами, но ключ оказался маленьким, похожим на обычный квартирный. Вахмистр отпер дверь, и Фридрих увидел фрау Галле в сопровождении высокого молодого поручика со щегольскими усиками. Вид у журналистки был осунувшийся и какой-то встрепанный. Двумя руками она прижимала к животу полурасстегнутую сумку на молнии.

– Вы? Как... Это в самом деле вы? Мне сказали, будет представитель посольства... – растерянно пролепетала она.

– Я вместо него. Идемте, и быстрее, – Фридрих взял болтавшуюся лямку ее сумки и набросил ей на плечо. – Застегните пальто, на улице мерзко.

– Где мой сын? Я никуда не пойду без своего сына! – в голосе фрау Галле прорезались истеричные нотки.

– В ЦВИНПе. Сейчас поедем за ним. Идемте же, машина ждет.

– Zwinp? Что такое Zwinp?

– Центр временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей. Это недалеко, на Алтуфьевском шоссе.

– Правонарушителей?!

Но Фридрих, не церемонясь, уже ухватил ее за локоть и потащил к выходу. Поручик насмешливо козырнул ему вслед.

Не успели они сделать трех шагов от проходной, как "мирно гуляющие во дворе жители" устремились к ним, словно стервятники на добычу. Тут была и парочка со скамейки (у парня невесть откуда обнаружился длинный мохнатый микрофон), и мужик, на ходу извлекающий из сумки видеокамеру, и еще какие-то люди, должно быть, из "мерседеса". Девица в желтой куртке, как ни странно, оказалась просто девицей, зато ее собачка с веселым лаем помчалась к месту общего оживления, не взирая на крики хозяйки "Тоби, назад! Назад, я кому сказала!" ("Даже не волки, просто шавки", – вспомнилось Фридриху.) Мальчишки тоже оставили свою баталию и побежали посмотреть, что происходит.

Фридрих заслонился рукой в перчатке за секунду до того, как сверкнула первая фотовспышка, одновременно остро жалея, что у женщин давно вышли из моды шляпки с вуалями. Хорошо бы сделать вид, что он не понимает, что творится, что его спутница – обыкновенная воровка... но нет, кто-нибудь из этих шакалов уже наверняка раздобыл фотографии "узницы совести", как называют это атлантисты. Уж СЛС постарался обеспечить нужными материалами западную прессу, как только узнал об аресте. Еще день-два, проведенные фрау Галле в тюрьме – и ее лицо на плакатах моталось бы над головами пикетчиков у вошингтонских и лондонских посольств Райха и России...

– Фрау Гэлли...

– Сняты ли с вас обвинения?

– Фрау Галь, несколько слов для "Пари матч"!

– Без комментариев, – отрезал Фридрих, обращаясь одновременно ко всем журналистам, включая и свою спутницу.

– Фрау Галле, кто этот человек? Он из посольства?

– Он из ДГБ?

– Он уводит вас насильно?

– Кивните, если вас уводят насильно!

Фридрих ускорил шаг, продолжая тащить за собой машинально переставлявшую ноги Галле. Похоже, решимость, с которой он это делал, произвела магический эффект: вместо того, чтобы упираться и проявлять профессиональную солидарность с коллегами, Франциска вдруг сама цепко ухватилась за его руку, словно он был единственной надежной опорой в окружавшем ее мороке. Должно быть, в эту минуту он казался ей рыцарем, спасающим принцессу из замка дракона. О "либеральных ценностях" и "журналистском долге" она вспомнит не раньше, чем этот замок останется далеко позади.

Журналистская братия – всего их было человек шесть или семь – галдела и суетилась по бокам, но заступать дорогу не решалась. Как видно, решительный вид Фридриха производил впечатление и на них, а может, они и в профессиональном раже не забывали, что здесь не их родина, где репортер самой завалящей газетенки, не отвечающий ровным счетом ни за что, может терроризировать хоть президента, на плечах у которого судьбы мира. Здесь Россия, и окажись Фридрих и впрямь представителем ДГБ, за "противодействие сотруднику при исполнении" они могут живо лишиться аккредитации.

Странная процессия уже приблизилась к подворотне, как вдруг долговязый парень справа, сделав спринтерский рывок в обход коллег, все же встал у них на пути, протягивая

прямо в лицо Франциске хищно светящийся красным глазом диктофон:

– Фрау Галли, Майк Рональдс, Общественное радио...

Он говорил на дойче с сильным американским акцентом, который Власова особенно раздражал. "Такое впечатление, что американцы даже во время разговора не перестают жевать свои чипсы", говаривал он не раз.

Впрочем, французская манера глотать окончания слов была еще хуже.

– Я сказал – без комментариев! – рявкнул Фридрих, резко протянул левую руку, вырвал диктофон и зашвырнул его как можно дальше в снег. Обогнув оторопевшего репортера, Власов и его спутница нырнули в подворотню. Двадцать секунд спустя они были уже в машине.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Фридих, когда "BMW", предостерегающе мигнув левыми габаритами, резко отъехал от тротуара. В зеркало заднего вида он еще видел журналистов, толпившихся под знаком "Въезд запрещен". Кто-то из них щелкал вспышкой, снимая машину. Значит, сфотографировали номер, что, конечно, плохо. Хотя ничего особо страшного, номер у него самый обычный, он им ничего не скажет... На всякий случай в гараже имелись четыре разные пары номерных знаков, все – легальные, выданные российской полицией. И еще одна, изготовленная нелегально, о которой русские органы не знали. Но это все на крайний случай. Именно на крайний – а не такой, как теперь.

– Я в порядке, – в подтверждение своих слов Франциска принялась рыться в своей сумке и вытащила из ее недр зеркальце и блестящий цилиндрик помады. – Мне дали лекарство... Куда мы едем?

– Я же сказал – за вашим сыном. Минут через десять будем на месте.

– А вы... кто вы такой? Какое вы имеете отношение ко всему этому? – внезапно она взглянула на него с испугом и злобой одновременно: – Может быть, это вы все и подстроили?

– И это благодарность за то, что я вытащил вас из русской тюрьмы? – Фридрих предпочел проигнорировать первую часть ее вопроса. – Между прочим, у меня своих дел хватает. А я вожусь тут с вашими.

– Простите... – пробормотала она. – Но вы ведь не из МИДа? Машина не с дипномером, и вообще... значит...

– Скажем так – у меня есть в России некоторые связи, – оборвал ее догадки Фридрих. – Здесь это нередко значит больше, чем законная процедура.

– Да, вы говорили, вы наполовину русский... – припомнила она, хотя это, конечно, ничего не объясняло. Но Фридрих не собирался давать ей задуматься над этим:

– Если вы больше не считаете, что наркотик вам подбросил я, то кто, по-вашему, мог это сделать?

– Не знаю... я купила инсулин в аптеке, как обычно.

– В аэропорту?

– Нет, еще дома, в Берлине.

– Кто-нибудь успел побывать у вас дома, прежде чем вы поехали в аэропорт?

– Только моя семья и несколько друзей, пришедших меня проводить. Не думаете же вы, что это сделал кто-то из них! Наверняка коробку подменили в аэропорту, в этой толчее...

– Если и так, это мог сделать только тот, кто знал, что вы возите с собой инсулин.

– Значит, это сделали спецслужбы! У них-то наверняка на меня досье, – сказала она

с вызовом. Видимо, идея о принадлежности Власова к силовым структурам Райха ее все же не покинула.

– Или те, кто хотел их подставить, – спокойно заметил Фридрих. – Или спецслужбы, но не дойчские.

– Погодите, я вспомнила! – воскликнула фрау Галле. – Муж говорил, что, когда меня не было, приходили из газовой компании проверить плиту. Плита на кухне, холодильник тоже, флаконы были там...

– Возможно, – не стал спорить Власов. Сложновато, но возможно, добавил он мысленно. Хотя все зависит от того, кто стоит за этой провокацией и какая роль ей отводилась. Возможно ли... черт побери, может ли быть, что это и впрямь постарались коллеги? Что уже и в самом сердце Райха левая рука не знает, что делает правая – или даже сознательно вредит ей, и в то время как одна госорганизация пытается таким вот топорным способом избавиться от раздражающей оппозиционерки, другая вынуждена ее вытаскивать? Думать о таком не хотелось. В Америке, в России, в Италии – да, но не в Райхе. – Вы не видели в аэропорту старика в инвалидном кресле? – спросил он вслух. – В черном кожаном пальто, с Рыцарским Крестом на шее. Или без креста?

– Нет, – покачала головой фрау Галле. – Микки все время канючил, мне было не до разглядывания пассажиров. Послушайте, как они могли отправить его в центр для малолетних преступников?! У него-то ведь не было никаких наркотиков!

– Это просто официальное название приемника-распределителя, – успокоил ее Фридрих. – Оставшееся, наверное, еще с послевоенных времен, когда Россия была наводнена беспризорниками. Ныне, насколько мне известно, основной контингент таких учреждений составляют вовсе не малолетние воры, а обычные мальчишки, сбежавшие из дома из чисто романтических побуждений.

На самом деле Власов слегка слукавил. Конечно, официально проблемы беспризорности в России не существовало, она канула в небытие вместе с первым послевоенным десятилетием. С тех пор для нее просто не было логичных предпосылок – ни политических, ни экономических. В отличие от США, где дети подают в суд на родителей, а родители требуют с детей плату за жилье, если те не покидают их к моменту совершеннолетия, крепкая семья считалась одной из главных ценностей не только в Фатерлянде, но и во всем Райхсрауме. И все же, пока пьянство остается русским национальным видом спорта...

– Все равно, почему его не отдали представителям посольства? – продолжала возмущаться Франциска.

– Вероятно, у имперского МИДа есть более важные дела, чем вытирать нос вашему ребенку, – не удержался Власов. – Вообще, вам не кажется странным, что в своих статьях вы постоянно нападаете на государство, а случись что, тут же удивляетесь, почему государство не бросает все силы на вашу защиту?

– Нормальное государство для того и существует, чтобы защищать своих граждан!

– Всех в равной степени?

– Я говорю о *нормальном* государстве, – она тоже позволила себе язвительность.

– Хорошо, – спокойно кивнул Фридрих, – назовете ли вы нормальным человека, который совершенно одинаково относится и к другу, и к врагу? Подобное отношение было бы и несправедливым, и попросту неразумным, не так ли? Так почему государство должно поступать иначе, чем человек?

– Это некорректная аналогия, – ответила фрау Галле так быстро, словно заранее

заучила эту фразу в качестве универсального контраргумента.

– Что же в ней некорректного? – Власов подождал ответа в течение нескольких секунд и, не дождавшись, продолжил: – К тому же вы не можете пожаловаться, что Райх вас не защищает. Вы защищены от преступности, от безработицы, от нищеты в старости. Вы покупаете свой инсулин по символической цене, а визиты к врачу для вас и вовсе бесплатны, ибо ваше здоровье защищает Министерство здравоохранения. Лучшая в мире армия защищает вас от угроз извне. Ваш муж защищен от недобросовестной конкуренции со стороны выходцев из третьего мира. Законы Райха защищают право вашего сына на бесплатное образование, включая учебу в лучших европейских университетах. И при этом, в отличие от своих сверстников в атлантистских странах, он будет защищен и от торговцев наркотиками, и от грязных извращенцев. Какой же защиты вам не хватает?

– Все эти пропагандистские лозунги я слышала множество раз, – нетерпеливо поморщилась Франциска. – На словах все очень красиво, а на деле невинного человека хватают и волокут в тюрьму...

– Как видите, полиция разобралась и вас выпустила, – не стал вдаваться в подробности Фридрих. – Было бы гораздо хуже, если бы, наоборот, реальные наркоторговцы остались безнаказанными.

– Лучше пусть ускользнут десять виновных, чем пострадает один невинный! – запальчиво воскликнула фрау Галле.

– Ага, – кивнул Фридрих, – ускользнут и причинят вред десяти невинным. Или двадцати. Или ста. Преступники ведь редко ограничиваются одной жертвой, не так ли?

– Вы слишком упрощаете. Простая арифметика здесь неприменима...

– Почему?

Вместо ответа Франциска вдруг принялась рыться в своей сумке, которую так и держала на коленях.

– Нет, правда – почему? – Власову даже стало весело.

– Вам легко рассуждать абстрактно – вы-то не сидели в тюрьме, – огрызнулась она, не поднимая головы от сумки.

– Субъективный аргумент – не аргумент, – возразил Фридрих. – Но если уж вам угодно рассуждать в этих категориях, то что бы вы предпочли – ту пару дней в тюремной больнице, что вы провели сейчас, или чтобы спустя несколько лет вашего сына посадили на иглу?

– А... почему обязательно либо то, либо другое? – нашлась Франциска.

– Не обязательно, – согласился Власов. – Но – возможно. В нашей системе возможно первое, в атлантистской – второе. Впрочем, и первое тоже. Это во Франции наркотики легальны, да и то отнюдь не все, а в США за них можно получить до двадцати лет. И там тоже случаются и аресты, и приговоры, и даже казни по ошибке.

– По-моему, это бессмысленный спор, – в голосе фрау Галле звучало раздражение. – Мы просто стоим на изначально разных позициях.

– Да, но разница в том, что я свою могу обосновать, – невозмутимо заметил Власов. Его настроение, однако, тут же испортилось, когда он бросил очередной взгляд в зеркало заднего вида. Они как раз проезжали перекресток Столыпина и Суворина, и пара машин, шедшая следом за "BMW", свернула налево, в сторону станции подземки "Тимирязевская", обнажив ехавший позади них белый "мерседес". Не самые редкие марка и цвет на московских улицах, но Фридрих был уверен, что "мерседес" – тот самый. Ему даже показалось, что водитель сделал было движение перестроиться в правый ряд, но там

уже не было места.

От Франциски не укрылась мгновенная смена выражения на лице Власова; она, должно быть, рада была переменить тему.

– Что-нибудь не так? – спросила она, пытаясь определить направление его взгляда.

– Похоже, за нами хвост, – сообщил он, разглядывая "мерседес". Тот не спешил приблизиться, как сделала бы любая другая машина, образуйся перед ней лакуна в сплошном вечернем потоке.

– ДГБ? – фрау Галле даже не пыталась скрыть свой испуг.

– Думаю, ваши коллеги, – качнул головой Фридрих. Улица Столыпина свернула, вливаясь за поворотом в Сусоколовское шоссе. Справа потянулась чугунная ограда Ботанического сада, слева – насыпь железной дороги. Свернуть было некуда, и плотный поток машин не позволял уйти в отрыв. Затем встречный поток иссяк – очевидно, на ближайшем перекрестке зажегся красный. Фридрих начал постепенно снижать скорость, рассчитывая подъехать к светофору, когда на нем снова загорится и почти уже догорит зеленый. "Мерседес" держал дистанцию, несмотря на то, что сзади кто-то мигал ему фарами; затем нетерпеливый "опель" все же обогнал его по встречной, вклинившись между преследуемыми и преследователями. То, что надо! Только бы на перекрестке не оказалось доповской будки...

Расчет Власова оправдался: зеленый на пересечении с Гостиничным проездом уже мигал в последней агонии. Фридрих дисциплинированно остановил машину за долю секунды до желтого сигнала. "Опель" и "мерседес", естественно, встали следом. Фридрих стрельнул глазами по сторонам – полицейских поблизости не было. "Теперь держитесь", – негромко сказал он своей пассажирке и в последнюю секунду желтого вдавил акселератор в пол. Машина рванулась с места наперерез уже тронувшейся слева фуре; Фридриху пришлось вильнуть вправо, уходя от столкновения, а затем, сразу за разделительной – влево. Под визг тормозов с обеих сторон и заглушенный стеклами мат водителей "BMW" S-образным зигзагом проскочил перекресток и помчался дальше, в сторону Ботанической улицы, оставляя позади отсеченных двойным потоком машин преследователей.

– Вы сумасшедший! – выдохнула Франциска, бледная, как полотно. – Зачем было это делать?!

– А вы знали лучший способ от них избавиться?

– Почему избавиться? Народ имеет право на информацию.

– Вам очень хочется, чтобы во время встречи с сыном у вас путались под ногами с записывающей аппаратурой? В принципе, могу высадить вас прямо здесь, и пусть о вас дальше заботятся они, – Фридрих даже включил правый поворотник, демонстрируя серьезность своих намерений.

– Нет-нет! – поспешно воскликнула Франциска; вновь вернулось то чувство, которое заставило ее вцепиться в руку Власова у ворот тюрьмы.

– В таком случае, вам следует прислушиваться к моим рекомендациям.

– Вы меня вербуете? – кажется, она хотела произнести это иронично, но голос выдал испуг.

– Я вам помогаю, – усмехнулся Власов. – Возможно, вы тоже сможете помочь мне. Но мне не потребуется от вас ничего, что противоречило бы вашим убеждениям, – в последнем он отнюдь не был уверен, но успокаивающий тон этой фразы возымел эффект.

Они проехали под железнодорожным мостом, затем между глухими бетонными заборами муниципальной автобазы, затем по мосту через замерзшую речку и, наконец,

оказались у цели.

Дом номер 13 по Алтуфьевскому шоссе был очередным из московских "домов", которые на самом деле представляют собой целые кварталы строений, разбросанных по изрядной площади (в данном случае между углами крайних корпусов оказалось почти полкилометра по диагонали). Причем, разумеется, подъехать напрямую к упрятанному на задворки четвертому корпусу было нельзя (над единственным проездом в заборе висел знак "Только для служебных а/м"), так что Фридриху и Франциске пришлось пробираться пешком по грязному свалявшемуся снегу практически в полной темноте. Фонарь горел лишь перед крыльцом квадратного корпуса, который вполне можно было бы принять за школу, если бы не косые решетки на окнах.

С формальностями управились неожиданно быстро. На вахте плотный пожилой мужчина в штатском проверил документы фрау Галле, подозрительно покосился на Власова и кому-то позвонил. Буквально через три минуты из коридора, уводившего вглубь здания, послышался стук каблуков. Высокая женщина с прямой, как палка, спиной (ей было, наверное, лет тридцать пять, но волосы, туго стянутые в узел на затылке, и круглые очки делали ее старше) вела за руку Микки в застегнутой курточке; в другой руке у нее была картонная папка.

Мальчик шел спокойно, но, увидев фрау Галле, с неожиданной силой вырвался и побежал к матери, уже на бегу начиная реветь. Фридрих отвернулся и сделал пару шагов в сторону – не столько из деликатности, сколько от брезгливости: он терпеть не мог подобных сцен. "Микки, Микки, все уже хорошо, мамочка с тобой...", – слышал он за спиной; "Фрау, вы должны заполнить формуляр! Вы меня слышите?" – настаивал второй женский голос на скверном дойче.

Наконец все подписи были поставлены, и трое райхсграждан вышли на крыльцо. Мать и сын были целиком заняты друг другом и не обращали на Фридриха внимания; тот лишь неприязненно морщился, выслушивая все эти "А ты скучал по мамочке? И мамочка по тебе скучала! А другие мальчики тебя не обижали?" Услышав последний вопрос, Микки в последний раз шмыгнул носом, повернулся в сторону закрывшихся дверей ЦВИНПа и неожиданно отчетливо и зло произнес:

– Русские свиньи.

Фридрих чуть не вздрогнул от неожиданности. Он не представлял, где сын либеральной журналистки мог слышать это выражение. С тех пор, как Россия считалась союзницей Райха, его не употребляли даже в исторических фильмах, заменяя "большевицкими свиньями". Не иначе как Микки, познакомившись с детьми российских алкоголиков, открыл его для себя сам.

– Микки! Ох, извините, пожалуйста, – смущенно обернулась к нему фрау Галле.

– За что? – искренне удивился Фридрих. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что он, в некотором роде, тоже русский. – Ничего, я понимаю, о ком он.

В этот момент слева донеслось урчание мотора, и, расплескивая шинами полужидкую бурую грязь, к крыльцу подъехал белый "мерседес", уже зарекомендовавший себя презрением к запрещающим знакам.

"Никогда не недооценивай противника", – обреченно подумал Власов.

Из машины выглянул тот самый американский парень, которому уже пришлось откапывать диктофон из сугроба. Уроки истории его явно не учили; впрочем, на Власова он косился все-таки с опаской.

– Фрау Галли, Майк Рональдс, Общественное радио Нью-Йорка. Мы могли бы

подвезти вас.

Франциска нерешительно оглянулась на Фридриха.

– Хорошо, – неожиданно согласился тот, – но только до моей машины. За это время вы как раз успеете сказать, что с вас сняты все обвинения.

Кроме Майка, в машине был только водитель, так что троица спокойно разместилась на заднем сиденье. Рональдс вновь покосился на Власова, но ничего не сказал. Фрау Галле тем временем, не дожидаясь вопросов, сообщила то, что "порекомендовал" Фридрих, и добавила: "Прошу меня извинить, я очень устала. Я не готова сейчас отвечать подробно." Майк тут же сунул ей свою визитку и добился обещания позвонить, как только фрау Галле сможет дать интервью. Франциска рассеянно опустила карточку в карман пальто. Машина к этому моменту, как ни старался водитель еле ползти, все же добралась до забора, где дожидался хозяина "BMW", и Фридрих, небрежно бросив "Danke" (хотя английский он знал неплохо), первым открыл дверцу "мерседеса".

– Надеюсь, вы знаете, где переночевать? – осведомился Власов, садясь за руль. Приглашать своих пассажиров к себе домой он, разумеется, не собирался.

– У меня был забронирован номер в гостинице "Берлин", – неуверенно произнесла Франциска. На сей раз она уселась на заднее сиденье, вместе с Микки. – Но, может быть, лучше сразу поехать в аэропорт...

– В аэропорт? Вы хотите сказать, что уже сделали все, что хотели, в России?

– Ну... с учетом всего, что случилось...

– Не думал, что несгибаемого борца с режимом могут так изменить два дня даже не в камере, а в тюремной больнице, – язвительно заметил Власов. – Заключенные, знаете ли, мечтают туда попасть. К тому же не забывайте – наркотик вам подсунули еще в Райхе. Так что вряд ли там для вас сейчас безопаснее, чем здесь.

– Я... я не понимаю, во что вы меня втягиваете.

– Хотел бы я сам понимать, из чего пытаюсь вас вытянуть, – в тон ей ответил Фридрих. – Ничего, будет о чем написать в вашу "Либерализирунг". Я отвезу вас в "Берлин". Я имею в виду гостиницу, конечно. Думаю, ваш номер еще свободен – наплыв туристов будет только на Масленичной неделе.

Он выдвинул панель навигатора и набрал название гостиницы. Через пять секунд приборчик торжествующе пискнул и высветил на экране красную линию оптимального марштрута и расчёт времени. В одном месте пульсировал красный сгусток: дорожная полиция сообщала о пробке. Власов на всякий случай нажал ещё пару клавиш, просматривая объезды, и решил ехать напрямик.

– Все-таки, вы можете объяснить, кто вы? – снова подала голос журналистка.

– Ах, да... Я еще не дал вам свою визитную карточку, – Фридрих сунул руку в правый карман, где лежал его "джентльменский набор" документов для представительства, и протянул назад пластиковый прямоугольник, провозглашавший его, Власова, торговым представителем концерна "Мессершмит".

Kapitel 15. Тот же день, поздний вечер. Москва, улица Гудериана, 1, корпус 2.

Вопреки гордому названию, "Берлин" производил не слишком приятное впечатление. Откровенно говоря, это была типичная "коробка", лишённая каких бы то ни было архитектурных достоинств. Власов навскидку отнёс отель к категории

однозвёздочных, хотя проспекты в фойе утверждали, что ему присвоены целых две звезды.

Внутри здание оказалось чуть получше, чем снаружи. Во всяком случае, зеркальное фойе, хоть и выглядело безвкусно, но и сильного раздражения не вызывало.

Процедура регистрации оказалась неожиданно простой. Франциске даже не пришлось предъявлять документы. Когда она назвала своё имя и номер комнаты, служащий понажимал на клавиши рехнера, посмотрел на экран, после чего без лишних слов вручил ей ключи. Зато Власова он наградил долгим пристальным взглядом. Фридрих сделал вид, что ничего не заметил, и погрузился в изучение проспекта.

Все номера были двухместные, классом от стандартного до люкс, мало чем отличающиеся друг от друга. Цены оказались неожиданно кусачие для такого заведения – самый дешёвый номер стоил 60 марок в сутки ("с завтраком", заботливо сообщал проспект), дорогие – в районе ста двадцати (в этом случае постояльцу предлагался, помимо всего прочего, неограниченный доступ в REIN). Существовал также особый тариф "eine Nacht", "на одну ночь", подешевле, от 48 марок – вероятно, из-за отсутствия завтрака.

Закончив с формальностями, госпожа Галле выразила желание что-нибудь перекусить, и, не дожидаясь Власова, направилась в глубину фойе, где заманчиво мерцала оранжевая стрелка с надписью "Restaurant".

Власов последовал было за ней, но заметил, что служащий с регистрации подаёт ему какие-то знаки.

Фридрих вернулся к стойке и осведомился, в чём дело.

– Простите за беспокойство, – человечек угодливо наклонил голову, – но если вы остаётесь, вы должны зарегистрироваться. Таковы правила, – развёл он руками.

В этот момент входная дверь позади рывком распахнулась – в отличие от более фешенебельных заведений, "Берлин" не был оснащен автоматическими дверями на фотоэлементах – и в зеркалах отразились двое: высокий мужчина в кожаной куртке и женщина в зелёном пальто с огромным меховым воротником. Власову показалось, что женщина не очень твёрдо стоит на ногах.

– Нет, я не собираюсь здесь задерживаться, – сухо ответил Власов.

– В таком случае вы имеете право находиться здесь только до двух часов ночи. Может быть, вы всё-таки зарегистрируетесь? Мы не спрашиваем документов. Просто назовите фамилию, – служащий выразительно подмигнул.

Тем временем вошедшая парочка добралась до стойки. Мужчина, деликатно поддерживая свою спутницу под локоть, поинтересовался, есть ли свободная комната для супругов Курц.

Нетрезвая дамочка хихикнула.

Служащий склонился к рехнеру, быстро пощёлкал клавишами, и обнаружил "прекрасную комнату в северном крыле", всего за сто марок за ночь. Мужчину это не устроило, и очень скоро отыскалась почти столь же прекрасная комната за семьдесят две марки.

Дама, слегка согревшись, высунула накрашенную мордочку из жиденького меха. Фридрих посмотрел на неё и решил, что номер обойдётся господину Курцу (или кто он там на самом деле) в любом случае дороже, чем эта потрёпанная бабёнка с написанной на лице профессией. После чего развернулся и отправился искать фрау Галле.

Ресторанный зал был полупустым. Фрау Галле сидела за крайним столиком возле

самой двери и вяло ковырялась вилкой в тарелке, посматривая, как Микки поедает огромную порцию мороженого. Микки делал страшные рожи и закатывал глаза, слизывая с ложечки белые потёки.

Власов снял куртку, повесил её на спинку стула и сел.

– Кто снял вам номер в этой гостинице? – начал он. – Это не очень хорошее место.

– Мои друзья из газеты, – Франциска продолжала сосредоточенно наблюдать за гримасами Микки. – Тут говорят на дойче и не спрашивают документов.

– Ах да, конспирация. За вами наверняка следит русская полиция. Кроме того, целая свора западных репортёров ищет вас по всей Москве. Не кажется ли вам, что прятаться уже поздно? Тем более здесь? Если у кого-нибудь из этих кретинов хватит ума сложить два и два, они прежде всего обшарят все подобные места в городе...

– Я же не знала, что так получится, – вздохнула фрау Галле. – У меня конфиденциальное дело... а тут такое...

– Хочу ещё мороженного! – потребовал мальчик. – Хочу персикового!

– Миленький, тебе больше нельзя, ты простудишь горлышко, – закудахтала фрау Галле.

Микки забрался на стул с ногами и демонстративно уткнулся в остатки своей порции.

– Я всё ещё никак не поверю, что это было на самом деле, – пожаловалась Франциска. – Как будто я попала в плохой фильм. Представляете, вот я пошла в туалет, вот взяла шприц, а потом что-то происходит – и я лежу под капельницей, а мне говорят, что я нахожусь в больнице... В тюремной больнице, – она жирно подчеркнула голосом предпоследнее слово.

– Представляю, – пожал плечами Власов.

– И я не знаю, где мой ребёнок! И мне никто ничего не объясняет! – продолжала накручивать себя журналистка. – А потом меня начинают допрашивать!.. И... и... они меня осматривали! – выдавила она из себя.

Фридрих вздохнул.

– Вы прекрасно знаете, по какому обвинению вы были задержаны. Личный осмотр – стандартная процедура, применяемая к наркокурьерам.

– Но я же не наркокурьер! – возмутилась фрау Галле. – И к тому же они мне лазили в... в... – она покраснела. – Это нарушение неприкосновенности личности. Этого я им никогда не прощу, – зло добавила она.

– Думаю, что им это безразлично, – пожал плечами Власов. – Они делали то, что велит им инструкция. К тому же в лондонском или нью-йоркском аэропорту...

– Я считаю, что такие вещи должны быть запрещены! – заявила госпожа Галле. – Это моё убеждение.

– У вас очень много убеждений, – усмехнулся Власов. – Увы, убеждения – плохой материал для построения правильных выводов. Если бы у меня было столько убеждений, меня бы уволили с работы.

– Вы имеете в виду, с вашей *настоящей* работы? – журналистка перешла к нападению. – Вы же не думаете, что я поверила вашей дурацкой визитке?

– Увы, у меня нет для вас другой визитки, – усмехнулся Фридрих, – с черепом и костями, или с чем там ещё, по вашему убеждению, ходят зловещие сотрудники ненавидимых вами ведомств. Впрочем, у меня есть знакомые из этих структур. Это в высшей степени приличные люди...

– Мороженого! – снова заканючил Микки. – Хочу мороженного! Персикового!

– Не знаю, зачем вы здесь, – нахмурился Власов, – но я не понимаю, зачем вы потащили с собой ребёнка... да ещё такого *неуправляемого* ребёнка, – он выделил голосом предпоследнее слово. – Мне кажется, вы собирались совершить что-то не вполне законное. Или, по крайней мере, опасное. Что ж, рисковать собой – ваше право. Но зачем же таскать с собой детей, да ещё дурно воспитанных? – Власов покосился на мальчика, который тем временем, увлечённо сопя, тыкал ложечкой в раскисшие остатки своей порции, пытаясь построить из них что-то вроде горки.

– Это не ваше дело, – фрау Галле произнесла это без уверенности в голосе. – Микки, прекрати баловаться с едой!

Микки отвлёкся от мороженого и сделал какое-то движение. Фридрих понял, что он пытается пнуть мать под столом.

Не добившись результата, мальчик схватился руками за стул и опустился пониже, чтобы уж наверняка дотянуться ботиночком до колен матери.

Власов взял его за плечо и развернул к себе. Микки тут же съёжился и притих: видимо, память о пощёчине не стёрло даже время, проведённое в ЦВИНПе.

– Сядь как следует и не смей беспокоить взрослых! – рявкнул Власов. Мальчик замер, но, едва его отпустили, схватил ложку с растаявшим мороженным, сжал её в кулачке и начал оттягивать её пальцем, целясь в лицо матери.

– Если ты это сделаешь, я тебя ударю, – предупредил его Фридрих. Микки с силой швырнул ложку об стол (она, зазвенев, отскочила и упала на пол), с хлюпаньем засосал в рот раскисшее мороженное из креманки и плюнул им в центр стола. Белые брызги разлетелись во все стороны. Несколько капель попало на лицо Власова.

Фридрих достал из кармана пакет с перчатками и натянул тонкую резину на руку.

Ребенок по-обезьяньи оскалил зубки, готовясь укусить.

Испуганная женщина вскочила, ухватила Микки за руку и потащила к выходу.

Мальчик сначала шёл сам, но на полпути – то есть на приличном расстоянии от Власова – внезапно повис на материнской руке. Фрау Галле от неожиданности выпустила его ручонку, и Микки повалился на спину, суча в воздухе ножками и мерзко вереща.

Когда фрау Галле кинулась его поднимать, он заехал ей ботиночком по голове. Фридрих, внимательно наблюдавший за сценой, понял, что тот сделал это нарочно.

Появился охранник – здоровенный бритоголовый тип, типичный вышибала.

– Ваш? – спросил он по-русски, показывая пальцем на заходящегося в истерике мальчишку. Франциска, не понимая вопроса, машинально завертела головой.

– Es ist Ihr Kind? – повторил охранник на скверном дойче, и, не дождавшись ответа, рывком поднял Микки с пола, ухватил за ухо и потащил к двери. Мальчик, уже не пытаясь вновь повалиться, быстро засеменил – видимо, уху, крепко зажатому двумя пальцами, было очень некомфортно. Госпожа Галле кинулась следом, крича что-то неразборчивое.

Их не было довольно долго. За это время Власов успел сходить умыться, подробно изучить меню (оно оказалось именно таким, каким он и ожидал: средние цены на еду, очень высокие на крепкие алкогольные напитки, и запредельные на шампанское, коктейли и ликёры), заказать себе овощной салат и даже съесть его. Он не сомневался, что фрау Галле рано или поздно вернётся.

Когда Франциска вновь подошла к столику, на её скуле красовалась свежая царапина, кое-как замазанная йодом. Сначала Власов решил, что это след от ботиночка, но потом понял, что гадёныш пустил в ход ногти.

– Я заставила его выпить таблетку для сна, – в её голосе прозвучало нечто вроде раскаяния. – Иногда он не может заснуть сам. Приходится ему... помогать.

Фридрих внимательно посмотрел на женщину.

– Вы хотя бы отдаёте себе отчёт в том, что ваш ребёнок нездоров? – резко спросил он. – Сначала я думал, что его поведение – результат вашего воспитания. Точнее, отсутствия такового. Но, похоже, дело не только в этом. Гипердинамический синдром, дефицит внимания, импульсивность, склонность к асоциальному поведению... Что у него с учёбой, кстати?

Над столом повисло красноречивое молчание.

– Вы обращались к психиатрам? Или это что-то наследственное? – наобум спросил Власов, и понял, что наступил на больное место: такой яростью внезапно полыхнули глаза Франциски.

Тем не менее, Фридрих не собирался отступать.

– Значит, всё-таки наследственность. В таком случае, в страданиях ребёнка виноват кто-то из родителей, или оба сразу... – он вспомнил сцену в туалете и характерные словечки. – Вы когда-нибудь употребляли наркотики? Я имею в виду – систематически?

Госпожа Галле попыталась было что-то сказать, и вдруг разрыдалась – шумно, неаппетитно, со всхлипами и стонами.

Официант, как раз руливший к их столику (видимо, в надежде на дополнительный заказ), ловко изменил траекторию движения и сделал вид, что ничего не заметил.

Наконец, журналистка справилась со своими чувствами, и, вытащив из сумки зеркальце и косметичку, занялась восстановительными работами на лице.

Закончив с нанесением краски на веки, она повернулась к Власову.

– Не думаю, что вам можно доверять, – заявила она, – но у меня нет выбора. Вы вроде бы приличный человек. Во всяком случае, вы мне кажетесь приличным человеком. Если я ошибаюсь... пусть это будет моя ошибка. Я хочу рассказать вам кое-что. При условии, что это останется между нами.

Власов сделал понимающее лицо, потом чуть наклонился к собеседнице.

– Рассказывайте, – наконец, разрешил он. – Только, пожалуйста, с начала. И ещё. Если не хотите чего-то говорить – не говорите. Но не нужно лжи.

– Это долгая история... – речь журналистки замедлилась, взгляд расфокусировался, зрачки поплыли вверх и налево. Ошибиться было невозможно: фрау Галле, вопреки его просьбе, собиралась лгать. Точнее говоря, выдать какую-то смесь из правды, лжи, передёргиваний и умолчаний, лихорадочно изобретаемую прямо сейчас.

Фридрих, впрочем, ничего иного и не ждал.

– Всё дело в том, что я взяла с собой Микки не просто так, – журналистка, наконец, собралась с мыслями. – Я здесь по двум разным причинам. Одна причина – редакционное задание. Это неинтересно. Но была и другая, личная, которая важнее. Понимаете, мне поставили такое условие, чтобы я привезла показать внука...

– Рассказывайте с начала, – повторил Власов. – Пока что я ничего не понимаю.

– Ну да, я всё путаюсь... В общем, всё началось с того, что я вышла замуж, – женщина чуть запнулась, как будто готовясь прыгнуть в холодную воду, – за француза.

Власов поднял бровь.

– Помнится, в самолёте я спрашивал вас, есть ли у вас муж и дойч ли он. Кажется, вы ответили "да" на оба вопроса? К тому же ваша фамилия...

– Он и есть дойч. В том-то всё и дело, – вздохнула фрау Галле. – Видите ли... это

очень сложная ситуация. Мой муж, Жорж – сын дойчского военнопленного. От француженки. Германский офицер бежал из пересыльного лагеря... и она его прятала. Потом он, правда, снова попался... Романтическая история, – вздохнула она. – Всё-таки во Франции женщины умеют любить. Даже врагов, – со значением добавила она. – Вот чего не хватает нам, с нашей милитаристской культурой...

Фридрих решил не вступать в дискуссию на тему того, что такое любовь вообще, и в особенности в ситуациях, когда это глупое и не украшающее человека чувство вступает в противоречие с интересами Отечества. Даже если это отечество – Франция.

Он кое-что знал об этой малоприглядной стороне прошедшей войны – когда европейские державы легли под победителей в самом буквальном смысле этого слова. Особенно отличилась в этом плане la belle France (и, вопреки атлантистской пропаганде, вполне добровольно – процент изнасилований у германской армии был ничтожным, самым низким среди всех воевавших стран, и карались такие преступления расстрелом). Пик интимных отношений между дойчскими мужчинами и французскими женщинами пришёлся, разумеется, на период оккупации. Но бывали и случаи, когда француженки вступали в связи с военнопленными или беглецами из лагерей. Ни о какой романтике в таких отношениях говорить не приходилось. Однажды – ещё в первом своем полку, куда его направили сразу после училиша – Власову довелось выслушать длинный пьяный монолог старого начальника техслужбы, бывшего пилота Люфтваффе, удачно бежавшего из плена и прожившего месяц в винном погребе в Бретани. Там его прятала увядающая вдовица, скучавшая без мужчины. Он удрал из гостеприимного дома, когда случайно обнаружил в том самом погребе кое-как зарытый труп своего предшественника – видимо, чем-то не угодившего хозяйке или просто ей надоевшего. С другой стороны, дойчей в таких ситуациях больше волновало собственное выживание. Случалось и так, что беглец убивал или грабил свою случайную благодетельницу... В любом случае, рассуждать на эту тему при фрау Галле явно не стоило: грубая солдатская правда наверняка противоречила каким-нибудь её убеждениям.

– Мать Жоржа скрывала, кто его отец, – продолжала тем временем фрау Галле. – Но потом всё выяснилось... ну, вы, наверное, знаете отношение французов к оккупантам и их потомству. Их можно понять. Мы все очень виноваты перед этой страной... В общем, ему пришлось уехать. Сначала он пытался жить в Америке, а потом подал документы на райхсгражданство. Тогда всем таким, как он, давали райхсгражданство...

Власов скривил губы.

Проблема солдатских детей существовала во всех странах, подвергшихся дойчской оккупации, но только во Франции она приобрела одиозный характер. Началось это в пятидесятые, когда под сенью американских штыков у жанов и жаков пробудилось национальное самосознание, а открытие газовых месторождений его подогрело. Шестидесятые прошли под знаком "французского возрождения". Выразилось оно в основном в безудержном самовосхвалении, а также во всесветной пропаганде любой глупости или гадости, лишь бы она была придумана не слишком далеко от Парижа. Атлантистские державы охотно подыграли французским амбициям. Поэтому сочинения маркиза де Сада были признаны "классикой мировой философии и литературным шедевром", равно как и писания вора и гомосексуалиста Жана Жене. Избранные отрывки из "Кереля" вошли в школьные хрестоматии. Тогда же во французских школах были сокращены часы на изучения математики и физики, зато введены уроки национальной кулинарии: школьников учили разбираться в сортах сыра и вина. И если германское

законодательство никогда не отступало от положений 175-го параграфа Гражданского кодекса, то во Франции гомосексуализм стал не просто модным, но и в высшей степени патриотичным занятием – в пику проклятым бошам... Зато детям, заподозренным в происхождении от оккупантов, приходилось туго. Достаточно было сплетни, слуха, или даже просто неправильного года рождения в сочетании с нефранцузской внешностью, чтобы заработать клеймо бошевского выблядка. Жизненных перспектив у человека с таким клеймом не было – во всяком случае, в Пятой Республике. Единственным выходом для них оставалась эмиграция – как правило, в Америку или в Райх.

Фридрих понимал также, из каких соображений Райхспрезидент подписал соглашения 1968 года. Райх открыл свои двери перед "потомством оккупантов", настоящим и мнимым – в обмен на возможность депортировать во Францию наркоманов, гомосексуалистов и прочих извращенцев. Обе страны без лишних хлопот избавлялись от тех, кого считали плохими гражданами, в обмен на тех, из кого надеялись получить граждан получше. Увы, Райх выиграл очень мало: подавляющее большинство "бывших французов" оказались довольно скверными дойчами. Они охотно пользовались социальными благами, предоставляемыми Райхом, зато их трудолюбие, нравственный облик и лояльность к новому отечеству оставляли желать лучшего. Частенько они оказывались клиентами крипо, а то и Управления. Последующее ужесточение германской иммиграционной политики было во многом связано именно с этим неудачным опытом.

– Жорж прекрасный человек, я его очень люблю, – глаза журналистки опять скосились характерным для врущего человека образом, – но в Дойчлянде ему было тяжело... Он родился в свободной стране, здесь ему всё было чуждо...

– Кажется, вы говорили, что он сначала отправился в Соединённые Штаты? – не удержался Власов.

– Да... Он там пытался заниматься предпринимательством, но что-то не заладилось с деньгами. Извините, я в этом так мало понимаю...

– Зато я понимаю. Скорее всего, ваш муж наделал долгов и бежал в Райх. Здесь у него тоже ничего не получилось. И неудивительно. Он ведь наркоман, не так ли? И подсел достаточно рано. Скорее всего, на своей прекрасной родине?

– Нет, в Америке, – журналистка закусила губу, сообразив, что сболтнула лишнее. – То есть, конечно, он не наркоман! Просто у него... ну, был такой опыт. В Штатах тогда многие занимались трансперсональной психологией, раскрытием восприятия, всё это считалось очень прогрессивным... Вот и Жорж тоже увлекался. И у него были... неприятности со здоровьем. Но он не наркоман, нет. У нас он ничего такого не употреблял.

– Употреблял. И вас тоже познакомил с таким опытом раскрытия восприятия, – Власов чувствовал, что надо быть пожёстче. – А может быть, и распространял?

– Нет, нет! – женщина испугалась. – Ничего такого... И меня... нет, нет. Просто в наших кругах принято интересоваться разными вещами... Вообще, почему мы об этом говорим? – госпожа Галле попыталась вернуть себе инициативу. – Кому какое дело? *Вас* это не касается. И концерну "Мессершмит" это тоже неинтересно, – ядовито закончила она.

– Я привык к тому, что в серьёзных вопросах лишней информации не бывает – а ваш вопрос, кажется, серьёзный, – отбил Власов атаку. – Но повторюсь: не лгите, лучше умалчивайте. Я же не спрашиваю вас, каковы ваши отношения с мужем... – он сделал паузу, и не дождавшись слов собеседницы, решил задать прямой вопрос. – Ведь вы на

грани развода? Или уже за гранью?

– Я его жена. Это всё, что вам нужно знать, – Франциска подняла руку, чтобы обратить на себя внимание официанта. – Просто у нас сейчас... сложный период. Наверное, мы просто устали друг от друга. А Жорж устал от Германии. Он очень тоскует по родине... Я его понимаю. Жить в чужой стране мучительно...

Официант подошёл, и фрау Галле заказала себе "Бейлис" со льдом. Власов сделал из этого вывод, что женщина волнуется.

– Простите за этот нескромный вопрос, – Власов постарался изобразить на лице сочувствие и участие, которых не испытывал, – но ведь сложности начались из-за ребёнка?

– Всё это очень глупо, – госпожа Галле поёжилась, как от холода. – Всё началось с того, что я рожала Микки, как бы это сказать... с приключениями. Ужас, как вспомню эти роды... В общем, нас выходили, но в медицинской карте понаписали всякого разного... вы же знаете этих врачей, они очень боятся ошибиться и поэтому перестраховываются. Эти ужасные законы о генетической чистоте...

– Благодаря этим ужасным законам в Райхе самый низкий уровень наследственных патологий в мире, – Фридрих даже не попытался скрыть раздражение. Из всех глупостей, провозглашаемых либералами, выступления против евгеники возмущали его больше всего. – Какой-то воинствующий самоубийственный идиотизм! Законы природы едины для всего живого. Если не выпалывать сорняки, они задушат основную культуру. То же самое верно и для человеческой популяции. У диких видов прополкой занимается естественный отбор, но у человека он фактически ликвидирован достижениями медицины, а значит, искусственным евгеническим мерам попросту нет разумной альтернативы. Если, конечно, не считать альтернативой превращение человечества в стадо полудохлых дегенератов... У нас, если я правильно помню, количество генетического шлака в тридцать раз ниже, чем в Америке. Не говоря уже о Франции. И все эти годы продолжает снижаться, а на Западе растет. Причем это с учетом соматических патологий, а олигофренов, к примеру, у нас вообще практически нет...

– Потому что их убивают! – взорвалась в ответ фрау Галле; за соседним столиком даже обернулись в ее сторону – без особого, впрочем, интереса. – Убивают детей!

– Уничтожают биологический брак, – холодно поправил Фридрих. – Отходы человеческого производства. Это не личности, не мыслящие существа, это просто уродливые куски плоти. И их, между прочим, умерщвляют легко и безболезненно. Они не чувствуют ни боли, ни даже страха, ибо не понимают, что происходит. Если уж на то пошло, коровы и свиньи заслуживают куда большей жалости, но я что-то не заметил у вас склонности к вегетарианству, – Власов выразительно посмотрел на остатки мясного рагу в ее тарелке.

– Животных мне тоже жалко, – ответила Франциска, словно бы в доказательство этих слов отодвигая от себя вилку. – Но одно дело животные, а другое – люди!

– Единственное, что качественно отличает человека от животного – это разум, а его-то они как раз и лишены. Было бы куда более жестоко оставить их жить той жалкой жизнью, на какую они только и способны. Жизнью, не несущей ничего хорошего ни им самим, ни тем, кто их окружает.

– А кто вам дал право решать за них, что для них лучше?!

– А лично вы что предпочли бы – мгновенную безболезненную смерть или жизнь пускающей слюни и гадящей под себя идиотки?

Франциска поморщилась.

-По крайней мере, у меня был бы выбор, – уклонилась она от прямого ответа. – А этих несчастных никто не спрашивает.

– Насколько я знаю, либералы являются идейными сторонниками права женщин на аборт, – с усмешкой заметил Фридрих. – Не по медицинским показаниям, а просто, как говорят русские, по желанию левой задней пятки. Как в этом случае обстоят дела с правом выбора для безвинного, беззащитного эмбриона?

Журналистка смутилась и опустила глаза в свою тарелку, бессмысленно размазывая остатки соуса последним насаженным на вилку кусочком мяса – очевидно, уже совсем холодного.

– У эмбрионов не спрашивают, потому что не у кого спрашивать, – сам ответил на свой вопрос Фридрих. – Так же и здесь. Что-то решать и выбирать может только тот, кто обладает разумом. Права может иметь только личность. И законы о чистоте это учитывают. Эвтаназия применяется лишь при неизлечимой умственной неполноценности, а там, где генетические нарушения не затронули мозг, ограничиваются стерилизацией, в остальном же человек остается нормальным райхсгражданином. Евгенические законы разумны, справедливы и, между прочим, гуманны. Куда гуманнее, чем естественный отбор в природе. Природа вообще куда более кровава и жестока, чем любое человеческое изобретение. Ни один тиран не убивает всех своих подданных – а природа это делает.

– Вам легко теоретизировать! – снова применила испытанный аргумент фрау Галле. – Эвтаназия ведь может быть применена в течение всего первого года жизни...

– Пока что не все патологии можно диагностировать пренатально или сразу после рождения. В природе, замечу, и после первого года ни у кого нет никаких гарантий.

– А вы понимаете, что это такое – жить целый год под дамокловым мечом?! Ждать, что на каждом следующем врачебном осмотре... нам, правда, достался хороший доктор, он всегда меня подбадривал, говорил, что все это чистая формальность, что наши отклонения далеки от критических и выправятся с возрастом... Но Жорж всего этого не выдержал. Он вбил себе в голову, что я родила ему больного сына, что это я во всем виновата. С тех пор он стал плохо со мной обращаться, и с сыном тоже... – она взяла себя в руки. – Но я не об этом. Понимаете, у Жоржа был отец. Тот самый дойчский офицер. Так вот, оказывается, он всё ещё жив. Хотя уже совсем старый. Четыре месяца назад я получила от него письмо.

– Бумажное письмо или электронное? – невежливо перебил Власов.

– Бумажное. С варшавского почтамта. Отпечатано на машинке, – добавила она чуть погодя.

– Оно у вас с собой?

– Нет, – женщина замялась. – Он требовал, чтобы я отсылала его письма назад, вместе со своими ответами.

– Интересно... Что было в письме?

– Оно было очень странным. Он представился как отец Жоржа. Сказал, что знал о существовании сына, даже пытался разыскать его... как это он там выразился? – она прикрыла глаза, вспоминая точную фразу – "из соображений морального долга и желая искупить недостойное малодушие". Интересно, что он хотел этим сказать?

– Не торопитесь. Он представился? Он назвал своё имя? Вы проверили, существует ли такой человек вообще? Может быть, это жулик или сумасшедший.

– Да, конечно. Я проверила. Такой человек существует.

– Откуда вы знаете, что писал именно он?

– Знаю. Журналисты всё знают. У нас есть свои возможности. Это реальный человек. И, кстати, большая шишка.

– Что значит шишка?

– Ну... – женщина замялась, – он непростой человек. Генерал в отставке, или что-то вроде этого.

– Что значит "вроде этого"? Воинское звание – нечто вполне определённое.

– Просто я не разбираюсь в таких вещах...

– Вы только что говорили, что проверяли его по своим каналам. Вряд ли вы забыли его звание.

– Я же сказала, что я в этом не разбираюсь! Проверяли мои друзья из газеты. Ну хорошо, пусть будет генерал. Да, точно, генерал. Я вспомнила.

– Какого рода войск?

– Не помню... Это всё неважно. Кажется, что-то связанное с танками. Не помню. Власов, если вы будете меня перебивать своими вопросами, мы не закончим до утра.

– Извините, – Фридрих пошёл на попятную, – просто я сам долго служил в армии, и меня заинтересовала эта тема...

– Вы служили? Вот откуда у вас такие взгляды... А почему вы оставили службу?

– По состоянию здоровья, – Власов решил воспользоваться случаем, чтобы слегка простроить свою легенду. – Я отдал службе двадцать лет жизни, а потом оказался за бортом. К счастью, мне удалось устроиться в "Мессершмит".

– С вами плохо обошлись, – безапелляционно заявила фрау Галле. – Вы двадцать лет служили этому государству, а потом вас выкинули, как использованную вещь.

– Почему же? Если деталь механизма служила двадцать лет и истёрлась, её нужно заменить. А не оставлять на том же месте, на основании того, что она служила двадцать лет.

– Человек – не деталь механизма, – заявила журналистка. – Он – образ и подобие божье.

– Вы верующая? – заинтересовался Власов.

Госпожа Франциска Галле беспомощно пожала плечами.

– Не знаю... Наверное, нет. Но всё-таки ведь там что-то такое есть? Я имею в виду... ну, не бога. Скорее, судьбу, или что-то в этом роде... Иногда я чувствую, как меня ведёт судьба. Вот и сейчас... Но дело не в этом. Даже если не верить в бога, надо верить в человека. Я верю в человека.

– Как в образ божий?

– Да! Если даже нет бога... ну, того бога... то, значит, бог – это лучшее в человеке. Его любовь к жизни, стремление к свободе, счастью... но вы меня, наверное, не понимаете.

– Не понимаю, – пожал плечами Власов. – По-моему, это просто слова. Я уже сказал, человека отличает от животного только способность мыслить. Что и позволило человеку стать доминирующим видом на Земле. Большинство людей, правда, пользуются этой способностью довольно редко, зато они могут подчиняться чужому разуму, в случае нехватки своего. То есть быть деталью какого-нибудь механизма.

– Значит, вам не хватало своего разума? – позволила себе шпильку Франциска.

– Напротив, мой разум нашел достойное применение и на прежней, и на новой работе, – спокойно возразил Фридрих. – Военные – отнюдь не тупые солдафоны, какими их изображают либеральные газетки. В современной войне мозги значат куда больше, чем строевая подготовка. И, на мой взгляд, быть деталью хорошо сделанного и полезного

механизма куда лучше, чем быть частью механизмов слепой и безмозглой природы.

Официант принёс бокал с белой жидкостью.

– Вы всё время унижаете величие человека, – сказала журналистка, одним глотком осушив полбокала. – Каждый человек – это Вселенная!

– Вернемся лучше от космогонии к земным проблемам, – решительно произнес Фридрих. – Итак, вы получили письмо от отца своего мужа. Что вы ему ответили? В письме был обратный адрес?

– Там был адрес абонентского ящика на варшавской почте. Я ему отправила письмо по этому адресу. Написала всё как есть. И про Жоржа, и про проблемы в наших отношениях... Он мне ответил. Интересовался, есть ли у Жоржа дети, и если да, то от кого и где они проживают. Я ему объяснила про Микки, что это наш единственный сын. Кажется, у Жоржа не было других детей. По крайней мене мне он никогда не говорил о других детях... Он опять ответил. Вроде как обрадовался, что у него есть внук, и этот внук дойч, родившийся в Райхе. Он написал по этому поводу: "пусть и вопреки собственным желаниям и намерениям, я всё же породил жизнеспособное потомство". И ещё что-то про волю Провидения, я не поняла... Но не в этом дело. В общем, этот человек хочет сделать Микки своим наследником. Поэтому я здесь.

– Всё это очень странно. Почему бы ему не связаться со своим сыном и не сделать наследником его?

– Я спрашивала. Потому что он наполовину француз. А Микки всё-таки родился в Райхе, и в нём три четверти дойчской крови. Ему это почему-то важно.

– Ну, положим, не три четверти. Вы же не стали рассказывать этому человеку о своём происхождении, не так ли?

– Какое это имеет значение? Для меня – никакого, – с вызовом заявила фрау Галле.

– Ну, допустим. Всё равно не понимаю. Некий богатый незнакомец желает завещать вашему сыну деньги. Такие вещи делаются через суд.

– Нет, тут всё гораздо запутаннее. Он поставил условия. Во-первых, прилететь сюда, в Москву, и встретиться с ним. Лично.

– Почему в Москву? Разве он живёт в России?

– Н-нет, – лицо женщины смялось. – Наверное, всё-таки нет. Просто он поставил такое условие: встретиться в Москве. И привезти с собой моего сына... то есть его внука. Он хотел посмотреть на него, прежде чем принимать окончательное решение.

– Боюсь, что знакомство с Микки не доставит ему радости, – усмехнулся Власов. – Судя по тому, что я услышал, этот ваш таинственный незнакомец верит в расовую теорию хитлеровских времён. В ту пору евгенические законы были жестче, и такие, как Микки, считались дегенератами.

– Вот за это я особенно ненавижу нацизм, – гневно блеснула очами фрау Галле.

– И напрасно. Если бы это был чужой ребёнок, вы бы согласились с подобной оценкой.

– Я не намерена обсуждать своего сына в таком тоне!.. В общем, я бы заставила Микки вести себя как нужно, – без уверенности в голосе сказала госпожа Галле. – Поговорила бы с ним... В конце концов, я всё это делаю ради него. Ради его будущего. Он ведь совершенно не приспособлен к жизни в Райхе.

– Вы хотите сказать, что на Западе ему будет лучше?

– Я этого не говорила... Но всё-таки, наверное, да. У нас в Райхе не любят тех, кто чем-то выделяются... необычных... не таких как все. Понимаете?

– Нет, не понимаю. Насколько мне известно, в Райхе ценят тех, кто чем-либо выделяются в положительную сторону. И не ценят глупцов, преступников, наркоманов, и прочий человеческий шлак. В вашем Микки нет ничего необыкновенного. Он просто-напросто дурно воспитанный, неумный, неприятный ребёнок, к тому же не вполне здоровый психически. Возможно, он справился бы со своими проблемами, если бы не вы.

– Да как вы смеете! – на этот раз фрау Галле и в самом деле была возмущена. – Вы просто не знаете, о чём говорите. Наверное, у вас нет детей, иначе бы вы не рассуждали с таким апломбом! Вы даже не можете себе представить, чего мне стоил Микки! Что я пережила ради него! На какие жертвы шла! Вам не понять...

– Отчего же. Я всё понимаю. Материнский инстинкт и все такое. Хотя, на самом деле, у высших животных, включая человека, это не инстинкт, а социальное научение. Вы в курсе, что самки обезьян, особенно выращенные в неволе, нередко бросают своих детенышей? А это невозможно, будь материнское поведение инстинктивным. Их просто не научили старшие сородичи...

– При чем тут обезьяны?!

– При том, что нет принципиальной разницы. В данном аспекте. Точнее говоря, есть – у обезьян это все-таки более рационально устроено. Их материнские чувства рассчитаны на десяток детенышей, из которых до фертильного возраста доживут двое-трое. Для них вполне нормально, что большинство пойдет в отбраковку. Но материнская любовь, зацикленная на одном-единственном, да притом явно неудачном ребёнке, превращается в нечто уродливое...

– Опять вы сравниваете людей с животными! Вы никак не хотите понять, что люди – это люди!

– Сравнение человека с животным мне кажется более продуктивным и адекватным, чем его же сравнение со Вселенной. Например, тело человека – это тело животного. Вы ведь не считаете унижением своего достоинства колоть себе свиной инсулин?

– Причём тут тело? Я говорю о человеческих ценностях...

– Которые детерминированы в основном биологией и психологией. Плюс различными морально-религиозными догмами, принимаемыми столь же бездумно, как зверь принимает образ поведения, навязанный дрессировщиком. Во всяком случае, ваши отношения с сыном далеки от идеалов чистого разума.

– Не понимаю, почему я сижу здесь и выслушиваю от вас все эти гадости!

– Вероятно, потому, что у вас нет выбора. Ибо дед Микки – если он и в самом деле тот человек, за которого себя выдаёт – скажет вам то же самое. Только в более резкой форме. Вы ведь и сами это понимаете, не так ли?

– Микки будет паинькой, – повторила фрау Галле. – В конце концов, его можно купить. Ради некоторых вещей он готов изображать пай-мальчика... какое-то время. Я не поскуплюсь. Я пообещаю ему всё что угодно, лишь бы он угодил дедушке.

– Вот как? Неужели наследство так велико?

– Н-ну, как бы... – процедила сквозь зубы женщина. – У этого человека есть деньги, хотя и не очень большие. Но тут дело не только в деньгах. Не знаю, стоит ли об этом рассказывать... – Франциска замялась.

– Если уж начали говорить, то говорите всё, – поощрил её Фридрих. – Только не надо ничего придумывать.

– У него есть одна вещь, которая представляет большую ценность, – нехотя призналась журналистка. – Он хотел передать её лично мне в руки. Это очень дорогая

вещь. Если её продать, можно получить много денег. И не только денег, но и... нет, ничего не буду говорить, иначе проболтаюсь. В общем, для меня это очень важно.

– Что это такое?

– Простите, Фридрих. Этого я вам сказать не могу.

– Почему?

– Потому что вы меня не одобрите. И не хочу рисковать вашим ко мне отношением.

– Я человек достаточно широких взглядов и могу понять всё. Кроме того, что наносит ущерб моим личным интересам и интересам Райха, – Власов сказал это, почти не кривя душой. Внезапный переход от возмущения к кокетству он, конечно, заметил, но демонстративно проигнорировал. Чего-то в этом роде он ожидал. Эта женщина остро нуждалась в помощи, иначе не стала бы выслушивать и половины из его тезисов. Сейчас, очевидно, начнется фронтальное наступление...

– Ну вот, так я и знала... А что, если мы понимаем интересы вашего возлюбленного Райха по-разному? Я, например, считаю себя патриоткой. Настоящей патриоткой. Но интересы своей страны я понимаю иначе, чем какой-нибудь замшелый нацист. Хотя, как я уже говорила, мы здесь стоим на разных позициях... Зато я убеждена, что эти различия не должно влиять на человеческие отношения. Политика – это одно, а люди, живые люди, с их чувствами – это другое. Вот как мы с вами. Антиподы по убеждениям. Вы – национал-социалист, верный сын партии и истинный ариец. А я либералка, и к тому же наполовину юде. Но сейчас мы сидим рядом – одни, ночью, в чужом городе, и разговариваем по-дружески. И сейчас вы, Фридрих, – журналистка добавила в голос нужное рассчитанное количество мёда, – для меня самый близкий человек на тысячи километров вокруг... Помогите мне, прошу вас!

Она искательно взглянула на мужчину, ища поддержки. В её глазах были мольба и обещание.

Власов выдержал паузу, изображая на лице недовольство навязываемой ролью.

– У меня есть свои дела в России, – проворчал он. – Но я подумаю, что можно сделать для вас.

В глазах журналистки блеснуло характерное женское торжество: самец заловлен, самец повержен, самец ещё изображает сопротивление и пытается ставить условия, но отныне он будет делать то, что хочет женщина.

Фридрих в который раз подумал, что самки удивительно предсказуемы.

– Мне нужно найти этого человека, деда Микки, – заговорила Франциска деловым тоном. – Он должен был встретить меня в аэропорту, но эта дурацкая ситуация с наркотиками... Теперь я не знаю, как его искать.

– Вы можете написать ему по тому же польскому адресу, – посоветовал Власов, – и объяснить ситуацию.

– Нет, это исключено, – нервно дёрнулась фрау Галле, – у меня нет времени ждать письма. К тому же он собирался ликвидировать абонентский ящик. Вы не понимаете... Он очень подозрительный... Ему есть чего бояться. Тут разные обстоятельства... Всё из-за этой вещи.

– Всё-таки, что это за вещь, из-за которой вы так дрожите? Это что-то запрещённое?

– Да нет же! Вы, наверное, воображаете себе невесть что... Ну хорошо, я скажу. Это книга. Очень редкая книга. Вы довольны?

– Очень интересно. И сколько же она может стоить?

– Триста тысяч долларов, – мечтательно произнесла женщина, и тут же прикусила язык. – По крайней мере, один покупатель вроде бы даёт столько. Смотря что... смотря в каком состоянии книга.

Власов испытал очень странное чувство: он был уверен, что женщина не лжёт, или почти не лжёт – и всё-таки каким-то образом обманывает.

– Вы назвали сумму в долларах, – он решил зайти с этой стороны. – Вы собираетесь продать этот раритет на Запад? И у вас есть покупатель?

– Если вам это интересно... да, есть. И не один. Как вы понимаете, всё остальное – коммерческая тайна. Если я уж вам доверила свой секрет... но, кажется, вы не из тех, кто покушается на чужие кошельки. Вы ведь настоящий национал-социалист, правда?

– Теперь это кажется вам достоинством? – не удержался Власов. – Ну хорошо. Объясните мне, какой помощи вы от меня ждёте.

– Не столько помощи, сколько... Не знаю, как это сказать. Искать этого человека я буду сама. Я знаю его имя и кое-какие дополнительные сведения. Я также знаю людей, которые мне помогут в поисках. Но мне нужна поддержка... помощь... защита, – последнее слово она выдавила из себя с трудом.

– Защита от тех хороших людей, которые вам будут помогать? – прищурился Власов.

– Это же Россия! Я здесь никого не знаю лично. Мне дали несколько адресов и аншрифтов наших единомышленников здесь. Но я с ними не знакома. И не особенно доверяю этим людям. А вы меня вытащили из русской тюрьмы. Значит, у вас есть какие-то связи и возможности.

– Не стоит их преувеличивать, – пробурчал Фридрих.

– Но они есть. Если со мной что-то случится, вы сможете меня вытащить? Из... из какой-нибудь опасной ситуации?

– Это зависит от ситуации, – бросил Власов ожидаемую фразу. – Честно говоря, сам не понимаю, почему я трачу на вас своё время...

"Потому что ты уже поверил, будто я лёгкая добыча. Все мужчины одинаковы", – прочёл Фридрих в глазах женщины.

– Так вы мне поможете, Фридрих? Я так и знала, – она сладко, неискренне улыбнулась. – Я позвоню вам завтра. Дайте мне свой номер. У вас есть целленхёрер? Что я говорю, конечно, есть, вы же деловой человек...

Власов продиктовал ей один из дополнительных номеров, звонки с которого автоматически пересылались ему. Фрау Галле записала его номер в свой аппаратик. Собственный номер она ему не предложила, а он не стал настаивать: было и без того понятно, что журналистка ему позвонит.

– А теперь я пойду прилягу, – журналистка привстала, собираясь уходить. Разумеется, она даже и не подумала оставить на столике деньги для официанта. – Не провожайте меня, – на всякий случай добавила Франциска. "Я ещё не готова, жди" – просигналила она взглядом.

– Подождите, – остановил её Власов. – Мы ещё не всё обговорили.

Женщина недовольно посмотрела на него, но села.

– Мои условия таковы, – начал Фридрих. – У меня есть дела, которые должны быть сделаны в любом случае. Поэтому много времени уделять вам я не смогу. Но если вы и в самом деле чего-то опасаетесь, договоримся о следующем. Во-первых, вы будете каждый

день звонить мне и сообщать о своих ближайших планах. Где вы находитесь, куда направляетесь, а главное – к кому и зачем. Если что-то случится, я не должен тратить лишнее время на то, чтобы искать вас по всей Москве... или по всей России. Это большая, чужая и опасная страна...

– Но вы же здесь свой? – Франциска заискивающе наклонила голову. – Вы ведь наполовину русский, бывали здесь и всё знаете?

– Не совсем так. Я хорошо знаю эту страну – из Берлина. Наше дело тесно связано с некоторыми российскими компаниями. Но вообще-то я здесь впервые.

– Вот как... – казалось, журналистка была разочарована. – Откуда же тогда связи и знакомства?

– Я знаю многих больших людей отсюда – поскольку встречался с ними у нас. Но и только. В связи с этим у меня есть второе условие. Одна из моих задач – налаживание контактов. Возможно, мне понадобятся сведения о тех или иных людях, или даже личное знакомство. Ваши друзья здесь могут оказаться полезными...

– У меня нет здесь друзей как таковых, – заюлила фрау Галле, – у меня есть несколько телефонов, по которым я могу обратиться... К тому же это всё очень специфические люди... люди с убеждениями, – добавила она, не уточняя, о каких убеждениях идёт речь. – Вряд ли вам они понравятся.

– Я же не собираюсь обзаводиться друзьями. Речь идёт о том, что мне могут понадобиться какие-то связи, которые на моём уровне завести сложно, – он наградил женщину тяжёлым взглядом.

– Ну, допустим... – условия журналистке явно не понравились, но Власов не оставлял ей выбора. – Если это всё, то я могу идти? Я устала и хочу спать.

– Да, пожалуйста. Мне тоже пора. Одну минуту, я помогу вам, – Власов встал и начал искать глазами пальто собеседницы.

Та поймала его взгляд и усмехнулась.

– Не волнуйтесь, я оставила вещи в гардеробе... Провожать меня до номера не надо, – повторила она. Ну, до завтра.

Она торопливо проскользнула мимо него – видимо, опасаясь, что он попытается её обнять или поцеловать на прощание – и скрылась в дверях.

Власов ещё немного посидел за столиком, размышляя, хочет ли он здесь ужинать. Решил, что нет, и попросил чай и счёт.

Счёт принесли первым. Самым дорогим в списке оказалось мороженое Микки. Власов только усмехнулся: на фоне тех трат, которые он сегодня себе уже позволил, эти расходы казались ничтожными. С другой стороны, за эти деньги плюс немного внимания он получил довольно неплохой приз: фрау Галле, при правильном с ней обращении, может стать пропуском в те круги, куда ему, Власову, так просто не попасть. Это нужно использовать...

Что касается рассказанной ей истории... Судя по всему, в главном фрау Галле не лгала: ей и в самом деле нужно найти какого-то человека, причём быстро и скрытно. Ни своим коллегам в Берлине, ни тем более местным контактам она откровенно не доверяла. И, похоже, история с наркотиками и в самом деле оказалась для неё роковой неожиданностью, а не заранее разыгранным спектаклем... Кстати, уж не муженек ли это подстроил? Такому, как он, наверное, не очень сложно достать штрик. А способ избавиться от постылой супруги вполне остроумный. Не очень приятный, конечно, чреватый обыском в доме и парой допросов на предмет возможного соучастия – однако

это лучше и бракоразводного процесса с необходимостью платить потом алименты, и риска сесть в тюрьму за убийство. Вот ведь как все просто может оказаться, и никакой политики... Впрочем, не стоит забывать, что у этой дамочки есть ещё и журналистское задание в Москве, о котором она ловко умолчала. Но, тем не менее, история с неожиданно обнаружившимся дедушкой и наследством, несмотря на некоторые странности, кажется не столь уж неправдоподобной. По крайней мере, она хорошо объясняет, зачем ей понадобилось брать с собой в Москву сына. Хотя всё, что она рассказала о предполагаемом дедушке – неумелая ложь. Фридрих был более чем уверен, что никаким генералом Панцерваффе здесь и не пахнет...

Подали чай. Власов отхлебнул и поморщился: это оказалась дешёвая дрянь, заваренная из пакетика. Всё же он сделал ещё два глотка, прежде чем окончательно отставить чашку.

Что там было ещё? Подозрительный способ переписки через варшавский почтамт с обязательной отсылкой писем назад. Можно, конечно, было просто попросить получательницу, чтобы она уничтожала письма – но их автор, похоже, не очень-то доверял её аккуратности... Да, именно её аккуратности, решил Власов. Женоненавистник? Скорее, реалист... Варшавский почтамт. Что ж, место для анонимной ячейки выбрано очень точно, учитывая политические реалии... Ещё эта книга. Ну, допустим, предполагаемый благодетель и в самом деле преподнесёт фрау Галле какое-то редкое коллекционное издание. Допустим даже, что она сможет его вывезти на Запад. Кстати, вывезти что-то ценное из Москвы сейчас куда проще, чем из Берлина, возможно поэтому встреча назначена в Москве? Не исключено, хотя Варшава в этом смысле удобнее, да и письма шли через Варшаву... Непонятно, но оставим это на потом. Но всё-таки тут что-то не так. Да и сумма какая-то слишком уж запредельная. Неужели и в самом деле триста тысяч долларов? Да, похоже на то... Но ведь было ещё что-то, какая-то проговорка, маленькая неловкость в речи...

Двери распахнулись, и в зал ввалилась нетрезвая женщина. Власов с трудом узнал в ней "супругу господина Курца".

Тут же появился охранник и попытался загородить ей дорогу.

– Я зза-регистри... я тут живу! – возмущённо закричала женщина на плохом русском. – П-пустите м-м-меня, я хочу п-п-поуууу...

Охранник, не тратя слов, вытолкнул пьяненькую бабёнку в коридор. Власов решил, что в "Берлине" ему делать больше нечего, и засобирался домой.

Уже выходя в фойе, он вдруг остановился и, с озабоченным видом сунув руку в карман, словно обнаружив, что что-то забыл, сделал шаг назад. У стойки, интимно наклонившись к портье и двигая в его сторону какую-то бумажку – не то сложенную банкноту, не то визитку – маячил давешний долговязый американец. "Майк Рональдс, – вспомнил Фридрих. – Шустрый мальчик." Власов был уверен – процентов на 95, стопроцентной уверенность в его профессии не бывает – что на сей раз "мерседес" не следовал за его машиной; по пути он пару раз делал "заячьи петли", проверяя отсутствие "хвоста". Но, как Фридрих и предположил в разговоре с Франциской, журналисты и сами могли додуматься до наведения справок в подобных местах. Галле взяла визитку Рональдса и обещала позвонить, но тому этого, конечно же, недостаточно. Кстати, с неудовольствием подумал Власов, эту визитку стоило у нее забрать, да и портье предупредить, чтобы не болтал лишнего... целых две ошибки за короткое время! Слишком много сегодня было событий. Хотя, разумеется, это не оправдание.

Журналист, наконец, оторвался от стойки, одарил на прощание служащего хорошо отработанной улыбкой и направился к выходу. Разумеется, пытаться прямо сейчас вломиться в номер фрау Галле было бы слишком нагло даже для американца... Едва за ним с глухим стуком закрылась притянутая пружиной дверь, как Власов вышел из коридора и решительно направился к стойке, на ходу сопоставляя тактику кнута и пряника. Можно дать портье денег, но это не дает никаких гарантий на будущее, ибо подобные типы с легкостью берут деньги у всех, кто предлагает. А можно припугнуть его, причем вполне официально. Правда, портье в таком заведении – почти наверняка внештатный осведомитель крипо, а то и ДГБ... но, в конце концов, что он теряет? Обе организации и так знают, что он принимает некое участие в судьбе Франциски Галле.

Портье еще не успел стереть с лица дежурную улыбку, но в глазах его уже мелькнула настороженность и готовность с ходу отбить любые претензии, которые могут быть у столь решительно приближающегося клиента.

– Только что с вами разговаривал иностранец, – не дал ему опомниться Власов. – Американец, – добавил он со значением. – Спрашивал о женщине, остановившейся здесь около часа назад. Деньги, которые он вам дал, можете оставить себе. Мне отдайте его визитку. Если он объявится снова, или если появятся другие с аналогичными вопросами – этой женщины здесь нет, она съехала, куда – вам неизвестно.

– А... кто вы такой, собственно? – оправился от напора служащий. Фридрих махнул у него перед носом служебным удостоверением – достаточно быстро, чтобы тот успел понять, что это за документ, но не вчитаться в имя и фамилию.

– Вы все поняли?

Портье безропотно протянул Власову белый прямоугольник. Фридрих скользнул взглядом по цифрам телефона. Похоже на обычный целленхёрер одного из московских операторов... кажется, МТС. Если так, при необходимости номер будет не так уж трудно поставить на прослушку. Хотя вряд ли этот Рональдс как-то связан с "нашими делами". Но, кто знает...

Подождав на всякий случай еще некоторое время в фойе, Власов вышел в промозглую тьму улицы. "Мерседеса" журналистов, как он и надеялся, на стоянке уже не было. Фридрих сел в свою машину и на всякий случай включил сканирующее устройство. Нет, похоже, никакой ловкач не прицепил ему "жучок" под бампер. Власов привычно пристегнулся и поехал домой.

Kapitel 16. 6 февраля, среда, около полудня. Москва, Трубниковский переулок, 30 – Ореховый бульвар, 14, корпус 1.

Утро Фридрих вновь посвятил разбору материалов, оставшихся от Вебера. В последнюю пару месяцев до гибели тот и впрямь проявлял все больший интерес к российской демократической оппозиции; на сей раз Власов не только изучил его записи, но и запросил из центральной базы данных досье по встреченным фамилиям. Оказалась среди них, между прочим, и Франциска Галле, но из ее досье Фридрих не узнал ничего принципиально нового по сравнению с тем, что рассказала она сама. И она, и ее муж подозревались в употреблении наркотиков, несколько лет назад у них даже проводили обыск, но никакой дури не нашли, если, конечно, не считать нескольких нелегальных брошюрок, изданных в Америке, и ксерокопии "Камасутры". Изъято, штраф, предупреждение... Пару раз задерживалась за участие в пикетах, плюс несколько

профилактических бесед... попытки серьезной вербовки не предпринимались. Вероятно, сочли, что она просто не представляет оперативной ценности. Статейки ее – Фридрих просмотрел несколько штук, освежая в памяти уже виденое когда-то – представляли собой, главным образом, набор патетических лозунгов без всякой конкретики. Вряд ли собственные коллеги доверяли ей какую-то важную конфиденциальную информацию, и еще менее вероятно, что она могла раскопать таковую сама – разве что по случайному везению.

Вебер упоминал ее мельком, тоже, как видно, не придавая ей особого значения. Куда больше его интересовали финансовые операции российских либералов и их единомышленников в Райхе. Здесь ему удалось нащупать кое-какие странности, вроде проводки одной и той же суммы по кругу с возвращением в исходный банк. Но увы – далее заметки Вебера, во всяком случае, их копии, сброшенные на берех Управления, обрывались. Возможно, продолжение и существовало, но исчезло вместе с нотицблоком покойного...

Фридрих подумал, что кое-что о рехнердеятельности Вебера в последние дни узнать все-таки можно. Тот выходил в REIN через берех в имперском посольстве, и, стало быть, получить тагебух его сетевых сессий за последние перед гибелью дни было делом считанных минут.

Фридрих вспомнил, что Эберлинг в "Калачах" тоже говорил о деньгах. И о странной связи между либеральной оппозицией и Рифеншталь-фондом, возглавляемым твердокаменной патриоткой хитлеровского толка. Кажется, упомянута была еще и китайская бухгалтерия – или это просто пришлось к слову?

Тогда им так и не удалось договорить. Неплохо бы это исправить. Власов вытащил целленхёрер.

Эберлинг взял трубку со второго гудка. Это обнадеживало.

– Привет, Хайнц. Как у тебя со временем?

– Это что, риторический вопрос? – хохотнул Эберлинг.

– Понимаю. Тем не менее, мне нужно с тобой поговорить. Во время нашей последней встречи мы не закончили, а у меня есть вопросы.

– Я сейчас еду в одно место... но... вообще-то я собирался взять кого-нибудь из оперативников. Но могу прихватить тебя. Тогда по дороге и побеседуем. Мне тоже есть о чем с тобой поговорить. Ты где сейчас?

– Точка С.

– Ага. Могу подобрать тебя на Новинском бульваре, у выезда из Проточного переулка. На Новом Арбате сейчас пробка... Устраивает?

Фридрих вывел на экран нотицблока карту – такую же, как в навигаторе. Зелёные линии замерцали.

– Я могу быть там через 10 минут.

– Договорились.

Власов сунул в карман пистолет (что это, интересно, за дело, для которого Хайнцу понадобился оперативник?), быстро оделся и вышел.

Новый Арбат действительно был забит обреченно стоящими машинами, но своевременные действия допо, перенаправившей транспортные потоки, не позволили пробке распространиться и на соседние улицы. Движение по Новинскому бульвару в направлении затора было перекрыто, но Эберлингу нужно было в другую сторону. Он подъехал на угол почти одновременно с появлением Власова. Фридрих с удовольствием

нырнул с московского мороза в теплое нутро "BMW".

Машина покатила в сторону Смоленской площади.

– Куда мы едем? – предпочел первым делом уточнить Фридрих.

– В Орехово. Это на юго-востоке. Рабочая окраина.

– Ты ж понимаешь, я не только про адрес.

– Ага... насколько я понимаю, тебя не ознакомили с моими выкладками по Бургу?

– Нет. Я как раз хотел...

– И почему меня это не удивляет? – усмехнулся Хайнц. – Доктрина Мюллера в действии. Хочет, чтобы ты пришел к тем же выводам независимо от меня. А что из-за этих проверок и перепроверок дело будет стоять, это уже наши проблемы... Мне порою кажется, что старикан не доверяет даже сам себе. Меня он сейчас перебросил на Зайна. И тоже, разумеется, ничего не сказал о твоей роли в этом деле.

– Тогда откуда ты о ней знаешь? – хмыкнул Фридрих.

– Ну, знаешь ли, я еще способен сложить два и два. Зайн прилетел третьего вечерним рейсом "Люфтханзы" из Берлина. Ты прибыл в Москву тем же путем, значит, летел с ним в одном самолете. И, видимо, был одним из первых, кто его опознал.

– К сожалению, post factum.

– Я читал твой рапорт. Мне его прислали без подписи, но я сразу понял, что он твой.

– Что-нибудь уже удалось нарыть?

– Не слишком много. Летел он по подлинным документам. Не своим, конечно. Некоего Гюнтера Шторха, оставного пехотного оберлёйтнанта. Он действительно был инвалидом войны и кавалером Рыцарского Креста. Его нашли позавчера в его берлинской квартире, а смерть наступила за два дня до этого. Заключение эксперта – сердечный приступ, хотя спустя два дня в теплом помещении в этом уже нет полной уверенности. Несмотря на возраст и инвалидность, Шторх жил один, так что его могли не хватиться еще долго. Знаешь эту породу гордых стариков, которые ни за что не соглашаются на дом ветеранов... Но я сомневаюсь, что Зайн убил его сам. Ты ведь знаешь, для этого чокнутого ублюдка было вопросом принципа не вставать на территории Райха с коляски. А это заметно ограничивает свободу действий.

Фридрих кивнул. Он уже знал, что у Зайна были сообщники в Берлине. И, вероятно, очень могущественные сообщники.

– Коляску нашли? – спросил он.

– Да, уже здесь. Он избавился от нее самым банальным способом – оставил в туалете в аэропорту. Отпечатков, конечно, нет. Судя по всему, это та самая, что принадлежала Шторху. Прежде, чем тот был убит, Зайн, конечно, пользовался в Райхе какой-то другой, но поди найди ее теперь...

– Выходит, весь полет и уже после посадки он выделялся среди пассажиров.

– Да, но знаешь что? Твое описание оказалось едва ли не самым подробным. Лучше его рассмотрела только бортпроводница. Хотя она тоже общалась с ним совсем мало, он сказал, что собирается как следует выспаться в полете, и чтоб его не беспокоили. Надел темные очки, чтобы, мол, не мешал свет в салоне. Пассажиры же, которые летели с ним рядом, запомнили лишь какого-то старика-инвалида, и не более чем. И я, кажется, понимаю, почему... – речь Хайнца слегка замедлилась, как всегда, когда он переходил от фактов к выводам. – Мы, конечно, чтим наших ветеранов и героев войны... и все же граждане Райха – а все эти пассажиры были райхсграждане... что, кстати, облегчило

задачу допроса... так вот, все мы с рождения воспитаны на арийском эстетическом идеале. Нам нравится все здоровое, красивое, сильное. И нам физически неприятна старость и немощность. Мы не оскорбим заслуженного человека, показывая свою неприязнь. Но мы постараемся просто на него не смотреть. Мы не американцы, демонстративно выставляющие напоказ уродство и требующие признать его "альтернативной красотой". И не русские с их нездоровой страстью к патологии, пронизывающей всю их культуру, литературу в особенности. Я уверен, что это он тоже учитывал. Он умный сукин сын, хотя и псих... Что делать – высокая культура тоже имеет свои издержки.

– Похоже, ты прав, – согласился Фридрих. – Я не раз думал, что мы победили не только потому, что превосходили большевиков с точки зрения политической, экономической и военной. Мы превосходили их эстетически. Я не знаю более красивой патриотической музыки, чем нацистские марши. И более красивой формы, чем эсэсовская. Отдельное спасибо АКК за то, что, разгромив прежнюю структуру СС, атрибутику они не тронули... Разве могли с этим сравниться уродливые большевицкие френчи? А великолепная драматургия факельных шествий? Что такое на их фоне пошлые колонны рабочих и колхозниц на красных парадах? Но иногда это играет и против нас... Кстати, русские знают? – спросил он, возвращаясь к деловому тону.

– Видишь ли, тут сложно, – вновь нахмурился Хайнц. – С одной стороны, конечно, наши возможности здесь сильно ограничены. Мы можем сколько угодно размахивать своими удостоверениями, но за ними нет ничего, кроме авторитета Райха, отнюдь не всеми здесь признаваемого. И стоит первому же русскому послать нас, как выяснится, что он имеет на это полное законное право. Так что без поддержки местных... Но, с другой стороны, Мюллер не хочет информировать их о Зайне. По крайней мере, пока. Как я понимаю, он опасается, что Зайн здесь по их приглашению. Совсем не обязательно с самого верха, конечно. Может быть, какая-то группа заговорщиков в партии или в ДГБ. Так или иначе, лучше им не знать, что мы знаем, пока мы не узнаем больше. Официально мы ищем наркокурьера, который подбросил штрик этой либеральной сучке. Борт самолета – территория Райха, стало быть, расследование – наше дело, а местные должны содействовать. Под этим соусом мы уже получили показания внуковских таможенников, а также таксистов, развозивших пассажиров твоего рейса. Найти их, сам понимаешь, было несложно – аэропорт обслуживает Второй муниципальный таксопарк... Твоего водителя, кстати, тоже. И он заявил, что ты показался ему подозрительным. Как всегда, не дал чаевых, да?

Фридрих с усмешкой кивнул.

– В общем, опросили всех, кроме одного.

– Того, который нам и нужен, – помрачнел Власов.

– Да. Пассажиры остальных не подходят под описание. А он не выходит на работу второй день подряд. К нему-то мы и едем.

– Почему только на второй день?

– Вчера его отсутствие тревоги не вызывало. У него был otgul. Это местное понятие, означающее однодневный отпуск. Как правило, за сверхурочную работу.

– А телефон?

– Не отвечает.

– Тем более, надо было ехать сразу.

– Он не преступник. Даже не подозреваемый. Всего лишь свидетель. Русские не позволили бы нам вламываться в квартиру без веских оснований. А ссориться с ними...

– Ладно, я понял. У меня вообще-то к тебе есть один разговор. Помнишь, ты что-то говорил о китайской бухгалтерии и деньгах Рифеншталь-фонда? Мне хотелось бы, наконец, понять, что именно ты имел в виду.

– А, ну конечно. Опять мюллеровская система. Ну, слушай...

Разговор продолжался всю дорогу.

Эберлинг начал с краткого описания своей питерской работы. О деталях он, похоже, говорил намеренно невнятно, но Фридрих понял, что одним из направлений было отслеживание финансовых связей российских либералов – и, шире, разных российских оппозиционных организаций – с разного рода внешними силами, начиная с СЛС и кончая Америкой и Китаем. По мнению экспертов Управления, таковых связей просто не могло не быть – но вот только понять, как именно устроен механизм отмывания денег, никому до сих пор не удавалось.

– Но мне, похоже, удалось нащупать кончик нити, – сообщил Хайнц. – Правда, почти случайно – если честно, на эту тему меня навел Вебер. Тот самый "Фестиваль немецкой культуры", о котором мы говорили в "Калачах"...

– Я помню, – кивнул Власов. – Его запретили, Лихачев объявил голодовку...

– Ага, он это делает примерно раз в год, требуя от российского правительства какого-нибудь вздора. Вроде оплаты счетов за лечение своей супруги в австралийской клинике. Здесь, впрочем, относятся к его выходкам с какой-то странной снисходительностью, – в голосе Эберлинга зазвучали саркастические нотки, – отчасти, возможно, потому, что очередные обострения академического маразма довольно часто совпадают с некими малозаметными, но важными шагами российских властей. Лишнее внимание к которым нежелательно... Впрочем, даже если эти совпадения и не случайны, лично академика ни в чём не подозревают. Даже здешние либералы, которым всюду снятся козни ДГБ. Лихачев – типичный представитель породы высоколобых чудаков. Русские, впрочем, называют это другим словом, – осклабился Эберлинг. Власов понимающе кивнул, хотя и не любил грубых ругательств. – Тех, что полагают, будто их познания в области берестяных грамот или шахматной композиции делают их специалистами по всему на свете. А в качестве таковых они просто обязаны привести заблудшее человечество к Истине и Благу. И ударяются на своё несчастье либо в мессианство, либо в политиканство, лишаясь таким образом остатков здравого смысла. Иное дело – Фрау. Особа в высшей степени практическая. И умеющая играть в игры самого высокого уровня...

– Так что там с ее фондом? – напомнил Власов. – Мы остановились на странностях с финансированием фестиваля. Которое вроде бы было, но вроде бы его и не было.

– Именно, – охотно вернулся к теме Эберлинг. – Фонд денег не переводил, это я выяснил точно. Но на счета получателей они пришли – во всяком случае, на некоторые. Попытки выяснить, откуда, натыкаются на стену молчания. Однако в частных разговорах всплыло несколько имён и фамилий. Я успел рассказать тебе про Гельмана?

– В общих чертах. Юде-галерейщик. Я посмотрел, что есть на него в нашей базе данных. Скользкий тип. Официально известен в качестве специалиста по современному искусству. "Современное" здесь обозначает всё то же самое "американо-франко-британское" – или, по крайней мере, похожее на таковое. Насколько термин "искусство" вообще применим к этим отбросам, порожденным глубочайшим маразмом и дегенерацией... – Власов не сдержал раздраженной гримасы. – Тем не менее, галерея и проводимые ею мероприятия достаточно популярны. Особенно среди либералов и

сочувствующих. Хотя формально Гельман не состоит членом какой-либо организации. Под следствием не был, нами не вербовался, сведений о его отношениях с ДГБ у нас нет, – Фридрих замолчал, выжидательно глядя на Хайнца.

– Еще он любит представляться "консультантом", хотя кого именно он консультировал и по каким вопросам, никто внятно объяснить не может, – подхватил Эберлинг. – В финансовом плане явно не бедствует. И постоянно отирается вблизи "Рифеншталь-фонда". Причём сама Фрау почему-то относится к пройдошистому юде и либералу более чем снисходительно. Несмотря на все свои прохитлеровские идеи. Во всяком случае, в её салоне он постоянный посетитель. Логично было предположить, что неучтённые деньги идут именно через него.

– Ну, допустим, – согласился Фридрих. – Гельман под гарантию Фонда организует сбор средств на некоторое мероприятие. Мероприятию придается заведомо провокационный характер в расчете на то, что его запретят. Так, естественно, и происходит. Фонд изображает благородный гнев и вчиняет иск правительству с требованием компенсации ущерба. Иск, разумеется, также будет отклонен. Однако средства уже "освоены". Все претензии – властям, проклятым нацистам – душителям свободы, а денежки в карман. Афера, конечно, довольно ловкая, но я бы не назвал ее особенно масштабной. Во всяком случае, не настолько, чтобы решаться ради нее на убийство имперского резидента в Москве.

– Да, но есть еще кое-что, – продолжил Хайнц. – Во-первых, Гельман крутится не только в местных кругах. У него есть контакты среди лидеров СЛС. Ещё интереснее то, что Гельман несколько раз посещал китайское представительство в Бурге – по официальной версии, по поводу организации выставки предметов древнего китайского искусства. Какое отношение он имеет к китайским древностям, непонятно. Думаю, это ширма. Кроме того, Гельман считается культовой фигурой не только среди либеральной интеллигенции, но и среди вполне аполитичной "продвинутой молодёжи". То есть основных потребителей наркоты.

Фридрих покрутил в голове схему и подумал, что она слабовата. Да, вполне вероятно, что этот Гельман отмывает деньги фанду через разного рода общественные организации с оппозиционным душком. Судя по всему, российские безопасники по тем или иным причинам смотрят на это сквозь пальцы – наверное, пройдоха-галерейщик снабжает их какой-то информацией о деятельности оппозиции. Обычное дело, в общем-то. Возможно также, что хитрый юде ведёт не двойную, а тройную игру – скажем, ещё и с китайцами. А может быть, всё ещё сложнее. Но ничего особо впечатляющего во всём этом не было. Кроме, пожалуй, одной-единственной возможности: а не впутался ли этот типчик ещё и в дела со штриком? Во всяком случае, тот человек из метро недвусмысленно указывал на Петербург как на единственное место, где можно купить партию этого зелья... Вебер, занимаясь деньгами оппозиции, вполне мог случайно наступить на хвост питерским дуфанам. Во всяком случае, это была версия, заслуживающая проверки.

Власов принял решение затребовать в Управлении дополнительную информацию по Рифеншталь-фонду, по Гельману с его галереей, и ещё по ряду смежных тем. Впрочем, скорее всего, самое главное придётся выяснять на месте... А это значит, что визита в город на Неве ему не избежать.

– Приехали, – прервал его раздумья Эберлинг, паркуясь напротив торца многоподъездной двенадцатиэтажки. Дом растянулся чуть ли не на полкилометра от Каширского шоссе до Домодедовской улицы. Обойдя окруженный какими-то

сомнительными по виду и запаху ларьками вход на станцию подземки "Домодедовская", друзья направились к зданию. Фридрих скользнул неодобрительным взглядом по торцевой стене, до двухметровой высоты размалеванной автографами местной шпаны. Помимо признаний в любви, обещаний "урыть", неряшливо набрызганной из пульверизатора огромной эмблемы команды "Спартанец" и изложенных явно другой рукой характеристик умственного уровня и сексуальной ориентации ее болельщиков, а также, разумеется, неизменного русского триграмматона, присутствовавшего аж в двух вариантах, красовался здесь и толстый контур пятиконечной звезды. Правда, нарисован он был белой, а не красной краской, так что мог означать не запрещенную большевицкую, а всего лишь неодобряемую американскую символику. Но в этом, конечно, хорошего тоже было мало.

– Второй подъезд, девятый этаж, – сообщил Эберлинг.

Домофон не работал. Открыв дверь, Фридрих увидел, что провода выдраны с мясом. Подъезд был погружен в полумрак; лампочка, как ни странно, горела, но стекло было очень уж грязным. Хайнц нажал сожженную местными вандалами кнопку лифта, но Власов не стал изменять своему принципу и двинулся вверх по лестнице, стараясь не обращать внимание на плевки, окурки самокруток и настенные художества. Правую руку он при этом держал в кармане, хотя, конечно, вероятность, что кто-то, заслышав лифт, выскочит из квартиры и бросится вниз по лестнице, была ничтожной.

Когда Фридрих добрался до площадки девятого этажа (с неудовольствием отметив, что все-таки слегка запыхался), Эберлинг, конечно, был уже там.

– Тишина, – сообщил он, не дожидаясь вопроса, – никакой реакции. Жди здесь, я за управдомом и околоточным.

Ждать пришлось долго, почти полчаса. За это время Фридрих, конечно, не удержался от искушения самому пару раз нажать на кнопку звонка, но, разумеется, также не добился результата. Затем он услышал, как в квартире звонит телефон; выдав семь дребезжащих рулад, аппарат вновь затих. Наконец сзади загудели, расходясь, двери лифта, и на площадку вышли трое: Эберлинг, плешивый мужичонка с вечно недовольным и словно бы пыльным лицом и флегматичного вида околоточный надзиратель лет пятидесяти пяти, зобатый и с грушевидным носом.

– Да запой у него, небось, – раздраженно доказывал мужичонка, доставая, тем не менее, большую связку ключей, – валяется там и дрыхнет...

– Открывайте, – строго велел Фридрих, снова нащупывая пистолет.

– Понятых звать будем? – зевнул полицейский. – Положено, вообще-то...

– Мы вместо них, – решительно заявил Власов, становясь чуть слева от двери. Хайнц, также с рукой в кармане, занял позицию с другой стороны. Формально, не будучи сотрудниками российских правоохранительных органов, они и впрямь могли выступить в роли понятых.

Клацнул замок, и управдом со скрипом отворил дверь. Фридрих осторожно потянул носом – газом не пахло. Тлением как будто тоже... но прошло слишком мало времени. В квартире по-прежнему стояла мертвая тишина.

Эберлинг, уже не стесняясь русских, достал пистолет и решительно шагнул в прихожую, поводя стволом по сторонам, словно полицейский из американского боевика. За ним, также с оружием наготове, последовал Власов. Хайнц на секунду замер на пороге комнаты, затем вошел, медленно опуская оружие.

На узком продавленном диване, свесив ноги в ботинках на пол и задрав к потолку

небритый подбородок, лежал неопрятного вида мужчина лет пятидесяти на вид. На первый взгляд он и впрямь походил на жертву тяжелого запоя, если бы не слишком неестественная бледность и синева под ногтями.

Эберлинг склонился над таксистом, поискал пульс на шее, оттянул веки. – Мертв, конечно? – уточнил для проформы Власов.

– Мертвее не бывает. Я, конечно, не медик... но думаю – не меньше суток.

Фридрих тут же скользнул мимо стоящего столбом полицая на кухню.

На столе, покрытом не особенно чистой клетчатой клеенкой, стояло нечто, напоминающее огромный флакон для духов. Приглядевшись, Власов понял, что это бутыль необычного дизайна. Смотрелась она в замурзанной квартире так же нелепо, как китайская ваза.

Рядом стоял пустой стакан и открытая трехлитровая банка с солеными огурцами. На полу валялась вилка.

Управдом, выглядывая из-за плеча Власова, оглядел этот натюрморт и без всякого удивления заключил:

– Допился, ханурик. Паленой водки небось у метро купил, и привет.

– Это водка? – решил на всякий случай уточнить Фридрих, показывая на бутылку.

– Н-да, водка, – Эберлинг почему-то смутился. – Элитная. Товар для Тверской.

– Да палёнка это самая обычная, – встрял управдом. – Ханурики водочные бутылки в мусорке ищут и в ларьки сдают у метро. Десять копеек бутылка. А что туда потом наливают, так про это лучше не думать.

– Но ведь таксист понимал, что покупает подделку? – поднял бровь Власов.

– Ну да, ещё бы. Небось, за трояк взял. Зато бутылка красивая. Вот и попил человек водочки...

Фридрих прищурился: по стенке вилась изящая серебристая надпись готическим шрифтом. Слово было знакомое.

– "Wlasowska", – наконец, разобрал он. – Эта водка называется "Власовска"?

– "Власовская", – уточнил Эберлинг.

Он взял бутылку и перевернул её другим боком. Там тоже была надпись "Власовская", только церковнославянской вязью. Ниже красовался набросанный несколькими штрихами портрет – некий обобщённый бравый военный, ни на кого конкретно не похожий, но не без определённого сходства с основателем РОА.

– Её все "власовкой" называют, – вмешался управдом. – Хорошая водка. Я пробовал, – не без гордости сообщил он. – Как слеза прямо. Только дорогая, сволочь.

– Такая скляночка стоит сорок пять рублей, – пояснил Эберлинг. – В подарочной упаковке – семьдесят.

– Так, значит, "Власовка". Очень интересно. Насколько я понимаю, использование имён и фамилий известных людей в качестве товарных знаков без согласия их самих или членов их семей... – начал было припоминать Власов, но Эберлинг перебил:

– Я интересовался. Владелец предприятия – какой-то Власов. Имеет право на свою марку. Хотя, по слухам, настоящая его фамилия Кауфманн. По тем же слухам – юде.

– Понятно, – только и нашёлся что сказать Фридрих. Настроение, и без того не слишком хорошее, было испорчено окончательно.

Чтобы хоть что-то сделать, он и на всякий случай заглянул в совмещенный с ванной туалет. Там не было ничего интересного.

– Так я это, крипо вызываю? – осведомился околоточный, продолжая стоять на

пороге комнаты.

– Исполняйте свои обязанности, – бросил через плечо Эберлинг, рассматривая труп.

– Вот именно, – подхватил Власов, поворачиваясь к обоим представителям местной власти. – Исполняйте свои обязанности! Не только по отношению к трупу, между прочим. В каком состоянии у вас дом? Это же свинарник! Кругом грязь, на стенах – похабщина и большевицкая агитация! И вы еще считаете себя арийцами?! – он понимал, что срывает злость, но не мог и не хотел остановиться. В конце концов, он был в своём праве.

– Так ведь народ тут какой, херр офицер, – начал было оправдываться околоточный, – чай, не профессора живут...

– "Иностранцы, посещающие Дойчлянд, замечают в самом незначительном чиновнике, в самой простой домохозяйке, в индустриальном рабочем, дворнике или стороже необычайное достоинство, ответственность за своё дело, суровую требовательность к себе, мужество в преодолении трудностей, стремление к совершенству", – процитировал наизусть Фридрих. – Вам, надеюсь, знакома программная речь Дитля?

– Вот и командуйте у себя в Дойчлянде, – неожиданно нагло заявил управдом.

– Что вы сказали? – Фридрих пригвоздил его уничтожающим взглядом сверху вниз.

– Что слышали, – нимало не смутился плешивый. – Чай, не сорок третий год.

– Я непременно доложу вашему начальству, как вы относитесь к своим обязанностям, – посулил Власов.

– Да сколько угодно. А я посмотрю, как они найдут другого дурака, который делал бы мою работу за мою зарплату.

"И ради таких вот погибли миллионы достойных людей, – подумал Фридрих. – Солдаты Вермахта, солдаты РОА... Чтобы спасти от большевицкого рабства тех, кто ничего другого и не заслуживал. И они еще имеют наглость нас этим попрекать! 'Не сорок третий год'..."

– Убирайтесь, – процедил он, полуприкрыв глаза от отвращения.

– С какой это радости? Вы мне не начальство! – мужичонка как будто даже стал выше ростом.

– Убирайтесь, или, как только прибудут крипо, я распоряжусь арестовать вас за препятствование следственным действиям!

– Иди, иди, Лексеич, – повернулся к управдому полицейский, – видишь, господин офицер не в духе...

Мужичонка не стал далее упорствовать и потопал к двери, бормоча под нос: "Как командовать, так все арийцы..."

Kapitel 17. 7 февраля, четверг, утро. Москва, Трубниковский переулок, 30.

Фридрих придвинул к себе листок бумаги и взял ручку. Подобные инструменты он использовал нечасто, предпочитая работать на рехнере, но японская подушечка была слишком неудобным средством для рисования, в отличие от привычного светового карандаша. А ему захотелось именно нарисовать схему. Практика показывала, что это помогает структурировать информацию. Которой накопилось уже не так уж мало.

Очередную ее порцию он получил, вернувшись накануне из Орехово. Общение с

полицейскими, прибывшими на место смерти таксиста, оказалось, вопреки ожиданиям, не столь уж неприятным. Очевидно, потому, что дело, по причине запущенной Эберлингом легенды о наркокурьере, из заурядной "бытовухи" было сразу же переквалифицировано по ведомству борцов с наркотиками. В прибывшей бригаде не было недавних знакомых Фридриха по подземке, но следователь и его помощники производили вполне благоприятное впечатление. Однако рутинная процедура осмотра тела и заполнения протокола, который пришлось подписывать Власову и Эберлингу, не дала ничего, кроме потерянного времени. Впрочем, криминалисты пообещали германским коллегам ознакомить их с заключением патологоанатома и результатами анализа жидкости в бутылке, когда те будут готовы.

По возвращении же домой Фридрих получил, наконец, ожидаемый подарок от Мюллера – рапорты всех сотрудников Управления, так или иначе работавших с Вебером. Они были разделены на два платтендата – в одном отчеты тех, кто работал с Вебером в России в последнее время, в другом – отзывы прежних его коллег, подчиненных и начальников (тех, конечно, кто еще был в живых) чуть ли не с самого начала карьеры Вебера в РСХА. Видимо, именно на то, чтобы собрать показания последних, и ушло три с половиной дня – впрочем, учитывая, какие архивные дебри ради этого пришлось прошерстить и сколько народу, включая законспирированных в разных частях света нелегалов, опросить, оперативность все равно была весьма похвальной.

Первым делом Фридрих просмотрел именно второй платтендат, который едва ли мог сообщить что-то о расследуемом деле – такая задача перед прежними коллегами Вебера и не ставилась – зато помогал узнать о покойном больше, чем говорило официальное досье. Как знать, может быть, в свете этой информации какая-нибудь непримечательная на первый взгляд деталь из первого платтендата привлечет к себе внимание, словно выбившийся клок волос или фальшивая нота...

Ничего сенсационного все эти отзывы и характеристики, впрочем, не содержали. Интеллектуал, обладавший блестящими математическими способностями и памятью; почти никогда не пользовался счетными машинками для арифметических вычислений, ибо с легкостью проделывал их в уме, играл вслепую в шахматы на четырех досках (может быть, мог бы справиться и с большим числом досок, но в компании, где произошел описанный случай, было лишь четверо шахматистов); хорошо разбирался в рехнерах, знал несколько языков программирования; отличался педантизмом и аккуратностью; в эмоциях был сдержан, никогда не действовал под влиянием минуты, не принимал поспешных решений, не собрав всей доступной информации; разумеется, искренний патриот Райха, да и Управления, служивший, впрочем, идеям, а не людям – мог пойти на конфликт с начальством, если считал, что того требуют интересы дела, и пару раз имел из-за этого неприятности, впоследствии замятые, ибо оказывалось, что прав был именно он; конечно же, не щадил и нерадивых подчиненных, добился увольнения в отставку одного из них, впрочем, мелодраматическая версия личной мести не выстраивается – тот человек давно умер; в целом, как пишут в характеристиках, "с товарищами поддерживал ровные отношения" – не чурался их, в какие-то моменты мог даже быть душой компании, но и не сходился ни с кем настолько, чтобы это можно было назвать близкой дружбой; не был женат и не был замечен в порочных наклонностях... Фридрих раздраженно поморщился, понимая, что и сам он, как и всякий идейный холостяк, не имеющий любовниц, не избежал в свое время гаденьких подозрений в гомосексуализме и прочих извращениях, а значит, и соответствующих проверок;

припомнился смазливый юноша-"стажер", приставленный к нему в свое время в явно провокационных целях... что поделать – большинство людей не могут и не хотят понять, что не испытывать похоти – это столь же нормально, легко и удобно, как не испытывать тяги к любым наркотикам, к тому же табаку, благополучно искорененному в Райхе. А ведь полвека назад курильщиков было большинство, и тоже никто не верил, что может быть иначе...

Ладно, что там дальше по Веберу? Спиртное употреблял, но не так, как другие – имея от природы редкий дар маловосприимчивости к алкоголю, ценил дорогие вина за букет, оставаясь при этом трезвым. "Сова", предпочитал работать по ночам и вставать поздно... Вот любопытный момент – у Вебера было hobby, и даже не вполне, как сказали бы все те же американцы, "политкорректное": он собирал марки исчезнувших стран и режимов. Причем интересовали его марки, посвященные конкретным историческим событиям в жизни соответствующих стран; его занимала история глазами тех, кто вот-вот должен был угодить под ее каток. Были в его коллекции и дойчские – кайзеровских и ваймарских времен, и австро-венгерские, и польские, и других стран, ныне входящих в Райх; были марки эспанских республиканцев, царской России накануне переворота и, конечно же, советские. Если вдуматься – hobby не только познавательное и поучительное, но и небесполезное для разведчика: позволяющее войти на правах своего в замкнутый филателистический мирок, где порою встречаются очень любопытные личности... особенно среди коллекционеров тех же коммунистических марок...

Что, если именно такой человек пришел к Веберу в субботу 2 февраля? Поводом для визита была покупка или обмен какого-нибудь советского раритета... не исключено, кстати, что ничего другого Вебер и не планировал, это была его личная встреча, а не встреча в интересах Службы, потому он и не включил запись разговора. Хотя, по идее, должен был включить, раз уж пустил гостя на точку А – но использование служебных квартир для личных встреч не одобрялось, так что понять Руди вполне можно. А дальше могло произойти банальное ограбление. Редкие марки – а все большевицкие марки ныне большая редкость – очень ценны, тем более для коллекционера. Вполне достаточный повод для убийства. Визитер наставил на хозяина квартиры пистолет и заставил принять штрик, дабы тот отдал все, что имел. Поэтому в протоколе обыска никакие марки не фигурируют. И никакой политики...

Нет, вряд ли. Штрик все же – достаточно экзотический наркотик, который, если верить давешнему бандиту, практически невозможно достать в Москве. Может ли человек, связанный с бургскими фанду, быть одновременно московским филателистом или, скажем, работать на богатого филателиста? Теоретически да, но вряд ли Вебер был настолько неосторожен, чтобы не проверить такого человека, прежде чем пускать его к себе домой. Опять же, зачем было забирать нотицблок? Из опасения, что туда занесены координаты визитера? Но с таким же успехом они могли быть записаны на любом клочке бумаги, а следов обыска в квартире не было, если, конечно, верить русским... С другой стороны, почему полиция не нашла в квартире марок? Пусть основная коллекция Вебера – дома в Дойчлянде, но должен он был взять с собой некий обменный фонд? Впрочем, а к какому периоду относятся упоминания об увлечении Руди? Фридрих сделал поиск в платтендате по словам "марки" и "филателия". Так и есть – об этом упоминали сослуживцы, работавшие с Вебером, по меньшей мере, лет десять назад. Что, если в последние годы ему это просто наскучило, или он нашел иное применение своим деньгам?

Фридрих дочитал платтендат до конца и на некоторое время прикрыл глаза, еще раз анализируя прочитанное. Как он и предполагал, фигура Вебера не вязалась ни с версиями самоубийства или передозировки наркомана, ни с бытовыми мотивами типа внезапно вспыхнувшей ссоры, мести, ревности или бытового же (скажем, на сексуальной или наркотической почве) шантажа. Опять же, штрик наводил на мысль о непростом и тщательно подготовленном убийстве... Ладно. Что там в первом платтендате?

Все агенты, чьи рапорты составили первый платтендат, должны были рассказать о своей последней встрече с Вебером. И тут выяснилась любопытная подробность: Лемке (он, кстати, был одним из немногих, кто фигурировал в платтендатах под своим именем, а не под номером или псевдонимом – очевидно, потому, что Власов работал с ним непосредственно), похоже, последним из сотрудников Управления видел резидента живым. Еще один из его подчиненных звонил ему по телефону в пятницу; разговор был вполне рутинный, касавшийся одного осведомителя в демдвижении, который набрался наглости требовать прибавки к жалованию. Вебер распорядился напомнить мерзавцу, что Управление платит ему исключительно в качестве жеста доброй воли, а вообще-то видеопленки, запечатлевшие его забавы с неким юношей, никуда не делись. Разумеется, все это не могло иметь отношения к делу – подобные типчики понятия не имели, кто такой Вебер и где он живет... В общем, получалось, что в последние дни резидент РСХА в Москве не отдавал никаких поручений своим подчиненным. Что могло быть просто стечением обстоятельств – ну, шла работа по накатанной колее и не требовала дополнительного вмешательства – но могло означать и то, что Веберу просто было не до того. Что он наткнулся на что-то настолько важное и секретное, что решил расследовать это сам, не доверяя никому из агентов. Или... или все же доверившись, и теперь этот человек лжет, говоря, что не имел никаких особых поручений и не виделся с Вебером в субботу? Предатель и убийца в рядах московской агентуры? И хуже того – исполняющий поручение кого-то из берлинской верхушки?

Тогда становится понятным, почему Вебер ничего не доложил об имевшихся у него подозрениях, которые, очевидно, все же опирались на какие-то факты. Просто не знал, кому докладывать. Кому можно доверять. И, между прочим, все эти рапорты Власов получил не напрямую, а через Мюллера. Которому ничего не стоило подвергнуть их любой редактуре... Черт! Нет. Это уже паранойя. Не верить Мюллеру – это все равно что не верить собственным органам чувств. Считать весь мир иллюзией, как делают солипсисты. Он же не частный детектив, если в своем расследовании он не будет опираться на мощь Управления...

Фридрих встал, прошелся по комнате, снова опустился на стул перед нотицблоком. Проверил почту. Его поджидало еще одно послание – на сей раз заключение экспертов Управления по телефонному звонку. Они не обнаружили никаких следов монтажа или рехнер-коррекции. Голос, по всей видимости, принадлежал подростку мужского пола в возрасте от 13 до 16 лет. Русский – его родной язык. Скорее всего, москвич. Был взволнован. В общем, официальная русская версия подтверждалась по крайней мере во второй своей части.

Изучение отчетов по Веберу отняло много часов, и никаких свежих идей на ум не приходило. Так что Власов решил получше выспаться и продолжить с утра на свежую голову.

И вот теперь он, отодвинув в сторону нотицблок, нарисовал на чистом листе четыре овала и подписал их изнутри: "Вебер", "Зайн", "Галле" и "Гельман". Ниоткуда не

следовало, что между этими четырьмя, или даже любыми двумя из них, есть реальная связь. Да и Зайн официально не был его заботой. Но рассмотреть следовало все возможности. Подумав, он добавил сбоку еще один овал – "Рифеншталь". Затем принялся мелким почерком и с сокращениями выписывать в столбик под каждым примечательные обстоятельства, отмечая предположения вопросительным знаком.

Вебер. В последнее время занимался русскими либералами и их финансовыми делами. Последняя встреча с агентом – 30.01 около 19:00, последние платтендаты закачаны на берех Управления в 20:10. Далее вел самостоятельное расследование? Убит 2.02 в своей квартире (Староконюшенный 39-6) около 14:20. Впустил убийцу сам (Вариант: у убийцы была копия ключа – маловероятно). Записи беседы нет. Варианты: 1) В. сам не хотел делать запись 2) В. не успел включить аппаратуру (маловероятно, есть несколько незаметных способов это сделать) 3) Убийца заставил В. уничтожить запись – знал или догадался о ней – имеет отношение к спецслужбам 4) Убийца сам изъял запись – знал тайник – сотрудник РСХА. Орудие убийства – штрик. Трудно достать в Москве. Для симуляции добровольной передозировки годится любой тяжелый наркотик. Зачем штрик? Варианты: 1) как средство допроса 2) отвести подозрение от Москвы (на Бург?) Для допроса штрик малопригоден. Поэтому убийца не добился своего и забрал нотицблок? Вариант: было 2 дозы, 1-ая – Sk-0 – для допроса, 2-ая – штрик – для убийства. Тогда первая введена не инъекцией (перорально, с алкоголем?) не позже 13:50 (возможно, несколькими часами раньше). Sk-0 не используется службами Райхсраума (неизвестна точная рецептура) – атлантистские разведки? (отвод подозрения?) Пропавший нотицблок – русская версия о случайном мальчишке? Даже если звонил мальчишка, не значит, что нотицблок взял он. Убийца не запер дверь. Хотел, чтобы тело скорее нашли? Чтобы выветрился некий запах? (открытая форточка на кухне)

Зайн... Фридрих повернулся к нотицблоку и загрузил с береха последнюю версию фоторобота, вглядываясь в виденные мельком черты. Худое породистое лицо, не производящее впечатления семитского – даже хищный горбатый нос ассоциируется скорее с романским патрицием, чем с юде. Глубоко посаженные глаза под густыми седыми бровями, вертикальные морщины на впалых щеках (кто-то и впрямь разглядел их, или домыслил?), сухие поджатые губы, костистый побородок... Власов снова вернулся к своим записям. Итак: специалист по террору и подрывной деятельности. Высокого класса и широкого профиля. Работает и за идею, и за деньги. Ярый юде-германофоб. Разработчик и исполнитель, предпочитает работать индивидуально. Возраст – около семидесяти, но, похоже, еще достаточно крепок. Прекрасно владеет рядом языков, в том числе дойчским и русским. Видимо, имеет высокопоставленного заказчика в Берлине (и сообщников в Москве?) Гордится тем, что всегда держит слово, но заказчику вряд ли стоит рассчитывать на его лояльность. Прибыл в Москву из Берлина 3.02 рейсом Люфтханзы LH3723 в 18:10, покинул аэропорт в... (Фридрих прикрыл глаза, вспоминая – он тогда несколько раз смотрел на часы, дожидаясь, пока его таксист соизволит дожевать бутерброд)... в 18:32. Вероятно, не сдавал вещи в багаж, раз уложился так быстро – с учетом проверок после случая с Галле. Уехал на такси, водитель найден мертвым 2 дня спустя в своей квартире (уточнить причину и время смерти). Летел по документам Гюнтера Шторха (убит в Берлине – смерть выглядит естественной – спецпрепарат спецслужб?). Снова пользуется документами реального человека? (проверить случаи смерти/исчезновения стариков в Москве, особенно с ветеранскими льготами). (Фридрих подумал, что в десятимиллионном мегаполисе это будет непросто – без помощи крипо не

обойтись, и эта помощь должна быть искренней.)

Галле. Посредственная либеральная журналистка ("Либерализирунг"). В статьях – идеология, а не факты (нет опыта реальных журналистских расследований). Полный набор либеральных и женских предрассудков, самостоятельно мыслить не способна. Склонна к авантюрам. При этом достаточно меркантильна. Наполовину юде. Пробовала наркотики. Диабет в умеренной инсулинозависимой стадии. Муж – наркоман и неудачник (на грани развода). Любит своего неполноценного сына (около 5 лет), считает, что ему будет лучше в США. Прибыла в Москву с редакционным заданием (уточнить; ширма?) Истинная (?) цель – встреча с "непростым" (ветеран армии? спецслужб?) старым дойчем, назвавшимся отцом ее мужа; должен признать ее сына наследником и передать ей редкую ценную книгу для продажи на Запад (почему не в Райхе? книга украдена? во время войны? владелец – бежавший враг Райха? юде?) Прибыла одним рейсом с Зайном (случайность?) (Фридрих хмыкнул: сама мысль, что фрау Галле могла следить за неуловимым террористом, была смехотворной. А вот наоборот... наоборот совсем даже не исключено. Не ради нее самой, конечно, но ради той игры, в которую она по глупости или по невезению впуталась...) Дома или по дороге подброшен штрик под видом инсулина. До 6.02 не могла участвовать в событиях. Объект интереса русских спецслужб и западных журналистов.

Гельман. "Галерейщик", "современное искусство". Либерал. Юде. Беспринципен и меркантилен (либерализм для таких людей – самая подходящая идеология, подумал Фридрих). Финансовые (формально не доказаны) и политические махинации. Связь со спецслужбами: русскими? китайскими? западными? Наркомафией? Контакты с СЛС. Связь с Рифеншталь-фондом. Петербург (уточнить последние визиты в Москву).

Рифеншталь ("Фрау"). Киноклассик. Автор ряда скандальных проектов в сфере искусства. Сопредседатель (фактически – глава) Рифеншталь-фонда. Дойчская патриотка хитлеровского толка. Поддерживает движение "истинных немцев", возглавляемое ее нынешним мужем (Лихачев). Развратна (до сих пор?) Салон в Бурге. Популярна в богемных кругах.

Так. Теперь – связи. Реальные, гипотетические и просто общие черты (либо, напротив, антагонизмы). С реальными пока не густо. Фридрих провел стрелочку от "Гельман" к "Рифеншталь" и подписал "деньги". Затем заострил стрелочку и в обратную сторону – эта связь, очевидно, обоюдная. А вот односторонним интересом Фрау к Гельману вполне может быть и сексуальный. (Фридрих начертил соответствующую стрелочку, не забыв отметить предположительность знаком вопроса.) Ну и что, что между ними полвека разницы? Это вполне в ее духе. Во всяком случае, это даже лучше, чем финансовые связи, объясняет странную симпатию любимицы Хитлера и активистки ХНПФ к русскому юде. Подобно тому, как античные патрицианки делали своими любовниками молодых рабов-варваров. Не обязательно, кстати, они любовники – отношения могут оставаться и платоническими, но в основе их все равно интерес престарелой распутницы к "симпатичному мальчику"...

Гельмана и Галле объединяют либеральные взгляды, связь с СЛС и, пожалуй, меркантилизм (Фридрих вспомнил, как жадно вспыхнули глаза Франциски при словах "триста тысяч долларов" – хотя по сравнению с Гельманом она, конечно, наивная овечка). Гельмана и Зайна – национальность (подумав, Власов ответвил пунктирную стрелочку и к Галле – все-таки половина крови... и, кстати, какая? для юде это важно). Галле и Зайна соединили еще две стрелки: "антинацизм" и "рейс LH3723". Вебер приходился идейным

врагом Зайну, Галле и Гельману, зато с Рифеншталь его объединяли национальность и патриотизм (трактуемый, впрочем, несколько по-разному). Следующая линия соединила Вебера с Галле; "штрик" – подписал Фридрих. От Вебера к Рифеншталь протянулась стрелка "интерес к деньгам фонда", а от нее – ответвление к Гельману с припиской "и либералов".

Глядя на получающуюся схему, он вдруг подумал, что в правой ее части связей не меньше, чем в левой. Пусть линии, соединяющие Зайна с Галле, выглядят искусственно, но все же их больше, чем единственная "идейная вражда", связывающая его же с Вебером. И в свете этого наклевывавшаяся версия, что Вебера убрали, чтобы расчистить путь Зайну и стоящим за ним заговорщикам, перестала казаться самой вероятной. Что, если истинная цель Зайна – как раз Галле? То есть не она сама, конечно. А тот "непростой" дойч и его книга. Вряд ли, конечно, Зайн заинтересовался бы простым букинистическим раритетом. Что-то есть такое в этой книге, важное и ценное, измеряемое не одними деньгами... или если уж деньгами, то не жалкими сотнями тысяч... Галле, в таком случае, играет роль подсадной утки. По неведению или сознательно? Второй вариант не исключен и имеет свои плюсы – все же удобнее иметь дело с управляемой наживкой. Предположим, ей пообещали за сотрудничество те самые триста тысяч, составляющие лишь ничтожную часть от подлинной цены книги. Или просто эмиграцию в Америку. Правда, она считает себя патриоткой Дойчлянда. Но, если Ларошфуко сказал о любви между мужчиной и женщиной, что она по своим проявлениям больше похоже на вражду, чем на дружбу, то то же самое можно сказать и о любви либерала к своему отечеству. Раз она хочет отправить сына в Штаты, то, конечно же, желает уехать вместе с ним, и никакой ущерб интересам Райха ее не остановит...

Но как быть со штриком? Если Галле в курсе, незачем было выводить ее из игры, пока она не получит книгу. Впрочем, кто сказал, что в этой игре лишь одна команда? Может, наркотик подбросили как раз чтобы сорвать план Зайна и его сообщников. Показательно, однако, что, в отличие от Вебера, доза, подсунутая Франциске, не была смертельной. Значит, ее хотели нейтрализовать лишь на время. Рано или поздно ситуация с диабетом прояснилась бы и без его, Власова, вмешательства, и Галле, скорее всего, вышла бы на свободу через несколько дней – если бы только не поступила директива с самого верха подвести ее под статью любой ценой. Вообще, кому выгодна вся эта история со штриком? С одной стороны, вроде бы дискредитация либералов – их активистка задержана с поличным, как наркокурьер. С американским, что характерно, наркотиком. С другой – уж больно топорно сработано, скорее повод обвинить власти в провокации и раздуть пропагандистскую шумиху. Но есть и третья сторона – сама Галле. Для эмиграции на Запад ей очень сгодятся не успевшие подвянуть лавры "узницы совести". Так что, возможно, никакого подбрасывания все же не было. Да, но ее страх и возмущение по отношению к тюремным порядкам были искренними. Власов был уверен, что она не сумела бы сыграть так убедительно. Однако она могла просто не представлять себе заранее, на что идет...

Здесь размышления Фридриха прервал звонок целленхёрера. Нажав кнопку, он услышал голос Хайнца.

– Привет. Ты еще на точке С?

– Да.

– Очень удачно. Я как раз еду мимо и решил заскочить. Полагаю, тебе интересно взглянуть на заключение экспертизы по вчерашнему делу? Наши русские друзья выдали

мне его сегодня утром.

– Конечно. Что-нибудь нетривиальное?

– Да в общем-то нет. Но тем не менее.

– Когда тебя ждать?

– Минут через десять.

Условный звонок в дверь прозвучал одиннадцать минут спустя. Фридрих открыл; Эберлинг вошел, тщательно вытерев ноги и брезгливо отряхнув перчатками припорошенные плечи. В волосах у него мокро блестели тающие снежные хлопья.

– Снег повалил, – пожаловался он. – Через пару часов будет не проехать. С этим местные дорожные службы бороться не умеют. Хотя, казалось бы, не первая зима в русской истории, пора бы научиться...

– Чаю хочешь? Горячий.

– Предпочел бы кофе. Но знаю, ты не любитель.

– Могу сварить, – предложил Власов. – У меня тут четыре сорта. Правда, не поручусь, что у меня получится тот напиток, который тебя удовлетворит. Сам я это пью, но...

– Да ладно. Сойдет и чай, только покрепче. Представь, с семи утра на ногах. Это только старина Вебер вставал ближе к полудню... Не беспокойся, я себе налью. Вот, посмотри пока, – Хайнц расстегнул внутренний карман и протянул Фридриху пару сложенных листов. Власов развернул их; это были копии экспертных заключений. Патологоанатом констатировал смерть, наступившую 5 февраля между пятнадцатью и семнадцатью часами вследствие отравления суррогатным алкоголем. Следов насилия не было, признаков, что труп передвигали после смерти, тоже. Умерший, судя по состоянию его печени, не был запойным пьяницей (да и в этом случае он едва ли мог бы работать таксистом), но регулярно употреблял после работы, "зная меру". (У русских это называется "пропустить стаканчик", вспомнилось Власову. Нелепое выражение. Почему "пропустить", если его не пропускают, а как раз даже наоборот?). Второе заключение излагало состав вещества в бутылке. Фридрих скользнул взглядом по мало что ему говорившим химическим терминам и цифрам концентраций; бросилось в глаза только слово "метанол" – о смертельном действии этого вещества он знал.

– Выглядит как банальная паленая водка, – пояснил Эберлинг. – Никаких экзотических ядов. Правда, концентрация вредных примесей совершенно убойная. В прямом смысле. Так, чтобы валить с первых же ста грамм.

– "Паленая", как я понимаю, значит "некачественная", – произнес Власов. – Откуда она берется? Насколько мне известно, у русских очень строго контролируется качество спиртного.

– Так и есть. И собственное производство, и импорт под жестким контролем государства. Ни один коммерсант не получит лицензии на торговлю без кучи проверок и сертификаций, и потом проверки периодически повторяются. Но это касается тех, кто торгует официально. А есть еще подпольная торговля суррогатами, дешевыми подделками под сертифицированные марки. Чаще всего эту дрянь продают в подземке, с рук или в ларьках. У которых сегодня один хозяин, завтра другой.

– Неужели эти ларьки нельзя передавить?

– Можно. Как и всю московскую подземку, – усмехнулся Эберлинг. – Но, насколько я понимаю, с ними не очень-то борются. Приличные люди и так знают, что в таких местах нельзя покупать спиртное. А чем больше сдохнет sabuldyg, тем лучше.

– Но наш таксист вроде бы не забулдыга. Хотя и не трезвенник.

– Конечно. Да и концентрация отравы великовата. По-моему, картина очевидная. Зайну не нужны лишние свидетели. Он посулил водителю бутылку в качестве премии. Скажем, за быструю езду. За поллитра "Власовки" кто хочешь довезёт с ветерком... А дальше таксист все сделал сам.

– Но только пятого числа, и ближе к вечеру. Спустя почти двое суток.

– Наверное, до этого у него было что выпить, – пожал плечами Хайнц.

– Удержался, чтобы сразу не попробовать такую редкость? – засомневался Власов.

– Вот именно. Водка дорогая. Он такой ни разу в жизни не пил. Наверное, приберёг к празднику.

– Что-то непохоже, чтобы у него был праздник, – покачал головой Фридрих. – Огурцы какие-то... Но это бы ладно. Откуда Зайн взял эту бутылку?

– То есть?

– Он не мог привезти ее с собой. После инцидента с Франциской Галле все пассажиры прошли тщательный досмотр. Ветеранское удостоверение позволило Зайну не ждать в очереди. Но не избавило же от досмотра как такового? Он не мог купить ее в аэропорту – это все же не подземка, там таким не торгуют...

– Взял в камере хранения, – предположил Эберлинг без прежней уверенности.

– После шереметьевского теракта шестьдесят восьмого года все секции камер хранения оборудованы средствами видеонаблюдения, – возразил Власов. – Зайн это, конечно, знает. И вряд ли стал бы светиться лишний раз и засвечивать того, кто оставил ему реквизит. Впрочем, видеозаписи нужно проверить. Но в любом случае, у него просто не было на это времени. Он провел в аэропорту всего 22 минуты. За это время ему нужно было пройти досмотр. И избавиться от коляски. И, я думаю, он очень спешил покинуть аэропорт как можно быстрее. Чтобы не встретиться на двух ногах с теми, кто запомнил его как инвалида.

– Пожалуй, ты прав, – вынужден был согласиться Хайнц. – Я, конечно, запрошу у русских данные видеонаблюдения, но едва ли это что-то даст. Допустим, Зайн предложил таксисту остановиться у какой-нибудь станции подземки... Нет, слишком велика вероятность, что водка не оказалась бы смертельной. Обычно в таких местах она просто отвратного качества. Но и только. Вариант, что Зайн отыскал таксиста на другой день, чтобы убить его, и вовсе нелеп. Значит, не Зайн. Значит, кто-то в Москве его прикрывает. И этому кому-то не составляет труда по номеру машины... и, возможно, имени таксиста на приборной панели... быстро найти этого таксиста и уничтожить.

– Ну, это-то не трудно, – заметил Фридрих. – Заявиться в таксопарк с сообщением, что в такси номер такой-то была забыта ценная вещь...

– Да, но в том-то и дело, что никто не заявлялся, – заявил Эберлинг с ноткой самодовольства в голосе. – Не думай, что эта мысль пришла только тебе. Мы проверили. Никто не расспрашивал о покойном. Ни его коллег, ни отдел кадров. Значит, и так знали, где живет таксист, обслуживающий пассажиров международного аэропорта. А это, друг мой Фридрих, даже не крипо. Это ДГБ.

– ДГБ боится тронуть заслуженного дойча. И пытается добыть у него нечто руками Зайна, – пробормотал Власов. – Вполне возможный вариант.

– Добыть? Заслуженного дойча? Ты о чем? – встрепенулся Хайнц.

– Я тут набросал одну схемку... Ты допил? Тогда пойдем в комнату.

– Кажется, доктрину Мюллера можно официально признать похороненной, –

хохотнул Эберлинг, поднимаясь из-за стола. – И я это поддерживаю. Вдвоем у нас получается лучше и быстрее, чем когда каждый идет по своему следу. Тем более что следы могут пересекаться.

– Вот-вот, я и думаю об их пересечениях, – покивал Власов. – Пока у нас имеются следующие фигуранты...

Десять минут спустя, выслушав пояснения друга и коллеги и изучив его схему, Эберлинг вдруг поднял палец жестом внезапного озарения:

– Слушай, ты подал мне ценную идею по Зайну, а я могу отплатить тебе кое-чем по Веберу. Мы все время исходили из того, что Вебер встречался с убийцей на точке А. И это порождает кучу странностей – отсутствие следов сопротивления, незапертая дверь, пустая кассета... А что, если встреча произошла где-то в другом месте?

– Экспертиза не подтверждает перемещения тела после смерти.

– Оно могло перемещаться *до* смерти! Когда ты сказал про две дозы, у меня как что-то щелкнуло. Допустим, первую, "щекотуна", он получил где-то еще. Там из него все вытрясли, а потом вручили ему шприц и приказали вернуться домой и сделать себе укол. И все наши странности тут же становятся логичными и естественными!

– А нотицблок? – напомнил Фридрих.

– Может быть, остался там же – назовем это место точкой Х. А может, его и впрямь прихватил случайный мальчишка.

– Кстати, насчет мальчишки – он должен был быстро обнаружить, что защищенный паролями нотицблок ему бесполезен. И что стандартным замыканием перемычки пароль не сбрасывается. Тогда он его либо выбросит, либо попытается продать. Надо засадить парочку агентов за чтение объявлений о продаже нотицблоков "Тосиба" в газетах и электронных конференциях. И самим дать объявление о покупке по цене выше средней...

– Я как раз подумал об этом.

– Что же до твоей идеи в целом... не могу не признать, гипотеза стройная. И что, у тебя есть предположения, ради кого мог Вебер отправиться на эту точку Х, никого не предупредив? Если, конечно, не рассматривать версию похищения прямо на улице.

– Вебер был слишком разумен и осторожен, чтобы лезть в какие-то сомнительные места. И вообще предпочитал сидеть на точке А. "Как паук в центре паутины" – это его собственные слова. Уж если он куда-то отправился, должны были выполняться два условия. Во-первых, это место выглядело абсолютно безопасно. По крайней мере, для человека ранга Вебера. А во-вторых, это была та самая гора, которая не идет к Магомету.

– Это что, мусульманская поговорка? – удивился Власов.

– Нет, русская, – с удовольствием возразил Эберлинг, – хотя, кажется, корни у нее оттуда... Я имею в виду, что находившееся в этом месте ни при каких реальных обстоятельствах не пришло бы к Веберу само. Обоим условиям удовлетворяет, например, госучреждение. Частная фирма куда менее вероятна. Другой подходящий пример – некий достаточно респектабельный салон. Ну, скажем, сходка умеренных демократов, отвергающих насильственные методы борьбы с властью. Отвергающих, но...

В кармане Власова мелко затрясся целленхёрер.

– Власов, – это был голос фрау Галле. Судя по началу разговора, она решила не утруждать себя приветствиями. – У меня несчастье. Вы мне нужны сейчас же. Выезжайте немедленно к гостинице, ждите меня у входа...

Фридрих решил, что подобный тон по отношению к себе позволять нельзя: похоже,

нахальная бабёнка уже вообразила, что он у неё в кармане.

– Во-первых, – ледяным голосом произнёс он в трубку, – здравствуйте. Во-вторых, вы нарушили нашу договорённость: звонить мне каждый день и сообщать о ваших планах. В-третьих, я занят. Возможно, когда я закончу свои дела, я смогу выкроить время, чтобы повидаться с вами. Если, конечно, вы мне скажете, в чём дело. И если я сочту нужным...

– Бросьте, – простонала в трубку журналистка. – Всё очень серьёзно. Я не знаю, что делать. Я в отчаянии. Бросайте все свои дела и приезжайте.

– Сначала объясните, что у вас стряслось, – потребовал Фридрих.

– Не могу. Вы взрослый человек и должны понимать... Выезжайте, всё объясню потом.

Власов прикинул уровень истерики в голосе Галле, и решил, что причина может быть только одна.

– Что-то с Микки?

Журналистка сдавленно охнула.

– Вы... вы не должны были этого говорить... Ладно, теперь всё равно. Да. С Микки. Выезжайте.

– Подождите немного. Как это произошло? При каких обстоятельствах? Возможно, я смогу что-то узнать...

– Нет. Вы ничего не поняли. Выезжайте сейчас же – или больше никогда меня не беспокойте. Слышите? Вы нужны мне здесь, сейчас... выезжайте!... – в трубке раздались короткие гудки.

Kapitel 18. Тот же день, позднее утро. Москва, улица Гудериана, 1, корпус 2 – улица Бутырский Вал, 8а, кв. 23.

Журналистка плюхнулась на сиденье "BMW" как мешок с крупой. Ее лицо выглядело осунувшимся и постаревшим.

– Они похитили Микки, – наконец, выдавила из себя журналистка.

– Кто – они? – решил выяснить Власов.

– Вы что, не понимаете? Они! – у фрау затрясся подбородок. – Они! Теперь я не знаю, что они с ним сделают. Накачают наркотиками. Или будут пытать. Или заставят отказаться от меня... Я не знаю. Они на всё способны. Вы хоть что-нибудь понимаете? – обратилась она, наконец, к Власову.

– Пока ничего, – честно ответил тот. – Кроме того, что, торопясь к вам, я трижды нарушил правила дорожного движения. Хорошо, что дорожной полиции на месте не оказалось.

Это было не совсем так: в одном месте он таки напоролся на пост. Похоже, однако, что обещание давешнего патрульного занести номер его машины в особый список было выполнено – погони за ним не было, и на следующем посту его не останавливали. Однако штрафная квитанция на него выписана и придётся её оплачивать... Стоит ли истерика фрау Галле этих расходов, он пока не понимал.

– Какая полиция? Какие дороги? – продолжала истерить журналистка. – Вам что, не ясно, что это операция ДГБ и гестапо? Они действуют вместе, эти выродки, это всё одна шайка. Ирину они тоже, наверное, убили. Они всех убивают. Меня тоже убьют. Сначала будут пытать, потом убьют, они всегда так делают, – порадовала она Власова оптимистичным прогнозом. – Я не знаю теперь, как быть. Надо прятаться, а я не знаю где.

Это вы уговорили меня остаться здесь, – внезапно вспомнила она. – Вы меня подставили. Либо вы из их шайки, либо вас разыграли втёмную.

– Вы бредите, – резко сказал Власов. – Вы только что говорили о какой-то там операции гестапо. В таком случае, в Берлине вы тоже были бы уязвимы.

– Идиот. Простите, но вы идиот. Вы ничего не понимаете в тайных операциях, – заявила фрау. Глаза её лихорадочно блестели. – Это стандартная технология: выманить опасного человека на нейтральную территорию, и там ликвидировать. Я стала слишком опасна для них. Меня нужно было выманить сюда, чтобы похитить Микки. Теперь я всё понимаю. Меня посадили на крючок. Это была спецоперация. Знаете, что такое спецоперация?

Фридрих деликатно промолчал.

– Они всё это спланировали с самого начала. Ничего не было. Никакой книги. И никакого старика-пилота. Всё ложь. Старуха тоже лжёт. Она работает на них. Все лгут. Это всё подстроено.

Власов отметил про себя, что генерал-танкист неожиданно стал лётчиком.

– Что за старуха? – осторожно спросил он, надеясь узнать больше.

– Какое всё это сейчас имеет значение? – истерично взвизгнула фрау Галле. – Микки похищен! Вы понимаете? Там никто не отвечает! Они взяли всех! Всех! Вы хоть это понимаете?!

– Я только больше запутался, – пожал плечами Власов. – Прекратите истерику и объясните, в чём дело. Где был Микки, когда его похитили?

– Я оставила его... в надёжном месте. Мне за неё ручались мои берлинские друзья.

– За кого ручались?

– Господи, до чего же вы медленно соображаете! У этой женщины, как её... м-м-м... Что я несу... Неважно. Всё это неважно. Я оставила Микки в её доме. Сегодня утром я звоню... никто не берёт трубку. Я как дура звонила через каждые пятнадцать минут... а потом кто-то снял трубку, и голос был другой. Понимаете, другой! Он сказал, их арестовали! Их всех взяли! – фрау зарыдала.

– Адрес! Назовите адрес квартиры, где вы оставили сына. Мы сейчас же едем туда, – распорядился Власов.

– Вы сошли с ума! Там наверняка засада!

– Я пойду один, – внушительно сказал Фридрих. – Если со мной что-нибудь случится, – добавил он, – вы успеете скрыться.

– Боже, какой вы всё-таки глупец... Хоть один настоящий мужчина остался в этом сумасшедшем мире! – не слишком логично закончила фрау. – Вы правы, правы. Нужно действовать. Едем.

– Куда?

Этот простой вопрос заставил журналистку призадуматься.

– Вообще-то, – промямлила она наконец, – я не помню эти русские названия... Меня довезли друзья... У меня только телефон... Нет, конечно, мне же адрес дали... – фрау запустила руку в сумочку, выгребла откуда-то из её недр растрёпанную записную книжку и принялась лихорадочно листать.

Она пролистала её насквозь два раза, пока, наконец, не нашла нужную страницу.

– Вот, – она протянула Власову книжицу.

Фридрих отметил про себя, что адрес написан по-русски – то есть, очевидно, не рукой фрау.

Посмотрев адрес, он заложил нужное место, а записную книжку сунул в карман, пробормотав, что ему нужен номер квартиры. Франциска не отреагировала, на что Власов и рассчитывал. Он надеялся улучить момент и изучить книжку поподробнее: замусоленные листочки могли содержать ценную информацию.

Ехать оказалось далеко – на Бутырский Вал. Навигатор начертил длинную красную линию, в трёх местах которой мигали красные клубочки пробок. Объезды были тоже длинными и неудобными – красная линия переламывалась через себя, углубляясь в какие-то мутные переулки и дворы, в которых немудрено заблудиться и опытному водителю, знающему город как свои пять. Да еще этот чертов снегопад...

По дороге журналистка немного оправилась от шока и даже смогла более-менее внятно рассказать о произошедшем.

По её словам, шестое февраля она посвятила встречам с некими людьми, которых ей рекомендовали в Берлине. Эти люди встретили её чрезвычайно радушно и немедленно взяли на себя львиную долю бытовых проблем. В частности, откуда-то возник некий очень любезный молодой человек на роскошном "Запорожце", который предложил себя фрау в качестве добровольного помощника по части московских разъездов. Фрау милостиво согласилась, после чего её немного покатали по Москве (тут она, ненадолго забывшись, защебетала – "вы знаете, Власов, тут, оказывается, очень мило, особенно на Тверской... вы были на Тверской? обязательно побывайте, хотя я там осталась без единого пфеннига..."), после чего повезли прямиком на какую-то квартиру в многоэтажном жилом доме, в которой размещалась редакция "Свободного слова". Там её опять же принимали чрезвычайно почтительно и даже уговорили было дать небольшое интервью, но тут Микки закапризничал. И она так и не смогла пообщаться с этими замечательными людьми подольше...

Фридриху пришлось делать три дела сразу: вести машину сквозь снежную пелену, сверяясь с навигационной системой, слушать всхлипывания фрау, и одновременно напряжённо размышлять. Судя по всему, вчера у милой дамы был интересный день: даже сейчас она вспоминает о нём с явным удовольствием... Ну конечно, из салона "Запорожца" действительность выглядит совсем иначе, нежели из бокса тюремной больницы... Удивительно, с чего это вдруг второразрядной журналистке, пусть даже из братской "Либерализирунг", оказывают такие почести... Впрочем, некоторые моменты очевидны. Например, в "Свободное слово" её повезли, чтобы устроить встречу с западными корреспондентами – которые, скорее всего, были вовремя извещены всё теми же любезными людьми о том, где её можно найти. Власов вспомнил о шустром Майкле Рональдсе – почему-то он был уверен, что тот подъехал к редакции первым. Увы, гадкий Микки своими капризами сорвал все планы... В таком случае, – сделал вывод Власов, – замечательные люди, принимающие фрау, должны были сделать попытку нейтрализовать мешающий фактор. То есть убрать куда-нибудь Микки. Куда?

– Вам предложили временно поселить ребёнка в какой-нибудь семье, чтобы, так сказать, развязать вам руки? – прервал он собеседницу.

– А вы проницательный человек... – в голосе Франциски прорезалась нота удивлённого уважения, – да, одна милая фрау сказала, что повсюду таскать с собой мальчика слишком жестоко, и я с этим согласилась. Вы же знаете, у Микки очень тонкая нервная организация... – тут она, похоже, вспомнила разговор в гостинице и прикусила язык. – И тогда она предложила мне помочь. Сказала, что у неё есть огромная квартира в приличном районе, где живёт её бабушка, которая обожает возиться с детьми... Она

позвонила туда, и сказала, что бабушка будет очень рада... Мне пришлось долго уговаривать Микки, – вздохнула она. – Но сейчас мне и в самом деле нужно было развязать себе руки. Под вечер я, наконец, уломала его хотя бы съездить посмотреть квартиру и эту бабушку... Тот молодой человек меня подвёз. Такая милая старая женщина, – она неожиданно шмыгнула носом. – И Микки там тоже понравилось. Представляете, он сам решил остаться – один, без мамы... Всё-таки он очень смелый мальчик... Если бы я знала...

– Бабушка русская? – на всякий случай уточнил Власов.

– Что вы! Конечно, она из наших! Её зовут Берта... Берта... Забыла как дальше. Неужели я оставила бы Микки на русскую... – журналистка проглотила конец фразы, видимо, вспомнив о происхождении собеседника. Дальше рассказ фрау стал более путаным и невнятным. По её словам, она объяснила понравившейся ей бабушке, как обращаться с Микки, и предупредила, что позвонит позже. Потом всё тот же любезный молодой человек на "Запорожце" якобы порывался поужинать с ней вдвоём, но она отклонила приглашение, потому что у неё "была ещё одна важная встреча", на которую она намеревалась поехать одна, но в результате вроде бы так и не поехала. Тут фрау Галле начала темнить. По её словам, она где-то гуляла, куда-то заходила, и, по её словам, "приняла лишнего". Дальше она каким-то образом добралась до гостиницы и быстро заснула.

Фридрих решил, что фрау вряд ли осмелилась бы гулять по Москве в одиночестве. Насчёт "лишнего" фрау, скорее всего, не врёт – но вряд ли она натрескалась одна, это было бы уж слишком. Значит, она с кем-то встречалась и не хочет ему об этом рассказывать. С кем? Уж не с Рональдсом ли? Или она всё-таки нашла ниточку, ведущую к таинственному старику? Или это что-то связанное с политикой? Впрочем, Власов понимал, что сейчас он всё равно не добьётся толку, и решил слушать дальше.

Финал истории был прост. Госпожа Галле проснулась поздно и с больной головой. Кое-как приведя себя в порядок, он позвонила в квартиру, где оставила Микки. Трубку не брали. Разозлившись, она стала названивать каждые пятнадцать минут. Наконец, после часа непрерывного трезвона кто-то всё-таки снял трубку с рычага и "таким, знаете, железным голосом" сказал по-дойчски, что все арестованы. Тут она снова зарыдала, так что Власову не удалось добиться от неё точного воспроизведения фразы.

Госпожа Галле начала названивать по всем имеющимся у неё телефонам – однако друзья, столь трепетно опекавшие её накануне, как будто куда-то попрятались. Во всяком случае, трубку никто не брал. Это окончательно убедило её в том, что произошло самое страшное: она угодила в ловушку спецслужб. В полном отчаянии она позвонила Фридриху.

Власов прикинул шансы на тот или иной исход. Разумеется, в арест или похищение – во всяком случае, произведённое силами тех организаций, которые упоминала впечатлительная журналистка – он не верил. Однако какая-нибудь неожиданная пакость и в самом деле могла произойти. Исходить она могла, разумеется, только от любезных друзей фрау. Идиотская фраза про арест, правда, не вписывалась ни в какую версию. Впрочем, возможно, фрау решили как следует напугать? Похоже, с ней здесь обращаются как с дурочкой... И вполне заслуженно, – решил Фридрих.

Чем ближе они подъезжали к дому, тем больше нервничала журналистка. Когда же они въехали на саму улицу, женщина снова сжалась в комочек, всем своим видом показывая, что готова к новой истерике.

Последний разворот – остался позади большой дом, увешанный рекламой – и "BMW" вкатил в узенький слякотный проулок. За ним открылся небольшой дворик, забитый машинами.

Заглушив мотор, Власов бросил Франциске: "ждите меня здесь, если что – звоните", и, не оглядываясь, пошёл к подъезду. Госпожа Галле что-то робко пискнула вслед, но он не расслышал.

За то время, пока они ехали, с погодой произошла обычная для Москвы метаморфоза: плавно опускавшийся снег, в котором, если забыть о порождаемых им дорожных проблемах, было даже что-то элегическое, превратился в настоящую метель с резким и злым ветром. Власов поспешно достал перчатки и с удовольствием натянул их на руки, жалея, что нечем прикрыть лицо. Пожалуй, летный шлем с прозрачным забралом-экраном сгодился бы здесь в самый раз...

Дом был старым, солидным, построенным явно не вчера. Чёрную дверь из потемневшего резного дерева украшали следы снежков – видимо, резвились дети. Власов невольно вспомнил, как выглядел снег московских дворов до снегопада – грязный, ноздреватый, с желтыми потеками собачьей мочи – и его передёрнуло.

В косяк был вделан крохотный домофон с металлическими бусинками кнопок. Фридрих открыл книжку, ткнул пальцам в кнопки 2 и 3 – это был номер квартиры – и стал ждать. Домофон тихонько зачирикал. Чирикал он минуты три, потом смолк. Похоже, в квартире и впрямь никого не было.

Тем не менее, войти внутрь было необходимо. И, желательно, не вызывая подозрений.

Власов решил для начала попробовать самый простой способ, а именно официальный. Он ещё раз осмотрел панель домофона и убедился, что среди кнопочек имеется одна с изображением колокольчика: принятое во всём Райхсрауме обозначение каморки консьержки. Нажал её и приготовился ждать.

На сей раз, впрочем, ожидание было недолгим.

– Слушаю? – раздалось в домофоне.

– Я пришёл с визитом в квартиру двадцать три, – как можно вежливее сказал Власов. – К Берте... – он демонстративно закашлялся, потому что не знал ни отчества, ни фамилии, – отвратительная погода, простите... Мы договаривались о встрече, я звоню, но она, кажется, не слышит...

– Она не слышит, – подтвердил голос в домофоне. – Я вам открою, заходите, – замок в двери щёлкнул.

Внутри подъезда, за вторыми дверями, оказалась просторная лестничная площадка, отделанная белым камнем. Консьержка – маленькая, сухенькая старушка с пучком волос на затылке – сидела в стеклянной кабинке, и, судя по небрежно отложенной в сторону книжке, повышала свой культурный уровень.

– Так вы, значит, к старой Берте? В первый раз? – накинулась она на нового человека. – Если вас не предупредили, то я вам скажу: будете с ней разговаривать, говорите громче. Она плохо слышит. Прошу вас на второй, у нас система учрежденческая, первая цифра – этаж, вторая – квартира...

Власов вежливо поблагодарил бойкую старушку и пошёл пешком на второй.

Между этажами он остановился, чтобы перелистать записную книжку Галле: логика подсказывала, что другой возможности заняться этим ему может и не представиться.

Оказалось, что, несмотря на растрёпанный вид книжки, сколько-нибудь полезной информации там не было. По большей части страницы заполняли журналистские заготовки, записанные отвратительно корявым почерком. Кое-где попадались адреса и телефоны, в основном берлинские. Несколько листков было вырвано.

Нужное нашлось в самом хвосте. На отдельной страничке была выведена большая буква "Z", под которой был список: два адреса и непонятный аншрифт – судя по последним буквам, польский. Там же был телефонный номер, данный Власовым Галле при последней встрече.

Фридрих усмехнулся, достал целленхёрер, перевёл видеокамеру в покадровый режим и аккуратно переснял всё интересное.

Определённо, шпионская техника со времён полковника Исаева продвинулась настолько далеко, что перестала быть шпионской, – подумал он. Фотокамера в целленхёрере – уже распространённая игрушка; видео-, как и еще некоторые специальные функции, пока еще имеются только в таких машинках, как у него, но скоро и они войдут в стандартный набор. Впрочем, всё это мишура. Как и сто, и тысячу лет назад, сотрудник соответствующих служб отличается от обывателя не столько техническим оснащением, сколько начинкой черепа...

Закончив с записной книжкой, он поднялся на второй этаж, нашёл нужную дверь (она была деревянной, с набитым узором из золотых гвоздиков), решительно нажал на кнопку звонка и невольно вздрогнул – до того пронзительная трель раздалась за дверью.

Дверь открылась через пару минут.

На пороге стояла маленькая аккуратная старушонка непонятного возраста: на вид ей можно было дать от семидесяти до девяноста. Её тщедушное тельце было закутано в засаленный персидский халат, из-под которого выглядывали очень большие мягкие тапочки. Аккуратные белые волосы на голове выглядели неживыми. Пол-лица загораживали огромные очки в тяжёлой оправе. Оставшееся место занимал огромный нос характерной формы. Одного взгляда на этот нос было достаточно, чтобы понять: старая Берта не имеет никакого отношения к арийской расе.

– Штоб вы были здоровы, – заговорила она по-русски, произнося слова громко, но неправильно. – Таки я вас знаю? У меня другие очки и я плохо слышу. Мы знакомы, говорю я вам?

– Вряд ли мы зна... – начал Фридрих, прикидывая, насколько громко нужно разговаривать, и как связаны очки и хороший слух.

Она перебила его на середине слова – так, как обычно перебивают глухие:

– Таки не знаете. Тогда слушайте мине сюда. Я Берта Соломоновна. Я очень плохо слышу. Только высокие звуки. Я умею читать по губам. Но у меня сейчас не те очки. Это очки для чтения, а не для смотрения на людей. Подите ко мне ближе и говорите в моё лицо.

Власов подумал, что оставлять такого ребёнка, как Микки, на глухую, да ещё и подслеповатую старуху по меньшей мере неосмотрительно.

Он подошёл поближе, наклонился над сморщенной старушечьей мордочкой и сказал, отчётливо шевеля губами:

– Моя фамилия Власов. Я друг фрау Галле. Она оставила у вас своего сына...

На этот раз старуха поняла.

– Да, да. Мальчик. Мойше. Хороший мальчик, только беспокойный мальчик. Вы пришли его забрать?

– Нет. Я хочу посмотреть на него. Мне нужно убедиться, что всё в порядке.

Старуха совершенно не удивилась.

– Ну так идите смотреть на своего мальчика. Чего стоите? Проходите пока в обеденную. Я возьму другие очки, чтобы хорошо слышать. – Не дожидаясь ответа, она повернулась и пошла куда-то вглубь квартиры.

Власову ничего не оставалось, как последовать за ней.

"Обеденная" оказалась довольно большой комнатой с высоким потолком, под которым висела огромная люстра. Половину комнаты занимал огромный обеденный стол, застланный чистой, но пожелтевшей скатертью. Вокруг него сгрудилось стадо стульев на гнутых ножках с продавленными зелёными сиденьями. Грозно сверкал набитый хрусталём зеркальный сервант. Стены были увешаны старыми фотографиями в рамочках под стеклом. Под окном дышала жаром старинная чугунная батарея "гармошкой".

В воздухе витал какой-то слабый, но неприятный запах. Власову он, впрочем, был знаком по Софии: это была табачная вонь. Здесь курили – и совсем недавно.

Берта Соломоновна тем временем залезла в сервант и извлекла оттуда очки ещё большего размера, чем прежние.

– Ну вот, теперь вы можете, – заявила она, – чего хотели сказать. Лучше по-русски.

Власов повернулся к старухе лицом и медленно произнес, стараясь отчётливо артикулировать каждый слог:

– Госпожа Галле очень беспокоится за ребёнка. Она звонила всё утро, и никто не брал трубку...

– Я спала, – перебила его старуха. – Я пью снотворное утром. Я имею много макес и утром у меня они болят. Вы таки даже не знаете себе, как болят утром мои макес. Ди цейн вил нит княкн, дер тухес вил нит какн, – она гадко хихикнула.

– А потом трубку кто-то снял. И сказал что-то про арест... – закончил Фридрих.

Старуха сделала гримаску.

– Вот как? У нас сегодня никого нет. Только я и мальчик. Наверное, мальчик пошалил.

– Мать узнала бы голос сына, – возразил Власов. – Она сказала, что это был какой-то металлический голос.

– Ха! Я догадалась. Пойдёмте, – старуха показала на дверь.

В тесном коридорчике, заваленном всяким хламом, стоял колченогий табурет, на котором был укреплён – при помощи проволоки и каких-то завязок – довольно современного вида телефонный аппарат. Фридрих обратил внимание на ручку с английской надписью "volume" – видимо, специальная модель с регулируемой громкостью.

Берта Соломоновна, не глядя, засунула руку под табурет и торжественно извлекла оттуда жестяную трубу в виде расширяющегося конуса.

– Вот. Железный голос. Смотрите сюда.

Власов взял трубу в руки и осмотрел её. Это оказался примитивный рупор. Такие Власов видел в старой кинохронике.

– Он накрыл этим трубку и пугал свою глупую мать, – объяснила Берта Соломоновна. – Мишигин, – добавила она непонятное слово, судя по интонации, не слишком лестное.

– Я всё-таки хотел бы... – начал было Власов, но вовремя вспомнил, что старуха не слышит его, а в темноте коридора ещё и не видит его лица.

– Я показывала Мойше эту трубу. Мне нужна труба, чтобы слушать телефон, – продолжала Берта Соломоновна. – Мальчику понравилось. Бегал по квартире и кричал в неё глупости.

В этот момент аппарат испустил жуткую, режущую уши трель: звонок был выкручен на полную.

Старуха услышала.

– То мне, – она сняла трубку, подула в неё, после чего, сказав "говорите громче!", положила трубку на стул рядом и накрыла её трубой, приставив ухо к отверстию.

– Бум-бу-бу-бу-бум, бум-бум, – загудело в трубе. Фридрих с раздражением подумал, что, если бы не дурацкое приспособление, он услышал бы, о чём говорит собеседник. Похоже, труба была нужна не только для улучшения слышимости, но и в целях конспирации... И всё-таки, почему старуха не купит себе нормальный слуховой аппарат? Зачем все эти нелепые фокусы и ухищрения? Должна же быть какая-то причина...

Тем временем Берта Соломоновна вытащила трубку из-под конуса, коротко ответила: "потом, не сейчас", буркнула в сторону "шмекель" и бросила трубку.

– Вы таки будете смотреть своего мальчика? – спросила она Власова. Тот кивнул.

– Он в дальней. Туда идите, – она махнула рукой в конец коридора.

Фридрих прошёл до конца коридора и распахнул дверь.

Комната, видимо, была чем-то вроде спальни – во всяком случае, там были две большие кровати. На одной из них, раскинувшись, спал Микки, накрытый вязаным одеяльцем. Было видно, как одеяльце чуть поднимается и опускается в такт дыханию мальчика. На той же кровати валялись разноцветные тряпки – видимо, одежда мальчика – и маленький ботиночек.

Хозяйка тем временем дошлёпала до двери.

– Я дала мальчику своё лекарство, – сказала она, даже не пытаясь говорить потише. – Чтобы он спал. Он всю ночь бегал и всё утро. Не может сам заснуть. Надо же спать. Если не спать, заведутся червяки в голове и будут там делать бж, бж, – старуха сделала губами странный звук.

– Вы дали ребёнку снотворное? Это же опасно, – не сдержался Власов, но вовремя сообразил, что старуха его не слышит. Он повернулся к ней и сказал то же самое.

– Вы что-то такое говорите? Я не вижу. Разговаривать в обеденной, – решительно заявила Берта Соломоновна. – Будете кофе?

Власов немного подумал, потом решил согласиться и энергично кивнул.

– Тогда ждите меня. Я сделаю кофе вам и себе. Очень хороший, – добавила она.

Старуха тяжело вздохнула, повернулась спиной – тут Фридрих заметил, что, вдобавок ко всем прочим своим прелестям, она ещё и горбата – и, загребая ногами, потащилась куда-то в темноту. "Баба-Яга" – вспомнил Власов самую популярную героиню русского фольклора.

Вернувшись в "обеденную", Власов решил осмотреться более тщательно – на всякий случай. Его внимание привлекли фотографии на стенах. Они оказались интересными, но непонятными – какая-то барышня в шляпке, кудрявый мальчик, мужчины в шляпах и пиджаках странного кроя (Фридриху вспомнилось старинное слово "сюртук"). В самом углу почти под потолком в узенькой рамке висела пожелтевшая фотокарточка размером с половину почтовой открытки. Власов прищурился – что-то в этой карточке ему не понравилось. Зрение его не обмануло: мужчина на фото был в

большевицком мундире с кубарями.

Власов присел на стул с гнутыми ножками и начал размышлять. Похоже, с мальчиком и в самом деле всё в порядке. Правда, старуха дала ему лекарство – но ведь и фрау Галле говорила, что у него плохой сон, и по крайней мере однажды на его памяти заставляла его пить снотворное. Берта Соломоновна могла пользоваться какими-нибудь сильнодействующими средствами, которые могут повредить ребёнку. Но, кажется, она всё-таки отдаёт себе отчёт в том, что делает... Ситуация с "металлическим голосом", который якобы сообщил о каком-то аресте, тоже вроде как разъяснилась: от Микки следовало ожидать пакостей, это вполне в его духе... А всё-таки странно, что мать не узнала голоса своего ребёнка, пусть даже из рупора... Значит, она чего-то боялась – пришёл к выводу Власов. Причём на рецидив страха перед тюрьмой не похоже. Тут что-то другое...

Власов понял, что нащупывает нить. У фрау Галле был повод бояться. И более того: боялась она именно ареста. Она что-то сделала – решил он. И сделала совсем недавно, вот только что. Сделала буквально вчера... и скрывает это. Фридрих решил как следует нажать на журналистку, чтобы вытрясти из неё правду.

Теперь – хозяйка квартиры. Что называется, типаж – внешность, словечки, манеры... Странно – юде обычно стараются не демонстрировать своё происхождение, предпочитая выдавать себя за дойчей. Впрочем, в российских либеральных кругах к ним принято относиться иначе. Да и фрау Галле назвала старуху "нашей", это тоже показательно... Но ведь и консьержка внизу, явная фолька, говорила о "старой Берте" с симпатией. Кстати, откуда у старухи такая роскошная квартира? Берта Соломоновна не производит впечатление состоятельной женщины... хотя это может быть тоже игрой... Держит себя уверенно. Совершенно не удивилась его приходу: видимо, гости здесь бывают часто. И ещё запах табачного дыма... народ сюда ходит непростой. То есть, как минимум, регулярно посещающий посольства или представительства стран западного блока. К тому же привычку к табаку надо ещё где-то приобрести... н-да, интересные господа посещают эту квартирку. И фотография... держать подобное на стене – пусть даже в тёмном углу – мягко говоря, вызывающий жест. Хотелось бы знать, что думает по поводу всего этого ДГБ? Надо будет сделать запрос через Управление...

Заскрипела дверь. В комнату бочком влезла – другое слово тут было бы неуместным, подумал Фридрих, – старуха, неся поднос с двумя крохотными фарфоровыми чашечками, кофейником и затейливой стеклянной бутылкой, на дне которой плескалась бурая жидкость.

– Штоб вы знали, настоящий коньяк "Хеннеси", – заявила старуха, пододвигая чашечку поближе ко Власову. Руки у неё были как птичьи лапки – иссохшие и сморщенные.

– Простите, я не употребляю алкоголь, – Власов поднял глаза на старуху и повторил, чётко артикулируя: – Я не буду пить. Я приехал на машине и не хочу неприятностей с полицией, – добавил он, не желая вдаваться в идейный спор.

– Ха! Это для вкуса. Одна ложечка, и вы таки имеете другой кофе. Вы пробуйте, а потом будете мине говорить за мой кофе, – отпарировала Берта Соломоновна и всё-таки влила в его чашку немного коньяка.

Фридрих усмехнулся: старая Берта оказалась настойчивой, чтобы не сказать настырной.

– Ну таки что вам ещё от меня интересно? – спросила старуха, сделав первый

глоток.

Власов пригубил напиток. Насколько он понимал, кофе был хороший.

– Я друг фрау Галле, – повторил он. – Она сейчас в чужом городе, и я за неё беспокоюсь. За неё и за ребёнка.

– Вы говорили, как вас звать. Я забыла. Повторите ещё, – потребовала Берта Соломоновна.

– Власов. Фридрих Власов, – повторил он.

Старая Берта помолчала, пожевала губами.

– Вы таки, мне кажется, интеллигентный человек. Зачем вам эта девка? Вы ведь не скажете старой Берте, что имеете всякие виды?

– Что? – не понял Фридрих.

Старуха сделала непристойный жест.

Власов скривился.

– Или это такая ваша работа? – не отставала хозяйка квартиры.

Власов внутренне собрался.

– Ни то, ни другое, – сказал он, смотря в лицо старухи и стараясь артикулировать речь. – Фрау Галле попала в плохую историю. Я должен ей помочь. Вот и всё.

Старуха снова замолчала. Пожевала губами.

– Да, она говорила за вас. Много. Она думает за вас всякие вещи. А я думаю, это такая ваша работа. Я знаю за вашу работу всё что надо. Вы приходите вечером как-нибудь. Мы поговорим о всяких вещах.

– Сейчас госпожа Галле сидит в машине и ждёт меня, – напомнил Власов. – Я должен идти.

– Да. Идите, – разрешила старуха.

– Вы справитесь с мальчиком? – на всякий случай поинтересовался Фридрих.

– Цедрейт мальчик. Я вам скажу такую вещь, что мама плохо его любит, – ответила Берта Соломоновна.

– По-моему, она его слишком любит, – не удержался Фридрих.

– Чего вы такое говорите? Слишком? Может быть. Но она его любит неправильно. Она сделала ему лох ин коп, – безапелляционно заявила старуха. – Я говорю, у него дырка здесь, – она выразительно постучала длинным иссохшим пальцем себе по лбу. Линия волос чуть сместилась, и Власов понял, что старая Берта носит парик.

– Да, мне тоже показалось, что у мальчика есть проблемы, – осторожно согласился он.

Старуха неопределённо хмыкнула.

– Вы придёте ещё, – заявила она. Это был не вопрос, а утверждение. – Такая ваша работа с фрау. Не беспокойтесь, я понимаю за такую работу. А кац ин енчкес вет ке майз нит хапн, так?

Она заметила недоумение на лице Власова и перевела:

– Кошка в перчатках не поймает мышку. Старая Берта за жизнь делала всякие штуки без перчаток. Но я таки ловила всяких мышек. Вы про то скоро будете знать, если я что-то понимаю за эти дела. А сейчас идите к своей фрау, пока она там ещё живая!

Старуха внезапно встала, вышла из комнаты и куда-то зашлёпала. На столе остался поднос с двумя чашечками.

Власов машинально отхлебнул остатки кофе, собираясь с мыслями. Последний намёк Берты Соломоновны был достаточно прозрачным. В таком случае поведение

старухи имело понятное и очевидное объяснение. Даже её поспешный уход был, по сути, жестом своеобразной деликатности – она давала ему возможность тихо покинуть квартиру, никак не обнаруживая своей реакции. Немного подумав, Фридрих решил так и поступить.

Когда он выходил из подъезда, первое, что он заметил – это распахнутую настежь дверцу своей машины.

Первое, что он сделал – это немедленно шагнул назад и захлопнул дверь. Потом, уже с оружием в руках, осторожно выглянул.

Двор был пуст. На мокрую грязь намело свежего снежочка.

Он быстрым шагом подошёл к машине, уже точно зная, что фрау Галле в салоне нет.

Kapitel 19. Тот же день, около полудня. Москва, улица Бутырский Вал.

Фридрих, бросая быстрые взгляды по сторонам, осторожно обошел машину вокруг. Заглянул в пустой салон, потом – под днище. Пришлось опуститься на колени в присыпанную снегом грязь. Не увидев никаких сюрпризов, он поспешно встал, брезгливо отряхивая брюки. Выудил из кармана дистанционный пульт, активизировал сканирующее устройство. Желтый огонек помигал и сменился зеленым. Так, похоже, с машиной все в порядке. Следов борьбы в салоне нет. Равно как и следов на снегу, ведущих к автомобилю, исключая его собственные. Стало быть, фрау Галле выскочила из машины сама.

Власов проследил взглядом цепочку отпечатков, начинавшуюся от распахнутой двери – все же и от снега есть польза... выскочила и побежала прочь со двора. Ее никто не преследовал.

Он захлопнул дверь и быстро пошел по следу, на ходу извлекая из кармана салфетку. Вот же проклятая идиотка! И он тоже хорош – надо было поставить дверцы на жесткую блокировку, пусть бы посидела взаперти. Конечно, в этом случае она дошла бы до совершенно невменяемого состояния и, пожалуй, кинулась бы на него с кулаками. Ну уж укротить истеричку он как-нибудь смог бы, а вот теперь ищи ее по всей Москве... Номер своего целленхёрера она так и не сказала. В записной книжке, насколько помнил Фридрих, его тоже нет. Во всяком случае, обозначенного явно.

Впрочем, по всей Москве – это, конечно, преувеличение. Несмотря на метель, следы совсем свежие, Франциска убежала буквально пару минут назад. Вряд ли за это время она успела добраться до какого-либо транспорта. Если вообще хотела именно уехать, а не спрятаться где-нибудь поблизости...

Размышляя таким образом, Фридрих выбежал со двора на улицу Бутырский вал. Здесь следы, разумеется, терялись. Посмотрев в обе стороны, Власов убедился, что никаких остановок муниципального транспорта поблизости нет. И никакие бегущие фигурки вдали тоже не маячили. Да и ее сапожки на высоких каблуках мало подходят для длительных пробежек (собственно, для нормальной ходьбы тоже, особенно по московским зимним улицам; Власов всегда удивлялся нелепости женской моды, в которой, кажется, главным принципом была нефункциональность). Значит, скорее всего, она юркнула в какой-нибудь магазин... или, скорее, в какую-нибудь забегаловку, где можно спокойно посидеть в тепле и перекусить.

Фридрих присмотрелся к фанерной раскрашенной фигуре, стоявшей поперек

тротуара метрах в ста дальше по улице и указывавшей рукой на вывеску заведения. Фигура изображала трактирного полового начала века. Без дальнейших колебаний Власов направился туда.

"Трактиръ 'Елки-Палки'" – гласила вывеска. Фридрих усмехнулся очередному проявлению российского кича. Тут вам и архаичный твердый знак, и название, которое, насколько Власов помнил, было восклицанием досады. И более того – как и все русские восклицания на "ё", эвфемизмом матерной брани. Фридрих представил, как где-нибудь на берлинской улице открылось бы кафе "Шайсе". Впрочем, елки – это все-таки не дерьмо... Хотя в пищу тоже не годятся.

Он потянул на себя дверь и вошел. Внутри, вопреки ожиданиям, не оказалось почти никаких аляповатых стилизаций "а ля рюс", если не считать тележного колеса, зачем-то прибитого к стене; в остальном это была обычная маленькая харчевня средней руки. Народу, по причине дневного времени и не располагающей к прогулкам погоды, было немного, большинство сидело прямо в верхней одежде. Толстая пожилая официантка в белом халате как раз сгружала тарелку с мясом и гречневой кашей на столик очередного клиента. Из динамика в углу лилось "Бесаме мучо" в надрывном исполнении какой-то новомодной певички. У Фридриха возникло острое желание пристрелить страдалицу, чтобы не мучилась.

Франциски ни за одним из столиков не было. Однако, посмотрев в дальний угол, погруженный в полумрак, Власов увидел ее возле висевшего на стене старомодного телефона-автомата.

Прижимая ухом трубку, она крутила металлический диск, другой рукой держа перед глазами какой-то листок бумаги, слишком большой, чтобы быть визитной карточкой. Фридрих направился к беглянке, стараясь, однако, не производить лишнего шума – ему хотелось взглянуть на листок и послушать разговор. Но, когда он оказался за спиной фрау Галле, та почуяла его приближение и резко обернулась, комкая листок. Фридрих успел увидеть заголовок: "Рожденные свободными – читайте и боритесь!" Очевидно, это была листовка какой-то демократической организации. В таком случае, после основного текста воззвания был, очевидно, указан контактный телефон и счет для пожертвований.

Женщина поспешно повесила трубку на рычаг – словно застигнутый воришка, бросающий чужой кошелек. Впрочем, она уже поняла, что перед ней Власов, и ужас в ее глазах сменился простым испугом.

– Так, – сказал Фридрих, не повышая голоса. – Я бросаю дела, срываюсь с места и мчусь через всю Москву разбираться с вашими проблемами. От вас при этом требуется только одно – сидеть в машине и ждать меня. Вместо этого вы бросаете машину, не поставив меня в известность и даже не закрыв дверь, и убегаете черт знает куда только потому, что вам приспичило позвонить друзьям?!

– Фридрих... – казалось, она сейчас расплачется, – простите меня, Фридрих, но там был полицейский... Я... я так испугалась, я думала...

– Какой еще полицейский?

– Русский. Вышел из подъезда. Я думала, что вас...

– Ясно. И вы бросились наутек. Поздравляю – лучший способ привлечь к себе внимание полицейского и придумать трудно. Будь это в Дойчлянде, он непременно остановил бы вас, и стал бы стрелять, если бы вы не послушались. Скажите спасибо русскому разгильдяйству... С вашим сыном все в порядке, – ответил он, наконец, на ее

немой вопрос. – Никто никого не арестовывал. Он просто пошутил над вами. У этой старухи есть такая железная труба, изменяющая голос... Кстати, кто такая вообще эта Берта? Почему вы сказали, что она из наших? Она же стопроцентная юде.

Фридрих, впрочем, тут же понял, что задал глупый вопрос. Но фрау Галле его уже не слушала. После пережитого страха наступила разрядка, и женщина едва держалась на ногах. Она даже оперлась о стену, чтобы не упасть. "Типичная истерическая реакция", – отметил про себя Власов.

– Давайте сядем, – обессилено предложила она, делая движение корпусом к ближайшему столику.

– Не здесь, – возразил Фридрих, – вы многое должны мне объяснить, и нам ни к чему лишние уши. Вернемся в машину, – пресекая ее дальнейшие колебания, он вновь, как на выходе из тюрьмы, крепко взял ее за локоть и повел на улицу.

Три минуты спустя они снова сидели в "BMW". Власов, однако, не спешил трогаться с места. Вместо этого он нажал неприметную кнопочку. Теперь пассажирка не смогла бы выскочить из машины, даже если бы очень захотела.

– А теперь, – констатировал Фридрих, оборачиваясь к журналистке, – вы расскажете мне, что вы натворили и почему вы так боитесь русской полиции. Только не врать.

– Ну, вы же понимаете, – заюлила фрау Галле, стараясь не встречаться с ним взглядом, – сначала я не могу дозвониться, потом эта дурацкая фраза про арест... извините, что причинила вам столько хлопот, но я...

– Я сказал – не врать! – рявкнул Власов, пресекая весь этот лепет. – Между прочим, это одно из главных условий, на которых я согласился вам помогать. Вы приняли голос маленького ребенка, пусть даже искаженный, за голос взрослого человека. Вы бросились бежать от первого же полицейского, который шел по своим делам и, похоже, вообще не смотрел в вашу сторону. Вы несли мне какую-то несусветную чушь про международный заговор спецслужб с целью арестовать пятилетнего мальчика и заставить его от вас отречься... Так ведет себя только человек в глубокой панике. И паниковать вы начали до того, как дозвонились до Микки. Что вы сделали вчера? Ну? Говорите! У вас десять секунд, или я сам отвезу вас в полицию!

– Хорошо, – сдалась Франциска, глядя куда-то в сторону рычага переключения скоростей. В руках она что-то комкала; Фридрих понял, что это была все та же листовка. Теперь она принялась отщипывать от нее мелкие клочки. Мусор в машине был Власову совсем ни к чему, но он решил не перебивать готовое вырваться признание. – Я... я вечером забралась в одну квартиру.

– Вы имеете в виду – в отстутствие хозяев и против их воли? – Власов был настолько удивлен, что даже не попытался это скрыть. Такого он никак не ожидал. Он, конечно, слышал об аналогичных подвигах западных папарацци, но Галле вроде бы была совсем по другой части.

– В отстутствие... да. Я не воровка! – пылко воскликнула вдруг Франциска. – Но поймите, у меня просто не было выхода. Хозяин умер, и квартиру опечатали. А мне нужно было забрать... одну вещь... мы с ним договорились...

– Так. Имя, адрес и что это за вещь.

– Неважно, все равно этой вещи там нет... я думаю, может, ее вообще не было...

– Что важно, а что неважно, решать буду я! – снова гаркнул Фридрих. Теперь он был разъярен по-настоящему. – И нечего отворачиваться! – рукой в перчатке он ухватил

ее за подбородок и развернул к себе. Фрау Галле слабо пискнула. – Вы понимаете, чертова идиотка, что вы наделали?! Влезть в опечатанную квартиру! В квартиру, находящуюся на контроле у полиции! – на какой-то миг у него мелькнуло подозрение, что это была квартира Вебера, хотя такое выглядело совсем невероятным. – Небось, отпечатки теперь на каждом предмете! – (Журналистка попыталась протестующе замотать головой.) – Вам так понравилось в русской тюрьме? На сей раз даже я не смогу вас вытащить! Это уже не подброшенный наркотик – вы сами, по доброй воле, совершили серьезное уголовное преступление! До восьми лет по русскому кодексу! – цифру Фридрих назвал наугад, но заметил, что она произвела впечатление. – И если я буду вас покрывать, то становлюсь соучастником!

– Я сегодня же улечу в Берлин, – пробормотала одними губами фрау Галле, тщетно пытаясь вырваться из его руки.

– Вы будете делать только то, что скажу я! Имя этого вашего покойника! Ну? Вы будете говорить, или мне вас ударить?

– З-зайн... – выдавила из себя Франциска. – Хайнрих цу Зайн-Витгенштайн.

– Т-так, – выдохнул Власов, отпуская ее.

Частицы мозаики моментально встали на место – хотя пока еще, конечно, не все.

– Значит, это он – тот самый старый летчик, которого вы пытались представить мне, как танкиста. Дед Микки и владелец дорогой книги. А книга, очевидно, и есть та самая "одна вещь".

Фрау Галле несколько раз кивнула. По ее щекам текли слезы, размазывая косметику.

– Вы были там одна?

– Да.

– Кто-нибудь еще знает об этом?

– Напрямую нет, но могут догадаться. Они помогали мне... собирать информацию.

– Это люди из демдвижения?

– Да. Через них я наводила справки о нем из Берлина.

– Но вчера вы с ними тоже встречались и обсуждали эту тему?

– Да, – она смотрела на него с надеждой и страхом одновременно.

– Значит, так, – сказал Фридрих. – Есть два варианта. Первый – я сдам вас полиции. Между прочим, это мой гражданский долг, – он выдержал драматическую паузу. Фрау Галле молчала. – Второй – я попытаюсь вытащить вас из этой истории без большого для вас ущерба. Может быть, даже с прибылью. Трехсот тысяч долларов, конечно, не обещаю. Собственно, я вообще ничего обещать не могу. Но это ваш лучший шанс. Однако при этом вы должны будете говорить мне только правду и всю правду. И выполнять все мои распоряжения точно, быстро, без лишних сомнений и вопросов. Не стану утверждать, что все это – исключительно в ваших интересах. Кое-что будет и в моих интересах, но я имею право на компенсацию за хлопоты и опасности, которым себя подвергаю. Так какой вариант мы выберем?

Франциска по-прежнему молчала, полагая, вероятно, что ответ не требуется.

– Я жду, – напомнил Власов. – Я хочу, чтобы вы сказали это вслух. Учтите, вариантов только два.

– Я... всё, кроме... я выполню все ваши условия, – фрау буквально заставила себя произнести эти слова.

– Ещё раз. Все условия? – Власов нажал голосом на слово "все".

– Да. Все.

– Хорошо. Тогда продолжим. О чем именно вы вчера говорили с этими людьми?

– Я просила найти адрес Витгенштайна. Мне сказали, что он умер. Оказывается, были уже некрологи в газетах... даже сюжет в "Вестях", это программа на российском ти-ви... (Власов машинально отметил, что она употребляет английскую форму вместо принятого в Райхсрауме "фернзеен".) – Адрес нашли. Андрей, тот любезный молодой человек с "Запорожцем"... у него на рехнере база данных по московским адресам и телефонам...

– Вы понимаете, что такая база в руках частного лица – это незаконно? Да и откуда у молодого человека из демдвижения деньги на "Запорожец", тоже вопрос интересный. Едва ли он мог их заработать легальным путём. Вы понимаете, во что влипли?

Фрау Галле лишь беспомощно взглянула на него и пожала плечами.

– Я не интересовалась... Знаете, на Западе не принято считать деньги в чужом кармане... в нашей среде тоже это не принято... мало ли кому сколько платят...

– Ну конечно, – усмехнулся Фридрих, – и вам даже не приходило в голову задуматься, кому выгоден подобный обычай. Человеку, который честно зарабатывает и честно платит налоги, нет смысла скрывать свои доходы, не так ли? На Западе, помимо прямых воров, есть еще плутократы-олигархи, которым удобнее эксплуатировать работников, когда те не знают, сколько получают их коллеги. В итоге каждому можно платить жалкие центы, давая при этом понять, что он и так получает больше других... Ладно, политэкономией займемся в другой раз. Хотя, похоже, вам не помешало бы взять несколько уроков этой полезной науки. Это уберегло бы вас от больших разочарований... – он говорил, внимательно наблюдая, как расслабляется, разглаживается лицо журналистки. Речь Власова действовала на неё успокаивающе, но при этом не давала собраться с мыслями. Когда он заметил, что она пытается сосредоточиться, он снова перешёл к вопросам:

– Как вы попали в квартиру? И в дом заодно. Если я что-нибудь понимаю, князь Зайн-Витгенштайн жил в доме с охраной. Отвечайте быстро! – рявкнул он, заметив, что она медлит с ответом, явно пытаясь что-то придумать.

– Да, там был консьерж... Но я подготовилась. Я взяла из той же базы данных имена и телефоны соседей Витгенштайна. Позвонила, нашла несколько номеров, где никого не было дома. Андрей подвез меня, я еще раз проверила из машины телефон, потом вышла и сказала Андрею, чтобы он меня не ждал. Консьержу я сказала, что я к фрау Вольф, тот ответил, что ее нет дома, я сказала, что, значит, она сейчас подойдет, потому что мы договорились... В общем, он впустил меня. Не оставлять же меня мерзнуть на улице в эту дрянную погоду... Наверное... – женщина впервые за весь день улыбнулась, – тут сыграло роль и то, на чем я приехала. Он видел "Запорожец", там над подъездом видеокамера, – фрау Галле замолчала и посмотрела на Власова, явно ожидая, что он оценит по достоинству столь хитроумную комбинацию.

– Чудесно, просто чудесно, – кивнул Фридрих, – вас видели, вас, вероятно, даже засняли на камеру. А когда полиция начнет разбираться с проникновением в квартиру, то первым делом выяснит, кто из чужих приходил в дом. И очень быстро установит, что фрау Вольф не ждала и не видела никаких визитеров. При том, что ваши фото анфас и в профиль, а также отпечатки пальцев, уже есть в архивах московской крипо. Просто прелесть что такое. Нет чтобы и впрямь найти благовидный предлог для визита к какой-нибудь старушке, не слишком внимательно следящей за временем, и обеспечить себе хоть

минимальное алиби... не говоря уже о глупости всей этой авантюры как таковой...

– Отпечатков я не оставила! – ухватилась журналистка за единственный пункт, в котором могла оправдаться. – Я об этом помнила, я была все время в перчатках...

– Как вы попали в квартиру? Ваши новые друзья снабдили вас отмычкой?

– Нет, конечно. Вы совершенно напрасно считаете либералов какими-то преступниками! Просто я рассудила, что, если дверь уже вскрывали, войти будет нетрудно.

– Не понимаю, зачем было ее вскрывать. У Витгенштайна наверняка были с собой ключи. И даже если местный околоточный не додумался затребовать их и взломал дверь, в тот же день должны были поставить временный замок. Это же стандартная практика.

– Может быть, у нас, но не в России. Ну, если бы не вышло, я бы просто вернулась ни с чем. Но все получилось, как я рассчитывала.

– Кроме того обстоятельства, что книги вы не нашли.

– Да. Не думайте, я искала не только в шкафах и в столе. Я простучала все стены и пол в поисках тайников. Ее нигде нет.

– Самое время рассказать мне, что это за книга.

– Не знаю. Власов, я правда не знаю! Он не говорил. Сказал только, сколько она стоит на Западе.

– Опять врете, – произнес Фридрих с отвращением. – Как вы могли искать, не зная, что ищете?

– Я бы узнала ее, если бы увидела. Она... не печатная.

– Что значит не печатная? Рукописная? Или, может, электронная?

– Да, – энергично кивнула журналистка. – В смысле, "да, рукописная". Старинная рукописная книга.

– Вы говорили, что она ценна не только в денежном плане. И что ее продажа может не понравиться патриотам Райха вроде меня.

– Ну да, конечно. Это же культурно-историческая ценность.

– Зачем продавать ее именно на Запад? Райх ценит свои культурные сокровища. Имперские музеи и библиотеки дали бы хорошую цену. Вам-то, может быть, все равно, у кого брать деньги, но цу Зайн-Витгенштайн... его трудно было обвинить в отсутствии патриотизма.

Фрау Галле хотела было в очередной раз сказать "я не знаю", но поняла, что Фридриха никак не устроит такой ответ.

– Видите ли... – замялась она, – эта книга... не дойчская. Она захвачена во время войны. Кажется, во Франции... да, точно, во Франции. А потом, как вам известно, были соглашения о реституции.. и эта книга под них попала... но Райх отрицает само ее наличие на нашей территории. Собственно, правильно отрицает, она ведь в России... но если она объявится в Фатерлянде, мы должны будем ее вернуть. Поэтому бессмысленно пытаться продать ее официальным структурам. А на Западе есть заинтересованные лица... коллекционеры... люди с положением, которые не очень интересуются происхождением раритетов...

– То есть вы рассчитываете продать её высокопоставленным скупщикам краденого, – констатировал Фридрих. – Что ж, логично. Я давно замечал, что либералы на практике признают, что их обожаемый Запад управляется ворами, и даже рассчитывают на это. Очень, очень любопытно. Так что это за книга? Кто её автор?

– Не знаю, – упёрлась журналистка.

– Вы собираетесь её продавать, даже установили цену – и не знаете, что продаёте? – саркастически осведомился Фридрих.

– Я даже не знаю, существует ли она! – попыталась контратаковать Франциска. – Может быть, старик все придумал. Чтобы повидать внука, ну или я не знаю зачем... Или вообще письма от его имени писал не он! Может, это все-таки игра спецслужб?

– Или кого-нибудь еще, – отозвался Власов.

"Ваших дружков, например", – хотел добавить он, но решил не дразнить ее лишний раз. К тому же он так не думал. Интуиция подсказывала ему, что здесь игра более серьезная, и Галле – не такая фигура, чтобы заманивать ее в Москву столь экзотическим способом... Книга, скорее всего, была. И самый очевидный вариант – ее изъяла полиция, проводившая осмотр квартиры. Надо сделать запрос. Основания для этого есть: Райхспрезидент Шук в свое время вернул Зайн-Витгенштайну имперское гражданство, хотя гордый старик об этом и не просил. Значит, все имущество князя принадлежит теперь Райху, если, конечно, не существует завещания, декларирующего иное. Но вряд ли оно существует, коль скоро князь планировал решить этот вопрос лишь после встречи с Микки...

Если русские признают, что книга у них, по крайней мере на этом направлении все прояснится. Если же нет... это может быть и ложью, и правдой. Если это правда, тогда книгу успел прихватить кто-то еще. Влез в квартиру еще раньше? Едва ли это было так просто. Старик был очень осторожен, достаточно вспомнить, по какой схеме он переписывался с Галле. Если он опасался, что за книгой идет охота, то вполне мог передать ее кому-то на хранение. Возможно, именно после встречи с этим человеком князя и настиг сердечный приступ? Почему после, а не до? Потому что исходим из предположения, что книги у него уже не было... И, кстати, был ли тот приступ естественным? Хорошо бы взглянуть на заключение патологоанатома...

Хотя, конечно, сама книга может оказаться пустышкой, представляющей, действительно, лишь музейную ценность. И уж точно не связанной ни с большими интересами Райха, ни с Зайном, ни с гибелью Вебера.

Впрочем, чем дольше Власов думал об этом, тем больше сомневался в антикварной версии. Похоже, госпожа Галле придумала историю с реституцией прямо на ходу. Он мог бы снова надавить на нее, но решил, что пока не стоит – лучше сначала навести справки по своим каналам. Если эта особа думает, что дала ему мало опорных точек, то она заблуждается. Вот если окажется, что о книге с описанными признаками никто не слышал... Впрочем, и в этом случае возможно, что фрау Галле не врет, а лишь повторяет ту версию, которую изложили ей самой. В этом случае книга действительно представляет собой средневековый раритет, поскольку Франциска должна ее узнать. Хотя прочитать вряд ли сможет – книги в те времена писали преимущественно на латыни... Что может быть в этой книге, кроме ее древности? Какие-нибудь драгоценности, вделанные в переплет? Нет, скорее все же что-то в самом содержании. Книга рукописная, существует в единственном экземпляре... Что это? Хроника? Религиозный трактат? А если, допустим, в ней зашифрован путь к каким-нибудь старинным сокровищам? Звучит, конечно, по-холливудски, но почему бы нет? Во всяком случае, те, кто охотятся за книгой, могут всерьез в это верить. Особенно западники, впитавшие те самые холливудские сюжеты с молоком матери – точнее, с искусственной смесью "Джонсон'з бэби"... А возможен и еще более забавный вариант. Книга может оказаться творением какого-нибудь средневекового мистика и содержать "рецепты" философского камня или управления демонами. Вот уж

что точно по-холливудски. Хитлер искренне верил в оккультизм, и многие из его близких соратников тоже. Кстати, Зайн-Витгенштайн вполне мог интересоваться чем-то подобным... Но после Сентябрьских убийств в Райхе настало время прагматизма и здравого смысла. И, разумеется, работы в области ракетостроения, реактивной авиации и электроники оказались куда эффективнее поисков Шамбалы. Но нет в Америке такого бездарного режиссеришки или страдающего творческим запором автора комиксов, который не потоптался бы на теме "нацисты и мистика". Один только сериал про эту, как ее, Индиану Крофт чего стоит... а ведь это еще даже не худший.

Неужели Вебер, с его блестящим математическим умом и очевидным презрением ко всякому мракобесию, погиб из-за чьих-то суеверных бредней? Вот была бы ирония судьбы...

Впрочем, напомнил себе Власов, никаких реальных ниточек между Вебером и историей с книгой пока что нет. Зато выстраивается следующая конструкция. Никому, конечно, не нужно использовать книгу и Витгенштайна, чтобы заманить Галле в Москву. Как раз наоборот: ее используют в качестве наживки для осторожного князя, скрывавшего, вероятно, сам факт существования книги. После того, как наживка заглочена и князь выдал свою тайну, в журналистке больше нет нужды. Смерть ее, впрочем, тоже никому не нужна, и ее просто нейтрализуют на несколько дней, подбросив наркотик. За это время заинтересованные лица должны были завладеть книгой. И, вполне вероятно, завладели. Возможно, подослав старику под видом Галле свою агентессу. Ведь официальная российская пресса ничего не писала об аресте журналистки, а либеральный samisdat типа "Свободного слова" Зайн-Витгенштайн едва ли читал...

– Витгенштайн знал, как выглядите вы и Микки? – спросил Фридрих. Франциска, все это время выжидательно смотревшая на него, вздрогнула.

– Да... я посылала ему фотографии.

"Это еще ничего не значит", – подумал Власов. Он знал, чего можно достигнуть умелым наложением грима. Предположим, пятого числа Витгенштайн отдал им книгу... либо, напротив, раскусил обман? Что и заставило его переволноваться... если, конечно, ему не помогли умереть более вещественным способом... Впрочем, напомнил себе Фридрих, это все пока просто догадки. Попробуем с другого конца – кто могли быть эти таинственные "они"?

– Кто еще знал о книге, кроме вас?

К этому вопросу фрау Галле явно не была готова. Ее первым движением было сказать "никто", но, бросив косой взгляд на Фридриха, она лишь протянула: "Ну... вообще-то..."

– Вам еще раз напомнить, о чем мы договорились? – холодно осведомился Власов. – Хорошо, я сам скажу. Ваши новые московские друзья и их единомышленники в Берлине, не так ли?

– Ну... кое-кто из них, да... не то чтобы подробно... вы понимаете, книгу надо переправить на Запад, они обещали помочь... у них большой опыт в таких делах.

Фридрих знал, о каком опыте речь. Рукописи диссидентов, переправляемые для печати в атлантистские страны и возвращающиеся назад уже в виде книг, как правило, замаскированных под что-нибудь благонадежное. Большая часть этого потока, несмотря на все ухищрения СЛС со товарищи, успешно перехватывается, но кое-что все же просачивается. Доходило до курьезов; Фридрих вспомнил сборник статей академика Сахарова, изданный под видом "Моей борьбы". При этом господа либералы, надеясь

обмануть бдительность таможни, не ограничились одной лишь обложкой: хитлеровский текст был честно вопроизведен на всех нечетных страницах, а сахаровскому достались четные, так что выходило, что книга агитирует за обе идеологии в равной степени...

– Похоже, мне настала пора познакомиться поближе с вашими соратниками, – заявил Власов. – Когда вы сможете мне это устроить? Желательно, конечно, так, чтобы не вызывать у них лишних подозрений.

– Сегодня у нас что – пятница?

– Четверг.

– Значит, завтра. По пятницам... – фрау Галле расправила остатки листовки, которые все еще сжимала в кулаке, – да, точно, по пятницам в редакции "Свободного слова" собеседования. Может прийти любой интересующийся демдвижением. Желающий вступить и просто...

Уж не на такое ли собеседование отправился в последний день своей жизни Вебер?

– Ну что ж, будем считать, что я интересующийся. Тем более что в определенном смысле это так и есть. Во сколько и где?

– Официально начинается в четыре, хотя там не обязательно приходить в определенное время. Квартира недалеко от Университета, на Ласточкиных горах...

– На Воробьевых, – поправил Фридрих. – Я заеду за вами в... – он сверился с экраном навигатора, – в 15:20. До этого – никакой самодеятельности. Сидите в своем номере. Если кто-то будет звонить вам и настаивать на встрече – сразу ставьте в известность меня. Кстати, номер вашей трубки – тот, с которого вы звонили?

– Да, – кивнула Франциска, а затем взглянула на Фридриха просительно: – А сейчас я могу повидаться с сыном? Чтобы все-таки убедиться, что все нормально...

– Можете, – разрешил Власов. – Недолго. Я не собираюсь торчать тут два часа.

Он проводил ее взглядом; фрау Галле постояла у подъезда, очевидно, говоря с консьержкой, затем скрылась за дверью. "Хорошо бы сейчас уехать", – мстительно подумал Фридрих. Пусть бы потом пометалась, гадая, где он и что с ним... Но это, конечно, была неконструктивная мысль.

Не успел он, однако, додумать ее до конца, как в кармане проснулся целленхёрер. Фридрих вытащил его, взглянул на экранчик. Вместо номера звонящего чернели прочерки, но уже тот из власовских номеров, на который поступил звонок, говорил о многом.

– Алло?

– Herr Wlasow? – в голосе чувствовался русский акцент; сам голос был незнакомый.

– Да, это я.

– Майор Никонов из Департамента, – уточнять, из какого именно, не требовалось. Майор сделал короткую паузу, на всякий случай давая собеседнику осознать этот пункт, затем продолжил: – Я думаю, нам нужно поговорить. Возникли некоторые вопросы.

– Очень удачно – у меня к вам тоже, – заверил Фридрих.

То, что разговор не телефонный, в уточнении тоже не нуждалось.

Kapitel 20. Тот же день, после полудня. Москва, площадь Освобождения, 9.

На сей раз никаких проволочек в бюро пропусков не было. Фридрих поднялся на второй этаж и, еще раз сверившись с выданной ему бумажкой, постучал в дверь кабинета

212. Вместо ожидаемого "войдите!" за дверью несколько секунд стояла тишина, затем где-то рядом скрипнула половица и тут же клацнул замок. Дверь приоткрылась, и Власов оказался лицом к лицу с невысоким подтянутым офицером в серой форме с майорскими погонами.

Майор был, вероятно, ровесником Фридриха или чуть помоложе; густые, как у юноши, черные волнистые волосы и черные глаза наводили на мысль о южных корнях, скорее всего, казачьих (Власов знал, что русский ДГБ до сих пор чрезвычайно щепетилен в вопросах чистоты крови своих сотрудников – куда более щепетилен, чем то же Управление). Подвижные черты лица наводили на мысль о человеке умном, но не слишком терпеливом; Фридриху представилось, как этот человек обдумывает ход за шахматной доской – лицо сосредоточено, но пальцы нервно теребят недавно взятую фигуру.

Хозяин кабинета окинул гостя цепким взором, зачем-то стрельнул взглядом в коридор и отступил в глубь кабинета, сделав приглашающий жест. Едва Власов вошел, Никонов вновь запер дверь на ключ.

– Формально у меня сейчас обед, – пояснил он на дойче, желая, очевидно, оказать любезность посланцу Райха. – Садитесь.

Фридрих опустился на стул для посетителей, попутно отметив, что двести двенадцатый кабинет совсем невелик, более чем вдвое меньше двести третьего. Неизменный во всех русских официальных учреждениях портрет Мосюка на стене здесь также был меньшего формата. Впрочем, это скорее говорило о вкусе хозяина кабинета, нежели о его политических убеждениях. Еще один портрет, совсем небольшой, стоял справа на столе, в противоположном углу от рехнера; он был повернут таким образом, что Власов со своего места смог разглядеть, хотя и под большим углом, старую черно-белую фотографию статного мужчины в офицерской форме эсэсовского образца.

– Мой отец, – сообщил Никонов все так же на дойче, подойдя к столу и проследив направление взгляда Фридриха. – Служил в контрразведке РОА. Получил орден святого Георгия лично из рук генерала Власова.

– Я хорошо знаю русский, – на всякий случай уточнил Фридрих.

– Разумеется, Фридрих Андреевич, – охотно отозвался майор, также переходя на этот язык. Вместо того, чтобы обойти стол и занять свое кресло, он присел на краешек столешницы вполоборота к посетителю и сцепил тонкие артистические пальцы на колене. С одной стороны, вроде как подчеркнутая демократичность и неофициальность, а с другой – ненавязчивая возможность смотреть на собеседника сверху вниз... ну что ж, Власов тоже хорошо знал все эти приемчики. – Должен заметить, отец всегда считал честью служить под командованием Андрея Андреевича, – продолжал Никонов. – И не раз говорил мне, что это был великий военачальник. Так что мы с вами, в некотором роде, заочно...

Фридрих мысленно усмехался, слушая эти любезные речи, столь контрастировавшие с холодным приемом в прошлый раз. Прямо классический сценарий со злым и добрым следователем... вот только он – отнюдь не подследственный. То, что они знали о его происхождении, конечно, не удивительно. Интереснее другое – зачем понадобилось сейчас это подчеркивать. Неужели то самое славянское братание, которое он так ненавидел? Не хватало только фразы "мы же с вами русские люди..."! С плавным переходом к последующей вербовке. Неужели этот тип и впрямь попытается его вербовать? Вот было бы забавно.

– Полагаю, вы пригласили меня не для того, чтобы обсудить полководческие таланты моего отца? – оборвал он излияния майора.

– Прошу прощения, – Никонов погасил улыбку, и лицо его сразу обрело деловитое выражение. – Разумеется, дойчи предпочитают переходить сразу к делу.

Ага, значит, все-таки "дойчи". Держим дистанцию? Или это предложение собеседнику выбрать, с кем он себя идентифицирует?

– Мне показалось, некоторые русские тоже, – заметил вслух Фридрих.

– А, вы про генерала, – усмехнулся майор. – Мой начальник был не слишком приветлив в прошлый раз, да? Впрочем, это, конечно, меня не касается.

Генерал! Вот оно как. Во всем ДГБ не нашлось никого помладше чином, чтобы выдать приезжему из Берлина разрешение на оружие... Выходит, кто-то в Департаменте всерьез обеспокоен визитом Власова. Кто-то на самом верху. Значит ли это, что русские все же причастны к убийству Вебера, и задача генерала была – прощупать, что известно Управлению? Как там гласит русская пословица – "знает кошка, чья шапка горит", или что-то вроде этого... Или же здесь нечто иное? Вообще говоря, все послевоенные годы руководство ДГБ, хотя и состояло исключительно из этнических русских, но назначалось только после одобрения всех кандидатур Берлином. Российским лидерам, начиная с генерала Власова, это не слишком-то нравилось, но они вынуждены были мириться с таким порядком и даже признавать его целесообразность. С другой стороны, и Райху приходилось проявлять известную деликатность. Берлин не мог просто взять любого русского и приказать независимому российскому государству поставить его во главе ДГБ. Выбирать приходилось лишь из тех персоналий, что предлагали сами русские. И выбор этот, в особенности в последние годы, был не так чтобы особенно богат и вдохновляющ...

А ведь хозяин кабинета 203 отнюдь не был заинтересован в раскрытии своего звания, подумал Фридрих. И то, что его подчиненный сейчас проговорился – что это, случайная оплошность? На простака Никонов не похож... с другой стороны, всякое бывает...

– Теперь о том, что меня касается, – продолжил Никонов, не дождавшись ответа Власова. – И вас, подозреваю, тоже. Не далее как вчера, во второй половине дня, некто проник в опечатанную квартиру покойного князя цу Зайн-Витгенштайна, – майор не без удовольствия произнес дворянское имя, и Фридрих в очередной раз подумал о подобострастном отношении русских к звучным аристократическим титулам – отношении, сформированном, очевидно, веками крепостного права. – Нам стало известно об этом...

– Разве подобными вещами занимается не крипо? – усмехнулся Власов. Майор вежливо улыбнулся в ответ:

– Князь был райхсгражданином и вообще известным и заслуженным человеком. Мы, некоторым образом, опекали его... в интересах его же безопасности. Расследование очень быстро показало, что вчера в это же время в дом обманным, судя по всему, путем проникла некая особа, подозрительно похожая на райхсгражданку Франциску Галле. Рехнерпоиск по базам данных – чрезвычайно удобная вещь, не представляю, как мы обходились без него раньше... Так вот, у нас есть все формальные основания задержать и допросить означенную гражданку, либо предоставить это крипо... но, памятуя о том, что не далее как позавчера она была освобождена из тюрьмы по вашей настоятельной просьбе, я принял решение не предпринимать никаких действий до консультации с вами. Рассчитывая, разумеется, на некоторые разъяснения с вашей стороны в порядке ответной

любезности.

– Вы имели в виду – совсем никаких? – уточнил Власов.

– Вы совершенно верно меня поняли, – кивнул майор. Вот как. Стало быть – если это, конечно, правда – начальству он не докладывал. Становится все интереснее. Фридрих прикинул в уме варианты и решил сыграть в открытую.

– Да, я могу объяснить вам, что она там делала. Но прежде позвольте заверить, что ни я, ни те, кого я представляю, не имеют к этой идиотской выходке никакого отношения. Мы уважаем российские законы и... – "не работаем так топорно", мог бы закончить Фридрих, но не стал произносить это вслух.

– Не сомневаюсь в вашем профессионализме, – угадал его мысль Никонов. – Тем более что в подобных партизанских действиях не было никакой необходимости. Осмотр и выемка ценностей на квартире Зайн-Витгенштайна проводились согласно официального запроса имперского МИДа и в присутствии имперских представителей...

"Официальном***у*** запрос***у***!" – поморщился не терпевший безграмотности Фридрих, но на сей раз все же удержался от замечания.

– Запрос поступил всего два часа спустя после смерти князя, – продолжал майор, – весьма похвальная оперативность. Вас разве не поставили об этом в известность? Впрочем, это опять-таки не мое дело... Так что там с этой неугомонной фрау?

– Все, в общем-то, достаточно банально. Она, некоторым образом, дальняя родственница князя.

– Вот как? – Никонов удивленно поднял левую бровь.

– Во всяком случае, она так считает. Официально это не подтверждено. Но она полагала, что имеет право на свою долю наследства. Князь не оставил завещания?

– Увы, нет, – развел руками майор. – Мы бы сами хотели, чтоб оно было, ибо князь, наверное, отблагодарил бы Россию, много лет бывшую ему гостеприимным домом... тем более что у его рода давние связи с нашей страной, еще в XIX веке Зайн-Витгенштайны женились на русских аристократках... но увы! Она искала что-нибудь конкретное? – Никонов снова вернулся к деловому тону.

– Да, князь якобы обещал ей одну редкую книгу, – Фридрих постарался, чтобы это прозвучало небрежно, словно речь шла о безделушке. – Она у вас? Или, может быть, ее уже передали имперским представителям?

– Не знаю, о какой книге вы говорите, – медленно ответил Никонов, и интуиция подсказала Власову, что это правда. – Конечно, в библиотеке князя попадались любопытные издания, но ничего такого, что можно было бы назвать по-настоящему редким... насколько я знаю, хотя вообще я не эксперт...

– Возможно, князь кому-то отдал ее? Вам известно, с кем он встречался в свой последний день?

– Насколько я знаю, ни с кем... Вообще-то наша опека носила очень мягкий характер, – спохватился вдруг Никонов. – Мы не можем сказать, что отслеживали каждый его шаг. А почему вас так интересует эта книга?

– Так, мысли вслух. Я знаю о ней не больше вашего, – Фридрих подумал, что это правда: сведения, которыми он располагал, могли оказаться ложью почти на сто процентов, а значит, не подходили под понятие "знание". – Вам известно, от чего умер Зайн-Витгенштайн?

– Вы подвергаете сомнению официальное заключение патологоанатома?

– Напротив, хочу узнать его вывод.

– Сердечный приступ.

– Чем он мог быть вызван?

– Хотя бы просто возрастом, – пожал плечами Никонов. – 75 – не так уж и мало. Ну или, скажем, какой-нибудь опасной ситуацией на дороге. Вы, полагаю, уже знакомы с московским стилем вождения. С которым не могут справиться даже наши доблестные допо.

– Ну, едва ли московские лихачи могли напугать эксперта Люфтваффе, сбившего во время войны почти девять десятков самолетов в ночных боях. Есть нечто, над чем даже возраст не властен, как бы пафосно это ни звучало... Значит, ваш патологоанатом абсолютно уверен в естественности этой смерти?

– Ну, абсолютной уверенности в нашей профессии не бывает, – усмехнулся майор, – но никаких оснований для подозрений в убийстве не найдено. А почему вы спрашиваете? У вас что, есть такие основания?

– Потому что, как вы только что сказали, в нашей профессии не бывает абсолютной уверенности. Вообще, мне все же хотелось бы уточнить: насколько точно вы знаете, что князь в тот день ни с кем не встречался?

Власов мысленно изготовился, что на сей раз его дотошный интерес встретит отпор, но Никонов вновь ответил, как ни в чем не бывало:

– Ну, мы не отслеживали его перемещений по городу. Но мы знаем, во сколько он отъехал от своего дома на улице Бисмарка и во сколько смерть настигла его на улице Краснова. Между этими событиями прошло всего двенадцать минут, вряд ли он мог успеть с кем-то встретиться. Учитывая дневную загруженность центральных улиц, вообще удивительно, что он сумел доехать так быстро. Очевидно, он и впрямь был столь же превосходным водителем, как и пилотом.

– Ясно, – кивнул Фридрих. Очевидно, старик куда-то спешил. Вот бы узнать, куда. Он был в форме с орденами, значит, вполне вероятно, направлялся на встречу с лицом официальным. Впрочем, может быть, верна версия фельдфебеля Кормера, и князь просто ехал на встречу ветеранов... но почему в спешке?

– Кстати, есть один вопрос, где нам крайне желательно ваше содействие, – припомнил Власов. – У нас есть основание полагать, что человек, причастный к провозу наркотиков... ("и, возможно, смерти Вебера", – хотел было добавить Фридрих, но вовремя сдержался: о Вебере они еще побеседуют, и, при всей предупредительности майора, не следовало раньше времени бросать ему спасательный канат в виде наркомафиозной версии) – ...живет сейчас в Москве по документам инвалида или ветерана войны. Возможно, русского, возможно, дойча. Настоящий владелец документов в этом случае, очевидно, мертв. Возможно ли организовать какую-то проверку?...

– Это непросто, – качнул головой майор, – в Москве десятки тысяч ветеранов и инвалидов. Впрочем... скоро ведь Масленица, Дни арийского единства... ветеранам будут выдавать традиционные подарки, можно проинструктировать социальных работников. И проверить каждый случай, когда соцработнику не удастся встретиться с ветераном лично. Но у меня нет полномочий самому организовывать столь масштабную операцию. Придется заручаться санкцией начальства, а оно, по всей видимости, потребует официальный запрос от Имперской Безопасности. И то будет сильно ворчать, что мы не обязаны таскать для дойчей каштаны из огня...

– Запрос, я думаю, будет организован. А что до каштанов, – Фридрих подпустил в голос возмущения, – то кто для кого их таскает, спрашивается? Этот наркоторговец и,

между прочим, убийца находится сейчас на вашей территории и угрожает вашей безопасности. Мы могли бы вообще умыть руки, и вместо благодарности...

– Разумеется, разумеется, – поспешно поднял ладони Никонов, – я-то совершенно с вами согласен. Я лишь говорю о позиции своего начальства. Увы, не все наверху понимают, как должны строиться отношения между коллегами и союзниками...

– Кстати, о коллегах, – невинным тоном заметил Власов. – Рудольфа Вебера ваше ведомство тоже... опекало?

– У меня нет информации на сей счет, – не раздумывая ответил Никонов. – Хотя вообще, как вам известно, братские спецслужбы стараются не мешать друг другу. До тех пор, конечно, пока все помнят о правилах игры и границах...

Конкретизировать он не пожелал, так что Фридрих задал следующий вопрос: – У вас есть что-нибудь новое по делу о смерти Вебера?

Никонов пожал плечами.

– Практически ничего. Экспертиза подтвердила, что звонил подросток. Но найти его не удалось, равно как и нотицблок. А у вас?

– То же самое... Полагаю, вы дадите мне знать, если появится что-то новое?

– Можете на меня рассчитывать, – кивнул майор. – Однако мы так и не решили вопрос с вашей протеже. Вероятно, в этот раз я еще мог бы замять историю с незаконным проникновением в квартиру... раз уж ничего не пропало, да и все ценное уже было изъято... но, если она намерена каждые два дня нарушать по закону...

– Больше такого не повторится, – заверил Фридрих. – Теперь я полностью контролирую ситуацию.

"Хотелось бы мне в это верить", – добавил он мысленно.

– Честно говоря, я не вполне понимаю, почему столь... хм... легковесная особа пользуется покровительством Имперской Безопасности, – произнес Никонов. Вопрос был достаточно бесцеремонный, но после всех оказанных майором любезностей Фридрих не мог не ответить.

– Сама она – пустышка, – сказал он. – Но она нужна в качестве живца, на которого может клюнуть крупная рыба.

– Что ж, в таком случае удачной поклевки, – улыбнулся майор. – Вы, конечно, помните, что рыбачите в российских водах, и не все здесь к этому столь же благосклонны, как я...

– Разумеется, – кивнул Фридрих. – И ещё одно. Раз уж у нас складывается такое конструктивное сотрудничество, могу я попросить у вас еще небольшую информацию? Я тут познакомился с одной интересной старухой и хотел бы взглянуть на ее досье. Полагаю, с вашей помощью это можно сделать без волокиты с официальным запросом?

– Это смотря что за старуха, – усмехнулся Никонов. – Что бы там ни вопили либералы, мы располагаем досье отнюдь не на каждую российскую бабушку...

– На нее у вас есть досье, – заверил Фридрих, – и, полагаю, достаточно обширное. Фамилии, увы, не знаю, зато знаю текущий адрес: Бутырский Вал, дом 8а, квартира 23. Зовут Берта Соломоновна.

– Сейчас посмотрим, – Никонов обошел стол, уселся в кресло перед рехнером. – Если все так, как вы говорите, досье заведено еще в бумажную эпоху. Надеюсь, его успели перевести в цифровую форму... Соломоновна, значит? Интере-есно... – он с деловитым видом застучал по клавишам.

– И последнее, – Власов почувствовал, что может воспользоваться ситуацией на

все сто процентов, и решил не церемониться. – Если это не будет слишком обременительно для вас... меня интересуют сведения ещё об одном человеке. Матиас Спаде. Вроде бы бывший спецназовец, в настоящее время – наркоторговец. Я имел неудовольствие познакомиться с ним в метро.

– Не лучшее место для знакомства, – понимающе улыбнулся Никонов, давая понять, что он в курсе власовских подвигов. – Что ж, сейчас посмотрим... А вот и ваша Берта. Подождите минутку... – он бегло пролистал несколько экранов подряд. – Ну что ж, – он поднял световой карандаш и мазнул им по экрану. – Вот это мы положим сюда... – снова защёлкали клавиши. – А теперь этот... как вы говорите? Спаде?

– Матиас Спаде. Крупный наркоторговец, – повторил Власов. – Дуфан.

– Ага. Сейчас, минуточку... а вот и он, голубчик, – с удовлетворением заключил Никонов. – Его мы отправим туда-а... – опять движения карандашом и щелчки клавиш. – Давайте сделаем так, – хозяин кабинета откинулся на стуле. – У меня сейчас, к сожалению, кончился обеденный час. Откровенно говоря, мне надо бежать, дела не терпят. Но я могу оставить вас здесь на какое-то время. В принципе, это нарушение режима... если моё начальство об этом узнает, у меня будут очень серьёзные неприятности. Поэтому дверь я, уж не обессудьте, запру снаружи. Побудете недолго пленником ДГБ?

– Если только недолго, – усмехнулся Фридрих. – Но, конечно, действуйте, как вам будет удобно. Только не забудьте меня освободить.

– Конечно, конечно, – радостно подхватил Никонов, вставая. – Я буду здесь где-то через полчасика. За это время вы успеете посмотреть всё, что вам нужно. Там два платтендата, не ошибётесь. Не прощаюсь.

Он быстрым шагом подошёл к двери и выскользнул в коридор. Власов автоматически отметил идеально прямую спину майора: такая выправка ставится с детства – видимо, Никонов воспитывался в каком-то военном училище.

Со щелчком провернулся ключ в замке, и Фридрих остался один.

Прежде чем сесть за стол Никонова, Власов бросил несколько быстрых, но внимательных взглядов по сторонам. Кабинет не выглядел обжитым: чувствовалось, что его хозяин старается здесь не засиживаться. Майор, впрочем, и не производил впечатление кабинетного сидельца. Стол блистал чистотой: кроме рехнера и фотографии, на нём не было ничего. То ли майор был аккуратистом, то ли прибрался в ожидании посетителя. Фридрих поставил бы на второе: судя по всему, расторопный молодой офицер учитывал ту возможность, что херр Власов задержится тут дольше положенного... Ну-ну.

Власов сел за рехнер. Монитор оказался болгарский. Фридрих поморщился, потом вспомнил про "Боинги". Наверное, и здесь, в ДГБ, тоже есть какие-нибудь свои "интересы". Впрочем, лучше уж союзная Болгария, чем атлантисты...

Во весь экран был развёрнут "Норденкоммандёр". В открытом разделе находились два платтендата с невыразительными названиями "B_ptd" и "S_ptd". Фридрих из чистого любопытства попробовал выйти в верхний раздел и убедился, что такая возможность заблокирована. Пытаться свернуть "Норденкоммандёр" или выйти во внешнюю оболочку Власов не стал: было понятно, что такая попытка либо ни к чему не приведёт, либо вызовет отключение системы. Никонов хоть и пошёл на серьёзное нарушение порядка, оставив Власова наедине с казённым рехнером, но допускать посторонних к его содержимому, разумеется, не собирался.

Впрочем, тайны ДГБ Фридриха в данный момент не слишком интересовали.

Он решил начать с "B_ptd", полагая, что там находится досье Берты Соломоновны. Так оно и оказалось.

Платтендат был очень большим и состоял из множества разномастных документов. Судя по всему, это был результат обработки поискового запроса по базе данных. Разумеется, Власов отдавал себе отчёт в том, что Никонов, вводя запрос, мог ввести – и наверняка ввёл – ключи, отсекающие некоторые материалы. Что ж, это логично... Фридрих подумал, что времени у него не так уж много и открыл первую страницу.

После пятнадцати минут напряжённого чтения Власов откинулся в кресле и тихо присвистнул сквозь зубы.

Берта Соломоновна Садовская (девичья фамилия Блюменштраух), рождённая в 1908 году в городе Одессе в семье мелкого лавочника Соломона Блюменштрауха, имела весьма впечатляющую биографию.

В молодости она была очень хороша собой, о чём свидетельствовали приложенные к платтендату обработанные фотографии с восстановленным цветом. С них смотрела типичная юдская красавица с огромными печальными глазами и пухлыми губками бантиком. Даже носик маленькой Берточки был удивительно миловидным. Личико лучилось безмятежной невинностью. Фридрих сразу заподозрил неладное: в этом тихом омуте просто обязаны были водиться черти.

Чертей оказался целый пандемониум.

Первый раз юная Берта показала зубки в одиннадцать лет. В марте 1919 года она убежала из дому с любовником, прихватив с собой всё, что папа сумел спрятать от бандитов и сменяющих друг друга властей города. Тогда, впрочем, это никого не взволновало: большевики стояли у Перекопа, вокруг Одессы бушевало крестьянское восстание, так что проблемы семьи Блюменштраух на таком фоне тушевались. Потом город захватил атаман Григорьев, и о законности и правопорядке пришлось забыть надолго... В платтендате стояла пометка: "на период 1919-1924 нет данных".

Имя Берты Блюменштраух всплыло только в двадцать пятом году. Она проходила в качестве свидетельницы по делу некоего Зайдера, бывшего сутенёра, а потом приспешника и впоследствии убийцы высокопоставленного большевика Котовского. Какие именно показания она давала, осталось неясным: в остатках большевицких архивов многого не хватало. Зато сохранившиеся оперативные сводки советского угро указывали, что девушка успела получить известность в бандитских кругах под именем "Вера-маленькая" как удачливая наводчица. Однако трогать Берточку за вымечко никто даже и не пытался: девочка оказывала особые услуги ГПУ и даже носила именной наган, вручённый "за раскрытие контрреволюционного заговора".

В двадцать девятом году Берта решает остепениться и выходит замуж за Моисея Фельдмана, бывшего сотрудника одесской чрезвычайки. В тридцать седьмом его расстреляли. Обычно члены семей врагов народа, как это тогда называлось, тоже получали свою долю неприятностей, но молодая супруга Фельдмана успела обзавестись серьёзными связями среди одесских коммунистических функционеров верхнего звена. Не прекращалась и её работа на тайную полицию: в предвоенные годы Берта сдала в общей сложности около тридцати человек, в основном из армейского комсостава.

Фридрих с брезгливым любопытством просмотрел характеристику Берты Блюменштраух, сохранившуюся в её гэпэушном досье. Неизвестный чекист, работавший с Бертой, был, видимо, человеком не очень образованным (как и большинство большевиков), но природно проницательным, а потому выражался кратко и точно. Для

Берты у него нашлось одиннадцать слов: "Идейно не подкована. Любит тратить деньги. Чувств к людям не имеет". Фридрих подумал, какая бездна пролегает между "любит деньги" и "любит тратить деньги", и оценил меткость формулировки.

После прихода в Одессу освободительных войск красотка Берта оказала неоценимую помощь гестапо, дав подробнейшие сведения на множество большевицких активистов разного уровня и калибра. На сотрудничество она вышла сама. Похоже, "чувства к людям" ей и в самом деле были чужды. Что бы там ни говорил Кант, но некоторые люди и впрямь лишены нравственного закона в сердце, искренне считая его придумкой для дураков, только мешающей жить весело и вкусно. Власов постарался подобрать подходящее выражение и решил, что случай Берты хорошо описывается словосочетанием "моральная неполноценность".

Как бы то ни было, благодаря её сведениям удалось в кратчайшие сроки нейтрализовать политическое руководство одесского красного подполья. Фридриху опять вспомнилась фразочка про кошку в перчатках.

Берту отблагодарили. Через пару лет она уже руководила женской секцией одесского ОЖБТ – Объединения жертв большевицкого террора. В жертвы террора ей записали расстрелянного мужа. Однако через два года у неё начались неприятности. Лихорадка первых лет оккупации сменилась более продуманной политикой, в том числе и в области безопасности. Руководство местных безопасников сменилось. Берта перестала быть нужной, зато в город начинают возвращаться люди, имеющие к "Вере-маленькой" серьёзные личные претензии... Берта перебирается сначала в Киев – по старой привычке прихватив с собой кассу секции – а затем, перед началом депортации украинских юде в Израиль, бесследно растворяется в пространстве.

В Москве она всплыла в сорок девятом, с брачным свидетельством, выписанным на имя Веры Адамчик, супруги Мстислава Адамчика, ротмистра РОА, якобы героически погибшего при подавлении коммунистического мятежа в Сибири. На этом шатком основании она выбила разрешение на жительство и российское гражданство. Несколько позже Вера-Берта первый и последний раз в жизни устраивается на официальную работу – помощником администратора массажного салона на Тверской. Массажистки оказывали ряд услуг, не оговоренных в прейскуранте, не имея при этом особых проблем с полицией нравов. Как свидетельствовало всё то же досье, Вера-Берта параллельно работала на крипо в качестве платного осведомителя. Верная своей обычной тактике не класть все яйца в одну корзину, она понемногу давала сведения на некоторых клиентов заведения, понемногу шантажировала других, и усердно копила компромат на всех.

ДГБ заинтересовалось ей только в пятидесятом, и то случайно: хитрая женщина попалилась на хорошо законспирированном агенте Департамента, которого попыталась шантажировать. Разобравшись в ситуации, она немедленно предложила свои услуги, слив дэгэбэшникам изрядное количество конфиденциальной информации, в том числе и на своих покровителей из криминалки. В ту пору крипо в очередной – и не в последний – раз выводилось из подчинения ДГБ (Власов в который раз подумал, что история реорганизаций управленческих структур и административных реформ может рассказать об обществе больше, чем даже история войн и революций). Так что сведения были оценены по достоинству, а предусмотрительная вдовица Адамчик получила очередную работу...

Власов отмотал несколько экранов, заполненных различными именами и обстоятельствами. В течение многих лет эта женщина зарекомендовала себя как

первоклассная подсадная утка: ей удавалось втереться в доверие даже к очень умным и очень осторожным людям. Не последнюю роль здесь играла женская привлекательность: она была красива и охотно шла навстречу мужским желаниям, если это приносило ей выгоду. Впрочем, желание выйти замуж её не оставляло. В сорок три года она вступает в брак с неким Садовским, антикваром и любителем изящных искусств. В квартире 23 дома 8а, приобретённой на средства мужа, начинают собираться молодые талантливые – или, во всяком случае, свободолюбивые – художники, поэты, музыканты, в основном неарийского происхождения. Некоторые из них впоследствии приобрели известность – в разных смыслах этого слова... Пару лет спустя она возвращает себе прежнее имя и отчество, а также перестаёт делать вид, что скрывает своё происхождение. В ту пору российские юде чувствовали себя на подъёме – "конструктивное крыло ПНВ" откровенно с ними заигрывало.

Увы, после пятидесяти Берта сильно сдала внешне. На фотографии, сделанной в пятьдесят восьмом, уже заметна старость: лицо, что называется, посыпалось. К тому же начались проблемы со слухом, а чуть позже и со зрением.

После семидесятого года в досье зияла дыра: документов не было – или Никонов не захотел их показывать. Учитывая время и обстоятельства, можно было предположить, что Берта имела отношение к Фолшпилю – что подразумевало прямое сотрудничество уже с его, Власова, родной конторой. Как бы то ни было, в очередной порции сведений, помеченных уже семьдесят девятым годом, она фигурировала как персональная пенсионерка, получающая от российского государства ежемесячное пособие – в качестве "ветерана антикоммунистического движения" (без уточнений). Тогда же она, судя по всему, овдовела: во всяком случае, Садовский больше не упоминался, а интерес к искусству как-то пропал. Зато гнездо на Бутырском Валу стало чем-то вроде привычного места сбора московской либеральной и окололиберальной тусовки. Берта Соломоновна всячески симпатизировала молодёжи – и что важно, пользовалась репутацией симпатичной и безобидной старухи, вдобавок ещё и глухой. Нетрудно было догадаться, как старая стукачка использовала свой физический недостаток: она демонстративно не пользовалась слуховым аппаратом, предпочитая читать по губам. Это создавало у людей ложное чувство безопасности и развязывало языки. При этом все комнаты, разумеется, прослушивались, а сама квартира находилась под постоянным наблюдением.

Власов откинулся в кресле и дал себе три минуты на переваривание информации. В общем-то, он чего-то подобного и ожидал. Оставался единственный вопрос – неужели никто из либералов не догадывался, чем именно промышляет старая Берта? "Кому надо, те знают" – ответил сам себе Власов. Знают. Но не слишком беспокоятся по этому поводу. Может быть, даже используют квартиру как место слива той или иной информации ДГБ. И даже не "может быть", а скорее всего... А вот тот факт, что фрау Галле и её сына направили именно к Берте, говорит о многом... Фридрих ещё раз перелистал несколько экранов, потом потянулся за целленхёрером, намереваясь сфотографировать несколько интересных мест. Чуть-чуть подумал и оставил чёрную коробочку в кармане. В конце концов, общее впечатление он получил. А копировать информацию, даже относительно невинную, в этих стенах было бы неосторожно. Не исключено, что дружелюбие майора скрывает за собой нечто иное. Допустим, Власова задержат на выходе, отберут трубку и найдут в памяти изображения экрана, на котором – информация из их внутренней сети... Это даст дэгэбэшникам солидный козырь в разговорах с Управлением.

Усилием воли он выкинул из головы мысли на эту тему и взялся за второй

платтендат – времени осталось совсем чуть-чуть.

Платтендат S был куда короче B: на господина Спаде у ДГБ было не так уж много данных. К тому же сведения, особенно последние, отличались явной неполнотой – похоже, Никонов задал достаточно жёсткие условия поиска. В отличие от Берты Соломоновны, чья увлекательная биография всё же принадлежала прошлому, Спаде был проблемой текущего момента.

К удивлению Власова, Матиас Спаде был коренным дойчем: он родился в пятьдесят девятом году в Дрездене в семье военного. Получив среднее образование экстерном, Матиас поступил в военное училище, откуда был ещё до окончания взят в спецподразделение "D", которым тогда командовал знаменитый фон Гирке. "D" находилось в непосредственном ведении Управления, с прямым выходом на высшее руководство. Неудивительно, что у русских не было документов – а если даже и были, то показывать их офицеру Управления было бы неумно... Вкратце указывалась только специализация Спаде: операции под водой, в подземных помещениях, в коммуникациях. Особо отмечалось его владение арбалетом.

Через полтора года службы Спаде получил права старшего инструктора – как было известно Власову, в специфической внутренней иерархии подразделения это значило очень многое. Через три года он получил права руководителя группы и тогда же вступил в партию. В числе прочего упоминалась двадцатипроцентная надбавка к жалованью за успешную сдачу экзамена по иностранному языку: Спаде изучал китайский. Это было, впрочем, понятно: в тот момент "D" предполагалось использовать против китайского коммунистического режима. Впрочем, Спаде вообще легко давались языки... Всё предвещало быструю успешную карьеру.

Кончилось всё скандалом. Матиас был уличён в непристойном приставании к новобранцу. Было проведено внутреннее расследование, результаты которого в документах отсутствовали – похоже, Управление не сочло нужным делиться с русскими своими проблемами. Спаде же запятнал себя не только мужеложством, но и предательством: дезертировал и скрылся.

В России он объявился в начале восьмидесятых, с изменённой внешностью и очень хорошими документами на имя некоего Ива Крипке, фольксдойча. Некоторое время на пару с каким-то азиатом (об этом человеке было известно крайне мало, даже его национальность вызывала сомнения – однако никто не сомневался в том, что со Спаде его связывали не только деловые отношения) он руководил частным охранным предприятием "Золотая Звезда". По данным ДГБ, основными клиентами Спаде были китайцы, быстро богатеющие на сомнительных делах, прежде всего наркоторговле. Довольно быстро разобравшись, что к чему, "Ив" сначала становится личным охранником одного из крупных московских дуфанов, а потом – видимо, устранив хозяина – берёт дело в свои руки.

После чистки, устроенной ДГБ, Спаде на некоторое время залегает на дно. Потом, когда поднялась "кавказская" нарковолна, он снова всплывает на поверхность. На какое-то время ему удалось подмять под себя всю торговлю опиатами в московском метро. Потом дела пошли хуже. Другие дуфаны объединились против Матиаса и отказались от сотрудничества с его фанду. Кстати, одной из причин – хотя далеко не единственной и уж точно не главной – такого единодушия стала гомосексуальность Спаде, к тому моменту переставшая быть секретом: наркоторговцы решили, что им "западло мараться", ведя дела с педерастом... В результате некогда могущественная группировка оказалась в изоляции, а

успешные операции отдела по борьбе с наркотиками поставили банду на грань распада. Тем не менее, шансы на поимку самого Спаде оценивались как низкие: слишком уж хороша была его профессиональная подготовка.

Власов попытался найти какие-нибудь упоминания о штрике. Их в документе не было совсем. Спаде специализировался на кокаине, опиатах и прочих традиционных отравах. Однако это ещё ни о чём не говорило. А вот то обстоятельство, что с московскими дуфанами у Матиаса отношения были кислыми, отчасти объясняло его возможную осведомлённость в бургских делах...

В этот момент заскрежетал ключ в замке. Это был Никонов – с папкой в руках, всем своим видом излучающий деловитость и озабоченность.

Фридрих сразу же поднялся, освобождая место. Майор улыбнулся шире и кивнул.

– Ну что? – поинтересовался он. – Всё нашлось?

– В общем, да... кое-что интересное. Что ж, благодарю вас. Вы мне очень помогли.

– Не стоит благодарности... Давайте я отмечу вам пропуск, – Никонов взял бумажку, сверился с часами и поставил нужные закорючки. – Ну вот, теперь вы свободны. Будут сложности и вообще – звоните мне прямо на трубку. Запишите номер.

Под его диктовку Фридрих внес номер в память своего "Сименса", поблагодарил и попрощался. От внимания Власова, разумеется, не укрылось предложение звонить на целленхёрер, а не на служебный телефон.

Едва Власов вышел в коридор, как его собственный целленхёрер затрясся в кармане. Фридрих бросил взгляд в оба конца коридора – тот был пуст – и, продолжая шагать в сторону лестницы, приложил трубку к уху.

– Власов! – взвизгнул динамик возмущенным голосом фрау Галле. – Где вы пропадаете? Я названиваю вам уже полчаса!

"Значит, кабинеты здесь экранированы", – понял Фридрих. – "Весьма разумно."

– Я, кажется, уже информировал вас, что у меня хватает собственных дел, – он добавил в голос металла. – Если вас никто не убивает прямо сейчас, подождите еще пару минут. Я сяду в машину, и мы спокойно поговорим, – не дожидаясь ответа, он дал отбой, ибо знал, что в случае реальной опасности голос журналистки звучал бы совсем иначе.

Фрау Галле честно прождала минуту пятьдесят секунд. Фридриху хватило этого времени, чтобы выйти на площадь.

– Меня тут рвут на части, – деловито сообщила трубка. – По поводу обещанного интервью... собственно, это даже пресс-конференция. А я все не говорю ни да, ни нет, и выгляжу совершенной дурой. Еще, чего доброго, решат, что меня снова накачали наркотиком! Так что мне делать?

Фридрих подошел к своему "BMW". Противоугонная система радостно пискнула, приветствуя хозяина.

Что ж, очевидно, западные корреспонденты не отстанут. Ну и пусть, собственно. Теперь, когда госпожа либералка у него в руках, подобное мероприятие пойдет только на пользу.

– Фридрих, ну что вы молчите?

Он устроился в кресле и пристегнулся.

– Да, – сказал он наконец. – Можете встретиться с ними и ответить на их вопросы. Только никаких фантазий про козни кровавого режима. Вы стали жертвой провокации, вам подбросили наркотик, кто – вы не знаете и не догадываетесь. У вас нет оснований утверждать, что к этому причастны власти, наши или российские. Вы верны своим

идеалам, но, как честный журналист, не хотите ни на кого возводить напраслину, не располагая проверенными фактами. У вас нет обиды на тех, кто арестовал вас, поскольку они действовали в рамках закона; вы понимаете, что американские полицейские на их месте поступили бы так же. В тюрьме вас сразу же поместили в больницу и оказали всю необходимую медицинскую помощь. Вас не пытали, не унижали, не пытались вербовать, не предлагали свободу в обмен на отречение от убеждений. В итоге полиция во всем разобралась, и вас отпустили; вы благодарны тем, кто обеспечил вам столь быстрое освобождение. В настоящее время вы вольны оставаться в России или покинуть ее в любой момент; вы собираетесь остаться еще на несколько дней, чтобы все-таки выполнить редакционное задание. Если будут спрашивать обо мне – я ваш случайный попутчик, представитель концерна "Мессершмит", который был столь любезен, что пришел на помощь соотечественнице в трудную минуту. Вот, собственно, и все.

– Если я скажу им это, они решат, что эти ответы мне написали в ДГБ.

– А разве все перечисленное – не правда? Ну, за исключением некоторых опущенных нюансов, которые им знать вовсе не обязательно – про книгу, например.

– Ну... я не знаю... может быть. Но от меня ждут не этого!

– И что? Это повод писать и говорить ложь? Будьте же, наконец, профессионалом. Излагайте факты, а не домыслы.

Она промолчала, но Фридрих догадывался, о чем она подумала. О том, что профессионализм журналиста, особенно оппозиционного, как раз и состоит в умении выдать домыслы за факты.

– В общем, – сказал он вслух, – вы прекрасно понимаете, что ваш визит на улицу Бисмарка не остался незамеченным. Но, раз вы все еще на свободе, значит, соответствующие организации выжидают, как вы будете себя вести. Если вы не обманете их ожиданий, они, возможно, не будут усердствовать в расследовании.

– Это факт или домысел? – она попыталась шутить, но голос прозвучал нервно.

– Это добрый совет.

– Ладно, – медленно сказала Франциска. – Я все сделаю, как вы сказали.

В трубке зазвучали гудки, и Власов, наконец, получил возможность спокойно обдумать последние события.

Поведение Никонова оказалось большим сюрпризом... но вот был ли этот сюрприз приятным – еще вопрос. Доверять любезному майору было бы опрометчиво, тип явно скользкий и верткий. Как он ловко почувствовал, что стратегия "мы, русские" не даст ожидаемого результата, и перевел ее в "мы, коллеги"... И по собственной инициативе оказал немало услуг, практически ничего не получив взамен. В общем, всячески старался понравиться и быть полезным... Нет, на вербовку это не похоже. Это похоже на прямо противоположную ситуацию – Никонов предлагал себя в качестве агента! Зачем ему это понадобилось? Неужели только из-за обиды на генерала, который, похоже, не слишком способствует его служебному росту? Никонов все еще майор – правда, звания в ДГБ считаются выше аналогичных армейских, но все равно... Нет, вряд ли он плавает столь мелко. Тут другое. Допустим, он знает или догадывается о неких планах, направленных против руководства ДГБ. Или, по крайней мере, главенствующей фракции в этом руководстве... к которой примыкает и его начальник. Никонов спешит переметнуться на сторону победителей и через Власова демонстрирует свою лояльность Управлению, а значит, и Райху в целом.

Значит ли это, что в результате заговора верх должна взять продойчски

настроенная партия? Если так, это было бы первой хорошей новостью за последнее время. Неужто старый лис Мосюк, съевший целую стаю собак на лавировании между Райхом, Западом и собственными русофилами-"третьепутистами", решил-таки сделать твердую ставку на Райх? И теперь ждет повода для отстранения сторонников прежнего курса? Кстати, масленичные Дни арийского единства – подходящее время, чтобы выступить с программной речью, в присутствии высокопоставленных гостей из Берлина и стран Райхсраума... С другой стороны, а может быть, кто-нибудь в ПНВ решил подвинуть самого Мосюка?

Теперь вопрос – кому из них мог помешать Вебер? Напрашивающийся ответ – прорусской или прозападной партии, то есть тем, против кого направлен заговор. Продойчским силам он бы уж точно не стал препятствовать, даже если бы узнал об их планах раньше времени. Но, как справедливо заметил начальник Никонова, поспешные выводы наименее уместны там, где они представляются очевидными. Предположим, нынешнее руководство ДГБ просто хотят подставить, повесив на них убийство Вебера.

Повод, действительно, недурной. Но вряд ли к этому может быть причастен Райх. В Фатерлянде ценят своих людей, и уж тем более – специалистов высокого класса вроде Вебера. Использовать его как обычную разменную пешку попросту нерационально, даже ради такой выигрышной комбинации, как возвращение России в число подлинных друзей и союзников. В конце концов, есть и другие способы скомпрометировать руководство русской спецслужбы. Какой-нибудь шпионский скандал...

Все это верно, однако, если рассматривать имперское руководство как нечто единое (в памяти всплыло понятие из школьного курса физики – "материальная точка"). А это, увы, не так. В НСДАП в последние годы идет возня не лучше, чем в ПНВР... возможно, даже хуже. Ортодоксальное крыло набирает силу, "новообновленцы" требуют реформ, а Райхспрезидент Шук хранит олимпийское спокойствие, демонстративно оставаясь над схваткой. Если бы не все это, не было бы и этого дурацкого референдума, а либеральные крикуны по-прежнему митинговали бы на своих кухнях, не рискуя высунуться на улицу... Фридрих всегда относился к Шуку с большим уважением и симпатией – не только как к разумному политику и лидеру нации, но и как к боевому летчику экстра-класса, герою Люфтваффе и первому космонавту. Однако в последнее время Власов не раз ловил себя на горькой мысли, что Райхспрезидент, похоже, стал сдавать. 70 лет – не такой уж большой возраст, тем более для человека с железным здоровьем космонавта... и все же у Фридриха больше не было уверенности, что штурвал Райха в твердых руках. Право и долг командира – вести машину по курсу, а не расспрашивать пассажиров, как надо управлять самолетом...

Так, ладно. Надо рассмотреть и другие версии. Не исключено, что Никонов – никакой не противник генерала, и ДГБшники все-таки разыграли классическую партию с добрым и злым следователем.

В таком случае, может быть, ему сейчас слили специально подготовленную дезу? Нет, это исключено при любом раскладе. Во-первых, по крайней мере часть сведений проверяема – и они должны это понимать. Во-вторых, кормить его тухлятиной рановато: сначала им нужно хотя бы войти в доверие. А главное, в-третьих – нет ровно никаких причин пытаться скрыть или исказить эту информацию. Все эти сведения интересны, но не слишком актуальны. Нет, если ему и будут пытаться сбыть гнилой товар, то не сейчас... Логичнее предположить, что задача Никонова была – любой ценой втереться в доверие и разузнать, что известно Управлению – пусть не сразу, но в какую-нибудь будущую

встречу. А там уже, возможно, и подбросить дезинформацию. Спецслужбы союзников не мешают друг другу, пока все помнят о правилах игры... но в том-то и беда, что основное правило этой игры состоит в отсутствии ненарушаемых правил.

И хотя Фридрих нередко чувствовал возбуждение при мысли о подлежащей распутыванию головоломке, он в очередной раз с тоской подумал о временах, когда мог отличить врага от друга по форме отметки на радаре.

Kapitel 21. 8 февраля, пятница, вечер. Москва, Белогвардейский бульвар, 8/1.

Аркадий положил отпечатанный лист на журнальный столик. Нацепил очки для чтения: тяжёлые, неуклюжие, с толстыми стёклами и расшатанными дужками, они всё время норовили сползти с носа. Тщетно: движение дужки останавливала горбинка. Впрочем, какая там горбинка! Помнится, ещё когда он преподавал, кто-то из студентов обозвал его "холмоносым". Он не возражал – всё лучше, чем "носик", прилепившееся к нему чуть ли не в яслях, да так и таскаемое по жизни (в конце концов, это стало одним из его газетных псевдонимов). Дина, кстати, говорила, что долго считала его кличку настоящей фамилией – и когда узнала, что по паспорту он, оказывается, Борисов, очень удивилась. Потом она долго уговаривала взять какое-нибудь красивое имя на иврите – как принято в той стране. Аркадий тогда разозлился и впервые в жизни на неё наорал. Потом он стал делать это часто. Наверное, слишком часто – иначе она бы его не предала. Или, наоборот, слишком редко? И никогда её не бил, кстати. Дурацкий арийский предрассудок: нельзя поднять руку на женщину. Хотя... русские вроде как тоже арийцы, а за ними это водится. То есть говорят, что водится. Говорят, ага. Аркадий попытался припомнить какого-нибудь русского знакомого, о котором можно было бы подумать, что он может... Как назло, никто не приходил на ум: русские знакомые были всё больше людьми смирными, безобидными, книжными. Буянили они только на газетных страницах, и то в основном между строк.

– Скажи... ты мог бы ударить женщину? – спросил Борисов гостя, быстро просматривая свой текст. Кажется, обошлось без ошибок, только в одном месте "р" вместо "о". Он взял пузырёк с мазилкой и аккуратно закрасил палочку, оставив только кружочек. Вытащил копирку, исправил копию.

Из-за спины раздался короткий смешок, похожий на кашель.

– Ты что, забыл? С бабёнками так: или она колется после первой пощёчины, или уж молчит... пока дело не доходит до калёного железа и электродов. А иногда молчит и после электродов. Они хорошо переносят боль, эти твари. И живучие, как кошки. Ну да ты ведь всё прекрасно помнишь, Каф.

Аркадий взял очередной бумажный бутерброд, проложенный бледной, давно выбитой копиркой. Копирка криво торчала между белых листов. Чёртова бумага... Или это его руки вдруг стали какими-то неловкими? Проклятье, это ведь оно – чувство пустоты в мышцах: первый, неизменный спутник страха... "и самый страх есть чувство пустоты", – эхом пронеслось в памяти. Чёртова культура. Ты тратишь годы, чтобы проникнуться ею, ты учишься внимать, наконец – ты начинаешь на неё надеяться, как на друга, который в решающую минуту даст тебе оружие. И когда приходит время действовать, отвечать ударом на удар, этот друг суёт тебе в руку бесполезную игрушку, деревянную шпагу – какую-нибудь ненужную цитату... Насколько всё же иудаизм глубже. "Если кто-нибудь пришел убить тебя, убей его первого". Санхедрин, 72а. Надо же, ещё помню... Толку-то...

– Невозможно печатать на такой бумаге, – пожаловался он. – Слишком толстая... берёт две копии в лучшем случае, – лист пошёл косо, пришлось выкручивать его назад и вставлять снова, – Нормальной, тонкой – не купишь. И копирка пропала совершенно, – он попытался заправить в машинку другую тройку листов. Валик скрипел, не желая прокручивать то, что в него заталкивали.

– Поставь себе, наконец, нормальный рехнер, – гость чуть повысил голос, – и друкер. Рекомендую "Бош". Или "Hewlett-Packard", если у тебя аллергия на дойчтехнику. Кто сейчас печатает на машинке?

– Например, я. И намерен это делать и дальше, – Аркадий прислушался к своему голосу: кажется, он звучит достаточно твёрдо. Главное – не показать, что он боится. Не показывать страха, ни в коем случае не показывать своего страха. Хотя этот умеет чуять страх, носом или чем-то ещё... Когда-то и он сам это умел, когда был Кафом. Хотя и тогда он умел это плохо, а уж сейчас... О чёрт, как некстати, как же всё это совершенно некстати...

– Не могу читать с экрана, совсем, – пожаловался он. – И писать в рехнер. Хотя из-за этого у меня проблемы с издательствами. Всем нужна... как они это называют?.. Электронная копия, вот.

– Найми девочку с рехнером и диктуй ей. Это обойдётся тебе рублей в четыреста за месяц. Не такие уж большие деньги.

– Для меня это большие деньги.

Он справился, наконец, с валиком. Перевёл каретку. Деликатно тренькнул звоночек.

– М-м-м... скажи, а как ты сюда вошёл?

– Через дверь.

Борисов почувствовал, что в этой фразе что-то не так, и тут же напомнил себе, что гость не иронизирует, а говорит по существу. Существуют разные пути попасть в закрытое помещение. Например, через окно. Через пролом в стене. Через дыру в потолке. Или через дверь. Он воспользовался дверью... Чёртова, чёртова культура. Она отучает от прямых значений слов.

– Ну да. Ты ведь хорошо умеешь открывать замки.

– Смотри-ка, ты ещё что-то помнишь... Ну да. Я не забываю старых навыков: они могут быть полезными. То, что стоит у тебя в двери – говно. В детстве я такое открывал пальцем. Ещё эти проводочки. Ты поставил квартиру на полицейский контроль? У тебя есть что брать?

Борисов провернул рукоятку, и бумага с тихим хрустом вылезла наверх.

– Я не люблю незваных гостей, – Аркадий решил, что может себе позволить такую фразу. – К тому же меня в любой момент могут посетить люди в штатском. Я сотрудничаю с либеральными изданиями, а они этого не любят.

– Ты думаешь, что полиция защитит тебя от ДГБ?

– Зря иронизируешь. Не то чтобы защитит. Но может получиться забавно: эти приходят, а потом прибегают те и начинают разбираться на месте. Не смейся, иногда это работает.

Гость, судя по всему, задумался: стало тихо.

Борисов попытался сосредоточиться на статье, но ничего не вышло.

– Н-даа, – наконец, нарушил молчание гость. – Понимаю. Подтаивающий тоталитаризм. Общая структура ещё имперская, как её дойчи ставили. Но координация

работы ведомств, на которой всё и держится, уже сбоит... Хорошо. Кстати, – добавил он, – стуча по клавишам, ты нарушаешь святость субботы.

Аркадий поджал губы. В этот момент его сморщенное лицо с огромным носом стало совсем похоже на мордочку басенной мартышки в очках.

– Пикуах нефеш, – вздохнул он, – "спасение жизни". Нет ничего превыше жизни юде. В Санхедрине сказано: если юде заставляют выбирать между заповедями Торы и смертью – пусть преступит, но не умрёт. Причём, заметь, нарушение субботы не просто допускается, но является требованием Торы. Даже если непосредственной опасности нет, но есть хотя бы опасение, что соблюдение субботы может привести к гибели юде, он обязан, именно обязан, нарушить субботу. У меня такое опасение есть. Значит, это ситуация пикуах нефеш, и я обязан нарушить святость субботы.

– И кто тот юде, которому угрожает опасность?

– Я, – ответил Аркадий. – Если я не допишу статью до завтрашнего утра, у меня будет нечем заплатить за комнату.

– Очень смелое толкование. Мудрецы говорили о сохранении жизни, а не о деньгах.

– "Если тебе предложат выбирать – кошелёк или жизнь, выбирай кошелёк, ибо без кошелька всё равно смерть", – процитировал Аркадий. – Это, конечно, не учение Торы, но, по крайней мере, сказано умным юде. К тому же это правда. Я должен хозяевам этой конуры уже за четыре месяца. По закону они давным-давно могут меня выкинуть отсюда. Пока они терпят, но больше терпеть не будут. На улице я жить не умею. В подобной ситуации...

– Не драматизируй, у тебя это плохо получается. Не надо делать того, что у тебя плохо получается. Просто скажи, что тебе сейчас нужны деньги, и тебе наплевать на все мицвот вместе взятые...

Гость вновь замолчал. "Осматривается", – подумал Борисов. Было бы что осматривать. Холостяцкое логово. Дыра. Гнездилище бывшего интеллигента, опустившегося до дешёвого журнализма. Жуткое, кстати, слово – "гнездилище". Оно напоминало ему червя, состоящего, как из члеников, из самых мерзких русских букв: согбенного, пресмыкающегося "гэ", злобно зудяшего "зе", тупого дубового "дэ", давящегося блевотой "эль" и по-насекомьи кусучего "ще". Гнездилище. Вот именно.

Аркадий закрыл глаза и попытался как можно подробнее представить себе окружающую обстановку: когда-то очень давно его этому учили. Получилось не очень: зрительная память не держала целого образа, а выхватывала отдельные детали. Выцветшие жёлтые обои в мелкий цветочек. На потолке – покосившаяся двухрожковая люстра без одной лампочки. Столик с машинкой. Трёхногий табурет, прислонённый к стене. На нём груда разлохмаченных пожелтевших бумажек, придавленная Торой в кожаном переплёте. Когда он последний раз открывал Тору? Кажется, там, в той стране. В тюрьме. Там была только Тора и старые газеты... нет, этого вспоминать не надо. Что у нас есть ещё? На подоконнике – замусоленные словари и чашка с чайной заваркой. Кипы расползающихся газет, корректур, вырезок, норовящие стечь на пол грязным ручьём. Под батареей стоит жестяная мисочка для воды: труба протекает, надо бы починить, но хозяева жалеют денег. В мисочке плавает пузырёк с засохшей замазкой для бумаги, похожий на дохлую аквариумную рыбку... Узенькая постель, рядом табурет, на котором сидит гость. Двустворчатый шкафчик с необходимыми книгами. Наверху – третий том иерусалимского издания Бубера, заложенный пожелтевшей брошюркой "Исследование

грамматики числовыми методами": его первый и последний научный труд, в дальнейшем он занимался совсем другими вещами... Гранёный стакан с поломанными карандашами, тупыми ножницами и прилипшим ко дну ластиком со слоном. Странно: стакан он отлично помнит, но вот где он? Дина очень любила выбрасывать такой хлам, особенно втихую, когда его нет дома. Но Дины больше нет. Она там, в той стране. Он прожил там шесть лет, а ведь так и не побывал в Святом Городе. Он не доехал до Иерусалима какого-то километра, когда его машину остановили. Потом была тюрьма.

– Может быть, ты зажжёшь свечи? – спросил гость. – Я предпочитаю встречать субботу при свечах.

– Во-первых, ты ещё должен помнить, что это женская обязанность, – начал рассуждать Аркадий. – Хотя при отсутствии женщин зажигать свечи может и мужчина. Но дело не в этом. Сейчас поздно. Свечи зажигают за полчаса до захода солнца. Кто зажигает субботние свечи после захода, не только не исполняет заповедь Торы, но прямо её преступает. "Не зажигай огня в день субботний". Я, конечно, плохой юде, и постоянно преступаю заповеди. Но я не настолько плохой юде, чтобы преступать заповеди из эстетических соображений. Эстетический подход к религии – это само по себе отвратительно...

– Хватит болтать, – гость не повысил голоса, но тональность разговора изменилась. – Зажги свечи. И выключи электричество, кстати.

– Я же объяснил... – начал было Борисов.

– Пикуах нефеш, – процитировал гость. – Спасение жизни. Преступи, но не умри. Даже при малейшем подозрении, что это угрожает жизни юде. Зажги свечи.

Аркадий тяжело поднялся и пошёл к шкафу, избегая смотреть на гостя. Кряхтя, наклонился, извлёк из нижнего отделения низенький серебряный подсвечник. Открыл. Зажёг. Зажмурившись, прошептал благословение. Нащупал за шкафом выключатель, дёрнул рычажок. Тени метнулись из углов и затопили комнату, оставив только два жёлтых свечных глазка.

– Если ты зачем-то захочешь меня убить, ты сделаешь это без дешёвых опереточных арий, – сказал Борисов, не очень веря в собственные слова.

– Я не собираюсь тебя убивать. Я даже могу пообещать тебе это. Ты знаешь, я всегда выполняю обещания.

– Я знаю, Зайн, – Аркадию и в самом деле стало поспокойнее. – Давай выпьем. У меня есть вино и водка.

– Где?

– Вино в холодильнике на кухне. Водка в морозилке. "Власовка", между прочим.

– Вот как? Шикуешь. Ладно, неси водку. Я бы предпочёл вино, но оно наверняка некошерно.

– Зато водка всегда кошерна. А на "Власовку" даже выписано свидетельство о кашруте.

– Неплохо они заботятся о потребителе. Неси. Впрочем, сиди, я сам принесу.

"Неужели он думает, что я храню в холодильнике оружие?" – подумал Аркадий. Хотя, возможно, в свое время это была бы не такая уж глупая мысль. Но теперь-то... Он с отвращением почувствовал, как дрожат руки. Стараясь успокоиться, наощупь дотянулся до чашки с заваркой, отхлебнул, поставил на место. Не попал. Чашка с тихим звяканьем опрокинулась. Наверное, залило корректуры. Ладно, высохнет. Не впервой. В последнее время с ним это стало случаться всё чаще. Однажды он забыл недоеденный кусочек

беляша между страницами англо-португальского словаря, и спохватился только через две недели, когда в комнате начало ощутимо пованивать тухлятиной. Словарь пришлось продать за копейки в букинистическую лавку. Владелец магазинчика, старый фольксдойч с бульдожьей мордой, не хотел брать испорченную книгу, пришлось уговаривать, унижаться... Из-за каких-то пяти рублей. Да, для него сейчас и пятёрка – тоже деньги.

Ничего-ничего. Он дождётся своего часа, обязательно дождётся. Если бы не этот старый параноик, непонятно откуда свалившийся на его голову...

Тихие шаги гостя остановились возле кухонной двери. Звякнуло стекло, щёлкнул выключатель. Хлопнула дверца холодильника.

– Не ищи стопки, они у меня здесь, – крикнул Аркадий в коридор, запоздало соображая, что он мог бы сейчас проскользнуть в прихожую – и даже, наверное, открыть верхний замок. Зайн, конечно, услышит, но ему понадобится несколько секунд – в прихожей тесно, ещё этот велосипед у стенки, за который зацепиться как нефиг делать, он непременно зацепится, он ведь уже не тот, Зайн, он уже не мальчик, все мы не молодеем, а он уже будет на лестничной клетке, и сразу вниз, через перила, через пролёты, как тогда в Буэнос-Айресе... конечно, можно ноги переломать, но можно ведь и уйти... хотя нет, не стоит – просто кубарем по лестнице, Зайн ведь не станет стрелять, нет, не станет... всё-таки пятый этаж... Зайн побежит за ним, но он успеет раньше, должен успеть... главное – лестница, потом выскочить из подъезда, а там резко дать джазу по подворотням, он-то здесь каждую дырку знает... придётся бежать через гаражи, а он в носках, а там лёд и собаками нагажено... ничего, не привыкать, на таком адреналине и не почувствуешь, главное не поскользнуться, но он проскочит, должен проскочить, лишь бы там ничего не поставили, какую-нибудь доску с гвоздями или железку, русские это любят, но вроде бы не должны... потом махнуть через помойку, тут Зайн приотстанет – а там, по улице генерала Краснова, есть полицейский участок. Вероятность успеха один шанс из десяти – если бы он встал сразу после того, как Зайн вышел. Нормальный такой шанс. Даже, можно сказать, хороший шанс, бывало ведь и хуже, и ничего, и уходил...

– Не пыхти так громко, – насмешливый голос достал его из коридора, – побереги дыхание.

Аркадий замер.

– Ладно, дыши, – разрешил Зайн, входя в комнату с бутылкой водки. – Ты слишком боишься, чтобы сопротивляться. Но недостаточно боишься, чтобы бежать сломя голову. Поэтому ты остаёшься на месте. В первом и втором случае у тебя был бы шанс... крохотный, конечно. В последнем случае твой шанс равен нулю, – Зайн опустился на табурет и принялся скручивать бутылочную пробку. Борисов машинально отметил, что гость слегка картавит, и тут же поправил себя: за годы безвылазной жизни в России он успел привыкнуть к твёрдому русскому "р", а Зайн говорит с мягким романским акцентом. – Типично обывательская реакция на опасность. Всё-таки тебя сломали, Каф. Ты стал обывателем.

Борисов вздрогнул.

– Стал мелким вонючим обывателем, – продолжал Зайн, не меняя тона. – Ты хоть чувствуешь, как у тебя здесь воняет? Передай мне стопки.

– По крайней мере, я перестал быть убийцей, – Аркадий нашарил под столиком две стопки, жирные на ощупь. Последний раз он пил из них неделю назад, с редактором отдела политики "Свободного Слова".

Маленькие стаканчики звякнули.

– Но это не помешает нам выпить, – гость протянул Борисову стопку водки. – Лехаим!

– Благословен ты, Господь Бог наш, Царь Мира, по слову Которого возникло всё, – быстро пробормотал Борисов благодарственную молитву. – Лехаим, – сказал он и проглотил водку. Обжигающая жидкость нырнула в горло, покатилась вниз, и встала колом где-то в районе груди. Аркадий попытался вдохнуть и зашёлся в мучительном кашле. Зайн хлопнул его по спине раскрытой ладонью. Борисов едва успел подхватить подпрыгнувшие очки. Кашель, однако, съелся, оставив только лёгкое жжение в горле.

Они немного посидели молча. Борисов с тоской смотрел на поблёскивающую каретку пишмашинки.

– Ты мне надерзил. Дерзость – обывательское понимание смелости. Ты посмел назвать меня убийцей, – сказал, наконец, Зайн.

В полумраке его силуэт казался чёрным.

– Я этого не говорил... но ты прав, я это имел в виду, – собрался, наконец, с духом Борисов. – Мы все были убийцами. И убивали. В том числе и юде. Таких же юде, как мы.

– Не таких, как мы. Плохих юде, они сотрудничали с хазерами, с дойчскими свиньями. Которые сделали с нами... – он выразительно замолчал.

– Которые что? – Аркадий почему-то почувствовал себя увереннее: по крайней мере, он больше не чувствовал пустоты в мышцах. – Только не отвечай мне – "ты сам знаешь, что они с нами сделали". Когда меня вербовали, я повёлся именно на такие фразы. Нет, не на фразы – на интонацию. Как будто с нами сделали что-то такое, чего нельзя назвать словами. Таким тоном говорят об изнасиловании. Или о каком-то стыдном увечье, – он запоздало прикусил язык. – Но ведь это же обычная манипуляция, Зайн, это психологическая игра. Вся пропаганда визенталевцев основана на манипуляциях нашими комплексами... на злоупотреблении чувствами... и не всегда благородными, – он перевёл дух.

– Продолжай, не бойся, – поощрил его Зайн. – Это даже по-своему любопытно.

– Вот-вот, я об этом и говорю. Эта самая интонация, – Аркадий понимал, что говорит лишнее, но не мог остановиться: несожжённый адреналин требовал выхода. – Это твоё "по-своему любопытно". Ты подразумевал что-то вроде – "мне, судье, интересно послушать, как именно преступник попытается выгородить себя – при том, что его вина доказана и не подлежит обсуждению". Но я не преступник. Я давно перестал им быть. Я не принимаю твоих обвинений. И если тебе что-то нужно от меня... по этим делам, то имей в виду: я вне игры.

– О, сколько пафоса, – тёмный силуэт чуть сдвинулся, закрыв плечом одну свечу. – В игре ты давно никому не нужен, не обольщайся.

– Кто бы говорил о пафосе, – огрызнулся Борисов, неожиданно ощутив нечто, отдалённо напоминающее прилив мужества. – Старые шлюхи тоже любят поговорить о девической чести...

Из темноты протянулась рука и ударила Аркадия по лицу – хлёстко и больно.

– Не забывайся, – процедил Зайн.

Как ни странно, Аркадию стало не так страшно: до того нелепой была эта неожиданная пощёчина.

– Действительно, королевский довод, – сказал он, повысив голос, – дойчи вот тоже любили такие аргументы.

– Так значит, ты всё-таки ненавидишь хазеров? С-с-с, – Зайн презрительно

выпустил воздух сквозь зубы, – а я уж думал, что ты видишь в них братьев по человечеству, или как там хрюкал этот болтун, израильский президентишко...

– Профессор Мартин Бубер, – машинально ответил Борисов. – Сегодня, кстати, ему исполнилось бы сто тринадцать лет.

– Вот как. Значит, в той стране сейчас национальный праздник? Очень забавно.

– Да. Нам, кстати, разрешали его отмечать. Наравне с религиозными праздниками. Хорошо кормили и не допрашивали. А на следующий день приезжали люди из "Агаф Модиин". И всё начиналось сначала.

– И ты им всё рассказал, – это был не вопрос.

– Конечно. Всё, что знал. И всё, о чём думал или догадывался. Если я что-то забывал, они помогали мне вспомнить.

– Я имел дело с АМАН, – в голосе Зайна послышалось нечто вроде уважения, – они неплохо работают. Хотя, конечно, редкостные ублюдки. Как и вся та страна. Клетка для юде, сделанная по дойчским чертежам. Которую сами же юде защищают с пеной у рта. Республика Израиль против Центра Визенталя – это какой-то апофеоз подлости и ренегатства.

– Просто они считают, что у юде от деятельности визенталевцев только одни неприятности. И они в чём-то правы, не так ли?

– Неприятности? О, это было бы славно, если бы у юде были какие-нибудь неприятности, – Зайн едва заметно позевнул. – Может быть, это их расшевелило бы. Но пока что всё всех устраивает. Даже то, что их вышвырнули, как шелудивых щенков, из домов, и бросили мордой в песок.

– Пафос, пафос! Мы были депортированы из Германии. Не в первый раз, кстати. Нас всё время откуда-нибудь выгоняют. Существует версия, что наша история началась с депортации. Ты читал фройдовскую книгу про Исход?

– Не люблю Фройда, – табурет под Зайном тихо скрипнул, как бы соглашаясь с сидящим. – Ранние его труды были забавны. Но под старость он начал забываться.

– Я тоже не люблю Фройда, но именно эта книжка показалась мне интересной. Красива сама идея – Исход из Египта не был бегством, юде не хотели уходить, их заставили убраться египтяне, желая избавиться от ненужных ртов. Моше был просто руководителем переселенцев, чем-то вроде начальника группы. Или пересыльного лагеря. Когда переселение закончилось, то есть когда он увёл юде достаточно далеко от границ Египта, он вернулся к себе на родину – отсюда и представление о том, что он неожиданно исчез... Чушь, конечно, но в этом что-то есть. Во всяком случае, дойчи поступили с нами как фройдовский Моисей – не просто выгнали, а дали землю, на которой мы смогли поселиться. Между прочим, ту самую землю, о возвращении в которую мы каждый год просили Творца. "В будущем году в Иерусалиме". Не кажется ли тебе, что они просто исполнили нашу настоятельную просьбу? В конце концов, мы молили об этом Бога почти два тысячелетия. Возможно, ему надоело слушать наши завывания?..

– В пересыльных лагерях погибло сто семьдесят тысяч юде, – скрипнул зубами Зайн. – Об этом ты, наверное, забыл. За давностью лет.

– Во-первых, пятьдесят две тысячи – это цифра, которую признают в той стране. Имперцы вообще настаивают на сорока.

– Разумеется, им важно открутить счётчик назад. Чтобы сказать, что ничего страшного не произошло. Подумаешь, не сто семьдесят, а сорок тысяч юде. Кто считает юде, кому нужны юде?

– Вот и нам не надо подкручивать циферки на счётчике, нас и так слишком часто в этом обвиняют. И во-вторых, во время войны тех же дойчей погибло куда больше. Не говоря уже о прочих европейских народах.

– Какая разница, сколько погибло гоев в их глупой гойской войне? Нам, юде, и дела не было до их нелепых стычек. Во время войны мы пережили ужас, унижение, страдания... смерть... ты у нас теперь не любишь пафоса, он оскорбляет твоё эстетическое чувство, но смерть юде для тебя всё-таки что-то должна значить? – осведомился Зайн. – А ведь мы хотели просто жить.

– То есть мы, юде, хотели пользоваться всеми благами европейской цивилизации, не претерпевая при этом её бед и неприятностей, – заключил Борисов. – Но так не бывает. Хорошо ещё, что нам об этом вовремя напомнили. И к тому же юде не просто жили в Германии. Они, честно говоря, прибрали к рукам Ваймарскую республику. Когда финансы, пресса, медицина, даже промышленность принадлежит только одному народу, не слишком хорошо относящемуся к коренному населению – это как называется?

– Противно слушать от старого боевого товарища зады имперской пропаганды. Но даже если так – ну и что? Да, мы были лучше, умнее, расторопнее всех этих свинюшек, всех этих пруссачков и швабов. Поэтому мы были наверху. Да, мы их презирали, и совершенно справедливо. Мы ставили их на место, и хазеркам это не нравилось. Но мы всё-таки никого не убивали и не выселяли.

– Почему же не убивали? Мы взяли себе их кошелёк, и они остались без кошелька. Это тоже убийство, потому что без кошелька всё равно смерть. За это они нас ненавидели. В конце концов к власти пришли те, кто пообещал дойчам вернуть их кошелёк. И исполнил это обещание. Всё очень понятно.

– Мы никого не убивали, – повторил Зайн. – Не говоря уже об унижении. "Хрустальная ночь". Жёлтые звёзды. Запрет на смешанные браки. Лишение гражданских прав. Погромы...

– Ну, положим, запрет на смешанные браки – наше собственное изобретение. Помнишь, почему нельзя пить вино, сделанное гоями? А почему юде нельзя есть в гойском доме? Талмудическое объяснение таково: чтобы избежать сближения между гоями и юде. Совместные трапезы и особенно выпивка сближают, и это может привести ко взаимной симпатии, а то и к смешанным бракам...

– За что я не люблю свой народ, так это за придирки к словам, – отрезал Зайн. – Сравнивать запрет на вино и трапезу с нацистскими законами – это просто смешно.

– Но, тем не менее, мы начали обособляться первыми. Что касается убийств – когда мы были сильным народом, мы тоже убивали. Мы вырезали целые народы и радовались этому. Наша история началась с этого. Учи Тору, Зайн. Причём я этого не стыжусь, совсем нет. Это жизнь: кто сильнее, тот и прав. Но именно поэтому я считаю, что с нами поступили ещё не самым худшим образом.

– Не худшим? Сто семьдесят тысяч... хорошо, пятьдесят или сорок тысяч юде, если тебе так важна эта деталь, – поправился Зайн. – Они погибли в пересыльных лагерях. В основном – старики, женщины и дети. Самые слабые. И неизвестно сколько ещё умерло в той стране, в песках. Они скрывают данные. Но тогда, в сороковые, там погибло очень много наших. Республика Израиль стоит на юдских костях, Аркадий. И ты это прекрасно знаешь.

– А в отряде Моше погибли все, рождённые в Египте, – парировал Борисов, – что тоже очень прискорбно... Но дело ведь совсем не в этом. Мне почему-то кажется, что

Визенталь предпочёл бы, чтобы погибло не пятьдесят и даже не сто семьдесят тысяч, а миллион семьсот. Чтобы иметь право ненавидеть дойчей в десять раз сильнее.

– Ха! Ты не так уж неправ, – Зайн потянулся за бутылкой. Стекло блеснуло в свете свечей, на мгновение отбросив отсвет на пальцы Зайна – длинные, тонкие, с глубокими лунками. У Зайна всегда были красивые руки.

– Не знаю насчёт старика Визе, а я лично и в самом деле хотел бы, чтобы юде погибло больше. Миллион, два миллиона... пусть даже пять миллионов, – горлышко бутылки глухо стукнулось о стопку, булькнула водка. – Будешь?

– Нет, я пас, – отгородился ладонью Борисов. – Ты хоть понимаешь, что несёшь? Ты пришёл ко мне поговорить о страданиях нашего народа?

– Ах, как это было бы славно: пять миллионов убитых юде... – Зайн не слушал, – пять миллионов восхитительно мёртвых юде, и чтобы их убили дойчи, убили собственными руками, чтобы это было доказано, чтобы ничего нельзя было списать на обстоятельства! И чтобы весь мир знал об этом! Вот тогда у нас было бы настоящее право на месть! И настоящее желание мстить! Чтобы каждый юде знал: дойчи – прирождённые убийцы, преступники, кровожадные ублюдки. И хотел бы только одного: убивать, убивать, убивать дойчей, этих псов, убивать везде, убивать их самих, их самок, их щенков, травить их как крыс, преследовать, ловить, истязать, мочиться на их могилы...

Аркадия скрутило от отвращения.

– Вот сейчас, слушая тебя, я понимаю юдофобов, – сказал он, поправляя съехавшие очки.

Зайн тихо рассмеялся.

– Я немного подыграл тебе, а ты купился, – снисходительно сказал он. – Ведь это ты сам предположил, что мне бы хотелось чего-то в этом стиле. Дружочек, ты не знаешь, и никогда не узнаешь, что я на самом деле думаю о нашем милом народе... и как я его презираю, если уж на то пошло. Но дойчи – о, их я и в самом деле ненавижу. На самом деле я ненавижу весь этот мир, всю эту так называемую цивилизацию. Я не могу её уничтожить, но, по крайней мере, я могу держать её в страхе. Я могу ей мстить. За то, что она не оставляет места мне. И таким, как я.

– Так, может быть, цивилизация в чём-то права? – осведомился Борисов. Он совсем перестал бояться – ну разве только где-то в животе остался неприятный сжатый комок. – Без тебя было бы спокойнее.

– Для себя – да, она права, – Зайн ухмыльнулся, – она и в самом деле соответствует убогим мечтам среднего обывателя. Она потакает его тупости, пошлости, убожеству, его мерзкому желанию прожить как можно дольше, да ещё и наплодить себе подобных уродцев. Это есть везде. Но только дойчи имели наглость объявить обывателя сверхчеловеком! Помнишь, как хрюкал главный хазерюга, этот их вожак, в той речи? Я это место наизусть помню. "Германский человек", – Зайн перешёл на дойч и добавил в голос издевательской писклявости, видимо, подражая высокому голосу райхспрезидента, – "по природе своей есть господин, и никогда не раб. Из этого ощущения господства проистекают наши национальные добродетели, составляющие предмет зависти других народов", – там ещё было какое-то хрю-хрю-хрю... не помню точно... А, вот: "Недаром иностранцы, посещающие Германию, замечают в самом незначительном чиновнике, в рабочем, в самой простой домохозяйке, необычайное достоинство, ответственность за своё дело, суровую требовательность к себе" – нет, ну каково! свиньи, свиньи... – "мужество в преодолении трудностей, стремление к совершенству"... хрю-хрю... "всё

опирались на главное – на тот дух господства, который живёт в груди каждого дойча! Он – господин по своей природе: даже на самом скромном месте, им занимаемом, он господствует, а не рабствует!" Уфф, какая же всё-таки мерзость, – закончил он по-русски. – Ницше, небось, вращался в гробу, как пропеллер. Он-то знал, что из себя представляют его милые сородичи. Знаешь, что он писал? "Бедный Вагнер – куда он попал? Добро бы еще к свиньям, а то – к дойчам!" Вот это я понимаю... Атлантисты хотя бы уважают силу духа. Они убили Че Гевару, но признали его героем. Они всё же помнят слова Юлиуса Эволы: лучше быть преступником, чем бюргером. Я скажу больше: стать бюргером – это и есть единственное и главное преступление, которое может совершить человек. Дойчи – нация бюргеров, и тем самым они – нация преступников...

– Зайн, только не вешай мне на уши эти несвежие макароны, – махнул рукой Аркадий. – В конце концов, мы-то с тобой знаем, за что именно ты ненавидишь дойчей. Прости, конечно, что я напоминаю тебе об этом, но...

– Да, и за это тоже, – Зайн скрипнул зубами. – Лучше бы тот ублюдок меня убил. Он очень сильно ошибся, не убив меня тогда. Есть вещи, за которые мстят всему племени. Вырезают до десятого колена и разбивают головы младенцев о камень.

– Мы с тобой уже говорили об этом, помнишь? Скорее всего, тот патрульный не хотел стрелять ... э-э... в это место. Он действовал по инструкции. Первый выстрел в воздух, второй – по ногам. Возможно, он плохо прицелился. И к тому же, если уж ты собрался грабить армейский склад, жаловаться на риск глупо.

– А меня не интересует, куда он целился, – зарычал Зайн. – Он лишил меня высшего наслаждения в этой жизни. Не говоря уже о потомстве. Это хуже, чем убийство. Он убил мой род, этот маленький дойчский ублюдок. Убил его во мне, в моём теле. У меня нет и не будет сына, которому я мог бы передать... – Зайн запнулся, – передать всё.

– Представляю, что бы ты передал детям, и какой из тебя вышел бы славный папаша, – брякнул Борисов и тут же получил ещё одну пощёчину.

На этот раз Зайн ударил его так, что очки слетели с носа. В голове что-то зазвенело, тоненько и противно.

Зайн вытянул ногу, подгрёб очки поближе к себе и с хрустом их раздавил. Привстал, чтобы потоптаться каблуком на стёклах.

Борисов почувствовал, что ему становится смешно. Он попытался сдержаться, но ничего не мог с собой поделать: невесть как проглоченная смешинка щекотала и щекотала нёбо, всё сильнее и сильнее, и, наконец, он в голос заржал, утирая подступившие слёзы.

Всё вокруг казалось ему невероятно забавным: и темнота, и расплывчатые жёлтые пятна свечей, и поблёскивание каретки машинки, и то, что Зайн раздавил его очки.

Даже мелькнувшая у него в голове догадка показалась ему очень удачной шуткой.

– Ты свет по... погасил... хи-хи-хи... – смех мешал ему говорить, – ты... хи-хи... в... в... водку... до... добавил? – тут Аркадий почувствовал, что в носу что-то хлюпает и с шумом втянул невесть откуда подступившие сопли. Получилось так смешно, что он чуть не свалился с табуретки от хохота.

– Американский препарат, – любезно объяснил Зайн, – для допроса в полевых условиях. Называется "щекотун". Правда, у него есть кое-какие побочные эффекты, но что ж поделать...

Зайн легонько ткнул Борисова пальцем в бок. Тот зашёлся звонким, радостным смехом.

– Хорошо забирает? Погоди, сейчас будет ещё веселее...

Он поднёс прямо к лицу Аркадия длинный палец и медленно согнул его, коснувшись ногтем борисовского носа. Это показалось Борисову невероятно, феерически остроумным, и он утробно заржал. Он фыркал, давился, шмыгая носом и чихая соплями – ему было очень, очень, очень весело.

Потом перед глазами всё как-то поплыло. В ушах тоненько зазвенела кровь, и Борисов понял, что он куда-то проваливается. Клокочущий в горле смех превратился в судорогу. Аркадий попытался закричать, но не смог: лёгкие оказались пустыми.

Теперь он падал в какую-то чёрную яму. Яма всё сужалась, сжималась, и он сжимался вместе с ней, а потом стенки ямы обрушились на него, задавили, смяли, сжали в точку, и оказалось, что он лежит на полу.

"Я ударился головой" – подумал Аркадий. Мысль прокатилась, как стеклянная горошина, и выпала из головы, не оставив и следа.

"Я умираю" – это была вторая мысль. Она немного попрыгала по извилинам, и тоже выкатилась вон.

"Мне холодно" – третья мысль задержалась подольше. Ему и в самом деле было холодно. Очень холодно. Он чувствовал, как подрагивают сведённые ознобом мышцы – старые, дряблые, они всё ещё пытались согреть своего хозяина. Ноги были совсем ледяные. Борисов попытался сосредоточиться на этом, но мысли тут же расползлись, как мокрая бумага.

– Ты меня слышишь? – раздалось откуда-то сверху. Вопрос заставлял сосредоточиться – ровно настолько, чтобы ответить и снова провалиться в холодное беспамятство.

– Да, – Аркадий даже не понял, кто это сказал. В какую-то секунду он почти осознал, что говорил-то он сам – но мысли, не удержавшись вместе, раскатились на все четыре стороны.

– Я задаю вопросы. Ты отвечаешь на вопросы. Отвечаешь быстро, даёшь правильные ответы, быстро и честно... – последовала пауза, – У тебя есть одна вещь, которую ты прячешь от всех. Ты прячешь её давно, много лет. Ты понимаешь, о чём я говорю?

– Да, – ответил Аркадий, не думая: думать было невозможно. Но это не мешало отвечать.

– Что это за вещь?

– Не знаю. Это было закрыто.

– Свёрток? Упаковка?

– Да.

– Что там внутри?

– Не знаю. Наверное, книга.

– То есть ты так думаешь, что это книга? – голос жирно выделил слово "думаешь".

– Да, – сразу согласился он.

– Что в книге? Это печатная книга? Рукопись? Чертежи? Карты?

– Не знаю. Он мне сказал, что это очень ценная вещь. Она стоит сотни миллионов долларов. Или ещё больше. Это огромная ценность.

Откуда-то послышался мелкий частый стук. Через несколько секунд пришла тупая боль в левой руке, и Аркадий сообразил, что это он сам бьётся об пол костяшками пальцев.

Тяжёлый ботинок наступил ему на кисть.

– Не дёргайся. Кто дал тебе эту вещь?

– Я не брал её, – ответил Борисов. – Я один раз её видел. Он мне показывал её. Она будет моей, когда в России не будет дойчей. Он мне это обещал.

– Кто показывал тебе эту вещь?

– Старик.

– Как звали старика?

– Эренбург. Илья Эренбург.

– Почему он обещал тебе эту вещь?

В голове Борисова что-то заколыхалось.

– Он был красным пропагандистом. Очень известным. Призывал убивать дойчей. Потом вёл работу в красном подполье. После разгрома подполья лёг на дно. Его искали русские и дойчи. Он хорошо прятался, но они его почти нашли. Я помог ему бежать из России. Через наш канал. За это он обещал отдать мне эту вещь.

– Очень интересно. Когда это случилось?

– В пятьдесят шестом году. Я был молодой. Я хотел... – он запнулся.

– Почему ты стал ему помогать?

– Он же юде, – Аркадий почувствовал, что в ответе чего-то не хватает, – Я думал тогда, что юде должны помогать друг другу в случае опасности... когда им угрожают гои... – он попробовал было сказать ещё что-то, чтобы всё объяснить, но голос его перебил:

– Почему ты не доложил об этом в Центр?

– Я хотел оставить эту вещь для себя.

– Почему?

– Я хотел стать когда-нибудь богатым. Иметь свой дом. Не работать. Купить всякие вещи.

– Ты был тогда щенком, но уже думал только о своей шкуре.

Аркадий промолчал: это не было вопросом.

– Где находится эта вещь?

– Эренбург оставил это в банке на бессрочное хранение. Первый Профессиональный Банк, отделение четыре "С", ячейка семнадцать – восемьсот три.

– Ты можешь взять эту вещь из банка?

– Нет.

Наступила пауза, и Аркадий опять оказался наедине с набирающим силу ознобом.

– За бессрочное хранение нужно платить, не так ли? Кто оплачивает хранение?

– Сейчас я.

– А раньше?

– Тот человек оплатил хранение на двадцать лет вперёд.

– Ах, ну да. Ты же не мог платить из тюрьмы... Да и из Аргентины это было бы затруднительно. Тебе повезло... Но сейчас тебе нужно было сделать очередной взнос?

– Да.

– Забавно... Да, ради этого можно нарушить субботу... Ладно. Так ты можешь взять эту штуку из ячейки?

– Нет.

– Почему?

– Я не знаю кода и не имею ключа к ячейке.

– Хорошо. Кто может это сделать?

– Какой-то человек. Я его не знаю, – ответил Борисов. В голове у него сгущался

ледяной туман, но отвечал он по-прежнему быстро и чётко.

– Кто этот человек?

– Когда-то он помог Эренбургу бежать из-под ареста. Больше я ничего не знаю.

– Человек знает название банка и номер ячейки?

– Нет.

– Как он это узнает?

– Я приведу его туда. Мы пойдём туда вместе.

– Он знает тебя?

– Нет.

Пауза.

– Хорошо, попробуем по-другому... Как он откроет ячейку?

– Эренбург сказал, что он дал ему код и личный ключ.

– Как этот человек тебя найдёт?

– Когда в России будет демократия, он меня найдёт, – ответил Борисов.

– Почему не раньше? Почему такое условие? – поинтересовался голос.

– Эренбург ненавидел дойчей. И русских ненавидел. За то, что сдались дойчам. Он не хотел, чтобы это досталось Райху или российскому правительству.

– Что ж, понятно. Как тот человек тебя найдёт?

– Я опубликую статью в газете. Там будут особое название и четыре абзаца, которые написал сам Эренбург. Тот человек прочтёт статью, позвонит в редакцию и найдёт меня.

– Почему ты не можешь опубликовать статью сейчас? – в голосе прозвучал интерес.

– Пока Россия находится в составе Райхсраума, её нигде нельзя напечатать.

– Вот как? Где находится текст статьи?

– Нигде. Я знаю его наизусть.

– Как должна называться статья?

– "Преступления немецкого фашизма против прогрессивного человечества", – процитировал Борисов.

– Ого! Вот оно как, – в голосе прозвучало нечто вроде удовлетворения, – ну и содержание, наверное, соответствующее... Читай вслух те четыре абзаца. Громко и чётко. И медленно. Я записываю, мне нужна хорошая запись.

Борисов прочёл – громко и монотонно, делая паузы после каждой запятой.

– Да-а-а... – протянул Зайн, выслушав всё. – Давненько я такого не слыхал. Особенно хорошо про "стаю нацистских псов, одержимых безумным желанием расправы над гуманистическими идеалами". Или как там? "Люди доброй воли должны, наконец, загнать осиновый кол в могилу нацистских упырей", я правильно цитирую?

– Да, – сказал Борисов.

– Немного старомодно, но всё-таки чувствуется школа... А ты не думал пропихнуть это в эмигрантскую коммунистическую газету? Или хотя бы на радио "Либертэ"? Тот человек может ведь слушать "голоса"... Хотя нет, если ты разрешишь назвать своё имя, то быстро окажешься в тюрьме. Или, во всяком случае, на помойке.

– Да, – сказал Борисов: ему показалось, что это вопрос.

– А если не разрешишь, он тебя не найдёт. Редакция "Либертэ" не выдаёт информации об авторах кому попало. Ах да: статья должна быть подписана твоим собственным именем?

– Нет. Не обязательно.

– Ну да, это понятно. Хм, кстати... ты что-нибудь делал для "Либертэ"? Или других таких радиостанций?

– Нет. Я боюсь. Но я знаю людей, которые делают для них материалы. Иногда помогаю им.

– Ну конечно... Ты ведь должен держаться поближе к либеральным изданиям... А что, ты и вправду надеешься на демократию?

– Да. Скоро в Россию придут американцы. Будет демократия. Будет всё можно говорить и писать.

– Почему ты так думаешь?

Борисов ощутил какое-то смутное неудобство в голове: он не мог ответить, хотя вопрос был простой.

– Не знаю. Так все теперь думают, – наконец, выдавил он из себя.

– Ладно, это пока неважно... Ещё кто-нибудь об этом знает? Ты кому-нибудь говорил?

– Нет. Никому. Даже Дине.

– Этой сучке, которая тебя сдала? А в тюрьме, амановцам, ты что-нибудь говорил об этом?

– Они не спросили. Я ничего не сказал.

– Это на них похоже. Военные внимательны, но не любопытны. Это их обычная ошибка... Ты всё сказал про сверток с бумагами? Или есть ещё что-то, о чём ты умолчал? Расскажи всё.

– Не помню, – Борисов и в самом деле не помнил своих ответов.

– Ты утаил что-нибудь? Говори быстрее.

– Не знаю.

– Ага, третья стадия. Ненадолго же тебя хватило. Ладно. Сейчас мы пойдём. Я помогу тебе встать.

Руки обняли Аркадия, подняли, и он сел на пол. Потом он каким-то образом оказался на ногах. В плавающей, липкой тьме он сделал шаг, потом ещё один, и ещё один, подгоняемый короткими командами – не понимая, где он находится и что здесь делает. Он знал только, что надо идти.

Что-то застучало, зазвенело, потом снова застучало. В голове всплыло слово "машинка". Он не помнил, что оно значит, но оно было как-то связано с этим грохотом и звоном.

– Машинка, – сказал Аркадий, – статья, – это было ещё одно слово, как-то связанное с тем, первым.

– Ты что-нибудь видишь? – спросил Зайн.

– Я не вижу ничего, – Борисов смог связать вместе четыре слова, после чего опять провалился в плавающее ничто.

Он очнулся, когда его ударили по лицу.

В руке мешалось что-то длинное и узкое. Он попытался сжать пальцы в щепоть, и та штука послушно легла между ними.

– Подпись. Поставь свою подпись. Распишись здесь, – длинное и узкое тыкнулась во что-то твёрдое и плоское.

– Не хочу, – Борисов внезапно упёрся. – Я ничего не вижу.

– Это ведомость, – объяснил ему Зайн. – Ты должен получить по ней деньги, много

денег. Тебе очень нужны деньги, тебе нужно получить их немедленно. У тебя в руке перо. Распишись вот здесь.

Борисов напрягся и почти увидел перед собой разграфлённую ведомость с чёрной полоской внизу. Потом картинка пропала, зато пальцы почувствовали, что они держат что-то пишущее – то ли карандаш, то ли ручку.

Он протянул руку и наугад проскрёб кончиком по невидимому листу, постаравшись изобразить подпись.

– Ничего, сойдёт, – пробормотал Зайн и потянул Борисова за руку. Тот безвольно подчинился.

Дальше был какой-то длинный, непонятный путь неизвестно куда (чувство направления Борисова покинуло – он запомнил только, что поднимался по громыхающей железом лестнице, вызвавшей в памяти слово "чердак"), а потом ему в лицо ударил ледяной ветер, и он понял, что стоит на чём-то холодном. Ноги скользили, стоять было трудно.

Перед широко открытыми глазами Борисова плавала темнота с жёлтыми пятнами по краям. Он машинально поднёс руку к переносице – вроде бы когда-то очень давно этот жест помогал видеть.

Очки, вот как это называлось.

– Очки, – сказал он. Потом неожиданно добавил: – Он меня убьёт, – и тут же забыл об этом.

– Успокойся, – раздался голос над ухом. – Я же обещал, что не убью тебя. Ты всё сделаешь сам.

Борисов покачнулся, потом восстановил равновесие.

– Здесь я тебя отпущу. Слушай внимательно. Здесь ты будешь стоять и считать вслух до ста. Стой здесь и считай до ста. Считай медленно, вслух. Потом ты будешь свободен. Тогда ты пойдёшь вперёд. Прямо, не сворачивая, иди вперёд, не оглядывайся, не смотри под ноги. Ты пойдёшь вперёд. Ты быстро пойдёшь вперёд, там свобода, там тебе будет хорошо. Досчитай до ста и иди вперёд. Ты понял?

– Я пойду, – сказал Аркадий.

– Стой здесь и считай до ста. Скажи мне: "Прощай, Зайн".

– Прощай, Зайн, – эхом повторил Борисов.

– Прощай, Каф. Начинай считать. Скажи – "один".

– Один, – сказал Аркадий.

– Один, два, три, и так до ста. Не торопись и не сбивайся. Потом иди вперёд.

Стоять на скользком было очень неудобно, а главное – холодно и мокро. Руки моментально замёрзли до запястий, в лицо летели какие-то холодные крошки. Он сжал руки сильнее, чтобы почувствовать свои ладони – и ничего не почувствовал. Глаза тоже не помогали: Аркадий вроде бы что-то видел, но не понимал, что именно видит – вернее, тут же об этом забывал. Он помнил только, что надо считать до ста.

Сначала заминка случилась на цифре "семнадцать": в голове упорно щёлкало "восемьсот три", но какой-то другой частью ума он всё-таки понимал, что это неправильно. Потом как-то вырулил на "девятнадцать", и дальше счёт пошёл веселее. Когда он досчитал до восьмидесяти, где-то далеко внизу раздался звук, который заставил его сказать "машина". Это его сбило, и он снова начал с девятнадцати. Потом его ещё что-то отвлекло, а потом он вдруг осознал, что все числа кончились, и ему больше не надо считать, потому что он уже свободен.

Он шагнул вперёд, хватаясь руками за воздух.

Kapitel 22. Тот же вечер. Москва, Власовский проспект, 66.

"BMW" тащился по узкому, запруженному транспортом Нахимовскому проспекту. Фридрих недоумевал по поводу обилия машин – вроде бы для часа пик было еще рано – пока не вспомнил, что по пятницам многие русские считают себя в полном праве заканчивать работу на час, а то и на два раньше. Кое-где это даже оформлено официально, хотя чаще всего начальство просто закрывает на это глаза.

Фрау Галле, вопреки своему обыкновению, молчала. И вообще сидела насупившись, глядя куда-то в сторону. Может быть, все еще переживала по поводу вчерашней пресс-конференции. А еще вернее – ей не нравилась роль, которую она исполняла сейчас. Не нравилось, что она должна привести на демократическую квартиру Фридриха. Власов прямо-таки читал ее мысли: "Неизвестно, что он там учудит, а виновата буду я!" Впрочем, это были исключительно ее проблемы.

Движение, и без того небыстрое, совсем скисло. Автомобили из первого ряда вытягивались во второй, объезжая ярко-оранжевую снегоуборочную машину, деловито загребавшую лапами бело-серое месиво. Тяжелые плюхи мокрого снега летели с конвейера в кузов ползущего сзади самосвала. Эх, где ж вы раньше были, голубчики...

Накануне худшие предчувствия Эберлинга оправдались: снег валил весь день, превратив московские улицы в душераздирающее зрелище. Сегодня к полудню дороги все же более-менее расчистили, а в четверг путь от площади Освобождения до Трубниковского занял у Власова почти два часа. Плетясь с постоянными остановками в потоке машин, водители которых то и дело выражали свое раздражение громким и бесполезным бибиканьем, Фридрих в который раз думал, что в авиации, по крайней мере, не бывает пробок. Впрочем, в такую погоду закрывают и полеты. Случись сейчас что, и городские службы не смогут добраться до места происшествия ни на машине, ни на вертолете...

К счастью, больше в этот день ему уже никуда не понадобилось ехать, да и на следующее утро тоже. По возвращении на точку С он позвонил Хайнцу, с которым был вынужден расстаться столь поспешно, и передал ему идею насчет проверки московских ветеранов. (Звонить из машины Фридрих не стал: никогда не знаешь с уверенностью, что за автомобили стоят рядом с тобой в пробке). Раз уж дело требовало запроса из РСХА, то проявить инициативу следовало Эберлингу, официально занимавшемуся Зайном. Хайнц, как и Никонов, оценил шансы скептически, но обещал попробовать, не преминув козырнуть знанием русского слова awoss. Заодно Фридрих связался с Лемке и велел тому выяснить у руководства московских ветеранских организаций, не проводили ли они каких-нибудь мероприятий 5 февраля, в день смерти Зайн-Витгенштайна. И, кстати, являлся ли князь зарегистрированным членом одной из таких организаций.

Затем Власов отправил в Управление запрос по поводу книги, перечислив упомянутые Галле приметы. Добавлять, что книга якобы принадлежала Зайн-Витгенштайну, он не стал. Во-первых, в Управлении могли этого не знать и, более того, считать, что она находится в совершенно другом месте – а его указание сузило и дезориентировало бы поиск. Во-вторых... с некоторых пор Фридрих не был уверен, что обо всех своих догадках, с которыми он пока не знает, что делать, стоит докладывать.

Однако не такая ли паранойя погубила Вебера?

Кстати, подумал Власов, если тому и ввели "щекотун" на некой сходке либералов, то не на той, что происходит в редакции "Свободного слова". Вебер был убит в субботу, а не в пятницу.

Почему-то вспомнилось, что суббота – священный день для иудеев, когда религия воспрещает им всякую работу. Нельзя даже нажимать на кнопки в лифте. В Израиле есть лифты, которые по субботам ездят вверх-вниз, останавливаясь на каждом этаже и снова трогаясь с места автоматически. Кстати, а убивать – это работа? Защищаться в субботу можно, а вот убивать самому? Наверное – нет, особенно если по политическим мотивам. Хм, а можно ли на этом основании исключить из списка подозреваемых соблюдающих юде? Впрочем, далеко не все юде соблюдающие, особенно в России. Да и те, которые верующие... Зайн, например, едва ли атеист, у визенталевских фанатиков это немодно, но его бы субботние запреты вряд ли остановили. У юде вообще очень хитрая религия, главный принцип которой – "если нельзя, но очень хочется, то можно". Полная противоположность строгой и четкой этике дойчей.

Даже удивительно, как два столь разных народа уживались вместе столь долгое время, вплоть до самого Окончательного решения. И что бы там ни вопили фанатики в унисон с атлантистскими голосами, Окончательное решение было полезно обоим. Даже неизвестно, кому больше. В концов концов, создание собственного юдского государства на землях древнего Израильского царства – это именно их мечта. А что воплощения мечты пришлось пару лет подождать в пересыльных лагерях, то, во-первых, пусть скажут спасибо англичанам, никак не желавшим впускать их в свою палестинскую колонию. И лишь после поражений от Африканского корпуса вермахта британцам пришлось уйти с Ближнего Востока и признать независимость Израиля. А во-вторых, это не сорок лет блуждания по пустыне, на которые обрек юде их собственный вождь, почитающийся у них величайшим святым. Пустыне, которую по прямой можно пересечь за несколько недель... Кстати, во время того знаменитого похода умерли все, кто вышел из Египта. Стопроцентная смертность. Похоже, пересыльные лагеря были курортом по сравнению с пустыней...

Юде и сейчас верны политике двойных стандартов. На словах они по-прежнему не могут простить дойчам депортацию. У Райха до сих пор нет дипотношений с Израилем – тем самым Израилем, который он же и создал. Но при этом Израиль – основной торговый партнер Райха на Ближнем Востоке. О, разумеется, частные фирмы торгуют через третьи страны, мы же не можем ограничивать свободу торговли... Но когда бойцы ЦАХАЛ ездят на "Мерседесах", а летчики израильских Хель ха'Авир летают на "Мессершмитах", это уже не инициатива частных фирм. Даже если с машин сняты их фирменные знаки. И АМАН остается вернейшим союзником РСХА в антитеррористической борьбе. Тут уже все по-честному, тут не игрушки. Когда китайские коммуняки и атлантистские либералы поделили между собой арабов (первые стали вооружать и натаскивать тех из них, кто тяготел к социалистическому терроризму, вторые – к мусульманскому), Израиль и Райх волей-неволей оказались по одну сторону баррикад. Да и публика типа визенталевцев ненавидит "немецкий" Израиль и населяющих его "предателей" чуть ли не больше, чем самих дойчей... Так что здесь спецслужбы двух стран не раз оказывали друг другу весьма ценные услуги. Фридриху не доводилось напрямую работать с людьми из израильской военной разведки, но по тому, что он о них слышал, Власов их искренне уважал. Если бы оказалось возможным натравить их на Зайна, к которому у АМАН были давние счеты... А вот с израильскими летчиками-истребителями Фридриху полетать довелось, в рамках

программы обмена опытом – неофициальной, как и все сотрудничество. И надо признать: это были отличные пилоты...

В целом остаток четверга Фридрих просто отдыхал. Иногда бывает полезно расслабиться и ждать результатов запущенных тобой процессов.

Первого такого результата он дождался в 23: 00, настроившись на радиостанцию "Либертэ" (в приемнике точки С стоял специальный подавитель шумов, позволяющий расслышать атлантистские голоса сквозь глушилки). После пламенной речи французского комментатора о попираемых нацистами правах педерастов и педофилов ("обратите внимание, господа – пожизненное заключение в концлагере ожидает любого бойлавера, – слова "педофил" комментатор явно стеснялся, как, впрочем, и слова "гомосексуалист", коих он именовал "геями", – не только виновного в насилии, но и того, который сожительствовал с ребенком на взаимно-добровольной основе и с полным уважением к его свободному выбору! Да и можно ли, господа, называть ребенком двенадцатилетнего подростка, который, по нацистским законам, уже подлежит уголовной ответственности? У нацистов есть для детей лишь право на тюрьму, но нет права на любовь!") последовал блок новостей, где упомянута была и "пресс-конференция, данная в Москве известной правозащитницей Франциской ГаллЕ, – на сей раз ее фамилию переврали только по части ударения, – недавно освобожденной из нацистской тюрьмы благодаря усилиям международного правозащитного движения". Фридрих усмехнулся: таким титулом оберста Люфтваффе и сотрудника РСХА еще никто не награждал.

Фрау Галле вела себя как надо. Переврать текст выступления "известной правозащитницы" француз не решился – все-таки на встрече в московской квартире присутствовали различные журналисты, и мог получиться конфуз. Но, разумеется, тут же последовал комментарий, что "подобные ответы, как мы все понимаем, продиктованы страхом за свою жизнь и особенно за жизнь малолетнего сына, который испытывает эта мужественная женщина, все еще находящаяся на нацистской территории". "Да уж, – усмехнулся Фридрих, выключая радио, – особенно малолетнего сына. Французы ведь так любят детей". Кстати, давать педофилам срок меньше пожизненного просто не имеет смысла. Их патология неизлечима, равно как и у других сексуальных маньяков и извращенцев. Если такого субъекта выпустить, он непременно возьмется за старое, что, кстати, прекрасно подтверждается статистикой Запада, где серийных убийц, символически полечив пару лет в психушке, вновь выпускают на охоту в общество. Так что заключение здесь – не просто наказание, а карантинная мера. А что это заключение не в западной тюрьме санаторно-курортного типа, а в лагере – ну так должен же арестант отрабатывать свое содержание...

Фридрих ещё заметил, что, пожалуй, ни один из лидеров НСДАП не повторял в своих речах так часто слово "нацизм". Французский комментатор произносил его даже с каким-то сладострастием. Фридриху представилось, что если бы в один не слишком прекрасный день Райх и его идеология вдруг исчезли, борцы с ними оказались бы самыми несчастными из людей.

Утро пятницы принесло новые результаты. Ответ насчет книги пришел даже раньше, чем рассчитывал Власов. И объяснялась эта оперативность просто: книги, подлежащей выдаче Франции, не существовало и не могло существовать. Соглашение о реституции касалось ряда картин и произведений ювелирного искусства, но книги в нем не фигурировали.

Стало быть, госпожа Галле лгала во всём. Или, что менее вероятно, лгали ей. Сам

князь? Может быть, он хотел использовать Галле в качестве курьера для передачи книги на Запад, а вся история с наследством и внуком – выдумка? Нет, слишком сложно...

Фридрих ничего не сказал ей на сей счет, когда забирал из отеля "Берлин" – лишь довольно сухо поблагодарил за правильное поведение на пресс-конференции. При случае он еще прижмет ее к стенке. А пока сделает вид, что все нормально, и посмотрит на дальнейшие действия госпожи "правозащитницы".

Когда он уже собирался ехать за ней в гостиницу, доложился Лемке. Демонстрируя свою старательность, маленький оперативник обзвонил не только продойчские организации, но даже пробольшевицкий Союз Ветеранов Великой Отечественой Войны. Никаких мероприятий пятого числа никто из них не проводил. Князь поддерживал отношения с Союзом Ветеранов Второй Мировой, но от официального членства отказался. Учитывая своенравный характер покойного, последнему обстоятельству Власов ничуть не удивился...

Нахимовский проспект, наконец, закончился, превратившись за перекрестком в широкий Ломоносовский. На следующем светофоре Фридрих свернул направо. Сведения фрау Галле в очередной раз оказались неточны – искомый дом располагался, очевидно, не на самих Воробьевых горах, а рядом.

"Власовский проспект 73/8" – извещала табличка на углу длинного здания. Фридрих усмехнулся, припомнив неуклюжую иронию Мюллера. Как это похоже на русских – сперва устраивать травлю своим освободителям, изгонять их из страны и из жизни, а потом ставить им памятники и называть в их честь улицы... Впрочем, здесь он слегка лукавил. В том, что генерал Власов в начале 1949 сложил с себя полномочия Верховного "по состоянию здоровья" и уехал в Германию – по официальной версии, на лечение – виновны были не только неблагодарные русские. Хотя, конечно, с каждым послевоенным годом, по мере того, как ужасы большевизма уходили в прошлое, все больше множилось число тех, кто называл человека, избавившего Россию от сталинской тирании, самой кровавой в истории, и отстоявшего независимость страны, "предателем" и "немецким прихвостнем". И из трех покушений на генерала по крайней мере два точно организовали сами русские. В третьем (а точнее, если по хронологии, втором) подозревали американский ОСС, но доказать этого так и не смогли... И Андрея Андреевича все это действительно возмущало и оскорбляло.

Но это была лишь часть правды, причём меньшая часть. Генерал Власов не устраивал решительно всех, не только соотечественников. Разумеется, они были на виду: все эти недобитые большевики и сочувствующие, а также русские ультра, которые не могли простить ему сотрудничества с Германией (пусть даже ценой этого сотрудничества была куплена свобода России) и понаехавшие из зарубежья белогвардейские ортодоксы противоположного плана, которые не желали забыть генералу его коммунистическое прошлое. И уж тем более – зарождавшаяся элита ПНВ, жадная до власти и с самого начала рассматривавшая Власова как временную фигуру: "вояка сделал свое дело, теперь настало время настоящих политиков". Но всё это было не так важно, как тот факт, что самостоятельный и своенравный Верховный правитель России, превыше всего ставивший интересы своей страны, не устраивал руководство Райха. Которое в конце концов предпочло видеть на этом посту более покладистого человека, удобного Берлину.

Поэтому после третьего покушения, в котором генерал уже не отделался ушибом или царапиной, в палату к нему прибыли не только высокопоставленные функционеры ПНВ, но также имперский посол в России, командующий Временным контингентом

союзных войск и срочно прилетевший из Берлина личный секретарь Дитля. Официально, разумеется, все они явились засвидетельствовать Верховному правителю России свое сочувствие и пожелать скорейшего выздоровления. Выражение сочувствия растянулось на пять с половиной часов, прежде чем генерал согласился на предложенные условия. Впоследствии он говорил, что, если бы не был ранен, не уступил бы так легко.

По итогам переговоров генерал Власов отправлялся лечиться в лучший военный госпиталь Дойчлянда. Лечение и реабилитационный период обещали быть длительными, и вообще, здоровье генерала требовало впредь избегать сурового российского климата. Взамен он получал имперское гражданство, фельдмаршальскую пенсию с сопутствующими привилегиями, Рыцарский Крест с Золотыми Дубовыми Листьями, Мечами и Бриллиантами и баронский титул. Женщина-врач, лечившая генерала в госпитале под Берлином, вскоре стала его третьей женой и матерью Власова-младшего...

Сам Фридрих, узнав эту историю в подробностях, так до сих пор и не решил, как он к этому относится. Он знал одно – любой политик на месте Райхспрезидента поступил бы так же. Тактически – да и в среднесрочной перспективе тоже – это был единственный логичный шаг: устранить сильного и неподконтрольного лидера, чтобы посадить на его место "своего сукина сына", как выражаются в таких случаях американцы. Но всё-таки оставался вопрос: не ошибся ли Дитль стратегически? Возможно, власовская Россия была бы менее удобным, но в чём-то более надёжным союзником? Во всяком случае, Мосюк при Власове не имел бы шансов пробиться наверх. Впрочем, кто знает: такие почему-то пролезают в любые щели...

Дом номер 66, где находилось либеральное логово, располагался на противоположной стороне проспекта.

Фридрих припарковался возле подземного перехода.

– Приехали, – сказал он, открывая дверь. Фрау Галле вздрогнула, вытянула шею, глядя налево.

– Да, это здесь. Седьмой этаж, последний подъезд слева.

Здание напоминало гигантскую коробку, передняя стенка которой, длиной в добрых двести метров, выходила на Власовский проспект, а боковые – на Молодежную улицу и безымянную дорожку между домами. Четвертой стенки-корпуса, как убедился Фридрих, пройдя с Франциской по дорожке, фактически не было: от нее, так и хотелось сказать, уцелели лишь примыкавшие к ребрам "коробки" подъезды (как раз в таком находилась нужная квартира). В разрыве располагалось обнесенное оградкой двухэтажное здание, в котором Власов опознал детский сад. Фридрих знал, что неподалеку за домами имеется еще и цирк. Что ж: очень подходящее окружение для либеральной штаб-квартиры.

После кратких формальностей с домофоном и трехминутного ожидания еле ползущего лифта (на сей раз Фридрих отступил от своих принципов, ибо фрау Галле явно не горела желанием подниматься на седьмой пешком, а оставлять ее одну даже пару минут не хотелось) они, наконец, добрались до квартиры главреда "Свободного слова", служившей по совместительству и помещением редакции, а заодно и местом собеседований с желающими примкнуть к демдвижению. Дверь оказалась незапертой – то ли ее открыли только что, после разговора с Франциской через домофон, то ли сюда и впрямь мог прийти кто угодно. Власов знал, что стиль жизни с принципиально незапираемой дверью практикуется некоторыми российскими диссидентами, имеющими репутацию "блаженных" или "отмороженных". Кто-то из вечно оппозиционных

российских бардов даже написал про это песню – "не запирайте вашу дверь, пусть будет дверь открыта".

Когда они вошли, из комнаты в конце короткого коридора выглянула увядшего вида женщина лет сорока пяти с неряшливыми пегими кудряшками на голове и сказала сиплым голосом: "Раздевайтесь и проходите сюда". После нескольких безуспешных попыток – на каждом из четырех крючков уже висело три-четыре вещи – гостям все же удалось пристроить на вешалку куртку и пальто, и они проследовали в комнату.

Несмотря на то, что Фридрих выехал из дома с хорошим запасом времени, из-за плохой ситуации на дорогах до места они добрались все же с опозданием, так что собрание было уже в разгаре.

В комнату набилось человек двенадцать, рассевшихся на диване у стены слева и на стульях, расставленных вокруг круглого обеденного стола, накрытого клеенчатой скатертью. Другой мебели не было, за исключением столика в дальнем правом углу, на котором стоял рехнер. Цепкий взгляд Фридриха отметил шнур локальной сети, уходивший под плинтус.

На правой стене висел черно-белый портрет академика Сахарова, явно переснятый с какой-то любительской фотографии; на полу под ним лежало несколько перевязанных бечевкой пачек "Свободного слова". Под потолком светила люстра с висюльками из прозрачной пластмассы "под хрусталь". В окне, выходившем на улицу Галилея, над крышами ближайших домов утыкались в низкое серое небо башни и шпили Московского университета.

С расстояния в полтора километра Университет было видно плохо, но Фридрих, разумеется, отлично знал его по фотографиям. Здание было выстроено в начале пятидесятых в модном в то время в Райхе неоготическом стиле. Архитектор был русский, но Власов не мог отделаться от мысли, что перед ним попросту ратуша из провинциального дойчского городка, увеличенная в несколько раз. Даже российский орел в верхней части фасада чрезвычайно напоминал своего германского собрата, отличаясь от него разве что второй головой и обратным направлением свастики. Фридрих, увидев это впервые, подумал, что его отец не допустил бы такой безвкусицы. Увы, новая власть, пришедшая на смену генералу Власову, уж слишком старалась засвидетельствовать свою лояльность Берлину. Строили московский храм науки, кстати, в основном пленные красноармейцы и другие политзаключенные. Среди москвичей ходила легенда о бывшем советском авиаконструкторе, отказавшемся сотрудничать с новой властью. Он был в числе строителей и якобы сумел из жести и фанеры сделать планер, чтобы бежать с верхнего этажа Университета. Планер якобы даже полетел, но беглеца расстреляли в воздухе охранники...

Несмотря на приоткрытую форточку, в комнате было душно – но это было еще полбеды. В нос Фридриху ударила отвратительная вонь – та же самая, что и в квартире старой Берты, но куда более густая. Источник смрада обнаружить было нетрудно: прямо в центре стола, в окружении разбросанных по скатерти самиздатовских брошюр, стояла закопченная консервная банка, используемая в качестве пепельницы. В тот момент, когда вошли Фридрих и Франциска, никто не курил. Но, очевидно, это происходило совсем недавно.

Правда, сама по себе банка с окурками еще не была доказательством правонарушения. Даже в Райхе курение табака каралось значительно мягче, чем употребление других наркотиков (чего Власов решительно не понимал и не одобрял), а в

России закон был еще либеральнее. Разумеется, производство и продажа курева также были запрещены, но потребление наказывалось лишь в тех случаях, когда "создавало угрозу здоровью и безопасности окружающих". То есть курить нельзя было в общественных местах, при исполнении служебных обязанностей, а также в помещениях, где присутствуют некурящие люди. Если же кого-то заставали курящим в одиночестве, ему это ничем не грозило – по крайней мере, со стороны полиции. Правда, большинство работодателей вряд ли стало бы держать у себя работника, узнав, что тот курильщик. Увы, главные работодатели собравшихся здесь людей, скорее всего, находились за океаном...

Фридрих подумал, что при нем они дымить не осмелятся. Это было бы уж чересчур нагло – так подставляться на собрании, куда может прийти кто угодно. Полиция наверняка будет рада поводу по первой же жалобе учинить разгром наркоманского притона; в последние годы и в Райхе, и в России политических предпочитали привлекать по уголовным статьям, лишая их романтического ореола. Видимо, здесь предавались любимому пороку только в присутствии проверенных своих. Но банка от этого воняла не меньше.

Из собравшихся лишь несколько человек обратили внимание на вошедших. Остальные внимали докладчику, плешивому чернобородому мужчине в очках, зачитывавшему по бумажке какое-то воззвание. Фридриха подобное невнимание вполне устроило, и он обвел присутствовавших изучающим взглядом. В комнате находились представители обоих полов (с небольшим преобладанием мужского) и различных возрастов от шестнадцати до шестидесяти. Определить возраст некоторых было затруднительно из-за густых косматых волос и бород; как видно, длина и неопрятность растительности у мужчин были прямо пропорциональны степени оппозиционности. Толстая женщина в розовой кофте была, напротив, подстрижена очень коротко, почти наголо – скорее всего, тоже ради выражения протеста. На диване еще один патлатый молодой человек – без бороды, зато с целой бахромой каких-то амулетов на шее – не переставая внимать оратору, задумчиво тискал сквозь чулок костлявое колено мосластой девушки с изможденным лицом. Фридрих решительно не мог предположить, что он надеется там нащупать.

По другую сторону от патлатого козлобородый дедок с голым шишковатым черепом подслеповато щурился на докладчика. Упитанный круглолицый юноша, почти мальчик – единственный из присутствовавших в костюме с галстуком – розовел прыщавым лицом, и свет люстры блестел на его влажной коже. Похоже, ему было жарко – и стыдно, что он потеет. От стыда он потел еще больше.

При всем внешнем несходстве, было в облике большинства этих людей нечто общее, и Фридрих сразу понял, что именно: среди них почти не было красивых.

Дело было не только в физических недостатках, врожденных или связанных с возрастом. Даже на тех, кого природа и родители одарили правильными чертами лица и хорошей фигурой, не хотелось взглянуть во второй раз. Одеты они были дурно и безвкусно, в какие-то мешковатые свитера и кургузые засаленные пиджаки с продранными локтями, имели сальные волосы и припорошенные перхотью плечи, если носили очки, то непременно в уродливой дешевой оправе – словом, совершенно не следили за собой. Власов знал, что подобный облик совсем не обязательно характеризует неудачника; ему случалось встречать талантливых ученых, причем не юде или русских, а стопроцентных дойчей, не стеснявшихся появиться перед гостями в затрапезной жилетке и с крошками, застрявшими в клочковатой бороде. Они обладали столь богатым

внутренним миром, что заботу о внешности считали ниже своего достоинства. Фридрих, однако, сильно сомневался, что в этой комнате собрались научные гении. И молодые люди, разъезжающие на "Запорожцах", здесь на сей раз явно не присутствовали.

– Не кажется ли вам, что и на Западе не все хорошо, что и там есть недостатки? – вопросил по бумажке докладчик и тут же принялся по той же бумажке отвечать: – Есть и должны быть. Какие-то из них устранимы в процессе развития, какие-то присущи человеческой жизни. Общества без недостатков не может быть на грешной земле – ищите его в царствии небесном. А пока давайте вытащим из своего глаза бревно, прежде чем заниматься соринками в глазу западных демократий. Да, плюралистической демократии присущи недостатки. Но нацизму не присущи достоинства. Сменяем же государственный строй без достоинств на государственный строй с недостатками!

Провозгласив этот лозунг, докладчик поднял голову и только тут обратил внимание на вновь пришедших. Журналистку он сразу узнал.

– Господа, – объявил он, – поприветствуем нашу соратницу из Германии, госпожу Франциску Галле, за освобождение которой мы все боролись несколько дней назад!

Фрау Галле, успевшая пристроиться на последний остававшийся незанятым стул, приподнялась и смущенно кивнула. Послышалось несколько энергичных и несколько жидких хлопков – как показалось Фридриху, подчеркнуто-жидких. От внимания Власова не укрылись и неприязненно-настороженные взгляды, которые метнул на "соратницу" кое-кто из присутствующих. "Пресс-конференция", – понял Фридрих и впервые усомнился в правильности отданного накануне распоряжения. Да, некоторые политические выгоды оно принесло – не очень, впрочем, большие, атлантистские голоса все равно перетолковали все на свой лад – зато снизило ценность Галле в глазах либералов. Теперь профессиональные борцы с режимом будут, чего доброго, подозревать ее в связях с Департаментом...

– Вы тоже присаживайтесь, – обратился к нему плешивый.

"Садитесь!" – хотел на автомате поправить Фридрих, но вовремя вспомнил, что русские диссиденты переняли многие из уголовных обычаев и повадок. В частности, на предложение садиться отвечают "сесть мы всегда успеем"... Поэтому он лишь поинтересовался: – Куда?

– Что, стульев уже нет? Это мы сейчас... Ирочка, принеси табуретку.

Женщина с пегими кудряшками, первой встретившая их в этой квартире, поднялась со стула. Фридрих не стал задаваться вопросом, почему таскать табуретки должна именно Ирочка, а не кто-нибудь из мужчин; впрочем, вряд ли табуретка была неподъемной. Но, раз уж она исполняла тут роль обслуживающего персонала...

– И уберите, пожалуйста, это, – добавил он, брезгливо указывая на банку. – Совсем. Здесь присутствуют некурящие.

Вот тут на него обратили внимание по-настоящему. Некоторое воззрились на него просто удивленно, другие – так, словно он публично испортил воздух. Хотя, судя по содержимому банки, публично портили воздух как раз они. Среди лиц, обернувшихся к нему, Фридрих обратил внимание на одно. Девушка, прежде сидевшая к нему спиной, оказалась одним из немногих счастливых исключений из общей закономерности: лицо ее было вполне миловидным (очки в изящной оправе ничуть его не портили), а одежда не выглядела подобранной в контейнере "Сэконд хэнд", куда сердобольные американские домохозяйки складывают нестиранные обноски для бродяг. Но главное было не это, а то, что это лицо он недавно где-то видел. В свое время у Фридриха была отвратительная

память на лица – свойство, для летчика безразличное, но крайне неудобное для разведчика, так что ему пришлось специально тренировать эту способность. И вот теперь, пусть с секундным опозданием, но ответ все же всплыл: контролер в троллейбусе. Марта, фолька. Его тогда еще удивило несоответствие дорогой оправы очков и ее слов о необходимости подрабатывать. Кажется, картина проясняется. Девочка из преуспевающей семьи увлеклась идеями диссидентов, поссорилась с родными... Черт, эта встреча совсем некстати. Перед поездкой сюда Фридрих думал, как представиться местной публике. Пытаться сойти за русского было слишком рискованно; в конце концов, и таксист, и контролер сразу же распознали в нем чужака. С другой стороны, дойч из Райха, не являющийся при этом членом СЛС (разоблачить симуляцию обратного было бы слишком легко), но проявляющий интерес к российскому демдвижению, да еще хорошо знающий русский, едва ли внушит господам либералам особое доверие. Так что Франциске была сообщена легенда, что он фольк, и, возможно, она даже успела её озвучить... И вот теперь эта встреча с Мартой, знающей, что он берлинец! Впрочем, она не обязана его узнать. Мало ли лиц видит за день троллейбусный контролер... Он поспешно отвел глаза от девушки, не желая привлекать ее внимание, но, кажется, было поздно. По ее лицу было видно, что она тоже пытается понять, где его видела. Затем она улыбнулась. Вспомнила.

– Вообще-то мы равно уважаем права некурящих и курящих, – заметил один из заросших.

– О каких правах вы говорите? – контратаковал Фридрих. – О праве на жизнь и охрану здоровья? Я тоже согласен, чтобы это право предоставлялось и тем, и другим. А поскольку курение нарушает это право... Или вы хотите сказать, что чистый воздух столь же неприятен и вреден курильщику, что и табачная вонь – некурящему?

– Этот господин из Берлина, – произнесла Марта извиняющимся тоном, словно пытаясь загладить неловкость. Хотя, по убеждению Власова, в неловком положении оказался отнюдь не он.

– Ладно, я уберу пепельницу, – сказала Ирина, все еще стоявшая возле стола. – Тем более что она все равно не нужна. Здесь никто не курит в присутствии других людей, – добавила она демонстративно, и Фридрих понял, что нужно возмутиться, пока его окончательно не записали во враги:

– Если бы я был стукачом, – пришла пора и ему козырнуть знанием русского жаргона, – неужели вы думаете, что я стал бы так примитивно... – горячо начал он, но плешивый нетерпеливо кивнул:

– Ладно, ладно. Не будем ссориться. Так вы в самом деле прибыли оттуда?

– Да, – кивнул Фридрих, на ходу перестраивая свою легенду. – Родители увезли меня туда в раннем детстве. У меня даже имя дойчское: Фридрих. Недавно я вернулся в Россию. Не могу пока сказать с уверенностью, что навсегда – это зависит... (он сделал паузу) от разных обстоятельств. Но, вероятно, надолго. Скажу честно: я не могу назвать себя вашим единомышленником. Но у меня есть свой собственный ум, и я хочу разобраться в некоторых вещах. Без розовых очков официальной пропаганды.

– Это не очки, это шоры, – буркнул сквозь бороду другой заросший.

– Так что я очень надеюсь на то, что вы меня просветите. У вас найдётся время, чтобы немного поговорить со мной? Я, правда, скучный собеседник, и к тому же въедливый. Люблю задавать неудобные вопросы, знаете ли.

– Это пожалуйста, – самодовольно заявил плешивый. – Здесь, слава богу, не Берлин. Там-то со своим мнением лучше вообще не вылезать.

Тётка в розовом одобрительно кивнула:

– Была я в этом Берлине. С виду всё здорово, а как посмотишь – ничего особенного. Чисто, как в морге. Плюнуть некуда. Жизни там нет, – убеждённо заключила она. – Как там можно жить, не понимаю.

– Кстати, что вы такое читали, когда мы вошли? – спросил Фридрих плешивого, уводя внимание от собственной персоны.

– Ответы Валерии Новодворской на вопросы читателей "Свободного слова", – охотно сообщил плешивый. – Жаль, вы не слышали сначала, тогда многие вопросы стали бы вам ясны. Но у нас тут есть отпечатанные копии, возьмите, – он подвинул через стол сложенный листок с текстом, напечатанным не иначе как на лазерном друкере. Фридрих невольно подумал об оборотной стороне прогресса – десять лет назад у оппозиции было куда больше проблем с множительной техникой...

Вернулась Ирина, поставила к столу табуретку.

– Спасибо, – поблагодарил Фридрих одновременно и ее, и плешивого, садясь и беря предложенную бумагу. – Новодворская – это ведь польская диссидентка? – изобразил он неведение.

– Беларусская.

– Ну да. Но все равно, она гражданка Райха...

– Она – гражданка Беларуси, – строго возразил плешивый. – Мы не признаем оккупации Райхом восточных земель.

"С тем же успехом вы можете не признавать восход солнца, – подумал Власов. – Кстати, если бы не признавали, не пользовались бы имперским термином "восточные земли". Вслух же он постарался все-таки закончить мысль:

– Прошу прощения. Но, так или иначе, она иностранка. А "Свободное слово" ведь – российская газета?

– "Свободное слово" – газета демократов всех национальностей, – так же строго ответил плешивый. – Мы не делим людей по этому признаку, мы же не нацисты.

– Стало быть, вы интернационалисты? – невинно осведомился Власов.

– Из того, что идею интернационализма подняли на штык... то есть на флаг большевики, еще не следует, что она плоха, – подал голос козлобородый дедок. – У нас есть свой лозунг – "Антитоталитарии всех стран, объединяйтесь!" Между прочим, фракция демократических коммунистов – одна из влиятельных в российском демдвижении.

Фридриха так и подмывало спросить, нет ли у них заодно фракции вегетарианских людоедов, но он вспомнил о выбранной роли и продолжил:

– Но ведь и национал-социализм не препятствует конструктивному сотрудничеству между нациями? Вот, к примеру, Россия и Райх – давние союзники...

Этот тезис был встречен презрительным фырканьем и хмыканьем.

– Этому вас в школе учили, что ли? – иронически осведомился патлатый. Мосластая девица наградила своего кавалера восхищённым взглядом.

– Да, в школе. Меня там научили многим вещам, – пожал плечами Фридрих. – Земля вращается вокруг Солнца, действие равно противодействию. И вроде бы ни разу не обманули...

– Да российские нацисты попросту под дойчскую дуду пляшут! – снизошла до пояснения толстая женщина в розовом.

"Если бы!" – подумал Фридрих, а вслух уточнил:

– То есть это плохо? Я имею в виду – по существу, без эмоционально окрашенных оборотов?

– Конечно, плохо, – тоном учителя в начальной школе ответил плешивый. – Россия – суверенное государство, и никто не вправе учить нас жить.

– Тогда вернемся к моему исходному вопросу, – удовлетворенно произнес Фридрих. – Почему госпожа Новодворская, гражданка того же самого Райха... ну хорошо, пусть Беларуси – учит, как вы выразились, жить российских читателей вашей газеты?

– Ну, во-первых, она же не нацистка... – терпеливо начал пояснять плешивый, не слишком, кажется, сконфуженный, но его перебил один из соратников, самый заросший из всех:

– Эдик, да что ты с ним цацкаешься? У него ж на роже написано, что это гэбульный провокатор!

Фридрих тут же напустил на физиономию оскорбленное выражение, но Эдик примирительно поднял ладонь:

– Игорь, не кипятись. Может быть, человек в самом деле не понимает.

– Я просто задал вопрос, – заметил Фридрих. – Разве не для этого вы здесь собираетесь? С каких пор попытка разобраться в чужих взглядах является провокацией? Я совсем не имел в виду, что Новодворская нацистка. Я просто о том, что, живя за границей, она вряд ли разбирается в местной ситуации лучше живущих в России...

– Вы напрасно недооцениваете контакты между демократами по разные стороны границы, – возразила Ирина. Фридрих, собственно, в тесных контактах и не сомневался, но был доволен, что получил подтверждение.

– И кроме того, – продолжил он, – у меня есть в Берлине знакомые, сочувствующие СЛС. Так вот, они отзывались о Новодворской без особого почтения. Даже говорили, что ее чрезмерный радикализм дискредитирует все дело.

– Россию терапевтическими методами не вылечить, – пробурчал Игорь.

– А какими же? Хирургическими? – тут же обернулся к нему Власов, но Эдик уже протестующе мотал головой:

– Демократические партии России отвергают насильственные методы борьбы!

– И кстати, – заметил Фридрих, – откуда вообще следует, что Россию надо лечить? Я здесь, правда, недавно – если не считать послевоенных детских воспоминаний – но мне она показалась вполне процветающей страной. Если не считать московской подземки... но, знаете ли, в Нью-Йорке это тоже не самое привлекательное место...

– Вы бывали в Нью-Йорке? – заинтересовалась тощая девица.

– Нет, но...

– Ясно, – девица мигом утратила к нему интерес. – Судите по нацистской пропаганде.

– А вы бывали в Нью-Йорке? – осведомился в ответ Фридрих, но Эдик, как видно, имевший представление об истинном положении дел в американской подземке, предпочел замять эту деликатную тему:

– Вы судите лишь по парадной витрине режима. Это благополучие создается трудом заключенных концлагерей...

– Не могу поручиться за Россию, – слукавил Власов, – но, по крайней мере, в Райхе благополучие создается трудом свободных работников. Принудительный труд малоэффективен, это доказано всей историей и в последний раз – большевиками. Несмотря на огромную систему ГУЛАГа, значительно превосходившую лагеря Райха, им

так и не удалось добиться экономического процветания. Обеспечить кратковременный рывок – да, на короткой дистанции кнутом можно добиться больше, чем пряником. Но в долговременной перспективе... Вклад заключенных в устойчивую экономику невелик. Они в основном лишь покрывают расходы пенитенциарной системы, что логично и справедливо.

– Да как же можно – такое называть справедливым! – возмутилась толстая в розовом, и телеса ее заколыхались от гнева. – Это ж принудительный труд! А принудительный труд – это преступление!

– Преступление – это то, что совершили эти люди, – возразил Фридрих. – В абсолютном большинстве это уголовники.

– Ну и что? – как ни в чем не бывало, отозвался Эдик. – Все люди имеют права, и уголовники в том числе.

– Уголовники посягают на чужие права – справедливо в ответ посягнуть на их собственные.

– Тогда вы ничем не будете отличаться от уголовника, – непреклонно заявил Игорь.

– Разве? – приподнял брови Фридрих. – По-вашему, нет никакой разницы между бандитом, стреляющим в честного гражданина, и полицейским, стреляющим в бандита?

– Это передергивание, – тут же заявил Игорь.

– В чем же оно состоит?

Игорь замялся, но Эдик пришел ему на помощь:

– Полицейский стреляет, чтобы предотвратить преступление, или чтобы помешать преступнику скрыться. Если тот уже арестован, полицейский не имеет права в него стрелять.

– А бандит убивает жертву и тогда, когда она лишена возможности к бегству, – заметил Фридрих. – И уж, само собой, она не затевает никаких преступлений. У бандита есть право на адвоката, на апелляцию, даже на амнистию – жертва же всего этого лишена... Но хорошо, значит, право арестовать бандита, отнять у него священное право на свободу, вы признаете. Почему, в таком случае, нельзя отнять у него жизнь, если он отнял чужую? И, кстати, предотвратить тем самым все преступления, которые он совершит в будущем – процент рецидива по тяжким преступлениям весьма велик, это вам подтвердит американская статистика. Более того, по-вашему, его даже нельзя заставить работать! Он должен жить в тюрьме на всем готовом за счет денег налогоплательщиков, в том числе – своих жертв и их близких! Разве это справедливо?

– Права человека выше справедливости! Это во всём нормальном мире так! – запальчиво выкрикнула толстая в розовом.

Фридрих с удовлетворением отметил, что по крайней мере двое присутствующих посмотрели на нее как на идиотку. Причем одной из двоих была Марта.

– И вообще, преступник еще может исправиться, – торопливо вклинился Эдик, не давая Власову прокомментировать последний тезис.

– Да, иногда может, – согласился Фридрих. – Я знаю случаи, когда людей исправляли труд и дисциплина. Но не знаю ни одного, когда это делало бездельное паразитическое существование.

– Далеко не все, кто попадает за колючую проволоку, действительно преступники, – Эдик в очередной раз вбросил новый тезис, не ответив на предыдущий. – Не говоря уже о банальных судебных ошибках...

– А почему – "не говоря"? – перебил Власов. – Да, от судебных ошибок страдают невинные. В том числе и гибнут. От автомобильных аварий они страдают и гибнут на порядки больше. Значит ли это, что надо отменить автомобили? И вообще любой транспорт... упав с лошади, тоже можно убиться, знаете ли.

– Если ошибка вскроется, невинно заключенного можно освободить, но невинно казненному нельзя вернуть жизнь! – подала голос Франциска.

– А что, невинно осужденному можно вернуть годы, проведенные в заключении? – парировал Власов. Он мог бы взглядом поставить ее на место, но не стал этого делать: пусть ведет себя естественно. Тем более что он, в отличие от кое-кого из присутствующих, отнюдь не боялся аргументов противника. – И не будем, опять-таки, забывать о соотношении невинных к виновным и о последствиях выхода виновных на свободу.

– Я не закончил, – напомнил Эдик. – Не считая невинно осужденных, в лагерях немало тех, кто является преступником лишь по нацистским законам, а не по сути...

– А кто определяет суть, если не закон?

– Международные правовые нормы, – Эдик вновь вернулся к терпеливому учительскому тону.

– То есть все дело в том, что российским и германским законам вы предпочитаете атлантистские, – кивнул Фридрих.

– Да, предпочитаем. Потому что законы демократических стран более гуманны.

– Гуманны по отношению к преступникам или по отношению к их жертвам?

– Послушайте, если вы будете все время перебивать... – Эдик уже не скрывал своего раздражения.

– Хорошо, хорошо, – смиренно согласился Власов. – Закончите свою мысль. Так кто же не должен сидеть в нацистской тюрьме, но, тем не менее, там сидит?

– Во-первых, осужденные за их идеи, – принялся перечислять Эдик.

– За любые? – уточнил Фридрих. – Я не имею в виду, разумеется, идеи сторонников демократии. Но если человек, например, большевик, или идейный сторонник исламского терроризма? Его – тоже нельзя?

– Тоже, – непреклонно кивнул Эдик. – Если человек – мусульманский экстремист, это, конечно, плохо. Но судить его надо за то, что он бомбу взорвал, а не за то, что он мусульманский экстремист. Пока не взорвал – судить не за что.

– Ясно, – тоном примерного ученика ответил Власов. – Значит, полицейский не должен стрелять в бандита, чтобы предотвратить убийство. Он должен дождаться, пока тот убьет невинного человека. Кстати, за вождение машины в пьяном виде тоже нельзя карать? Надо обязательно дождаться, пока они кого-нибудь собьют? В Штатах, насколько я знаю, пьяных водителей наказывают, и довольно сурово.

– Это некорректная аналогия, – торопливо возразил Эдик.

– Почему? – невинно спросил Власов.

– Вы сами это прекрасно понимаете! – взорвался плешивый, не найдя более подходящего аргумента.

– Есть такая вещь, как презумпция невиновности, – наставительно изрекла толстая в розовом. Судя по выражению её лица, она припоминала чьи-то слова – или, может быть, статью в любимой газете. – А если по-вашему рассуждать, так надо, значит, убивать всякого, кто может преступление совершить. Тогда давайте убивать всех прямо при рождении! Так, что ли? – она откинулась на стуле, донельзя довольная собой.

– Вероятность, что преступление совершит его идейный сторонник, гораздо выше, чем что его совершит средний человек, – заметил Власов, слегка споткнувшись на конструкции "чем что". – Разумеется, обычный человек тоже способен на убийство или ограбление. Но его взгляды не вынуждают его убивать или грабить. Принимая же идеологию, которая ради своего торжества прямо требует убийств и грабежей, он или сам станет грабителем и убийцей, либо, как минимум, будет одобрять и поощрять убийства и грабежи, совершаемые сторонниками разделяемой им идеологии. Разве не так?

– То есть, – Эдику, похоже, пришла в голову какая-то идея, – вы хотите сказать, что следует наказывать всех тех, чьи идеи прямо подталкивают их на преступления?

– Во всяком случае, это было бы логично, – осторожно заметил Власов.

– Вот мы и говорим, что нацизм – это преступная идеология. Она, по вашим же словам, заставляет совершать или одобрять преступления. Например, детоубийства. Или выселение так называемых неарийских народов.

– Вот именно! – выкрикнула тощая девица. Остальные одобрительно зашумели.

– Ну уж нет, – возразил Фридрих. – Давайте называть вещи своими именами. Вы же не хотите сказать, что злые нацисты убивают чьих-то детей просто для того, чтобы доставить горе их родителям? Они ведь, кажется, приводят какие-то аргументы в защиту подобной практики? Они вам знакомы, эти аргументы?

– Я вам уже говорила, – неожиданно возвысила голос Франциска, – никакие... слышите, никакие!.. рациональные соображения не могут оправдать машину детоубийства. Я даже не говорю о муках убиваемых детей, у которых отнимают жизнь ради отвлечённых догм евгеники! Но ещё есть страдания родителей. Мать, ребёнку которой угрожает опасность... у которой отнимают её малютку, её кровиночку, чтобы лишить жизни... да она готова отдать собственную жизнь, чтобы только защитить его! – она обвела взглядом аудиторию.

"Нехитрый манёвр" – подумал Власов. Похоже, госпожа Галле искала случая лишний раз намекнуть аудитории на то, что её недостаточно впечатляющее выступление накануне было продиктовано страхом за сына.

– Да, – согласился он, – родители таких детей страдают. Но ещё больше они страдали бы, если бы ребёнок остался жив. Вы знаете, что это такое – жить с умственно неполноценным, содержать его, заботиться о нём, терпеть его? Или, в случае неизлечимых болезней – каждый день смотреть на то, как вашего ребёнка покидает жизнь, капля за каплей? Что может быть хуже этой пытки? А ведь это может продолжаться годами. За это время родители, если они здоровы, могли бы завести новых детей – или же сознательно отказаться от продолжения рода, если они больны. А если такой ребенок переживет своих родителей, кто будет заботиться о нем после их смерти?

– Стоп-стоп-стоп! – выставил ладонь вперёд Эдик. – Давайте не будем здесь рассуждать о том, что чувствуют умирающие. Вы, кажется, задали вопрос о том, кто не должен сидеть в тюрьме. Может быть, сначала выслушаете ответ?

– Да, разумеется, продолжайте, – тут же отступил Фридрих на прежние позиции. – Мне очень интересно, – добавил он, не лукавя: ему и в самом деле было интересно.

– Вторая категория преступно осужденных – за половую ориентацию, – продолжил Эдик. (Вчерашняя передача избавила Фридриха от необходимости спрашивать, включает ли он в это число и педофилов). – А также проституцию и порнографию. Пользоваться или нет соответствующими услугами – личный выбор каждого. Государству не место в постелях своих граждан.

– Вам известна статистика о прямой связи между доступностью порнографии и числом преступлений на сексуальной почве? – осведомился Власов. – Американская статистика, между прочим. В частности, исследование доктора Курта...

– Есть ложь, большая ложь и статистика, – выдал Игорь очередную заранее заготовленную фразу. – Девяносто процентов умерших от рака ели огурцы.

– Да, но у тех, кто огурцы все-таки не ел, рак встречается ничуть не реже, – спокойно пояснил Фридрих. – С порнографией же картина совершенно иная.

– Ну давайте судить за продажу вилок, раз вилкой тоже можно убить! – воскликнул Эдик.

– Можно, – снова согласился Власов. – Но вилка не провоцирует преступных желаний. В отличие от порнографии. За продажу наркотиков вы тоже предлагаете не наказывать? – этот вопрос он задал с умыслом.

– Наркотики должны быть легализованы! – воскликнул лохматый с амулетами. Анатомию колена своей соседки он, похоже, уже изучил в подробностях – во всяком случае, руку оттуда убрал.

– Во всяком случае, легкие, – дипломатично заметил Эдик. – И уж, конечно, нельзя наказывать за их потребление. Это – личное дело каждого, как относиться к своему здоровью. Пока он никого не убил и не ограбил...

Фридриха подмывало еще раз спросить Эдика насчет пьяных водителей и посмотреть, хватит ли у того наглости и теперь назвать аналогию некорректной. Но вместо этого он поинтересовался:

– Значит, если бы продажа наркотиков была легализована, член демдвижения мог бы этим заниматься?

Эдик слегка замешкался, но Игорь ответил с вызовом: – А почему член демдвижения не может участвовать в легальном бизнесе? – (Американское словечко резануло Фридриху слух). – Вот, например, фабриканты спиртного становятся солидными, уважаемыми людьми. ("К великому сожалению", – подумал Власов). Если, конечно, выпускают качественный продукт.

– Хорошо, – кивнул Фридрих. – Значит, наркоман тоже может быть членом демдвижения?

– А почему бы и... – снова начал Игорь, но его перебила Ирина:

– Игорь, сам подумай. Даже в случае легализации, на что способен наркоман ради дозы...

– Мы не должны отказывать гражданам в гражданских правах лишь на том основании, что они употребляют психоактивные вещества, – упорно настаивал Игорь. – В том числе в праве на политическую жизнь. Иначе, повторяю, мы должны будем ввести для членов партии сухой закон – он хотел что-то еще добавить, но умолк. Продолжение, однако, угадывалось весьма отчетливо: "много ли нас тогда останется?"

– То есть в партийных программах этот пункт не отражен? – уточнил Фридрих.

– Транснациональные радикалы требуют легализации наркотиков! – упрямо повторил лохматый. Прочие не были столь решительны.

– В общем, да, – признал Эдик, – в явном виде это обычно не прописано. Хотя... думаю, вопрос решался бы индивидуально.

– Понятно, – кивнул Фридрих. – То есть вы не против наркомании и наркоторговли, не против того, чтобы число наркоманов росло – ведь всякое предприятие, в том числе и легальное, заинтересовано в расширении рынка – но при этом не очень бы

хотели, чтобы наркоманами становились ваши люди?

– Мы против наркомании, – неожиданно заявил Эдик, – мы не против наркоманов. Просто наркоторговлю нужно ввести в цивилизованное русло, как это сделано на Западе, например, во Франции, а не отдавать на откуп мафии. Зло все равно невозможно искоренить декретами, так что...

– Вот-вот, причем легальные наркоторговцы будут платить налоги, – вмешался Игорь – которые можно направлять на финансирование клиник для лечения наркоманов.

Фридрих не мог не восхититься этой потрясающей логикой.

– Почему бы тогда не легализовать и убийства? – осведомился он. – Выдавать лицензии наемным убийцам, брать с них налоги на помощь родным жертвы... и вообще заменить весь Уголовный кодекс прейскурантом. А что касается декретов, то ими зло действительно не искоренишь. А вот надежными полицейскими силами, имеющими соответствующие полномочия – очень даже. Если не искоренить, то, по крайней мере, очень сильно сократить. Черный рынок всегда намного уже легального. В конце концов, и в Райхе, и в России наркоманов практически нет.

– Вы опять ссылаетесь на лживую официальную статистику, – брезгливо изрек Игорь. – В Москве и Бурге наркоманов полно. Причем если в Москве в основном анаша и ЛСД, то в Бурге все больше тяжелые.

– Тяжелые – это героин? – прикинулся простачком Фридрих.

– Разные, – неохотно ответил Игорь. – В том числе героин. Или штрик.

Это-то Власов и хотел услышать. Помимо того, что сказанное подтверждало прошлую информацию, оно еще и свидетельствовало, что российские либералы – во всяком случае, некоторые из них – в курсе весьма специфических дел. Разумеется, Игорь не сказал ничего такого, что позволило бы привлечь его хотя бы в качестве свидетеля. И было бы верхом наивности надеяться, что скажет. Но, как говорится, sapienti sat.

– Что ж, возможно, у меня устаревшие сведения, – смиренно признал Фридрих вслух. – Насколько я знаю, еще несколько лет назад такого не было.

– Времена меняются, – пожал плечами Игорь.

– Господа, давайте не отвлекаться на посторонние темы, – вмешался Эдик. То ли он опасался, что Игорь все же сболтнет лишнего, то ли просто заметил, как кое-кто из присутствующих – вероятно, "интересующиеся", а не члены демократических партий – с интересом смотрят на Власова и с явным скепсисом воспринимают слова его оппонентов. – У нас тут не круглый стол по проблеме наркотиков, а обсуждение политики демократического движения в России и прием заявлений от желающих вступить в наши ряды... У кого-нибудь есть вопросы ближе к теме?

– У меня, – жестом примерного ученика поднял руку розоволицый юноша. – Вот тут, – он поводил пухлым пальцем по лежащему перед ним бланку некой анкеты, – во вступительном заявлении требуется указать адрес по месту прописки. Но ведь в программе демократических либералов сказано, что они против института прописки как нарушающего право человека на свободный выбор места жительства!

– Где? Дайте посмотреть, – Эдик придвинул к себе бланк. – Хм, да, действительно. Ерунда какая-то. Знаете, напишите, что вы, вступая в ряды ДЛ, отказываетесь заполнять этот пункт как несоответствующий партийной программе. Прямо в этом пункте и напишите. Хорошо, что вы заметили, я передам, чтобы исправили... – он вернул бланк юноше. – Хотя... знаете, адрес все-таки укажите на всякий случай, но припишите, что это адрес не прописки, а текущего места жительства. А с институтом прописки вы, в

соответствии с партийной программой, не согласны...

Юноша, наклонив голову от усердия, принялся вписывать меленькими буковками всю эту конструкцию в отведенное под адрес место. Фридрих понял, что он оказался первым, кто обратил внимание на несоответствие между программой и анкетой одной и той же партии. Сколько в ней уже членов? По оперативным сводкам, кажется, около тысячи...

– Я бы все же хотел уточнить, – снова подал голос Власов. – По политике демдвижения. Предположим, вы придете к власти. Я правильно понял, что в этом случае наркотики, проституция и порнография будут легализованы, а смертная казнь и трудовые лагеря отменены?

– Да, во всяком случае, определенные формы будут легализованы, – ответил Эдик, с трудом сдерживая раздражение. – Демократия – это строй для живых людей со всеми их недостатками, а не для нацистских юберменшей.

– Недостатки есть у всех, – признал Фридрих, – просто при одной системе их стыдятся и стараются преодолеть, а при другой ими гордятся. Но, между прочим, кто вам сказал, что эти живые люди вас поддержат? Вы вообще собираетесь спрашивать их мнения, прежде чем принимать такие законы?

– Это только тоталитарные режимы не спрашивают ничьего мнения, – снова заколыхалась толстая в розовом, – а при демократии законы принимает всенародно избранный парламент. Не тот театр оперетты, что ныне заседает во Дворце съездов, а настоящий. Для того, чтобы прийти к власти, мы должны будем иметь в этом парламенте большинство, а это автоматически значит, что народ нас поддерживает.

– Отнюдь не значит, – покачал головой Фридрих. – Во всех атлантистских странах, где отменена смертная казнь, абсолютное большинство народа выступает за ее восстановление. Но их демократически избранным политикам на это плевать.

– Не по всем вопросам следует спрашивать мнение народа, – заявила толстая. – Этак можно устроить референдум, надо ли платить налоги.

– Полагаю, большинство ответило бы положительно, – возразил Фридрих. – Вы слишком плохого мнения о народе, о котором печетесь. Большинству людей вполне понятна необходимость налогов как таковых. Другое дело – конкретные налоги: если бы бюджет демократических стран принимался на референдуме, мало кто стал бы оплачивать из своего кармана содержание нежелающих работать паразитов или тех же избавленных от смерти убийц...

– И фундаментальную науку тоже, – заметил козлобородый.

Власов посмотрел на него с интересом: это был первый резонный контраргумент за весь разговор.

– Возможно, – не стал спорить Фридрих, – хотя это зависит от пропаганды. В пятидесятые-шестидесятые наука в Райхе была безумно популярна. Конечно, это было связано с ядерной гонкой и космическими успехами, то есть задачами военно-прикладными... но прикладные цели способствовали росту интереса и к фундаментальной науке. Да и сейчас на Райхсфернзеен множество познавательных передач, что отражается и на высоком конкурсе в технические вузы. Если же с утра до вечера крутить фильмы о безумных ученых, мечтающих уничтожить весь мир, и о простых парнях, спасающих человечество от этой напасти, то и результаты будут соответствующие. Так что объяснить народу полезность науки вполне реально, поскольку есть аргументы в ее пользу. А вот объяснить полезность отмены смертной казни, как видите, не получается.

– Если народ не дорос до цивилизованных норм, власть не должна идти у него на поводу, – упрямо повторила толстая.

– А откуда следует, что эти нормы – цивилизованные?

– Потому что по ним живет цивилизованный мир!

– То есть, по-вашему, Райх, занимающий лидирующие позиции в области космоса, реактивной авиации, рехнертехники, медицины, математики и ряде других областей, не говоря уже о достижениях в сфере искусства, цивилизованным не является. Ладно. А как быть с Соединенными Штатами Америки, где смертная казнь есть, и за наркотики карают весьма сурово?

– Уже не во всех штатах, – не смутилась толстая. – И со временем эти пережитки варварства будут отменены и там.

– Вопреки воле населения? А как же демократия?

– А демократия – это не власть большинства, – заявил вдруг Игорь. – Это – защита меньшинства.

– Преступного меньшинства?

– Вы опять все пытаетесь свести к преступникам! – воскликнул Эдик.

– Любого меньшинства, чьи права угнетаются, – пояснил козлобородый.

– Почему бы, в таком случае, всем этим угнетаемым меньшинствам не собраться и не уехать туда, где их привечают? Если уж речь не о преступниках. Теперь ведь эмигрировать на Запад намного проще, уже не надо придумывать себе юдское происхождение...

– В программе нашей партии записан отказ от эмиграции, – заявил Эдик. – То же самое, кстати, пишет и Новодворская. Мы должны делать свое дело здесь, каждый на своей родине.

– Но зачем? Зачем разрушать то, что работает, если можно просто уехать?

– Потому что Империя должна быть уничтожена!

Это сказал молодой человек, сидевший через два стула от Марты вполоборота к Фридриху. Второй из двоих, адекватно отреагировавших на фразу о приоритете прав человека над справедливостью.

Со своего места Власов мог окинуть его взглядом почти целиком, так что теперь пригляделся к юноше более внимательно. Как и Марта – ну, может, несколько в меньшей степени, чем Марта – тот смотрелся выигрышнее, чем большинство. Его облик портили разве что средней степени небритость (судя по тому, что черной щетиной зарос не только подбородок, но и шея, она не была сознательно выбранным атрибутом – юноше просто было лень бриться) и нелепое сочетание линяло-синей американской куртки-джинс (скорее всего – местной подделки) с черными костюмными брюками. Темные же волосы были чистыми и достаточно аккуратно подстриженными, хотя и слегка длиннее поощряемой РОМОСом нормы. Черты в меру длинного лица, может быть, чуть крупноватые, но правильные, чем-то напомнили Фридриху его собственные юношеские фотографии. На куртке парня вызывающе красовался круглый значок с надписью "Хочу в Америку!" на звездно-полосатом фоне, а широкий проклепанный ремешок часов на левом запястье должен был, очевидно, свидетельствовать о симпатии к тяжелой "металлической" музыке, распространившейся в последние годы и в Райхсрауме. Но, несмотря на все неформальные элементы, на лбу у молодого человека так и читалось "мальчик из хорошей семьи, окончивший школу с единственной тройкой – по физкультуре".

– Какая империя? – осведомился у него Фридрих. – Россия или Райх?

– Любая, – незамедлительно ответил парень. – Империи не имеют право на существование.

– Как насчет США? – Власов показал взглядом на его значок.

– США – не империя. Она похожа по внешним признакам, но это особый случай. Вообще, в преддверии референдума в Райхе я написал статью, где все это популярно объясняю. В чем суть империй и почему необходима их дезинтеграция. Разрешите, я зачитаю, – последнее адресовалось, очевидно, не Власову, а местным хозяевам; юноша приподнялся на стуле, роясь в карманах куртки. – Здесь немного, – поспешно добавил он, пока никто не успел возразить. – Собственно, я бы хотел предложить ее "Свободному слову".

– Позвольте узнать, молодой человек... – начал Фридрих, но тот резко перебил:

– Меня зовут Юрий!

Как видно, указания на недостаточно солидный возраст успели его основательно достать.

– Хорошо, – кивнул Фридрих. – Позвольте узнать, Юрий, сколько вам лет?

– Девятнадцать, – ответил юноша с готовностью к агрессии в голосе. Фридриху подумалось, что он, возможно, даже добавил себе несколько месяцев.

– И вы студент?

– Студент.

– Ничего не меняется, – констатировал Фридрих. – "Дайте русскому студенту карту рая, и он наутро вернет ее вам со своими исправлениями".

– Вы совершенно напрасно иронизируете, – отрезал тот, разворачивая сложенные вчетверо листочки, покрытые крупным машинописным текстом. Очевидно, денег на друкер у Юрия не было.

– Это не я. Это Достоевский. Вы его читали? "Бесов", например.

– Достоевский – мой любимый писатель, – гордо провозгласил юноша. – И "Бесы" – классная антикоммунячья вещь. Недаром ее Плешивый так не любил. (Фридрих невольно покосился на Эдика, но тут же сообразил, что имеется в виду Ленин). Но это не значит, что я согласен с Достоевским во всем остальном. Он мне, если угодно, интересен как диагност, а не как лечащий врач.

– И с пунктом партийной программы об отказе от эмиграции вы тоже не согласны?

– А я не член никаких партий, я сочувствующий. Я слишком свободолюбив, чтобы подчиняться каким-то уставам и программам. Кстати, с отменой смертной казни и легализацией наркотиков я тоже не согласен. Но это не мешает мне быть демократом и относиться к нацизму ничуть не лучше, чем к коммунизму. Я – за американскую модель. Итак, статья называется "Имперский тупик".

Юноша развернул листки и начал читать, игнорируя недовольные шепотки окружающих:

"Анализируя российскую историю, трудно не задаться вопросом: что послужило причиной столь трагического и гибельного ее развития? Попытки свалить все на внешних и тем более внутренних врагов абсурдны. Ни один человек, ни партия не способны ничего сделать, если не опираются на объективные условия – в данном случае национальный характер и традиции. Какова же причина формирования таких традиций и характера? Ответ прост.

Россию погубили *размеры*.

Да-да, это предмет национальной гордости, эти бескрайние просторы и огромное

население.

Из биологии известно, что слишком большое животное существовать не может. Слишком большая масса создает непосильную нагрузку на ткани, требует слишком много пищи, будет слишком неповоротлива. Нервные импульсы будут слишком долго идти от органов к мозгу и обратно, так что такое существо не сможет адекватно реагировать на быстро меняющуюся ситуацию. Судьба динозавров – прекрасное тому подтверждение..."

– Вы точно знаете, от чего вымерли динозавры? – поинтересовался Власов.

Юноша не удостоил его ответом и продолжал:

"Большое государство в принципе не может быть демократическим. Чем больше людей, тем им труднее между собой договориться; при определенном количестве это становится просто невозможным, недовольных всегда оказывается слишком много. Возникает необходимость в системе жесткой власти. Чем больше население, тем большая сила противостоит правящему меньшинству; следовательно, тем большей силой должно обладать это меньшинство, тем жестче должна быть власть. При этом удерживать власть одной только силой становится невозможно. Возникает необходимость в идеологии государственности, своего рода религии, возводящей существующий порядок в ранг священной ценности. Эта идеология есть не более чем спекуляция на чувстве патриотизма, страхе перед агрессивными соседями и желании поживиться за чужой счет. Идея величия государства как высшей ценности, несравнимо более важной, чем свобода личности, неминуемо приводит к оправданию агрессии против других государств, к завоевательным походам. Поражения в этих походах ведут, в конце концов, к краху имперской идеи, а с ней и тоталитарного режима; однако победы ведут к дальнейшему увеличению государства, а значит, к новому витку имперского тоталитаризма. Чем больше и сильнее государство, тем легче ему захватывать соседей; в конце концов возникла бы всемирная империя абсолютного деспотизма, если бы не два обстоятельства.

Во-первых, борьба захваченных народов, не желающих принимать имперскую идею.

Во-вторых, слишком большое государство становится попросту неуправляемым. Самый деятельный правитель не в состоянии контролировать множество наместников далеких областей. Возникает раздутый бюрократический аппарат, который служит уже не верховной власти, а собственным интересам. На какое-то время попытки подавить коррупцию могут вызвать новый всплеск тоталитаризма; однако процесс не остановить, государственная машина ломается под собственной тяжестью, и империя рушится. Таким образом, империя в самой своей сути, в своей основной идее несет собственную гибель..."

– А как же... – попытался встрять кто-то из массовки. Юноша даже не замедлил чтение.

"Нельзя утверждать" – продолжал он монотонным голосом, – "что идея государственности всегда порочна: в эпоху, когда передел мира велся исключительно насильственными методами, эта идея была необходима для защиты от внешней агрессии. Когда агрессивная государственность страны уравновешивалась агрессивной государственностью ее соседей, размеры страны не могли вырасти до чрезмерных, оставляя стране шанс на демократическое развитие. На Руси же вышло иначе. Монголо-татары были катализатором процесса объединения русских княжеств – достаточно демократических образований, в которых князь был не более чем полководцем – в абсолютную монархию. Вероятно, и без татар нашелся бы некий объединитель "железом и кровью". Крупное государство – естественно, тоталитарное – было создано, и с этого

времени сознание русского человека формировалось как тоталитарное, имперское. Истоки "психологии винтика" надо искать не в 1917 и не в 1943, а в XV веке. Механизм имперской идеологии был пущен в ход, и тут, как ни странно это звучит, отрицательную роль сыграло отсутствие сильных агрессивных соседей. Они были на западе и на юге и не позволяли империи расти в этих направлениях, но никто не смог сдержать движения на восток. Пока Россия оставалась в рамках Киевской и Московской Руси, она, хоть и была уже большим государством, еще сохраняла шансы на демократическое развитие в будущем; но после завоевания Сибири этих шансов не осталось. Петр I был тем самым правителем, который, видя невозможность контролировать огромную империю одной центральной властью, был вынужден создать мощный бюрократический аппарат, который тут же был поражен коррупцией и прочими болезнями. Под гром побед и свист плетей империя катилась к катастрофе, каковая и разразилась в 1917. Это стало возможным лишь благодаря вырабатывавшейся веками имперской психологии – психологии служения идее и презрения к личности. Большевизм, первоначально разрушивший Российскую Империю, на деле всегда выражал имперскую идею. Сначала он замахнулся на весь мир: мировая революция и последующая безнациональная диктатура большевиков – не что иное, как мировая империя. Когда же этот кусок застрял у него в горле, большевизм вернулся в традиционные рамки российской государственности. Тот факт, что во главе этой идеи после смерти Ленина встал грузин, лишний раз показывает, что законы развития слишком большого государства объективны и не зависят от личности и национальности правителя. Эти законы в очередной раз стимулировали диктатуру, неуправляемость и в конечном итоге крах. Но крушение большевизма стало лишь переходом к новой форме империи, и теперь все повторяется. Вполне логично, что национально-демократические движения нерусских народов, равно как и демократы на восточных землях Райха, приходят к требованию отделения.

Больших демократических государств просто не бывает. Древняя Рома, чрезмерно расширяясь, пришла к диктатуре Суллы и затем к тоталитарной империи. Эпоха абсолютизма совпадает с эпохой колониальных империй; становление же демократии в метрополиях (остававшихся все же небольшими государствами) окончилось крахом колониальной системы. В новейшей истории, помимо тоталитарных Райха и России, существует еще тоталитарный Китай; в Индии тоже не все благополучно. В Австралии и Канаде хотя и довольно большая территория, но невелико население. Единственное исключение – США, но тут нужно учесть два фактора. Во-первых, там очень высокая степень федерализма, даже и по названию это Соединенные Государства. Притом они почти одинаковы по своему национальному составу. Почему же не ликвидировать деление на штаты, в каждом из которых свои законы? Но именно это деление и обеспечивает демократию. Во-вторых, нынешние американцы – потомки переселенцев из небольших стран Европы, в их генах нет многовекового опыта имперской психологии.

Разделение России, равно как и Райха, на самостоятельные республики не является чем-то катастрофическим. Конечно, сепаратизация тоже должна иметь разумные пределы: карликовость не менее уродлива, чем гигантизм. Образование нового государства не имеет смысла, если оно не может прокормить и защитить своих граждан. Но недаром сторонниками империи, как бы она ни называлась, последовательно выступают нацисты и коммунисты, единые в своей ненависти к демократии".

На последних словах юноши из прихожей донесся переливчатый гудок – Фридрих догадался, что это домофон – и Ирина пошла впустить нового гостя.

Это слегка смазало окончание статьи, но она всё же была принята благосклонно. Эдик, которому сперва явно не слишком понравилось мнение Юрия о наркотиках и смертной казни, теперь протянул руку к листочкам:

– Оставьте текст. Мы, возможно, опубликуем его в одном из ближайших номеров.

Молодой человек передал ему бумагу, гордый своим вкладом в борьбу с режимом.

– Неплохая статья, – кивнул и Фридрих, – но есть несколько возражений. Во-первых, в отличие от динозавров, государства способны развивать свою нервную систему. Романская империя держалась на конных гонцах, а империя инков и вовсе на скороходах. Сейчас в распоряжении правительств и чиновников телеграф, телефон, радио, а теперь уже и оптоволоконные сети. Скорость распространения, как вы выразились, нервных импульсов возросла в сто миллионов раз. Эффективность обработки информации, приходящей из разных источников – да и ее сбора, кстати – благодаря современной электронике тоже быстро растет...

– Насчет сбора – это точно, – саркастически изрек старший из заросших, демонстрируя, очевидно, вечный страх диссидентов перед прослушкой. Не то чтобы совсем беспочвенный, но чрезмерно преувеличенный по сравнению с реальностью.

Тем временем Ирина принесла еще одну табуретку, но вместо того, чтобы оставить ее для ожидавшегося гостя, села на нее сама, оставив свой стул незанятым. Фридрих подивился, кого это принимают с такими почестями – уж не саму ли госпожу Новодворскую? Хотя нет, о ее визите в Россию ему бы сообщили – равно как и о любом другом деятеле СЛС верхнего уровня. А вот какой-нибудь неприметный тип, выполняющий функцию эмиссара, вполне может быть... хотя, конечно, не стоит ожидать серьезных переговоров в присутствии "сочувствующих" и "интересующихся" с улицы.

Юрий, воспользовавшись краткой паузой в речи Фридриха, открыл рот для ответа. В первый миг он как будто не знал, что сказать, но затем, к удивлению Власова, даже и не попытался опровергнуть прозвучавшее возражение по существу.

– Тем важнее развалить империи как можно скорее, – заявил он вместо этого. – Пока они не приспособили технический прогресс для окончательного закабаления народа и уничтожения самой возможности демократии!

Хлопнула входная дверь, и несколько секунд спустя почетный гость вошел в комнату.

Фридрих подумал, что сегодня воистину день нежеланных встреч: на пороге стоял Майк Рональдс собственной персоной.

– Zdrastuyte, – сказал он с сильным акцентом, обводя взглядом присутствующих и особо задержавшись на Власове.

– Hello, Mike, – панибратски ответил Эдик (не исключено, впрочем, тут же подумал Власов, что по просьбе самого американца при их прошлой встрече) и тут же продолжил куда более официальным тоном: – Ladies and gentlemen, let me introduce to you Mr. Mike Ronalds, our guest from the Free World, a journalist of the New York radio. Let us welcome Mr. Ronalds.

Толстая в розовом бурно зааплодировала, словно забыв, как только что снисходительно отзывалась об американских пережитках варварства. Ее почин подхватили остальные. Аплодисменты вышли куда более дружными и продолжительными, чем доставшиеся фрау Галле.

– Sit down please, – продолжил Эдик, обращаясь к Майку, – here you can see the meeting of Russian democratic parties members and other democratically minded people who

want to participate in the struggle for liberation of Russia...

– Is THAT man also democratically minded? – не переставая по-американски улыбаться, спросил Рональдс, бесцеремонно указывая на Власова пальцем. – Looks like he isn't fond of free media. He's the certain man who escorted Mrs. Galle from the D.G.B. jail, but she still looked like a prisoner under his... protection.

Ну разумеется, со злостью подумал Фридрих. Господину демократическому журналисту нужно show. Разоблачение агента спецслужб на демократическом совещании в прямом эфире... pardon, в записи. Диктофон, конечно, уже включен. ДиДжиБи, грамотей... никогда Бутырка не была тюрьмой ДГБ... впрочем, вполне вероятно, что он это знает.

Игорь уже гневно разинул рот, собираясь, как видно, оправдать все надежды американца.

– Да, я действительно встретил госпожу Галле при ее освобождении из Бутырской уголовной тюрьмы, – упредил обвинительные реплики Фридрих, ненавязчиво подчеркнув слово "уголовной". – Что вас удивляет? Мы познакомились в самолете. Меня очень встревожило случившееся с ней происшествие, и я был рад помочь своей соотечественнице... я ведь считаю Дойчлянд своей второй родиной, – добавил он, вспомнив, что по легенде родился в России. – И я действительно оберегал ее – усталую, испуганную женщину, пережившую не лучшие два дня в своей жизни, разлученную с маленьким сыном и волнующуюся о его судьбе. Оберегал от толпы журналистов, которые набросились на нее, как стервятники на падаль. И если я был не вполне вежлив с господином Рональдсом, то это было продиктовано исключительно его навязчивой бесцеремонностью.

Всю эту тираду Фридрих демонстративно произнес по-русски, полагая, что журналист, прибывший работать в страну, обязан знать ее язык. В конце концов, этому условию отчасти удовлетворяла даже Франциска, хотя ее русский был почти так же плох, как положение Красной Армии весной 1943 года. Однако Рональдс лишь недоуменно зыркал по сторонам и морщил лоб, пока догадливый сосед слева, наклонившись к журналисту, не принялся переводить.

– Фрау Галле, вы можете это подтвердить? – прокурорским тоном осведомился Эдик все так же по-английски.

– Да, – ответила Франциска на том же языке, медленно подбирая слова. – Этот джентльмен... он очень помог мне. Я действительно тогда не могла... говорить интервью.

– Народ имеет право знать! – заявила худая женщина с безумным огоньком в глазах, на которую Власов прежде не обращал внимания. Она тоже говорила по-английски – точнее, пыталась это делать. Слова стояли в правильном порядке, но произношение было чудовищным.

Похоже, почувствовал Власов, собравшаяся здесь публика настолько привыкла к разговорам на отвлечённые темы, что и сейчас готова была свернуть на привычную колею – если только удастся как-нибудь заткнуть настырного журналиста. Хорошо, что он не знает языка... – Право знать что? – осведомился Фридрих, упрямо придерживаясь русского. – Право знать, как выглядит растерянная и испуганная женщина? Представьте, что вы попали в катастрофу. И выбираетесь из-под обломков – в разорванной одежде, в крови, в грязи, в слезах от нервного шока. Вам очень хочется, чтобы вас в таком виде выставляли напоказ всему миру?

– Общество имеет право на информацию, – непреклонно повторила та всё на том

же языке. – Свобода слова – величайшая ценность демократии.

– Вот как? А мне казалось, что высшая ценность демократии – интересы личности. Которые приоритетны по отношению к интересам общества. Во всяком случае, так сказано в редакционной статье в последнем номере "Свободного слова", – у Фридриха промелькнула мысль, что приобретённый на Тверской экземпляр газетёнки себя всё-таки окупил: цитата пришлась кстати – его шансом выбраться из неприятной ситуации было продолжение теоретического спора.

– В конечном счете это в интересах той же личности, – пришел на помощь соратнице Эдик. – Если сегодня запретить СМИ показывать жертв катастроф, то завтра нельзя будет показывать жертв злоупотребления властей. Кстати, в нашем случае речь как раз о втором!

– Во-первых, из вашего "если" никак не следует "то", – быстро ответил Фридрих. – Я не раз встречал этот некорректный прием в статьях и выступлениях дойчских демократов, ратующих за легализацию наркотиков или полную отмену цензуры. "Если сегодня запретить испражняться посреди улицы, завтра начнут вешать за недостаточную любовь к Райхспрезиденту". Да с какой, собственно, стати, как вообще одно связано с другим? Давайте все же отделять мух от котлет, как призывал этот ваш юморист на Ж...

– Жириновский, – подсказал Юрий.

– Он самый. И где, кстати, эти гипотетические виселицы, которые, по этой логике, давно должны быть на каждом углу? По-моему, со времен Хитлера и даже раннего Дитля режим изрядно смягчился. А во-вторых, если вы решаете, что в интересах личности, а что нет – причём вопреки мнению самой личности – то чем демократия отличается от авторитарных режимов?

– Я не сомневался, что этот господин не любит демократию, – изрек Рональдс, которому перевели последнюю фразу Фридриха. Похоже, он собирался сказать ещё что-то, но Власов его перебил:

– Вы настойчиво навязываете мне эту роль. Раз так, позвольте выступить в качестве адвоката дьявола, – Власов был намерен во что бы то ни стало держать разговор в прежнем русле и не давать слова американцу. – Итак, Юрий, вы обосновали, что в империи не может быть демократии, и сделали вывод, что империи нужно разрушать. Вы сами не видите здесь логической ошибки?

– What a mistake? – недружелюбно буркнул Юрий. Он тоже говорил по-английски.

Удивительное дело: Власов полагал, что после первых любезностей зарубежному гостю присутствующие все же перейдут на свой язык, а американец будет тихо сидеть в углу и слушать, что шепчет ему на ухо добровольный переводчик. Но нет! Эти люди не только при обращении к западному корреспонденту, но и между собой изъяснялись теперь на английском. Фридрих заметил, что кое-кто из них – очевидно, из числа пришедших "с улицы" – все же не знает заокеанского наречия; эти сидели с видом растерянным и глуповатым, не решаясь переспросить на родном языке. "Театр одного зрителя", – брезгливо подумал Власов.

– Ошибка в том, – сказал он вслух, – что вы не обосновали необходимости демократии.

– То есть как? – Юрий настолько опешил, что сказал это по-русски. – Я, разумеется, понимаю, что всякие замшелые нацисты ее ненавидят, – продолжал он уже на языке Линкольна. – Но разве здравомыслящим людям надо доказывать?..

– Как раз здравомыслящим людям и надо доказывать, – заверил его Фридрих,

продолжая странный русско-английский диалог. – Этим они отличаются от фанатиков.

– Если вы отрицаете базовую ценность демократии, то о чем вообще... – сердито начал Игорь, но Эдик быстро перебил его:

– Все в порядке, мы открыты для дискуссии.

Похоже, эта фраза предназначалась Рональдсу.

– Я ничего не отрицаю, – заметил Фридрих. – Я лишь хочу убедиться, что ваша позиция действительно аргументирована лучше официальной.

– Давайте определим аксиоматический базис, – солидно начал Юрий. – Вы признаете, что свобода – это величайшая ценность?

– Если свобода – величайшая ценность, отсюда еще не следует необходимость демократии, – усмехнулся Фридрих. – Величайшие ценности обычно не вручают всем подряд и задаром, не так ли? Но определимся сперва с понятием "свобода". Свобода от чего и свобода для чего?

– От тирании. Для самореализации и выбора своего пути.

– Хорошо, – кивнул Власов. – Предположим, вас высадили посреди безжизненной пустыни и оставили там в одиночестве. Очевидно, вы свободны при этом от всякой тирании, кроме разве что тирании физических законов, отменить которую не в силах даже Конгресс США. И ничто не мешает вам выбрать какой угодно путь. Но вряд ли такая свобода вас обрадует? Или, скажем, вы летите на самолете, и тут пилот бросает штурвал и предлагает вам самореализовываться и выбирать путь вволю...

– Это софистика, – поморщился Эдик, – вы выбираете заведомо некорректные примеры...

– Если пример опровергает общий принцип, некорректен принцип, а не пример, – возразил Фридрих. – И что тут такого некорректного? Почему-то все согласны, что управлять самолетом или делать хирургическую операцию должны профессионалы. Причем если и прислушиваясь к чьим-то советам, то только своих не менее грамотных коллег, а не пассажиров и родственников больного, решающих голосованием, какой рычажок повернуть и где проводить надрез. Но при этом считается, что управлять государством может кто угодно, опираясь на мнение еще более некомпетентного большинства. Насколько я помню, это совпадает с ленинским тезисом о том, что государством может управлять любая кухарка. Это же большевизм, господа! – Власов повысил голос.

Публика всколыхнулась. Власов почувствовал, что внимание вновь обращено на него – и оно, скорее, одобрительное. Похоже, здесь любили широковещательные заявления.

– Никто и не говорит, что каждый шаг правительства должен определяться всенародным голосованием, – нашелся Эдик. – Как тут уже было сказано, ставки налогов не выносятся на референдум. Пассажиры, если пользоваться вашей аналогией, выбирают пилотов и прокладывают курс, а уж какие конкретно кнопки нажимать – дело экипажа.

– Ну да, выбирают пилотов – по тому, на ком лучше сидит галстук и кто говорит более внушительным голосом. Очевидно ведь, что грамотно выбрать среди профессионалов может только профессионал! А что касается прокладки курса, то, могу вас заверить как специалист, штурманская работа требует не меньше квалификации, чем пилотская. Особенно учитывая, что в нашей аналогии самолет летит в неизведанное будущее и никакие диспетчеры не передают его друг другу. А представим себе, что самолет попал в турбулентность, его начало трясти. В салоне сразу крики: "Ах, эти горе-

летчики не умеют вести машину! Давайте срочно менять экипаж!" Как раз тогда, когда экипажу надо выводить машину из критической ситуации и ни на что не отвлекаться...

– Вы снова подменяете понятия, – с наигранной усталостью произнес Эдик, – пусть конкретный курс прокладывает штурман, пусть. Народ определяет курс в самом общем виде, так сказать, выбирает аэропорт назначения...

– А тут и выбирать нечего. Он, я полагаю, у всех один. Любой народ хочет процветания, безопасности, возможности хорошо работать и хорошо отдыхать. И, наконец, люди хотят гордиться собой, своим обществом и своей страной. Разве не так? Может быть, мистер Рональдс хочет сказать, что американцы чего-то из этого не хотят?

– В систему американских ценностей входит свобода! – заявил Майк, когда ему перевели вопрос Власова. Фридрих покосился на журналиста: похоже, тот чувствовал себя не в своей тарелке. Судя по всему, он ожидал, что станет главной фигурой на этом сборище. Вместо этого ему пришлось сидеть в углу и слушать чужие разговоры на непонятном языке. Но американец, судя по упрямому выражению лица, не собирался легко сдаваться. Власов даже ощутил нечто вроде уважения к этому не слишком приятному типу. Однако щадить его он тоже не собирался.

– Мы ведь уже убедились, что свобода сама по себе, в отрыве от цели и обстоятельств, лишена смысла и может быть попросту смертельно опасна, – покачал головой Фридрих. – Свобода, как, впрочем, и ее ограничения, имеют смысл лишь в той степени, в какой способствуют или препятствуют достижению цели. Которая, как я уже сказал, задана.

– Люди хотят разного, – Майк втягивался в разговор. – У каждого – своё понимание счастья. Нацисты же хотят дать одно счастье для всех. Этот ваш общий аэродром.

– Как интересно! – Власов не скрывал сарказма. – Не ваша ли культура стандартизировала желания граждан до крайности? "Если это хорошо для Джона Смита, это хорошо и для всей Америки!" – ваш любимый рекламный лозунг. Вы едите одно и то же, пьёте одно и то же, смотрите одно и то же. Вы до такой степени хотите одного и того же и до такой степени одинаковы в этом, что у вас появился нездоровый интерес к людям, отличающимся от вас хоть чем-то. В основном – к преступникам, уродам, сексуальным извращенцам. Те воспользовались этим и быстренько сели вам на шею...

– Э, нет! Америка – это всё-таки не Франция, – ляпнул Рональдс и тут же сообразил, что сказал лишнее.

– Ага, интересное признание, – констатировал Фридрих. – Значит, даже вы понимаете, что некоторые формы проявления свободы не столь уж хороши?

Американец отвёл глаза в сторону, дёрнул щекой, но промолчал.

– Ну что ж. Думаю, все мы, если не будем лгать друг другу, согласимся с тем, что я уже высказал. Итак, мы все хотим безопасности, достатка, интересной и насыщенной жизни, а также возможности по праву гордиться собой и своей страной. Теперь посмотрим, каковы успехи разных общественных систем в достижении обозначенных целей. Очевидно, что у тех же большевиков все было очень плохо: массовая нищета, жизнь в бараках, миллионы умерших от голода, десятки миллионов расстрелянных и замученных. Причем бессмысленный и беспощадный террор настигал даже самых преданных сторонников режима. Рабский труд, жизнь в условиях "осажденной крепости" без возможности ездить по миру, бездарные и безграмотные выходцы из низов, командующие наукой и искусством... хуже того, людей убеждали ещё и гордиться всем

этим. Да, гордости было хоть отбавляй, за неимением всего остального. Так что уничтожение большевизма было безусловно оправданным и необходимым. С другой стороны, Райх – вы извините, данные по Райху я знаю лучше, чем по России – (это было неправдой, но соответствовало легенде) – одна из богатейших держав мира. Причем это богатство держится не на состоянии кучки миллиардеров, а именно на достатке среднего райхсгражданина. Я, например, служил в авиации и, выйдя в отставку, смог купить личный самолет. Разумеется, мне были предоставлены скидки и рассрочка за беспорочную службу, – Фридрих не стал уточнять, что особенно большая скидка была предоставлена ему как кавалеру Рыцарского Креста: он справедливо полагал, что борцов против "свободы Африки", тем паче особо отличившихся в сбивании атлантистских самолетов, здесь не жалуют. – В Райхе самый низкий среди крупных стран уровень преступности; в России похуже, но все равно с Америкой не сравнить...

– Ага, вы все-таки признаете, что в крупных странах преступность выше! – воскликнул Юрий.

– Да, поскольку в империи у преступника больше простора для маневра, чем в каком-нибудь карликовом княжестве, – согласился Фридрих, – но малые размеры ничего не гарантируют. Колумбия, к примеру – совсем небольшая страна. И, повторяю, сравните наш уровень с официальной статистикой США, куда вы так рветесь. Но простор для манёвра нужен не только преступникам, но и добропорядочным гражданам. Маленькое государство лишает людей одной из старейших и естественных свобод – свободы выбора места жительства. Вы прикованы к пятачку земли, который можно пересечь за два часа езды на автомобиле. Дальше граница. В крупном же государстве у вас есть выбор, где жить – у моря или среди гор, в столице или в глуши...

Публика опять зашумела.

– Я специально отметил, – насупился Юрий, – что сепаратизация должна иметь разумные пределы, а карликовые государства суть уродства! К тому же граница между двумя демократическими странами – просто условная линия. Там нет колючей проволоки и пограничников. Всё, что требуется – так это предъявить паспорт и пройти простой таможенный контроль.

– А что, в пределах Райхсраума требуется что-то большее? – осведомился Власов. Юноша смолчал. – К тому же, – продолжал Фридрих, – я не говорил о свободе передвижения как таковой. Я говорил о праве жить, где вам хочется, а это гораздо большее. Даже если вы с лёгкостью преодолели границу, вы не можете поселиться там, где хотите. Скорее всего, вам придётся получить гражданство или вид на жительство, искать работу, учить язык, приобретать новые привычки, учить новые законы, и так далее. А в едином государстве всё это не нужно. Свобода, – решил он закончить эффектной фразой, – измеряется количеством километров, которые вы можете проехать по прямой, не лишась при этом никаких существенных прав и возможностей.

– В таком случае красный Китай – свободная страна? – внезапно подала голос Марта. – Ведь он такой большой?

Власов посмотрел на неё почти с благодарностью: лучшего примера нельзя было и подобрать.

– Некоторые мои знакомые вели дела с Китаем, – начал он. – Так вот, в Китае существуют внутренние границы. Во-первых, есть концлагеря и тюрьмы. Во-вторых, деревни и так называемые коммуны: крестьяне не имеют права их покидать без разрешения начальства, получить которое практически невозможно. В-третьих,

существуют особые районы – например, Тибет и некоторые приграничные области, фактически изолированные от страны. Кроме того, въезд в крупные города и жительство в них ограничены. Но и внутри китайских городов есть свои градации. Например, иногородний китаец не может пробыть в Бейцзыне больше трёх дней без так называемой регистрации... И так во всём: везде требуются пропуска, документы, визиты в тайную полицию, и так далее. Что же это значит? С точки зрения обычного китайца, большой Китай разрезан внутри на множество маленьких государств. Я бы даже сказал, – увлёкся Власов новой для себя мыслью, – что тирания – это как раз характерный признак малого пространства. Маленькое государство легко подчинить, а скрыться из него некуда. Поэтому-то по-настоящему тиранические государства так любят институты наместников, тетрархов, местных властей с неограниченными полномочиями, и так далее. Они плодят всяческие границы внутри себя, а не разрушают их. В конце концов они становятся конгломератами маленьких тираний разного уровня...

– М-м-м, – робко подал голос доселе молчавший плосколицый дядька. – Извините, конечно... я вот вспомнил... В целом вы всё преувеличиваете, но... Моего деда должны были забрать в тридцать седьмом... тогда коммуняки многих хватали, совсем с ума сошли... Так вот, он сбежал. Уехал в Сибирь. Бросил всё и уехал. И, представьте себе, выжил. Они не смогли его найти... Так что большая территория, кхе-кхе, и в самом деле... того... Тут, короче, всё непросто, – оборвал он сам себя и притих, испугавшись, что обратил на себя слишком много внимания.

– Современные средства связи и контроля, на которые вы так уповаете, делают побеги бессмысленными, – бросился в спор Юрий, но Власов его перебил:

– Не будем уклоняться от темы. Я всего лишь говорил, что большое пространство, доступное для всех граждан, даёт больше возможностей для обустройства жизни. Как в пространстве, так и во времени. Райх – один из мировых лидеров по продолжительности жизни...

– Америка тоже! – выкрикнул Юрий.

– Верно, – невозмутимо кивнул Власов, – если считать жизнью растянутую агонию впавшего в маразм паралитика. Американское долгожительство держится исключительно на поддержании существования всевозможными медицинскими средствами, в Райхе же ставка делается на здоровый образ жизни. В то время как более половины американцев страдают ожирением...

– Менее трети! – возмущенно поправил Рональдс.

– Да – согласно официальной статистике, картина изменилась столь позитивно примерно год назад, – улыбнулся Фридрих. – Как раз тогда, когда американские врачи попросту пересмотрели свои нормы, подняв их верхнюю границу. Очень удобный способ борьбы за здоровье нации, ничего не скажешь... Далее, любой райхсгражданин может выбрать себе дело по душе. И в том случае, если это дело общественно полезно, будет гарантированно получать достойное вознаграждение. Зная при этом, что его налоги не расходуются на кормление и умиротворение социальных паразитов. Государство поддерживает науку, обеспечивает бесплатное образование, поощряет искусство – разумеется, в его истинных, а не дегенеративных формах...

– А кто дал ему право решать, какие формы истинны, а какие нет? – агрессивно возразил Игорь.

– Да любой нормальный человек, – пожал плечами Фридрих. – Подведите его к "Джоконде", а затем к творению каких-нибудь современных "концептуалистов", и он без

колебаний скажет, что первое – шедевр, а второе – мазня и гадость. Если, разумеется, его мозги не промыты пропагандой по методу сказки Андерсена про новое платье короля. Впрочем, если кому-то в Райхсрауме охота заниматься именно таким псевдоискусством – он ведь свободен это делать, не так ли? Ну, кроме разве что откровенного непотребства... Конечно, помощи и поддержки от государства он не получит, и путь в национальные музеи и галереи ему будет закрыт, но за свой счет для своих единомышленников – сколько угодно. Насколько мне известно, в России в этой области особенно известен некий господин Гельман, и никто его до сих пор не посадил ни в тюрьму, ни в психлечебницу.

Фридриху показалось, что при упоминании Гельмана Ирина поморщилась – как видно, ушлого галерейщика не все жаловали даже и в либеральной среде. Однако более внятной реакции на заброшенную удочку не последовало. Лишь тощая девица заявила, что государство вообще не должно вмешиваться в дела искусства.

– А что – пусть лучше вмешивается толпа? – осведомился Фридрих. – Искусству ведь надо на что-то существовать, некоторые его формы весьма дорогостоящи... Пусть лучше художник руководствуется не собственным вкусом и не вкусами профессионалов, а симпатиями толпы, чей вкус неразвит и чьим мнением, вдобавок, манипулируют нечистоплотные дельцы "арт-модерна", наследники андерсеновских портных? Что получается в результате, можно понять, хотя бы пройдясь по Арбату... Кстати, фройляйн, вас, помнится, интересовала нью-йоркская подземка. Так вот спросите у мистера Рональдса, узнаете из первых уст, насколько это симпатичное место...

– Ну при чем здесь подземка! – брюзгливо бросил Эдик.

– При том, что при большевиках, при всей моей к ним нелюбви, станции московского метрополитена действительно строились как произведения искусства. Я видел старые фотографии. В хаосе первых послевоенных месяцев, конечно, многое было испорчено, разрушено и растащено... Но потом начались восстановительные работы, и еще в семидесятых московское метро считалось одним из самых красивых в мире. Тогда, кстати, никто не звал его на американский манер "подземкой". А в восьмидесятые, на волне очередной разрядки международной напряженности, к Московской городской думе обратилась некая американская фирма. Кстати, не очень известная у себя на родине. С предложением развернуть в метро обширную сеть магазинчиков, ларьков и просто прилавков, торгующих дешевым товаром. И городу, мол, прибыль – до этого метро было убыточным – и населению удобство... Что из этого получилось, вы знаете. Подземка превратилась в гигантский блошиный рынок, еще более неконтролируемый и криминальный, чем те, что действовали в послевоенные годы на поверхности. И расчистить эти авгиевы конюшни уже никто даже и не берется.

– И причем здесь демократия? – поморщился Эдик. – В России её не было никогда. В восьмидесятые – в том числе.

– Это к вопросу о невмешательстве государства... Но вернёмся к теме. Что еще есть у райхсграждан? Хотя бы твердые социальные гарантии по всем важным направлениям – от охраны здоровья до банковских вкладов. Есть возможность, как уже отмечалось, безвизово путешествовать по всему Райхсрауму, а также в Италию, Эспанью и еще несколько не самых худших стран мира. Насколько я знаю, у атлантистов с этим дело обстоит хуже – Франция и Британия никак не договорятся о безвизовом режиме, например... Да и выезд в страны Атлантического блока сейчас ограничен скорее их, нежели нашими, визовыми отделами. Это большевики боялись выпустить своих рабов за

границу, чтобы они не увидели там тридцати сортов колбасы. А что такого подрывающего патриотизм увидит за границей житель Райхсраума? Ассортимент супермаркета, не отличающийся от лавки у него дома? Парад гомосексуалистов? Беспорядки, устроенные неграми по поводу того, что полицейские слегка помяли при задержании черного бандита?

Несколько взглядов обратились на Рональдса, явно ожидая возражений с его стороны, но Майк промолчал.

– Таким образом, какой свободы не хватает жителям Райха, да и России? – подытожил Фридрих. – Свободы дергать за руку пилотов, выполняющих очередной маневр? Свободы ругать правительство с фернэкранов? А зачем, если оно справляется со своей работой?

– Даже если допустить, что справляется – хотя я с этим не согласен – кто обеспечит его замену, если перестанет справляться? – произнес Эдик.

– О, на этот счет можно не беспокоиться: конкуренция наверху идет нешуточная, – усмехнулся Власов. – Вы можете припомнить хоть один случай, чтобы крупный чиновник Райха, совершивший серьезную ошибку или, тем более, пойманный на воровстве и злоупотреблениях, усидел на своем месте? Правда, в России, как я слышал, с этим обстоит хуже... но я сильно сомневаюсь, что демократия способна это исправить. Все равно все должности не могут быть выборными, да и симпатиями толпы легко манипулировать.

– Мы не толпа! Мы – народ! – проскандировала тощая девица.

– Большевики тоже очень любили это слово, – заметил Фридрих.

– Ваши сравнения с большевиками, мягко говоря, лукавы, – сказал Юрий. – Вы говорите о миллионах жертв их режима, но не упоминаете миллионы жертв нацистов.

– Да, жертвы были. В основном – большевики и их союзники, – ответил Власов. – Во время войны и сразу после. Думаю, это не самая страшная потеря, особенно по сравнению с теми миллионами жизней, которые национал-социалисты спасли.

– Ой, это старая песня, – поморщился Эдик, – "нацисты спасли мир от красной чумы..."

– Что это вообще за аргумент – "старая песня"? – парировал Власов. – Вы хотите сказать, что всё старое ложно, поскольку оно старо? Давайте тогда перестанем пользоваться таблицей умножения и законом Архимеда... Да, спасли! И, кстати, я имел в виду не только миллионы тех, кого уже никогда не убьют большевики. Но, к примеру, и миллионы тех, кого не убьет табак. Вы знаете, что за последние сто лет от курения в мире погибло больше народу, чем за все межнациональные войны в человеческой истории?

– Чушь! – отрезал патлатый с амулетами.

– Считайте сами, молодой человек, – обернулся к нему Власов. – Вас учили в школе устаревшей науке устного счёта? Вторая мировая – примерно сорок пять миллионов, без учета гражданской войны в Сибири. Первая – еще десять. При этом давно посчитано, что в Первую мировую погибло примерно столько же народу, сколько за все предыдущие войны, вместе взятые. Итого – шестьдесят пять миллионов. От курения за сто лет погибли семьдесят...

– Нацистская пропаганда это! – влезла толстуха.

– Нет, это данные Всемирной организации здравоохранения, уважаемой западной организации, – сообщил Фридрих. – А если бы эта отрава не была искоренена на всей территории Райхсраума, число было бы намного больше. Полагаю, миллионов девяносто, а то и все сто.

– Я тоже против курения, – нетерпеливо произнес Юрий, – но не обязательно же для этого устраивать диктатуру! Американцы тоже с ним борются...

– Они – борются, – подтвердил Фридрих, – а мы – искоренили. Замечаете разницу? С большевиками американцы тоже боролись, даже устраивали какие-то потешные интервенции в Первую гражданскую... а потом каким-то образом оказались их верными союзниками в войне. И они, и прочие демократические страны. Союзниками того самого Сталина и его клики, международных преступников, повешенных по приговору Петербургского трибунала, кровавых маньяков, уничтоживших десятки миллионов собственных граждан. Как это сочетается с демократией?

– ... how it combined with democracy? – отдуваясь, прогудел в ухо Рональдсу добровольный переводчик. Он, похоже, выдыхался: ошибок в его речи было всё больше, а русский акцент – всё тяжелее.

Рональдс, однако, понял.

– Хитлер напал на Польшу! – блеснул он историческими познаниями. – А Британия и Франция, как ее союзники...

– Сталин тоже напал на Польшу, – перебил Фридрих. – Хитлер с запада, Сталин с востока. Но Британия и Франция почему-то выбрали... даже не нейтралитет, а именно сторону большевиков. А вслед за ними и Америка, сначала формально не участвовавшая в войне, но при этом исправно снабжавшая коммуняк провизией и техникой, а британцев – пилотами. Очень благородный способ ведения войны, ничего не скажешь. Мы – мирная держава, мы ни при чем... Старые добрые атлантистские традиции. Вам известна история "Лузитании", мистер Рональдс? А вам, господа?

– При чем тут какой-то отдельный штат! – возмутился патлатый. – Если вы про рабство негров...

– Нет, штат – Луизиана, – поправил Власов. – Хотя рабовладельческое прошлое нынешней цитадели демократии – отдельная интересная тема. Равно как и нынешние перегибы в обратную сторону... А "Лузитания" – это корабль. Большой пассажирский пароход, тридцать одна тысяча тонн, на котором в Первую мировую Британия перевозила оружие из нейтральной Америки. Дойчское командование знало, что британцы, вопреки всем законам и обычаям войны, перевозят военные грузы на пассажирских судах. Буквально перед отплытием "Лузитании" из Нью-Йорка было опубликовано официальное предупреждение германского посла о том, что любое британское судно, в том числе и пассажирское, может быть потоплено. В связи с чем американцам рекомендовалось воздержаться от путешествий на таких судах. Американцы не воздержались; более того, на борту "Лузитании" плыли многие важные персоны, такие, например, как миллиардер Вандербильд... По британской официальной версии, пароход был потоплен двумя торпедами, но эта версия не выдерживает никакой критики. Даже две торпеды не могли пустить на дно четырехтрубный гигант за восемнадцать минут. Торпеда была одна, а второй взрыв был многократно сильнее первого – это сдетонировала взрывчатка в трюмах. Погибло почти тысяча двести человек. При этом британцы сознательно обрекли корабль на гибель. Их разведка знала, где находятся дойчские субмарины, но капитан "Лузитании" не получил никакого предупреждения. Более того, когда такое предупреждение прислал адмирал Коук, Адмиралтейство отказалось выслать в район противолодочные корабли, а "Лузитании" было запрещено изменять курс. Цель была очевидной – заставить дойчей потопить мирных американцев и тем втянуть Америку в войну понятно на чьей стороне... Придумал всю эту блестящую комбинацию выдающийся

демократ двадцатого столетия Винстон Черчилль, в ту пору – морской министр Соединенного Королевства.

– На войне как на войне, – отмахнулся Юрий, – но вы же не станете отрицать огромный вклад Британии в мировой прогресс! Великая хартия вольностей была принята еще в XIII веке! Британия принесла цивилизацию половине мира, в то время как дойчские княжества грызлись между собой, а в России помещики пороли крестьян...

– В прогресс – несомненно, – кивнул Фридрих. – Британцы придумали множество интересных вещей. Например, концлагеря.

– Концлагеря придумали нацисты! – прокаркал патлатый.

– Нет. Это изобретение времен англо-бурской войны, – возразил Власов. – Причем, что характерно, загоняли в них в основном мирное бурское население. У Британии это изобретение переняли русские большевики, а уж только потом дойчи. А впоследствии – американцы, интернировавшие в годы Второй мировой всех этнических японцев на своей территории, но почему-то до сих пор не могущие простить Райху пересыльных лагерей для юде... А что до того, как британцы несли цивилизацию, то об этом много любопытного могли бы рассказать, например, китайцы. Которых Великобритания под дулами пушек заставила покупать опиум.

– Ну при чем тут это, это же было в XIX веке... – брюзгливо скривился Эдик.

– Юрий упомянул XIII век – он, вероятно, считает, что британская демократия ведет отсчет оттуда. Хотя казненных при каком-нибудь Хенри VIII или Мэри Кровавой это бы очень удивило... Но ладно, вернемся в более позднее время. Еще одно британское изобретение: ковровые бомбардировки жилых районов. Это придумал маршал авиации, сэр Артур Харрис, и я что-то не слышал, чтобы его потом судили как военного преступника. Он дожил до старости и умер в почете и уважении. Что самое интересное, никакого практического смысла эта мера не имела. Даже в плане психологического воздействия – она лишь укрепляла решимость народа противостоять врагу, а вовсе не сдаться на милость западных "освободителей". Liberator'ов, – произнес Фридрих первое слово по-английски. – Вы знаете, что такое Liberator, мистер Рональдс?

Тот сделал неопределённое движение шеей.

– Это четырехмоторный тяжелый бомбардировщик Consolidated B-24, – в чём-в чём, а в этом вопросе Власов был подкован как никто. – Liberator'ы состояли на вооружении США и Британии. Всего их было выпущено больше девятнадцати тысяч, это очень много. Дальность полета – 2100 миль, бомбовая нагрузка в разных модификациях – от пяти до почти тринадцати тысяч фунтов бомб. Главным образом, кстати, зажигательных. Эти бомбы сбрасывались на жителей тыловых городов Райха – в основном, разумеется, женщин, детей, стариков и больных, ибо большинство здоровых мужчин были на фронте... Причем предпочтение отдавалось именно городам, не имевшим военного значения. И, значит, хуже прикрытым средствами ПВО. Количество бомб можете прикинуть сами по числу самолетов, учтя заодно, что средний бомбардировщик делает за свою карьеру не один вылет. И это, замечу, только B-24. А были еще B-17, B-26, британские Avro Lancaster'ы... А после удара над городом еще, бывало, проносились на бреющем "Мустанги" сопровождения, расстреливая мечущихся по улицам погорельцев и спасательные команды. Насколько мне известно, обычно так себя не вели даже большевики. У них, впрочем, и не было таких самолетов, и приличных бомбовых прицелов тоже не было. Поэтому и стиль был другой – сбросить бомбу на первый попавшийся населенный пункт, часто вообще в чистое поле, и удирать. Но у американцев

был уникальный бомбовый прицел "Норден". Чудо инженерной мысли, по сути – механический рехнер. Обеспечивавший прицельное бомбометание с десятикилометровой высоты. Экипажи американских бомбардировщиков давали специальную присягу, что не допустят попадания этого прицела в руки врага. И при всем при этом они, не целясь, сыпали килотонны бомб на жилые кварталы... Жертвами стали более миллиона человек. Только бурное развитие реактивной авиации Райха положило конец этому кошмару. Говоря о варварских бомбардировках, чаще всего вспоминают Хиросиму и Нагасаки. Но, на самом деле, под обычными бомбами атлантистов погибло куда больше народу. И мне как-то трудно восхищаться демократией, которая называет словом "Освободитель" тяжелый бомбардировщик и посылает его сжигать заживо мирных жителей.

– Все это – дела давно минувших дней, – не выдержал Эдик. – Некорректно судить о современной западной демократии по временам Второй мировой. Мало ли что бывает на войне.

– В таком случае – где судебные процессы над военными преступниками? – поинтересовался Фридрих. – Хотя бы чисто символические, выносящие лишь моральный приговор? Их нет. Харрису в Лондоне недавно поставлен памятник.

– А был ли вынесен приговор военным преступникам, изгнавшим со своей земли целые народы? – предъявил Эдик коронный аргумент либералов. – Например, выселившим из своих домов юде и кинувшим их в пески?

– И что в этом преступного, скажите на милость? – спросил Власов. – Это называется национальным самоопределением и обретением собственного государства. Множество народов стремится к этому, как к величайшему счастью. Идя на колоссальные жертвы, между прочим. Юде же это досталось даром... Кстати: я так понял, вопроса о том, почему и зачем их выселяли, у вас не возникает?

– Это вы про что? – толстуха в розовой кофте сложила губки гусиным клювиком.

– Значит, понимаете, – усмехнулся Власов.

– Вы что, нацистской пропаганде верите? – толстуха, не стесняясь, покрутила пальцем у виска. – Они же всё врут! Нацикам всё время нужно кого-нибудь убивать, вот они и убивали юде!

– Нацистам просто нужна была жертва, на которую можно натравить народ и отвлечь его от борьбы за свободу, – расшифровал плешивый. – А юде преследовали всегда и везде, так что они оказались удобной жертвой...

– Если кого-то преследуют всегда и везде, то, может быть, виноват в этом он сам, а не преследователи? – поинтересовался Власов.

– Всё понятно! – провозгласила толстуха. – Вы антисемит!

– Вы сочувствуете Визенталю? – Фридрих произнёс это таким тоном, что женщина невольно втянула голову в плечи. – Я спрашиваю потому, что это бессмысленное слово сейчас используют только визенталевцы и им сочувствующие. Бессмысленное хотя бы потому, что не все семиты – юде, и не все юде – семиты. Как показали расологические исследования, юде представляют собой смесь различных расовых типов...

– Какая разница, как называть юдофобию? – перебил Эдик, которому явно не хотелось вдаваться в эту тему. – Слова – это условность.

– Тогда давайте называть демократию дерьмокрадией, – предложил Власов. – Это же условность?

Переводчик Рональдса запнулся, не зная как перевести каламбур.

– Ну хорошо, хорошо, если вам так нравится, пусть будет юдофобия, – Эдик обвёл

глазами аудиторию, ища поддержки. – Но неужели вы, современный грамотный человек, и в самом деле считаете юде исчадиями ада?

– Нет, – спокойно сказал Власов, – Я считаю юде талантливым и интересным народом. Хотя, может быть, и не настолько талантливым и интересным, как думают сами юде. И болезненная юдофобия мне не нравится так же, как и всё болезненное вообще. Однако разумная осторожность...

– Любая фобия – болезнь мозга! – всё не унималась розовокофточная. Эдик бросил на неё досадливый взгляд, в котором читалось сакраментальное "как бы заткнуть эту дуру".

– Не обязательно, – заметил Власов. – Фобия – это страх. Когда страх необоснован, это действительно тревожный симптом. Но есть вещи, которых и в самом деле следует опасаться. Не ненавидеть, не страшиться, а именно опасаться. Вы хотели бы встретиться на улице с голодным львом? – спросил он плешивого.

– Это вы про юде? – ответил тот вопросом на вопрос.

– Нет, это я про льва. Так да или нет?

– Допустим, не хотел бы. Ну и что? – с вызовом произнес Эдик.

– При этом о вас нельзя же сказать, что вы ненавидите львов? Скорее всего, вам нравится этот красивый и сильный зверь. Если вас сравнят со львом, вам будет приятно. Если вам скажут, что популяция львов в Африке гибнет, вы, может быть, пожертвуете небольшую сумму денег на её сохранение. И, конечно, с удовольствием сводите своих детей в зоопарк, чтобы они посмотрели на льва... Итак, вы не испытываете ни малейшей ненависти ко львам. Более того, львы вам симпатичны. Вы только не хотите встречаться с львом на улице. И если лев сбежит из зоопарка, а полицейский его застрелит, вы будете благодарны этому полицейскому, не так ли?

– Лев – это опасный хищник, – вмешалась женщина с горящими глазами, – получается, вы навязываете нам сравнение юде с хищниками...

– О нет, я не сравнивал бы юде со львами, – усмехнулся Власов. – Я просто хотел показать вам разницу между ненавистью и разумной осторожностью. Можно опасаться кого-то или чего-то, не испытывая к нему никакой ненависти, даже симпатизируя ему. Фанатичный ненавистник львов поехал бы в Африку их истреблять, даже рискуя жизнью. А человек разумный не хочет рисковать жизнью ради уничтожения львов и вообще не желает им гибели. Он просто не хочет видеть львов на той улице, по которой он ходит. Пусть львы живут у себя в Африке. Вот и всё.

– И пусть юде живут в палестинских песках, – саркастически заключил Эдик. – Хорош вывод!

– А чем он вам не нравится? – парировал Фридрих.

– Да тем, что вы не доказали, будто юде чем-то опасны, – нашёлся собеседник.

– За меня это доказала история, – пожал плечами Власов. – Вы сами сказали: везде, где жили юде, возникала юдофобия.

– Все дело в элементарной зависти! – воскликнул Юрий. – Вам что, неизвестно, что двоечники всегда ненавидят отличников? Ни один умный человек в истории не разделял этих идиотских предрассудков насчёт юде!

– Вынужден вас разочаровать, – вздохнул Власов. – Скорее уж, трудно найти умного человека, который бы в известной степени их не разделял. Кикеро, Сенека, Такит, Юстиниан, Эразм, Бруно, Вольтер, Наполеон, Франклин, Вошингтон, Черчилль – этого вам достаточно? Я намеренно не называю русских и дойчских имён. В традиционной

Германии, кстати говоря, юдофобия была распространена меньше, чем в других странах.

– Кто это вам сказал такую глупость? – не удержался Игорь.

– Иначе юде не жили бы в Германии столь долго и в таком количестве, – пожал плечами Власов.

– Им просто некуда было бежать из Германии! Кругом бушевал антисемитизм! – всё лезла розовокофточная.

– Я и говорю: значит, в Германии его было меньше...

– Умные люди тоже подвержены влиянию своего времени и своей среды, – перебил Юрий, не желая оставлять без ответа прошлый тезис. – Разумеется, юдофобия возникла не на пустом месте. С одной стороны, как я сказал, зависть к более умным и успешным – это мотив простонародья...

– Вы так убеждены в интеллектуальном превосходстве юде? – осведомился Фридрих. – Может быть, вы считаете их "богоизбранным народом"?

– Вовсе нет, – возразил молодой человек. – Их таланты имеют простое материалистическое объяснение: тысячелетиями живя во враждебном окружении, они прошли естественный отбор.

– Значит, юдофобия все же первична по отношению к талантам, – заметил Власов, – и, более того, пошла на пользу самим же юде. Во всяком случае, так следует из ваших слов...

– Не прикидывайтесь, будто не знаете, что такое положительная обратная связь, – поморщился Юрий. – И потом, есть вторая причина, первичная, если угодно. Это то, что на протяжении этих тысячелетий юде сохраняли свою национальную идентичность. Не имея не только собственной государственности, но даже собственной территории компактного проживания, они сумели остаться собой, не подвергнуться ассимиляции. Насколько я знаю, такое не удавалось больше ни одному народу, включая создателей великих империй древности, ныне полностью исчезнувших... Так что юдофобия – это банальная ненависть к тем, кто не желает становиться таким, как ты.

– Да, верно, – кивнул Власов, – юде действительно проявили потрясающую способность к самосохранению. Но если сформулировать вашу мысль чуть в других терминах, то она звучит так: юде всегда оставались чужими по отношению к тем странам и народам, среди которых жили, и принципиально не хотели становиться своими. Что же странного в ответной реакции этих народов? Гостям все же положено несколько меньше прав, чем хозяевам, не так ли? Особенно если эти гости не очень-то склонны уважать хозяев и считаться с их интересами... Что произошло в той же Германии во время Ваймарской республики? Когда в руки юде попала власть – власть денег и газетных страниц прежде всего – они использовали её для того, чтобы бесстыдно наживаться, продавать Германию иностранцам, а также тешить свою ненависть к другим народам, особенно к дойчам. В том числе используя так называемую свободу прессы. Которая сводилась к свободе пропаганды коммунизма и прочих подрывных учений, клеветы на дойчей и Германию. А также к описанию и смакованию различных извращений.

– Вы ничего не понимаете! Это было золотое время! – воскликнул на плохом дойчском какой-то бородатый старичок, доселе сидевший тихо. – С точки зрения культуролога, в двадцатые годы Берлин был самым интересным местом в Европе! Хотя бы потому, что это была неофициальная столица европейской гомокультуры... – он запнулся, почувствовав, что сказал лишнее.

– Вот именно, – с отвращением сказал Власов, – и ничего хорошего я в этом не

вижу. – Кстати, как вы думаете, почему в Республике Израиль порядки куда жёстче, чем даже в Райхе? И особенно в *этих* вопросах?

– Я же говорил – гебульник! – снова встрял волосач. – Ишь как плетёт! Ишь как заворачивает!

– Игорь, я же тебя просил – без навешивания ярлыков! – рявкнул на соратника Эдик. – Давайте будем разговаривать серьёзно, – несколько успокоившись, сказал он Власову. – Вы умный человек, хотя и зашоренный. Но вы всё время воспроизводите нацистские пропагандистские штампы, а это очень раздражает. Попробуйте мыслить как внутренне свободный человек, и вы начнёте понимать нас лучше. Пока что вы слушаете только себя...

Фридрих слегка поморщился от такой бесстыдной демагогии. Но на лицах большинства слушателей проступило глупое самодовольство: судя по всему, себя-то они считали внутренне свободными и незашоренными. – Всё это очень хорошо, – сказал он, – но давайте всё-таки вернёмся к теме. Возможно, я и в самом деле обманут пропагандистскими штампами, но вы ведь можете с лёгкостью их опровергнуть? Итак, почему же...

– Пропагандистские штампы, – заявил Эдик, – действуют на подсознание и от этого кажутся убедительными. Опровергать каждый штамп по отдельности не имеет смысла, потому что они поддерживают друг друга. Вот, например, недавно вы навязывали нам ложное сравнение: с одной стороны, преступная карательная практика, и с другой – вождение машин в нетрезвом состоянии. Всякому разумному человеку понятно, что это совершенно разные вещи. Но вы упорно держитесь за эту глупую, детскую аналогию, потому что вам её когда-то внушили. Скорее всего, вы даже не помните, кто вам её внушил – ваши мозги уже промыты... Единственный выход – отвергнуть всю систему целиком, освободить свой разум от этих навязанных догм.

– То есть принять ваши догмы? – поинтересовался Власов.

– Сколько можно! У нас нет никаких догм, наше мышление свободно, а вы – в цепях! – снова взорвался Эдик.

– Вот именно! – высунулась толстуха.

Фридрих почувствовал, что проигрывает раунд и решил отплатить той же монетой.

– Вы навешиваете мне ярлык, – он вспомнил выражение плешивого, которое оказалось как раз к месту, – зашоренного человека, не способного отличить демагогию от корректной аргументации. Я понимаю, что вам удобно объявить всех несогласных с вами лично дурачками с промытыми мозгами. Вы также объявили себя свободным человеком, а на меня надели цепи...

– Я не надевал!.. – пискнул было плешивый, но Власов продолжал говорить, не обращая на него внимания:

– Вы стали внушать мне и всем остальным, что я в цепях. Что я не способен отличить корректную аналогию от некорректной, что мой мозг проштемпелеван, и так далее. Это типичное внушение. Не кажется ли вам, что вы, в своей борьбе с тоталитаризмом, сами незаметно им пропитались? Я посторонний человек, и мне это очень заметно... Вы когда-нибудь принимали участие в серьёзных переговорах – например, в деловой сфере? – внезапно сменил тему Фридрих.

– А... а почему вы спрашиваете? – только и нашёлся Эдик.

– Значит, не участвовали. Так вот: деловой человек должен ответить на множество неприятных вопросов, прежде чем он получит кредит под свой проект. Политик должен

уметь отвечать на самые каверзные и неприятные вопросы, если он хочет получить кредит доверия народа к своей программе – а ведь политические программы несоизмеримо важнее частных дел. Я шёл к вам, ожидая увидеть сильных, уверенных в себе и своей правоте людей, способных отстаивать свои воззрения перед любым неприятелем. Я до сих пор думаю, что среди присутствующих такие есть. Но вот вы, Эдуард, и ваш соратник в ответ на мои очень простые рассуждения дважды сорвались на крик и грубость. Заметьте, никто, кроме вас, этого себе не позволял.

Это была тоже демагогия, причём достаточно беспардонная, но у Эдика вытянулось лицо: похоже, Власов задел какую-то чувствительную струнку.

– Так вот. Как деловой человек, я должен сказать: если мой партнёр по переговорам вдруг заговорит со мной так, как вы сейчас, я решу, что он собирается надуть либо меня, либо других. Заметьте, я не обвиняю вас в надувательстве. Но впечатление остаётся очень нехорошее.

На это Эдик не нашёлся что ответить – во всяком случае, сходу.

В повисшей тишине скрипнул стул, и, с преувеличенной озабоченностью глядя на часы, поднялся один из гостей, не понимавших английского. Кажется, ему давно хотелось покинуть собрание, но он не знал, как сделать это понезаметнее. И вот теперь, напротив, привлек всеобщее внимание.

– Извините, – бормотал он смущенно, пробираясь к выходу. – Пойду. Пора мне. Поздно уже.

Сразу же следом за ним встала бесцветная женщина за сорок, похожая на библиотекаршу из сельского клуба и за весь вечер не проронившая ни слова. Эдик сердито зыркнул глазами по сторонам, опасаясь цепной реакции. Менее всего ему хотелось, чтобы народ стал расходиться сейчас, оставляя поле боя за противником. Он уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но тут где-то в задней комнате погрузившейся во мрак квартиры зазвонил телефон, и Ирина, сказав (наконец-то по-русски) "я возьму", поспешно вышла.

Эдик почему-то раздумал говорить то, что собирался. Возможно, он ждал этого звонка. Или же наоборот – звонок поступил в слишком неподходящее время, означая, что случилось что-то крайне неприятное. В облике Эдика появилось нечто от собаки, застывшей в стойке с поднятым ухом. Он и впрямь пытался услышать, что говорит Ирина в соседней комнате. Напряжение Эдика словно бы передалось другим, так что даже Игорь, несколько раз порывавшийся перебить Фридриха во время его рассуждений, не стал ничего говорить – впрочем, смотрел он на Власова так, словно надеялся прожечь в нем дыру, как какой-нибудь холливудский терминатор. Фридрих же, не переставая контролировать комнату боковым зрением, направил взгляд в окно, где в мутном пасмурном небе, освещенном заревом вечернего города, красными звездочками горели маяки на шпилях Университета. Сигнал предупреждения низколетящим самолетам – которых здесь, конечно же, нет и быть не может, вся Москва – закрытая для полетов зона...

"Зря я так разошелся, – с досадой подумал Фридрих. – Ведь хотел просто изобразить сомневающегося, а сейчас они уже числят меня во врагах". Все-таки кабинетная работа – это одно, а общение с живым противником – совсем другое...

"О господи!" – вскрикнула из-за стены Ирина, и Эдик вздрогнул. "Точно? Не ошибка?" – допытывалась у кого-то Ирина. Через несколько секунд она вернулась в комнату, неся в опущенной руке дисковый телефон с волочившимся за ним проводом. Эдик встревоженно поднялся ей навстречу; "Аркадий" – сказала она, протягивая ему

трубку.

Если верить лицу Эдика, то новости, сообщенные неведомым Аркадием, были и впрямь плохие. Хуже некуда.

– Прошу прощения, господа, – сказал он наконец, возвращая трубку Ирине (та так и держала аппарат на весу). – Сегодня закончим пораньше. Жаль, что дискуссия ушла в область частностей, и мы не успели обсудить некоторые существенные вопросы... Разумеется, аргументация, приведенная этим господином, не нова. Хотя, как видите, мы даем возможность высказываться сторонникам любой точки зрения, уже самим этим фактом опровергая построения противников демократии... мы собираемся каждую пятницу, приходите и приводите друзей... брюшюры можете брать, то есть вообще-то они стоят пять рублей, деньги оставьте на столе... а сейчас, прошу прощения...

Народ, осознавший, что его выпроваживают, шумно двигал стулья и дрейфовал к дверям. В прихожей кто-то уже сражался с заклинившей молнией.

Фридриху чертовски хотелось узнать, что случилось, но он понимал, что ему вряд ли скажут. Выручил его Рональдс, с бесцеремонностью журналиста и американца задавший вслух тот же вопрос. Секретов от американских СМИ у демократов, очевидно, не было.

– Один наш друг... умер, – ответил Эдик, вновь перейдя на английский. – Буквально только что. Извините.

Kapitel 23. Тот же день, ближе к ночи. Москва, Власовский проспект, 66.

В прихожей Власов обнаружил, что его куртку кто-то сбросил на пол. Хуже того, на неё наступили: на рукаве был заметен след от башмака.

Он был не единственным пострадавшим: рядом лежал серый шарф, по которому тоже прошлись чьи-то ноги.

Власов спросил, где здесь находится ванная комната, но внятного ответа не получил: все были заняты – кто своими мыслями, кто розыском вещей. Тогда он сам прикинул расположение квартиры и, попросив Франциску немного подождать, уверенно углубился в узенький коридорчик, ведущий в темноту.

Он без труда нашёл ванную. Она оказалась маленькой – и, что его особенно удивило, грязной. На дне раковины виднелись следы пены для бритья, зеркало было забрызгано зубной пастой. Но хуже всего было то, что откуда-то тянуло табачной вонью. Впрочем, сообразить было несложно: рядом находился туалет. Обычная манера курильщиков прятаться по сортирам была ему известна. Кому-то, похоже, не терпелось предаться любимому пороку. Кто-то из постоянных посетителей квартиры? Нет, эти не побоялись бы закурить, как только избавились бы от него, Фридриха. Значит, кто-то из пришлых, кому прямо сейчас надо уходить. Может быть, Рональдс? У американцев многие курят. Кстати, надо проследить, чтобы он не слишком приставал к фрау Галле – с него станется...

Власов натянул перчатки, чтобы не пачкать руки, и потянулся к крану.

Вдруг он замер: ему почудилось какое-то движение под раковиной.

Он осторожно наклонился, рассчитывая увидеть мышь или крысу. Однако в лужице на полу жужжало и шевелилось что-то розовое, напоминающее обмылок.

Прошло полсекунды, прежде чем Фридрих понял, что это.

На полу валялся целленхёрер, "Бош ХМ 2000" – дорогая и красивая игрушка,

стоившая немалых денег, тем более в России. Аппаратик отчаянно вибрировал: видимо, кто-то пытался дозвониться.

В самом виде дёргающеся по полу розовой телефонной трубки было что-то неприятное: как будто безногий и безрукий инвалид корчится в грязи, пытаясь выбраться.

Власов надел перчатку и осторожно поднял целленхёрер. Вблизи стало видно, что вещица серьёзно пострадала: через весь корпус шла длинная трещина. Похоже, его не просто уронили, а бросили с силой. Или наступили на неё каблуком. Но дойчская техника выдержала даже такое обращение: телефон продолжал мелко дрожать.

Фридрих нажал на кнопку приёма и поднёс трубку к уху, но не услышал ничего. Видимо, динамик все-таки не выдержал удара.

Власов, однако, имел возможность принять звонок. Он достал свой "Сименс", пощёлкал клавишами и набрал код одной специальной функции. Через две секунды на экранчике загорелся красный огонёк: телефон захватил сигнал от микросхемы "Боша", декодировал его и перенаправил на себя.

Власов снова нажал на "приём", надеясь услышать что-нибудь интересное.

– Это ты? – зазвенел в трубке женский голосок, – Ну ты сегодня можешь? Эй, ты со мной разговаривать будешь или как? Дрю, алло?

Власов подождал еще немного, но звонившая, обиженно буркнув что-то неразборчивое, отсоединилась. Более по профессиональной привычке, чем из реального интереса, Фридрих бросил взгляд на экранчик, где должен был отображаться номер последнего абонента. Однако вместо цифр там зияли прочерки – лишь в третьей и седьмой позиции обозначились пятерка и девятка. Очевидно, звонившая пользовалась антиопределителем номера, причем, скорее всего, купленной на радиорынке самоделкой. Фридриха это слегка заинтриговало. Скорее всего, причина, по которой эта девица – голос был молодой – прятала свой номер, была чисто бытовой, но всякая попытка скрыть от него информацию вызывала у Власова повышенный интерес. Он нажал пару кнопок на искалеченном аппарате; одна из них заедала, но со второй попытки все-таки сработала. "Непринятых звонков: 2" – высветилось на экранчике. Если они от той же особы, может, в прошлые разы определились другие цифры? Фридрих раскрыл список. В прошлые разы номера не определились полностью, но возле каждой строчки из черточек красовалось слово "Прослушать". Точно, вспомнил Власов, в этих аппаратах есть функция автоответчика и записи звонка. Когда-то целленхёрер был придуман для того, чтобы связываться с человеком, где бы тот ни находился; предполагалось, что он постоянно таскает трубку с собой, и функция автоответчика ему не нужна. Реальная жизнь показала, что это далеко не всегда так...

Фридрих подогнал световую полоску к первому звонку и нажал "Прослушать". "Сименс" услужливо перехватил сигнал, идущий на мертвый динамик. Звонок и впрямь оказался от той же девицы; капризным голосом, в котором слышались и раздраженные нотки, она просила позвонить ей, не назвав ни телефона, ни своего имени – очевидно, владелец "Боша" должен был все это хорошо знать. Уже не надеясь ни на что любопытное, Власов перевел полоску на вторую запись и снова нажал на кнопку.

– Хи, сагуа, – дохнуло в трубку откуда-то издалека.

Власов невольно сжался. Этот голос был ему знаком. Он очень хорошо его запомнил – там, в метро.

– Мне нужны чени за тот джу. Сегодня. Или у нас пойдут другие джанхуашки, совсем плохие. Конджуй, цао.

В трубке щёлкнуло: записанное сообщение кончилось.

Власов внимательно осмотрел корпус целленхёрера: трещина была совсем свежая. Да и звонки: Нет, это кто-то совсем недавно шандарахнул дорогой вещицей по полу. Кто-то, кто находился в этой квартире вот только что.

Не тратя времени на дальнейшие размышления, Фридрих осторожно обернул аппаратик в чистую салфетку (какая удача, что он был в перчатках – стало быть, отпечатки хозяина сохранились!) и сунул в карман куртки. Открыв кран, он наскоро смыл грязь с рукава и поспешно вышел из ванной, напустив на себя озабоченный вид.

В прихожей ещё толпился народ. Фрау Галле, уже одетая, стояла с кислой гримаской на лице, явно дожидаясь Власова. Прочая публика сосредоточенно боролась с пуговицами и крючками.

– Власов, сколько можно? Мне жарко, я вспотела, – журналистка явно искала, на кого бы вылить раздражение.

– Вы могли выйти на улицу и подождать меня там, – невозмутимо ответил Власов. Фрау не удостоила его ответом.

Спускаясь по лестнице в сопровождении Франциски (на сей раз она сама не захотела пользоваться лифтом, куда уже набилась куча народу), Фридрих напряжённо размышлял. С одной стороны, ему очень повезло: он только что получил прямое и недвусмысленное подтверждение того, что либералы напрямую связаны с московскими дуфанами и лично со Спаде. Если подключить ДГБ... а не подключить его невозможно... им ничего не стоит взять на карандаш каждого присутствующего на этой тусовке. Вероятно, целленхёрер выбросил молодой человек мужского пола: кличка неопределенного рода может принадлежать и женщине, и ни в одном из звонков не был обозначен пол адресата, но криминальный мир патриархален и серьезные дела обычно "бабам" не доверяет. Да и вкусы Спаде известны... хотя, конечно, ниоткуда не следует, что Спаде и Дрю связывают постельные отношения. Звонок-то был о деньгах, Фридрих со встречи в подземке помнил слово "чени". Да и капризный голосок девицы – скорее аргумент в пользу того, что Дрю не педе. Впрочем, тут возможны разные варианты деловых и личных связей. Зато точно ясно, что Дрю – человек не бедный, раз позволяет себе в раздражении разбивать дорогие трубки. Что и неудивительно, учитывая его дела со Спаде.

Интересно, хватится ли Дрю своего аппарата, и если да, то как скоро? Когда он швырнул трубку об пол, динамик вышел из строя, и наступившую тишину Дрю, очевидно, счел верным признаком смерти целленхёрера. Но потом ему все же может прийти в голову удостовериться. И что он подумает, когда не найдет трубку? И хозяева квартиры скажут ему, что не находили ее и не выбрасывали? Похоже, он и так на нервах, так что вполне может удариться в бега. Или натворить еще каких-нибудь глупостей. Что, конечно, нежелательно. Но что делать – забрать аппарат вместе с отпечатками было важнее.

А может, подумал Фридрих, он все же зря думает о Дрю как о "нем"? Женщина вряд ли может быть деловым партнером Спаде – но может быть клиентом. Розовый цвет трубки, опять же...

Ладно, к чему гадать – достаточно слить информацию куда следует, и всех присутствовавших мигом протрясут и найдут нужного. Даже если он не был в комнате во время собрания. Особенно если отпечатки на трубке четкие... С другой стороны, если после визита Фридриха начнутся повальные аресты, эти дурачки точно решат, что он сотрудник ДГБ. Хотя они и без того наполовину в этом убеждены... но только наполовину

-теперь же уверенность будет полной... Надо будет как-нибудь объяснить это Никонову... Власов поймал себя на том, что уже решил, кому именно он отдаст трофей. Впрочем, других осмысленных вариантов не просматривалось.

– Я хочу подышать воздухом, – заявила Франциска. К этому времени они уже вышли на улицу и подходили к машине. – Давайте постоим здесь.

Фридрих скептически огляделся: вокруг царила промозглая сырость, а оживленное движение по ярко освещенному Власовскому проспекту насыщало воздух отнюдь не озоном. Дышать всем этим имело смысл разве что за деньги – или по долгу службы. Однако спорить с капризной женщиной не хотелось: это грозило какой-нибудь неожиданной выходкой с её стороны, что было бы крайне несвоевременно. Поэтому Фридрих просто кивнул.

Журналистка небрежно опёрлась на крыло BMW. Власов с содроганием подумал о московской грязи.

– Нам пора, – напомнил Власов после минутного молчания. – У меня дела.

– Вам никогда не говорили, Власов, что вы не джентльмен? – Франциска вздёрнула остренький подбородок. – Джентльмен никогда не стал бы торопить даму.

– В дойчском языке нет такого слова – джентльмен, – улыбнулся Власов. – Зато я честный дойч, этого у меня не отнять... Куда вас отвезти? – перевёл он разговор на дело.

– К сыну, – уверенно сказала журналистка.

– То есть к Берте, – уточнил Власов.

– Да, к Берте. Я там себя чувствую спокойно.

– А как вам нравится хозяйка квартиры? – поинтересовался Фридрих.

– Простите, – мягкий девичий голос заставил Фридриха оглянуться. Перед ним стояла Марта – в белой вязаной шапочке и шубке, которая ей очень шла.

– Я, наверное, некстати... – она говорила по-русски, – у вас тут разговор... просто я хотела сказать... В общем, – собралась она с духом, – вы меня удивили. Я не думала, что кто-нибудь придёт и скажет им... такое. Они все просто обалдели! – грубоватое русское словцо смягчило искреннее восхищение в голосе девушки. – Вы... вы молодец. Вот. Хотя, конечно, по сути вы неправы.

– В чём же? – поинтересовался Власов.

– Не знаю, – ответила Марта. – Но вы же не можете быть правы, ведь вы самый настоящий нацист. Как папа. Только вы умнее. А я не знаю, как вам возразить на ваши рассуждения. И эти... наши: они тоже не сообразили, как вам ответить. Но если кто-то не может ответить, это же ещё не значит, что он неправ? Какой-нибудь, к примеру... Аристотель, – неуверенно сказала девушка, – считал, что Солнце вращается вокруг Земли. И если бы я с ним спорила, он бы, наверное, тоже разбил бы мои аргументы, потому что я плохо помню астрономию, а он очень умный. Но ведь Земля-то всё равно вращается вокруг Солнца, понимаете?

– Понимаю, – сказал Власов. – Вы хотите сказать, что неумный человек может защищать истину, в то время как умный – проповедовать изощрённую ложь. Такое бывает. Но человеческая способность лгать ограничена. Демагоги обычно используют разного рода заумные рассуждения или апеллируют к сомнительным ценностям. Я же говорил самые обычные вещи, не выходящие за пределы здравого смысла.

– Ну... не знаю, – девушка смутилась ещё сильнее, – насчёт обычных вещей. Я такого никогда не слышала.

– Даже в школе? – поинтересовался Фридрих. – Или от родителей?

Марта сморщила носик.

– Роди-ители... Из-за них у меня всё и началось. У меня папа военный. Настоящий национал-социалист, – она чуть придвинулась к Власову, так что стал виден пар, выходящий изо рта. – И мама такая же. Они меня замучили своим воспитанием. Слова в простоте не скажут, сплошные пафосные лозунги. Партия, долг, великие идеалы, подвиг ветеранов, которого я должна быть достойна... Того нельзя, этого нельзя, ничего нельзя. Жить нельзя! Я от этого воспитания из дому сбежала, – призналась она. – Ну и... и... и вот.

Власов немного помолчал, собираясь с мыслями.

– Каждый человек, – медленно произнёс он, – и уж тем более ариец, имеет право на самостоятельную жизнь. Я сам покинул родительский кров довольно рано. И не услышал ни одного упрёка в свой адрес, – Фридрих, как всегда, не стал вдаваться в детали. – И если ваши родители и в самом деле настоящие национал-социалисты...

Девушка внезапно всхлипнула.

– Вот именно! – шмыгая носом, сказала она. – Папа даже не интересуется, где я и что со мной. Ему на меня наплевать! И мама тоже... ну, почти. А я ведь их люблю. Мне просто хочется, чтобы они со мной считались... Я лишнее говорю, наверное. Я просто хотела сказать, что вы очень хорошо выступили. Хотя я с вами несогласна. Извините, я лучше пойду. Мне кажется, ваша дама настроена против моего общества, – не дожидаясь ответа Марта развернулась на каблуках и пошла вверх по улице.

Фридрих перевёл взгляд на фрау Галле и невольно поднял бровь от удивления: лицо журналистки было искажено злобой.

– Наглая девка, – прошипела та, поймав взгляд Власова. – Как она посмела приставать к незнакомому мужчине! О чём это вы там ворковали?

– Ворковали? – слегка опешил Фридрих. – Вы хотя бы поняли, о чём шла речь?

– Я же слышала, каким тоном говорила эта... эта маленькая дрянь! – выпрямилась фрау. Власов механически отметил про себя, что соприкосновение с крылом автомобиля не прошло для её одежды бесследно. – Вы говорили с ней на русском, чтобы я не понимала, ведь так? Но я женщина, и в таких ситуациях мне не нужен переводчик! Вам нравятся молодые девки, которые напрашиваются на знакомство?

За это время Власов успел собраться с мыслями.

– Девушка хотела поговорить о гносеологических аспектах нашего спора, – снисходительно пояснил он. – Она предложила любопытный аргумент...

– Очень подходящее место и время для философских дискуссий! – нелогично заявила Галле. – И эти слёзы! Наверное, они были по поводу теории познания?

– Нет. У девушки конфликт с родителями на идейной почве, – вздохнул Фридрих. – На мой взгляд, вздорный.

– Ну да, ну да, – в литературном дойче Франциски неожиданно прорезался какой-то хамоватый говорок, – знамо дело, идейные конфликты, перси-шмерси. Девка-то домашняя, холёная. Побежала за смазливым парнем, который папе с мамой не показался. Парень её поимел да бросил, окружение евойное надоело, к папе с мамой с поджатым хвостом не хочется. Теперь ей нужен солидный мужчина. Которого не стыдно родителям показать. Да такого отхватить, чтобы родня язычки-то поприкусила. В поиске она, не ясно, что ли?

"Вполне возможно", вынужден был признать Фридрих. Пошлые бабские рассуждения ревнивой журналистки – почему-то вообразившей, что у неё есть какие-то права на него, Власова, – звучали вполне убедительно.

– Sorry, – раздалось за спиной. – Надеюсь, я не помешал вашей беседе? – человек говорил по-английски, и голос его был Власову знаком.

– It's OK, – немедленно ответила фрау Галле, хотя обращались не к ней. – Пожалуйста, мистер Рональдс, я рада вас видеть.

Она явно настроилась взять маленький женский реванш.

– Я вас слушаю, – без удовольствия сказал Фридрих: беседа с американским журналистом отнюдь не входила в его ближайшие планы.

Майк с истинно американской бесцеремонностью протиснулся между Власовым и Франциской (та возмущённо пискнула, но журналист предпочёл её не услышать) и заявил:

– Я хочу засвидетельствовать своё восхищение, господин... м-м-м?

– Власов, – был вынужден представиться Фридрих.

– Очень приятно, – широко, словно в рекламе зубной пасты, улыбнулся американец, и на лице его изобразилось то понимающе-сочувствующее выражение, которое всегда раздражало Фридриха: "О да, знаменитая фамилия, не так ли? Но не беспокойтесь, я не из тех кретинов, которые постоянно докучают вам вопросами о родстве. Я-то прекрасно понимаю, что вы просто однофамилец". – Вы очень интересно говорили, – продолжал Рональдс вслух. – К сожалению, я не всё понял: этот парень, который мне переводил, был не очень-то расторопен.

"Вот же наглец", – подумал Власов. "Ему сделали любезность, а он недоволен". Потом он вспомнил, что западные люди относятся к любой помощи как к услуге – и даже если она оказывается бесплатно, считают себя вправе предъявлять претензии к её качеству.

– Но мне было очень интересно, – продолжал тем временем журналист. Впервые в жизни я слышал настоящего национал-социалиста. Чёрт возьми, это было красиво. Хотя, конечно, вы проиграли спор.

– Вот как? – удивился Фридрих. – У меня сложилось другое мнение.

– Вы ошибаетесь, – самодовольно заявил Майк. – Вам кажется, что вы победили. На самом деле вы только озлобили своих собеседников и настроили против себя. Вы посмеялись над их убеждениями и выставили их дураками. Они вам этого не простят. И, конечно, только укрепятся в своих убеждениях. Вы не умеете подслащивать свои пилюли, и пациенты их выплёвывают. Надо быть снисходительнее к человеческим слабостям.

– "Низшее начало есть во всех людях, но раб подчиняется ему, а господин властвует над ним, и с этого начинается наука господства" – процитировал Фридрих.

– Это Ницше? – осведомился журналист. – Так говорил Заратустра?

– Так говорил Дитль, – ответил Власов.

– Все политиканы стоят друг друга, – скривился американец. – Да и потом, ваши доводы ведь тоже были отнюдь не безгрешны, так? Не знаю про "Лузитанию", – тут Рональдс не погрешил против истины: сегодня он впервые услышал это название, – но насчет бомбардировок – это же была в чистом виде пропаганда.

– Если под словом "пропаганда" вы имеете в виду "ложь", то вы заблуждаетесь, – спокойно возразил Фридрих. – Все, что я сказал, чистая правда. Эту информацию можно найти и в Америке. Официально она не засекречена, просто об этом предпочитают не говорить. Вот, кстати, и занялись бы – прекрасная вам тема для репортажа. Ручаюсь, он имел бы большой резонанс.

Рональдс ничего не сказал, но всем своим обликом продемонстрировал полное отсутствие энтузиазма по поводу предложенной идеи.

– В чем дело? – поддел его Власов. – Разве свобода слова – не одна из базовых американских ценностей?

– Разумеется, но, видите ли, слово – это тоже товар, – Майк с трудом сдерживал раздражение. – Это моя профессия, я продаю слова. И я свободен предложить свой товар на рынок, а мои слушатели свободны его у меня не купить. А мой шеф свободен за это меня уволить... Здесь нет никакой цензуры, как у вас, это просто законы рынка. Вторая мировая сейчас вообще мало кому интересна, это дремучее прошлое...

– Уж это точно, – покивал Фридрих. – Настолько, что половина американцев уже не знает, кто с кем воевал. И искренне полагает, что Райх был союзником большевиков. Впрочем, у меня нет сейчас времени на лекции по истории...

– Я только хотел сказать, что ваши рассуждения мне показались интересными, – заторопился Рональдс. – Чертовски жаль, если они пропадут. Я, знаете ли, намерен попробовать себя в жанре Ле Карре и прочих таких ребят. Хочу написать крутой шпионский детектив. Ну и подумал: будет круто вставить в сюжет этакого старого нациста, который пудрит мозги главному герою своей пропагандой. Ваш спич подходит идеально. Но я честный парень и хочу спросить разрешения. Вы согласны на использование своей речи в моей книге?

– Если она не будет искажена по смыслу, – ответил Власов. – Насколько я понял, вы всё записывали?

Журналист ухмыльнулся и чуть приспустил манжету левого рукава. Там что-то блеснуло.

– Направленный микрофон. Удобная штучка. Американская техника.

Власов промолчал. Американская техника, судя по размерам микрофона, отставала от дойчской лет на пять, если не больше. Но проявлять излишнюю компетентность в подобных вопросах он не собирался.

– Благодарю за разрешение. Вообще, хочу как-нибудь посидеть, поговорить с вами... и с вашей знакомой, разумеется, – он, наконец, соизволил заметить фрау Галле и слегка на неё покосился. – И про историю, и про современность. Может, поужинаем втроём? Поболтаем?

– Господин Власов очень занят, – сказала фрау Галле на плохом английском.

Несмотря на попытку произнести эти слова спокойно и сухо, едва заметное дрожание голоса выдавало её состояние: похоже, Франциска была готова расплакаться.

Майк оставил её слова без внимания.

– Найдите для меня немного времени, – снова обратился он к Власову, – и мы...

– Теперь уже вы делаете ту ошибку, в которой только что уличали меня, – не без удовольствия сообщил Фридрих американцу. – Вы совершенно напрасно обидели госпожу Галле невниманием. Я не требую от вас извинений, поскольку понимаю, что причина подобного поведения – недостаток общей культуры, свойственный вашей стране, а не сознательное желание оскорбить женщину. Но продолжать разговор не имеет смысла. Мы уезжаем. – Не дожидаясь ответа американца, он открыл перед фрау Галле дверцу BMW.

Та поспешно села, бросив на Власова короткий благодарный взгляд.

– Ещё встретимся! – кинул в пространство Майк как ни в чём не бывало.

Обратно ехали в молчании. Фрау Галле, что называется, дулась – то есть всем своим видом показывала, что она недовольна, обижена и нуждается в утешении. Власов прекрасно понимал, чего она от него ждёт – но не собирался отвечать этим ожиданиям.

Хотя бы потому, что у него были дела поважнее.

Ведя машину, Фридрих думал о нескольких вещах сразу.

Первое, что его занимало – это происшествие, послужившее причиной досрочного окончания встречи. "Наш друг умер". Власов готов был поставить свой "зонненбранд" против кухонного ножика, что смерть была крайне неожиданной и отнюдь не естественной. Вполне возможно, такой же звоночек последовал и за смертью Вебера? Не слишком ли велика смертность среди посетителей этой комнатёнки? Разумеется, сами эти люди ничего собой не представляют – но кто знает, кто и как их использует втёмную? В любом случае, нужно как можно скорее получить информацию о том, что это за "друг" и что такое с ним стряслось.

Далее, американец. Понятно, что никакой книги он не пишет – это обычная выдумка. Ему нужен он, Власов. Почему? В общем-то, и это понятно. Журналист, конечно, думает, что Власов – агент спецслужб, российских или германских, прикомандированный к фрау Галле и её контролирующий. У американцев есть правило: во всех случаях вести дела с боссом, а не с его людьми, поскольку они ничего не решают. Рональдс, судя по всему, принимает Власова именно за босса – и поэтому мало интересуется самой Франциской, за которой ещё недавно охотился. Вроде бы логично. Непонятно одно: на что он рассчитывает и чего, собственно, хочет? Сенсационного репортажа? О чём? О российских или дойчских спецслужбах? Вряд ли он столь наивен, что надеется на какую-то информацию по этой теме от человека, которого он принимает за их агента (и небезосновательно). Хотя... почему нет? В западных странах агенты спецслужб охотно идут на сотрудничество с журналистами, и даже не всегда за деньги. Разумеется, никто не раскрывает перед ними сколько-нибудь серьёзных секретов. Но, скажем, дать некие намёки, за которые никто персонально не отвечает... "Наш источник, близкий к правительственным кругам, считает". "Независимый эксперт в частном порядке сообщил нашему корреспонденту". Может быть, что-то вроде этого? Вряд ли, не похоже... Впрочем, всё это имеет смысл только в том случае, если Рональдс – действительно журналист и только журналист. А если нет? А если он работает на какую-нибудь из американских разведок – благо, выбор велик? Профессионал или случайно завербованная серая мышка? Пожалуй, он может быть и профи. А если и этот тип каким-то образом запутан в историю с Вебером? Не исключено, ничего не исключено... И что делать? Идти на контакт? Это требует времени, а у него его мало. Или это чей-то отвлекающий маневр? Слишком сложно. В конце концов, есть самое простое объяснение: журналист не знает, что предпринять дальше, и поэтому действует наобум. Франциску он упустил. Теперь ему надо за что-то зацепиться, чтобы представить начальству хоть какой-то материал... Или всё-таки за этим стоит нечто большее?

Наконец, самое неожиданное: найденный в ванной целленхёрер. Всё-таки: кому мог принадлежать телефон? Помнится, Игорь проявлял странную осведомлённость в вопросе о штрике? А может быть, этот Юрий? Кажется, он достаточно вспыльчив, чтобы со всей силой шандарахнуть трубкой о пол ванной. Нет, непохоже: парень явно не из того теста: А может быть... Нет, гадать бесполезно. А вот почему владелец телефона его разбил – только ли это простая злость? И не связано ли это с гибелью неизвестного друга? Связь может быть самая прямая...

Интерес представляла и ситуация на том конце трубки. Похоже, русские полицейские правы – дела Спаде идут плохо. Он нервничает и делает ошибки. В том числе самые примитивные. Например, оставляет запись своего голоса на автоответчике. И

ещё – дуфан вынужден лично звонить и требовать денег. Нет, Спаде явно не на подъеме. И наверняка уже нашлось немало желающих толкнуть падающего...

Фрау Галле кашлянула, пытаясь привлечь внимание мужчины. Власов сделал вид, что напряжённо всматривается вдаль.

– Власов! Я, кажется, к вам обращаюсь! – возмутилась фрау Галле.

– Вы ничего мне не говорили, а я не хотел нарушать ваш покой, – недовольно ответил Власов.

– Не говорила! Я уже полчаса на вас смотрю! – заявила журналистка, но тут же осеклась: даже её умишка хватило, чтобы сообразить, какую глупость сморозила.

Фридрих, однако, не упустил случая прочитать ей нотацию:

– Во-первых, получаса ещё не прошло. Во-вторых, я обязан не ловить ваши взгляды, а следить за дорогой и при этом сверяться с картой. Я еду по незнакомому городу в плохую погоду в тёмное время суток, и совершенно не хочу попасть в аварию или иметь неприятности с полицией. В-третьих, вы были вполне способны подавать сигналы не глазами, а голосом...

– Я думала, вы более галантный мужчина, – вздохнула фрау. – Иногда вы бываете совершенно невыносимы.

Власов промолчал.

– Этот Рональдс – самодовольный хам, – заявила Франциска.

– Обычный американец, – не согласился Фридрих.

– Я что, не знаю, какие бывают американцы? – тут же полезла в спор журналистка. – Это очень милые, жизнерадостные, остроумные люди.

– Вы, однако, почему-то не назвали их воспитанными, – отметил Власов.

– Ну, если под воспитанностью понимать нашу дойчскую чопорность и неумение расслабиться... – попыталась возразить фрау Галле.

– Умение расслабиться – замечательная вещь, но как насчёт умения собраться? – Власов перешёл в другой ряд: на экранчике мерцал знак поворота.

– Когда надо, они умеют собираться. В конце концов, они построили величайшую в мире страну, – журналистка почувствовала себя увереннее, перейдя на почву привычных штампов. – И при этом построили легко, без этой нашей звериной серьёзности, без этого вечного застывшего усилия на лице... Современная Америка возводилась под музыку "Битлз"... – она слегка зевнула.

Власов вырулил по сложной развязке, убедился, что съехал куда надо, потом ответил:

– Музыка "Битлз" – на мой взгляд, ничего из себя не представляющая по сравнению с нашим Веберном или хотя бы Штокхаузеном, – это, конечно, могучая сила. Но не будем забывать о грубой реальности. Америка и Англия, в отличие от стран континентальной Европы, почти не воевали на своей территории. Ну, британцам, по крайней мере, пришлось иметь дело с воздушными налетами и нашей, увы, неудачной попыткой высадки в сорок пятом – хотя с тем, что творилось на континенте, это не сравнить. А на территорию США вообще за весь XX век не упало ни одной бомбы. Точнее, упала одна, занесенная на японском неуправляемом воздушном шаре и не причинившая никакого вреда... Так что все богатства, награбленные в ходе европейских войн, беспрепятственно стекались туда...

– Пропаганда, – механически отреагировала журналистка, – призванная скрыть собственные промахи и ошибки.

– Вы начинаете говорить языком своих статей, – недовольно заметил Фридрих. – Я сегодня уже сыт по горло политическими спорами. Давайте сменим тему... или спокойно помолчим.

Молчать фрау Галле не хотелось.

– Мне кажется, – начала она, – Микки стало лучше. Он такой спокойный... И много спит. Бабушка Берта ему заваривает чай из каких-то травок. Успокаивающий. Он на него очень хорошо действует.

– Полюбопытствуйте, что это за травки, – проворчал Власов. Про себя он подумал, что старая Берта – которую Франциска уже стала называть "бабушкой" – скорее всего, держит мальчика на сильных успокаивающих, перемежая их со снотворным. Наверняка мальчику это не очень полезно – но Берта вряд ли думает о его здоровье... или о чьём бы то ни было, кроме своего собственного.

– Берта – очень милая старуха, – продолжала чесать языком Франциска. – С ней, правда, очень тяжело общаться. Она совершенно глухая. И ещё она курит, но мне это почти не мешает. У нас многие этим... балуются, – призналась она. – Но зато она так бережно относится к Микки! И готовит прекрасный кофе. Мне не нравится Москва, но в этом доме я чувствую себя в безопасности...

– Вы уверены? – не удержался Власов.

– Я разбираюсь в людях, – уверенно заявила фрау.

Навигатор издал возмущённый писк: машина проскочила нужный поворот. Возвращаться пришлось по сложному маршруту с проездом через какие-то тёмные дворы. Фридрих полностью сосредоточился на дороге и довольно невежливо прервал фрау, попытавшуюся было возобновить разговор. Та решила обидеться и замолчала совсем.

Зато, выбравшись из дорожной ловушки, Власов попал в "зелёную волну" светофоров. Дорога, в виде исключения, была относительно свободна, так что ехать можно было практически без остановок.

Абстрагировавшись от недовольно сопящей женщины на соседнем сиденье, Фридрих позволил себе вернуться к своим размышлениям.

О разбитом целленхёрере и телефонном звонке думать больше не хотелось: всё, что мог сделать Власов в этой ситуации – как можно скорее известить Никонова о происшествии и отдать ему аппаратик. Разумеется, с условием: держать его, Фридриха, в курсе дела...

Потом его мысли приобрели более абстрактный оттенок. Всплыли – и не хотели идти прочь из головы – слова американца о победе и поражении в споре. Надо признать, решил Власов, что определённый смысл в них есть. В самом деле, что толку быть правым, если твоя правота отвращает слушателя и настраивает его против истины? Не стоит ли и в самом деле подслащивать пилюли? С другой стороны, сколько ни добавляй сахара в целебную микстуру, она всё равно не будет столь же сладкой, как чистая патока... Вообще говоря, – решил про себя Фридрих, – дойчи не умеют одного: убедительно лгать. Они всегда проигрывали в этом важном умении тем же англосаксам (которых, похоже, вообще не интересует истина). Это признавал даже Хитлер, призывавший учиться пропаганде у англичан. Власов вспомнил о различии между юридическими системами Райха и западного блока. Дойчская правовая система основана на понятии объективной истины, дело суда – её установить. Англосаксонское же "общее право" понимает процесс как судебный поединок: его выигрывает тот, кто продемонстрировал лучшее ораторское искусство, чем его противник. Умение выдать черное за белое вызывает восхищение; чем

тяжелее преступление и несомненнее вина, тем большим авторитетом пользуется адвокат, добившийся оправдательного приговора заведомому душегубу, и тем больший гонорар он получает, словно бы сделал чрезвычайно полезное для общества дело. Либеральные демагоги любят сравнивать профессии адвоката и врача, который-де тоже должен оказывать помощь независимо от моральных качеств и заслуг пациента. Однако ни один настоящий врач не доказывает, что больной якобы здоров и должен быть выпущен из инфекционного отделения или сумасшедшего дома... Похожая ситуация и в образовании: дойчская система – опять же так или иначе воспринятая континентальными европейскими народами, включая Россию, – предполагает усвоение объективной истины, когда учитель говорит, а ученики слушают. В западных же школах и университетах центром образовательного процесса является обучение полемике. Или, скажем, отношение к торговле: дойчи считают важнейшим фактором качество продукции, которое говорит само за себя, а скунсы во главу угла ставят рекламу. В результате, – мысль Фридриха потекла по привычному руслу, – обе великие цивилизации Европы пришли к противоположным политическим системам: национал-социализму, основанному на научной антропологии и расовой биологии, и западной плутократии, основанной на изощрённой манипуляции мнением толпы...

Уже подъезжая к дому на Бутырском Валу, он вспомнил старухино "вы придёте ещё". Интересно, будет ли у него повод к этому визиту? Старуха прекрасно знает всю местную либеральную тусовку – благо, работает по ней много лет. Но согласится ли она сотрудничать? И если да, то на каких условиях? Хм, а может быть, задействовать покладистого майора? Но тут опять встаёт вопрос об условиях... Как ни крути, – решил он, паркуясь, – сначала нужно получить информацию о погибшем, а потом уже что-то решать.

Фрау Галле вышла из машины, не попрощавшись. Фридриха это вполне устроило: дуться и (подумать только!) ревновать она может сколько угодно, все равно деваться ей теперь некуда.

Вернувшись к себе, Власов для начала занялся своим трофеем. Криминалистическую экспертизу на дому он провести не мог, да и не собирался. Однако он заново просканировал микросхему в аппаратике, узнал её уникальный номер и сохранил все эти сведения у себя в нотицблоке. Вряд ли эта информация будет ему чем-то полезна, но всё-таки. Записи звонков он тоже скопировал на нотицблок.

Дальше он сосредоточился на том, что хотел бы узнать у Никонова. Первым делом хорошо бы получить сводку происшествий по городу. Вообще говоря, такие вещи в ведении крипо. Впрочем, весьма вероятно, что как раз та смерть, которая его интересует, уже и без просьб извне попала в поле зрения ДГБ. В таком случае, неплохо будет, если он сам продемонстрирует определенную осведомленность – тогда шансов, что майор скажет правду (и возможно даже всю правду) намного больше. Едва ли по каналам Управления уже есть какая-то оперативная информация, значит, надо реконструировать происшествие по фразе из трех слов. "Наш друг умер", – сказал Эдик. Не "найден мертвым". Значит, смерть, скорее всего, произошла на глазах у каких-то свидетелей – или таковые подоспели сразу после. И это не был, скажем, сердечный приступ: от внимания Фридриха не укрылась пауза, когда Эдик заменил нейтральным "умер" готовое вырваться слово. Итак, смерть была насильственной. Или, возможно, закамуфлированной под несчастный случай. Какая-нибудь упавшая с погруженной во тьму крыши сосулька. Вполне реальная опасность при такой слякотной погоде... Или машина. Занесло на скользкой дороге.

Бывают варианты поизящнее – когда срывается с тормозов и скользит под горку тяжелый грузовик. В кабине никого нет, никто не виноват... хотя либералы, конечно же, сразу заподозрят руку ДГБ. Фридрих, однако, изрядно сомневался, что Департамент к этому причастен. Хотя отдельные его сотрудники, действующие ради собственных целей – может быть.

Раз уж выпал случай побеспокоить майора, о чем его еще спросить? Фридрих вспомнил о телефонах, переснятых из записной книжки Франциски. Надо бы ими заняться. Хотя вряд ли, конечно, там что-то существенное... И вот еще что – Марта. Похоже, случайная встреча в троллейбусе оборачивается все-таки на пользу. Марта, пожалуй, единственный человек в либеральной тусовке, которого он может без опасений расспросить о Вебере. Видела ли она его неделю назад или, может быть, раньше... Впрочем, возможно, о визитах туда Вебера известно не только либералам?

Фридрих взял трубку и выбрал из памяти аппарата номер Никонова.

Майор отозвался далеко не с первого звонка – Фридрих собирался уже дать отбой – причем отозвался недовольным голосом человека, которого отрывают от важного занятия. Но, услышав, кто звонит, сменил тон на деловитый:

– Сейчас я перезвоню вам.

– Конечно, – согласился Фридрих, разрывая связь. Предосторожность вполне разумная – так Никонов будет уверен, что говорит действительно с Власовым.

Через минуту целленхёрер выдал первые такты песни про Катюшу.

– Прошу прощения, что вынужден снова беспокоить вас, майор. У меня есть срочная информация для вас. Точнее, для отдела по борьбе с наркотиками.

– Вот как? Слушаю вас внимательно, – сказал майор.

Власов вкратце изложил свою историю. Майор почти не перебивал, только в самом конце задал вопрос, точно ли Фридрих уверен, что слышал голос самого Спаде.

– Мне нужна эта трубка. Прямо сейчас, – даже не пытаясь быть вежливым, заявил Никонов, когда Власов закончил. – Не выходите из квартиры. К вам уже едут.

– Нет, – решительно произнес Фридрих. – Давайте так: я вызову своего человека, он встретится с вашим.

– Как говорят деловые люди, к чему нам лишние посредники? Лучше я сам приеду к вам.

– Хорошо, – сдался Фридрих. – Адрес знаете? Впрочем, понимаю, вопрос риторический.

Никонов удовлетворенно хмыкнул.

– Значит, я выезжаю, – деловито сказал он. – У вас ещё есть какие-нибудь сюрпризы?

– Только просьбы и вопросы, – признался Власов. – Мне нужно кое-что выяснить. Вы, полагаю, уже располагаете информацией о сегодняшнем убийстве?

– Убийстве? Каком убийстве? – весьма натурально удивился Никонов.

– По-моему, в Москве совершается не так уж много убийств, – усмехнулся Власов. – Мы же не в Нью-Йорке каком-нибудь. Хотя, в последнее время... Хорошо, если вам нужны уточнения, я имею в виду убийство, совершенное около 18: 40. Жертвою которого стал видный деятель либеральной оппозиции.

– А, вы про самоубийство этого типа... Носика, – "догадался" майор. Подчеркивать голосом "само-" он, однако, не стал, и Фридрих понял, что Никонов не будет настаивать на официальной версии. – Вообще-то, не такой уж он и видный, в последнее время он

практически отошел от дел. Статейки, конечно, все еще пописывал, но довольно беззубые. Не то что лет тридцать назад... Но вашему ведомству он известен лучше, чем нам, не так ли?

Ах вот оно что. Названное имя ничего не говорило Фридриху, но из штрихов моментально сложилась картина: явно юдская фамилия, сроки, ссылка на Управление, занимавшееся им там, куда не мог или не хотел дотянуться ДГБ... Визенталевец, недобитый во время Фолшпиля. И всплывший теперь в России под личиной "отвергающего насильственные методы" демократа. Забавно.

– Разумеется, – ответил вслух Фридрих. – Но лично я по нему не работал, придется копаться в архивах, – теперь, когда он узнал, о ком речь, уже не было нужды изображать суперосведомленность. – Так что, майор, если вам не трудно, напомните вкратце, что это за птица.

– При встрече, – отрезал Никонов. – Когда трубка будет у меня. Ждите, я быстро.

До приезда майора Власов решил сделать кое-какие неотложные дела. Для начала он позвонил Лемке. Тот отозвался сразу. Судя по звукам, которые доносились из трубки, он проводил время в каком-то заведении. Впрочем, сколько бы пива он ни выпил, голос у него был трезвый. Маленький оперативник попросил три минуты на то, чтобы перезвонить из "более удобного места". Звонок и в самом деле последовал через три минуты. На этот раз в трубку полез уличный шум.

Как выяснилось, адрес демократического логова был ему известен (что неудивительно), однако "едва ли наш друг (так в телефонном разговоре Лемке поименовал Вебера) там бывал". "Впрочем", – добавил он, "гарантировать не могу, он мне, сами понимаете, не докладывал". Не бывал там и сам Лемке, а лишь использовал чужую оперативную информацию.

Оставалась ещё надежда на Марту. Но как ее найти? Никаких координат она не оставила, не разъезжать же целыми днями в троллейбусе... Можно, конечно, и тут попросить Никонова: получить список контролеров, работающих на центральных маршрутах, тому не так уж сложно. Но эта идея Фридриху не понравилась. Он помнил, что Марта – дочь некоего высокопоставленного военного. На основании проявленного к ней интереса Никонов – и, возможно, те, кто за ним стоят – могут сделать далеко идущие и неверные выводы. Чего Власову отнюдь не хотелось.

Да и, кстати, какие далеко идущие выводы сделает сама Марта, если он все же найдет ее телефон и позвонит? Даже если подозрения фрау Галле вздорны, девушка, которой звонит неизвестно как разыскавший ее мужчина, может подумать... Да пусть думает, что угодно, если это пойдет на пользу делу. Может, впрочем, и не пойти, если она заподозрит в нем, сумевшем найти ее координаты, сотрудника спецслужб. Либералам ведь всюду мерещатся правительственные агенты...

Тут Власов вспомнил, что при их первой встрече Марта сама предлагала, если что, обращаться к ней за помощью. Точнее, не персонально к ней, а к московским фольксдойчам. Обращаться, очевидно, не посреди улицы: наверняка у них есть свое представительство и свой плац в REINe... Вполне возможно, что на этом плаце удастся отыскать и координаты Марты, особенно если она входит в число активистов землячества.

Найти в Сети плац московского землячества оказалось делом нескольких секунд. Парадная страница, украшенная двумя орлами, живо напомнила Фридриху вывеску булочной на Тверской; как видно, райнаусштатунгер плаца пришел в свое время к тому же выводу, что и господин Розанов. Увы, в разделе "Контакты" никого похожего на Марту

обнаружить не удалось; аусштатунгером или райнмайстером плаца она также не была. Что, впрочем, было неудивительно, учитывая ее юный возраст и оппозиционные убеждения; в качестве лица фольксдойчей Москвы выступали куда более солидные господа. Хуже было то, что, вопреки надеждам Фридриха, на плаце не оказалось ничего вроде общей адресной книги членов землячества. Правда, одна из ссылок вела на каталог ресурсов московских фольков. Несмотря на внушительную численность самого землячества, каталог был пока что невелик: бурное развитие Сети в России началось недавно, хотя и опережало американское, где своими плацами (скунсы, не желавшие признавать ничего дойчского, именовали их "сайтами") пока что обзавелись, главным образом, некоторые научные институты и правительственные учреждения – правда, в последние месяцы эту область начали осваивать и так называемые общественные организации, порою весьма сомнительного свойства.

Без особой надежды Фридрих запустил поиск: вполне вероятно, что у московской студентки есть свой аншрифт электронной почты – не домашний, так институтский, но едва ли она успела завести собственный плац. Правда, судя по мельком виденному Власовым конспекту, училась она все же по какой-то технической специальности...

Поиск выдал шесть персональных штелок, принадлежавших различным Мартам. К радости Фридриха, пройдя по пятой из ссылок, он увидел знакомое лицо. Марта Шварценеггер, 1972 года рождения; с фотографии, впрочем, улыбалась совсем юная девушка, едва ли старше шестнадцати. Быстро просмотрев прочую информацию на штелке – ее оказалось совсем немного, это была типичная домашняя страничка подростка, впервые попавшего в Сеть и жаждущего заявить о себе, несмотря на то, что сказать ему, по сути, нечего – Фридрих понял, что штелка не обновлялась уже несколько лет. Интересно, что сделана она была в те времена, когда первые плацы только появлялись, а REIN для многих в России оставалась дорогой и недоступной экзотикой. Ну конечно – богатый и влиятельный папа обеспечил дочке новомодную игрушку... тогда, как видно, отношения между ними были лучше. Фридрих задержал взгляд на семейной фотографии. Отец девушки был снят в штатском, и все же, глядя на квадратную челюсть херра Шварценеггера, Фридрих подумал, что отчасти понимает Марту. Такое лицо идеально годится, чтобы посылать солдат в атаку под шквальным огнем или допрашивать пленного, но не чтобы говорить по душам с родной дочерью. Зато военная карьера Шварценеггера, очевидно, складывалась блестяще: на фото он выглядел лет на сорок, значит, теперь ему, самое большее, сорок пять... меж тем из общения с Мартой Фридрих вынес твердое убеждение, что ее отец если не генерал, то уж наверняка оберст, возглавляющий какое-нибудь весьма специфическое подразделение. Перед которым многие генералы стоят навытяжку. Представить это лицо улыбающимся было вообще сложно. Попади оно в американские газеты, его наверняка сопроводили бы подписью типа "звериный оскал нацизма".

Никакой крамолы на штелке, конечно, не было – даже если Марта и имела в те годы внятные политические убеждения (что вряд ли), она бы наверняка не решилась вывешивать в сети ничего неблагонадежного, тем более за папин счет. В отличие от западного "интернета", REIN исключает возможность анонимного доступа, и всякий ее пользователь отвечает за размещаемые им материалы. Фридрих не сомневался, что основанный на анонимных протоколах "интернет" превратится в помойку очень быстро, как только вслед за организациями его освоят частные лица. Он подумал об удивительной точности названий обеих сетей: слово rein, совпадающее с аббревиатурой Единой

Информационной Сети Райхсраума, означает "чистый, безопасный, аккуратный, правдивый, добросовестный, квалифицированный". В то время как сами американцы уже сейчас именуют свою сеть "всемирной паутиной" – вот уж воистину, даже имперская пропаганда не придумала бы термина лучше.

Зато самое важное на штелке Марты имелось – крупная строчка "Пишите мне!" и изображение конвертика, щелкнув по которому, Фридрих загрузил в почтовую программу аншрифт электронной почты. Не было, конечно, никакой гарантии, что он все еще актуален, но вдруг... Власов на минуту задумался над формулировками, немного поколебался в выборе языка и остановился все-таки на русском.

"Здравствуйте, Марта. Мне показалось, что мы сегодня не договорили. Не скрою, есть и более серьезная причина, заставившая меня найти ваш аншрифт в REIN. Помните, во время нашей первой встречи в троллейбусе вы предлагали, в случае чего, обращаться к вам за помощью? (О это удобное "вам", могущее означать и "вам, фолькам", и "вам лично"! Правда, в русском во втором случае рекомендовалось писать "Вам" с большой буквы, но Фридрих знал, что правило это нестрогое и сохраняется лишь в официальной переписке). Мне действительно понадобилась помощь. Подробности объясню при личной встрече. Мы могли бы встретиться завтра, 9.02? Это не займет много времени и не свяжет вас лишними обязательствами. Фридрих".

Пожалуй, это заинтригует ее, но не испугает. Власов нажал "Отправить". Несколько минут подождал, не придет ли отлуп от почтового береха. Нет, отлупа не было – значит, такой аншрифт все еще существовал. Вопрос лишь в том, как часто Марта его проверяет, и проверяет ли вообще. Что ж, даже если она не откликнется, он, по крайней мере, теперь знает ее фамилию и, возможно, сможет узнать телефон и без помощи Никонова.

Майор приехал и в самом деле быстро. Вид у него был взбудораженный. Фридриху бросилось в глаза, что вместо серого мундира на нём был роскошный белый костюм, а галстук был заколот золотой булавкой с жемчужиной. Верхней одежды на нём не было (или он оставил её в машине), на плечах таяли снежинки. Похоже, звонок Власова застал его на каком-то торжественном мероприятии.

С праздничным нарядом контрастировал чёрный чемоданчик казённого вида, который Никонов нёс с собой.

– Был на свадьбе, – подтвердил его догадку майор. – Друг женится... Я немного выпил, – слегка извиняющимся голосом сказал он, – но это неважно. Где трубка?

Власов показал на стол, где лежал разбитый "Бош".

Майор открыл чемонанчик, в котором оказался набор инструментов. Приглядевшись, Фридрих понял, что это оперативная мини-лаборатория. Похоже, расторопный Никонов успел послать кого-то за специальным оборудованием. Власов вздохнул: похоже, вокруг "точки С" возникла какая-то нехорошая суета.

Никонов сперва осмотрел корпус трубки через сильную лупу, затем достал короткий проводок с двумя разъёмами на концах и переписал звонки на портативный накопитель. Несколько раз прослушал их через встроенный динамик привода накопителя, после чего осторожно уложил трубку в пластиковый контейнер.

– Очень хорошо, – заключил он, убирая всё в чемоданчик. – Сегодня же отдам ребятам в лаборатории. Снимем пальчики, пробьём схему... найдём.

– Держите меня в курсе дела, – напомнил Власов. – Завтра я позвоню...

– Разумеется, – охотно согласился майор. – Вся информация по этому вопросу

будет вам предоставляться по мере её получения. В конце концов, вам удалось дважды выйти на Спаде. Похоже, у вас лёгкая рука, – последнюю фразу он, впрочем, произнёс с лёгким сомнением в голосе.

– Похоже, – сказал Фридрих, подумав, – Спаде как-то связан с тем, чем я занимаюсь. Вы просто не подходили к нему с этой стороны...

– Политика? Исключено, – решительно заявил Никонов. – Этот тип интересуется только деньгами... Хотя... Если в политике вдруг появятся деньги... Но это всё предположения. Кажется, вы что-то хотели у меня выяснить?

– Убийство, – напомнил Власов. – Сегодняшее убийство.

– Ах да, Носик... Что вас интересует?

– Для начала – биографические данные.

– В принципе, все это можно найти в открытых источниках... Носик, он же Аркадий Борисов...

– Борисов – псевдоним? – уточнил для проформы Власов.

– Нет, настоящая фамилия.

– Любопытно. Обычно юде скрывают свое происхождение за русскими фамилиями, а тут что же – наоборот?

– Нет, он действительно юде, и действительно Борисов. В России встречаются и не такие сочетания... Хотя полагаю, русская фамилия не раз помогала ему в начале карьеры. Окончил филфак МГУ, в конце пятидесятых – начале шестидесятых даже преподавал... уже тогда был идейным врагом национал-социализма, причем не ратовал за легальные методы борьбы. Собственно, легальных методов борьбы в те годы просто не существовало... Сколотил кружок из числа своих студентов, один из которых, естественно, его и сдал. Зато другой успел предупредить. Борисов бежал, был объявлен во всероссийский розыск, но безуспешно. В конце концов, думаю, не без помощи знаменитой юдской солидарности, объявился за границей. Нидерланды, США, Латинская Америка... ну, вы знаете. Много за ним в те годы делов числилось, по большей части, правда, недоказанных, посему запросы на выдачу оставались без результата... ну, нам-то он не так чтобы и нужен был, у нас и дома дел хватало. Мало ли кого он там на другом конце света взрывает... А вот другие им очень даже интересовались. Так, что очень ему сделалось жарко от этого интереса, – Фридрих понял, что под словом "другие" скрывается не только Управление, и Никонов не замедлил подтвердить его догадку: – В конце концов его любовница вдруг прониклась идеей о жизни на исторической родине. Хватит, мол, бегать по всему миру, настоящие йехудим должны жить на земле обетованной и все такое. Ну и он купился, как пацаненок. Приехал в Израиль, под чужим, конечно, именем – хе! – тут-то его и взяли военные. Светило ему поначалу пожизненное, потом, учитывая, что воевал он в основном все же против дойчей, скостили до двадцати... а потом вдруг выпустили через шесть лет. За примерное поведение.

Никонов даже не стал скрывать издевку, но Власов, разумеется, и без того понял, о каком "примерном поведении" речь. Когда террориста, за которым АМАН охотился по всему миру, выпускают на свободу, это может означать только одно: он сдал еще более крупную фигуру. Возможно даже не одну. И, конечно же, понимал это не только Власов.

Непонятно вообще, на что рассчитывал господин Борисов-Носик. Даже странно, что до него добрались только сейчас.

– После освобождения в восемьдесят третьем он был депортирован из Израиля, – продолжал Никонов. – Вернулся в Россию. – (И это понятно, мысленно кивнул Фридрих.

В любой из стран "свободного мира" добраться до него было бы проще. Не говоря уже о том, что после Фолшпиля эти страны обычно не горели желанием привечать у себя визенталевцев. Интереснее другое: зачем его впустила Россия? Да еще и зачла израильскую отсидку, очевидно – не стала поднимать прежние дела. В качестве живца, в ожидании гостей? Ну и где были эти рыболовы сегодня вечером?) – В первое время сидел тише воды, ниже травы. Потом понемногу оклемался и осмелел. Начал заводить дружбу с диссидентами, статейки пописывать... Но теперь уже, конечно, ни о каком терроре и не заикался. Исключительно "мирные демократические методы"...

У Фридриха мелькнула мысль, что эти самые статейки Носик мог пописывать не только и не столько потому, что продолжал считать себя идейным борцом с режимом. Власову доводилось иметь дело с такими субъектами; как правило, это были совершенно сломленные люди, ни о какой дальнейшей борьбе не помышляющие. И даже не в гонорарах за статьи дело: полулегальные и нелегальные оппозиционные издания едва ли платили много, некоторые, вероятно, вообще ничего. Нет, весьма вероятно, что маленький испуганный человечек специально провоцировал внимание к своей персоне со стороны Департамента – в надежде, что слежка убережет его от тех, кого он боялся больше, чем ДГБ, РСХА и АМАНа, вместе взятых.

Не уберегла. Собственно, акции, которые по соглашению с Управлением все еще позволено было совершать Центру Визенталя, чаще всего были как раз такого характера. Но ДГБ не был участником этого соглашения...

– Майор, не подумайте, что я хочу бросить тень на ваш мундир, но как могло случиться, что убийцу Борисова ждали столько лет и проворонили?

– Во-первых, я ничего не говорил об убийстве, – живо возразил Никонов, но живость эта выглядела наигранной. – Борисов спрыгнул с крыши, старушка с первого этажа видела, как он упал.

– Видела, как он прыгал?

– Нет, только удар об асфальт.

– В таком случае откуда следует, что его не столкнули?

– У края крыши был снег. И на нем – следы только одного человека. Кроме того, в квартире Борисова найдена предсмертная записка. Надо, конечно, дождаться официального заключения графолога, но предварительно – подпись его.

– Под дулом пистолета можно написать, что угодно... Вы говорите, снег у края – значит, не на всей крыше?

– Возле люка, ведущего с чердака, снег был расчищен, – признал Никонов. Чуть помедлив, он добавил: – Есть и более странное обстоятельство. Борисов был в носках. Обувь не свалилась во время падения – он в таком виде вышел из своей квартиры, его туфли и ботинки там. Следы на крыше это тоже подтверждают.

– Да, погода не самая подходящая для прогулок босиком, – согласился Власов. – Даже самоубийцы в последние минуты жизни обычно не хотят испытывать дискомфорт. Анализ крови, как я понимаю, еще не готов?

– Пока нет.

– Но, майор, вы ведь не верите всерьез, что он не покажет ничего интересного?

– Я практически уверен, что он покажет какую-нибудь дрянь, – не стал спорить Никонов. – И что официальное заключение о смерти будет – самоубийство в состоянии наркотического опьянения. Мотивы у него, согласитесь, были – и для того, и для другого.

Да, подумал Фридрих, жизнь в состоянии вечного страха – это вполне себе мотив.

Неудивительно, что звонок о его смерти поступил так быстро. Он, должно быть, не раз надоедал своим друзьям разговорами о грозящей ему опасности и отдавал распоряжения на случай своей гибели... Интересно, как его диссиденты-то терпели? Он ведь для них, что ни говори, предатель, "стукач". Впрочем, предал-то он террористов, а ныне общался со сторонниками ненасильственной борьбы. Хотя многие из этих господ очень быстро забывают о своих принципах, когда речь заходит не о насилии государства над преступником, а о насилии очередного "борца за идею", аргументирующего свою позицию пулями и гексогеном. Сами они, конечно, такие методы отвергают, но их моральная поддержка будет отнюдь не на стороне жертв террориста. Тут со времен XIX века, с русских присяжных, оправдавших террористку Засулич, ничего не изменилось. Даже морская свинка обучается на своих ошибках, но эти – нет. Требование снова ввести суд присяжных – одно из ключевых в программах нынешних либералов. Какой идиотизм – доверять решение дел, в том числе важнейших, где речь о жизни и смерти, кучке заведомых непрофессионалов, руководствующихся эмоциями...

– Основания основаниями, но вы ведь не думаете, что он сделал это сам, – произнес Фридрих без вопросительной интонации.

Майор промолчал.

– Что возвращает нас к моему вопросу, – напомнил Власов. – Вы сказали "во-первых", значит, есть и "во-вторых"?

– Фридрих Андреевич, ну не мне вам объяснять, что полный круглосуточный контроль над объектом – достаточно дорогое удовольствие, – попробовал вывернуться майор. – Особенно скрытный. Такую честь, знаете ли, надо еще заслужить. Борисов – не заслуживал. В первое время, конечно, за ним приглядывали... год, другой, третий... сколько можно? Все уже уверились, что никому он не нужен и не интересен. Ну и, некоторым образом, расслабились.

Власов подумал, что сотрудники Департамента в России вообще слишком склонны расслабляться, чувствовать себя не подтянутыми сторожевыми псами, а вальяжными и раскормленными хозяйскими любимцами... если не хозяевами как таковыми. В результате сегодня вечером кто-то упустил лишнюю звезду на погоны, а то и крест на грудь. Ибо Фридрих догадывался, кому именно спустя столько лет мог стать нужен и интересен бывший визенталевец. Впрочем, ДГБ не знал, что Зайн в Москве. Или все же верна гипотеза, упомянутая Эберлингом, и Департамент – точнее даже, кое-кто в Департаменте – отлично это знал? И позволил Зайну свести между делом старые счеты, попутно укрепив у того уверенность в собственной безопасности... Возможно ли, что Зайна ведут? Может быть, ведут как раз с его визита к Борисову? И может ли Никонов быть в курсе? Вот последнее, кажется, вряд ли. Иначе он не стал бы фактически подтверждать версию убийства. Никто ведь не тянул его за язык рассказывать, к примеру, о носках...

Может быть, конечно, это и не Зайн. Может, кто-то еще из недобитых юдских террористов проник в Россию в последнее время, хотя такое совпадение выглядит слишком маловероятным. Так или иначе, как именно был убит Борисов? Уж наверное его не заставили спрыгнуть под дулом пистолета. Он бы предпочел смерть от пули, как более быструю и менее мучительную, чем от падения с высоты. Значит, его все же чем-то накачали. Чем-то, что заставило его целенаправленно подойти к краю и спрыгнуть, а не просто пьяно шататься по крыше...

– Так что вы обо всём этом думаете? – прервал его размышления майор.

– Знаете что, – отозвался Фридрих, – я и до заключения эксперта могу сказать, что

найдут у него в крови. Препарат, подавляющий волю, и в то же время используемый, как наркотик. Мне думается, это будет штрик.

– Существуют и другие психотропные препараты, – заметил Никонов.

– Да, – согласился Фридрих, – но интуиция подсказывает мне именно этот.

– Что ж, проверим вашу интуицию, – усмехнулся майор. – У вас есть что-нибудь еще?

– Да, еще небольшой вопрос, – подтвердил Власов. – Насчет фрау Галле. Полагаю, при аресте ее личные вещи были внимательно изучены, в том числе записная книжка. Там есть несколько московских телефонов... может быть, у вас есть по ним какая-нибудь интересная информация?

– Вроде бы ничего такого. Отель, городские службы... ну и кое-кто из местных диссидентов, конечно. Не из верхушки. И никого из тех, кого бы мы не знали. Откровенно говоря, мы даже не ожидали такого слабого улова, – признал он. – Некоторые телефоны очень старые, по ним уже давно никого нельзя найти. Такое впечатление, что она плохо подготовилась к этой поездке, – заключил он. – Она ведь приехала по редакционному заданию?

– Да, – сказал Фридрих, переваривая новости. – Ясно. Спасибо. Вы дадите мне знать, если моя гипотеза насчет штрика подтвердится? И если она не подтвердится, тоже.

– Непременно, – заверил Никонов, – непременно. А сейчас, извините, мне пора...

Власов проводил майора до двери. Вернулся, подсоединил свой целленхёрер к нотицблоку и вывел на экран страницы записной книжки. Нашёл свой телефон. После чего запустил программу анализа почерка.

Результат был получен достаточно быстро и почти не удивил Власова. С вероятностью 72% его собственный телефон, внесённый рукой фрау Галле, и все остальные тексты в книжке были написаны разными людьми. Исключение составляли несколько строчек под буквой "Z".

Это значило, что ушлая журналистка прилетела в Москву с чужой записной книжкой. Старой записной книжкой. Взятой у кого-то в редакции. Или... или попросту краденой? Фрау уже продемонстрировала своё отношение к законности и правопорядку, вломившись в чужую квартиру. Позаимствовать из стола коллеги по редакции книжицу с московскими телефонами – пустяк, не стоящий внимания...

Фридрих почувствовал, что он близок к разгадке. Что это за таинственное редакционное задание, о котором фрау так красноречиво молчит? Полноте, да было ли оно вообще? Нет, не то: журналистка и в самом деле приехала сюда не только встретиться с таинственным дедом Микки, но и за чем-то ещё – в этом он не сомневался. Хорошо, допустим, задание существует. Или даже не так: есть какой-то повод, какой-то важный резон для либеральной журналистки находиться именно здесь и именно сейчас. Возможно, она что-то узнала... что-то такое, что, по её мнению, "Либерализирунг" просто обязана напечатать. Или не "Либерализирунг"? Госпожа Галле не скрывает, что хочет перебраться на Запад... В Москве ожидается какое-то событие? Да, похоже на то. Но Франциска Галле – плохой журналист. И прежде всего – плохой репортёр. Её конёк – абстрактные рассуждения на общие темы. Нет, сколько-нибудь грамотный редактор никогда не пошлёт её освещать что-нибудь важное. Значит, это её собственная инициатива. Она, полетев в Москву, поставила всех своих коллег перед фактом... В таком случае понятно желание её остановить... и, возможно, даже извлечь из её эскапады пользу для либерального дела? Ну, например, пристроить её в российскую тюрьму? Но кто мог

позволить себе провокацию такого уровня? Достать штрик в Дойчлянде практически невозможно. Впрочем, смотря для кого...

Мягко зазвенел нотицблок: в почтовый ящик упало электронное письмо.

Фридрих заглянул в ящик. Это был ответ от Марты.

"С утра у меня две пары и потом я свободна, – писала девушка. – Мы могли бы встретится после полудня. У входа на станцию "Университет" вас устроит?"

Свой телефон она, однако, не указала. Фридрих счёл, что с её стороны это вполне разумная предосторожность.

Kapitel 24. 9 февраля, суббота, после полудня. Москва, окрестности станции подземки "Университет".

Припарковаться возле круглого, похожего на большую афишную тумбу выхода подземки было негде, и Фридриху пришлось проехать еще пару сотен метров, оставить там машину и возвращаться пешком. Не без раздражения он подумал, что Марта могла бы назначить встречу и непосредственно перед университетом, но тут же сообразил, что девушке, возможно, не хотелось встречаться с ним на глазах у одногруппников. Встреча была назначена на 12: 30; Власов прибыл с некоторым запасом, Марта же, похоже, запаздывала. Фридрих неприязненно поежился и поднял меховой воротник куртки: с утра подморозило, а он легкомысленно вышел из дома с непокрытой головой, рассчитывая, что будет ждать Марту в тепле своей машины. Фридрих вообще не любил шапок – ощущение чего-то, нахлобученного на волосы и лоб, раздражало его чисто физически. Единственным головным убором, в котором он чувствовал себя комфортно, был шлемофон.

Если не считать погоды (которая, похоже, была здесь мерзкой практически всегда и лишь являла свою мерзость в разных ипостасях), утро началось неплохо. Во-первых, позвонил Никонов и сообщил, что подозрение насчет штрика подтвердилось. Правда, подтверждалось и собственное предположение майора относительно дальнейших перспектив этого дела; как следовало из прозрачного намека Никонова, смерть Борисова собирались списать по статье "самоубийство" и замять как можно скорее. Что ж, это было понятно и ожидаемо: тем, кто упустил накануне Зайна – или, возможно, другую интересную фигуру – совсем не хотелось признавать свой прокол. Впрочем, оставалась и версия, что убийцу Борисова не тронули сознательно. Так или иначе, Никонов, похоже, был к этому не причастен и горел желанием поспособствовать установлению истины – однако не мог затевать самостоятельное расследование вопреки воле начальства. Что ж, значит, придется заняться этим Эберлингу и его оперативникам...

Фридрих спросил и о владельце целленхёрера.

– Отпечатки достаточно четкие, – ответил Никонов, – но в наших картотеках не значатся.

– И когда только в России введут всеобщее дактилоскопирование, – проворчал Власов. В Райхе это сделали еще четыре года назад, как только развитие рехнертехнологий позволило обрабатывать данные таких объемов.

– Вы же понимаете, это вопрос не только технический, – с досадой откликнулся Никонов.

Фридрих, конечно, понимал. Когда соответствующая мера принималась в Райхе, атлантисты выли на все голоса насчет "очередного витка нацистского полицейского террора". Хотя ни одному из этих голосов так и не удалось объяснить, как подобный

"террор" может повредить честным гражданам. Единственным последствием для них, как и следовало ожидать, стало дальнейшее снижение преступности. Но, надо признать, формированию и росту СЛС поднявшаяся тогда либеральная истерика тоже поспособствовала... Неужто российское правительство боится консолидации своей чахоточной оппозиции? Скорее, заигрывает с США, что тоже достаточно скверно...

– Номер зарегистрирован на другого человека, – продолжал меж тем майор. – Отпечатки не его, мы проверили. Говорит, что продал целленхёрер несколько месяцев назад, сменив вместе с трубкой и оператора; на счету еще оставались деньги, поэтому он сообщил покупателю свой прежний код. Такое практикуется. Покупателя, естественно, не знает, продавал через доску объявлений в REIN, видел один раз... Но с ним, разумеется, уже работают. Думаю, через несколько часов у нас будет пристойный фоторобот. Кроме того, мы подняли протоколы сотовой компании. Сами разговоры они, конечно, не писали, для этого нужен предварительный запрос, но у них автоматически фиксируется, через какие ретрансляторы идет каждый звонок. Дальше простой триангуляцией получаем положения в пространстве. Положений довольно много, этот ваш парень, похоже, любил кататься. Между прочим, не так давно он дважды переключался в вандерунг – катался в Бург... вам это интересно?

– Очень интересно, спасибо! – охотно поблагодарил Фридрих.

– ... Но в этой серии координат есть место, встречающееся чаще других. Очевидно, дом или работа. В общем, думаю, к вечеру мы его возьмем.

– Оперативно работаете, – похвалил Власов, посмотрев на часы; еще не было одиннадцати. Бедолагу, продавшего целленхёрер невесть кому, очевидно, подняли с постели среди ночи, и сейчас для него тянулись далеко не самые приятные сутки в его жизни... – Мне вы эти координаты, конечно, не скажете?

– Извините, нет, – твердо ответил Никонов. – Это наша операция. Но я дам вам знать, когда он будет у нас.

– Что ж, желаю успеха, – не стал спорить Фридрих. – Да, и еще одно – я что-то запамятовал фамилию вашего генерала...

– Так она же у вас записана, – весело откликнулся майор.

– Понял, – усмехнулся Фридрих. Никонов все же избегал напрямую подставлять начальство, тем более по телефону, но давал понять, что РСХА наверняка располагает собственным подробным досье на генерала.

Едва Власов положил трубку, позвонил Эберлинг; Фридрих как раз собирался звонить ему сам и порадовался такому совпадению. Хайнц сообщил, что Управление направило запрос ДГБ относительно операции по поиску Зайна (который, впрочем, все еще официально не назывался Зайном), и выслушал в ответ богатые новости Фридриха.

– Да, – заметил Эберлинг, – похоже, все больше нитей ведет в Бург. Я прямо жалею, что меня практически выдернули оттуда в Москву. Хотя это оказалось кстати, раз уж Зайн пожаловал сюда же, и мне приходится работать по нему... Но тебя здесь пока не удерживают?

– Думаешь, могут удержать? – от Власова, конечно же, не укрылось "пока".

– Не знаю, Фридрих... – вздохнул в трубку Эберлинг. – Я знаю только, что не успел толком распутать бургский клубок, который там, похоже, еще и не один, и что Зайн объявился здесь уже после того, как мне пришлось вернуться в Москву. Значит, либо причина моего отзыва была другой, либо о Зайне знали заранее. Как выражаются скунсы, оба варианта воняют, – он усмехнулся своему каламбуру.

– Первый – не обязательно, – возразил Фридрих.

– Да, конечно, – легко согласился Хайнц. – Будем исходить из того, что по крайней мере в тылу у нас порядок. И пока я в Москве, тебе не станут мешать навестить Петербург.

Слова друга о том, о чем Фридрих и сам уже не раз задумывался, конечно, подпортили настроение, но Власов решил гнать от себя неконструктивные мысли. Закончив разговор с Хайнцем, он соединился с берехом Управления и запросил досье на высший командный состав ДГБ. Как и намекал Никонов, знакомое лицо отыскалось среди хмурых генеральских фотографий быстро. Но когда Фридрих прочитал подпись под фотографией, то чуть не присвистнул от удивления. "Ф. Д. Бобков, генерал армии. Первый заместитель начальника Третьего отделения". Вот вам и "подполковник"...

Третье отделение Департамента в представлении обывателей и атлантистских "голосов" занималось исключительно борьбой с диссидентами, но на самом деле в его ведение входили не только кухонные болтуны, но и вообще внутренний враг в широком смысле, все, кто подрывали основы строя изнутри – от террористов красного и националистического толка, ныне практически изведенных, до наркоторговцев и развратников. В свое время, когда крипо находилась в подчинении ДГБ, Третье отделение вообще считалось самым могущественным в Департаменте. Во всяком случае, круг его интересов, а зачастую и возможностей, был заметно шире, чем у первых двух отделений, занимавшихся исключительно разведкой и контрразведкой. В ходе последней реорганизации полномочия "тройки" урезали, но все равно заместитель начальника такой структуры был очень важным человеком. Власову впору было гордиться, что такой человек удостоил его аудиенции.

Чего же, интересно, этот важный человек так боялся, что захотел лично беседовать с имперским посланцем?

Фридрих навел указатель на фотографию и надавил красную подушечку, загружая досье. Так, Бобков Филипп Денисович, родился 1.12.1925 на Украине... стало быть, недавно отпраздновал 65-летие, а выглядит бодрячком, легко можно дать на десять лет меньше... эвакуация в 1941, в 1942 работал строителем в Кемеровской области, был секретарем Ленинск-Кузнецкого горкома ВЛКСМ. (Фридриху вспомнилось его видение – Бобков в кабинете с красными знаменами – и он похвалил свою интуицию). В том же 42-м ушел добровольцем в Красную Армию, приписав себе два лишних года. Впоследствии всегда утверждал, что сделал это, дабы попасть на фронт, перейти на сторону освободительных войск и "бить красную гадину". Сделал это, однако, далеко не сразу – вероятно, весной 43-его (точных сведений не сохранилось). Воевал сначала против регулярных войск РККА, затем – против красных банд в Сибири. Можно предположить, что в Сибирь он подался из-за своей небезупречной биографии: в 43-ем комсомольских и партийных секретарей, даже бывших, не жаловали. Наконец в 1945 вновь объявился в Москве и был зачислен в школу офицеров контрразведки РОА. Тут, правда, всплыло его ударное комсомольское прошлое, но святой Георгий III степени и две нашивки за ранение перевесили грехи молодости. Член ПНВР с 1946 года. Непродолжительное время работал в военной контрразведке, но, не видя перспектив карьерного роста – практически все вакансии там были оккупированы более старшими офицерами РОА, белогвардейцами и фольксдойчами – попросился на знакомый с шестнадцати лет идеологический фронт. С тех пор делал карьеру в органах на ниве борьбы с идейными врагами, удивительно благополучным образом переживая все встряски, реорганизации и аппаратные интриги,

терзавшие российскую службу безопасности весь послевоенный период. Зарекомендовал себя как мастер вербовки и провокации. Имея, подобно многим безопасникам военного призыва, скудное образование, в особенности в гуманитарной области, долгие годы работал "по культуре", сделав своими агентами чуть ли не всех сколь-нибудь заметных представителей так называемой "творческой интеллигенции"; по неподтвержденным сведениям, лично завербовал будущего Президента РР Михалкова. Также "опекал" церковь, ввел практику поголовной вербовки выпускников центральных семинарий. Старательно работал над демонизацией своего образа в глазах потенциальных клиентов "тройки"; считался среди интеллигенции "страшным человеком" и потому не имел отказов в сотрудничестве. Немало сделал для увеличения силы и влияния Третьего отделения; добился передачи "тройке" ряда функций других отделений и присоединения к ней нескольких подразделений Департамента. Вместе с тем, при всех аппаратно-бюрократических успехах, реальные плоды деятельности господина Бобкова выглядели довольно сомнительно. Созданное им при "тройке" Аналитическое управление выдавало столь расплывчатые и неконкретные отчеты, что получило у коллег презрительные прозвища "гадалка" и "цыганское управление". Огромное же количество завербованных "стукачей" приносило больше вреда, чем пользы: крупицы действительно ценной информации терялись в мутном потоке вздорных сплетен и корыстных доносов. Наиболее эффективные подразделения "тройки" – в частности, курировавшие антитеррористическое и антинаркотическое направления – работали фактически автономно; возможно, Бобкова это не слишком устраивало, но, будучи лишь первым замом, он не имел достаточно власти, чтобы прибрать их к рукам. Ситуация могла измениться в восемьдесят пятом, когда кандидатура Бобкова рассматривалась на роль начальника Третьего отделения. Предположительно, ее завернул лично Мосюк. Дядюшка Лис, однако, не был бы собой, если бы не создал при этом у генерала твердой уверенности, что его кандидатуру отклонили в Берлине. С приходом нового начальника последовал новый удар – реорганизация, отобравшая у ДГБ и конкретно у "тройки" крипо. Все это, разумеется, толкнуло Бобкова в объятия русофилов-ортодоксов. Генерал, конечно, слишком осторожен, чтобы открыто пропагандировать антигерманские взгляды, как позволяет себе кое-кто из "патриотического крыла" ПНВ, но холодный прием, оказанный Власову, неудивителен. Итак, дойчей генерал не любит, не доверяет им и, вероятно, боится неприятностей с их стороны. Будучи сам мастером провокаций, он ждет того же и от других. Вполне возможно, что и дело Вебера, и дело Галле он воспринял именно в этом ключе, но сам, по крайней мере с этой стороны, чист... или все-таки нет? Всегда ли он так реагирует на посланцев РСХА, или есть причина, вынуждающая его опасаться именно сейчас? Хорошо бы выяснить, встречался ли он с Вебером... Стоп. А не был ли кабинет господина генерала – или, возможно, иное помещение в здании ДГБ – той самой "горой, не идущей к Магомету"? Местом предположительного рокового визита Вебера? Где-где, а там получить дозу редкого в Райхсрауме препарата было бы неудивительно...

Впрочем, сначала надо повидаться с Мартой и выяснить, что знает о Вебере она. Фридрих посмотрел на часы. Если ехать не торопясь, он как раз прибудет с небольшим запасом...

Фридрих бросил очередной взгляд на другую сторону улицы и, наконец, увидел девушку среди спешащих к переходу прохожих. Когда она ступила на край тротуара, зеленый уже предостерегающе мигал, но Марта не захотела ждать и бросилась бегом через дорогу. В этом она, впрочем, была не одинока. Противоположного тротуара бравые

пешеходы достигли, разумеется, уже на красный, под сердитое бибиканье трогающихся с места машин. Ну, допустим, Марта торопилась на встречу (часы показывали 12:38), но едва ли у всех участников забега были столь же спешные дела...

– Извините, – сказала девушка, торопливо подходя к Власову, – препод лекцию затянул, и потом, мне надо было от подруги отделаться, – она широко улыбнулась. – Ну, куда пойдем?

– Ко мне в машину, там будет удобно, – решительно произнес мечтающий о тепле Фридрих. В глазах Марты на мгновение мелькнула неуверенность. Учили ли ее никогда не садиться в машину к незнакомцу? Совсем не обязательно: Россия не Америка, преступления на сексуальной почве здесь исключительно редки. Правда, Марта – дочь достаточно непростого человека, и здесь у похитителей появляются совсем иные мотивы... Так или иначе, после секундной заминки она кивнула и последовала за Власовым.

Выходя из машины, он оставил печку включенной и теперь с удовольствием нырнул в прогретый салон. Девушка устроилась на правом сиденье и выжидательно посмотрела на Фридриха.

– Видите ли, Марта... – начал он, делая вид, что подбирает слова. На самом деле он, конечно, продумал легенду заранее. Кстати, особо фантазировать не пришлось – подходящая история прекрасно склеивалась из нескольких произошедших за последнее время событий. – У меня есть... был друг в Дойчлянде, журналист. Некоторое время назад он приехал работать в Россию. А на днях с ним случилось несчастье. Русская полиция утверждает, что это самоубийство, но я в это не верю, не мог он так поступить... Увы, я так и не успел с ним встретиться. И теперь пытаюсь выяснить, что с ним случилось на самом деле. Где он бывал в последние дни, с кем встречался. Я знаю, что он интересовался демократическим движением. Мы с ним часто спорили, но дело не в этом. Посмотрите, может быть, вы видели его в той квартире... в редакции "Свободного слова"? Или где-нибудь еще? – он включил подсветку в салоне, сунул руку во внутренний карман и протянул Марте распечатанную на друкере фотографию Вебера.

Марта с минуту старательно разглядывала изображение. Как видно, ей хотелось помочь Фридриху – тем более что речь шла об убийстве журналиста демократических взглядов. Но в конце концов она с сожалением протянула листок обратно.

– Нет, я его не видела. Во всяком случае, близко. У меня не очень хорошее зрение, вы знаете... хотя все равно, в пределах одного помещения я бы его узнала.

– Вы же носите очки?

– Они слабее, чем нужно. Мой доктор не советует носить очки один в один, иначе зрение будет ухудшаться дальше... Я собираюсь сделать лазерную операцию, когда мне будет 24. Ну, знаете, когда уже все процессы роста точно закончатся. Хотя вам это неинтересно... а на какое издание он работал? Может, в редакции что-то знают?

– На разные, – пожал плечами Фридрих, – американцы называют это "фрилансер". Писал обычно под псевдонимами. Мне кажется, на сей раз он проводил какое-то специальное расследование, результатами которого ни с кем не собирался делиться, пока материал не будет готов. Наверное, это было что-то сенсационное... за просто так ведь не убивают.

– А вчера вы говорили, что у нас низкая преступность! – припомнила Марта.

– Так и есть. Низкая не значит нулевая, к сожалению. А в атлантистских странах подобное творится сплошь и рядом... причем еще чаще там убивают именно за просто так.

– Знаете, – сказала вдруг Марта, осененная новой идеей, – я могу показать это фото

другим нашим. Может быть, они что-то знают.

Власов на секунду задумался, чем чревата демонстрация фото имперского резидента, пусть и покойного, широкой оппозиционной общественности, и счел, что возможных плюсов в случае удачи все же больше. Разумеется, столь активная деятельность могла быть опасна и для самой Марты, но та, похоже, об этом не подумала. Ей и в голову не приходило, что среди ее любимых демократов, коим она собиралась показывать фотографию, могут быть убийцы. И уж, конечно, Фридрих не собирался ее предупреждать, срывая собственные планы. Ни его прошлая, ни тем более нынешняя работа не располагали к сантиментам.

– Очень меня обяжете, – заверил он девушку, – только не говорите, что это по моей просьбе. Кажется, я произвел на ваших друзей не лучшее впечатление... они считают меня агентом ДГБ или чем-то вроде...

– Точно, – рассмеялась Марта, – ну я-то понимаю, что это чепуха. Будь вы агентом, вы бы не стали с ними спорить, а сидели и поддакивали, так ведь?

– Конечно, – поддакнул Фридрих, – а кроме того, зачем бы я стал о чем-то вас просить? Вас бы просто вызвали на допрос... вас и остальных...

– Вот именно, – кивнула Марта. Разумеется, в любой методичке по вербовке сказано, что доверительная беседа нередко способна давать лучший результат, чем жесткое давление, но откуда ей было это знать?

– Хотя мой аншрифт вы отыскали очень ловко, – добавила она. Однако интонация была шутливой, без следов беспокойства.

– Ну, для этого не обязательно быть агентом, – усмехнулся Власов, – достаточно элементарной райнграмотности... Кстати, позвольте выразить восхищение вашими рехнернавыками, – Фридрих решил, что немного лести не повредит; методички, кстати, рекомендовали то же самое. – Признаться, для меня было неожиданностью, что вы уже в 15 лет сделали собственную штелку – одну из первых в русской Сети.

– Ну, это же обычная "кошмарная домашняя страничка", – пожала плечами Марта.

– Тем не менее, занятие достаточно нетривиальное для юной девушки.

– Как вы по-книжному говорите, – прыснула Марта, – "юной девушки..." Просто мне рехнеры с детства нравились. С тех пор, как в пятом классе отец программируемый калькулятор подарил. Мы с пацанами в лицее программами в кодах обменивались, там даже игры были...

Фридрих с машинальной неприязнью отметил просторечных "пацанов" и тут же забыл об этом, осененный свежей идеей. Два дня назад по его заданию в рекламных газетах и на сетевых "барахолках" были размещены объявления о покупке "Тосибы" той модели, что была у Вебера; одновременно один из оперативников регулярно отсматривал разделы "Продажа" в тех же местах. Увы – совершенно безрезультатно; не было даже обращений от людей, не имеющих отношения к делу. Для Москвы новая японская модель была редкой и дорогой, и те, у кого имелись такие нотицблоки, не горели желанием с ними расставаться. Версия о том, что рехнер Вебера попал в руки случайному человеку, мечтающему теперь от него избавиться, явно не подтверждалась. Значит, "Тосибу" унес убийца, и тогда возможны два варианта. Либо он просто уничтожил нотицблок, либо попытался – может быть, все еще пытается – извлечь информацию с плата. В последнем случае, в особенности если он не работает ни на какую из спецслужб, он мог обратиться за помощью к местным специалистам...

– Вы, наверное, хорошо владеете программированием? – спросил Фридрих вслух.

– Ну-у, – протянула Марта, – смотря что понимать под "хорошо". Вообще я на прикладной математике учусь, но я бы не сказала, что я какая-нибудь там юбер...

– Ну, к примеру, – Фридрих широко улыбнулся, показывая, это всего лишь шуточное предположение, – защиту взломать смогли бы?

– Ой, нет! – фыркнула Марта. – Это вы что ж, меня за "хакера" принимаете? – она снова засмеялась, словно американское слово применительно к собственной персоне показалось ей особенно забавным. – Я не по этой части, я обычные программы пишу... на объектном Планкалькуле... и потом, это же незаконно, – она посерьезнела и взглянула на Власова с испугом.

– Я понимаю, – кивнул Фридрих; другого ответа он и не ждал. – Видите ли, это все то же самое дело. От моего друга остался накопитель с зашифрованной инфорфмацией; если бы ее удалось прочитать... Может быть, вы знаете человека, способного взяться за такую работу? Я хорошо заплачу.

– Н-не знаю, – неуверенно произнесла девушка, – может, кто-то из парней и взялся бы, хотя... а сложная защита?

– Сложная, – заверил Власов. На самом деле, насколько он знал, ее вообще невозможно было вскрыть за реальное время.

– Тогда вряд ли, – заявила Марта уже более решительно. – Из тех, кого я знаю, никто. Разве что Макс... нет, никто. Жаль во второй раз вас разочаровывать, но...

– Кто такой Макс? – живо заинтересовался Фридрих.

– Козел и свинья, – отрезала Марта столь категорично, что Власов сразу понял: здесь замешаны личные отношения, в которые лучше не лезть, дабы не злить собеседницу. – С ним связываться – думкопфом надо быть... В любом случае, он давно вылетел за прогулы, и где он теперь, никто не знает.

– Ну что ж, – резюмировал Фридрих, – спасибо, что согласились помочь. Если узнаете что интересное – сразу звоните, – он протянул ей одну из своих визиток. – В любое время, даже ночью: сами понимаете, как это может быть важно.

– Хорошо, – она убрала белый прямоугольник в сумку. – Знаете, – добавила она поспешно, чувствуя, что Власов собирается прощаться, – я все еще думаю о вчерашней дискуссии...

– Думать – это всегда полезно, – заверил ее Фридрих. Затевать сейчас новый политический диспут ему не хотелось, к тому же это могло иметь целых два негативных последствия: либо непреодолимые расхождения во взглядах все же пробудят у Марты неприязнь к оппоненту, либо, напротив, она проникнется его аргументами, но тогда, несомненно, со свойственной ей наивной прямотой начнет спорить уже со вчерашними единомышленниками и тем настроит их против себя. Фридрих уже практически потерял фрау Галле в качестве своего агента в демократическом лагере и не собирался повторять ту же ошибку. – Может быть, мы как-нибудь обсудим плоды ваших размышлений, но позже. А сейчас вынужден просить меня извинить: у меня назначена следующая встреча.

Если девушка и была разочарована, она постаралась этого не показать. "Ауфвидерзеен", – кивнула она, легко выпархивая из машины.

В ту же секунду зазвенел целленхёрер. Власов нажал на приём, уже зная, что это звонит Франциска.

Kapitel 25. Вечер того же дня. Москва, улица Веневитинова, 19/2, корп. 1. Чайная "Небесный Покой".

Фридрих осторожно отодвинул шуршащую бамбуковую занавесь и увидел ступеньки лестницы. Их было одиннадцать. Он мысленно поздравил себя с тем, что до сих пор не утратил навыка мгновенного счёта.

– Ну чего вы стоите, – заскрипел голос за спиной, – и дайте мне сюда руку, или я таки буду ломать мои ноги?

– Это вы настаивали на том, чтобы ехать сюда, – начал было Власов, но вовремя вспомнил, что женщина его всё равно не слышит.

– Я таки понимаю, шо вы хотите моей смерти! – раздражённо прокаркал голос из темноты.

– Интересная мысль, – процедил Фридрих сквозь зубы, но протянул, не глядя, руку за спину. И заранее пригнулся: дверь внизу показалась ему очень уж низкой.

...Всё началось со звонка незадачливой журналистки.

– Фридрих, сделайте что-нибудь! – начала она с места в карьер. – Берта говорит, что не может больше держать меня в своём доме. Наверное, ей угрожают! Я не хочу в гостиницу! Я не смогу ничего делать, если Микки...

– Подождите. Кто угрожает? – Власов почувствовал острый приступ раздражения.

– Не знаю! Сделайте что-нибудь! Поговорите с Бертой! Скажите ей что-нибудь... Чёрт возьми, Власов, только поторопитесь!

Власов прикинул ситуацию. Скорее всего, решил он, старухе просто надоело держать у себя в доме чужое семейство. Кстати, следовало бы выяснить, из каких соображений она вообще согласилась вселить к себе фрау и её буйное чадо... Впрочем, это как раз понятно: ей заплатили. В таком случае, почему ей перестали платить? Фрау Галле перестала быть желанным гостем в либеральных кругах? Или что-то другое? В таком случае – что?

По дороге Фридриху не повезло: он превысил скорость, и тут же откуда-то сбоку по борту машины мазнуло светом: это был передвижной доповский пост. Его, однако, даже не попытались остановить – только мигнули вслед фарами, мол – видели. Фридрих из этого сделал вывод, что пресловутый список номеров с "особым отношением" и в самом деле удобная штука. Правда, штраф платить всё же придётся. Но не ему лично, а Управлению... Власов с трудом подавил в себе желание вдавить педаль газа в пол и полететь по московским улочкам. Потом поймал себя на мысли, что в Берлине подобная идея не могла бы прийти ему в голову в принципе. Может быть, дело в московской атмосфере, исподволь провоцирующей нелюбовь к порядку и законосообразности? Ерунда, – решил Власов, – это он сам распустился.

Когда он подъехал к уже знакомому дому на Бутырском Валу, его ждал неприятный сюрприз: проезд во двор перегораживала загородка с надписью "Проезд воспрещён. Ведутся ремонтные работы". Пришлось оставить машину и топать через тёмный двор по едва заметной тропинке, занесённой снегом.

Консьержка, судя по всему, дрыхла на рабочем месте: во всяком случае, Власову пришлось трижды нажимать на кнопку вызова, прежде чем услышал её заспанный голос. Тем не менее, дверь она открыла, и через несколько минут Фридрих уже стоял у дверей квартиры 23, оглашая внутренности квартиры сумасшедшей трелью звонка.

Открыла Франциска. Вид у неё был ужасный: опухшее лицо, синяки под глазами, красные глаза. Судя по всему, она плакала.

– Власов, спасите меня, – жарко зашептала она ему в ухо, пока он раздевался, – Микки ночью устроил мне истерику, он не хочет уезжать... уговорите Берту... предложите

ей денег, может быть, дело в этом... у меня очень сложное положение... сделайте что-нибудь...

– Где Микки? – на всякий случай поинтересовался Власов.

– В дальней комнате. Кажется, я его всё-таки уложила. Он не хотел ложиться спать. Говорит, что очень много спит. Он не понимает, что это всё для его же пользы!

Старуху Власов обнаружил в "обеденной". Она то ли завтракала, то ли разминалась перед обедом: перед ней стоял кофейник и чашечки. Чашечек было две.

– Здрасьте вам, Власов, – не поднимая головы, сказала старуха. – Пейте кофе.

Власов сел и взял чашечку, дожидаясь, пока Берта Соломоновна соизволит поднять глаза.

– Если вы насчёт поговорить за вашу женщину... – начала старая Берта.

Власов разозлился.

– Она не моя женщина, – сказал он, глядя в лицо старухе. – В том смысле, который обычно вкладывают в эти слова.

– Таки не ваша? – прищурилась старуха. – Вы же видный из себя мужчина. Или она всё кобенится? Таки вы делаете из неё много чести...

– Вы хотите поговорить о том, с кем я сплю? – Фридрих взял себя в руки. – Так вот, чтобы больше не касаться этой темы: я сплю один. Это избавляет от множества проблем.

Старуха молча пожевала губами, как будто хотела что-то сказать, но передумала.

– Мне всё равно, – в конце концов сказала она. – Я больше не могу держать её у себя.

– Почему вы вообще согласились вселить к себе фрау Галле, да ещё с ребёнком? – поинтересовался Власов, невольно понижая голос до шёпота.

– То были мои парносы, – неохотно сказал старуха.

Власов догадался, что имеется в виду что-то вроде заработка или дохода. Скорее всего, за гостеприимство заплатили либералы, – решил он.

– Теперь мне больше не стали платить. И я больше не хочу этих людей у себя в доме, – закончила Берта.

– Почему вы сказали, что вам кто-то угрожает? – поинтересовался Фридрих.

– То моё дело, что я сказала и чего я не сказала, – равнодушно ответила старуха. – Пейте свой кофе, он простынет.

Власов сделал глоток.

– Вы хотите, чтобы я заплатил за постой фрау и её ребёнка?

– Нет. Если эти алтэ какерим перестали давать деньги про эту бабу, я таки думаю, она имеет на себя неприятности. У меня с того могут быть макес. Я так не хочу себе новых макес, как невеста не хотит себе прыщей на голове. Заберите свою женщину и хватит на этом.

– Но неприятности у вас будут, – перешёл в наступление Власов, начинающий понимать, в чём дело. – Вы хоть знаете, что сейчас происходит в Москве? В ваших кругах?

– Я пью свой кофе и не знаю про какие круги-шмуги, – попыталась было отбрехаться старуха, но Фридрих её перебил:

– Вы знаете, о чём я говорю. Кое-что случилось.

– Кое-кто умер, – старуха сказала это очень тихо.

– Кое-кого убили. Вы знали Борисова? – Власов чуть подался вперёд.

– Зачем я буду рассказывать вам за свою жизнь? – старуха посмотрела ему в лицо.

– Затем, – Фридрих решил не церемониться, – что я знаю, кто его убил. Это очень неприятный человек. И вам – лично – грозят очень большие неприятности.

– Кто такой неприятный человек? – старуха подняла бровь.

– Один старый юде, – улыбнулся Власов. – Очень опасный старый юде. Которого здесь не должно было быть, но он здесь. Зайн.

Старуха опустила глаза и замолчала. Фридриху казалось, что он слышит, как в её голове что-то шуршит и перемалывается.

Наконец, она снова посмотрела на Власова.

– Таки не врёте старой Берте? – почти с надеждой спросила она.

Власов промолчал.

Берта Соломоновна посмотрела на чашечку с остатками кофе. Потом внезапно схватила её и швырнула в стену. Брызнули осколки. На стене осталось мокрое бурое пятно.

– Аф алэ соним гезогт! – каркнула старуха и забормотала что-то неразборчивое.

Фридрих чуть отодвинулся. Он начал понимать, какого нрава была эта женщина в молодости.

Впрочем, Берта быстро успокоилась – и, судя по всему, приняла какое-то важное решение.

– Дайте мне капельку время, Власов, – заявила она. – Я вас свяжу с одними людьми, вам это интересно. Это быстро. Эти люди таки очень хорошо решают вопросы.

– Фрау Галле и её ребёнок останутся у вас? – спросил Власов.

– Если он идёт за ними, то нет, – твёрдо сказала старуха. – Он не должен прийти сюда.

– Я не могу утверждать это с полной уверенностью, – пожал плечами Фридрих, – но, кажется, дело не в них. Похоже, эта несчастная фрау каким-то образом попала в чужую игру... Но вы оставите её у себя. И без всяких денег.

– Лучше бы это была ваша женщина, – проворчала Берта, – тогда бы вы её взяли себе... Сегодня или завтра. С вами будет один человек вести один маленький разговор. Я позвоню и скажу.

Власов не стал спрашивать, откуда она знает его телефон. Было и без того ясно, что она вытащила его из записной книжки фрау.

... Звонок целленхёрера застал его посреди улицы. Власов как раз выруливал по сложной развязке, смотря то на карту, то на дорогу. Трубе пришлось повибрировать впустую минуты три. Звонящий оказался настырным: "катюша" всё не кончалась и не кончалась.

Власов взял трубку, будучи почти уверен, что это опять Франциска. Однако из трубки послышался голос Берты Соломоновны.

– Слухайте сюда, – старуха буквально кричала в трубку, – я договорилась прямо сегодня. Ехайте до меня и не тяните таки кота за хвост. Мы поедем в одно место и там будем разговаривать. – В трубке раздались короткие гудки.

Разворачиваясь на Цветном бульваре, Власов думал о том, куда дует ветер. С одной стороны, старая доносчица ничего не сказала о том, куда именно они собрались. К тому же он отлично знал, что такие люди, как старая Берта, никогда ничего не делают даром – и отлично умеют завышать цену своих услуг. Не собирается ли она его надуть – или, того хуже, подставить? Вряд ли: Фридрих чувствовал, что старуха и в самом деле напугана. С другой стороны, на какие-либо серьёзные контакты всё-таки требуется санкция

начальства.

Он решил позвонить Мюллеру.

Шеф поднял трубку далеко не сразу: видимо, был занят.

Власов вкратце доложился, особенно упирая на то, что старуха Берта и в самом деле может вывести на что-то интересное.

Мюллер, по-видимому, раздумывал.

– Во всяком случае, – наконец сказал он, – она вас не подставит. Потому что в противном случае мы её из-под земли достанем, и она это должна понимать... Так что дерзайте. Не забудьте только сообщить мне адрес, по которому вы отправитесь. И вызовите Лемке с машиной, пусть он вас подстрахует.

Последнее распоряжение шефа Фридрих выполнил в точности, немедленно отзвонив маленькому оперативнику. Лемке сообщил, что готов быть у дома 8а на Бутырском валу в самом скором времени – равно как и обеспечить незаметное сопровождение власовской машины.

Доехав до места, Власов, пообщавшись с консьержкой, поднялся на второй этаж, где как раз застал выходящую из квартиры 23 фрау Галле с Микки. Судя по всему, они собирались гулять. Фрау была в длинном пальто, Микки важно вышагивал в новенькой серой шубке. Горло его было перемотано длиннейшим шарфом. Мальчик развлекался тем, что сосредоточенно пытался вырвать из него длинную шерстяную нитку.

– А, это вы, Власов, – бросила фрау. – Здравствуйте. Куда это вы собрались вместе с Бертой? Она там сидит разодетая в какую-то китайскую тряпку. Вам что, нравятся старушки?

Фридрих в очередной раз поразился той лёгкости, с которой журналистка переходила от истерики к нахальству. Он хотел ответить чем-нибудь в том же духе, но тут Микки надоела неподдающаяся нитка в шарфе, и он с воплем кинулся на маму, чтобы вцепиться ей в воротник пальто.

Власов решительно отодвинул бузящего ребёнка, открыл дверь и вошёл в квартиру.

К его удивлению, старая Берта и в самом деле была одета. Вместо грязного персидского халата на ней было нечто красное, с вышитыми золотыми драконами. Вещь была явно не новая, но очень хорошо сохранившаяся. На ногах у неё были длинноносые зимние боты. Даже совершенно не разбираясь в женской моде, можно было сообразить, что такое в Райхе не носят уже лет двадцать. Судя по наряду, старуха в последние годы выбиралась из своей норы не слишком часто.

– Помогите мне насчёт пальто, – бросила она вместо приветствия.

В машине Берта сказала:

– Власов, у вас есть эта штука, которая показывает ехать? Нам надо в улицу Ве-не-ви-ти-но-ва, – последнее слово она произнесла по слогам. – Нас ждут там, – добавила она.

Навигатор порадовал: улица Веневитинова оказалась не глухой дырой на окраине, как он было подумал, а вполне благопристойным местом неподалёку от Тверской. Впрочем, обольщаться не следовало. Ещё в Варшаве Фридрих понял, что людей его профессии неприятности могут поджидать в любом месте: одного его коллегу вынесли ногами вперёд из музейного здания на Замковой площади. Тем не менее, центр города давал хоть какую-то гарантию безопасности.

Он вытащил целленхёрер и позвонил Лемке. Тот заверил его, что машина Власова у него под наблюдением и он сопроводит его до места. Затем Фридрих сделал еще один

звонок, шефу.

– Действуйте, – одобрил Мюллер после паузы. Вероятно, проверял какую-то базу данных. – И вот еще что, мой мальчик... Мне, конечно, не надо учить вас осторожности. И о том, с кем вы собираетесь встречаться, я знаю не больше вашего. Но я хочу сказать о другом... Не бойтесь доверять интуиции и проявлять инициативу. В разумных пределах, разумеется. Точное следование инструкциям и полномочиям – это, конечно, почтенное дойчское качество, но иногда преимущество дает иная стратегия... вы меня понимаете?

– Да, – медленно ответил Фридрих. Итак, шеф благословлял его на сотрудничество с этими неведомыми "людьми, быстро решающими вопросы". Давая в то же время понять, что в случае чего крайним окажется все же сам Власов – ну, к этому-то в его профессии не привыкать... Интереснее другое – что заставило вечно осторожного Мюллера толкать подчиненного фактически на авантюру? Не то ли обстоятельство, что имперская бюрократия решает вопросы медленно? Или, возможно, не хочет решать их вовсе... Похоже, Мюллер столкнулся с серьезным противодействием наверху, раз видит выход в несанкционированной инициативе снизу... Все это, конечно, не радовало.

Берта Соломоновна всю дорогу упорно молчала.

Улица Веневитинова оказалась узкой и кривой, к тому же зачем-то замощенной булыжником – скорее всего, в целях "исторической реконструкции". Фридрих в который уже раз мысленно проклял неуёмную страсть городских властей всего Райхсраума, начиная от Берлина и кончая Москвой, к "восстановлению исторического облика" доставшихся им городов.

– Вы поставьте свою машину и мы пойдём, – заявила старуха, когда они проехали половину улицы.

Припарковаться оказалось нелегко: пришлось проехать почти до конца. Там Власов обнаружил свободное место между чёрным "Запорожцем" и непонятной машиной кремового цвета, судя по виду – каким-то антиквариатом середины века.

Старуха молча и уверенно пошла по улице вниз. Фридрих удивился, как быстро она может ходить.

Они остановились около неприметной железной двери без вывески, на которой помаргивали красным подсвеченные кнопочки кодового замка.

Берта Соломоновна потыкала в кнопочки, в двери что-то щёлкнуло. Старуха подёргала за ручку, потом сделала раздражённый жест и заявила:

– Власов, ну чего вы стоите как я не знаю кто? Дверь откройте перед дамой всё-таки!

Фридрих вздохнул и взялся за ручку. Дверь отворялась туго: видимо, её держала сильная пружина.

Внутри было темно и пахло травами.

– Тут будет такая занавеска, – заскрипела старуха, – вы таки её шукайте сами, я ничего не вижу.

Дальше были одиннадцать ступенек.

Они кое-как спустились. Неповоротливая старуха наваливалась на Власова всем телом. Власов, пригнувшись, преодолел низенький дверной проём, и оказался в следующем помещении, где было посветлее.

Это был полуподвал. В углу стояли три металлические вешалки – нечто вроде маленького гардероба. В нише на стене сидел, скрестив ноги, пузатый бронзовый божок с блестящим носом. Перед статуэткой стояла крошечная лампадка и курились благовонные

палочки.

– Ну вы сымете с меня верхнее? – старуха стала выпрастываться из своего нелепого наряда.

Пришлось помочь. Старуха осталась в красном халате. Свои страшные боты она оставила у стены, где стоял наготове ряд мягких тапочек разного размера. Власов понял, что здесь принято переобуваться, и последовал примеру старухи.

Последнее помещение было самым большим. Выглядело оно странновато: очень низкие столики, подушки на полу, неяркие светильники. Посетителей не было.

Откуда-то выплыла – бесшумно и незаметно – молодая китаянка в белом одеянии, с покорно опущенным вниз лицом. Иссиня-чёрные волосы девушки были уложены в замысловатую причёску, напоминающую блестящую раковину.

– Драгоценная госпожа и почтенный господин, позвольте побеспокоить, – она говорила по-русски, чисто, но с каким-то пришептыванием, – у вас есть приглашение на сегодня?

– Что она такое говорит? – переспросила старуха, вглядываясь в лицо Власова.

– Она спрашивает какое-то приглашение, – тихо сказал Фридрих, стараясь смотреть старухе в лицо и как можно более выразительно шевелить губами.

Старуха повернулась к китаянке.

– Мы пришли насчёт Те-Гуань Инь осеннего сбора. Сделайте всё как следует. Власов! Вы таки пьёте улун?

Фридрих кивнул: в чае он разбирался.

Девушка поклонилась и, пятясь, скрылась за выступом стены. Видимо, там были какие-то служебные помещения.

Старуха тем временем выбрала себе местечко в углу, возле одного из столиков. Она на удивление легко опустилась на оранжевую подушечку и села, скрестив ноги.

Власов тем временем обшарил взглядом помещение и обнаружил в углу маленькую скамеечку, покрытую оранжевым бархатом. Положив на неё две подушки, он устроился почти удобно.

– Что это за место? – спросил он у Берты, пододвигая к себе столик. Берта не разобрала, пришлось повернуться к ней лицом и отчётливо шевелить губами.

– Чайный клуб, – ответила, наконец, старуха. – Он закрытый, сюда нельзя прийти просто так. Тут можно поговорить. Но сперва чай.

Власов ещё раз оглядел помещение и поднёс палец к уху. Он был уверен, что такое подозрительное место просто не может не прослушиваться.

– Нет, – старуха поняла, – чисто.

Власов не поверил, но решил придержать своё мнение при себе.

Снова появилась китаянка, на сей раз с набором чайных принадлежностей. Опустившись на колени, она расставила на столе чашечки разных размеров – вэнсябэй и чабэй – деревянную решётку, глиняный заварочный чайник и прочие принадлежности традиционного китайского чаепития. На треногу с горящей спиртовкой был водружён пузатый стеклянный чайник с чистой водой.

– Господин знает гунфу-ча? – прошелестела китаянка.

– В общем, да, – ответил Фридрих, знакомый с китайским обычаем пить чай. Он думал о том, почему женщина поставила им на столик не две, а три чашечки. Ожидается кто-то ещё? Похоже на то...

Китаянка тем временем приступила к началу церемонии – демонстрации чая. Она

засыпала чайницу и передала её Берте. Та умело, как полагается, взяла её обеими руками, выпрямилась, и дважды вдохнула аромат сухой заварки.

Фридрих принял чайницу из рук старухи с неудовольствием. Он рассчитывал, что девушка передаст чайницу сначала ему. По ритуалу требовалось не только вдохнуть, но и дважды выдохнуть воздух в чайницу. Теперь она была полна содержимым лёгких старухи Берты, и брезгливому Власову это было неприятно.

– Я пересыплю чай, – тихо сказала китаянка, бережно взяла чайницу, извлекла откуда-то пинцет для чаинок и склонилась над чайником, готовясь к первому завариванию.

– Вы впервые в нашем клубе? – осведомилась она у Власова, всё так же шёпотом, не поднимая глаз на гостя.

– Впервые, – согласился с очевидностью Фридрих.

– У нас есть своя особая традиция, – голос китаянки был похож на шорох пересыпаемых чаинок. – Гадание на чае. Когда к нам приходит новый гость, мы делаем это с ним.

Власов поморщился: он не любил принимать участия в том, что сам считал глупостью.

Китаянка, похоже, это поняла.

– Это совсем не займёт вашего драгоценного времени, – льстиво прошелестела она. – Просто пейте чай, и позвольте мне спрашивать.

– О чём? – насторожился Фридрих.

– О вкусе чая, конечно, – лицо китаянки было всё так же склонено к полу, но Власов почувствовал, что она улыбается. – Вы ведь понимаете чай?

Она приступала к первой заварке, предназначенной не для питья, а для омовения посуды.

Фридрих ощутил, что у него затекли ноги, и заёрзал, пытаясь сесть поудобнее. Подушка тут же выскочила из-под зада и шлёпнулась на пол. Пришлось возиться, подбирать подушку и снова устраиваться на дурацкой скамеечке.

Китаянка закончила с предварительной процедурой, снова наполнила чайник горячей водой, закрыла крышкой и облила сверху кипятком. Лишняя вода стекла в решётку, над столиком на мгновение завис клубочек тончайшего ароматного пара.

Наступило время первой заварки. Женщина ловко пропустила заварившийся чай через ситечко в глиняный кувшинчик для разлива, и начала разливать напиток по чашкам-вэнсябэй, постепенно подливая к каждой заварку. Потом высокие чашки были накрыты низкими чашками-чабей.

Власов заметил, что остатки чая были вылиты не в решётку, как полагается, а в ту самую третью чашку.

Он прижал верхнюю чашку к нижней и перевернул их. Теперь чай оказался в чабей. Он вдохнул аромат чая из высокой чашки и сделал небольшой глоток из низкой.

Старуха проделала то же, но менее аккуратно.

К третьей чашке никто не притронулся.

– Что вы скажете об этой заварке? – спросила китаянка, извлекая из рукава кисточку и листок бумаги.

– Хороший китайский чай, – определил своё отношение Власов. – Настоящий Те-Гуань Инь осеннего сбора.

– Нет, нет. Прислушайтесь к своим ощущениям. Каждая заварка имеет своё

действие. Она или обостряет приятные чувства, или смягчает неприятные. То есть вы либо получаете новую энергию, или гармонизируете уже имеющуюся... Сосредоточьтесь на себе и скажите – что вы сейчас чувствуете...

Фридрих постарался подавить раздражение. Он не любил напыщенной восточной чепухи. С другой стороны, отслеживать собственное состояние он умел: в конце концов, его этому учили. Чай, будучи сложным напитком, в котором кофеино-теофиллиновая составляющая уравновешена таннинами и витамином С, и в самом деле мог действовать по-разному, в зависимости от ситуации. Что ж, это по-своему интересно... Он сконцентрировался на своём восприятии и через некоторое время сказал:

– Кажется, это смягчающая заварка.

Девушка молча опустила кисточку в третью чашку, потом два раза коснулась ей бумаги. Власов решил, что это часть неизвестного ему ритуала, и не стал этим интересоваться.

После этого чай был заварен ещё раз. Китаянка дождалась, пока Власов допьёт чай, и снова спросила об ощущениях.

На этот раз Власов почувствовал что-то вроде прилива бодрости: видимо, кофеин начал действовать. Впрочем, нет, рановато: Фридрих помнил, что тонизирущее действие чая начинается где-то через полчаса. Значит, что-то психологическое, решил он. Фоном прошла мысль о каких-нибудь специальных добавках, но он её отогнал. Происходящее казалось странноватым, но не опасным. В конце концов, если бы его хотели отравить или как-то воздействовать на его психику, с ним бы не стали так церемониться. На это есть соответствующие препараты – хотя бы тот же штрик...

Он прикрыл глаза и сосредоточился на вкусовых ощущениях.

Третья и четвёртая заварка снова смягчили восприятие, пятая резко взбодрила. Каждый раз после своего обычного вопроса девушка окунала кисть в свою чашку и что-то рисовала на бумаге.

После шестой – умиротворяющей -порции Власов почувствовал, что больше не хочет пить. Он решительно отодвинул чашечку в сторону.

– Вы правильно поняли, почтенный господин, – китаянка заговорила совсем тихо, – гадание закончено. Вот это, – она продемонстрировала ему листок бумаги, – гексаграмма "И Цзин", "Книги Перемен".

На бумаге красовался столбик из бледных – то ли синих, то ли чёрных – линий, прямых и прерванных, одна над другой.

Власов покопался в памяти, и решил, что бумага пропитана солями железа или чем-то подобным. Он опять вспомнил детство: в райхсюгендовском летнем лагере их учили делать чернила из чернильных орешков, по древнему дойчскому рецепту двенадцатого века. Тогда же им рассказывали про дубильные вещества. Но достаточно ли в чае таннина, чтобы дать такую реакцию? Фридрих обратил внимание на то, что некоторые линии получились совсем бледными.

– "Книга Перемен" описывает шестьдесят четыре ситуации, в которые может попасть человек, – тихо струился голос китаянки. – Этим ситуациям соответствуют гексаграммы, лю ши сы гуа, то есть фигуры из шести линий. Линии бывают прямыми и прерванными, что соответствует энергиям Ян или Инь...

– Двоичный код, – перебил Власов. Он слышал про эту гадательную систему, хотя никогда этим специально не интересовался. – Но ведь, кажется, эти линии определяют, кидая монетки?

– Или перебирая стебли тысячелистника, – кивнула китаянка. – Но на самом деле линии можно получить любым способом. Сейчас мы их получили при помощи чая. Каждая заварка оказывала на вас своё действие – обостряло или гармонизировало ваше видение мира. Я спрашивала вас об ощущениях, и, в соответствии с ними, рисовала линии, описывающие ту ситуацию, в которой вы сейчас находитесь.

– И что же получилось? – осведомился Фридрих, не скрывая иронии. – Меня ждут какие-нибудь опасности?

– Именно, – серьёзно ответила девушка. – Ваша духовная ситуация соответствует двадцать девятой гексаграмме Книги Перемен, она называется Си Кань, Двойная Бездна, или Двойная Опасность. В греческой мифологии ей соответствует Сцилла и Харибда, два морских чудовища, живущие по сторонам узкого пролива, между которыми нужно провести свой корабль. Другими словами, пройти по лезвию бритвы. Согласно стратагемам, это ситуация благородного мужа, попавшего в окружение низких людей, причём они таковы и сверху, и снизу... Заметьте, некоторые черты проявились на бумаге сильнее, некоторые слабее. Самая яркая черта – пятая... Давайте теперь рассмотрим составляющие. Си Кань состоит из двух триграмм, каждая обозначает воду. Это две водяные бездны. В Торе сказано...

– Простите, – Власов поднял бровь, – Тора – это ведь, кажется, юдская мистика?

– Все мистические традиции имеют свои соответствия, – заявила китаянка. Её голос стал чуть твёрже: как будто внутрь горлышка попала сухая горошинка. – Бог начал материальное творение с того, что отделил воду от воды. Это был второй день творения, и в этот день возникли раздоры. Поэтому Бог не сказал об этом дне – "и увидел он, что это хорошо"... Вы – тот, кто должен предотвратить раздор...

Фридриха все больше раздражала вся эта цветистая чепуха. В конце концов, его, очевидно, позвали сюда не для разговоров о боге и предначертании. Разумеется, за словами об исходящей с двух сторон опасности и раздоре могли скрываться вполне конкретные намеки на ничуть не мистические обстоятельства. Но, в конце концов, он и без странной китаянки знал и о борьбе партийных фракций, и о трениях между членами Райхсраума, и о внешних угрозах... И предпочел бы получить более конкретную информацию.

– Знаете что, – решительно перебил он, почему-то догадываясь, что китаянка не обидится, – я думаю, что мы сэкономим время, если перейдем сразу к делу. Чай, конечно, превосходен, а все эти восточные учения интересны... с культурологической точки зрения, но я пришел сюда для серьезного разговора. С называнием вещей своими именами, насколько это возможно. Я должен говорить с вами? Или с кем-то еще?

– Знаменитая дойчская прямота, – улыбнулась девушка, и улыбка эта была куда более жесткой, чем можно ожидать от служительницы китайского чайного клуба. – Хорошо. Я израильский офицер. Меня зовут Эстер Шляйм.

Власов, наконец, сообразил, что за акцент звучит в её речи.

– Шляйм, да, – продолжала она. – По-русски будет "слизь". Мне нравится, как это звучит по-русски, это выразительнее. Потешная фамилия, правда? Когда-то ваш император, Иосиф II, приказал дать всем юде, проживающим на его землях, фамилии. Этим занимались специальные комиссии. Комиссии брали взятки, и если деньги были хорошие, то юде получал хорошую фамилию. А если денег было мало или совсем не было, фамилию давали смешную. Или оскорбительную...

– Это было только на территории Восточной Галиции, – перебил Фридрих,

знавший как об этой истории, так и о ее использовании в пропагандистских целях. – На глухой окраине, вдали от контроля столичных властей. А вовсе не по всей территории империи, как любят утверждать в... – он хотел сказать "юдской", но поправился: – германофобской публицистике.

Женщина впервые посмотрела ему в лицо, и Власов увидел, что разрез глаз у неё не совсем азиатский, а сами глаза – карие, с поволокой. Лицо оказалось тоже не девичьим: Власов понял, что женщина намного старше, чем ему показалось сначала.

– Пусть так, – продолжила та после крохотной паузы, – Но фамилии с тех пор остались. Когда моего отца завербовали визенталевцы, они с ним подробно поговорили и об этом тоже. Они хорошие психологи, – последние слова она произнесла с нескрываемой ненавистью. – Конечно, про Галицию они не уточняли. А еще они не уточняли, что, по их мнению, его дочь не юде, а шикса. Этого они ему решили не говорить. Очень тактично, не правда ли?

– Простите, – решился Власов, – но по вам не скажешь, что вы юде.

Эстер оскалила зубки. Фридрих заметил, как во рту собеседницы блеснула старомодная металлическая пломба.

– Я знаю, да. Китайцы сразу видят, что я нечистокровная, но для остальных я схожу за китайскую куколку. Моя мать была родом из Гуаньчжоу... Я говорю вам всё это затем, – оборвала себя она, – чтобы вы понимали: у меня есть личные счёты к визенталевцам. Я ненавижу этих скотов. Поэтому я делаю то, что я делаю.

Фридрих понял. Израильское расовое законодательство, во многом скопированное с дойчских Нюрнбергских законов и Уложения о расовой чистоте от 1943 года, исходило из того, что любой потомок отца-юде или матери-юде признаётся юде. Визенталевцы же исходили из каких-то древних талмудических правил, согласно которым полноценными юде признаются только рождённые от матери-юде. Для прочих полукровок предусматривался один выход – формальное принятие иудаизма, но и после этого на них всё равно смотрели косо. Власов мог себе представить, как визенталевцы относятся к людям с неполноценным, с их точки зрения, происхождением, да ещё и с такой экзотической внешностью, как у Эстер.

– Я их ненавижу, – повторила молодая женщина. – Их всех. И особенно этого... – она сказала что-то непонятное на иврите.

– Простите? – не понял Власов.

– Я назвала его – "бен зона". Сын шлюхи. Вы знаете, о ком я. Кажется, вы знаете о нем не так уж мало... особенно для человека, до сих пор остающегося в живых, – она снова улыбнулась своей недоброй улыбкой. – И я хочу расспросить вас об этом. Потом я расскажу то, что знаю я.

Фридрих выразительно повёл бровью в сторону старой Берты, которая откровенно вглядывалась в лица говорящих.

Девушка что-то сказала старухе на иврите. Та сделала недовольное лицо, но встала, отошла на два шага от столика и демонстративно уселась на оранжевый пуфик спиной к собеседникам.

– Она работает и на ваших тоже? – на всякий случай поинтересовался Власов.

Китаянка кивнула.

– Старая Берта работает на всех, кто ей платит... Давайте, наконец, о Зайне. И о Борисове. Борисов был на мне.

Власову потребовалось секунды полторы, чтобы понять фразу.

– Значит, это вы за него отвечали. И вы... – он не закончил фразу.

– Да. Я его упустила, – признала Эстер. – Я глупо, бездарно упустила его. А ведь я была уверена, что рано или поздно Зайн к нему придёт. Я была уверена, да. Эти шлимазлы из АМАН, эти тупые вояки – что они умеют? Они много лет держали его в тюрьме, и что же?

– А кого представляете вы? – решил внести ясность Фридрих.

– МОССАД. Это такая маленькая служба, её создали недавно. Может быть, вы знаете.

Власов подумал и вспомнил про какую-то израильскую "службу информации и особых операций", или что-то вроде этого. По сравнению со знаменитой на весь мир "Агаф Модиин", израильской военной разведкой, эта организация ничем особенным не прославилась. Впрочем, на сей счёт не стоило заблуждаться: юде, даже израильские, просто обожали всё запутывать и прятать концы в воду. Но, во всяком случае, в сферу профессиональных интересов Власова эта контора пока не попадала.

– МОССАД был создан во время Фолшпиля, – пояснила израильтянка. – Для самых... как это сказать по-русски? Деликатных заданий, – вспомнила она.

– Вы очень хорошо говорите по-русски, – заметил Власов.

– Нет, всё ещё плохо, – безапелляционно заявила женщина. – Я иногда забываю слова. Я полиглот, но некоторые слова я иногда забываю. Но тот клуц из АМАН, что допрашивал Борисова, знал русский ещё хуже меня. Тогда бы он понял... – она замолчала.

– Что именно? – Фридрих опять почувствовал, что ноги затекают.

– Давайте так. Вы мне расскажете, что успели накопать. А потом я вам отвечу на вопросы. И расскажу то, чего вы не знаете... Да, – добавила она, уловив колебания Власова, – ваше руководство не удосужилось проинформировать нас, что Зайн в России. Хотя могло бы, учитывая опыт прошлого сотрудничества... Но теперь какие-то полномочия у вас есть? Иначе вы бы не пришли сюда. Я, в свою очередь, получила от своего руководства все полномочия. Можете считать, что инициатива контакта исходит от нас, если вам так проще. В конце концов, это в общих интересах. Ну что, перейдем, наконец, к делу, как вы сказали?

– Хорошо, – кивнул Власов. Напутствие Мюллера оказалось кстати.

Далее последовало то, что Фридрих не мог назвать иначе как допросом – быстрым и профессиональным. Вопросы сыпались один за другим – иногда логичные, иногда совсем непонятные. Фридрих старался отвечать честно и точно, выполняя свою часть соглашения – даже когда вопросы не касались непосредственно Зайна. В частности, Эстер заинтересовалась последней добычей Власова – розовым целленхёрером с записью разговора со Спаде.

– Зайн легко снюхивается с наркоторговцами, – объяснила она. – Этот Спаде вполне может быть связан с некоторыми его делами. Хотя, насколько мне известно, Спаде юдофоб... Хоть что-то в нём осталось нормального, да? Вы ведь так подумали? – израильтянка сделала вид, что шутит, но в глазах блеснула злость.

– У него не было никаких причин быть ещё и юдофилом, – возразил Власов. – Хотя и ярко выраженным юдофобом – тоже.

– Нет, он тяжёлый юдофоб. Однако, если дела идут скверно, можно связаться хоть с чёртом, не говоря уже о юде-террористе...

– Не думаю, что между ними есть связь, – заметил Власов. – Всё, что могло бы связывать эти две фигуры – тема наркотиков. Точнее, штрик. Но Спаде, насколько я знаю,

не занимается штриком.

– Не всё так просто. Берта потом вам расскажет кое-что, – туманно заметила Эстер. – Но сначала я вам хочу кое-что рассказать. Кажется, я поняла, почему Зайн убил Борисова.

– Вы уверены?.. – начал было Фридрих, но женщина махнула рукой.

– Не притворяйтесь. И вы, и я – мы оба знаем, кто его убил. И как.

– Я примерно представляю себе "как"... – начал было Власов.

– А я знаю точно. Я работала со штриком. Скорее всего, – офицер Шляйм опять показала зубы, – Зайн просто отдал ему приказ. Допустим, вывел на крышу, а потом... ну, скажем... велел прочесть длинное стихотворение и после этого спрыгнуть вниз. Даже не так: просто закрыть глаза и пойти вперёд. Подштрикованный человек исполняет такие команды безропотно. А за то время, пока тот читал стихи, Зайн успел скрыться.

– Но почему он в таком случае не приказал ему, скажем, вскрыть себе вены в ванной? – заинтересовался Фридрих. – Тогда бы тело нашли гораздо позже.

– Нет, это могло бы не сработать. Во-первых, человек, даже под препаратами, всё-таки не может убить себя. Такие приказы обычно не срабатывают. Конечно, он мог уложить его в ванну и вскрыть ему вены. Но для того, чтобы жертва вела себя смирно, нужно слишком много наркотика. Он захлебнулся бы в воде. Так или иначе, это было бы обычным убийством. А Зайн не мог убить Борисова.

– Почему? – осведомился Власов.

– Борисов когда-то принадлежал к личной организации Зайна, так называемой Бригаде... Он носил кличку Каф. Это такая буква нашего алфавита. Эти люди были связаны между собой... очень тесно, – последние слова женщина выговорила с видимым усилием, как будто признавалась в чём-то неприятном. – И Зайн когда-то обещал всем своим соратникам, что он никогда сам не пожертвует жизнью любого из них, даже если это будет необходимо для дела. А Зайн всегда исполняет свои обещания. Ну, то есть по-своему исполняет.

Власов задумчиво кивнул.

– Но дело не только в этом. Зайн мстителен, но не настолько, чтобы рисковать своей миссией здесь ради какого-то Борисова. У него был другой интерес. Практический. Я уверена, что он не просто убил его. Он его допрашивал.

– И что же такого мог знать этот Борисов? – Власову захотелось попросить ещё чая, но он понимал, что сейчас не время.

– Не знал. А имел, – поправила его Эстер. – Я прочла все протоколы допросов этого человека. Борисов просидел в тюрьме шесть лет, и его допрашивали постоянно, практически каждый день. Из него вытащили очень много всего. Но кое-что они всё-таки упустили. Просто не придали значения некоторым его оговоркам и околичностям. Потому что они интересовались только его работой на Визенталя и прочими такими вещами. Потом мы стали разбираться, но было уже поздно. Мы – это МОССАД, – сочла нужным добавить она. – Так вот, Борисов был замешан в одной старой истории. Когда он был ещё в России, до эмиграции... Точнее сказать, до бегства. Так вот, он бежал не один. И этот второй человек оставил в России какую-то вещь. Очень ценную. И представляющую интерес для Зайна лично.

– Откуда вы всё это знаете? – спросил Фридрих.

– Частично – из протоколов допросов. Но мы занялись этими протоколами позже... Давайте я расскажу всё с начала. Недавно с нами связался некий Франсуа Гранель,

француз, санитар из парижского госпиталя. Он хотел продать нам информацию. Точнее, не нам, а амановцам, потому что связался он с ними... Но вели это дело всё-таки мы. По итогам есть отчёт, но он на иврите. Расскажу главное. Гранель сообщил нам, что в их клинику попала женщина. Она выбросилась из окна. Кроме множественных переломов и травм внутренних органов, на её теле нашли резаные раны, ожоги... над ней кто-то хорошо поработал. Поскольку у неё не было медицинского полиса, её отправили в дешёвый муниципальный госпиталь. Она была очень плоха, вытащить её не удалось. Гранель был единственным, кто оставался с ней в палате до конца. Так вот, незадолго до смерти она пришла в сознание и успела кое-что рассказать. Нам повезло: Гранель имел при себе маленький магнитофон... как же это по-английски?.. плеер, да. Он любил слушать музыку через наушники. Так вот, женщина говорила странные вещи, и он решил это записать. Он потратил на это кассету с записью своей любимой музыки, – усмехнулась она.

– Наверное, что-нибудь негритянское, – не удержался Власов. – И что она сказала?

– Вот расшифровка, – Эстер извлекла из рукава тоненький листок бумаги. – Умирая, она говорила на дойче... Читайте, вы всё поймёте.

Власов осторожно взял бумажку за кончики. Мелкий шрифт друкера плохо читался в полутьме.

"... дадут денег. Послушай, это очень важно. Я умираю... Тебе дадут денег... укольчик, сделай ещё укольчик. Как тебя зовут? Я умираю. Сделай ещё укольчик, мне очень больно! Я должна сказать. Я должна рассказать. Я дура. Они меня взяли в том кафе... Сделай мне укол, мне так больно! Я вру. Я сама пошла к тому мужику. Он меня снял в том кафе. Я думала, он... Визенталевцы. Они меня пытали. Калёным железом. Электроды засовывали туда... Ублюдки. Сделай ещё укольчик. Меня звали Дина. Дина. Красивое имя, правда?"

– Впоследствии мы установили личность убитой, – прервала чтение израильтянка. Это была некая Дина Рубинчик, гражданка Республики Израиль. Непрофессионалка, но сотрудничала с АМАН на коммерческой основе. В своё время работала по одному террористу из зайновской бригады...

– Любовница Борисова, которая уговорила его уехать в Израиль? – сообразил Власов.

– Да, она самая, – кивнула Эстер. – За что и поплатилась. Её сцапали визенталевцы.

– Интересно, как они на неё вышли, – пробормотал Фридрих.

– Думаю, она особенно не скрывалась. И наверняка кому-то что-то рассказывала. Непрофессионалы глупы и болтливы, – женщина чуть наклонилась вперёд, тень упала на лицо, и она снова стала похожа на молодую китаянку. – В общем, её взяли в Париже. Долго пытали. Наверное, даже не столько ради каких-то сведений, сколько для того, чтобы просто помучить. Видимо, она пыталась как-то заинтересовать своих палачей, что-то им рассказать – хотя бы для того, чтобы выиграть время. Впрочем, это уже мои догадки... Читайте дальше, не буду вас отвлекать.

"Я им рассказывала... чтобы они перестали. Рассказала про Борисова. Им это было нужно... Потом пришёл старик. Он меня не мучил. Гладил по голове и делал укольчики. Сделай мне укольчик, милый, мне очень больно. Я умираю... Спасибо. Мне хорошо. Я должна рассказать, а ты всё расскажешь нашим... они тебе заплатят. Слышишь? Заплатят. Тот старик. Я боялась. Больше, чем этих с железом. Что-то в нём было такое... Он спрашивал про Аркадия. Как я его любила. Почему его сдала. Спросил про деньги. Что я

сделала это за деньги. Я сказала, что у Аркаши есть вещь, которая стоит очень большие деньги... Сделай укольчик, миленький. Как тебя зовут? Франсуа? Хорошее имя... у нас с тобой могло бы получиться... Я, кажется, всё... прощай... Я ещё жива? Деньги. Я говорила? Скажи нашим: у Аркадия есть бумаги Эренбурга. Они в России. Аркадий знает, где, но не может достать. Не знаю почему. Это стоит несколько сотен... сотен... сотен миллионов. Или миллиардов. У меня в голове всё путается. Сделай мне укольчик. Мне очень плохо, очень. Что они со мной делали, ублюдки... Аркадий бежал вместе с Эренбургом. Допросите Аркадия. Он всё расскажет. Он мне рассказывал про это, но я уже всё... Солнце в окне. Они меня буквально на секунду упустили, на секунду упустили... я успела. Головой вперёд, как в воду. Я занималась гимнастикой и плаванием, я могла... Укольчик... Свяжись с АМАН, они тебе заплатят. Слышишь, ты, свяжись с АМАН. Скажи им про бумаги! Аркадий знает, где они. Он мне говорил... много раз. Что мы когда-нибудь будем богатыми, очень богатыми. Сделай мне укольчик. Ну почему ты мне не делаешь укольчик, мне же больно, больно! Сохрани тело... в холодильник положи, я не знаю как. Ужасно. Я не смогу иметь детей? Жить. Жарко. Апельсины... Почему у вас кофе без пенки? Я плюнула в кофе. Я не буду ничего подписывать. Зачем вы меня скатертью накрыли? Я пьяная? Я жива?"

Власов молча положил бумагу во внутренний карман.

– Последние слова – предсмертный бред, – зачем-то сказала Эстер. – Гранель сохранил тело в холодильнике морга, так что амановцы успели его забрать и опознать. Да, это была Дина Рубинчик... Потом они нашли ту квартиру, где её пытали. Четырнадцатый этаж. Она не должна была остаться в живых, но, когда падала, зацепилась за провода, это смягчило падение... Как бы то ни было, мы получили информацию. Потом обработали протоколы допросов Борисова. Оказывается, несколько раз они почти вышли на эту тему. Но шлимазл, который вёл допрос, пропустил всё мимо ушей... а ведь Борисов почти раскололся.

– Мне нехорошо тут сидеть, ничего не кушать и молчать как пень, – вклинилась старуха Берта. – У меня болят мои макес...

Эстер подошла к старухе, взяла её за подбородок, повернула к себе и пошевелила губами.

Берта пробормотала что-то на своём жутком жаргоне, и снова повернулась спиной к говорящим.

За это время Власов собрался с мыслями.

– Что такое "бумаги Эренбурга"? – задал он первый вопрос.

– Мы с трудом накопали кое-какую информацию об этом. Был такой Илья Эренбург, большевицкий преступник. В России его искали очень тщательно. Судя по некоторым данным, он бежал – примерно в то же самое время, что и Борисов. Ходит легенда о том, что Эренбург обладал некими сведениями о захоронении сокровищ, спрятанных большевиками...

– А, "золото партии", – разочарованно сказал Фридрих. – Этим разговорам уже полвека. Такая же легенда, как сокровища Тевтонского Ордена. И, конечно, у этого Эренбурга были карты с указанием мест, где зарыты клады, не так ли?

– Не всё так просто. Во-первых, большевики и в самом деле спрятали в России большие ценности, и не все они найдены. Во-вторых, темой бумаг Эренбурга занимались достаточно серьёзно, в том числе и у нас. Это не совсем сказки. За этим скрывается какая-то реальность...

– Тогда почему этот Борисов не воспользовался этими бумагами? Клад с золотыми слитками или картинами времён Возрождения реализовать трудно, но возможно... особенно в России.

– Здесь могут быть варианты. Бумаги могли быть зашифрованы, а шифр – утерян, либо же находиться у другого человека... В конце концов, это неважно. Меня мало интересуют эти бумаги как таковые. Меня интересует Зайн. Который, судя по всему, допрашивал Дину. И который ей поверил. Ну, во всяком случае, поверил настолько, чтобы, оказавшись в России, заглянуть на огонёк к своему старому другу Кафу.

Власов немного поразмыслил.

– Да, это с его стороны логично. Даже если никаких бумаг не было, он ничего не теряет. А если они есть...

– То он их разыщет, – заключила Эстер. – И, похоже, ищет их не он один... А теперь пора послушать Берту, у неё тоже есть кое-что интересное.

Она подошла к старухе и бесцеремонно встряхнула её за плечи. По тому, как старуха дёрнулась всем телом, Власов понял, что она успела задремать на своём пуфике.

– Ну вы таки хамло! – заявила она, подсаживаясь к столику. – Я отсидела свой тухес, пока вы тута разговаривали как голубки. Я устала и хочу свой кофе. Фира, сделай таки мне нормальный человеческий кофе, или я щас умру прям в этом месте!

Эстер молча встала, завернулась в халат и ушла.

– Хорошая девочка, хотя таки шикса, – констатировала Берта Соломоновна, нахально усаживаясь на место Эстер. – Но с её конторы у меня есть парносы.

– А как же ДГБ? – не удержался Фридрих.

– То наши дела, – отмахнулась Берта Соломоновна.

Появилась Эстер с подносом, на котором стоял небольшой кофейник. Власов невольно подумал, что в этом заведении, наверное, можно получить не только чай и кофе, если хорошенько попросить. Н-да, очень подозрительное место... Надо будет выяснить у Никонова, что это за лавочка и для каких целей она обычно используется...

Женщины обменялись несколькими словами на иврите, после чего старуха с видимым удовольствием забрала кофейник себе.

– Я так скажу, эта Галле, – заявила старуха, – приехала сюда за непонятно чем. Её та газета сюда её не посылала.

– Откуда вы знаете? – поинтересовался Фридрих.

– Я с ней разговаривала за жизнь, – объяснила Берта. – Она сказала мне, что приехала сама. То есть немножечко от газеты, но больше сама. Её не хотели посылать сюда.

– Почему? – Власов напрягся.

– Потому что она глупая женщина и пишет глупые статьи, – отрезала Берта.

Фридрих мысленно согласился с такой оценкой.

– А потому её никуда не посылают. Она только всё портит. Так все думают. Но она так не думает. Она считает, что может писать хорошо, если она попадёт на что-то очень важное. Чтобы написать первой. Понимаете?

Власов поразмыслил.

– Вы хотите сказать, что в Москве должно случиться что-то важное? Такое, что заинтересует её газету?

– Да. Она давно такое искала. Она сказала мне, что слушала разговоры в редакции. Давно слушала. Чтобы узнать про такие вещи. Даже ходила стоять под дверью, когда там

разговаривали. Как некрасиво, фуй!

Фридриха искренне позабавило это "фуй" из уст старой доносчицы.

– Она мне сказала, что узнала какую-то важную вещь. Что в Москве будет чегой-то особенного. Это в секрете, а потом всё откроется.

– Что именно?

– Она не знает точно, – вздохнула старуха. – Что-то политичное. Большие люди, про которых пишут серьёзные газеты. Большие люди – большие дела. На это хотели послать другого человека. Но Галле успела сюда раньше. И ещё: она очень ругалась по телефону против своих людей.

– Берта Соломоновна, – включилась в разговор Эстер, – любезно предоставила нам записи некоторых телефонных разговоров фрау Галле с представителем "Либерализирунг" в Москве. Я могу предоставить вам распечатку этого разговора... впрочем, вы можете получить платтендат с текстом непосредственно от вашего начальства. Вкратце: разговор шёл на повышенных тонах. Фактически, представитель её газеты прямо обвинял её в том, что она прилетела в Москву самовольно. И, похоже, сорвала чьи-то планы. У нас сложилось впечатление, что сюда собирались посылать кого-то другого. Она вам ничего об этом не говорила?

– Нет, – сказал Власов.

– И о книге, которую она ищет, она вам ничего не говорила?

Фридрих почувствовал, как взгляды двух женщин – старой и молодой – скрестились на его лице.

"Так вот зачем я им понадобился", – понял Власов.

Он сделал подобающую ситуации паузу в полторы секунды. За это время он прикинул текущие обстоятельства. Судя по всему, Эстер уже убеждена, что журналистка – часть интриги, разыгрывающейся вокруг этих самых "бумаг Эренбурга". Власов в этом убеждён не был. Однако же, к убийству Вебера всё это могло иметь самое прямое отношение... Как бы то ни было, у него есть благословение Мюллера: сотрудничать. В разумных пределах, разумеется.

– Говорила, – сказал он. – Я готов рассказать то, что знаю.

На сей раз Берту никуда не отсылали. Напротив, старуха пристроилась поудобнее, чтобы наблюдать за Фридрихом. Тот понял, что она уже имеет какую-то информацию о пресловутой книге – и теперь будет сверять её с власовским рассказом.

Власов постарался быть немногословным, но подробным. Единственное, о чём он умолчал – так это о предполагаемом владельце книги, покойном Хайнрихе цу Зайн-Витгенштайне: он решил, что не стоит сообщать израильской разведке то, о чём пока не знает даже Управление.

Эстер внимательно выслушала Фридриха, задала несколько вопросов, потом помолчала.

– Благодарю вас, Власов, – наконец сказала она. – Вы мне кое-что дали. Надеюсь, это стоило того, что я сегодня дала вам. Запишите мой номер. Ваш я знаю.

Она продиктовала свой телефон.

– Я провожу вас, – добавила она. Фридрих понял, что его выпроваживают, и встал. Покосился на Берту.

– Я сама довезу Берту Соломоновну до дома... потом, – пояснила Эстер. Видимо, у двух женщин были ещё какие-то дела, в которые они не собирались посвящать посторонних.

Власов понимающе кивнул старухе и удостоился ответного кивка.

На улице стоял настоящий мороз, к тому же дул ветер. Эстер, закутавшаяся в меховой палантин, в рассеянном свете уличного фонаря напоминала уже не китаянку, а эскимоску.

Фридрих искал в кармане куртки ключи от машины, а в голове – подходящие к случаю слова, чтобы вежливо попрощаться.

– Помните гадание? – неожиданно спросила женщина.

– Насколько я понимаю, вам было просто нужно время, чтобы меня проверить, – пробурчал Власов. Каждое слово выбивало изо рта столбик пара.

– Да, – не стала спорить Эстер. – Но не только. Я не верю в мистику, но Книга Перемен помогает и тем, кто в неё не верит... Эти две бездны. Верхняя и нижняя. Каждая бездна похожа на другую, их легко перепутать. Вы думаете, что поднимаетесь вверх – а на самом деле идёте вниз. И ещё: пятая черта. Мужская черта. Это что-то значит.

– И что всё это значит? – не выдержал Фридрих.

– Не знаю. Но это... Я забыла слово.

Власову пришло в голову несколько подходящих слов, но он благоразумно промолчал.

– Ладно, теперь уже не вспомню. До свидания.

Она небрежно махнула рукой и скрылась за железной дверью.

Уже в машине Власов ощутил недовольное бурчание голодного желудка, который никак не желал удовлетвориться жиденьким чаем. Фридрих усмехнулся: вот оно, юдское гостеприимство в действии. Впрочем, чай был и в самом деле хорош: он чувствовал приятную бодрость, не переходящую при этом в нервное возбуждение, какая бывает после правильно проведённого чаепития. Голова работала просто великолепно. Но всё-таки, пожалуй, стоило немного загрузить желудок...

Заиграл целленхёрер. Власов почему-то решил, что это Лемке, но это оказалась фрау Галле.

– Фридрих, – голос у женщины был усталый и раздражённый, – где Берта? Вы её увезли...

– Я оказал ей эту небольшую любезность, – отрезал Власов, – по её просьбе. Думаю, что это её дело – решать, где ей находиться в данный момент.

– Так она не с вами? Я без неё тут схожу с ума! Микки, кажется, простудился в этом ужасном климате! У него температура тридцать семь и пять...

– Вызовите врачей, – посоветовал Власов.

– У вас нет детей, иначе бы вы поняли, что я сейчас чувствую! – заверещала трубка.

Фридрих устало нажал на красную кнопку отключения вызова. Немного подумав, он заблокировал все звонки с номера журналистки.

"Пусть немного побесится", – решил он и нажал на газ.

Kapitel 26. Тот же день, поздний вечер. Москва, Трубниковский переулок, 30.

Вернувшись домой, Фридрих первым делом отправил сообщение Мюллеру, что встреча прошла благополучно. За этим, конечно, должен был последовать подробный отчет. Фридрих сунул в микроволновку купленные утром биточки, раскрыл нотицблок и задумался. Не только о том, что надо написать, но и о том, что, возможно, писать не следует.

Итак, "золото партии". Большевики, конечно, за время своего правления награбили в России очень много (сколько точно – не знает никто). Но лишь наивным потребителям бульварных романов эти сокровища представляются в виде ящиков с золотыми слитками, зарытыми где-то в сибирских (или даже подмосковных) лесах. Большевики, конечно, были бандитами, но все же не пиратами. Да и пиратские клады, если уж на то пошло, по большей части вымысел тех же романистов. Единственным пиратом, о котором достоверно известно, что он зарыл клад, был Вильям Кидд, да и тот сделал это лишь потому, что шел сдаваться властям в надежде на оправдание. Вместо оправдания он получил виселицу и посему забрать припрятанное не смог. Обычно же пираты сразу же прогуливали награбленное, ничего не закапывая на будущее... Большевики, несомненно, действовали умнее, только их сокровища хранились не в виде кладов, а в виде вкладов в западных банках. Последний караван с золотом ушел из Мурманска через два часа после подписания капитуляции, буквально за считанные минуты до того, как город был официально сдан союзным войскам Вермахта и РОА. Корабли подняли андреевские флаги, и, как ни странно, эта простая хитрость помогла им ускользнуть от морских патрулей, расслабившихся после известия о победе... Вопрос о возвращении этих денег впоследствии поднимался российскими лидерами, начиная с генерала Власова, неоднократно и безрезультатно.

Другая часть сокровищ была, несомненно, переправлена в Сибирь – и в итоге, по всей видимости, досталась китайцам. Ну и, наконец, немало было ценностей, которые большевики вывезти не успели или не смогли из-за неизбежного в условиях поражения саботажа и которые попали в руки законного правительства освобожденной России.

Но если предположить, что была еще и четвертая часть большевицких сокровищ – по-настоящему серьезная, конечно, часть, а не кассы каких-нибудь обкомов, состоящие по большей части из бумажек с Лениным – то любая реальная информация об этом становится поводом к очень крупной игре. В которой даже фигура имперского резидента выглядит не более чем пешкой. Как и он сам, Власов... И все это куда более вероятно, чем дешевая холливудская мистика.

Итак, допустим, "книга Эренбурга" существует. Конечно, никаких прямых указаний на местоположение клада она не содержит – старый юде был не так прост, да и иначе сокровища давно бы нашли. Наверняка книга – не более чем шифр, ключ к которому хранится в другом месте. Самый простой и вероятный вариант – где-то имеется листок с цифрами, обозначающими страницы и номера слов. Или, может быть, даже отдельных букв... Фридрих ведь уже думал о версии с сокровищами, но отбросил ее, как слишком романтическую, сочтя, что раз книга старинная, то и клад должен быть старинным. Но, если его теперешняя догадка верна, это совершенно не обязательно – содержание книги не имеет значения, за исключением нескольких слов в разных местах...

А точно ли книга старинная? Знал ли Эренбург латынь? Во-первых, не исключено – он получил образование еще в царской России, а во-вторых, если он использовал отдельные буквы, это не обязательно. Ему, конечно, нужно было, чтобы книга существовала в единственном экзмепляре. Самым простым способом обеспечить это было просто взять тетрадку и написать самому какую-нибудь ерунду. Но – разве книга нужна была самому Эренбургу? Нет, он, видимо, и так помнил, где спрятан клад. Недаром он не стал брать ее с собой, а оставил в России. Книга была нужна на тот случай, если он не доживет до изгнания "немцев" и возвращения большевиков (Фридрих хищно ухмыльнулся: как в воду глядел, старый ублюдок!) И у чего в таком случае больше

шансов сохраниться до нужного момента – у никому не нужной тетрадки или у имеющего историческую ценность раритета? Древний рукописный трактат подходит для такой цели очень хорошо – даже если и существуют копии, они вряд ли точно воспроизводят расположение всех слов на страницах.

Как книга красного юде попала к имперскому аристократу ортодоксальных национал-социалистических взглядов? Ну, это уже детали. Возможно, Эренбург перемудрил с секретностью, и человек, которому было доверено хранение книги, оказавшись в стесненных обстоятельствах, попросту отнес ее в букинистичекий магазин, не подозревая о ее истинном значении. Скорее всего, не ведал об этом значении и князь. Но начал что-то подозревать, обнаружив, что за книгой идет охота...

Как именно обнаружив? Ну, вероятно, ему поступило несколько предложений продать книгу, раз от раза все более настойчивых. И что князь сделал? Скорее всего, переправил книгу в надежное место. В банковский сейф... или кому-то из друзей. Если у него здесь были друзья. Но и это – лишь как временная мера: дальше он собирался передать книгу на Запад... зачем?

Стоп. Насчет Запада – это версия Галле. А князь всего лишь хотел передать книгу своему внуку. Предварительно познакомившись с ним и с его матерью, дабы решить, достойны ли они такого дара. Понимал ли он, что подобный подарок может быть опасным? Наверное, да, но это его не останавливало. Люди, сочетающие личное бесстрашие с эгоцентризмом, редко задумываются о риске, которому подвергают других. Но все же, при всем бесстрашии, он планировал избавиться от книги, передав ее Франциске еще при жизни... или нет? Или он лишь говорил это ей, а на деле пока что хотел только познакомиться с ней и внуком?

Так или иначе, ситуация вокруг книги, по всей видимости, всерьез его беспокоила. Но, несмотря на это, он не обратился за помощью к российским властям, не попросил об охране, иначе Никонов знал бы об этом. А ведь его просьбу, вероятно, уважили бы. Привечать людей не то чтобы прямо враждебных, но не вполне лояльных руководству Райха, уже давно считается у русских хорошим тоном – особенно если дело идет о людях заслуженных, ветеранах войны с большевиками, кавалерах имперских наград и т. п.... Так почему князь к ним не обратился? Не потому ли, что насторожившие его предложения исходили именно от них?

Конечно, выгоднее всего заполучить сведения о большевицком кладе именно русским. Хотя бы потому, что он находится на их территории. Причем очень может быть, что мотивом является не личное обогащение – ну, разве что по мелочи; если стоимость сокровищ действительно исчисляется многими миллиардами марок, ни одному чиновнику попросту не удастся потратить такие суммы. А вот господину Мосюку подобное вливание, позволяющее разом расплатиться по кредитам, очень бы пригодилось в очередных переговорах с Райхом. Как, впрочем, и его противникам, которые купили бы с потрохами многих нужных людей в ПНВ и спецслужбах... На такие деньги не так уж трудно организовать переворот, если уж называть вещи своими именами.

Микроволновка подала мелодичный сигнал; Власов пошел на кухню и выложил биточки на тарелку, хищно раздувая ноздри. Он и без того проголодался, а активная мыслительная деятельность обычно стимулировала его аппетит. За едой он, однако, не переставал размышлять – поэтому отнес тарелку в комнату, поставив ее перед нотицблоком.

Если предыдущие рассуждения верны, тема, так или иначе, замыкается на ДГБ.

Или на какие-то фракции внутри ДГБ. Кстати, кому, как не Департаменту, знать о бумагах Эренбурга? Все-таки именно эта организация занималась в свое время расследованием деятельности НКВД... и в то же время, в некой парадоксальной мере, являлась наследником кровавого наркомата. При любых радикальных сменах власти возникает дефицит профессиональных кадров, который в первое время приходится покрывать за счет слуг старого режима. О, разумеется, лишь тех, "чьи руки не запятнаны кровью невинных"... уголовная милиция, технические специалисты... ну и кое-кто из тех, кто хочет спасти шею от петли, предоставив ценные сведения. Каковые сведения могут вновь обрести актуальность десятилетия спустя.

А кстати говоря, точно ли князь избегал контактов с Департаментом? Куда он ехал в парадном мундире со всеми орденами, если, как выяснилось, ветеранские праздники тут ни при чем? Фридрих загрузил карту и проверил свою догадку. Да, если Зайн-Витгенштайн, выехав из своего дома на улице Бисмарка, направлялся на площадь Освобождения, то его путь вполне мог пролегать по улице Краснова. Впрочем, теоретически он мог попасть таким путем и в посольство Райха. В центре все рядом...

Кстати, о Райхе. Уж больно подозрительно быстро был организован обыск в доме князя после его смерти. Может быть, предложения о продаже книги исходили как раз от имперских представителей? И князь, долгое время колебавшийся – все же он оставался патриотом Дойчлянда – в конце концов решился просить защиты у ДГБ? Но по дороге сердце не выдержало трудного выбора...

Именно это соображение удерживало Фридриха от доклада Мюллеру о связи между книгой и Зайн-Витгенштайном. Почему не рассмотреть и такой вариант, что Райх собирается тайно вывезти русский клад с российской территории. Не только потому, что сокровища ценны сами по себе – в конце концов, Фатерлянд не бедствует – но и чтобы не дать российским властям тот самый козырь, который позволил бы им обрести излишнюю самостоятельность. Не то чтобы Власов, узнай он о таком плане, стал ему мешать; да, с союзниками так не поступают, но и русские столько раз вели себя не так, как подобает союзникам – так что сама идея Фридриха не возмущала. Но где-то наверху могли решить иначе. Когда на кону миллиарды марок и престиж страны, лишние свидетели, даже из числа своих, ни к чему – надежней подстраховаться. И не так ли "подстраховали" Вебера?

Фридриху отчаянно не хотелось в это верить. Но исключить такой вероятности он не мог.

Так, зайдем с другой стороны. Галле признала, что о книге знал кое-кто из ее единомышленников. И в Берлине, и в Москве. Вот этим большевицкий клад точно не помешал бы, и перед убийством Вебера, который, интересуясь деньгами демократов, мог докопаться до этих дел, они бы не остановились. Гипотеза более стройная и куда более приятная. Кстати, поскольку их связь со Спаде – уже доказанный факт, они вполне могли привлечь для убийства профессиональных бандитов. Хотя Спаде не занимается штриком... но, как сказала офицер Шляйм, тут не все так однозначно. К тому же, где в друзьях ходит один уголовник, там могут быть и другие. С другой стороны, Галле отправилась в Москву по собственной инициативе, вопреки воле дойчских соратников... Хотя – так ли это? Глупую женщину могли просто спровоцировать, создав у нее иллюзию, оптимальную для ее авантюристической натуры. Пара разговоров, зная, что она подслушивает под дверью, забытая на видном месте записная книжка...

Теперь – Зайн. Судя по тому, что рассказала фройляйн Моссад, на тему книги он вышел сам. И действует, соответственно, в собственных интересах. Хотя отсюда еще не

следует, что кто-то не использует и его. Тем более что вряд ли Зайну нужен клад как таковой – вывезти все эти сокровища с территории России для частного лица, мягко говоря, проблематично. Скорее всего, он собирается просто продать информацию о кладе после того, как она окажется у него. Кому? Не будем забывать, откуда он прилетел в Россию. В то же время немыслимо, чтобы он готов был продать клад Райху – или отдельным его представителям из той или иной группировки в НСДАП. Даже за очень хорошие деньги. Он слишком ненавидит дойчей. Любых дойчей. Русским он, конечно, тоже не симпатизирует... но, пожалуй, в меньшей степени. Так что едва ли его наниматели в Райхе могут использовать его для действий против России – если таковые действия будут в интересах Дойчлянда. Конечно, он мог лишь притвориться, что согласен на такое задание, дабы, заручившись их поддержкой, повести собственную игру – но вряд ли они настолько глупы, чтобы этого не понимать. Пожалуй, единственное, ради чего Зайн стал бы искренне сотрудничать с дойчами – это ради убийства других дойчей. Ну или нанесения иного серьезного ущерба Райху. Скорее всего, речь идет о теракте на территории России, который еще больше осложнит отношения между двумя странами. И очень удобным временем для такой акции станут Дни арийского единства, когда в Москву традиционно съедутся гости из разных стран Райхсраума. Каковые дни начинаются, между прочим, послезавтра. Хотя кульминация праздника приходится на будущее воскресенье...

Так, а при чем здесь клад? Очень может быть, что и ни при чем. Такому игроку, как Зайн, вполне по силам разыгрывать две партии одновременно. Терактом он занимается по договоренности с кем-то в Берлине, а кладом – для себя лично. Возможно, главной задачей он считает именно вторую, а первую использует лишь для прикрытия, и только ради этого пошел на контакт с кем-то в имперском руководстве. Кем-то, кто рассчитывает использовать ухудшение отношений с Россией в собственной борьбе за лидерство в НСДАП...

Но возможен и иной вариант. Зайн и сам может оказаться пешкой в чужих руках. Точнее, ищейкой, пущенной по следу клада. Как только он его найдет, Зайна ликвидируют. А данное ему террористическое задание – всего лишь пустышка, дабы он сам ничего не заподозрил. А дальше... дальше, вполне возможно, Райх вовсе не пытается выкрасть клад с территории России. А напротив – торжественно возвращает братской арийской стране ее богатства, найденные доблестными дойчскими спецслужбами. Что должно повлиять на отношения двух государств прямо противоположным предыдущему сценарию образом. Попутно подняв акции той фракции в НСДАП, которая выступает за укрепление единства Райхсраума... Кстати, тоже вышло бы эффектное завершение Масленичной недели.

Очень неплохой сценарий, между прочим, куда лучше предыдущего. Снимающий саму проблему измены на самом верху. Проблема в том, что неясно, какой из вариантов верен. В партийном руководстве есть заинтересованные как в одном, так и в другом развитии событий... Настораживает, однако, тот факт, что при этом с Власовым, Эберлингом, а то и самим Мюллером играют втемную. Вместо того, чтобы задействовать весь потенциал Управления для обеспечения операции. Нелогично, очень нелогично. Мало того, что их лишают возможности помочь, они еще и могут неумышленно сорвать весь план, отыскав и ликвидировав Зайна раньше времени. Так что версия красивая, но вряд ли верная. Если только параллельной целью операции не является крупно подставить РСХА. Что сразу лишает сценарий его былой привлекательности.

Еще один важный аспект. У кого все же находится – точнее, находилась – книга: у Борисова или у Зайн-Витгенштайна? Борисов, во всяком случае, не мог быть тем человеком, что продал ее букинистам – он-то знал, какое богатство она сулит. Но... на пленке не говорилось о книге. Было сказано "бумаги Эренбурга". Весьма вероятно, что речь шла о ключе к шифру, а не о самой книге. Более того – Фридрих припомнил точную формулировку – "Аркадий знает, где, но не может достать". Так что здесь все сходится. Книга, видимо, все же была у князя. Носику, может быть, даже удалось проследить ее путь от прежнего владельца – все же он журналист с опытом подпольщика, так что мог устроить собственное расследование. Если, конечно, у него хватило духу – но, когда перед юде маячат по-настоящему большие деньги...

В любом случае, Зайн теперь знает то, что знал и Носик. А до князя ему уже не добраться. Возможно ли, что ему удалось сделать это раньше? Едва ли, ведь в крови старого летчика не найдено никакой дряни. А живым и невредимым Зайн бы его не отпустил.

Но где теперь может быть книга, если она не досталась ни Зайну, ни проводившим обыск в доме князя русским, ни присутствовавшим при том представителям Райха? Вообще говоря, где угодно. Теоретически нельзя исключить даже такой экстравагантный исход, как уничтожение книги самим князем, по принципу "не доставайся же ты никому"... Более реалистичная возможность – что она в ячейке какого-нибудь банка, код и номер которой, конечно же, осторожный цу Зайн-Витгенштайн хранил исключительно у себя в голове. И в этом случае отыскать книгу будет практически невозможно. Более перспективный вариант – если князь передал книгу на сохранение доверенному лицу. Скорее всего – из числа тех самых заслуженных, но не слишком симпатизирующих нынешнему руководству Райха старых дойчей, которых в последние десятилетия любят привечать в России. Теоретически все они известны, но на практике кто знает, насколько строгим был критерий князя. Людей, некогда снискавших не меньшую известность, чем он сам, и ныне проживающих в Москве, вероятно, можно пересчитать по пальцам одной руки. Просто же дойчей не моложе, скажем, шестидесяти и имеющих награды Райха, здесь наверняка не одна сотня, и степень оппозиционности их настроений – вопрос вообще темный... Сбор информации обещал быть достаточно муторным, и Фридрих, не без некоторых колебаний, решил поручить его Лемке.

Но ведь и перед Зайном стоит та же задача. Причем у него нет агентов, способных выполнить для него рутинную работу. Впрочем, как знать, кто может помогать ему в России... Станет ли Зайн проявлять интерес к фрау Галле? Едва ли: ее арестовали у него на глазах и выпустили уже после смерти князя. Он знает, что книга не у нее. Впрочем... как знать, что придет на ум старому фанатику. Он может возомнить, что ей что-то известно. Хотя всякому, хоть немного знающему князя и Галле, ясно, что первый ничего не доверил бы второй, не узнав ее получше – а уж узнав, тем более... В любом случае, Зайн знает, что она привлекла к себе внимание спецслужб, а стало быть, без крайней необходимости ее не тронет.

Итак, что получается? Зайн охотится за кладом, и Зайн получил задание на теракт от кого-то из высокопоставленных деятелей Райха. Имеется связь между демократами и криминальным миром. Это – установленные факты. Ключом к кладу является старинная книга, до недавних пор находившаяся у князя; Зайн до нее еще не добрался; демократы тоже охотятся за кладом; Вебер мог помешать как им, так и берлинским покровителям Зайна; теракт должен состояться в конце масленичной недели. Это – не доказанные, но

очень вероятные предположения.

Теперь – роль ДГБ во всей этой истории. Самый темный момент. Обращался ли туда Вебер незадолго до гибели? А Зайн-Витгенштайн? Известно ли им что-нибудь о книге? О кладе? О Зайне? Чьим планам в этой конторе мог помешать Вебер, в свете новых открывшихся данных?

Фридрих скосил взгляд в угол экрана. 23: 18. Никонов так и не позвонил, хотя обещал рассказать о результатах охоты на владельца целленхёрера. Позвонить ему, или это будет слишком бесцеремонно в такой час? Впрочем, решил Власов, мы не на светском рауте. Ему и самому доводилось получать звонки посреди ночи, а в былые времена – и вскакивать по тревоге.

Он вытащил из кармана свою трубку и выбрал из памяти нужный номер. Майор отозвался почти мгновенно, голосом слегка раздраженным, но явно не заспанным.

– Сейчас перезвоню, – буркнул он в ответ на приветствие и извинение Фридриха.

– Я, собственно, интересуюсь новостями о владельце розовой трубки, – сразу перешел к делу Власов, когда разговор возобновился. – Вы нашли его?

– И да, и нет, – ответил Никонов все так же неприветливо. – Мы установили, кто это и где он живет. Но взять не смогли. Он сбежал еще вчера. Скорее всего, даже не от нас, а от... своего абонента.

Фридрих мысленно согласился. Спаде вряд ли бросает угрозы на ветер.

– Хорошо, – сказал он вслух. – То есть, конечно, хорошего мало. Но я понимаю, вы сделали, что могли, – добавил он поспешно. – Тогда, по крайней мере, расскажите, что это за субъект. Может быть, я чем-то смогу помочь.

– Вообще-то это наш старый знакомый, – усмехнулся Никонов. – Некто Андрей Грязнов, бывший студент физфака МГУ. Три года назад отчислен за диссидентскую деятельность. Ну, знаете, стишки пописывал, листовки распространял... но ничего настолько серьезного, чтобы сесть. По нынешним временам, по крайней мере. Даже пальчики его в картотеку не попали. Пару раз с ним проводили профилактические беседы, ну а когда он попытался сколотить антиправительственную группу, тут уже церемониться не стали. Вы бы, кстати, видели программу этой группы... какая-то дикая помесь марксизма с либерализмом... казалось бы, физик, мозги хоть какие-то должны быть, а туда же...

– Ну и что с ним было дальше? – поторопил Власов. То, что Грязнова сдал кто-то из своих, было очевидно и в пояснении не нуждалось.

– Дальше – типичная "карьера" выгнанного с волчьим билетом отщепенца. Мать у него рано умерла, отец не пожелал с ним знаться. Грязнов работал дворником, пел на Арбате частушки, пытался продавать в переходах самопальные сборники собственных стихов – ну, это своевременно пресекли – потом устроился санитаром в онкологическую больницу.

– Без медицинского образования?

– Так на самую грязную работу же. Но, очевидно, именно там он впервые получил доступ к наркосодержащим препаратам. К сожалению, вовремя это не вскрылось. Его политическая активность тогда была на спаде, и мы упустили его из поля зрения... что вы смеетесь?

– На Спаде. Каламбур, – пояснил Власов.

– А, да. Ну, со Спаде он, очевидно, познакомился позже, когда уже достаточно развернулся. Тот не стал бы иметь дело со всякой мелкой сошкой...

– Грязнов гомосексуалист? – осведомился Фридрих. Почему-то припомнился розовый цвет целленхёрера.

– Нет. У него есть сожительница, еще с университетских времен. Сейчас ее допрашивают, но, похоже, она мало что знает. Тут он, очевидно, был достаточно осторожен.

– Ну, сама по себе сожительница – не доказательство. Некоторые из педе способны спариваться и с женщинами.

– Нет, судя по всему, его отношения со Спаде носили сугубо деловой характер. Хотя вполне вероятно, что Спаде был симпатичен Грязнову и по этой причине. Как "жертва дискриминации сексуальных меньшинств". Вы же знаете, у либералов это пунктик. А Грязнов – искренний либерал, и наркоторговля его взглядам не противоречит.

– Я знаю, – кивнул Власов. – Он ведь никого не принуждает покупать наркоту, так что какие претензии? Для него это еще и дополнительная борьба с режимом.

– В общем, – продолжал Никонов, – когда Грязнов вновь заслужил наше внимание в качестве активного члена демдвижения, он разительно переменился. Обзавелся приличной квартирой, ездил на пусть и подержанном, но "Запорожце", наведывался в дорогие рестораны...

– И вы при всем при этом так и не смогли его прижать?

– Он скользкий тип. Формально числится "предпринимателем без образования юридического лица, оказывающим консультационные и посреднические услуги". Поди разбери, кому и почем он их оказывает... И потом, ведь это все не его. Квартиру ему якобы снимают соратники, машина записана на какого-то дальнего родственника, не вылезающего из загранкомандировок, в рестораны его приглашают друзья и знакомые... Но в последнее время его благополучие серьезно пошатнулось. Очевидно, по той же причине, что и у его компаньона. Тут между ними начались и конфликты. Жаль, что мы получили доказательство так поздно.

– Как по-вашему, – задумчиво спросил Фридрих, – мы еще увидим Грязнова живым?

– Сожительница говорит, что он надеется достать денег, чтобы рассчитаться со Спаде. За этим, вроде бы, и уехал – не сказав, конечно, куда... Если у него это получится, то вполне может быть.

– Что ж, хотя это и не тот человек, которому приятно желать здравия, будем надеяться, что он доживет до допроса.

– Аминь, – усмехнулся Никонов. – А вы ничего не хотите мне рассказать?

– Хочу, – ответил Фридрих, вдруг осознав, что есть возможность оформить собственную просьбу в виде любезно предоставляемой информации. – Есть сведения, что незадолго до гибели Вебер встречался с... генералом. Вы могли бы это проверить?

– Хм, – майор ненадолго задумался, – сведения, говорите... Пожалуй, я мог бы получить доступ к журналу на вахте и посмотреть, на кого выписывали пропуска в эти дни. Но если Вебера там нет, это ничего не докажет. Пропуск мог быть выписан на другую фамилию. Или же они могли встретиться в неформальной обстановке. Вам точно известно, что встреча была в здании ДГБ?

– Если бы мне было известно точно, не пришлось бы вас беспокоить... А если нет? Учитывая ваше знание генерала – где еще они могли бы встретиться?

– Я не такой уж эксперт по генералу... Ну, он наверняка не стал бы приглашать незнакомца домой или на дачу. Или проводить серьезную встречу в каком-то публичном

месте. Возможно, он велел бы своему шоферу доехать до какого-нибудь лесочка или пустыря. Или поговорили бы прямо в машине. Это лимузин, вы же понимаете.

– Понимаю, – кивнул Власов; Никонов намекал на непроницаемую перегородку, отделяющую пассажиров лимузина от глаз и ушей водителя. Кстати, обычно в таких машинах бывает и бар... правда, Бобков не походил на радушного хозяина, предлагающего собеседнику "пропустить стаканчик с мороза". Или Веберу он демонстрировал иную маску, нежели Власову?

Фридрих поблагодарил майора, пообещал поставить в известность, если узнает что-то интересное (увы, узнанное за сегодняшний день для русских ушей не предназначалось) и попрощался, вернувшись к своему недописанному отчету. После долгих колебаний он изложил все, что узнал от Шляйм, но упоминать о связи между кладом и князем все-таки не стал.

В конце концов, это все еще было не более чем предположение.

Kapitel 27. 10 февраля, воскресенье, день. Москва, улица Бутырский Вал.

Франциска тяжело вздохнула и в третий раз нажала кнопку набора номера. И, разумеется, вслед за веселым пиликаньем тонового набора из динамика опять потекли тягучие длинные гудки. Фрау Галле стиснула трубку так, что побелели костяшки, с трудом удерживаясь, чтобы не швырнуть целленхёрер в противоположный угол комнаты. Затем волна гнева схлынула, сменившись волной острой жалости к себе. В носу противно защипало.

И ведь еще несколько дней назад все складывалось так хорошо! После всех ссор дома и на работе, после того кошмара, который ждал ее при прибытии в Россию, фортуна, казалось, вновь начала улыбаться ей. Она уже предвкушала свой триумф, уже придумывала, как будет украшать свой дом где-нибудь на калифорнийском побережье... Как вдруг все посыпалось буквально на глазах. Старик мертв, книга исчезла, Берта только и ждет повода выставить ее за дверь... мерзкая старуха, а ведь сперва казалась такой милой... и все от нее отвернулись, все предали! Московские демократы, еще недавно такие любезные, теперь шарахаются, как от чумной. Нет, хуже, чем от чумной – как от сифилитички... единомышленники, называется... конечно, она понимает – сначала пресс-конференция, потом это дурацкое собрание в редакции "Свободного слова", где она надеялась реабилитироваться, а вышло все наоборот... самое ужасное, что сразу после того собрания арестовали одного из них – кажется, как раз того любезного молодого человека с "Запорожцем"... или нет, хотели арестовать, но он успел бежать – она плохо поняла по-русски... но что она поняла, так это что виноватой они считают ее! Ей не сказали это напрямую, но трудно было не догадаться. Ну, может, не совсем ее, а этого чертова нациста, Власова, но ведь привела-то его она! Это он во всем виноват! И мало того, что он втравил ее черт знает во что (между прочим, если этого Андрея действительно схватят, что тот расскажет о ней?), мало того, что не обращает на нее никакого внимания, так еще и куда-то запропастился и не отвечает на звонки!

Франциска резко нажала отбой. В ту же секунду телефон зазвонил.

Неужто у Власова проснулась совесть? Фрау Галле несколько секунд предавалась мстительным мечтам, как не будет брать трубку ни сейчас, ни через час, ни через два – пусть-ка помучается, как мучилась она! – но затем все же не утерпела и нажала кнопку приема.

– Hello, Frau Galle, – раздалось из трубки; голос совсем не соответствовал ожидаемому, и она не узнала бы его, если бы не английское приветствие. – Это Майк Рональдс, – продолжал корреспондент на дойче, хотя и с сильным американским акцентом. – Прежде всего, я хочу извиниться за свое поведение в нашу прошлую встречу. Я вел себя не так, как подобает джентльмену... правда, это все по причине вашего спутника, но я понимаю, что меня это не оправдывает...

– Ничего, мистер Рональдс, все в порядке, – растаяла Франциска, мигом позабыв свои обиды на американца. Есть, все-таки есть еще мужчины в этом мире!

– Мне нужно с вами встретиться и поговорить, – продолжал корреспондент. – Это очень важно. Вам будет удобно сегодня... лучше, если прямо сейчас?

– Сейчас? ... – растеряно пролепетала Франциска. – Я... я не знаю... подождите минуту, я посмотрю...

Продолжая прижимать трубку к уху, она осторожно заглянула в "дальнюю", как называла эту комнату старуха. Слава богу, Микки наконец-то спал, и притом спокойно, не стонал и не метался во сне. Должно быть, лекарство наконец-то подействовало. Можно надеяться, что он проспит еще несколько часов. Фрау Галле вернулась в коридор.

– Да, сейчас у меня есть немного времени, – сказала она, ненавязчиво акцентируя "немного". Пусть не думает, что она готова бежать по первому зову. – А о чем вы хотите поговорить?

– Это... не надлежит обсуждать по телефону, – ответил американец, и тон его сделался на несколько градусов прохладнее, чем минуту назад. – Но мне кажется, что это в ваших интересах.

– Хорошо, – ответила фрау Галле, чувствуя мгновенный испуг и возбуждение одновременно, как бывало всегда, когда перед ней маячила очередная авантюра. – Где вы хотите встретиться?

– Я подъеду на машине к вашему дому. Я имею в виду, к дому на Бутырском Валу. Через двадцать минут вас устроит?

– Через двадцать? ... – ох уж эти мужчины! Они привыкли обувать ботинки и бежать, им не приходит в голову, что женщине сперва нужно привести себя в порядок... особенно если эта женщина проплакала пол-утра... – Давайте лучше через сорок пять. Сейчас без четверти час...

– Хорошо, значит, в полвторого, – откликнулась трубка. – До встречи, фрау Галле.

Лишь когда Рональдс дал отбой, она сообразила, что он знает ее нынешнее место жительства. Откуда, ведь она ему не говорила? За ней следят! Впрочем, если следят американцы, это еще не так плохо... Хотя, наверное, ему просто сказали те люди, что пристроили ее сюда...

Власов. Он велел звонить и сообщать ему, если она захочет предпринять что-нибудь этакое. А не пошел бы он... Презирая себя, фрау Галле все же выбрала из памяти трубки прежний номер и вновь нажала кнопку набора. Длинные гудки. Вот и славно. Он сам себя наказал.

В 13: 36 Франциска без большой спешки вышла из подъезда и оглянулась по сторонам. Среди машин, заполонивших стиснутый домами дворик, она заметила какой-то белый "мерседес", но, сделав шаг в ту сторону, поняла, что машина пуста. Тут же, однако, отрывистое бибиканье окликнуло ее от въезда во двор, и фрау Галле увидела стоящий под аркой такой же автомобиль – на сей раз тот самый. Как видно, тот факт, что он перегораживает въезд и выезд, ничуть не смущал американца.

На сей раз Рональдс в машине был один, и Франциске это почему-то придало уверенности.

– Куда поедем? – деловито осведомилась она, устраиваясь поудобнее на правом сиденье.

– Вперед, – неопределенно ответил американец, трогаясь с места. Вышло у него не слишком удачно: автомобиль дернулся и чуть не заглох. – Никак не привыкну к ручной коробке передач, – пожаловался он. – У нас-то почти все машины с автоматической.

– А почему у нас нет? – спросила фрау Галле. Сама она никогда не училась водить машину, полагая, что "техника не для нее", и не имела представления о предмете разговора.

– Ручная передача позволяет ездить экономичнее, – пояснил Рональдс и чуть было не добавил простодушно "и вообще предоставляет больше свободы умелому водителю", но вовремя прикусил язык.

– Вот так всегда, – с жаром подхватила Франциска, – у нас думают только о том, как бы сэкономить. А в Америке – об удобстве для простого человека.

– Америка вообще куда более удобная страна, – согласился Майк. – Даже в плане погоды. Не считая разве что Аляски, так ведь и ту мы купили у русских, – он в очередной раз сверкнул рекламной улыбкой.

– Так о чем вы хотели поговорить? – напомнила Галле. "Мерседес" тем временем влился в общий поток, катящийся по Бутырскому Валу.

– О разных вещах, – Рональдс продолжал улыбаться, – в частности, об Америке. И о России.

– Я вас не понимаю, – Франциска насторожилась.

– Не будем возвращаться к темам вашей пресс-конференции, – все тем же безмятежным тоном произнес американец. – Мы оба знаем, что вы там сказали и почему. Интереснее то, о чем вы не сказали. В частности, о том задании, с которым вы прибыли в Москву.

– Но, мистер Рональдс, – брови журналистки поползли вверх, – вы же профессионал и понимаете, что я не могу так просто делиться редакционными секретами...

– Совершенно верно, я профессионал, – Майк так и лучился самодовольством, – и потому провел небольшое журналистское расследование. Мне кое-что известно, фрау Галле. Например, что никакого редакционного задания от "Либерализирунг" вы не получали. Или что в последнее время у вас возникли сложности с друзьями. Русские борцы за свободу, конечно, хорошие парни, но немного слишком подозрительные. Что вполне натурально для жителей тоталитарного государства. И они подозревают вас кое в чем плохом...

– Вы не журналист! – Франциска испуганно отодвинулась к дверце. – Кто вы?

– Я действительно работаю на Общественном радио Нью-Йорк Сити, вы можете это проверить. Ну а еще я человек, который может вам помочь, – он сделал значительную паузу. – Помочь не только с вашими текущими проблемами, но и вообще... вы ведь хотели бы перебраться в удобную страну, о которой мы только что говорили? Вместе с вашим сыном? Но, конечно, хорошо бы, чтобы и вы помогли... нам, – Майк увесисто подчеркнул голосом последнее слово.

– Что вы от меня хотите? – произнесла Галле после короткой паузы, все еще не зная, радоваться ей или пугаться.

– Я ведь уже сказал вам. Просто расскажите, что вам известно. Это может представлять для нас интерес. И послужить делу свободного мира, не забывайте.

– Я... по правде говоря, я знаю не так уж много, – смущенно пробормотала Франциска.

– Ничего. Вы же знаете, иногда ценной бывает и крупица информации. Итак, зачем вы прибыли в Москву?

– Я... – фрау Галле отвела взгляд, – ... подслушала один разговор в редакции. Вы понимаете, случайно... – она почувствовала, что краснеет, и понадеялась, что это незаметно под косметикой. – В общем, здесь что-то готовится. В Москву собирается приехать большой человек из Райха... из партийной верхушки... кажется, это произойдет на Масленичной неделе.

Майк отметил снисходительной улыбкой слово "партийной" без указания, о какой партии речь. "Вполне натурально для жителей тоталитарного государства".

– И что? – произнес он вслух. – На Дни арийского единства, как это у них называется, в Россию всегда приезжают официальные нацистские делегации.

– Нет-нет, это не обычный визит, – торопливо возразила Франциска. – Он очень важный... и его не хотят. Не хотят важные люди в Райхе и здесь, в России. Поэтому он готовится в тайне. Если он состоится, будет большой скандал. Может, даже что-то большее, чем скандал.

– Если он такой тайный, как о нем узнали в "Либерализирунг?" И почему газета не печатает сенсацию?

– У нас свои источники, – гордо изрекла фрау Галле. – Нацисты – тоже живые люди. У них бывают жены, дети, любовницы, и не обязательно разделяющие их взгляды. Кто-то кому-то что-то сболтнул... А не печатают потому, что наш главный слишком осторожен. Мол, непроверенные слухи и все такое. Я уже не раз с ним ру... спорила, говорила, что нельзя бороться с нацизмом, блюдя нацистские законы, но все без толку. Его, конечно, можно понять, газета постоянно балансирует на грани закрытия, штрафы приходится платить чуть не каждый месяц, но...

– Понятно. И вы помчались в Москву без санкции коллег, чтобы быть в центре событий. В надежде, что победителей не судят.

– Ну, в общем, да.

– И вы не знаете, кто этот большой человек? Или хотя бы кого он представляет и почему его не хотят?

Фрау Галле замотала головой:

– По-моему, говорившие и сами толком не знают.

– Ну хорошо. И что, это все, что вы знаете? Все, ради чего вы прибыли в Москву? – Майк позволил себе оторваться от дороги, чтобы взглянуть на нее испытующе-проницательным взглядом, позаимствованным у лучших полицейских из холливудских детективов.

– Не совсем... вы про... про... ту вещь? – пробормотала Франциска.

– Вы сами знаете, – солидно ответил Рональдс.

– Я пока не смогла ее достать. Старик умер, вы, должно быть, в курсе... и книги у него уже не было. Но, может быть, он ее спрятал... может, я еще найду... Скажите, если я ее найду, я могу передать ее напрямую вам? Без тех посредников. Чтобы... вы понимаете, вознаграждение...

– Конечно, будет лучше всего, если вы сразу передадите ее мне.

– И я сразу получу деньги?

– После того, как мы убедимся, что это та самая книга.

Такой ответ, похоже, не слишком порадовал фрау Галле, но возражать она не осмелилась.

Машина свернула направо.

– Больше вы ничего не хотите нам сообщить? – поторопил американец. – Может, о наркотике, который вам подбросили?

– Я же говорю, что знаю не так много... – жалобно пролепетала Франциска. – И про наркотик... наверное, это провокация гестапо, но я не могу это доказать. Знаю только, что это сделали еще в Берлине... И еще вот... этот человек, Власов... не знаю точно, кто он, но, по-моему, он опасен. Я пока не могу порвать с ним... он вытащил меня из тюрьмы, но, кажется, может упрятать обратно, – она зябко поежилась. – Мистер Рональдс, пожалуйста, помогите мне поскорее выбраться из этой ужасной страны!

– Я посмотрю, что могу для вас сделать, но, сами понимаете, это зависит не только от меня. А что, делать свой сенсационный репортаж вы уже не хотите?

– Хм, – задумалась фрау Галле. – Вообще-то хочу. Я хочу принести пользу свободному миру, разоблачая нацистские козни, – произнесла она голосом старательной ученицы.

– Хорошо, – кивнул Рональдс. – Мой телефон у вас сохранился? (Франциска закивала). Ну вот, мы приехали.

– Куда?

– Не узнаете? Вот же ваш дом, мы просто подъехали с другой стороны. See you again, фрау Галле, – Рональдс заговорщицки подмигнул.

Когда женщина нырнула во двор, "мерседес" снова тронулся с места, но на сей раз проехал совсем немного. Он остановился через несколько домов, и минуту спустя сзади подъехал и встал "BMW". За рулем сидел Власов; кронштейн-держатель удерживал возле его уха целленхёрер.

– Все чисто, шеф, – доложил из трубки голос Лемке. – Похоже, никто не следил ни за ними, ни за вами.

– Gut, – коротко бросил Фридрих и, выбравшись из машины, направился к "мерседесу".

– Everything OK? – осведомился он, садясь в кресло справа от Рональдса. Сиденье еще хранило тепло чужого тела, и это заставило Фридриха брезгливо поморщиться.

– Ja, – ответил любезностью на любезность Майк.

– Пленку, – Власов требовательно протянул руку. Рональдс чем-то щелкнул в недрах своей куртки, и на ладонь Фридриха легла крохотная диктофонная кассета.

Идея позвонить американцу родилась у Власова рано утром, когда он, выбравшись из душа, размышлял, что можно сделать полезного в воскресенье. Заброшенных удочек было уже не так мало, но пассивно ожидать поклевки не годилось. Он принялся рассматривать свою схему, пополнившуюся за эти дни несколькими кружками и стрелками, и вдруг подумал, что в ней не хватает Рональдса. Едва ли тот имел отношение к теме, и все же... Доселе у Фридриха как-то не доходили руки собрать о нем информацию. Теперь же он засел за нотицблок и полчаса спустя уже знал, каким образом американец может быть ему полезен. "Использовать энергию врага против него самого" – кажется, такой принцип декларируют какие-то восточные единоборства. Фридрих никогда не увлекался подобными вещами, но сам принцип был хорош.

Он отыскал карточку, некогда конфискованную в гостинице, и набрал номер.

– Мистер Рональдс? Это Фридрих Власов, – сказал он по-английски. – Вы, помнится, хотели встретиться со мной и побеседовать. Так вот сейчас я готов. И у меня есть для вас кое-что важное.

Как и предполагал Фридрих, американец сразу ухватился за эту идею. Идею "посидеть в каком-нибудь кабачке" Власов отверг, пояснив, что конфиденциальные переговоры лучше вести в машине, "моей или вашей", добавил он не без умысла. "Причем на ходу, – продолжал просвещать он Майка. – Тогда по крайней мере стационарному наблюдателю будет крайне трудно понять содержимое разговора по губам или по микровибрациям стекол".

Заинтригованный до крайности таким вступлением, Майк примчался на место встречи (назначенной Фридрихом неподалеку от Бутырского Вала) уже через полчаса. Власов, однако, решил потомить его еще немного и, пересев в белый "мерседес", позволил американцу начать разговор первым.

– Знаете, я тут кое-что почитал... насчет бомбардировок, – сказал Рональдс. – Конечно, все это почти наверняка русско-германская пропаганда, даже когда цитируются наши источники... цитату ведь несложно передернуть, верно? Я еще проверю все это, когда вернусь домой...

– Проверьте, – кивнул Власов. – Только выбирайте книги, изданные сразу после войны. Тогда этого всего не стыдились. Не современные переиздания, в них могут быть купюры.

– Но, даже если это правда, вы ведь не будете отрицать, что германцы тоже бомбили мирные города? Они первыми сбросили бомбы на жилые кварталы Лондона...

Фридрих тяжело вздохнул.

– Вот это как раз к вопросу о пропаганде, – сказал он. – И о передергивании. Да будет вам известно, во время Битвы за Британию в 1940 существовал строгий приказ Гёринга – бомбить только военные объекты, избегая жертв среди мирного населения. А потом произошла трагическая случайность. Экипаж германского ночного бомбардировщика сбился с курса и в темноте сбросил бомбы на Лондон. Британцы только этого и ждали и тут же начали бомбежки германских городов. Подозреваю, что, не случись тот инцидент, они бы сами инсценировали нечто подобное... Хитлер в гневе приказал бомбить в ответ города Британии. Это была роковая ошибка, лишний раз показывающшая, сколь неуместны эмоции в политике. Вместо того, чтобы продолжать концентрированно уничтожать аэродромы и заводы Королевских ВВС, мы распылили силы, и британцы, стоявшие уже в одном шаге от поражения, сумели оправиться. Позже, в 43-м и 45-м, мы учли прошлый опыт, но Британию уже защищали чуть ли не все сухопутные силы США...

– А неплохо мы вам тогда всыпали, – заметил Майк таким тоном, словно во время тех событий лично командовал, как минимум, дивизией.

– Как сказать. Вы тоже понесли большие потери, куда больше, чем на Тихом океане. Японцы, с их культом воина-самурая, вообще никогда не умели как следует воевать. Они слишком стремились умереть за императора. А хороший солдат думает не о том, как умереть за свою родину, а о том, как сделать, чтобы за свою родину умер враг... Ну ладно, не будем сводить старые счеты. Хотя я понимаю, что вы и сейчас не любите Германию и Россию. А я не испытываю больших симпатий к Америке. Но любовь нам и не требуется. Это вообще плохая основа для отношений, браки по любви распадаются в

70% случаев... в отличие от браков по расчету.

– Это вы про что? – спросил Рональдс с некоторым испугом.

– Это я метафорически, – рассмеялся Фридрих, поняв причину смущения Майка. – Замучили педерасты на родине, да? Не беспокойтесь, здесь эта проблема не актуальна. Хотя ведь именно благодаря ей вы оказались в Москве? Видите ли, мне кое-что известно, мистер Рональдс. Я навел о вас справки. Это несложно, вы ведь человек публичной профессии. Вашу карьеру на Общественном радио Нью-Йорка не назовешь очень успешной. Заурядные репортажи о событиях локального значения... Это – ваша первая загранкомандировка, и досталась она вам случайно. Просто после того, как ваш более удачливый коллега был отсюда выдворен из-за сексуального скандала, вашему начальству срочно понадобился человек в Москве, и не было времени ждать, пока освободится кто-то более, как это у вас говорят, продвинутый...

– Мне просто не давали развернуться! – возмущенно воскликнул Майк.

– Разумеется. И вот вы получили шанс. Как вы его используете? Скандальное дело об аресте Франциски Галле обернулось пшиком. Более того, вы умудрились даже поссориться с ней самой. Запись, сделанная на собрании демократов, может, и интересна, но ваше начальство не захочет давать в эфир мои аргументы, а без них прочее теряет смысл. Сказать вам, что будет дальше? Ваш шеф отзовет вас обратно, как только из отпусков и командировок вернется Кей Маклин или Робин Мауи. Я правильно произношу?

– Чего ради вы все это говорите? – пробурчал Рональдс.

– Ради того, чтобы вы поняли, зачем я нужен вам. Теперь о том, зачем вы нужны мне. Вы, очевидно, уже пришли к выводу, что я представляю в России... не только компанию "Мессершмит". Что ж, это верно. Не напрягайтесь так, мистер Рональдс, и следите, пожалуйста, за дорогой! Никто не собирается вербовать вас в шпионы. При всех наших разногласиях у нас есть общие интересы... говоря "у нас", я имею в виду и наши страны тоже. В частности, борьба с наркотиками. В Америке их ведь тоже не любят? Так вот я работаю на Специальный отдел по борьбе с наркотиками. К сожалению, высокопарные политические глупости мешают нашим американским коллегам сотрудничать с нами. Но мы ведь не обязаны повторять ошибки политиков, не так ли?

– Что вы от меня хотите? – Майк заметно нервничал. – Я не имею никаких дел с наркотиками!

– Что я хочу? Подкинуть вам материал, который может быть вам интересен, как журналисту. И получить взамен кое-какую помощь в моем собственном расследовании.

– Почему я должен вам верить? – осведомился Майк. – Откуда мне знать, что вы и в самом деле из антинаркотической службы, а не из СД?

– Потому, что я не собираюсь давать вам поручений, смысл которых вам непонятен. Речь идет о фрау Галле. Нет, не о ее политических взглядах...

– Вы хотите сказать, что она – действительно наркокурьер? – Майк был само недоверие.

– Нет, конечно. Ее, как это у вас говорят, подставили, это совершенно очевидно. Но это произошло не случайно. Помимо своей воли она оказалась пешкой в руках очень скверных и опасных людей. К сожалению, из-за все той же дурацкой политики она не понимает, кто ей враг, а кто друг. Я вытащил ее из тюрьмы – к счастью, наши русские коллеги сговорчивей американских – а она по-прежнему мне не доверяет. Честно говоря, я уже устал от ее вранья. Зато с представителем "свободного мира" она, несомненно, будет

откровеннее. Особенно если решит, что вы представляете более могущественную организацию, чем Общественное радио Нью-Йорка. Что вы можете помочь ей и ее сыну перебраться в Штаты, о чем она давно мечтает... Правда, она на вас в обиде, но на меня она сейчас дуется еще сильней, так что стоит вам извиниться повежливей – и она ваша, уже хотя бы из одного желания досадить мне. Ну а потом вы ей кое-что расскажете, дабы она поняла, как много вы о ней знаете и что откровенность в ее интересах...

– Получается немного нечестно по отношению к госпоже Галле, – заметил Рональдс.

– И это говорит американский журналист? – усмехнулся Фридрих. – Ладно, ладно, обойдемся без шпилек. Никто ведь не пострадает. Вы получите информацию, которая может быть интересна вам, я – мне. А госпожа Галле, возможно, избегнет большой опасности.

Майк больше не колебался, и Власов коротко проинструктировал его относительно текущей ситуации фрау Галле. Журналисту не слишком понравилась идея сразу же отдать единственную запись разговора, но пришлось смириться.

– Главное – держитесь уверенней, – напутствовал напоследок Фридрих. – Если она заговорит о чем-то непонятном, делайте вид, что вы в курсе. Я потом отвечу на ваши вопросы.

И вот теперь Власов, вставив в одно ухо шарик наушника, прослушивал пленку, а Рональдс с нетерпением ждал окончания этого процесса.

– Как видите, она ничего не знает о наркотиках, – заявил журналист почти обвиняюще, когда Фридрих вытащил наушник.

– Да, – притворно вздохнул Власов, – улов оказался скромнее, чем я ожидал.

– Я все же не уверен, что вас интересовало именно это, – изрек Майк.

– А что еще? Этот дурацкий визит, по которому никак не могут согласовать протокольные вопросы? Ну даже если б я и впрямь работал на СД – как по-вашему, германской разведке очень нужно узнавать окольными путями о визите германского официального лица в союзную страну? Тем более когда об этом знает уже любая "Либерализирунг"?

Майк пристыженно хмыкнул, сознавая, что сморозил глупость, но Власову на самом деле было не до смеха, ибо реально ситуация была именно такова. Конечно, начальство не обязано было докладывать ему о любой готовящейся втайне дипломатической акции. Но раз акция намечалась в России в ближайшее время и, следовательно, могла иметь прямое отношение к теме... И хорошо еще, если за дураков держат только их с Эберлингом. А если не в курсе и Мюллер?

– А что это за книга, о которой она говорила? – продолжал свои расспросы Рональдс.

– А, это... Это, представьте себе, еще одна грань международного криминального бизнеса – скупка краденого частными коллекционерами. Речь идет об одном букинистическом раритете, который госпожа Галле, по всей видимости, хочет продать на Запад. Возможно, она не отдает себе отчет, что это противоречит и нашим, и американским законам. Она полагает, что имеет на эту книгу некие права, что на самом деле отнюдь не так... Если она и впрямь передаст ее вам, – в этом, впрочем, Фридрих очень сильно сомневался, – полагаю, вы поступите, как законопослушный гражданин. Впрочем, за публичный скандал с уличением правозащитницы в контрабанде вас дома вряд ли похвалят. Так что лучше передайте книгу мне... или, если мне не доверяете, в

имперское посольство. Вы получите достойное вознаграждение за возвращение культурного наследия Райха.

– Так и сделаю, – пообещал Рональдс.

Фридрих, однако, не был уверен в искренности этих слов.

Kapitel 28. Тот же день, поздний вечер. Москва, Старый Арбат, 35

Хайнц взял двумя руками огромную – не менее чем литровую – кружку пива с высокой белой шапкой пены.

– Отличная штука, – в который уже раз сказал он, – варят не хуже, чем дома.

– У меня мало времени, – Власов не поддержал тон друга, – мне хотелось бы сегодня ещё и выспаться. Надеюсь, мы продолжим беседу в другом месте?

Фридрих злился. Эберлинг неожиданно позвонил ему из "Калачей" и предложил вместе поужинать. Власов, полагая, что Хайнц хочет сообщить ему что-то полезное – и, в свою очередь, узнать о его успехах и планах, – отправился в Центр, по дороге был предупреждён навигатором о пробке, попытался было добраться до нужного места по арбатским закоулкам, и в конце концов застрял: нужная улочка была перегорожена. Пришлось бросить машину и идти пешком. В другом городе и в другое время это было бы терпимо, но на сей раз московская погода превзошла сама себя: с неба сеялась мерзкая мокрядь, а порывы ветра размазывали её по лицам прохожих. Ощущение было преотвратное.

Какой-то мужчина в шапке, замотанный шарфом по самые брови, стоял под фонарём и протирал заляпанные снежной кашей очки. Власов невольно посочувствовал ему: было понятно, что по такой погоде очки придётся протирать через каждые пять шагов.

Плутая по переулкам, Фридрих вышел на Старый Арбат не там, где хотел. Пришлось ещё идти вдоль улицы, закрываясь от ветра руками.

"Калачи" тоже не порадовали. В гардеробной было полно разномастного народу: заявилась большая компания. Пришлось ждать, пока портье, изнемогающий под грудой тяжёлой мокрой одежды, примет, наконец, его куртку. Получив номерок, Власов по привычке посмотрел на цифру и с удивлением обнаружил, что ему, как и в прошлый раз, достался 67-й номер.

В туалете было не протолкнуться – все кабинки и писсуары были заняты, пришлось ждать. Пространство вокруг раковины было заляпано жидким мылом. Ближайшая настенная коробка с бумажными полотенцами была пуста, пришлось минуты полторы ждать, пока появится служитель с новым пакетом. Всё это испортило настроение окончательно.

Общий зал был набит битком – даже у стойки не было свободных мест. Грохотала музыка. Фридрих осмотрелся, но Хайнца не увидел. Решив, что Эберлинг занял кабинет, он направился туда, но убедился, что дверь заперта, а из кабинета доносятся чьи-то нетрезвые голоса.

– Простите, уважаемый господин, вы кого-то ищете? – мурлыкнул над ухом женский голос. Подняв глаза, Власов обнаружил, что перед ним стоит рыжая девица с вышитым словом "Администратор" на блузке. Вид у неё был затурканный, но она держалась.

– Ищу, – подтвердил Фридрих.

– Вам просили передать... – рыжая осеклась, сообразив, что начинает не с того. – Простите... Ваша фамилия Власов?

– Да, – сказал Фридрих.

Девушка с облегчением вздохнула.

– Вам просили передать, чтобы вы подождали. Ваш друг отошёл по делам и скоро будет. Позвольте, я провожу вас за столик...

Столик на двоих в углу оказался неожиданно удобным: несмотря на людей вокруг, он стоял уединённо. На столешнице осталась пивная кружка с остатками пены и блестящая водочная стопка: видимо, Эберлинг уже успел принять на грудь. Власов заметил, что его друг занял самое лучшее место – в углу, спиной к стене. В качестве маленькой мести Фридрих решил было занять это место сам, но потом передумал. У обоих мужчин был по понятным причинам сильно развит "спинной рефлекс": сидеть, не видя, что делается за спиной, им было неприятно. Однако Хайнц всё-таки пришёл раньше...

Подскочила официантка, ойкнула, увидев неприбранную посуду, извинилась и унесла кружку и стопку. Власов попросил меню, устроился поудобнее и попытался отвлечься от окружающего шума. Впрочем, в этом углу он как-то смазывался, даже музыка звучала глуховато.

В голову лезли странноватые мысли. Например, кружка и стопка. Если их не убрали вовремя, значит, Хайнц ушёл отсюда буквально только что. Почему же они не встретились с ним в гардеробе или хотя бы на выходе? Впрочем, в той толчее немудрено и разминуться... Стоп, стоп. Немудрено для кого? Фридрих был уверен, что узнал бы Эберлинга в любом случае. Не значит ли это, что Хайнц вовсе не выходил из "Калачей"? Или вышел через служебный вход – он же здесь завсегдатай? Может быть, он увидел кого-то – и не хочет, чтобы этого человека видел Власов? Точнее, не хочет, чтобы его видели с ним вместе? Кто это мог быть? Возможно, какой-нибудь дэгэбэшник? Или...

– Привет, дружище! – это был Хайнц. – Прости, что заставил ждать. Но, знаешь ли, мне пришлось выбирать, кого заставлять ждать – тебя или мой мочевой пузырь, и я пришел к выводу, что ты окажешься сговорчивей, – он довольно хохотнул над своей тяжеловесной шуткой.

Власов почувствовал себя сконфуженным. Ему не пришло в голову самое простое – и он уже успел наизобретать всяких сложностей. Может быть, и в деле Вебера он не видит чего-то тривиального? С этой чертовой работой самое простое всегда приходит в голову последним...

Эберлинг, казалось, в упор не замечал настроения друга. Он заказал себе литровую кружку своего любимого пойла, заказал половинку утки по-старочешски с кнедликами и опрокинул в себя для аппетита ещё стопку водки. Фридриху всё это решительно не нравилось. Меланхолично жуя говядину с грибами – надо признать, неплохо приготовленную – он слушал болтовню друга, дожидаясь, когда же, наконец, они смогут выйти отсюда и поговорить без учёта "первого крестика". Намёки не помогали.

Наконец, Власов не выдержал.

– У меня есть сведения, касающиеся нашего дела, – сказал он.

– Если они входили в твои отчёты, то я уже в курсе, – заявил Эберлинг. – Меня лично заинтересовало одно обстоятельство. Что это за событие в Москве, к которому так торопилась эта Галле?

Фридрих внимательно посмотрел на Эберлинга: он должен был понимать, можно

ли говорить об этом здесь. Тот невозмутимо вернул взгляд.

– Это не вполне понятно. Судя по тому, что я знаю сейчас, готовится неожиданный приезд в Москву кого-то из наших политиканов. Визит официальный: его санкционирует российское руководство. Скорее всего, политикан при должности. И, что называется, знаковая фигура. Будет что-то сказано. Визиту препятствуют влиятельные круги – и у нас, и здесь. Ожидается скандал. Это пока всё.

– Н-да, – Хайнц прожевал очередной кусочек утки, запил пивом. – У меня есть кое-какая информация из дома... а ещё больше – от наших друзей здесь. Это не слухи. Что-то такое и в самом деле готовится. Конкретно – где-то на Масленицу ожидается визит в Россию кого-то из политиков верхнего уровня. Что, в свою очередь...

– Стоп, – Власов взмахнул рукой. – Ну, допустим, ожидается чей-то официальный визит. В последние годы в Россию из Райха ездят мало, особенно если дело касается фигур первого уровня. Допустим, решено взломать лёд. Но это не сенсация и тем более не скандал. Даже если сюда прилетит сам Райхспрезидент. Разве что он прилетит на "Норде"... – мрачно пошутил он.

– Ну, в общем, ты прав, – согласился Эберлинг. – Никакого скандала в таком визите нет. Но шум всё-таки ожидается. В Россию собирается какая-то известная политическая фигура. При этом обладающая какими-то официальными полномочиями. Если же учесть то, как взбудоражены либералы...

– Понятно, – Власов схватил идею. – Крупный оппозиционный политик либеральной направленности. Летит в Москву, чтобы выступить здесь с каким-нибудь сильным заявлением. Повод тоже ясен: референдум. Вопрос: что такого страшного он может произнести именно в Москве?

-Мало ли что. Разные бывают варианты... – Хайнц в задумчивости отхлебнул пива. – Ну, например... например – призвать райхсграждан, живущих в России, голосовать против сохранения нынешнего устройства Райха... Их тут довольно много. Те же фольки имеют двойное гражданство через одного. Вот и вариант.

– Извини, это чушь, – Власов вытащил из вкусного соуса грибочек, наколол на ту же вилку кусочек мяса и аккуратно отправил всё это в рот. – Начнём с того, что сколько-нибудь официальное лицо ничего такого говорить просто не имеет права. Это несовместимо с должностными обязанностями. Разве что независимый политик... Но кто? Кто там в СЛС достаточно влиятелен? У них нет ни одного запоминающегося лидера – я имею в виду, такого, который реально что-то значит. Ну, допустим, какая-нибудь Новодворская. Или кто там у них от христианских демократов... Да хоть бы даже Лех Валенса, если его выпустят из-под очередного ареста. Всё это – не такие события, чтобы устраивать по этому поводу столько возни. Но главное – в чём смысл? Проповедовать фолькам вредные для Германии идеи – это просто смешно. Что в Варшаве, что здесь. Фольки – опора Райхсраума... – тут он вспомнил Марту Шварценеггер и запнулся.

– Я только высказал гипотезу, – легко сдал назад Эберлинг. – Есть и другие возможности. Помнишь, как тогда Кёлер грохнул в Варшаве про покаяние?..

– Ну и что он этим добился? – пожал плечами Фридрих. – Сейчас его уже все забыли. Просто идиот.

История с Хорстом Кёлером была и в самом деле идиотской. Престарелый лидер кёльнских христиан Кёлер когда-то был наиболее реальным кандидатом на лидера объединённой оппозиции. Однако в разгар польских событий этот умеренный до трусости политик сделал, наконец, ошибку: приехал в Варшаву и выступил по польскому

телевидению с пламенной речью о неких "преступлениях хитлеровских войск" по отношению к полякам и призывом к соотечественникам-дойчам "по-христиански покаяться". Речь была и вправду сильная: впоследствии Управлению пришлось потрудиться, разыскивая тех, кто её написал на самом деле. Что касается самого Кёлера, то с ним обошлись просто – подняли кое-какие документы времён войны, из которых следовало, что капрал Кёлер во время польской кампании был разжалован в рядовые за "чрезмерную жестокость в обращении с пленными"... Впоследствии Кёлер тихо уехал в Швейцарию, где пристроился около "Евангелического радио". Учитывая католическое вероисповедание самого Кёлера, это было более чем показательно.

– Ну всё-таки. Кто-нибудь может сыграть в ту же игру здесь, – Эберлинг осторожно протёр губы салфеткой. – Референдум для многих – последняя ставка. Если всё пройдёт успешно, это будет последнее крупное политическое событие на много лет вперёд, в котором оппозиция сможет принять хоть какое-то участие. Либералы это знают и идут na vse tiaschkie...

– Во все тяжкие, – автоматически поправил Власов.

Хайнц промолчал, вознаградив себя ещё одни глотком пива.

– Хотя постой. Мы всё время говорим о либералах, – Власову пришла в голову идея, – а почему, собственно?

– Ну... У нас, конечно, есть хитлеровцы разных толков. Но что делать старичку из Национал-Патриотического Фронта в Москве? Понятно, что российское руководство его не примет. И слушать его здесь никто не будет. Вот уж точно.

– Нет, я не о том, – перебил Фридрих. – Что, если предполагаемый политик – член НСДАП?

– М-м-м... Допустим. Кто у нас там есть на левом фланге? Ну, несколько либеральничающих деятелей мы найдём. Тот же Шрёдер, например... ну этот, который хотел стать министром природоохранения... Смешной тип. Его знают полтора человека. Нет, отпадает.

– Есть ещё и правые, – напомнил Власов. – И это значительные люди.

– Есть, – согласился Эберлинг. – Но зачем правым ехать в Москву? Хотя... опять же, давай посчитаем головы. Кто там у них есть? Ну, старички – Ламберт, Шпитцер, фон Фриш. Ещё, может быть, Кирх, хотя вряд ли он решится на открытый демарш... Из молодых – Отто Ламберт-младший и Гюнтер Нетцер, но пока они не в игре. Теперь смотрим по старичкам. Фон Фриш не вылезает из своего поместья и пишет книги про дойчские консервативные ценности. Аудитория у него есть, но она чисто германская. Он никуда никогда не поедет, и уж тем более в Москву. Шпитцер мог бы выкинуть какой-нибудь фортель. Но он уже полгода ждёт назначения в Дойчебанк. Он будет сидеть тихо, по крайней мере сейчас. Остаётся Ламберт.

– Он ведь, кажется, тебе какой-то родственник? – припомнил Фридрих.

– Никакой он мне не родственник, – ответил Хайнц с досадой. – Просто мой дед был другом его отца и семейным врачом Ламбертов. И когда-то спас маленького Клауса от скарлатины... или от дифтерии? уже не помню. Кажется, мать Клауса прожужжала ему все уши, что он обязан деду жизнью, хотя сам дед говорил, что от его искусства уже ничего не зависело, и благодарить следует природу, или, если угодно, милость провидения... – Эберлинг, не терпевший религии, брезгливо поморщился. – Я это все знаю по рассказам, меня, естественно, тогда и на свете не было. Когда я родился, он уже вовсю делал карьеру в Райхсюгенде. Помню, что он захаживал к нам довольно часто, но я тогда

еще даже в школу не ходил и его, естественно, не интересовал. После смерти деда эти визиты быстро сошли на нет. Вот и все. Я не виделся с ним лет тридцать и не знаю никаких его нынешних тайн.

На самом деле это было не совсем все. Досада Хайнца объяснялась просто: когда он получил отказ в авиационном училище, то вспомнил о своем "почти родственнике", который в то время еще ходил в молодых, но весьма перспективных политиках; Клауса Ламберта активно продвигал кое-кто из тогдашних старичков правого толка, из тех, что, по выражению кого-то из партийных публицистов, не откололись вместе с ХНПФ, но прогуливались по самому краю разлома. Старички не любили Дитля, Дитль платил им взаимностью, но открыто трогать не решался – старички были сильно заслуженные, все сплошь ветераны с высокими боевыми наградами и обширными связями в военном министерстве, кое-кто даже с партстажем чуть ли не больше, чем у самого Хитлера. Зато они любили Клауса, ибо он был живым опровержением любимого тезиса "обновленцев" о том, что консерваторы скоро вымрут естественным путем, ибо у них нет талантливой молодежи.

Хайнц подумал тогда, что заступничество кого-нибудь из этих старичков помогло бы ему все же поступить в училище, и обратился с соответствующей просьбой к Ламберту. (Эберлинг не соврал, говоря, что не виделся с тем с детства – разговор происходил по телефону). Клаус, выслушав его, ответил, что был бы счастлив помочь внуку херра Вальтера, но не видит оснований подвергать сомнению компетентность медицинской комиссии; впрочем, он, конечно, посмотрит, что можно будет сделать. Разумеется, никакого продолжения разговор не имел, и, разумеется, Хайнц тогда обиделся – хотя позже признал, что Ламберт был абсолютно прав, и что желание стать летчиком-истребителем, не обладая необходимым здоровьем, есть личный каприз, способный в критических обстоятельствах поставить под удар безопасность Райха. Но вспоминать об этом все равно было неприятно.

– Я лишь рассуждаю логически, – продолжил Эберлинг после крохотной паузы. – Ламберт, пожалуй, подошёл бы лучше всего: фактический лидер правых консерваторов, яркая личность... Но в Москве его не примут. Во всяком случае, официально. Он здесь считается врагом России номер один. Дядюшка Лис его, наверное, держит в личном чёрном списке – где-нибудь в первой пятёрке.

– И с основаниями, – заметил Власов.

Клаус Ламберт и в самом деле был известен своей демонстративной неприязнью к Райхсрауму вообще и к России в особенности. Неприязнь эта была чисто идеологической – в войне Ламберт принять участия не успел, в России никогда не бывал. Более того, он с демонстративным уважением относился к великим славянским культурам, охотно позируя на фоне книжной полки с полным собранием сочинений Достоевского. На таком фоне он предпочитал делать особенно резкие заявления о России как стране-паразите, объедающей Райх и населённой монголоидами. Одно время Власов даже думал, что Ламберт крутит закулисные игры с российскими властями – до такой степени вовремя эти заявления звучали и такой разрушительный эффект имели. Но в Управлении было точно известно, что Ламберт чист: ни в каких, даже самых поверхностных контактах с российскими политиками он замечен не был. Более того, в одной из своих речей он лично оскорбил господина Мосюка, назвав его "наглым демагогом", "отвратительным лицемером", и даже "достойным потомком красных комиссаров". Обидчивый и мстительный Дядюшка Лис пришёл в такую ярость, что его едва удалось удержать от аналогичных по тону

высказываний. Происшествие изрядно испортило и без того непростые российско-германские отношения.

– Гм, гм... – Эберлинг вертел в руках опустевшую кружку, о чём-то интенсивно размышляя. – Мы что-то упускаем, что-то очень простое... – он махнул рукой официанту. – Ещё пива! – распорядился он по-русски. – Нет, погоди, ещё стопку водки. Нет, не водки. Сто грамм хреновухи. Специальной, на апельсиновых корочках. И побыстрее!

Власов посмотрел на друга с изумлением. Количество спиртного, употреблённого и заказанного Хайнцем, уже выходило за все разумные рамки.

– Прости, но, по-моему, ты слишком много пьёшь, – сказал он.

– Ерунда, – отмахнулся Хайнц. – У меня был тяжёлый день, мне нужно немного взбодриться. К тому же эта мерзкая погода... Я мёрзну, как вампир в гробу. Я так до сих пор и не согрелся.

– Спирт – это депрессант, – напомнил Фридрих. – И к тому же алкоголь не согревает. Он просто расширяет сосуды. Если человек, входящий в тёплое помещение с холода, принимает небольшое количество спиртного, это помогает ему быстрее согреться. Но ты здесь сидишь уже достаточно давно. Всё это отговорки. Мне кажется, у тебя образовалась алкогольная зависимость. Если это так, я должен поставить об этом в известность начальство. И я это сделаю, если...

Эберлинг неожиданно расхохотался. Это был неприятный, горький смех. Власову почему-то пришло в голову, что так мог бы смеяться круглый сирота, которому сверстник угрожает чем-нибудь вроде "твоей маме скажу".

– Ох, извини! – Хайнц смахнул мизинцем выкатившуюся слезинку. – Ты честный служака, Фриц. Дружба дружбой, но работа важнее, не так ли?

– Будь любезен, не называй меня Фрицем, – ощетинился Власов, – ты прекрасно знаешь, что я не люблю это сокращение, – хотя Андрей Андреевич Власов и уступил просьбам жены назвать сына в честь деда по материнской линии, слово "фриц" до конца жизни осталось для бывшего советского генерала ругательным, и Власова-младшего он звал кратким именем лишь тогда, когда бывал им недоволен.

– Ладно, извини. А насчёт алкоголя – докладывай, если считаешь нужным. С этого задания шеф меня всё равно не снимет. Но вообще-то я, возможно, и сам оставлю службу. Похоже, я устал.

– Это твоё право, – сухо сказал Фридрих. Ему не понравился тон Хайнца.

– Я ещё ничего не решил, – торопливо добавил Эберлинг. – Но мне не нравится, когда мой друг угрожает мне подставой.

– Подставой? – Власов приподнял бровь. – Подставляет всех тот, кто нарушает правила! Это ты подставляешь нашу работу, Управление – ради вот этой дряни, – он с отвращением показал на пустой графин. – Ты подставляешь и меня, кстати.

– Давай обойдёмся без пафоса. Я себя контролирую, – заявил Хайнц. – Это у тебя идиосинкразия на вид рюмки. Если бы я и в самом деле страдал алкоголизмом, я пил бы один.

– Откуда мне знать? Может быть, ты так и поступаешь, – ответил Фридрих.

Официант принёс два запотевших лафитника с мутной жидкостью внутри.

– Значит, не хочешь? – спросил Хайнц у Власова, и, не дожидаясь очевидного ответа, опрокинул один лафитничек. – Уфффф, хорошая штука! Сразу прочищает мозги... Кстати, – оживился он, – у меня идея. Почему собственно, мы думаем, что речь идёт о визите в Москву?

– А куда же ещё? – не понял Власов.

– Вот-вот... – Эберлинга заметно повело, но его речь всё ещё оставалась чёткой и ясной. – Куда же ещё? Вся российская политика делается в Москве, это же так очевидно. А ведь в этой стране есть один город, который представляет отдельный интерес... именно для наших правых.

– Понимаю, – Власов подался чуть вперёд. – По-моему, ты слишком долго работал по Бургу, чтобы быть объективным. Хотя... – он задумался, прикидывая обстоятельства. – В самом деле, у нас нет оснований полагать, что визит большого человека запланирован именно в Москву. То есть да, ты прав, это всем кажется очевидным... потому что "визит в Россию" и "визит в Москву" – это, по сути, одно и то же. Но если речь идёт о правом политике...

– Да, именно, – оживился Хайнц. – Учитывая подвешенный статус Петербурга... и настроения среди бургской элиты... тут есть варианты.

Детали картинки в голове Власова сложились вместе.

– Та-ак, – медленно сказал он. – Помнится, ты мне что-то говорил о Рифеншталь-фонде... Нам что-нибудь известно о контактах Рифеншталь-фонда и лихачевского кружка в целом с нашими правыми политиками?

– Известно кое-что, – признал Эберлинг. Вид у него был странноватый: казалось, у Хайнца разъехались глаза и он никак не может вернуть их на место. – Как-никак, Фрау состоит во всех правых организациях, сколько их есть. Ну или, по крайней мере, числится. Ее политическую программу ты, кажется, знаешь.

– Смотрел в базе... Насколько я помню – отделение Петербурга и построение "истинно-германского государства". Или "истинно-немецкого"? Они ведь, кажется, не считают это слово оскорбительным? И сотрудничают с юде. В общем, какая-то каша.

– Я ими занимался подробно. Идеология у них довольно сложная. К тому же Лихачёв – это такой непростой тип... Так вот. По последним сведениям, совсем недавно он начал проповедовать немедленное отделение Петербурга от России любой ценой. Включая временное вхождение в состав Райха.

– Временное вхождение? – усмехнулся Фридрих. – Они там, похоже, и в самом деле сумасшедшие.

– О, тут у него очередной мозговой выверт. Они в последнее время вбили себе в голову, что Райх нежизнеспособен и обречён погибнуть. Россию же ждёт, по их мнению, "торжество азиатской стихии" – эти слова Эберлинг произнёс по-русски. – Петербургу же суждено остаться ковчегом истинного германского духа... или колыбелью, не помню, как там у них в точности...

– Когда я слышу слово "дух", у меня рука тянется к таблетке от головной боли, – проворчал Власов.

– А на меня такие разговоры действуют как снотворное. Мне тут пришлось читать последнюю книгу Лихачёва, – Хайнц снова скосил глаза: казалось, он что-то высматривает за спиной Власова. – "Метанарратив германского семиозиса в топике ингерманландского ландшафта"... Или "ландшафта в контексте семиозиса". Чёрт, специально заучивал название...

– Это про что? – без интереса спросил Власов.

– Как всегда, про политику... Этот тип придумал остроумный способ протаскивать свои идейки. Пишет политические тексты под видом науки. Между прочим, российское правительство оказывает финансовую поддержку издательствам, публикующим учёные

труды. Так что издавать Лихачёва, может, даже выгодно... Выпью, кстати, за науку, – Эберлинг осторожно взял второй лафитник и опрокинул внутрь. – Уффф! Замечательная штука. Кстати, хреновуха весьма полезна. Она, видишь ли, вызывает нечто вроде лёгкого ожога гортани. Это стимулирует выработку особого рода белков, предназначенных для заживления ожога. Но они же оказывают общеукрепляющее воздействие на организм... Всё взаимосвязано, Фридрих! Всё взаимосвязано!

Власов понял, что его друг пьян. Хайнц всё ещё пытался поддерживать осмысленный разговор, но ему это удавалось всё хуже.

– А теперь вообрази, – тараторил Эберлинг, – некий германский политик первого ряда из правого крыла НСДАП неожиданно посещает Санкт-Петербург! И делает там заявление. Какое? Ну, например... Например, озвучивает идею референдума о вхождении Бурга в состав Райха в качестве независимой земли. Мосюк, конечно, лезет на стенку. "Ингермандландцы" становятся единственной договороспособной силой. Левые политики воют. А наш дорогой Райхспрезидент оказывается в крайне неудобном положении: любое решение будет выглядеть слабым. Скверный сценарий, скажешь? И я скажу, что скверный. Но технически вполне осуществимый... А я ведь говорил шефу... Если кто-то из этих ослов... – Хайнц, не договорив, поднялся. – Извини, у меня опять это самое... я сейчас... подож-жди... – он поднялся, и, пошатываясь, направился к выходу.

Власов с сожалением посмотрел ему вслед. Было понятно, что Эберлинг сильно превысил приемлемую для нормального дойча дозу алкоголя, и сейчас будет отсиживаться в туалете, облегчая желудок и глотая таблетки... если они у него есть. Сам Фридрих был довольно устойчив к опьянению – судя по результатам алкопробы, обязательной для сотрудников Управления, он унаследовал от отца славянские гены, отвечающие за избыточную выработку алкогольдегидрогеназы. Но при всём том Власов не употреблял алкоголя, приняв принципиальное решение в семнадцатилетнем возрасте. А вот с Хайнцем что-то очень сильно не в порядке...

Фридрих заставил себя выкинуть из головы мысли о проблемах друга и постарался переключиться в рабочий режим. Итак, допустим, некий правый политик первого уровня оказывает публичную поддержку бургским сепаратистам. Вопрос только в том, кто из правых политиков осмелится на такой ход. Потому что он означает объявление войны лично Райхспрезиденту Вальтеру Шуку. Который, при всём своём либерализме, подобного не простит никому и никогда. Такое может сделать только человек, готовый к открытой конфронтации...

В кармане завибрировал целленхёрер. Власов потянулся было к аппаратику, но вовремя разобрал, что это морзянка.

Сообщение было коротким. "РАСПЛАТИСЬ. ВЫЙДИ. ХАЙНЦ".

Следующие десять минут ушли на оплату счёта и сборы. На сей раз в гардеробной народу было немного. Облачаясь в куртку, Власов краем глаза заметил чей-то знакомый профиль, но не успел понять, чей. Интуиция промолчала – видимо, ничего интересного.

Эберлинга на улице не было. Власов прошёл немного по Старому Арбату, ожидая какого-нибудь сигнала. Наконец, целленхёрер подал признаки жизни – на этот раз самым обычным звонком.

– За тобой хвост, – тихо прошелестело в трубке. – Иди к "Праге" и сворачивай в первый переулок справа. Дверь с зелёным фонарём. Открывается внутрь, – в трубке зачастили гудки.

Власов чуть ускорил шаги, постепенно прижимаясь к правой стороне улицы.

Незаметно нырнуть в переулок было совсем несложно. Тут же он увидел зелёный фонарь над крохотным крылечком с изящными чугунными перильцами. Власов вбежал по ступенькам, толкнул дверь от себя и проник внутрь. Тихонько щёлкнул замочек.

За дверью стоял Хайнц – напряжённый, собранный, и на вид совершенно трезвый. Он молча взял Власова за руку и быстро провёл через тёмную лестничную клетку к маленькой стеклянной двери, освещённой изнутри.

Это оказалась комнатка охраны. Высокая седая женщина неопределённого возраста сидела перед современно выглядящим рехнером и смотрела в маленький монитор, на котором была видна часть улицы.

Увидев Эберлинга, она заулыбалась, показывая ровные белые зубы – явно вставные.

– Grüss Gott, – по-австрийски поздоровалась она с ним. – У тебя неприятности, мой мальчик?

– Ничего особенного, тётя, – неожиданно мягко ответил Хайнц. – Мне нужно посмотреть, что там у нас на улице.

Седая женщина без всякого удивления развернула монитор в его сторону. Камера как раз успела поймать спину уходящего прохожего.

– Тётя, включи запись, – попросил Эберлинг. – Последние три минуты, пожалуйста.

– Сколько можно, – проворчала тётка, старательно добавляя в голос напускного недовольства, – у тебя всё время какие-то странные дела... – она пощёлкала кнопками и вывела на второй монитор, поменьше, изображение той же улицы. – Если я тебе не нужна, я пока отойду, – с видимым облегчением сказала она и поднялась с места. – Когда закончишь со своими делами, тут есть звоночек, ты знаешь. Позвони мне, я вас провожу. Только тихо, ладно?

Фридриху очень хотелось задать другу пару вопросов, но он понимал, что здесь и сейчас это может быть неуместным. Тем более, тот явно не собирался отвечать – он напряжённо смотрел в оба, буквально – в оба монитора. Увы, ничего интересного на них не было: запись показала только самого Власова, быстро идущего по переулку. На большом мониторе было пусто.

– Очень странно, – сказал, наконец, Эберлинг. – Я думал, он сейчас появится.

– Кто? – наконец, позволил себе открыть рот Власов.

– Тот тип... Это ещё что такое? – Хайнц приник к экрану, на котором появилась человеческая фигурка. – Неужели она?

– Так кто же? – переспросил Власов, пытаясь заглянуть другу через плечо. – То он, то она?

– Девка. Она на тебя в "Калачах" пялилась через весь зал, – снизошёл до объяснений Хайнц. – Если бы я не знал, что ты не интересуешься женщинами... – он мазнул световым карандашом по экрану, изображение увеличилось. – Знаешь её?

Власов прищурился – и с облегчением рассмеялся. По переулку, прижимаясь к стене, шла девушка в белой шапочке и шубке, судя по всему, криво застёгнутой, наверняка второпях. Она крутила головой, кого-то высматривая. Заляпанные снегом очки зловеще поблёскивали в свете зелёного фонаря. Вид у девушки был чрезвычайно растерянный: она явно кого-то искала.

– Её зовут Марта, – сказал Фридрих. – Нечто вроде случайного знакомства... она вроде бы могла знать кое-что об одной истории. Интересно, что она делала в "Калачах" в

такое время.

– Сидела с друзьями и пила коктейль через трубочку, – буркнул Эберлинг. – И буравила взглядом твой затылок... Я думал, она в нём дырку проделает.

– Из-за неё нам не стоило бегать по переулкам, – вздохнул Власов, подумав, что Хайнц явно теряет нюх.

– Да не в ней дело, – досадливо поморщился Эберлинг, продолжая следить за картинкой на экране. – Её я и не имел в виду, просто удивился, что она пошла за тобой...

– Маленькая Марта решила поиграть в сыщика, – усмехнулся Власов.

– Опа! А вот и он, – Хайнц чуть развернул монитор, изображение послушно поехало в сторону – видимо, ось вращения была как-то связана со следящей телекамерой у входа.

Переулок пересекал человек в шапке, с лицом, замотанным длинным шарфом. Поднапрягшись, Власов вспомнил, что видел этого типа по дороге в "Калачи".

Этот по сторонам не глазел – скорее, он внимательно смотрел под ноги. Власов сообразил, что он высматривает следы. Ну конечно: первая заповедь "наружки" – смотреть на обувь клиента и на отпечатки подошв, если повезёт. Хотя по такой снежной каше... Впрочем, теперь есть всякие специальные средства. Например, бесцветные составы, которыми можно побрызгать на пол – а потом видеть следы через специальные очки. Или запаховый след, по которому можно пустить собаку... Или, наконец, самое простое: маленький жучок на одежду. Правда, целленхёрер поймал бы излучение "жучка" и оповестил бы своего хозяина – но это смотря какой "жучок"...

– Странно, – повторил Эберлинг, вглядываясь в изображение.

Человек с замотанным лицом пересек экран, не задерживаясь возле крыльца, и исчез из вида.

– Я сейчас скопирую запись, – сказал Хайнц и завозился с рехнером. – У тебя хватит памяти в целленхёрере? Тут есть подходящий разъём, – он вытащил длинный провод.

Власов подключил целленхёрер к рехнеру. Эберлинг тем временем потыкался световым карандашом в платтендаты, нашёл нужный и слил его в память аппаратика. Видеозапись оказалась "тяжёлой": на маленьком экранчике появилась надись – "42 процента памяти заполнено".

– Что странно? – машинально спросил Фридрих. – Мы же знаем, что за нами приглядывают.

– Понимаешь, в чём дело... – Хайнц зачем-то понизил голос. – В "Калачах" безопасники, конечно, работают. Но у нас с ними что-то вроде соглашения: они не лезут в наши дела без особой надобности. К тому же я их всех знаю в лицо. А вот этот тип – новенький. И неплохо работает. Пристроился у стойки и занял неплохую позицию для обзора. Я бы его, может, и пропустил, если бы не та девица. Она так на тебя смотрела, что он просто не мог этого не заметить. И стал присматриваться к ней тоже. А вот это уже было ошибкой: тут он себя выдал. Наблюдение за двумя объектами демаскирует.

Власов понимающе кивнул.

– При этом местные его не гоняют, – продолжал Эберлинг. – Хотя они же не дураки, и понимать должны... Причём выпасал он именно тебя... я почти уверен в этом. Надеюсь, он не засёк это место, – озабоченно добавил он. – У тёти Агнессы могут быть неприятности.

– Кстати, где мы? – наконец, спросил Власов. – И кто эта женщина?

– Смешная история, – Хайнц улыбнулся. – Даже не знаю, как бы это тебе сказать... В общем, она – сестра моей бывшей тёщи. Никогда бы не подумал, что мы встретимся в Москве. Бывает же такое.

Фридрих покопался в памяти. В отличие от него самого, Эберлингу был не чужд обычный мужской интерес к противоположному полу – хотя работа для него всегда была важнее. К тому же Хайнц невысоко ставил семейные ценности и бравировал убеждённым холостячеством. Власов, правда, знал из разговоров в Управлении, что Эберлинг когда-то в молодости был женат, но никогда не интересовался этим обстоятельством: мало ли какие глупости делают люди под влиянием гормонов.

Хайнц, видимо, угадал ход его мыслей.

– Однажды я сделал глупость, – несколько смущённо признался он. – Её дед был тогда большой шишкой в авиации. Я думал, это мне поможет...

Из дальнейшего рассказа Власов понял, что Эберлинг в молодости попытался было жениться – отнюдь не по любви, просто это была его последняя попытка начать лётную карьеру. Тем не менее, получить пропуск в небо он так и не сумел и быстро избавился от брачного ярма, не оправдавшего ожиданий. Однако, расставшись с женой, он умудрился сохранить неплохие отношения с бывшей роднёй. Поэтому, когда он столкнулся с давно забытой знакомой, ему не потребовалось особых усилий, чтобы растопить её сердце. Тем более, что она отчаянно скучала в Москве. Её перевёз сюда супруг, зануда и скряга, зарегистрировавший здесь компаниию по продаже лекарственных препаратов и ради экономии средств посадивший супругу на место охранника – а по сути, консьержки – в новооткрываемое представительство. Обаятельному Хайнцу не составило большого труда найти общий язык с "тётей Агнессой": та была рада помочь и не задавала лишних вопросов. Фактически, он завербовал лично для себя агента – очень мелкого, но всё же не лишнего.

– Здесь удобно, – закончил Хайнц. – Никто не знает, что я имею сюда доступ. Даже ДГБ. Они, может быть, и проверяли это место – да только искать им тут нечего. Самая обычная контора.

– Так вот почему тебе так нравятся эти "Калачи"? Есть где скрыться в случае чего?

– Ну-у, не только поэтому... – протянул Эберлинг. – В "Калачах" и в самом деле неплохо кормят. Опять же, хреновуха на корочках... Да-да, я помню, что ты собрался писать на меня рапорт, – он коротко и зло хохотнул. – Так или иначе, за тобой ходят. И, сдаётся мне, здесь не обошлось без твоих новых друзей с площади Освобождения.

Kapitel 29. Тот же день, около полуночи. Москва, улица Бутырский Вал, д. 8а, кв. 23.

Микки не спалось. Он лежал в кровати и отчаянно пытался заснуть.

Рядом похрапывала мать, от неё скучно пахло усталостью и несвежим дыханием. Микки знал, что матери не везёт. Тот высокий мужчина куда-то пропал, а друзья матери перестали ей помогать. Микки ничем не мог ей помочь.

Спать не хотелось. Правда, на ночь тётя Берта снова принесла ему чай. Но он уже научился после старухиного сонного чая бежать в туалет и там засовывать два пальца в рот, чтобы избавиться от зелья.

Хорошо, что тётя Берта не слышала этих звуков. Если старуха догадалась бы, что он не спит, она бы его наказала. Микки не знал, как именно, но точно знал – она сделала бы ему больно. Она была из тех, кто умеет делать больно.

Для Микки все люди делились на две породы: те, которые боялись наказывать

Микки, и те, кому нравилось наказывать Микки. Микки презирал первых и ненавидел вторых.

Самым презираемым существом в мире Микки была мать. Мама Фри.

Самым ненавистным – отец. Папа Жорж.

Ещё были те, которым было всё равно. Как тому большому мужчине, которого мама называла Власовым и который теперь ездит с мамой. Микки знал, что большму мужчине он, Микки, безразличен. Совсем безразличен. Мужчина делал ему больно. Однако Микки чувствовал: ему это не нравится, а просто всё равно. Ему было нужно, чтобы Микки не мешал, вот и всё. Как и старухе. Ей было нужно, чтобы Микки не путался у неё под ногами. Она кормила Микки и не обижала его, если он ей не мешал. Но он чувствовал: если старухе он будет не нужен, она от него избавится. Может быть, даже отравит – если ей за это ничего не будет. Или просто выгонит на улицу, и он снова попадёт в ЦВИНП.

Но большой мужчина и старуха появились в его жизни недавно. Большую её часть занимали мама Фри и папа Жорж.

Правда, в последнее время Жорж появлялся в доме нечасто. Как правило, когда у мамы заводились какие-то деньги. Микки знал, что такое деньги. Это самая лучшая вещь на свете: на них можно поменять всё что угодно. Вот только убить папу за них было всё-таки нельзя. В Райхе нельзя было никого убить за деньги. Микки надеялся, что когда-нибудь он вырастет, выздоровеет, заработает очень много денег и он уедет в какую-нибудь хорошую страну. Где можно будет заплатить какому-нибудь дядьке, он убьёт папу и Микки станет навсегда свободным.

Но пока у Микки не было денег. К тому же он был слабый и больной: у него было что-то нехорошее с головой. Врачи говорили маме, что дело можно поправить, если попробовать новые лекарства из лаборатории доктора Менгеле. Он сказал врачу, что хочет попробовать, но мама накричала на него и не разрешила. Потом он устроил ей дома истерику, мама немножко поплакала, а потом сказала ему, что эти лекарства рискованные и ему может стать от них ещё хуже. Тогда его будут лечить ещё более сильными средствами, и так пока он не поправится или не умрёт. Потому что фашистское государство разрешает такие опыты над больными и что это бесчеловечно.

Мама очень не любила фашистское государство. Она воевала с ним в газете. Она так и говорила – "я воюю с ними в газете". За это она и получала деньги. Правда, денег всегда не хватало.

Микки боялся фашистского государства, но не понимал, что этот такое. Он иногда просил маму рассказать ему об этом. Мама говорила, что ему пока рано об этом думать, и что это очень плохая вещь. В конце концов Микки решил, что государство – это такая огромная страшная гусеница с железными клешнями, лезвиями и иголками, и она любит делать всем больно. Он спросил у мамы, и она сказала, что он умница. Когда он осмелился спросить то же самое у папы, тот расхохотался и сказал Микки, что он маленький идиотик.

Папа тоже не любил государство. Ещё он не любил работать. Он никогда не приносил денег, а только брал их у мамы. Ещё папа делал с мамой то, что он называл "развлечься". Тогда он оставлял Микки в комнате и уходил с мамой в другую. Там они возились, а потом мама кричала. Микки знал, почему: папа делал ей больно.

Микки он тоже делал больно, когда тот попадал в папины руки.

Папа Жорж, когда жил с мамой Фри, любил наказывать сына за всякие

провинности, даже за самые мелкие. Он давал ему подзатыльники, бил по голове линейкой, а потом по пальцам. Отец всегда старался причинить ему как можно больше боли. Боли и страха.

Когда папа перестал жить у мамы, Микки сначала обрадовался. Но он приходил каждую неделю и брал с собой Микки. Он говорил маме, что имеет право обращаться со своим сыном как хочет, потому что это его сын. Мама с этим соглашалась. Она никогда не могла переспорить папу, хотя иногда пыталась. Тогда папа терял терпение и бил её по лицу. Когда он бил маму по лицу, получался какой-то глупый смешной звук. Микки нравился этот звук. Ему нравилось, когда бьют не его.

Каждую неделю, в субботу или воскресенье, папа приходил к маме. Иногда он ходил с ней в комнату "поразвлечься", иногда просто долго разговаривал о каких-то вещах. Микки заметил, что папа всегда старается довести маму до слёз. Если это ему удавалось, он становился добрее и Микки доставалось меньше. Поэтому Микки, когда папа разговаривал с мамой, каждый раз просил Боженьку, чтобы мама заплакала.

Кто такой Боженька, Микки точно не знал. Когда он был совсем маленький, про него ему рассказывала мама. Боженька был волшебным. Что такое "волшебный", Микки тоже не очень-то понимал. Кажется, это было что-то хорошее. Ещё Боженька мог всё. Даже, наверное, он мог сделать так, чтобы папа бил только маму, а не Микки. Но фашисты выгнали Боженьку из Германии. То есть, всегда поправлялась мама, не выгнали, а лишили каких-то там прав и притеснили. Наверное, они его били по щекам. Но Боженька был взрослый, поэтому он обиделся на фашистов и уехал в Америку, и теперь делает волшебные вещи для американцев и других свободных людей. Но если Боженьку очень попросить, он может услышать, потому что немножечко его здесь всё-таки осталось. Ведь Боженька добрый, не мог же он уйти насовсем.

А вот папа в Боженьку не верил и говорил, что это сказки. Хотя называл себя "католиком" и носил на шее крестик. Микки догадывался, что папа делает это нарочно, чтобы кому-то сделать больно, но вот только непонятно кому. Наверное, фашистам.

Когда папа заканчивал разбираться с мамой, он брал Микки и шёл с ним "гулять". На самом деле они просто шли через парк в новую папину квартиру. Она была плохая. Хуже, чем у них с мамой, ведь у папы почти совсем не было денег. К тому же в квартире всегда было ужасно грязно: папа не любил делать уборку, а мамы теперь у него не было.

Всё начиналось с того, что папа ставил Микки в угол, а сам ложился на продавленный диван и начинал говорить. Говорил он в основном про то, что Микки – плохой, глупый, уродливый мальчишка, который зря появился на свет и которому лучше было бы сдохнуть, чтобы не огорчать маму и папу. Ещё он говорил, что Микки должны были убить врачи сразу после рождения, но глупая мама этому помешала. Он говорил ещё много разных вещей, Микки понимал не всё. Так или иначе, папа старался довести его до слёз. Если Микки плакал хорошо и вовремя, он мог сменить гнев на милость. Если Микки почему-то не мог заплакать, папа поднимался с дивана и наказывал его за то, что он невнимательно слушал отца.

Наказывал он его по-разному. Самым лёгким наказанием был угол и подзатыльники. Подзатыльники, правда, бывали разные: иногда папа бил его по голове с такой силой, что Микки мотало по комнате, а в голове становилось совсем пусто. "Я отшибу тебе остатки мозгов!" – кричал папа и бил ещё сильнее. Но всё-таки он боялся оставить какие-нибудь следы или довести дело до вызова врача, поэтому всё-таки сдерживался. Только один раз он разошёлся так, что Микки треснулся головой о косяк

двери и потерял сознание. Папа тогда испугался. Микки с тех пор научился быстро изображать, что ему плохо. Тогда наказание заканчивалось раньше. Правда, тут нужно было не перестараться: если Микки начинал дёргаться и закатывать глаза после первого же папиного удара, папа мог заподозрить обман и впасть в настоящую ярость.

Самым страшным было задыхание. Папа делал это не часто – только когда бывал в очень плохом настроении. Он брал Микки за лицо и зажимал ему ладонью нос и рот. Он делал это очень ловко: не оставалось ни единой щёлочки. Потом папа ждал, пока у Микки не начнутся судороги, и только тогда отпускал.

В первый раз, когда папа сделал это, Микки от ужаса укусил отца за ладонь. За это папа положил его на кровать, заткнул рот носком, снял с него сандалетки и носочки и бил по пяткам деревянной указкой. Это было так больно, так что Микки прокусил этот носок насквозь.

К порке папа не прибегал. Только однажды, когда Микки пытался стащить у папы из кармана деньги и был пойман, папа выпорол его ремнём с железной пряжкой. Тогда вся попа у Микки была в синих кровоподтёках и он не мог сидеть. Но это было один раз: папа старался не оставлять следов на теле. "Этому меня научили на родине" – говорил он.

Не то чтобы мама совсем не жалела и не защищала Микки. Она много раз говорила папе, что она будет жаловаться на него за издевательство над ребёнком. Микки подслушивал их разговоры и запомнил эту фразу – "издевательство над ребёнком". Мама не говорила, кому она пожалуется. Наверное, фашистскому государству. Микки очень хотел бы, чтобы государство узнало про папу. Если государство такое сильное и страшное, оно, наверное, могло бы взять папу и сделать ему так больно, что он навсегда оставил бы в покое Микки. Но папа говорил маме какие-то непонятные слова и бил её по щекам, и мама не шла к государству, а только плакала.

Микки знал от папы, что мама очень глупая и слабая, поэтому она будет всю жизнь плакать. Он, Микки, тоже глупый и слабый, и он тоже всегда будет плакать. А вот папа Жорж не плакал вообще. Он только смеялся и делал больно.

Зато Микки научился делать больно маме. Не так, как делал папа, а по-своему. Он мог изводить её часами, требуя то одно, то другое, портя её вещи или просто мешаясь. Особенно ему нравилось реветь и писаться в штанишки. Это особенно пугало маму – после этого она сажала Микки рядом с собой и говорила, что если он не научится делать пи-пи и ка-ка только в унитазик, а не в штанишки, над ним будут смеяться в школе, когда он когда-нибудь пойдёт учиться.

Микки умел контролировать мочевой пузырь и кишечник. Он писался нарочно. Учиться он не хотел – он уже знал, что это совсем неинтересно. Микки решил пойти учиться когда-нибудь потом, когда вырастет и станет сильным. Тогда он сможет сам мучить других. Особенно маму. Ему очень хотелось делать ей больно, не так, как сейчас, а как папа, и чтобы она громко кричала. Однажды он воткнул в кресло иголку, и мама на неё села. Микки чуть не зашёлся в истерике от смеха – так глупо она держалась за задницу и орала как резаная. Потом она рассказала про это папе. Папа смеялся, а мама ещё громче плакала, даже немножечко подвывала, как собачка, и Микки это ужасно нравилось. Но в тот же день папа отвёл Микки к себе домой и заставил сесть на иголку.

– Это просто маленький кусачий зверёк, – говорил он потом маме. – Если его не наказывать, он ни черта не понимает. Ты родила неполноценного уродца, Фри, и сама это знаешь. Надо было тогда довести дело до конца.

Папа никогда не называл маму Франциской. Он всегда говорил – Фри. Это было

какое-то английское слово, оно означало свободу. Свобода – это было то, чего не было в фашистском государстве. Микки считал это слово глупым: в его мире оно ничего не значило.

– Ты должна была тогда отдать его врачам, Фри, – любил говорить папа, – в этом вопросе я вполне солидарен с фашистами. Они, конечно, свиньи, как и все дойчи, но в своих свиных делах они разбираются. От этого выродка надо было избавиться любым способом...

После таких разговоров мама плакала особенно долго. Она боялась папу Жоржа. Другие мамы на её месте пожаловались бы на него государству, но мама воевала в газете с фашистским государством и поэтому не могла ему же и жаловаться: тогда бы её выгнали с работы, а ничего другого, кроме как воевать в газете с государством, она не умела. Поэтому папа мог делать с ней и с Микки всё что угодно.

Иногда Микки пытался поговорить с мамой насчёт папы. Мама тогда тоже начинала реветь, а потом объясняла Микки, что папа на самом деле хороший, просто у него была неудачная жизнь.

Про папину родину Микки знал. Папа родился во Франции. Мама говорила, что Франция – очень хорошая страна, но папе там жилось очень плохо, потому что его много обижали в детстве из-за неправильного происхождения. И ещё у него было много неудач в жизни, поэтому он стал злым. И что в глубине души он совсем не такой. Микки не очень понимал, что такое "глубина души", но чувствовал, что у папы там ничего хорошего нет. Но мама в это верила. Мама вообще верила во всякие глупости.

А вот папа никогда не говорил про маму, что она хорошая. Он называл её глупой дойчской коровой и ещё всякими словами. И говорил, что он, папа, познакомил маму с какими-то людьми, у которых она сейчас работает, а поэтому она обязана ему всем.

Маме он говорил то же самое.

– Ты обязана мне всем, – повторял он во время их обычных разговоров. – Я тебя вытащил из грязной лужи, Фри, и дал тебе кое-какие уроки настоящей жизни. Я даже согласился жениться на тебе, безмозглая тварь. Но ты захотела ребёнка...

Мама иногда пыталась спорить. Однажды она сказала папе, что он, Жорж, непорядочный человек.

Микки, подслушивающий под дверью, думал, что отец рассердится и побьёт маму. Но он только усмехнулся и сказал:

– Да, Фри, на этот раз ты права, глупая корова. Я не принадлежу к так называемым порядочным людям и горжусь этим.

В другой раз мама сказала Жоржу, что он сам хотел ребёнка. На это Жорж нешуточно рассердился и ударил её.

– Лживая сука! Ты врёшь мне в глаза, лживая сука! – кричал он. – Ты обманула меня, ты не пила таблетки! А потом поставила меня перед фактом! Ты хоть подумала, на кой свободному человеку сдался ребёнок? У тебя бараньи мозги. Ты годишься только на одно, но даже этого ты не умеешь делать... И после этого ты решила повесить на меня эту обузу! Как ты смела не выпить таблетку, как?

– Я тысячу раз объясняла тебе, Жорж! Я думала, что это безопасный день! – отбивалась мама. – Мне вредно пить эти таблетки! У меня диабет, мне противопоказана эта химия! Я хотела поберечь себя!

– Хорошо же ты себя сберегла, да и меня заодно! – орал Жорж. – Ты повесила на нас обузу, от которой нам теперь не отделаться до конца дней. Дети – самая

отвратительная повинность, наложенная государством на человека. Особенно фашистским государством. Теперь мы прикованы к нему чугунной цепью... Как ты могла не выпить таблетку!

Про таблетки Микки знал тоже. Таблетки против детей продавались в аптеках. Он часто ходил с мамой в аптеку: маме был нужен инсулин. Микки каждый раз требовал, чтобы она показала ему таблетки от детей. Он это делал не потому, что ему было интересно, а потому, что мама не любила подходить к тому прилавку: он стоял отдельно, и там ещё продавались лекарства от болезней, которые назывались "венерическими". Это были какие-то очень стыдные болезни. К тому прилавку почти никто не подходил. Но Микки было приятно, что мама стыдится, и всегда тянул её туда.

Однажды, когда Микки в очередной раз рассматривал некрасивый пузырёк с надписью "ANPITRIN-D. Antikonzeptionelles Mittel", он вдруг догадался, откуда берутся дети. Дети – это такая болезнь, что-то вроде опухоли. Люди ей заражаются друг от друга, как гриппом или там ветрянкой. У Микки однажды была ветрянка, и у него на всём теле высыпали болячки, мама мазала их зелёнкой. Поэтому Микки знал, что болезни часто передаются от человека к человеку.

Видимо, решил он, болезнь детьми – эта очень неприличная, плохая болезнь, поэтому про неё не говорят, а средства от неё продаются на том прилавке, где стыдно. Но если женщина заразилась ребёнком, что уж поделать.

Правда, от ребёнка можно было вылечиться. Это называлось "аборт", но в фашистском государстве его было делать очень сложно. Папа часто говорил, что фашисты – свиньи, потому что они не разрешили сделать аборт.

Однажды Микки подслушал обрывок разговора, из которого понял, что такое "мама травилась". Оказывается, когда мама только-только заболела, папа заставил её принять какое-то средство, которое должно было помочь против ребёнка, но ничего не получилось. Мама чуть не умерла, потому что врача было вызывать нельзя – иначе всё выплыло бы наружу и папу с мамой могли наказать. В результате плохо стало ещё и Микки. Мама потом очень переживала и считала себя виноватой перед ним. Микки это радовало – он теперь знал, что мама перед ним виновата и он имеет право её мучить.

Когда мама сказала сыну, что они поедут вместе в Россию, Микки очень испугался. Он не знал, что такое Россия и где она, но никуда не хотел ехать. Маме пришлось долго его уговаривать и объяснять, что они едут для его же пользы, и что от этой поездки они могут получить много денег. Но он, Микки, должен обязательно ехать с ней. В конце концов она пообещала ему, что, если он будет хорошо себя вести, они очень скоро смогут уехать в хорошую страну и больше никогда в жизни не увидят папу. А иначе она поедет одна, а Микки останется с папой. Это убедило мальчика в том, что лучше всё-таки ехать.

Потом мама призналась, что в Россию она отправляется из-за газеты.

Словом "газета" в маленьком мирке Микки обозначались сразу две вещи, совсем разные.

Во-первых, газеты – это были такие бумажки со словами. Видимо, в них писалось что-то такое, что было неприятно фашистскому государству – ну, какие-нибудь гадости, вроде тех, которые говорил папа. Наверное, гадал Микки, мама и её друзья думали, что фашистское государство когда-нибудь прочтёт их газету, рассердится и умрёт от злости. Микки считал, что у них ничего не получится: если фашистское государство сильное, то оно просто не станет читать газету.

Во-вторых, "газетой" были несколько комнат, в которых сидели люди и кричали

друг на друга. Мама иногда брала сына "в газету" – когда его не на кого было оставить.

Раньше Микки оставляли на пани Гражину Ковальску. Пани Гражина была высокая, полная, в больших очках, смешно шепелявила и иногда говорила непонятные слова. Мама объясняла, что пани Гражина из Польши и говорит по-польски. Микки однажды спросил у пани Гражины, что такое Польша, и та сказала, что это такая провинция Райха, а когда-то она была страной, вроде России или Америки, только очень смешной и глупой, потому что в ней никогда не было порядка. Был какой-то король, но его никто не слушался. Поэтому Польша всё время попадала во всякие нехорошие истории, пока, наконец, не пришёл Райх и не навёл порядок. Зато, сказала пани Гражина, поляки очень добрые и душевные люди, а польские женщины самые красивые на свете.

Микки ей не верил. Пани Гражина была ничем не красивее мамы, только выше и толще. Ещё она тайком пила какую-то прозрачную жидкость с плохим запахом из бутылки, которую прятала в серванте. Жидкость называлась "выборова". После неё пани Гражина становилась весёлой и доброй и много рассказывала про свою жизнь. Она родилась в деревне и у неё была фамилия Валенса. Потом у неё был "шлюб" с каким-то рабочим с верфи. Тогда она стала пани Ковальской. Потом Гражина перебралась в Дойчлянд и стала работать прислугой, потому что больше ничему в деревне не научилась. Кончался этот разговор обычно словами "обязательно учись хорошо".

Микки знал, что ему когда-нибудь придётся пойти в школу, но старался об этом не думать. Для того, чтобы хоть что-то выучить, нужно было сосредоточить внимание на чём-то одном, а Микки не мог думать об одной и той же вещи больше пяти секунд, даже если это было очень нужно. Внимание утекало, как вода сквозь пальцы. Микки слышал от мамы, что это у него "родовая травма", а от папы – что это "Фри травилась". Так или иначе, учиться ему было очень трудно. К тому же в школе пришлось бы иметь дело с другими детьми, а этого Микки боялся ещё больше, чем папу. Он понимал, что другие дети будут его бить и обижать. Но Гражине он этого не говорил.

Однажды, выпив слишком много "выборовой", Гражина рассказала, что она вышла замуж ещё и для того, чтобы избавиться от своей фамилии: в деревене её дразнили – "Валенса, купа менса". Микки спросил, что это такое, и она ответила – "куча мяса". Микки очень смеялся и с тех пор так и звал пани Гражину – "купа менса", а она обижалась. Но кричать на Микки она боялась, потому что Микки пригрозил рассказать маме про "выборову".

Микки нравилось, что пани Гражина его боится. Однажды он даже подглядывал за ней в ванной. Но Гражина сказала, что если он ещё раз это сделает, она уйдёт.

Хотя Гражина всё равно ушла: поругалась с мамой. Мама зачем-то сказала ей, что она следит за мамой и работает на фашистское государство, и Гражина обиделась и потребовала расчёт. После этого мама стала брать Микки в газету. Микки не любил сидеть в газете и он потом обязательно устраивал маме скандалы. Мама плакала и говорила, что если её выгонят, у них не будет денег. Микки это понимал, но сидеть в газете было очень уж скучно, а других газетных людей он опасался. Чувствовалось, что они не будут терпеть его выходки. Мама несколько раз пыталась приохотить сына к чтению, но безуспешно. Микки знал буквы и даже умел их складывать в слова. Но смысл слов от него обычно ускользал.

Когда Жорж узнал от мамы, что она и Микки едут в Россию, он глубоко задумался. В этот день он даже не наказывал сына.

Папа пришёл за день до отъезда. Не слушая жалкого верещания мамы, он взял

Микки за руку и пошёл с ним гулять.

Он шёл так быстро, что Микки не поспевал за ним бежать, и тогда папа просто тащил его. Обычно в таких случаях папа приходил в ярость и обязательно наказывал его. Но на этот раз всё было по-другому. Когда они пришли к папе домой, папа не стал ни бить его, ни душить. Вместо этого он усадил Микки перед собой, называл его умным мальчиком и сказал, что ему, Микки, нужно сделать одну вещь.

– Слушай внимательно, сынок, – говорил папа, расхаживая перед сжавшимся в комок Микки. – Я дам тебе лекарство.

Мальчик упрямо помотал головой. Он не хотел никаких лекарств. В особенности он боялся уколов. Уколы ему делали, когда он был маленький. Человек, который делал уколы, назывался врач. Врач тоже делал Микки больно, но не потому, что ему нравилось. Ему было всё равно. Он даже старался не причинять Микки лишней боли, но уколов Микки всё равно боялся. Особенно пугала его блестящая игла, вонзающаяся ему в руку. Ему казалось, что этот блестящий хоботок высосет всю кровь и он умрёт. Когда делали уколы, он плакал и кричал так, что даже мама теряла терпение.

Мама, наоборот, делала уколы себе сама. Она была больна чем-то таким, что ей всё время были нужны эти уколы лекарством. Но он знал, что маме это совсем не нравится. Более того – она почему-то стеснялась своей болезни и старалась делать уколы только тогда, когда никто не видит. Если дома были люди, а маме нужно было сделать очередной укол, она закрывалась в туалете. Когда Микки спрашивал её, почему она так делает, мама говорила что-то про то, что люди в фашистском государстве не любят больных. Даже те, кто воюет с фашистским государством. "Если они будут всё время помнить, что у меня диабет и я завишу от инсулина, меня уж точно никуда не пошлют", вздыхала она.

Микки знал, что мама мечтает чтобы её куда-нибудь "послали". Это она называла "репортажной работой". Ей такой работы не давали. По словам папы, мама не умеет хорошо работать, потому и не давали.

Папа любил напоминать об этом маме. Очень часто.

– Какая ты, к свиньям, журналистка? – говорил он ей во время их обычных ссор. – Ты не умеешь связать двух слов, Фри. Ты вообще ничего не умеешь. Кто правил твои статьи? Я их правил! Я придавал твоим словесным выделениям хотя бы подобие блеска! Не говоря уже о том, что я пристроил тебя в газету! Ты просто ничтожество!

Микки вспомнил всё это и сказал папе, что боится лекарства и уколов. Папа почему-то улыбнулся, и Микки испугался, что сейчас он будет его бить. Но папа был в хорошем настроении и не тронул сына.

– Я дам лекарство не тебе, – объяснил он. – Я хочу, чтобы ты передал его одному человеку в России.

Он вручил Микки коробочку с флаконами. Она была очень похожа на те коробочки, которые всегда возила с собой мама. Папа сказал, что это специально так сделано, и чтобы он, Микки, об этом не думал.

– Ты спрячешь это где-нибудь у себя, – продолжал наставлять его папа. – Мама не должна это видеть. Когда долетите до Москвы, вас встретит хороший человек. Он будет катать вас по городу. Потом, когда ты останешься один, без мамы, он спросит, привёз ли ты лекарство. Ты отдашь ему это. Тогда всё будет хорошо. Если за весь день никто не спросит у тебя про лекарство, ты выкинешь его, только очень осторожно. Учти, если эту вещь найдут чужие люди, особенно в аэропорту, и подумают на тебя, никому не говори, что это ты её вёз. Скажи, что ты её в первый раз видишь. Маме тоже ничего не говори.

Вообще ничего не говори никому. Если ты хоть что-нибудь скажешь посторонним или даже маме, тебя убьют. Они убивают всех, кто возит такие лекарства.

Микки поверил и очень испугался. Когда у них в доме бывали люди с маминой работы, мама иногда рассказывала им про какие-то расстрелы в аэропортах. "Они везли это самое" – говорила мама, "их расстреливали в специальной комнате Службы Охраны". Мальчик не знал, что такое "это самое", но теперь понял – они, наверное, везли какие-нибудь лекарства.

Ему стало так страшно, что потребовались два крепких папиных подзатыльника, чтобы прекратить рёв.

После этого папа Жорж сказал ему, что если он, Микки, всё сделает как надо, папа простит ему всё его непослушание. А если не сделает, то накажет так страшно, как Микки даже не снилось. Может быть, даже убьёт. Микки снова расплакался, и на этот раз папа не только не стал его бить, но даже погладил по голове и пробормотал что-то успокоительное.

Мальчик долго думал, как бы лучше спрятать коробочку, но ничего изобрести не смог и в конце концов просто положил папину вещь себе в карманчик.

Первая неприятность случилась по дороге в аэропорт. Микки хотел взять с собой любимые игрушки. Мама заранее уложила их в сумку, но Микки было скучно сидеть и ждать, пока приедет такси (мама не умела водить машину), и он достал игрушки и разбросал их по всей комнате. Но тут как раз позвонил шофер такси, и мама не стала собирать игрушки – они так и остались в комнате. Микки устроил ей скандал, топал ножками, кричал и плевался, но ничего не помогло: мама очень торопилась и чего-то боялась. В таком состоянии она переставала бояться Микки и его скандалов. Мальчик решил подождать, пока мама придёт в себя, и уже тогда наказать её как следует.

Когда они приехали в аэропорт, мама повела его в комнату для детей и там оставила. Там были аттракционы – пластмассовые лошадки, перебирающие ногами, слоники, жирафы. Он немного посидел на слонике, который брыкался, поддавал задом и хитро наклонялся так, чтобы сбросить его с себя. Другие дети удерживались на спине слоника, но Микки сразу сполз вниз: у него было плохо с вестибулярным аппаратам. Он не ушибся – вокруг слоника был мягкий коврик – но какая-то девочка с белыми волосами, сидевшая на жирафе, увидела его конфуз и засмеялась. Микки хотел броситься на неё с кулаками, но рядом с девочкой стоял её отец, очень грозного вида. Микки надулся и решил, что мама специально привела его сюда, чтобы над ним все смеялись. Поэтому, когда она вернулась, он сделал вид, что её не замечает. в очереди на контроль он изо всех сил хныкал и канючил, просил то конфету, то шоколадку. Но мама почти не обращала на него внимания, и это было очень обидно.

В самолёте Микки почувствовал, что настал удобный момент: там было много людей, которые не могли никуда уйти, а мама больше всего боялась оскандалиться на людях. Микки это отлично знал и всегда этим пользовался. Сначала он перемазал себя и маму липким молочным шоколадом. Потом закричал, что хочет писать. Он знал, что мама испугается, как бы он не напрудил в штанишки, и будет просить его потерпеть. По этому поводу Микки устроил маме обычную истерику. Дальше он нашёл себе отличное развлечение – молотить ножками по спинке кресла, которое было перед ним. Он так увлёкся этим занятием, что даже временно оставил маму в покое.

К сожалению, Микки не обратил внимания на мужчину, сидящего в этом кресле. Мужчине не понравилось, что в его сиденье стучат, и он потребовал у мамы, чтобы она

это прекратила. Но Микки уже разошёлся и не мог остановиться. Мама тоже сделала глупость – она стала спорить. Потом мужчина позвал какую-то женщину, которая попыталась схватить Микки за ноги. Мама накричала на женщину и та убрала руки. Микки тут же решил, что эта женщина слабая, раз на неё позволяет себе кричать даже мама Фри. Он хотел сделать ей больно, но она была далеко. Получилось только плюнуть.

Как выяснилось, это было зря. Большой мужчина поднялся с кресла и ударил его, как папа, а потом начал говорить таким специальным голосом, которым говорят сильные люди. Микки понял, что та оплёванная женщина находилась под защитой мужчины, а мама, как всегда, ошиблась и теперь их ждёт наказание. Он испугался и решил до поры вести себя тихо – может быть, тогда его не будут бить, а всё достанется маме.

Но всё обошлось. Маму поругали и отпустили. Самолёт взлетел. Микки на всякий случай вёл себя смирно, а потом сделал вид, что заснул.

Конечно, он не спал. Он видел, как мама пошла к тому высокому мужчине, который его ударил, и завела с ним разговор. Микки не удивился: мама всегда шла к тем людям, в которых чувствовала силу, а мужчина был сильный.

Он немного послушал разговор мамы и того мужчины. Но разговор был неинтересный, к тому же у Микки опять поплыло внимание. Он попытался заснуть, но не получилось. Мама всё болтала, а ему было некуда себя деть.

От нечего делать он стал придумывать, что бы такое сделать с мамой по прилёту. Обычный скандал – этого было мало. Ему хотелось чего-то большего. Можно, конечно, написать в штаны, или даже обкакаться. Можно устроить приступ, с пеной на губах и хрипом – мама этого очень боялась. Но всё это было не то.

Потом он принялся мотать головой. Он знал, что, если очень долго ей мотать, то в голове наступает такое состояние, как после папиных подзатыльников, но приятное. Микки это нравилось: хорошо, когда нет никаких мыслей и ничего не нужно бояться. Он долго мотал головой, но только устал, а пользы от этого не было. Тогда он тихо и осторожно полез в мамину сумочку – мама держала там леденцы и конфеты для сына.

Тут самолёт тряхнуло, Микки выронил сумочку. Он стал сползать с сиденья, чтобы её поднять, но мама вскочила и бросилась к нему, как клуша. Пришлось зажмуриться и сделать вид, что он крепко спит.

Успокоенная мать вернулась к высокому мужчине. Микки выждал момент и всё-таки сполз вниз. Подобрал сумочку. Заметил, что из неё выпало мамино лекарство.

Глупому мальчику стало любопытно – несколько оно похоже на то, что у него в кармашке.

Он тихонечко достал папину коробочку и стал крутить их в руках, сравнивая. Коробочки казались совершенно одинаковыми. Даже надписи на флаконах были такие же. Он крутил в руках обе вещицы, пытаясь понять, чем же они все-таки отличаются, но они были так похожи, что Микки вскоре уже сам не знал, какая где.

Тем временем мама внезапно встала с кресла. Микки испугался и бросил одну из коробочек в сумку. Но мама вместо того, чтобы вернуться, побежала по проходу, держась руками за живот.

Её не было довольно долго. От нечего делать Микки принялся следить за сильным мужчиной на переднем сиденье. Тот возился с какой-то большой штукой, вроде чемоданчика, только раскрывающейся надвое. Микки знал, что такая штука называется "нотицблок" и ему было очень интересно, что с ним делают.

Но мужчина, чем-то недовольный, закрыл чемоданчик и поставил его между ног, а

сам откинулся в кресле и оставался так без движения. Мальчик понял, что мужчина спит. Ему ужасно захотелось утащить у него нотицблок.

Тем временем вернулась мама.

– Ох, – сказала она, плюхаясь в кресло, – кажется, меня прохватило. Микки, ты ужасно себя вёл. Я тебя накажу.

Это Микки пропустил мимо ушей. Мама Фри прекрасно знала, что любые попытки его наказать обойдутся ей очень дорого.

– Где тут мои салфетки, – стонала мама, копаясь в сумочке, – эта бумага в туалете просто ужасна... извини, Микки... О! – ей под руку попалась коробочка с флаконами. – Наверное, лучше это сделать сейчас, – пробормотала она, доставая запакованный в полиэтилен шприц и капсулу с ватой.

– Посиди, милый, ещё немного, – попросила она Микки. – Маме нужно сходить кое-куда. Заодно и... – она снова пошла вдоль салона.

Микки её почти не слушал. Он пытался сообразить, какую же именно коробочку он положил к маме – её или свою.

Но когда мама Фри ушла, мальчик решил, что ничего страшного не случилось. Мама вернётся и положит коробочку на место. А потом он, Микки, сопрёт у неё эту коробочку. И отдаст тому дяде, который приедет за ними на машине, обе. И честно расскажет, что одна из коробочек мамина. Дядя, наверное, его заругает, может быть даже ударит. Но это лучше, чем не выполнить папино поручение. Уж папа устроит ему такое, что мало не покажется.

Мама всё не шла. Мужчина на переднем сиденье спал. Чёрный нотицблок притягивал. Микки весь извертелся, пытаясь придумать, как бы до него добраться.

Потом мужчина проснулся, оглянулся – и вдруг побежал куда-то, на ходу размахивая какой-то книжечкой.

Мальчик понял, что лучшего случая не представится. Он мышкой проскочил к чужому креслу и схватил нотицблок. Он оказался неожиданно тяжёлым.

Несколько упоительных минут Микки тыкался в клавиши, машинка смешно пищала.

После этого начались неприятности.

Сначала вернулся мужчина. Он вбежал в салон очень быстро, и Микки не успел его заметить. Он отнял у мальчика нотицблок, но не стал наказывать, а просто застегнул его ремнём и сел рядом. Мама не появилась. Потом самолёт пошёл вниз, их немного трясло, и они остановились. Был какой-то голос, и никто не стал выходить. А потом через проход на какой-то штуке с колёсами повезли маму. Мама лежала совсем неподвижно. Мальчик подумал, что мама, наверное, умерла.

Дальше была улица, холод, темнота, что-то сырое падало на лицо – это был снег. Микки совсем не хотелось идти в эту холодную темноту, но большой мужчина быстро шагал вперед, а Микки ужасно боялся остаться один. Он цеплялся за руку мужчины, как за последнюю надежду.

Потом он как-то – он не запомнил, как – оказался в машине, где трясло, воняло бензином и говорили на непонятном языке. Он немножко поплакал, но на это никто не обратил особого внимания. Его не стали утешать, бить тоже не били. Его просто везли куда-то, и он не понимал, куда.

Потом он оказался в каком-то помещении со взрослыми людьми, которые говорили на непонятном языке и звонили по телефонам. И тут вдруг Микки настигло озарение. Он

понял, что случилось с мамой. Ее убили за то, что она везла лекарство. Прямо в аэропорту, как она когда-то и говорила. Точнее, прямо в самолете. А теперь, если найдут у него коробочку, убьют и его.

Ужас обострил мыслительные способности Микки. Он принялся канючить, что хочет в туалет. Впрочем, для этого ему даже не потребовалось особенно притворяться. Поначалу на него не обратили внимания. Кажется, этим людям он был не очень интересен, у них были какие-то важные взрослые дела, и они просто ждали, пока кто-то придет и заберет мальчика. Но Микки канючил все громче, и какой-то сердитый дядька с усами взял его за руку и повел.

Больше всего Микки боялся, что усатый не позволит ему остаться в туалете одному. Но тому, как видно, не пришло это в голову. Едва закрылась дверь кабинки, мальчик вытащил коробочку из кармана, бросил в унитаз и спустил воду. Потом, торопясь, чуть не сломав молнию, спустил штанишки и сделал то, в чем и впрямь нуждался. Снова спустил и заглянул в унитаз. В сливном отверстии еще был виден край коробочки. Делать было нечего: Микки, пыхтя, сунул руку в воду и принялся пропихивать коробочку вглубь трубы – настолько далеко, насколько хватило длины его руки. Картон уже промок и легко проминался под пальцами. Затем Микки поспешил к умывальнику, старательно вымыл руки и обтер их бумажным полотенцем. Как раз вовремя: усатому, как видно, надоело ждать, и он открыл дверь.

– Du bist in Ordnung? – спросил он с грубым и одновременно смешным акцентом.

– Ja! – поспешил заверить его Микки, чувствуя едва ли не самое большое облегчение в своей жизни.

Дальше его передавали от одних людей к другим, опять куда-то звонили, опять вели по улице, где падал снег. Ботиночки Микки промокли, но он этого не замечал. Ему снова было страшно: ведь мама умерла, и теперь он остался совсем один.

В конце концов он оказался в маленькой комнате с зарешёченными окошками. Там стоял стол, а за ним сидела высокая худая женщина в круглых очках. Спина у неё была прямая, как линейка – это было видно по тому, как она сидела. Волосы на затылке были стянуты в тугой узел, очки зловеще поблескивали.

Микки посмотрел на неё внимательно и решил, что этой женщине, наверное, нравится наказывать.

– Добрый день, мальчик, – сказала она и замолчала. Микки заметил, что на дойче она говорила с трудом.

– Добрый день, – выдавил мальчик из себя, постаравшись, чтобы это прозвучало пожалобнее.

– Садись, – сказала женщина и показала на деревянный стул рядом со столом. Микки сел на самый краешек.

– Меня зовут Валентина Сергеевна Офен. Впредь будешь обращаться ко мне как к фрау Офен. Никаких "Сергевна". Впрочем, ты ведь дойч?

Микки кивнул.

– Надеюсь, ты себе не позволишь неуважения, – это было утверждение, а не вопрос.

Мальчик промолчал.

– Итак, Михель, – перед тем, как назвать его по имени, она посмотрела в какие-то бумаги, – сейчас твои дела идут неважно. У твоей мамы большие неприятности. Поэтому ты пока поживёшь здесь. Так нужно. Ты меня понял?

– Да, – прошептал Микки. Он понял, что про маму лучше не спрашивать. Впрочем, ведь она умерла.

– Не слышу! – повысила голос Валентина Сергеевна.

– Да, – сказал Микки громче.

– "Да, фрау Офен" – вот что ты должен был сказать! – женщина посмотрела на Микки изучающе, как смотрит большая змея на очень маленькую мышь: стоит ли возни такая ничтожная добыча.

– Да, фрау Офен! Простите, фрау Офен! – залепетал Микки.

– Говори чётко и внятно, – поморщилась женщина.

– Да, фрау Офен! – громко сказал Микки. Он уже понял, как надо себя вести.

– Слушай внимательно, мальчик, – несколько смягчилась строгая фрау. – Тебя поместят в третий блок. Там говорят на дойче. Подъём в семь часов.

Микки вздрогнул: это было очень рано.

– Будешь ходить в общую столовую на завтрак, обед и ужин, – продолжала фрау. На двери есть кнопка для вызова дежурного по этажу. Если захочешь в туалет или помыться, вызови его, он тебя отведёт куда надо. Если тебя обижают, сразу вызывай дежурного, он разберётся. Ты меня понял?

– Понял... то есть да, фрау Офен! – ответил Микки.

– Так-то лучше, – фрау благосклонно посмотрела на мальчика. – В этом крыле живут мальчики. Все они дойчи, как и ты, хотя родились здесь. Но они набрались дурных мыслей и сделали очень плохую вещь: они убежали из дома. Ты некоторое время поживёшь с ними. Смотри, не наберись от них чего-нибудь плохого. Ты всё понял?

– Да, фрау Офен! – ответил Микки и был удостоен благосклонного кивка.

Через десять минут сонный, зевающий охранник повернул ключ.

Комнатёнка, куда его посадили, выглядела непривлекательно. Окна были забраны косыми решётками, пол был бетонный, на грязном потолке чернели выжженные спичками надписи непонятными буквами. У стен стояли две двухъярусные койки. Внизу на левой и вверху на правой кто-то лежал.

Микки вошёл в комнату (точнее, камеру) и растерянно огляделся по сторонам.

Из-под простыни сверху показалась мальчишечья голова, остриженная наголо. Лицо мальчика казалось добродушным, но было в нём что-то плохое, кривое.

– Новенького привели, – сказал пацан на скверном дойче.

Внизу тоже кто-то зашевелился. Появилась ещё одна голова, в маленьких очочках. Одно стёклышко было разбито.

– Мелкий какой-то, – оценивающе заявил нижний. – Эй, тебя зовут как?

Голос у нижнего мальчика был громким и гнусавым. На дойче он говорил быстро, но с грязноватым акцентом.

– Микки, – сказал Микки.

– Нет такого имени, – авторитетно заявил нижний. – Что, у тебя klikukha такая?

Микки мучительно соображал, как себя вести. Пацаны казались безвредными, к тому же они явно были ненамного старше его самого. Но всё-таки их было двое.

– Я ничего не знаю. Меня привезли сюда. Я голодный, – решил он, наконец, сыграть на жалости.

– Да ладно. Меня Лен зовут, а вот того – Аксель. А ты, значит, Микки.

– Так меня мама называет, – сказал мальчик и снова вспомнил, что с мамой Фри случилось что-то непонятной и страшное.

– Ишь ты, мама, – удивился нижний. – Я вот от мамки убежал. И ещё убегу, – добавил он солидно.

– Зачем? – искренне изумился Микки.

– Известно зачем. Пьёт моя мамаша как свинья. А как напьётся – лупит сильно.

– Меня отец тоже бьёт, – признался Микки.

– Ага, вот оно что... Значит, от папаши дёрнул, – голос нижнего заметно потеплел. – Ладно, занимай место, – тут же распорядился он строгим командирским тоном. -. Ты во сне не ссышься?

Микки помотал головой.

– Тогда залазь наверх. А, погодь. Сначала позвони дежурному, он тебе одеяло выдаст. Вообще-то, – подозрительно прищурился он, – тебе его должны были в приёмнике дать... Эй, ты получал одеяло в приёмнике?

– Я не знаю! – закричал Микки. – Меня привели сюда насильно и я ничего не знаю!

– Только соплей не разводи, – распорядился мальчишка. – я сырости не люблю.

Загремел замок в двери. Показался дежурный.

– Ужин, – сказал он.

– А я, может, не хочу... – заныл нижний мальчик, но дежурный – здоровенный белобрысый парень – молча показал ему увесистый кулак.

Через десять минут Микки сидел в столовой.

Это был огромный зал, тускло освещённый трубками дневного света, заполненный маленькими столиками с железными ножками. Примерно половина столиков была занята жующими и галдящими мальчишками. Микки заметил, что некоторые одеты одинаково – в какую-то непримечательную серую одёжку. У других была своя одежда – линялые маечки, штанишки с оторванными пуговицами и отодранными карманами, непонятно какая обувь на ногах. По проходам расхаживали взрослые с усталыми лицами.

Прямо у двери начиналось что-то вроде длинного прилавка из отполированного за долгие годы тусклого железа. Вдоль прилавка шли дети, волоча за собой пластиковые подносы. По ту сторону стояли люди в не слишком чистых белых халатах и подносили тарелки с каким-то варевом.

– Супа не бери, – шепнул Микки очкастый. – Pomojka. Они в нём ноги моют, а потом в него плюют.

Микки чуть не стошнило. Он даже не заметил, что очкастый ловко подхватил его тарелку и поставил на свой поднос.

Он взял себе макароны и стакан с каким-то варевом, которое называлось "компот". На Kompott оно не походило ничем, кроме названия. Во всяком случае, выглядело это относительно безопасно, и мальчик, поколебавшись, его взял.

Макароны оказались безвкусным. Микки жевал их машинально. Его новые знакомцы, напротив, ели жадно и много. Очкастый поставил перед собой две тарелки того самого супа, в который, по его же словам, плевали, и наворачивал вовсю, заедая куском серого хлеба. Микки не понимал, как он может это есть, но благоразумно решил не спрашивать.

В промежутках между пережёвыванием и глотанием ребята разговаривали. В основном говорил Лен. Он рассказывал всякие забавные вещи про себя и про ЦВИНП – оказывается, это место называлось именно так. Слово было смешное, поэтому Микки его запомнил. Лен попал сюда месяц назад и был очень горд, что добрался до этого места. Из дома он убегал пять раз – но в первые четыре попытки ему не удавалось добраться до

Москвы. Настоящей же его целью был Берлин, где, по его убеждению, его ждал отец.

– Мамка моя – свинья русская, – глотая и давясь, излагал Лен свою версию семейной истории, – а папа мой был настоящий военный дойч. Он в Берлине живёт. Как приеду, так и разыщу. Он меня к себе возьмёт. Я же правильный дойч. Ну, фольк, ну и что, фольк. Мы, фольки, если хошь, в тыщу раз умнее будем. В сто тыщ раз умнее...

Пока Микки слушал болтовню Лена, Акс наполовину выпил его компот.

Потом мальчиков повели на помывку.

Огромная раздевалка была завешена разнокалиберной одеждой. Дежурный с трудом нашёл свободную вешалку, на которую все трое повесили одежду. Акс, приотстав, закрутился у чужих вешалок. Какой-то взрослый мальчик это заметил и молча, с силой, врезал Акселю по уху. Аксель взвыл, но отвечать не пытался – а когда тот отвернулся, плюнул ему в спину. Дежурный сделал вид, что ничего не заметил.

Ряды душевых кабинок напоминали стойла. Шустрый Аксель умудрился разжиться одноразовым флакончиком с жидкой мыльной смесью и новой мочалкой, а Микки достался кусок твёрдого тёмного мыла и облезлая щётка. Видя, как он недоумённо крутит эти вещи в руках, Лен сжалился и отдал ему свой флакончик.

Мытьё Микки не понравилось. Напор воды в душе был слабенький, а горячий кран, как Микки его не выкручивал, не делал воду теплее. Кроме того, мимо кабинок всё время ходили взрослые и внимательно смотрели, чем занимаются их подопечные. Микки ёжился под их взглядами. Лен просто не обращал на них внимания. Аксель, когда дежурный подходил, демонстративно гладил себе густо намыленную попку, а когда тот отдалялся, показывал ему язык и корчил рожи.

Когда Микки одевался, он не обнаружил в кармане штанов носового платка. Молния на ширинке была сломана, задний карман оторван. Кто это сделал, найти было уже невозможно.

На ночь детям выдали ночные рубашки, относительно чистые, но ветхие, со следами штопки. Пришлось всё-таки натянуть на себя эту тряпку: за этим следил дежурный.

Ночью, когда Лен заснул, а Микки никак не мог удобно устроиться на жёстком ложе, к нему забрался Акс, пытался болтать, потом полез ему под рубашку, зашептал что-то непонятное. Микки с брезгливостью оттолкнул его. Мальчишка прошипел какую-то угрозу и уполз к себе.

Наутро Микки обнаружил, что его штаны и маечка валяются на полу в луже мочи. Акс нагло ухмылялся, показывая щербатые зубы.

Микки вызвал дежурного. Появился некрасивый юноша в мешковатой форме. Посмотрел на миккины тряпки, киснущие в луже мочи, подошёл к Аксу.

– Это не я!– завизжал мальчишка. – Это он сам! Он нарочно!

Дежурный молча окинул взглядом Микки, потом Акса. Сравнение, судя по всему было, не в пользу последнего.

– Не трогай меня, русская свинья! – ещё громче завизжал Акс. – Я нажалуюсь, что ты ко мне пристаёшь! Ты хочешь мою попку, свинья!

Раздался звук сочной оплеухи, и визг немедленно перешёл в рёв. Личико мальчишки покраснело.

"Сейчас будет пену пускать" – догадался Микки. Он сам так делал, когда отец бил его слишком сильно.

После второго удара Акс упал на пол и пустил пену изо рта.

Дежурный, не обращая на это внимания, двинул по детскому тельцу ногой в тяжёлом ботинке – раз, другой, третий. Поганец заверещал ещё громче.

– Заткнись, вонючка, – наконец сказал дежурный.

Визг тут же прекратился.

– Ты пойдёшь и выстираешь это, – распорядился он, показывая на штаны и майку Микки. – Но сначала уберёшь эту грязь.

– Дай тряпку, – попросил Акс.

– Она на тебе, – равнодушно сказал дежурный. – Другой тряпки не будет.

– Ублюдок, – прошипел мальчишка и тут же получил затрещину.

Аксу пришлось вытереть лужу на полу своей рубашкой.

– Ты осторожнее с ним, – посоветовал Лен, когда дежурный увёл Акса с собой, стирать испорченную им одежду. – Он вообще-то не дойч, – добавил он.

– Что, русский? – поинтересовался Микки.

– Говорят, он цыган, – шёпотом сказал Лен.

Микки передёрнуло. Он слышал, что цыгане – это был такой народ, который воровал детей. Мама когда-то что-то писала про цыган. Насколько Микки понимал, с цыганами фашистское государство сделало что-то плохое.

– Он бродяжничает, – продолжал Лен, – и ещё попой торгует.

– Как это? – не понял Микки.

– Ну, есть такие люди, которые любят в попу, – туманно объяснил Лен. – За это взрослых в настоящую тюрьму сажают. Аксель малолетка, вот его и держат тут. Мне дежурный сказал, он тут уже в восьмой, что ли, раз, сидит. Держись от него подальше.

Аксель вернулся быстро. Кинул в сторону Микки сырой ком одежды, вскарабкался на своё место наверху и демонстративно засопел в две дырки.

На завтрак было картофельное пюре, комковатое, залитое каким-то несъедобным коричневым соусом, и чай. Микки не мог это есть, зато благодарный Лен переложил всё к себе в тарелку и сожрал. Аксель попытался украсть с чужого стола котлету, получил пинка.

Днём Микки вызвала к себе фрау Офен.

Она была не одна. Рядом сидела женщина в какой-то странной одежде: Микки никогда такой не видел.

– Здравствуй, Михель, – сказала Валентина Сергеевна.

– Здравствуйте, фрау Офен, – тут же отозвался Микки.

– С тобой хотят поговорить, – фрау Офен не стала уточнять, кто именно. – Отвечай на все вопросы честно и правильно. Я пока отлучусь. У меня много дел.

Микки, однако, почувствовал, что фрау Офен сердится, и решил, что вторая женщина, наверное, ещё опаснее.

– Здравствуй, Михель, – ласково сказала женщина. – Я из полиции. С твоей мамой случилось несчастье, и мы хотим понять, что произошло.

– Мама умерла? – выдохнул Микки.

– Жива, жива твоя мама, жива, – довольно улыбнулась женщина. Микки почувствовал, что она не врёт, и немного приободрился.

– Я хочу поговорить с тобой о маме, – продолжала женщина. – Только так мы сможем ей помочь.

Посыпались вопросы. Мама чем-нибудь болеет? Принимает ли мама какие-нибудь лекарства? Что это за лекарства? Где она их покупает? Не ведёт ли она себя иногда

странно? А папа? Не болеет ли папа чем-нибудь, не принимает ли лекарства? Давал ли он какие-нибудь лекарства Микки?

Микки пытался отвечать, но очень быстро устал. Ответы требовали внимания, а с ним у него было плохо. Очень скоро он стал клевать носом на стуле. Последний вопрос он просто проигнорировал. Женщина рассердилась и назвала его плохим мальчиком, а потом позвала госпожу Офен. Они о чём-то поговорили на непонятном языке – видимо, на русском. Микки тем временем боролся с желанием стащить со стола красивую длинную авторучку.

Наконец, опасная женщина ушла, а госпожа Офен осталась.

– Ты плохой, скверный мальчишка, – сказала она ему. – Ты плохо отвечал на вопросы полиции.

– Я ничего плохого не делал, – заныл Микки, предчувствуя наказание.

– Я не разрешала тебе говорить! – зашипела фрау Офен. – Ты плохо отвечал на вопросы и был невнимателен. Госпожа следователь говорит, что ты либо глуп, либо притворяешься. Я решила дать тебе время подумать над своим поведением. Сегодня ты останешься без ужина – возможно, это прояснит тебе память и научит почтительности. Если это не поможет, придётся перевести тебя в другой блок, к трудным детям.

Микки вспомнил Акселя и Лена, попробовал себе представить, каковы же "трудные" дети, и отчаянно заревел. Ему очень не хотелось в блок к трудным детям.

– Прекрати! – рявкнула фрау Офен. – Если будешь хорошо себя вести и сотрудничать с полицией, – добавила она, – тебе никто ничего не сделает. Завтра мы поговорим об этом подробнее.

Когда он вернулся в камеру, то Акселя там не было. Как сказал ему Лен, Аксель плюнул в дежурного, тот его избил, и сейчас оба находятся на разбирательстве.

– Карцер дадут, – уверенно сказал Лен. Микки не понял, что такое карцер, но по тону мальчика сообразил, что это очень нехорошее место.

Ночь прошла скверно: он не мог заснуть. Под утро, когда удалось немного сомкнуть глаза, его поднял дежурный и велел идти на завтрак. Потом в туалетном блоке Микки поскользнулся на потёке мочи на полу и чуть не разбил себе голову. В общем, он настроился на то, что ничего хорошего сегодня в его жизни не случится.

Днём его снова повели к фрау Офен. Микки приготовился к тому, что там будет ещё и та женщина в странной одежде, но её не было.

– Михель, – сказала Валентина Сергеевна, даже не пытаясь скрыть неудовольствия, -сегодня вечером за тобой приедет мама и тебя заберёт.

Микки сначала не поверил. Даже когда ему вернули курточку и передали шапочку – ту самую, которую везла с собой мама – он всё ещё не верил в то, что всё кончилось.

Обратно его не отправили, а заставили сидеть в какой-то маленькой комнатёнке с облупившимися стенами, покрытыми зелёной краской. Он сидел на длинной лавке и гадал, скоро ли мама его заберёт и какой скандал он ей устроит.

Сидеть пришлось долго – во всяком случае, Микки это время показалось вечностью. Он даже подумал, что в обществе Акселя и то было веселее.

В конце концов появилась фрау Офен, надела на него курточку и повела его по каким-то плохо освещённым коридорам, где ходили какие-то люди. А потом он увидел маму и мужчину из самолёта.

Микки вырвался и побежал к матери, разразившись счастливым рёвом.

Потом была какая-то небольшая возня, мама подписывала бумаги, а Микки всё

плакал, уткнувшись носом в её бедро. В эти минуты он, наверное, любил маму Фри как никогда в жизни.

Когда они вышли, Микки повернулся к зданию ЦВИНПа и сказал: "Русские свиньи". Ему очень хотелось это сказать.

Мама тут же начала извиняться за него перед человеком из самолёта, и у Микки тут же прошёл приступ сыновних чувств. В машине мальчик сидел тихо и думал, как он накажет мать при первом же удобном случае.

Дальше случилось то, что мальчику не хотелось вспоминать ещё больше, чем даже своё пребывание в ЦВИНПе. Особенно постыдным было то, что мать применила к нему силу – едва ли не впервые в жизни. Ещё хуже было то, что у неё это получилось. Микки вспомнил, как мама зажимает ему нос, держа в другой руке таблетку снотворного, и покраснел от злости. Такое право имел только Жорж, а не Фри... Так или иначе, от таблетки он почти сразу заснул.

На следующее утро он долго не мог понять, где находится: это был не дом и не ЦВИНП. Во всяком случае, он лежал на мягкой постели, а не на койке, в пижамке. Мама вертелась перед зеркалом, пытаясь уложить волосы в причёску. Во рту она держала шпильки.

Мальчик вспомнил вчерашнее унижение и запустил в неё подушкой: пора было начинать скандал.

Мать обернулась.

– Микки, – промычала она, не вынимая изо рта шпилек, – сегодня постарайся вести себя очень хорошо.

Через три часа Микки, наспех собранный – он всё-таки устроил скандал с рёвом и с удовольствием написал в постель – сидел в салоне роскошной машины и держал в руках огромного игрушечного льва с золотистой гривой. Рот его был перепачкан шоколадом, карманы набиты конфетами в блестящих обёртках.

Мама делала вид, что недовольна, но на самом деле у неё горели глаза. Она прижимала к коленям корзинку, украшенную пышным бантом – ей торжественно вручили эту корзинку в одном из крохотных магазинчиков, в которые она успела зайти. В корзинке лежали какие-то коробочки. Глаза у Фри горели: покупка явно доставляла ей удовольствие.

– Какие всё-таки вежливые люди, – радостно щебетала она, – как тонко они разбираются в том, что нужно женщине моего типа...

– О да, – подхватил молодой человек, которого звали Андреем, – но это же Тверская, свободная торговая зона... и менее строгие нравы.

– Вот на что способна свобода, даже если освободить всего одну улицу! – провозгласила Франциска. – Я обязательно напишу очерк.

– Ну, это всё же разные вещи, – возразил Андрей. – Свобода, по моему убеждению – это отсутствие всякой власти, всякого принуждения и насилия.

Молодой человек был странный: Микки никак не мог понять, чего он хочет. С одной стороны, он был очень услужлив, что вроде бы указывало на слабость. С другой – за всей этой услужливостью чувствовалась сила и какие-то права. Микки вспомнил, как однажды он попытался украсть в магазине шоколадку, и продавщица, которая улыбалась и была очень любезна, вдруг стала совсем грубой, накричала на маму, а потом ещё пришли какие-то дяди и долго кричали. Мама потом говорила, что "дёшево отделалась", но шоколадку пришлось всё-таки отдать и поклясться, что он этого делать больше не

будет. В этом Андрее было что-то от той продавщицы: чувствовалось, что он не так безопасен, каким кажется. Поэтому откровенно садиться ему на шею Микки всё-таки остерегался.

У него была какая-то смешная фамилия, вроде бы связанная с травой. Микки осторожно переспросил, а тот рассмеялся, и сказал, что на русском есть слово, похожее на Gräser, но обозначающее не растения, а почву. И нехорошо засмеялся.

– Вы слишком радикальны, мистер Грязнов, – продолжала любезничать мать. Микки знал, что она называет словом "мистер" только очень нравящихся ей людей.

– Ничуть, я всего лишь последователен. Свободу нельзя ограничивать ничем, тем более – одной улицей. Микки, – повернулся он к мальчику, осторожно притормаживая, – ты не хочешь горького шоколада? Здесь рядом есть чудная крохотная лавочка.

Микки замотал головой: он не любил ничего горького.

Андрей явно старался задобрить Микки: это он покупал ему конфеты, и он же уговорил маму купить ему льва. Потом он сам приобрёл для него в игрушечном магазине маленькое ружьё, почти как настоящее.

– Фрау Галле, после того, что пережил ваш сын, – сладко разливался молодой человек, – ему нужно отвлечься. В конце концов, – говорил он, когда мама Фри робко протестовала против его трат на мальчика, – я москвич и хочу как-то сгладить то ужасное впечатление, которое произвёл наш город на бедного ребёнка...

– Это очень, очень любезно с вашей стороны, – улыбалась фрау Галле.

– Вот, кстати, – Андрей подрулил к свободному участку на тротуаре с белой надписью, обозначающей цену за минуту стоянки – булочная Розанова. Очень известное место. Микки, ты хочешь свежих булочек?

Мучное Микки любил. Он согласно замычал и выпустил из рук льва.

На маму, наоборот, некстати напала материнская заботливость.

– Микки не очень хорошо себя чувствует, не будет ли ему вредно есть выпечку? – защебетала она.

– Ну, если вы так считаете, – начал было Андрей.

Микки заревел: вкусные булочки могли уплыть.

– Хорошо, хорошо, – торопливо сказала Франциска, понимая, что сын вполне способен опозорить её перед любезным юношей, – пусть будут булочки.

Резную дверь "Дойчской Булочной Розанова" украшала вывеска с двумя орлами: одноглавым и двуглавым. Микки посмотрел на уродливую птицу с двумя головами и засмеялся.

Внутри было очень красиво: высокий потолок с роскошной лепниной, цветные витражные стёкла, деревянные стойки, на которых были разложены в продуманном порядке пирожки, хлебцы, пирожные. Между ними неспешно ходили дорого одетые люди, рядом суетились магазинные работники с лубяными корзиночками и коробами.

Микки потянулся к обсыпанному изюмом и сахаром крендельку, от которого вкусно пахло корицей и ещё чем-то сладким.

– Положи, Микки, – испуганно сказала мама, глядя на скромно пристроенный рядом ценник, написанный каллиграфическим почерком от руки. – Это очень дорого.

– Ничуть, – решительно сказал Андрей и сделал неопределённый жест рукой.

Прямо из воздуха возник улыбающийся продавец, внушающий доверие всем своим видом.

Андрей сказал ему что-то по-русски. Продавец внимательно посмотрел на него и

едва заметно кивнул.

– Дорогие друзья, – торжественно обратился он к Микки и Фри, – насколько я понимаю, вы у нас впервые?

– Мы впервые в Москве, – надменно сообщила фрау Галле. – Мы из Берлина.

Лицо продавца, и без того приветливое, озарилось какой-то солнечной улыбкой.

– О! Для новых гостей из Берлина – особые условия, – захлопотал он, – не скрою, у нас не очень дёшево, но для жителей сердца Фатерлянда у нас всегда наготове очень интересные скидочки... А вот это разрешите преподнести молодому человеку от нашего скромного заведения, – он заговорщицки подмигнул Микки и вручил ему кренделёк.

Мальчик тут же вгрызся в благоухающее свежее тесто.

– Окажите честь, – продавец как-то ненавязчиво оказался сбоку от фрау Галле, – позвольте провести вас по нашему пряничному домику.

– Я не очень люблю мучные изделия, – несколько нервно сказала фрау.

– Понимаю... Но, смею заверить, у нас вы посмотрите на такую простую вещь, как выпечка, – продавец деликатнейше дотронулся до её локтя, – совсем иначе... Например, существует такой глупый миф, что выпечка вредна для талии. Имею честь сообщить Вам, как человек опытный, – он плавно начал движение, увлекая за собой покупательницу, – это совершенно ложное мнение. Разумеется, в том случае, если хлеб испечён правильно...

Зачарованная фрау сделала несколько шагов и скрылась за стеллажами.

Андрей быстро и осторожно осмотрелся. Выждал минуту. Подошёл поближе к Микки и взял его за руку – крепко, как берут, чтобы не убежал.

Микки понял, что всё предыдущее было нужно для этого момента.

– Микки, – сказал он, – твой отец должен был передать образцы. Я знаю, у тебя их нет. Что случилось?

Микки поёжился. Он понял, что Андрей так просто не отстанет.

– Коробочка с флаконами, – терпеливо продолжал молодой человек. – Что с ней случилось? У тебя её отняла мама?

Микки кивнул: версия была не хуже прочих.

– У тебя больше не осталось ни одного флакона? – всё так же терпеливо переспросил молодой человек.

Микки мотнул головой.

– Ты должен был передать их мне. У тебя точно ничего не осталось? – допытывался Грязнов.

– Нет, у меня была только одна коробка, – сказал мальчик.

– Это очень плохо, – сообщил ему Андрей. – Ты даже не представляешь себе, как это плохо. Ты не выбросил флаконы?

– Нет, у меня их не было, – шёпотом сказал Микки. Ему почему-то стало очень страшно.

– Тебя спрашивали что-нибудь про лекарства, пока ты сидел в этой конторе? – продолжал своё Андрей.

Мальчик понял, что речь идёт о ЦВИНПе, и кивнул.

– Что ты им сказал?

Микки попытался вспомнить хоть что-то из разговора с той полицейской женщиной, но не смог припомнить ни единого вопроса.

– Ничего не сказал, – ответил он самое простое.

– Надеюсь, ты не врёшь, – сказал Андрей. – Матери ты что-нибудь говорил?

– Нет, ничего, – ответил Микки.

– Ничего ей не говори. Ничего и никогда. Когда вернёшься, передай: это будет стоить пятьдесят процентов от цены. Запомнил? Повтори.

– Пятьдесят процентов от цены, – послушно повторил мальчик.

– Запомни: цена вдвое ниже.

– Я понял, – кивнул сын.

– Передай ему, что это из-за тебя. Ты подвёл очень серьёзных людей. Впрочем, твой папаша виноват тоже. Он должен был лететь сам. Надеюсь, он... – Андрей осёкся и натянул на лицо приветливое выражение: появилась фрау Галле. Всё так же поддерживаемая под локоток продавцом, она тащила с собой немалых размеров коробку апельсинового цвета, перевязанную ленточками. Продавец тщетно пытался перехватить груз, но фрау была непреклонна.

– Представляете, – чуть смущённо призналась она, – тут как раз вывезли свежий апельсиновый торт с миндалём. Обожаю его с детства. Мне дали попробовать кусочек... в общем, я взяла половину торта. Хотя это сущее разорение, – она с надеждой посмотрела на Андрея, явно ожидая очередной финансовой жертвы.

– Фрау Галле, мне только что звонили из "Свободного слова", – хладнокровно соврал Андрей, – нас там уже ждут. Давайте поторопимся.

Маме Фри пришлось самой платить за лакомство.

Дальше было неинтересно. Они приехали в какой-то дом, где было что-то очень похожее на "газету", какой её знал Микки. Правда, комнат было поменьше, а люди кричали друг на друга на непонятном языке. Но вообще всё было очень похоже. Единственная радость, которую улучил себе Микки, была та, что, пока мама общалась с этими людьми, ему удалось развязать ленточки и открыть коробку с тортом. Он объел все сладости наверху и расковырял бок, пока мама не заметила, что мальчик как-то подозрительно тихо себя ведёт. Когда же она попыталась выразить недовольство, Микки устроил ей хорошую сцену с рёвом и царапаньем. Получилось просто отлично: мама была вся красная.

Потом были ещё какие-то разговоры, шум, Микки уже устал, расклеился, и даже развороченный торт его уже не очень интересовал. К тому же он переел сладкого и в животе было тяжело. Он сидел в уголке, а мимо ходили какие-то люди с бокалами, что-то говорили, веселились. Тогда он пошёл к маме и стал канючить, чтобы она отвезла его куда-нибудь спать. Потом был какой-то разговор, кто-то сказал на дойче – "к старухе Берте" и засмеялся.

Он очень смутно помнил, как чьи-то руки его одевали, застёгивали курточку, потом были тёмные стёкла в машине, тёмный двор с одиноким фонарём, лестница, шум, старуха на пороге и слова на непонятном языке. Мамы, кажется, не было. Кто-то спрашивал у Микки, хочет ли он остаться здесь, и Микки сказал "да": ему очень хотелось, наконец, уткнуться лицом в подушку...

Сейчас, наоборот, подушка казалась жёсткой и мешалась.

Мальчик лежал в тёмной комнате с открытыми глазами. Обрывки воспоминаний крутились в голове, как ошмётки грязи в раковине, когда выдёргиваешь пробку.

Внезапно его охватило острое чувство незащищённости. Даже в ЦВИНПе, вблизи опасного Акселя или в когтях фрау Офен, он не чувствовал себя настолько слабым и уязвимым.

Впервые за всё это время он задумался о простой вещи: а ведь, судя по всему, и его

отец, и мать, и эта старуха – все они занимались чем-то плохим. Чем-то таким, за что, наверное, можно поплатиться. Ну, мама Фри всегда была глупой. А отец? А этот Андрей? Но Андрей, несмотря на свою роскошную машину и деньги, тоже не был сильным. Он тоже боялся, понял Микки, он очень боялся. И старуха Берта – она ведь тоже чего-то боится, поэтому и не спит ночью. Боялись все. Кроме, может быть, мужчины из самолёта, которого мама называла Власовым и который ударил его по щеке.

Если бы он был здесь! Микки рассказал бы ему всё – и про отца с матерью, и про лекарство, и про непонятный разговор с Андреем. Просто потому, что тот мужчина ничего не боялся, так как не делал ничего плохого.

Но его не было.

Тогда Микки поправил пижамку и пошёл к старухе.

Та сидела у себя в комнате. Обычно она там пила кофе с коньяком. Но на этот раз кофе не было. На том месте, где обычно у старухи стояла чашка, лежала пачка каких-то маленьких бумажек. Она брала их по одной и внимательно рассматривала.

Шагов ребёнка и скрипа двери она, как обычно, не слышала.

Микки подошёл совсем близко, чтобы тоже посмотреть на бумажки. Тут, наконец, Берта его заметила.

– Ты не пил чай, – громко сказала она по-дойчски.

Мальчик знал, что старуха глухая. Поэтому он дождался, пока она повернётся к нему лицом и сказал чётко и ясно:

– Тётя Берта, я не могу заснуть. Дайте мне ещё своего чая.

Старуха внимательно посмотрела на него. Молча встала, пошла к серванту. Достала пузырёк с тёмной жидкостью и чайник с холодной заваркой. Не скрываясь, отлила чайную ложку жидкости в стакан, залила сверху.

– Ты боишься, маленький глупый мальчик, – сказала она. – Значит, ты стал чего-то понимать в этой жизни. Но для тебя уже поздно.

– Вы тоже боитесь, – сказал Микки.

– Поди сюда, – велела старуха.

На столе лежали пожелтевшие фотокарточки: все кучкой, одна отдельно.

– Это очень старая история, тебе не надо это знать, – сказала старуха и отодвинула кучку фотокарточек в сторону. – Это всё мёртвые люди. Но вот один есть ещё живой, – она придвинула фотку поближе к Микки.

Фотография была неинтересная: бульвар, скамейка, ничем не примечательный человек с надвинутой на лицо шляпой.

– У него нет того, чем он называется, – старуха гадливо хихикнула. – Но он очень опасный человек. И поэтому я сижу и думаю, зачем он придёт к старой Берте.

– Чтобы сделать больно, – прошептал мальчик. Он знал, зачем приходят такие люди.

– Да, – сказала Берта, – он таки может делать из человека фиш, как моя мама могла делать фиш из рыбы. И вот я не хочу, чтобы из меня сделали фиш. А теперь пей свой чай и быстро спи. Я положила тебе много сонного средства и теперь я не хочу, чтобы ты падал в моём коридоре.

Мальчик быстро выпил невкусную, горькую заварку. От бабкиного лекарства она горчила ещё сильнее.

Он успел добрести до постели, когда сон, наконец, мягко ударил его в затылок, и Микки беспомощно растянулся на простыне.

Фрау Галле заворочалась во сне, поискала руками Микки, нашла, потрогала, успокоилась: мальчик спал.

Kapitel 30. 11 февраля, понедельник, до полудня. Москва, Трубниковский переулок, 30.

День, а вместе с ним и неделя, начались скверно: Власову приснилась редкостная дрянь. Под низким серым небом раскинулись серые от дыма и пыли руины города, в котором Фридрих не столько даже узнал, сколько нередким во сне иррациональным чутьем угадал Берлин. Стоило ему определиться с географией, как его глазам предстало грязное, закопченое, полуразрушенное здание Райхстага, по которому, словно муравьи, карабкались наверх солдаты в некрасивой грязно-зеленой форме. Первый из солдат тащил здоровенный красный флаг – без всякого намека на свастику, а, напротив, с желтой большевицкой звездой в углу – с явным намерением водрузить эту гадость над пробитым куполом имперского парламента. Следом за солдатами, пыхтя и обливаясь потом, полз маленький кинооператор, отчего-то смахивавший на Лемке. Очевидно, все происходящее совершалось ради него, это была всего лишь киносъемка, инсценировка – однако мысль об этом не приносила облегчения. Фридрих откуда-то знал, что даже после того, как оператор закончит свою работу и слезет, флаг останется висеть... Усилием воли Власов рванулся из серого омута сна и открыл глаза за четыре минуты до звонка будильника.

Он не был суеверен, и все же мерзкий сон хотелось чем-то перебить, словно заесть невкусную пищу. Так что возникшие лишние четыре минуты Фридрих потратил на то, чтобы загрузить из Сети и посмотреть фотографии того, как все было на самом деле. Парад Победы в Москве, над Кремлем развеваются знамена союзников – русские триколоры и райхсбаннеры, гвардейцы РОА и Ваффен СС – в безукоризненной форме, с георгиевскими и рыцарскими крестами, в белых перчатках – швыряют большевицкие знамена к подножью кремлевской стены, в яму, образовавшуюся после взрыва капища ленинской мумии... Это зрелище, хотя и хорошо знакомое с детства, заметно подняло Фридриху настроение, и он бодро побежал в душ.

Завершив обычные утренние процедуры, Власов сходил вниз за газетами. На сей раз его ждал небольшой сюрприз: в почтовом ящике обнаружился квадрат довольно скверной тонкой бумаги самого казенного вида. "Департамент внутренних дел Российской Республики. ДОПО г. Москвы" – прочел он в правом верхнем углу и усмехнулся: "Оперативно работают!" Это была штрафная квитанция, причем доповцы, не разводя лишней бюрократии, свели в один документ все причитающиеся с него штрафы за прошлую неделю (таковых оказалось даже на один больше, чем рассчитывал Фридрих – как видно, у московской дорожной полиции было больше глаз, чем казалось на первый взгляд). Сама бумага Власова не обеспокоила – он знал, что Управление все оплатит – но, уже поднимаясь обратно по лестнице, он вдруг мысленно обругал себя за то, что в своем расследовании доселе не сделал очень простой вещи – не проверил счета, предъявленные к оплате Вебером. Едва ли, конечно, в этих счетах могло содержаться что-то сенсационное – скорее всего, такие же штрафы, выплаты осведомителям и прочая рутина, иначе на них обратили бы внимание задолго до Власова – но все же пренебрегать таким источником информации не следовало. Так, большое количество штрафов за определенный период показало бы, что в эти дни Веберу пришлось много и быстро ездить. Отрываться от "хвоста" или, напротив, кого-то преследовать – это уже тема для дальнейшего

разбирательства...

Вернувшись в квартиру, он отправил факс в бухгалтерию, присовокупив заодно и свой запрос. На сей раз, как Власов уже не раз имел возможность убедиться, быстрого ответа ожидать не приходилось; в вопросах, касавшихся финансов, имперская бюрократическая машина (включая и такую немаловажную ее шестеренку, как бухгалтерия РСХА), работала с невыносимой скрупулезностью, неоднократно перепроверяя каждый пфенниг и каждый пункт полномочий. Зато, разумеется, и заслуженная слава наименее коррумпированной из крупных стран мира... Власов напомнил себе об этом, дабы не раздражаться, и проверил почту. Ответа от Марты не было. Накануне поздно вечером, вернувшись из "Калачей", Фридрих отправил ей электронное письмо (поскольку телефона ее так и не знал). В полушутливой форме он предупреждал девушку, что не следует проявлять к нему столь пристальное внимание при случайных встречах, ибо это замечают даже посторонние и "задают всякие неловкие вопросы". Памятуя, что письмо может прочесть не только адресат, Фридрих не стал выражаться яснее, но понадеялся, что Марта все же поймет, что на самом деле беспокоит Власова. Хотя вчера ее чрезмерное внимание сыграло скорее положительную роль, рассекретив "топтуна" – так, кажется, сотрудники наружки именуются по-русски... но с куда большей вероятностью могло навредить. Нет уж, лишний интерес к собственной персоне нам совершенно ни к чему, на то он, собственно, и лишний... И, кстати, надо полагать, вчерашний "хвост", потеряв главный объект, увязался как раз за Мартой – что тоже едва ли полезно.

Зато пришло донесение от Лемке, который честно отрабатывал многочисленные потенциальные контакты цу Зайн-Витгенштайна. Живущих в Москве пожилых дойчей, которые, по мнению Лемке, могли бы заинтересовать гордого имперского аристократа как своими заслугами, так и, возможно, своими взглядами (то есть, по крайней мере, не состояли в откровенно проправительственных организациях), набралось чуть больше сотни; Фридрих опасался, что их будет больше, но и такой фронт работ по проверке впечатлял. Впрочем, Лемке рассудил вполне логично (хотя и прямолинейно), начав с самых известных и заслуженных. В Москве перечень таковых был уже исчерпан. Лемке обзванивал их, представляясь журналистом, пишущим книгу о покойном (разумеется, в самом уважительном тоне) и интересующимся материалами. Опрошенные отвечали, что либо вообще никогда не встречались с князем, либо видели его пару раз мельком; были и такие, что отозвались о нем неодобрительно – в общем, никто не сознался в дружбе с ним и не навел на людей, водивших такую дружбу. Фамилии в оставшейся части московского списка ничего Власову не говорили – очевидно, все это были кавалеры младших орденов, которые в отдельные периоды войны раздавались пачками. Однополчан князя среди них не обнаружилось, это Лемке тоже уже проверил. Других донесений от агентов не было, посланий от Мюллера тоже, и Фридрих занялся прессой. На сей раз, просматривая газеты, он с особой тщательностью изучал материалы, посвященные начавшимся Дням арийского единства. Разумеется, он не ожидал публикации каких-то слухов, во всяком случае, не санкционированных российскими властями – на сей счет следовало позже проанализировать атлантистские издания; скорее он выискивал намеки в духе "послужит дальнейшему укреплению российско-германской дружбы, несмотря на усилия отдельных господ, чьи поспешные и непродуманные" (либо, напротив, "тщательно спланированные") "действия могли бы привести к осложнению отношений между союзниками". Но ничего такого – кроме, разумеется, ритуальных выпадов в адрес атлантистов – в статьях не

обнаружилось; как видно, в руководстве ПНВ еще не пришли к окончательному решению по поводу визита и не торопились выносить сор из избы. Если вся эта история с визитом – вообще не деза, напомнил себе Власов. Но интуиция подсказывала ему, что, несмотря на крайнюю ненадежность источника, это не дезинформация. Может быть, это именно та провокация, которой ждет от дойчей недоверчивый Бобков. Нельзя исключать и того, что информацию либералам слили преднамеренно – пожалуй, это даже вероятнее случайной утечки – причем произошло это в Фатерлянде, иначе сведения достались бы "Свободному слову", а не "Либерализирунг". Ненадежность подобного источника, на самом деле, очень удобна – с одной стороны, можно в любой момент поднять шум, и даже с отголоском на Западе, с другой – всегда сохраняется возможность сдать назад, объявив информацию о визите безответственной чепухой и пропагандой врагов режима. Причем слить информацию могли как те, кто готовит визит, так и те, кто стремится его предотвратить...

Фридрих уже почти закончил с газетами, как вдруг на предпоследней странице "Московского богомольца", посвятившего наступившим праздникам аж три полосы, где-то между благостными речами православных и лютеранских священников и расписанием праздничных служб в московских храмах, по глазам резанула дикая, совершенно немыслимая здесь, да и вообще в российской газете фраза: "Кровавая стая нацистских псов, одержимых безумным желанием расправы над любыми светлыми, гуманистическими идеалами..." Власов обалдело моргнул, подумав в первый миг, что ему померещилось. Нет, действительно напечатано "кровавая стая нацистских псов..." Он скользнул взглядом ниже. Там было еще хуже: "Провонявшая пивом и тухлой капустой нация, с самого своего зарождения только и делавшая, что развязывавшая войны в Европе – в которых, впрочем, регулярно бывала бита..." Да что ж это такое, в конце концов?! Как будто мерзкий утренний сон внезапно стал реальностью... Нет, конечно же, никакой мистики не бывает, всему должно быть разумное объяснение. Взгляд скользнул еще ниже, к подписи. А.Проханов. Это имя Власову абсолютно ничего не говорило. Такого оппозиционного журналиста не существовало – это Фридрих, как раз недавно изучавший досье на российских оппозиционеров, мог сказать с уверенностью. Впрочем, скорее всего это псевдоним, причем одноразовый – после такой-то статьи... Но как, откуда она могла взяться в пусть и любившем тему внутрицерковных скандалов, но абсолютно лояльном властям "Богомольце"?!

Все эти мысли пронеслись в мозгу Фридриха в долю секунды, пока его взгляд двигался вверх, к заголовку статьи. "Преступления немецко-фашистских выродков против человечества". Но нет, это не название – оно набрано слишком мелким шрифтом, и над ним еще абзацы. "Сегодня мы вновь встречаем светлые и радостные дни Масленицы. Но за всеми праздничными хлопотами, за веселыми гуляниями и вкусными блинами – помним ли мы об истинном значении Дней арийского единства? Вспоминаем ли мы с благодарностью подвиг великого германского народа, избавившего мир от красной чумы? О да, конечно – мы знаем об этом со школьных лет, мы слышим об этом по радио и фернзееру, но даже самые высокие и красивые слова истираются от долгого употребления. В эти праздничные дни мы должны вновь ощутить всем сердцем их святую истину. И для этого полезным будет вспомнить, от чего именно избавили Русь и все человечество наши благородные братья по арийской крови. Вдумайтесь: каких-нибудь полвека назад одно лишь желание отпраздновать Масленицу, как и любой другой религиозный праздник, привело бы русского человека в лагеря смерти ГУЛАГа. Десятки миллионов русских были уничтожены безродной большевицкой нечистью под лозунгом

создания нового гомункулуса – так называемого "советского человека". Дьявол, как известно – обезьяна бога; вот и "советский человек" был омерзительной карикатурой на арийские идеалы. Посмотрите старые хроники, вглядитесь в эти колонны оболваненных рабов, послушно марширующих под кровавыми знаменами с начертанными на них каббалистическими пентаграммами, и в особенности обратите внимание на большевицких главарей. Ни одного красивого лица! Все, как на подбор, от рябого сухорукого коротышки Джугашвили до последнего секретаря райкома, отмечены каиновой печатью вырождения! Неудивительно, что все красивое, благородное и истинно величественное вызывало у них лишь слюнобрызжущую ненависть. Вот лишь несколько образчиков большевицкой пропаганды, сохраненных для нас историей..."

Ага. Вот, значит, в чем дело. Фридрих дочитал статью до конца. Цитатная часть, пожалуй, великовата, из-за чего текст от автора выглядит не более чем вступлением – ну и в конце было еще заключение на несколько строк. Впрочем, в обширности цитат есть свой плюс. Что скрывать, многие испытывают нездоровое любопытство по отношению к вражеской пропаганде, скрытой в спецхранилищах – ну так пусть убеждаются, что ничего особо интересного в ней нет, убогая, примитивная злоба... Впрочем, Фридрих не был уверен, что неведомый Проханов и впрямь имел доступ к специальным архивам. Он мог и просто выдумать эти хлесткие цитаты ради гонорара, а редактор, конечно, не удосужился проверить. В каком-нибудь серьезном журнале хоть Райха, хоть России подобное, разумеется, было бы немыслимо, но в "Богомольце" – запросто. Но даже если и так, ничего страшного. Стиль коммунистической пропаганды передан вполне адекватно – уж Власов был знаком с ее подлинными образцами и мог сравнивать. Здесь – "загнать осиновый кол в могилу нацистских упырей", там – "гнилой фашистской нечисти загоним пулю в лоб". Кстати, бойцы русских освободительных сил пели переделку этой песни, с заменой слов "фашистской" на "советской". Самое смешное, что больше ничего менять не пришлось – все остальное подошло идеально, за исключением разве что куплета про "крылья черные", ибо большевики не красили свои самолеты в черный цвет. Впрочем, если трактовать метафорически...

Закончив с российской и московской прессой, Фридрих подумал, что неплохо было бы изучить и петербургские газеты. Но в Москве их достать проблематично, надо специально заказывать... Впрочем, в последнее время все больше обстоятельств подталкивают его к поездке в Бург. Город, умудрявшийся даже в статусе столичного доставлять проблемы российской власти – достаточно вспомнить все дворцовые перевороты и неудавшийся путч "декабристов" – а уж после возвращения столицы в Москву и вовсе имеющий прочную репутацию фрондерского. При большевиках эта репутация стоила ему одной из самых кровавых "чисток", но поколеблена не была, и даже освобождение (после ужасов блокады, на которые обрек нелюбимый город большевицкий Кремль), осуществленное, в отличие от Москвы, войсками Вермахта, а не РОА, вбило дополнительный клин между двумя российскими столицами. Город, изначально, с самого названия своего, германофильский, но в то же время и в большей мере, нежели прагматичная Москва, склонный к либеральным и вообще всяческого рода завиральным и выморочным идеям – так что даже германофилия его приобретала порою странный и болезненный оттенок...

Фридрих вновь положил перед собой свою схему, пополнившуюся за последнее время овалами и стрелочками. Предположения насчет визита и обращения к сепаратистам, положим, чисто гипотетические, хотя и вполне правдоподобные. Но то, что именно в

Бурге можно достать отсутствующий в Москве штрик – факт, подтвержденный столь авторитетным экспертом, как Спаде... И, кстати, туда не так давно дважды мотался Грязнов. Не исключено, что он и сейчас там. И к деятельности "Рифеншталь-фонда" – коим, кстати, интересовался Вебер – по-любому стоит присмотреться повнимательнее.

Между прочим, любопытно, как князь относился к "ингерманландцам"? Если он знал о них, то вполне мог сочувствовать их идеям. Что, если и книгу он переправил именно им? При таком варианте можно ожидать различного развития событий. Вплоть до визита в Бург Зайна... Опять же, отирающийся вокруг фонда Гельман. У РСХА не было агентурных сведений о его визитах в Москву за последние месяцы, это Власов уже проверил, но это ничего не доказывало – Гельман не входил в число людей, особенно интересующих Управление. В принципе, он вполне мог выступить курьером, если фрау Рифеншталь ему доверяла – что, по мнению Фридриха, было бы, конечно, опрометчиво. С другой стороны, едва ли он мог бы внушить доверие князю – и, учитывая крутой и упрямый нрав последнего, даже личное заступничество Фрау вряд ли могло это изменить. Но, по крайней мере, Гельман мог быть в курсе дела. Кстати, не входит ли в круг интересов "специалиста по современному искусству" еще и букинистический антиквариат? Во всяком случае, некими китайскими древностями он занимался...

Впрочем, не стоит зацикливаться на Фрау. Если предположить, что, не имея подходящих кандидатур в Москве, князь переправил книгу в Бург, то там есть еще несколько интересных фамилий. Правда, все больше моряки; Петербург, несмотря на свое скверное географическое положение, из-за которого его гавань по многу месяцев заперта льдами – город с богатыми морскими традициями... а Люфтваффе и Кригсмарине, что уж греха таить, хотя и часто работали бок о бок в общих операциях, всегда недолюбливали друг друга. Вряд ли князь обзавелся друзьями в этой среде, хотя проверить все равно не помешает. Есть и еще известные имена, правда, не из числа военных. Фрау, конечно же, но не только она. Конрад Эрле, скульптор, бывший действительный член художественной академии, которому в свое время не простили то, что простили Фрау – популярности на Западе. Его работы подверг разгромной критике сам Райхспрезидент, после чего последовали оргвыводы. Впрочем, критика была совершенно справедливой – вольно ж было художнику, прежде создававшему прекрасные классические композиции, погнаться за вырожденческой атлантистской модой и начать ваять бессмысленное уродство... Или вот еще – Вальтер Порциг, знаменитый геолог, открывший месторождение никеля для нужд Райхсраума, а позже влипший в какую-то грязную историю с сексуальным уклоном – подробностями Фридрих не интересовался, ибо интересы службы того не требовали, а сами по себе подобные вещи вызывали у него отвращение. Однако опять-таки непохоже, чтобы кто-нибудь из этих людей заслужил высокое доверие князя. Хотя... хотя...

Нотицблок мягко звякнул, извещая о пришедшем послании. Как ни странно, оно оказалось из бухгалтерии. Надо же – не прошло и трех часов. Не иначе, на них надавил Мюллер, требуя, чтобы содействие Власову оказывалось без всяких проволочек... шеф понимает, что с началом Масленичной недели пошел некий обратный отсчет. Фридрих поспешно просмотрел список. Штрафы в нем не значились – не иначе, Вебер ездил очень аккуратно, что вполне отвечало сложившемуся у Фридриха образу. Или, может быть, не ездил вообще, предпочитая "сидеть в центре паутины" – пока не изменил этому принципу в роковой для себя день... Хотя нет, вот счета за бензин, правда, совсем небольшие. Другие расходы выглядели столь же заурядными и бытовыми... но одна строчка заинтересовала Власова. Это был счет от московского REIN-анлифера. Зачем Веберу,

имевшему, как и все сотрудники Управления, бесплатное нелимитированное высокоскоростное подключение к Сети, отдельно покупать доступ в Сеть, предоставляемый обычным жителям Москвы?

Ответ, на самом деле, напрашивался. Устройство Единой Информационной Сети Райхсраума исключает анонимность. Точнее, анонимный доступ к публичным ресурсам на чтение допускается, но анонимная засылка информации в Сеть исключена. Любой информации, будь то заливаемый на плац дат, сообщение в форуме или письмо электронной почтой. Отправитель всегда может быть идентифицирован по уникальному сетевому адресу, скрыть или подделать который невозможно – его адекватность проверяется на всех этапах коммуникации, и все это встроено в низкоуровневые протоколы, без которых ничего просто не будет работать. Разумеется, такая система может создать сложности не только злоумышленникам, но и не желающим светиться работникам спецслужб. И, разумеется, их собственные службы доступа – включая и московскую, которой пользовались Вебер и сам Власов – с самого начала предоставляли своим пользователям диапазоны адресов, выглядящие для лиц неосведомленных как обычные адреса гражданских райнанлиферов соответствующего региона. Но если Веберу понадобилось не фиктивное, а действительное подключение через московского анлифера, значит, он хотел заслать нечто лицам очень даже осведомленным. Оставаясь при этом в тени. ДГБ – это, конечно, первая мысль, приходящая на ум. Но необязательно ДГБ. Кстати, официально они не знают, какие именно адреса принадлежат имперской резидентуре – но перестраховка в таких делах никогда не вредит...

Существует, впрочем, и другая возможность, менее привлекательная: Вебер шифровался не от чужих, а от своих. Не хотел, чтобы некие виды его сетевой активности были отражены в тагах посольского береха. И уж, конечно, вовсе не потому, что решил за казенный счет почитать через шлюз порнографию из американского "интернета", открыто выложенную там на "сайтах" нескольких библиотек (кстати, при подключении через обычного анлифера это было бы и невозможно). Хотя в таком случае логичней было заплатить русскому анлиферу из своего кармана, не требуя компенсации от РСХА. Расчет на то, что одни ведомства – или даже подразделения одного ведомства – не знают и не интересуются, чем занимаются другие? Все равно, слишком большой риск ради каких-то двадцати марок... Или все еще сложнее? Ложный след, скрывающий подключение Вебера через третьего анлифера, не засвеченное уже ни перед кем? Насколько Фридрих мог представить, старина Руди вполне мог завернуть такую комбинацию...

Раздумья Власова прервал звонок целленхёрера. Первым делом Фридрих узнал высветившийся в окошечке номер. Потом – голос, напрочь лишенный на сей раз китайских интонаций.

– С вами хотят встретиться, – без предисловий сказала Эстер Шляйм.

– Вот как? – Фридриха задел ее безапелляционный тон, хотя он и понимал, что речь идет о делах, интересных обеим сторонам. – И кто же?

– Гуревич.

Вот оно как. Выходит, Моссадом дело не ограничивается. Аарон Гуревич формально был аккредитован при посольстве Швейцарии. Фактически же он исполнял роль посла Израиля в России, с которой у его страны, как и почти со всем Райхсраумом, не было дипотношений. Ситуация, надо признать, необычная. Разумеется, всем известно, что послы тесно связаны с резидентурой своих государств. Но, тем не менее, афишировать эту связь категорически не принято. Дипломаты обычно встречаются с дипломатами (а

также с высокопоставленными государственными деятелями), а разведчики – с разведчиками. Может, Гуревич пошел на прямой контакт именно в силу неформальности своего посольского статуса? Все равно не должен был... Так или иначе, предложение, безусловно, знаковое, хотя Власов пока затруднялся сказать, что оно означает.

– Когда? – спросил он.

– Сегодня. В 16-00. Вам это удобно? – вспомнила о вежливости Шляйм.

Фридрих подавил желание из принципа сказать "нет" и холодно ответил:

– Меня это устраивает. Опять в чайном клубе?

– Нет, в кабачке напротив швейцарского посольства. Не волнуйтесь, там вы будете надежно защищены от посторонних. Не хуже, чем в клубе.

"Там – возможно", – подумал Фридрих. А вот по дороге... Вчерашний инцидент в "Калачах" ему очень не понравился. Если его и в самом деле начали плотно пасти... Надо будет сказать Лемке, чтобы проследил за возможными хвостами. Впрочем, вполне может быть, что кто-то следит уже и за Лемке...

– Я должен получить санкцию на эту встречу, – сказал он вслух.

– Да, конечно. Свяжитесь с вашим начальством.

Был ли то акцент, или она и в самом деле подчеркнула голосом слово "вашим"?

Kapitel 31. Тот же день, ближе к вечеру. Москва, переулок Огородной Слободы, 5.

Подозрения Власова оправдались: хвост был. Лемке позвонил ему в машину уже после первой пары поворотов и доложил о бежевом "Фольксвагене" с ничего не говорящим номерным знаком. Фридрих знал, какие номера обычно используются московскими машинами ДГБ, так же, как и Департаменту были известны обычные номера Управления – подобной информацией союзные спецслужбы обменивались как раз ради того, чтобы не мешать друг другу. Конечно, было бы верхом наивности ожидать, что дэгэбэшники станут использовать эти номера для тайной слежки за Власовым. Иное дело – если бы их акция носила демонстративный, предупредительный характер. Но нет, похоже, слежка велась по-настоящему... И не факт, что это вообще ДГБ.

Способ хотя бы приблизительно проверить, кто это такие, был (и он же – потенциальный способ отрыва). Достаточно выполнить маневр с нарушением правил на глазах у доповцев – скажем, развернуться через двойную сплошную. Тогда у преследователей выбор – совершить то же нарушение или потерять объект. Если они не имеют отношения к российским властям, то первый вариант для них закрыт – их сразу остановят. Впрочем, даже если имеют, вполне могут поступить умнее – передать объект другой машине, ждущей неподалеку. При условии, конечно, что за него взялись всерьез и групп слежения выделено достаточно. В этом случае, по-любому, оторваться практически невозможно.

При этом Фридрих даст знать, что заметил слежку, и что она ему сильно не нравится. Может, это и имело бы смысл – при гарантии успеха. Однако, если бежевый "Фольксваген" – не единственный, и если Лемке не удастся отследить его сменщиков... Власов принял другое решение. Не желая пробиваться через перегруженный центр, он избрал маршрут по Садовому кольцу, однако, съехав с Самотечной эстакады, вырулил направо, на Трубную улицу. Трубную и Сретенку соединяет густая сеть параллельных переулков, переходящая в почти такую же сеть к востоку от Сретенки – так что при желании здесь есть где понарезать петли и поставить преследователя в неловкое

положение, вынудив его проехать по явно бессмысленной для обычного водителя траектории. Фридрих сделал вид, будто именно это он и собирается проделать, когда, включив поворотник лишь в последний момент, круто свернул в Большой Сухаревский. Но просто проехать переулок насквозь в его намерения не входило. Как он и рассчитывал, в переулке было тесно от припаркованных машин, но пара свободных пятачков все же нашлась. Власов заехал на первый из них, вынудив показавшийся следом "Фольксваген" медленно проехать мимо. Стекла у чужой машины были тонированные, но Фридрих, разумеется, не сомневался, что оттуда за ним внимательно наблюдают. Он опустил стекло с водительской стороны и, когда автомобили поравнялись, издевательски отсалютовал "коллегам" – после чего вновь выехал и пристроился им в хвост. "Фольксваген" сердито зарулил на следующий свободный пятачок. Проезжая мимо, Власов сделал приглашающий жест рукой – мол, поехали! На Сретенку он выбрался нарочито неторопливо.

Что ж – теперь они знают, что он видел слежку, но она его не более чем забавляет. Лемке доложил, что "Фольксваген" ушел по Сретенке в противоположную сторону. Фридрих особенно не обольщался – вероятно, наблюдение все же не снято, а передано кому-то другому... но, надо надеяться, они понимают, что он это понимает. И, стало быть, не считают, что он что-то пытается скрыть. Вот только как к этому отнесутся израильтяне? Но это уже их проблемы, и будем считать, что они к таковым подготовились...

Власов предвидел возможные дорожные приключения, и потому выехал из дома с хорошим запасом – так что в 15: 53 он уже входил под арку дома напротив невысокого здания швейцарского посольства. Вопреки обыкновению, возле арки и под ее сводами не было никаких зазывных указателей, однако в колодце внутреннего двора обнаружился пристроенный к основному корпусу бирюзовый двухэтажный особнячок с двумя башенками под пирамидальными крышами, увенчанными большими декоративными флюгерами. "Ресторан ХЕЛЬВЕЦИЯ" – гласила стилизованная под готику надпись на фасаде.

Фридрих потянул на себя тяжелую дверь с мутным стеклом (попутно обратив внимание на глазок видеокамеры) и оказался в небольшом тамбуре, где обнаружились еще две двери – та, что прямо, застекленная, вела, очевидно, в зал ресторана, а белая дверь попроще уводила куда-то направо. Первую дверь загораживал серьезный молодой человек в черном костюме, мало похожий на швейцара. На швейцарца он, кстати, тоже особо не походил.

– Я по приглашению, – сказал Фридрих в ответ на его изучающий взгляд.

– Я знаю, – кивнул тот и взялся за ручку боковой двери. – Я провожу вас в отдельный кабинет.

За дверью оказался коридор, который, очевидно, огибал главный зал и сворачивал налево; за поворотом по левую руку начались двери с номерами. Фридрих оценил предусмотрительность: посетители в общем зале не могли видеть, кто входит в кабинеты. Молодой человек отпер дверь с номером 3 и вручил небольшой ключик Власову:

– Прошу. Тот, кого вы ждете, сейчас подойдет.

На круглом столике, покрытом белоснежной скатертью, стояла изящная вазочка с искусственными цветами, но это было все. Ни приборов, ни хотя бы меню. Фридрих обернулся, желая спросить молодого человека, но тот уже ретировался, мягко прикрыв за собой дверь.

Власов повесил куртку на вешалку в углу, уселся на один из двух стульев, бросил взгляд на часы – еще 5 минут – затем с иронией покосился на вазочку. Только микрофон, или видеокамера тоже? Впрочем, не имеет значения. Он понимал, что согласился на встречу на чужих условиях, понимал это и Мюллер, давший ему добро. На всякий случай он слегка вытянул из кармана целленхёрер, бросил взгляд на экранчик. Так и есть – сигнала нет. Ну что ж.

Гуревич появился точно по часам. Молча кивнув Власову, он тщательно запер дверь и проследовал к столу шумной шаркающей походкой. Это был старик лет шестидесяти пяти, среднего роста, грузный, с вросшей в плечи головой. Его абсолютно белые волосы были коротко подстрижены, а на одутловатом лице, казалось, навеки застыло выражение брюзгливой усталости. В вяло опущенных уголках губ, в морщинах у выцветших глаз словно сосредоточилась вся печальная мудрость древнего народа: "ничто не ново под луной", "и это пройдет" и что там дальше у Экклезиаста... Несмотря на явно семитские черты и избыток лишних килограммов, Гуревич чем-то напомнил Фридриху Мюллера. Вероятно, этой брюзгливой маской, доверять которой точно так же не следовало.

Израильтянин некоторое время кряхтел, устраиваясь на стуле, и наконец произнес по-русски: "Добрый день".

"... дорогой", – автоматически достроил мысленно фразу Фридрих и тут же сердито велел себе отогнать неуместные аналогии. Но Гуревич, разумеется, не стал заканчивать фразу по-мюллеровски. – Будем говорить по-русски, если вы не возражаете, – сказал он вместо этого; акцента в его речи не слышалось совершенно. – В данном случае это не просто дань дипломатической вежливости, но и удобно для нас обоих. Вам ведь этот язык тоже, как я понимаю, не чужой?

– Хорошо, – кивнул Власов. Хотя многие израильтяне, особенно из старшего поколения, знали дойч, вести переговоры на нем с гражданами Райха они считали ниже своего достоинства; естественно, даже те немногие из дойчей, которые – в основном по долгу службы – знали иврит, обычно платили им той же монетой. Обычно для переговоров без переводчика выбирался какой-нибудь третий язык, которому в идеале следовало быть строго нейтральным, но не так уж много осталось на Земле нейтральных стран, чьи языки были бы хорошо известны. Чаще всего выбирали английский, который был широко распространен в Израиле благодаря обширной британской диаспоре, оставшейся после ухода бывших колонизаторов с Ближнего Востока, и в то же время изучался в Райхе как язык потенциального противника. Понятно, что и такой выбор был политически небезупречным; впрочем, израильтяне, хорошо относившиеся к "своим" англичанам (с каждым поколением все менее походившим на англичан), тоже не особо жаловали араболюбивых жителей Великобритании и США. Вторым по распространенности в Израиле иностранным языком был русский (благодаря послевоенному наплыву иммигрантов из России); в Райхсрауме его тоже знали многие, правда, в основном на восточных землях, а не в Дойчлянде. Но в данном случае перед Гуревичем был необычный дойч, и израильтянин, конечно, знал это. Равно как и Власов успел ознакомиться с досье на Гуревича и узнать, что тот прожил в России первые 17 лет своей жизни.

– Нам подадут какую-нибудь еду? – осведомился Фридрих. Он уже не рассчитвал на это и даже, пожалуй, предпочел бы отрицательный ответ. Конечно, Гуревич – не Спаде и даже не Бобков, и все же мысль, что Вебер тоже пришел на некую встречу, считая себя в

полной безопасности, и получил там порцию штрика, нет-нет да и напоминала о себе.

– По правде говоря, я пришел сюда говорить, а не обедать, – прокряхтел Гуревич. – Я, конечно, знаю, о чем вы сейчас подумали: "вот оно, юдское гостеприимство!" Но, видите ли, обычай вести переговоры за едой – это глупый обычай. Пищеварение мешает мышлению. И наоборот, представьте себе, и наоборот тоже. Вы зря смотрите на меня скептически. Видите ли, молодой человек, когда вы доживете...

Фридрих почувствовал, как в нем поднимается раздражение. Мало ему мюллеровских "мальчиков"...

– Можете называть меня просто "господин полковник", – язвительно перебил он.

– Как вам будет угодно, мо... господин полковник, но я только хочу сказать, что вы таки зря обижаетесь. Когда вы доживете до моих лет, вы поймете, что "молодой человек" – это комплимент, а не оскорбление. Немного найдется того, чего бы я не отдал сейчас, чтобы меня снова так называли... А что касается гостеприимства, то вы можете заказать обед после того, как мы закончим. Здесь действительно хорошо готовят, и поверьте мне, если вы хоть раз попробуете, как здесь подают фаршированную рыбу, вам будет очень трудно остаться патриотом германской кухни.

– И многих вы уже завербовали подобным способом? – мило улыбаясь, поддержал светскую беседу Фридрих.

– Какая такая вербовка? Вот ведь, скверная у нас с вами работа, господин полковник – слова нельзя сказать в простоте, сразу начинается поиск намеков... Я говорю о вопросах сугубо гастрономических.

– Вопросы гастрономические порой становятся вопросами жизни и смерти, – возразил Фридрих, пристально глядя на собеседника.

– Мы знаем о смерти вашего коллеги, – не обманул его ожиданий Гуревич, лицо которого как-то вдруг подобралось, а из голоса ушли ворчливые нотки. – К сожалению, здесь ничем не можем вам помочь. У нас не было контактов с ним, и мы ничего не знаем об этом деле.

– В таком случае, где вы можете нам помочь? – спросил Власов. Похоже, собеседник наконец переходил к делу.

– Скорее это вы можете нам помочь. Впрочем, тут как кому повезет. Мы с вами гоняемся за одной дичью, но здесь, в России, у вас больше шансов.

– И имя этой дичи?..

– Зайн. Он нам нужен, – маска брюзгливого старика окончательно исчезла, и Фридрих увидел истинное лицо этого человека. Лицо офицера разведки, во время Войны Судного Дня принявшего командование над танковой бригадой Варака, потерявшей 90% личного состава – и сумевшего сдержать натиск двадцатикратно превосходящего врага до подхода подкрепления. Гуревич был одним из восьми бойцов бригады, выживших в том бою.

– Я уже рассказал вашему человеку, что я знаю о Зайне, – заметил Власов.

– Да. Но речь не о прошлом, речь о будущем. Мы хотим получить его. Живым. Но, как я уже сказал, у вас больше шансов. Русские, при всех оговорках, ваши союзники и, по крайней мере, в открытую мешать не будут. А наши оперативники вынуждены действовать здесь нелегально. По местным законам, они такие же террористы, как и сам Зайн. Им, конечно, не привыкать, но... Короче, суть нашего предложения. Нас вполне устроит, если вы его казните. Мы даже готовы специально выдать его вам с этой целью, ибо в Израиле он, скорее всего, отделался бы пожизненным. В нашей стране очень сильны

предрассудки насчет того, что йехудим не должны убивать других йехудим, даже если те сами по горло в крови соотечественников... Так что, если его возьмем мы, то готовы отдать его вам – разумеется, после того, как выкачаем из него все, что он знает. Но, если его возьмете вы – одолжите его нам. На несколько дней, не больше. Потом делайте с ним все, что хотите.

– Вы хотите, чтобы мы отдали его вам после допроса? – Власов чувствовал изрядный скепсис относительно такой идеи.

– Нет. Мы должны допросить его первыми. Во-первых, неизвестно, на что он будет годен после допросов у вас. Во-вторых, если делу будет дан хоть сколь-нибудь официальный ход – а вам придется это сделать, если вы возьмете его в разработку – потом вы уже не сможете передать его нам, и даже пригласить наших следователей в вашу тюрьму. Вам просто не позволят. Те самые люди, которые не хотели сообщать нам, что он здесь.

– А после допроса у вас он, надо полагать, будет в идеальной форме? – усмехнулся Фридрих. – Пока что я не вижу, что мы с этого получим. Вы сами признаете, что шансов взять его у нас больше...

– Кое-что вы уже получили, – возразил Гуревич. – Мы отдаем вам бумаги Эренбурга.

– Так они у вас? – оживился Фридрих.

– Нет. Но если вы их найдете – при нем или еще как-нибудь – забирайте себе.

Власов подумал, что это очень напоминает анекдот про юде в ресторане: "Официант, я уронил под стол монету, если найдете, отдайте мне, а если не найдете, возьмите себе на чай!" Но не успел он решить, уместно ли будет процитировать этот анекдот, как Гуревич продолжил:

– Если мы найдем их раньше, то готовы отдать их вам.

– Государству Израиль не нужны большевицкие сокровища? – иронически приподнял бровь Власов. Про себя же он подумал, что допустил колоссальный просчет: размышляя о Зайне, книге, фракциях в руководстве Райха и России, он совершенно не задумался о том, чего ради израильтяне сообщили ему информацию, потенциально способную представлять огромную материальную и политическую ценность. Шляйм сказала, что бумаги ее мало интересуют, и он принял это за чистую монету – потому лишь, что сам всегда относился к историям о большевицких кладах крайне скептически...

– Государству Израиль, что бы там ни говорили юдофобы, не нужны ворованные деньги, – ворчливо ответил Гуревич, возвращаясь к своему первоначальному образу. – Нас устроит, если эти сокровища, коли они действительно существуют, достанутся вам. Не русским, нет. Мы верим, что люди, которых вы представляете, сумеют с пользой ими распорядиться.

– Откуда вдруг такая трогательная любовь к Райху?

– А кто говорит о любви? О любви надо говорить с девушками, а не со старым толстым йехуди. По правде говоря, я не испытываю никакой любви к вашему, таки да, юдофобскому государству...

– С тем же успехом вы можете назвать его сионистским, – не сдержался Власов. – Переселение в Палестину было вашей мечтой, когда Третьего Райха не было даже в проекте.

– Да, конечно. Но даже очень желающий попасть в некое место, как правило, не хочет, чтобы его притащили туда на аркане. И все, что этому предшествовало... Вы ведь

не будете отрицать юдофобский характер Нюрнбергских законов? Не будете отрицать Хрустальную ночь?

– Ваша пропаганда уже пятьдесят лет носится с этой ночью, – поморщился Фридрих. – Во-первых, это было при Хитлере. Партия давно осудила перегибы...

– Да, конечно. Осудила. Но для йехудим по-прежнему почти невозможно получить имперскую въездную визу. Мы для вас – такие же неарийцы, как негры или арабы, если не хуже.

– Воображаю, что началось бы, причисли мы вас к арийцам! – хохотнул Власов. – Так и вижу заголовки израильских газет: "Спасибо, господин Райхспрезидент, но не засунули бы свою любезность себе в..." Скажете, не так? И это было бы не в каких-то экстремистских листках, а в "Едиот ахранот". Прежде, чем обвинять нас в юдофобии, вам бы следовало прекратить делать германофобию своей официальной политикой.

– В какой-то мере вы правы, – согласился Гуревич, – но, видите ли, в Израиле многие считают, что для германофобии есть определенные основания. Может быть, они и неправы, но... Вам знакомо понятие "холокост"?

– Да, конечно, – ответил Фридрих нарочито нейтральным тоном. – Это греческое слово, означающее "всесожжение". С легкой руки кого-то из юдских публицистов так стали называть политику террора, проводимую арабами против юде как нации и Израиля как государства. Сами арабы называют это "интифадой". Осужден как форма геноцида 30-й сессией Генассамблеи ООН. Иногда термин употребляют в более широком смысле, для обозначения любой агрессии против юде, но такое употребление представляется спекулятивным.

– Верно, – кивнул Гуревич. – Но, видите ли, многие верят, что это слово могло получить иное значение, по сравнению с которым нынешняя "интифада" – просто мелкая неприятность. Что изначально понятие "окончательное решение юдского вопроса" имело другой смысл, и, если бы не смерть Хитлера...

Смысла изображать демонстративное непонимание больше не было, и Власов позволил себе дать волю раздражению:

– Послушайте, господин Гуревич, вы же умный человек, и вы не на митинге. Зачем вы тратите свое и мое время на повторение дешевых мифов британской пропаганды? Не можете же вы в самом деле верить в эту чушь? Да, Хитлер был юдофобом, этого никто не отрицает, и его ближайшие сподвижники тоже. И, кстати, нельзя сказать, что у них для этого вовсе не было оснований... Но физическое истребление юде как нации? Прежде всего, дойчи – цивилизованный европейский народ, а не какие-нибудь азиатские дикари. Но даже если предположить, что кому-то в высшем руководстве пришла такая идея, как вы представляете ее реализацию? Можно вырезать компактно проживающее племя, как поступали американцы с индейцами. Но как уничтожить народ, рассеянный по всему миру? Причем отнюдь не беспомощный народ. Да, своего государства и армии у юде тогда не было. Зато было серьезное лобби в финансовых и политических кругах Запада, не говоря уже о СМИ. Какой смысл уничтожать германских юде, если в это время американские, британские и прочие бросят все усилия, чтобы умножить число и непримиримость врагов Германии? Вы же сами всегда гордитесь своей солидарностью... В политическом плане это был бы просто самоубийственный шаг. Или вы полагаете, что уничтожение миллионов человек – и не где-нибудь в сибирских лагерях, а в центре Европы – возможно скрыть? Далее, допустим, подобное идиотское решение все-таки принято. Как его реализовать чисто технически? Вы представляете себе, что это такое –

убить несколько миллионов человек? Повторяю, я не об этике, я о технологии. Допустим, вместо пересыльных лагерей у нас лагеря уничтожения, и допустим, мы удачно запудрили мозги всем, кого туда везут, так что сопротивление незначительно. Что дальше? Расстреливать их? Оцените расход боеприпасов и количество солдат, которых придется для этого привлечь. Во время тяжелой войны, замечу, когда все это необходимо на фронте. Загружать в баржи и топить, как это делали большевики во время Первой гражданской? Барж не хватит. Морить жаждой и голодом? Слишком долго, и опять же потребуется целая армия для охраны – обреченные поймут, что обречены, раньше, чем у них иссякнут силы для бунта...

– Газ, – негромко сказал Гуревич. – Например, цианид. В Германии промышленно производились специальные гранулы, выделяющие его в воздух, это называлось "Циклон Б". И мощностей для его производства в нужном количестве вполне хватало.

– Да, да, – кивнул Власов. – "Циклон Б" даже применялся в пересыльных лагерях. Как инсектицид. По-русски говоря – клопомор. Но юде не клоп, не так ли? Отравить таким образом человека можно, но для этого нужно время. Как минимум минут десять. Далее необходимо проветрить помещение, забрать тела и загнать внутрь новую партию. Если охрана будет работать в противогазах, обреченные опять же все поймут раньше времени. Значит, придется потратить еще по меньшей мере полчаса – если помещение и партии небольшие, плюс имеется хорошая вытяжка. Далее вам надо что-то делать с трупами. Закапывать такие количества – нереально. Значит, сжигать. Обратитесь к любому оператору крематория, и он вам скажет, что один труп полностью сгорает за два часа... И, кстати говоря, пепел потом тоже надо куда-то девать. Вы когда-нибудь видели урну с прахом? Представьте себе пять миллионов таких урн...

– Да, я слышал обо всех этих проблемах, – смиренно подтвердил Гуревич. – Но, знаете ли, я верю в германский гений. Дойчи – очень талантливая нация, они бы справились.

– Да ведь нет ни единого документа, подтверждающего эту чепуху! – потерял терпение Власов. – Ни одной бумаги за подписью Хитлера или других руководителей... Конечно, вы можете утверждать, что мы прячем их в секретных архивах. Но этак можно сказать и что руководство Израиля прячет в архивах рецепты мацы на крови христианских младенцев...

– Заметьте, господин полковник, я не говорил, что такие планы действительно существовали. Я лишь говорю, что они теоретически могли бы существовать, и что многие в это верят. Потому что, по правде говоря, то, как с нами обращались ваши товарищи по партии перед войной, дает некоторые основания в это верить. Но история пошла по другому пути, к счастью для обоих наших народов. Хотя осадок остался. Да, вероятно, и у вас тоже. Но это не мешает разумным людям наших стран конструктивно сотрудничать, не так ли?

– Вы так и не ответили на мой вопрос, – напомнил Власов. – Почему вдруг разумные люди в правительстве Израиля проявляют такую заботу об интересах Райха. Ведь не только же ради того, чтобы выторговать у нас право первой ночи с Зайном?

– Именно потому, что они – разумные, – развел руками Гуревич. – Как ни крути, Райх – наш самый сильный и надежный союзник в борьбе с арабским террором. И мы заинтересованы, чтобы он таковым и оставался. Общие враги порою сплачивают гораздо лучше, чем общие друзья... А вы сейчас переживаете скверное время. Очень, очень скверное. Ваши лидеры затеяли опасную игру. Делать этого не следовало, но уж раз

начали – надо выигрывать. Мы не знаем, помогут ли этому бумаги Эренбурга и большевицкие тайны, но полагаем, что в руках разумных людей они, по крайней мере, не повредят.

– Что вы имеете в виду под игрой? – насторожился Фридрих.

– Этот дурацкий референдум, конечно! Вы простите мне недипломатические выражения, но я не думал, что доживу до дня, когда дойчи учинят такую глупость. Ставить судьбу государства в зависимость от мнения толпы, это ж надо...

– Мне казалось, Израиль – демократия, – усмехнулся Фридрих. С прозвучавшей оценкой он был полностью согласен, но одернуть разошедшегося юде стоило.

– Ой вэй! В Израиле когда-нибудь был референдум? В Израиле есть выборы в кнессет, это да. Знаете свежий анекдот? Выступает премьер-министр и говорит: "Половина депутатов кнессета – идиоты". Депутаты оскорбились, потребовали, чтобы он взял свои слова обратно. Он согласился, выступает снова и говорит: "Половина депутатов кнессета – не идиоты". Эти клоуны могут сколько угодно вести дебаты перед фернзекамерами. Всё равно реально всё решают президент, премьер и еще три-четыре человека. Да что я вам рассказываю, вы же сами хорошо знаете, что такое Райхстаг... Да, формально у наших полномочий побольше, чем у ваших. Но если они вздумают артачиться, президент просто объявляет чрезвычайное положение. Благо поводов наши арабские соседи всегда дают в избытке – хоть какая-то польза от них...

– Вы полагаете, мы можем проиграть референдум? – осведомился Фридрих, и это был не праздный вопрос. Если израильская разведка располагала информацией на сей счет, к ней стоило прислушаться. – Конечно, всякая шушера мутит воду, но, по-моему, ситуация в Райхе вполне благополучна во всех значимых для простого гражданина сферах. Массовым протестным настроениям просто неоткуда взяться.

– Вот это-то и плохо, что все благополучно, – проворчал Гуревич. – Будь у вас серьезные объективные проблемы, можно было бы сплотить нацию под лозунгом борьбы с ними. Пока мы ведем с арабами войну за выживание, заикаться о смене государственного строя в Израиле может только сумасшедший или самоубийца... А когда все хорошо, люди тупеют и начинают беситься с жиру. Им начинает хотеться чего-нибудь новенького, остренького, неважно даже, если ради этого придется сломать надежное, но надоевшее старое. При этом они совершенно не думают о последствиях. За годы благополучия они привыкли к безопасности и уверились, что ничего плохого с ними случиться просто не может...

– Все опросы показывают, что подавляющее большинство выскажется за сохранение Райха в нынешнем виде, – возразил Власов.

– Опросы! Знаете, господин полковник, всякий инструмент хорош в тех условиях, для которых он разработан. Опросы – это инструмент демократических стран, где каждая домохозяйка считает себя вправе требовать к ответу президента. А у вас при любом опросе, будь он хоть десять раз частным и анонимным, средний гражданин никогда не скажет, что он на самом деле думает. Он скажет то, что от него хотят услышать, а потом пойдет и проголосует по-своему. Не говоря уже о том, что революции никогда не делаются большинством. Большинство, которое всем довольно, сидит дома. А недовольное меньшинство идет на улицы... или на избирательные участки.

– Предположим чисто теоретически, что ваши опасения справедливы, и мы проиграем референдум. Это действительно так плохо для Израиля? Тема "исторической вины и необходимости покаяния перед юдским народом" – одна из любимых у деятелей

типа Новодворской, – с усмешкой заметил Власов.

– Для Израиля это будет катастрофой, господин полковник, – серьезно и грустно ответил Гуревич. – Вы сами прекрасно знаете, во что они превратят Райх. Точнее, никакого Райха не будет, он распадется в считанные дни – а если не захочет распадаться сам, ему помогут... А Дойчлянд, да и прочую Европу, они превратят во вторую Францию с ее шестью миллионами мусульман и президентами, воздающими государственные почести главарям арабских террористов. Во вторую Британию, где боевиков для "священной войны с сионизмом" в открытую вербуют в лондонских мечетях... При этом да, формально юдофобия будет осуждена. Будет объявлено, что все люди совершенно равны, что ко всем надо подходить строго одинаково, к арабам и юде, в частности. Что между убийцей и жертвой нет никакой принципиальной разницы. Что убийцу следует убеждать, что он поступает неправильно, и строго осуждать всякие попытки жертвы защищаться силой оружия – ведь "насилие не решит проблемы, а лишь породит ответное насилие"... Также в рамках борьбы с юдофобией они, очевидно, заклеймят "кровавое беззаконие Фолшпиля" и реабилитируют визенталевцев в качестве жертв политических репрессий. И это еще не все. Националисты заботятся главным образом о собственной стране, но либералы презирают такой подход. Им мало поставить все с ног на голову у себя дома – их совесть не будет чиста, пока они не сделают то же самое у соседей... Они начнут бороться за права человека в Израиле. К счастью, нашу систему не так просто разрушить извне, арабы вон пытаются с 1948 года... Но они будут активно сманивать наше население, в особенности выходцев с территории Райха и их потомков, "вернуться на историческую родину", где "навеки покончено с позорным юдофобским прошлым". Может быть, даже пообещают выплатить компенсации. Многие, увы, на это клюнут. Вы понимаете, Израиль вот уже больше сорока лет – фронтовое государство. Мы не жалуемся, ибо лучше иметь такой дом, чем никакого. Мы даже сумели неплохо устроиться, превратить бесплодные пески во фруктовые сады, а теракты – в регулярную тему для шуток. Но когда появится альтернатива... возможность уехать туда, где не стреляют и не взрывают – по крайней мере, *пока* не стреляют... А для Израиля это будет равносильно массовому дезертирству из действующей армии во время войны. Ну как, господин полковник, мои аргументы достаточно убедительны? Вы больше не думаете, что хитрые юде придумали какую-то комбинацию, чтобы одурачить честных доверчивых дойчей?

– Вполне убедительны, – согласился Фридрих. – Итак, что у нас в сухом остатке? Вы хотите получить Зайна и готовы ради этого уступить нам бумаги Эренбурга, даже если найдете их первыми. Как и самого Зайна, но лишь во вторую очередь. При этом, очевидно, никаких гарантий мы не получим и должны просто поверить вам на слово...

– Что поделать, господин полковник, – улыбнулся Гуревич, – все отношения между нашими странами строятся на доверии, не так ли? Вы прекрасно понимаете, сколько шума поднимется и у вас, и у нас, если документальные доказательства нашего сотрудничества попадут не в те руки. Кстати, Пакт о ненападении между Райхом и СССР был вполне официальной бумагой с большими печатями, но, кажется, большевикам это не очень помогло – как и множество других красивых бумажек, противоречивших интересам подписантов... Но вы понимаете, что обе наши страны заинтересованы в продолжении сотрудничества – а значит, и в том, чтобы не обманывать доверие друг друга.

– Но кое-что я не совсем понимаю, – заметил Фридрих. – Почему со мной говорите вы, а не та же Эстер Шляйм. И почему вы говорите именно со мной.

– Есть две причины – маленькая и большая. Маленькая в том, что офицер Шляйм, вероятно, будет снята с этого задания. Она допустила серьезный просчет, упустив Зайна. Нет, мы, конечно, не сомневаемся в ее лояльности. Но мы обычно не склонны закрывать глаза на столь серьезные ошибки. Впрочем, окончательное решение будет принимать ее начальство, мне оно не подчинено... К тому же она слишком ненавидит Зайна и может недооценить важность того факта, что он нужен нам живым. Нет, потом, конечно, мертвым, но сначала все-таки живым.

– А большая причина? – поторопил Власов.

– Большая причина в том, что слово Эстер Шляйм – это только слово Эстер Шляйм. А слово Аарона Гуревича – это слово Республики Израиль.

– Польщен доверием, – усмехнулся Фридрих, – но слово Фридриха Власова – это тоже только слово Фридриха Власова. Я не уполномочен давать какие-либо обещания от лица Райха. И даже от лица Управления, если уж на то пошло.

– Мы понимаем, господин полковник, мы прекрасно это понимаем. Равно как и то, что, вздумай мы действовать по официальной субординации, скорее всего, получили бы отказ. Не на уровне вашего непосредственного начальства, так на следующем. У нас сложилось весьма устойчивое впечатление, что Зайн – это часть игры, которую ведет кто-то в Райхе. Кто-то из самых верхов.

Фридрих мысленно вздрогнул. Израильские аналитики не зря ели свой хлеб.

– Вижу, вы тоже это понимаете, – спокойно констатировал Гуревич. – С умным человеком и поговорить приятно, как писал русский классик... Поэтому мы обращаемся непосредственно к вам. Как к честному и искреннему патриоту вашей страны. И в то же время – таки да, разумному человеку, а не фанатику. Поверьте, это не дежурные комплименты.

Фридрих не сомневался. Должно быть, досье на него израильтяне собрали обширное. Однако о том, что Зайном занимается Эберлинг, они, похоже, не знают...

– И что вы от меня хотите? – спросил он вслух.

– Именно этого – чтобы вы помогли нам взять Зайна. Вы понимаете, что ситуация намного упростится, если его возьмем именно мы. Не сомневайтесь, второго прокола не случится.

Фридрих усмехнулся. О да, ему предлагают очень простую вещь – чтобы в том случае, если он узнает, как можно захватить Зайна, он сообщил эту информацию израильтянам и не сообщал – по крайней мере, какое-то время – собственному начальству и подчиненным. Неужели Гуревич действительно так наивен или, вопреки собственным словам, держит его за дурака?

Фридрих бросил демонстративный взгляд на вазу и отчетливо произнес:

– Вы, кажется, забываете, что я работаю на Имперскую Безопасность, а не на Моссад.

– Наш разговор не записывается, господин полковник, – устало произнес Гуревич. – Впрочем, вы, конечно, можете мне не верить. Более того – как профессионал, обязаны мне не верить. Но сформулируем так. Допустим, вы узнаете, где находится Зайн. И допустим, у вас будут основания считать, что наши люди могут добраться до него быстрее, чем ваши – ну уже хотя бы потому, что мы не будем ничего согласовывать с русскими. Что в том случае, если вы будете полагаться исключительно на ваших людей, у Зайна появится хотя бы небольшой шанс уйти. Или не уйти, а сделать то, ради чего он сюда прибыл. В этом случае проинформировать *заодно* и нас – не будет изменой и

нарушением вашего долга?

– Мне бы не хотелось, чтобы результатом стала перестрелка между нашими и вашими людьми, с подключением в процессе русских, – заметил с усмешкой Фридрих.

– Не станет, если дело будет правильно организовано, – улыбнулся Гуревич.

"То есть, опять-таки, если я проинформирую их с достаточной форой по времени", – понял Власов.

– Я не говорю, что вам следует взять всю ответственность на себя, – продолжал израильтянин. – Вообще, разумеется, это не мое дело – лезть в вашу внутреннюю кухню, но если вы меня спросите, я скажу, что счел бы вполне уместной вашу консультацию с начальством. С теми, кому вы доверяете.

По тону Гуревича последние фразы можно было счесть скорее синонимичным. Но на самом деле, конечно, тот подчеркивал, что не всякому начальству Власова следует доверять. И что, вообще говоря, затевать такие "консультации" стоит лишь в случае уверенности в успехе. Встретив взгляд Фридриха, израильтянин чуть приподнял уголки губ, показывая, что они поняли друг друга.

– Я не тороплю вас, господин полковник. Хочу лишь напомнить, что предлагаемое нами – в интересах обеих наших стран.

Фридрих размышлял. Он понимал, что если даст обещание Гуревичу – точнее говоря, Израилю – то это не должны быть пустые слова. Это будет обязательство, которое придется исполнять. Взамен Райх получит бумаги Эренбурга, если израильтяне их найдут и если они вообще не пустышка – все это, как говорят русские, писано граблями по воде. Также Управление получит Зайна, если Моссад доберется до него первым – а это уже, кстати, вполне вероятно, учитывая, сколько информации он сам сообщил им не далее как позавчера. Но получит его уже выпотрошенным. И хуже того – получит выпотрошенным даже в том случае, если отыщет его раньше израильтян. А это значит, что достоянием Израиля могут стать некоторые очень неприятные секреты. "Высшие чины Райха нанимают знаменитого международного террориста для устройства грязных делишек на территории своих союзников" – шапка, хорошая не только для "Едиот ахранот", но и для "Вошингтон пост". И хуже всего, что израильтяне об этом догадываются. А значит, будут целенаправленно рыть в этом направлении. Конечно, от появления такой статьи Израиль ничего не выиграет, скорее наоборот. Но сама возможность ее появления... Такой козырь лучше не давать даже лучшим друзьям. А странные отношения между Райхом и Израилем все-таки трудно назвать дружбой. Может быть, те, кто не хотел ставить Моссад в известность о Зайне, были не так уж неправы. И прикрывали вовсе не собственные неблаговидные дела, а сор в общей избе. Но процесс уже запущен позавчерашней встречей. Теперь у израильтян есть шанс. Но это шанс, не более. Стоит ли превращать его в твердые гарантии? Или скорейшая нейтрализация Зайна, кто бы ее ни осуществил, все же важнее соображений государственного престижа?

– Я постараюсь сделать все, что возможно, в интересах антитеррористического сотрудничества наших стран, – произнес Фридрих, – но не могу давать никаких гарантий.

Старый дипломат, конечно, понял, что это означает "нет".

– Ну что ж, господин полковник, – сказал он, поднимаясь, – я не считаю тему закрытой. Наше предложение остается в силе... по крайней мере, до тех пор, пока Зайн еще не в наших руках. Если передумаете – позвоните по этому телефону, – он оставил на белой скатерти синюю карточку. – А сейчас вам, если хотите, принесут меню. Я же, с вашего позволения, вас покину... впрочем, не думаю, что вас очень огорчает перспектива

обедать в одиночестве.

Фридрих подумал, хочется ли ему здесь обедать вообще, и пришел к выводу, что нет. Мысль, что в пищу могли что-нибудь подмешать, была, конечно, глупой. И возможно даже, что Гуревич не лгал относительно отсутствия – или бездействия – записывающей аппаратуры. Но все равно, оставшись в кабинетике один, Власов почувствовал себя чем-то вроде подопытной мыши в клетке. И, главное, здесь он был отрезан от связи, что ему очень не нравилось. Поэтому он поднялся из-за стола, надел куртку и, дождавшись серьезного молодого человека с меню в кожаной папке, отрицательно покачал головой. Молодой человек не выказал удивления и проводил его на выход.

Предчувствие не обмануло Фридриха. Целленхёрер подал голос почти сразу, как только он шагнул за порог.

– Наконец-то, – констатировал Никонов, когда Фридрих нажал кнопку приема. – У меня две новости, – продолжил он после обычного ритуала со встречным звонком (Власов к этому времени уже забрался в машину). – И обе плохие.

– Начните с более важной, – предложил Фридрих спокойным тоном. – О том, что меня пасут, я уже знаю.

– Не уверен, что вы знаете подробности, – возразила трубка. – Не следовало подключать к этому делу военную разведку.

Голова Власова была еще настолько забита Израилем, что он в первый миг подумал, будто речь идет об АМАНе. Но тут же сообразил, что Никонов имеет в виду российских коллег и конкурентов ДГБ.

– Я с ними не общался, – сказал он вслух. – По-вашему, я привлек их внимание?

– Вы знаете, кто такая Марта Шварценеггер?

– Вы хотите сказать, что она – их осведомитель? ("Если это так, мою интуицию пора списывать в утиль", – мрачно констатировал Фридрих про себя).

– Она? Нет, конечно. Она просто наивная дурочка, которой однокурсники запудрили мозги вздорными идеями. Но у девочки очень непростой папа.

Ага. Что-то в этом роде Фридрих и предполагал. В отличие от ДГБ, ставшего в последние десятилетия исключительно славянским, в русской армии служило немало фольков – что, кстати, полностью отвечало давним российским традициям. В том числе и в Главном Разведуправлении.

– По моим сведениям, они в ссоре, – заметил Власов вслух. – Непримиримые политические разногласия. Да и вообще, едва ли херр Шварценеггер позволяет себе смешивать семейные и профессиональные отношения. По его лицу этого не скажешь, но мне представляется, что на самом деле он нежно любит свою дочь. И страдает от того, что не может найти с ней общий язык.

– Конечно, – легко согласился Никонов. – Но генерал – очень недоверчивый человек. И в последнее время его недоверчивость только выросла. Поэтому, когда осведомители в демдвижении докладывают, что дочь Шварценеггера начала собственное расследование по делу Вебера, он начинает делать всякие выводы. Разные выводы. Может быть, он и не думает, что к делу уже подключился ее папа. Может, он просто не хочет, чтобы это произошло в будущем. И он знает, что вы имеете отношение к делу. Вчера догадывался, а сегодня уже знает.

То есть Бобков подозревает, что РСХА хочет столкнуть лбами ДГБ и ГРУ, дабы обделать под шумок какие-то свои темные дела. Во всяком случае, темные для Бобкова и его группировки. И вчерашнее поведение Марты в "Калачах" лишь усилило его

подозрение. Впрочем, и без этой встречи ему нетрудно было догадаться, откуда у Марты фотография Вебера...

– Так интерес к моей персоне связан именно с этим? – предпочел уточнить Фридрих.

– Генерал мне не докладывает, – усмехнулся Никонов. – Возможно, это не единственная причина. Просто last, but not least, как говорят скунсы. Последняя по времени, но не по значению.

– Я хорошо знаю английский, – нетерпеливо перебил Власов. – А вторая плохая новость?

– Вторая новость состоит в том, что мы выполнили вашу просьбу и поискали информацию о встрече генерала с Вебером. Записи бюро пропусков показывают, что Вебер не посещал Департамент. Но вы ведь заверили нас, что встреча была, так что мы на этом не остановились. Идя вам навстречу, мы расспросили водителя... Вы слушаете?

– Да, – автоматически ответил Фридрих и тут же понял, почему этот нетелефонный разговор ведется все-таки по телефону: нежелание встречаться с человеком, за которым следят – лишь одна из причин. И почему майор настойчиво повторяет, что действовал по просьбе Власова, и фактически требует это подтвердить. Этот разговор точно пишется. В лучшем случае – пишется самим майором, желающим подстраховаться. В худшем – Никонов действует по принуждению. Но если сейчас Фридрих примется все отрицать, бросит трубку – то это, во-первых, будет уже совершенно неубедительно. А во-вторых, он не узнает того важного, что майор собирается ему сообщить – и что с большой вероятностью все-таки не деза. Придется рискнуть.

– Так и что водитель? – произнес он.

– Сами понимаете, подобный персонал подбирается по принципу личной преданности, – продолжил Никонов, услышав желаемое. – Он не стал бы рассказывать, с кем встречался генерал, даже под гипнозом. Если только не убедить его, что санкция на откровенность дана самим генералом. Но убедить в этом человека в обычном состоянии сложно – и уж тем более убедить не говорить об этом с генералом впоследствии. Посему для такого убеждения применяются специальные препараты... вам ведь известно о таких вещах?

– Известно.

– К сожалению, на сей раз вышла осечка. У водителя оказалась редкая форма аллергии. Анафилактический шок. Мы ничего не смогли сделать.

Вот это уже были по-настоящему плохие новости. Стало быть, Никонов и те, кто за ним стоят – а теперь майор уже демонстративно говорил "мы" вместо "я" – пошли ва-банк и не остановились перед убийством водителя Бобкова. И теперь пытаются замазать в это дело Управление. Это уже открытая война...

– С этого надо было начинать, – угрюмо произнес Власов. – Я же просил с самого важного.

– Вы сами завели разговор о слежке, – невозмутимо ответил Никонов.

– Он что-нибудь успел рассказать? – спросил Фридрих без особой надежды.

– Нет. Анафилактический шок развивается почти мгновенно.

Власов понял, что это правда. Они не хотели смерти водителя, и все же та не была случайной. Вероятно, Бобков прогнал через рехнер тысячи медицинских карт, подыскивая для себя человека с индивидуальной непереносимостью к применяемым в ДГБ психотропным препаратам. А может, чем черт не шутит, даже знает способ создавать

такую непереносимость искусственно – Фридрих слышал краем уха о подобных опытах в Райхе...

– И что вы теперь собираетесь делать? – ровным тоном осведомился Власов.

– Работать, – ответил Никонов; Фридрих не мог его видеть, но был уверен, что майор пожал плечами. – Исполнять свой служебный долг. Лично я позвонил вам из аэропорта. Я лечу в Петербург за Грязновым.

– Его нашли? – оживился Власов. Хоть какая-то новость была хорошей.

– Пока еще не совсем. Видите ли, он побоялся ехать на своей машине. И брать билет по своим документам на поезд или самолет тоже. Рванул автостопом, в лучших традициях неформалов. Он не учел одного – полицейских камер, стоящих на всех шоссе. Считается, что ими пользуются доповцы для отлова нарушителей... и это, конечно, правда, но не вся. Сначала мы проверили записи, сделанные на выезде из Москвы... громоздкая работа, доложу я вам, хорошо, что сейчас бОльшую ее часть выполняют рехнеры... но Грязнова нигде не нашли. Очевидно, он воспользовался автобусом и ловил попутку уже за городом – там, кстати, больше шансов поймать. Пришлось затребовать проверку камер в других городах. Начали с Бурга, вы понимаете, почему...

– Да.

– Ну и сегодня утром нашелся голубчик. То есть пока, конечно, не он, а кадр, где он виден в подвозившей его машине. Машину нашли легко – местная, бургская, водитель опознал Грязнова по фото. Думаю, теперь его поимка – вопрос времени.

– Бург – большой город, – усомнился Власов.

– Да, но и камер на улицах там много. Плюс кое-какие номера, которые мы выудили из памяти его целленхёрера. Не говоря уже о прочих оперативных тонкостях... Вы меня извините, но тут уже заканчивается посадка на рейс. До связи.

Ну что ж, подумал Фридрих. Похоже, пора и ему навестить город на Неве.

Kapitel 32. 12 февраля, вторник, утро. Санкт-Петербург, улица Булгарина, 8. Книжный магазин издательства "Наука".

Возле закрытого книжного уже собрался народ – человек тридцать, не больше, но в узком переулке это создавало ощущение толпы. Фридрих профессиональным взглядом прошёлся по лицам и одежде. Судя по всему, это и были те самые знаменитые буржские интеллигенты: длинные пальто, свитера, мохеровые шарфы, грязная обувь. И ещё: всё это были люди в возрасте – ни одного молодого лица Власов не заметил.

На улице было не то чтобы холодно, – погода в Бурге была, пожалуй, получше московской, во всяком случае, снег не шёл, – но как-то по-особенному сыро и промозгло. Видимо, сказывалась близость воды. Власов в который раз подумал, что жить в подобном климате – безумие в принципе, но Бург, пожалуй, олицетворял это безумие в чистом, незамутнённом виде. Фридрих знал историю и отдавал себе отчёт в том, что военные базы строят и в менее приспособленных для жизни местах. Но ставить в таком месте столицу?..

Самое же обидное было в том, что во всех остальных отношениях город Власову скорее нравился. Во всяком случае, вокзал был не в пример чище московского, а маленькая гостиница, в которой он остановился прошлой ночью, сильно напоминала какой-нибудь уютный берлинский Ferienheim. Что и неудивительно – хозяйкой была пожилая фолька строгого нрава. Власов не без удовольствия наблюдал, как она – вежливо, но очень твёрдо – отказала в постое парочке без свидетельства о браке. Что касается

Власова, то она сразу признала в нём солидного, приличного клиента, но тем не менее сообщила, что гости нежелательны, особенно противоположного пола, шуметь после десяти часов запрещено правилами заведения, ночные прогулки не приветствуются, возвращение после двух часов ночи влечёт за собой десятипроцентное увеличение счёта, спиртные напитки запрещены. Власов заверил почтенную фрау, что никаких гостей, тем более женщин, у него не появятся, алкоголем и ночной жизнью не интересуется, ценит свой покой и готов уважать чужой. В обмен на эти заверения и двести девяносто рублей он получил ключ от одноместного номера на третьем этаже, с кроватью и письменным столом, за которым он и провёл следующие два часа, просматривая и отправляя почту с нотицблока.

Выспался он неплохо, встал без будильника, завтрак оказался скудноватым, но вполне пристойным. Улицы города, по-утреннему пустынные, напоминали берлинские – длинные, прямые, не хватало только деревьев, но и это было бы не так скверно, если бы не трижды проклятый климат.

Власов в очередной раз окинул взглядом слякотный, истоптанный ногами двор. Поднимать голову и рассматривать серое буржское небо не хотелось.

– Простите великодушно, – обратился к Фридриху маленький старичок в обтёрханном пальто какого-то древнего фасона, с картузом на голове и потрёпанным рыжим портфелем под мышкой, – вы не слышали, сам-то будет?

– Кого вы имеете в виду? – ответил вопросом на вопрос Власов.

– Ну как же... Сам! Дмитрий Сергеич-то наш... – старичок искательно улыбнулся. – Или, значит, протестует всё? Ох, зверюги, чего же они творят-то... – непонятно закончил он.

– Дмитрий Сергеевич прекратили голодовку неделю назад, – вклинилась в разговор какая-то старушка в пуховом платке. – Сейчас у них реабилитационный период.

– А вот и наша Варвара Станиславовна! – старичок расплылся в улыбке. – Вас что-то совсем не видно. Ходить к нам, значит, перестали...

– Ничегошеньки не значит! Ноги у меня, ноги болят... Ох, забыла! Доброго здоровьичка вам, Лев Фредерикович!

– И вам того же, Варвара Станиславна... Позвольте...

Старушка – жестом, претендующим на грациозность – выставила запястьем вперёд иссохшую лапку. Старичок галантно склонился над ней и тут же с ойканьем выронил портфель, по-жабьи шлёпнувшийся в натоптанную снежную кашу.

Власов быстро наклонился, поднял портфель и вручил его старичку – не столько из жалости к старичку, сколько потому, что вид валяющейся в грязи вещи резал глаз. Лев Фредерикович рассыпался в благодарностях. Старуха тоже пробормотала что-то о "любезном молодом человеке".

Власов с тревогой подумал, что теперь юркие старички могут и прицепиться. В его планы это не входило.

– Но когда же откроют?

– Могут и задержать... специально. Эти. Понимаете?

– Да уж понимаю, как не понять. Не первый раз, хе-хе, – старичок заперхал, тётка зачем-то подхватила его под руку. – Так он-то сегодня будет или как? Зря стоим?

– Будет, будет, Лев Фредерикович, – успокоительно забормотала женщина, вытянув шею и щурясь. – Обещали, что будет. И Фрау тоже...

– Пускают! – закричал кто-то у входа пронзительным фальцетом.

Толпа заволновалась: судя по всему, всем хотелось пройти в магазин как можно скорее.

Власов отошёл в сторонку от засуетившихся людей. "Если это и есть поклонники Лихачёва", – решил он – "то Хайнц, похоже, зря тратил время". Но, решив не торопиться с выводами, он подождал ещё три минуты, после чего отправился следом за всеми.

Магазинчик был невелик. Внутри всё было обставлено, как в любом книжном магазине Райхсраума: длинные стеллажи, кассовый блок, в углу – стенд с политическими книгами. В Дойчлянде на таких стендах обязательно присутствовали брошюрки с последними выступлениями Райхспрезидента, томик Дитля и три портрета. В других странах Райхсраума на этом месте выставлялись сочинения местных руководителей. Здесь, однако, на самом видном месте красовалась тощенькая книжица в тёмно-зелёной обложке с неаккуратной надписью сверху – "Д. С. Лихачёв". Название разобрать не удалось.

Люди толкались возле кассы, где та же самая книжка была сложена штабелями. Фридрих заметил, что некоторые брали по три-четыре экземпляра.

Купившие не расходились, а продолжали толпиться возле стенда – видимо, чего-то ожидая.

Власов подошёл к кассе и взял в руки зелёную книжицу, заглянул в шмуцтитул. На скверной серой бумаге было пропечатано: "Санкт-Петербургская Академия Наук. Серия "Исследования по структуре знаковых систем. Том XXXVI". Дальше шло название – "Д. С. Лихачёв. К реструкции топоса историко-семиотического субстрата восточногерманского субэтноса: введение в постгерманистику". Одолев это неудобопроизносимое название, он машинально отметил, что сей труд был отпечатан в академической типографии, а в номерном коде книги имелась буква F, что означало "Forschung" (научное исследование). С таких книг, вспомнил Власов, не взимался налог на продажи, а также – что в данном случае, похоже, было важнее – они практически не подвергались предварительной цензуре. Наука должна развиваться свободно, как учил Дитль...

С нехорошим предчувствием Власов открыл книгу на середине.

"Осознание мультиплицированного характера восточно-немецкой культуры, её мутантности и мутагенности, сотканности из противоречивых оснований, – прочёл он, мучительно продираясь сквозь слова, – не должно затенять интуицию эвентуально присущей этой полифонической целостности единой ритмотопики, её прагерманского единства, раскрывающегося в последовательности образов, несущих на себе отпечаток этой целостности, по отношению к которой конкретные историко-культурные проявления таковой есть всего лишь эпифеномены, внутренняя суть которых не может быть понята без привлечения того набора представлений, который мы несколько раньше обозначили как "пра-немецкая самобытность", причём напряжённое отношение между "бытием" и "самостью" не столько дано, сколько задано ритмотопикой, которая, в свою очередь, не может и не должна восприниматься как нечто заранее заданное и неподвижное – напротив, ей присуща протеистичность, гераклитовская текучесть, для которой всякая форма есть не что иное, как волна, смывающая другую волну-форму, но при этом принимающее от неё то послание, которое она несла и которое, обогащаясь, но и теряя, в самой своей изменчивости содержит нечто незыблемое, каковое..." – тут терпение Фридриха истощилось, да и словечки "немецкая", "немецкое", ловко ввёрнутые в эту белиберду, царапали глаз. Власов с раздражением захлопнул книгу и положил её на место

с твёрдым намерением больше не брать её в руки. Во всяком случае, без крайней необходимости.

Однако, обведя взглядом магазин, он с недоумением понял, что народ, разбившись на кучки, увлечённо листает свежеприобретённые материалы и делится впечатлениями.

Решив не церемониться, Фридрих подошёл к давешнему старичку в картузе и заглянул ему через плечо. Старикан его заметил, но воспринял его жест как должное. Он даже подвинулся, чтобы подошедшему человеку было удобнее смотреть.

– Не, вы только представьте себе, а? – возбуждённо зашептал он, тыча длинным жёлтым ногтем куда-то в середину страницы, – что Дмитрий Сергеевич-то наш выдал! Вот так в открытую всё и говорит!

Власов вгляделся и разобрал: "Неизбежная – более того, ожидаемая и заметная уже в пределах ближнего социально-очерченного временного горизонта, – имплозия внешних контуров единства пангерманоморфного ареала ставит перед исторически ответственной частью интеллектуально-полноценных страт ингерманландского субэтноса задачу реинтеграции подлинно германских элементов на основании ахронического образа немецкости, взятой per se..."

– Тоись, значит, конец, – у старичка театрально заколыхались руки, – совсем, значит, скоро... Райхсраум-то ихний того, сдуется, стало быть... Прямо вот так и пишет... С ума сойти...

Власов напрягся: театральные приёмчики старичка ему не понравилась.

– С чего бы это вдруг? – не слишком дружелюбно спросил он.

– Да тут же всё написано, – старичок продолжал тыкать пальцем в книгу, – всё разобрано... Дмитрий Сергеевич – он знает... Вы, я извиняюсь, у нас новенький, – покровительственно добавил он, – нет-нет, не спорьте, я вижу... – Власов и не думал спорить, но старичок, азартно тыча пальцем в буквы, всё напирал на него: – Так вы сначала первые труды его почитайте, ранние, они вам попроще будут, подоступнее... а это уже для тех, кто понимает...

Власов и в самом деле понял. Похоже, почтенный академик, пользуясь попустительством российских властей, издаёт под видом научной литературы книги с политическими намёками, понятными тем, кто навострился читать эту белиберду и знает, как на их птичьем языке называются те или иные вещи. Типично для сект и преступных сообществ. Фридрих вспомнил мерзкий говорок дуфанов и скривился.

– Это, значит, всё уже, – старичка буквально распирало от возбуждения, – На годы счёт пошёл, а то на месяцы... Вот же, видите? – жёлтый ноготь уткнулся в строчку "...ожидаемая и заметная уже в пределах ближнего социально-очерченного временного горизонта".

Власов ещё раз заглянул в книжку, немного подумал и решил, что, судя по всему, "внешним контуром единства пангерманоморфного ареала" на лихачёвском птичьем языке именовался Райхсраум. Оставалось понять, кто подразумевался под "исторически ответственной частью интеллектуально-полноценных страт ингерманландского субэтноса", помимо самого Лихачёва и его окружения. Вряд ли эти возомнившие о себе старпёры справятся с какой бы то ни было практической задачей, включая "реинтеграцию подлинно германских элементов", что бы у них под этим ни подразумевалось...

Фридрих недовольно тряхнул головой: похоже, под впечатлением от местной атмосферы он стал делать ошибки, недостойные даже начинающего аналитика. В конце концов, эта лавочка собрала вокруг себя известное количество приверженцев. Он с

сомнением покосился на восторженного старичка и снова себя одёрнул: когда речь идёт о политике, даже самые жалкие людишки могут быть использованы для каких-нибудь надобностей. В конце концов, если этого трясуна обмотать поясом со взрывчаткой... Власов невольно улыбнулся: уж больно забавной получилась картинка.

– Сами, сами идут! – каркнула давешняя старуха. Все загалдели так, что у Власова зазвенело в ушах.

Двое молодых людей вынесли стол и два стула, после чего встали по бокам стола, наподобие почётного караула. Выглядело это, как и всё происходящее, довольно нелепо, но Власов отметил про себя, что, судя по рисунку движений, эти комичные с виду охранники всё-таки прошли какую-то подготовку.

Собравшиеся люди потянулись поближе к месту действия. Власов, наоборот, отошёл подальше, к полкам, чтобы не тереться среди этих неопрятных людей.

Наконец открылась дверь и появился Лихачёв.

Власов был знаком с внешностью этого странного человека только по фотографиям. Вживую его внешность не преподнесла никаких неожиданностей. Высокий, очень худой, с длинным лицом, которые некоторые почему-то называли "породистым". Одет в дорогой серый костюм – судя по всему, не покупной, а пошитый у хорошего портного. Вместо галстука и белой рубашки – водолазка кремового цвета (видимо, символизирующая свободомыслие: Власов читал в каком-то отчёте, что в России оппозиционные интеллигенты не носят галстуки, считая их "казённой одеждой функционеров"). Глаза у академика были как у больной птицы – как будто подёрнутые какой-то плёнкой. Яйцевидную лысину обрамлял встопорщенный белый пух.

Он кое-как устроился за столом и сделал слабый приветственный жест рукой. Тут же рядом с ним появился бокал и маленькая бутылочка с нидерзельтерской водой.

Стало тихо. Слышно было, как охранник наливает старику воду в стакан.

В полной тишине Лихачёв сделал два глотка.

– Друзья-а, – голос у него оказался неожиданно ясный и чёткий, хотя и не без стариковского подблеивания на ударных гласных, – я рад вас всех видеть... живыми и здоровыми, – со значением добавил он.

– Простите меня-а, но я не буду много говорить о своей книге, – продолжал Лихачёв, – тем более, что у меня есть более важные новости. Мы добились маленькой, но существенной побе-е-ды, – тут его голос дал козла особенно заметно, так что Власов невольно улыбнулся, – моя-а супруга Лени получила возможность завершить курс лече-е-ния в свободной стране-е-е...

Общество одобрительно зашумело. Власов же отметил про себя это "мы". Интересно, кого он имеет в виду: всех присутствующих, своё ближайшее окружение или лично себя?

– Но мы не должны... – старичок закашлялся, снова принялся пить воду. – Мы не должны-ы испытывать никаких иллюзий по этому поводу. Это лишь временная поблажка, вырванная дорогой ценой, – он со значением повёл очами.

Общество снова зашумело, на этот раз неодобрительно. Фридрих же подумал, что несколько дней диеты, – либеральные издания, впрочем, называли это "продолжительной голодовкой", – вряд ли так уж повредили здоровью академика.

– Сейчас, перед теми суровыми испыта-а-аньями, которые готовит нам исто-ория... – продолжил свои ламентации Лихачёв.

Власов настроился было слушать, но тут его мягко тронули за плечо.

Он резко обернулся и увидел белое лицо, окаймлённое аккуратной чёрной бородкой с бакенбардами. Половину лица закрывали огромные тёмные очки.

Лицо было знакомым: Власов совсем недавно видел его в соответствующем досье. Там этот человек значился как Мюрат Гельман, специалист по современному искусству.

– Извините за беспокойство, – человек с белым лицом неприятно улыбнулся, показав меленькие квадратные зубки, явно работа стоматолога, механически отметил Фридрих, – я так думаю, вы обо мне немного слышали. Меня зовут Гельман, Мюрат Гельман, консультант, очень приятно, – он выловил в воздухе руку Власова и с усилием пожал её.

Власов подавил вспыхнувшее было раздражение: он не любил рукопожатий вообще, и уж тем более неприятно было ручкаться с этим человеком. Ограничился тем, что с усилием выдернул руку у чрезмерно общительного консультанта.

– Фридрих Власов, – представился он.

– Очень, очень приятно, – расплылся в улыбке Гельман. – Приятно видеть новые лица. У нас, знаете ли, несколько застоявшееся общество, мы все друг друга знаем... Я так понимаю, вы из Москвы?

– ...наши це-энности... – пел-заливался Лихачев.

Власов сделал паузу. Отвечать прямо не хотелось: получилось бы, что он соглашается на положение допрашиваемого.

– Я слышал, что коренные петербуржцы недолюбливают москвичей? – отпарировал он, чуть подумав.

– Это типичная московская сплетня, – Гельман повёлся, или сделал вид, что повёлся. – Знаете, я сам не отсюда, но только в этом городе я понял, что такое настоящая доброжелательность, я надеюсь, вы тоже это оцените... – слова лезли из галериста, как помёт из кролика. Сравнение было малоаппетитным, но ничего другого Власову в голову не пришло.

– Я догадался, что не отсюда, – заметил Фридрих без особой деликатности. – У вас странное имя для петербуржца.

– О, да, это забавная история. Родители у меня были большие франкофилы, знаете, у нас это бывает, наши предки здорово помогли царю против Наполеона и, признаться, прогадали, и сильно прогадали... – Власов сообразил, что галерейщик имеет в виду российских юде; само по себе происхождение Гельмана его не смущало, но людей, которые не просто не скрывают, а при первом же знакомстве норовят подчеркнуть свои юдские корни, он недолюбливал – было в таком поведении нечто от истерика, кричащего, что он совершенно спокоен.. – Вот меня и назвали в честь Мюрата, – продолжал Гельман, – был такой, знаете ли, наполеоновский маршал...

– Знаю. Он, кстати, плохо кончил.

– Ну, в общем, да... Зато отличался решимостью и бесстрашием.

– А также хвастовством и склонностью к предательству, – напомнил Фридрих. – Наполеона он предал.

– Ну, что значит "предал", – пожал плечами Гельман, – это ведь политика, к ней неприменимы обычные стандарты... Наполеон, в конце концов, захватывая власть, тоже, по сути, нарушил присягу. Да и не только он... были и другие прославленные исторические деятели... – он сделал короткую паузу, и Власов не понял, было ли это намеком. Если да, то, похоже, галерейщик знает о нем больше, чем следует, и это скверно...

– Но не будем терять драгоценного времени, – человечек сделал такое движение, как будто хотел взять Власова под локоть, но в последний момент сдержался. – Я так понимаю, вы здесь по делу, вы не просто зашли, м-м? У меня предложение: когда всё кончится, пойдёмте побеседуем, тут есть одно местечко, мы там сядем...

– А почему вы решили, что мне интересно разговаривать с вами? – усмехнулся Власов.

– Потому что вы сюда все же приехали, – ничуть не смутился юде, – вы же, я понимаю это таким образом, не для того здесь, чтобы узнать последние новости о здоровье фрау Рифеншталь?

– Российский режи-и-им, пытающийся подавить волю народа, стремящегося к свобо-о-оде... – тем временем вещал Лихачёв.

Власов услышал обрывок фразы и кинул взгляд на академика. Тот раззадорился, яйцевидная плешь порозовела, и даже пух на ней как-то поднялся. Зрелище было смешное и неприятное.

– Так вы не против насчёт чашечки хорошего кофе и небольшого разговора? – не отставал Гельман.

– И чем это я заслужил такую честь? – Власов уже всё понял, но хотел ясности.

– Ну, мы вас, некоторым образом, ждали, – галерейщик снова заулыбался, – то есть не лично вас, господин Власов, а кого-нибудь, так сказать, новенького, – ухмылка стала откровенно наглой, – вы ведь не просто так любопытничаете, ведь так? Не отвечайте, конечно. Ну, так если вы не против, хороший кофе – это всё-таки хороший кофе, не так ли?

Власов подумал, что в этом небольшом человечке умещается слишком много слов, и они сыплются из него слишком быстро. С другой стороны, не принимать приглашения Гельмана было бы странно. В конце концов, он пришёл сюда, в числе прочего, и ради того, чтобы посмотреть на лихачёвцев вблизи. То, что Гельман – видимо, играющий при Академике и Фрау достаточно важную, хотя и не вполне понятную роль, – его заметил и выделил из толпы, тоже было предсказуемо: похоже, он, Власов, был единственным новым лицом среди этого старичья. Интересно было другое – за кого именно Гельман его принимает?

– Что ж, если кофе и в самом деле хороший, – сказал Власов, смотря в глаза галерейщику, – можно и пройтись. Если угодно, сейчас. Здесь душно.

Мюрат Гельман открыл было рот, чтобы разразиться очередной тирадой, но тут произошло сразу два мелких, но неприятных события: в кармане галерейщика запиликал целленхёрер, и в ту же секунду из-за полки выскочил давешний старичок в картузе, которого старуха назвала Львом Фредериковичем.

– Э-гей, а вот и вы, Мюрат Александрович – задребезжал старичок, – доброго вам здоровьичка...

Целленхёрер Гельмана тем временем тонко, но назойливо звенел. Галерейщик пытался его вытащить из брючного кармана, но аппаратик, похоже, утонул в нём слишком глубоко. Другой рукой он умудрялся делать так некстати возникшему старичку неопределённо-дружелюбные знаки.

Наконец, трубка – крошечная, в серебристом раздвижном пенале, напоминающем шоколадку, – была извлечена из кармана, раскрыта и прижата к уху.

– Да... – бросил в трубку Мюрат, всё продолжая жестикулировать, – нет... нет... нет, не сейчас... нет, рано... Пока не приближайтесь... Когда я буду, дам команду, – наконец,

скомандовал он, нажал отбой и утопил машинку в кармане.

– Здравствуйте, Лев Фредерикович, извините, что сразу не поздоровался, – нашёлся он, слегка кланяясь старичку.

Старичок чуть не взлетел в воздух – так энергично замахал он руками.

– Нет, ну что вы, ну какие извинения! Я так... я просто... подошёл, можно сказать... вы же человек деловой, у вас каждая минутка расписана, а мы тут с боку припёка...

– Голос разума негромок, но его невозможно заставить замолчать. Это сказал великий Фройд... – донеслось до Власова очередное лихачёвское высказывание.

На слове "Фройд" старикан поперхнулся и громко икнул. Власов мысленно пожелал ему подавиться.

– Вы, Мюрат Александрович, не слышали насчёт сегодняшнего? – продолжал старичок. – Говорят, что Фрау-то перед отъездом...

– Да, слышал, – буркнул Гельман с таким видом, как будто его собеседник ляпнул что-то не вполне приличное. – Извините, Лев Фредерикович, у меня разговор...

Лихачёв тем временем справился с кашлем и начал было цитировать Гёте, но сбился в цитате и снова закашлялся, на сей раз довольно-таки ненатурально. Власов решил, что академик просто забыл слова.

– Так вы, значит, не слышали, – нёс своё словоохотливый старикан, – сегодня Фрау даёт прощальный ужин, перед самым отъездом, значит... в самом Фонде и накроют...

Гельман посмотрел на Льва Фредериковича, как солдат на вошь – с бессильной злобой.

Старичок, как назло, в этот момент вытянул шею, пытаясь рассмотреть своего обожаемого кумира, который как раз повысил голос и вещал что-то о единстве цивилизованного мира.

– Так мы идём? – почти невежливо спросил Гельман, явно намереваясь как можно скорее отцепиться от слишком словоохотливого Льва Фредериковича.

Власов чуть было не ответил "да", но почему-то заколебался.

Лев Фредерикович тем временем сделал полшажка в сторону книжной полки и потянулся за какой-то книжкой. Книжка была высоко, маленький старичок не мог её достать.

Власов невольно перевёл взгляд на забавного человечка и вздрогнул. Скрюченные старческие пальцы на мгновение сложились вполне определённым образом.

Это был старый условный жест Управления, не использующийся уже лет тридцать. Власов сталкивался с ним, когда по служебным надобностям изучал документы, связанные с Фолшпилем. Насколько он помнил этот знак, он означал "нет".

Раздумывать было некогда.

– Знаете, я только что вспомнил, – сказал Фридрих, – у меня ещё остались кое-какие дела в городе. Извините, но я вынужден...

Гельман взялся за дужку своих роскошным тёмных очков, как будто собирался их снять, но передумал.

– Я запамятовал, – сказал он голосом, в котором не слышалось даже намёка на извинение или сожаление, – сегодня в помещении Фонда проводится нечто вроде прощального ужина с Фрау. Мероприятие скорее кулуарное, но... – он ловким жестом извлёк из кармана сложенную вдвое плотную бумагу. – Адрес здесь. Там и поговорим. Извините, у меня тоже дела, не прощаюсь, до встречи, – последнее он произносил уже на ходу, скрываясь где-то за полками.

В этот момент раздались аплодисменты: похоже, Лихачёв закончил свою речь.

Власов обернулся, рассчитывая застать хотя бы Льва Фредериковича, но увидел только его спину: странному старикану что-то срочно понадобилось в глубине магазина.

Фридрих вздохнул и пошёл к кассе. Книжку Лихачёва всё-таки следовало купить.

Как выяснилось, он чуть было не упустил момент. Ему достался последний экземпляр, с некрасивой вмятиной на обложке и торчащей из корешка длинной, твёрдой от клея, ниткой.

Власов всё-таки взял его: в конце концов, это сувенир. Он будет неплохо смотреться на полке его кабинета на Принц-Альбрехтштрассе, где-нибудь среди польских антидойчских брошюр и зелёных книжечек с призывами к истреблению мунафиков и кафиров.

Kapitel 33. Тот же день, около полудня. Санкт-Петербург, Дворцовая площадь – ул. Колчака, 9.

Власов медленно шёл по Дворцовой площади. В руке мешался зелёный пакет из книжного магазина с сочинением академика.

Капризное буржское небо неожиданно развиднелось. Вместо обычной серой хмари открылась холодная голубизна, в которой не ощущалось ничего воздушного – она была блестящей и гладкой, пресловутая "небесная твердь". Впечатление было такое, как будто город накрыли огромным выпуклым стеклом.

Площадь была почти пуста, что подчёркивало её размеры. Колонна с ангелом наверху была покрыта лёгкой изморозью.

Слева Власов мог бы видеть желтый фасад бывшего Генерального штаба, справа – зелёные стены знаменитого дворца. Но ему не хотелось смотреть по сторонам.

Фридрих поднял голову. Чёрный ангел с печальным лицом стоял высоко в твёрдом небе, отчаянно сжимая в руках тонкий бесполезный крест.

Власову сначала пришла на ум хофмановская сказка, читанная в детстве, в которой студент, ставший жертвой злых чар, оказался пленником хрустальной склянки. Потом откуда-то из глубин памяти пришла строчка Тракля: "Im blauen Kristall wohnt der Mensch": "В голубом хрустале живёт человек". Но здесь было другое: ангел не был ни пленником, ни вольным жителем вышней тверди, а её частью – чем-то вроде детали механизма, вращающего свод небес.

Фридрих с усилием отогнал невесть откуда взявшееся романтическое настроение и сосредоточился на насущных делах.

С одной стороны, поездка складывалась как-то чересчур успешно. Только-только сунувшись в логово ультрагерманистов – которых Фридрих представлял себе людьми осторожными и недоверчивыми – он уже получил приглашение на мероприятие с Фрау. Более того, ему недвусмысленно дали понять, что это последняя возможность пообщаться с госпожой Рифеншталь перед её отъездом на Запад. Из этого следовало только одно: его ждали. Не его лично, Фридриха Власова, а кого-то, кто... Кто? В какой роли должен был появиться человек, которому оказывают подобные знаки внимания? И что означала вся эта игра между Гельманом и непонятным старичком? Кто таков этот шустрый Лев Фредерикович? Не исключено, что Лев Фредерикович не так-то прост. С запоздалым раскаянием он вспомнил, как мысленно обматывал старикашку поясом со взрывчаткой. Нет, такой в самоубийцы не полезет – для этого есть другие...

Откуда-то из-за Александрийской колонны появилась группа молодых людей – человек десять, не меньше. Власов пропустил бы компанию мимо глаз, но что-то привлекло его внимание. Присмотревшись, он отметил, что компания одета, во-первых, не по сезону – в ярко-красные спортивные костюмы, и, во-вторых, одинаково: костюмы были на всех одного цвета. К странноватому виду прибавлялось соответствующее поведение и рисунок движений. Власову понадобилось секунды две, чтобы понять – эти ребята чего-то боятся или решились на что-то опасное. Кстати вспомнилось, как он только что думал о террористах-смертниках. А что, вполне возможно. Вот только что они собираются взрывать? Александрийскую колонну?

Желания выяснять на опыте, что именно задумали красные, не было никакого. Рука Власова скользнула под куртку, где пригрелся "стечкин".

За спиной раздались крики. Кричали на английском.

Власов моментально развернулся, приготовившись к стрельбе, и увидел вывалившихся на площадь невесть откуда корреспондентов, явно не дойчей и не русских, судя по внешнему виду и аппаратуре. Двое лихо поводили телекамерами, один стоял с микрофоном, явно готовясь к произнесению какой-то речи.

Фридрих понял, что самое лучшее – это как можно быстрее покинуть место действия. Он метнулся в сторону, выходя из-под прицела телекамер, и успел краем глаза заметить, что одинаково одетые молодые люди ложатся прямо на камни, вытягивая перед собой руки.

"Вот чёрт", – подумал Власов.

Похоже, это была какая-то протестная акция. Власов читал, что российские диссиденты имеют привычку публично приковывать себя к ограждениям или ложиться на землю, протестуя против "бесчинств режима". В Берлине с подобными протестантами церемониться бы не стали, но Мосюк завёл привычку в таких вопросах либеральничать.

Но на этот раз, однако, либеральничать никто не собирался: прямо из-под конной арки Генштаба выкатился полицейский фургон с открытым кузовом. Уже на ходу из кузова попрыгали на брусчатку одинаковые, как горошины, русские полицейские в прозрачных сферических шлемах и с пластиковыми щитами. Они рванулись к журналистам. Те и не думали сопротивляться или бежать, только направляли камеры прямо на полицейских. Человек с микрофоном разразился быстрой речью на английском.

Фридрих к тому времени уже смешался с немногочисленными зеваками, сгрудившимися у Зимнего.

Полицейские действовали быстро и чётко, но, по мнению Власова, недостаточно решительно. Вместо того, чтобы заняться нарушителями общественного порядка, они первым делом выстроились перед журналистами, мешая им снимать. Кто-то попытался поднять телекамеру на выдвижном шесте, но тут кто-то из полицейских всё-таки применил силу: камера развернулась в противоположную сторону.

Другие стражи порядка занялись, наконец, людьми в красном. Они брали каждого за руки – за ноги (те не сопротивлялись) и уносили в сторону фургона. Кто-то задёргался, и тут же раздался гулкий звук – человека просто швырнули в кузов. Послышалась брань. Журналисты прыгали на месте, как обезьяны, пытаясь хоть что-нибудь заснять, но барьер из людей в сферах и с блестящими щитами был совершенно непроницаем.

Прямо над ухом Власова что-то жирно лязгнуло. Фридрих невольно отпрянул: он подсознательно ждал какой-нибудь гадости. Обернувшись, он увидел давешнего старичка с картузом на голове и с древней "Ляйкой", который увлечённо фотографировал

происходящее.

– Ещё раз здравствуйте, Лев Фредерикович, – насмешливо сказал Власов.

Старичок чуть не уронил "Ляйку".

– Да, да, очень приятно, – забормотал он, – я вот тут, некоторым образом... фиксирую, так сказать, происшествие... – он сделал ещё один снимок, явно наудачу, после чего принялся чехлить громоздкий аппарат, шепча что-то невнятное про фотоплёнку. Фридриху стало неловко смотреть, как старик корячится: он взял в руки футляр, чтобы тому было удобнее укладываться.

В этот момент старик снова сложил пальцы в какой-то знак, который Власов, однако, не понял.

– Вы мне, извините, не поможете на минуточку? – обратился старичок к Фридриху. – Тут вот совсем близко...

Власов не понял, как и в чём он может помочь егозульному старикашке, тем более "на минуточку", но сообразил одно: тот хочет увести его в сторонку, видимо, для разговора.

– Да, пожалуйста, – согласился он.

– Минуточку, минуточку, – старичок суетился, увлекая Власова с собой. – Как бы нам тут только того... давайте лучше тут... а вот мой, так сказать, транспорт.

На улице возле красивого здания с каменными фигурами, изображающими атлантов, держащих небо на каменных плечах, одиноко стояла, уткнувшись мордочкой в сугроб, маленькая смешная зелёная машинка. Власов разглядел "инвалидные" номера и машинально подумал, что, видимо, эта улица закрыта для обычного транспорта, но старичок пользуется какими-то льготами по здоровью.

– Давайте поговорим, только не здесь, – голос старичка стал тише, а неприятная стариканская прыткость несколько поумерилась, – я вас отвезу в безопасное место... Вы не представляете, что тут творится. Видели, что было на площади? Это всё Гельман. Паршивый провокатор, ему нужен скандал, не понимаю, как его терпит Фрау, я ей тысячу раз докладывал...

Власов неприязненно покосился на Льва Фредериковича. Похоже, старик был всё-таки не вполне адекватен.

– Очень опасный человек, – бормотал старик, оглядываясь по сторонам, – у него огромное влияние... – тут он, зарывшись в полу пальто, начал что-то выкапывать из кармана, то ли радиобрелок от машины, то ли что-то ещё. На грязный снег упал скомканный носовой платок огромного размера, неоднократно использованный по назначению. Власов посмотрел на запачканную тряпку и решил, что поднимать это следует только в перчатках, лезть за которыми решительно не хотелось.

– Милейший Лев Фредерикович, – бухнуло в спину, – вы куда это собрались?

Власов – уже без удивления – обернулся и увидел Мюрата Гельмана. На сей раз тёмных очков он не надел, и Власов мог рассмотреть его лицо. Лицо преуспевающего гешефтмахера – примерно так Фридрих определил про себя человеческий тип, который предстал перед ним.

Старичок же немедленно преисполнился елейной доброжелательности.

– А вот и вы, Мюрат Александрович! Ну, как прошла акция? Всё засняли?

– Нормально прошла, – Гельману явно не хотелось развивать эту тему. – А вы, смотрю, сдружились с господином Власовым?

– Да вот, некоторым образом, едем сейчас в "Норд", – не без самодовольства сказал

старик.

– Пока что, – вмешался Власов, – я никуда конкретно не собрался.

– И правильно, – Мюрат немедленно пошёл в наступление, чего Фридрих и ожидал, – "Норд" – не самое интересное место. Позвольте предложить иной маршрут. У меня как раз заказан столик в "Аркадии" на Колчака. Будем есть оленину и пить брусничную настойку. Кофе там тоже отменный. Всё за мой счёт, у меня сегодня удачный день, – добавил он торопливо.

– Да уж видели мы, – не удержался старик, – видели. И слово нехорошее разглядели...

– У нас с уважаемым Львом Фредериковичем эстетические разногласия, – картинно развёл руками Гельман. – Я новатор, а он, знаете ли, придерживается консервативных взглядов на искусство.

– Я тоже, – отрубил Власов. Ему не нравился Гельман, к тому же он начал понимать, что означала сцена на площади.

– Ну, вы человек, несомненно, умный, – зашёл галерейщик с другой стороны, – мы могли бы поговорить об этом... я не надеюсь, что смогу вас переубедить, но, по крайней мере, вы выслушаете точку зрения, отличную от общепринятой...

– Прошу меня извинить, Мюрат Александрович, но мы с господином Власовым едем в "Норд", – пошёл ва-банк старикашка, открывая дверцу своей инвалидной машинки.

– Прошу меня извинить, Лев Фредерикович, но мы с господином Власовым едем в "Аркадию", – тем же тоном заявил Гельман.

Фридриха это начало откровенно забавлять.

– Господа, – сказал он, – может быть, вы перестанете делить мою шкуру? Я, пожалуй, пойду прогуляюсь без вас.

Повисла пауза. Власову показалось, что он слышит, как скрипят мозги собеседников, просчитывающих варианты.

Первым расчёты закончил, как ни странно, старикан.

– Ну, – сказал он, широко разводя руками, – я, уж извините, не поеду: нечего мне там делать, и повод не нравится, – последние слова он выделил голосом, – а вы как хотите. Значит, до вечера.

– До вечера! – ухмыльнулся в бороду Гельман.

Старик повернулся, даже не пытаясь сделать какой-нибудь очередной знак. Сел в свою инвалидку, громко хлопнул дверью. Машина обиженно заперхала моторчиком и тронулась с места.

– Забавный старикан, – откомментировал галерейщик, старательно добавляя в голос великодушия и снисходительности, – только очень настырный. Зато он очень предан нашей Фрау, – лицемерно вздохнул он, – за это мы его любим... Так что насчёт "Аркадии"?

– Не откажусь, – Власов решил, что галерейщика стоит выслушать. – Но предупреждаю: я не употребляю алкоголь.

– Очень жаль, – Гельман, кажется, искренне огорчился. – У меня только что прошла успешная акция... да пойдёмте, пойдёмте... – он снова попытался было взять собеседника под локоть и снова в последний момент сдержался.

Они прошли мимо атлантов. Серый, грязный снег лежал у ступеней. Погода тоже испортилась: голубой купол закрылся, небо затянуло серой хмарью. На улице стало неуютно. Гельман попытался было завести разговор о буржской погоде, но тут у него

начал разрываться целленхёрер, и галерейщик пустился в какие-то сложные переговоры. Посреди разговора в кармане галерейщика запиликала ещё одна трубка, и тот, зажимая пальцем микрофон на первой, принялся столь же энергично договариваться о каком-то интервью. Одновременно он умудрялся делать знаки Власову, чтобы тот не отставал.

Фридрих почему-то думал, что галерейщик ездит на каком-нибудь роскошном "Запорожце". К его удивлению, когда они дошли до стоянки, Гельман решительно направился к не слишком роскошному "Мерседесу" спокойного тёмно-синего цвета. В Райхе на таких машинах ездили молодые студентки. Власов вспомнил Марту Шварценеггер: ей бы такая машина подошла больше, чем поездки в общественном транспорте.

Внутри машины было всё как обычно. Фридрих обратил внимание только на маленькую православную иконку, приклеенную к стеклу.

Галерейщик, сопя, устраивался за рулём, одновременно заканчивая последний разговор. Тем не менее, он, видимо, периферийным зрением поймал взгляд Власова на иконку.

– Это так, знаете... – почти извиняющимся тоном сказал он, пряча трубку в карман. – Я вообще-то во все эти церковные дела не верю. Но, говорят, эта штука помогает даже тем, кто в них не верит, а водитель я неважный. Нет-нет, всё нормально, но вот знаете ли, такое дело – неуверенно чувствую себя на дороге...

Мотор ровно, мягко загудел. Машина тронулась с места.

– Вот вы, наверное, думаете, что тут у нас такое творится, – продолжал Гельман, – со стороны это всё выглядит несколько смешно, наверное. Ну да вы в своём ведомстве... – он бросил косой взгляд на Фридриха: тот почувствовал, как будто его лица что-то коснулось и тут же отдёрнулось, – про нас, наверное, всё знаете.

– Напротив, я пока ничего не знаю и ещё меньше понимаю, – Власов скосил глаза на собеседника. – Надеюсь, вы мне что-то объясните...

Машина вильнула.

– Ох, извините, – Власов почувствовал, как Гельман напрягся, – тут движение начинается... давайте потом поговорим.

Он вперился взглядом в дорогу. Видимо, галерейщик и в самом деле неуверенно чувствовал себя за рулём.

Фридрих откинулся на сиденье. Машина тащилась по правому ряду, с минимальной скоростью, Гельман всё время делал какие-то ненужные, лишние движения, крутил головой, суетился. На светофоре он чуть было не свернул не в ту сторону, вырулил, получил в спину несколько гудков и тихо выругался сквозь зубы.

Сознание того, что машину ведёт неумелый водитель, нервировало и злило. Потом Фридрих подумал, что, возможно, Гельман на это и рассчитывает – помотать ему нервы, чтобы спровоцировать на какие-нибудь неосторожные высказывания – и разозлился ещё пуще: лихачёвцы, похоже, возомнили о себе невесть что... Кстати, за кого же они всё-таки его принимают? Уже понятно, что они видят в нём сотрудника спецслужб, и скорее дойчских, чем российских. То есть – сотрудника Управления, которого отправили приглядывать... или выяснить что-то конкретное, чего они боятся. Это неудивительно: возможно, Эберлинг наследил... Или Вебер... хотя тот вроде бы не покидал Москвы... но в наши времена информационных технологий личное присутствие далеко не всегда обязательно... Но всё-таки – откуда такие танцы вокруг его персоны? Нет, от него явно чего-то ждут. Впрочем, – тут Фридрих мысленно поправился, – кто именно ждёт?

Странненький Лев Фредерикович с его намёками? Жуликоватый галерейщик? Сама Фрау, на ужин с которой он приглашён столь внезапно? А может быть, кто-то ещё, какой-нибудь кукловод, который и крутит всей этой публикой?

Машина остановилась на маленькой платной стоянке около домика в голландском стиле. Судя по тщательно очищенной от снега брусчатке и важному охраннику в коротком полушубке, открывшему дверь Власову, место было дорогое и не для всех.

Как только Гельман вылез из машины, к нему тут же вернулась его самоуверенность. Он живчиком взбежал на крыльцо, перекинулся парой слов со вторым охранником на входе – было заметно, что галерейщика тут знают, – дождался Власова, после чего, не раздеваясь, скрылся в туалетной комнате.

Власов осмотрелся. Скупо освещённое помещение было декорировано тёмными деревянными панелями. Висело несколько картин с изображением охоты. В небольшом гардеробе висело всего несколько пальто и ни одной женской шубы.

– Добрый день, уважаемый гость... курточку, пожалуйста... – Власов недоумённо повернулся. Потом зрение сфокусировалось, и он разглядел услужливо растопырившегося гардеробщика.

Это был негр – настоящий, чёрный, чьё лицо почти сливалось с темнотой.

– Курточку вашу, – поклонившись, сказал чёрный и улыбнулся, показав очень белые зубы.

Это было уже слишком.

Власов развернулся, вышел, хлопнул дверью. Охранник с недоумением посмотрел на гостя, но ничего не сказал.

Фридрих почти пересёк мощёную площадку, когда его догнал Гельман. На этот раз он всё-таки схватил Власова за локоть. Власов брезгливо выдернул руку.

– Вы не поняли! – затараторил галерейщик, – ох, чёрт, я вас не предупредил... Это не то, что вы подумали... Это такой прикол... Шутка... Ну остановитесь же, чёрт побери! – он решительно встал на пути Власова.

Фридрих тоже остановился.

– Я знал, – процедил он, – что разложение в России зашло достаточно далеко, вы принимали даже китайцев. Но *это*...

– Я же говорю, вы не поняли! – Гельман явно не знал, куда девать руки. – Это не настоящий негр! Это актёр! Это просто краска! Он такой же ариец, как вы и я!

Власов невольно рассмеялся: простодушное нахальство юде, по ходу записавшего себя в арийцы, было и впрямь забавно.

Гельман, видимо, не понял причины смеха, поэтому засмеялся сам.

– Давайте всё-таки вернёмся, – предложил он мягко, обходя вокруг неподвижно стоящего Власова. – Ничего страшного ведь не произошло, не правда ли? Ведь вы на меня не обиделись? Клянусь, я просто забыл про этого несчастного портье, я здесь завсегдатай, я давно перестал его замечать, я даже не думал... – он всё обходил вокруг Фридриха, как будто заворачивая его в рулон из мягких слов.

Власов сделал усилие, чтобы не слышать этого голоса и подумать самому.

Скорее всего, решил он, Гельман врёт: он вполне сознательно привёл его именно сюда и именно в расчёте на его, Власова, реакцию. Да, галерейщик хотел его задеть, причём задеть не просто так, а совершенно определённым образом, он чувствовал это в интонациях Гельмана, в его наигранной угодливости... тоже, кстати, имеющей вполне определённый оттенок. Нет, не зря он отпустил фразочку насчёт арийцев...

– Ну что ж. Если вам угодно, – Власов сделал ударение на "угодно", – вернёмся. Не зря же я отказался от приглашения Льва Фредериковича?

– Да, конечно, – согласился Гельман с едва заметной запинкой. Он явно не ожидал, что Фридрих так быстро согласится.

Когда они вернулись, на месте злополучного "негра" сидел "индеец" в уборе из перьев. Он был даже немного похож на индейца, как их рисовали в старых книжках. Фридрих молча отдал ему куртку и прошёл дальше. Зелёный пакет с книжкой он, однако, прихватил с собой: мало ли что.

Помещение клуба было невелико. Некрашеные столы, тяжёлые деревянные табуреты, на стенах – барометры, секстанты и колчаны со стрелами. Окна были занавешены тяжёлыми бордовыми шторами, потолок слегка подсвечен. Очень тихо играла музыка: Власов узнал "Времена года".

В самом центре на возвышении стояли стеклянные ёмкости с разноцветными жидкостями. Внизу поблёскивали краники.

– Настоечки, – преувеличенно бодро потёр руки галерейщик, – клюковка, рябиновка, брусничная... вот там хреновушечка... на грецких орехах, на травах всяких... Вы уж как хотите, а я себе брусничной возьму к оленине. Это настоящая русская кухня...

Пока они усаживались за столик – Власов выбрал местечко у окна, – у Гельмана ещё два раза звонили целленхёреры, сначала один, потом другой. Галерейщик каждый раз отделывался "спасибо – всё хорошо – всё после – у меня переговоры". Произносил он эти слова с такой интонацией, как будто стоял прямо посреди Тверской на разделительной полосе.

Появилась официантка в каком-то странном цветастом платье. Власов прищурился: похоже, это был намёк на цыганскую одежду, хотя не более чем намёк. Насколько было известно Фридриху, в прошлом столетии цыгане были популярны у московских и петербургских кутил, но та мода давным-давно прошла; отношение же к ним простого народа в России было традиционно скверным. В данном случае расовые законы легли на подготовленную почву.

Официантка принесла меню и две крошечные стопочки с кроваво-красной жидкостью. Власов понюхал жидкость и отодвинул свою стопку: от неё разило спиртом. Гельман же сразу же схватил свою, запрокинул голову и буквально вытряс её содержимое себе в рот.

– Как вы собираетесь ехать обратно? – насмешливо осведомился Фридрих. – Учтите – с пьяным водителем я не поеду. И более того – не имею права и вам позволить нарушать закон.

– А, ничего страшного, – отмахнулся галерейщик. – Никаких нарушений. Вызову одного мальчика, он нас отвезет. И, между прочим, почему сразу "с пьяным"? Всего-то стопочка для аппетита... Нет-нет, я понимаю, какие законы в *этой* стране, – он подчеркнул голосом слово "этой". – И вынужден им повиноваться. Я просто хочу сказать, что в нормальном мире давно нет этой вот паранойи. К примеру, во Франции вы можете совершенно легально садиться за руль после, скажем, бокала шампанского. И вино там наливают даже детям, и никто не делает из этого трагедии... Неужели вы даже шампанское не пьете? По праздникам, а?

– Не понимаю людей, которые берут такую вкусную вещь, как виноградный сок, чтобы превратить ее в такую дрянь, – искренне сказал Фридрих. – Помимо всех своих прочих недостатков, алкоголь еще и отвратителен на вкус.

– Ну, знаете, на вкус и цвет... – пробормотал Гельман и раскрыл черную кожаную папку с меню.

Изучение меню не заняло и пяти минут. Фридрих согласился на стейк из оленины под соусом из лесных ягод и напиток из лимонника. Гельман распорядился насчёт такого же стейка, долго выбирал напитки, о чём-то советовался с официантом. Потом снова затрезвонил целленхёрер, и у галерейщика начался очередной разговор.

Власов тем временем продолжал обдумывать ситуацию. Итак, сегодня он приглашён на ужин с Фрау. Приглашён почти вынужденно, спасибо Льву Фредериковичу. Что касается Гельмана... Власов прикрыл глаза и представил себе сцену: он разговаривает со старухой, но тут вмешивается галерейщик... он что-то говорит Власову, что-то резкое и неприятное... Власов чувствовал, что всё это как-то связано с фальшивым негром: хитрому юде зачем-то понадобилась эта сцена, он разыграл её в расчёте на что-то... но вот суть этого расчёта Власов не улавливал.

Меж тем, Гельман закончил свои переговоры. На этот раз он не просто сунул приборчик обратно в карман, а демонстративно его отключил.

– Задёргали, – пожаловался он, – сегодня весь день звонят. У меня сегодня днём художественная акция была, – объяснил он, – ну, вы знаете... а утром ещё эта лихачёвская книжка... А вечером я должен проследить за ситуацией на ужине. Вокруг Фрау очень много лишних людей.

– Вроде Льва Фредериковича? – усмехнулся Власов.

– Ну, от него мало вреда, – отмахнулся Гельман, – так, беспокойство разве что. Очень инициативный старикан. Говорят, он когда-то работал на какую-то серьёзную контору... Не знаю, не знаю, очень сомневаюсь. Но сейчас он почему-то вообразил... – тут у Гельмана зазвенел второй, невыключенный целленхёрер.

– Что? – закричал галерейщик, прижимая трубку к уху. – Не слышу! Кого? Направьте туда наших. Адвоката и ещё кого-нибудь! Что? Что? Не слышу!

Он бросил трубку на стол. Целленхёрер закрутился от удара.

– Очень плохо, – сказал он куда-то в пространство. – Плохо жить в стране, где нет искусства, – добавил он, несколько успокоившись.

– Кажется, – заметил Власов, – мы встретились возле музея? И не самого плохого?

– В музее есть картины, – раздражённо сказал Гельман, – кстати, в основном западные. Я не про то. Искусство – это деятельность. Это то, что существует сейчас. Если в стране нет художников, нет и искусства. Оно, конечно, может быть завезено извне... хотя ведь они и этого не хотят! Но нет, они борются с художниками, несчастные идиоты... Лучше бы они боролись с собственной глупостью и ленью. Знаете, – он попытался заглянуть Власову в глаза, – если бы я не знал, что всё это кончится вот-вот, я бы уже давно отсюда уехал. Куда угодно. Даже в Китай, и то лучше... Хотя нет: в Китае, конечно, то же самое. Музеи, музеи, музеи...

– Ну, положим, музеев у них не так много, – усмехнулся Власов. – Насколько мне известно, вся китайская культура пошла на продажу. Коммунистам нужна валюта.

– Может, и хорошо, – не поддержал Гельман, – что на продажу. Ну, продали они какие-нибудь вазы эпохи Мин, купил их какой-нибудь западный банк, поставил в холле. Богатые клиенты ходят, изумляются, читают табличку – "вазы эпохи Мин". Кто выиграл? По-моему, Китай. Потому что он распространил свою культуру, заставил западных людей интересоваться ею. А если бы не продал, эти минские вазы были бы никому не нужны и не интересны. И стоили бы они гроши, это я вам говорю как специалист. А так –

существует рынок китайского искусства, там идёт жизнь, крутятся деньги...

– Вы много говорите о деньгах. Вас они так интересуют? – прервал излияния Гельмана Власов.

– Меня интересует жизнь, – отбрил галерейщик, – а где начинается жизнь – там появляются деньги.

– Жизнь? – приподнял бровь Власов.

– Ну да, жизнь, – продолжал галерейщик, подливая себе ещё настойки. – Когда что-то происходит, понимаете? Вот вы – вы боретесь с изменениями, с любыми переменами, вам кажется, что они несут вам угрозу...

– Мне? – решил уточнить Фридрих.

– Ах, боже мой, ну не будем делать вид, что мы ничего не понимаем. Разумеется, я имел в виду не вас лично. Вы, вы все, то есть ваша контора, и всё то, что за ней стоит, что она защищает... или думает, что защищает. На самом деле ни черта она не может защитить, и вы скоро в этом убедитесь...

– Вы так в этом уверены? – иронически осведомился Власов. – Может, вам и подробности известны?

– Да полноте, вы и сами в этом уверены, только не признаётесь. Вся нацистская пропаганда основана на страхе перед будущим, вы не умеете и не желаете видеть перспективу. Простой пример, – зачастил Гельман, видя, что Власов собирается перебить, – эти ваши Три Портрета. Вы говорите о "тысячелетнем Райхе" – или теперь уже и не о тысячелетнем, вроде вы намерены существовать еще дольше? – и в то же время вводите этот совершенно нелепый обычай. Ну хорошо, сейчас портретов три, бог троицу любит, а дальше? Хоть кому-то в вашем Министерстве Пропаганды пришло в голову задуматься, как будет выглядеть кабинет среднего имперского чиновника через тысячу лет? Куда девать всю скопившуюся к тому времени галерею? Но мы говорили о деньгах. Так вот, недавно мой партнёр из Милана сказал, что рынок Пикассо стоит сейчас восемьдесят миллиардов долларов. Того самого Пикассо, которого вы, нацисты, называли дегенератом. Или Энди Уорхолл, его творчество стоит двадцать миллиардов. Я, пожалуй, ещё выпью.

Фридрих, прищурившись, смотрел на раздухарившегося галерейщика.

– И к чему все эти цифры? – наконец спросил он.

– К тому, – Гельман позволил себе добавить в голос немного раздражения, – что вещь, которая вам кажется грошовой, может при правильном менеджировании процесса стать дорогой.

– Какое отношение это имеет к искусству? – тем же тоном поинтересовался Власов.

– А разве это не искусство – взять тряпку, на которой что-то намалёвано, и в результате сложной работы сделать её бесценной? Искусство сейчас создаётся не в мастерских, Власов, оно теперь начинается как раз там, где кончается мастерская. Более того, мастерская всё больше мешает художнику. Знаете, был такой русский поэт, Маяковский, он сейчас забыт, потому что сотрудничал с большевиками, боже мой, кто же с ними тогда не сотрудничал, между прочим, Ахматова тоже, просто об этом сейчас не пишут... ну так вот, этот Маяковский написал однажды очень удачную строку: "Улицы – наши кисти! Площади – наши палитры!" Понимаете? И когда тупые полицаи разрушают творение искусства, меня это бесит!

– Это вы про площадь? – решил выяснить всё до конца Власов.

– И про это тоже. Ну кому придёт в голову арестовывать художника,

нарисовавшего, скажем, сцену убийства? Никому. А когда современные художники пишут картину своими телами, это считается хулиганством... или что им там в голову взбредёт. Наверное, политика. Они всегда озабочены политикой, хотя в ней ничего не понимают.

– А вы понимаете? – вставил своё Фридрих. Ему уже начал надоедать этот разговор.

– Да! Я понимаю в политике, в настоящей политике. Потому что политика – это не наука, так думают дураки. Это искусство! А в искусстве я, смею заметить, разбираюсь... В сущности говоря, нашу маленькую "Ингерманландию" тоже можно рассматривать как произведение современного искусства. Как художественный проект. И одновременно как проект политический. Ведь им руководят люди, профессионально занимающиеся именно искусством...

– Вы имеете в виду академика? – поднял бровь Власов.

– Дмитрий Сергеевич, – ухмыльнулся галерейщик, – милейший человек, очень его люблю. Его можно считать нашим лучшим произведением. Человек-акция, если вы понимаете, о чём я. Но я говорю о руководстве... точнее, о режиссуре этого спектакля. У любого спектакля есть режиссёр. И если вы хотите внести изменения в сценарий пьесы, нужно разговаривать об этом с режиссёром, а не с актёрами. Бессмысленно уговаривать театрального Отелло не убивать Дездемону. Он выслушает вас и продолжит озвучивать свою роль. Но если вы обратитесь к режиссёру с достаточно вескими аргументами, он может вмешаться в текст и сделать финал, скажем, не столь однозначным...

– Предпочитаю классику, – заметил Власов.

– Ой, не надо вот этого, – поморщился Гельман, – мы с вами деловые люди и прекрасно понимаем, о чём идёт речь. Вас послали сюда для переговоров, не так ли? Так давайте откроем карты. Насколько мне известно, ваше руководство...

Валяющийся на столе целленхёрер ожил, затрезвонил. Мюрат подхватил его и раздражённо рявкнул в трубку – "Я занят! Я на переговорах!"

В этот момент – как-то сразу, стремительно, с двух сторон – у столика появились люди в полицейской форме. В клубной обстановке они смотрелись совершенно неуместно.

Гельман, однако, не удивился.

– Ну что, – сказал он, растянув губы в презрительной усмешке, – по мою душу пришли?

– Вы – Мюрат Гельман? – поинтересовался один из полицейских, видимо, старший.

– Кто ж ещё, – галерейщик быстренько уронил трубку в карман. – Давайте уж без церемоний. Сейчас мы поедем в отделение, там вы предъявите мне обвинение, я его, естественно, опровергну... Извините, – обратился он к Власову, – это меня пришли арестовывать. Ничего, не в первый раз... Ещё раз извините. И не беспокойтесь за меня, к вечеру меня выпустят. Встретимся на ужине.

Он встал из-за столика, небрежно вытащил из кошелька несколько мятых купюр и придавил их тарелкой. Полицейские молча следили за сборами.

Когда галерейщик, сопровождаемый полицейскими, уже уходил, появился официант со стейками и кувшином с лимонником.

Фридрих решил хотя бы пообедать, если уж поговорить не получилось. Уходя, официант забрал прибор Гельмана вместе с оставленными деньгами.

Медленно пережёвывая стейк – тот оказался неплох, хотя и слегка пережарен, –

Власов сопоставлял сказанное Гельманом с теми сведениями, которые он почерпнул из разговоров с Эберлингом, а также с тем, что он знал о лихачевском кружке из документов.

Картинка упорно не складывалась. С одной стороны, всё, что он успел увидеть, выглядело откровенно несерьёзно, если не сказать резче. Компания престарелых фрондёров, заигравшихся в конспирацию, никому не нужных и вполне безопасных. Эта дурацкая книжка... – Власов достал из зелёного пакета "Исследования по структуре знаковых систем", повертел в руках, открыл на середине, наткнулся на слово "прапереживание" и тут же закрыл. С другой стороны, – Власов потянулся за напитком из лимонника, – по сведениям Эберлинга, у этих людей есть деньги... Опять же, Гельман с его подходами и намёками...

– И снова здравствуйте, милейший господин Власов! – задребезжало у него над ухом.

Фридрих вздохнул.

– Мы сегодня только и делаем, что здороваемся, Лев Фредерикович.

– Вы не возражаете, если я присяду? Очень уж нужно мне с вами пообщаться, – старичок, не дожидаясь согласия, устроился на том самом месте, где совсем недавно сидел Мюрат Гельман.

– Значит, сцапали нашего голубчика, – не без удовлетворения констатировал старикан, устраиваясь поудобнее. – По мне, так хоть бы и вовсе упекли. Да только к вечеру он выйдет. Ещё будет на ужине выдрючиваться, героем представляться. А чего ж не геройствовать, ежели у тебя дружки... знамо в каких конторах...

Власов понял.

– Вы думаете, – решил он брать быка за рога, – что Гельман работает на российские спецслужбы?

Старичок осклабился.

– Скажете тоже – "на спецслужбы"... Это в Берлине хорошо – если уж человечек работает, так, считай, на всех разом. Централизация и дисциплина. А мы тут в России-матушке по-другому живём. У нас важно, на *кого* человечек завязанный, с *кем* дела делает, – слова "кого" и "кем" старичок старательно подчеркнул голосом. – Тут всё больше работают не то чтобы на контору, а лично на Иван-Петровича. Или на Пётр-Иваныча. И между Иван-Петровичем и Пётр-Иванычем такая, извините, пропасть может лежать, как между Берлином и, скажем, Вашингтоном каким-нибудь. Ежели, конечно, формально подходить – то да, оба сотрудники. А на деле – у-у-у! – старичок изобразил пальцем сложную загогулину.

– Кстати, – прищурился Власов, – вы мне делали знаки... Откуда вы их знаете? И почему решили, что я их знаю?

– А как же, делал, – Лев Фредерикович повёл плечиком, – очень уж хотелось мне с вами поперёд того прохиндея побеседовать. Для взаимной, так сказать, пользы. Видите ли, я... как бы это выразиться... в общем, занимаюсь теми же делами, что и вы, только с поправочкой на масштаб. Вы о Райхе беспокоитесь, а я – об "Ингерманландии". Это, конечно, величины несопоставимые, вроде как слон и букашка. Но букашка, знаете ли, тоже живая тварь... и ей тоже нужна служба безопасности. Пусть маленькая, букашечья...

Фридрих посмотрел на словоохотливого старичка с интересом.

– Так я имею честь, – он поймал себя на том, что невольно воспроизводит словесные обороты Льва Фредериковича, – беседовать с сотрудником службы безопасности господина Лихачёва?

– С начальником службы безопасности, – поправил его старичок. – И не Лихачёва, а самой Фрау. Ну да об этом позже, время у нас ещё есть... Вам тут как? В смысле обстановки?

Власов решил, что старичок хочет увести его в этот свой "Норд". Идти никуда не хотелось.

– Мне здесь понравилось, – сказал он.

Старичок неожиданно улыбнулся.

– Вот и славно. Я, с вашего позволения, Фрау передам. Это ведь её заведение. Обстановку сама проектировала. Тут, кстати, в основном актёры работают, со студии. Фрау считает, что работа в обслуге очень развивает сценические способности. Ну, тут уж ей виднее... У меня, как вы понимаете, несколько другие задачи...

– "Аркадия" принадлежит госпоже Рифеншталь? – решил уточнить Власов.

– Вот именно, – подтвердил Лев Фредерикович. – Хотя Гельман тоже вложился деньгами. Ну и прослушку свою поставил. Только сейчас она того-с... – тут старичок нервно зевнул, показав челюсть, явно нуждающуюся в услугах стоматолога. – Так что я буду с полной откровенностью. Ну, вы мне, конечно, верить ни в чём не обязаны... но всё-таки.

– Ну что ж, – Власов отодвинул в сторону пустую тарелку. – Поговорим. Только давайте сначала представимся. А то я даже фамилии вашей не знаю. И на вопрос о знаках вы мне не ответили.

– Да какие у нас от вас секреты... Фамилия моя Калиновский. Предупреждая возможные вопросы – поляк. Но, как видите, обрусел до полнейшего неприличия. Чего меня занесло сюда – отдельная история, рассказывать долго, а у нас ещё дела есть... Да вы и сами понимать должны... – он заинтересованно заглянул в лицо Власова, ожидая реакции.

– Ну... – Власов потянул паузу, – я так понимаю, Фолшпиль?

– Именно, – кивнул Калиновский. – Так что про меня вы можете и сами узнать. Если досье не уничтожили. Ну да вы попросите начальство, небось не откажет... Вы ведь работаете на Мюллера, – это прозвучало не как вопрос, а как утверждение.

– Все мы работаем на Мюллера, – попытался отшутиться Власов, хотя прекрасно понял, что именно хотел сказать не в меру осведомлённый старик.

– Ну полноте, – Калиновский покачал головой, – я имел в виду – лично удостоены... Это, знаете ли, совсем даже другой коленвал, как сейчас молодёжь выражается...

– Простите, что-нибудь будете? – встрял не в меру услужливый официант. Власов поднял голову и увидел узкоглазого человека в китайском халате.

– Да, пожалуйста, воды без газа. И не зельтерской, а нашей какой-нибудь, из родника, и ещё лимончика для кислоты и льда побольше, – попросил старичок.

Официант поклонился и ушёл.

– Это был китаец? – зачем-то поинтересовался Власов.

– Калмык. Есть такая российская коренная народность. Фрау о них документальный фильм сняла, очень познавательный... Кстати, в Райхе его так и не показали. Из-за каких-то там безнравственных якобы сцен, – старик демонстративно скривился, давая понять, что не верит этому объяснению ни на грош. – А по моей прикидке, это Мюрат засветился. Он, понимаете ли, тогда был у Фрау в большом фаворе: нашёл, паршивец, деньги на Фестиваль немецкой культуры...

– Его же запретили? – не удержался Власов.

– Запретили, – почти радостно сказал старичок. – Признаюсь как на духу: лично тому поспоспешествовал через свои каналы. Чтобы такой подарок Гельману преподнести – да я, извините, лучше в петлю полезу...

– И за что вы его так не любите? – наудачу закинул вопрос Власов.

– Ваша вода, – прозвучало над ухом. Перед Львом Фредериковичем появился высокий стакан с водой и вазочка со льдом. В блюдце лежал тонко нарезанный лимон.

– Кхе, – Лев Фредерикович бросил щипчиками пару кусочков льда в воду. – Как бы это сказать... Не то чтобы вот прямо так и не люблю. Как выражаются американцы, ничего личного, – это было произнесено таким тоном, что Власов понял: личного между этими людьми накопилось предостаточно. – Скажем так: этот проныра суёт нос куда не следует и делает то, что может повредить Фрау и её супругу. Вот, к примеру, сегодняшнее безобразие. Я ведь уверен на все сто: в очередном интервью Лихачёв обязательно что-нибудь ввернёт по поводу преследований современного искусства. А какое это искусство? Самое обычное хулиганство, наказуемое согласно российским законам... Вы хоть видели, что они там натворили?

– Кто и где? – Власов понял, о чём идёт речь, но решил на всякий случай уточнить.

– На Дворцовой. Помните тех ребят в красном? Гельмановские. Арт-группа "Красные..." – извините, там дальше скверное слово, не люблю я этого... Вот они это самое скверное слово там и показывали. В смысле, выложили телами. Три весёлые буквы.

Власов понял и поморщился.

– Это у них называется, – с искренним отвращением сказал старичок, отпивая воду, – контемпорари арт. По-английски – современное искусство. Хотя чего ж тут современного-то. Когда слову тому самому сто лет в обед, его на заборах ещё при царе Горохе писали... Одно слово – дегенерация. Вот и извольте рассудить: ну за что мне этого самого Гельмана жаловать?

– Почему же тогда господин Лихачёв и его супруга его терпят? – спросил Фридрих.

– Э-э-э... Вот по вопросу сразу видно, что вы не в курсе. Иначе сказали бы – "наша Фрау и её супруг", – наставительно заметил Лев Фредерикович. Власов отметил про себя, что самого вопроса старичок предпочёл не заметить.

– Но вообще-то я не о том, – засуетился старичок. – Давайте всё же о деле.

– Давайте уж, наконец, – вздохнул Власов.

– Вам предстоят переговоры с Фрау, – произнёс Лев Фредерикович таким тоном, как будто речь шла не менее чем об аудиенции у какого-нибудь монарха. – И для всех нас важно, чтобы они прошли успешно. Впрочем, не для всех. У Гельмана и его партии свои интересы в этом деле. И они не совпадают ни с нашими, ни, смею заверить, с вашими. Вам знакома такая фамилия – Бобков?

Власов пожал плечами.

– Допустим, знакома, – сказал он, – и что?

– Ну вот и славно, – старичок сделал ещё один маленький глоток. – Так вот, генерал Бобков – человек широких интересов. В частности, очень интересуется современным искусством.

– Насколько я понимаю, ему это полагается по должности, – ответил Власов. – Но вообще-то он пользуется репутацией русофила. А эти господа, насколько я понимаю, не любят юде.

– Кто ж их любит, – скривился Калиновский. Власов внутренне подобрался: в

потешном говорке старика проскользнуло что-то очень личное и очень злое. Юдофоб? К тому же участие в Фолшпиле... н-да, может быть, всё соперничество с Гельманом объясняется этим?

– Да знаете как у нас говорят – "стерпится-слюбится", – продолжал Лев Фредерикович. – Ходят, ходят слухи...

– Слухи – это слухи, – отпарировал Фридрих. – Я, например, ничего не знаю о связях Гельмана с ДГБ. И даже если бы они были – ничего дурного я в этом не вижу. Сотрудничество с государством укрепляет государство. Вы против укрепления государства?

– Разве я что-то сказал о ДГБ? – хитро прищурился старичок. – Говорил же я вам: персонально на Петра Иваныча работает. То есть в данном случае на Филиппа Денисыча. Если угодно, личный консультант. Конечно, это не афишируется...

– Бобков себя демонизирует, – усмехнулся Власов. – Если верить слухам, он лично завербовал всех российских деятелей искусства. Включая вашего Президента.

– Михалкова-то? А что, вполне может быть. Ну да я не о том. Ситуация такова, что вам кое-что нужно – и мы можем вам это дать. Разумеется, не за красивые глаза. Я не уполномочен ставить вам условия, да и вообще говорить на эту тему, но хочу предупредить: Гельман в этом деле лицо заинтересованное, причём не только лично, но и со стороны своего покровителя. Сейчас он приложит все усилия, чтобы расстроить намечающееся соглашение. Или переключить все контакты на себя. Не хотелось бы... Да, вам он ведь передал...

Мимо столика пробежал официант-калмык, на этот раз без подноса. Поравнявшись со столиком, он затормозил, тронул старика за плечо, наклонился и что-то ему сказал – очень тихо, так что Власов не расслышал. Власову показалось, что старик кивнул, но спина официанта мешала.

– Простите великодушно, – сказал Лев Фредерикович, когда официант скрылся в какой-то служебной двери. – У меня, кажется, срочные дела. Не прощаюсь, сегодня ещё увидимся... На ужине будет интересно. Непременно, непременно вам надо быть, – последние слова он договаривал, уже вставая.

Фридрих проследил его путь взглядом. Старик не воспользовался обычным выходом, а юркнул в ту же дверь, что и официант.

Власов вздохнул. Позвал официанта, – на сей раз в арабском костюме, – и попросил счёт, закономерно рассудив, что Гельман расплатился лишь за себя. Фридриху не хотелось здесь оставаться.

Официант вернулся немного сконфуженный.

– Извините, – сказал он, – всё оплачено.

– Кем? – поинтересовался Власов.

– Не знаю, – официант сделал каменную физиономию. – А это вам лично, – сказал он, протягивая пластиковый прямоугольник. – Вы теперь почётный член нашего клуба. Подарок от владельцев, – со значением добавил он.

Власов покрутил в пальцах карточку. Она оказалась именной: на ней были выбиты его имя и фамилия. В левом нижнем углу чернела подпись Фрау.

Kapitel 34. Берлин, Райхенбергштрассе. 11 февраля. Позднее утро.

На улице было непонятно что – то ли погода поворачивала на настоящие заморозки, за минусовую отметку термометра, то ли просто воздух ещё не прогрелся.

Вдоль улицы разом протянуло холодом, потом ещё и ещё. Фишер поёжился и поднял воротник пальто.

Он стоял, прислонившись спиной к дощатой летней веранде кафешки с пошлым названием "Pigeon sauvage". Сейчас веранда была пуста: посетители, если таковые и были в этот час, грелись внутри. Можно было, в принципе, зайти. Что там внутри, он знал и так. Он провёл достаточно времени в кройцбергских забегаловках, чтобы досконально изучить их нехитрое устройство: три-четыре пластиковых столика, барная стойка, средней симпатичности девушка из восточных областей, полячка или украинка. В меню обязательно присутствует польская водка, чешское пиво, кровяная колбаса и какое-нибудь несвежее мясо с варёной капустой. Господин Йошка Фишер предпочитал заведения другого класса. Увы, главный редактор и фактический издатель единственной свободной газеты в Райхе должен беречь, как зеницу ока, репутацию бунтаря и отщепенца. К тому же большая часть людей, нужных для дела, обитает именно в Кройцберге.

Он выудил из кармана пальто целленхёрер. Французик не звонил. Плохо. Может быть, у него это... неприятности? Вроде бы не должно быть. Во всяком случае, если бы они что-то заподозрили... а они должны, просто обязаны подозревать, проверять, и прежде всего родственников и работодателей, семья и работа – ближайший круг, они вцепятся и будут трепать, трепать, трепать, эти холёные дойчские овчарки с их хвалёным нюхом на недозволенное... А ведь Жорж может наделать глупостей.

Ладони в перчатках слегка вспотели. Ощущение было неприятное, но перчатки снимать он не стал – мокрые руки на ветру замёрзнут сразу.

Фишер попытался представить себя со стороны. Вот он стоит – высокий, толстый, внушительный. Очки на толстой картофелине носа сидят чуть криво: надо бы заменить оправу, но он привык. На того лихого парня, который в молодости ездил на мотоцикле без шлема, курил на улице и даже просидел три месяца в кутузке за торговлю французскими эротическими журналами, он решительно не похож. Откровенно говоря, его это не радует. Профессиональный оппозиционер может выглядеть богемно, но ни в коем случае не буржуазно. Приходится придумывать всё новые кунштюки, чтобы поддерживать репутацию. Йошка должен оставаться Йошкой.

Нет, конечно, издателя "Либерализирунг" на самом деле звали Йозеф, как и полагается приличному дойчу. Однако сын будапештского мясника, перебравшегося в Райх уже после войны, не так давно демонстративно сменил имя на мадьярское – благо, законы Райха это позволяли. Неглупый ход: он разом выделился среди легиона Йозефов Фишеров и заодно получил возможность дать ещё несколько интервью западным СМИ. В передовице, посвящённой этому событию, он объяснил смену имени тем, что ему "стыдно быть дойчем, пока Дойчлянд угнетает другие народы, и прежде всего свой собственный народ". Этот абзац перепечатала даже "Нью-Йорк Таймс"...

Мучительно хотелось выпить. Зайти в этот чёртов "Голубь", сесть за столик, не снимая пальто. Вытереть руки салфеткой, заказать сто "выборовой" и бутербродов с сыром. Конечно, это не сыр. Увы, стоит согласиться с французиком: дойчи ничего не понимают в настоящей еде. Но бутерброды с сыром неплохи в качестве закуски, особенно если сыр поперчить... Ах, если бы ещё закурить. И чашечку хорошего кофе. Кофе без сигареты – деньги на ветер... Он знал пару мест в районе, где делают вполне приличный кофе за смешную цену, но не ходил туда специально, чтобы не растравлять себя. Diable, сколько лет прошло, а его лёгкие ещё помнят табак...

Холодный порыв ветра ударил в лицо. Фишер с раздражением повернулся к нему

спиной. Чертов Жорж настоял на встрече на улице, и придется ждать его здесь. Боится обсуждать дела в помещении, даже если это будет третьеразрядная кафешка, где единственные свидетели – полусонная официантка в пяти метрах за прилавком да какой-нибудь одинокий пьяница в углу. Пожалуй, пьяницу, если тот и впрямь там окажется, испугается даже в первую очередь – как же, отличное прикрытие для агента... Если ты такой трус, подумал Фишер с раздражением, нечего было лезть в эти игры. Впрочем, ту же фразу он мог адресовать самому себе, и в глубине души прекрасно это понимал. Под ложечкой вновь пополз противный холодок. Чтобы как-то отвлечься, Йошка принялся рассматривать стену соседнего дома. Ещё совсем недавно – он помнил – стена была исписана граффити на славянских языках. Теперь она была ровная и гладкая, укатанная казённым бежем. В середине красовалась чёрная надпись "Deutschland muss in Kreuzberg wieder erkennbar sein". Йошка усмехнулся: типично имперская деликатность, подчёркивающая угрозу. "В Кройцберге должны снова узнать Германию" – читай: "район должен снова стать дойчским".

Это были результаты недавней кампании. В последнее время в районе скопилось слишком много недойчского населения, которое вело себя чрезмерно вольно – например, позволяло себе говорить на своих языках в присутствии дойчей или писать непонятные надписи. На это смотрели сквозь пальцы, пока один честный бюргер, непонятно каким ветром занесённый в этот район, не умудрился обнаружить в нём подвальчик, где ему подали меню на польском. Бюргер подал в суд – который, разумеется, выиграл вчистую. Подвальчик закрылся. Возможно, на этом дело и кончилось бы, но про этот казус каким-то образом прознали консерваторы, и без того косо посматривающие на трудовую миграцию. Старая черепаха Ламберт разразился очередными речами на тему опасностей, угрожающих Райху от наплыва сомнительного расового материала с Востока, не желающего интегрироваться в дойчскую цивилизацию. Фон Фриш написал огромную статью о том, что в Берлине обнаружился "свободный от дойчей этнический район наподобие недоброй памяти юдского гетто" – и начал взывать к памяти Хитлера. Прочие тоже не отставали, особенно старался Ламберт-младший, зубами прогрызающий себе путь в большую политику.

Кончилось всё тем, что район был отдан райхсюгендовцам "для наведения порядка". Порядок и в самом деле был наведён – может быть, излишне решительно, но... Фишер попытался вызвать в себе хоть какое-то сочувствие к восточникам, но у него это не получилось. Он недолюбливал этих людей – шумных, грязных, не понимающих ни настоящего дойчского порядка, ни настоящей западной элегантности. Хотя их бабёнки кое на что годятся. По крайней мере, они нетребовательны...

Задребезжал целленхёрер.

– Это я, – задушенно пискнуло в трубке. – Ты на месте? На какой стороне улицы?

– На нечетной, – сердито буркнул Йошка. – Два раза ведь объяснил. И жду тебя, между прочим, уже почти двадцать минут.

– Ладно, – Жорж даже не стал огрызаться в ответ. – Сделаем так: сейчас я пройду мимо по другой стороне, вроде как тебя не вижу. А ты посмотри, нет ли кого за мной. Если все о'кей, звякнешь мне.

"Параноик, – подумал Фишер, – и дурак. Если его пасут, то и телефон наверняка слушают..." Но вслух он лишь проворчал: – Ладно.

Жорж появился минут через пять и с самым деловым видом протопал мимо, тщательно избегая смотреть в сторону "Голубя". Низенький, курчавый, со сливообразным

носом, засунутым в шарф, он напоминал юде, как их рисовали в старых книжках. Трудно было поверить, что в этом нелепом существе течёт половина дойчской крови.

Йошка, впрочем, не заблуждался. Маленький человечек мог быть опасен. Особенно сейчас, когда ему нечего терять.

Никакого хвоста за ним, конечно, не было. Фишер честно выждал с минуту, потом позвонил. Маленькая фигурка, уже почти скрывшаяся в конце улицы, повернулась, радостно замахала рукой – мол, наконец-то заметил старого друга, с которым чуть было не разминулся – и быстро зашагала обратно.

– Хай, – уверенно, по-западному поздоровался Йошка, тиская мягкую руку французика. Он намеренно сжал пальцы посильнее. Жорж не обратил на это внимания: его рука была вялой, как пучок лежалой моркови.

– Пошли куда-нибудь, – буркнул он, высунув озябший нос из шарфа.

Они пошли вдоль улицы, стараясь держаться посередине тротуара. Французик нервно семенил чуть впереди, то косясь на собеседника, то стреляя глазами по сторонам.

– Merde, – наконец сказал Жорж. – У меня обыск был. Все перетряхнули. Ничего не нашли, конечно, и не могли найти... Но все равно...

– А что ты хотел? – резко перебил Йошка. – После того, что... Ты хотя бы понимаешь, что ты наделал? – он понизил голос до хриплого шёпота.

– Я не виноват, – зашипел французик. – Это всё гадёныш...

– Идиот, – чуть повысил голос Фишер. – Ты должен был прийти ко мне сразу же, как только узнал, что глупая гусыня собралась в Россию. Я бы принял меры. Но ты решил, что это хороший способ переправить образец, не подвергаясь опасности. Ты обманул меня, Жорж, – заключил он. – Ты решил, что умнее меня, не так ли?

– Ты же не захотел делать это сам! – голос маленького человечка задрожал. – Ты должен был сам переправить эти дурацкие образцы!

– Я никому ничего не должен, Жорж, – Йошка Фишер смерил собеседника взглядом. – И я никогда не взял бы в руки... такие вещи, – закруглил он.

– Боишься... – протянул французик, вытягивая губы в трубочку.

– Да, – спокойно согласился Йошка. – И, в отличие от тебя, мне есть чего бояться.

– Ага, – забормотал Жорж, – ну конечно, тебя же так волнует дело... ради него стоит поберечь себя...

– Кажется, ты хочешь меня обидеть? – поднял бровь Фишер. – Что касается твоего дела...

– Нашего дела, – прошипел французик, не оборачиваясь.

Фишер усмехнулся.

– Строго говоря, – сказал он, – я здесь совершенно ни при чём. Сначала ты пришёл ко мне и рассказал фантастическую историю. Разумеется, я счёл её фантазией. Потом как-то раз, случайно, в разговоре с одним гостем из России, я её рассказал – просто как забавную байку. Что он там подумал, я не знаю. И знать не желаю.

– В эту историю, – прогнусавил Жорж, – не поверит и младенец. А люди из Управления не похожи на младенцев.

– Как знать, как знать... – протянул Йошка. – Разумеется, они не младенцы. Но, может статься, у меня найдутся кое-какие аргументы, которые сделают их чуть сговорчивее...

– Stinker, – тихо прошипел французик.

Йошка снисходительно улыбнулся.

– О, словечко из моей молодости. Оказывается, ты считаешь меня стукачком, Жорж? Я это как-нибудь переживу. А может быть, ты захочешь обвинить меня публично? Попробуй, мой дорогой, и ты увидишь, что из этого получится... А я могу позвонить в полицию хоть сейчас. Тем более, что в их списке ты и без того числишься подозреваемым. Скорее всего, главным. Тебя ещё не раскололи только потому, что никому не пришло в голову, какой же ты идиот. Дать образцы ребёнку, чтобы он увёз их в Россию – такое не пришло бы в голову даже Управлению.

– На это я и рассчитывал, – пробормотал французик. – Но ты что-то говорил про аргументы? Правильно ли я тебя понял? Значит, вот они где, высокие идеалы борьбы с нацизмом и всё такое прочее?

– Не строй из себя дурака, – резко сказал Фишер. – Ты прекрасно понимал, на каких условиях возможно издание нашей газеты. Меня и в самом деле волнует борьба. Сейчас "Либерализирунг" – единственная по-настоящему либеральная газета в Райхе. Её терпят только потому, что удобнее держать под колпаком нас одних, чем разыскивать по подворотням сотню отмороженных, распечатывающих на друкере примерно то же самое. Будет нужно – нас прихлопнут. Вообще, Жорж, сейчас не те времена, когда можно строить из себя независимого интеллектуала. Я уверен, что после референдума Шук затянет гайки, насколько сможет... И ты это прекрасно понимаешь. Так что контакты с Управлением – ещё не самая дорогая плата за гарантии неприкосновенности.

– Допустим, – Жорж передёрнул плечами. – Я не мальчик и знаю, как делаются дела. Но и ты не мальчик. Понятно, что ты работаешь на Управление, иначе ты не был бы главным редактором. Но только ли на него? Откуда у тебя все эти контакты?

Йошка Фишер с презрением посмотрел на маленького человечка.

– Лучше, – посоветовал он, – не интересуйся тем, что тебя не касается. Подумай о том, что я мог бы сдать тебя в тот же самый день, когда ты ко мне пришёл с этой историей. Я получил бы за твою линялую шкурку кое-какие деньги: Управление мне платит, а за такую информацию мне заплатили бы очень хорошо. Я бы ещё выторговал себе дополнительные поблажки по части дозволенного либерализма. Более того, я собирался так и поступить.

– Собирался? Но ведь ты этого не сделал, Фишер, не так ли? – сказал Жорж. – Вместо этого ты связался с Москвой, с этими людьми, а это большой риск даже для тебя. Ты жирная сволочь, Йошка, но ты не дурак. Значит, у тебя были причины. А если были, то, значит, и есть. Ты хочешь наварить, Йошка. Ты настолько хочешь наварить, что готов обманывать Управление... Так или иначе, давай договариваться. Или мы оба забываем об этой истории. Не вышло – значит, не вышло. Они не получают документации, мы не получаем денег. Или мы всё-таки делаем дело. Кстати, условие твоих друзей выполнено. Они хотели проверить качество товара – они его проверили. Засвидетельствовано русской полицией... ну, в каком-то смысле. Ты можешь с ними связаться?

Они дошли до угла. На нём виднелись следы свежей краски – похоже, ребята из Райхсюгенда закрашивали какую-то сомнительную надпись.

– Всё сложнее, чем тебе кажется, – сказал Фишер. – После того, что произошло, они наверняка захотят снизить цену на наш товар. Тебе придётся поумерить аппетиты.

– Снизить цену? А вот этого не будет, – насупился французик. – Мой друг очень нуждается в деньгах. Я тоже. Он не продаст документацию дешевле, я тоже не уступлю. Остаёшься ты, Йошка. Я не знаю, сколько ты положил себе лично – но, думаю, больше, чем нам обоим, вместе взятым...

– Ну, в принципе, это обсуждаемо, – неожиданно согласился Фишер. – Только мы должны обсудить это втроем. Ты, я и твой друг. Только так мы сможем прийти к справедливому компромиссу и получить гарантию, что никто никого не обманывает.

Французик впился глазами в господина главного редактора.

– Та-а-ак, – протянул он. – Ты всё-таки решил сдаваться. Сдать себя, меня, а заодно и К... – он поспешно закашлялся, маскируя чуть не вырвавшееся имя. – У тебя это написано на твоей предательской роже. Что ж, я понял. Попробую улизнуть. Шансов нет, но чем чёрт не шутит...

– Прекрати, – Фишер сделал шаг вперёд.

– Не подходи! – завизжал Жорж. Рука его метнулась к карману.

Йошка отшатнулся. Похоже, с опозданием сообразил он, маленький человечек вооружился. И может наделать глупостей.

– Не надо этого, – он постарался говорить как можно спокойнее. – Мы оба на нервах. Если мы будем кидаться друг на друга, то уж точно попалимся, – он специально ввернул жаргонное словцо времён молодости.

Французик все еще смотрел злобно, но, кажется, все же готов был внять умиротворяющей интонации. Господин Фишер, когда хотел, умел звучать убедительно.

– Знаешь что? – продолжал он. – Давай все-таки зайдем куда-нибудь, спокойно посидим, выпьем и перекусим. Лично мне надоело мерзнуть на ветру, да и у тебя, как я погляжу, сопля под носом.

Жорж поспешно шмыгнул и, не удовлетворившись результатом, быстро провел под носом пальцем.

– Не будем пока говорить о делах, – поощрительно улыбнулся Фишер, упреждая готовое вырваться возражение, – просто посидим. Ну хотя бы в том же "Голубе", рядом с которым мы встретились, – он повернул назад.

– Там в самом деле подают голубей? – французик оскалил мелкие зубы: он пытался шутить.

– Вряд ли, – серьезно ответил Фишер. – Но там, по крайней мере, нет ветра и есть водка. У меня есть деньги, – на всякий случай добавил он.

– На пару стопок водки у меня хватит и своих, – огрызнулся Жорж.

Они в молчании дошли до "Pigeon sauvage".

Внутри оказалось ровно то, что Фишер и ожидал: четыре столика, покрытые клеёнчатой тканью, стойка с пивными кранами и сонная девушка, как раз выходящая из кухни с пустым подносом. Посетителей не было.

Не раздеваясь, они молча уселись за угловой столик. Жорж подозвал девку и начал распоряжаться:

– Две рюмки "выборовой", побыстрее. Нет, пожалуй, возьмём графинчик... грамм на двести. Чесночные гренки, если они у вас приличные. Мне гороховый суп с копчёностями... есть у вас гороховый суп? Горячее закажем позже.

– Кофе. Черного, – попросил Йошка. Сорт он уточнять не стал, зная, что в таких заведениях кофе бывает ровно двух сортов: черный и с молоком. Одновременно он отметил про себя, до чего опустился французик: похоже, тот и в самом деле забыл вкус изысканной кухни и научился лопать всякую дрянь.

– Что носом вертишь? – схамил Жорж. – Я и в самом деле замёрз и голоден. И намерен пожрать горячего и сытного, а буайбес здесь, очевидно, не подают... – чуть ли не потирая руки от предвкушения, он встретил глазами девицу с подносом, на котором

стояли лафитники и не очень чистый графин с прозрачной жидкостью. Едва все это перекочевало на клеёнку, Жорж, не дожидаясь помощи девушки, поспешно наполнил свой лафитник и опрокинул водку в рот.

– Дрянь какая, – поморщился он, вытирая рот салфеткой. Девушка подошла снова, на сей раз с дымящейся чашкой кофе на маленьком круглом подносе. Фишер понимал, что это обычная растворимая бурда из краника, и все же не без удовольствия потянул носом ароматный пар. Затем неторопливо поднес чашку к губам и сделал маленький глоток. Вкус, разумеется, оказался хуже, чем запах. Возможно, стоило все-таки взять с молоком...

Жорж смотрел на него через стол – смотрел теперь уже даже весело.

– Так, значит, надумал сдаваться, а, Йозеф? – осведомился он, явно забыв о своем намерении не рассуждать в таких местах о делах. – Я тебе вот что скажу – это не я идиот, это ты идиот. Думаешь, они припомнят тебе былые заслуги? Ты был им полезен? Использованный гондон в процессе тоже был полезен, – Жорж широко улыбнулся своему остроумию. – Управление и не мечтает о таком подарке, как поймать одного из лидеров оппозиции на... таком деле, – он все же вспомнил об осторожности. – А другого стукача на твое место найдут всегда, уж этого добра у нас хватает. Что молчишь? Или надеешься – твой Отто тебя отмажет?

Грязные стены кафешки в глазах Фишера качнулись.

– Сиди на попе ровно, – голос французика стал откровенно глумливым. – Я многое про тебя знаю, мой бывший друг и бывший начальник. Зря, очень зря ты убрал меня из газеты.

Йошка тем временем лихорадочно просчитывал варианты. На кого работает Жорж? Если он знает о покровителе Фишера, значит, это не мелкий полицейский агент. Впрочем, мелкий полицейский агент не смог бы ничего разнюхать... Значит, французик сумел зацепиться за серьёзных людей, которые то ли копают под консерваторов, то ли ищут какие-то каналы... Нет, скорее копают: выйти на контакт с восходящей звездой НСДАП несложно... Чего ему всё-таки надо? Неужели просто вернуться в газету? Или?..

– Ты сам виноват, – Фишер решил избрать тактику контрнаступления. – Не спорю, ты был отличным журналистом и хорошо знал настоящий Запад. Но ты абсолютно лишён чувства дисциплины. Ты срывал сроки сдачи материалов, пил на рабочем месте, устраивал безобразные сцены... Когда же я узнал, что ты избиваешь женщин...

– Ну и что? Я садист и никогда не скрывал этого. Особенно от друзей, – с издёвочкой сказал Жорж. – Ты убрал меня, когда решил, что я могу залезть в твои дела. Ты уже тогда был продажной сукой, Йозеф. И жадной сукой к тому же. Ты не хотел ни с кем делиться, вот в чём проблема.

– Я оставил тебя внештатником, – напомнил Фишер. – И платил жалованье твоей бездарной бабе, воображающей себя журналисткой.

– Нет, дружище, – всё тем же тоном продолжал французик, – это ты сам окружил себя бездарностями. Фри тебя вполне устраивала. Об неё можно было вытирать ноги, не так ли? Сказал бы мне спасибо за её воспитание... Но не виляй, Йозеф. Я сказал тебе одну конкретную вещь, которую ты тщательно скрываешь. Я знаю, что в последнее время ты нашёл себе нового патрона. Ты работаешь на Ламберта-младшего, сына Клауса Ламберта. Которого ты и твоя газета в течение многих лет поливают дерьмом и представляют исчадиями ада... Тебе интересно, откуда я это узнал? Не так ли?

– Да, я понял, – ответил Йошка. – Ты тоже работаешь на кого-то. Не на Управление, иначе я был бы в курсе. И этот кто-то ищет подходы к Ламберту – старшему

или младшему. Вся эта история с наркотиками и документацией – крючок, не так ли? Что ж. Ты оказался ловчее, чем я ожидал. Хорошо, обсудим условия. Но сначала давай выпьем, – он решительно отставил в сторону кофейную чашку.

– Первое дельное предложение, которое я слышу от тебя за сегодняшний день, – хмыкнул Жорж, беря графин за горло. Тот отлип от клеёнки с неприятным чмокающим звуком.

– Долго ещё мне будут нести мой суп? – закричал он девушке.

– Да, да, сейчас, – та закивала головой, как китайский болванчик, и быстро скрылась за дверью кухни.

Французик наполнил свой лафитник, потом – Фишера.

– За что пить будем? – осведомился Жорж. – За свободу – не прозвучит, за успех наших планов – тоже как-то не ко времени... За здоровье только осталось. Выпей-ка, дружочек, за моё здоровье. Выпьешь?

Фишер промолчал. Он коснулся пальцами своего лафитника, приподнял над скатертью, но пить не спешил. Французик решительно поднес стопку ко рту, но вдруг остановился, подозрительно глядя на бесцветную жидкость.

– Что-то здесь душно... – пожаловался Жорж. – Чуешь, как парит?

– Д-да, пожалуй, – согласился Йошка, не так уж сильно кривя душой. Его сердце билось быстрее обычного; он вновь ощутил холод в животе и одновременно неприятное тепло, подступающее к щекам. На лице Жоржа тоже выступил нездоровый румянец. Фишер поставил нетронутую стопку на стол и решительно поднялся. – Ты извини, мне в туалет надо...

– Не хочешь пить... за мое... здоровье? – Жорж, казалось, пьянел на глазах, хотя казалось невероятным, чтобы его так развезло с первых пятидесяти граммов.

– Мы выпьем, – бормотал Фишер, торопливо пробираясь мимо него, – только подожди меня... Я скоро.

Все убыстряя шаг, он пересек крохотный зальчик и нырнул в короткий коридор с двумя дверями по бокам. Потянув на себя дверь с буквой "М", он услышал позади шум падающего тела. Йошка поспешно скользнул в туалет и закрыл за собой дверь. Что сейчас будет происходить в зальчике, он не знал и не хотел знать.

* * *

...Жорж потряс головой, приходя в себя. Две или три секунды он соображал, где находится и что здесь делает. Он сидел, уронив голову на грудь; ощущения было такое, будто кто-то со всей дури приложил его по башке чем-то тяжёлым. Он хотел поднять руку и потрогать голову, но что-то ему помешало. Кое-как сфокусировав взгляд, он понял, что сидит в каком-то кресле, одетый в нечто вроде медицинского халата, а его руки... руки были пристегнуты к подлокотникам. Нет, не наручниками. Какие-то широкие металлические захваты... Он пошевелил ногами, пытаясь сдвинуть кресло с места. Из этого ничего не вышло – оно словно вросло в пол. Кроме того, он почувствовал, что бос, и... кажется, под халатом на нем вообще ничего не было.

– Не дергайся, – сказал холодный голос у него за спиной. – Это все равно бесполезно.

– Где я? – пробормотал Жорж. Ничего более умного не пришло ему в голову.

– Подними голову и осмотрись, – предложил голос.

Пленник с трудом поднял глаза. Он находится в маленькой и плохо освещённой комнате без окон. В противоположной стене была железная дверь. У стены слева стояли

кушетка, застланная клеенкой, и блестящий металлический шкаф – похоже, запертый. Перед Жоржем и чуть левее, примерно в метре от него, стоял медицинский столик-каталка, на который была неряшливо свалена одежда. Его одежда. Внезапно он напрягся: из кармана плаща выглядывала рубчатая рукоятка пистолета. Оружие было так близко – и в то же время совершенно недосягаемо.

Справа от каталки на полу лежал предмет, который Жоржу не понравился. Это был черный пластиковый мешок в рост человека, с приглашающе расстегнутой молнией.

– Сейчас ты будешь отвечать на вопросы, – констатировал голос. – Отвечать правду, только правду и всю правду. От этого зависит, что будет надето на тебе, когда ты покинешь эту комнату. То, что слева, или то, что справа.

– Фишка! – яростно воскликнул пленник; язык еще путался в словах, но сознание уже работало вполне ясно. – Сукин сын! Он не собирался меня сдать! Он *уже* меня сдал!

– Соображаешь, – в интонации голоса впервые появилось нечто, похожее на эмоции. Пожалуй, это было насмешливое удовлетворение. – Разумеется. Ваша встреча была нужна лишь для того, чтобы ты оказался здесь.

– Значит, он подмешал мне... Но ведь он не мог. Я следил за ним, у него не было возможности...

– Его задачей было только привести тебя туда. Добавить в водку соответствующий препарат распорядился я.

– Значит, та девка в кафе – из ваших? – не удержался Жорж, не задумываясь над тем, как связаны лишние знания и продолжительность жизни.

– Само собой. Но ты, похоже, забыл, кто здесь задает вопросы... – на сей раз интонация была столь недвусмысленной, что Жорж поспешно пискнул:

– Я всё расскажу!

– Именно что всё, – строго сказал голос. – Начнем с этой дурацкой истории со штриком. Насколько я понял, вы вместе с Фишером собрались продать в Россию большую партию этой дряни?

– Нет, – француз тяжело вздохнул. – Возить наркоту – это самоубийство, мы бы на это никогда не пошли. Просто у Йошки был контакт с тамошними людьми, которых интересовало производство штрика.

– Для того, чтобы производить штрик, нужна химическая лаборатория экстра-класса, очень хорошие специалисты и недешёвые реактивы, – заметил голос.

– В том-то и дело! – Жорж подался вперёд, холодный металл впился в запястья. – У меня есть выход на человека, который знает, как делать эту штуку буквально на коленке.

– Вот как? Неизвестный химический гений? И он не нашел ничего лучшего, чем связаться с тобой? Пожалуй, у тебя не сходятся концы с концами – а ведь я предупреждал, что будет, если ты будешь врать...

– Выслушайте меня! – закричал Жорж. – Выслушайте до конца, и вы всё поймёте! Однажды у меня не было денег, совсем не было...

... В тот прошлогодний хмурый понедельник у него и в самом деле не было ни гроша. Франциска имела наглость купить себе какую-то дорогую тряпку вместо того, чтобы отдать ему очередной гонорар за статью. Разумеется, он её избил, но вся добыча в итоге составила десять марок и горсть пфеннигов. Старые друзья, которых он обзвонил, слыша его голос, тут же находили себе занятия поважнее. Один типчик, который был ему всем обязан, даже имел наглость вспомнить о каких-то незначительных суммах, которые он якобы когда-то давал ему, Жоржу, в долг. Банковские кредиты были закрыты для

Жоржа много лет назад: в проклятом тоталитарном государстве банки имели общую клиентскую базу, так что та дурацкая история с двумя тысячами марок (для лопающейся от жира дойчской экономики – исчезающее малая величина), к тому же выплаченных (да, через суд, но это, в конце концов, не так важно!), так и висела над ним дамокловым мечом. Подходили сроки оплаты коммунальных услуг – а это было чревато уже крупными неприятностями. Как ни крути, а ситуация была аховая.

Старый друг-враг Фишер, перекрестившийся в Йошку, снизошёл до того, чтобы посулить Жоржу полполосы в следующем номере. Платил Фишер мало и нерегулярно, особенно внештатникам, но это было лучше, чем ничего. Тем не менее, деньги нужны были сейчас. Хвалёное дойчское социальное государство могло терпеть долго, но не бесконечно. Жорж истощил его терпение.

Он долго тянул, хотя хорошо понимал, что быстрое и нехлопотное решение его проблемы есть. Просто ему не хотелось в очередной раз им пользоваться.

...Лаборатории Йозефа Менгеле считались гордостью Райха: выпускаемые по их лицензиям лекарственные средства пользовались абсолютным авторитетом во всём мире. Возможно, по этой причине американцы постоянно распространяли слухи о том, что Менгеле и его выученики проводят изуверские опыты над заключёнными и отбракованными младенцами первого года жизни, а также над собственными сотрудниками. Этим слухам, впрочем, способствовала репутация Менгеле: по всеобщему мнению, он был фанатиком, способным ради интересного результата на что угодно. Ему приписывались слова, якобы сказанные на Всемирном медицинском конгрессе в ответ на обвинения в неэтичных методах исследований: "Ученый должен думать о научном результате, а о морали пусть беспокоятся священники!" Эту цитату западные издания постоянно воспроизводили как образчик нацистского цинизма. Как бы то ни было, правда состояла в том, что Лаборатории и в самом деле проводили эксперименты над людьми – совершенно законно, с юридически заверенными документами и за вполне приличные деньги. Жорж не первый раз обращался к этому способу заработка – пока здоровье позволяло. К тому же ему везло: он ни разу не напоролся на какую-нибудь серьёзную пакость.

Жорж позвонил прямо от Франциски. Через несколько перекидок номеров он вышел на уже знакомый по прошлому опыту отдел. Там его, увы, не порадовали: на контроле имелись всего три серии новых препаратов, все относительно безвредные, но и платили за них немного. С другой стороны, выбирать не приходилось: деньги были очень нужны.

Через два часа Жорж сидел в приёмной вместе с парочкой таких же, как он, бедолаг, и заполнял бланк стандартного отказа от претензий к Лабораториям в случае ущерба для жизни и здоровья. Окинув взглядом прочих претендентов на деньги доктора Менгеле, Жорж понял, что шансы попасть в группу испытуемых есть только у него: от одного из претендентов пахло алкоголем, у другого был слишком уж нездоровый вид. Так и вышло: после короткого осмотра лаборантом Жоржа взял молодой медик, представившийся как Кшиштоф Лемех и объяснивший, что речь идёт о новом успокаивающем препарате, проверяемом на общее действие.

Доктор, похоже, не был формалистом. Вместо долгой и скучной процедуры – которую Жорж хорошо знал – он уже через полчаса, пройдя самую краткую проверку здоровья, подставлял сгиб локтя под иглу.

А ещё через пять минут он лежал в реанимации.

...Штрик представляет из себя смесь нескольких веществ. Главными действующими компонентами являются анандамид и бета-ремизин. Синтез анандамида относительно несложен – при наличии соответствующих реактивов это можно сделать на лабораторном столе. С ремизином дело обстояло иначе: бета-форма (то есть транс-изомер ремизина), начиная с 1988 года, когда англичане впервые опубликовали данные об этом веществе, выщелачивалась из семян тропических растений. Впоследствии в США разработан и синтетический метод его получения – очень сложный и дорогой, к тому же требующий промышленного химического оборудования.

Мало кто знал, что проблема эффективного синтеза бета-ремизина была давно решена – ещё в начале пятидесятых сотрудники Йозефа Менгеле разработали простую и изящную схему его получения: одно время его пытались использовать как стимулятор активности коры головного мозга. Разработка могла иметь военное значение и потому была засекречена. Желаемый результат достигнут не был, все документы были отправлены в архив, где о них вскорости благополучно забыли.

Кшиштоф Лемех, выходец с восточных земель (он родился в Диршау и получил образование в Данциге), устроился на работу в лаборатории Менгеле в конце восьмидесятых. Устроился на должности младшего ассистента, с полным пониманием того, что его происхождение, образование и связи (точнее, их отсутствие) вряд ли дадут ему шанс сколько-нибудь продвинуться по служебной лестнице. Однако хороший заработок и многочисленные льготы – сотрудники лабораторий, согласно дитлевскому закону о "научных направлениях особой важности", были в этом отношении приравнены к госслужащим – были слишком привлекательны. До поры до времени, разумеется. Очень скоро младший ассистент понял, что столичная жизнь требует немалых расходов. Поэтому он охотно согласился на нудный, но недурно оплачиваемый приработок: контролировать перевод очередной части лабораторных архивов с бумажных носителей на электронные.

В его обязанности входила сверка сложных структурных формул, заносимых в базы данных, а также контроль наименований соединений: многое из того, что было выделено и синтезировано в те годы, сейчас получило совсем другие имена и названия. Именно таким путём в июне девяностого года к нему в руки попала пожелтевшая папка с грифом секретности устаревшего образца и описанием экспериментов с "веществом 3YRTD-61", включая технологию производства, описание свойств, данные экспериментов и всё прочее. Интересно было то, что при обращении к базе данных выяснилось, что структурная формула вещества 3YRTD-61 соответствует бета-ремизину. Как раз в девяностом в Америке вышли "Сатанинские голоса" Маккены и начался скандал. Дойчские СМИ охотно комментировали происходящее – дурацкая книжка, написанная под воздействием наркотика, неплохо иллюстрировала тезис о гнилости Запада. Никаких подробностей о наркотике широкой публике, естественно, не сообщалось, но в кругах специалистов обсуждалось и само пресловутое вещество. Образования и квалификации Лемеха хватило, чтобы понять, на что именно он наткнулся.

В принципе, следовало бы доложиться по начальству. Лемех так и сделал бы, да помешала допущенная им мелкая нечестность: дело в том, что он, в нарушение правил, работал с базой не только сверхурочно, но и в рабочее время. Это было нарушением трудового соглашения. Плохо было то, что время работы с базой автоматически фиксировалось. В случае проявленного начальством интереса кто-нибудь мог обратить внимание на то, какие именно часы были проставлены в записях. Дальше можно было

поднять базу полностью и выяснить, что младший ассистент Кшиштоф Лемех украл у своего работодателя известное количество человеко-часов, которые он должен был бы проводить в лаборатории. В лучшем случае это грозило штрафом и удержанием части зарплаты, в худшем – увольнением. Поэтому молодой сотрудник ничего не сообщил наверх, ограничившись рутинными процедурами: закрытием очередного раздела базы и отправкой на уничтожение бумажного оригинала документа.

Кшиштоф Лемех считал себя честным человеком. И уж, безусловно, законопослушным. Он очень хорошо знал, что ждёт любого изготовителя и распространителя наркотиков в Райхе, и вовсе не желал себе подобной участи. Он постарался забыть об опасном секрете, который случайно узнал.

Однако совсем забыть не получалось. Скандал с книжкой Маккены довольно быстро сошёл на нет, но в дешёвых детективах, будь то книги или фернзесерии (Лемех любил в свободное время и то, и другое), рядом со словом "наркотики" регулярно звучало слово "деньги" – причём речь шла об очень больших деньгах.

Он смотрел фернзеер, где очередной ведущий, обличая атлантистские нравы, рассуждал о безумных барышах наркоторговцев, о тайных лабораториях в джунглях, о миллионных состояниях, нажитых преступным путем – и не мог отделаться от мыслей, что он, Кшиштоф Лемех, обладает тайной, которая, наверное, стоит целую кучу денег: любой наркобарон отвалил бы за дешёвый и простой рецепт производства основного компонента штрика немалую сумму... Правда, его тайна в любой момент могла потерять в цене: те же самые богатые наркобароны наверняка финансируют исследования в области производства штрика, и рано или поздно воспроизведут процесс, уже когда-то открытый умными дойчскими биохимиками. Рано или поздно... и кто-то загребёт на этом большие деньги. Очень большие деньги.

Которые могли бы принадлежать ему.

Он гнал от себя эти мысли, но они возвращались и назойливо кружили в голове, как жирные навозные мухи. Кружили и жалили.

Да, конечно, наркотики – это ужасно... в Райхе, среди цивилизованных и порядочных людей, наркоманам не место. Но где-нибудь там, за его пределами... Перед глазами Лемеха вставали соблазнительные картины из любимых им детективов. Вот он передаёт какому-нибудь черноусому латиносу несколько листков бумаги и получает саквояж, набитый долларами... Нет, скорее он получит пулю в лоб. Значит, сначала саквояж, потом листки... Нужен какой-нибудь посредник или надёжная схема... Или того лучше: американский нарко-босс, с огромной сигарой, переводит на его секретный счёт миллион долларов... Хм, а как он переведёт эти деньги в Райх? Ничего, оформим документы якобы на наследство, в этих западных странах всё продаётся и покупается, и вот он уже возвращается в Берлин богачом... Нет, так, наверное, тоже не получится, есть же какие-то проверки... Или... Да можно найти способ. Главное – не прозевать, не пропустить шанс, который даётся раз в жизни... Да, страшно, но кто не рискует, тот не пьёт шампанское. В конце концов, он же не собирается становиться наркоторговцем! Всего лишь продажа информации, не более того... Они ничего не узнают, ничего и никогда, только нужно обделать всё ловко... Такой шанс выпадает раз в жизни, и то далеко не каждому...

Все эти мысли медленно, но верно разъедали душу. К концу девяностого года честный, законопослушный райхсгражданин Кшиштоф Лемех, что называется, окончательно созрел.

Начав думать на эту тему всерьёз, он довольно быстро понял, что, прежде чем предлагать кому-либо рецепт, нужно сначала изготовить какое-то количество наркотика и продемонстрировать его действие возможному покупателю. Желательно, конечно, было сперва убедиться во всём самому. Поначалу Лемех думал изготовить небольшое количество штрика и попробовать его на себе: другого выхода он не видел. Тем не менее, вкалывать себе наркотик не хотелось. Лемех отчаянно боялся стать наркоманом.

Но тут как раз подоспел удачный случай. Лаборатории открыли новое направление исследований, перебросив туда часть наиболее толковых сотрудников. Возникшие вакансии заполнили уже зарекомендовавшими себя работниками. Лемех получил повышение: он стал старшим ассистентом с правом ведения собственных исследовательских работ. В частности, он был допущен к экспериментам на людях. Имея в виду тот факт, что испытуемые подписывали комплект бумаг об отсутствии претензий и неразглашении деталей опытов и были морально готовы к неприятным ощущениям, а также учитывая особенности действия штрика, можно было быть уверенным, что всё пройдёт гладко...

О трех процентах людей, на которых штрик либо не действует, либо действует нестандартным образом, Лемех не знал.

... – Дальше понятно, – задумчиво произнес голос. – Насколько я знаю порядки у Менгеле, ситуация, когда подопытный чуть не отдал концы, считается чрезвычайной, особенно для безрецептурных лекарств. А там, кажется, тестировалось успокоительное? Но всё равно вывернуться было можно. Ты вообще ничем не был опасен этому Лемеху. Ну, нетипичный аллергик. Бывает.

Жорж, несмотря на своё незавидное положение, довольно ухмыльнулся: похоже, ему было приятно вспоминать об этой части истории.

– Теоретически – да. Но меня вытаскивали из аллергической комы, а это очень неприятно. Я решил, что это стоит дороже, чем обозначено в ихнем прейскуранте. Поэтому, когда я пришёл в себя, то связался с Йошкой, и мы вместе кое-что придумали. После чего я заявил тому парню, что напишу в "Либерализирунг" статью. О том, как я чуть Богу душу не отдал за гроши. А Фри прокомментировала бы это своими соображениями. Например, теми, что лаборатории Менгеле давно пора поставить под общественный контроль, ибо неизвестно, что они там на самом деле испытывают – лекарства или яды для ликвидации политических противников... Ну, это так, намёком, – пояснил он. – Я бы отредактировал так, что никакой суд не доказал бы...

– Допустим, – прервал его излияния голос. – Но, я так понимаю, ты не собирался писать ничего подобного? Ты хотел слегка пошантажировать руководство лаборатории?

– Ну да. У них и без того скверная репутация. Они обычно стараются решать все дела без лишней огласки. Я просто хотел получить небольшую материальную компенсацию за свои неприятности, вот и всё... Но этот тип, Лемех, жидко обгадился, когда узнал про такой поворот. Он, видимо, решил, что его сейчас возьмут за гузку и будут трясти, пока не вытрясут всю правду... С другой стороны, он просёк, что я журналист из "Либерализирунг" – и уж, наверное, у меня есть какие-то связи с Западом. Имперская пропаганда постаралась... В общем, он мне во всём признался. После чего я согласился забыть об этом эпизоде и удовлетвориться обычной компенсацией. Ну и помочь парню в его маленьком гешефте.

– Быстро же ты сориентировался. И что, с этой историей ты пришёл к Фишеру?

– А к кому же ещё? У меня нет и не было никаких связей, тем более за границей. А

Йошка в молодости был леваком, доставал где-то табак, ну и вообще... – французик пожал плечами. – К кому мне ещё было идти?

– Ну что ж, – констатировал голос, – до сих пор ты говорил правду. Продолжай в том же духе, и выйдешь отсюда живым.

До пленника запоздало дошло, что по крайней мере часть того, что он только что рассказал, допрашивающему уже была известна от Фишера. Но Жорж и не собирался ничего перевирать или утаивать. Он был полон самого горячего желания сотрудничать.

– Откуда ты узнал про то, что Йошка сотрудничает с Отто Ламбертом? – прозвучал следующий вопрос.

– Через Франциску, – признался Жорж. – Она следила за Йошкой. Подслушивала разговоры в его кабинете и всё такое.

– Очень интересно. По чьей инициативе?

– По моей. Йошка вышвырнул меня из редакции. Я хотел накопать что-нибудь на эту сволочь. Ну, она постояла у него под дверью, кое-что услышала...

– Мило, – теперь в интонации незнакомца обозначилась ирония. – Ничтожная мышь, на которую никто не обращает внимания, пользуется дедовскими средствами – ухом и замочной скважиной. Но Фишер никогда не называл имени Ламберта, говоря с ним по телефону. Как же она получила сведения об Отто?

– Она обыскала кабинет Йошки, – охотно пояснил Жорж. – Кажется, сделала копию ключа.

– Ага. То-то Фишер жаловался, что кто-то украл его старую записную книжку... А ты ведь не догадывался, что твоя жёнушка вошла во вкус? И стала куда больше думать о себе и своих интересах?

– Догадался. Когда она собралась лететь в Москву, – признал очевидное Жорж.

– Интересно, каких ещё дел она успела наделать в Москве. Не удивлюсь, если она и там заберется в чужие апартаменты... Однако ты все еще не ответил на вопрос. Как она узнала имя Отто Ламберта? Неужели Йошка вёл какие-то записи?

– Фри пересняла для меня его ежедневник, – поведал француз. – У нее всегда было плохо с техникой, половина страниц вышла не в фокусе... Но свежую запись: "Для О, про отца, полоса" я разобрал. Между прочим, эту самую полосную статью писал я. По личной просьбе Йошки. Про Ламберта-старшего. Неплохо вышло, правда? Я его там назвал самым опасным врагом дойчской свободы. Я так понимаю, в консервативных кругах обратили внимание на такой комплимент от либералов?

– Ты кому-нибудь говорил об этом?

– Нет, – без промедления ответил Жорж. Он не сопроводил это никакими клятвами – в них не было нужды. Он и так знал, что ему верят. И изо всех сил хотел оправдать это доверие.

– Но она сама, очевидно, все знает.

– Нет, – возразил Жорж. – Эта глупая курица очень боялась, что ее застукают, и страшно спешила. Она только щелкала страницы, у нее не было времени их читать. А когда она вернулась, я сразу забрал у нее аппарат. Он вообще-то мой.

– Ты в этом уверен? В том, что она сама не поняла, что накопала?

– Иначе она подняла бы скандал. Она Йошку давно терпеть не может за соглашательство с режимом, а уж раскопав такой компромат, как его сотрудничество с одним из лидеров ультраправых, ну или с его сыном... о, тут бы она своего не упустила.

– А о штрике она тоже ничего не знает?

– Конечно, нет!

– Хорошо... – задумчиво произнес голос. – Ты говорил правду. И, как я и обещал, выйдешь отсюда на своих ногах.

Жорж почувствовал, как его затопляет горячая волна благодарности.

– И это еще не все, – продолжал голос. – Похоже, Фишер заигрался. Пора кончать с этим предателем.

– О да! – с энтузиазмом согласился Жорж.

– Но он занимает важный пост, – рассуждал вслух голос. – Пост во главе "Либерализирунг". Это очень ответственная работа, особенно в преддверии референдума. Чтобы убрать Фишера, надо найти достойного кандидата ему на замену, – неизвестный помолчал, давая Жоржу обдумать услышанное, а затем произнес то, на что тот едва смел надеяться: – Этим кандидатом можешь стать ты.

– Да! – воскликнул французик. – Я не подведу!

– Уж постарайся не подвести. Сейчас ты встанешь, оденешься и выйдешь отсюда через дверь перед тобой. Поднимешься по лестнице, потом от выхода пойдешь направо до угла и еще раз повернешь направо. Отсчитаешь восемь домов. В девятом будет кабачок "Рыцарь и конь". Ты войдешь туда. Фишер сидит там. Ты подойдешь вплотную и выстрелишь ему в голову. Не забудь перед этим громко сказать, за что ты его убиваешь. За то, что он предатель и стукач, верно?

– Именно так, – подтвердил Жорж. – Предатель и стукач.

– Возможно, кто-нибудь попытается тебе помешать. Не позволяй им сделать этого. Не доставай пистолет до тех пор, пока не подойдешь к нему – но уж после того, как достанешь, ни в коем случае не выпускай оружие из рук. Ни в коем случае.

– Не выпущу, – заверил Жорж.

– Молодец, – похвалил голос. – Сделаешь все, как надо – и станешь главой "Либерализирунг". И все девки в редакции будут твои. Ты сможешь делать с ними всё, что захочешь. *Всё,* – повторил голос со значением. – Ты все понял? Теперь иди и делай, что должен.

Металлические захваты на руках Жоржа щелкнули и разошлись. Он поднялся из кресла и, чуть поколебавшись, неуверенно оглянулся. За его спиной никого не было. Только глухая стена, в которой чернел дырчатый кружок репродуктора.

Жорж шагнул к каталке, сбросил на пол халат, торопливо оделся. Сунул руку в карман плаща; твердая рубчатая рукоятка приятно холодила руку. Нет, сейчас нельзя доставать пистолет, только когда он подойдет к Фишеру... Скоро, очень скоро этот стукач получит по заслугам. Жорж быстрым шагом подошел к двери. Она оказалась не заперта.

* * *

Отто Ламберт посмотрел, как закрылась дверь, и выключил монитор. Нетипичная реакция на штрик – это, конечно, интересно, но, к счастью, существуют и другие психотропные препараты. Причем лучше изученные и более доступные в Фатерлянде. И труднообнаружимые при патологоанатомическом исследовании, ибо в основе их вещества, вырабатываемые в организме естественным образом, и их ближайшие аналоги...

А Фишер и в самом деле заигрался. Отто уже не раз думал, что рано или поздно от этого скользкого типа придется избавляться. Правда, смерть главы "единственной свободной газеты Райха" была крайне невыгодна политически, особенно в преддверии референдума. Даже произойди она во сне от абсолютно естественных причин – ясно, что все недоброжелатели как внутри страны, так и за ее пределами обвинят в этом власть. Но

если его при свидетелях застрелит кто-то из своих, обвинив при этом в предательстве и доносительстве – это совсем другое дело. Причем можно будет подкинуть заинтересованным лицам и доказательства сотрудничества Фишера с РСХА – реальные, не сфабрикованные. Либералы в итоге будут выглядеть в этой истории скверно, с какой стороны ни посмотри. Правда, вопрос о преемнике Фишера остается открытым, и не факт, что его удастся столь же быстро и успешно приручить. Но это уже неизбежные издержки.

Итак, через несколько минут из трех человек, знающих тайну дешевого штрика, в живых останется один. Сотрудник Лабораторий Менгеле Кшиштоф Лемех. Единственный, кто знает сам рецепт производства. Пока останется...

Отто сожалел, что приходится действовать подобными методами. Не об этих двоих – что Жорж, что Йошка представляли собой типичный человеческий шлак, да и Лемех, в общем-то, тоже – а о самом факте привлечения к делу наркотика. О нет, конечно же, в Райхе этой дряни не будет. Этого он не допустит никогда. Но и вовсе отказываться от такого источника финансов было бы неразумно. Естественно, не для личного обогащения. Но операция в России потребовала серьезных вложений, и не все из них можно покрыть за счет ресурсов отца. Кое-где Отто пришлось залезть в общественную казну, и эти недостачи надо возместить быстро, пока они не вскрылись. У него были кое-какие идеи на сей счет, но *так* – гораздо проще. И если ради великой цели сдохнет несколько десятков или сотен русских наркоманов – что ж, здоровые арийские силы от этого только выиграют. В том числе даже в самой России.

"Поступай так, как поступил бы на твоём месте суверенный Господин всего мира, прими на себя эту ответственность – и в этом ты обретёшь источник морали и права" – очень кстати вспомнилась дитлевская классическая цитата.

Что ж, он готов действовать именно так.

Kapitel 35. Тот же день, ближе к вечеру.Санкт-Петербург, переулок Освободителей, 4 (Рифеншталь-фонд, монтажная студия Лени Рифеншталь).

Световой карандаш коснулся стекла монитора, вызывая программу монтажа. Как обычно, наверху развернулась зона проекта, внизу открылись полоски аудио– и видеоспуров, справа – параметры рабочей среды.

Фрау Рифеншталь потянулась к наушникам. Поймала себя на мысли о том, как выигрышно смотрелась бы её рука в кадре. Тонкие пальцы, унизанные старинными перстнями, на фоне серебристых овалов, соединённых чёрной дугой: прошлое и будущее, живая традиция, овладевшая суперсовременными технологиями, хороший символ, нужно это как-то использовать... Кольца очень удачны, задают тему круга и овала, но лучше не золото, а платина. Платина и что-то чёрное. И сменить маникюр с фиолетового на серебристый... или тоже чёрный? Радикально, но она всегда была радикальной. Даже не так: всё чёрно-белое... и какое-нибудь цветовое пятно. Только не красное, это она уже использовала в "Ночном патруле". Та самая сцена, вошедшая в учебники – белое распластанное тело женщины, бьющееся об неё чёрное тело мужчины в униформе, чёрная мебель, белые стены, и на переднем фоне – ярко-красное надкушенное яблоко на полу. Тогда они потратили сутки, чтобы направить узкий луч света прямо на нужное место яблока, но кадр того стоил. Французы стонали от восхищения. Бодрийяр назвал это "лучшей сценой изнасилования в мировом кинематографе"... Нет, только не красное. И не синее. И, разумеется, не зелёное – она ненавидит зелёное, салатный цвет хромокея.

Жёлтый. Даже, скорее, оранжевый. Что-то оранжевое... и сильно контрастирующее по смыслу с рукой и наушниками.

Да, она это снимет. Сейчас. Это пойдёт в конец фильма.

Фрау переключила тумблер на монтажном пульте. Через минуту – за это время она успела переключить монтажную схему на другой плац – из переговорника послышался заспанный голос, говоривший по-русски:

– Да, я. Что случилось?

– Иван? Через три часа съёмочную бригаду ко мне в маленькую студию. По свету нужны два "корыта" и прожектор с фильтрами. Мне также нужна хорошая маникюрша. И кольцо из платины моего размера.

– Фрау, – голос стал совсем недовольным, – простите, но я спал всего три часа. Я потратил всю вчерашнюю ночь на подготовку вашего ужина... Повторите, пожалуйста, ещё раз.

– Вы что, не включили запись, Иван? – в голосе Фрау зазвенел металл.

– Включил, включил... Я не понял, какое нужно кольцо.

– Платиновое. Мне на указательный палец. Гладкое или с каким-то простым рисунком. Пожалуй, руна. Какая – я ещё не решила. Когда поедете в ювелирный, позвоните мне, чтобы уточнить. Разрешаю звонить по целленхёреру. Ненавижу это устройство, – как всегда добавила она. – Там на месте решим.

– Это придётся в Пассаж ехать, – предупредил собеседник. – Они там чёрта лысого склепают, но обдерут как липку. Может, всё-таки серебро поставим?

Лени Рифеншталь немного подумала. Денег осталось мало, к тому же её капризы всегда дорого стоили. Последний транш от Варвары Станиславовны так и не поступил: вредная старуха даёт деньги только на политику, а не на искусство... Гельман что-то крутит, жалуется на Бобкова и на проблемы с клиентурой... Надо бы сказать Калиновскому, чтобы тот накрутил прыткому юде хвост... Может быть, и впрямь серебро? Тем более, для пятисекундной сцены... Любой на её месте...

– Нет, платина, – распорядилась Фрау. – Слава Богу, у меня ещё остались кое-какие средства. Выполняйте.

– Есть, – переговорник щёлкнул и отключился.

Лени Рифеншталь откинулась в кресле. Она знала, что безотказный Иван сейчас всё организует – как обычно, наилучшим образом. И она снимет ещё несколько кадров своего фильма. Фильма о себе. Великий режиссёр снимает кино о великом режиссёре. Впрочем, нет. Когда фильм выйдет, она станет чем-то большим, чем великий режиссёр. Она станет режиссёром великих событий. То есть политиком. Настоящим политиком мирового уровня. Как тот, великий, о ком она сняла свои первые ленты.

Фрау прикрыла глаза, привычно помассировала лицо – подбородок, щёки, от крыльев носа к вискам, лоб. Осторожно коснулась жиденьких седых волос. В последнее время волосы начали вылезать. Красные таблетки стоили дорого, но помогали держаться в форме. Вот только волосы... С ними надо что-то делать. Она должна выглядеть хорошо. Особенно в ближайшие годы, когда, наконец, настанет час её триумфа. Впрочем, какой час? Она войдёт в вечность, сопричастится сонму небожителей, творцов истории, прикоснувшихся к шарниру времён...

За спиной послышалось шарканье старых, усталых ног.

Лени даже не повернула головы.

– Дмитрий, – сказала она по-русски, – я не разрешала тебе появляться в этой

комнате. У меня сейчас съёмка.

Обычно после такой отповеди старик разворачивался и плёлся к себе. Но не на этот раз.

– Лени, – сказал Лихачёв, – нам необходимо поговорить. Серьёзно поговорить.

Фрау брезгливо скривилась. На академика иногда накатывала какая-нибудь блажь. Русские называли это "духовностью" – или "совестью"? Во всяком случае, они это очень ценили.

– У тебя есть пять минут, – недовольно сказала она. – У меня монтаж, а потом съёмка.

– Нет, Лени, – обычно робкий голос академика задрожал от чего-то, отдалённо напоминающего негодование. – У меня будет столько времени, сколько мне понадобится. На этот раз твои дела подождут.

– Это ещё что такое? – Фрау развернулась в кресле и увидела, что её супруг, оказывается, успел сесть на операторский стул. Это было странно. Он хорошо знал, что садиться в студии Лени имеют право только те, у кого есть место. Для Дмитрия Лихачёва в студии места не было. Поэтому он должен был стоять. Но на сей раз он, кажется, решил взбунтоваться. Что ж, решила Фрау, бунт она подавит, как и раньше. Но сначала выяснит причины. Это всегда полезно.

– Я тебя слушаю, только быстрее, – распорядилась она.

– Нет, я буду говорить так, как мне удобно, – заупрямился старик.

Лени промолчала. Она знала, что её молчание действует на Дмитрия сильнее слов.

– Лени, – начал старик, волнуясь и чуть сбиваясь в гласных. – В последнее время я перестал понимать, что мы делаем.

– Что мы делаем? – саркастически переспросила Фрау. – Мы реализуем твои идеи, Дмитрий. Ради этого я тружусь как проклятая. Поэтому не мешай мне трудиться. Сейчас у меня съёмка.

– Нет, Лени, нет. Я не понимаю, какое отношение к моим идеям имеет твоя деятельность. Особенно в последнее время. И мне это... – он сделал паузу, подбирая выражение, – очень не нравится.

Фрау вздохнула. Похоже, неприятного разговора всё-таки не избежать. В последнее время Дмитрий совершенно отбился от рук и начал взбрыкивать. Похоже, на него кто-то дурно влияет. Кто? Гельман? Дмитрий его терпеть не может. Старик Калиновский? Этот вполне предан. Может быть, Варвара? Старая перечница, интриганка, манипуляторша. Но она сидит на кассе конструктивистов, откуда идёт часть средств на текущую деятельность организации. Конфликтовать с ней нельзя, её нужно тихонько отжимать... Ладно, выясним. Сейчас нужно быстро решить проблему с мужем.

Фрау потянула уголки губ в стороны. Тощее злое личико со следами многочисленных подтяжек сморщилось, изображая улыбку.

– Знаешь, Дмитрий, я иногда тоже перестаю понимать, что делаю... Может быть, я ошибаюсь. Может быть, ошибаешься ты. Может быть, мы все ошибаемся. Мне остаётся только верить. Я верю в тебя. Ты указал нам путь, Дмитрий. А теперь я буду делать свою работу.

Она отвернулась к монтажному столу.

– Но, Лени! – голос старика сорвался на визг. – Это, в конце концов, бесцеремонно! Я же прошу меня выслушать!

– Хорошо. Я тебя слушаю, – Фрау не повернулась, зная, что вид её спины

действует на академика угнетающе.

– Послушай меня, пожалуйста. В последние годы я наблюдаю странную тенденцию. Ты окружила себя подозрительными и опасными людьми. Например, этот Гельман. Он юде и к тому же жулик, если не подозревать нечто худшее... Но ты ввела этого подозрительного субъекта в наш ближний круг. Мне это неприятно, и я тебе неоднократно об этом говорил. Ты мне отвечала, что Гельман нужен. Зачем и кому он нужен, Лени? Я так и не получил ответа на этот вопрос.

– Он нам нужен для влияния, – туманно ответила Фрау. Она никогда не отвечала на такие вопросы прямо.

– Я это уже слышал. Ты намекала, что Гельман сотрудничает с некими людьми, которые могут быть нам полезны. Скажи, кто эти люди и чем они нам полезны? Если ты имеешь в виду этого полицейского чина, чьё имя я не хочу произносить...

Фрау невольно улыбнулась. Дмитрий Сергеевич и в самом деле отличался редкостным идеализмом – на грани идиотизма. Впрочем, в той игре, которую она вела, это его свойство оказалось чрезвычайно ценным. В абсолютной искренности академика Лихачёва не сомневался, кажется, никто – даже политическое руководство России.

– ...то этот чин не совершил ничего такого, что оправдывало бы эти сомнительные контакты, – тем временем закончил свою фразу Лихачёв и тут же принялся выстраивать продолжение:

– К тому же я не понимаю, какую роль при тебе играет господин Калиновский. Это весьма подозрительный субъект. Варвара Станиславовна неоднократно мне жаловалась на его нескромность.

Лени решила, что при первом же удобном случае оторвёт вредной старухе голову. После того, как получит от неё давно обещанный транш.

– Но это ещё не всё! – возвысил голос старик. – Что делают среди нас сотрудники берлинского политического сыска?

На этот раз Лени развернулась и посмотрела мужу в лицо. Это уже становилось интересным.

– Кого ты имеешь в виду? – спросила она.

– Будто ты не знаешь! – обрадованный реакцией, зачастил академик. – В прошлом году в Москве ты общалась с неким Вебером. Потом тут крутился еще какой-то тип... кажется, его фамилия была Эберлинг. А сейчас я узнал, что сюда прибыл человек по фамилии Власов, но всё из той же зловонной конторы...

– Откуда ты узнал? – подалась вперёд Фрау.

– У меня есть свои источники, – надулся от гордости Лихачёв, всем своим видом демонстрируя, что он никогда их не назовёт.

– Значит, Варвара, – заключила Лени. – И что же тебе сообщили твои источники?

– Что этот субъект уже получил приглашение на наш прощальный ужин! – возмутился академик. – Так вот, я не потерплю!

На эти слова Лени всегда реагировала одинаково. Она никогда не позволяла произносить их безнаказанно.

Фрау сняла с ноги туфлю и швырнула в лицо супруга. Потом сняла вторую. Встала. Босиком прошлёпала по холодному полу, подошла к рефлекторно поднявшемуся академику и ударила его туфлей по лицу.

– Ты будешь делать то, что я говорю, – прошипела она по-дойчски, – ты будешь делать то, что я говорю, мразь, подонок, ничтожество, идиот... – из неё сыпалась и

сыпалась брань, едкая, ядрёная, и каждое слово сопровождалось ударом по лицу Лихачёва. Пока тот не закрылся руками и не заплакал.

Лени обняла старика, стала гладить по седым волосам. Лихачёв доверчиво потянулся к ласке.

– Тебе трудно, – бормотала старуха, – тебе трудно... Нам всем трудно... Ты должен... Мы все должны...

Магическое слово "должен", как всегда, сработало. Академик несмело улыбнулся, потирая щёку.

– Сегодня ты не пойдёшь на ужин, – сообщила ему супруга. – У тебя остались следы на лице. Но ты сам виноват. Ты меня оскорбил. Ты виноват. Ты сам виноват во всём. Теперь мы не сможем быть на ужине вместе, из-за тебя. Мне так стыдно.

– Да... – бормотал старик, – да... Стыдно... Но я ведь только хотел...

– Мне надо побыть одной, – фрау Рифеншталь решила, что сцена закончена и можно вернуться к делам. – Иди к себе. Я скажу гостям, что ты плохо себя чувствуешь.

Зазвонил целленхёрер.

– Да, – сказала режиссёрша, – это ты, Иван? Сколько они хотят? О дьявол. Хорошо. Пусть на кольце будет руна... Пожалуй, "Лагуз".

Kapitel 36. Вечер того же дня. Санкт-Петербург, переулок Освободителей, 4. (Рифеншталь-фонд, зал приемов).

Огромная хрустальная люстра, напоминающая то ли витрину дорогого магазина на Тверской, то ли экзотический летательный аппарат, была первым, что бросалось в глаза при входе в зал. Она висела под потолком, удерживаемая тремя массивными бронзовыми цепями. Власов попытался вспомнить, где он в последний раз видел нечто подобное. Кажется, у старухи Берты – у неё, правда, люстра была поменьше, но той же породы. В Берлине, Варшаве, даже в безнадёжно провинциальной Праге он никогда не встречал ничего подобного. Впрочем, Россия – всё-таки не провинция, а самостоятельная страна. Наверное, решил Фридрих, это какая-то местная мода на ретро. Тем не менее, смотреть на люстру было неприятно.

Фридрих отвел от нее взгляд и принялся осматривать зал.

Честно говоря, он опасался, что Фрау устроит старомодный Abschiedfeier – "прощальный банкет" по полной форме, с длинным столом, серебряными приборами и заранее расчисленными местами для гостей. Власов вообще не любил церемонных мероприятий, а главное – на приемах такого рода ты оказываешься в жесткой зависимости от своего места и практически лишен возможности общаться с кем-либо, кроме соседей. Но мероприятие оказалось фуршетом в западном стиле. Вдоль стен, оставляя середину зала свободной, протянулись столы, уставленные лёгкой холодной закуской с редкими вкраплениями больших, закрытых блестящими металлическими крышками емкостей с горячим. В четырех углах располагались минибары , где расторопные официанты в белом (белыми были даже их "бабочки") регулярно и ловко наполняли выставленные перед ними рядами рюмки и бокалы. К столам были придвинуты стулья с высокими резными спинками, но их было мало – предполагалось, что гости будут не столько сидеть, сколько стоять, ходить и разговаривать.

При этом средний возраст гостей Фридрих оценил как "за пятьдесят", хотя попадались и молодые лица. Кое-кого из присутствующих он уже видел утром в магазине,

но в целом было заметно, что клуб поклонников Лихачева и салон его супруги – это пересекающиеся, но отнюдь не тождественные множества. Среди гостей явно не было представителей той породы буржских интеллигентов, что обитает в убогих комнатенках каких-нибудь развалюх, помнящих еще Достоевского, и имеет из мебели только книги. В костюмах приглашенных к Фрау не наблюдалось единого для всех стиля, но все были одеты недешево и со вкусом. Фридрих обратил внимание на нескольких высохших подтянутых стариков в парадных мундирах Вермахта и Кригсмарине – впрочем, один из ветеранов был, напротив, не в меру располневшим, что особенно бросалось в глаза из-за его невысокого роста; ему бы следовало надеть штатское, подумал Власов с неудовольствием.

Лихачева нигде не было. Несколько человек из его партии растерянно топтались возле дальнего столика, общаясь друг с другом. Судя по лицам, они были не очень-то довольны.

Зато, разумеется, присутствовала Фрау. Вовсю присутствовала, сказал себе Власов, несколько греша против литературной нормы. Но в данном случае это было уместно. Госпожа Рифеншталь, в строгом черном платье, восседала в конце зала в высоком кресле с алой обивкой и густой позолотой, покрывающей деревянные части – казалось, оно попало сюда прямиком из Эрмитажа. На коленях хозяйка вечера держала тарелку, на которой можно было разглядеть одинокую оливку и кусочек сыра.

Старуха, что называется, производила впечатление. Власову она показалась похожей на какую-то хищную птицу, высматривающую добычу: именно так она оглядывала зал.

Вокруг её трона были расставлены стульчики и табуреточки, на которых сидели – как птички на насестах, готовые вспорхнуть по первому знаку – какие-то люди, в основном женщины, видимо, особо приближённые к Фрау. Где-то рядом, не отдаляясь слишком далеко, чтобы не выходить из поля зрения хозяйки, маячил деятельный Калиновский, занимающий разговорчиками слабый пол. Он совершенно преобразился – теперь на нем был черный фрак, и огоньки люстры отражались в черном лаке его туфель. Доносились отдельные русские и дойчские слова. Старикашка, похоже, корчил из себя дамского угодника.

Власову показалось, что он поймал взгляд старухи. И прочёл в нём явственно – "подождите, потом".

– А, вот и вы, Фридрих Андреевич! – донеслось сбоку. Власов без удовольствия обернулся. К нему лихо подруливал Гельман, держа в руках два хрустальных бокала, наполненных чем-то темно-красным. Галерейщик выглядел бодрым и не слишком пострадавшим в полицейских застенках. Он даже успел переодеться – на нём был серо-стальной пиджак, судя по силуэту, итальянский. Было заметно, что пиджак Гельману широковат в плечах и узковат в талии.

Власов не слишком удивился: он понимал, что ушлый юде наверняка выпутается из неприятностей. Как и то, что Гельман, взяв Власова в оборот, так просто от него не отстанет. У него явно был какой-то свой интерес, не вполне понятный, но отчётливо ощутимый.

И еще – Фридрих точно помнил, что не говорил Гельману своего отчества. Стало быть, информацию о нем действительно кто-то слил заранее.

– Пойдемте к столу, – Гельман, похоже, взял на себя функцию распорядителя. – И позвольте предложить вам... – он протянул один из бокалов.

– Я уже говорил вам, что не... – сердито начал Власов, но был поспешно перебит:

– Это безалкогольное! Эльзасское безалкогольное красное вино. Очень полезно. Попробуйте, не пожалеете.

Фридрих взял бокал, осторожно принюхался, пригубил.

– Действительно, неплохо, – согласился он. – Лишний раз доказывает, что, чем меньше в напитке спирта, тем он приятней на вкус... Хорошо, что по Женевскому договору Эльзас остался нашим. Французы бы в жизни не додумались производить такой продукт. Для них, наверное, кощунственна сама идея.

– Ну почему же? – не согласился Гельман. – Французы его и производят. Их там еще много осталось, далеко не все уехали после войны. Просто они имеют дойчское гражданство...

– Вот именно. Имеют дойчское гражданство, подчиняются дойчским законам и вообще существуют в пространстве дойчских ценностей. И хотя сухой закон в число таковых, к сожалению, пока не входит, французского культа спиртного у нас нет. Кстати, безалкогольное вино – это чисто дойчское изобретение. Технологию придумал доктор Карл Юнг, еще в начале века.

На сей раз Гельман не стал спорить и молча осушил свой бокал, содержимое которого, как догадывался Фридрих, было отнюдь не безалкогольным. Стоило галерейщику поставить бокал на стол, к которому они как раз подошли, как в его кармане в очередной раз ожил целленхёрер, и Гельман, сделав извиняющийся жест, вступил в очередные переговоры. Власов не слишком огорчился и стал присматриваться к соседям. Среди таковых обнаружились Варвара Станиславовна (она сидела, сосредоточенно ковыряясь вилкой в каком-то сложном салате), молодой человек немногим старше двадцати со светлыми в рыжину волосами, лобастый, в некрасивых очках с пластмассовыми дужками, сидевший с тарелкой в руке справа, вполоборота к старухе (похоже, он только что что-то втолковывал своей соседке), мужчина со светлой густой шевелюрой и бородой, чем-то напоминавший новгородского купца (выглядел он на сорок с лишним, но Власов подумал, что без бороды он наверняка окажется моложе), и высокая худая дама в темно-зеленом, с длинным лицом и длинными тонкими пальцами, какие обычно называют артистическими (эта, напротив, выглядела моложе своих лет, и лишь присмотревшись к морщинкам у глаз и коже на шее, можно было понять, что ей около пятидесяти). Стульев за этим столом было только три, но один оставался свободным и придвинутым к столу; вероятно, мужчины, включая и Гельмана, не занимали его в присутствии стоявшей дамы, а та, в свою очередь, тоже по каким-то причинам не хотела садиться. Фридриху были чужды подобные рыцарские предрассудки (имеющие, кстати, мало общего с поведением исторически достоверных рыцарей), но он тоже остался на ногах, решив, что так будет удобней беседовать, а также и перейти отсюда в другое место, если там покажется интереснее. Он коротко кивнул в знак приветствия и взял с блюда с фруктами мандарин.

Тем временем Гельман на удивление быстро закончил свои переговоры, ухватил с подноса проходившего мимо официанта широкую рюмку (на сей раз с белым вином) и залпом осушил ее. Власов понадеялся, что теперь тот представит его соседям, но галерейщик рвался возобновить прерванный разговор.

– Так о чем бишь мы? – повернулся он к Фридриху. – Ах да – о французах. Вы, в общем-то, правы – это еще один народ, способный на что-то путное только под чужим руководством. В данном случае дойчским, но это неважно...

– В данном случае, – усмехнулся Власов, – скорее американским, если говорить о территории самой Франции. И я бы не назвал результат особенно путным...

– Главное, что не своим собственным, – отмахнулся Гельман, игнорируя последнее замечание. – Сами по себе французы не способны управлять государством. Наполеон ведь тоже не был французом, он был корсиканцем... А когда французы предоставлены сами себе, они могут только пить вино, танцевать канкан и устраивать революции. Нет, я, конечно, ничего не имею против канкана, а также хорошего вина, даже если оно красное, – галерейщик, кажется, пытался каламбурить, – просто вот вам, пожалуйста, еще одна нация, органически неспособная господствовать даже над собой, не говоря уж о других – когда она пытается делать последнее, выходит особенно комично... от Канады до Алжира... Вполне европейская нация, заметьте, без всякого деструктивного влияния азиатских орд, на которые так любит ссылаться Алексей, – Гельман взглянул на бородатого. – До Парижа монголы не дошли.

– Вы, Мюрат, – бородач легким смешком подчеркнул французское имя оппонента, – как обычно, передергиваете. У Франции было немало исторических успехов. Если рассуждать по вашей логике, то скорее ваших любимых англосаксов придется признать государственно несостоятельными, поскольку они проиграли французам сперва битву при Хастингсе, а затем Столетнюю войну...

– Ой, ну какие норманны французы, я вас умоляю! Они викинги. Варяги, если угодно. А Столетняя война только подтверждает мой тезис. Имея такой численный перевес, на своей собственной территории ковыряться больше ста лет... и что в итоге? Когда королевство приходится спасать какой-то деревенской девке с эпилептическими припадками – это, по-вашему, государственный успех? Это водевиль! Комедия делль арте! И ее же, кстати, в благодарность и сожгли. Не англичане сожгли! Хотя они, конечно, поспособствовали. Но приговор был вынесен французским судом, и французский король пальцем не шевельнул, чтобы ее спасти! Тут тоже, между прочим, просматриваются прямые исторические аналогии... вон ту рыбку не передадите? – последнее было адресовано Власову.

Фридрих с усмешкой протянул ему тарелку и спросил: – Так к чему вы, собственно, ведете?

– К параллелям с "еще одним народом", который не решается назвать вслух, – подал голос молодой человек справа. Фридрих отметил, что есть в его голосе нечто неприятное.

– Отчего же не решаюсь? – возразил Гельман. – Да, я говорю о русских. Нет, я не хочу сказать, что они какие-нибудь там унтерменши, ненаучность подобных взглядов давно доказана... Народ как народ, хотя жулья хватает. Не лишенный талантов. Есть культура, есть наука... ну, не такая, как у нас, конечно, – слово "мы" было ввёрнуто так, что Фридрих так и не понял, кого же именно галерейщик имеет в виду, – а вот культура замечательная. Я люблю Достоевского. Предпочитаю его любому дойчскому романисту. Музыка неплохая, Мусоргский, Стравинский. Конечно, я имею в виду, – он сделал округлый жест рукой, – классику. Современная культура в России и не начиналась. Я вам, кажется, говорил: если в стране нет художников, в ней нет искусства. Но, по крайней мере, у нас осталась водка. Есть тут водка? Нет? Жаль, очень жаль, значит, и её не осталось...

– По-моему, вы и так многовато пьете, – заметил Власов.

– У меня был тяжёлый день, – отбрехался Гельман. – Представляете, меня

продержали в обезьяннике три часа. Вот, пожалуйста, типичная русская бестолковщина.

Власов не понял, что такое "обезьянник", но догадался, что это имеет отношение к полиции.

– Насколько мне известно, вы были задержаны за нарушение... – начал он, но Гельман махнул рукой.

– Да какая разница, за что... В нормальной стране меня бы выпустили через полчаса. Или судили бы за те же полчаса. Но здесь, в *этой* стране... Дело в том, что русские в принципе не способны к управленческой работе, – продолжал разглагольствовать Гельман, жуя миногу и махая в воздухе грязной вилкой в такт собственной речи. – Они не умеют наладить дело. Это, знаете, как музыкальный слух. У нас, дойчей и юде, он есть... – он закашлялся. На скатерть полетели комочки пережёванной еды.

Фридрих молча пододвинул к нему салфетницу. Гельман, поблагодарив небрежным кивком, вытряхнул из кольца салфетку, помазал ей по губам и небрежно бросил на стол. Ему хотелось говорить.

– Каждый народ, – галерейщик поднял палец и уставился на него, явно нацеливаясь на небольшую речь, – имеет свой набор сильных и слабых мест. Например, негры хорошо играют в баскетбол, а юде плохо играют в баскетбол. Зато юде хорошо играют в другие игры, в которые негры играют плохо. И это важнее. Потому что есть такие игры, в которые лучше уметь играть – иначе народ неполноценен. По сути своей неполноценен. Ну вот, например, наука. Заниматься исследованием природы способны всего несколько великих народов. Дойчи, юде, англосаксы. А, скажем, японцы с трудом поддерживают у себя более или менее приличный уровень...

– У меня другие сведения, – заметил Фридрих, оглядывая зал. Пока что болтовня Гельмана не представляла никакого интереса.

– Ну конечно, я знаю, что вы скажете. Ведь они делают рехнеры! Но могут ли японцы изобрести что-нибудь подобное рехнеру? Нет. Это всего лишь талантливые подражатели...

– Допустим, – рассеянно согласился Власов, думая, как бы отделаться от говорливого человечка.

– Нет, вы всё-таки не понимаете, – Гельман почуял несогласие и решил насесть плотнее. – Давайте рассуждать рационально, по-нашему, по-европейски...

Фридрих посмотрел на галерейщика искоса, но тот проигнорировал взгляд и продолжал гнуть своё:

– Несмотря на гигантские усилия и финансовые вложения, число учёных из стран "третьего мира" невелико. Сейчас оно увеличивается: на научных конференциях можно встретить не только японцев, но даже малайцев. Есть даже китайцы. Но большинство из них работает на Западе. Почему?

Власов смолчал.

– А потому, – с торжеством в голосе заявил Гельман, как бы сообщая важную истину, – что занятия наукой требуют не только ума. Хотя и это, конечно, важно: научно устроенные мозги. Некоторые народы, например, в принципе неспособны к математике. Знаете, в семидесятые годы у нас вдруг вздумали ввести квоту для нацменьшинств в Московском университете... идиотская, конечно, инициатива, – галерейщик почему-то смутился, как будто имел к этому отношение, – в частности, на механико-математический факультет набрали якутов... это такой северный народ... так вот, после первого же курса

все они оказались в психиатрической клинике.

– Это легенда, – снова вмешался молодой человек справа.

– Миша, не перебивайте нас, пожалуйста, – в голосе галерейщика было больше раздражения, чем заслуживала реплика.

– Я сегодня не кровожаден, Мюрат Александрович, – отозвался рыжеватый.

Галерейщик взвился.

– Что вы себе тут позволяете, а?!

– Ничего, выходящего за рамки хорошего тона, – не без удовольствия отбрил собеседник.

– Михаил, ну сколько можно! – вклинилась Варвара Станиславовна. – Вы всегда грубите!

Михаил тем временем отставил в сторону тарелку с недоеденным куриным окорочком и поднялся, вероятно, желая принять участие в обсуждении и не желая смотреть на собеседников снизу вверх. Последнее, впрочем, удалось ему не в полной мере – теперь стало заметно, что он невысок ростом.

– Вы, кажется, хотели кого-то *перебить*? – не унимался Гельман. – Только меня с господином Власовым, или нас всех? Во славу русского народа, да?

– Помилосердствуйте, – Михаил взглянул на галерейщика, и Власов, по старой выучке, занёс в память, что у молодого человека серые глаза, – я как раз говорил, что никого не хочу перебить. А вот почему вы так разволновались?

– Ваши каламбурчики с душком... – начал было Гельман.

– Как и ваши рассуждения о русских, – оборвал Михаил и принялся накладывать салат в свою тарелку.

Гельман выдохнул сквозь зубы. Раздался смешной шипящий звук.

– Вы необъективны, Михаил, – холодно произнесла дама в зеленом. – Я далеко не во всем и не всегда согласна с господином Гельманом, но вы отвечаете по принципу "сам такой", а это верный признак собственного поражения в дискуссии, – она говорила по-русски с легким акцентом, но он был не дойчский. Прибалтийский, понял Фридрих.

– Можно подумать, вы объективны, – буркнул Михаил; пиетета к женщине вдвое старше себя он определенно не чувствовал, но как раз это Власову скорее понравилось. – Я, разумеется, прекрасно понимаю причину вашей русофобии. Пепел оккупации стучит в ваше сердце. Но у нас, знаете ли, тоже есть что предъявить латышским стрелкам...

– Вот опять, – столь же холодно констатировала дама. – Вы переводите разговор в плоскость личных обид вместо того, чтобы рассуждать с объективной точки зрения. Да, я помню русскую оккупацию и депортацию. Мне было три года, когда нас выслали, но я помню. И мой отец так и не вернулся из... – она, кажется, собиралась сказать "ваших", но сочла нужным изменить термин на более нейтральный, – сибирских лагерей. И кстати, вам прекрасно известно, что я не латышка, да и среди этих пресловутых "стрелков" этнических латышей было меньшинство, и поддержкой своего народа они не пользовались. Но дело не в этом. Не в моей личной трагедии и даже не в трагедии моего народа. А в том, что на протяжении всей, я подчеркиваю, всей своей истории Россия была страной рабов. О чем, между прочим, написал ваш же величайший поэт...

– А другой наш величайший поэт написал "Клеветникам России", – пробурчал Михаил, но прибалтийка не слушала:

– Только, поскольку он был все-таки русским поэтом, хотя и с английскими, между прочим, корнями, он заблуждался. Он писал еще и "страна господ", а никаких господ в

России нет и никогда не было. Одни только рабы. Просто некоторым из них дозволено было владеть своими собственными рабами. Но это еще не делает раба господином. Как там об этом говорил Дитль...

Власов мог бы процитировать знаменитую речь наизусть, но смолчал, не желая принимать ничью сторону.

– А раз такая ситуация наблюдалась на протяжении всей истории, при любых формах правления, при правителях самых разных национальностей, – с нажимом продолжала дама, – значит, неправомерно обвинять во всем внешние обстоятельства или конкретных исторических деятелей. Причина в русском народе как таковом. Знаете, как сказал Маркс...

– Ну вот только цитат из Маркса нам и не хватало! – возмутился Михаил. – Этот интернационалист именовал восточно-европейские нации Völkerabfall – "народы-отбросы", чего не делал даже Хитлер, и это давно известно...

– Я хотела процитировать Маркса лишь затем, чтобы указать, что он неправ, – невозмутимо возразила прибалтийка. – Он писал: "Никто не борется против свободы. Борются против чужой свободы." Так вот русские – это народ, чьей определяющей чертой является ненависть, в первую очередь, к своей собственной свободе. И уже только потом и как следствие – к чужой, – она оторвала тонкими пальцами большую виноградину от лиловой грозди и изящно отправила ягоду в рот.

– Здесь имеется терминологическая путаница, – вмешался бородатый Алексей. – Злонамеренно навязываемая нам подмена понятий. О нет, не вами, Инга – вы лишь повторяете устоявшееся... Вы совершенно правы, говоря, что Россия – это страна рабов. Но подмена состоит в том, что Россию отождествляют с русскими. А на самом деле Россия – это антирусское государство. Настоящие русские – это европейцы нордической расы. Не Русь призвала варягов – варяги *и есть* Русь. Именно так они и назывались. И эта Русь подчинила себе восточные племена склавинов. Но позже она пала под ударами сначала монгольской, а потом наследовавшей ей Московской орды, созданной князьями-предателями, прислужниками монгольских ханов. Вы ведь, господа, в курсе, как эти Иваны и Василии руками татарских карателей вырезАли защитников русской свободы в той же Твери, чтобы расчистить себе путь к власти? В курсе, что "царем" в России изначально именовали именно ордынского хана? И неудивительно, что первый из московских князей, принявший этот титул на себя, оказался самым кровавым. Ну и, соответственно, все дальнейшее тоже неудивительно. И только здесь, на Северо-Западе, еще возможно возрождение подлинной Руси...

– А мне казалось – подлинной Германии? – не удержался Власов.

– А это фактически одно и то же, – не смутился Алексей.

Меж тем Гельман, за время этой дискуссии успевший сходить к ближайшему минибару, вовзвратился к столу сразу с двумя емкостями – фужером с чем-то золотистым и граненым стаканчиком с водкой.

– Вы бы не смешивали, – неприязненно посоветовал Михаил, – плохо будет.

– Благодарю вас за трогательную заботу о моем здоровье, – осклабился галерейщик, ставя свою добычу на стол. – Вот ведь, – он снова обернулся к Власову, – неглупый на самом деле парень, но с русскими тараканами в голове... Так я всё-таки закончу мысль, – он снова взялся за вилку, и Власов невольно отодвинулся. – Насчет науки. Так вот, для научных занятий нужна не только хорошая голова, но и, – он сделал паузу, – особая форма социальной организации. То есть научное сообщество. В нём

поддерживаются определённые правила. Например, для него важны идеалы свободной дискуссии, беспристрастного анализа, служения истине...

– Я имел дело с учёными, – усмехнулся Власов. – Там то же самое, что и везде.

– Ну да, да, политика, сплетни, пауки в банке... Но не только, нет! Тут важен идеал, – галерейщик разогнался: было видно, что он произносит эту речь далеко не в первый раз. – Какие бы звериные нравы ни царили в научных коллективах, идеал всё же существует и признаётся всеми, а всякие административные игры, делёжка средств, раздувание авторитетов и прочие "человеческие, слишком человеческие" дела осознаются как отклонение от нормы. И к этой норме всегда возвращаются, рано или поздно. Любой дутый авторитет будет рано или поздно скинут с пьедестала молодым исследователем, публикующим новую смелую гипотезу. Любая заадминистрированная научная область будет подвергнута критической чистке со стороны коммерческой лаборатории, которая опубликует данные нового исследования. И, в свою очередь, корысть коммерческой науки, фальсифицирующей данные в интересах спонсоров, будет разоблачена наукой академической. Но это касается только западных коллективов и тех, кто в них работает. Потому что незападные народы, кроме очень вестернизированных, неспособны поддерживать интеллектуальный климат, нужный для научных занятий...

– Если дело в этом, было бы не так сложно научить тех же якутов математике, – не удержался Фридрих.

– Нет! Потому что социальная организация общества связана с социальными инстинктами. Например, представители некоторых народов органически не способны спорить с теми, кто выше их по рангу. В научном коллективе, собранном из молодых и стариков, молодые будут всегда кивать и смотреть в рот аксакалам. В то время как наука требует прямо противоположного: молодые чаще оказываются правы, чем старики, и те должны уметь и хотеть их слушать и учиться у них новому. Но на это способны только белые люди и некоторые очень продвинутые азиаты. У прочих все попытки заниматься наукой будут парализованы невозможностью ведения научной дискуссии, так как она сразу же сведётся к выяснению того, чей статус выше, после чего мнения самого статусного индивида автоматически будут приняты всем сообществом. Нравы обезьяньей стаи – вот что препятствует появлению негритянских учёных. Даже умный негр – всё равно обезьяна...

– Я вполне понимаю и разделяю основы расовой теории, – пожал плечами Власов.

– Ну и хорошо. Я, признаться, тоже. Хотя моя интерпретация несколько отличается от вашей, ну да это в данном случае неважно... Так вот. Русские в этом отношении уникальный народ. Они вполне способны к тем формам социальности, которые позволяют вести научные исследования. Они также способны к высоким проявлениям культуры. Нельзя также сказать, что русские этически неполноценны, хотя есть народы, о которых это сказать можно...

Михаил многозначительное хмыкнул. Гельман дёрнулся, но промолчал. Власов с трудом подавил улыбку.

– Но у русских есть фатальный дефект, который фактически ставит крест на возможности самостоятельного развития этого народа, – выдохнул длинную книжную фразу Гельман и вознаградил себя за неё большим глотком из золотистого фужера.

– Русские не способны к сколько-нибудь сложной и творческой административной деятельности, и это обстоятельство объясняет абсолютно всё в русской истории, – чуть громче, чем следовало, провозгласил он и сделал паузу – видимо, ожидая какой-нибудь

очередной колкости от Михаила.

Тот, однако, проигнорировал – то ли рот был занят, то ли не хотел прерывать оппонента.

– Нет, конечно, я не про всех вообще, – зачем-то начал оправдываться галерейщик. – Бывают, знаете ли, русские талантливые администраторы, я с такими работал... Просто их количество намного ниже, чем среди прочих народов. И явно недостаточно, чтобы управлять такой большой страной. Вот в чем все дело, Алексей, а не в азиатах! У азиатов, при всех их недостатках, есть такие качества, как послушание и трудолюбие. По-своему неплохие качества, особенно в смысле государственного строительства. Столь нелюбимые вами монголы создали достаточно эффективную систему управления, позволившую им контролировать три четверти Евразии. А китайская бюрократическая система классической эпохи – это же просто произведение искусства! Нет, беда русских не в том, что их поглотила азиатская стихия. А в том, что азиатами они быть не хотят, а европейцами – не могут.

– А почему не наоборот? – иронически осведомился Михаил, пристраивая на хлеб тонкий черно-фиолетовый овал копченой колбасы.

– Может, и наоборот, – серьезно согласился Гельман. – Так или иначе, русский начальник, – он безапелляционно махнул вилкой, – плохой начальник. Русский командир, – опять взмах, – плохой командир. И отсюда следует второй принципиальный момент: русский подчинённый – тоже плохой подчинённый, потому что хорошо подчиняться умеет тот, кто умеет приказывать. Хороший подчинённый понимает своего начальника и смысл его приказаний. Русский же обычно не понимает, почему и зачем ему приказали сделать то-то и то-то. Он воспринимает любой приказ как бессмысленное издевательство, мучительство, и старается его саботировать, или уж выполняет исключительно под страхом наказания, из-под палки. Впрочем, – зачастил он, – довольно часто приказания начальства и в самом деле являются бессмысленным мучительством, если начальник русский... – он опрокинул водку в рот, закусил маслиной, сплюнул косточку на тарелку. – То есть, я специально утрирую терминологию, беда даже не в том, что русские, как тут говорилось – рабы. А в том, что они, я еще раз извиняюсь – плохие рабы...

Михаил набрал воздух в легкие для ответной реплики, но прибалтийка его опередила.

– Мне кажется, Мюрат Александрович, вы клевещете на русских, – спокойно сказала она. – Русские – очень хорошие рабы. Где еще в мировой истории вы найдете рабов, которые после четверти века унижений и издевательств, голода и террора – террора, замечу, опять-таки не имевшего исторических аналогов даже в самые варварские времена – после всего этого, получив, наконец, в руки оружие, не только не обратили его против своих мучителей, даже хотя бы просто не разбежались, чего уже было бы достаточно – нет, пошли воевать за этих мучителей, пошли отдавать свои жизни миллионами за то, чтобы и им, и их детям оставаться рабами и дальше, и чтобы их мучители по-прежнему благоденствовали? Это нельзя объяснить даже такими эфемерными соображениями, как поддержка своих против инородцев. Ибо я решительно не понимаю, чем инородец Джугашвили был для них лучше инородцев Хитлера или Дитля. По-моему, во всех отношениях хуже. И нельзя сказать, что они этого не знали. Если твоя деревня, и ты в том числе, мрет от голода – ты поверишь собственному желудку, а не репродуктору на столбе. Если тебе говорят, что твоя мать – враг народа и диверсант пяти иностранных разведок – ты поверишь собственной матери, а не

пытавшему ее палачу. Если ты хоть сколько-нибудь нормальный человек, конечно. Так что русские – просто идеальные рабы. Если бы, случись такое несчастье, Сталин победил, ему бы следовало поднять большой тост за русский народ.

– Но вы же не можете отрицать, что генерал Власов спас русскую честь, – возразил Алексей. – Если бы все было так, как вы говорите, если бы все русские, ну или абсолютное их большинство, пошли воевать за Сталина и добыли ему победу – этот народ действительно не заслуживал бы ничего, кроме презрения. И это означало бы, что любые надежды на возрождение той подлинной Руси, о которой я говорил, бесповоротно похоронены. Но пять миллионов бойцов РОА доказали, что это не так!

– Пять миллионов – из двухсот? Это, по-вашему, не абсолютное меньшинство?

– А вот это уже совершенно беспрадонное передергивание! – не выдержал Михаил. – Двести миллионов – это все население тогдашнего СССР, а отнюдь не только русские! Причем вместе с грудными детьми и стариками!

– Но и пять миллионов – это отнюдь не только русские, – заметил Фридрих. – В оперативное подчинение командования РОА были переданы практически все антибольшевицкие формирования, укомплектованные советскими гражданами и белыми эмигрантами. Это, кстати, было очень мудрое решение, без которого нам крайне трудно было бы выиграть войну. Но Михаил прав в том смысле, что армия – это никогда не всё и даже не половина населения. Десять процентов – это максимум, что может позволить себе даже очень благополучная страна, и то на ограниченное время...

– Все равно, – стояла на своем Инга, – в Красной армии воевало больше, чем в Освободительной. И существенно больше. И более того – ну ладно, пусть тогда пропаганда, пусть верили репродукторам больше, чем своим глазам, пусть, даже получив оружие, боялись НКВД за спиной больше, чем Вермахта впереди. Но сейчас-то, сейчас! Когда коммунистической пропаганды нет, и преступления большевиков хорошо известны! Вы знаете, что среди русских даже сейчас есть поклонники Сталина? Ревизионисты, отрицающие результаты Петербургского процесса?

– Между прочим, этот ваш процесс, – Варвара Станиславовна, оторвавшись от пирожного, решила вдруг встрять в идущую у нее над головой дискуссию, – там тоже те еще перегибания палки были. Ну Сталина, Берию, Кагановича, Молотова и иже с ними, конечно, надо было повесить, тут никто не спорит. Кровавые выродки, убийцы миллионов, это все конечно. Но генералов-то за что? За что повесили Жукова? Он же просто исполнял свой воинский долг.

Власов вздохнул. С этим предрассудком у людей, плохо знакомых с историей, ему уже доводилось сталкиваться.

– Немногие из большевицких главарей заслуживали этого в большей степени, чем Жуков, – сказал он. – Его патологическая жестокость превосходила все мыслимые пределы даже для такой структуры, как Красная армия, где на жестокости, насилии и унижении держалось все. В Красной армии не то что крыть подчиненных матом – это само собой, на ином языке там просто не изъяснялись – а, как говорят по-русски, бить их по мордам считалось в порядке вещей. И не простых солдат или даже младших офицеров – хотя в Вермахте и за такое полагался трибунал – а генералов с большими звездами. Те, впрочем, тоже в долгу не оставались, обходясь тем же образом уже с собственными подчиненными, и так до самого низа... Так вот даже в такой армии грубость и садизм Жукова были чем-то запредельным. Это отмечают практически все, кому выпало несчастье служить с ним вместе или, тем более, под его началом. Но если бы дело

ограничивалось только мордобитием! Бил Жуков главным образом генералов. Офицеров – редко. Их он предпочитал расстреливать. По любому поводу и без такового. В поражающих воображение количествах. Солдат, пытавшихся отступить в безнадежном положении, расстреливали целыми батальонами. Но Жуков додумался и до большего. Как раз когда он подвизался в этих краях, он отправил командующим армиями Ленинградского фронта и Балтийского флота шифрограмму номер 4976, – память на числа у Фридриха была хорошая, – согласно которой расстрелу подлежали не только все советские солдаты, попавшие в плен – после того, разумеется, как советская власть до них доберется – но и все их семьи. Такое было чересчур круто даже для сталинской империи, и Маленков приказ отменил. Не от доброты душевной, конечно – а просто потому, что этот приказ, вопреки жуковским представлениям, только подрывал оставшуюся боеспособность армии еще сильнее. Летчики, разведчики и все прочие, кому по долгу службы полагались рейды на вражескую территорию, стали любой ценой уклоняться от таких заданий: не так страшно, что убьют, страшнее в плен попасть... Собственно, расстрелы, мат и мордобой – это весь арсенал жуковских средств управления войсками. Как полководец Жуков был совершенно бездарен, являя собой полную противоположность картинке, которую рисовал сталинский агитпроп. Он провалил практически все операции, которые разрабатывал и которыми командовал лично – на самом деле лично, а не по официальным реляциям. О да, разумеется – мы знаем, что первой причиной разгрома Красной армии летом сорок первого было то, что она готовилась напасть, а наш упреждающий удар заставил ее действовать в обороне. Но даже в таких условиях Жуков имел ошеломляющее превосходство в силах. Так, против восьмисот танков нашей Первой танковой группы у него было восемь тысяч с лишним. Включая сотни новейших Т-34 и КВ, равных которым на тот момент не было ни одного во всем Панцерваффе. Один советский мехкорпус превосходил по своей мощи всю Первую танковую группу. И вот Жуков умудрился за пять дней под Дубно и Ровно угробить подчистую шесть таких мехкорпусов и изрядно обескровить еще несколько. Советский Западный фронт рухнул, красные потеряли четыре армии. О нет, конечно, – усмехнулся Власов, – за такие вещи не вешают. Всего лишь расстреливают. Свои. За те поражения большевики расстреляли много кого, вплоть до начальника ветеринарной лаборатории и директора Военторга. Один лишь Жуков каким-то чудесным образом оказался ни при чем. Он продолжал командовать Генеральным штабом. В итоге новый Западный фронт, созданный из стратегических резервов к началу июля, ждала та же участь, теперь уже под Смоленском. Еще минус четыре армии. За это, правда, Сталин Жукова со штаба снял. Поставил командовать Резервным фронтом. В этом качестве Жуков полтора месяца штурмовал хорошо укрепленные германские позиции под Ельней. Положил впустую огромное количество своих солдат. Гудериан тем временем, оставив на укреплениях лишь небольшое прикрытие, спокойно ушел брать на пару с фон Кляйстом Киев. Под Киевом в котел попали шесть советских армий, это было самое большое окружение в истории войн. 665000 пленных. Затем Гудериан вернулся. Теперь в окружение попал и обескровленный бессмысленными жуковскими штурмами Резервный фронт – откуда сам Жуков заблаговременно унес ноги... Всего за первые пять месяцев войны красные потеряли примерно 20500 танков, 20000 орудий, 17900 самолетов – для сравнения, во всех воздушных флотах Люфтваффе на Восточном фронте по состоянию на 22 июня не набиралось и 2300 самолетов, из них только 1761 боеготовый. Четыре миллиона красноармейцев попало в плен – вдвое больше, чем общая численность всех боевых

частей Вермахта на том же ТВД. Затем, во время контрнаступления в начале сорок второго – контрнаступления, в котором не было никакой его личной заслуги – Жуков умудрился загнать в окружение под Вязьмой и полностью погубить еще три армии и два отдельных корпуса, это не считая прочих потерь Западного и Калининского фронтов... Ну и так далее в том же духе, вплоть до окончательного разгрома. В общем, преуспел Жуков только в трех вещах: в присваивании себе чужих заслуг, в перекладывании на других своей вины и в заваливании противника трупами собственных солдат. Опять-таки, в поражающих воображение количествах. К примеру, советские потери подо Ржевом, где Жуков тупо губил людей чуть ли не весь сорок второй год, доходили до 26:1 – причем и эти жертвы оказались напрасными, эти операции тоже закончились полным крахом жуковских планов. Военными психиатрами описаны случаи, когда германские пулеметчики в прямом смысле сходили с ума, глядя, как растут перед их позициями кучи тел красноармейцев, которых, во исполнение жуковского приказа, батальон за батальоном тупо гнали в лоб на доты без всякого прикрытия. "Разминирование" минных полей собственной пехотой – это тоже Жуков, хотя, справедливости ради, не только он. Победы, которые за ним все-таки числятся, были одержаны именно такими способами – если это можно назвать победами... Русский писатель Виктор Астафьев, воевавший на стороне красных, впоследствии назвал Жукова величайшим после Сталина браконьером русского народа. Ах, да – я еще четвертую вещь забыл: феерических масштабов мародерство. Жуковская дача была захвачена настолько быстро, что челядь ничего не успела растащить, существует полная опись имущества, сделанная следственной комиссией – это документ на множество страниц, целая книга... Чего там только не было – от бриллиантов и картин старых мастеров до женского нижнего белья и модельной обуви! И один только маленький штрих: книжные шкафы были сплошь заставлены дорогими изданиями на иностранных языках, ни одного из которых Жуков не знал. Все это было награблено Красной армией в Прибалтике, Польше и Суоми... воображаю, что было бы, продвинься она в Европу дальше! Вообще страшно представить себе, что еще сотворил бы Жуков, если бы коммуняки выиграли войну. Зная этого субъекта, можно предположить что угодно – вплоть до испытания ядерного оружия на собственных солдатах... Ну а еще, разумеется, Жуков был пьяницей и развратником выдающихся масштабов, но это уже так, обычные для красных генералов бытовые мелочи.

– А вот кстати, – подхватил вдруг Гельман, – знаете ли вы, господа, каким образом такой тип, как Жуков, поднялся наверх? В мемуарах Рокоссовского – они, кстати, изданы и у нас, и на Западе, Рокоссовского Петербургский трибунал оправдал – там есть такое место... я наизусть, конечно, не помню, но смысл такой...

Фридрих удивился – он никогда бы не подумал, что Гельман читает военно-историческую литературу. Впрочем, ему тут же пришло в голову, что галерейщик, скорее всего, читал не сами мемуары, а какую-нибудь статью с цитатами из них.

– В тридцатом году Жуков служил у Рокоссовского в подчинении, командовал полком... то есть нет, не полком – бригадой, – продолжал Гельман. – Развалил там все, что можно, затерроризировал подчиненных, ну, в общем, все, о чем сейчас господин Власов говорил. На него, понятно, жаловались – тогда еще на него можно было жаловаться – командованию, то есть Рокоссовскому. И что сделал Рокоссовский, чтобы убрать Жукова из бригады? Отправил его наверх, на повышение! Вот в этом-то и состоит русский стиль руководства!

– Рокоссовский, вообще-то, поляк, – заметил Михаил.

– Это неважно, – отмахнулся Гельман. – У себя в Польше он бы, наверное, командовал по-другому. Но, оказавшись в русской системе, он был просто вынужден действовать так, ему не оставили другого выхода! И дальнейшая карьера Жукова это доказывает. Скажете, его и дальше поляки продвигали? Просто в русском коллективе – не только при большевиках, вообще – когда выдвигают людей на руководящие должности, выдвигается не лучший работник, а худший. Посылая его наверх, коллектив таким образом избавляется от него. Это происходит потому, что все прекрасно знают: начальник никогда не производит ничего полезного, он только вредит работе. И это в большинстве случаев справедливо, если начальник русский. Назначить русского начальником над сколько-нибудь значительным проектом – всё равно что глухого посадить за рояль...

– То ли дело вы, – не удержался Михаил.

– Миша, – сердито тявкнула Варвара Станиславовна, отчаянно сражавшаяся с расплывающимся кусочком пирожного на блюдечке, – я извиняюсь, конечно, но тут люди беседуют, а вы своими репликами...

– Да чем я могу помешать такому красноречивому оратору, как Мюрат Александрович? Я ведь ничтожное русское быдло, неспособное быть даже хорошим рабом... – голос молодого человека стал особенно резким и противным. Власов невольно вспомнил: очень похожий голос был у преподавателя расовой биологии в лётном училище. Будущие пилоты откровенно манкировали идеологическими предметами, считая более важным то, что относилось к их непосредственным обязанностям. К тому же занятия проводились по утрам, когда очень хотелось спать. Преподаватель, прошедший ту же школу, всё это прекрасно понимал – и намеренно форсировал тембр, чтобы слова ввинчивались шурупом в ухо сонным курсантам.

– Невозможно общаться в такой обстановке! – пожаловался Гельман, обращаясь к Власову. – Вы заметили, что этот тип вас всё время перебивает?

– Меня? – удивился Фридрих.

– Ну да, – искренне возмутился Гельман, – мешает разговаривать... Типичное, – Гельман сделал паузу между словами, – хамство.

Власов подумал, что у него есть более важные дела, нежели выслушивать любимые теории говорливого галерейщика. Он вновь посмотрел в сторону Фрау, но та по-прежнему вовсю занималась светским общением. Но зачем-то же она его пригласила? И почему-то передала приглашение именно через Гельмана?

– Да, о чём я... – Гельман окинул стол в поисках какой-нибудь еды или выпивки, но вокруг была только грязная пустая посуда. Михаил, поймав взгляд галерейщика, жестом подозвал курсировавшего по залу официанта и молча указал ему на стоявший перед Гельманом пустой бокал (на дне которого, как машинально отметил Власов, остались винные опивки). Фридрих оценил оказанную галерейщику услугу – одновременно вежливую и обидную. Официант, профессионально склонившись, наполнил бокал бурой жидкостью из графина – судя по цвету, это был бренди или коньяк.

– Гхм... ну так... вот... – Гельман поднял бокал и быстро выпил. – Так я про русских... Хорошо, не будем использовать термины, содержащие... ээ... определенные коннотации, а сформулируем просто, что русские не годятся для эффективного управления ни в качестве... ээ... субъекта, ни в качестве объекта... – Фридрих невольно подумал, что под влиянием выпитого из Гельмана поперли формулировочки в лихачевском стиле. – Но, как говорится – прошу заметить, это не я придумал, это пословица – лучше лев во главе стада баранов, чем баран во главе стада львов... или стаи?

Ну, вы меня поняли... Короче говоря, если русскими управляют способные представители других народов, определенные результаты все-таки достижимы, с издержками, но достижимы. Начиная от призвания варягов, через пресловутое "немецкое засилье"...

Власов поморщился: он никак не мог привыкнуть к тому, что это слово произносится вслух и без смущения.

– ...и даже через так называемое "иудейско-инородческое иго"...

– Так оно и называется, – опять вклинился Михаил.

Старушка Варвара Станиславовна, попивающая кофеёк из крохотной чашечки, сыграла лицом крайнее негодование, но промолчала, ограничившись тем, что бросила на тарелку ложечку. Ложечка возмущённо звякнула.

– Заметьте, к такому выводу приходили все честные русские люди, – заявил Гельман. – Например, ранние славянофилы, изучая историю русского народа, пришли к тому, что русский народ полностью лишён государственности, то есть способности к самоуправлению и свободе. Из этого они делали вывод, что монархия, которую они остро осознавали как инородческую, является единственным спасением русского народа. Другим спасением они считали глубокую религиозность, то есть, с управленческой точки зрения – способность выносить и терпеть очень плохое управление... Вот послушайте... – он почесал нос и нараспев, как бы обозначая голосом цитату, продекламировал: – "Русский народ государствовать не хочет. Он хочет оставить для себя свою неполитическую, свою внутреннюю общественную жизнь, свои обычаи, свой быт – жизнь мирную духа. Не ища свободы политической, он ищет свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной – народной жизни внутри себя". Это, между прочим, из "Записки о внутреннем состоянии России", поданной в 1855 году Аксаковым взошедшему на престол императору Александру Второму...

– На этот раз правильно, – заметил Михаил.

– Вы, Миша, впервые услышали эту цитату от меня! – не удержался Гельман. – И не вам...

– Не спорю, от вас, – ответил Михаил. – Но точный текст вы заучили, скажем так, не сразу. На прошлой конференции, во всяком случае...

– Да, куда вас опять не позвали, – Гельман выделил слово "опять".

– Наверное, я был недостоин столь высокой чести, – пожал плечами Михаил. – Ничего, выступим на следующей... У меня как раз готова небольшая статья, её и зачитаю.

– О величии русского народа? – Галерейщик постарался вложить в голос столько иронии, что фраза расползлась, как мокрая бумага. Фридрих понял, что его собеседник сильно пьян. Впрочем, и неудивительно – после стольких-то возлияний...

– Нет, не об этом. О причинах распада Райхсраума, – серьёзно ответил рыжий.

– Именно так? – Власов с удивлением взглянул на молодого человека. – Вы уверены, что Райхсраум распадётся?

– В общем-то да, – не смущаясь, заявил Михаил. – Правую руку на отсечение не дам, но это очень вероятно. Если хотите, могу показать черновой вариант... Да, кстати. Раз уж Мюрат Александрович не потрудился меня представить... Меня зовут Михаил Харитонов. Студент. Русский.

– Можно проще – русский студент, – усмехнулся Власов.

– Я имел в виду как раз противоположное, – не совсем понятно ответил Михаил, и тут же пояснил: – Русский студент – это такой типаж из Достоевского. Вот уж на кого...

– ...вы очень похожи, Михаил, – встрял Гельман. Похоже, он взял себя в руки. –

Вот кстати. Русская литература. Как я уже говорил, замечательная вещь. Но она вся посвящена этой самой теме. Подробно и детально описывает именно эту неспособность русских управлять хоть чем-нибудь, включая собственную жизнь. Идеальный русский – это Обломов. Обычно фигуру Обломова воспринимают как символ обычной лени, неги, ничегонеделания. Это не так. Обломов является совершенно иным типом, а именно – человеком, не способным ни к какой внутренней организации, не говоря уже о внешней. Это, конечно, крайний случай – но организационная бездарность русских является практически тотальной... Именно поэтому русскими всегда управляли, управляют и будут управлять инородцы, – Гельман повысил голос, так что на него даже стали оглядываться от соседних столиков. Похоже, он набрался уже так основательно, что не контролировал себя. – Дойчи, юде, даже кавказцы, то есть любые народы, способные к управленческой деятельности. Когда же русские берутся за задачи управления сами, то... – он громко икнул. Кажется, это сбило его с мысли; он дотронулся до опустошенного бокала и вновь стал беспомощно озираться. – Мне нужно...

– Кажется, вам уже хватит, – заметил Власов, полагая, что Гельман опять ищет спиртное.

Тот посморел на Фридриха в упор. Глаза галерейщика были мутные, больные.

– Н-нет... – пробормотал он, справляясь с языком, вдруг отказавшимся повиноваться. – Нужно в... Пожалуйста, – отчётливо сказал он, – проводите меня.

Фридрих вздохнул. Ему было понятно, куда нужно Мюрату. Но ему не хотелось помогать неприятному человеку. Хотя... – решил он, – может быть, тот всё-таки хочет что-то сказать ему? Правда, в таком состоянии... Или это спектакль? Хотя нет, насколько Власов разбирался в людях – Гельман и в самом деле был не в форме.

– Хорошо, – принял он решение. – Давайте, только быстро. Где это? Куда идти? – на всякий случай уточнил он.

Гельман понял и вяло махнул рукой по направлению к двери.

Слегка поддерживаемый Власовым под локоть, Гельман дошёл своими ногами до двери, сам прошёл коридорчиком. Прежде чем скрыться за дверью туалета, он повернулся к Фридриху и сказал ему почти трезвым голосом:

– Подождите. Нам надо поговорить. Сейчас... буду в порядке.

Власов понял и кивнул.

Гельман отсутствовал минуты три. Потом вышел, вытирая лицо – видимо, умывался. Глаза у него уже были не мутные.

– Извините, – сказал он почти что нормальным голосом. – У меня был тяжёлый день, и я слегка увлёкся. – Фридрих Андреевич, у меня к вам разговор. Серьёзный. Раньше я этого сделать не мог, а времени очень мало. Меня буквально обложили. Как и вас, – многозначительно добавил он.

Фридих внимательно посмотрел на Гельмана. Судя по всему, тот принял какое-то средство против опьянения, причём сильнодействующее. Насколько было известно Власову, такие препараты плохо влияли на здоровье, и регулярное применение их не рекомендовалось. К тому же пить, чтобы потом вытрезвляться – странно. Значит, Мюрат набрался сознательно – так, чтобы все это видели. В том числе и те, кто может отличить игру в пьяного от настоящего опьянения. Калиновский или Фрау? Сейчас это неважно. Гельман хочет поговорить с ним, с Власовым – причём так, чтобы... не заметили или не помешали? Скорее всё же второе...

– Я тут... погуляю ещё немного, – продолжал Гельман. – Выходите минут через

десять, хорошо?

– Хорошо, – сказал Власов, понимая ситуацию.

Когда он вернулся, то обнаружил, что Варвара Станиславовна и Михаил, вновь усевшийся на стул, оживлённо беседуют на повышенных тонах. Алексей с деловитым видом воздавал должное маслянистым грибочкам, а Инга потягивала красное вино из высокого узкого бокала – столь крохотными глотками, что казалось, будто она не пьет, а лишь смачивает верхнюю губу – и с иронией глядела на спорящих.

– ...ничего убедительного! – кипятился молодой человек, явно не понимая, что говорит со старухой. – Это самая обыкновенная демагогия, я тоже так могу...

– Я уж как-нибудь сама разберусь, кто тут убедительно... а кто чего! – не желала уступать старуха.

Завидев возвращающегося Фридриха, она обрадовалась.

– Пожалуйста, – сказала она, демонстративно обращаясь именно к Власову, – объясните этому молодому человеку, как нужно разговаривать со старшими, – старуха сердито вонзила ложечку в остатки пирожного.

– Так же, как и со всеми прочими людьми, – пожал плечами Власов. – За исключением тем, в которых старшие по возрасту люди более компетентны. С поправкой на личную заинтересованность и эффект свидетеля.

– Я имею в виду уважение! – возмутилась старуха.

– Уважение к чему? – не удержался Михаил. – К тому, что один человек появился на свет раньше другого?

– Хотя бы, – сказала Варвара Станиславовна неожиданно спокойно. – Потому что я видела всё то, что видели вы – а вы не видели того, что видела я.

Власов напрягся: высказанная мысль была великовата для глупой старухи. Варвара Станиславовна оказалась не так проста, как казалась.

Михаил, похоже, тоже почувствовал что-то подобное. Он промолчал и уткнулся в тарелку.

По залу вновь двинулись официанты, на сей раз разнося чай и вазочки с каким-то чёрным вареньем. Власов посмотрел на него с опаской и решил не пробовать. Зато старуха притянула вазочку к себе поближе – видимо, намереваясь полакомиться.

– Простите великодушно, – пробебекало над столом, – Варвара Станиславна, позвольте вас буквально на минуточку...

Это был Калиновский. Фридрих прищурился: внимание Льва Фредериковича казалась ему несколько назойливым.

Но Варвара Станиславовна отнеслась к этому иначе. Пробормотав под нос нечто вроде извинений перед присутствующими – во всяком случае, Власов её понял так – она встала и быстро пошла за своим провожатым. Фридрих немного подумал – держать чашку с горячим чаем на весу было неудобно – и сел на свободный стул слева. В этот момент некий седой мужчина – в штатском, но с алой ленточкой Железного Креста 2-го класса в петлице – подошел к Инге и Алексею и поприветствовал их на дойче; они ответили и отошли вместе с ним к соседнему столику. Фридриха не приглашали, и он решил не навязываться.

Михаил тут же пересел поближе, заняв место старухи.

– Как же они все достали, – вздохнул молодой человек . – Вы из Берлина? – спросил он Власова, явно ожидая подтверждения.

Фридрих кивнул. Он ещё не решил, стоит ли общаться с рыжим юнцом.

– Я так и понял. Значит, очередной смотрящий из Управления?

Власов внимательно посмотрел на собеседника. Парень был явно неглуп, но, похоже, диковат. Интересно, как он попал в это общество?

– Вообще-то, – Власов решил поставить молодого человека на место, – вы сказали лишнее. За подобные слова принято отвечать.

– Я всего лишь задал вопрос, – Михаил глянул исподлобья, упираясь. – И я не вижу ничего плохого в работе на Управление. Нормальная спецслужба, а не это наше ДГБ.

– А чем вам не нравится ДГБ? – поинтересовался Власов.

– Уроды, – искренне сказал молодой человек. – Занимаются в основном интригами, а не делом. Зачем им понадобился этот Гельман? Он же их водит за нос.

– Вы считаете, что он работает на ДГБ? – задал Фридрих риторический вопрос.

– Да это все знают, – Михаил изобразил что-то вроде презрительной гримасы. – На бобковскую контору шестерит. Хотя тут, – он чуть обернулся, – каждый второй на кого-нибудь работает.

– Мне это неинтересно, – Власов зевнул, прикидывая, не заждался ли его галерейщик. Решил, что стоит ещё немного подождать – до возвращения Калиновского. Не хотелось бы сталкиваться с ним в коридоре... – Кстати, – вспомнил он, – вы что-то говорили насчёт своей статьи.

– Ну да, – обрадовался молодой человек. – Для следующего сборника. Думаю, на конференции прочту. Если дадут слово, конечно. Гельман постарается, чтобы меня не было.

Власов не стал выяснять, что это за конференция и в чём причина конфликта Михаила с Гельманом.

Михаил тем временем выудил из-под стола рыжий портфель, извлёк оттуда, не глядя, мятые листы бумаги и начал раскладывать их на столе, между тарелок и рюмок. Один лист въехал уголком в вазочку с вареньем. Молодой человек вытащил бумажку из липкого, но она была уже испорчена. Он беспомощно посмотрел на неё, явно не зная, как быть и куда девать проклятое варенье.

Фридрих взял салфетку и протянул ему. Михаил, наградив Власова благодарным взглядом, осторожно взял салфеткой грязное место, оторвал, скомкал.

– Тут у меня вариант, – принялся объяснять он, перекладывая бумажки, – который в сборник... Только я сам читать буду, иначе вы не поймёте.

– Почему? – удивился Власов. – Я прекрасно понимаю по-русски. Если, конечно, это нормальный русский язык.

– Вот именно, – Михаил скривился. – Поэтому я предлагаю черновой. В сборник пойдёт вот что, – он протянул Фридриху тот самый листок с оторванным углом. – Посмотрите. Тут начало.

Власов, морщась – света от единственной люстры явно не хватало, – приблизил бумажку к глазам.

"Ещё к вопросу о потенциальных смыслотрассах перекомпоновки вмещающего континуума немецкоориентированных общностей", – прочёл он вслух название. – "Согласно данным когнитивной психологии, социумически заданный мыслеобразный ряд, индуцируемый категороморфемой заданного-пребывания-в-покое, в отличие от катастрофического по смыслонаполнению образа насильственной или естественной трансформации, обладает свойствами коллективного аттрактора. Сколько-нибудь продолжительное подкрепление этого категороморфемного ряда эмпирическими

интенциями вызывает к жизни архетип вечносущего эона, каковой образ фреймирует экзистенциальный опыт индивида..."

– Нет, это не по-русски, – Власов отдал листок.

– Я же говорю, – пожал плечами молодой человек. – Мне тоже этот птичий язык во где сидит. Но по-другому не напечатают, только в этих сборниках и только таким... способом, – Михаил не нашёл лучшего слова.

– А оппозиционная пресса? То же "Свободное слово"? – поинтересовался Фридрих. – Насколько мне известно, они регулярно публикуют обращения вашего лидера?

– А, эти... Их только голодовки интересуют. Серьёзная политическая аналитика им нахрен не нужна. – Михаил махнул рукой куда-то в сторону. – Хотите с переводом? Ну, на нормальный язык?

Не дожидаясь согласия, он согнулся над листком.

– О возможных причинах распада Райхсраума, – начал он, запинаясь и подбирая слова. – Как известно, обыватели боятся перемен и верят в стабильность существующего порядка. Если же он и в самом деле оказывается стабильным, его довольно скоро начинают считать вечным. Это в полной мере относится и к политике, особенно международной. В частности, обыватель некритически принимает своё время за конец истории. Это особенно применимо к нынешней политической ситуации. Двухполюсное устройство мира, разделённого между двумя блоками, американским и германским, неспособными уничтожить друг друга, представляется чрезвычайно стабильным. Эта стабильность основана на устойчивости тех социальных систем, на которые опираются блоки – то есть рыночного капитализма и национал-социализма. Обе эти системы хорошо изучены, все их достоинства и недостатки известны наперечёт. Практически исчерпывающий список дан в классическом американском учебнике политологии Бурдьё и Лумана... – Михаил чуть запнулся, – здесь я пропущу, тут цитаты, неинтересно... а, вот... – он взял следующий листок. Просмотрел его наискосок, потом долго шевелил губами, видимо, подбирая выражения.

– Неизученным, – наконец сказал он, – остаётся только один вопрос: об исторической устойчивости обеих систем. Опять же, общим мнением является то, что западный капитализм подвержен кризисам, начиная от экономических и политических и кончая кризисами культуры и морали. Это соответствует самосознанию западного общества, ощущающего себя как находящееся в неустойчивом равновесии, на краю, и постоянно нуждающегося в экстренных мерах по своему спасению. На этом фоне Райх и его сателлиты выглядят блестящим примером бескризисного общества, успешно решающего проблемы чуть ли не до их появления. Это соответствует идеологии Райха, выстроенной вокруг идеи устойчивого развития. Райх не знает экономических кризисов, безработицы, социальная напряжённость сведена к минимуму, политическая жизнь контролируется из единого центра. Энергетический кризис шестидесятых практически не затронул Райхсраум, а экологических проблем, благодаря системе рационального природопользования, в Райхе не было вообще. Даже такое тяжёлое испытание, как новые информационные технологии, резко увеличивающие информационную открытость общества, – я имею в виду REIN – удалось в конечном итоге обратить на пользу режиму, причём не отступая от догматов национал-социализма, а, наоборот, опираясь на них. Тоталитарная практика контроля над сетью даже стала предметом национальной гордости...

– Что вы имеете в виду под тоталитарной практикой? – поинтересовался Власов.

– Ну, очевидно же, что вся сеть просматривается спецслужбами, – не понял Михаил. – А поскольку каждое высказывание подписано ключом автора, и анонимности, как в западном Интернете, нет...

– Вы считаете это недостатком? – перебил Фридрих. – Приличные люди отвечают за свои слова, тем более дойчи. К тому же вам, наверное, не понравилось бы, если бы в REIN кто-то стал анонимно выкладывать клевету, порнографию и прочую мерзость, подписывать всё это чужим именем, и на него нельзя было бы даже подать в суд?

– Я не даю оценок, – раздражённо ответил Михаил. – Я не пишу о том, что мне нравится или не нравится. Если я говорю про тоталитарную практику, я имею в виду только то, что это практика тоталитарная, а не то, что она плохая. Или хорошая.

– Насколько я понимаю, тоталитарное – значит, исходящее от государства. БОльшая часть исков к пользователям REIN, в том числе и связанных с политикой, исходит от других пользователей REIN. Вам это известно?

– Не, ну понятно же, – начал Михаил, – что если историк публикует у себя на штелке независимое какое-нибудь исследование, а на него подаёт в суд Союз Ветеранов, то, очевидно, за этим стоят спецслужбы...

– Вы не знаете наших ветеранов, – усмехнулся Власов. – Они дадут любым спецслужбам сто очков вперёд. Душу вынут за неправильный номер дивизии.

– Но вот была же история, когда разместили фото со зверствами дойчских войск в России, и этого человека засудили под каким-то идиотским предлогом... – начал было Михаил.

– Это вы в российских газетах вычитали? – прищурился Фридрих.

Михаил ответил взглядом исподлобья.

– Да. И я не вижу, почему в данном конкретном случае я не должен им верить.

– Потому что всё было не так. Сын одного уважаемого ветерана выложил у себя на штелке фронтовые фотографии из семейного архива. На них не было ничего такого, чего не бывает на войне. Например, сцена повешения красного комиссара. Вы можете найти то же самое в любом хорошем фотоальбоме на ту же тему. Но юноша, начитавшийся "Либерализирунг", снабдил их оскорбительными для достоинства дойчской армии подписями. Это случайно обнаружил ветеран, служивший вместе с его отцом. Попытки воззвать к памяти покойного успехом не увенчались. Тогда ветеранское общество подало в суд. Штелку убрали, юнцу пришлось заплатить штраф. Это вы называете "засудили"? И ещё сомневаетесь, что это была частная инициатива лично оскорблённых людей?

– У нас это описывали иначе, – пробормотал Михаил. – Но не принципиально. Так или иначе, Райх может контролировать сетевую активность. Причём открыто, обосновывая идеологией...

– А вас это возмущает, – закончил Фридрих. – Кстати, у вас есть штелка?

– Есть, – Михаил вздохнул. – Но там в основном литература. Фантастику пишу всякую.

– А то, что вы сейчас читаете, выкладывать не собираетесь? В нормальном виде, а не то, что для Лихачёва?

– Разумеется, нет, – поморщился Михаил. – Я же говорю, тоталитарный контроль. Так я могу продолжать?

– Продолжайте. Хотя слово "тоталитарный" всё-таки не подходит для описания ситуации с REIN, – нажал Фридрих.

– Неважно, как это организовано, – отмахнулся Михаил. – Дальше можно?

Власов кивнул.

– Мы остановились на том, что национал-социалистический режим кажется устойчивым, – сказал юноша и снова уткнулся в листки. – Характерно, что из этого исходят даже дойчские инакомыслящие и борцы с режимом. Несмотря на их публичные рассуждения о "гнилом нутре" национал-социализма и неизбежности его скорого краха, они сами в это не верят. Если национал-социализм рухнет, именно они станут первыми жертвами его падения...

Фридрих посмотрел на юношу с некоторым интересом, вспомнив, как сам думал о том же самом.

– Между тем, – продолжал Михаил, глядя в листочек, – перспектива крушения национал-социализма и распада Райхсраума куда более реальна, чем это представляется. И она тем более реальна, что связана не с недостатками национал-социализма, а с его достоинствами...

В этот момент Фридрих отключился, потому что снова поймал взгляд Фрау.

На сей раз она смотрела на него в упор – именно на него, прямо сквозь человеческую толщу, как сквозь воду. Взгляд был пристальным и лишённым даже тени симпатии, хотя и не враждебным. Так смотрят на человека неприятного, но зачем-то нужного.

Убедившись, что взгляд пойман и понят, Фрау чуть повернула голову и скосила глаза в сторону одной из дверей. Власов понял и едва заметно кивнул.

– Вы слушаете? – невежливо спросил Михаил, шурша своими бумажками.

– Да, конечно, – автоматически ответил Власов и повторил хвост фразы – "не с недостатками, а с достоинствами..." Интересная мысль, – добавил он, – но, извините, мне, кажется, нужно... – все эти слова он произносил, уже вставая с места и запоздало понимая, что ему сейчас придётся выбирать, с кем разговаривать в первую очередь. С одной стороны, Фрау, которая, скорее всего, выйдет вслед за ним. С другой – Гельман, который бродит где-то рядом и вроде бы тоже чего-то от него хочет. Ещё этот Калиновский... от Фридриха не укрылось, что старикашка как-то подозрительно засуетился... Ещё этот Михаил, русский юноша. Который теперь будет цепляться, пока не прочтёт свой трактат до конца.

– Значит, не слушаете, – вздохнул Михаил. – Не буду вам мешать, вы тут на работе, – добавил он разочарованно.

– Меня заинтересовал ваш текст, – Фридриху стало слегка неловко, и он решил быть вежливым, – нет ли у вас нормального варианта? Я бы прочёл на досуге.

– Не могу, – смутился Михаил, – нормального на бумаге нет... Хотя погодите, у меня же эта штука с собой, – он засунул руку в карман брюк и принялся там копаться.

– Не надо, – начал было Власов, но настойчивый юноша уже достал из кармана вещицу и протянул собеседнику.

Это была шнелль-карта – новинка, недавно выпущенная в продажу "Сименсом". Фридрих с интересом повертел её в руках: штучка была новой и довольно дорогой.

– У меня там наговорено, в этом, как его, звуковом формате... – Михаил слегка смутился, явно стесняясь технического невежества. – Я сначала наговариваю текст, а потом уже записываю этим дурацким языком, чтобы для печати. Вы можете себе скачать куда-нибудь? У вас же есть, наверное, чего-то такое, – он не договорил, пошевелив пальцами в воздухе.

Фридрих вертел в руках карту – думать нужно было быстро. Скорее всего, подумал

он, на шнелль-карте содержится, кроме звукового дата, рехнервирус или рехнермина. Шанс, что Власов наивно скачает себе опасный дат, невелик, но реален, почему бы не попробовать – вдруг можно будет получить доступ к его целленхёреру или рехнеру? Целленхёрер был бы для них даже интереснее. Кстати, для кого – для них? Если его предположения верны, Михаил работает либо на Фрау, либо на Гельмана, а может быть, и на ДГБ, или на всех сразу – впрочем, его могут использовать и втёмную. Хотя... а что, если это ниточка к тем, кто убил Вебера? Ничего нельзя исключать заранее. В таком случае не будем пренебрегать шансом. Они хотят, чтобы я скачал заражённый дат – что ж, я это сделаю. Запустить исполняемый код из памяти этого целленхёрера вряд ли возможно, зато сам факт наличия вредоносной программы объяснит многое... Рискнём.

Он улыбнулся и достал "Сименс". Универсальный разъём должен был подойти к любой технической новинке компании.

Целленхёрер опознал устройство и проверил ёмкость встроенной памяти. Находящийся на шнелль-карте дат был такого размера, что занимал почти всю свободную память телефона, зато формат опознавался легко: стандартный звуковой двойного сжатия. Встроенная проверка рехнервирусов не нашла – впрочем, Власов на сей счёт и не заблуждался. Если это те, о ком он думает, то они работают тонко.

На экранчике телефона появилась коротенькая полоска. Расти вдоль она не спешила: дат был великоват для устройства.

Михаил наблюдал за процессом с откровенной заинтересованностью.

За этими манипуляциями Фридрих и не заметил, как в зал вернулся Гельман. Через минуту тот уже нависал над Власовым. Выглядел он необычно – протрезвевшим, злым и сконфуженным.

– Фридрих Андреевич, – тихо сказал он, – у меня неожиданная проблема. Пожалуйста, не уходите, что бы ни случилось. Сейчас будет немножко неприятно, очень прошу, никуда не уходите...

– Я вроде бы и не собираюсь, – Власов чуть отодвинулся от всполошённого визави. – Насколько я понимаю, вы хотите поговорить...

– Да, да, очень важный разговор... Просто... Я тут запланировал нечто вроде представления... то есть выступления... Но позже, позже! Кто же знал, что он припрётся именно сейчас! Пожалуйста, ну представьте себе, – Гельман зачастил, засуетился, – представьте, что вы делаете важную работу, ну, какой-нибудь доклад пишете, я не знаю, записку, и тут к вам вбегает мальчик с поломанной игрушкой, ревёт и требует, чтобы вы её починили...

– Я бы велел ему выйти вон, – пожал плечами Фридрих.

– Ну тут так не получится, я же его и приглашал... – Гельман в досаде шлёпнул ладонями по ляжкам, – не вовремя, не вовремя! Творческая личность, – лицо Гельмана перекосила гримаса бешенства, – они все такие, творческие личности... Как же я ненавижу всю эту шваль!

– Вы кого имеете в виду? – Власов посмотрел на суетящегося галерейщика почти с удовольствием.

– Очень, очень прошу, просто умоляю, – Гельман уже пятился обратно к выходу, – подождите, это недолго...

Власов бросил взгляд на целленхёрер. Полоска не доросла и до половины. Время шло медленно – и проходило, честно говоря, безо всякой пользы для дела. Хотя, подумал Фридрих, зверинец тут подобрался занятный. Пожалуй, даже занятнее, чем сборище на

Власовском проспекте...

– Господа! – раздалось в зале. Голос принадлежал Гельману. – Солнце русской культуры! Приветствуем!

Галерейщик снова стоял у двери, дружеским жестом полуобнимая за талию персонажа настолько странного и нелепого, что рука невольно потянулась за "стечкиным".

Это был огромный, грузный, заросший седой щетиной человек с отвисшими щеками, которые чуть не лежали на воротнике рубахи. То была именно рубаха – кошмарное изделие из грубого серого полотна, навыпуск, изрисованное какими-то рисунками и надписями и заляпанное свежей грязью. Из расстёгнутого ворота торчали клоки сивых волос, ниже выкатывался горб пуза. Ниже можно было разглядеть ноги в чём-то вроде штанов (Власову вспомнилось слово "порты", встреченное в каком-то словаре), заправленных в армейские ботинки умопомрачительного размера.

В руке он держал бутылку – судя по всему, водочную. Та буквально тонула в широченной пясти, тоже грязной: Власову с его места была видна въевшаяся чернота под ногтями незнакомца.

Фридриха передёрнуло от омерзения.

– Прошу внимания! – Гельман забежал с другой стороны, снова приобнял вошедшего. – Лучший русский поэт современности! Валериан Рукосыло-Пермский! Сегодня специально... в честь нашего вечера... творческий блиц!

– Выпить есть? – густым насморочным басом прогудел его подопечный.

Никто ему не ответил.

Власов к тому моменту уже сидел. Странноватая фамилия поэта показалась ему смутно знакомой – вроде бы была какая-то история... Увы, хвостик воспоминания всё никак не ухватывался.

– Это ещё что такое? – тихо спросил Фридрих, нагибаясь к Михаилу.

– А, это... – юноша махнул рукой с видом крайней досады. – Я думал, это позже будет... Позорище. Гельман на вечера водит всяких уродов. Этого из Перми вывез. Называет это "живой поэзией".

Тут все разговоры перекрыл густой голос новопришедшего:

– Ну так нальёт кто-нибудь русскому человеку?

Гельман по-обезьяньи ловко шмыгнул к минибару, схватил бутылку с вином и передал поэту. Тот смачно присосался, хлебнул.

– Кислятина, – пробурчал он и приложился ещё раз. Гельман дождался глотка, потом аккуратно вынул бутылку из пясти и поставил на стол.

Поэт и бровью не повёл. Видимо, опеку со стороны галерейщика он принимал как должное.

– Зажались чё? – обратился он к сидящим в зале. – Давно живого поэта не видели? Ну ща устроим тут веселуху. Лив-арт, всё горячее. Ым... – он икнул, – ымпровизация нах.

Рукосыло зевнул, и стало видно, что у него не хватает зубов в верхней челюсти.

Гельман улыбнулся, как бы приглашая всех оценить шутку.

– Ну чё? Из русского цикла почитаем что-нибудь. Про Россию и Революцию. Я за революцию духа и всего на свете. Потому что всё говно и нищета, если духа не видно...

Зал молчал, разговоры примолкли.

– Заскучали? Вот, значит, стихи. Не эти ваши дихтунги, а правда! О жизни нашей мудацкой!

Поэт встал в позу, отдалённо напоминающую позу молотобойца, и, помогая себе взмахами кулака, выкрикнул в зал:

– О Русь, я срусь,
А по звизде –
Я пьян, я ссан,
Болят муде,
Разврат – мне брат,
Мой Бог – мой скот,
Я в катыхах
Сижу, задрот...

Власов, ошеломлённый таким свинством, обвёл глазами зал. Никто не вставал с места, никто не возмущался. Прищурившись, он вгляделся в лицо Рифеншталь: на нём застыло выражение, которое, наверное, можно было бы поименовать удовлетворённой гадливостью. Ей было противно – но она была довольна этим обстоятельством.

Расправившись с жизнью, поэт заявил, что сейчас прочтёт "что-нибудь социальное".

– О немецком засилье! – заявил он, делая руками сложные движения, будто наматывал на запястья невидимый канат.

– Глупый немец
лезет тупо,
Он дрожит
своей залупой,
Он кусается
Зубами,
Да спасается
Словами
О говне и пердеже
На полицейской бумаге верже!

– последние слова он как бы пропел, противно подвывая.

– Это из Мандельштама, контекстуально, обратите внимание, – откомментировал Гельман, взявший на себя роль конферансье. – Вы, конечно, знаете великого русского поэта Осипа Мандельштама? – фраза была выпущена в воздух, но так, чтобы задеть слух Власова.

– Что за скотство? – прошипел Фридрих в пространство. Слова попали в ухо Михаила.

– Иллюстрация любимых теорий Мюрата Александровича, – сказал юноша, несколько понизив голос. – В частности, насчёт организации. Он считает, что при хорошей организации из любого дерьма можно слепить конфетку и продать целевой аудитории. Этого Рукосылу он даже в Америку продавал. За жертву фашизма.

Тут у Власова, наконец, щёлкнуло в голове: он вспомнил, где слышал эту фамилию.

Во время польских событий в российских газетах появились сведения об убийстве пермской девочки по имени Ольга Рукосыла. Та якобы убежала из дому, чтобы посмотреть на польскую революцию, проехала через всю Россию, пробралась в Польшу и погибла на варшавской улице – от рук каких-то "фашистских отрядов самообороны". Подробности смерти расписывались в самых ужасных красках. "Свободное Слово"

опубликовало интервью убитого горем отца девочки, который призывал к отмщению.

Правда, довольно скоро выяснилось, что никакой девочки не было: так называемый "отец", некий Валериан Рукосыло, называющий себя "поэтом", просто-напросто выдумал всю эту историю. Никакой дочери у него не было, как и детей вообще. На суде – "поэта" привлекли к ответственности – он заявил, что его "убитая дочь", оказывается, была "виртуальным художественным объектом", а интервью – "художественной акцией, разоблачающей буржуазно-фашистское общество тотальной симуляции".

Интереснее было то, что в защиту "художника и поэта" публично выступили несколько западных политических деятелей (правда, второго ряда). Все они пели песню на тему того, что "искусство должно быть свободно". На Востоке в защиту Рукосыло выступила только Новодворская, которая в очередном интервью заявила, что "фашизм – это отсутствие чувства юмора", а выходку "художника" назвала "невинной мистификацией в духе сюрреализма". Российский суд отнёсся к этому иначе: Рукосыло приговорили к большому штрафу, который был выплачен неизвестными доброжелателями – впрочем, никто не сомневался, что среди таковых был Гельман... Непонятно было только, что этот тип делает здесь и зачем читает гнусные стишки.

– В этой грёбаной, стылой стране,

Где туманы и мгла мировая,

Я стою по колено в говне... –

поэт прервался, чтобы ещё глотнуть из горла.

Власов ещё раз посмотрел на Фрау. Та демонстративно подняла ссохшиеся от старости и похожие на птичьи лапки ладошки – и сдвинула их. Гельман тут же поднял руки и зашлёпал ладошками. Зал подхватил, правда, без особой охоты.

– Понравилось? – ухмыльнулся поэт, отчего его уродливая физиономия стала ещё страшнее.

– Его что, нельзя было помыть и причесать? – тихо спросил Власов у Михаила.

– Гельман его специально так наряжает, – объяснил Михаил. – По его мнению, это и есть типичный русский. Вот он его и поддерживает в типично русском состоянии: поит дрянной водкой и кормит на убой. А для *них,* – Фридрих понял, что молодой человек имеет в виду Фрау и ее кружок, – это тоже доказательство любимых теорий. О русском вырождении и разложении – и, как следствие, необходимости отделения Петербурга как единственной пока еще здоровой части...

– Но ведь вы так не считаете?

– Я реалист, – буркнул Михаил. – Я понимаю, что бессмысленно бороться в одиночку. И надо использовать те возможности, которые есть.

Против чего именно он борется, он не пояснил, ибо в этот момент Рукосыло, закончив, наконец, про мировую мглу, подбоченился и громко заявил:

– Уныло как-то у вас. Ну, повеселю. Обхохочетесь. Стишастики у меня совсем новые. Называется – "Чем пахнут штаны". Про штаны будем слушать?

– Это аллюзия на одного итальянского поэта... – начал Гельман, но уже изрядно набравшийся Рукосыло отмахнулся от него, как от мухи:

– Итак, читаю! Штаны! Сначала тебе, Мюрат!

– У жидишки чем пахнут штанишки?

Как подмышки пархатой мартышки!

Гельман поморщился, но промолчал. Кто-то за соседним столом кашлянул, поперхнувшись едой.

Почуявший волю поэт обвёл всех победоносным взором и рявкнул:

– А у шлюшки чем пахнут штанюшки?

М-м-мокропсятинкой бабьей игрушки! – на "псятинке" он мерзко причмокнул.

– Всё гаже и гаже, – откомметрировал Михаил. – Сейчас его, наверное, выкидывать будут.

– Кого? – не понял Власов.

– Да этого... Рукосылу. Он, как напьётся, начинает буянить, – пояснил Михаил. – Это у него такой имидж. Ну, в смысле, ложный гештальт, – пояснил он зачем-то.

– А у немца чем пахнут коленца?

Как обоссаные полотенца!

– продолжал кривляться Рукосыло.

– Н-да, сейчас выкинут, – заключил Михаил. – Уже было. Этого типа судили...

– Я в курсе, – усмехнулся Фридрих.

В глазах Михаила мелькнуло уважение.

– Хорошая у вас память... Профессиональная, – вздохнул он. – Жаль, если вашу контору разгонят. Что, скорее всего, и произойдёт. Когда всё кончится.

– Вы о чём? – не понял Власов, потом вспомнил, посмотрел на экранчик: дат скачался. Он осторожно отсоединил шнелль-карту и отдал её владельцу. – Ну что ж. Я с вашим трудом ещё не знаком, но в выводах сомневаюсь заранее. Вряд ли что-то случится с моей страной... или хотя бы с моей, как вы выразились, конторой.

– Вы сначала послушайте, – с лёгкой обидой в голосе ответил Михаил. – После суда Гельман большой концерт устроил с этим Рукосыло. Так его со сцены сбрасывали.

Тем временем Рукосыло прочитал ещё несколько двустиший того же содержания, постепенно понижая голос до шёпота, и вдруг заорал:

– А у русского нету штанов! – и начал стаскивать с себя порты.

Власов невольно привстал: это было уже слишком.

– Нету! Нету! Бе-бебебе! – кричал Рукосыла. – Нету-нету-нету!.. штанов у русского поэта! – наконец, с портов отлетела пуговица и ширинка лопнула. Показались розовые трусы.

– Нате, нате! Суки грёбаные! Соси-и-и... – поэт запустил лапу в мотню.

Тут за его спиной появились – Власов оценил скорость реакции, она было на хорошем уровне – двое высоких мужчин в одинаковых костюмах с галстуками. Они подхватили поэта под руки, ловко вывернули локти и легонько подвинули к двери. Тот вздумал орать и брыкаться, но резкое движение одного из мужчин его успокоило.

Через несколько секунд дверь за ними закрылась. Точнее, закрыл её Калиновский, проскользнувший ужиком в залу.

Фрау сдвинула ладошки, и все зааплодировали. Видимо, такой конец творческого выступления никого не удивил и уж точно не огорчил.

Гельман остался один. Смущённым он не выглядел – даже, скорее, наоборот.

– Вот, господа! Единственный настоящий русский поэт современности! Живёт как пишет! – объявил он и комично раскланялся.

Снова раздались хлопки – пожиже.

Через пару минуты Гельман вновь оказался возле Власова. Вид у него был крайне недовольный.

– Ну вот, – отдуваясь, сказал он, и снова выпил – так, как в жару пьют лимонад, – извините сто раз, Фридрих Андреевич. Это должно было быть часа через два, когда все,

так сказать, разогреются... Ну ничего, тоже неплохо получилось. Русское искусство в его высшем воплощении, – он явно хотел сказать что-то еще, но неприязненно взглянул на Михаила, затем вновь, уже умоляюще – на Фридриха. Власов понял, поднялся и пошел за ним.

– Что пошло не по плану? – решил выяснить ситуацию Фридрих.

– Этот идиот, ну вы его видели... – Гельман махнул рукой, – припёрся раньше положенного. И сорвал мне планы.

– Такого субъекта лучше держать на цепи, – пожал плечами Фридрих.

– Неплохая идея, но у меня были бы неприятности... – процедил галерейщик. – Чёрт, он сорвал мне всё... Власов, – он снова начал называть Фридриха по фамилии – нам очень нужно побеседовать. Вам это, может быть, нужно больше, чем мне. Но меня пасут. Люди Бобкова, Калиновский, все... А сейчас мне сорвали удобный момент. Но вы ведь еще не уезжаете из Бурга? Позвоните мне. Это очень важно, – он буквально всунул в руку Фридриха карточку. – Мы, конечно, не можем обсуждать это по телефону. Но мы встретимся и поговорим спокойно. Два умных человека всегда договорятся... А сейчас, извините, я лучше пойду, – внезапно заключил он. – Будете разговаривать со старухой, учтите – она пустая. У неё ничего нет. До встречи, – он попытался сунуть Власову ладошку, потом как-то закруглил жест в воздухе и поспешил к выходу.

"Крайне неприятный и суетливый тип", – решил Власов, провожая взглядом спину галерейщика. Чувство было такое, как будто отодрался, наконец, цеплючий репей. Кстати, – подумал Фридрих – не исключено, что осталось несколько остьев с крючочками. Он же отдавал свою куртку в гардероб в "Аркадии" (Власов снова вспомнил фальшивого негра, и его передёрнуло от омерзения). Не исключено, что к одежде втихую присобачили "жучок". Надо будет, добравшись до дома, тщательно проверить все свои вещи сканером... Но и вообще этот назойливый субъект с его скверными манерами и ещё более скверными затеями был ему крайне неприятен; Гельман казался полной противоположностью тому, каким должен быть деловой человек – не важно даже, идет ли речь о коммерческих делах или о политических. "Это ж надо было умудриться – отнял столько времени и так и не сказал за целый день ничего по существу, чтоб ему провалиться!", – продолжал злиться Фридрих. Впрочем, карточку он все же убрал в карман. Черт его знает, что – и кто – может оказаться полезным в его деле. И если за всеми гельмановскими намёками и впрямь что-то стоит...

Фридрих поднял глаза на публику – и упёрся взглядом в глаза Калиновского. Тот осторожно качнул головой, явно куда-то приглашая.

Власов понял, встал и направился к боковой двери.

Kapitel 37. Тот же день, поздний вечер. Санкт-Петербург, переулок Освободителей, 4. (Рифеншталь-фонд, центральный офис).

Кабинет Фрау был невелик и скудно обставлен: узкий стол без скатерти, два стула, мини-барная стойка в углу. За стеклом маленького шкафа были видны бутылки зелёного стекла. Власов скосил глаза: судя по этикеткам, вино было французским, старым и дорогим.

Фрау Лени Рифеншталь ожидала его, сидя в глубоком кресле возле фальшивого камина, в котором с тихим шипением трепыхались подсвеченные тряпицы, изображающие пламя. Чуть подавшись вперёд и прикрыв глаза, она, казалось, дремала.

Власов невольно подумал, что ей не помешали бы спицы и клубок шерсти на коленях.

Калиновский тихо подошёл к своей хозяйке и что-то шепнул прямо в ухо – так тихо, что даже Фридрих, с его острым слухом, ничего толком не расслышал.

– Ладно, иди, – ответила старуха. – Приглядывай за ним. Пусть попрыгает.

Власов почему-то понял, что речь идёт о галерейщике.

Старик кивнул и молча вышел, аккуратно прикрыв дверь.

Они остались одни – Власов и Фрау.

Старуха подняла голову и внимательно посмотрела на Фридриха. Взгляд был цепкий и недобрый. Власов почувствовал себя неуютно. Было заметно, что Фрау им недовольна. Нет, не то, – он мысленно поправился, – скорее, считает его в чём-то виноватым, причём виноватым перед ней лично.

– Добрый день. Я вас слушаю, – первым нарушил молчание Фридрих.

Фрау додержала паузу в две секунды.

– Добрый день. Не хотите вина? – она показала глазами на бар.

– Нет, я не употребляю алкоголя, – как обычно ответил Власов.

– Характерное выражение, – отметила старуха. – Человек, не любящий спиртное или не намеренный его пить именно сейчас, сказал бы просто – "спасибо, не хочу". Идейный трезвенник непременно скажет "не употребляю алкоголя". Видите, как много значат слова. Даже если они выражают вроде бы одно и то же.

Власов понял, что Фрау ждёт ответной реплики, но не нашёлся с ответом.

– Молчите? – с каким-то странным удовлетворением отметила фрау Рифеншталь. – Ну тогда вот вам ещё один пример. Представьте себе, что у вас была какая-то вещь, а потом её не стало. Можно сказать, что она пропала. Но, допустим, она не могла пропасть без посторонней помощи. Что произошло?

– Вы намекаете на кражу? – Власов склонил голову.

– Вот я и говорю, что тут многое зависит от точки зрения. Нечто может быть украдено. А может быть – изъято. Официально или неофициально, это в данном случае не столь важно. Важно только одно слово. Украдено или изъято?

Власов решил действовать стандартно. В малопонятной ситуации следует тянуть время и пытаться вытянуть из собеседника максимум информации.

– И вы полагаете, что я это знаю? – сказал он, решив, что эта фраза его выдаёт минимально.

– Неглупо, – неожиданно одобрила старуха. – Неглупо и по-своему честно. Вы, конечно, можете и не знать. Или молчать, потому что таков приказ. Я понимаю, что такое приказ, и если дело в этом, можете не тратить моё и своё время. Но если та вещь всё-таки не у ваших, у нас появляются общие интересы, не так ли?

До Власова, наконец, дошло, о чём может идти речь.

– Мне неизвестно об активных мероприятиях РСХА, связанных с вами лично, – сказал он, слегка выделив голосом слово "мне". Как знать, возможно, фрау Рифеншталь знает нечто, о чем не поставили в известность его самого; в этом случае она оценит его честность.

– Вот как, – старуха сделала неуловимое движение, подаваясь чуть вперёд. – Со мной лично. Хорошо, приоткроем наши карты. Я многое повидала на своём веку. Я всегда была с теми, кто принимает решения. Иногда эти решения казались разумными, чаще нет. И меня трудно удивить такой банальностью, как устранение нежелательного фигуранта, –

старомодное выражение прозвучало в устах Фрау как-то особенно весомо. – Я знаю, что вы присутствовали при его гибели, не спрашивайте, откуда... Кто это сделал? Вы лично? Или контролировали исполнителя? Да не беспокойтесь, – поморщилась она, неправильно истолковав недоумённое молчание Власова, – это никак не повлияет на наш дальнейший разговор. Вы выполняли приказ, к вам лично у меня нет претензий. В конце концов, он был просто объектом, одним из многих. К тому же вы убили бы и родного отца, отдай Мюллер такое распоряжение. Вы ведь профессионал, не так ли? Я это понимаю. В своём деле я тоже профессионал, и тоже не остановлюсь ни перед чем. Я готова убить ради хорошего кадра, и признаю за другими право убить ради интересов нации и государства. Но старик был моим другом, а я ценю старых друзей, у меня их не так много осталось. Я имею право знать подробности.

– Нет, – сказал Фридрих, сообразив, наконец, в чём его обвиняют. – Я не убивал Хайнриха цу Зайн-Витгенштайна, и не принимал никакого участия ни в чём подобном. Насколько мне известно, это была смерть от естественных причин.

– Смелое заявление. Вы готовы поручиться за свои слова? – прищурилась старуха.

– Ручаться я не могу ни за что, – честно ответил Фридрих, практически повторяя аналогичный ответ Никонова. – Но, во всяком случае, я ничего такого не знаю.

– Может быть и так, – промолвила старуха. – Но вы всё же там были. Я не верю в совпадения.

Ого, подумал Фридрих. Естественно, ни в каких сюжетах о смерти князя он не фигурировал. Видимо, служба безопасности Фрау, какой бы "букашечьей" она ни была, все же имеет кое-какие контакты...

– Совпадения время от времени случаются, – твёрдо сказал он вслух. – И гораздо чаще, чем нам кажется. В этом нет ничего мистического, всё подчиняется теории вероятностей. Просто обыденный рассудок плохо её понимает. Помню, – усмехнулся он, – в школе мне задали вопрос: если десять раз подбросить монетку и десять раз выпадет орёл, какова вероятность, что в одиннадцатый раз снова выпадет орёл? Я, не подумав, ляпнул, что один к двум в одиннадцатой степени. И получил плохую оценку.

– Вот как? – старуха, казалось, заинтересовалась. – И какова же вероятность?

– Одна вторая, – сказал Власов. – Как и во всех предыдущих случаях. Длинный ряд орлов выстраивается только в нашем уме. На самом деле события не влияют друг на друга. Мы видим закономерность там, где её нет. Это и сбивает с толку.

– Интересная точка зрения, – протянула сквозь зубы Фрау, явно думая о чём-то своём. – Я всё же думаю, что его убили. Если не вы, значит, всё-таки Бобков... Или кто-то из этих старых идиотов... Но в его квартиру вы залезли. Мне это тоже известно.

Власов вспомнил о нелепой выходке Франциски. Видимо у Фрау есть знакомые и покровители в бобковском ведомстве. Уж не Никонов ли? А почему бы и нет? В этой стране, подумал он, личные связи играют слишком большую роль...

– В таком случае вы знаете, что это был не я, – ответил он.

– Значит, ваш агент, – Фрау поджала губы.

– Нет, не агент. Это моя обуза, – вздохнул Фридрих, вспомнив о госпоже Галле. – Кого вы имели в виду, когда говорили о "старых идиотах"? – решил он уточнить.

– Вам всё выкладывай сразу и на блюдечке, – старуха, однако, не казалась недовольной. – Сначала объясните мне, что вы тут делаете... Сами понимаете, меня интересует настоящая причина, а не коммерческие интересы компании "Мессершмит", – добавила она без улыбки.

В этом обществе Фридрих о своей легенде не упоминал, но теперь ее осведомленность его уже не удивила. Тем не менее, он не знал, до какой степени ему стоит быть откровенным.

– Молчите? – старуха не дала ему времени придумать обтекаемый ответ. – Боитесь выдать свою служебную тайну? Что ж, я помогу вам. Я знаю, кто такой Вебер и что с ним случилось. Вам это интересно?

– Да, – тут же откликнулся Власов. – Я действительно прибыл сюда, чтобы расследовать обстоятельства его смерти, – он мысленно похвалил себя за удачную формулировку: пусть сама додумает, что означает это "сюда" – в Россию, в Москву, в Петербург? Опыт показывает, что человек почти всегда толкует подобные неопределенности не в свою пользу, делая вывод, что оппоненту известно больше, чем на самом деле... – Так вы знаете, кто его убил?

– Вы тоже считаете, что его убили, – констатировала она, не отвечая на вопрос. – И что его убил кто-то из наших. Что ж, если книга и в самом деле не у вас, всё сходится...

– Книга, – Власов зацепился за слово и решил попытаться узнать побольше, не открывая карт, – может оказаться где угодно. Может быть даже, – ему неожиданно пришла в голову мысль, которую он не обдумывал раньше, – *в разных местах.*

И по тому, каким колючим и неприятным сделался и без того не слишком приветливый взгляд Фрау, Фридрих понял, что попал. Или, во всяком случае, зацепил какую-то ниточку.

– Хватит юлить! – каркнула старуха, мигом утратив свой устало-надменный вид. – Я знаю очень много плохого про вашу контору, может быть, больше, чем вы! Но прежде, по крайней мере, все мерзости, которые она творила, она творила ради интересов Райха, а не нескольких старых семей! Неужели теперь уже и это не так? Или, может, вы возомнили, что я могу продать книгу скунсам? Если бы я хотела этого, то давно бы сделала и получила бы настоящие деньги, а не эти крохи, вы хоть это понимаете?! – старческий голос сорвался, она закашлялась и бессильно откинулась в кресле.

– Я работаю на Райх, – честно сказал Власов. – И, кстати, вы только что сказали, что располагаете сведениями об убийстве имперского офицера...

– Хорошо, пусть так, – старуха аккуратно промокнула рот платком и вновь убрала его. Она опять взяла себя в руки. – Я не знаю, кто убил вашего Вебера, если вы об этом. Равно как и кто украл у меня книгу. Но теперь у меня уже практически нет сомнений, что это один и тот же человек. Что и выводит нас на тему общих интересов.

– Вы только что упоминали неких "старых идиотов", – вновь напомнил Власов.

– Забудьте об этом. Я погорячилась. Они не имеют отношения к делу.

– И тем не менее – у них есть фамилии? – продолжал настаивать Фридрих.

– Да, у них есть фамилии, – ядовито ответила Фрау. – Фамилии, очень хорошо известные в Дойчлянде. И вы, полагаю, знаете их не хуже меня.

Она посмотрела на него выжидательно, и Власов понял, что допустил ошибку. Если сейчас она поймет, что он имеет о книге лишь самое смутное представление, разговор, возможно, на этом и закончится. Или, во всяком случае, продолжится в гораздо худшей для него позиции. Следовало придумать еще одну обтекаемую формулировку, позволяющую собеседнице самой сделать нужный вывод...

– Неужели этих людей настолько интересуют дела давно минувших дней? – рискнул он.

– Интересуют, – кивнула Фрау. – Кое у кого из них свои представления о

фамильной чести.

Ах вот оно что. Выходит, старинная рукопись не только служит ключом к кладу (впрочем, напомнил себе Фридрих, это лишь гипотеза), но и содержит сведения, бросающие тень на прошлое неких германских аристократических родов? Возможно, и самого цу Зайн-Витгенштайна? Впрочем, это как раз исключено, раз князь планировал передачу книги на Запад. Хотя он мог изъять страницы, относящиеся к его собственному роду... но все равно, как-то это плохо совместимо с дворянскими понятиями о чести... И что это все-таки за компромат, за который американцы готовы платить немалые деньги? Их-то самих средневековые древности мало заботят... Что-то, что можно использовать в современной пропаганде? Возможно, речь идет о предках-юде? Сейчас, конечно, это далеко не так страшно, как при Хитлере, но...

Фрау Рифеншталь молча смотрела на него, и Власов резко оборвал свои размышления. Так или иначе, из только что услышанного следовал достаточно ясный вывод, который он не замедлил озвучить:

– И вы брали с них деньги за то, чтобы эта книга никогда не увидела свет.

– Они вносят пожертвования в мой фонд, – ответила старуха. – Я понимаю, что вы обо мне думаете. Но для осуществления серьезных проектов нужны деньги. Одной всемирно известной фамилии мало. Уж вы-то, полагаю, это знаете, – добавила она с усмешкой.

– Тогда почему вы так уверены, что эти люди ни при чем? Едва ли они отдавали вам последнее, но мотив очевиден...

– Вы не слушаете, – досадливо поморщилась Фрау. – Или не настолько умны, как пытаетесь казаться. Сначала я тоже подумала на них. Точнее, сначала я подумала на вашу контору, тем более что здесь в последнее время крутился этот Эберлинг... но это не мог быть он. Он прибыл слишком поздно. Я обнаружила пропажу только четвертого февраля, но я точно знаю, что мой сейф не открывался, как минимум, с середины января. А в прошлое Рождество книга еще была на месте, вот вам временные рамки... Потом я думала, что кто-то из них... не лично, конечно... но...

– Но вы сказали "вносят", а не "вносили", – сообразил, наконец, Власов. – Деньги продолжают поступать и после кражи.

– Да. Я думала, что вычислю того, кто не заплатит. Но заплатили все.

– Возможно, для отвода подозрения.

– Тогда бы пришлось отводить подозрение и дальше, и какой тогда смысл в самой краже? – пожала плечами Фрау.

– Может быть, – задумчиво произнес Фридрих, – для того, кто это организовал, деньги не главное. Он согласен продолжать платить, лишь бы быть уверенным, что книга уничтожена.

– Слишком сложно, – безапелляционно отрезала старуха. – И мелодраматично. Попадись мне такое в сценарии, я бы вымарала это без колебаний. Не забывайте, что доказать вину заказчика юридически почти невозможно, даже если бы я подала заявление – а я, разумеется, этого не делала и делать не стану. Не хватало только впутывать в это дело русскую полицию.

– Хорошо, – согласился Власов. – Так почему вы уверены, что вор и убийца Вебера – одно лицо?

– Ну это же очевидно – если вы, конечно, говорите правду... Книга не у *тех*. И не у вас. На Запад ее, очевидно, тоже не переправили, иначе вы говорили бы на эту тему по-

другому...

– На Западе ее нет, – подтвердил Фридрих.

– Значит, похититель действовал не по заказу, а сам. И понял, что продать такой жгущийся товар не так-то просто. Очевидно, он решил, что легче всего продать его Управлению. Это был идиотизм, Управление не та контора, чтобы её шантажировать... Так или иначе, вор вышел на Вебера – для знающих людей его принадлежность к РСХА не была большим секретом, и в Москве такого человека найти было проще, чем здесь. Разумеется, вор потребовал себе гарантий безопасности – встречи один на один и все такое... Но при личной встрече что-то пошло не так, и Вебер был убит. По срокам все как раз сходится...

– У вас есть догадки, кто это мог сделать? – Власов спросил об этом быстрее, чем подумал.

– Нет, – старуха развела руками. – Раньше у меня были всякие подозрения... в основном я думала о Гельмане. Через него я связывалась с некоторыми людьми, он видел книгу и понимал, что это такое. Но он не убийца. У него не хватило бы на это духа, в этом я уверена. И когда я узнала о смерти Вебера, я перестала его подозревать. Но я думаю, это кто-то из моего окружения. Власов, – сказала она почти умоляюще, – мне нужно знать, кто это. Я понимаю, что книгу вы мне не вернёте, это не в ваших правилах. Но я должна точно знать, кто меня предал.

– Я тоже хотел бы это знать, – Власов сглотнул: в горле почему-то пересохло.

– Так узнайте же! Теперь, когда Вебера нет, он попытается выйти на вас. Понимаете, ему просто некуда больше деваться. Он мог бы, конечно, перетрусить и просто уничтожить книгу, но после всего, что он уже сделал, он едва ли захочет остаться ни с чем. Он все-таки не совсем дилетант, раз сумел разделаться с Вебером... Значит, он попытается снова, учтя предыдущие ошибки. Дождитесь его. Потом делайте с ним всё что угодно, только скажите мне, как он сумел украсть книгу и кому её предлагал. Что продал, что пообещал. Если все-таки работал – на кого именно работал. Все подробности. Я не потерплю заговоров у себя под носом.

– К сожалению, я ничего не могу обещать вам, Фрау, – покачал головой Власов. – Я благодарен вам за ваши сведения, но вы сами понимаете – я не вправе сообщать служебную информацию, касающуюся расследования.

– Ожидаемый ответ, – на этот раз у старухи получилась самая настоящая улыбка, хотя и не особенно добрая. – И он подтверждает мое впечатление, что вашему слову можно верить. В противном случае вы бы пообещали мне что угодно... Ну хорошо. Я сдам вам еще один козырь. Если бы у меня была возможность самой воспользоваться этими сведениями, вы бы так и остались в неведении. Но сейчас, когда всё рушится... Если сейчас мы договоримся, я дам вам телефон одного старичка. Завтра утром вы позвоните ему и договоритесь о встрече. Я попрошу его вас принять. Ну а что вы узнаете от него конкретно, зависит от вас. Вы меня поняли?

Власов честно покачал головой:

– Какого старичка и что именно он знает? Вы же понимаете, я не могу договариваться втемную.

– Старичка зовут Вальтер Порциг. Вам знакомо это имя?

– Геолог, некогда нашедший месторождение никеля, – произнес Фридрих подчеркнуто равнодушным тоном. – Один из персонажей вашего "Ужина в "Медведе"". И что? Полагаю, его номер можно найти в любом телефонном справочнике.

– Полагаете неправильно, – отрезала старуха. – Во-первых, его телефона нет ни в одном справочнике. Он сам на этом настоял. ("Должно быть, после того сексуального скандала", – подумал Власов неприязненно.) Во-вторых, он не станет с вами разговаривать. Кроме как по моей убедительной просьбе и рекомендации. Полагаю, что мое слово все еще имеет для него значение.

– Вы были с ним... дружны? – спросил Власов.

– Отчасти можно сказать и так. Нет, не в том смысле, о котором вы подумали, – желчно добавила старуха. – Просто я знакома с ним не только по "Медведю". Вы видели фильм "Пропавшая экспедиция"?

– Там, кажется, добрый десяток серий, – припомнил Фридрих. – Я не люблю сериалы. И, насколько я помню отзывы, художественной ценности он не представляет. Типичная поделка в худших холливудских традициях. Пиф-паф, Herz-Schmerz, кровь-любовь, – последние два слова он произнес по-русски, – и ничего общего с исторической правдой. Включая название. Ведь экспедиция Порцига все-таки благополучно вернулась.

– Смотря для кого благополучно, – желчно заметила старуха. – Для Райха – разумеется, а для ее участников... в живых тогда осталось четыре человека. И перед этим с экспедицией несколько месяцев не было связи. Порциг тогда настоял на продолжении работ, несмотря на поломку рации и наличие в отряде больных и раненых. Он знал, что близок к цели... Но насчет фильма вы правы. Это полное дерьмо, – Фрау не сочла нужным подыскивать более изящное выражение. – Изначально его предложили делать мне. Я посмотрела сценарий и сказала, что его надо выкинуть целиком вместе со сценаристом. И переписать все заново. И, конечно, никаких десяти серий. Трехчасовой хронометраж. Три месяца они пытались уломать меня на полумеры, а потом отдали проект на все согласной бездарности. Но в это время я плотно общалась с Порцигом. И приобрела на него кое-какое влияние.

– Пока что я не вижу, какое отношение все это имеет к нашим делам, – напомнил Власов.

– То, что он может рассказать, может быть интересно многим. Вам. Вашему начальству. Русским. О, вы даже не представляете, насколько интересно, – усмехнулась старуха.

"Неужели и тут речь о большевицких сокровищах? – подумал Фридрих. – Экспедиция наткнулась на что-то такое в сибирской тайге? Впрочем, вряд ли в этом случае Порциг стал бы молчать. Уж каким бы кабинетным идеалистом он ни был, а ценность золота или чего там оценить в состоянии... Или его заставили молчать? Может быть, тот просочившийся сексуальный скандал – лишь верхушка айсберга, а на самом деле там что-то еще более мерзкое? Извращенцы ведь не останавливаются и перед убийствами..." Идея общения с таким человеком нравилась Фридриху все меньше, но он напомнил себе, что разведчик, как и врач, не может позволить себе брезгливость. К тому же пока все это – не более чем бездоказательные предположения.

– Ну же, Власов, – поторопила Фрау. – Я уже сказала вам, как взять убийцу Вебера. И вдовабок отдаю информацию, практически бесценную для многих. А взамен хочу лишь информацию, ценную для одной меня.

– Хорошо, – решился Фридрих, тщательно подбирая слова. – Если сказанное вами соответствует действительности, вы узнаете то, что просите.

– Ну что ж, – она достала из шкатулки на каминной полке визитку (строгие черные буквы на безупречно-белом фоне), написала на обратной стороне несколько цифр и

протянула ему карточку. – Вот его телефон. Ну что ж, было не так уж неприятно познакомиться, Власов, как я опасалась...

Фридрих понял, что его выпроваживают, и решительно перебил: – Подождите. Этот Порциг сам мне все расскажет? Или я должен спросить его о чем-то конкретном?

– Я уже сообщила вам достаточно, – отрезала старуха. – А знаете что? – она озабоченно почесала нос. – Если вы справитесь, я вам обещаю петербургское гражданство. Вам оно понадобится... Но я вижу, вы окончательно запутались. Но теперь идите. Мне нужно заняться своими делами.

– Всего доброго, – только и нашёлся сказать Фридрих, вставая.

– Всего наилучшего, – кивнула старуха. – Надеюсь, я не ошиблась.

Kapitel 38. Ночь с 12 на 13 февраля. Санкт-Петербург, Брусиловский проспект – улица Платона Павлова, 28

Фридрих уже который раз посмотрел на часы. Светящиеся стрелки сходились узким клином: без десяти час. Суровая хозяйка пансиона настоятельно просила не задерживаться после двух. Власова не волновал возможный штраф, но обижать хозяйку без повода не хотелось. Если бы не проклятая пробка...

А начиналось всё в высшей степени удачно.

Сначала Власов собирался взять такси, но в последний момент от этой идеи отказался: ему хорошо думалось за рулём, а подумать было о чём. Времени, по его расчётам, хватало, чтобы проехать без спешки по историческому центру города, а может быть, и увидеть новый деловой квартал, о котором он читал даже в берлинских газетах – ему прочили славу Тверской.

Поэтому он прямо из здания Фонда позвонил в местную прокатную службу и заказал машину. Со служебной машиной в день его прибытия в Петербург вышла накладка – ни одной свободной не оказалось; наутро обещали подогнать "фольксваген" ("у него форсированный движок и вся начинка, как положено", почти извиняющимся тоном произнес по телефону местный представитель Управления, словно чувствуя через трубку неудовольствие Власова), а пока что приходилось довольствоваться услугами проката. По привычке Власов потребовал BMW с навигатором. Через три минуты ему перезвонили с извинениями: все BMW оказались в разъезде. "Вы можете взять за ту же цену машину более высокого класса", – добавила девушка. Власов не стал спорить и согласился на любой автомобиль классом выше. Но всё-таки удивился, когда к поребрику подкатил тёмно-серый "Запорожец".

– Это Novum, новая модель, – похвастался водитель, выбираясь из-за руля. – Облегчённая, но не хуже старых, уж поверьте. И совсем недорогая, кстати. Если сообщите о впечатлениях и заполните небольшую анкету – вам полагается поощрительный приз на память о поездке.

Власов усмехнулся. Скорее всего, компании надоело жаться в престижном, но малоприбыльном классе люкс, и они решили атаковать самый аппетитный кусок рынка – кошельки состоятельных людей, не могущих себе позволить настоящей роскоши, но чувствительных к престижу. Конечно, широкой рекламы они себе позволить не могут – это потеря лица, да и толку не будет: люди, способные купить "Запорожец", к рекламным роликам и объявлениям относятся скептически, особенно в России. Но можно действовать и тоньше, ориентируясь именно на потенциальных покупателей. Например, человек,

берущий напрокат BMW, хотя в прокате есть автомобили подешевле и не сильно хуже – скорее всего, любитель хороших машин, привык к комфорту, а значит, потенциальный клиент. Лучшая же реклама – близкое знакомство с товаром...

Что ж, подумал Фридрих, почему бы и нет. Покатаемся.

Вежливо, но твёрдо отказавшись от анкеты, поговорив с водителем и выяснив у него кое-какие мелкие технические детали – Власов любил знать подробности о технике, которой собирался пользоваться, – он занял водительское место. Спиной он ощущал пристальный взгляд Калиновского: тот зачем-то вышел его провожать. Фридрих опасался ещё одного непростого разговорчика – но старик оказался неожиданно деликатен и, вопреки обыкновению, молчал.

Внутри пришлось пристраиваться: коробка "Запорожца" была автоматической, вместо педали газа из пола торчала какая-то пимпа, рычаг – непривычной формы, руль – маленький и с какими-то выступами. Зато приборная панель оказалась выше всяких похвал: по сути, рехнер, обрабатывающий все данные о машине и дороге в реальном времени и показывающий их на нескольких экранах в удобном виде.

– Надеюсь, – уточнил Власов на всякий случай у водителя, – тут установлены не "Ди Фенстер"?

Тот махнул рукой: дескать, кто же будет ставить такую дрянь.

Вполне удовлетворённый, Власов подписал квитанцию и получил ключи. Впереди ждала неспешная езда по одному из самых красивых российских городов – и время подумать.

Кто же знал, что он застрянет на Брусиловском проспекте?

Пробка была неожиданной и необъяснимой. Власов подождал минут пять, потом попробовал воспользоваться новумовским рехнером. Тот связался с полицейским управлением. Оттуда пришли нерадостные вести: серьёзная авария, все пути объезда плотно забиты, аварийку же ждут уже минут пятнадцать, но со временем пока неизвестно. Придётся ждать.

В качестве сомнительного утешения на экранчик рехнера вывели видеотрансляцию с места происшествия: накренившийся грузовик и развернувшийся против движения седан – судя по очертаниям, "Мерседес". Рядом можно было разглядеть белый бок вертолёта медиков. Всё оставшееся пространство облепила стайка полицейских "сук", окруживших место происшествия, как акулы.

Власов понаблюдал за ходом работ – судя по уверенным движениям людей, всё делалось правильно, без суеты и спешки, но, чёрт побери, как медленно! – и выключил картинку. Какое-то время разглядывал освещённый фарами зад неизвестной машины ярко-морковного цвета. Потом откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, постаравшись сосредоточиться на прежних мыслях.

Увы. Пока он сидел за рулём и следил за дорогой, впечатления оседали, становясь данными, а данные складывались в картину. Уже выстраивались общие контуры ситуации – достаточно сложной, но, в общем, просчитываемой… Пробка выбила его из потока мыслей: он упёрся в простой факт – всё это не имеет отношения к тому, зачем он здесь.

"Я думаю не о деле" – понял Власов.

Так и было. Его голову никак не могли поделить Гельман и Рифеншталь. Он не мог перестать думать о книге – и о загадочных словах Фрау. Между тем, никакой связи с темой штрика, или каких-либо зацепок по Веберу. Разве что этот рыжий парень со своей шнелькой? А всё-таки, есть на ней рехнервирус или нет? Скорей бы переслать это

хозяйство специалистам в Управление. Можно, в принципе, и по целленхёреру, но это будет долго. Хотя тут тоже придётся торчать незнамо сколько.

Нужно было на что-то отвлечься. На что-то совсем постороннее.

Если бы он сейчас был в Берлине, в своём кабинете, за столом, перед экраном рехнера и ворохом бумаг, то было бы понятно, что делать. Выключить рехнер, прикрыть глаза, сесть в "позу кучера на дрожках" и сконцентрироваться на каком-нибудь вопросе, не имеющем никакого отношения к текущим делам. Например, переиграть в уме какое-нибудь сражение времён Первой мировой – что-нибудь вроде битвы на Марне или, скажем, Луцкого прорыва... Некстати вспомнилось, что блокированный проспект назван Брусиловским. Что-то с этим было связано...

Власов напряг память. Ну да, это обсуждалось в одной райнконференции, посвящённой военной и послевоенной истории, на которую он был подписан.

История была старая: в шестьдесят пятом, что ли, году кто-то раскопал, что в сороковые годы не всем бургским улицам были возвращены исторические названия, а кое-где даже остались имена коммунистических деятелей. Обратное переименование тоже не обошлось без скандала: бургским властям остро занадобилось увековечить память нескольких исторических деятелей времён Российской Империи. В их число почему-то попал Георгий Львович Брусилов, исследователь Арктики, разведчик Северного морского пути, погибший в экспедиции.

Непонятно, правда, почему уроженец небольшого провинциального городка – Власов потёр висок, пытаясь вспомнить название, но не сумел – заслужил столько чести. Зато в шестьдесят шестом – когда, собственно, проспект и переименовывали – исполнилось полвека со дня Луцкого прорыва, удачной русской операции против дойчских войск на юго-западном фронте во время Первой мировой. Русскими войсками командовал генерал Брусилов, впоследствии перешедший на сторону большевиков и призвавший к тому же многих военных. Без воззваний Брусилова красные не привлекли бы на свою сторону военспецов – и, скорее всего, проиграли бы Гражданскую войну. В своих мемуарах, изданных после смерти, он оправдывал свой выбор по-всякому – в том числе и антидойчскими аргументами.

Неудивительно, что переименование проспекта было воспринято буржцами как увесистая фига, показанная "немчуре". В дойчских райнконференциях это поняли именно так. Русские участники в основном отмалчивались – но Власов прекрасно понимал, что означает это молчание. Если бы дискуссия происходила в скунсовском "интернете" с его анонимностью, дойчи услышали бы в свой адрес много неприятного...

Возможно, генерал Брусилов был по-своему честным человеком, искренне желавшим блага своей несчастной Родине. Он был отличным военным и никудышным политиком. Так или иначе, он принял решение, которое в итоге стоило жизни миллионам соотечественников: красный террор оказался ужаснее любого иноземного нашествия. Из восемнадцатого года это было, впрочем, не столь очевидно. Наверное, его можно было понять. И тем не менее, он совершенно заслуженно вычеркнут из пантеона национальных героев.

Впрочем... Власов вспомнил о своём отце. Да, он-то вошёл в учебники истории по праву. Но в России его многие считали предателем и "немецким прихвостнем", а в Германии – никогда не доверяли по-настоящему и при первой же возможности лишили заслуженной власти. Хотя он всё делал правильно. Чёрт побери, он умудрился пройти буквально по лезвию бритвы, не задев реальные интересы сторон и даже не поранив

национальное достоинство русских – так, несколько лёгких царапин там, где могла бы быть гноящаяся рана… И какую награду он получил от благодарных потомков? Власовский проспект в Москве?

Фридрих потёр виски. Нет, ни до чего хорошего он так не додумается. Надо чем-нибудь себя занять. Может быть, послушать радио?

Рука потянулась к панели. В этот момент сзади раздался длинный гудок – у кого-то лопнуло терпение. Другой подхватил, и загудели все.

Тут Власов вспомнил про запись статьи, которую ему всучил рыжий Михаил. Фридрих всё равно обещал её послушать. Конечно, обещание было дано из вежливости, но почему бы его и не выполнить? Это можно сделать, даже если дат заражён. Фридрих решил, что ему лично это ничем особенным не грозит: даже если рехнер "Запорожца" выйдет из строя, машину можно будет вести и без услуг электроники, а потом он позвонит прокатчикам, и они как-нибудь да выкрутятся – это страховой случай, а попадать на страховку им совершенно ни к чему. Зато он будет уверен, что вирус есть. Интересно, можно ли подключить телефон к колонкам магнитолы?

Выяснилось, что подключиться можно: в бардачке обнаружились шнуры-переходники с пятью наиболее популярными разъёмами. Там же обнаружилась книжечка в яркой обложке: "Kosak Novum: краткое руководство по эксплуатации".

Пока платтендат скачивался, Власов, включив свет в салоне, изучал "Руководство". Оно было написано довольно толково, хотя и сильно смахивало по стилю на скунсовский рекламный буклет. Начиная с первой страницы, украшенной надписью "Запорожец" спускается с небес" и соответствующим рисунком – и кончая навязчивой фразой "вы этого достойны" в каждом разделе. Тем не менее, все необходимые технические данные были приведены. Из них следовало, что машина – это, в общем-то, тот же самый Kosak, с классическим МиГовским движком, разве что без роскошной отделки и корпусом попроще. Цена не была указана, зато в конце находились адреса райнплацев, посвящённых новой модели – и трогательная приписка, разрешающая брать буклет с собой и свободно распространять сведения, в нём содержащиеся.

Дат, наконец, скачался. Рехнер немного подумал, опознал звуковой файл и запустил воспроизведение.

Власов выкрутил ручку и услышал запинающийся голос Михаила:

– Отполировать и переписать для сборника. Название: о возможных причинах распада Райхсраума. Так вот... Как известно, обыватели боятся перемен и верят в стабильность существующего порядка...

Фридрих прикинул, сколько времени заняла его беседа с молодым человеком, и мотанул запись вперед, желая пропустить то, что уже слышал.

– ...лизма, а с его достоинствами, – донеслось из колонок. Власов слегка кивнул, довольный точным попаданием.

– Казалось бы, преимущества национал-социализма очевидны, – продолжал Михаил. – В пятидесятые годы руководители Райха рассчитывали на постепенное распространение национал-социалистической системы мирным путём. Когда же выяснилось, что ни одна новая страна не хочет копировать существующую в Райхсрауме систему, были пущены в ход утверждения о неспособности низших рас к высшим формам общественной жизни...

Власов усмехнулся – юноша всё-таки плохо знал историю и совсем не подозревал о некоторых деликатных моментах. Например, о том, сколько позаимствовал из национал-

социалистической практики тот же Израиль, который специалисты называли "национал-социалистическим государством с юдской спецификой". Или о том, как на самом деле функционирует политическая система латиноамериканских стран.

– Это не исключает отдельных заимствований, – добавил Михаил, как будто услышав мысли Фридриха. – Например, тот же Израиль практикует нечто вроде национал-социализма с юдской спецификой. И тем не менее – национал-социализм как целостное явление по-прежнему ограничен рамками Райхсраума. Есть все основания полагать, что и в этих рамках ему станет слишком просторно...

Власов усмехнулся.

– Для того, чтобы понять суть наших рассуждений, – продолжал Михаил, – попробуем описать картину мира, имеющуюся в голове среднего жителя любой национал-социалистической страны, входящей в Райхсраум.

Экранчик рехнера мигнул красным: пришло полицейское сообщение. Власов с удовлетворением узнал, что через минуту движение возобновится. Прикинув масштабы пробки, Фридрих решил, что минуты через три передние машины двинутся.

– ...отличает уверенность в будущем, – продолжал тем временем Маихаил. – Он точно знает, что ему не грозит нищета, если только он не будет предаваться каким-нибудь порокам. Впрочем, для этого у него немного возможностей. Если у него есть способности, он всегда сможет получить достойное образование. Для него найдётся работа. Права работника защищены законодательством, которое скрупулёзно соблюдается. Если он заболеет или попадёт в катастрофу, к его услугам хорошее медицинское обслуживание. Его имущество и личную неприкосновенность охраняет полиция. Впрочем, шансы столкнуться с преступниками невысоки. Есть возможность вести общественную жизнь, пусть и в рамках определённых ограничений. И так далее: национал-социалистическая пропаганда говорит в основном правду...

Фридриху стало скучно: пошли банальности. Он зевнул и нетерпеливо посмотрел на морковную задницу.

– Теперь посмотрите на жизнь среднего человека на Западе. Её детермини... – Михаил запнулся, – её определяет чувство тотальной неуверенности. Даже самый благополучный человек в любой момент может пасть жертвой экономического кризиса, разорения отрасли или просто прихоти начальства. Но даже если у него есть средства, его со всех сторон окружают опасности – начиная от преступников, причём самых разнообразных... в последнее время появились даже киберпреступники, действующие в "интернете", надо посмотреть в REINe подробнее, – перебил сам себя Михаил, – да, так вот... Пороков гораздо больше, многое такое, что при национал-социализме запрещено, там легально существует. Шансы потерять здоровье и жизнь тоже выше. Политическая жизнь очень грязная, постоянно разные скандалы происходят, свержения правительств, никто никого не уважает... по крайней мере, так это выглядит…

Фридрих отметил про себя, что Михаил, в начале говоривший как по писаному, начал сбиваться на разговорные интонации.

– Обратим внимание вот на что, – предложил собеседник. – Любой гражданин Райхсраума точно знает, что живёт в обществе, созданном и контролируемом государством. Если что-то происходит – значит, на то воля партии и правительства. Даже в случае объективных, в общем-то, процессов ответственность лежит на власти. Если повысились цены на продукты, значит, это власть допустила их повышение. Если рухнул мост – значит, власть наняла плохих строителей. Если произошло наводнение и погибли

люди – значит, власть не предусмотрела наводнения и не озаботилась... – Михаил запнулся, подбирая нужне слово, не подобрал и просто продолжил. – И так далее: даже самый благонамеренный гражданин Райхсраума постепенно накапливает достаточное количество поводов быть недовольным. Но это ещё не всё. При национал-социализме власть всегда несёт ответственность за все действия всех её предшественников. Не существует легального механизма, позволяющего полностью отказаться от их наследия – при любых реформах, даже таких радикальных, каким было Обновление, власть вынуждена сохранять хотя бы видимость преемственности; и то, заметим, Обновление остается одним из самых неоднозначных событий в истории Райха. Любое изменение курса порождает недовольных, которые начинают говорить о предательстве каких-то там идеалов, – последние слова Михаил бросил с откровенным пренебрежением. – Короче говоря, национал-социализм – заложник собственного прошлого.

Морковная задница наконец стронулась с места. Власов выключил воспроизведение и тронулся.

Маневрировать в плотном потоке пришлось минут пять, после чего Novum, наконец, вырвался на простор. Фридрих вдавил педаль газа. Навигатор "Запорожца" запищал, призывая водителя перестроиться в левый ряд. Власов подумал, стоит ли слушать запись до конца, и решил всё-таки включить – просто чтобы закончить начатое дело.

– Теперь посмотрим на мир глазами западного человека, – предложил голос в колонках. – Западный обыватель уверен, что живёт в свободном мире. Это значит, большинство жизненно важных для него процессов протекают как бы сами собой. Например, развитие западной экономики якобы никем и ничем не контролируется, кроме так называемого свободного рынка. Экономические кризисы – ужасное, но естественное явление, наподобие землетрясения или лесного пожара. В худшем случае в кризисах можно обвинить каких-нибудь зарвавшихся спекулянтов, или правительство, которое, по убеждению западного обывателя, коррумпированно и некомпетентно. Но правительства меняются, первые лица приходят и уходят, причём, что самое важное – ни одно правительство не несёт ответственности за действия предыдущего. Наоборот, предыдущее правительство принято ругать и обвинять его во всех грехах. Разрешено проявлять недовольство, это даже в каком-то смысле поощряется. Весь пар, таким образом, уходит в свисток, а власть может легко и быстро менять политический курс...

Власов повернул направо: фары осветили крохотный пустой переулочек. Навигатор предлагал проехать именно здесь. Однако чуть дальше прямо посреди улицы обнаружились заборчики, огораживающие здоровенную дыру в земле. По идее, к дыре должны были прилагаться суетящиеся рабочие, но их не было.

Фридрих подумал, что в Райхе такое было бы невозможно в принципе: улица должна быть отремонтирована в кратчайшие сроки, это же очевидно. То есть очевидно для дойча, додумал он про себя. Но тут всё-таки Россия...

– При этом нормы эксплуатации на Западе выше, чем в Райхсрауме и даже в Райхе, выше и производительность труда, – бубнил Михаил. – Связано это не с тем, что дойчи работают хуже, чем американцы или французы, а с тем, что они имеют больше социальных гарантий и их труд стоит дороже. Кроме того, Запад в последнее время практикует удешевление труда путём переноса производств в "третий мир", где труд стоит недорого. Разумеется, это делается под лозунгами "свободы предпринимательства" и даже "экономической помощи". Но, так или иначе, Запад получил существенное экономическое

преимущество перед Райхом. Если бы не дойчский научный и инженерный потенциал, благодаря которому Германия по-прежнему держит первенство в научно-технических разработках, западный блок давно уже задавил бы Райх чисто экономически...

Власову, аккуратно сдающему назад, некстати пришли на ум "Тосибы" и установленные на них "Ди Фенстер".

– Президент Рейган в своей знаменитой речи назвал Райх "империей страха", а Америку – "сияющим городом надежды". В этих пропагандистских штампах больше смысла, чем кажется. В самом деле, Райх – прочное и безопасное государство. Оно было создано людьми, видевшими ужасы войны и нищеты и поставившими себе целью избавить от них своих граждан навсегда. Ими двигал, конечно, не страх, а мужество и ответственность, но мужество есть преодолённый страх, то есть производное от того же самого страха. Западные же системы основаны на эксплуатации надежд на лучшее. Как правило, эти надежды не оправдываются, но система устроена так, что надежды постоянно генерируются самой системой. Даже в больнице, лежа под капельницей и понимая, что ему осталось немного, западный человек не теряет надежды на чудо. И эту надежду ему дают – хотя бы в виде баптистской брошюрки об исцелении верой. По сути, Запад – это фабрика надежд... Не совсем по теме получилось, ладно, в другое место вставим, – бросил Михаил торопливую реплику и закруглился так:

– Итак, мы видим следующее. Благополучный и безопасный Райхсраум и его граждан, недовольство которых не столь велико, но оно копится, не имея законного выхода. И Запад, который даёт множество поводов для недовольства, но они постоянно сбрасываются, списываются, аннулируются... надо подобрать слово... В общем, понятно, что первая система рано или поздно рванёт, как паровой котёл с закрытым клапаном на медленном огне. Зато второй котёл, хотя и стоит на более сильном огне, постоянно стравливает пар. Поэтому он не рванёт никогда, разве что в какой-то момент пламя окажется слишком горячим, и клапан не успеет выпустить нужное количество пара. Но даже революция не изменит западную систему: все реформистски настроенные западные силы воспринимают демократию как единственно возможную форму правления, а экстремисты считаются сумасшедшими и не делают погоды...

Власов усмехнулся – он-то знал, что реальная ситуация куда сложнее. Тем не менее, поймал он себя на мысли, он слушает с интересом. Разумеется, юноша рассуждал очень наивно и многого не знал, но определённый резон в его словах был.

– Итак, наш вывод таков, – Михаил снова затараторил, – Западная система обладает практически неистощимым запасом прочности, несмотря на кажущуюся уязвимость. Райх, в свою очередь, твёрд, но хрупок. За полвека существования в системе накопилось достаточно противоречий – мелких, но раздражающих, как камешки в ботинке. В конце концов желание переобуться становится навязчивым.

Фридрих, наконец, выбрался из переулочка и, добравшись до перекрестка, свернул налево, на улицу Платона Павлова. Разъезжать по центру он больше не собирался – дорожные заторы испортили настроение, да и нарушать правила пансиона без веской причины не хотелось.

– И всё-таки сердце Райха – собственно Германия – пока что неуязвимо, – заявил Михаил. – В силу определённых психологических особенностей дойчей национал-социалистические порядки могут существовать очень долго. Дойчам свойственно иррациональное чувство долга и способность жертвовать личными интересами во имя общего. Тем более, что эти жертвы не так уж велики, если честно-то, – Михаил опять впал

в просторечие. – Но тем не менее, сами дойчи, за немногими исключениями, могли бы жить при национал-социализме ещё лет сто. Опасность представляет только элита, – тут он заговорил увереннее. – Национал-социализм способствует процветанию геронтократии.

Власов миновал светофор – зелёный сигнал уже вовсю мигал, но Фридрих успел раньше.

– Более или менее понятно, – доносилось из динамика, – что люди, пережившие или хотя бы помнящие войну и послевоенную ситуацию, будут преданы идеалам национал-социализма, несмотря ни на что. Однако сейчас, к концу века, ситуация изменилась. Сейчас у власти в Райхсрауме – последнее поколение, для которого всё это – не пустой звук. Рождённые в шестидесятые и уж тем более в семидесятые – уже другие. Их раздражает многое в национал-социалистической системе, и довольно часто это недовольство справедливо. Но даже если бы национал-социализм был идеален, он противоречит фундаментальной потребности молодых – стремлению к переменам, любым переменам, даже негативным. Западная молодёжь имеет много возможностей реализовать это стремление, так как перемены на Западе всё равно не затрагивают основ системы, а её фасад можно и нужно менять. Но в Райхсрауме фасады берегут – и молодым хочется закидать их камнями. Стоит напомнить, что, по некоторым данным, рядовой состав дойчского Социал-Либерального Союза состоит из молодых людей, многие из которых принадлежат к верхушке среднего класса, а то и "хорошим семьям", в том числе высокопоставленным. Многим молодым невыносимо смотреть на то, как заслуженные старики сидят на своих постах почти до смерти. Например, молодые политики вынуждены десятилетиями прозябать на вторых ролях. Причём чем талантливее политик, тем менее он может быть довольным таким положением дел. Такие люди готовы заключать самые рискованные союзы и идти на самые опасные комбинации, чтобы оказаться наверху. Впрочем, это отдельная тема, – как-то слишком быстро прервал себя Михаил.

Власов снова притормозил – впереди засиял белым круг с цифрой "30". И подумал, что, пожалуй, тут у Михаила промелькнуло нечто интересное и даже конкретное. Может быть, рыжий что-то знает? Хотя вряд ли, он ведь из круга Фрау и имеет в виду, наверное, её – или Лихачёва. Впрочем, нет, не настолько он глуп...

– Но самым уязвимым местом Райха является его национальная политика. Известная часть территорий присоединена к нему по итогам войны. Недойчское население этого не забыло. Дойчские порядки они воспринимают как навязанные извне. Никуда не делось стремление к независимости и политическим свободам на западный манер. При этом они пользутся благами национал-социализма и привыкли к ним. Но людям свойственно привыкать к хорошему и желать лучшего, рассчитывая, что хорошее сохранится само собой. Все они думают, что в случае обретения независимости заживут лучше, а не хуже. О реальных последствиях они и не подозревают.

"Вот именно", – подумал Власов. Простой поляк уверен, что если он избавится от проклятых немцев, колбаса на его столе вырастет метра на два. Впрочем, даже в гонористой Польше все важные позиции занимают разумные, хозяйственные люди, которые понимают, как всё обстоит на самом деле. С другой стороны – где все они были во времена волнений?

– Однако все эти обстоятельства – что-то вроде сырых дров, которые ещё надо разжечь, – гнул своё голос из динамика. – Причём спичку должны поднести политики, и не уличные маргиналы, а профессионалы, глубоко интегрированные в систему, но

недовольные своим положением. Горящую спичку мы уже видим – это референдум. Вопрос, кто её держит в руках. Вопреки мнению большинства, видящих за референдумом исключительно либералов, я думаю, – на слове "я" Михаил чуть запнулся, – что тут не обошлось без крайне консервативного крыла. То есть – вполне возможно, что референдум инициирован не столько требованиями СЛС, на которые можно было бы не обращать внимания, сколько неоконсерваторами...

"Болтовня в кулуарах у Фрау – вот и все основания" – решил про себя Власов, поворачивая.

– Положение дойчских консерваторов, в общем-то, понятно, – Михаил уже не диктовал текст, а рассуждал вслух. – Они тридцать лет сидят на обочине, гложут кости, которые им оставили, к реальной власти их не подпускают, и никогда не пустят. В дойчской системе никто из них не имеет шансов занять достаточно высокое кресло. Значит, нужно какое-нибудь потрясение, чтобы слетели головы и освободились кресла. Причём потрясение такое, чтобы оно доказало их правоту. Поэтому они постараются поставить результаты референдума под сомнение. Неважно даже, какими они будут. Всё равно они заявят, что с ними не всё ясно. Будут давить на дойчскую честность и желание разобраться… Ещё лучше – если во время референдума случится скандал, неважно какой. Они вцепятся в эту кость и начнут её мотать…

Замелькали знакомые очертания домов: Власов подъезжал к пансиону. Он остановил запись и позвонил в прокатную контору, чтобы они вызвали курьера и забрали "Запорожец". Девушка уточнила адрес, сообщила, что услуги курьера для него бесплатны – в рамках всё той же рекламной акции, и предупредила о том, что бензин придётся оплатить по специальной цене, если он не заправлялся в дороге.

Фридрих только вздохнул. Бензин в России был и без того дорог. Можно было бы найти бензоколонку и заправиться, но перспектива снова куда-то ехать не привлекала. Он почувствовал, что роскошный, но неэкономичный "Запорожец" ему внезапно разонравился.

Припарковавшись и сидя в салоне в ожидании курьера, Власов снова включил звук.

– Я рассматриваю референдум 12 мая как начало конца Райха, – заявил Михаил, – и даже неважно, какие будут результаты. И будут ли они вообще. Хотя, наверное, будут… может даже, вполне приличные. Конечно, восток зубы покажет, но какие это зубы – это ещё надо посмотреть… Так или иначе, все будут надеяться на всякие мелкие выгоды для себя. И эти надежды убьют Райхсраум, а потом и Райх, – сформулировал Михаил и замолчал.

Фридрих попытался представить себе, как эти мысли будут изложены лихачёвским птичьим языком, но воображение отказало. Потом он вдруг подумал, что перевести текст на птичий говор и опубликовать его в книге до двенадцатого мая не получится. Ах да, какая-то конференция… Он попытался представить себе маленький полупустой зал, и Варвару Станиславну, сидящую в первом ряду и сонно кивающую головой в такт словам. Вот что бывает, с неожиданной злостью подумал он, когда люди, ничего не смыслящие в практической политике, берутся о ней рассуждать… Получается смешно и нелепо.

В стекло постучали. Это был курьер.

Власов на автомате сдал машину и подписал акт приёма-передачи и приложение по топливу. Цена бензина и впрямь оказалась неприлично высокой даже для России.

В последний момент он вспомнил про звуковой платтендат в рехнере и потратил минуту, чтобы его стереть – отметив про себя, что никакого вируса там, похоже, нет, как и

зашифрованных посланий.

Оставалось только отослать дат специалистам, пусть разбираются. Это он сделает уже в номере. И – сразу спать. Обязательно выспаться как следует, чтобы завтра утром встать со свежей головой.

Kapitel 39. 13 февраля, среда, середина дня. Санкт-Петербург, посёлок "Николаевская усадьба", ул. гр. Фредерикса, д. 3 (особняк профессора Вальтера Порцига).

Кабинет профессора был крошечным, под стать его обитателю. Первое, что бросалось в глаза – книжные шкафы до потолка, загруженные под завязку томами энциклопедий и растрёпанными журнальными корешками. В оставшиеся щели были затолканы какие-то брошюрки, папки, рулончики. Судя по всему, профессор Порциг был типичным представителем вымирающей породы бухвюрмов, "книжных червей". Такие могут провести жизнь в одиночной камере, совершенно этим не тяготясь – если, конечно, камера будет оборудована хорошей библиотекой, а ещё лучше – рехнером. Трудно было даже представить себе, что херр профессор большую часть жизни (весьма продолжительной) провёл отнюдь не в кабинетных условиях.

Половину оставшегося пространства оккупировал огромный, антикварного вида стол со скошенной столешницей, отделанный зелёным бильярдным сукном. Впрочем, выцветшая зелень едва виднелась из-под вавилонских нагромождений книг, тетрадей, атласов и карт. В середине столешницы, подпёртый с двух сторон стопками разнокалиберных томов, возвышался огромный допотопный монитор. На нём стояла огромная друза каких-то фиолетовых кристаллов – похоже, аметистовая. Всё это хозяйство, опасно наклонившееся вперёд, выглядело так, словно достаточно одного толчка, чтобы всё сползло по наклону и посыпалось на пол. На полу, разумеется, тоже хватало добра: книги и журналы, кое-как уложенные друг на друга высокими стопками, напомнили Власову обрывок какой-то русской пословицы – "... море по колено".

– Вот тут я, некоторым образом, обитаю, – с гордостью сказал профессор, обводя взглядом весь этот хаос.

Профессор смахивал на сердитого воробья: крохотный – роста в нём было метра полтора, – седенький, взъерошенный. Движенья у него были тоже какие-то птичьи: резкие, колючие. От быстрых движений шеей забавно подрагивала крохотная пегая бородёнка. Фридрих ещё раз напомнил себе, что этот маленький смешной человечек и есть тот самый знаменитый Вальтер Порциг.

На одной из полок в прозрачных коробочках лежали камни, судя по всему – образцы каких-то неизвестных Власову минералов, всё больше серые и чёрные. Судя по всему, хозяину кабинета они были особенно дороги: коробочки стояли в идеальном порядке, как по линейке.

– Это никелевые руды? – решил показать свою осведомлённость Фридрих, показывая на шкафчик.

– Ну, – профессор вскинул голову характерным для дальнозорких движением (Власов, ориентируясь по этому жесту, навскидку оценил зрение профессора где-то на +4), – ну вот вы сразу про никель... Я ведь геолог-то довольно ординарный... Если я и останусь, в каком-то смысле, в истории науки, то скорее уж как математик... ну, работы по кристаллографии, наверное, представляют ещё интерес, да... и работы об Gleichgewichtsfläche... (он выговорил математический термин с характерным усилием, и

Власов отметил про себя, что был прав, начав разговор по-русски) – то есть, в смысле, об эквипотенциальной поверхности... А в семьдесят девятом я построил пример компактного многообразия с голономией G2... G2 – это, некоторым образом, группа Ли линейных преобразований семимера, сохраняющих заданную внешнюю 3-форму. В каком-то смысле. То есть в том смысле, что она достаточно общая... вы улавливаете мысль? Группа голономий – это группа преобразований касательного пространства в точке, порожденная параллельными переносами вдоль всевозможных контуров. Так понятно?

Власов тупо кивнул. Его отношения с математикой никогда не были настолько тесными, чтобы понять во всем этом хотя бы пару слов.

– Голономии классифицированы, но для двух случаев... из десяти примерно... для двух групп голономий примеров, до меня, некоторым образом, не было. Мне за это Римановскую премию дали, в семьдесят девятом, помните?

Фридрих вежливо кивнул, делая вид, что нечто припоминает.

– Ну да, вот я же и говорю, – обрадовался профессор, – это же, в каком-то смысле, результат. Говорю как учёный, без этих, как его, экивоков... А работы по механике? Монография по скобкам Пуассона? Наконец, мои экономические труды, когда-нибудь их оценят. Никому это не интересно! А вот никель – интересно. Порциг – никель, устойчивая ассоциация...

– Но ведь это же никелевые руды? – Власов решил проявить строптивость. – Те самые?

Профессор вздохнул и развёл руками.

– Ну, в каком-то смысле, да... Хотя, конечно, не первые образцы. Первые, сами понимаете, в Берлине, в Музее Минералогии. А тут, некоторым образом, небольшая коллекция, коллеги присылают... Вот, к примеру, с краю, слева, – это наши. Рядом – австралийский керолит, недавно обнаружен. Интереснейшее месторождение. А вон там, рядышком, видите? – профессор уверенно ткнул пальцем куда-то перед собой, – новокаледонский гарниерит. Очень богатые руды, Штаты на них, в каком-то смысле, держатся... ну ещё на канадских, но с Канадой у них сейчас, некоторым образом, проблемы...

Власов посмотрел на профессора с профессиональным интересом: из газет – что берлинских, что московских, что американских – вычитать это было нельзя. Все стороны обходили намечающийся американо-канадский конфликт молчанием, хотя и по разным причинам: американцы надеялись втихую дожать соседей, недовольных последним торговым соглашением, а райхсполитики боялись спугнуть удачу.

Профессор понимающе улыбнулся.

– Геологи всегда всё знают... такая уж у нас наука... некоторым образом, политическая... Без нас в этом мире ничего не делается, – он улыбнулся, показав ровный ряд платиновых коронок.

– Ну вот как-то так... Так вы присаживайтесь, присаживайтесь. Я постою... привык всё больше на ногах стоять...

Фридрих с крайним сомнением посмотрел на единственный стул, который обнаружил в пределах досягаемости. Эта была хлипкая конструкция из дощечек, способная, наверное, выдержать птичье тельце профессора, но насчет своих собственных семидесяти семи килограммов Власов испытывал определенные сомнения. К тому же линялое сиденье выглядело подозрительно в смысле пыли. Фридрих ещё немного подумал и от предложенной чести отказался. Господин Порциг, настроившийся на роль

гостеприимного хозяина, попытался было заикнуться о каком-то кресле, которое можно принести из соседней комнаты, но Власов проявил твёрдость. В конце концов оба – и хозяин, и гость – кое-как устроились: профессор после недолгих уговоров уселся на стул, Власов встал на наиболее чистом, как ему показалось, месте пола, заложив руки за спину.

– Итак, давайте, некоторым образом, приступим, – господин Порциг, наконец, решил первым перейти к делу. – Мне звонила одна почтенная особа, знакомство с коей я, не буду скрывать, почитаю за честь... и просила посодействовать вам в одном важном вопросе. Я, некоторым образом, представляю себе, кого вы здесь представляете, – профессор коротко улыбнулся невольному каламбуру, – так что мы можем обойтись без лишних экивоков. Что понадобилось от меня вашему Управлению?

Так, понял Фридрих. Надежда на легкий путь не оправдалась: Порциг явно не собирался раскрывать тему первым и ждал наводящих вопросов. Ну что ж... это утро Власов провел недаром, копаясь в досье геолога и материалах о его экспедиции (материалах, и тридцать пять лет спустя упрятанных под гриф "Для служебного пользования"). Во всяком случае, он на это надеялся.

– Профессор, мы очень рассчитываем на вашу помощь, – обтекаемо начал Фридрих, старался выбирать слова: в досье Вальтера Порцига было прямо указано, что старик, несмотря на своё дружелюбие, подозрителен, особенно по отношению к незнакомцам. Желательно было его не задевать, на общие темы не спорить, и побольше напирать на прошлые заслуги. А сделать это, учитывая грядущую тему разговора, было непросто, так что приходилось подливать сиропа заранее. – Вы – самый знаменитый геолог Райха...

– Ну, какой я геолог... я же говорю... да и не самый знаменитый, положим... – перебил профессор, безуспешно стараясь скрыть проскальзывающие в голосе самодовольные нотки, – хотя приятно, что мои скромные достижения ещё кто-то помнит... даже сейчас...

Власов усмехнулся: профессор прекрасно понимал, что его скромные достижения будут помнить долго.

К середине пятидесятых Райх создал собственное ядерное оружие – сначала атомную, а впоследствии и водородную бомбу. Что касается средств доставки, то у Германии они были на порядок лучше американских. Фон-брауновские "Фау-10" и "Фау-14" поражали учебные цели в Тихом океане, пока американские ракеты аналогичных классов взрывались на полигонах. Реактивная же авиация Империи достигла высот, до которых янки впоследствии тянулись ещё лет десять, не говоря уже о космосе: старт "Норда" в пятьдесят третьем произвёл на Америку сильнейшее впечатление... Всё это, в конечном итоге, заставило западный блок пойти на подписание Хельсинских соглашений по крупномасштабному сокращению вооружений. Имперская пропаганда пышно именовала это событие "Второй Победой".

Однако в народной памяти та эпоха осталась под совершенно негероическим названием – Margarinejahrzehnt, "маргариновое десятилетие". В ту пору германскому народу (а ещё больше – всем остальным народам, входящим в Райхсраум) пришлось невесело: натуральные продукты, не входящие в минимальный набор (прежде всего кофе, сливочное масло и настоящий сахар, не сахарин) распределялись в основном по карточкам. Карточки получали больные в госпиталях, военные из стратегических родов войск, а также школьные учителя, студенты и профессора. На политиков и администраторов льгота не распространялась. Это касалось и высшего руководства Райха:

в кинотеатрах перед началом сеанса крутили ролики с Райхспрезидентом, рекламирующим свой любимый сорт маргарина... Роликам верили: всем было известно, что в таких вопросах Дитль не лжёт. На ядерную программу работали все поголовно, альтернативой была всеобщая Хиросима.

Это было скверное время. Воспоминаний из собственного раннего детства у Фридриха почти не сохранилось, но он помнил рассказы старых лётчиков про крохотные кусочки масла в серой бумаге и твёрдые, как камень, куски жёлтого украинского сахара. Попытки продажи лётного пайка на чёрном рынке беспощадно карались. Как правило, виновных отправляли служить в такие места, где о масле и сахаре никто и не вспоминал.

Сырьевая блокада, объявленная в пятьдесят пятом, была последней отчаянной попыткой западного блока сохранить превосходство в области вооружений. Американцам тогда показалось, что они нащупали ахиллесову пяту империи – недостаток редких минеральных ресурсов. Особенно опасным оказалось истощение руд так называемых "металлов войны" – никеля, кобальта, ванадия и некоторых других, жизненно необходимых для высокотехнологичной металлургии, основы германской военной промышленности. Американский блок тогда сумел – один-единственный раз за всю послевоенную историю – добиться полного запрета на поставки War Metals Райху и наладить эффективный контроль за всеми экспортёрами таковых, включая нейтральные страны. Это стоило Америке и её союзникам огромных каждодневных потерь и убытков, но они были готовы платить. Райх, разумеется, закупал кое-что на чёрном рынке, через посредников, но цена на WM росла и росла.

Поисковые геологические партии прошли по всему Райхсрауму. Выяснилось, что природа обделила доставшиеся Германии земли: рудники Фатерлянда были опустошены полностью, на остальных территориях дело обстояло немногим лучше. Оставалась ещё слабенькая надежда на неизведанные российские просторы – однако геологическое строение таковых было известно крайне приблизительно, в особенности земли восточнее Урала: климат там был жуткий, население состояло в основном из бывших заключённых, по редким деревням прятались остатки красных банд, а местная власть мало что контролировала. Поэтому, когда Вальтер Порциг – молодой фольксдойче из петербургской семьи, доцент Санкт-Петербургского университета по кафедре геологии – взялся за организацию "никелевой экспедиции" на Восток, эта инициатива не вызвала никакого интереса. Порциг, однако, каким-то чудом заручился поддержкой на самом верху, получил карт-бланш и им воспользовался.

Разумеется, всё делалось в спешке, к тому же мало кто – кроме самого Порцига – верил в успех. Экспедиция была скверно подготовлена и практически безоружна. Удивляться приходилось тому, что четверо всё-таки вернулись назад – с добычей. Где-то там, далеко, на российском Северо-Востоке, удалось найти никелин. Как только этот факт стал известен – а партийное руководство Райха немедленно опубликовало все данные, кроме точного расположения месторождения, – никелевая блокада с треском лопнула.

В начале следующего года закулисные переговоры увенчались подписанием Хельсинских соглашений, а незадолго до этого, на Рождество, отменили карточки. Тогда-то профессор и удостоился главной награды в своей жизни: личного приглашения от Райхспрезидента на знаменитый ужин в "Медведе" и пятисекундного прикосновения вечности, взглянувшей на него сквозь объектив камеры Фрау.

Впоследствии вышел фернсериал по мотивам легендарной экспедиции. Вопреки здравому смыслу, Порцига там играл высокий блондин с героическим, но

незапоминающимся лицом. Занимался он в основном тем, что, красиво опираясь на геологический молоток, клеился к платиновой блондинке с голубыми глазами, в конце фильма умирающей от партизанской пули. Всё это дерьмо не стоило пяти секунд рифеншталевского документального шедевра: в кадр попал типичный дойчский профессор, изучающий большой бутерброд с таким видом, как будто это редкий образец экзотического минерала...

Власов отогнал от себя некстати нахлынувшие воспоминания.

– Честно говоря, мы пока не знаем, имеет ли наша проблема отношение к геологии, – продолжил Власов. – Видите ли, я расследую одно дело. Оно очень запутанное и имеет большое значение для безопасности Райха. Ваша помощь могла бы иметь неоценимое...

– Господа, господа, всё готово, прошу к столу! – донёсся снизу весёлый женский голос. – Валя, тебе пора есть!

– Ну вот... – профессор развёл руками. – Настенька, солнышко, ещё немножко, у нас тут очень важный разговор! – крикнул он вниз.

– Никаких разговоров, супчик стынет! – ответили снизу.

– Ну вот... – господин Порциг втянул голову в плечи и робко хихикнул. – Сижу, так сказать, под каблуком у супруги. Был сам себе хозяин, а стал... как это... Ehekrüppel... подкаблучник. Женщины такие создания... Ну, давайте, что ли, вниз... Супчик всё-таки. Уха. Там и поговорим.

Они спустились по скрипучей палисандровой лестнице. На крошечной площадке между первым и вторым этажом было сделано высокое окно. В нём сиял витраж, отбрасывавший на тёплое дерево разноцветные пятна – синие, фиолетовые, изумрудные и алые. Профессор перехватил восхищённый взгляд гостя и начал было объяснять, соли каких металлов использовались в качестве присадок к стеклу – но после второго окрика снизу бросил объяснения и скоренько засеменил вниз.

За тяжёлой дубовой дверью (Фридрих обратил на неё внимание, когда входил в дом – увы, профессор сразу потащил его наверх, в кабинет) скрывалась просторная гостиная зала.

В середине стоял квадратный обеденный стол, покрытый широкой скатертью в русском стиле. Рядом дожидалось седоков целое стадо стульев на гнутых ножках. В углу жил своей жизнью огромный фернзеер, украшенный семью каменными слониками с задранными хоботами и заботливо покрытый кружевной скатёркой, свисающей на экран. Похоже, этим достижением цивилизации здесь пользовались нечасто. Над фернзеером стучали и хрипели старинные часы.

За второй дверью в глубине виднелась комната отдыха: можно было разглядеть краешек блестящего чёрного рояля и кусочек стены, обитой светло-синим бархатом.

Власов прикинул расположение комнат и понял, что профессорский кабинет – единственная маленькая конурка во всём особняке. Он попытался было оценить хотя бы приблизительную стоимость этих хором – учитывая уникальное расположение посёлка в городской черте Петербурга – но, не зная цен на здешнюю недвижимость, не смог прийти ни к какому определённому выводу. Во всяком случае, жаловаться на бедность профессору не приходилось.

По всему первому этажу плавал густой аромат рыбного супа. Профессор с наслаждением повёл носом, втягивая душистый воздух.

– Ушица! Хотя... в ухе главное вода... и рыба, конечно, – добавил он. – Ах, как мы рыбачили когда-то с покойником Вельяминовым! Вот был, некоторым образом,

понимающий человек... А теперь что? Рыба – магазинная, покупная... небось мороженая...

– Это у Петра-то Николаевича в лавке рыба мороженая? – немедленно отозвался всё тот же звонкий голос из кухни. – Ай-ай-ай, папочка!

– Лапуся, я тебе сколько раз говорил, не называй меня при посторонних "папочкой"! – взорвался маленький профессор, и тут же заискивающе улыбнулся Власову. – Вы уж, в каком-то смысле, извините, у нас тут с моей фрау, некоторым образом, сложные семейные отношения... Да вы знаете, наверное.

Сама фрау Порциг появилась буквально через минуту. На роковую блондинку из фильма она совершенно не походила. Невысокая, полноватая, чуть неуклюжая, она была типичной представительницей той породы женщин, которых в России раньше называли "пышечками". Власов подумал, что в Фатерлянде таких любят снимать в рекламе домашней утвари: в пухлых руках подобной барышни даже кухонные ножи золингеновской стали излучают покой и уют. Хотя, решил Фридрих, в рекламный ролик её бы не позвали – слишком уж простецкое личико. К тому же и одета она была по-домашнему безвкусно. Во всяком случае, длинная серая юбка и оранжевые тапочки-мули выглядели смешно. Похоже, хозяйка дома не слишком-то заботилась о внешности. Единственным её украшением были блестящие чёрные волосы, забранные на затылке в тяжёлый узел и сколотые позолоченной шпилькой.

Хозяйка дома торжественно несла перед собой поднос, накрытый полотенцем. Под ним угадывались очертания большой супницы.

– Ну что ж, пожалте к столу, гости дорогие, – поднос опустился точно в середину стола. Три прибора и наборы тарелок уже ждали едоков. Фридрих не без интереса покрутил в руке тяжёлую серебряную вилку с выбитыми на черенке вензелями "WP". – Сейчас Маша нам закусочек принесёт, и чего-нибудь запить. Желаете, кстати, чего-нибудь крепкого? Мы-то крепкого не пьём. У папочки печень шалит, а я просто не люблю...

Профессор недовольно заворчал, помянув, что к ухе обязательно нужен хотя бы стопарик очищенной, а лучше стакашечку, иначе это не уха, а одно название. Зато Фридрих благодарно улыбнулся хозяйке дома и попросил:

– Нет, крепкого не надо. Если можно, чего-нибудь горячего... и чтобы в нём не было спирта.

– Совсем-совсем без спирта? У нас есть узвар фруктовый... сама делала.

Власов вежливо поблагодарил и на непонятный "узвар" согласился.

– Кстати, папочка, ты меня не представил гостю, – напомнила хозяйка дома.

– Ох... Ну да. Знакомьтесь. Господин Фридрих Власов, офицер из Берлина... между прочим, образованный человек: помнит, за что мне дали Римановку. А это моя лап... то есть Настенька... то есть, простите, Анастасия Германовна Порциг. В каком-то смысле, супруга... Да вы, наверное, всё знаете? Небось, бумажки про меня всякие читали?

– Ну что вы, какие бумажки, – Власову показалось, что он наконец-то нашёл нужный тон разговора, – сейчас никто не работает с бумагами. Только с платтендатами.

– Ну, значит, дат, невелика разница, – профессор предложенного тона не принял, – и там написано, что я, некоторым образом, женат на дочери своей покойной жены?

– Некоторым образом, да, – не удержался Власов: любимые профессорские словечки уже отзванивали в ушах.

Анастасия Германовна тихо засмеялась.

– Вы уж извините папочку, он ужасно чувствительный в этом вопросе. Просто его заклевали. И наши, и на Западе – все отметились.

В дверях нарисовалась служанка в фартучке – видимо, та самая Маша – с подносиком поменьше. На нём стояли высокие стаканы со стеклянными ручками и кувшин, над которым поднимался тонкий парок. Это, видимо, и был "узвар".

– Понимаете ли, в чём тут сложность... Брак наш, в каком-то смысле, фиктивный, – взялся объяснять профессор то, что Власов уже и так знал из досье, – чтобы не было проблем с завещанием. Я ведь, некоторым образом, смертен. У меня есть кое-какое имущество, дом, деньги в банке, а главное – архивы. Всё это я хочу передать Насте, а не этим моим родственничкам, – профессор махнул рукой: судя по всему, родственнички не пользовались его расположением.

Прошелестела накрахмаленным фартуком Маша, и перед Власовым оказался стакан с узваром. Судя по запаху, это было что-то вроде компота.

– Лучше бы я её удочерил, конечно. Это и естественнее: Настя ведь выросла в нашей семье... и всю жизнь была мне как дочь. Но у неё уже есть, в каком-то смысле, законный отец, – профессор выразительно скривился, – бывший, в каком-то смысле, муж моей покойной супруги. А наши законы в этой области, некоторым образом, очень негибкие. К сожалению. Ну вы понимаете?

– Угу, – кивнул Власов, – защита семейных ценностей и всё такое, – он отпил из стакана. Там и впрямь оказалось нечто вроде фруктового компота. Потом осторожно зачерпнул тяжёлой ложкой уху. Попробовал. Уха была вкусной.

– Так что юристы другого выхода не нашли, – вздохнула Анастасия Германовна. – Но всё равно получилось плохо. Мы же ничего не скрывали. Даже в парторганизации нам сказали, что всё в порядке, что они понимают... А когда мы поженились, на Западе вдруг начали писать какие-то странные вещи.

– Странные? – профессор Порциг сделал какой-то неестественный жест плечами, на мгновение превратившись из потрёпанного воробья в какую-то другую птицу – мелкую, но хищную. – Просто гнусные! Сначала американцы написали, что знаменитый дойчский профессор женился на родной дочке. Это неправда, я послал им опровержение, я хотел судиться... Они его опубликовали и извинились. Потом стали писать, что я Настю... якобы... – он слегка покраснел, – развратил. Ну и всякую гадость в стиле Фройда... и этого... ну как же его... Подбыкова... Набыкова... не помню все эти фамилии... романчик у него ещё такой... гумберт, как его, гумберт... гадость, в общем, – он шумно подул на ложку с ухой, проглотил. – А главное – что меня заставили на Насте жениться! Что меня вызывали в какую-то тайную полицию и принудили к браку! Я опять написал опровержение. Они его опять опубликовали. Со своим комментарием. Что я живу в несвободной стране, и что это опровержение меня тоже заставила написать тайная полиция! Вы представляете? И я ничего не могу доказать!

– А потом папочку лишили почётного членства в ВГА, – добавила фрау Порциг совершенно убитым голосом. – И с тех пор он затворничает. Даже на конгрессы ездить перестал.

– Но почему? – не понял Фридрих. – Какая-то организация исключила профессора из своих рядов по вздорному поводу. Ей же хуже.

– Вы не понимаете... Это же Всемирная Геологическая Ассоциация! – всплеснула руками фрау Порциг. – Это был такой удар по репутации папочки...

– Я сам, своими руками, порвал их диплом! – профессор оторвался от трапезы и горделиво поднял голову. – Я больше не считаю их своими коллегами... и даже учёными. Какое вообще дело Всемирной Геологической Ассоциации до моих семейных дел? Что

они могут о них знать? И почему они меня не выслушали, в конце концов?

Фридрих, однако, отметил, что обиженное лицо профессора слишком уж контрастирует с его задорным тоном.

– Но, профессор, вы же не наивный человек, – осторожно начал Власов. – И прекрасно знаете, как и что делается в мире... Возьмём эту вашу ВГА. Я никогда ей не занимался, но кое-что мне понятно сразу. Начнём с названия. Я уверен, что это чисто западная организация. Скорее всего, контролируемая американцами. Во всяком случае, геологам Райха туда путь заказан: вы ведь были почётным, а не действительным членом, так? – Фридрих сделал паузу, давая время возразить. Красноречивое молчание он принял за согласие и продолжил: – Тем не менее, эта лавочка называет себя "всемирной". И она каким-то образом сумела поставить себя так, что членство в ней, даже почётное, представляется нам, райхсгражданам, большой наградой, а исключение – наказанием, не так ли?

– Скажите это нашим университетским кретинам! – профессор от возмущения чуть не выронил ложку. – Когда меня исключили из ВГА, со мной перестали здороваться мои же собственные студенты! Я поэтому ушёл из университета!

– Вот как? – Фридрих старался держать себя в руках. – Ну что ж. В таком случае следовало бы разобраться с настроениями в этом вашем университете... Похоже, в Бурге происходит много странного... и неприятного, – он решил пока не развивать эту мысль. – Но давайте всё-таки сначала закончим с этой вашей ВГА. Кстати, если уж мы об этом говорим: они что, так и сформулировали дело – профессор Порциг исключается из рядов геологов за преступление против нравственности? Это же смешно.

– Нет, конечно, – махнул рукой профессор. – Вообще без объяснений. Они же не обязаны ни перед кем отчитываться. Это негосударственная организация. Ею руководят частные лица. Кого хотят, того принимают, кого не хотят – исключают. Проголосовали, и всё... И все знают, почему... а я не могу даже оправдаться.

– До чего же это удобно, – Власова разобрала бессильная злоба, – не быть обязанным ни перед кем отчитываться. Как это демократично. Частные лица решили частный вопрос, только и всего. И всем всё понятно. Зато, если что-то подобное произойдёт в Райхе, то все западные газеты усмотрят в этом невидимую руку политуправления. И не только западные, к сожалению... Значит, когда вы стали известны, вам присвоили почётное членство. Оказали, так сказать, большую честь. На самом деле они оказали честь самими себе, продемонстрировав всему миру свою объективность и независимость. Заодно подняв свой статус за ваш счёт, хотя вы думали обратное... Потом к вам стали присматриваться: нельзя ли вас использовать в каких-нибудь целях. Я не имею в виду шпионаж или что-то в этом роде. Достаточно было бы лёгкого фрондёрства с вашей стороны. Какой-нибудь критики нашей местной политики, этого бы вполне хватило. Но вы не дали повода: вы ведь патриот. Тогда они решили использовать вас по-другому. Подвернулся этот ваш брак... – Фридрих понял, что отсюда может удачно перейти к основной теме и, не меняя тона, продолжил: – Если бы не он, они бы прицепились к чему-то еще. Попытались бы, к примеру, поставить под сомнение ваш приоритет в обнаружении никеля... заявить, что вы пользовались чужими данными...

Когда накануне вечером Фрау отказалась конкретизировать, что именно может сообщить ему Порциг, Власову в первый миг это показалось капризом властной старухи. "Вы не слушаете, или вы не так умны, как пытаетесь казаться..." Докажи, мол, что достоин моего дара... Но затем он сообразил, что это маловероятно. Все же речь шла не о подарке,

а об обмене, и Фрау была заинтересована в том, чтобы этот обмен состоялся. Значит, она попросту не хотела произносить некие ключевые слова вслух. Опасалась прослушки. Даже в своем собственном кабинете, наверняка не раз проинспектированном стараниями Калиновского... Впрочем, все могло быть еще проще: когда говоришь с офицером РСХА при исполнении, совсем необязательно подозревать микрофон где-нибудь в дальнем углу за шкафом. И, если так, она была недалека от истины – у него и впрямь мелькала мысль записать этот разговор, но он все-таки не сделал этого, как не делал почти никогда, исключая разве что телефонные звонки. Примерно из тех же соображений, из которых предпочитал лестницы лифтам: когда слишком полагаешься на технику, то это, во-первых, расхолаживает и ведет к потере формы, а во-вторых, техника может подвести в самый неподходящий момент. Уж он знал, как это бывает.

Так или иначе, Фрау, должно быть, не хотела, чтобы ее голос, или слова, написанные ею от руки, остались в неком архиве. Слова в явном виде. Но необходимые намеки она, очевидно, сделала. Оставалось понять, какие именно.

Поначалу, просматривая платтендаты на берехе Управления, Фридрих не заметил ничего особо примечательного. Ну разве что, выяснив подлинную историю второго брака профессора, испытал мимолетное чувство раскаяния из-за того, что, не зная сути дела, поверил грязным сплетням. Но этот брак, очевидно, не имел отношения к теме... Власов вновь и вновь прокручивал про себя слова Фрау, жалея, что все-таки не сделал запись. Точные формулировки ему бы сейчас пригодились. Что же такое она все-таки сказала? Фильм... пропавшая экспедиция... не было связи... знал, что близок к цели...

Знал. Не надеялся, не верил, не был уверен, а знал.

Знал о близости руды по характерным признакам? Или...?

Фридрих снова загрузил карту с восстановленным по записям Порцига маршрутом экспедиции, сопоставил даты и координаты. Выходило, что отряд остался без связи почти за сто пятьдесят километров до цели. Полтораста километров дикой, труднопроходимой тайги – и то если по прямой... Власов не был специалистом по геологии, но, пожалуй, для "характерных признаков" это далековато. Но Порциг уверенно шел вперед. Троих больных и одного раненого ему пришлось оставить во временном лагере – трех из них позже нашли мертвыми, одного не нашли никогда...

А как, кстати, пролегал весь маршрут с самого начала, то есть с поселкового аэродрома, откуда начался путь через тайгу? О нет, он не образовывал прямую линию. Это было бы слишком просто, и это бы, конечно, бросилось в глаза не только Власову. Но сибирская глушь – это не плац для строевых упражнений. Там хватает совершенно непроходимых мест. Болота, буреломы, быстрые ледяные реки с порогами и обрывистыми берегами... Власов наложил маршрут экспедиции на физическую карту, добавил карту растительности – тогдашнюю найти не удалось, пришлось подкладывать современную, мысленно вычитая из нее новые дороги и населенные пункты... Да. Кое-какие экстраполяции в прошлое выглядели спекулятивно, но в целом сомнений почти не осталось – Порциг шел к цели кратчайшим из возможных путей. И в максимально возможном темпе. Шел, как человек, твердо знающий, куда он идет.

И вот теперь Фридрих высказал это открыто, мысленно готовясь к любой реакции, включая взрыв профессорского гнева или демонстративное непонимание.

Порциг посмотрел на Власова очень внимательно. Потом отложил в сторону ложку. Потёр переносицу.

– Лично я и не собирался это скрывать, – спокойно сказал он. – Мои, некотором

образом, заслуги начинаются и заканчиваются подготовкой экспедиции... ну, и участием, конечно. Но вы же понимаете: серьёзную разведку мы не проводили. Вы представляете себе, что такое серьёзная геологоразведочная работа? А у нас... Это был сумасшедший марш-бросок, но мы уже знали, куда направляемся. Я никогда не приписывал себе чести открытия российского никеля. И я не просил делать из меня героя Райха и России. Но ваши коллеги в своё время убедили меня, что это необходимо – в интересах безопасности обеих стран. Я нашёл их доводы разумными.

Власов внутренне подобрался и стал слушать очень внимательно.

– Давайте уж тогда с начала. Только учтите: всё, что я вам скажу здесь и сейчас, я никогда не произнесу публично или под присягой, – речь профессора стала размеренной, лекционной, и даже количество слов-паразитов заметно поуменьшилось. – История это старая, и начать придётся ab ovo. Итак. В молодости я имел честь быть учеником и доверенным лицом академика Отто Юльевича Шмидта. В последние годы его жизни я исполнял обязанности его личного секретаря.

Профессор прикрыл глаза.

– Отто Юльевич был... – Фридрих почувствовал, как профессор чуть было не вклеил своё обычное "некоторым образом", но вместо этого просто сделал паузу, – своеобразным человеком. Впрочем, о его качествах именно человеческих, я, с вашего позволения, распространяться не буду. Aut bene, aut nihil. Скажу только, что они не доставляли мне удовольствия. Зато как учёный и политик он был блестящ. Физик, геолог, математик, химик, специалист по радиоанализу... занимался альпинизмом, на ледоколе плавал, самолёт водил... полярник... экономист, кстати... и, прежде всего – блестящий администратор. Короче говоря, универсал, теперь таких не делают. Карьеру начинал при большевиках. Первый вице-президент советской Академии Наук, директор Института теоретической геофизики, и всё такое прочее...

– Это верно, теперь таких не делают, – каким-то нехорошим голосом протянула фрау Порциг. – А знаете, когда Отто Юльевич открыл в себе административные таланты?

– Лапочка, я тебя умоляю: не перебивай меня, хотя бы при гостях! – профессор моментально вскипел. – К тому же я не вижу в этом ничего дурного, – добавил он. – И вообще, сначала он работал в Киеве. В городской управе. Ещё до переворота. А в Петербург он поехал делегатом съезда по делам высшей школы...

– Да-да, и там ненадолго застрял. И в ноябре семнадцатого он уже трудился в Наркомпросе. Начальником управления по продуктообмену, – добавила Анастасия Германовна.

– Лапочка, я тысячу раз тебе говорил: время было такое! – всплеснул руками профессор. – В конце концов, на этом месте мог оказаться какой-нибудь сумасшедший большевик, который... который... который я не знаю что сделал бы! А Отто Юльевич спас, да-да, буквально спас очень многих приличных людей!

– Но я ведь не возражаю, папочка. Ну конечно же, он спас очень многих приличных людей. Просто я хочу объяснить нашему гостю одну вещь. Чтобы в ноябре семнадцатого занять место у хлеборезки, нужно было быть незаурядным человеком. Вот и всё, – невозмутимо закончила фрау Порциг.

– Уффф... Женщины, некоторым образом, не понимают определённых вещей, – пробурчал профессор и демонстративно занялся ухой.

После нескольких ложек он немного успокоился и продолжил.

– После войны у него были неприятности, конечно. Всё-таки "красный профессор",

делегат большевицких съездов, полярник, челюскинец... – последнего слова Власов не понял, но переспрашивать не стал, – кстати, в тридцатые годы они назвали в его честь мыс на Чукотке, он там до сих пор, некоторым образом, стоит... остров Шмидта тоже есть... ну и всякие награды, грамоты, тоже всё советское. Но у него было, в каком-то смысле, особое умение. Он умел разговаривать с властью. С любой властью, понимаете? С любой. В сорок третьем он уже был старшим консультантом председателя КРАБД по науке.

На сей раз Власов решил выяснить, что означает эта нелепая аббревиатура.

– Комиссия по Расследованию Большевицкой Деятельности, – любезно объяснила Анастасия Германовна. – Очень ответственная организация. Туда непроверенных не брали.

Власов вспомнил про Объединение жертв большевицкого террора, в котором состояла Берта Соломоновна, и криво усмехнулся.

Появилась Маша в фартучке с пустым подносом, забрала опустевшие тарелки и, ловко пристроив на тот же поднос супницу, удалилась к себе на кухню.

Фридрих тем временем немного поразмыслил над услышанным и пришёл к определённым выводам.

– Надо будет повнимательнее изучить наше досье на этого Шмидта, – наконец сказал он. В материалах, которые он успел посмотреть утром, прямой ссылки на таковое почему-то не было – лишь очень краткая официальная биографическая справка.

– А чего там изучать, – пожал плечами профессор. – Он работал, наверное, на все германские разведки, кроме кайзеровской. Ну и на российские тоже... включая советские, некоторым образом, службы. Я даже думаю, что дело, в каком-то смысле, сложнее... В тридцать четвёртом он был начальником арктической экспедиции на "Челюскине". Корабль затонул, полярники спасались на льдине... Это была целая эпопея. Большевики сделали из этого пропагандистское шоу, это они умели... В общем, полярников сняли со льдины, а Отто Юльевича вывезли на Аляску. У него, некоторым образом, открылось воспаление лёгких. Ну и вот... лечился в Штатах... Рузвельт его принимал, ещё всякие разные люди... Потом он вообще много по миру ездил... – профессор помолчал и решительно закончил. – Скончался Отто Юльевич в пятьдесят шестом. Удивительный был человек. В каком-то смысле.

Фридрих ещё немного подумал – и понял, что в досье покойного академика ему, скорее всего, заглянуть не дадут, тут даже Никонов не поможет. Разве что по очень большой нужде. Впрочем, особого желания смотреть в него он тоже не испытывал. Понятно, что академик работал с куда большим размахом, нежели одесская потаскушка, но суть была одна. На жаргоне Управления таких обычно называли Doppeladler, "двуглавыми орлами". Впрочем, у покойного светила российской науки голов было явно больше...

– Если я вас правильно понял, – осторожно начал Власов, – после смерти Шмидта в ваших руках оказались сведения о каких-то геологоразведочных работах, которые велись при большевиках.

– Если бы так... Тут всё сложнее. Согласно постановлению советского правительства от тридцать восьмого года, – продолжал профессор, – в Советском Союзе начались активные поиски полезных ископаемых. В это были вложены огромные средства и человеческие ресурсы. Изыскания шли до войны и даже во время неё. Кстати, у нас на факультете ходила такая легенда, что в сорок восьмом то ли сорок девятом в тайге нашли советскую геологическую партию – люди не знали, что война кончилась и Россия

свободна. И все это время парторг экспедиции проводил партсобрания... Но это, конечно, байка...

Опять появилась Маша в фартучке, на этот раз с огромной накрытой сковородкой, в которой что-то аппетитно скворчало, и кастрюлькой. Сковородка была торжественно водружена на место супницы, лишена крышки, и свету явилось содержимое: сочные куски свинины на косточках. В кастрюльке лежало картофельное пюре.

Власов, получив свою порцию, решил, что гастрономические пристрастия хозяина дома он одобряет процентов на девяносто – списывая десять процентов на пюре: сам он любил картошку варёную или жареную, но отнюдь не мятую до кашицеобразного состояния.

– И что, большевики нашли что-то интересное? – вернул он разговор к теме. – Насколько я знаю, Россия не так уж богата сырьевыми ресурсами. Побогаче, конечно, чем Европа, но сравнительно с территорией...

– Да, все так думают. А на самом деле, – профессор разволновался, – в России есть всё. Вообще всё. От нефти до алмазов. Страна набита сокровищами, как пиратский сундук, – Порциг, при всей своей эрудиции, очевидно, имел вполне обывательские представления о пиратстве, но Фридрих не стал его поправлять. – Всё это лежит, правда, за Уралом. А места там... ну, это надо, некоторым образом, видеть. В особенности климат. Жить там нельзя. Во всяком случае, жить по-человечески, это я вам говорю ответственно... Но коммунистов это не волновало. Они ведь могли, некоторым образом, согнать любое количество людей, чтобы те работали... копали что-нибудь...

– Папа, ты отвлекаешься, – фрау Порциг аккуратно посыпала каждый кусочек мяса какой-то незнакомой Власову приправой, прежде чем положить его в рот.

– Советский Союз... – профессор поддел вилкой комок пюре и положил в рот, запачкав бородёнку, – собирался становиться великой сырьевой державой. Его политический строй был для этого, в каком-то смысле, идеален: дешёвая рабочая сила в лагерях, да и вольнонаемные из разорённых деревень обходились не сильно дороже, централизованная система распределения, государственный транспортный синдикат. Вся страна как система рудников. Или как один большой рудник. Кстати говоря, чтобы его разрабатывать, не нужно даже собственное население. Можно использовать любое. Завезти туда, на Северо-Восток, тех же китайцев. Большевики ведь были интернационалистами в этом смысле... то есть им было всё равно кого пускать в расход. Кстати, вот это интересно, – профессор немного оживился. – Интернационализм, вообще говоря, это же типично рабовладельческая идеология. Рабовладельцу, знаете ли, тоже всё равно, откуда ему привезли рабов, лишь бы работали... Даже лучше, если издалека. Пока новый раб освоится, пока что-то поймёт... а там его можно и заменить, понимаете? Не обязательно убивать, достаточно перевезти с места на место... Хотя можно и не перевозить. Забрасывать, ну, скажем, тысяч по пятьсот... лет на десять. Потом их даже не обязательно везти обратно. Во-первых, большинство перемрёт и так. Остальные... есть такие места... там достаточно остаться на три дня без керосина, чтобы гарантированно замёрзнуть... трупы, кстати, в таких условиях очень хорошо сохраняются, естественная мумификация...

– Папочка, ты теоретизируешь, – Анастасия Германовна чуть заметно улыбнулась, как бы давая понять, что эту часть рассуждений её супруга желательно было бы пропустить.

Фридрих, однако, внимательно следил за глазами профессора. Судя по тому, куда

смотрели его зрачки, Порциг отнюдь не теоретизировал, а что-то вспоминал, причём очень ясно. Власову даже почудилось, что в выцветших от старости глазах профессора плавает отражение ржавой колючей проволоки.

– Прости, лапочка, я немного отвлёкся... – профессор встряхнулся, наваждение исчезло. – Так я о чём. При коммунистах Отто Юльевич был допущен к проекту как один из руководителей, но результаты шли не к нему, а куда-то выше – скорее всего, к Кагановичу... был такой, повесили его... Но когда создали КРАБД, у Шмидта появились, некоторым образом, возможности. Это ведь только так пишется – старший консультант. А на самом деле от него там всё зависело. Какие бумаги положит Комиссии на стол, так Комиссия и решает... некоторым образом. Его там, в каком-то смысле, слушались. Вот он и... как бы это сказать-то...

– Он выжал информацию из людей, которые попали под каток, а потом от них избавился, – высказал Власов ту версию, которая показалась ему наиболее правдоподобной. – И собрал архив.

– Ну что значит избавился? – насупился Порциг. – Скажете тоже. Не было у Комиссии таких полномочий – вот так взять и, в каком-то смысле, расстрелять кого-нибудь... Это же так просто не делается. Хотя, в какой-то мере, дальнейшую судьбу человека они определить могли, в том числе и в смысле, ну... кого-то и упечь, и до этого тоже доходило...

– Я же не сказал – отправил на расстрел. Я сказал – избавился, – пояснил свою мысль Власов, отрезая вкусную полоску мяса возле самой косточки.

– Кстати, папочка, где провёл двадцать лет твой любимчик Вельяминов? – невинно поинтересовалась Анастасия Германовна. – А куда пропал Ферсман?

– Кстати, лапочка, покажи гостю ожерелье, – профессору явно не хотелось обсуждать эту тему. – То самое, пироповое, с алмазиком. В том шкафу, на верхней полке.

Фрау Порциг улыбнулась, встала из-за стола и отправилась в комнату с роялем.

– Осторожнее со стремянкой! – крикнул профессор. – Лапочка моя очень не любит Отто Юльевича, хотя его почти не помнит, – громким шепотом добавил он. – А я вот ему многим обязан, – сказал он нормальным голосом. – Хотя, некоторым образом, тут всё гораздо сложнее. Время, да, время было такое...

– Так что же случилось с архивом? – Власову не терпелось добраться до сути дела.

Откуда-то донеслось тихое прерывистое гудение.

– Телефон вроде бы... Настя трубку возьмёт, – зачем-то добавил Порциг. – А с архивом всё очень непросто. Почти все материалы...

В этот момент из соседней комнаты раздалось испуганное ойканье, потом треск чего-то ломающегося и сразу – шум падающего тела, гулкий удар о дерево, и потом ещё один, потише.

Власов вскочил и метнулся к двери.

Вторая комната была большой – во всяком случае, в ней помещался концертный рояль, жирно отблескивавший чёрным лаком. Рояль возмущённо гудел потревоженными струнами.

Клавиатура были открыта, и Фридрих невольно зацепил взглядом надпись "C. Bechstein". На клавишах контроктавы подошвой вверх валялся пушистый оранжевый тапочек.

Анастасия Германовна лежала на полу, раскинув руки. Юбка неприлично задралась, и Власов автоматически перевёл взгляд на крышку рояля, на которой была

вмятина характерной формы. Кровь на тёмном дереве казалась почти незаметной.

Фридрих оценил взглядом размер и форму вмятины и понял, что медицинская помощь фрау Порциг вряд ли потребуется. После удара такой силы либо ломается шея, либо крошится затылочная кость.

Судя по положению головы женщины, произошло второе. Красная лужа на полу выглядела в этом смысле вполне красноречиво.

Рядом стоял шкаф, к которому была прислонена узенькая деревянная лесенка. Предпоследняя ступенька была сломана.

Под ногой Власова что-то хрустнуло.

Он наклонился и поднял вещицу. Это было ожерелье из прозрачных красных камней неправильной формы. В середине был подвешен грубый, кое-как просверленный кусочек какого-то минерала, из которого торчала грань маленького жёлтого кристаллика.

Подоспевший профессор Порциг мышкой поднырнул Власову под локоть, проник в комнату и застыл на месте. Потом кинулся к неподвижному телу жены.

Фридрих успел его удержать в последний момент.

– Только не трогайте, – громко и чётко приказал он. – Не трогайте её, вы можете её убить. Вызовите 110.

Лицо профессора как будто смялось, потеряло форму.

– Вызовите медиков и полицию, скорее, – повторил Власов тем же тоном. Он много раз видел людей в истерике и понимал, что через минуту профессора придётся бить по лицу, чтобы вывести из ступора.

Тем не менее, Вальтер Порциг справился с собой сам. Взгляд его стал более осмысленным.

Неожиданно зазвонил телефон, стоявший на маленьком концертном стульчике возле рояля. Власов подошёл, снял трубку, нажал на кнопку отбоя. Потом протянул её профессору.

– Вызовите 110, немедленно. У неё разбит затылок. Может быть, ещё что-то можно сделать.

Порциг взял трубку, зачем-то подул в неё, потом начал ковырять пальцем кнопки.

Фридрих облокотился на крышку рояля и уставился в потолок, пытаясь собраться с мыслями.

Случившееся было до того неожиданно и нелепо, что Власов – впервые за всё время расследования – совершенно не представлял, что ему делать дальше.

Скорее всего, Анастасия Германовна умрёт. Вероятность довезти до больницы человека с тяжёлой черепно-мозговой травмой невелика. А если даже это удастся, и врачи её вытащат с того света – тяжёлая инвалидность ей, скорее всего, обеспечена. В любом случае, ничего хорошего её не ждёт.

Власов прикинул ближайшие последствия. Срывается целый ряд запланированных мероприятий. Во-первых, обезумевший от горя профессор вряд ли окажется сколько-нибудь вменяемым собеседником – а, значит, о продолжении истории с архивом можно забыть. Может быть и хуже: Фридрих прекрасно знал, как странно могут вести себя люди, столкнувшись с необъяснимым и непонятным несчастьем. Рациональному уму ясно, что в современном мире легче погибнуть, поскользнувшись в ванной, чем попав под пулю террориста, и что трухлявая деревяшка могла сломаться в любой момент. Но получилось-то так, что сломалась она во время его визита... что именно он, Власов, принёс в дом беду... и если в голове профессора что-нибудь повернётся в эту сторону, можно ожидать

чего угодно, вплоть до какого-нибудь нелепого оговора в полиции... Впрочем, неприятных объяснений с русской полицией ему не избежать в любом случае. Во-вторых, поползут слухи: Вальтер Порциг достаточно известен, чтобы поговорить о происшествии – которое, ну конечно же, сочтут "странным и подозрительным". Российская либеральная пресса вполне может заинтересоваться, ей всякое лыко в строку, как сказал бы Эберлинг... особенно сейчас, момент уж больно подходящий... а его, Власова, и так уже знают лучше, чем хотелось бы. Плохо, очень плохо...

Порциг тем временем закончил объясняться со "скорой" и бросил трубку. Силы тут же покинули его, и он сел на пол.

Фридрих это заметил.

– Встаньте, профессор, – тихо сказал он. – Мужчина не должен сидеть на полу. Что бы ни случилось.

Профессор послушно встал, но тут же привалился к роялю.

– Как же это так... а? – только и сказал он.

Фридрих заглянул в глаза старика и понял, что тот не будет говорить ерунды в полиции.

– Она жива? – этого вопроса Власов ждал.

– Не знаю, – сказал он честно. – Вряд ли. У неё разбита голова. Трогать её сейчас нельзя – мы не знаем, что у неё с затылком. Когда будут медики?

– Обещали через шесть-восемь минут... Скорее всего, пришлют с подстанции вертолёт, у них есть такие... маленькие машинки, – способность к рациональному мышлению возвращалась к профессору прямо на глазах, – до нас тут, в каком-то смысле, ехать неудобно... Но как же так... Вы побудете со мной? Пока всё выяснится?

Фридрих молча кивнул.

Профессор немного помолчал, потом тихо сказал:

– Спасибо. Я без вас тут глупостей наделал бы... некоторым образом.

Власову вдруг очень захотелось, чтобы произошло чудо. Маленькое такое, почти незаметное в масштабах мироздания. Чтобы Анастасия Германовна Порциг осталась жива и здорова. А ещё лучше, чтобы она прямо сейчас открыла глаза.

Он почти не удивился, когда Анастасия Германовна тихо застонала и открыла глаза.

Потом её вырвало. Фридрих вовремя успел перевернуть фрау Порциг на живот, чтобы она не захлебнулась.

Пока тело женщины сотрясалось в конвульсиях, Власов, не отрываясь, смотрел на её затылок.

Похоже, что череп был всё-таки цел. Из слипшегося от крови комка волос – они-то, судя по всему, и смягчили удар – торчал окровавленный обломок шпильки.

Kapitel 40. 22 ноября 1990 года, день. Москва, Кремль. Приёмная Верховного Правителя Российской Республики.

Первый Секретарь Партии Национального Возрождения России, Верховный Правитель Российской Республики, Верховный Главнокомандующий Вооружёнными Силами РР, Председатель Консультативного Совета, трижды кавалер ордена Святого Николая и медали "Золотой Крест", а также обладатель многих иных отечественных, имперских и иностранных регалий, в том числе "Бриллиантового Щита" первой степени, высшей индийской награды Мира имени Ганди и афганского ордена "Солнце свободы",

действительный член-корреспондент Российской Академии Наук, почётный гражданин полусотни городов мира, включая Нью-Йорк, Уагадугу и Бейцзын, лауреат премии Гёте за четырёхтомные "Воспоминания политика" Сергей Альфредович Мосюк по-настоящему ценил в жизни всего две вещи: власть и хорошее пищеварение.

Ещё недавно в этом недлинном списке значился также херес "Matusalem". Увы, в последние годы даже самое умеренное употребление алкоголя вступало в неразрешимое противоречие с ценностью номер два, а Сергей Альфредович знал толк в расстановке приоритетов. Поэтому он крайне скептически смотрел на пузатую бутылку в деревянном футляре, стоящую на подоконнике.

– Не беспокойтесь, – гость слегка обозначил тонкими губами улыбку, – это изделие нашей химической промышленности. Алкоголя здесь буквально две капли – как во флакончике с духами. Зато добавлен пептидный комплекс, способствующий здоровому пищеварению. На вкус... да вы попробуйте. Ручаюсь, не отличите от "Матусалема". Во всяком случае, эспанским дегустаторам это не удалось.

– Все так говорят, – буркнул Мосюк, – ну, давай, что ли.

Гость ловко раскрыл футляр: там, кроме бутылки, в специальных держателях дожидались своего часа две хересные рюмки, предусмотрительно закутанные в прозрачную плёнку. Легко снял с горлышка защитный слой, извлёк пробку, налил на два пальца. Ароматная жидкость заколыхалась на дне бокала.

– Надо же. Пахнет, как настоящий, – признал Сергей Альфредович, шумно втянув воздух ноздрями.

– Он в каком-то смысле и есть настоящий, – заметил гость. – Основные компоненты, создающие вкус и аромат, идентичны натуральным.

– Хитрость какая... А, кстати, от кого подарочек-то? А то неудобно.

– Можно сказать, что в настоящий момент я неофициально представляю круги, близкие к руководству НСДАП, – неопределённо сказал гость.

– И кое-что ещё, и кое-что другое, – русский диктатор шутливо погрозил собеседнику пальцем. – Уж сколько я тебя знаю, Виктор: у тебя всегда есть что-то ещё в кармане... Ну, ну, не будем суетиться. Понадобится – скажешь.

– Непременно, – улыбнулся гость. – Ну, давайте за встречу. Я её ждал три дня, – добавил он уже без улыбки.

– Всего-то? – удивился господин Первый Секретарь. – Непорядок. В следующий раз прослежу, чтобы раньше чем через неделю тебя ко мне не пущали. А то – ну что это: прилетел, улетел... Надо же и по Москве погулять. У вас в Эстляндии скукотища, а в Москве – лепота. Живи, дыши! Нет, нельзя так сразу – бац, и к делам. Да к тому же и слухи идут нехорошие, будто есть один такой коммерсант, что к Верховному дверь ногой открывает... Лишнее это всё, лишнее. Меня и так на части рвут – за одну ногу ваши, за другую наши. А за то, что между ног, западники тянут. Хорошо хоть у меня те места дублёные... хе-хе, – старик потешно приподнял седую бровь и орлом оглядел окружающее пространство.

Так называемый "малый кабинет" производил на непривычного человека странноватое впечатление: узкий, неудобный, весь заставленный мебелью – на небольшом пространстве умещался письменный стол, два кресла, два диванчика разной длины, небольшой журнальный столик, несколько стульев с гнутыми ножками и два массивных шкафа со стеклянными дверцами. При этом сам хозяин кабинета предпочитал во всех случаях либо стоять, либо лежать, но не сидеть. Книги он читал, облокотившись на

специальный пюпитр – на котором, впрочем, хорошо помещался и нотицблок.

Отвращение к сидячему образу жизни Сергей Альфредович заработал в молодости – когда товарищи по партии, недовольные слишком быстрым возвышением господина Мосюка (он тогда как раз выдвигался в депутаты от областной первички), подложили ему под обивку кресла плоскую противопехотную мину, срабатывающую на отжим. Мина должна была взорваться, когда он встанет – и превратить всю нижнюю часть туловища Сергея Альфредовича в фарш. Молодой кандидат в депутаты, однако, почувствовав под собой чужеродный предмет, заподозрил неладное. Более того, у него хватило ума или профессионализма – Мосюк по военной профессии был минёром – не вскакивать с кресла. Как потом пошучивали соратники, Сергей Альфредович задницей почуял, на что сел. У Мосюка это место всегда было чрезвычайно чувствительным... Как бы то ни было, он неподвижно просидел на этом кресле шесть часов, пока мину не обезвредили. С тех самых пор в быту Сергей Альфредович обходился пюпитром и диваном. Впрочем, от спецмашины со стоячим сиденьем – такое ему предлагали – Первый решительно отказался: Мосюк терпеть не мог оригинальничанья. И экстравагантных жестов не позволял никому. Даже себе.

Что касается мебели, то она находилась в кабинете отнюдь не для удобства посетителей – скорее наоборот. Во всяком случае, быстро перемещаться по кабинету было совершенно невозможно: всё мешалось под ногами. Поговаривали, что это сделано специально, на случай появления каких-нибудь нежеланных гостей. Шептались и о том, что якобы внутри этих креслиц и стульев можно найти нетривиальную начинку. Аксючиц в это не очень верил – но и не удивился бы, если бы вдруг это оказалось правдой...

– Ну так что, за встречу пьём? – усмехнулся Мосюк, осторожно поднимая бокал. – Смотри, отравишь меня своими пептидами.

– Тогда с меня снимут голову, – вздохнул гость.

– Брешешь, Виктор. Ты ещё меня переживёшь, на моей могилке качучу спляшешь, – тяжело вздохнул Верховный Правитель Российской Республики, опрокидывая в рот содержимое рюмки. – Хм-м. Не настоящий, конечно, но ничего так. Наши олухи, небось, и такого не могут.

– При наличии точного описания технологии изготовление не проблема. Если позволите, я оставлю вам вот это, – гость извлёк из нагрудного кармашка пиджака маленький блестящий диск и положил на стол. – Здесь рецептура и технология производства. Только скажите своим людям, чтобы они не пытались её совершенствовать. А то – точно отравитесь.

– Намёк понял, – Мосюк отпил ещё полглотка, пошевелил подбородком, раскатывая вино во рту. – Любит наш брат русак того-с... нахимичить. Блоху подковать. А то, что блоха прыгать больше не будет – так об этом не думаем. Есть в нас это, есть. Воспитывали вы нас, воспитывали – а всё никак... Я вот, знаешь ли, тоже. Давлю уж, давлю в себе русака – а он всё выпрыгивает... Ну что ты будешь делать... уж такие мы уродились. Ergo, bibamus! – предсказуемо закончил он и выпил.

Собеседник едва заметно поморщился. Он-то знал, что Сергей Альфредович, при всей его подчёркнутой русоватости, вряд ли может похвастаться хотя бы каплей русской крови в жилах – зато там хватало крови украинской, польской, шведской и даже шотландской: один из предков российского диктатора был полковником британской армии. Не то чтобы Сергей Альфредович этого стыдился (судя по всему, это глупое чувство его не беспокоило никогда), но разговоры на эти темы считал неуместными.

Людей же, ведущих неуместные разговоры, господин Мосюк сильно недолюбливал.

Впрочем, сейчас всё это было неактуально. В настоящий момент перед ним, Виктором Аксючицем, независимым ээстинским коммерсантом и заодно доверенным лицом неких не афиширующих себя сил, стоит конкретная проблема, которую надо решить. И решить положительно: в ином случае с него действительно снимут голову.

– Сергей Альфредович, давайте о делах, – вздохнул Виктор. – Я, собственно, хотел поговорить о некоторых моментах предстоящего визита...

– Помню, помню. Этого, как его... Клауса... хитлеровца который.

– Взгляды господина Ламберта не имеют ничего общего с хитлеровскими, – покачал головой Виктор. – Я бы назвал их радикально-патриотическими.

– Ну, я вот тоже патриот, – Мосюк повертел в руках бокал, – и что? Мне на этого вашего Ламберта бросаться с кулачками? Хотя я-то не брошусь, я человек старый. И, того-с, культурный. Что бы там ни говорил про нашу культуру этот ваш господинчик.

– Господин Клаус Ламберт никогда не позволял себе неуважительно отзываться о русской культуре, – отрезал Аксючиц.

– А кто произносил речь в Райхстаге насчёт славянской заразы? – прищурился Мосюк.

– Вы же знаете, что эти слова были приписаны ему западными газетчиками, – раздражённо ответил Аксючиц.

– А мне сорока на хвосте принесла, – зло сказал Мосюк, – кое-что другое. Господин Ламберт неоднократно заявлял, в том числе публично, что Россия – источник наркотиков, преступников и нелегальных иммигрантов. Он же в частных разговорах называл славян полуарийцами. Он же выражал мнение, что прозрачная граница с Райхом является источником проблем для Германии. Он же неоднократно позволял себе насмешки над российской государственной символикой, в том числе публичные. – Из речи Мосюка куда-то пропало ёрничанье, исчезли прибауточки, голос стал сухим и резким, а формулировки точными.

– Извините, Сергей Альфредович, но вы прекрасно знаете, что во всём этом можно обвинить любого германского политика. В том числе и пророссийского. Дойчи – грубый народ. Хотя русские им в этом не уступают. Потому что если собрать кулуарные высказывания российских политиков, можно услышать высказывания и похлеще.

– Мы говорим не о словах, – Мосюк облокотился о пюпитр. – Клаус Ламберт – лидер определённого политического направления, и нам обоим известно, какого именно. Его появление в Москве – знаковое событие. Я дал неофициальное – и, прошу заметить, сугубо предварительное! – согласие на этот визит. Но взамен я ожидал от него большей гибкости, хотя бы внешне. Немного сдержанности в словах ещё никому не вредило, не так ли?

– Давайте уж откровенно, Сергей Альфредович. Ламберт – такой же заложник своей партии, как и любой другой деятель в его положении. Он просто не может позволить себе гибкости, которая будет воспринята как слабость. Особенно сейчас, после польских событий. И в связи с положением в Западной Украине.

– События, события... Дурачки собрались и неделю орали о независимости. Им отключили тепло и канализацию. Они помыкались-помыкались и разбежались. Делов-то.

– Не всё так просто. Дурачки кое-чему научились и поменяли тактику. Сейчас западноукраинский ландтаг готовит новую редакцию конституции. Не включающую в себя слова об "ограниченном суверенитете в рамках Райха и Райхсраума". Скорее всего,

они соберут кворум, и это будет принято. Без всяких разговоров о независимости как таковой. Но...

Мосюк даже не стал делать вид, что узнал что-то новое.

– Атлантический блок не признаёт самого понятия ограниченного суверенитета, – пожал он плечами. – А настроения на Западной Украине сейчас проатлантистские.

– В Западной Украине, – машинально поправил собеседника Аксючиц.

– На Западной Украине, – усмехнулся Мосюк. – По-русски будет – на Западной Украине.

– По-русски не будет. Вас они ненавидят еще больше, чем дойчей, – поймал подачу Аксючиц.

– Ну, эти крестьяне ненавидят всех, – легко сдал назад Первый. – Например, называют собак и кошек дойчскими и русскими именами. Говорят, у вас в Eesti Vabariik такое тоже было.

– Может быть, давно, до Культуркампфа. Я, во всяком случае, такого не помню, – пожал плечами собеседник. – Во всяком случае, эти крестьяне сейчас намерены поиграть в юридические игры.

– И получат то же самое. Ландтаг распустят. Ко всеобщему облегчению. Народу-то эти игры по енто место, – Верховный сделал неприличный жест. – Это же славяне. А славянин – существо неполитическое. Я тебе так скажу: что русские, что поляки, что украинцы – все они своё начальство в гробу видали. Им бы курицу в щи, да бабу на печь – вот и вся политика, – старик снова подпустил в речь ёрничества.

– В беспорядках в Варшаве участвовало около миллиона человек, – напомнил Аксючиц.

– Это другое. Власть славян не интересует, это да. Но славяне любят почёт. Чтобы их уважали. И ежели это уважение им не выказывать, они того... Ну, тут уж начинаются местные особенности. Поляки, они с гонором – оскорбляются. Украинцу становится досадно. А русский обижается. Обида – это, знаешь ли, самое главное русское чувство. Основное, можно сказать. Ну да тебе не понять... Ты мне лучше вот что скажи, – на какой мёд господин Ламберт летит в Москву? Только не юли.

Аксючиц вздохнул, как перед прыжком в холодную воду. Сейчас ему придётся говорить неприятное.

Его знакомство с российским диктатором состоялось десять лет назад. Тогда Управлению срочно понадобилось провернуть некую крайне деликатную операцию на российской территории. Вся сложность ситуации заключалась в том, что политическое руководство страны не имело единого мнения относительно нужности и важности крайних мер. Откровенно говоря, жёсткое решение играло на руку вполне определенным – и не самым влиятельным на тот момент – силам в руководстве Райха, и подрывало позиции иных сил, на тот момент более влиятельных. При этом речь шла о настолько значительных лицах, что без согласия и поддержки Первого нечего было и думать о каких бы то ни было конкретных действиях. Независимый ээстинский предприниматель с неопределённым статусом, давно и успешно сотрудничающий с Управлением на взаимовыгодной основе, волею судьбы занесённый в Россию как раз накануне возникновения критической ситуации, оказался самым подходящим передаточным звеном. В ту сумасшедшую неделю Аксючицу каким-то чудом удалось убедить сверхосторожного Мосюка закрыть глаза на действия Управления. В результате чего баланс сил в Берлине сместился, а Сергей Альфредович получил с того немалые

дивиденды. С тех самых пор Аксючиц приобрёл неофициальный статус доверенного лица Верховного – которым, впрочем, пользовался очень осторожно.

– Буду говорить открыто, – начал он. – Официальная причина визита – окончательное урегулирование правовых и административных вопросов, связанных с гражданством Райхсраума...

– Моя позиция: это вообще не наша проблема. Есть закон, позволяющий любому этническому дойчу, в том числе родившемуся за пределами Райха, требовать полноценного имперского гражданства. Этот закон принял Райхстаг, а не я. Имперские граждане имеют множество привилегий, в том числе и в области пособий и льгот. Поэтому имперское гражданство привлекательно. С другой стороны, российские законы в ряде случаев мягче имперских. Поэтому в случае столкновения юрисдикций те же самые фольксдойче стремятся решить дело в российском суде. Рыба ищет где глубже, а человек – где лучше, это естественно. Я предлагал и предлагаю: давайте унифицируем уровень социальной защищённости и законодательство. И этот надуманный вопрос отпадёт сам собой.

– Пожалуйста, дослушайте. Господин Ламберт намерен выступить в Москве с рядом жёстких заявлений, касающихся Райхсраума в целом и России в частности. Их смысл будет сводиться к тому, что нынешняя ситуация перестала быть терпимой. Грубо говоря, Райх несёт основные расходы по содержанию Райхсраума, а входящие в него государства не платят ему даже минимальной лояльностью. Это положение дел должно быть изменено – в ту или иную сторону.

– Вот как, – Аксючиц почувствовал, что старик не на шутку разозлился. – Очень интересно. И вполне в духе обычных выступлений ястребов. Мы, значит, объедаем Фатерлянд, и при этом предаём его на каждом шагу? Очень, очень дружественная точка зрения. Вы и в самом деле рассчитываете на моё сочувствие?

– Я очень прошу: дослушайте меня, а потом уже делайте выводы! – Виктор понимал, что времени у него осталось очень немного, и заторопился. – Ламберт намерен заявить, что существует всего два выхода из ситуации. Или – роспуск Райхсраума и переход к системе двухсторонних договорённостей, на чём настаивают либералы. Или восстановление Райхсраума в его прежнем виде – каким он был при Дитле. То есть в качестве единого мощного блока государств, объединённых имперской идеей. Выбор должен остаться за народами Райхсраума, но он должен быть сделан быстро и недвусмысленно. Теперь всё.

– Замечательно. В таком случае я тоже буду говорить открыто. Я, волею Божьей и волею народа российского – а также, прошу заметить, не без согласия и одобрения высшего руководства Райха – есмь Верховный Правитель России. И я не имею морального права принимать у себя враждебно настроенного германского политика, который намерен поставить мне и моему народу ультиматум. Причём не от имени руководства Райха, а всего лишь от имени своей партии. Влиятельной, да, но всё-таки не определяющей райхсполитику. При этом, если соответствующие заявления будут сделаны, от меня уже ничего не будет зависеть. Если мы промолчим, Клаус Ламберт и его ястребы получат козырь: получится, что мы признали его правоту, молчание – знак согласия. Если мы не промолчим, они тоже получат козырь: дойчи умеют обижаться. Мой долг – не допустить столь прискорбного развития событий. Я, конечно, не вправе запретить господину Клаусу Ламберту посетить Россию в качестве частного лица. Но и только. Визита – официального визита – не будет. Это решено.

– Не всё так просто, Сергей Альфредович, – Аксючиц невольно повысил голос. – Давайте уж начистоту. Вы, с вашей политикой, и в самом деле умудрились отвести Россию от Райха ровно на такое расстояние, чтобы пользоваться всеми выгодами пребывания в составе германского блока и при этом нести минимум расходов и обязательств. Всем известно, что торговый баланс сейчас не в пользу Райха. Как известно и то, что Россия, пользуясь режимом максимального благоприятствования в торговле внутри Райхсраума, внутри страны проводит, по сути дела, протекционистскую политику. А Каирские соглашения по нефти?

– Бог обделил Россию нефтью, – скрипнул зубами Мосюк, – а Фатерлянд не оказал нам самой минимальной помощи. Мне тоже не нравится эта возня с арабами, но они сидят на нефтяном кране.

– Никто вас за это не осуждает. Вы действуете в интересах России, – примирительно сказал Аксючиц. – Но не думайте, что в Берлине сидят идиоты. Вот, например, возьмём это ваше заявление по теме о гражданстве. Вы говорите: давайте унифицируем уровень социальной защищённости и уже потом – законодательство. Вы ведь это имели в виду?

– Допустим, так, – согласился Мосюк.

– Но это потребует расходов. Кто должен платить за повышение уровня социальной защищённости в России? Мне почему-то кажется, что вы не имели в виду российский бюджет... Кое-кто считает, что это типично российская политика. Сначала вы создаёте проблему, а потом перекладываете финансовую часть её решения на Райх.

– Проблему создали не мы. Это Райх озабочен проблемой поведения некоторых своих граждан. К тому же Россия беднее Германии. За решение проблемы должен платить тот, кому нужно решение этой проблемы и у кого есть лишние деньги.

– Может быть, Россия беднее потому, что производительность труда русского рабочего в два с половиной раза ниже, чем у дойчского? – не сдержался Аксючиц.

– И какой же ты делаешь из этого вывод? – неожиданно спокойно ответил Верховный. – Русские ленивы, бездарны и плохо работают? Так?

– Я этого не говорил, – отступил Виктор.

– Но ты подумал. А такие, как Ламберт, это ещё и говорят вслух. Но это ложь, причём сознательная ложь, рассчитанная на наивность обывателя. Ну-ка, скажи – в чём измеряется производительность труда? – речь старика опять стала жёсткой и ясной.

– Количеством продукции, произведённой работником в единицу времени, – напрягшись, ответил Аксючиц.

– И как же мы будем сравнивать производительность труда по производству мочалок и по производству самолётов? – поинтересовался Мосюк. – Ты же коммерсант, должен знать такие вещи... Так вот: количество произведённой продукции – это отраслевой показатель. Общеэкономический же измеряется в деньгах. В марках, например. Теперь второй вопрос: от чего зависит производительность труда? Так я тебе скажу: от эффективности использования капитала. Если у тебя есть автомобиль, ты на нём наездишь больше километров, чем я на лошади за то же время, не так ли?

– Допустим, но какое это имеет отношение к теме?.. – Аксючиц попытался было выпутаться из неинтересного поворота разговора.

– Самое прямое. Русские работают не хуже дойчей. Но они работают на морально устаревшем оборудовании. И кроме того – целый ряд самых выгодных отраслей хозяйства практически монополизированы Германией. Иногда под разными надуманными

предлогами, иногда вообще без них.

– По Смоленскому договору, насколько я помню, России запрещено производить только военную технику, – напомнил Виктор. – Взамен вы получаете прямые поставки лучшего в мире германского вооружения.

– Да-да, – неприятно улыбнулся Мосюк. – Если только не учитывать того, что именно военные разработки во всём мире являются источником инноваций. Всё новое производится сначала для армии, по военным заказам. И уже только потом идёт в гражданский сектор. В результате мы обречены сидеть на обочине прогресса и ждать, пока Фатерлянд не осчастливит нас прямыми поставками новеньких винтовок и обмундирования. За это нас лишили, например, авиапрома. И всех новых штучек, которые разрабатываются для неба. Мы едва отстояли свой автопром – и то лишь потому, что мой предшественник... светлая ему память... запретил российским государственным организациям покупать дойчские автомобили! Помните, какой был скандал? А если бы не этот запрет, у нас не было бы наших полицейских броников... Но как объяснить это господину Клаусу Ламберту и его единомышленникам? Ведь так приятно порассуждать о русской лени и неспособности к творчеству. Забрав себе всё вкусное и оставив нам полуобглоданные кости.

– Почему же тогда Япония, которой тоже запрещено военное производство, стала ведущей технологической державой? – Аксючиц понимал, что старик умело уводит его от темы, но решил дослушать до конца.

– О, хороший пример! – Мосюк ухмыльнулся. – Японцы запустили национальные программы фундаментальных исследований. Основанные на национальной же системе образования. А в России вся образовательная система находится в руках... вы знаете, в чьих руках. О нет, я не говорю, что это плохо! Фольки – полезнейшие граждане. Однако все талантливые русские студенты почему-то перебираются в Берлин или в Ляйпциг... Это проблема, решения которой я пока не вижу. А господин Ламберт и его ястребки...

– Вы умудрились произнести пламенную антигерманскую речь, всего лишь споря с воображаемым господином Ламбертом, – Виктор, наконец, осмелился прервать желчный монолог старика.

– Вот именно, – Мосюк снова сменил регистр разговора: на этот раз его речь покатилась мерно и ровно, с чётким выдением ключевых слов. – Я люблю Германию, я люблю эту великую страну и её великую культуру. Германия дала нам всё – начиная от освобождения и кончая покоем и безопасностью. Но какой-то ничтожный господин Ламберт заставил меня думать не о том, что Германия дала моей стране, а о том, что она у неё взяла и в чём помешала... Получается, что партия болтунов намерена поссорить Россию с Германией, а меня лично – и с имперским руководством, и с собственным народом. В России и без того хватает дураков, которые с удовольствием вцепятся в лакомую косточку, которую намерен бросить им этот ваш главный ястреб. Я и так постоянно слышу и читаю обвинения в том, что я с потрохами продался nemtzam, – последнее слово лауреат премии Гёте проговорил с демонстративной неловкостью. – Вот только я своих болтунов взял к ногтю, а имперское руководство – нет, – резко закончил он.

Аксючиц кивнул. В откровенном заигрывании с русским национализмом Мосюк и вправду замечен не был. Отчасти потому, что русские националисты позволяли себе затрагивать тему происхождения и деталей биографии Верховного. Более того, когда в ПНВ начало проклёвываться "право-патриотическое крыло", его неформальный лидер

Игорь Сухоносов был уличён в преступлении против нравственности и выслан во Францию. Само же "патриотическое крыло" было раздавлено тихо и без шума – в отличие от длинной и запутанной истории борьбы с остатками "конструктивного крыла". Борьбы, очень похожей на сложную многоходовую операцию с неясными целями...

– Допустим, так. Но есть и разница. Ламберт – отнюдь не нацист в хитлеровском смысле этого слова. Он империалист. Хитлеровцы и им подобные требуют оградить Райх от того, что они называют славянскими окраинами. Круги, близкие к Ламберту, требуют прямо противоположного: прочнее привязать окраины к имперскому центру...

– Россия – не коза, чтобы её привязывали к забору! – вспылил Мосюк, и тут же опять сменил тон на прежний, мерный и ровный. – Поймите: такая постановка вопроса унижает и Россию, и Райх. Подлинная привязанность не терпит никаких привязей и заборов...

– Да при чём тут заборы, – Аксючиц не выдержал нового наплыва демагогии. – Скажите честно: вы и в самом деле хотели бы распада сложившейся системы отношений с Райхом? Положа руку на сердце – хотели бы?

– Нет, – жёстко сказал Сергей Альфредович. – Внутренние игры – это одно. Но только пока они внутренние. Райхсраум имеет множество недостатков, но это жизнеспособный организм. Я могу играть с Империей, выторговывая себе поблажки и привилегии. Но я никогда – слышите, никогда! – её не предавал. Именно поэтому я не допущу визита безответственного болтуна и провокатора, который позволяет себе угрожать распадом Райхсраума. Ламберт – безответственный демагог, играющий с огнём. Я не понимаю, почему Управление не отдаёт себе отчёт...

– Хорошо, я понял вашу точку зрения, – невежливо перебил Аксючиц. – Но я должен сказать кое-что ещё. Ситуация в Райхе гораздо хуже, чем вы, может быть, думаете. Референдум двенадцатого мая...

– Референдум – глупость, бессмысленная глупость, – ощерился Мосюк. – Нельзя было соглашаться на него. Теперь при любом раскладе сил уже создан прецедент. Даже если эта дрянь соберёт десять процентов голосов...

– Всё гораздо хуже. По некоторым данным, на восточных территориях Райха наши противники могут получить от тридцати до шестидесяти процентов голосов.

– Невозможно, – скривился Мосюк. – Они же не идиоты.

– Вы сами всё объяснили. Поляки считают себя оскорблёнными... западным украинцам досадно... ну и так далее. При этом никто не думает о том, что последует за разрушением Райха. Они воспринимают это как... как... – гость замялся, потом всё же подобрал нужное слово, – как способ досадить дойчам. Они совершенно не думают о том, что у референдума будут очень конкретные последствия.

– Они всё равно не выиграют референдум на территории всего Райха, – Мосюк немного успокоился.

– Достаточно проигрыша на Востоке, – отрезал Аксючиц. – В момент, когда будут оглашены результаты, будет подожжён фитиль бомбы, которая когда-нибудь взорвёт всю систему. Первыми, однако, пострадают страны-сателлиты и их правительства. По нашим данным, в России хватает политиков, готовых воспользоваться моментом.

– Либералы? Дерьмо. – Верховный презрительно выпятил нижнюю губу. – А со своими товарищами я уж как-нибудь разберусь. Они у меня все вот где, – старик поднял сжатый кулак, покрытый старческими коричневыми пятнами.

Настало время выложить главный козырь.

– Не все. По некоторым данным, Президент Российской Республики, господин Никита Михалков, во время лечения в Карлсбаде имел ряд неофициальных контактов с лидерами СЛС, – произнёс на одном дыхании Аксючиц, внимательно наблюдая за стариком.

– Никитка-то? Да пусть он хоть со скунсярами челомкается, – Мосюк хотел ещё что-то добавить, но осёкся.

"Этого он не знал", – понял Аксючиц.

Дальнейший ход мысли Дядюшки Лиса был более чем понятен.

Никита Михалков, как и все российские президенты, был безобидным болтуном, занимавшим декоративный пост без каких бы то ни было реальных полномочий. Он был известен как театральный режиссёр, ушедший в кино, где и преуспел в качестве постановщика дорогих и помпезных фильмов о русской истории романовских времён. Внятных политических взглядов он не имел, хотя любил щегольнуть монархическими симпатиями – впрочем, совершенно абстрактными. Однако страсть к политическим игрищам может внезапно настичь любого, кто почует хотя бы запах власти. Михалков достаточно бездарен и достаточно тщеславен, чтобы прельститься. Тем более, его формальное положение достаточно высокое. Правда, существует российская конституция, недвусмысленно предписывающая форму правления. Но в моменты великих потрясений... а если и в самом деле? Особенно на фоне событий в Фатерлянде.

Разумеется, до такой перспективы Михалкову ещё очень далеко. Даже если курортные разговоры имели место – это мелочь. Но самое главное – Мосюк не знал о вольностях, допущенных господином Президентом РР. Ему о них не доложили. И теперь он выслушивает эту новость от постороннего... Это означало очень серьёзное неблагополучие внутри построенной Сергеем Альфредовичем системы власти, жёстко замкнутой на нём лично...

– Но я готов согласиться с вами относительно Ламберта, – Виктор дал Мосюку время переварить информацию и вернулся к теме. – Заявления, подобные тем, которые он приготовил, прозвучали бы оскорбительно и поставили бы российское руководство и вас лично в неловкое положение. Ну а что, если у него будет повод к жёстким пассажам?

Хомячья мордочка Мосюка неуловимо изменилась. Теперь он был похож на какого-то мелкого хищника – скорее даже не на лису, а на куницу.

– Допустим... пока только допустим... – Аксючиц перешёл к самому деликатному, – что на жизнь Ламберта происходит покушение. Заказчик – Центр Визенталя. Разработчик операции и главный исполнитель – один из легендарных убийц Центра, некий Зайн. Разумеется, покушение оказывается неудачным: Клаус Ламберт жив. Возможно, он ранен или контужен. Прямо с больничной койки он произносит обращение к народам России и Германии. Жёсткое, да. Но оно завершится призывом к единству. Да, кстати: организаторы покушения найдены и уничтожены благодаря блестящей операции российских спецслужб. Разумеется, вина за происшедшее падает на германскую сторону и в особенности на Управление. Некоторые головы полетят.

Мосюк молчал две минуты.

– Русские не виноваты, но они тоже оказались не на высоте, – наконец, заявил он. – Теракт в Москве – это национальный позор. Всё руководство ДГБ уйдёт в отставку. Новое руководство Департамента назначу я сам. Без согласования, – тяжело добавил Верховный. – И в дальнейшем тоже.

Аксючиц мысленно поздравил себя с плохим, но всё же хоть отчасти приемлемым

вариантом торга. Руководство любой спецслужбы любого государства Райхсраума назначалось только после неофициальных консультаций с Берлином. Это была ещё одна ниточка, скрепляющая единство Райхсраума. Правда, эта практика не слишком-то помогла в той же Польше или даже в Болгарии... Мосюк, однако, хотел другого: получить, наконец, в этом отношении вольную.

– Сейчас – может быть, это экстремальная ситуация. Но не в дальнейшем, – сделал свой ход гость.

– Или мне доверяют, или нет, – попёр напролом Мосюк. – Отдайте мне это, и я сделаю то, что вы хотите.

– Я не решаю такие вопросы, – напомнил Аксючиц.

– Так пусть решат те, кто решают, – рыкнул Мосюк. – И ещё: на похоронах я выступлю с речью. Посвящённой российско-германским отношениям.

– На каких похоронах? – не понял гость.

– Ну как же. Теракт – это серьёзно. Должны быть погибшие. Минимум трое. Один русский, один фольксдойче, один дойч из Берлина. Это красиво и символично. Похороны должны стать знаковым событием.

– Значит, всего три трупа? – не удержался от иронии Аксючиц.

– Конечно, – совершенно серьёзно ответил Мосюк. – Один труп – несерьёзно, десять – уже статистика. Три – идеальное число. Это мы ещё потом с коллегами обмозгуем.

Виктора слегка покоробило гадкое словцо, но он не подал вида.

– Теперь о речи. Я готов её согласовать с теми, кого вы представляете. И с Ламбертом, если это понадобится. Это будет ответ на его речь. Развёрнутый ответ. По сути – новая программа нашего сотрудничества в рамках Райхсраума. Но это должна быть моя речь и моя инициатива. Моя, – он выделил это голосом.

Аксючиц немного подумал. Насколько ему было известно, старик не страдал излишним тщеславием: он чрезвычайно ценил власть, но об имидже и месте в истории задумывался постольку поскольку. Его интересовали конкретные выгоды. Следовательно, ожидаемая "новая программа сотрудничества" будет тем ещё подарочком для Райха... Ох... Он уже предвидел, сколько времени придётся убить на согласования. А ведь всё придётся делать в спешке. Ничего, придётся успеть...

– А что, покушение и в самом деле готовит Зайн? То есть вы заказали работу... – Мосюк не закончил.

– В общем, да. Но, сами понимаете, его используют втёмную. Он уверен, что планирует настоящий теракт.

– А Клаус Ламберт? Он в курсе? Или вы тоже разыгрываете его втёмную?

– Ну почему же. Он в курсе. Собственно, это была его идея, – с удовольствием сообщил Аксючиц.

Первый Секретарь Партии Национального Возрождения России захохотал – громко, откровенно, с фырканьем и кашлем. В маленьких поросячьих глазках показались слёзки.

– Вот же вредный старикашка, – наконец, выговорил он. – Но в нём что-то есть, в этом Ламберте. Он ещё может прыгнуть выше головы.

Kapitel 41. 13 февраля 1991 года, среда, вечер. Санкт-Петербург, посёлок "Николаевская усадьба", ул. гр. Фредерикса, д. 3 .

– Ну что, что они там говорят? – профессор Вальтер Порциг плеснул себе на дно бокала ещё вина. Херес переливался в хрустале, отбрасывая на скатерть рубиновый отсвет.

– Повреждения кожи головы и сотрясение мозга... На голове они ей всё зашили. Возможно, останется небольшая залысинка, но вряд ли это будет заметно. Пока что ей нужен покой, компрессы, уколы, но главное – покой, – терпеливо повторил Власов, устраиваясь поудобнее в кресле.

Он внимательнейшим образом выслушал всё, что медбригада говорила Маше, временно назначенной сиделкой. Особого смысла в этом не было: всё то же самое было сказано и самому профессору. Тем не менее, Власов отдавал себе отчёт в том, что тому очень хочется ещё и ещё раз слышать успокоительное – всё поправимо, всё будет хорошо, самое страшное позади, можно расслабиться... По-человечески понять это было можно, хотя сам Власов – как и большинство людей его профессии – считал все эти обывательские ритуалы довольно-таки никчёмными.

– Завтра утром они приедут с аппаратурой. Будут делать рентгенограмму. Могут быть трещины в основании черепа... Если что случится ночью, Маша немедленно вызовет дежурных... Но всё-таки вы напрасно отказались от госпитализации, – счёл нужным добавить Фридрих.

– Моя лапочка ужасно упрямая, – вздохнул профессор. – Она не хочет в больницу. И я не буду с ней спорить.

– Её каприз обойдётся вашей семье недёшево, – напомнил ему Власов. – Если, конечно, петербургские цены сравнимы с берлинскими. А так вы не потратили бы ни рубля.

– Куда там сравнимы... За дополнительные услуги медики дерут ой-ой-ой как, – махнул рукой Порциг. – Но у меня, слава богу, ещё есть кое-какие деньги на счету. Хотите хереса? Ах да, вы же не пьете... или, может, сделаете исключение? Из этой бутылки?

Власов впервые присмотрелся к бутылке и понял, что в ней такого особенного. Этикетка была перечёркнута размашистой подписью Эдварда Дитля.

– Нам всем после того ужина подарили по такой... на память, – вспомнил профессор. – Старое эспанское вино. Я его берёг для какого-нибудь важного события... юбилей какой-нибудь, в некотором роде, или ещё что... Вот и пригодилось.

– Нет, – твердо ответил Фридрих, не чувствуя никакого сожаления по этому поводу, – экземпляр, конечно, исторический, но принципы только тогда чего-то стоят, когда не имеют исключений.

Скрипнула дверь. Мимо проплыла Маша, преисполненная тревоги и ответственности: она несла ёмкость для капельницы. Строго посмотрев на развалившихся в креслах мужчин, она скрылась в соседней комнате, где – в предписанной тишине и тщательно сохраняемом покое – лежала Анастасия Германовна.

– Если честно – я был уверен, что она мертва, – вспомнил Фридрих. – Вмятина на рояле...

– Да с этого шкафа вечно что-нибудь падает, – Порциг задумчиво накручивал себе на палец бородёнку. – Пожалуй, распоряжусь, чтобы его убрали. В прошлый раз упал глобус... большой, деревянный такой. Подарок ВГА, между прочим... Вот от него и остался след. А вы подумали, что это, некоторым образом, головой?

– Да, – Власов не стал отрицать очевидное. – Там же и кровь была.

– Проклятая шпилька, – проворчал Порциг. – Говорил я лапочке – не носи ты эту ужасную штуку, ей же заколоться можно. Ведь эта штука могла, некоторым образом, воткнуться... как гвоздь, – профессора передёрнуло.

– Она и воткнулась, – стал объяснять Фридрих, – просто сразу сломалась. Это же не металл, а какая-то пластмасса. Обломок прошёл между кожей головы и черепом, разрывая сосуды. Сосудов там много. Отсюда и столько крови.

Они сидели всё за тем же обеденным столом, отдыхая после суматохи. Медбригада уже сделала всё необходимое и улетела на своём смешном вертолётике.

Власов чувствовал себя как-то странно. С одной стороны, скверное происшествие завершилось неожиданно удачно, и это радовало. С другой – он потерял на этой истории немало времени: он-то собирался получить информацию и вежливо откланяться ещё засветло... Проклятье! Гельман!

Помимо изучения электронных архивов Управления на тему экспедиции Порцига, Фридрих сделал утром еще одно дело. Точнее, он сделал его уже в машине, направляясь в поселок "Николаевская усадьба". Он все-таки позвонил по номеру на гельмановской карточке. Делать это Власову не хотелось, но он понимал, что не должен позволять эмоциям брать верх над разумными соображениями. Гельман, судя по всему, действительно что-то знал или хотел предложить. Возможно, это было что-то, важное только для самого Гельмана, но никак не для Власова и его дела. Возможно, вообще какая-нибудь полная чушь. Но для того, чтобы делать выводы, необходимо было выяснить, о чем же, в конце концов, речь.

Галерейщик обрадовался звонку, но тут же, в своей нахальной манере, заявил, что, мол, и не сомневался, что Власов позвонит.

– Давайте встретимся и побеседуем, – продолжал он, не дав Фридриху вставить и слова. – Ээ... скажем, завтра. Завтра у меня как раз будет время.

– Сегодня вечером, – ответил Власов тоном, не допускающим возражений. Во-первых, он и в самом хотел разобраться с галерейщиком и его намеками поскорее. Во-вторых, стоило проверить, насколько сильно сам Гельман заинтересован в этой встрече.

– Ээ... ммм... вообще-то сегодняшний день у меня уже весь расписан, но...

– Я здесь тоже не на прогулке, – заметил Фридрих. – Напоминаю – это вы искали встречи со мной, а не наоборот. Так что, или вы согласны на...

– Хорошо-хорошо, – заторопился Гельман. – Я посмотрю, что... Я отменю все лишнее. Сегодня, ну, скажем, в шесть часов вас устроит?

Скверное время, подумал Фридрих, не увязнуть бы в пробках. Впрочем, позже будет еще хуже, а переносить встречу совсем уж на ночь не хотелось.

– Ладно, – согласился он.

– Вот и замечательно. Тогда подъезжайте в "Аркадию"... вам ведь дали клубную карточку? Десятипроцентная скидка, кстати...

– Почему именно в "Аркадию"? – насторожился Фридрих.

– Ну... кухня приличная, и дорогу уже знаете... карточка, опять же... Вы не волнуйтесь, – добавил Гельман со смешком, – сегодня там не будет никаких негров, я гарантирую! Или вы хотите предложить другое место?

Власов прикинул варианты. Никаких "жучков" в "Аркадии" ему не навешали, это он, разумеется, проверил первым делом. Но место все равно подозрительное. С другой стороны, если Гельман хочет записать разговор (и передать кому-либо запись) – он

сделает это, куда бы Власов его ни привел. Не обыскивать же его, раздевая догола, в самом деле (Фридрих скривился при этой мысли). Может ли быть так, что разговоры в "Аркадии" пишутся, но Гельман об этом не знает? Это вряд ли, на страдающего излишком наивности он не похож. Тогда, возможно, в "Аркадии" готовится какая-то провокация? Тоже не очень вероятно – в конце концов, Гельман не мог знать точно, что Власов ему позвонит, и тем более не был готов к встрече в этот вечер. К тому же он вроде бы не исключает возможности встретиться и в другом месте по выбору Фридриха, хотя по тону ясно, что ему бы этого не хотелось... А может быть, все гораздо проще? Галерейщик не пытается заманить его в некую ловушку, а как раз наоборот – боится попасть в ловушку сам? И "Аркадия" представляется ему наиболее безопасным местом для переговоров – безопасным для него самого...

– Мы сможем там поговорить без помех? – осведомился Власов, выделив голосом последнее слово.

– Да, – ответил Гельман с явным облегчением. – Да, конечно. Я гарантирую.

– Гарантируйте тогда заодно, что отключите *все* свои целленхёреры на время разговора. И отложите любые акции, из-за которых вас могут забрать прямо в середине беседы.

В трубке вновь раздался смешок, а затем Гельман еще раз заверил, что разговору ничто не помешает. Ну что ж, подумал Фридрих. Можно, конечно, поступить так, как он делал обычно – усадить собеседника в машину и общаться с ним, катаясь по городу. Но в этом случае Гельман наверняка будет на нервах, а для пользы дела, пожалуй, будет лучше позволить ему расслабиться... иначе он, чего доброго, так и будет тараторить на посторонние темы, не решаясь перейти к главному. К тому же хорошая кухня – это все-таки действительно хорошая кухня. Власов не был гурманом, но если можно совместить еду и дело и не тратить время по отдельности – отчего бы так и не сделать. И Фридрих дал согласие.

И вот теперь злосчастное происшествие с госпожой Порциг полностью отвлекло его от этой встречи. На которую – Власов посмотрел на часы – он, разумеется, уже категорически не успевал. Не успевал даже в том случае, если бы выехал прямо сейчас – а разговор с профессором все же следовало довести до конца. Что ж, придется передоговариваться на другое время. Извинившись перед Порцигом, Фридрих вытащил из кармана трубку и вышел в коридор. Мелькнула мысль: а что, если Гельман уже исполнил свое обещание и отключил свои целленхёреры? Впрочем, вряд ли он сделал это, не дождавшись Власова...

Гельман отозвался со второго гудка. Без лишних слов Фридрих сообщил ему, что, в силу внезапно возникших обстоятельств, прибыть на встречу не сможет. Извиняться перед неприятным субъектом не хотелось, поэтому Власов избрал нейтральную формулировку: "Я сожалею" – что получилось вполне на американский манер.

– Очень жаль, – откликнулся и Гельман. – Я ведь с самого начала предлагал завтра...

– Давайте так и сделаем. И лучше в первой половине дня.

– Может быть, вечером?

– Если вы действительно хотите поведать мне что-то существенное, то чем скорее это произойдет, тем лучше, – произнес Власов тоном терпеливого учителя.

– Ну хорошо, хорошо. Давайте в одиннадцать утра. Там же. Вас это устроит?

– Да. Значит, до завтра, – палец Фридриха уже лег на кнопку отбоя, но в трубке

вдруг раздалось почти жалобное:

– Фридрих Андреевич!

– Да?

– Я понимаю, вы не станете рассказывать мне про эти ваши "чрезвычайные обстоятельства"... но... – галерейщик беспомощно замолк, явно не зная, как пообтекаемее сформулировать мысль.

А ведь он боится, понял Фридрих. И здорово боится. Сейчас он, очевидно, хочет получить намек, что "обстоятельства" никак не угрожают ему лично...

– Правильно понимаете, – констатировал Власов вслух. – Вас эти обстоятельства не касаются. До свиданья.

Убрав целленхёрер, он вернулся в столовую и сел на прежнее место рядом с профессором. Устраиваясь поудобнее, почувствовал, что что-то мешается в левом брючном кармане. Власов запустил туда руку и вытащил пресловутое ожерелье: видимо, он его туда машинально сунул, чтобы оно не потерялось в суматохе. Красные камни сверкнули, как птичьи глаза.

– Это рубины? – он протянул ожерелье Порцигу.

– Нет. Это пиропы, естественные спутники алмазов. В середине алмазик в породе, – охотно принялся объяснять профессор. – Самоделка. Нашёл в своё время... когда искал архив.

– Вы так и не рассказали про судьбу архива, – напомнил Власов.

– Ах да. Ну, вы уже наверное, поняли, что я, некоторым образом... интересовался деятельностью своего шефа несколько больше, чем позволяли данные мне инструкции. На вашем языке это называется словом "шпионил". Да, именно это я и делал. Не потому, что... – профессор заменил объяснения неопределённым жестом, – а потому что боялся. Боялся за него... и, откровенно говоря, за себя. Он ведь поддерживал отношения с большевицким подпольем. Ну и с американцами, конечно. К тому времени он успел запутаться в своих связях... да и возраст... Короче говоря, когда одна российская служба предложила мне кратковременное сотрудничество, я не отказался. И не стыжусь этого.

Фридрих понимающе кивнул.

– Он, конечно, подозревал меня, – добавил профессор. – И никогда мне не доверял. Впрочем, он никому не доверял. И результаты работы над составляемым архивом прятал очень хорошо.

– Что он собирался с ними делать?

– Наверное, продать, – пожал плечами профессор. – У него были деньги на Западе. Наши это знали, но... всякие, некоторым образом, соображения... сложные интересы... Это всё-таки, в каком-то смысле, большая политика.

Власов постарался промолчать. Не получилось.

– Да-да, конечно, "интересы" и "политика". Есть люди, умеющие что-то делать, и есть люди, умеющие отнимать сделанное другими. Это совершенно разные навыки, одно исключает другое... ну, или почти исключает. Гений может совместить первое и второе умения, но для этого нужен гений. К сожалению, то же самое относится и к власти. Есть люди, умеющие управлять другими людьми, и есть люди, умеющие бороться за право управлять другими людьми. Первые называются администраторами, вторые – политиками. Нам пока что везло с гениями. Райх создал гениальный политик, имевший административные способности, а потом власть досталась гениальному администратору, не лишённому политического чутья... Но вообще-то политика – это то, от чего истинно

цивилизованному обществу надо как можно скорее избавиться. Избавляемся же мы от тех, кто умеет только отнимать или выманивать чужое. Причём именно мы, национал-социалисты, были в этом отношении последовательнее всех. Мы первые начали очистку общества не только от обычных воров и мошенников, но и от финансовых спекулянтов, и прочих... – он осёкся, осознав, что профессор его не слушает.

Фридриху стало неловко.

– Извините, – сказал он, – я перебил...

– Да ничего, – махнул рукой Порциг, – я вас, некоторым образом, хорошо понимаю. Просто с этим ничего не поделаешь. Эти, как их... отниматели... они в конечном итоге всегда оказываются в выигрыше. Я уж и не мечтаю... Да, так вот, об архиве. Я точно знаю, что Шмидтом был обработан огромный материал по советским геологическим разработкам. Обработан, сведён и приготовлен к вывозу за границу. Конкретнее, в Америку. То есть он даже думал, что архив уже там... Ладно, это я потом объясню. Но при этом он не собирался отдавать такие ценности американцам. Ни просто так, ни за деньги. Это была часть очень большой и очень серьёзной игры. Как бы это сказать? Понимаете, повторить такой труд второй раз было бы невозможно. Невозможно и вытрясти эту информацию из кого бы то ни было... особенно учитывая, что некоторые ключевые люди и в самом деле... того... Весь этот огромный массив сведений не помнил никто, включая самого Шмидта. И если бы архив оказался за океаном...

– Да, но зачем? – Власов по-прежнему не понимал цели.

– Я же говорю – Отто Юльевич играл в большую политику. Конкретнее, он был своим человеком среди обновленцев. Так называемое "конструктивное крыло" Партии Национального Возрождения. Шмидт, конечно, тоже был партийным. Член ПНВ с 1946 года.

– Он же был коммунистом, – напомнил Власов. – И, насколько мне известно...

– Сделали исключение, – ответ был ожидаемым.

– Россия – страна исключений, – резюмировал Власов.

– Тут какое дело... – продолжал своё профессор. – Обновленцы, они же "конструктивное крыло" партии, были сторонниками так называемой "конвергенции двух систем". Ну как бы взять всё лучшее у Райха и у Америки... в некотором смысле, широкий компромисс между Райхом, с одной стороны, и западным блоком, с другой стороны...

На сей раз Власов всё-таки заставил себя промолчать, хотя любимый афоризм вертелся на языке.

– И многие тогда им сочувствовали. Жизнь после войны была такая... невесёлая, прямо скажем. Ну и многое другое... Короче говоря, в тот момент обновленцы были заметной силой. В Райхе они имели контакты и поддержку. Имена называть не буду, да и не знаю я этих имён... но, некоторым образом, были люди... Разумеется, у него были отношения и с противоположной стороной. То есть с американской. Там тоже были политики, которые склонялись к тому, чтобы, в каком-то смысле, договориться с Райхом... Но им всем нужен был какой-то козырь, понимаете? Хотя бы небольшой козырёчек, чтобы начать играть. Понимаете меня? Кажется, нет. Хорошо. Тогда представьте себе такую ситуацию. Некий американский политик на очередном раунде переговоров по разоружению... вы помните эти переговоры, тогда, до Хельсинки? Тогда никто не уступал... Ну так вот. Этот американский политик, рядовой член делегации, в кулуарах намекает одному из представителей Германии, что у него есть, некоторым образом, сведения о месторасположении российских алмазоносных месторождений. И он готов

предоставить эти сведения – в обмен на небольшие, но символически важные уступки в каком-нибудь деликатном вопросе. Райх, по существу, ничего не теряет, но много приобретает. Алмазные копи – это ведь не просто побрякушки, это стратегически важно... В качестве жеста доверия он передаёт ему кое-какие карты... Что дальше? Представитель Германии докладывает начальству о предложении американской стороны. Довольно скоро дело доходит до уровня Райхспрезидента. Тот соглашается или не соглашается, но, по крайней мере, запоминает, кому именно было сделано предложение. Но, скорее всего, Дитль пробует сыграть в эту игру... В таком случае вопрос об уступке ставится на повестку дня, а тот самый представитель Германии очень скоро делается главой переговорной делегации. Теперь что делает американец. Он тоже докладывается по начальству. Он ничего не говорит о картах, нет. Он говорит, что ему, в каком-то смысле, удалось нащупать слабое место у дойчей, и они начали проявлять гибкость в некоем важном вопросе...

– И через какое-то время делается главой делегации, – добавил Власов.

– Ну конечно. Дальше, обе делегации, возглавляемые, как вы понимаете, людьми хорошо друг друга понимающими, добиваются прорыва на переговорах. При этом Райх думает, что он выиграл, поскольку по ходу дела получает стратегически важную информацию. Американская сторона тоже думает, что выиграла – она получает уступки в вопросах, связанных, скажем, с ядерными испытаниями, или ещё с чем-то таким... а чем было за это заплачено, они, некоторым образом, не знают. То есть ведётся игра скрытым козырем, который предъявляется только одной стороне... Главное: те, кто добился подобного успеха, могут претендовать на гораздо большее, чем до того... Разумеется, я, в некотором смысле, упрощаю, в реальности всё гораздо сложнее. Не обязательно переговоры именно по разоружению... не обязательно вообще официальные переговоры... вы понимаете? Но принципиальная схема именно такова.

– То есть две маргинальные политические группировки, помогая друг другу, могли бы таким способом набрать политический вес в своих странах, – резюмировал Власов. – Но в чём тут интерес самого Шмидта? Да и России, в конце концов?

– Как это в чём? – удивился Порциг. – Если бы игра началась, он оказался бы в центре процесса. Представьте себе, что в Америке сидит человек Шмидта. Сидит, некоторым образом, на пресловутом архиве. И пересылает тому самому американскому политику, о котором идёт речь, посылки с картами. Разумеется, только по команде из Москвы...

– Понятно. Он решил сесть на раздачу пайков, – заключил Власов. – Только паёк оказался ему не по зубам.

– Он был уверен, что его не тронут, – профессор покрутил в руках пустой бокал, потом поставил его на место. – Он всегда умел устраиваться между стульев. А тут такой шанс... Вы понимаете, куда он метил? Если в результате всей интриги "конструктивисты" в ПНВ обеспечивают себе благожелательный нейтралитет Берлина?

– Пока не понимаю. И ещё: каким образом Шмидт мог обеспечить лояльность того человека, который сидел бы в Нью-Йорке и пересылал документы? Кстати, почему бы ему не отправлять их прямо из Москвы?

– Ну это смешно, – Порциг поморщился, – он же понимал, что находится под колпаком. Если бы к началу игры архив находился на территории России, или вообще где-то в Райхсрауме, его бы нашли. Вся штука была в том, что готовые документы копились там, в Америке, а здесь всё немедленно уничтожалось. Ещё одно условие: сам Отто

Юльевич не мог приказать тому человеку вывезти архив – в Россию, в Германию или куда-нибудь ещё. Он мог только начать или прекратить передачу той или иной части архива некоему заранее известному человеку. Для того, чтобы управлять процессом, этого достаточно... Шмидт был очень предусмотрительным, в каком-то смысле, – закончил профессор. – Наши, к сожалению, прохлопали начало этой его деятельности. А вот где находится это, – вздохнул он, показывая на ожерелье, лежащее между бокалами – мы не знаем. И слава Богу, – неожиданно добавил он.

Власов удивлённо поднял бровь.

Профессор взял ожерелье, покрутил на пальце.

– Интересно, кто всё-таки сделал эту штуку. Наверное, какой-нибудь зэк... Понимаете ли, Фридрих, – Власов машинально отметил, что впервые за всё время разговора профессор назвал его по имени, – я, как геолог, заинтересован в том, чтобы все эти сокровища были найдены. Но как экономист – я бы хотел, чтобы всё это пролежало в земле, как минимум, ещё полвека. К счастью, руководство России в этом вопросе придерживается той же позиции. Иначе можно было бы снова развернуть поиски. Но никто этого не делает. И не сделает.

– Почему? – Власов недоумённо насупился. – Если в России и в самом деле такие запасы полезных ископаемых, как вы утверждаете, почему бы их не использовать? Это было бы выгодно всем – и русским, и дойчам, и Райхсрауму в целом. Мы бы, наконец, перестали зависеть от мирового рынка...

– Наоборот, – вздохнул профессор, – наоборот, ещё как стали бы... Я понимаю ваше недоумение, вы не экономист... Хотя вы же человек образованный. Вы слышали выражение "французская болезнь"?

Власов поморщился.

– Да, слышал в казармах. Предпочитаю медицинские термины, они точнее.

Порциг издал странный звук наподобие кашля. Власов понял, что старик смеётся.

– Сразу видно, что вы не экономист, – наконец, сообщил Фридриху профессор. – Хотя сходство есть: и то и другое происходит от неумеренных удовольствий. Только удовольствия эти, в каком-то смысле, разного масштаба. "Французская болезнь" – это, некоторым образом, специальный термин... Вы представляете себе, что такое Франция сейчас?

– Бордель, опиекурильня и сыроварня, – пожал плечами Власов. – А разве французы умеют делать что-то ещё?

– Вот! – Порциг поднял палец. – А ведь так было не всегда. В девятнадцатом веке это была страна учёных и инженеров, почитайте хотя бы Жюля Верна... Да и в двадцатом у неё были неплохие шансы, если бы...

– Если бы нам не пришлось уйти из Парижа, – перебил его Власов.

– Отчасти и поэтому... Но, в принципе, после войны во Франции был подъём... Западный блок, некоторым образом, серьёзно в них вложился. "План Маршалла" – слышали о таком? Они довольно быстро восстановили довоенный уровень производства. А потом у них нашёлся газ.

Про газ Власов, разумеется, помнил. Крупнейшее в Европе месторождение природного газа принадлежало французам. В памяти остались кадры старой хроники: толстомордый французский премьер в декоративной каске с натугой поворачивает вентиль, запуская в трубу первые кубометры "голубого золота".

– Газ у них и сейчас никто не отбирал, – заметил Фридрих. – Только идёт он в

основном соседям... ну и мы кое-что покупаем. Кормим этих педиков.

– Но вы понимаете, что это логично? Французский газ очень дёшев в добыче, прибыли колоссальны. Экономика у них, в каком-то смысле, свободная. Соответственно, все капиталы пошли туда, где вложения дают максимальную прибыль, это экономический закон свободного рынка...

– Простите, профессор, я всё время вас перебиваю, – Власов на этот раз решил быть вежливым, – но что такое "пошли капиталы" и почему это "закон свободного рынка"? Насколько мне известно, у капиталов нет ног. Есть конкретные люди, которые владеют деньгами, и которые эти деньги тратят так, как считают нужным. Иногда им хочется потратить деньги на что-нибудь бесполезное или даже вредное для общества, в котором они живут. Тогда они называют это "естественным движением капитала" или ещё как-нибудь...

– Ну вы тут не совсем правы, – профессор упрямо наклонил голову, бородёнка встопорщилась, – они до какой-то степени вынуждены это делать. Тот, кто вкладывается в невыгодное дело, в конечном итоге разоряется, не так ли? Тот, кто вкладывается в недостаточно выгодное дело, не разоряется сразу, но проигрывает конкурентам, которые становятся относительно сильнее... Во Франции все деньги оказались у тех, кто, в каком-то смысле, сел на газовую трубу. Что привело к естественной деградации промышленности и сельского хозяйства: все деньги крутились в газовой области. Выжили только те занятия, которые выгоднее газодобычи...

Где-то в недрах дома тоненько запела вода в открываемом кране.

– То есть производство наркотиков, проституция и сыроварение, – закончил Власов.

– А вы быстро схватываете. Ну да, где-то так. Плюс туризм, конечно. Французов это устраивает... Вы были когда-нибудь в Париже? Они всем довольны. В каком-то смысле.

– Из этого следует только один вывод: никому нельзя давать садиться на трубу, – заключил Фридрих. – Нужна государственная монополия на природные ресурсы, как у нас.

– Это тоже не всегда помогает, – вздохнул профессор. – Для этого нужно, некоторым образом, ответственное государство, а какое у французов может быть государство? Сами подумайте... Да и в России-то, честно говоря... Представьте себе, что здесь найдут такой же газовый пузырь. Впридачу – нефть, медь, уран, алмазы. Пусть даже всё это национализируют. Сможет ли Мосюк и его камарилья удержаться и брать ровно столько, сколько нужно для нужд промышленности? Или они не удержатся и начнут, в каком-то смысле, продавать излишки на мировой рынок?

– Допустим. Что в этом плохого? – Власову стало интересно. – Лишних денег не бывает.

– О! Вот тут-то вы и ошибаетесь. Денег, как и любого другого ресурса, необходимо столько, сколько нужно. Для государства денег нужно столько, сколько оно может вложить в собственную экономику. Но экономика имеет конечную ёмкость. Оставшиеся деньги надо куда-то девать, они жгут руки... есть у денег такое свойство, знаете ли. Вариантов всего два. Либо тратить эти деньги на закупку чего-то за границей, что опасно...

– Что ж в этом плохого? – решил уточнить Власов.

– Очень просто: закупая что-то за границей, вы тем самым подавляете

производство того же самого у себя. Представьте себе, что Райх начал бы закупать, ну, скажем, японскую электронику... она же, в каком-то смысле, лучше нашей... в смысле – имперской, – добавил он. – Или американские самолёты.

– Их уже покупают, – помрачнел Власов. – Только по противоположной причине. Говорят, они дешевле.

– Вот до чего дошло? Эта дешевизна дорого обойдётся, – проворчал профессор.

Где-то за окнами особняка проехал автомобиль, мазнув светом фар по стеклу. Власов поёжился, представив себе холод и тьму на улице.

– Можно, конечно, делать и по-другому. Например, покупать не товары, а производителей. Приобретать на Западе целые фирмы, особенно занимающиеся новейшими научными разработками. И использовать себе на благо. Но тут, некоторым образом, есть два "но". Вы читали Библию? – внезапно спросил профессор Власова, и, не дав ему ответить, продолжил: – Там есть одно замечательное совершенно место... "Где сокровище ваше, там и сердце ваше". Понимаете? Имея собственность там, мы становимся заинтересованы в её сохранности, а значит и в сохранности их системы... в отличие от Запада, который никакой заинтересованности в нас не имеет, даже наоборот... И второе "но": даже покупая их новые разработки, мы попадаем в зависимость от их разработок. Были, в каком-то смысле, прецеденты... А в российских спецслужбах сидят неглупые люди. Я так думаю, архив Шмидта они ищут, но не слишком усердно.

– Но ведь архив в Америке? – не понял Власов.

– В том-то, некоторым образом, вся и штука, – профессор опять взялся наворачивать на палец бородку. – Шмидт передавал бумаги по мере готовности своему человеку, который брался переправить их в Штаты. Дисциплина у коммунистов всегда была на высоком уровне, так что...

– То есть Шмидт работал через большевицкое подполье? А почему они согласились с ним сотрудничать? Впрочем... кажется, понимаю.

– Ну да, – вздохнул профессор. – Председатель КРАБД по науке имел, в некотором смысле, рычаги влияния. Он спас многих... – профессор замолчал.

– Он спас многих коммунистов от справедливого наказания, я правильно понял? – помог ему Власов.

– Справедливого, несправедливого – это ещё как посмотреть... Люди просто жили в неподходящее время... Во всяком случае, он помогал людям, когда у них были неприятности. Например, он вытащил отца моей лапочки из тюрьмы. Хотя Настя, некоторым образом, не очень-то ему за это благодарна... Ну да ладно, это всё не так важно. В общем, иногда к Отто Юльевичу обращались деятели из подполья с просьбами помочь некоторым людям. Ну и, соответственно, оказывали и ему какие-то услуги на взаимообразной основе.

– Тогда я понимаю, почему Шмидт рассчитывал на лояльность человека в Нью-Йорке, – протянул Власов. – Да и вообще многое становится понятным. Кстати, эти, как их, "конструктивное крыло" в ПНВ... они, наверное, выступали за возвращение гражданских прав бывшим коммунистам, за широкую амнистию, и всё такое? Мне почему-то кажется, что этот пункт в их программе присутствовал.

– Да... но это же было, в каком-то смысле, разумное требование! – взъерошился профессор. – Примирение расколотой нации... Франко в Эспаньи, некоторым образом, пошёл ведь на это? Почему русские должны страдать из-за того, что в советский период все карьерные пути были открыты только членам ВКП(б)? В конце концов, это просто

опасно – оставлять за бортом общества энергичных и толковых людей, которые, в каком-то смысле, сделали неправильный выбор! Хотя какой там выбор... не было у них выбора... Я сам, – добавил профессор, – конечно, антикоммунист. И не только потому, что сейчас это, некоторым образом, обязательно. Просто я кое-что видел... Но всё-таки – декоммунизация тоже должна была быть, в каком-то смысле, более щадящей... Хотя, некоторым образом, и без неё нельзя... Ох, всё это сложно. Есть проблемы, которые не имеют решения.

Фридрих решил не высказывать своего мнения о проблемах, не имеющих решения, и вернуться к более актуальным темам.

– Но почему же архив не оказался в Штатах? Коммунисты решили приберечь карты для себя?

– Не совсем. Предал конкретный человек, на которого была замкнута вся цепочка. Этим занимались русские безопасники, я мало что знаю... а сейчас, наверное, уже никто ничего не скажет, дела-то старые. В общем, документы не передавались в Америку, а оседали здесь. Поскольку тот же человек контролировал канал с американской стороны, Шмидт узнал о ситуации слишком поздно – когда уже почти всё ушло. Вот документы по никелю он переправить уже не успел, поэтому они достались нам. Ну и ещё кое-что по мелочи...

– Так что же про этого коммуниста-предателя? Вы что-нибудь о нём знаете? – Власов понимал, что никаких сведений об этом деле от русских он не получит, но в архивах Управления наверняка остались какие-то следы.

– Почти ничего. Он был большим человеком в коммунистическом подполье. Его долго искали – он числился чуть ли не в списке врагов Райха. Да, ещё: он, кажется, был юде... Это всё, что я помню...

– Эренбург, – произнес вслух Фридрих. – Илья Эренбург.

– Д-да, – припомнил профессор, – кажется, его звали именно так... Ну вот, когда Германии понадобился никель, доставать его отправили меня – потому что я, некоторым образом, был в курсе дела... Остальное вы знаете. Это всё, – Порциг наклонился вперёд, поставил локти на колени и замер в такой позе. Топорщившаяся бородёнка уныло повисла.

Власов посмотрел на профессора с жалостью. Теперь ему стало понятно, почему тот не очень любит вспоминать о самом славном деле своей молодости.

– А теперь мой вопрос, – профессор неожиданно распрямился во весь свой небольшой рост. – Вы в самом деле нашли следы архива?

– В каком-то смысле, – невольно вырвалось у Власова. – Во всяком случае, мне известно, что его ищут. Разные люди.

– Вот оно как... Ну да, понятно. В случае демократизации... или как они это там называют... либерализации России земля будет, конечно же, продаваться. Если знать местонахождение месторождений, их можно купить за не такие уж большие деньги. А потом... да, это будет гораздо хуже, чем во Франции. Даже не представляю себе, насколько хуже. Фридрих, – профессор попытался заглянуть в глаза Власова, но тот отвёл взгляд, – я надеюсь, что вам повезёт. Я хотел бы, чтобы вы, именно вы – нашли бы эти бумаги, некоторым образом, первым. И передали своему начальству. Своему, а не российскому. Но лучше, конечно, чтобы их никто не нашёл.

Kapitel 42. Тот же день, поздний вечер. Санкт-Петербург, улица Колчака, 9 – Садовая улица – Чернышёв мост.

Звонок Власова застал Гельмана уже в "Аркадии". На самом деле никаких важных дел – за исключением назначенной встречи – у него в этот вечер не было, так что он приехал в клуб пораньше и даже успел пропустить стаканчик, дабы взбодриться перед предстоящим разговором. Худо, когда твой партнер по переговорам не пьет – выпивая в его присутствии, чувствуешь себя алкоголиком и даешь ему повод для высокомерно-снисходительного отношения... ох уж это вечное дойчское высокомерие... хотя Гельману много раз доводилось видеть дойчей, упившихся до совершенно свинского состояния, особенно в такие вот дни, на Масленицу, когда у русских считается чуть ли не правилом хорошего тона выпить с дойчем "за арийское единство", и лучше всего не просто выпить, а перепить его – ничто не тешит сильнее русскую национальную гордость... впрочем, русским вообще все равно, за что пить, это, кажется, единственная нация на планете, которая умудряется праздновать Рождество и Новый год и по григорианскому, и по юлианскому календарю, лишь бы иметь лишние поводы нажраться, как это у них называется... тоже, кстати, показательно – какой еще народ отождествляет водку с едой? И вот этот самый Власов, дойчско-русский полукровка, надменно смотрит на него, Гельмана, хотя среди юде, между прочим, пьяниц не бывает вовсе... ну то есть какие-то отдельные исключения, возможно, и попадаются, особенно испорченные жизнью в этой ужасной стране... но среди его знакомых, по крайней мере – а он знает многих, да, многих – таких нет ни одного. Ну то есть выпивают, конечно, он и сам не прочь подогреть аппетит хорошей настоечкой, но – в меру, исключительно в меру...

И вот тут ему позвонил Власов и сообщил свои новости.

В какой-то мере это были хорошие новости – не придется ничего придумывать самому. И одновременно плохие. Сложно давать однозначные оценки – да и вообще делать что бы то ни было! – когда перед тобой стоят две противоположные задачи.

Возвращаясь домой накануне, Гельман не чувствовал ничего, кроме раздражения. Казалось, его планам препятствует какой-то злой рок. День, так хорошо начинавшийся, окончился так бестолково, всем попыткам поговорить постоянно кто-то мешал... да еще эта дурацкая повестка в суд на следующий понедельник, не в первый раз, конечно, но как же это бесит... и ведь словно издеваются – опять назначили на девять утра, как будто знают, как он ненавидит вставать в такую рань! И тут вместе с раздражением он вновь ощутил неприятный холодок в животе. Это-то они, наверное, и впрямь знают – вставать зимой затемно вообще мало кому нравится... но только ли это? Слишком уж подозрительными выглядели все эти совпадения. Не исключено, что у злого рока имеются вполне конкретные имена и фамилии. И звания.

Наутро Власов все-таки позвонил ему и договорился о встрече. Гельман даже позволил себе немного покобениться и изобразить жуткую занятость – хотя на самом деле с отъездом Фрау, как это обычно бывало, жизнь "Ингерманландии" погружалась в полусонное состояние, и на прочих интересовавших Мюрата фронтах тоже как-то сложилось временное затишье. Но стоило Власову надавить, и Гельман охотно согласился на встречу в тот же день – в конце концов, сама эта встреча была важнее попыток набить себе цену.

Гельман уже почти убрал целленхёрер в карман, когда тот зазвонил во второй раз.

В первый миг галерейщик подумал, что это снова Власов. Возможно, забыл сообщить что-то еще. Тем более что номер звонившего опять не высветился – правда, в России многие пользуются самодельными антиопределителями...

– Привет, Мюрат, – сказал совсем другой голос. – Узнаешь меня? Только не надо

вслух никаких имен.

– Доброе утро, – выдавил Гельман внезапно севшим голосом.

– Ты один? Можешь говорить?

Мелькнула мысль сказать "Нет". Но что это даст? Если этот человек не желает оставить его в покое, такими отговорками от него не отделаться...

– Да, – ответил Гельман сразу на оба вопроса.

– Ты уже общался с Фридрихом Власовым?

Во рту у Мюрата разом пересохло. Совпадение? Проницательность? Прослушка? Последнее казалось наиболее вероятным...

– А что? – он попытался добавить в голос наглости, но получилось скорее жалко. – Мне нельзя с ним общаться?

– Напротив, – довольно хохотнул голос, – можно и нужно. Чем больше, тем лучше. Видишь ли, он расследует одно дело. Дело об убийстве, – веско подчеркнул голос. – И ему нужно помочь.

– П-помочь? Но я не уверен, что я хоть что-то...

– Это неважно, в чем ты уверен! – резко оборвал голос. – Важно, чтобы Власов нашел в этом деле бургские следы. Нашел в течение Масленичной недели. Но только без вредной для дела поспешности. Ты все понял?

– Я... не понимаю, почему я должен выполнять ваши распоряжения, – набрался храбрости Гельман. – По-моему, сделка, которую мы заключили, уже...

– Не прикидывайся глупее, чем ты есть. Ты влез в игру, в которую тебя никто не звал. Так уж теперь придется играть до конца. Того или иного, – добавил его абонент со значением и повесил трубку.

И вот теперь, когда очередной разговор с Власовым сорвался, Гельман пребывал в мучительных раздумьях. Ах, если бы удалось одновременно и уладить свои дела, и подсунуть Власову какую-нибудь убедительную байку для его расследования... технически это совсем не сложно – всего лишь подредактировать кое-какие записи... хотя, впрочем, он не знает никаких подробностей об этом убийстве... но, главное, дезинформация может раскрыться, и это подорвет доверие и ко всему остальному – а подрыв доверия такой конторы, как Управление имперской безопасности, чреват не только финансовыми потерями – как, впрочем, и всех подобных контор... и, главное, так или этак он все равно не оправдает чьего-то доверия... зря, действительно зря он влез в эти игры, в которых чем дальше, тем более непонятно, кто с кем и против кого... недаром русские говорят – "жадность фраера губит", да, самому себе он может сознаться – тут они правы... "Фраер", кстати, значит "свободный человек" – только в этой стране с ее криминально-рабской ментальностью это слово могло приобрести презрительный смысл... Внезапно ожгла новая мысль: а что, если звонил вовсе не Власов? Подделать мужской голос по телефону совсем не трудно... Если некие силы заинтересованы в том, чтобы Власов подольше чего-то там копал в Бурге, значит, есть и другие силы, заинтересованные в том, чтобы его поскорее из Бурга убрать. И, может быть, уже того... убрали, и не только из города? А там займутся и теми, с кем он вел подозрительные разговоры...

Гельман почувствовал, что ему остро необходимо выпить, и вновь подозвал официанта. Опрокинул стопку в рот, почти не почувствовав вкуса. Следующую пил уже медленно, смакуя ощущения. Приятное тепло растопило ледяной страх в животе. Теперь он мог размышлять спокойнее. Сейчас он, конечно, как следует поужинает, затем... ехать самому, разумеется, уже нельзя, разве что позвонить Вите, чтоб отвез... но куда? Тем

более – по вечерним пробкам... Раз уж никаких срочных дел нет, лучше просто посидеть здесь. Спокойно посидеть в одиночестве... не так уж часто ему это удается. Что тут у нас нынче намечается? Мюрат вновь открыл клубное меню, куда традиционно вкладывали и листок с программой на вечер. Ага – через сорок минут начнется выступление какой-то шведской фольк-группы... в "Ингерманландии" вообще шведов уважают и любят вспоминать о шведском прошлом этих земель... Лихачев даже выходил на городскую управу с предложением установить на месте бывшей шведской крепости Ниеншанц памятник Карлу XII. Предложение, естественно, прошло по разряду курьезов, и не только потому, что его автором был Лихачев – просто уж либо град Петра, либо Карл XII, да и вообще к нейтральной Швеции в Райхсрауме было принято относиться... нейтрально. И, кстати, никакой он на самом деле не двенадцатый, а шестой – у шведов, даром что почти дойчи, бардак в истории почище, чем у русских: первые шесть шведских Карлов были попросту выдуманы в XVI веке лжеисториком Юханом Монссоном, и, когда позже это вскрылось, неправильная нумерация уже закрепилась в династии... м-да, это вам не подьячего Крякутного придумать... но музыка – музыку отчего ж не послушать. Этника сейчас и на Западе популярна...

Три часа спустя, по горло сытый народными песнями на языке, напоминавшем исковерканный дойч, Гельман раздраженно тыкал пальцами в кнопки целленхёрера. Витя не отзывался. "Вот же русское раздолбайство, – думал Мюрат. – Обещал же быть на связи, если мне понадобится водитель... Спать он уже, что ли, завалился? Вроде рано еще, для двадцатилетнего-то парня... Небось, с бабой где-нибудь, и телефон отключил, а потом будет оправдываться, что сигнал не ловился!" Ну ладно, тогда запасной вариант – Кеша. В его обязанности, правда, никак не входило возить патрона, но, если его попросить, уж наверное не решится отказать...

– Не могу, Мюрат Александрович, – проникновенно поведал Кеша из трубки, – я тут на днюхе у френда сижу, ну, и выпили, понятно... Так что мне за руль никак...

"Да что они все, сговорились, что ли!" – злился Гельман. Макса и Васю так и не выпустили из полиции... это организатору положена такая роскошь, как суд, а для рядовых нарушителей процедура стандартная, задержание на трое суток оформляется прямо в отделении... как же все-таки противно жить в полицейском государстве... Сильнодействующее средство, примененное им накануне для вытрезвления, решительно отпадало – у этой штуки неприятные побочные эффекты, ее нельзя принимать каждый день. Так что же – придется вызывать такси? Мюрат посмотрел на часы – у бургских таксистов уже действует ночной тариф... не то чтобы, конечно, он не мог себе этого позволить – недавно съеденный им ужин стоил дороже даже с учетом всех скидок – но переплачивать не хотелось из принципа.

Совсем было ушедшая мысль вдруг снова кольнула внезапным холодом. Сговорились. А что, если и в самом деле? Если происходящее – части все той же игры, правила которой он все менее понимает? Если вокруг него уже сжимается кольцо... Тогда, пожалуй, и такси вызывать не стоит – если его телефон слушают, мало ли кто может приехать под видом таксиста... по крайней мере, здесь, в "Аркадии", он в безопасности, здесь его не тронут... но не сидеть же здесь до утра...

Нет, бред, паранойя, решительно заявил себе Гельман. Завтра утром он сам посмеется над этими дурацкими фантазиями... А пока... он прикинул время, прошедшее с последнего стаканчика. Пожалуй, если посидеть здесь еще полчаса, то уже можно будет рискнуть сесть за руль самому. Да и невелики шансы нарваться на полицейскую проверку

в столь позднее время. Хотя, конечно, если против него проводят спецоперацию, то...

"... то они могут просто силой влить мне в рот водку или чего-нибудь вколоть", – сказал себе Гельман с неожиданной злостью. "Хватит трястись. Они не посмеют меня тронуть. Я слишком известен, на Западе будет шум. Посижу еще немного и поеду."

Наконец он выбрался из уютного полумрака клуба в морозную тьму петербургской ночи. Впрочем, фонарь у выхода светил достаточно ярко, но "Мерседес" Гельмана стоял дальше, на самом краю клубной парковки. Когда он подъехал, свободных мест почти не было, сейчас же, напротив, стоянка была почти пуста. Мюрат подошел к машине, нажал кнопку на брелке (почему-то она не сработала с первого раза, и он вновь почувствовал укол страха, хотя такое бывало и раньше – но со второй попытки сигнализация послушно пикнула и мигнула габаритными огнями), еще пару минут постоял, вдыхая морозный воздух, словно надеялся таким образом окончательно избавиться от отстатков алкогольных паров. На улице в пределах видимости не было ни единого прохожего, проезжая часть также оставалась пуста. Гельман сел, завелся и поехал.

Увы, свободная улица Колчака не характеризовала дорожную ситуацию в целом. Движение на Садовой оказалось изрядно плотным, а после Сенной площади поток в сторону Невского и вовсе почти скис. "Ну это ж надо! – Гельман с досады едва не стукнул кулаком по рулю, – угодить в пробку в одиннадцатом часу вечера! Впрочем, сейчас же эта чертова арийская неделя... полностью движение на Невском закроют для гуляний только в выходные, но уже сейчас, небось, чего-то там сооружают... или еще где-нибудь перекрыли... а народ все еще делает покупки... Кому нужны эти государственные праздники, проблем от них всегда больше, чем удовольствия!" Стоически сжав зубы, он полз вместе со всеми, надеясь, что хотя бы часть потока вот-вот уйдет налево по Гороховой. Но перед перекрестком с Гороховой обнаружился плакат, извещавший, что проезд в сторону канала Грибоедова ограничен "в связи с дорожными работами"; машины, прибывавшие по этой улице справа, соответственно, поворачивали на Садовую, лишь усугубляя ситуацию. "Как это по-русски – устраивать дорожные работы посреди зимы!" – пожаловался Мюрат пустому салону своего автомобиля.

На то, чтобы проползти полтораста метров до следующего перекрестка, ушло, наверное, минут двадцать. Наконец Гельман получил возможность уйти с Садовой направо, в Апраксин переулок. Естественно, он был не один такой умный, и все же здесь было посвободнее. Можно было спокойно проехать прямо к Фонтанке, однако Гельману вдруг резко разонравилась эта идея, когда он увидел стоявший впереди носом против движения полицейский автомобиль. Тот напоминал морского хищника, который, особо и не скрываясь, лежит себе на дне и хватает проплывающую мимо глупую рыбу. Из глубин сознания вновь выплеснулся страх, оттесненный было раздражением; у Мюрата возникла иррациональная уверенность, что полицейские поджидают именно его. Он сердито сказал себе, что это чушь... но все-таки будет лучше, если он не поедет мимо "суки", а свернет сейчас в Воронинский проезд и дальше дворами, то есть проездами, выберется прямо к Чернышёву мосту, так, кстати, выйдет даже ближе...

Он еле успел перестроиться на поворот, удостоившись гневного бибиканья подрезанной им машины – но, к счастью, автомобили разминулись благополучно, и, будем надеяться, полицейские не обратят внимания на эту маленькую шероховатость, да и вообще ее не видели... так, пропустить встречного, видите, какой я аккуратный водитель, и теперь ныряем в Воронинский, где нас уже никто...

"Сука" включила мигалку с сиреной и тронулась с места.

Еще несколько секунд Гельман тешил себя надеждой, что это не за ним. Он даже успел свернуть направо, в Графский проезд, прежде чем услышал за спиной: "Водитель синего "Мерседеса", остановитесь!"

Других синих "Мерседесов" поблизости не было. В Графском вообще не было других машин, не считая припаркованного впереди минифургона. Как не было и света в уныло-казенных зданиях слева и справа. Жилых домов в этом квартале вообще нет, а учреждения и магазины давно закрыты. Уже заглушив покорно двигатель, Гельман сообразил, что, случись с ним что-нибудь здесь, в сотне метров от запруженной машинами Садовой – свидетелей не будет. А еще он понял, что полицейский назвал лишь марку и цвет его машины, хотя, по правилам, должен был назвать номер...

Мелькнула отчаянная мысль снова завестись и ударить по газам, а там будь что будет. Но было слишком поздно. Человек в мундире, с фонариком в руке, уже подходил к нему. Гельман обреченно опустил левое стекло, впустив в салон холодный воздух. Впрочем, Мюрату вдруг сделалось так жарко, что холод он воспринял почти как подарок.

– Допо Петербурга, подпоручик Виктор Герман, личный номер семнадцать сорок два. Ваши права и документы на машину.

– Да... сейчас, – Гельман расстегнул пальто, суетливо закопошился в кармане пиджака. Мелькнула мысль, что надо бы потребовать у Германа удостоверение, а то назвать бессмысленные цифры всякий может, но сделать это он так и не посмел. Если доповец настоящий, нет смысла, а если нет, выйдет только хуже... хотя куда уж хуже... Он протянул запаянные в прозрачный пластик карточки. – А в чем дело? Разве я что-нибудь нарушил?

– Гельман Мюрат Александрович? – подпоручик светил фонариком на его права, словно бы проигнорировав вопрос.

– Да, конечно, – выдавил из себя Мюрат. Полицейский через окно посветил ему в лицо, очевидно, сверяя с фотографией. Сразу же мелькнула мысль о допросах, как их всегда изображают в рассказах о застенках политической полиции – свет лампы, беспощадно бьющий в глаза, и еле различимый силуэт дознавателя позади... хотя, надо сказать, по поводу "художественных акций" Гельмана никогда не допрашивали подобным способом...

– Вы неаккуратно разворачиваетесь, Мюрат Александрович, – произнес Герман. – Не включили поворотник, чуть не создали аварийную ситуацию...

– Я включил! – возмущенно возразил Гельман.

– Слишком поздно. Уже в процессе поворота, а правила предписывают не менее чем за пятнадцать метров до него.

– Прошу прощения, подпоручик. Вы понимаете, плохо ориентируюсь в этом районе... слишком поздно понял, что мне нужно повернуть именно здесь...

Господи, неужели все дело только в этом?! Никакая не засада и не спецоперация, просто мелкое нарушение, за которое полагается грошовый штраф, а то и вовсе предупреждение... Только бы он не потребовал пройти тест на алкоголь! Вроде времени уже прошло достаточно, но вдруг...

– И кроме того, – продолжал Герман, – у вас заляпан грязью задний номер.

– Где? – Гельман открыл дверь машины и хотел выскочить, но вылез нарочито спокойно, избегая резких движений. Прошел к корме своего "Мерседеса", заодно рассмотрев по пути салон "суки" – пусто, Герман был там один, никакой группы захвата...

Номер и впрямь был покрыт серо-коричневым налетом и плохо читался.

– Да, действительно, – согласился Гельман. – Не видел, сами понимаете, темно сейчас... – где-то в багажнике была ветошь, но искать было некогда, поэтому, вытащив из кармана пальто дорогую кожаную перчатку, Гельман старательно стер ею грязь с номера. – Вот, теперь порядок!

– Аккуратнее надо, Мюрат Александрович. Автомобиль – средство повышенной опасности.

– Да, конечно. Вы совершенно правы, – страх уже исчез, осталась только злость. В особенности он ненавидел эту идиотскую доповскую манеру изрекать очевидные банальности с глубокомысленным видом гуру, возвещающего Истину. В голосе Гельмана, однако, звучала лишь смиренная готовность внимать полицейским откровениям. – Спасибо, что вовремя заметили. Понимаете, в этой праздничной суете... Кстати, с праздниками вас, с Днями арийского единства! Так я могу ехать?

Он ожидал лишь два возможных ответа. В лучшем случае – "езжайте и будьте впредь осмотрительней", в худшем – "сможете, как только мы составим протокол". Но Герман произнес нечто третье:

– А где ваш талон техосмотра?

– Да вот же он! – недоуменно воскликнул Гельман. – Вы держите его в руках!

– Действие этого талона закончилось в прошлом месяце. Новый у вас есть? Вы проходили очередной техосмотр?

Мюрат мысленно застонал. Черт, черт, черт! Со всеми хлопотами последнего времени совершенно вылетело из головы!

Дальнейшее было предсказуемо и неизбежно. "Машина не может продолжать движение. Вы должны за свой счет доставить ее эвакуатором в любой из специализированных центров допо. Вот телефон эвакуационной службы. После получения действующего талона вам вернут номерной знак." Ко всем просьбам позволить доехать своим ходом, апелляциям к погоде, времени суток и праздникам подпоручик Герман остался глух. Разве что холодно заметил, отвинчивая передний номер, что еще мог бы проявить снисходительность, будь сегодня первый день нарушения – но господин Гельман катается без талона уже полмесяца...

"Тупой солдафон!" – с ненавистью думал Мюрат, глядя вслед отъезжающей "суке". "Ладно бы еще взятку вымогал, это я бы понял. Так ведь нет – им надо нагадить человеку из принципа! Гниды легавые, хоть бы они все сгинули!"

Однако он понимал, что гневом делу не поможешь. Эвакуатор он вызовет завтра, ночью пункты техосмотра все равно не работают, а сейчас надо как-то добраться до дома. В принципе, осталось меньше трех километров, за полчаса можно дойти пешком. Погода, конечно, не располагает, но если идти быстро...

Кипя от злости, Гельман шагал по безжизненным и темным параллельно-перпендикулярным улицам, и там, где асфальт был расчищен от снега, эхо его шагов отдавалось от застывших во фрунт старинных стен. Никакой это не город-музей – город-казарма, вот что это такое! От того, что некоторые из этих казарм украшены лепниной, они не перестают быть казармами, так же, как солдафон в эполетах и аксельбантах – все равно солдафон... Кошмарный город, кошмарная страна! Сюда можно приехать на экскурсию, как в какое-нибудь капище древних ацтеков, посмотреть на пирамиды, где людей тысячами приносили в жертву... здесь даже можно делать гешефт, и порою неплохой гешефт, если, конечно, уметь... но жить здесь – увольте. И он, разумеется, не собирается здесь задерживаться. К счастью, происхождение его не подвело – всем юде из

Райхсраума американцы дают статус беженца автоматом, но одним статусом сыт не будешь, ехать надо не с пустыми руками. Только бы ему удалось уладить дела и выпутаться из всех этих идиотских шпионских игр!

В какой-то момент ему показалось, что эхо шагов раздвоилось, и снова жидко плеснулся страх. А что, если все-таки... если его специально оставили без машины в таком месте, оживленном днем и совершенно глухом ночью, если этот Герман выполнял указание любой ценой найти, к чему придраться... Гельман остановился, резко оборачиваясь. Нет, никого. И никаких лишних звуков. Просто особенности местной акустики. Он двинулся дальше, и вновь ему почудились шаги за спиной. Проклятый город, построенный на костях... прав Достоевский, когда-нибудь он просто развеется, как морок, вместе с утренним туманом... Надо было все-таки вернуться в Апраксин переулок, где машины и народ, а не пытаться тут срезать через Торговый, где, как назло, ни души...

Сзади послышался шум мотора и шелест шин. Но Гельман, только что тосковавший по машинам, этому звуку не обрадовался. Что, если это – ОНИ? Группа захвата, или как там это у них называется – зондеркоманда... Умом он понимал, что это глупо, но ноги так и рвались припустить бегом. Набережная Фонтанки уже совсем близко! Да, он будет выглядеть идиотом, но лучше живой параноик, чем мертвый скептик! Но – поздно, от машины не убежать...

Автомобиль проехал мимо, не уделив Гельману никакого внимания. Это оказался минифургон. Странно – что может развозить минифургон посреди ночи? И не тот ли это самый, что стоял в Графском проезде? Нет, вроде тот был светлее...

Но вот, наконец, Мюрат обогнул овальный скверик на площади и вышел на набережную. Прямо перед ним был Чернышёв мост – старинный, тяжеловесный, казавшийся неоправданно громоздким для маленькой Фонтанки из-за четырех квадратных башен, увенчанных полукруглыми каменными куполами. Когда-то мост был разводным, ныне башни выполняют лишь декоративную функцию... старые имперские механизмы сохраняют видимость основательности, но на самом деле уже не работают... Ну вот, считай, полпути пройдено.

Когда Гельман прошел через первую башню, он заметил людей, идущих ему навстречу.

Он заметил бы их и раньше, если бы не темнота, в проходах сквозь башни становившаяся совсем непроглядной. Их было трое, они шли, перекрыв собой весь тротуар. Кажется, у одного из них был какой-то странный головной убор...

Мюрат сразу понял, что эти типы ему не нравятся. Было в них что-то неестественное. Хотя бы уже то, что они шли молча, хотя для дружеской компании естественно было бы разговаривать. И что-то еще в их движениях... в одежде... Неужели это ОНИ, неужели все-таки ОНИ? Не Герман, не подозрительный фургон, а вот эти? Или все прочие выполняли роль загонщиков?

Бежать было поздно и бессмысленно. Гельман никогда не увлекался спортом, а это были, судя по всему, молодые парни. Им не составит труда его догнать. Оставалось только спокойно идти им навстречу. Иногда такая наглая уверенность срабатывает. И потом, может быть, его страхи все-таки беспочвенны...

Они встретились на середине моста. К этому моменту Гельман уже успел разглядеть троицу в деталях.

Несмотря на мороз, все трое были без шапок. То, что Мюрат издали принял за причудливый головной убор, оказалось прической – если это слово вообще можно было

применить к столь жуткому сооружению. Голова парня была наголо выбрита с боков, а посередине волосы, явно обработанные какой-то химией, стояли торчком, образуя высокий зубчатый гребень, идущий со лба на затылок. В ухе блестела круглая серьга. Брюки были в аляповатых заплатках. У его соседа справа волосы торчали немытой неопрятной копной, а на шее красовался собачий ошейник с шипами. Такие же шипастые браслеты охватывали запястья, а потрепанная кожаная куртка по обеим сторонам от молнии была проклепана двумя рядами круглых заклепок. Черные волосы третьего были подстрижены достаточно коротко, но в них резко выделялась широкая белая прядь – как в первый миг показалось Гельману, седая, но он тут же понял, что она просто обесцвечена реактивами. На шее парня висел на железной цепи какой-то рогатый амулет. Кожаную куртку, явно слишком короткую, опоясывал широкий кожаный ремень, тоже весь в заклепках – на сей раз квадратных.

Гельман испытал безмерное облегчение. Ну конечно же, это никакие не активисты РОМОСа и уж тем более не боевики каких-либо спецслужб. Дело даже не в идеологии – просто исполнители любых тайных приказов стараются иметь наименее привлекающую внимание внешность. А это просто ребята, возвращающиеся домой с рок-концерта. Тут неподалеку, на Троицкой 13, Петербургский рок-клуб, в открытии которого Гельман сыграл далеко не последнюю роль. Это же уму непостижимо, сколько пришлось затратить труда, чтобы выбить разрешение у партийных дуболомов, вдолбить этим идиотам, что уж лучше пусть молодежь собирается легально, чем устраивает подпольные концерты по квартирам... сколько потом было нападок, сколько клеветы в прессе... хотя что плохого в том, что новое поколение слушает ту музыку, которая ему нравится?! Нельзя же из века в век пичкать всех одной классикой, в конце концов то, что сейчас считается классикой, когда-то тоже было новаторством... и в одежде тоже... Мосюка в его самом строгом пиджаке и галстуке прогнали бы взашей, появись он в таком виде на приеме у какого-нибудь Луи XIV – даже без напудренного парика, вы представляете, какое падение нравов! А уж когда группа под названием Sarkastisches Grinsen (сокращенно Sarg, то есть "Гроб" – ничего дойчского, кроме названия, в ней, кстати, не было) спела со сцены рок-клуба "Только дедушка Хитлер хороший был вождь, а все остальные – такое ..." (здесь взревели бас-гитары, забив слово) – ох, что тут началось! Дуболомы от идеологии не могли понять, что здесь нет политики, это просто эпатаж – неотъемлемая часть любого актуального искусства...

Все эти мысли и воспоминания пронеслись в голове Гельмана в считанные секунды, пока парни шли прямо на него, не снижая темпа и по-прежнему перегораживая весь тротуар. Машин не было, но рефлекс горожанина не позволил ему шагнуть на проезжую часть спиной к направлению движения. Вместо этого он, наоборот, попытался разминуться с троицей, прижавшись к перилам моста. Не удалось. Хотя он почти распластался по перилам, крайний парень – тот, что в ошейнике – налетел на него, сильно пихнув плечом.

Кажется, только сейчас они обратили на него внимание.

– Эй, – хрипло сказал шипастый, – ты чего толкаешься?

– Я? – возмущенно удивился Гельман.

– Головка от ...! – откликнулся в рифму двухцветный, и все трое довольно заржали, обступая Мюрата.

– Ладно, ребята, – неискренне улыбнулся Гельман, – это классный прикол, а теперь позвольте мне пройти, – он попытался сделать шаг в сторону, но гребнистый снова

отпихнул его к перилам.

"Хулиганы, – понял Мюрат, – к счастью, это всего лишь хулиганы. Сейчас я отдам им кошелек с мелочью, – бумажник с крупными купюрами он носил отдельно, во внутреннем кармане, – и инцидент будет исчерпан."

– Парни, – сказал он, – чего вам надо?

– Шоколада, – немедленно ответил любитель рифм, вызвав новый гогот.

– Вот, держите, – Гельман сунул руку в карман и протянул им кошелек. Гребнистый взял его и сунул в карман куртки, даже не взглянув. Полнейшее равнодушие этого жеста вызвало у Мюрата твердое впечатление, что парень поступил бы так же, будь вместо кошелька граната с выдернутой чекой. Он вновь сделал попытку пройти, но был столь же грубо отброшен назад.

– Между прочим, – попробовал другую тактику Гельман, – я тоже люблю рок!

– Ты?! – прищурился шипастый, словно услышал самую возмутительную чушь в своей жизни.

– Да, – подтвердил Гельман с достоинством, – и это именно я пробил открытие вашего клуба...

– О, кстати, – двухцветный повернулся к шипастому, – как думаешь, Димон, если его отсюда скинуть, он лед пробьет или нет?

– Ни хера не пробьет, – авторитетно заявил Димон. – Морозы были. Лед толстый.

– А спорим, пробьет? – завелся вдруг двухцветный, хотя только что сам спрашивал совета на сей счет. – Он, сука, тяжелый!

– На хера мне с тобой спорить? Ясно, что не пробьет.

– Зассал?

– Это кто зассал?!

Гельман с надеждой подумал, что сейчас они подерутся между собой, но вместо этого Димон вдруг спокойно протянул руку двухцветному и обернулся к третьему: – Серый, разбей.

Молчаливый Серый рубанул ребром ладони по их рукам. Затем все трое вновь обернулись к Гельману.

Мюрат понял, что предыдущий разговор не был шуткой. Понял, впервые по-настоящему увидев их глаза. Совершенно пустые, как у кукол. Глаза людей, способных одинаково легко положить в карман гранату без чеки или сбросить с моста случайного прохожего... Слухи о том, что на рок-концертах употребляют *вещества,* ходили давно. То есть применительно к Западу это были, конечно, не слухи, а никем не отрицаемый факт, но в Петербурге за руку пока никого поймать не удалось. Иначе, естественно, полиция сразу закрыла бы лавочку. И Гельман не раз утверждал, что, во-первых, все эти слухи являются клеветой, а во-вторых, если бы даже и так, то в этом нет ничего страшного, весь американский establishment в юности баловался "травкой", и давно доказано, что тетрогидроканнабиол способствует спокойствию, а не агрессии...

Три пары рук крепко схватили его и принялись перегибать через перила. Они делали это совершенно спокойно.

– Помогите! – закричал Мюрат. – Полиция!

Ни одного полицейского поблизости не было.

Как, впрочем, и кого-либо еще. По набережной с другой стороны, до которой Гельман так и не дошел, быстро проехала одинокая машина, но это было слишком далеко. Люди внутри за поднятыми стеклами наверняка не слышали его криков.

Гельман понял, что должен сам бороться за жизнь. Он рванулся, ему даже удалось заехать ботинком в лицо одному из державших. На того это, однако, не произвело впечатления – похоже, парень даже не почувствовал боли. Затем Гельман ощутил, что его крепко держат за обе лодыжки, и мир перевернулся вверх ногами. Еще чья-то сильная рука отодрала его пальцы, пытавшиеся схватиться за перила. Затем он полетел вниз.

Он упал с высоты около шести метров, но снег, наметенный на лед, смягчил удар. Что-то громко хрустнуло – то ли лед, то ли сломанная кость. Несколько секунд он лежал неподвижно, а затем, все еще в шоке от удара, начал подниматься.

– Ну я же говорил – не пробьет, – донеслось сверху.

Опереться на правую руку почему-то не получалось, она все время подламывалась. Но он оперся на левую и смог встать.

Прорвав пелену первого шока, в руке взорвалась боль, и тут же в голове закружились планы. Он жив, это главное. Рука, похоже, сломана, но ноги держат. Теперь ему ничего не угрожает – обдолбанные уроды тут его не достанут. Сейчас нужно будет по льду добраться до берега. Там гранитная стена, зато, наверное, лёд потолще. Искать спуск – чёрт, должен же быть где-то спуск? Кричать, если на набережной кто-нибудь появится. Его вытащат, не может быть, чтобы не вытащили.Дальше нужно будет отыграть эту ситуацию. В сущности, это отличный повод выйти из всех игр, куда его затащили.Он на больничной койке, с переломами – рука уж точно, пусть проверяют... Теперь он не обязан делать то, чего от него хочет тот тип. Отменяются и откладываются и другие неприятные моменты, включая дурацкое судебное заседание. Он проведёт в больнице ровно столько времени, сколько нужно, чтобы некоторые обязательства рассосались сами собой. А полиция пусть поищет этих уродов... Впрочем, выгодно ли это ему? Не будут ли злорадствовать многочисленные враги? Куда лучше выглядела бы версия о покушении, с намёком на преследования властей... Дать интервью сразу после дачи показаний. Обязательно добиться присутствия западной прес...

Тут надтреснутый лед, похрустывавший под ногами, наконец, провалился.

Ледяная вода стиснула его со всех сторон, обожгла лицо, хлынула под одежду. Если бы не этот парализующий холод, он, возможно, сразу вдохнул бы воду, но дыхание перехватило, и это подарило ему дополнительное время. Пальто, мигом пропитавшееся влагой, потянуло вниз. Сознание заработало с лихорадочной быстротой. Действуя одной рукой, он оборвал пуговицы и выскользнул из пальто, а затем, отчаянно работая рукой и ногами, поплыл вверх.

Через несколько секунд его вытянутая вверх рука ударилась о твердую гладкую поверхность. Его окружала чудовищно холодная плотная тьма, и в этой тьме он не видел, где осталась проделанная им полынья.

Еще почти минуту он пытался плыть под водой, слепо тыкаясь изнутри в ледяной панцирь. Грудь все сильнее и чаще пульсировала в агонии, требуя кислорода. В ушах зазвучал тонкий звон, перед глазами стало темнеть, но он этого не заметил, поскольку и так находился в темноте. Затем мозг не выдержал и позволил рту распахнуться, жадно втягивая в легкие смертоносную воду.

Последняя мысль Гельмана оказалась самой нелепой из возможных: значит, теперь ему не придется вставать ни свет ни заря, чтобы идти в суд.

Kapitel 43. 14 февраля, четверг, раннее утро. Москва, улица Бутырский Вал, д. 8а, кв. 23.

На этот раз Микки спал.

Ему снился папа. Папа улыбался и говорил, что Микки скоро умрёт. Улыбаясь ещё шире, он пообещал, что умирать ему будет больно, очень больно, так больно, как он и представить себе не может. Микки пытался представить, как же ему будет больно, но не мог, а папа смеялся всё громче, как бы отдаляясь и одновременно оплывая и вырастая, превращаясь в какую-то снежную гору, содрогающуюся от грохота.

Микки в ужасе запищал и проснулся. Что-то белое и мягкое облепляло его, в ушах звенело.

Мальчик с криком рванулся – и упал на пол.

На холодном полу, злой и растерянный, он попытался сообразить, что с ним случилось. Потом вспомнил – спать он лёг к маме под одеяло. Он это делал в тех случаях, когда не мог помучить её другим способом. Там он лез маме в ноги и тыкался лицом в ляжки, стараясь пробраться повыше. Мама этого почему-то очень боялась. В одном разговоре с отцом, который Микки подслушал, мама сказала – "он уже интересуется моим телом".

Микки не интересовало тело мамы Фри – в том смысле, который она подразумевала. Ему нравилось, что она боится. Наверное, думал он, у неё там очень нежная кожа. Микки всегда хотелось каким-нибудь способом сделать ей больно именно в этих местах – там, где у мамы белые толстые ноги. Или грудь. Мама всегда её прятала. Однажды он попробовал было её потрогать, но тут мама ударила его по руке, сильно, и лицо у неё стало такое, что мальчишка понял – на этот раз он перешёл границу и лучше не продолжать.

Приходилось пробавляться обычными мелкими пакостями. Увы, с тех пор, как они поселились у Берты Соломоновны, из миккиного арсенала выпали такие замечательные приёмчики, как, например, пописать в постель. Писать в старухину постель было страшно.

Микки поднялся с пола, пытаясь понять, хочется ли ему спать. Сна не было ни в одном глазу.

Мальчик подошёл к стене, нашаривая выключатель. Это заняло у него минуты три – пока он не вспомнил, что в бабкиной квартире свет зажигается не от клавиши в стене, а если дёрнуть за свисающий сверху шнурок. Однажды он попытался оборвать такой шнурок, но Берта Соломоновна это заметила и зашипела, как кошка. Микки напугался и больше так не делал.

Наконец, шнурок нашёлся, мальчик дёрнул за него, и в потолке загорелась лампочка. Мама спала, обнимая подушку, некрасиво растрёпанные волосы закрывали лицо. Судя по всему, ей тоже снилось что-то плохое.

Как выяснилось через несколько минут, старуха тоже спала. Во всяком случае, у неё в комнате было темно и слышался сиплый свист – Берта Соломоновна подхрапывала. Беспокоить её Микки не решился.

Потом он сходил в туалет, проведя там минут десять. В туалете не было ничего интересного, кроме лежащей на унитазном бачке книжки на русском языке. Мальчик от скуки попытался найти в ней какие-нибудь картинки, но там их не было.

Через полчаса, умаявшись от бессонницы и безделья, Микки придумал новый способ наказания мамы. Он решил где-нибудь спрятаться – чтобы Фри долго его искала и не нашла. Наверное, она впадёт в дикую панику, раскричится, а то и расплачется. А может, подумал мальчик с надеждой, она позвонит тому мужчине, он приедет, и тогда всё станет хорошо. Ну если не хорошо, – что такое "хорошо", Микки не понимал, – то хотя бы

не так страшно.

Осталось найти подходящее место – такое, чтобы там можно было спрятаться надёжно.

В старухину спальню он лезть побоялся. В обеденной комнате никакого подходящего укрытия не обнаружилось – разве что забраться в сервант, но он был забит хрусталём.

В коридорчике тоже не нашлось ничего подходящего. Правда, Микки опрокинул табуретку с телефоном. Жестяная труба с грохотом покатилась по полу, так что Микки замер и сжался – он решил, что старуха проснётся, выйдет и поймает его. Потом вспомнил, что Берта Соломоновна ничего не слышит, а маму можно не бояться, и несколько приободрился.

Дальше он действовал решительнее – ходил по комнатам, включал свет, осматривал щели и закутки. Но даже в чулане, набитом разнообразной рухлядью, он не обнаружил ничего примечательного, кроме какой-то непонятной коробки с разноцветными проводками. Трогать непонятное он побоялся.

Оставалась кухня. Микки на ней бывал много раз, и прятаться там было вроде как негде. Но на всякий случай он решил пошерудить и там.

Кухня в квартире Берты Соломоновны была местом малопосещаемым. Сама Берта Соломоновна ела очень мало – Микки вообще не помнил, чтобы она готовила себе еду. К плите она становилась, только чтобы вскипятить чайник или сделать кофе. Кофе она делала хороший – во всяком случае, от него хорошо пахло. Но это было и всё. При этом посторонних на своей кухне старуха не терпела: в первый же день она запретила гостям даже появляться на кухне и уж тем более что-нибудь там трогать. Так что фрау Галле с сыном ходили есть в близлежащие ресторанчики – благо их было достаточно.

Но и в этом запретном месте Микки не нашёл ни единого укромного уголка. Всё пространство занимала плита, мойка и шкафы, заполненные какими-то кастрюлями. Он попробовал было забраться в духовку, но она оказалась маловата даже для его тщедушного тельца. К тому же ему вспомнилась страшная сказка, которую рассказывала мама – про Хензеля и Гретель, где ребёночка сажали в печь.

Совсем загрустив, Микки поплёлся в угол, где стояла огромная газовая колонка, наполовину утопленная в стенной нише. Колонка была насажена на трубу, уходящую в потолок.Нагревательный агрегат был установлен в квартире, видимо, ещё в довоенную пору.

Мальчик не помнил, чтобы старуха когда-нибудь раскочегаривала это устройство. Вроде бы мама спрашивала Берту Соломоновну, как греется вода, и та говорила что-то о котле на чердаке, и ещё почему-то поминала непонятное слово "кондоминиум". Микки попытался вспомнить, что оно обозначает, но быстро бросил эти попытки – это было что-то очень сложное, из взрослой жизни.

От нечего делать он заглянул внутрь. Прикипевшая крышка отошла с мучительным скрипом. Внутри была газовая горелка на три щели, покрытая ржавью. Чувствовалось, что колонку не приводили в действие уже много лет.

Мальчик постучал по колонке. Жесть отозвалась гулкой, безнадёжной пустотой.

Микки собрался было идти назад в спальню – ложиться в постель и пытаться хоть как-нибудь заснуть (тут он с тоской вспомнил про старухин снотворный отвар: он, пожалуй, был бы очень к месту). Но в постель очень уж не хотелось.

Он закрыл крышку и сел на пол, пытаясь хоть что-нибудь придумать.

Пол был покрыт мелкой плиткой и был холодным, это чувствовалось даже сквозь тёплую пижаму. Вообще в этой стране было очень холодно и неуютно. И страшно. Это чувство в последние дни его не оставляло.

После разговора со старухой позапрошлой ночью мальчик окончательно осознал, что они с мамой попали в какую-то очень неприятную ситуацию, выхода из которой не видно. То есть выход был – вернуться домой. Но мама Фри не собиралась возвращаться. Она продолжала жить в квартире Берты, целыми днями сидела на кровати и читала какие-то книжки, иногда куда-то уходила, а когда возвращалась, от неё скверно пахло и она быстро ложилась спать. Однажды она принесла домой большую тёмную бутылку и пошла с ней к старой Берте. Старуха выругала её, но достала из серванта пузатые хрустальные бокалы, и они с мамой пили из них что-то тёмное – наверное, вино. Потом мама сидела на кровати, уставившись в стену невидящими глазами, и плакала.

Микки подумал, что он мог бы сбежать из дома. Сбежал же от матери мальчик Лен. Правда, он оказался в ЦВИНПе. Хотя – вдруг поймал себя Микки на неожиданной мысли – в ЦВИНПе было очень мерзко, но зато там были толстые стены, охрана и дисциплина. И бояться там можно было только мальчишек, дежурных, да ещё фрау Офен, которая может отправить в карцер. Зато в карцере толстые стены, и его охраняют.

Мальчик сам не понимал, чего именно он так боится. Он просто чувствовал, что времени становится всё меньше, его почти не осталось. Что-то произойдёт, и очень скоро. Что-то очень, очень, очень плохое.

Ему стало так страшно, что он упал на пол и прижался к нему всем телом, закрыв голову руками.

Внезапно он заметил под днищем колонки едва заметное поблёскивание. Там что-то лежало, какая-то маленькая блестящая вещица – скорее всего, закатившаяся монетка. Мальчик захотел её достать. Он просунул ручку под днище и попытался выгрести вещицу. Но монетка лежала неудобно, и маленькая ручка никак не могла дотянуться до блестящего кругляша. Тогда он улёгся поудобнее, засунув под колонку не только руку, но и плечо, и принялся шарить. Один раз ему показалось, что он касается кругляшки, но монетка выскользнула из неловких пальчиков.

Микки запищал от злости – у него опять ничего не получалось! Он ещё сильнее втиснул руку в щель и принялся обшаривать пол.

Внезапно он почувствовал, что в одном месте плитка упруго подаётся. Мальчик нажал сильнее, и тут над головой послышался тихий скрежет. Испуганный Микки отпрыгнул от колонки – ровно чтобы успеть увидеть, как жестяная бочка повернулась вокруг трубы.

Оказалось, что задней части у бочки нет. Более того, ниша была не глухой – в ней был какой-то тёмный провал. Мальчик чуть не закричал: ему показалось, что оттуда кто-то лезет.

Но никого не было. Просто на том месте, где колонка закрывала стену, обнаружилась высокая вертикальная щель, в которую можно было протиснуться.

Минуты через три Микки осмелел и сунул нос в эту щель, в каждый момент ожидая какого-нибудь подвоха. Но там было просто темно.

Микки немножко посидел на полу, приходя в себя. Потом подумал, что, пожалуй, Берта Соломоновна будет недовольна тем, что он сделал. Это надо как-то исправить.

Он снова полез под колонку и нащупал тот же квадратик пола, нажал на него. Ничего не произошло: щель осталась на месте. Мальчик попытался понять, чего он

боится больше – старухи или того, что в щели. Решил, что старухи он боится больше. Там, внутри, не было никого живого – это он чувствовал нутром. А люди всегда страшнее, чем неживое.

Дрожа, он пролез в щель, опасаясь, что куда-нибудь упадёт. Но тут же нащупал пол – он был чуть выше, чем в кухне.

Он оказался в крохотном пенальчике без окон, очень тёмном и вдобавок низком: взрослый человек мог бы устроиться в нём, только скорчившись на полу. Но душным оно не было – откуда-то шёл воздух, пахнущий железом и машинным маслом. Микки был глупым, но запах он узнал – так пахла лифтовая шахта. Видимо, это было какое-то техническое помещение.

На стене он нащупал кнопку. Подумал, что она включает свет, и нажал на неё. Вместо этого колонка, заскрипев, снова закрутилась и закрыла проход. Микки оказался в ловушке.

Сначала он хотел закричать, но снова испугался старухи. А потом понял, что вылезать прямо сейчас ему не хочется. Во всяком случае, здесь ему было не так страшно, как там, в квартире.

Тогда он решил осмотреться. Когда глаза попривыкли, он понял, что темнота здесь не полная – сквозь решетчатое отверстие в потолке проникал слабый свет, видимо, с улицы. То ли фонарь, то ли утро уже близко. В этом слабом, неверном свете можно было увидеть то, что лежало на полу.

Первый предмет Микки опознал быстро – это был пистолет. Мальчик поднял его – он был настоящий, тяжёлый. Наверное, заряженный, решил он, и на всякий случай положил его подальше – мало ли что.

Второй был непонятным: что-то прямоугольное, напоминающее небольшой кирпичик, но мягкое, на ощупь – затянутое в какую-то плёнку. Микки вертел эту штуку и так и этак, и, наконец, решил поднести её к источнику света. Кирпичик оказался толстой пачкой денег, запаянных в пластиковую плёнку. С одной стороны лежали дойчские марки, с другой – непонятные бумажки, похожие на деньги, но длиннее и уже. Микки сумел разглядеть по углам бумажки цифру "100", и между ними – белую надпись "ONE HUNDRED DOLLARS".

Зато третья вещь была понятной – целленхёрер на батарейках, старая-престарая модель. Такой Микки видел у папы Жоржа.

Ворочаясь в тесном помещении, мальчик случайно задел плечом кнопку. Колонка повернулась, открыв проход.

Мальчик выбрался наружу и снова задумался, как же закрыть проклятую дырку. В отчаянии он толкнул колонку – и та послушно закрутилась в обратную сторону. Открутить её обратно у мальчика не получилось. Видимо, чтобы открыть проход, нужно было нажать на ту плитку в полу, а закрывалась она либо изнутри кнопкой, либо снаружи – нажатием на бочку.

Микки сел на пол и попытался сосредоточиться и подумать. Получалось у него плохо, но он очень старался.

Судя по всему, это какое-то потайное место. Кто его сделал, непонятно, но старуха наверняка о нём знает: в том, что старуха Берта знает каждый сантиметр своей квартиры, мальчик не сомневался. Может быть, она его и устроила. Она же спрятала здесь пистолет и деньги. Денег много; Микки подумал, что, наверное, их хватит на все мамины планы. Хотя гораздо лучше взять их себе. На такую кучу денег можно накупить себе много чего.

Если придётся бежать из дома, нужно будет так и сделать... Но самое главное – в этом потайном месте можно спрятаться самому. Если...

Эту мысль он додумать не успел – как раз в этот момент проснулась мама.

– Микки! Где ты? – крикнула она. За время житья в этом доме мама Фри привыкла к тому, что глухую хозяйку и из пушки не разбудишь.

– Я писать ходил, – сказал он.

Мама Фри сидела на кровати, встрёпанная, сонная и ужасно некрасивая – до такой степени, что сыну стало её немножечко жалко. Он молча подтянул сползающие пижамные штаники, подошёл к ней и неловко погладил по плечу.

– Микки, – тихо сказала фрау Галле, – я очень несчастная женщина...

– Мама, – попросил Микки. – Давай улетим домой.

– Миленький, мы не можем всё так бросить, – вздохнула мама.

В этот момент в прихожей раздался треск. Трещала деревянная дверь. Кто-то, не утруждая себя излишней вежливостью, ломился в квартиру.

Франциска в ужасе обернулась.

– Полиция... Мы пропали... – губы у неё тряслись, лицо стало белым.

– Мама, давай спрячемся, – предложил Микки.

– Миленький, тут негде, спрятаться негде, – заверещала фрау Галле, с ужасом смотря на сына.

– Мама, пойдём, – сказал Микки и, не дожидаясь маминого согласия, побежал на кухню.

Он как раз успел лечь на пол и нажать на плитку, когда Франциска, придя в себя, прибежала – чтобы увидеть, как открывается щель в стене.

В этот момент дверь открылась. По коридору загрохотали шаги – уверенные, страшные. Так ходят сильные люди, которые делают другим больно.

Возможно, впервые в жизни фрау Галле поступила умно. Она не стала ждать, пока страшные шаги приблизятся, а полезла в щель – как была, в ночной рубашке. Она едва протиснулась, следом юркнул Микки и тут же нажал на кнопку. Колонка повернулась и закрыла проход.

– Что это? – свистящим шёпотом спросила Франциска, пытаясь хоть как-то устроиться в узком пространстве.

– Тайник, это я его нашёл, – сказал Микки, нашаривая на полу пистолет и целленхёрер. – Мама, возьми.

Франциска, щуря глаза, ещё не привыкшие к темноте, с опаской взяла тяжёлую смертоносную вещь и тут же положила её на пол.

Сидеть было неудобно – крохотный тайник не был рассчитан на двоих. Франциска прислонилась спиной к стене, кое-как пристроив Микки между коленок.

Жесть колонки не очень хорошо пропускала звуки. Тем не менее было слышно, как человек ходит по дому – уверенно и нагло. Потом – какой-то шум, возня и звук чего-то падающего. Дальше – снова шаги, шаги и голоса. И шум – очень характерный шум, когда тащат что-то тяжёлое.

Хлопнула и ударилась об стену дверь кухни – бух-бух. Заскрежетала плитка.

– Вот и хорошо, – отзвенело от жести.

Микки сжался. Голос был мужской, но высокий и какой-то гадкий. Обладатель такого голоса наверняка умел и любил делать очень, очень, очень больно.

– Смотри на меня, старая дзыня, – звенело сквозь жесть. – Сейчас я буду

спрашивать, а ты будешь мне всё рассказывать. И не вздумай вейджать.

Человек говорил на дойче, но с какими-то непонятными словами. От этого было ещё страшнее.

– Я таки не вижу резона, чего вы до меня хотите, – заскрипел голос старухи. – И если чего хотите услышать, то говорите в моё лицо и шобы мне было понятно. Я очень плохо слышу. Я умею читать по губам, если знаю такое слово. Которое слово я не знаю, то не могу за него говорить.

Человек рассмеялся. Это был очень неприятный смех.

– Да я сам твой жаргон еле разбираю, а ты хочешь, чтобы я вспомнил язык Гёте в его первозданной чистоте. Я тут, знаешь ли, несколько огрубел. Зато приобрёл много полезных навыков.

Тут же раздался неприятный звук и следом – стон.

– Больно? – спросил мужчина. – Отвечай, старая дзыня, и отвечай быстро.

– Таки больно, – заскрипела старуха. – Давайте пожалуйста говорить как умные люди с умными людьми.

– Боль прочищает мозги, – наставительно произнёс голос. – Кстати, оцени изящество приёма. Ему я научился у одного старого дуфана, большого любителя разговоров по душам. Вот если бы я ломал тебе пальцы, ты могла бы упасть в обморок, а то ещё, чего доброго, сыла... могла бы и околеть. А этот приёмчик совершенно безвредный: нажать на нужную точку, и человечек уже плачет. Китайцы всё-таки умнички. Хочешь продолжения сеанса массажа?

– Нет, – торопливо ответила старуха, – уберите свои руки, я буду всё говорить.

– Вот и славно. Сначала представлюсь. Меня зовут Матиас Спаде, и меня хорошо знают в вашей почтенной конторе. В том случае, если я оставлю тебя в живых – в чём я сильно сомневаюсь – ты сможешь передать своим дружкам из Третьего отделения, что я их... – дальше мужской голос произнёс слова, которых Микки не понял, хотя и слышал нечто подобно несколько раз от папы Жоржа. Когда он однажды сказал это маме, она сделала строгое лицо и объяснила, что людям нельзя этого говорить, иначе люди могут обратиться к фашистскому государству, и оно откроет дело по оскорблению личности. Мама тогда ещё сказала, что фашистское государство очень несправедливое, раз наказывает людей за слова. Но папа Жорж не боялся фашистского государства – во всяком случае, когда он говорил эти слова маме...

Отвлёкшись на эти мысли, Микки пропустил мимо ушей пару фраз. Когда он снова собрал внимание в кулачок, человек говорил:

– ...если ты думаешь, что прослушка работает и вскоре здесь будут ребята из ДГБ, то сильно ошибаешься. Я, на твоё несчастье, профессионал, а дэгэбэшники – цао... на понятном тебе языке – дерьмо собачье. Особенно смешно замыкать всю микрофонную сеть на одно устройство, да ещё и монтировать его на чердаке. Фон Гирке за такое отправил бы курсанта чистить сортиры не менее чем на месяц... Ты, кажется, меня не слушаешь? Я тебе неинтересен?

– Да я таки всё поняла, говорите же за своё дело, – Берта Соломоновна сказала это тем же тоном, каким покрикивала на Микки.

Мальчик, у которого от страха обострилось чутьё, вдруг с удивлением понял странную вещь – Берта Соломоновна не очень-то и боится. То есть боится, но не так, как в ту ночь, когда она сидела и рассматривала старые фотографии.

– Какая деловая старушка. Ну что ж, дело так дело. У тебя на постое баба с

ребёнком. Где они?

– Здесь, – ответила старуха. – Как я ложилась, так они были в спальной, – уточнила она.

– Их нет. Где они?

– Я знаю за то, что знаю, – старуха даже не скрывала раздражения, как будто человек не мог убить её в любой момент. – Может, ушли кушать. Я спала. Посмотрите где хотите везде, если чего не верите, – добавила она.

– Ушли? Может быть, – с сомнением протянул голос. – В спальне я видел тряпки, а на вешалке в прихожей – одежду. Хотя, может быть, они оделись во что-то другое... Но я прошёлся по твоей хатёнке, спрятаться им вроде негде. Или у тебя есть какой-нибудь хитрый чуланчик, куда я не заглянул?

– Вы шо себе думаете, – ответила Берта. – мне нужны лишние макес на мою старую голову?

– Мне не нравится юдская привычка отвечать вопросом на вопрос, – человек, называющий себя Спаде, явно злился, но пока держал себя в руках. – Где ты их спрятала?

– Я живу за себя, – ответила старуха, – я не живу за других. Нет. Я не прятала нигде. Ищите, если не верите.

– Ты что-то крутишь, – ответил человек, – но, допустим, ты не врёшь. Ладно, мы подождём. Они ведь когда-нибудь вернутся, не так ли? Я очень, очень терпеливый человек. И очень справедливый. Поэтому мы сделаем так. Если они вернутся в скором времени, ты останешься живой и относительно здоровой. Если их не будет в течение двух часов, я начну нервничать. Когда я нервничаю, я становлюсь злым. Поэтому я буду делать тебе больно – просто чтобы убедиться, что ты мне сказала всё, что знаешь. Если не узнаю ничего интересного, я тебя прикончу. Просто потому, что я очень, очень расстроюсь. Впрочем, в этом случае я убью не только тебя, но и кой-кого из моих дружков, которые следили за твоей хатёнкой. Я очень не люблю халтуры – а они, похоже, схалтурили. Потому что, когда я шёл сюда, то был уверен, что баба и её пащенок здесь... Так что придётся тебе немного поскучать в моём обществе.

– Я хочу пить кофе, – сказала Берта.

– Свари и мне тоже, – почти благодушно сказал мужчина.

Фрау Галле тем временем, отойдя от первого шока, изо всех сил пыталась сосредоточиться и что-нибудь придумать. Получалось это плохо – всполошённые мысли как будто бились о прозрачную упругую пелену, не доходя до ума. Что-то ей мешало, отчаянно мешало сосредоточиться и понять, что делать дальше.

И вдруг эта плёнка разорвалась. Франциска Галле, бездарная журналистка, неудачливая жена и несчастная мать, всю жизнь пробарахтавшаяся в какой-то непонятной паутине обстоятельств, непонятно откуда берущихся и неизвестно куда тянущих, ошеломлённая и напуганная, внезапно увидела причину всего, что с ней происходило – и что привело её сюда, в этот тёмный закут.

Она не была глупа от природы. Глупость была следствием. Причиной была плёнка, отделяющая её сознание от реальности. Эта плёнка появилась в детстве и с годами становилась только толще. Она всю жизнь внушала себе, что происходящее с ней – это не реальная жизнь, а что-то другое, не имеющее к ней, настоящей, никакого отношения. Всё, что было вокруг, происходило словно бы не с ней. Настоящая жизнь была где-то в другом месте, она должна была наступить когда-нибудь потом, в другом месте, где она будет умной, красивой, молодой и счастливой. Это другое место она себе воображала всю жизнь

и тратила на это все свои душевные и умственные силы. Она жила как во сне, не желая видеть того, что происходит вокруг. И тратила все силы на то, чтобы придумывать всё новые и новые сны, лишь бы не видеть постылую действительность, и прежде всего – саму себя.

Она воображала себя талантливой, но недооценённой журналисткой, и думала, что у неё есть убеждения – правильные, красивые, гуманные, либеральные. Она верила, что противостоит "фашистскому государству", которое является главной причиной её несчастий. Что она – привлекательная женщина, которой не везёт с мужчинами, но вот-вот на горизонте появится прекрасный принц и унесёт её куда-нибудь на край света, где ей будет хорошо и уютно. Что с её сыном всё в порядке – да, с ним бывает тяжело, но это потому, что он не такой, как все, и всё с ним как-нибудь наладится. Как и со всеми остальными проблемами – всё как-нибудь само разрешится, всё как-нибудь само собой образуется. На худой конец найдётся кто-то, кто всё решит и устроит.

Но сейчас, зажатая в угол, как крыса, отчаянно боящаяся за свою жизнь, она видела всё как есть. Плёнка разорвалась. Франциска Галле осознала себя и своё место в мире.

Она – плохая журналистка, не владеющая азами ремесла. Она потратила лучшую часть жизни на человека, который обращался с ней очень скверно – и, к сожалению, она этого заслуживала, более того, она этого хотела. Её сын – неполноценный, генетический шлак. (Странно, но даже эта мысль не вызвала у неё ни ужаса, ни возмущения). Она попала в скверную историю, причём сама, по собственной воле – а точнее, безволию. Люди, которые оказывали ей любезности, преследовали собственные интересы, которые она не понимала и даже не желала об этом думать. Она доверяла всякому, кто брал на себя решение её проблем – доверяла слепо, безрассудно, и в мелочах, и в важных вопросах. Как она доверилась совершенно незнакомому человеку, позвавшему её сюда. Потом – Андрею. Или ещё – Фридриху Власову. На нём она буквально повисла – в глубине души надеясь на то, что он, может быть, будет решать её проблемы и дальше... может быть, даже всю жизнь.

Франциска чуть не рассмеялась – настолько ей стало ясно, до чего она была глупа. Фридрих ей не интересуется, совсем, совершенно. И потому, что он, похоже, вообще не интересуется женщинами, и потому – мысль оказалась колючей, но она додумала её до конца, и это оказалось не так уж сложно – что она, какая есть, никому не нужна. Она некрасива, неумна, и ещё этот гадкий Микки. Таких в лучшем случае используют – и бросают. Как бросили её все, кто ей попользовался. Может быть, кроме Власова – в нём было что-то, помимо желания воспользоваться ею. Что-то вроде чувства долга. Но не более того. Он пожертвует ею, если это будет нужно.

А сейчас её, вполне возможно, убьют, если только она сама себе не поможет.

Мысли фрау Галле стали короткими и точными. Что происходит? Где я? Где враги? Чего мне от них ждать? Чего мне бояться? Что у меня есть? Что делать с тем, что у меня есть?

За ней и сыном пришёл какой-то опасный человек. Видимо, он собирается её похитить или убить. Почему и зачем она ему понадобилась – неважно. В любом случае её и Микки не ждёт ничего хорошего. Значит, попадать в его руки ни в коем случае нельзя.

Где она? Она вместе с сыном прячется в каком-то тайнике. Похоже, Микки нашёл его случайно. Несомненно, его устроила Берта – иначе откуда здесь целленхёрер. Зачем? Возможно, как раз на такой случай: спрятаться, когда придут незваные гости. Телефон очень кстати. Но увы – звукоизоляция в схроне ни к чёрту не годится. Если она слышит

разговоры на кухне, значит, на кухне будет слышно то, что происходит здесь. Это значит – если она попытается звонить, Спаде услышит.

У неё есть время, но вряд ли много. Спаде скоро потеряет терпение, а старуха Берта сообразит, что оставленные на её попечение женщина и ребёнок где-то прячутся. Тогда она выдаст Спаде тайник. Сейчас она этого не делает только потому, поняла Франциска, что здесь находится что-то ценное, чего она не хочет отдавать. Но жизнь и здоровье она ценит дороже – и не будет доводить дело до того, чтобы Спаде её пытал. Что касается её и Микки, то Берта Соломоновна, если только сообразит, что они здесь, немедленно их выдаст.

Также есть пистолет и целленхёрер. Пистолет может стрелять. Сейчас это неактуально. Что может сделать целленхёрер?

Может быть, отправить KMD-сообщение? Она взяла в руки аппаратик, нажала кнопку. Батареи были исправны: маленький зелёный экранчик засветился. Увы, это была очень старая модель, по нему можно было делать только обычные звонки. Интересно, проплачен ли он? Неважно, звонок в полицию – бесплатный. Жаль, что она не поинтересовалась номерами всяких специальных служб. Ну да, это же её не интересовало – она думала, что её проблемы решит кто-то другой.

Когда звонить? Спаде, наверное, не будет сидеть на кухне два часа. Он хоть раз отойдёт в туалет, или просто выйдет из комнаты. Тогда нужно набрать 110 и быстро сказать дежурному... Что сказать? У неё будет меньше минуты. Прежде всего – назвать адрес, это самое главное.

У неё упало сердце – она вдруг сообразила, что не помнит адреса наизусть. Он был в записной книжке, и вписывала она его туда не сама. К тому же он был записан по-русски, а она не знала кириллицы. Власов довёз её до места, а потом... а потом она ни разу не поинтересовалась, где живёт. Хотя... хотя... стоп! Галле зажмурилась и сжала зубы, вспомниная свою дурацкую эскападу, когда она забралась в квартиру цу Зайн-Витнегштайна. Тогда её подвозил Андрей. Ага, по дороге он как раз говорил о названиях улиц – что Ласточкины горы хорошо переводятся на дойч, а вот она, Франциска, живёт на улице, название которой... которой... Она сосредоточилось, и в памяти всплыло нечто труднопроизносимое – что-то вроде "бу-тур-ски валл".

Так, теперь дом. Она зажмурилась, стиснув рукоять тяжёлого пистолета. На доме был номер. Белый номер на синем фоне. Одна цифра, и рядом буква. Восемь – а. Да. Точно. Номер квартиры она, слава Богу, всё-таки помнила. Что ж, у неё есть маленький шанс объяснить, где она. Может быть, дежурный поймёт.

Тем временем с кухни раздался скрип мельнички для кофейных зёрен.

– Что это за сорт? – поинтересовался мужчина.

– Арабика и немножечко харари, – сказала старуха.

– Неплохая смесь. Кофе – единственный наркотик, который я себе позволяю в любых количествах.

– Барыжите этими делами? – спросила Берта.

– Жить-то надо, – ответил Спаде ей в тон.

Фрау Галле тем временем думала дальше. Если Спаде всё-таки откроет, где они прячутся, придётся стрелять. У неё есть пистолет, но она не знает, как с ним обращаться. Когда-то – женщине показалось, что это было сто лет назад и не с ней – она думала, что ненавидит оружие. Теперь-то она понимала, что она просто боялась, до одури боялась его – и поэтому старалась держаться подальше, рассчитывая на то, что её будет защищать кто-

нибудь другой... Ладно, решила она, сейчас это не так важно.

Франциска подняла пистолет и поняла, что в одной руке его не удержит. Тогда она взяла его двумя руками, а целленхёрер положила рядом.

Она совсем забыла про Микки.

Пока маленькому Михелю было страшно, он сидел тихо. Но в укрытии ничего интересного не происходило, и он расслабился. В дурную головёнку полезли обычные мыслишки – чем-нибудь заняться, как-нибудь рассеяться, развлечься. Нет, он вроде бы и понимал, что развлекаться сейчас не время и не место, но что-то изнутри не давало ему покоя. Ему нужно было чем-то себя занять. Ну или хотя бы на что-то смотреть.

Он повернулся, чтобы смотреть на мамины ноги.

– Это что такое? – раздалось на кухне.

– Что? – не поняла старуха.

– Кажется, был какой-то звук, – сказал мужчина. – Тут поблизости кто-то есть. Где это?

– Я не слышу звуки, только очень высокие, – сказала старуха.

– Не знаю, не знаю, – с сомнением в голосе сказал мужчина. – Всё-таки сдаётся мне, что ты что-то скрываешь. Может, я зря теряю время?..

Франциска вздрогнула и осторожно поднесла палец к губам, призывая сына вести себя тихо.

Тем временем Микки пришла в голову идея.

Сейчас мама Фри отчаянно боится шума. Это значит, что она будет сидеть неподвижно и молчать, что бы он, Микки, ни делал. То есть она полностью в его власти. Целиком и полностью. А это значит... это значит, что, пока они здесь сидят, он может отлично провести время. Наконец-то сделать всё то, о чём мечтал.

Идея была до того привлекательна, что весь страх разом куда-то смыло. Только что его трясло от ужаса – а теперь он мог думать только о белых, полных, беззащитных ногах мамы Фри. И не только ногах, теперь всё её тело в его полном распоряжении.

Он тихонько протянул руку и взял лежащий на полу целленхёрер. Показал его маме, а чтобы она всё поняла, пошерудил пальцем по крышечке на спинке, где были батарейки.

Франциска умоляюще посмотрела на сына и протянула руку. И увидела блестящие пустые глаза – как у маленького хищного зверька.

Мальчик улыбнулся и спрятал трубку за спиной. Потом протянул руку и ущипнул маму за голяшку. Приноровился и ущипнул ещё раз, с вывертом. Щиплющая ручка полезла выше, стараясь найти место с самой нежной кожей.

Фрау Галле закусила губу – ей было больно, действительно больно. Но она понимала, что нужно молчать, молчать во что бы то ни стало.

К сожалению, это понимал и Микки: на этот раз он нашёл у неё волосики под коленкой – и выдернул их, а потом ещё и попытался воткнуть туда остренький ноготок.

– Что ты там копаешься! – в голосе Спаде послышалось плохо сдерживаемая нервозность. – Я чуть не заснул со скуки.

– Зачем вам та глупая женщина? – вдруг спросила старуха. – Она ничего не понимает. И у того мужчины нет на неё всяких видов.

– О, так не бывает, – почти весело сказал мужчина. – Я вообще не понимаю, зачем нужны бабёнки, – последнее слово он произнёс с брезгливостью, – но так называемые натуралы в них что-то находят. Может, у неё... – опять прозвучали слова, которые Микки

не понимал.

– Вы думайте про себя, – ответила старуха, – я за что знаю, за это говорю. В этот кофе хотите кардамон?

– Не откажусь, пожалуй, – усмехнулся Спаде, чувствуя себя хозяином положения. – Давай, пошевеливайся.

Микки, отвлечённый разговором, снова вспомнил о беззащитной маме. Чуть привстав, он ловко протянул руку и ущипнул её за бедро.Франциска чуть не закричала от боли и неожиданности, но в последнюю секунду зажала себе рот ладонью. Микки ухмыльнулся и погрозил маме пальчиком.

Фрау Галле стиснула зубы. Она должна терпеть, пока Спаде не уйдёт из кухни. Тогда она отберёт у Микки целленхёрер и позвонит... если только Микки отдаст ей его без крика. Громкий крик Спаде может услышать даже в туалете – слух у него, судя по всему, хороший.

Тем временем старая Берта принимала важное решение – какой именно ложечкой помешать кофе, чтобы неприятная ситуация с незваным гостем разрешилась без особых проблем.

Где именно шляются Франциска Галле и её сын, Берту Соломоновну не интересовало. Скорее всего, эта глупая курица побежала к своим дружкам – куда ж ещё. Не совсем понятно, зачем она взяла с собой сына – да, впрочем, сейчас это было не важно... Важно было другое: этот человек пришёл один или их несколько.

Скорее всего, он один. Возможно, какие-то люди следят за домом, но они снаружи. Этот тип, судя по всему, пробрался сюда через чердак, заодно выведя из строя находящуюся там аппаратуру. Выйти он, похоже, собирается через подъезд, вместе с женщиной и ребёнком. Придётся пройти мимо консьержки. Та не удивится – она знает, что к старой Берте ходят разные люди, иногда остаются на ночь, и вряд ли помнит всех. Впрочем, консьержка – в любом случае не препятствие... Где-то поблизости его ждёт автомобиль, а может, и не один. Дальше ему понадобится как минимум час, чтобы замести следы. Этому может помешать старая Берта – она вполне способна связаться с полицией и ДГБ. Значит, старую Берту он убьёт в любом случае.

Но Берта Соломоновна не дожила бы до своих лет, если бы не умела решать подобные проблемы. Разными способами, в том числе и весьма неожиданными. На сей раз проблема была не очень сложной. Неприятный визитёр подписал себе приговор, когда захотел кофе.

Старуха выдвинула ящик ещё раз и посмотрела на три длинные ложечки, лежащие в особом отделении. Поколебавшись, она взяла среднюю. Бесцветное вещество, которым она была покрыта, вызывало спазм дыхательных путей секунды за три.

Через минуту кофе был готов – крепкий, чёрный, вкусный. Спаде взял чашечку, вдохнул аромат, поднёс к губам – и в этот момент понял, что, пожалуй, хочет в туалет.

Он заколебался – сначала выпить кофе или пойти отлить.

В этот момент Микки дотянулся-таки до груди Франциски и ущипнул изо всех сил за мягкое, податливое место, которое мама всегда так прятала.

Это был самый счастливый момент в его жизни. Наконец-то он сделал маме по-настоящему больно.

Мама выронила пистолет и закричала.

Kapitel 44. Тот же день. Санкт-Петербург, улица Колчака, 9 – Путиловский район.

Фридрих сидел за столиком в "Аркадии" и злился. Неприятное впечатление, сложившееся у него с первой минуты знакомства с Гельманом, оправдывалось в полной мере. Галерейщик опаздывал уже на полчаса, и его телефон не отвечал.

Власов чувствовал, что бездарно теряет время. Которого, судя по всему, остается все меньше. Встав рано утром, он первым делом проверил результаты запросов, отправленных накануне после возвращения от Порцигов. Списки официальных делегаций Райха на Дни арийского единства, как он и предподагал, ничем интересным не порадовали. В Москву приезжали полдюжины функционеров второго-третьего ранга, один умереннее другого. Никаких демаршей от этой публики ожидать не приходилось. В Петербург вообще не ехал никто по политической линии – только деятели культуры. Частных визитов оппозиционеров также не ожидалось – во всяком случае, согласно единой базе данных аэропортов и вокзалов Райхсраума, никто из сколь-нибудь заметных членов СЛС не бронировал билетов в Москву или Петербург на эти дни. Конечно, билет можно купить и за считанные часы до рейса – но все-таки Россия в дни кульминации масленичных торжеств – это популярное туристическое направление, и, если не заказать билет заранее, риск остаться без места достаточно велик.

Запросил Власов и все имеющиеся материалы по "Ингерманландии". Прежде он знакомился лишь с краткими сводками, а теперь на него обрушился огромный ворох – Фридрих даже удивился такой подробной осведомленности Управления о деятельности российской организации – но первоначальный, очень беглый просмотр также не выцепил ничего примечательного. Чисто теоретическая болтовня, показные акции разной степени эпатажности, пресловутая "научная литература" (впрочем, числились за Лихачевым и его единомышленниками и реальные научные работы филологического и историко-краеведческого характера), кое-что мутное по части финансирования Рифеншталь-фонда (Власов уже был знаком с этой темой как со слов Эберлинга, так и по результатам собственного общения с Фрау – впрочем, прояснить, у кого именно она вымогала деньги, данные досье не позволили) – но, в общем, ничего такого, что говорило бы об "ингерманландцах" как о реальной силе, способной организовывать политические потрясения и убивать имперских резидентов. Едва ли не самым ценным во всем этом был список участников "Ингерманландии" – список, конечно, приблизительный, ибо формального членства организация не имела, но все же достаточно обширный. Власов пропустил его через всю ту же транспортную базу данных и убедился, что в день смерти Вебера никто из "ингерманландцев" Москву не посещал. Во всяком случае, поездом или самолетом. Хотя могли, конечно, приехать на частной машине или даже на автобусе, где нет именной регистрации билетов... Власов тяжело вздохнул, понимая, что для очистки совести придется все-таки порыться в этой груде более тщательно, что отнимет кучу времени и почти наверняка ничего не даст, а пока... Пока предстояло решить более насущную проблему: что написать в очередном отчете.

После визита в Рифеншталь-фонд он ограничился лишь краткой отпиской, сославшись на необходимость уточнить сведения. Он надеялся, что визит к Порцигу хотя бы отчасти и станет таким уточнением. В какой-то мере так и вышло, но вместо ответа лишь вновь обострило самый неприятный для него вопрос.

Может ли он доверять собственному начальству?

И если все-таки нет – то на каком уровне находится это "нет"? На уровне Мюллера или выше?

Если Порциг прав в своей оценке архива Шмидта и если эта тема имеет отношение

к делу, на кону могут стоять очень серьезные интересы. Даже более серьезные, чем если бы речь шла просто о спрятанных большевиками золотых слитках. В конце концов, слитки или бриллианты можно просто погрузить в машины/вертолеты/рюкзаки и тайно вывезти, не меняя при этом государственного устройства страны. Если же речь о промышленном освоении богатейших месторождений...

Возможно, Вебер, вышедший на эти интересы, точно так же терзался сомнениями, стоит ли докладывать о своих находках. И решил, что не стоит, пока он не разберется до конца, кто друг, а кто враг.

И погиб, не успев поделиться своими догадками.

А может быть, все было строго наоборот. Вебер, как честный служака, доложил обо всем, что нарыл. И погиб именно из-за этого. А архивы подчистили задним числом.

Фридрих посмотрел на часы. Скоро уже ехать на встречу с Гельманом. Отложить отчет до возвращения? Как он уже откладывал до встречи с Порцигом... Эти задержки уже сами по себе выглядят подозрительно. Ладно. Гадать бессмысленно. Не знаешь, как поступить – поступай по инструкции. А инструкция обязывает его сообщать обо всем, что имеет отношение к делу. Версия Фрау, верна она или нет, напрямую относится к убийству Вебера. Архив Шмидта – формально пока что нет.

Фридрих изложил то, что услышал от фрау Рифеншталь, и отослал отчет. У него еще осталось время глянуть сводку свежих новостей.

Новости оказались нетривиальные.

Точнее, одна новость, вроде бы терявшаяся на фоне ядерных испытаний в Китае или грозных заявлений президента США в адрес Ирака. Произошла она, правда, во вторник, но официальное объявление последовало только сейчас. В Берлине, в кафе "Рыцарь и конь", среди бела дня был застрелен Йошка Фишер, главный редактор "Либерализирунг". Убийцей оказался не кто иной, как Георг Галле, бывший сотрудник газеты и муж Франциски... Мотив убийства сообщил он сам – прежде чем выстрелить, он на все кафе обвинил Фишера в сотрудничестве с властями и доносительстве.

Пикантность ситуации состояла в том, что "Рыцарь и конь" расположен буквально в двух шагах от полицейского участка, и полицейские, сменившиеся с дежурства, нередко заходят туда перекусить. При этом они в штатском, но табельное оружие, как всегда, имеют при себе. Так было и на этот раз. Поэтому, когда Галле открыл стрельбу, не пришлось даже ждать прибытия наряда. Преступник был обезврежен сотрудниками, находившимися в кафе. При этом они действовали по инструкции и сначала крикнули ему, чтобы он бросил оружие, но, поскольку он этого не сделал и существовала реальная опасность для других посетителей и персонала кафе, убийца был застрелен на месте. Больше никто не пострадал. Действия полицейских признаны правильными, им выражена благодарность в приказе.

К официальному извещению прилагались данные для служебного пользования. Судмедэкспертиза не нашла в крови Галле наркотических веществ, уровень алкоголя – 0.5 промилле (Фридрих привычно поморщился по поводу этого ханжеского непризнания алкоголя наркотическим веществом... но, конечно, совершенно невероятно, чтобы у этого типчика "сорвало башню" от одной рюмки водки). Пистолет – "вальтер" времен войны, из тех, что "черные копатели" добывают на местах былых боев, в основном в Польше; приобретен, очевидно, на черном рынке. В кармане Фишера обнаружен целленхёрер. По данным оператора мобильной связи, незадолго до смерти Фишер получил два звонка. Первый, примерно за час – с целленхёрера Георга, второй – на полчаса позже с

неустановленного номера. Из сопоставления времени звонков с показаниями свидетелей следует, что в "Рыцарь и конь" Фишер пришел вскоре после второго звонка. Можно предположить, что в кафе ему была назначена встреча, скорее всего – Георгом, который точно знал, куда и зачем идет. При этом, однако, Фишер, как пришел, заказал обед на себя одного и сразу приступил к трапезе, что не похоже на поведение человека, кого-то ждущего...

Фридрих откинулся на стуле, переваривая информацию. В том, какие выводы сделает официальное следствие, он не сомневался. Преступление совершено на глазах у кучи свидетелей (в том числе не связанных с полицией), мотивы очевидны (Фишер к тому же еще за несколько месяцев до того уволил Георга из газеты), дело закрыто. Пропаганда радостно выжмет из этой истории все, что можно, а копать всерьез никто не будет. Не будет выяснять, например, что это был за второй звонок и почему Фишер взял одну порцию...

Власов и сам не стал бы интересоваться этими вопросами. Даже если кто-то специально натравил Георга на Йошку – черт бы с ними обоими, невелика потеря для Фатерлянда. Если бы не одно "но". Фишер был человеком, знавшим о таинственном визите в Россию, о котором не знают даже не последние сотрудники Главного Управления Имперской Безопасности. И стоило кому-то заинтересоваться этой информацией, как Фишер внезапно погибает...

Интересно, кстати – Франциска уже знает? Интуиция подсказывала Фридриху, что сильно горевать о смерти мужа, да и шефа, она не будет. Но в панику может впасть запросто – и, чего доброго, наделать еще каких-нибудь глупостей... Позвонить ей, что ли? Или лучше опекающему ее Лемке...

Нотицблок звякнул. Пришло сообщение от Мюллера.

Власов дважды перечитал короткое послание.

"Книга князя – не ваша тема. Занимайтесь делом Вебера. Возможно вас пытаются сбить со следа. О."

Вот так. То есть ему ясно дают понять, чтобы он не лез в дела, связанные с книгой – и, надо полагать, архивом Шмидта... М-да.

С другой стороны, Мюллер уверен, что версия Фрау не верна и убийца Вебера не имеет отношения к книге. На самом деле уверен, а не делает вид. В конце концов, Власов – офицер, и прекрасно понимает, что такое прямой приказ; нет нужды водить его за нос, подбрасывая ложные версии.

То есть нет нужды у Мюллера, разумеется – а что касается кого-то другого... Фрау? Это самое очевидное, раз версию предложила именно она. И даже подкинула в качестве наживки Порцига. Каким может быть мотив? Ну, например, раскрыть руками Управления некий заговор в ее ближнем кругу, с которым не справляется Калиновский... возможно, столкнуть Управление с ДГБ, который наверняка досаждает Фрау больше, нежели спецслужбы Фатерлянда... Хотя не исключено, что и ее кто-то разыгрывает втемную...

А может быть, цель – просто подольше задержать Власова в Бурге? Либо чтобы он что-то нашел здесь. Либо чтобы не нашел это в другом месте...

Фридрих бросил очередной взгляд на часы. Пора было ехать на встречу с Гельманом.

Он поспешно оделся, на всякий случай проверил оружие и вышел в мутный полусвет бургского зимнего утра. Было пасмурно, но бесснежно; со вчерашнего дня заметно похолодало, и после того, как Власов торопливо забрался в салон "фольксвагена",

хваленый форсированный движок завелся лишь со второй попытки. Фридрих вновь пожалел об оставленном в Москве "BMW" – равно как и о том, что на свою петербургскую инфраструктуру Управление выделяет куда меньше средств, чем на московскую. Этот город, пусть и давным-давно лишенный столичного статуса, не следовало недооценивать...

И вот теперь, сидя в одиночестве за столиком над давно пустым бокалом из-под сока, он понимал, что мог бы не торопиться. А хотя бы еще почитать оперативные материалы по "Ингерманландии" или сделать еще что-то полезное...

Что, если версия Рифеншталь все же не лишена смысла? Мюллер считает иначе – и, очевидно, имеет на то основания – но Мюллер тоже может ошибаться. Может, похититель книги действительно хотел передать ее Веберу – но просто не успел? И действительно будет искать новый выход на Управление... против этой гипотезы, однако, говорило то, что во время прощального вечера у Фрау никто из присутствовавших – исключая все того же Гельмана – не попытался завязать контакт с Власовым (общефилософские споры, конечно, не в счет), хотя возможностей было достаточно. Хотя, может быть, просто побоялся делать это на глазах у хозяйки? Ну и как теперь облегчить застенчивому вору его задачу? Не обзванивать же по списку из досье, спрашивая "Вы ничего не хотите мне предложить?" Или, скажем, дать объявление в местные газеты – "Покупаю букинистические раритеты, имеющие отношение к старой германской аристократии", и подписатья – нет, не "Фридрих Власов", конечно, это было бы уж чересчур... хотя, кстати, как-то они подозрительно быстро тут узнали, кто он такой и кого представляет... подписаться "М. Исаев". Sapienti sat... Фридрих усмехнулся. И еще раз напомнил себе, что книга – не его тема. С другой стороны – он служит не Мюллеру, а Райху. Он, конечно, не пойдет против приказа, если не будет твердо уверен, что его шеф... об этом не хотелось даже думать... но будет держать ухо востро. И не станет отворачиваться от информации, если она поплывет к нему в руки или хотя бы окажется в пределах досягаемости...

Так, он сидит здесь уже сорок минут. Это уже совершенно ни в какие ворота, даже для России. Номер Гельмана по-прежнему не отвечал. Власов решительно поднялся. Официант, на сей раз наряженный под мексиканца, заскользил ему навстречу.

– Уже уходите?

– Да. Сколько я вам должен за сок?

– Это за счет заведения. Членам клуба бесплатно.

– Хорошо. Если господин Гельман все-таки появится, – Фридрих нехотя протянул официанту свою "мессершмитовскую" визитку, – пусть позвонит по этому телефону. И еще передайте ему... Ладно, – махнул рукой Власов, укротив свой гнев. – Просто пусть позвонит.

Он вышел на улицу, сел в машину, пристегнулся, завел мотор. Когда он выезжал со стоянки, в кармане Фридриха внезапно запела "Катюша". Неужели Гельман все-таки вспомнил о встрече? Разминулись буквально на пару минут? Пусть теперь подождет – не останавливаться же, перегораживая выезд. А потом он выскажет галерейщику все, что тот заслуживает... И еще, подумал Власов с растущим раздражением, мелодию целленхёрера все-таки надо сменить. Дома, в Дойчлянде, она казалось ему всего лишь безобидной забавой, но здесь, в России, он вдруг остро почувствовал, насколько неуместна эта пошлая и безвкусная песенка, звучащая из целленхёрера имперского офицера. От нее за километр смердело Арбатом с его матрешками, балалайками и большевицкими знаменами. Песенка-

то, между прочим, большевицкая. О нет, конечно, политики в ней не больше, чем в той же "Лили Марлен", и в запрещенных она никогда не значилась – но все равно, написана она большевиками и пользовалась у них большой популярностью. Да и содержание... Фридрих никогда не интересовался, что там после первого куплета – знал лишь, что ничего противозаконного – но ведь наверняка какая-нибудь любовная дурь, как и в "Лили Марлен". Нет уж, к черту эти игры в маленькие славянские слабости, давно пора поставить что-нибудь другое – хоть ту же "Fliegerlied"...

Все эти мысли мелькнули в голове Власова, пока он сдавал задним ходом и вытаскивал из кармана трубку. Но номер, высветившийся на экранчике, был не Гельмана. Так, стало быть, фрау Галле все-таки узнала о случившемся в Берлине и кинулась звонить ему. Хотя он ясно дал ей понять, чтобы в случае каких-либо проблем звонила Лемке, ибо сам он в ближайшие дни не сможет прийти ей на помощь при всем желании... Заранее готовясь услышать женскую истерику, Фридрих нехотя поднес трубку к уху и нажал на кнопку.

– Guten Tag, Friedrich, – сказал совершенно другой голос. Власов слышал его в третий раз в жизни, и всякий раз не напрямую, а из динамика. Но на сей раз этот голос говорил на хорошем дойче, без всякого англо-китайского жаргона. Говорил таким тоном, каким свой объясняется со своим, когда больше нет нужды в масках. Впрочем, нагловатая блатная издевочка из этого тона так и не ушла.

Фридрих остро пожалел, что все это происходит в России. Получи он такой звонок в Дойчлянде – тут же, не обрывая связь, набрал бы на целленхёрере короткую последовательность, и аппаратура оператора мобильной связи получила бы команду отслеживать, откуда идет сигнал. К концу разговора, особенно если удастся его затянуть, местоположение абонента можно было бы определить достаточно точно, даже если тот едет на машине. Но российским телефонистам дойчские спецкоманды не указ. Здесь потребовалось бы обращаться в крипо или ДГБ с просьбой поставить на прослушку его собственный телефон – что, конечно же, Фридриху категорически не было нужно, да и, в любом случае, все это надо было делать заранее. Теперь, конечно, тоже кое-что можно будет вычислить post factum, как вычислили Грязнова – но звонившего наверняка уже к тому времени там не будет... Что ж, хорошо по крайней мере то, что можно включить запись разговора.

– Чего молчишь? – продолжал голос на том же языке, выждав короткую паузу. – Язык проглотил от радости, что слышишь старого друга? Ну, скажи уже что-нибудь, не томи, мой милый.

Если Спаде рассчитывал, что это педерастическое обращение выведет собеседника из себя, то он, разумеется, просчитался. Однако отмалчиваться дальше и впрямь не имело смысла. Равно как и задаваться вопросом, откуда Спаде узнал его номер. Если в руках у бандита трубка Галле, очевидно, там же и ее владелица... Лемке, чертов маленький недоумок! Все-таки проворонил!

– Кто вы такой и что вам от меня надо? – холодно произнес Власов.

– Не притворяйся, Фридрих, – откликнулся Спаде удовлетворенно, как видно, получив последнее подтверждение своих подозрений. – Я твой голос еще там, в подземке, хорошо запомнил, да и ты мой, думаю, тоже. Должок за тобой – припоминаешь?

– Хорошо, Матиас, – выдохнул Власов, давая понять, что и ему кое-что известно о собеседнике. – Поговорим, как деловые люди. Но прежде объясни, как ты меня нашел.

Последнюю фразу он постарался произнести тоном плохо скрываемого испуга.

Возможно, спрашивать врага напрямую и рассчитывать на честный ответ – это наивно. Но только не с такими, как Спаде. Он пижон и позер, и едва ли упустит возможность продемонстрировать превосходство над противником, показав собственную проницательность.

– Много будешь знать – не успеешь состариться, – хохотнул в трубку дуфан, но тут же, однако, продолжил: – Баба твоя тебя в таких красках расписала – никакого Райхенбаха не надо.

– Это я понимаю, – ответил Фридрих все тем же тоном: волнение, плохо маскируемое под хладнокровие. Тем более что играть ему приходилось не так уж и сильно – его сердце и впрямь билось чаще обычного. Вот только чувство, владевшее им, было не страхом, а странной смесью досады и охотничьего азарта. – Но словесное описание, составленное непрофессионалом, стоит недорого, – то, что там, в подземке, его не сфотографировали, Власов уже понял. – О нашей встрече она ничего не знает, а Фридрихов в Москве не так уж и мало.

– Но среди них куда меньше тех, что недавно прибыли из Берлина, – почти снисходительно пояснил Спаде, – а среди тех совсем мало интересующихся штриком.

Так, понял Власов. Значит, на журналистку Спаде вышел не случайно, а именно разыскивая его, Фридриха.

– Обидел ты меня тогда, Фриц, – не замедлил подтвердить его предположение дуфан, – но и заинтересовал. Сколько лет в этом бузинесе, а такого, как ты, не видел. Будь ты простой панту, стал бы я с тобой разговоры разговаривать? Послал бы пару ребят, и дело с концом.

"Ну ты не очень-то хорохорься – найти номер моего телефона еще не значит найти меня, это не говоря уже обо всем прочем", – подумал Власов, но вслух ничего не сказал: птичка начала распеваться, и мешать ей не стоило.

– Чего примолк? – тут же осведомился Спаде, словно почуяв звериным чутьем мысли Фридриха.

– Внимательно тебя слушаю.

– Ну слушай, слушай. Глядишь, чего интересное услышишь. Рассказать тебе, мой дорогой Фриц, кто ты такой и зачем приехал?

– Сделай одолжение.

– Ты меня про штрик расспрашивал вовсе не потому, что хотел его купить. А как раз даже наоборот. Ну как, интересно?

– Очень, – ответил Фридрих, даже не кривя душой.

– Зачем бы это берлинцу ехать в Россию за штриком? За штриком надо в прямо противоположном направлении, это всякий знает. И уж тем более не в Москву. В Москве этой дряни нет, и серьезным людям это хорошо известно. А ты ведь серьезный человек, да, Фридрих? Во всяком случае, на простого сукера не похож. То есть похож, конечно, но ровно до той степени, чтобы было ясно, что ты не джин, – из Спаде все же полез "профессиональный" лексикон. – Джин бы под блатного стал косить, а ты даже не пытался. В подземку ты полез, конечно, не от хорошей жизни. А потому, что бабу твою прихватили вместе с товаром. А у тебя выхода на ее контакт здесь не было. И, учитывая местные законы, на свободе ты ее в ближайшие тридцать лет увидеть не надеялся. Вот ты и решил сам рынок прощупать, да, глядишь, на нужных людей выйти... Не получилось, бывает. Но потом твою бабу вчистую отмазали. И к кому она побежала в первую очередь? Ба! Да к моему же старому другу Андрюше Грязнову! А я его как раз в это время стал

разыскивать. У нас с ним, видишь ли, возникли разногласия по экономическим вопросам. И окрепло у меня подозрение, что Андрюша вместо того, чтобы их порешать, стал на сторону от меня коситься и старым другом брезговать ради новых. А мне такое отношение, сам понимаешь, обидно. Прямо-таки смертельно. Хотел я с ним по душам потолковать, а он в бега ударился, дурачок. Ну я его приятелей-придурков расспросил, с кем он в последнее время якшался. И про кого они мне рассказывают? Да про бабу придурочную из Берлина, которую в аэропорту взяли. Я про нее уже слышал, да, признаться, думал – глупость какая-то, кто же бабам серьезные дела доверяет? Ладно, расспрашиваю уже про эту бабу – чую, рядом с ней еще кто-то ошивается... И про кого они мне тогда рассказали, как ты думаешь? Вот тут уже мне окончательно интересно стало... Ну как, понравилась история?

– Если, по-твоему, я привез товар из Берлина, то зачем впутывать Франциску? Почему я не сделал это сам?

– Да очень просто, – усмехнулся Спаде. – Баба, да еще с ребенком – она дура, меньше шансов, что подумают, и фокус с лекарством, опять-таки – у тебя-то нет справки о диабете. Только тут ты перестарался – она повела себя так глупо, что даже ты не ожидал. И вез ты, конечно, не сам товар. Кто ж сразу товар везет. Ты вез образцы. И подозреваю – не все они русским джинам достались, раз ты сразу отсюда ноги не унес... Так ведь, мой милый Фриц?

– Что ты хочешь? – сумрачно спросил Власов.

– Во-от, наконец, правильный вопрос, – протянул дуфан. – А то все шла у нас какая-то, извиняюсь, беллетристика... Чего я хочу? Ну во-первых – должок с тебя получить. Ты человечка моего ни за что кильнул, припоминаешь? Мне за это компенсация причитается.

– Сколько?

– Сто пятьдесят.

Фридрих беззвучно усмехнулся циничному юмору бандита. Юмору, понятному для посвященных. Сто пятьдесят тысяч марок единовременно выплачивалось семье офицера имперского спецназа в случае его гибели при исполнении служебных обязанностей. Вот только родне Спаде никогда уже этих денег не получить.

– Что во-вторых? – спросил Власов вслух.

– Ты не торопись, мы еще с "во-первых" не закончили. Сто пятьдесят – это за убитого, а за моральный ущерб мне, по-твоему, ничего не причитается? Так что с тебя, для круглого счета, еще триста пятьдесят.

– Не дороговато ценишь свои обиды?

– А дойчская честь – она, Фриц, дорогого стоит. Тебя этому в твоей берлинской школе не учили?

"И эта мразь еще смеет рассуждать о дойчской чести! – подумал Власов. – Ну, попадешься ты мне..."

– Переходим к пункту "во-вторых", – продолжал бандит. – Мне нужен Андрюша. Пока живым. Не люблю тех, кто бросает старых друзей. Да и тебе с ним дела вести не резон. Кто меня подвел, тот и тебя подведет. Просто скажи мне, где он. Об остальном я позабочусь.

– Я бы и сам не прочь узнать, где он, – усмехнулся Фридрих.

– Уж ты постарайся. И побыстрее. Я ждать не люблю.

– Ты не понял? Я действительно не знаю, где его искать. Если у тебя есть какие-то

идеи – подскажи, я возьму на себя их проверку.

– А что тебе еще подсказать? Как себя в гостях вести, чтобы хозяев не обидеть? Теперь это твои проблемы, Фриц. Пункт "в-третьих". Раньше речь шла о том, что мне нужно. Теперь о том, что мне не нужно. Мне не нужен штрик в Москве. Совсем.

– Даже если он пойдет через тебя? – сымпровизировал Фридрих.

– Ты родной язык понимаешь? Я сказал – совсем. Абсолютели.

– Почему?

– Во-первых, штрик – это западло, если ты в своем Берлине еще не в курсе. А во-вторых, мне тут ни к чему дестабилизация рынка. Есть, Фриц, такая наука – экономика...

– И чего ты от меня хочешь? Честного райхсюгендского слова, что штрика в Москве не будет?

– Нет, конечно. Я ж понимаю, сейчас ты мне что хошь пообещаешь, а потом... Долговременные гарантии требуют долговременных интересов. И я хочу, чтоб ты понял и компаньонам своим передал – у тех, кто попытается сбывать штрик в Москве, будут большие проблемы. Когда бы вы сюда ни сунулись. Это если по-плохому. А если по-хорошему, то вполне можно обсудить разные варианты. Россия – страна большая, соображаешь? Но это потом. Сначала нам надо уладить пункты один и два.

– Сначала поумерь свои аппетиты.

– Фриц, ты дурака-то не валяй. Ты тут, конечно, хорошо разыгрывал нордическое спокойствие, но ты ведь понимаешь, что твои баба и пацан у меня. И что именно с ними будет, если мы не договоримся. Только не надо мне рассказывать, что они тебе были нужны лишь как прикрытие для образцов, а вообще тебе на них плевать. Франциска эта твоя – глупая курица. Бабы – они, конечно, все дуры, но эта – в особенности. Бойкая, правда – сначала завизжала, как резаная, а потом пистолетиком меня пугать пыталась... ты бы ее научил, что ли, с предохранителя-то снимать... Но для дела ты мог бы кого и получше найти, даже с диабетом. Значит, что? Значит, у тебя к ней и личный интерес имеется. Оно, может, кому и странновато – свою бабу, да еще с ребенком, под такой риск подставлять, ну да я в чужие сексуальные отношения не лезу. Я в этих вопросах, знаешь ли, придерживаюсь широких западных взглядов.

"Да уж знаю!" – хотелось съязвить Власову, но он все же промолчал.

– Может, ты считаешь, что баба свой кусок хлеба с маслом тоже не только в постели зарабатывать должна, – продолжал философствовать Спаде. – По мне, кстати, правильная точка зрения. Опять же, не будь она тебе теперь нужна, зачем бы ты приставил человечка за ней глядеть? Твой ведь это человечек, признайся. Я сначала думал – джин, но джин бы и от нее хоронился, а этот в открытую ее пас. Только просчитался ты, Фриц. Нет, его я трогать не стал – видишь, какой я пока что добрый... А просто он у тебя по ночам спать любит, ну а я не гордый, я и ночью в гости зайти могу... Ты бы, кстати, слышал, в каких выражениях она тебя расписывала и умоляла, чтоб я тебе позвонил. Ты, наверное, за всю жизнь от нее таких комплиментов не наслушался. Уж как она заверяла, что ты все сделаешь, чтобы их спасти... Или, может, она все-таки врала? Может, я ошибаюсь, Фридрих, и тебе в самом деле на них плевать? Так ты только скажи, и я их прямо сейчас на куски порежу, и тебе послушать дам. Начну, пожалуй, с пацана. Так как?

– Ребенка не трожь, – весьма натурально скрипнул зубами Власов. – Он-то тут вообще ни при чем.

– Воистину. Так что будет ужасно жаль невинного малютку. Ты учти, Фриц, – из голоса разом исчезли дурашливые нотки, – я с тобой шутки шутить не намерен. По

поискам Андрюши, так и быть, могу дать небольшую отсрочку, если ты и впрямь не знаешь, где он – хотя в твоих же интересах это дело не затягивать. Но деньги должны быть у меня к концу этой недели. Это не обсуждается. Или – или.

– Ты в своем уме, Матиас? Где я тебе за три дня возьму полмиллиона марок?!

– Если б я знал, где – сам бы взял, тебя не дожидаясь, – хохотнул бандит. – Впрочем, полагаю, твой бузинес – штука доходная. Наскребешь, подзаймешь – уж как-нибудь. Да хоть банк ограбь, мне все равно.

– Это невозможно, – твердо сказал Власов.

– Ты, кажется, меня не понял...

– Нет, это ты меня не понял! Я не сказал "трудно", я сказал "невозможно". Это значит, что этих денег ты не получишь, кого бы ты ни убил. Собственно, если убьешь, то уж тем более ничего не получишь. То есть "ничего" – это в смысле денег. А вот проблем получишь по самое никуда, это я тебе обещаю. Притом, что они у тебя уже есть. Ты ведь тоже в подземку полез не от хорошей жизни?

– Ладно, остынь, – сдал назад Спаде, сообразив, что и впрямь рискует перегнуть палку и остаться ни с чем. – Не будем горячиться, тем более из-за бабы. Будем делать дела, как подобает мужчинам... (Фридрих брезгливо скривился, памятуя, какого рода мужчиной является Спаде.) Я верю, что полмиллиона тебе сразу не собрать. Но уж первый взнос в сто тысяч должен быть у меня в воскресенье... даже не так – к 15:00 субботы. Ты же не юде, в субботу поработать не откажешься? Только не говори мне, Фриц, что тебе и сотню достать неоткуда. Не разочаровывай меня. Я очень не люблю, когда меня разочаровывают.

– Сотню я постараюсь достать, но, что касается остального...

– Об остальном поговорим, когда будет первый взнос. Может, я от большой доброты тебе какую скидку и сделаю, особенно если Андрюшу мне найдешь. Но если в 15:00 субботы у меня не будет твоей сотни тысяч, в 15:01 у мальчишки не будет головы. Я знаю, он тебе не сын, но все равно такое тебя вряд ли порадует. Ты уж извини, но я – человек деловой, разводить обычную канитель и начинать с пальцев мне некогда... Усек?

– Допустим. Как мне с тобой связаться для передачи денег?

– А ты не суетись. Когда надо будет, сам с тобой свяжусь. Ну все, время пошло, – в трубке щелкнуло, и зазвучали гудки отбоя.

Власов немедленно вызвал из памяти целленхёрера номер Никонова. Однако вместо майора в трубке откликнулся женский голос автомата, сообщивший о временной недоступности абонента. По каким таким подземельям он лазит? Впрочем, хорошо еще, если все дело просто в подземельях... Есть, конечно, и другие номера телефонов, вплоть до стандартного полицейского "110". Но эту информацию он хотел отдать именно Никонову. Отдать – и кое-что получить взамен.

Ладно, может, в ближайшие минуты майор все же объявится. Скверно, что уходит время, но зато перед разговором можно лишний раз обдумать ситуацию.

Итак, Спаде принял его не за полицейского, а за "коллегу", пытающегося наладить поставки штрика в Москву. Это вышло удачно... хотя, если вдуматься, вполне логично. Поведение Власова в подземке совершенно не походило на поведение полицейского агента. Тот не стал бы обрывать переговоры на середине и открывать стрельбу, а, напротив, заплатил бы заранее выделенные начальством деньги и постарался бы вызнать все подробности о бургских дуфанах. И, кстати, не исключено, что Спаде и впрямь выложил бы все, что о них знает, даже подозревая, что имеет дело с полицейским – ибо

ликвидация торговцев штриком в его интересах, а если на этом попутно можно подзаработать, то и тем более. Рассуждения о воровской чести – это все для слезливых блатных романсов. А почему, кстати, Спаде так не нравится штрик? "Западло" – это, конечно, не объяснение. То есть вообще-то уголовники представляют собой самый низший и вырожденческий слой общества, а потому их псевдокультура весьма близка к псевдокультуре дикарей, строящейся на системе ритуалов и табу. Кажется, этой теме посвящена одна из ранних работ Лихачева, написанная после освобождения из большевицкого лагеря... Но Спаде умнее среднестатистического бандита – да и среди главарей других фанду наверняка есть образованные. Что он там плел про рынок? Ну ясно – благодаря жестким законам Райхсраума рынок наркотиков очень узок. Он не может безнаказанно вместить еще один товар. Новый наркотик может прийти на него, лишь потеснив старые – для чего у штрика, учитывая его потребительские качества, есть очень неплохие шансы. А не все ли равно наркоторговцам, какую дрянь продавать? Нет, не все равно. Традиционные наркотики имеют низкую себестоимость и идут главным образом из Средней Азии и самой России – то есть сеть их поставщиков контролируется российскими криминальными кругами. Штрик – совсем другое дело. Его точная рецептура в Райхсрауме неизвестна, поставщики находятся в странах атлантистского Запада и никак не подконтрольны российским дуфанам; кроме того, штрик весьма недешев в производстве, плюс высокие транспортные издержки, связанные с необходимостью доставлять наркотик извне Райхсраума. Таким образом, российские наркоторговцы, "подсевшие" на штрик, окажутся в такой же рабской зависимости от западных поставщиков, как их клиенты – от них самих, и вдобавок сильно потеряют в прибылях. Вероятно, именно это, а вовсе не особенности поведения подштрикованных – главная причина, по которой штрик был объявлен табу большинством русских бандитских "королей". Пограничный Петербург с его портом, куда заходят суда в том числе и атлантистских стран, и большим наплывом западных туристов – очевидно, чуть ли не единственное исключение. Но дальше штрику хода нет.

Однако Спаде находится в отчаянном положении – настолько, что, сам того не желая, постоянно проговаривается об этом. Деньги нужны ему срочно, это очевидно. Так что он, наверное, рискнул бы связаться и со штриком – но его банда сейчас слишком ослаблена, и войны с другими криминальными группировками ему не выдержать. Особенно учитывая, что его отношения с ними и без того далеки от радужных. Посему он вынужден выступать блюстителем "воровского закона"... но как именно? Постоянно подчеркивая, что штрика не должно быть в Москве – но не в "большой России". Тут он, напротив, готов предложить свои услуги посредника – и лучше всего, конечно, монопольного посредника – по переправке штрика через Москву вглубь страны. Обрушение тамошних наркотических рынков его, естественно, не заботит.

Но, кстати, не слишком ли длинной получается цепочка? Учитывая изначальную дороговизну штрика и тот факт, что конечная цена не может быть запредельной – лишнему посреднику достанутся жалкие крохи, да и для продавца, коим Спаде считает Власова, этот посредник воистину лишний... Что-то тут не сходится. Либо дуфан считает Фридриха совсем уж "сукером" (Власов догадался, что это слово происходит не от русской суки, а от английского sucker), либо – Фридрих ощутил в животе приятный холодок озарения – либо изготовителем! Не звеном в цепи, тянущейся из Атлантического блока. А тем, кто нашел способ производить штрик в самом сердце Райха. И притом – дешевый способ. Если бы такой человек – или группа людей – действительно появились, у

них был бы прямой резон штурмовать со своим товаром Россию, невзирая даже на сопротивление местных фанду. Собственно, Россия в этом случае – оптимальный рынок сбыта: она велика, порядка в ней все же меньше, чем в Фатерлянде, а доставлять в нее наркотик легче, чем за пределы Райхсраума (где, кстати говоря, и местные криминальные группировки куда могущественней). И ожидаемые барыши настолько велики, что вполне окупают помощь какого-нибудь Спаде – и в самом деле весьма небесполезную для чужаков из Дойчлянда. Так что бывший спецназовец, считающий себя очень умным, недаром норовит пристроиться к этому делу. Тот факт, что при этом он вымогает деньги у своего потенциального партнера, грозя убить заложников, его ничуть не смущает. Ведь, по "воровским понятиям", он лишь поступает по справедливости – пришелец из Берлина нанес ему незаслуженную обиду первым и должен за это заплатить. Собственно, для человека его типа Спаде разговаривал со своим обидчиком почти что дружески – даже выразил недвусмысленную готовность снизить сумму выкупа, хотя, разумеется, насчет первого взноса он ничуть не блефовал. Очень хорошо, что игра в фальшивое спокойствие удалась – бандит и впрямь поверил, будто старшая и младший Галле представляют для Фридриха ценность. В итоге он заглотил сразу два крючка – обещание денег сейчас и перспективу сотрудничества потом. Будем надеяться, большой дуфан уже не успеет с них сорваться, и его ждет двойное большое разочарование, которые он так не любит...

Но что, если... – эта мысль была словно контрастный душ на фоне предыдущей – если в своих рассуждениях Спаде прав? До сих пор Фридрих полагал, что наркотик, подброшенный фрау Галле, был не более чем чьей-то провокацией, скорее всего, с политическими целями. Но что, если дешевый германский штрик и впрямь существует, и незадачливая журналистка, сама того не подозревая, действительно должна была доставить в Москву его образцы? Тогда ее романтическая поездка на "Запорожце" с Грязновым обретает совсем иной оттенок – хотя, конечно, Грязнов не мог не понимать, что после тюрьмы никаких образцов у нее уже нет...

Власов еще раз проверил телефон Никонова. Абонент по-прежнему был недоступен.

Итак, Грязнов. И, кстати, его свободолюбивые соратники, коих Спаде именует придурками – надо сказать, не без оснований. Понимали ли они, с кем говорят, когда дуфан их расспрашивал? Или им достаточно было знать, что это "друг Андрея"? Вероятнее, все-таки, второе. Большинство из них, любящих порассуждать о легализации наркотиков и гуманном отношении к преступникам, реальных наркоторговцев и убийц, скорее всего, все же чураются. Кто из моральных соображений, кто из банального животного страха. Нет, едва ли они много знают, хотя, в любом случае, как следует перетряхнуть их не помешает, хотя бы для острастки. Грязнов – другое дело. Предположим, он действительно закладывался на то, что приезд Галле позволит ему рассчитаться со Спаде. Возможно, под это дело он даже залез в долги перед компаньоном еще глубже. Но – не выгорело. А Спаде, разумеется, ждать не согласен, тем более что и сам находится в похожей ситуации. Грязнов в панике бежит в Петербург, надеясь достать нужную сумму там. Как и у кого он может добыть быстро и много? Ответ напрашивается. У бургских торговцев штриком, мечтающих проникнуть на запретный для них московский рынок. Контакты с ними Грязнов, надо полагать, завязал еще в свои прошлые визиты в город на Неве – но до сих пор отвергал их заманчивые предложения, не то из брезгливости, не то из трусости. Однако теперь решил, что терять ему уже нечего... А ведь, если Грязнов объявился в Бурге утром 9 февраля, то он здесь уже шестой день. Мог

уже обделать свои дела и вернуться. Но нет, раз он все еще не рассчитался со Спаде, значит, переговоры с местными дуфанами оказались сложнее, чем ему бы хотелось. Или он все же до последнего надеялся найти другое решение, не связанное со штриком – но времени у него уже совсем не осталось...

Что еще? Галле. Ну, тут все ясно – узнать, где она живет, "другу Андрея" не составило труда. Припугнуть старуху – тем более; уж ей-то не было никакого резона рисковать жизнью ради журналистки и ее сына. Кстати, жива ли она вообще? Спаде об этом не сказал, очевидно, полагая, что Берта для Фридриха никакого интереса не представляет... Интересно, откуда у Франциски взялся пистолет? Уж наверное не от друзей по демократическому лагерю – неужели нашла в квартире? Хорошо хоть у нее хватило ума не рассказывать Спаде о своих подозрениях относительно истинного места работы Фридриха – а может, тот, по своему презрению к "бабам-дурам", не прислушался, зная, что уголовники нередко выдают себя доверчивым любовницам за секретных агентов. В любом случае, теперь ей остается надеяться лишь на то, что Спаде возьмут прежде, чем истечет срок его ультиматума...

Целленхёрер зазвонил снова. У Фридриха мелькнула совершенно идиотская мысль, будто Спаде каким-то образом догадался, что ему не собираются платить выкуп. Но это оказался не Спаде, а Никонов.

– Слушаю вас, – сказал майор вместо приветствия. Очевидно, оператор его мобильной связи сохранял информацию о звонках, которые не удалось передать, и пересылал их абоненту, как только тот вновь появлялся в зоне действия сети. Весьма полезная возможность.

– Что нового по Грязнову? – осведомился Власов.

– Работаем, – откликнулся Никонов недовольным тоном отвлекаемого по пустякам человека. – Я же обещал, что мы дадим вам знать, как только его возьмем. Это все, что вы хотели узнать? Прошу меня извинить, я сейчас сильно занят.

– Нет, не все, – спокойно возразил Фридрих. – И не все, что хотели узнать вы. Мне только что звонил Спаде.

Двухсекундная пауза.

– Вам лично? – тон Никонова стал уже совсем другим.

– Да.

– С какого номера?

Фридрих продиктовал номер целленхёрера Франциски.

– Подождите минуту, мне нужно распорядиться...

Через две минуты Никонов позвонил снова.

– Вы записали разговор? – продолжил распросы он.

– Конечно.

– Уверены, что это не подделка?

– Абсолютной уверенности в нашей профессии не бывает, – с усмешкой процитировал Фридрих, – но, скажем, процентов на 98 – да. Он захватил Франциску Галле и ее сына и убьет их, если не получит выкуп. Но это – не самое интересное.

– Мне нужна копия этой записи.

– Разумеется. И вы ее получите. Всегда готов помочь братской организации. В том числе – личным участием в деле Грязнова.

Майор думал секунды три, затем сдался:

– Хорошо. Вы сейчас в Бурге?

– Да.

– Сможете подъехать на улицу Юденича?

– Да. Куда именно?

– В самый конец, до Кронштадской.

– Сейчас сверюсь с картой... Если не будет пробок и не случится ничего непредвиденного, я могу быть там через пятьдесят минут. Устроит?

– Хорошо. Буду ждать.

Дороги, по причине буднего дня и бесснежной погоды, были свободны, даже перед мостом через Обводный канал не выстроилась вяло ползущая очередь, и Фридрих подумал, что прибудет на место с большим запасом. Однако до Кронштадской он так и не доехал.

"Катюша", сменить которую у Власова так и не дошли руки, пробудилась к жизни, когда "Фольксваген" мчался между бетонными заборами промзоны вокруг Путиловского завода.

– На следующем светофоре поверните налево, – распорядился Никонов. В первый миг Фридрих удивился такой осведомленности – он был уверен, что хвоста за ним нет – но затем вспомнил о полицейских камерах наблюдения. Как видно, в рамках охоты на Грязнова Никонову удалось получить к ним оперативный доступ.

– Припаркуйтесь возле семиэтажки справа и заходите в первый подъезд по направлению движения, – продолжал инструктировать майор после поворота. – Дальше сами поймете.

В темный, провонявший кошками подъезд Власов нырнул не без колебаний – для засады место было исключительно подходящим. Внутри, однако, никого не оказалось. Фридрих несколько секунд постоял, привыкая к сумраку и не вынимая на всякий случай руки из кармана. Так, что он тут должен увидеть? Указатель "Конспиративная квартира ДГБ – 3 этаж"?

Фридрих поднялся по короткому лестничному пролету к лифту. Ага, понятно. Подъезд-то проходной, за площадкой лифта – не только лестница наверх, но и еще один спуск. Через несколько секунд он был уже во внутреннем дворе и сразу же увидел стоявший почти напротив выхода бежевый "Ауди" с тонированными стеклами. Машина дважды мигнула правыми поворотниками, и Фридрих уже без колебаний направился к противоположной от водителя дверце.

– Извините за эти шпионские игры, – сказал сидевший за рулем Никонов, когда Фридрих уселся рядом с ним. На коленях у майора лежал уже знакомый Власову (а может, просто такой же) черный чемоданчик. – Но в последнее время вокруг наших интересов имеется нехорошая суета, а береженого, сами понимаете... Подключайтесь, – Никонов открыл чемоданчик и протянул Фридриху конец провода с разъемом, – послушаем вашу запись и заодно покатаемся.

"Ауди" отправился кружить по бургским улочкам и переулкам. Район был явно не из разряда престижных, типичная рабочая окраина.

– Похоже, Спаде перехитрил сам себя, – удовлетворенно констатировал майор, когда запись закончилась. – Вы не возражаете против передачи этой информации крипо?

– Нет, конечно, – пожал плечами Фридрих, несколько все же удивленный: он полагал, что дело полностью взято под контроль ДГБ. – Теперь, что у нас по Грязнову?

– Грязнова мы, в принципе, нашли. Но взять пока не можем.

– Почему?

– Видите ли... – Никонов поморщился, – это все разделение полномочий между ведомствами. Наркотики – это общеуголовное преступление, поэтому ими занимается крипо. В то же время, они подрывают безопасность государства, поэтому интересуют и ДГБ. Пока крипо оставалась в составе Департамента, здесь не возникало никаких противоречий. Но после реорганизации 85-го началась "здоровая конкуренция", то бишь бардак и перетягивание одеяла... В итоге после всех реформ у "тройки" конкретно по антинаркотической тематике остался, по сути, лишь аналитический отдел. Они отслеживают ситуацию, и не только в России, но следственной и оперативной работой не занимаются. Особенно в последние годы, когда действует установка, по мере возможности, классифицировать дела как уголовные, а не политические... Помимо этого, Департамент интересует наркоторговля и не сама по себе, а в связи с прочими нашими делами. В частности, все аспекты темы "наркотики и политическая оппозиция". Этим "тройка" занимается уже непосредственно и в полном объеме, и я в том числе. И с этой точки зрения Грязнов нам интереснее аполитичного Спаде, хотя в иерархии наркоторговцев второй, несомненно, куда более значимая фигура. Но он и ему подобные – это, в первую очередь, епархия крипо. В принципе, у нас нет особых претензий к их антинаркотическому отделу – во всей крипо это едва ли не самая прагматичная структура, менее всего склонная мешать дело и дурацкие межведомственные предрассудки. Но все же это – другое ведомство с собственными интересами...

– И как эти интересы препятствуют аресту Грязнова?

– Не то чтобы препятствуют. Просто они хотят провести собственную операцию, в которой Грязнову отводится роль живца. Хотят взять заодно и бургских дуфанов, которые явятся с ним на переговоры. И хотят, разумеется, сделать эту встречу как можно более представительной. У них есть агенты под прикрытием, которые сейчас работают в этом направлении. Все это, конечно, правильно, чем больше этой мрази удастся ликвидировать, тем лучше – но на то, чтобы все организовать, в том числе и не допустить раскрытия агентов после операции, нужно время, так что нам приходится ждать. Утешает, впрочем, то, что Грязнову тоже приходится ждать. Хотя вести из Москвы приходят нерадостные. Генерал, естественно, не оставил без внимания исчезновение своего водителя, сейчас там многие подняты на ноги...

Фридрих подумал, что майор рассуждает по принципу "главное – успеть сделать задуманное за оставшиеся дни, а после уже беспокойство генерала и все прочее потеряет значение". Им и самим в последнее время владело такое настроение, но с существенной поправкой: все потеряет значение, если НЕ успеть сделать то, что нужно. А если успеть – никакого такого особого счастья не будет, продолжится обычная жизнь с ее обычными проблемами... Но знал ли Никонов, до чего остаются считанные дни? Была ли у него хотя бы такая же рабочая гипотеза, как у Власова – или ничего, кроме смутного интуитивного предчувствия?

– Так где Грязнов и, кстати, как вы его нашли? – спросил Фридрих вслух. – Не волнуйтесь, я не буду пытаться взять его самостоятельно, – добавил он с усмешкой. – И сдавать его Спаде тоже не буду.

– Нашли достаточно просто, хотя рутинной работы было много. Нет, не через видеокамеры – он тут забрался в такие трущобы, где их практически нет... Но как я рассуждал? Грязнову для его переговоров необходим целленхёрер. Свой он в гневе расколотил, после чего в спешке бежал из Москвы, стало быть, вряд ли мог успеть приобрести новый в столице...

– Понятно, – кивнул Власов. – Вы взяли на контроль все целленхёреры, приобретенные и подключенные в бургских фирмах сотовой связи 9 – 10 февраля.

– На всякий случай и одиннадцатого, но это не понадобилось. Он действительно купил трубку сразу по прибытии. Дорогую модель, кстати – подобная публика быстро привыкает к роскоши и не может отвыкнуть даже тогда, когда от быстроты возврата долгов зависит жизнь... Образцы его голоса у нас были, так что рехнеранализ определил его с высокой достоверностью. Ну а послушав содержание разговоров, мы окончательно поняли, что не ошиблись.

Фридрих не стал спрашивать, откуда взялись образцы голоса, если в свое время у Грязнова не удосужились даже взять отпечатки пальцев. Наверняка в архивах "тройки" хранилась не одна запись демократических сходок. И таких, как посещенная Власовым, и более закрытых.

– И что в этих разговорах? – осведомился он.

– Если продраться сквозь все эвфемизмы, которые использует и он, и его абоненты, то картина получается следующая. Бургские дуфаны хотят пропихнуть в Москву штрик и готовы щедро заплатить тому, кто им это обеспечит. При этом, однако, они не станут иметь дело с кем попало. Грязнов сам по себе – слишком мелкая сошка для такого серьезного дела, поэтому он здесь как представитель Спаде. Его в этом качестве хорошо знают. Чего они не знают, так это того, что Спаде теперь сам за ним охотится. Грязнову везет в том, что связаться со Спаде напрямую сейчас затруднительно. Но это не все проблемы нашего бойкого юноши. Сами понимаете, местные дуфаны не могут дать ему сразу и товар, и деньги, ничего не получив взамен. Они готовы лишь предоставить ему штрик – причем сразу достаточно крупную партию – по очень льготной цене, насколько я понимаю, практически себе в убыток. Но для Грязнова и эта сумма сейчас неподъемна. В чем он, конечно же, не собирается признаваться продавцам штрика, дабы не демонстрировать, сколь непрочно его нынешнее положение. Соответственно, ему нужен быстрый кредит, получить который он может лишь у других бандитов. Надо сказать, кредиты в этой среде крайне непопулярны, здесь предпочитают рассчитываться сразу и наличными... но все же есть и свой подпольный рынок кредитных услуг. Проценты там, естественно, абсолютно грабительские. Причем заимодавцы заинтересованы в гарантиях не меньше, чем в легальной экономике – и понятно, что одна лишь жизнь заемщика гарантией служить не может. Репутация посланца Спаде тут не поможет, он и в Москве-то непопулярен, а для бургских кредиторов вообще никто, к тому же у них правило – работать непосредственно с клиентом, а не с посредниками. Зато тот факт, что на руках у заемщика будет крупная партия наркотика на продажу – это хорошая гарантия. Проблема в том, что она будет у него не раньше, чем продавцы получат деньги...

– Ясно, – кивнул Фридрих. – Преступники не доверяют друг другу, в результате получается замкнутый круг.

– Да. Вот в крипо и задумали через своих агентов свести все три стороны вместе. То есть кредиторы в открытую финансируют сделку по закупке штрика Грязновым, и в итоге полиция берет с поличным всех разом. Задумано красиво, но пока не получается. Почему против Грязнов, я уже сказал. Правда, он с каждым днем все больше нервничает, понимая, что у него нет выхода, так что эта проблема временная. Хуже то, что работающие по штрику дуфаны не хотят посвящать кредиторов в свои дела.

– Но ведь, если я правильно понял, дуфаны пока не знают, что Грязнову нужны чужие деньги?

– Не знают. Но, насколько я понимаю, один из агентов аккуратно прозондировал почву на предмет подключения к сделке третьих лиц, которые выступили бы как компаньоны Грязнова. Продавцы против.

– И что предполагается делать? – нахмурился Власов. – Вообще-то я хочу допросить Грязнова как можно скорее.

– По-моему, ясно, что делать, – пожал плечами Никонов. – Повышать ставки. Покажите мне бандита, который не согласится на что угодно ради денег.

– И если бы это касалось только бандитов... – пробурчал Фридрих.

– Лучше иметь дело с продажным врагом, нежели с идейным, – возразил майор. – Хотя циник сказал бы, что единственное различие между ними в том, что идейный стоит дороже. Но это отнюдь не всегда так, и за время своей работы я вполне в этом убедился. К сожалению. Мир был бы не только намного проще, но и намного комфортнее, если бы все в нем было так, как представляется циникам, вы не находите?

Фридрих покосился на него, раздумывая, стоит ли отвечать, или майор попросту дает выход нервному напряжению в пустопорожней болтовне. Но Никонов, похоже, и в самом деле ждал ответа.

– Возможно, что и так, – медленно признал Власов. – Но "проще" и даже "комфортнее" еще не значит "лучше".

– Будь вы циником, считали бы по-другому, – хохотнул Никонов. – В том-то весь и фокус... Ладно, вернемся к более практическим материям. У вас есть еще какие-нибудь новости? Возможно, не связанные с Грязновым?

Новости у Власова, конечно, были, но не из разряда тех, какими он собирался делиться с Никоновым. Фридрих покачал головой. Майор бросил на него недоверчивый взгляд, говоривший, что уже одно пребывание Власова в Бурге свидетельствует об обратном, но промолчал. Полминуты спустя он зарулил в очередной проходной двор и остановил машину.

– Пройдете через ту подворотню и увидите свой автомобиль, – напутствовал он Власова, который догадывался об этом и сам, ибо, по пилотской привычке, отслеживал все изменения курса. – Я позвоню вам, как только будут какие-нибудь новости. А вы, соответственно, сразу связывайтесь со мной, если вновь проклюнется Спаде.

– До вас бывает трудно дозвониться, – заметил Фридрих.

– А, это... Лично осматривал потенциальное место действия, – туманно пояснил Никонов, – Там такие перекрытия, что... Но все, что хотел, я уже посмотрел. Ну, удачи вам, Фридрих Андреевич.

– Вам также, – ответил Власов, с отвращением выбираясь из теплого салона на мороз. Петербургский холод особенно мерзок, мороз в нем сочетается с сыростью...

– Фридрих Андреевич! – окликнул его вдруг Никонов.

– Да?

– Вы извините, я задам вам очень глупый вопрос, но положение обязывает предусматривать любые... Вы ведь не собираетесь делать ничего неразумного из-за той женщины и ее ребенка?

Фридрих сперва уставился на него в изумлении, а потом рассмеялся от неожиданности.

– Можете быть спокойны. Уж на это у меня цинизма хватит.

Kapitel 45. 12 сентября 1953 года, день (по берлинскому времени), околоземное

пространство, борт космоплана "Норд" – 2 февраля 1991 года, ночь, Берлин, остров Шваненвердер, Инзельштрассе 20/22 (резиденция Райхспрезидента) .

В кабине стояла тишина. Деликатное гудение вентилятора, еле различимый скрип самописцев да тиканье часов – вот и все звуки.

По ту сторону многослойного стекла кабины тоже было тихо: там молчал Вельтраум. Мировое Пространство. Его Величество Космос.

Едва-едва, словно отсчитывая минуты, а не километры, ползла по циферблату стрелка указателя скорости.

– Сорок километров в час, – констатировал хауптман Нойман. – Как на вертолете.

– Скажи ещё – как на стоянке в ветреный день, – в тон ему отозвался майор Шук и начал осторожно отдавать штурвал от себя. В первые секунды ничего не происходило, затем звезды плавно поплыли вверх. "Норд" медленно и неохотно, но все же опускал нос. – Если не знать, что на самом деле это двадцать пять тысяч.

На высоте в сто тридцать километров воздух чрезвычайно разрежен, и все-таки он есть. И его сопротивления, как и было рассчитано, хватало, чтобы постепенно, виток за витком, уменьшать чудовищную скорость "Норда" и радиус его орбиты. До тех пор, пока космоплан, поначалу слабо и неуверенно, не сможет опереться на него крыльями, ощутить рулевыми поверхностями. Так, как обычный самолет ощутил бы при нормальном атмосферном давлении встречный поток на скорости 40 км/ч. Еще слишком мало, чтобы держаться, но уже достаточно, чтобы машина начала слушаться рулей.

Собственно, кроме как на рули, полагаться больше было не на что. Тишина в кабине объяснялась просто: самые мощные в мире реактивные двигатели молчали. Баки, вмещавшие девяносто шесть тонн топлива, были пусты.

Топливо – одна из главных проблем в космических полетах.

Стартовый комплекс был выстроен в Камеруне, вблизи экватора, где космоплан получает наибольшую фору за счет линейной скорости вращения Земли. Ракетный ускоритель разгонял уложенный на платформу "Норд" по трехкилометровой эстакаде (одиннадцать секунд вдавливающей в кресла пятикратной перегрузки и мыслей о том, что будет, если колеса не выдержат невероятной частоты вращения) и отстыковывался; собственные двигатели космоплана начинали работать уже в воздухе, на скорости почти в две тысячи километров в час. Но, несмотря на все эти ухищрения, горючего хватало лишь на то, чтобы вывести "Норд" на орбиту. Дальше десятитонный космический самолет превращался в планер.

Теперь, когда плотности воздуха хватило, чтобы перевести космоплан в пологое пикирование, скорость росла быстрее. На самом деле это была не истинная скорость – та, правда, тоже пока росла за счет спуска, но скоро должна была начать уменьшаться из-за торможения об атмосферу; индикатор же показывал рост приборной скорости, отражающей сопротивление воздуха. Но именно она и определяет аэродинамику.

Далеко внизу, заляпанное белыми кляксами облаков, проплывало атлантическое побережье США; можно было различить серое пятно смога над Нью-Йорком. В тридцатые доктор Зэнгер разрабатывал свой "Зильберфогель", впоследствии ставший прототипом "Норда", именно для орбитальных бомбардировок Америки. Во время войны проект был приостановлен – нужды фронта требовали более проверенных решений. Да и особого смысла в том, чтобы неприцельно сбросить с высоты в десятки километров единственную бомбу, не было. Тогда еще не было, в доядерную эпоху... Впрочем, теперь Райх покорял космос исключительно "во имя мира и прогресса". Вместо бомбового отсека

на "Норде" была увеличена емкость топливных баков. Все это не мешало, конечно, напичкать космоплан шпионской аппаратурой и посадить в пилотские кресла экспертов Люфтваффе, чей совместный боевой счет в небе Второй мировой перевалил за двести пятьдесят побед.

Шук нажал кнопку радиосвязи.

– Гнездо – Норд. Произвел сход с орбиты. Машина управляема, параметры в норме.

– Понял вас, Норд, – отозвался Центр управления в Трауэне. – Продолжайте снижение.

– Норд на прямой, механизация выпущена, к посадке готов, – дурашливо произнес Нойман, имитируя обычный доклад на глиссаде. – Полосу не наблюдаю – до нее восемь тысяч километров... – кнопку он при этом не нажимал: в Трауэне не очень ценили юмор на рабочем месте.

– Еще каких-нибудь сорок минут – и мы дома, – подбодрил его командир.

Приборная скорость доросла уже до ста пятидесяти, и Шук начал поднимать нос, уменьшая угол снижения. Если войти в плотные слои слишком круто, "Норд" попросту сгорит. В лучшем случае – рухнет в Атлантический океан. Слишком полого тоже нежелательно: они перемахнут базу, и садиться придется в Польше, а то и в России. Формально, конечно, дружественная территория простирается ныне аж до Владивостока, но диверсии и саботаж на восточных землях случаются даже теперь, через десять лет после Смоленского мира. Да и аэродромы там... "Норду", с его массой и посадочной скоростью под триста, никак не подойдет километровая полоска крошащегося асфальта.

Теперь оба пилота то и дело бросали взгляды на экран "вертикальной ситуации". Зеленая точка медленно ползла по разграфленному полю вдоль жирной расчетной кривой. Кривая отражала не траекторию космоплана, а его суммарную энергию, потенциальную и кинетическую – единственное "топливо" тяжелого планера. Пока что точка шла чуть выше кривой – хорошо, небольшой запас не повредит.

– Норд – Гнездо.

– Ответил Норд, – откликнулся Шук.

– Норд, дополнение по метео: с запада идет заряд, дождь с градом и шквалистый ветер. Но вы успеваете.

– Понял, – подтвердил по-уставному командир и, не удержавшись, добавил: – Обещали же "ясно" до конца недели!

– Вы же знаете этих синоптиков, майор, – руководитель тоже позволил себе неформальный тон. – Их обещания всегда сбываются, вопрос лишь в том, когда именно. Ничего, у вас хороший запас по времени.

– Да даже если б его и не было – и не в такую погоду сажали... – проворчал Шук. "Но не такую машину. И не без двигателей", – добавил он мысленно.

– Поэтому вас и выбрали для этой миссии. Райх верит в вас.

– Служу Фатерлянду. ("Интересно, они уже сообщили о нашем полете? Или будут ждать до последнего? Чтобы, если мы вдруг гробанемся, сделать вид, что никакого полёта не было...")

– Как какая-нибудь дрянь, так непременно с запада, – Ноймана не покидало шутливое настроение. – Кстати, очень может быть. Американцы что-нибудь взорвали, а у нас погода портится.

– Американцы больше не проводят ядерных испытаний во Франции, – напомнил

Шук. – Им, конечно, очень хотелось бы, чтобы радиоактивную дрянь и дальше сдувало в нашу сторону, но лягушатники уж больно настойчиво возражали.

Скорость перевалила за триста и продолжала быстро расти. Шук все круче задирал нос, наваливалась перегрузка. "Норд" продолжал снижаться, но шкала вариометра все быстрее крутилась вверх. В черном небе над горизонтом начала проступать синева, но космонавты не успели порадоваться ей: вариометр перескочил через ноль, и с сорокакилометровой высоты космоплан начал вновь уходить в Вельтраум.

Собственно, именно так, рикошетя от плотных слоев атмосферы, словно плоский камушек – от водной глади, и должен был облететь Землю "Зильберфогель": на разгон до первой космической и выход на полноценную орбиту ему не хватало тяги и топлива. Но, когда после войны работы по проекту были возобновлены, Райхспрезидент распорядился делать полноценный орбитальный космоплан, "а не французскую лягушку". Говорят, доктор Зэнгер тогда, позабыв про всякую осторожность, буквально на каждом углу брызгал ядом в адрес "тех, кто воображает, что может командовать наукой, как солдатами на плацу". Дитль на это якобы сказал: "пусть говорят что хотят, пока они делают то, что нужно". И ведь сделали же! Для "Норда" эти "лягушачьи прыжки" были вынужденной мерой на посадочной траектории: термозащита не выдержала бы непрерывного торможения в плотных слоях. Даже и сейчас, когда "Норд" вновь взмывал над планетой, чувствовалось, что в кабине потеплело.

Вертикальную скорость удалось погасить лишь на девяностокилометровой высоте; с вершины гигантской параболы космоплан вновь заскользил к Земле.

– Высоковато выровнялись, – заметил Нойман, глядя на зеленую точку, уползшую влево от идущей вниз кривой. Сколько раз они отрабатывали этот спуск на тренажерах. Целая комната размером с гимнастический зал, заставленная гудящими шкафами – рехнерами Цузе – обсчитывала параметры полета, и все же любая модель проще реальности. В особенности модель того, что еще никому и никогда не доводилось проделывать на практике.

– Ничего, в следующий раз подзадержимся в нижней точке, – ответил Шук.

И вновь невесомость сменялась перегрузкой по мере того, как космоплан буравил плотные слои. Плотные, конечно, лишь для его скоростей – для обычных самолетов это был бы почти вакуум. Человек здесь, в сорока километрах над Землей, погиб бы практически мгновенно...

420, 500, 580, 650 – теперь стрелка указателя скорости уже не казалась минутной. Теперь и секундной было бы за ней не угнаться. В кабине становилось жарко. Под комбинезоном противно потек пот. Нойман открыл было рот, но Шук уже начал плавно выбирать штурвал на себя. Космоплан устремился вверх, а зеленая точка почти отвесно скользила вниз – сила трения пропорциональна квадрату приборной скорости, поэтому на больших скоростях торможение происходит очень быстро. Но, когда точка пересекла кривую, "Норд" уже подходил к вершине параболы, на сей раз заметно более пологой. Внизу полуденное солнце весело плескалось в водах Атлантики, и уже видно было впереди побережье Эспаньи.

– Вписались, – удовлетворенно констатировал Шук.

– Без запаса, – заметил Нойман.

– В случае чего приберем тормоз.

И снова вниз, вниз, к земле – еще одна "лягушачья" горка, и потом уже сплошной спуск до самой базы, до скрытого в лесах у административной границы Польши

аэродрома Зеглернест, выстроенного специально ради этого проекта; в отряде между собой "гнездо стрижа" называли "гнездом Зэнгера". Это был сугубо внутренний жаргон – посторонним не положено знать фамилию Главного Конструктора...

Впрочем, "горка" предстояла ответственная. Не только потому, что от нее, как и от предыдущих, зависела жизнь космонавтов и судьба проекта – это уж само собой. Но и потому, что пролегала она над Францией. А значит, пройти следовало как можно ниже – не настолько, чтобы вызвать беспокойство атлантистских ПВО (бессильную злобу – сколько угодно), но и не так, чтобы полученные снимки пришлось разглядывать под микроскопом. Небо над большей частью Франции было безоблачным, снимки обещали получиться отличные. "Над всей Эспаньей безоблачное небо", – вспомнилось Шуку. Кстати, это и в самом деле было так.

Атлантисткая пропаганда утверждает, будто эта фраза стала сигналом для восстания фалангистов. На самом деле это, разумеется, чушь: фраза была обычной метеосводкой, звучащей в эфире солнечной Эспаньи раз триста в году. С тем же успехом "сигналом к путчу" можно считать фразу "В Мадриде восемь часов утра". Интересно, почему атлантисты, так кичащиеся своим "свободным демократическим мышлением", столь охотно верят во всякую чепуху? Или они думают, что иметь право "свободно мыслить" важнее, чем пользоваться им?..

Так, лишние мысли из головы вон. Приборная скорость растет, истинная падает. Еще немного продержаться на высоте в тридцать километров, откуда такой славный вид, не уходить вверх, но и не потерять слишком много скорости... Шук притопил рукоятку воздушного тормоза и передвинул ее в крайнее верхнее положение. Однако стрелка, показывающая положение тормоза, осталась внизу.

– Командир, мы уже под кривой! – обеспокоено крикнул Нойман, глядя на зеленую точку. – Убирай тормоз!

– Знаю! Не убирается! Давай свой! – Все управление дублировано, и есть надежда, что отказ в самом пульте, а не дальше...

– Дерьмо! То же самое! – Нойман потянул штурвал на себя. – Уходим!

– Подожди, – Шук удержал штурвал на месте. – Пройдем еще немного. У нас задание.

– Какое задание?! Не дотянем! Хочешь сесть под Парижем?

– Спокойно, хауптман! Еще раз вместе.

Они синхронно передернули каждый свою рукоятку – вниз, пауза, снова вверх. Безрезультатно. Зеленая точка пикировала вниз, отмечая стремительную потерю кинетической энергии.

– Пошли вверх, не дотянем!

– Пошли. С перегрузкой четыре, – Шук надеялся, что перегрузка заставит опуститься непослушный тормозной щиток, который сейчас, по идее, ничто не должно удерживать поднятым.

– Понял! – они взяли штурвалы на себя, на сей раз куда энергичнее, чем раньше. "Норд" вздыбился, как норовистая лошадь, тяжесть вдавила в кресла. Стрелка тормоза дернулась, но неуверенно.

– Пятерку! – крикнул майор. Еще одно движение на себя – и стрелка рывком стала на место. Но "Норд" мчался вперед с тангажом шестьдесят градусов – чуть ли не плашмя, тормозя собственным брюхом эффективнее, чем любым щитком. Пилоты плавно отдали штурвалы от себя, переводя машину в спокойный набор.

– Чуть на петлю не ушли, – выдохнул Нойман. По его лицу над кислородной маской катился пот. Возможно, не только из-за жары в кабине.

– На такой скорости петля не получится, – проворчал Шук. – Просто кувырнулись бы через хвост и покатились с небес кубарем.

– Сам знаю... Что делать будем? До Зэнгернеста теперь точно не долетим.

– Вижу, – майор неприязненно изучал зеленую точку. Сейчас она двигалась почти горизонтально – "Норд" опять набирал высоту в разреженном воздухе, и кинетическая энергия превращалась в потенциальную без больших потерь – но ясно было, что с расчетной кривой ей уже не встретиться. Уже и скорость была не та, и высота, и воздух не такой разреженный... – Значит, сядем на запасной, только и всего, – он нажал кнопку: – Гнездо – Норд. У нас отказ воздушного тормоза. Нам удалось его убрать, но мы потеряли скорость. Рассчитываю недолет примерно... сто пятьдесят километров. Жду указаний.

Командир отпустил кнопку и приготовился слушать. Сейчас ему сообщат вектор на аэродром и условия подхода. Но радио молчало.

– Гнездо, Гнездо, контроль связи... Клаус, попробуй ты. Отдал управление.

– Принял.

Шук, следуя инструкции, проверил разъем шлемофона. Естественно, тот оказался ни при чем. Нойман меж тем тщетно вызывал Трауэн и Зеглернест. Майор снова взял управление.

– Попробуй на аварийной частоте.

Глухо.

– Так, – произнес Шук, – все удовольствия сразу. Хорошо хоть радионавигация работает.

Радиокомпасы, действительно, исправно показывали направление на заданные маяки. Нойман уже достал из кармана на колене карту и разворачивал ее на своей стороне пульта. Затем в его руках появились циркуль и линейка.

– Где-то досюда, – он очертил дугу, не достававшую до Берлина. – Плюс-минус, в зависимости от ветра и разворотов.

Шук посмотрел, не забывая бросать быстрые взгляды на приборы. На карте, помимо прочего, обозначены были аэродромы с подходящим типом покрытия и длиной полосы, а также все их радиочастоты.

– На военные с отказом радиосвязи лучше не лезть, – решил майор. – Тем более на таком чуде, которое никто никогда не видел.

– Не может быть, чтобы им о нас не доложили, – возразил хауптман. – Нас ведут радары, и вообще...

– Всегда может найтись инициативный идиот, который сначала стреляет, а потом смотрит, в кого попал.

– Даже идиот сначала обязан поднять истребители. Не будут же они атаковать самолет со свастикой!

– Корпус обгорел, свастику могут не увидеть... Короче, идем на Ляйпциг-Халле. Полосы по три шестьсот, бетон, и расстояние подходящее – лишних вензелей нарезать не придется, – он снова вдавил радиокнопку: – Гнездо – Норд. Пересекаю границу Райха. Отказ радиосвязи. Принял решение садиться в Ляйпциг-Халле. Рассчитываю подход на... – он бросил взгляд на часы, – двадцать второй минуте.

"В случае отказа радиосвязи пилот должен... следовать на запасной аэродром, продолжая докладывать о своих действиях органам управления воздушным движением."

Очень разумное правило, актуальное и для учебного биплана, и для ракетного самолёта. Ибо, если не слышишь ты, это еще не значит, что не слышат тебя.

– А погодка-то не очень, – заметил Нойман, с неудовольствием глядя на затянутую облаками землю. – Не то что во Франции.

– Взялся же откуда-то этот дождь с градом... – ответил Шук и тут же мысленно обругал себя, что не подумал об этом раньше. До того, как они потеряли скорость, о движущемся с запада фронте можно было не волноваться – они должны были пройти высоко над ним и сесть до его прихода. Но теперь, похоже, у них роскошный шанс вляпаться в самое... это самое. Впрочем, дергаться все равно смысла нет. Можно бы попытаться отвернуть к югу, но они не знают, как далеко простирается фронт.

Шук, не сверяясь с картой – нужные значения он давно заучил наизусть – переключил частоту.

– Ляйпциг-Халле-подход – Норд. Космо... (Здесь следовало назвать тип воздушного судна, и майор на секунду запнулся. Космоплан? Если о них еще не сообщили по радио, гражданский диспетчер сочтет идиотской шуткой.) ...э... эксперимeтальный самолет. Планирую с нулевым остатком топлива и отказом радиосвязи. Рассчитываю посадку с прямой на полосе восемь.

Рыхлые белые облака сменились набрякшими тучами. Сверху, подсвеченные солнцем, они выглядели не так угрюмо, как с земли, но все равно симпатий не вызывали. И похоже, что космоплан и впрямь планировал в самый центр этой гадости. Но выбора не было – до другого аэродрома отсюда уже не дотянуть. Только бы внизу слышали. Или поняли по радарной картинке. Радиопеленг выведет на полосу и сквозь тучи, но он ничего не скажет о самолетах на полосе...

Запаса высоты и скорости еще хватало, чтобы пройти над аэродромом, оценивая обстановку и демонстрируя себя, развернуться и сесть обратным курсом. Но все это имело смысл лишь в ясную погоду. Шук заложил несколько виражей, сбрасывая скорость и высоту, и направил "Норд" в серую муть. Началась болтанка. Стекла кабины покрылись россыпью мелких капель.

– Четыреста, – докладывал высоту Нойман. – Триста пятьдесят. Триста.

"Норд" шел вниз под углом двадцать пять градусов. Штатный заход – отсутствие тяги можно компенсировать лишь крутой глиссадой. Но пикировать навстречу земле при нулевой видимости – не самое приятное занятие. Где же этот чертов нижний край?

– Двести. Сто пятьдесят...

Они вынырнули из туч на ста десяти метрах. Резкий порыв ветра пихнул их в сторону, и Шук довернул нос. Теперь он видел, что блестящая под дождем полоса свободна (кто из гражданских летает в такую погоду?) и что он впишется. Майор перевел кран шасси на "выпущено".

Но вместо подтверждающего доклада "шасси вышли" второй пилот вдруг закричал другое:

– Командир, индейцы! Пара "Мустангов", пять часов!

Только этого и не хватало для полного счастья! На посадке самолет наиболее уязвим. А тем более – самолет с неработающим двигателем и без вооружения... Где же зенитные пулеметы, черт их побери? Неужели на этом аэродроме нет ПВО?!

При этом Шук понимал, что никаких американских истребителей здесь быть не может, война давно кончилась... Но ведь вот же они, заходят сзади-справа! Уже рядом, уже можно различить полуголую девку, намалеванную на носу ведущего... Шука всегда

поражала американская способность превращать в пошлость все – войну, подвиг, смерть... и у оснований крыльев перемигиваются огоньки – это бьют пулеметы, и светящиеся трассы проносятся над кабиной, и деваться некуда, нельзя даже нырнуть вниз, потому что там уже земля, и не хватает, мучительно не хватает одной минуты, чтобы сесть, затормозить и выскочить – ну может же быть такое чудо, что в течение минуты он не попадет? нет, конечно, не может, три очереди вспарывают правую плоскость, и по тому, как начинает вращаться горизонт, майор понимает, что крыло оторвано, и сейчас будет удар...

Первый космонавт планеты Земля, генерал-оберст Люфтваффе, Райхспрезидент Вальтер Шук пришел в себя. В полной темноте, с отчаянно колотящимся сердцем. Шея и затылок были мокрые, в ногах запуталось одеяло. Часы на прикроватном столике светились, показывая пять без одиннадцати.

"Госпиталь? Я в госпитале? Нет, конечно, нет. Я в своей резиденции. Война кончилась сорок пять лет назад. Сейчас девяносто первый год... Опять этот дурацкий сон..."

На самом деле, сон был на удивление реальным, включая перегрузки. Тот, кто знаком с ними в жизни, способен ощутить их и во сне. Не так сильно, как настоящие – столь же приглушенными выглядят обычно приснившаяся боль или холод – но вполне узнаваемо. Отличался только финал. Никаких "Мустангов", конечно, не было. Их действительно нагнали два истребителя – причем еще раньше, когда "Норд" снизился до пятнадцати километров – но это были родные "мессершмиты". Покачали крыльями в знак приветствия и проводили до самого аэродрома. Как потом выяснилось, на передачу связь действительно работала. При посадке, правда, всё-таки случилась своя неприятность: перепутались стропы тормозного парашюта, и он так и не раскрылся, болтаясь сзади бесполезной тряпкой, пока космоплан скользил по мокрой полосе. Шук попробовал снова выпустить воздушный тормоз, и тот, как ни странно, вышел, но все же этого было недостаточно. И тогда он крикнул Нойману: "Открой дверь!" "Ты что, прыгать собрался?" – не понял Клаус. "Это тормоз, кретин!" – рявкнул он в ответ, с натугой распахивая навстречу воздушному потоку дверь со своей стороны. Насколько способны две двери кабины, открытые и поставленные на фиксатор, уменьшить скорость десятитонной махины? Наверное, не так, чтобы очень сильно, но все же способны. С полосы они, правда, все-таки съехали, но в забор ткнулись очень мягко, не повредив ни его, ни себя.

Конечно, в кинохроники этот финальный тычок не вошел. Как и волочащийся тряпкой парашют. Отныне и вовеки существует – благо западных корреспондентов в аэопорту не было – лишь один репортаж о приземлении первого космолета: "Норд" с высоко задранным носом касается основными колесами полосы, вздымая тучу брызг, свастика на обгоревшем корпусе всё-таки видна... камера провожает взглядом истребитель сопровождения, красиво проносящийся над полосой на бреющем... а затем уже спускаются по трапу улыбающиеся космонавты. Кроме участников проекта, половины из которых уже нет в живых, никто до сих пор и не знает, что изначально посадка планировалась не в гражданском аэропорту под Ляйпцигом, а на секретном военном аэродроме. Но так, как вышло, получилось даже эффектнее. С причинами неполадок, разумеется, тоже потом разобрались. Воздушный тормоз заклинило из-за перегрева, а от резкой перегрузки, поставившей его на место, отошел контакт в радиостанции. Теоретически ни того, ни другого при этих условиях не должно было произойти. Но в машине, имеющей столько сложных узлов, всегда отказывают какие-нибудь простейшие

мелочи...

Кстати, не забыть бы о мелочах: уже можно принимать лекарство.

Вальтер Шук потянулся к тумбочке, где стоял наготове стакан с негазированной минеральной водой и две красные таблетки на блюдце.

Каждая такая таблетка обходится имперской казне в цену двух новеньких "Мерседесов". Укол, который ему сделают утром, ещё дороже. Фетальные препараты доктора Менгеле стоят недёшево. В основном из-за проблем с исходным матералом: аборты в Райхе делают только по медицинским показаниям, так что эмбриональные ткани приходится покупать в других странах. Сейчас, впрочем, подписано соглашение с Китаем. Коммунисты никогда не считали людей сколько-нибудь ценным ресурсом, а уж китайцы-то, всеми силами пытающиеся ограничить рождаемость... абортивный материал там стоит буквально пфенниги. Западные газетчики и местные либералы тут же подняли вой по поводу сговора с кровавым коммунистическим режимом, торгующим человечиной. Разумеется, комья грязи полетели и в Райхспрезидента, лично нуждающегося в подобных препаратах. Тем не менее, соглашение было всё-таки подписано, и настоял на этом он, Шук. Потому что жизнь и здоровье дойчских стариков – а в перспективе и нации в целом – важнее, чем очередная порция брани со стороны идеологических противников. К тому же, дай им палец – они отгрызут руку. Следующим пунктом атаки будут законы о генетической чистоте: эту тему западники и так треплют постоянно, если нет другой.

Проклятье, – с бессильной злобой подумал он, перекидывая ноги и садясь на кровати, – проклятье, они же сами ведут точно такие же исследования, и тоже используют абортивный материал, и даже тоже не свой, а подешевле: они скупают ткани в Африке и Латинской Америке, а сами работы официально не финансируются государством. Как будто четырнадцатинедельный зародыш, проданный какой-нибудь мексиканкой или негритянкой американскому скупщику, чем-то отличается от четырнадцатинедельного зародыша, проданного китайским правительством лабораториям Менгеле. Но то, что делается с соблюдением ритуалов "свободного рынка" – нормально и не вызывает вопросов, а действия правительства Райха называются трупоедством. Ибо в первом случае это делают не правительства, а частные лица... Правда, на западные медицинские центры устраивают налёты эти... как их... пролайферы. Хотя реально они никому не нанесли никакого серьёзного ущерба – только машут плакатами и расписывают своими лозунгами стены лабораторий. Зато правительства западного блока тут как бы ни при чём. А то, что эти исследования никем не запрещаются – так это у них называется "цена свободы". Впрочем, в Англии эксперименты с тканями плода всё-таки запретили. Похоже, их специалисты по манипуляции слегка перегрели общественное мнение. Ошиблись. С кем не бывает. Ну что ж, это же не мешает лучшим британским медикам работать в Гонконге, где теперь свой парламент и своё законодательство... Кстати, лаборатории доктора на самом деле тоже частные. Государство сотрудничает с ними на контрактной основе. Не потому, конечно, что Райх чего-то там стыдится. Просто Менгеле никогда не любил чиновной опеки, становящейся порой докучливой... но тем не менее, факт налицо. И это почему-то не мешает западным пропагандистам говорить – "у них в Германии". А мы почему-то не можем убедительно ответить на это. Всё разбивается о железный довод: "в тоталитарной стране всё решает правительство и оно же отвечает за всё происходящее".

Они делают то же самое, что и мы. Но в глазах мирового общественного мнения именно мы, дойчи – трупоеды, убийцы нерождённых. Хотя вся наша вина состоит в том, что доктор Менгеле обошёл западных коллег на повороте, и его молодильные яблочки

румянее. Если бы их препараты были лучше, никто бы и не пикнул: напротив, трубили бы об успехах западной науки, вот-вот готовой подарить людям вторую молодость. Но стоит оказаться впереди нам – начинается истерика. И мы вынуждены осторожничать, лавировать, проводить контрпропагандистские мероприятия... как правило, безуспешные. Безуспешные даже здесь, у себя, в Райхе.

Заснуть снова, видимо, уже не удастся. Раньше можно было бы прибегнуть к снотворному, но доктор Менгеле предупреждал, что красные таблетки плохо совместимы со снадобьями такого рода.

Менгеле. Последний раз они разговаривали месяц назад. Вальтер задал ему вопрос – сколько он ещё протянет. Доктор – высохший от старости, но в свои восемьдесят прекрасно себя чувствующий, с ясным умом, – ответил ему в своей обычной манере: "Дорогой друг, этого не знает никто. Если вы будете аккуратно проходить курсы омоложения, то я могу гарантировать вам еще лет пятнадцать-двадцать активной жизни. Другому человеку с вашим здоровьем я дал бы даже тридцать, но вы Райхспрезидент. Такая ответственность очень... давит."

Да, именно так, доктор прав. Давит. Расплющивает. Как пятикратная перегрузка.

Как давно всё это было – чернота с проступающей синевой, молчание двигателей, стрелка указателя на приборной доске, хауптман Нойман в кресле второго пилота... В каком-то смысле второму пилоту "Норда" повезло больше, чем первому. Нойман сделал прекрасную карьеру космонавта. Десять полётов в Вельтраум. Последний – на "Хаммершлаге", первом и единственном в мире тяжёлом космоплане, оснащённом ракетами класса "космос – земля" и "космос – космос". Демонстрация возможностей "Хаммершлага" накануне голосования в американском Конгрессе по вопросу о создании национальной системы ПРО очень способствовала ослаблению напряжённости.

А Нойман получил, наконец, свою славу. Вполне заслуженную, надо сказать, ещё в том первом полёте. И впридачу к славе – Центр подготовки космонавтов. Впрочем, Центр ему отдали только после года изнурительных попыток сделать из него политическую фигуру. Вальтер сам ездил к старому другу – уговаривать... В последнем разговоре на эту тему Нойман сказал: "Прости, но я сделан из другого теста. Я не умею играть в эти игры."

Как будто он, Шук, умел играть в эти игры! Но его не спрашивали, умеет ли он в них играть и хочет ли учиться. Ему просто сообщили, что первый космонавт – это политическая фигура. А политическим фигурам следует занимаются политикой, а не летать. Хотя бы потому, что полёты чреваты незапланированными происшествиями, а незапланированное происшествие с его участием будет иметь крайне нежелательный пропагандистский эффект. "Мы понимаем ваши чувства, оберстлёйтнант" – его повысили сразу после посадки – "но Фатерлянд отныне требует от вас другого служения."

Что ж, он принял это служение. Но всё-таки... всё-таки иногда ему кажется, что Нойман сделал лучший выбор. Может быть, неправильный, но всё-таки лучший.

Выбор, выбор... Тогда, с полётом "Хаммершлага", Райхспрезидент поторопился. Следовало дать скунсам потратиться на разработку ПРО, а потом уже предъявить миру "Хаммершлаг". Но Дитль не хотел новой войны. Он готовился к ней всю жизнь – именно потому, что не хотел её. И он знал, что ложное чувство безопасности всегда разжигает аппетиты "ястребов". Даже начало разработок американской ПРО неприемлемо усиливало партию войны. Во всяком случае, так думал Дитль. Что ж... будем надеяться, что он был прав. Сам Шук – тогда ещё в непонятном статусе начальника экспертной группы при Президентском совете – был резко против этой затеи. И подал соответствующее

заключение. Нойман откуда-то об этом узнал. И решил, что его старый товарищ был против его полёта. Его, Ноймана, полёта! Ну как, как было объяснить ему, что существуют высшие политические соображения, исходя из которых это мероприятие было нецелесообразным?! "Прости, но я сделан из другого теста". Как красиво это звучит. И как, в сущности говоря, безответственно... О нет, конечно, старина Нойман – ответственный человек. Идеальный дойч по Дитлю, не лезущий в дела начальства. Как это там у него было, в той речи? "Лишь пустой, жалкий, низменный человек с рабской душонкой будет алкать участия в том, в чём он не разбирается и что его никоим образом не касается. Напротив, человек, не понаслышке знакомый с серьёзной, трудной работой – а таким должен быть каждый дойч – прекрасно знает, что такое настоящая компетентность и сколь опасно вмешательство профанов и дилетантов с их плоскими понятиями в дела людей основательных." Увы, у этого дойчского свойства есть и обратная сторона, с которой приходится сталкиваться постоянно...

Кстати, интересный вопрос: почему именно эта речь Дитля стала настолько популярной? Эдвард был прекрасным оратором, он произнёс более тысячи речей перед самой разной аудиторией, некоторые из них можно изучать как образцы ораторского искусства. Кстати, по случаю их полета тоже была речь, прекрасная речь, весь Райхсраум слушал её не отрываясь... А вот выступление перед выпускниками мюнхенской партшколы – плохо подготовленное, почти экспромт, – стало каноническим, обросло комментариями, толкованиями. Старая жаба Хайдеггер в своих "Лесных тропах" посвятил этой речи отдельный раздел, до сих пор читаемый и чтимый последователями Франкфуртской школы как один из важнейших в творчестве учителя... С другой стороны, речь входит в школьную программу... Удача, просто удача. Хотя Дитль говорил ему, Шуку – уже почти официальному преемнику, уже почти Райхспрезиденту – так: "Самое лучшее получается случайно. Но такие случайности бывают только с теми, кто много работает". Дитль много работал. До самой смерти. И умер почти как Хитлер – на трибуне Райхстага. От кровоизлияния в мозг. Какой-то сосудик не выдержал и лопнул.

А ведь Дитль знал, что ему нужен покой. Но он не считал возможным уйти в отставку. Он настаивал на том, что Райсхспрезидент – пожизненная должность. И даже намеревался дополнить клятву Райхспрезидента словами: "и я клянусь умереть на своём посту во имя народа Германии". Тогда он, Шук – ещё не преемник, но уже друг – спрашивал его: "А что делать, если Райхспрезидент заболеет, сойдёт с ума или просто одряхлеет?" Дитль нахмурился и повторил: "Умереть на своём посту. Именно это и сделать. Как только не сможет исполнять свои обязанности." Конечно, это звучало красиво. Достойную жизнь должна венчать достойная смерть, а не старческий маразм. Кстати, разведка доносит, что личный врач Рейгана заподозрил у того первые признаки болезни Альцхаймера. Сейчас, когда Рейган уже не президент, это не имеет большого значения... хотя в свое время из третьеразрядного холливудского актеришки неожиданно получился сильный и умный враг. Враг, достойный уважения... но будет ли он достоин его теперь, если подозрения врача подтвердятся, сумеет ли сделать последний должный шаг? Наверняка нет – как же, христианство запрещает самоубийство! Предпочтет медленно превращаться в растение. Конечно, для таких случаев Дитль был абсолютно прав. Но лишить себя права просто уйти в отставку, просто подарить себе хотя бы в конце жизни несколько спокойных лет? Тогда ему, Шуку, всё-таки удалось замотать это решение. И Дитль знал, что он замотал решение, но сказал: "Ты поймёшь меня. Потом." Прости, Эдвард, но в этом вопросе я не хочу тебя понимать. Да, не хочу. Особенно сейчас. Нет, я

не понимаю. Точно так же, как я не понимаю Ноймана, который не стал принимать красные таблетки.

Нойман отказался от омоложения. И не захотел разговаривать на эту тему. Он, видите ли, тоже христианин. На вопрос о том, где именно в Библии содержится прямой запрет на использование фетопрепаратов, ответа, разумеется, не было – только укоризненный взгляд исподлобья.

При этом все официально разрешённые церкви Райха молчат как рыбы насчёт своего отношения к этому вопросу. Как, впрочем, и к полудюжине других вопросов. Правда, молчание их весьма относительное. Ибо дойчские католики, при всей их лояльности, в этих вопросах, как правило, разделяют мнения так называемого "романского папы" – того самого, который давно не романский, а авиньонский... А протестанты слушают "Евангелическое радио" из Цюриха. Та ещё лавочка, связи которой с американскими организациями типа "Морального большинства" или "Назорейской башни" никто даже и не скрывает. Но все попытки прихлопнуть эту жужжащую муху наталкиваются на вежливое упорство швейцарцев: мы охотно пойдём навстречу нашему великому соседу, мы немедленно откажем в лицензии любому средству массовой информации, ведущей антигерманскую пропаганду – да, кстати, где у них там антигерманская пропаганда? И приходится стискивать зубы и отступать – потому что доказать ничего нельзя, потому что хорошая церковная музыка и высокоморальные проповеди не содержат в себе ничего откровенно антигерманского... Даже не так: вообще ничего антигерманского. Только благая весть о Христе. И мягкие, очень мягкие советы – жить не по лжи, поступать так, как велит тебе совесть... а совесть велит то, что написано в Библии... а в Библии написано "не убий"... а убийство ребёнка, даже ненормального, дебильного, не способного к самостоятельной жизни, даже зародыша, у которого мозгов меньше, чем у кролика – это убийство ребёнка, понимаете ли, ребёнка... И уже неважно, что в той же Библии – а у него она есть, старая семейная Библия в лютеровском переводе, в потёртом кожаном переплёте с бронзовыми уголками, и он её читал, в отличие от многих и многих христиан, – с аппетитом описывается, как юде истребляли целые народы, имевшие несчастье оказаться на пути их кочевий, как вырезались все мочащиеся к стене, то есть все мужчины вообще... Неважно и то, что проповедники этого самого "не убий" ничего не имеют против войн, ведущихся их странами – или готовящихся ими. Всё это отметается как сор... а мы ничего не можем возразить. Нельзя же возражать добрым людям, которые проповедуют доброе. Пусть даже это добро за чужой счёт, пусть даже этот счёт оплачен чьим-то страданием – но не возражать же против добра... А когда придёт время, проповедники добра замолчат, и вступит другой хор, и он будет взывать не к добру, а, скажем, к отмщению... Какая всё-таки удобная вещь – свобода мнений... У западной змеи тысяча языков, и каждым языком она говорит разное, и с какой-то точки зрения она всегда оказывается права, и именно эта точка зрения излагается чуть громче, чем все остальные... А у Райха один голос. Громкий, очень громкий, но один. Его голос. Голос Райхспрезидента. И если этот голос будет сегодня говорить одно, а завтра другое, это будет нелепо и смешно, а он не имеет права быть нелепым и смешным, потому что он Райхспрезидент. То есть, фактически, сам Райх.

А сейчас Райх – это он, Вальтер Шук. Старый человек, уставившийся невидящими глазами в темноту.

Фюрерпринцип. За всё, что происходит в Райхе, кто-то отвечает. Лично, персонально. А Райхспрезидент отвечает за всё вообще. За всё и всегда. В отличие от

западных правителей-однодневок, сменяющих друг друга, как карты в тасуемой колоде. Западному обывателю невдомёк, что колода одна, что правит клика, выставляющая перед собой то одно лицо, то другое. Клика, не связанная ничем. У которой нет обязательств ни перед народами, ни перед элитой. Клика, не нуждающаяся даже в деньгах, потому что она контролирует источники денег – начиная от печатного станка и кончая выгоднейшими бизнесами. И всегда имеющая возможность списать любую свою ошибку на так называемые естественные процессы – на непредсказуемость рынка, например...

Он обхватил голову руками: мысли разбегались.

Усилием воли он заставил себя встать. Включил свет. Люстра засияла каплями хрусталя, осветив просторную спальню. Сверкнули бронзовые ручки старинных платяных шкафов. Полированные дубовые панели забликовали, и только плотные шторы мягко погасили световую волну, не давая ей вырваться наружу, в ночь.

Шук поднял глаза на портреты, висевшие на стене напротив.

Три полотна. Коричневое, белое и чёрное.

Копии и репродукции этих портретов – разного качества, от многоцветных глянцевых до листков с урезанными краями – висели в десятках миллионов дойчских учреждений, домов, квартир. Оригиналы находились здесь, в его спальне.

Коричневый портрет. Адольф Хитлер в фельдграу, на фоне взрытой снарядами земли. Одна из лучших работ Отто Райхенбаха. Исторически недостоверное изображение: в то время Хитлер ещё не носил знаменитых усов щёточкой, да и лицо его было моложе... Тем не менее, именно это изображение было признано каноном. Во всяком случае, психологи политуправления рекомендовали из девяти или десяти вариантов именно этот. И, похоже, оказались правы. Даже старые хитлеровцы предпочитают коричневый портрет, а не что-нибудь другое. Это хорошо: тот, кто принимает имперский канон, тем самым уже встраивается в систему имперской идеологии...

Второй портрет, белый. Эдвард Дитль на фоне белоснежных альпийских снегов. Работа Густава Адольфа Моссы, бывшего декадента, впоследствии – одного из самых ортодоксальных художников классического имперского реализма. Картина и в самом деле удачная. Те, кто знали второго Райхспрезидента лично, могут сказать: он был именно таким...

И, наконец, третий портрет, чёрный. Он сам, Вальтер Шук, третий Райхспрезидент, в скафандре без шлема на чёрном фоне со звёздами. Тоже, кстати, не вполне точная картина – эти скафандры сделали уже потом, он надевал такой уже на Земле, пару лет спустя, позируя перед камерами, а на "Норде" они летели в обычных высотных комбинезонах... Кисть Васильева, знаменитого русского художника-ультрагерманиста – очень, очень жаль, что он погиб так рано и так бессмысленно... Но в своё время это был сильный жест: объявить каноническим именно портрет Васильева, а не творение какого-нибудь унылого берлинского академиста. Он, Шук, настоял на этом варианте, несмотря на всё противодействие политуправления, настаивающего на том, что автором официального портрета может быть только дойч. Западники тоже комментировали это решение – как всегда злобно, ехидно, с гадкими намёками на то, что в Райхе уже нет достойных художников... Кто бы говорил! Неужели ту мазню, которую выставляют в нью-йоркских галереях и лондонских музеях, кто-то всерьез считает искусством?..

Райхспрезидент встряхнулся. Слишком много посторонних мыслей в голове. Плохо: думать надо о чём-то одном.

Дитль не зря учил его – сначала погружаемся в чувства, потом сопоставляем

факты, потом делаем выводы. Ну что ж, мы так и сделаем.

Итак, чувства. В последнее время его донимает чувство тревоги. Снятся плохие сны. Этот сон про посадку "Норда" – уже не первый, после которого он просыпается в холодном поту. Однако впервые сон был столь отчётливым и конкретным. Значит, его мозг хочет ему что-то сказать. Что-то, чего он не хочет слышать. Весь фейерверк мыслей, накрывший его после сна – отсюда же.

Интересно, что сказал бы по этому поводу Фройд? В своё время он, Шук, попытался было прочесть какую-то работу этого, с позволения сказать, мыслителя. Сломался он на описании каких-то "анальных комплексов", или как их там ещё. Наверное, и в образе стреляющих пулемётов старый шарлатан нашёл бы что-нибудь "фаллическое". Или "анальное". Или ещё что-нибудь в этом роде... Припомнилось, как блестяще срезал один берлинский студент заезжего профессора-фройдиста – в период позднего Обновления одно время были в моде университетские диспуты с представителями враждебной идеологии. Столь же рискованный, но и столь же сильный пропагандистский ход, как и знаменитое приглашение западной прессы в освобожденный от большевиков Ленинград во время войны... "Всякий круглый в сечении предмет, длина которого значительно превосходит диаметр, есть фалличекий символ", – вещал этот бывший житель Остеррайха, уже успевший приобрести нью-йоркский акцент. Австроамериканец, как могли бы сказать скунсы теперь... "Да-да, – невозмутимо отозвался студент, – например, леска." Аудитория громыхнула хохотом, профессор пошел красными пятнами. Этот эпизод тогда показали в вечерних теленовостях...

Стоп. Не отвлекаемся. На самом деле человеческое сознание устроено гораздо проще. В уме большинства людей имеется противоречие между краткосрочным и долгосрочным прогнозом. Например, человек знает, что пренебрежение физическими упражнениями и излишества в еде вредят здоровью, и даже согласен с этим. Но, глядя на дымящуюся отбивную и кружку пива, не может себе отказать в этих удовольствиях. Соответственно, неприятное знание о последствиях отодвигается в далёкий угол, пока бифштекс не съеден и пиво не выпито. Потом, разумеется, наступает раскаяние – до следующей кружки.

Но бывают случаи, когда прогноз хочется забыть надолго. Например, транжир и мот старается не думать о состоянии своего счёта. Неприятная правда начинает прорываться в сознание с чёрного хода. И завсегдатай ресторанов вдруг замечает, что ему неприятно проходить по улице с вывеской "Банк". Впрочем, вывеску он тоже пытается не замечать – и поэтому думает, что ему неприятна сама улица... И так во всём. Дитль в одной из речей – менее известных, чем речь о господстве, но не менее значимых – определил суть национал-социализма как систематические предпочтение долгосрочных прогнозов краткосрочным. Делать не то, что хочется сейчас, а то, что понадобится завтра. Следовать разуму, а не чувствам, и уж точно – не разуму, подчинённому чувствам. Отсюда же он, кажется, выводил и приоритет интересов нации над интересами индивида...

Стоп, это опять отвлечение. Итак, сон. Ему снился полёт "Норда". От реальности полёт отличался только финалом: вместо того, чтобы благополучно сесть, он расстрелян американскими истребителями. Что это символизирует? Неудачу на самом финише, это понятно. Но неудачу чего? Что символизирует полёт "Норда" и полёт вообще? Полёт "Норда" стал для него переломным этапом жизни... и причиной политической карьеры. Политическая карьера, завершившаяся райхспрезидентским постом. Завершившаяся? Нет, начавшаяся. Полёт – это райхспрезидентство, не надо себя обманывать. А расстрел на

финише – это его страх перед неудачным завершением...

Завершением?

Шук вытер пот со лба: ему стало жарко. Голова слегка закружилась. Он снова сел на кровать.

Итак, завершение карьеры. Надо признаться себе честно: он хочет уйти со своего поста. Уйти в отставку. Не умереть на посту, как учил Дитль – а сдать дела преемнику и прожить ещё пятнадцать или, если верить доктору, даже тридцать лет. А возможно, и дольше: наука не стоит на месте, появятся новые средства для продления жизни – а там, чем чёрт не шутит, и прекращения старения вообще... Но дело не только в этом. Он и в самом деле не справляется. Он устал, он чертовски устал от той тяжести, которую несёт все эти годы. Он больше не способен вести Райх от победы к победе. И не потому, что у него не хватает ума и воли. Всё это при нём. Груз ответственности – вот чего он больше не может нести. Перегрузка ответственности. Пятикратная перегрузка.

Теперь перейдём к фактам. Итак, хватит лгать самому себе: пора уходить. Это значит, что сначала он обязан завершить все основные политические проекты, которым он себя посвятил. И найти достойного преемника, которому он мог бы передать власть. Впрочем, в его случае это одно и то же: преемник – это главный политический проект на ближайшие годы. Пока империя прочно стоит на ногах, никакие серьёзные потрясения ей не грозят... во всяком случае, в близкой перспективе. Точнее, потрясения будут. Например, тот же референдум. Но это запланированное потрясение. Которое много прояснит и многое решит.

При этом его положение сложнее, чем у Дитля. У Дитля был он, Шук. Преемник, которого он готовил много лет. У него нет такого преемника. Нет, хуже, гораздо хуже: преемников слишком много.

Старик прикрыл глаза, представляя себе лица. Целая галерея лиц. Умные, преданные, истинные арийцы, убеждённые национал-социалисты. Из каждого можно вырастить политика. Если постараться – большого политика. Но... но не Райхспрезидента.

Потому что Райхспрезидента может сделать только одно: участие в Событии. В настоящем Событии. Ereignis, как называл это Хайдеггер. Уникальное, единственное событие, ставящее человека на грань и проверяющее на излом.

У Хитлера таким Событием был, наверное, двадцать третий год, когда он возглавил восстание против прогнивших байришских властей. Осознавая, что рискует и партией, и политической карьерой, и жизнью – ради дела, заведомо обречённого на неудачу, ради эфемерной возможности использовать произошедшее как пропагандистскую тему, ради пробы сил... И он смог превратить поражение в победу, скамью подсудимых – в ораторскую трибуну, тюремную камеру – в рабочий кабинет мыслителя и публициста... А он мог бы остаться тем, кем был: популярным оратором, лидером радикальной партии, уже готовой войти в ваймарскую элиту, в дальнейшем – стать остепенившимся респектабельным националистом, степенно отстаивающим в международных говорильнях так называемые "интересы своей страны". Что-нибудь вроде снижения размеров репараций, наложенных на Германию Антантой. Или, скажем, удвоения промышленного потенциала. Или, на худой конец, отстаивание прав судетских дойчей говорить на родном языке... Но он осмелился на большее, на бесконечно большее. И создал из ничего чудо. Чудо национал-социализма, чудо Третьего Райха.

А для Эдварда Дитля Событие наступило в сорок первом – когда после убийства Хитлера ему предложили стать временным исполняющим обязанности райхсканцлера. Он

прилетел в Берлин, прекрасно понимая, какую роль ему уготовили на самом деле. И он смог стать самостоятельным игроком, оттеснить заговорщиков от власти, а потом и встать у руля государства. А ведь он мог остаться тем, кем его хотели видеть: марионеткой на престоле, подставной фигурой, Хансвюрстом. Но он нашёл в себе силы оборвать ниточки, привязанные к рукам и ногам, и встать во весь рост.

У него, Шука, был свой год – пятьдесят третий. Нет, даже не сам полёт. А то, что за ним последовало. Когда ему сообщили, что он больше никогда не сядет за штурвал. Кем он мог стать? Политической фигурой в худшем смысле этого слова. То есть куклой, которую возят на парады и приёмы, дают выступать по фернзееру и помогают в написании мемуаров. И когда ему говорили об "ином служении" – ему предлагали именно это... Но он предпочёл понять эти слова иначе. Он прошёл через всю шахматную доску и дошёл до последней линии. Там, где пешки превращаются в ферзи. И в конечном итоге стал ферзём.

И следующий Райхспрезидент обязан пережить... нечто подобное. То, что его сломает – или вознесёт к звёздам.

Райхспрезидент сжал кулаками виски и глухо застонал.

Мне не хочется об этом думать. И я прячу голову в песок, как страус. Но всё-таки пора, наконец, принять какое-то решение. Почему бы не сейчас?

Что мы имеем? Несколько подходящих кандидатур на роль следующего Райхспрезидента у него есть. Как положено, все – молодые военные из лучших училищ Райха. У всех имеются лидерские задатки, которые можно развить, а также опыт экспертной и административной работы, который можно использовать. Некоторые из них выросли в семьях высокопоставленных функционеров... Увы, все они – без той искры, которую имеет смысл раздувать.

Кроме, пожалуй, одного.

Отто Ламберт. Сын Клауса Ламберта, лидера неоконсерваторов. Главного политического оппонента шуковского курса. Старого врага, если уж называть вещи своими именами. Но его младший... Этот парень – тихий, скромный, неизменно почтительный – несомненный талант. Да что там – гений. Директор Высшего Военного Училища в личном разговоре назвал Отто Ламберта своим лучшим учеником. Его аналитические материалы, которые он готовит для отца – и которые уже пятый год кладут ему, Шуку, на стол люди из Управления – более чем хороши: они безупречны. Он, Райхспрезидент, понимает: с Отто он мог бы найти общий язык...

Чёрт возьми, он сам хотел бы иметь такого сына! Если бы у него была семья... Впрочем, так лучше. Сын не мог бы стать преемником – законом это не запрещено, но Райх – не какая-нибудь азиатская монархия. А Отто – может.

Мог бы. Если бы не одно "но": Отто Ламберт предан отцу.

Это, разумеется, похвально. Но пока Клаус Ламберт жив, от Отто не будет толку.

Пока Клаус Ламберт жив.

А ведь он, Шук, прекрасно знает про опасную авантюру, которую затеял Клаус. Про комедию с покушением. Которую он собирается поставить, опираясь на некоторые недостаточно лояльные верховной власти элементы. Которых он, Райхспрезидент, знает поимённо. Он куда лучше информирован, чем кажется этим кретинам!

Нет, господа, вы поторопились. Вы очень поторопились, списав Райхспрезидента со счёта. Он ещё способен сложить два и два. И прекрасно понимает, чего вы хотите и зачем вам это надо.

Клаус может думать, что его спектакль удастся. Но у этого спектакля есть и другие режиссёры. И финал может оказаться совсем иным...

Ereignis, Событие. Вот оно, Событие. Переживёт ли Отто смерть отца, если она всё-таки случится? Возможно, нет. В таком случае он пойдёт по обычному пути сломленных людей. Но если всё-таки он найдёт в себе силы стать чем-то большим? Если он сумеет подняться над собой – то у него будет шанс... Тогда он, Райхспрезидент, ему этот шанс даст.

Я не хочу убивать Ламберта, – решил Шук. – Я не хочу его убивать, нет. Я его не убил раньше и не убью сейчас. Его крови на моих руках не будет. Но я не буду вмешиваться в то, что он сам затеял. Не буду.

Он снова вспомнил сон. Перемигивающиеся огоньки у оснований крыльев вражеских истребителей: пулемёты бьют трассирующими. Двусмысленный образ, очень двусмысленный... Как бы то ни было, решение принято. Он не будет вмешиваться ни во что. Пусть они сыграют в эту игру. Хотя... если удача Клаусу улыбнётся...

Будет ещё не поздно принять меры, – закончил, наконец, свою мысль Райхспрезидент.

Конечно, это нежелательно. Но ему, Шуку, не оставили другого выхода. Ламберт ему мешает. Его сын ему нужен... Нет, даже не так. Ламберт-старший мешает Райху. Ламберт-младший нужен Райху. Ламберт-старший мешает Ламберту-младшему быть нужным Райху. Три уравнения с двумя переменными, вырожденный случай. Решение, однако, существует. И оно единственное. Стоило ли ради этого так долго дурить себе голову?

Ему внезапно захотелось спать. Похоже, ночные размышления его вымотали. Но решение принято, и это всё окупает.

Старик аккуратно расправил одеяло. Потом выключил свет и забрался обратно в постель.

...Он проснулся от осторожного прикосновения. Приподнялся на локте, промаргиваясь. Над ним склонилась медсестра.

– Господин Райхспрезидент, укол. Средство доктора Менгеле, – напомнила она.

Райхспрезидент Вальтер Шук улыбнулся. Он чувствовал себя хорошо. Тяжесть никуда не ушла, но теперь это была тяжесть сознательно принятого решения. Тяжесть взятой на себя ответственности.

Медсестра перевязала руку, и он начал сжимать и разжимать кисть руки, нагоняя кровь. Вена начала вздуваться.

– Вы уж простите, что я вас разбудила, – повинилась женщина, осторожно нажимая на поршень. – Вам, наверное, снились хорошие сны. У вас было такое спокойное лицо.

Kapitel 46. Ночь с 14 на 15 февраля 1991 года. Санкт-Петербург, склады станции "Сортировочная".

В кабине было совершенно темно, лишь огоньки на приборной панели светились янтарным светом. Темно было и за окнами; в зоне досягаемости не просматривался ни один фонарь, а унылые слепые бетонные стены и придавленные слежавшимся снегом плоские крыши едва различались сквозь тонированные стекла. Если прищурить глаза, легко было представить, что находишься вовсе не в автомобиле, торчащем на пятачке в снегу между двумя длинными сараями, а в кабине самолета, летящего высоко над ночной землей. Правда, огней на пульте для самолета было маловато – но, если прикрыть глаза

еще больше, это уже теряло значение...

Усиливая сходство с самолетом, ожила рация, прохрипевшая что-то не очень понятное – кажется, что кто-то там на месте. Кто именно, охотник или дичь, Фридрих не разобрал, но спрашивать не стал. Скорее всего, кто-то из дичи, ибо охотники должны были занять свои позиции еще пару часов назад. Собственно, Власов с Никоновым прибыли на место последними.

Фридрих помассировал лицо, стараясь взбодриться, и подумал, до чего же глупо и театрально все это выглядит со стороны. Ночь, мороз, глухие стены железнодорожных складов, уходящие во тьму – они тянулись рядами чуть ли не на целый квартал, смыкаясь на востоке с такими же складами Речного вокзала, и, по идее, на пространстве в несколько квадратных километров не должно было быть в эту пору ни одного человека... А ведь обменять чемодан денег на чемодан наркотиков можно и среди бела дня, на оживленной улице, в салоне обычной машины. Но русские бандиты чересчур стремятся подражать американским гангстерам. И даже не самим гангстерам, а тем клише, которыми набиты гангстерские фильмы. А это значит, что серьезные сделки должны непременно совершаться где-нибудь в ночных доках, заброшенных домах или пустых цехах. При том, что безопасности участников это отнюдь не повышает – напротив, отследить неожиданную активность возле таких мест проще, чем при встрече на оживленной улице, и первыми попавшимися мирными гражданами здесь от полиции не прикроешься, за неимением таковых... В чем заинтересованными сторонам скоро предстоит убедиться. Да, теперь уже, надо надеяться, скоро. Бездеятельное ожидание успело Фридриху изрядно надоесть. Умение ждать – это добродетель снайперов. Они, конечно, тоже расположились где-то поблизости, и уж их-то не клонит в сон.

Если бы Власов знал, он бы выспался заранее. Но вечерний звонок Никонова прозвучал неожиданно...

После дневной встречи с майором Фридрих первым делом позвонил Лемке и елейным голосом осведомился, знает ли тот, где его подопечная. Выяснилось, что тот ни сном ни духом не подозревал о случившемся; впрочем, минуту спустя маленький оперативник был уже само раскаяние и рвался искупить свой промах. Власов строго наказал ему не предпринимать никаких самостоятельных действий без согласования, после чего сел писать донесение шефу. Мюллер откликнулся быстро; вопреки ожиданию, он не был особо раздосадован очередным скандалом вокруг Галле, ибо, похоже, полагал, что имперский МИД сможет извлечь пользу из факта похищения двух райхсграждан русскими бандитами в русской столице, надавив при случае на Россию – и не столь уж важно, что это за граждане. Так что шеф посоветовал Фридриху не особо заморачиваться этой темой и сосредоточить все усилия на главном – деле Вебера, в котором до сих пор нет сколь-нибудь внятных просветов.

Затем Власов с тоской окинул взглядом кучу многостраничных датов по "Ингерманландии" – и решил позвонить Эберлингу. В конце концов, именно Хайнц работал на бургском направлении и разбирался с этой публикой; кто, как не он, может дать дельный совет...

– Сам знаешь, мне не дали довести бургские дела до конца, – недовольно поведал Эберлинг. – В принципе мои отчеты вошли в те аналитические сводки, которые ты уже читал. Но там копать и копать, Фонд со всей вертящейся вокруг него публикой далеко не так безобиден, как может показаться... Не знаю, правда, насколько он связан с интересующими нас сейчас делами. Но я практически не сомневаюсь, что у Фонда есть

высокие покровители. Мне не понравилось, как быстро меня отозвали в Москву, едва я попытался копнуть глубже...

– Да, я помню твою версию. Призыв к включению Петербурга и области в состав Райха, который будет поддержан нашими правыми...

– Не все так просто. Дело не только в наших правых. В этом могут быть заинтересованы и русские.

– Русские? Им-то это зачем? Совершенно очевидно, что Мосюк не отпустит Петербург ни при каких обстоятельствах. Ни он и никакой другой правитель России.

– Да, но сам подобный прецедент станет хорошим поводом вновь поднять, к примеру, крымский вопрос. А также под разговоры о том, что Райх, в нарушение Смоленского договора, поддерживает германский сепаратизм на территории России, самим поддержать славянский сепаратизм на наших восточных землях...

– И что это даст, кроме резкого обострения отношений? Хотя, конечно, повод для критики властей с обеих сторон, как не справившихся с ситуацией... и лавры миротворцев для тех, кто спит и видит, как бы перехватить лидерство в партии... в обеих партиях.

– Как вариант. Или, напротив, игра на обострение до конца. Фокус в том, что ситуация несимметрична. Славянский сепаратизм, как ты знаешь, весьма реален, год назад мы имели очередную возможность в этом убедиться... А Петербурга нам, как ты верно заметил, не видать в любом случае. Нет никаких оснований. Лихачевцы все же маргинальная группировка, а большинство населения там – русские, и отнюдь не сторонники их идей. И с исторической точки зрения эти земли никогда не были нашими. Шведскими, разве что... Кстати, ты в курсе, что слово "Ингерманландия" на самом деле не имеет никакого отношения к Германии? Это всего лишь шведизированная производная от названия финно-угорской народности инкеров, проживавшей в этих местах.

– Не поверю, что уж Лихачев-то этого не знает, – усмехнулся Власов.

– Правильно не поверишь. Но кого волнует истинный смысл, когда есть красивый символ?

– Но, во всяком случае, русские уж никак не могли отозвать тебя в Москву.

– Ну, ты же знаешь, как делаются такие вещи. Обмен информацией между дружественными разведками. Нашим подбросили некие данные, из которых следовало, что я буду сейчас полезнее в Москве...

– Скажи еще – специально ради этого пригласили Зайна, – усмехнулся Власов.

– Нет, конечно. Но повод мог оказаться удобным. Видишь ли, мне кажется, что в этом деле сошлись интересы разных сил...

– Но, во всяком случае, меня никто из Бурга убрать не пытается. По крайней мере, пока.

– Может, ты и прав, конечно, а у меня действительно разыгралась паранойя. Но, сам понимаешь, при нашей работе это профессиональное заболевание. Но все-таки меня смущает эта рокировка: меня отзывают из Бурга и поручают мне Зайна, хотя им мог бы заняться ты, ты даже видел его лично. А тебя, наоборот, бросают на дело Вебера, которого ты почти не знал, в то время как я с ним работал...

– Это все мюллеровские идеи. "Свежий взгляд" и все такое.

– Свой смысл в этом есть, – признал Эберлинг. – Но вхождение в тему требует времени, а его-то у нас и нет. Если, конечно, версии насчет ближайшего воскресенья верны...

– Вот я и интересуюсь, что ты можешь посоветовать мне сделать прямо сейчас.

– Ну, – Хайнц сделал короткую паузу, – как я уже говорил, тут, скорее всего, пересекаются разные интересы. Когда мне пришлось уехать, я как раз пытался искать людей, которые могут быть точками такого пересечения. То есть способных проходить по нескольким темам одновременно, или выламывающихся из контекста...

– Например, Гельман, – усмехнулся Фридрих. – Подходит по всем параметрам. Он и свой у ультрагерманистов, и юде, и поддерживает контакты с СЛС, и, судя по всему, сотрудничает с ДГБ... еще и "деятель современного искусства", и некий "консультант"...

– Кстати, да. Тип, конечно, вздорный и малоприятный, но действительно может что-то знать. Как в силу собственной неуемной активности, так и в качестве посредника... ты с ним уже разговаривал?

– Имел неудовольствие... сегодня собирался сделать это с большей результативностью, но этот тип как в воду канул, – произнеся эти слова, Власов впервые задумался, что, возможно, исчезновение галерейщика связано не с его безответственностью и постоянно возникающими "обстоятельствами", о которых его извещают по целленхёрерам, а с чем-то более серьезным и неприятным. – Как думаешь, возможно, что он и впрямь хотел сообщить нечто важное, но потом испугался и пустился в бега?

– Хмм... В принципе, не исключено. Особенно если кто-то помог ему испугаться.

– Или еще хуже.

– Вот в этом сомневаюсь. Гельман и раньше крутил всякие подозрительные дела и всегда выходил сухим из воды.

– Все мы живы, пока не умрем, – хмыкнул Власов. – А среди людей, имеющих касательство к нашей теме, в последнее время наблюдается аномально высокая смертность. Или случаются другие неприятности. Про главреда "Либерализирунг" читал? А сегодня утром... – и Фридрих рассказал, что случилось с еще живыми членами семейства Галле.

– Ну это, похоже, чистый криминал, – заметил Эберлинг, выслушав. – Спаде едва ли связан с политикой.

– Скорее всего. Но я уже ни в чем не уверен.

– Вот что я еще хочу сказать по Фонду. Он тоже неоднороден, я бы даже сказал – слишком неоднороден. Допрашивать здесь мы, сам понимаешь, никого не имеем права. Но там могут быть люди, сами ищущие контакта с нами.

– На приеме у Фрау у них была такая возможность, но, в общем, никто...

– Но все ли они были на приеме? Думаю, нет. Проверь по имеющимся досье.

– Легко сказать. Думаешь, я запомнил всех, кто там был?

– Во всяком случае, это какая-то зацепка. Или вообще люди, уже отошедшие от лихачевского кружка. Ничего свежего они, конечно, не знают, зато могут охотно поделиться старой информацией, которая тоже может дать определенные ниточки...

– Пожалуй, это мысль. Личные обиды людей, порвавших с некой организацией, никогда не следует недооценивать. Ладно, придется-таки рыться в архивах. Держи меня в курсе, если узнаешь что-то интересное.

– Непременно.

И Власов принялся листать платтендаты лихачевцев, присматриваясь к фотографиям и пытаясь вспомнить вечер у Фрау. Все-таки, как ни тренировал он свою память на лица, это была не самая сильная его сторона. Но вот его внимание привлекло худое старческое лицо с безупречно нордическими чертами, которые, однако, портила

крупная коричневая родинка на носу. Среди гостей фрау Рифеншталь было немало людей в годах, но этого старика Фридрих точно не видел – при выработанной привычке обращать внимание на особые приметы эту родинку он бы запомнил. Так, Хорст Раушенбах, хауптман Люфтваффе в отставке... Фридрих почувствовал невольную симпатию к этому человеку, какую всегда ощущал к товарищам по пилотскому братству; хорошо бы он не был замешан ни в чем скверном... ну, естественно, ветеран войны, Железный Крест второго класса, войну начал во Франции, Пятьдесят первый бомбардировочный гешвадер "Эдельвайс", Битва за Британию, Первый гешвадер "Хинденбург", Восточный фронт, группа армий "Север", ранение, госпиталь, женитьба на русской медсестре ... забавный поворот судьбы – бывший летчик в конце концов осел в том самом городе, который некогда бомбил... Дочитав справку до конца, Власов не обнаружил ничего примечательного – похоже, к "Ингерманландии" Раушенбах примыкал постольку-поскольку и заметным активистом не был, если, конечно, оперативная информация верна. Но некая деталь все же зацепила внимание Фридриха. Он поспешно загрузил совсем другой дат и сверил цифры. Ну конечно! KG51 – именно там, и в то же самое время, служил цу Зайн-Витгенштайн до своего перехода в ночные истребители!

Совпадение? Или то самое пересечение по нескольким темам?

В следующую минуту Власов уже набирал номер Раушенбаха. В трубке потекли длинные гудки, но Фридрих с надеждой ждал, помня, что имеет дело со старым человеком. Действительно, после восьмого гудка бывший бомбенфлигер взял трубку. Власов начал разговор осторожно, с военно-исторической тематики. Раушенбах подтвердил свое знакомство с князем и согласился на личную встречу. Когда? Да хоть сейчас, он в этот вечер совершенно свободен! И Власов поехал к нему через полгорода, на Приморское шоссе... чего, как выяснилось, делать совершенно не следовало. Старикану было просто-напросто скучно и охота поболтать с соотечественником, да еще и коллегой по летной работе. Князя он видел мельком, два раза в жизни, еще во время войны – они служили в разных группах – и больше никаких сведений о нем не имел. "Ингерманландией" заинтересовался по соображениям вовсе несерьезным – как он сам поведал со смешком, в юности был влюблен в Лени Рифеншталь, заочно, разумеется, еще по тем фильмам, где она снималась как актриса, и вот на старости лет, долгие годы прожив с ней в одном городе, захотел все-таки свести с ней знакомство. Нет, разумеется, уже без каких-либо романтических планов, что вы, в нашем возрасте это было бы смешно, просто было любопытно... Идеи ультрагерманистов поначалу показались ему интересными, он и сам считал, что после Обновления в Райхе начался закат истинно германского духа, потому, собственно, он никогда и не стремился вернуться в Фатерлянд, но постепенно он разочаровался в этих людях, которые много говорят и ничего не делают, да еще якшаются с какими-то подозрительными людьми, включая самых натуральных юде – и перестал посещать их собрания. Власову следовало бы уйти, как только он убедился, что старик не знает ничего конкретного, в том числе и о "подозрительных людях" – но обижать ветерана, обрядившегося ради такого случая в парадный китель с Железным крестом и серебряным знаком за ранение, все-таки не хотелось, а попытки вежливо откланяться пресекались в зародыше. Сперва Раушенбах потчевал гостя чаем с вареньем, затем, хитро улыбаясь, извлек из бара графинчик с ненавистным Фридриху запахом и, после решительного отказа Власова, сказал: "А я все-таки пропущу по маленькой", произнеся последние слова по-русски без малейшего акцента. После выпивки ветерана потянуло в философию, и он принялся распространяться о том, что русские, в

принципе, не такие плохие люди, гораздо лучше каких-нибудь негров, и при наличии вдумчивого и твердого руководства способны на многое, он даже был женат на русской, пока Лили не умерла восемь лет назад, да, очень жаль – но причислять их к арийцам, к расе господ – это, конечно же, попросту нелепо. Он понимает, здесь политика, в свое время арийцами называли даже узкоглазых японцев, этих горе-союзничков, которые медлили с ударом по России до последнего – но все-таки хотя бы между своими вещи надо называть своими именами: у слуг тоже есть место в этом мире, и хорошие слуги необходимы господам, а значит, вносят свой вклад в господские свершения, но все-таки господа – это господа, а слуги – это слуги, и смешивать их негоже. Санкт-Петербург – конечно, прекрасный город, даже намного красивей его родного Киля, но кто создал всю эту красоту? Все эти Растрелли, Монферaны – где там хоть один русский? И даже если таковой отыщется – он окажется лишь прилежным учеником арийских мастеров. Все, что в России есть прекрасного, создано либо европейцами, либо в подражание Европе. Собственно же русское искусство – это лапти, балалайка и икона "Троица", которая по своему живописному уровню куда ближе к наскальным фрескам дикарей, чем к полотнам эпохи Возрождения, создававшимся примерно в тот же период...

От всех этих разговоров старик окончательно разонравился Фридриху. Власов довольно сухо попрощался и, провожаемый приглашениями, не чинясь, заходить еще, направился на выход. Звонок застал Фридриха уже на лестнице его гостиницы, которую он, по своему обыкновению, штурмовал быстрым шагом, размышляя, по правде говоря, о вещах совсем не возвышенных – а именно о том, как хорошо будет после всего выпитого чая наконец добраться до туалета. Однако новости, сообщенные Никоновым, заставили его на время даже забыть о физиологии.

– Операция состоится сегодня ночью, – информировал майор.

– Удалось добиться согласия продавцов?

– Не совсем. Наши коллеги решили пересмотреть план. Они полагали, что Матиас сейчас прочно залег на дно, но после того, что они узнали благодаря вам, они опасаются, что о развитой им активности по поиску старого друга вскоре станет известно и здесь. И тогда, естественно, сделка сорвется. Так что ее решено было ускорить любой ценой. Для чего они сами созвонились с Андреем и предложили ему кредит от лица другой фирмы смежного профиля. Под еще больший процент, зато без немедленного обеспечения. Он согласился и в настоящий момент уже получил деньги и договорился о встрече с продавцами. Прежние кредиторы, очевидно, выйдут сухими из воды, но тут уж приходится жертвовать частью, чтобы не потерять все. Их вообще трудно ущучить, сама по себе дача денег в долг своим знакомым – не преступление. Вот если бы их удалось застукать на той встрече...

– Не будем обсуждать упущенные возможности. Особенно возможности, упущенные другим ведомством... Я хочу лично присутствовать при операции.

– Я понимаю.

– Вы предупредили коллег, что моя дичь нужна мне только живой?

– Можете сами им это сказать. Они хотят лично с вами побеседовать, о том звонке и вообще. Перед операцией времени хватит. Я могу заехать за вами через час.

– Хорошо.

Прежде, чем занять наблюдательную позицию в "Ауди" среди складских бараков (которая, на самом деле, не была наблюдательной, ибо располагалась слишком далеко от места будущей сделки – русские полицейские отчаянно не хотели, чтобы кто-то путался у

них под ногами и спугивал дичь), Фридрих имел беседу с командовавшим операцией ротмистром в кузове грузовика с выцветшей эмблемой какой-то транспортной компании на борту. Снаружи машина, сошедшая с конвейера явно не вчера, имела изрядно замордованный вид "рабочей лошадки", с утра до ночи развозящей доставляемые товарняками грузы и ни о чем другом не помышляющей. Внутри же она каким-то чудесным образом вмещала пульт с экранами, зажатый между двумя набитыми электронным и иным оборудованием стеллажами, стойку с оружием и боеприпасами к нему, шкаф, поделенный на узкие секции для бронежилетов и шлемов, медицинский шкаф с прозрачными небьющимися дверцами, прихваченные скобой к стене свернутые носилки в количестве полудюжины штук, раскладушку, несколько стульев, небольшой свободный столик и еще один, занятый никелированной кофе-машиной. Фридрих, весь вечер напивавшийся чаем, от предложенного кофе отказался, о чем впоследствии пожалел, борясь с дремотой в "Ауди". Полицейский ротмистр, довольно молодой еще человек с гусарской щеточкой жестких усов и неожиданно обходительными манерами (даже к подчиненным он обращадся исключительно на "вы", что, конечно, предписано уставом, но редко выполняется на практике), задал Власову несколько вопросов относительно Спаде, осведомился, готов ли херр оберст поучаствовать в операции по захвату Спаде при передаче выкупа (Фридрих ответил, что помощь полиции – долг всякого честного человека, но он, увы, не может заранее ничего обещать, ибо его служебные обязанности могут оказаться приоритетнее) и в завершение, выслушав просьбы Власова, заверил, что "клиентов будут брать под белы руки чисто, без стрельбы и прочего ковбойства".

И вот теперь Фридрих с Никоновым сидели в машине и слушали волну, на которую были настроены переговорные устройства группы захвата. Сигналы автоматически кодировались, так что даже если бы посторонний случайно оказался на этой волне, он бы ничего не понял. Но помехи мешали расшифровке и ухудшали четкость речи по сравнению с обычной радиосвязью; к счастью, они возникали все же не каждую секунду.

– Он заходит, – сообщила рация. Никонов одобрительно кивнул и покрутил ручку.

– Хи, гуйз, – донеслось из динамика.

– Неужели повесили микрофон прямо на Грязнова? – восхитился Фридрих.

– Вообще-то нет, – ответил Никонов. – Можно было попробовать, это делается даже дистанционно, крохотный дротик... но мог заметить, решили не рисковать. Микрофон вмонтирован в чемоданчик с деньгами.

– Он мог переложить деньги в другой.

– Мог, но понадеялись, что он не станет тратить время на покупку нового. Да и зачем это ему? В общем, гарантии не было, но, как видите, сработало.

– ...Хейке фирстовый, – рокотал меж тем нагловатый басок из динамика, – Все, как агредали. Только ты не мельтеши, сперва чени пошовь.

– Вот, – неестественно громко щелкнули замки, – можете покоунтить.

– Ясное дело, – хихикнул другой голос, визгливый, с лакейской интонацией. – Чени коунт любят.

– Сколько их там всего? – осведомился Фридрих, нажимая кнопку второго канала.

– Шестеро, помимо Грязнова, – ответил голос ротмистра. – Двое продавцы, остальные шестерки.

"Не многовато ли телохранителей для встречи с одним-единственным Грязновым?", – подумал Власов. Впрочем, возможно, бандиты опасаются не столько

курьера, сколько друг друга – участие в общей сделке еще не делает их друзьями. А может, "шестерки" нужны им просто для демонстрации статуса. Прямо как в обезьяньей стае...

Из динамика доносился быстрый шорох: бандиты пересчитывали купюры.

Фридрих подумал еще, что Грязнов ведь – человек с университетским образованием, пусть и неоконченным, и, вполне возможно, знает английский. До чего же ему должно быть противно коверкать произношение английских слов, превращая их в этот дегенеративный жаргон! Впрочем, одернул себя Власов, не следует судить о других по себе.

– Ну что? – нетерпеливо спросил Грязнов. – Все ок?

– Ес, – ответил визгливый, и одновременно ротмистр скомандовал: "Пора!"

Через несколько секунд в динамике раздался хлопок – негромкий, но вполне узнаваемый для всякого, кто слышал, как стреляет пистолет с глушителем – и сразу же за ним шум падающего тела.

– Черт! – крикнул Фридрих, вдавливая кнопку передачи. – Обещали же без стрельбы!

– Это не наши! – торопливо отозвался ротмистр, и следом по первому каналу донеслось: "Никому не двигаться!" – и сразу же еще хлопки, чей-то стон, чья-то матерная брань (что характерно, на чистом русском), какая-то возня...

– Пошли, – потерял терпение Фридрих, вытаскивая пистолет и распахивая дверь машины. В салон ворвался ледяной воздух.

– Зачем? – не тронулся с места Никонов. – Дайте разобраться специалистам.

– Ваши специалисты сейчас угрохают мне последнего свидетеля! – Власов выскочил из машины и побежал между стенами складских бараков, на каждом шаге проваливаясь в снег.

Разумеется, к тому времени, как он добежал, все было уже кончено. На грязном бетонном полу лежали семь человек. Шестеро – мордами вниз, с выкрученными и скованными за спиной руками; у половины из них рукава быстро набухали красным (у двух правые и у одного – левый), но их сковали не менее жестко, чем остальных. Раненые стонали и шипели сквозь зубы, но ругаться уже не смели. Седьмому, лежавшему навзничь в луже крови, наручники уже не требовались. Полицейские потерь не понесли. Один из них, облачившись в перчатки, собирал в пластиковый мешок бандитское оружие, упаковывая каждый пистолет в отдельный полиэтиленовый пакет. Тут же валялись и два черных чемоданчика, один закрытый, другой бесстыдно вываливший на пол свое нутро – тугие пакетики с белым порошком.

Фридрих бросился к лежавшему навзничь; интуиция подсказала ему, кто это, еще до того, как он разглядел виденное на фотографиях лицо. Грязнов был еще жив; его лицо было белым и мокрым, словно у утопленника, волосы липли на лоб некрасивыми тонкими длинными прядками; он дышал часто-часто, но неглубоко, и в углах рта пузырилась кровавая пена. Фридрих не очень хорошо разбирался в медицине, но то, что оперативники даже не пытались помочь важному фигуранту дела, свидетельствовало о безнадежности его положения. Власов склонился над умирающим.

– Говори, – потребовал он, сжимая плечо Грязнова, – говори все, что знаешь о связях либералов с наркотиками, и о Рудольфе Вебере, и о миссии Франциски Галле. Говори, и тебя доставят в больницу!

Грязнов открыл рот, но оттуда вырвался лишь стон. Глаза бывшего студента-

физика начали закатываться.

– Говори, ну! – крикнул Власов и хлестко ударил левой ладонью по белой щеке. – Черт возьми, что вы стоИте?! – обернулся он к оперативникам. – Он нужен мне еще хотя бы на несколько минут! Вколите же ему что-нибудь!

Один из полицейских, выглядевший постарше других, придвинулся, запуская руку в висевшую на боку аптечку, однако вид у него был самый скептический.

– Ма-а-акссс... – донеслось из окровавленного рта. Фридрих мигом вновь повернулся к умирающему:

– Что Макс? Какой Макс? Говори!

Однако тот все шипел свое "ссс", и Власов подумал, что речь, возможно, не об имени.

– Максимум? Максимальный? – попытался подсказать он. – Маковая соломка?

– ...сссука, – выдохнул, наконец, умирающий и уронил голову набок. Однако полицейский, бесцеремонно отодвинув Власова, всадил иглу шприца в нитевидно дрожащую жилку на белой шее. Грязнов слабо дернулся, и его губы вновь шевельнулись. Фридрих склонился еще ниже, чтобы не упустить самый слабый шепот.

– Все... из-за него... – прошелестело между вздохами. – Если бы не...

На сей раз это было окончательно все. В фильмах в таких случаях аппаратура издает монотонный звук и чертит прямую линию, но Грязнов не был подключен к аппаратуре. Фридрих медленно выпрямился, только теперь заметив, что продолжает держать в руке бесполезный "стечкин". С улицы тем временем вошли еще трое – ротмистр и человек с большим оранжевым чемоданом в сопровождении Никонова.

– Ну, и какого дьявола тут произошло? – сумрачно осведомился Фридрих, засовывая пистолет в карман.

– Похоже, вашего клиента попросту развели, как простого сукера, – пояснил один из полицейских. – Банальная такая бандитская разводка: деньги себе, и товар тоже себе, а покупателю – пулю. Эх, начни мы на пять секунд раньше...

– Кстати, насчет товара, – пробормотал обладатель оранжевого чемодана, ставя его на пол и поднимая один из тугих белых мешочков. В американских боевиках в подобных ситуациях бравый полицейский ковыряет мешочек ногтем, походя слизывает с пальца десяток разовых доз одновременно и, ничуть не помрачившись в сознании, с химической точностью выдает экспресс-анализ наркотика. Ничего подобного русский эксперт – как, впрочем, и его настоящие заокеанские коллеги – естественно, делать не стал. Вместо этого он раскрыл свой чемодан, оказавшийся портативной полевой лабораторией, с хирургической ловкостью в два движения натянул резиновые перчатки, аккуратно надрезал пакет и зачерпнул маленькой стеклянной ложечкой немного порошка, который высыпал в колбу. Надрез он тут же аккуратно заклеил прозрачной лентой, а колбу заткнул притертой пробкой, в которой, однако, имелось сквозное отверстие с пропущенной через него трубочкой. Через эту трубочку эксперт сперва шприцом влил в колбу бесцветную жидкость – вероятнее всего, простую дистиллированную воду – а потом, осторожно взболтав содержимое, добавил еще какие-то реактивы. Под конец выходное отверстие трубки было соединено эластичной манжетой с каким-то прибором, занимавшим почти полчемодана. Фридрих, невольно залюбовавшийся этой четкой, несуетной последовательностью движений, подумал, что профессионал за работой – это почти всегда приятное и обнадеживающее зрелище. За исключением, конечно, каких-нибудь ассенизаторов – ну да там особый профессионализм и не требуется. Правда, полицейские,

бывают, и сами сравнивают себя с представителями этой малопочтенной профессии. В самом деле, рассуждая философски, от того, что подлежащее вычищанию дерьмо имеет руки, ноги и голову, оно лучше не становится – скорее наоборот...

– Так я и думал, – констатировал эксперт, не скрывая досады. – Хлорид натрия. Соль поваренная пищевая. Вот вам и "штрик".

– Какой штрик, начальник? – подал с пола голос один из арестованных. – Мы такой дрянью не занимаемся. Это вам сагуа какой-то джубанул. Что сукера развести хотели, да, не отпираемся. Только килять мы его не хотели, это самооборона, он за сочаном полез...

– Не было у него никакого пистолета, – перебил другой полицейский.

– Был, не был – какая разница, он в карман полез, поди разбери, что у него на уме, а жалеть его нечего, мы ж, почитай, за вас вашу ворку сделали, это ж он, падла, штриком торгует, а мы с таким дерьмом не мараемся...

– П-поговори у меня, – выдохнул ротмистр, подходя к бандиту, и брезгливо пнул его сапогом в лицо. – Не занимаются они... Кто тут еще не занимается? Может, ты? – он шагнул с соседнему бандиту; это был один из "шестерок", пытавшийся стрелять по ворвавшимся полицейским и поплатившийся за это тремя пулями в руку.

– Как бог свят, начальник, – заголосил раненый, – я вообще ничего не знаю, мое дело босса слушать, а чем они там торгуют, не мои дела, только шалым не торгуют, точно, сигаретами вот бывало, а шалым... АААА!!!

Ротмистр с силой наступил ему на раненую руку и принялся старательно давить ее каблуком.

– Не торгуете, значит, – приговаривал он при этом, – солью, значит, торгуете, натрий хлором... Дороговато она у вас, правда, стоит... Сознавайся, козел, пока вторую не прострелил!

Бандит истошно вопил, обливаясь потом, однако понимал, что неоднократная продажа тяжелых наркотиков в составе преступной группы – это смертная казнь без вариантов, и признаваться решительно не желал. В какой-то момент он обмяк, как видно, потеряв сознание от боли.

– Ну? – рявкнул ротмистр. – Кто хочет признаться? Ваш последний шанс, мрази! Кто первый сдаст остальных, уйдет на пожизненное. Остальные, сами понимаете – в крематорий, и даже могилки от вас не останется. Ну?!

Однако бандиты понимали, что прямых улик по штрику против них нет, и хранили молчание. Фридрих подумал, что ротмистр действует неправильно – надо допрашивать каждого отдельно от остальных, тогда, не имея уверенности, что другие не раскололись, арестованные будут куда более сговорчивыми...

– Значит, упорствуем, – проговорил ротмистр почти ласково. – Значит, натрий хлор. Ты! – он ударил сапогом в ухо второго продавца. – На меня смотреть, гнида! Я мог бы заставить тебя весь этот натрий хлор попросту сожрать. Но это слишком мелко. Я тебе лучше анекдот расскажу. Знаешь анекдот про студента, дерьмо? Да где тебе, быдлу – ты, небось, и средней школы не окончил. Так вот, один преподаватель хотел завалить студента. И задает ему вопрос: сколько лампочек в этой аудитории? – говоря это, ротмистр демонстративно натянул перчатки. – Студент посчитал и говорит: десять. Типа, вот какой он умный. А препод ему: неправильно, два балла! Одиннадцать! И достает из кармана еще одну!

Произнося последнюю фразу, ротмистр и впрямь сунул руку в карман и вытащил оттуда... конечно, не лампочку. А еще один тугой белый пакетик.

– Ты все понял, жертва подпольного аборта? И вы тоже поняли? Там-то, – ротмистр небрежно махнул рукой в сторону рассыпанного чемоданчика, – может, и натрий хлор. Но здесь-то нет. И как только это окажется там, никакие ваши признательные показания нам будут уже не нужны. Здесь вполне достаточно, чтобы все вы, суки, получили свой вышак. Абсолютно, замечу, заслуженный и совершенно законный. У нас тут даже двое понятых имеется. В российской криминальной полиции не служащих и никак ей не подчиненных. Херр оберст так и вовсе гражданин Райха, ему перед нами заискивать никакого резона... Итак, я пошел. Пока я иду, у вас еще есть время передумать.

И он нарочито медленно, держа пакетик в вытянутой руке, направился к отверстому чемодану с солью. Подойдя вплотную, ротмистр остановился и явно приготовился разжать пальцы.

– Подождите, господин начальник! Я все расскажу! И про штрик, и про остальное! Наша фанду...

Это был один из раненых. "С-сучара", – с ненавистью сплюнул продавец, которому рассказывали анекдот.

– Не торопись, – ротмистр с ухмылкой спрятал пакетик обратно в карман и извлек черную коробочку диктофона, направляясь к бандиту. – Пятнадцатое февраля, час сорок восемь. Арестованный с поличным за соучастие в убийстве и сопротивление полиции... Имя! – рявкнул он, на время останавливая запись.

– Облом... то есть это... Киселев Антон... Алексеевич...

– ... Киселев Антон Алексеевич добровольно дал следующие признательные показания... Вот теперь пой, птичка, – ротмистр положил включенный диктофон на пол возле лица бандита.

Поскольку Облом занимал в своей банде не самое высокое положение, он знал не все, что хотелось бы услышать полицейским – но все же поведал немало интересного, включая имена и приметы поставщиков и мелких распространителей, а также места, где хранился наркотик.

– Позвольте и мне вопрос арестованному, – вклинился Власов. – Почему вы все-таки убили Грязнова? Ведь твой босс и впрямь хотел продавать штрик в Москву?

– Да он же, козел, надуть нас хотел, – доверительно сообщил бандит. – Говорил, что от Крысюка послан, а Крысюк-то сам его ищет, чтобы покилять.

Стало быть, опасения крипо были справедливы, понял Фридрих. Среди бандитов и впрямь нашелся кто-то дотошный, выяснивший нынешний характер отношений между Спаде и Грязновым. Эх, если бы все удалось провернуть пораньше...

Когда бандит иссяк, ротмистр выключил и убрал диктофон.

– Ну ладно, – сказал он, – будем считать, что пока ты свою шкуру спас, пидор.

Облом вздрогнул – как видно, это оскорбление было для него тяжелее предыдущих – но лишь просительно проскулил:

– Начальник, мне бы укольчик, а? И в больничку бы поскорей... две пули все-таки...

– Виктор Сергеевич, так и быть, сделайте этому пидору укол обезболивающего, – обратился ротмистр к полицейскому с аптечкой. – И вон того еще приведите в чувство, пожалуйста – не тащить же нам его.

Обращение по отчеству было, конечно, игрой на публику, но все же Фридрих не мог не восхититься непринужденной легкостью, с какой ротмистр менял тон, обращаясь к бандитам и к своим. Все-таки профессионал хорош даже тогда, когда делает грязную

работу.

Скованных бандитов увели; двое санитаров прибывшей труповозки унесли и тело Грязнова. Последними помешение покинули ротмистр, Никонов и Власов.

– Вам, возможно, интересно, почему я не допрашивал их по одному? – проявил проницательность ротмистр. – До этого дело еще дойдет, и с использованием разных интересных препаратов... Пока же мне было важно сломать кого-нибудь одного, и сломать публично, при всех подельниках. От такого он уже никогда не оправится. Отныне он знает, что выход у него один – преданно служить нам.

– Служить? Разве он не сядет на пожизненное? – Фридрих знал, что замена смертной казни пожизненным заключением – это максимальная поблажка, предусмотренная российским законодательством при преступлениях такой тяжести, и даже помощь следствию не позволяет заработать больше.

– Конечно, сядет. Закон есть закон. Но, во-первых, на каторге нам тоже информаторы нужны. А во-вторых... если он хорошо зарекомендует себя в этом качестве, ему устроят побег. Естественно, не для того, чтобы он мирно отсиживался дома.

Фридрих понимающе кивнул. Внештатные агенты во многих отношениях лучше штатных – уже хотя бы тем, что в случае чего их не жалко. И деваться от новых хозяев такому некуда, даже оказавшись на свободе – вздумай он уйти на дно, им даже не придется его искать, достаточно просто известить криминальный мир о его работе на полицию. Пока же то, что он стал стукачом на глазах у подельников, делу не помеха – все равно они не доживут даже до каторги. А если кто и доживет, то лишь потому, что станет таким же стукачом.

– А позвольте узнать, ротмистр, – сказал Власов, невольно понижая голос, – в этой вашей "одиннадцатой лампочке" что, неужели действительно штрик?

Полицейский улыбнулся.

– Нет, конечно. То есть, в принципе, у нас есть небольшой запас для оперативных надобностей... но необходимость использовать настоящий штрик возникает крайне редко. В этом пакете просто сахарная пудра.

Стало быть, подумал Фридрих, в распоряжении русской криминальной полиции все же есть штрик. И, теоретически, убийца Вебера... Да ну, чепуха. Все равно что подозревать в убийстве кирпичом по голове каждого каменщика.

– Надеюсь, вас не шокируют наши методы работы? – осведомился ротмистр, продолжая улыбаться.

– Меня – нет, – заверил Власов. – Хотя кое-кто из моих знакомых правозащитников, вероятно, хлопнулся бы в обморок.

– Это понятно, – усмехнулся полицейский. – "Кровавые нацистские палачи выбивают показания и подбрасывают улики". На самом деле так мы обращаемся только с заведомо виновными, и виновными основательно. К подозреваемым и вляпавшимся случайно подход другой. Наша задача ведь не в том, чтобы похватать или довести до суда как можно больше народу. А в том, чтобы очистить наш город и нашу страну от мрази. И это не просто высокие слова, это принцип, лежащий в основе оценки нашей работы. Ее оценивают не по числу приговоров, а по динамике общего уровня преступности. Начни мы хватать невинных, и диспропорция между количеством арестов и отсутствием снижения, а то и ростом, преступности быстро станет поводом для серьезного внутреннего расследования, с очень внушительными санкциями для виновных – вплоть до расстрела. Опять же, одного лишь признания обвиняемого недостаточно, мы же не

большевики. Приговор должен базироваться на материальных доказательствах – изъятых наркотиках, оружии, краденых ценностях... Допустим, можно было бы изымать и подбрасывать одно и то же по многу раз. Но все изъятое сдается и оформляется, обратно его уже не получишь – разве что иногда для специальных операций, по которым отчетность вообще строже некуда. Если изъять, но не сдать – не получится вынести приговор тому, у кого изъяли... Но, разумеется, бандитам знать все эти тонкости не обязательно. Они должны верить, что мы способны на что угодно, что, попав в наши руки, они должны не качать права, а думать о том, как помочь следствию и заслужить хотя бы частичное снисхождение. Знаете, как пишут на плакатах: "Полицейский – лучший друг честного гражданина, помощник оступившегося и самый страшный кошмар закоренелого преступника". Немного пафосно, но по сути верно...

– Вернемся к практическим вопросам, – сказал Фридрих. – Что делать, когда мне снова позвонит Спаде?

– Ну, в принципе мы могли бы поставить ваш телефон на прослушивание... – произнес ротмистр, все своим видом давая понять, что не особо надеется на согласие.

– Это исключено, – не обманул его ожиданий Власов.

– Тогда вот что. Сейчас дойдем до фургона, и я дам вам еще один аппарат. По сути, обычный целленхёрер, ну, с некоторыми дополнительными функциями. Под расписку, вы уж не обижайтесь – отчетность... Когда наш объект снова с вами свяжется, вы нажмете кнопку на этом аппарате, автоматически пойдет перехват, запись и передача нам сигнала.

– Надеюсь, в число "дополнительных функций" не входит отслеживание местонахождения аппарата или несанкционированная передача? – с вежливой улыбкой осведомился Фридрих. – Это несложно проверить, вы ведь понимаете.

– Ну разумеется, херр оберст. Когда он включен, его можно отследить, как обычный целленхёрер, но когда выключен – никаких сюрпризов. Мы ведь делаем общее дело, к чему недоверие между союзниками?

– А что мне сказать Спаде? О Грязнове и о выкупе.

Ротмистр на краткое время задумался.

– Полагаю, о Грязнове надо сказать правду – ну, без подробностей, конечно, которые вы не могли бы знать, – ротмистр переглянулся с Никоновым, проверяя, не будет ли у того возражений. Но майор лишь молча кивнул. – О выкупе – что деньги будут к назначенному им сроку.

– Хорошо, – согласился Фридрих.

Хотя на самом деле хорошего во всем происходящем было немного.

Kapitel 47. 15 февраля, пятница, утро. Санкт-Петербург, улица Платона Павлова, 28

С утра Фридрих проснулся бодрым и полным сил; направляясь в душ, с неловкостью вспомнил, что ночью по дороге домой все же задремал в никоновской машине. Впрочем, говорить все равно было не о чем – операция, успешная для крипо, для них двоих провалена... Однако теперь, по прошествии шести с лишним часов, есть смысл вновь перемолвиться словом с майором. Могут быть новости, ибо не все могли себе позволить в эту ночь отправиться домой спать. Обходительному ротмистру, например, наверняка было не до сна – не говоря уж о его "клиентах".

Была еще некая мысль, тревожившая Фридриха после неудачи на складах. Ну конечно – последние слова Грязнова. "Макс сука, все из-за него..." Какой такой Макс?

Может, Грязнов сказал не "Макс", а "Матиас"? Выглядит очень логично, умирающий говорил с большим трудом и действительно мог глотать слоги. И все же Фридрих был уверен, что слышал именно "Макс", а не "Матиас" или "Матс". Может быть, Макс – это какой-то деятель из демдвижения? Фридрих мысленно перебрал тех, с чьими досье успел ознакомиться, изучая дело Вебера. Вроде бы не было там никого с подходящим именем... Тем более, надо уточнить у майора.

Никонов тоже уже не спал – и более того, успел пообщаться с крипо. Новости действительно были – благодаря показаниям арестованных удалось накрыть большой тайник с наркотиками, включая штрик, и взять еще нескольких бандитов рядового уровня – однако все это была чистая уголовщина, для ведомств Власова и Никонова прямого интереса не представлявшая. Если, конечно, майор действительно рассказал все, что узнал, чего Фридрих гарантировать не мог – однако интуиция подсказывала ему, что это действительно так. В ответ Власов процитировал последние слова Грязнова и поинтересовался, что об этом думает собеседник.

– Вы можете гарантировать, что слышали именно "Макс сука", а не что-то похожее? – спросил Никонов.

– Вообще-то нет, – признался Фридрих. – Он говорил весьма нечетко.

– Ну тогда все просто, – констатировал майор. – Он сказал не "Макс – сука", а "Максуд". "Максуд, все из-за него". Это кличка одного из продавцов, того, что постарше. Основные переговоры Грязнов вел именно с ним. Его фамилия Максудов.

Фридрих постарался представить лицо бандита, получившего сапогом по уху.

– Он кавказец? Вроде бы не очень похож.

– У него мать русская. Общественное мнение такие браки не одобряет, кстати, и у самих кавказцев тоже. Но никаких официальных запретов на них нет.

Фридрих об этом знал. Российские расовые законы всегда были намного либеральнее имперских. Считалось, что в стране, немалую долю населения которой составляют неарийские народы, иначе нельзя... хотя существовала и иная точка зрения, делавшая из той же посылки прямо противоположный вывод.

– Что ж, благодарю за разъяснение, – сказал Власов вслух. – Вы уверены, что речь именно об этом персонаже, а не о каком-нибудь диссиденте из окружения Грязнова?

– Нет, уж их-то я, голубчиков, наперечет знаю. Нет там ни Максов, ни, тем паче, Максудов. Правда, один Марк имеется – дедок уже за шестьдесят, такой, знаете ли, обросший плесенью теоретик... едва ли он имеет отношение к этим делам. Как по-вашему, могла в имени быть буква "р"?

– Нет, – уверенно ответил Фридрих, – ее там точно не было. А Грязнов ведь не картавил. Хотя, конечно, надо учитывать, в каком он был состоянии...

– Ну, для очистки совести проверим этого Марка. Хотя, по правде говоря, в Москве у меня сейчас маловато подходящих людей...

"Подходящих – это тех, кому можно доверять? – подумал Власов. – Или просто свободных от некой более важной операции?" Спрашивать он, конечно, не стал – если бы Никонов хотел выразиться яснее, то сделал бы это сам.

– Вы, кстати, в Москву сегодня-завтра не собираетесь? – осведомился майор. – А то крипо все-таки сильно надеются на вашу помощь в охоте на небезызвестного вам Крысюка.

– Возможно, – задумчиво ответил Фридрих. Это что ж выходит – Никонов хочет побыстрей спровадить его из Бурга? Начинается то самое, о чем говорил Хайнц? Или все-

таки иногда слова означают только то, что сказано, и ничего кроме?

– Да, вот еще что, – поспешно добавил Власов, – вам ничего не известно о неком Мюрате Гельмане? Он, очевидно, проходит по вашим досье, но речь не о прошлых делах. У меня вчера была с ним назначена встреча, но он бесследно исчез. Целленхёрер не отвечает.

– Гельман? У меня сейчас есть доступ к бургским криминальным сводкам – вчера и сегодня в них такой фамилии не было. Может, конечно, его прихватили наши из другого подразделения – в этом случае ничего не могу гарантировать... но постараюсь выяснить, насколько это позволяют мои полномочия.

– Буду очень вам признателен.

Попрощавшись с майором, Власов вновь вернулся к материалам по "Ингерманландии". В течение полутора часов он сделал еще несколько звонков заинтересовавшим его людям, как из числа активных членов организации, так и отошедшим от дел – благовидный предлог, кстати, нашелся легко: все то же исчезновение Гельмана – но, увы, не узнал ничего полезного. Даже на достаточно прозрачные намеки никто из его абонентов, включая и тех, что отозвались о Рифеншталь-фонде без особого почтения, клевать не пожелал.

Конечно, старательный Лемке на его месте продолжал бы разрабатывать тему и дальше. Но интуиция Фридриха оценивала эту идею более чем скептически. Похоже, что все бургские ниточки, на которые возлагал надежду Эберлинг – ну и он сам, конечно, тоже – оборвались или ни к чему не привели. Хотя и нельзя сказать, что эта поездка была бесполезной... Есть еще, конечно, шанс, что убийца Вебера, или похититель пресловутой книги, все-таки выйдет на него сам, как считала Фрау – но это может произойти и в Москве, как, собственно, с Вебером, по той же версии, и случилось... Но было еще некое беспокоящее обстоятельство – Власов пытался вспомнить, связано оно с Бургом или, напротив, с Москвой. Это удобное объяснение насчет Максуда... оно, конечно, очень логично, и все же Фридрих не мог отделаться от мысли, что слышал именно "Макс – сука". Причем в первый раз слышал это еще до своей единственной встречи с Грязновым. Где именно – в салоне Рифеншталь? Нет, еще раньше. И, кажется, там было все же не "сука", а как-то иначе. "Макс – падла?" "Сволочь"? "Гад"? Какие там еще есть русские ругательства?

Козел и свинья. Макс – козел и свинья. Вспомнив точную фразу, Фридрих вспомнил и человека, ее произнесшего. Фройляйн Марта Шварценеггер. "С ним связываться – думкопфом надо быть..."

В прошлый раз Фридрих не стал настаивать на разъяснениях, видя, что тема ей неприятна, а зря. Мало ли, на кого может держать обиду молодая девушка... а вот и не мало ли. Какова вероятность, что речь об одном и том же Максе? На первый взгляд – мизерная, Максов в Москве, считая не только фольков, но и вполне русских Максимов, еще больше, чем Фридрихов. Но не все Фридрихи интересуются штриком, и не все Максы имеют знакомых в демдвижении, подозрительно схожим образом о них отзывающихся... Макс Марты, по всей видимости, учился с ней в одном вузе, и Грязнов тоже – бывший студент МГУ. Тоже не доказательство, конечно, особенно учитывая, сколько студентов в Московском Университете. Грязнов с физфака, а тот Макс – хороший программист, возможно, "хакер", стало быть, скорее всего – с факультета вычислительной математики. Хотя не обязательно; едва ли он гуманитарий, но вот физиком вполне может быть. Для чего может наркоторговцу понадобиться программист, пусть даже и с хакерскими

навыками? Взламывать чей-то пароль? Чей-то шифр? Все это граблями по воде... Стоп. А если не физик, а химик? Что, если истоки дешевого штрика надо искать даже не в Райхе, а в Москве? Хотя тогда зачем бы Грязнову иметь дело с бургскими дуфанами? Но ведь Макс его подвел, потому он, очевидно, и "сука". Обещал изготовить к сроку штрик и не изготовил, в лучших традициях средневековых алхимиков, суливших своим богатым покровителям дешевое золото... Для алхимиков, правда, это нередко очень печально кончалось. И неведомый Макс вполне может разделить их судьбу – особенно если в число обманутых покровителей входит не только Грязнов, но и Спаде.

Фридрих вновь ощутил радость озарения. Похоже, эта часть головоломки сложилась. Пока, конечно, это лишь гипотеза, но уж очень стройная. Хотя все равно не ясно, есть ли тут какая-то связь с основной темой. Очень может быть, что тут чистая уголовщина без всякой политики, особенно если Макс – не более чем просто талантливый (не в химии, так в программировании) одиночка. Но найти его – если он еще жив – надо. И как можно скорее, пока это не сделал Спаде.

Фридрих открыл нотицблок и выбрал из памяти почтовой программы аншрифт Марты. Плохой способ связи. Письма по этому адресу могут читать и заинтересовавшиеся дочкой Шварценеггера ребята Бобкова, и подчиненные ее собственного отца. Но что делать – придется рискнуть. Формулировки Власов выбрал обтекаемые, сообщив лишь о важном и спешном деле, которое нужно обсудить в личной беседе. Требуется ли встреча, или достаточно телефонного разговора, он не уточнил, понадеявшись, что у Марты все же хватит благоразумия сообразить насчет возможности прослушки. Хотя, конечно, русские спецслужбы совсем не обязательно станут чинить препятствия – в особенности если речь и впрямь идет о простой уголовщине... или, по крайней мере, если таково будет их мнение.

Предположим, Марта не сможет найти достаточно надежный телефон и захочет встретиться лично – как скоро он сможет быть в Москве? Фридрих загрузил плац бургского транспортного агенства. Так, на утренний самолет он уже не успеет, вечернего слишком долго ждать. Фридрих слетал бы и сам, не останься его верный "Блом унд Фосс" в Фатерлянде, а арендовать самолет в России не так просто, особенно учитывая, что он не в состоянии оплатить это из своего кармана, а задействовать счета Управления без доказуемой явной необходимости лучше даже не пытаться. Зато в полдень отправляется скоростной экспресс "Гросс Петер", который будет в Москве уже в 16 с минутами... Хотя и скоростная железная дорога, и сам поезд были плодами совместного проекта российских и дойчских компаний, официально экспресс именовался "Петр Великий", и именно эти слова, причем даже стилизованные под славянскую вязь, значились на бортах и занавесках его вагонов. Однако петербуржцы, не столько даже, вероятно, из германофилии, сколько в пику Москве, упорно именовали поезд на дойчский манер, так что в конце концов это название появилось и на бургских транспортных плацах, и в объявлениях Московского вокзала. Свободные места еще были, и Фридрих поспешил зарезервировать билет.

Затем он позвонил Эберлингу.

– Не знаю, Фридрих, стоит ли тебе ехать в Москву сейчас, – сказал Хайнц, выслушав все новости. – Я по-прежнему сомневаюсь, что этот загадочный визит состоится здесь, а не в Бурге. Самое скверное – была надежда, что нам удалось выйти на след Зайна... опрос соцработников пока ничего не дает, но удалось найти пару других свидетелей, видевших человека, похожего на фоторобот...

– Так что же здесь скверного?

– То, что сейчас мы снова его потеряли. И я опасаюсь, что его может уже не быть в Москве.

– Думаешь, он укатил сюда?

– Не знаю, что думать. Вчера Управление прислало официальную просьбу русским, мы получили доступ к камерам наблюдения московских вокзалов и аэропортов, на контроль ставятся билеты, выданные пассажирам подходящего возраста, как на предыдущие дни, так и еще актуальные – но сам понимаешь, этого недостаточно, в праздничной толчее всех не проверишь, а самое главное – он почти наверняка не стал бы пользоваться поездом или самолетом. Это из Берлина ему было бы затруднительно добраться иначе, а из Москвы до Бурга – возможен любой вариант, вплоть до багажника автомобиля...

– Шестьсот километров в багажнике, да еще зимой? По-моему, он уже староват для таких трюков.

– О, не стоит недооценивать этого ублюдка... Ходят слухи, что однажды он пересек границу в гробу под общим наркозом. Хотя, возможно, это и легенда.

– Если допустить, что он приехал в Бург только что, или, тем более, только должен приехать – едва ли у него хватит времени на организацию операции. И едва ли он доверится другим, организовавшим все в его отсутствие – это не его стиль...

– Тоже верно. Надеюсь, что ты прав. Мы задействовали в Москве практически все возможности, какими располагаем – будет чертовски обидно, если это все впустую...

– И ты хочешь, чтобы я прикрыл бургское направление?

– Я не имею права этого хотеть, – вздохнул Эберлинг. – Зайн – это моя головная боль. Твоя задача – дело Вебера. И даже если между ними, как мы полагаем, есть связь... Впрочем, тема бургского штрика заслуживает дальнейшего изучения. У меня сложилось твердое впечатление, что кое-кто из завсегдатаев салона Рифеншталь знает об этом больше, чем положено законопослушному гражданину – увы, меня выдернули оттуда слишком рано... Возможно, есть смысл пообщаться лично с господином Лихачевым. Он-то, конечно, к наркотикам и прочей уголовщине не имеет никакого касательства. Но одна мысль о том, что салон его супруги используют для прикрытия каких-то грязных целей, оскорбит его настолько, что он способен выложить немало информации о гостях...

– Кое с кем я уже общался. Возни много, а результат сомнителен. Лихачев – вообще фигура чисто декоративная... А времени у нас, боюсь, остается не больше двух дней – если этот визит состоится в субботу или воскресенье, и если он имеет отношение к теме.

– Я бы помог тебе в Бурге, но, сам понимаешь, не могу сейчас покинуть Москву. Тем не менее, я мог бы помочь тебе с московскими делами. Например, встретиться с этой твоей Мартой.

– Сомневаюсь, что она захочет встречаться с незнакомым человеком.

– Можно подумать, что тебя она так уж хорошо знает! В любом случае, ты можешь рекомендовать меня ей. Это проще, чем отмахать лишние 600 километров.

– Спасибо, Хайнц, я подумаю.

– Ну ладно, если что, держи меня в курсе. А я тебя, соответственно.

Стоило Власову положить трубку, как нотицблок звякнул, извещая о свежей почте. Это был ответ от Марты.

"Хорошо, что вы написали. У меня серьезные проблемы. Вы можете прийти через

час на то же место, что в прошлый раз? Только будьте осторожны".

Вот так, подумал Фридрих. Девочка доигралась в сыщиков. Возможно, конечно, она по молодости и наивности преувеличивает опасность. А возможно, наоборот, недооценивает. Но в любом случае – в таком состоянии она уж точно не станет встречаться с неизвестным, тем более рекомендованным не лично, а электронной почтой. Да и самому Власову не очень хотелось доверять это дело другому. Эберлинг, конечно, не Лемке, но все же хватит уже и того, что случилось с фрау Галле. Так что спасибо Хайнцу за помощь, но с Мартой надо будет все же встретиться лично.

Впрочем, какова вероятность, что это письмо написано вовсе не Мартой? Что это – провокация с целью выманить его из Бурга? С утра ему показалось, что того же хочет и Никонов... Фридрих проверил техническую информацию письма. Отправлено через другого анлифера, чем в прошлый раз. Сверившись с базой данных по адресам, Власов убедился, что новое письмо было послано из REIN-кафе на Тверской. Значит, она не в университете, несмотря на учебный день – что вполне согласуется с содержанием письма. Что ж, кафе – не самое плохое место: на глазах у посетителей, среди которых, кстати, могут быть и иностранцы, ей вряд ли причинят вред...

Прикинув вероятности, Фридрих решил, что, скорее всего, письмо все же подлинное. Он отправил ответ, в котором извещал, что сможет прибыть на место лишь к 17:00, просил не волноваться, но и не терять осторожности, оставаться на виду и не пользоваться подземкой. Некоторое время Власов размышлял, не послать ли в то кафе кого-нибудь из оперативников, и решил, что все же не стоит: если Марта заметит слежку, может запаниковать и наделать глупостей. И даже если он ее там не обнаружит, это ничего не докажет – Марта ведь не обещала сидеть в кафе безвылазно...

Итак, решение принято: он возвращается в Москву. Если он хочет без лишней нервотрепки успеть на поезд – пора ехать.

Выехал он и в самом деле вовремя – дорожная обстановка, с учетом всех праздничных ограничений движения, к скоростной езде не располагала, так что на перрон Московского вокзала Фридрих поднялся за считанные минуты до отхода экспресса. Он быстро шел вдоль поезда, отсчитывая вагоны, и тут в кармане у него зазвучала "Песня летчиков".

Это оказался Никонов.

– Нашелся ваш Гельман, – мрачно сообщил майор.

– Где?

– В Неве. Повезло, что в промоину возле одного из стоков вынесло. Так бы подо льдом до самого залива дотащить могло, и никогда бы не нашли...

– Ясно, – вздохнул Фридрих. – Надеюсь, вы не будете говорить, что он сделал это сам?

– Это вряд ли. Судя по характеру повреждений, он упал с приличной высоты, вероятно, с парапета или с моста. Но не на ноги, как было бы, если бы ему вздумалось спрыгнуть. После падения был еще жив. При нем был бумажник с крупной суммой денег – кстати, половина в долларах – и два целленхёрера дорогих моделей, так что это не ограбление.

– Когда?

– Не меньше суток. Скорее всего, позапрошлой ночью, раз не было свидетелей.

– Версии?

– Это у вас надо спросить, – буркнул Никонов, – вы же собирались с ним

встречаться.

– Увы, я так и не знаю, что он собирался мне рассказать... Ну ладно. Спасибо за информацию.

Вот так, подумал Власов. Может ли это означать, что Зайн и впрямь здесь? Впрочем, почерк не похож на убийство Борисова. Гельман не сам прыгнул – его сбросили в реку, и, вероятно, у него хватило бы сил справиться со стариком. Хотя у Зайна в России есть покровители... Химический анализ крови, очевидно, еще не готов. И нет доказательств, что эта смерть связана с темой. Господин "консультант" пытался играть на слишком многих досках... Но нет доказательств и обратного.

А время, меж тем, тикает, и в Бурге, и в Москве. И сейчас необходимо решить, что важнее: мертвый Гельман или живая Марта?

Первый, по крайней мере, уже ничего не расскажет...

– Abfahren! – сказала проводница "Гросс Петера", как видно, тоже наметавшая глаз в определении берлинцев, но на всякий случай повторила по-русски: – Поезд отправляется. Вы едете?

– Ja, – кивнул Фридрих и шагнул в вагон.

Kapitel 48. Вечер того же дня. Москва, окрестности станции подземки "Университет" – улица Бычкова, 7.

Фридрих подъехал на место встречи в 16:57 – что само по себе потребовало от него чудес вождения: в пятницу в это время московские дороги и без того забиты, а тут еще грядущая кульминация масленичных торжеств и соответствующий приток туристов... Пришлось добираться до цели по какой-то совершенно фантастической траектории – спасибо навигатору, своевременно извещавшему об изменениях дорожной обстановки – и отчаянно превышать скорость на редких свободных улицах. Зато на финише ему повезло – прямо на глазах у Фридриха от тротуара отъехала машина, стоявшая практически напротив выхода из подземки, и Власов поспешно занял ее место (подъехавшему следом Лемке, коему Фридрих велел отслеживать возможные "хвосты", повезло меньше и пришлось доехать до перекрестка, развернуться и припарковаться на другой стороне улицы, метрах в шестидесяти дальше). Теперь не придется дожидаться Марты на холоде; в Москве, правда, было заметно теплее, чем в Петербурге – уличные термометры показывали +1 – но промозглый ветер напрочь нивелировал это преимущество.

В тепле салона время не тянулось так, как на морозе, но все же, когда Марта не появилась ни в 17:00, ни в 17:10, Фридрих почувствовал беспокойство. Конечно, весьма вероятно, что она добирается сюда наземным транспортом – контролерам, кажется, положен бесплатный проезд, но от стояния в пробках это не избавляет. В то же время ее "серьезные проблемы" могли и в самом деле оказаться таковыми – и даже серьезнее, чем она думала... Или письмо было все-таки не от нее? В таком случае, зачем русским спецслужбам нужно, чтобы он попусту торчал тут в ожидании? Если, конечно, не считать, что единственной их целью было выманить его из Бурга...

17:15. Марты все не было. Кажется, 15 минут считаются у русских допустимым пределом опоздания, по достижении которого ждать уже не обязательно. Хотя вряд ли кто-то может внятно объяснить, почему именно 15... Фридрих, конечно, мог подождать и больше, но не махнет ли рукой на встречу сама Марта, поняв, что все равно не успевает? Это, разумеется, при условии, что ей действительно мешает какая-нибудь ерунда типа

пробок... В любом случае – сколько имеет смысл ждать?

Фридрих вызвал Лемке и велел тому сделать неспешный круг по кварталу, осматривая окрестности. Разумеется, если за местом наблюдают, то наблюдение может вестись из любой точки, и совсем не факт, что Лемке удастся его распознать. Но некоторые характерные признаки, что какая-нибудь стоящая у тротуара машина стоит там не просто так, все же существуют... Конечно, тем самым Власов оставлял себя без прикрытия. Но, в конце концов, не будут же по нему стрелять из проезжающей мимо машины. Здесь не Дикий Запад, и такой скандал на фоне недавней смерти Вебера никому не нужен – ни Бобкову, ни ГРУ...

Приближающуюся к машине фигуру он заметил непростительно поздно – когда та была уже возле правой дверцы. Объяснялось это тем, что она появилась не оттуда, откуда он ожидал, а вынырнула из гущи толпы, вытекающей из выхода подземки. В первый миг эта фигура в объемистой куртке на молнии с наглухо застегнутым капюшоном и в совершенно неуместных по вечернему времени темных очках заставила руку Фридриха рефлекторно дернуться в сторону пистолета, но уже в следующее мгновение он осознал, что для профессионала приближающийся тип выглядит слишком нелепо и привлекающе внимание, а затем с облегчением рассмеялся.

– А я думал, вас опять задержал преподаватель, – слукавил Фридрих, пока Марта, проворно юркнувшая в машину, устраивалась на правом сиденье. – А вы катаетесь по подземке. Я же просил вас этого не делать. Это не слишком безопасное место.

– Вот именно потому, что вы просили, – серьезно ответила девушка, снимая очки и встряхивая освобожденными из-под капюшона волосами. – Если мою почту перехватывают, они не ждали, что я воспользуюсь подземкой. Вообще-то я давно уже здесь. Но не решалась выйти, наблюдала через стекло. Мне показалось, за вами хвост.

– В самом деле? – улыбнулся Фридрих.

– Вы зря смеетесь, – сердито возразила Марта, извлекая из недр своей безразмерной куртки цифровой фотоаппарат; это была не плоская "мыльница", какими "Пентакон" и "Ляйка" завалили прилавки Райхсраума еще в конце восьмидесятых, а довольно дорогая модель с выдвижным объективом. – Вот, смотрите. Он дает увеличение до десяти раз, между прочим. Очень удобно – сразу и аппарат, и подзорная труба, – девушка повернула рычажок, переводя жидкокристаллический экранчик в режим воспроизведения. – Вот эта машина подъехала следом за вами и специально развернулась, чтобы припарковаться к вам поближе. Водитель остался сидеть внутри и все время посматривал в вашем направлении...

Ай да маленькая Марта, подумал Фридрих. Ее "маскировочный наряд", конечно, лишь привлекал к себе внимание, зато Лемке она "срисовала" практически профессионально. Снимки, правда, вышли нечеткими – сказывались и недостаток освещения, потребовавший использования большой выдержки, и съемка через грязное стекло станции подземки. И все же различить силуэт Лемке в салоне было вполне реально.

– Но сейчас он уехал, – закончила Марта. – Тем не менее, я думаю, лучше нам тут не задерживаться.

– Хорошо, поехали, – согласился Фридрих. Тронув машину с места, он сунул руку под куртку и на ощупь отправил Лемке короткое сообщение – две кодовых цифры, означавших "пока отбой, но быть в готовности". – Так что там у вас случилось?

– Ой, тут такое творится! – девушка мигом утратила горделиво-уверенный вид, с которым только что демонстрировала свои сыскные достижения. – Ночью начались

аресты всех наших. Хорошо, что меня... – она запнулась, должно быть, в последний момент передумав называть имя, – успели предупредить по телефону. Я сегодня весь день кочую по улицам... Не знаю даже, где буду ночевать. Первая мысль была – в зал ожидания на вокзале, но ведь вокзалы они, наверное, взяли под контроль в первую очередь, а в гостинице надо предъявлять документы...

– Так, – оборвал этот поток Власов. – Прежде всего, успокойтесь. И расскажите по порядку то, что вам точно известно. Вы действительно уверены, что все ваши товарищи арестованы?

В принципе, подумал про себя Фридрих, такой вариант не исключен. ДГБ вполне мог устроить показательную акцию, особенно если в столице в ближайшие дни и впрямь что-то готовится. Но почему Никонов не предупредил об этом – даже в утреннем разговоре, состоявшемся уже после ночных арестов? Не знал – или не захотел?

– Нну... я не знаю точно, все или не все... – неуверенно протянула меж тем Марта. – Я позвонила Игорю, его жена сказала, что его забрали... и мать Ильи сказала то же... у Вадика никто не брал трубку... честно говоря, я испугалась обзванивать остальных. Тем более что эти две говорили со мной таким тоном... дескать, все из-за тебя и твоих дружков... – девушка поморщилась от неприятного воспоминания; вероятно, в оригинале выражения были еще более резкими. – Да и я знаю телефоны далеко не всех. Но, знаете ли, на розыгрыш это в любом случае не похоже. Такими вещами не шутят, по крайней мере, у нас.

– Я не имею в виду розыгрыш, – ответил Фридрих. – Хотя и такое бывает. Просто "забрали" еще не означает арест. Их могли вызвать для дачи показаний или для профилактической беседы. Обычно, правда, в таких случаях просто шлют повестку, но, возможно, в ком-то взыграло служебное рвение... Еще бывает такая штука, как превентивное задержание, на несколько часов или, максимум, дней. ДГБ применяет такое, когда хочет предотвратить какую-нибудь громкую несанкционированную акцию. Если ваши товарищи планировали что-то подобное – скажем, протесты против визита какой-нибудь важной шишки из Райха – то это вполне вероятно.

– Да вроде нет, – пожала плечами Марта, и Фридрих, внимательно наблюдавший за ее лицом, сделал вывод, что она не лжет. – Во всяком случае, мне о таком не говорили.

– Ну если нет, тогда, возможно, с ними уже побеседовали и выпустили. На вашем месте я бы позвонил сейчас и проверил. Для начала – кому-нибудь из рядовых членов движения, их отпускают раньше других.

– Думаете? – она покосилась на Власова с сомнением.

– Едва ли сам этот звонок повредит вам или ему. Поинтересоваться "как дела" – это не нарушение закона. А иначе откуда мы узнаем, насколько все серьезно?

– Вообще-то я... оставила свой целлен, – призналась Марта слегка смущенно. – Я слышала, что по ним можно определить местоположение...

– Можете воспользоваться моим, – любезно предложил Фридрих, протягивая трубку. При этом он, конечно, не забыл активизировать режим записи звонка.

Марта без дальнейших колебаний набрала номер.

– Алё, Вадик? Ты дома? Ой, как я рада! – защебетала она по-русски. – А я думала, тебя... Да? И что им было нужно? Не может быть! Да они врут! Ну и что, что фотографии? Их подделать в том же "Фотоверке"... Нет!

К концу разговора радость Марты, обнаружившей, что неведомый Вадик дома, а не в подвалах здания на площади Освобождения, полностью улетучилась. Девушка с самым

мрачным видом молча вернула целленхёрер Фридриху.

– Так что там с вашими друзьями? – прервал тягостное молчание Власов.

– Вы правы – пока это был только допрос. Во всяком случае, Вадима отпустили под подписку о невыезде... Они говорят ужасные вещи. Что Андрей, ну, один из наших... что он – преступник, сообщник бандитов, торгующих тяжелыми наркотиками, и что этой ночью его убили в Бурге на rasborke. Теперь они проверяют всех, кто был с ним как-то связан... Ведь это же неправда? Они сами его убили, а списывают на бандитов!

– А что вас так удивляет? – возразил Фридрих. – Разве ваши товарищи не ратуют за легализацию наркотиков?

– Ну так сначала же легализовать надо... и потом, речь только о легких... и вообще, это еще спорный вопрос – мне, скажем, эта идея не нравится... Но бандиты, уголовники – это наверняка вранье, гэбэшники любят в последнее время шить политическим уголовные статьи...

– Мертвецу статью не пришьешь, и показаний с него не получишь. Видите ли, любая полиция в мире, хоть криминальная, хоть политическая, старается взять подозреваемого живым. Исключение – разве что маньяки-одиночки в странах, где отменена смертная казнь. Таких, бывает, полицейские убивают при задержании сознательно, понимая, что законным путем наказать душегуба по заслугам все равно не получится. Но здесь не тот случай, не так ли?

– Ну, если у них не было достаточных улик против него... – неуверенно произнесла Марта.

– Можете мне поверить, они у них были. Вообще-то они были даже у вас, но вы предпочитали их не замечать. Андрей Грязнов был ненамного старше вас, но ведь ни вы, ни другие ваши сверстники, ведущие честную жизнь, не разъезжают на "Запорожцах"?

Марта испуганно отшатнулась к дверце.

– Откуда вы... Вы тоже один из них! Наши были правы!

– Ну да, конечно – ДГБ завербовал меня прямо в Берлине, – усмехнулся Фридрих. – Беда либералов в том, что они мыслят штампами, причем даже не пытаясь их осмыслить. Как по-вашему – будь я агентом спецслужб, стал бы я говорить что-то, способное вызвать ваше подозрение? Да и зачем бы мне вообще понадобилось разыгрывать перед вами спектакль? Разве вы сообщили мне сейчас что-то такое, что не было известно ДГБ?

– Хм... – смутилась Марта, – вообще-то вы правы, но...

– Я уже говорил вам, кто я, – продолжал Власов. – Я бывший военный летчик, проводящий сейчас свое частное расследование. То, что я рассказывал вам о гибели моего друга – правда. В этом деле замешаны наркотики. Да, я знаю, добропорядочный гражданин не должен путаться под ногами у полиции... но к убийцам Рудольфа у меня личные счеты, да и в безупречности русской полиции у меня, по правде говоря, есть большие сомнения, – Фридрих выдал типовой набор, приятный уху либерала: "человеческие, слишком человеческие" мотивы в противовес казенным правилам, нападки на полицию – и по тому, как смягчился взгляд Марты, понял, что попал в цель. – Грязнов действительно был наркоторговцем, я уже почти вышел на него, хотел побеседовать с ним по душам... но, увы, опоздал. Его собственные подельники прикончили его раньше.

– Из-за чего?

– Очевидно, из-за денег, – пожал плечами Фридрих. – Уж точно не из-за высоких принципов. Впрочем, полагаю, ваши принципиальные соратники от этих денег тоже не отказывались.

– Что значит "вы полагаете"? – девушка вновь гневно сверкнула глазами. – У вас есть доказательства?

– Разве Грязнов не делал взносов в партийную кассу? И, очевидно, достаточно солидных взносов? Или вы всерьез считаете, что ни Эдик, ни Игорь, ни остальные не догадывались, откуда у молодого человека неопределенного рода занятий такие средства? Даже если они не знали этого наверняка, то уж, как минимум, сознательно не хотели смотреть правде в глаза. Вам нужны доказательства – извольте: в последнее время у московских демократов наблюдаются проблемы с финансированием. Я это не знаю, всего лишь предполагаю. Но скажите мне, что это не так.

– Так, – вынуждена была признать Марта. – Со мной, правда, такие вопросы не обсуждают, но я слышала, как они ругались из-за этого... Пришлось даже урезать последние тиражи "Свободного слова".

– Ну вот. А знаете, что произошло в это время? Крипо провела успешную операцию против московских наркоторговцев. Одних выловили, доходы других резко упали. Грязнов, очевидно, попал во вторую категорию. Я не утверждаю, что все или большинство пожертвований демократическим организациям имели такой источник, но что по крайней мере часть – это теперь уже бесспорно. Мой друг как раз интересовался этой темой, и вы знаете, чем это для него закончилось. Кстати, вам удалось что-нибудь узнать относительно фотографии Рудольфа?

– Нет, – покачала головой Марта, – никто из наших его не видел. Если, конечно...

"...они не врут", – угадал проглоченное окончание фразы Фридрих.

– Скажите, а зачем вы следили за мной? Тогда, в воскресенье? Это ваши товарищи вас надоумили?

– Да нет... – смутилась Марта. – Они вообще не знают... Просто... ну, вы понимаете... в общем... вы кажетесь человеком, которому хочется доверять. Но я решила, что было бы глупо делать это безоглядно...

– Доверять безоглядно – это действительно неразумно, – согласился Фридрих. – Но что, собственно, вы рассчитывали увидеть? Мою встречу с тайным агентом спецслужб в темных очках?

– Ну вот, так и знала, что вы будете смеяться, – надулась Марта и отвернулась к окну. – Я понимаю, что кажусь вам глупой девчонкой...

– Не обижайтесь, – улыбнулся Власов. – Хотя надевать темные очки зимним вечером – это не лучший способ избежать чужого внимания. Скажите лучше вот что. Во время нашей прошлой встречи вы упомянули некоего программиста по имени Макс. Можете рассказать о нем подробнее? Я помню, в каких словах вы его характеризовали, но, возможно, он причастен к интересующему меня делу.

Девушка вновь посмотрела на собеседника.

– Его зовут Максим Кокорев, – произнесла она неохотно. – Учился на вычислительной математике, на том же потоке, что и я, но на курс старше. Одно время мы общались... нет, ничего такого, просто болтали о рехнерах, о фантастике и тому подобное... А потом оказалось, что он стукач.

– Вот как? И что же, Грязнов не знал, что это стукач?

– Грязнов?! – округлила глаза Марта. – Да уж он-то в первую очередь знал! Ведь именно Кокорев его и заложил! Это из-за него Андрей вылетел из универа!

Так, подумал Фридрих. Стройная гипотеза разваливается на глазах. Во-первых, никакой Макс не химик, во-вторых, Грязнов уж точно не стал бы иметь с ним дело. Хотя в

принципе Макс все же может быть связан с наркотиками, и сияние обещанных им прибылей могло оказаться для Грязнова ярче старых обид. Но – затевать противозаконные дела с человеком, зная, что тот связан с ДГБ? Разве что в рамках некой сложной провокации, механизм которой пока не ясен... и, кстати, почему об этом Максе ни словом не обмолвился Никонов в их последнем разговоре? Попросту не вспомнил об уже разоблаченном либералами осведомителе – или же не захотел вспомнить?

Впрочем, вся ситуация может иметь и более простое объяснение. Грязнов мог ругать перед смертью Кокорева не за то, что тот сделал или не сделал для него сейчас, а за тот давний донос. Если он считал, что именно тот донос поломал ему жизнь и привел в ряды наркоторговцев. Что, конечно же, чепуха, ибо свой выбор человек всегда делает сам, а внешние обстоятельства – не более чем удобный повод...

А еще может быть, что это и вовсе другой Макс.

– Мне нужно найти этого Кокорева, – сказал Фридрих вслух. – Что еще вы о нем знаете? Отчество, год рождения?

– Отчество – нет. Год рождения, наверное, 71-й... хотя не знаю, может, он не сразу после школы в универ поступил... у него уже своя квартира была...

– Квартира? Вы знаете, где он живет?

– Во всяком случае, где он жил несколько лет назад. Была там однажды, заходила за книжкой. Еще, конечно, до всей той истории.

"И ей уже тогда там не понравилось, раз этот визит оказался единственным", – понял Фридрих, а вслух спросил:

– Вы помните адрес?

– Это недалеко от "Корниловской"... улица... летчика какого-то, там еще его статуя в шлеме... Быкова?

– Бычкова, – поправил Власов, сверившись с картой навигатора. – И он, между прочим, не "какой-то", а один из лучших пилотов-истребителей РОА. В Красной Армии он получил Героя Советского Союза и два ордена Боевого Красного Знамени. Потом, в РОА – Рыцарский Крест и, после восстановления российской наградной системы, Святого Георгия второй и первой степеней. В боях за Москву в 43-м он сбил лучшего советского аса Покрышкина, правда, тот все же сумел сесть на вынужденную... Так где именно на улице Бычкова?

– Ммм... – Марта задумалась. – Длинный такой дом...

– Тут их несколько, – заметил Фридрих, глядя на карту.

– Я не помню номер. Кажется, он мне его вообще не называл... В Москве на половине домов не хватает табличек с номерами и названиями улиц...

– В этом я уже имел возможность убедиться, – вздохнул Власов. – Решительно не понимаю, почему городская управа не может навести порядок в таком элементарном вопросе. Ну ладно – вы сможете узнать этот дом, если увидите? А заодно подъезд и квартиру...

– Ну... наверное, да. Твердо обещать не могу, но...

– Тогда едем, – Фридрих решительно развернул машину, благо дорожная разметка позволяла. Затем морзянкой отослал Лемке KMD с названием улицы.

– Но, может быть, он там уже давно не живет!

– Возможно. Но тогда соседи или домоуправление могут знать, куда он переехал.

– А если он там... мне ведь необязательно с ним встречаться? – просительно осведомилась Марта.

– Только покажете мне дверь квартиры, – заверил ее Власов. – Без английских церемоний с представлением как-нибудь обойдемся. Если он, конечно, вообще дома.

"И если он еще жив", – добавил он про себя. Интуиция подсказывала, что из трех предположений – Кокорев имеет отношение к делу, дома и жив – верными могут оказаться не более двух. Но если окажется, что Кокорев в бегах, возможно, действительно удастся узнать что-то полезное у соседей и в домоуправлении. Впрочем, не только у них.

– Вы знаете о Кокореве что-нибудь еще? – спросил он вслух.

– У меня был его телефон, но я его, конечно, давно выбросила. Еще шпиц его знаю – если он, опять-таки, новым не обзавелся...

– Какой шпиц? А, Spitzname, – понял Фридрих. – Не понимаю этой дурацкой моды рехнермолодежи пользоваться кличками вместо нормальных имен. У атлантистов с их сетевой анонимностью в этом есть хоть какой-то смысл, хотя честному человеку в любом случае незачем скрывать свое имя. А у нас – просто бездумное обезьянничанье... – на самом деле сетевой псевдоним Кокорева был ценной информацией: рехнерпоиск по этому имени в архивах русского REIN-сегмента мог принести кое-что интересное. – Так как пишется этот шпиц? У вас есть, чем написать?

– Да... – Марта извекла из курточных глубин ручку, затем, порывшись в карманах еще, достала уже изрядно помявшийся, сложенный вчетверо листок, каковой оказался прокламацией с неизменным призывом рожденным свободными читать и бороться. Без особого почтения к этому продукту демократической мысли Марта написала несколько крупных букв на чистой стороне и оторвала соответствующую четвертушку.

– Йеди, – прочел вслух Фридрих, на мгновение отвлекшись от дороги.

– "Джедай", – поправила Марта. – Это по-английски.

– Что-то не припомню такого английского слова.

– Вы не смотрели "Звездные войны"?

– Название, кажется, слышал. Это ведь какой-то холливудский блокбастер с, как это всегда бывает, кучей спецэффектов и абсолютно тупым сюжетом? Напомните, кто там от кого спасает мир.

– Повстанцы – от космической империи. И почему уж сразу "абсолютно тупой"...

– А вы вспомните историю реальных войн и сравните их с подобными поделками. В стиле "плохие построили одно большое непобедимое супероружие, но специально оставили у него единственное уязвимое место, в которое непременно попадет хороший герой-одиночка, выиграв тем самым всю войну". Я уж не говорю о "знании" авторами этих фильмов физики, химии, биологии и прочих полезных наук. Вспомнил, откуда я знаю это название. Там был небольшой скандальчик – по задумке режиссера, изначально на космолетах империи красовались стилизованные свастики. И угадайте с одного раза, кого это больше всех возмутило?

– Имперский МИД?

– Нет, разумеется. Американских продюсеров этого парня. Вы ведь в курсе, что в Америке "парнем" именуется любое лицо мужского пола, независимо от возраста и общественного положения? Так вот, они прикинули, сколько прибыли упустят, если фильм будет запрещен на всей территории Райхсраума, и приказали мистеру Люкасу немедленно убрать все намеки, и вообще, от греха подальше, перенести действие в давние времена и в далекую галактику. Фильм переделывали в большой спешке, и в некоторых эпизодах внутри повстанческих кораблей остались надписи по-английски... O say, does that star-spangled banner yet wave o'er the land of the free and the home of the brave? –

насмешливо пропел Фридрих. – "На свете существовало множество разных национальностей, но только у американцев был вместо национального гимна такой бессмысленный набор слов, испещренный вопросительными знаками." Знаете, кто это сказал? Писатель Курт Воннегут.

– Ну так он же дойч, – пожала плечами Марта.

– Его предки действительно были дойчами, но сам он – коренной американец, весьма, между прочим, уважаемый своими соотечественниками. Что, впрочем, не мешает этим соотечественникам вскакивать при звуках того самого гимна и прикладывать руку к сердцу так, словно у них разыгрался приступ стенокардии... Знаете, я, в принципе, могу понять практически любую систему ценностей. Не принять и не одобрить, но понять – да. Но вот чего я решительно не понимаю, так это непоследовательности. Коей, кстати, обычно грешат и холливудские фильмы. Почему вы вообще решили, что я это смотрел? Вы ведь, надеюсь, не считаете, что "Звездные войны" относятся к категории "это должен знать каждый культурный человек"?

– Ну... не каждый, наверное... просто подумала, что, раз вы летчик, вам должны нравиться фильмы про космос.

– Вот как раз летчикам следует держаться подальше от американских фильмов, где фигурирует что-нибудь летающее. Иначе есть большая опасность умереть от смеха. Такое впечатление, что в Холливуде специально отбирают в сценаристы самых малограмотных... Впрочем, в американских фильмах вообще царит культ некомпетентности, вы не замечали? Дело не только в малочисленных и плохо организованных повстанцах, одерживающих победы над регулярными войсками. Ладно, пусть эти войска – "плохие" и, по холливудским правилам, должны проиграть, несмотря ни на что. Но ведь из фильма в фильм неспособность выполнять свои профессиональные обязанности демонстрируют и "хорошие". Мир, ну или, по крайней мере, жизни главных героев, спасают исключительно дилетанты. Все эти стюардессы и простые пассажиры, сажающие реактивные лайнеры вместо пилотов (что, замечу, совершенно невозможно), журналисты и случайные свидетели, проводящие успешные расследования там, где пасует полиция, простые обыватели, действующие во время катастроф намного успешней спасательных служб... В самом лучшем случае героями оказываются отставники, лучше всего – выгнанные с позором за пьянство и превышение полномочий, но уж никак не те, кто просто честно и профессионально исполняет свои прямые обязанности.

– Вы, как видно, все же смотрели много американских фильмов, – ехидно заметила Марта.

– Смотрел достаточно, чтобы выработать о них свое мнение. И я не говорил, что я их вообще не смотрел. Я говорил конкретно про "Звездные войны". Кстати, американские продюсеры волновались почти что зря. У нас фильм после колебаний все же показали, но успеха он не имел.

– Это потому, что не было никакой рекламы, и шел он только в мелких третьесортных кинотеатрах!

– То есть, иными словами, американцам не позволили раздуть мыльный пузырь рекламной истерии и подавить зрителя гигантским размером экрана и грохотом динамиков, так что люди получили возможность оценить фильм непредвзято. Результат закономерен. Для того, чтобы сходить с ума от американских блокбастеров, надо быть воспитанным на штампах американской масс-культуры. Кстати, вы знаете, что такое "блокбастер"?

– Дорогой фильм, имеющий большой кассовый успех.

– Нет, это более позднее значение. Изначально блокбастер – это тяжелая бомба, предназначенная для уничтожения целого городского квартала. Block – "квартал", bust – "уничтожать". Разумеется, жертвами блокбастеров становились в первую очередь жилые дома – да, это все та же тема, что я затрагивал на том собрании... Это уж потом термин подхватили киношники. Кстати, показательно, что другое американское слово для обозначения "продукта, имеющего кассовый успех" – из того же смыслового ряда. "Хит" – "удар".

– Вы просто не любите Америку. Я понимаю, вы военный, привыкли относиться к ней как к потенциальному противнику... – голос Марты, однако, звучал без особой уверенности.

– Во-первых, мое отношение к Америке никак не влияет на истинность излагаемых мною фактов, каковые несложно проверить. Во-вторых, если уж говорить о моих чувствах к Америке... точнее, к Соединенным Штатам; ведь на самом деле Америка – это целая часть света, состоящая из двух континентов, и для одной-единственной страны, занимающей лишь чуть больше трети одного из этих континентов, присвоить себе название всей части света – это, как минимум, чересчур самонадеянно и невежливо по отношению к соседям, вам не кажется? История, по крайней мере, других таких примеров не знает. Райх никогда не именовал себя Европой, и даже большевицкому Китаю не хватает наглости подменять собой всю Азию, не говоря уж о Евразии... Так вот, США – это красивая страна, с удивительной и разнообразной природой и хорошим в целом климатом. Родина многих достойных людей, таких, например, как Чарльз Линдберг. И вообще эта страна основана нашими если не братьями, то уж, по меньшей мере, кузенами: ведь англосаксы – это, на самом деле, германские племена. Впрочем, и США, и Британия сейчас становятся все менее англосаксонскими... И к этим неплохо начинавшим, но заблудшим и сбившимся с пути кузенам, ныне поглощаемым в собственном доме ордами варваров из третьего мира, я испытываю не ненависть, а, скорее, жалость. Что, впрочем, не мешает мне вполне однозначно относиться к американскому государству. Государству, не только ведущему свой народ в пропасть вырождения, но и провозгласившему "империей зла" мою собственную страну – между прочим, ни разу в истории первой на США не нападавшую. Даже когда японцы вступили в войну, и мы должны были поддержать их как союзники, Дитль надеялся сохранить хоть какой-то мир со Штатами – хотя что это был за мир, я уже рассказывал. Но Рузвельту и его большевицким друзьям в Кремле была нужна война, и бомбардировки американской авиацией наших торговых судов в азиатских водах не оставили нам выбора...

– А кто такой Линдберг? – перебила Марта. – Я вроде слышала это имя, но никак не могу вспомнить...

– Вот-вот, – вздохнул Фридрих, – персонажей глупых американских фильмов вы помните, а настоящих героев Америки... Чарльз Линдберг – один из лучших летчиков в истории. В 1927 году он совершил первый в мире одиночный перелет через Атлантику. 33 с половиной часа без сна, на самолете, представлявшем собой топливный бак с крыльями – вообще не имевшем обзора вперед, если не считать маленького окошка перископа, неустойчивом и отвратительно управлявшемся, над лишенным всяких ориентиров океаном, без радиосвязи, без сложных современных приборов... Это был подвиг, равного которому в невоенное время я не знаю и теперь. И как Америка отплатила своему герою? О нет, не забвением – это было бы слишком хорошо. Для начала – массовой истерией

обожания, в результате чего он не мог даже сдать рубашку в прачечную без того, чтобы ее тут же не украли фанаты, а толпы репортеров следили за каждым его шагом, оставляя его в покое только в воздухе. Потом у него похитили малолетнего сына. Полиция оказалась бессильна, Линдберг заплатил выкуп, но его ребенок был уже мертв, он погиб еще в день похищения. Репортеры, естественно, были тут как тут, не преминув напечатать в газете фото полуразложившихся останков... Спасаясь от всего этого кошмара, Линдберг поехал в Дойчлянд. Его приятно поразил контраст между вечно преследующей его толпой на родине и величавым спокойствием нашей страны. Он хотел остаться в Райхе, но, увы, то были времена Хитлера с их юдофобскими перегибами, увидев которые, Линдберг переменил свое решение и вернулся. Но он оставался противником войны с Германией и, веря, что столь любезные вам свобода слова и право каждого на выражение своего мнения – не пустые слова в США, активно выступал с этой позицией. Он всего-то навсего не хотел, чтобы в этом конфликте лилась кровь его соотечественников. И как соотечественники его отблагодарили? Заклеймили как "антисемита", пособника нацистов и чуть ли не ближайшего сподвижника Хитлера. Газеты печатали карикатуры и вырванные из контекста фото, авиакомпании одна за другой отказывали отличному летчику в работе... И фактически эта травля, пусть и не столь интенсивная, как в первое время, продолжалась еще тридцать лет, до самой его смерти. Линдберга не спасло даже то, что он ушел добровольцем воевать с Японией. Жаль, что после войны он не перебрался к нам, при Дитле ему нашлось бы достойное место в Райхе. Но он, очевидно, до конца хотел доказать американцам, насколько они неправы...

– Какая грустная история, – печально произнесла Марта, помолчав. – Мне так его жалко, правда! И всего грустнее, что уже ничего-ничего нельзя для него сделать – я ведь не верю в загробную жизнь... Но, знаете, наверное, все-таки нельзя по одной несправедливости судить обо всей Америке?

– Хороша "одна несправедливость", растянувшаяся на всю жизнь... И если Америка так обошлась со своим героем, то что уж говорить о рядовых гражданах?

– Ну... нет, вы не подумайте, что я защищаю тех, кто устроил эту травлю... но нельзя говорить, что в США совсем уж нет свободы слова. Линдберга ругали в газетах, но ведь не отдали под суд?

– Американская общественная мысль не стоит на месте, – усмехнулся Фридрих. – Сейчас там можно отправиться под суд только за то, что вы назовете негра негром, дебила – дебилом, а гомосексуалиста – извращенцем. Это – тот идеал свободы слова, к которому вы стремитесь?

Марта молчала еще дольше.

– Это, конечно, глупость, – сказала она, наконец. – Но я надеюсь, что это временные перегибы. В конце концов, Первую поправку к конституции никто не отменял...

– Да, да. Только вспоминают о ней почему-то главным образом тогда, когда кто-нибудь предлагает закрыть очередной порножурнал.

– Америка борется за свободу и права человека во всем мире! – не слушала Марта.

– "Врачу – исцелися сам", – желчно ответил Фридрих. – Кстати, насчет этой борьбы тоже могу поведать вам кое-что интересное. Вам известно, почему у России нет своей атомной бомбы? – здесь Власов рисковал: сведения, которые он собирался сообщить, были не то чтобы секретными, но, в отличие от всего предыдущего, в открытой печати не публиковались, в силу деликатности самой ядерной темы. И все же он не

пожелал останавливаться.

– Потому что этого не хочет Райх! – ответила Марта с вызовом, вновь почувствовав себя уверенней.

– Не совсем так, – возразил Фридрих. – То есть правительство Райха действительно считает, что ядерная безопасность России в полной мере обеспечена размещенными на ее территории имперскими ядерными базами и соответствующими союзническими соглашениями. В связи с чем считает совершенно нецелесообразным передачу русским ядерных технологий. Но никакие злые дяди из Райха не могут запретить суверенному российскому государству самостоятельно разработать эти технологии. Мягко отсоветовать могут, запретить – нет. А к советам из Берлина в России прислушиваются далеко не всегда. И, понятное дело, на принцип и на конфликт из-за этого Райх бы не пошел. Сами посудите – страну, обретшую свою атомную бомбу, лучше сохранять в статусе союзника, чем отталкивать. Но атомная бомба – чертовски сложная штука, именно поэтому ядерных держав так мало. Для открытий такого уровня мало просто собрать коллектив специалистов и выделить им деньги. Нужен гений, нужна личность масштаба Хайзенберга, Айнштайна, фон Брауна или Цузе. В России такой личностью был академик Андрей Сахаров. Американская разведка это знала, и перспектива успешного завершения его работ нравилась ей куда меньше, чем самым праворадикальным дойчским ортодоксам. Насколько мне известно, в ЦРУ рассматривался даже план физической ликвидации Сахарова (тут Марта сделала возмущенно-протестующий жест, но Фридрих его проигнорировал) – но русские слишком хорошо его охраняли, подобраться было сложно. Да и уши организаторов покушения торчали бы за километр. И все же они добрались до академика, только хитрее. Его друг и коллега Сергей Ковалев, ныне отбывающий пожизненное заключение как американский шпион...

– Его недавно амнистировали! – перебила Марта.

– Вот как? Что ж, это весьма опрометчиво со стороны российского руководства, – огорчился Фридрих. – Тем не менее, напомню вам, что амнистия – это не оправдание. Его шпионажа в пользу США не отрицает никто, включая его самого – раз уж он принял эту амнистию. Так вот, Ковалев умелой демагогией втянул Сахарова в диссидентское движение, чем и поставил в итоге крест на его научной карьере. В результате Россия вместо бомбы получила еще одного врага режима, а кто-то в ЦРУ, надо полагать, прикрепил на китель очередную орденскую планку. За успехи в правозащитной деятельности.

– У вас есть доказательства, что это правда? – не сдавалась девушка.

– Секретными документами из архивов ЦРУ не располагаю, – пожал плечами Фридрих. – Но в соответствующих кругах эта история хорошо известна. Мне рассказывал один мой друг, с которым мы когда-то вместе учились, а ныне он имеет отношение к военной разведке. Кстати, вполне возможно, что ваш отец мог бы подтвердить мои слова.

– Что вы знаете о моем отце? – встрепенулась Марта.

– Только то, что вы сами о нем рассказали, – изобразил недоумение Власов. – Что он – высокопоставленный офицер русской службы. Ну и еще я видел его фотографию на вашей штелке. Насколько я понимаю, это ведь он подарил вам доступ в REIN? И рехнер тоже?

Девушка угрюмо промолчала, и Фридрих вернулся к прежней теме:

– Впрочем, даже если вы не хотите говорить с отцом, вы ведь не можете не замечать, что США борются за свободу и права человека как-то уж очень избирательно. А

именно – они затевают эту борьбу в тех странах, правительства которых чем-то мешают их геополитическим интересам. В отношении же других стран, ничуть не более либеральных, действует бессмертный принцип, озвученный все тем же Рузвельтом: "Он, конечно, сукин сын, но он – наш сукин сын".

– Ну допустим, – решилась Марта. – Пусть Америка такая плохая, то, сё. Но это же не значит, что порочна сама идея? Почему мы не можем построить демократию, которая не будет повторять американских ошибок?

– Вы меня извините, Марта, но вы слово в слово повторяете главый неокоммунистический тезис. "Да, Ленин был плохой, Сталин был плохой, Мао был плохой, Пол Пот был плохой, Ким Ир Сэн плохой, Кастро плохой – но это же не значит, что коммунизм плох как идея!" Покажите мне хоть одну сколь-нибудь крупную страну, где ваши благородные идеи воплотились бы без изъяна на практике. Про Британию мы уже говорили. Может быть, главный бордель Европы – Франция? Или бананово-кокаиновые республики Латинской Америки?

– Австралия, – предложила Марта, чуть подумав.

– А, страна потомков каторжников, – усмехнулся Фридрих. – Действительно, это место редко попадает в сводки новостей в связи с какими-нибудь скандалами. Но ведь и не только в связи со скандалами! Чем знаменита Австралия, кроме кенгуру? Вы можете назвать хоть одного великого австралийского ученого? Или деятеля искусства мирового уровня? Про великих политиков уж и не спрашиваю.. Глухое фермерское захолустье, как мне кажется – все же недостаточно вдохновляющий пример для всеобщего подражания.

– А что, национал-социализм – это строй без изъянов? – перешла в контрнаступление Марта.

– Да нет, конечно, – спокойно согласился Фридрих. – Но он, по крайней мере, не ставит перед собой задач осчастливливания всего человечества путем приведения всех к некоему абстрактному идеалу – в чем демократы так напоминают большевиков. Он заботится о благополучии конкретной нации и конкретной страны. И, надо сказать, у него неплохо получается.

Слева впереди показался памятник – бронзовая фигура летчика в комбинезоне и шлеме времен Второй мировой. На мокрой гранитной плите перед постаментом мерз хилый букетик.

– Вот улица Бычкова, – сообщил Власов. – Узнаете пейзаж? Куда дальше?

– Это по правую сторону, – тут же откликнулась Марта; кажется, она была рада возможности сменить тему.

Три минуты спустя автомобиль остановился возле серой девятиэтажки о шести подъездах. Марта некоторое время колебалась, близоруко щурясь сквозь стекло дверцы, но, наконец, заявила, что им нужен третий подъезд, четвертый этаж. Хотя, возможно, и наоборот – третий этаж, четвертый подъезд.

– Что ж, начнем с третьего подъезда, – ответил Фридрих, направляясь к обшарпанной двери, и Марта без особой охоты последовала за ним.

Домофона не оказалось вовсе – как и света на половине лестничных пролетов (Фридрих, естественно, не стал пользоваться лифтом, рассудив, что подъем на четвертый этаж не будет непосильным и для его спутницы). По своей архитектуре дом напоминал общежитие – коим в свое время и был. Его маленькие неуютные квартиры, некоторые даже без кухонь, стоили очень дешево, особенно с учетом городской программы жилищных субсидий, и Власов не нашел ничего невероятного в том, что молодой человек,

хорошо владевший востребованной профессией программиста, смог приобрести квартиру в таком доме, еще будучи студентом. Программирование – это та область, где можно начать хорошо зарабатывать задолго до получения официального диплома. Менее вероятным казалось другое – что за прошедшие с тех пор несколько лет тот же программист не заработал себе на жилье получше. Хотя бывают, конечно, рехнерспециалисты, особенно среди молодежи, согласные жить в любом сарае, лишь бы там не было проблем с электричеством и доступом в REIN...

Фридриху повезло: на четвертом этаже свет был, и более того – Марта сразу узнала коричневую, лишенную всякой обивки дверь (глазка в коей тоже не было). Пластмассовый корпус стандартного звонка был сломан и косо висел на квадратной кнопке.

– Ну, я пойду? – осведомилась девушка, когда Власов протянул руку к звонку.

– Подождите на лестнице, – ответил Фридрих. – Может быть, его здесь нет.

На всякий случай он все же нащупал в кармане "стечкин", а затем требовательно позвонил. Потом еще и еще. Никакой реакции; в квартире стояла мертвая тишина.

Фридрих постарался представить, куда выходят окна квартиры и был ли в них свет. Выходило, что на обратную сторону дома – от подъезда их было не видно.

– Марта, могу я вас попросить? – негромко окликнул Фридрих, отступив на лестницу. – Посмотрите с улицы, есть ли у него свет в окнах.

Конечно, отсутствие света ничего бы не доказывало – если в квартире кто-то был, он мог погасить свет после первого же звонка. Зато наличие света сказало бы о многом. К тому же Фридрих решил отослать Марту, чтобы без помех поговорить с Лемке, не утруждая себя KMD-морзянкой.

Сообщив подчиненному свое точное местонахождение, Власов велел Лемке не терять времени даром и заняться поиском в сети сообщений от "Jedi". Район был, конечно, не центральный, но и не глухая окраина – Фридрих надеялся, что беспроводной доступ в REIN должен работать здесь достаточно устойчиво. На крайний случай Лемке было разрешено поездить и поискать место, где сеть ловится лучше.

Закончив разговор, Власов занялся опросом соседей. Впрочем, "опросом" – это было бы громко сказано: в квартире справа на звонки тоже никто не отозвался, а из-за двери слева после второго звонка откликнулся не слишком трезвый голос, сообщивший в ответ на очень вежливый вопрос Власова, что он знать ничего не знает об этом м...ке из соседней квартиры, и не пошли бы на х... все, кто мешает рабочему человеку после смены смотреть футбол. Фридриха подмывало строгим официальным тоном сообщить рабочему человеку, что на того будет составлен протокол за нецензурную брань, но он вздохнул и решил не тратить время. Тем более что на лестнице уже послышались шаги возвращавшейся Марты. Слегка запыхавшимся голосом (лифт, как выяснилось, не работал) девушка сообщила, что света в окнах нет.

Фридрих не унывал; он знал, что соседи снизу – часто более информативный источник, чем живущие на том же этаже, ибо в современных домах слышимость через потолок обычно лучше, чем через боковую стену. О чем он и сообщил Марте, когда они спустились до погруженной во мрак площадки третьего этажа.

– Хотите, я вам помогу? – предложила вдруг девушка.

– Каким образом?

– Ну, скажу, что это мне срочно нужен Макс. Вы... только не подумайте, что я кокетничаю, но... девушкам, которые расспрашивают о молодых людях, часто отвечают

охотнее, чем незнакомым мужчинам.

"Маленькую Марту снова увлекла игра в сыщиков", – мысленно улыбнулся Власов, но тут же согласился, что идея не лишена здравого зерна. Особенно учитывая темень на лестничной площадке – девушке в такой ситуации с большей вероятностью откроют дверь.

Марта вежливо тренькнула звонком. Долгое время никто не отзывался, и девушка снова потянулась к кнопке, но тут за дверью послышались шаркающие шаги, и не слишком дружелюбный старушечий голос спросил: "Кто там?"

– Добрый вечер, – прощебетала Марта. – Вы извините, я по поводу вашего соседа сверху, Максима Кокорева. Мне очень нужно с ним встретиться, а он...

– А я тут при чем? – перебила старуха. – Знать не знаю никакого Кокорева! – но, не успел Власов огорчиться, как последовало продолжение: – Еще девки всякие к нему будут ходить, еще только оргий над головой мне и не хватало! Иди-ка ты домой, милочка! У тебя мать-то есть? Она знает, что ты на ночь глядя (на самом деле не было еще и половины седьмого) по всяким пункам бегаешь?

– Прошу прощения, сударыня, – вклинился Фридрих, мигом оценивший ситуацию, – но вы неверно поняли. Эта девушка пожаловалась на Кокорева, и нам необходимо с ним побеседовать.

– Ах вот оно что! – тон старухи разом смягчился. – Ну наконец хоть кто-то занялся этим типом. Сейчас я вам открою.

Щелкнул замок, и хлынувший на площадку свет обрисовал в дверном проеме невысокую сухощавую старушенцию никак не моложе семидесяти, в халате с китайскими драконами и мохнатых тапках с помпонами, с собранным в гримасу вечно оскорбленной добродетели морщинистым лицом. Вся информация о ней читалась по этим морщинам, как по бороздкам древнего фонографа: семьи нет, близких подруг тоже, домашних животных не держит, ибо возня и трата денег, и вообще, от них грязь и аллергия; основные занятия на текущий момент и, очевидно, уже до конца жизни – фернзеер и писание кляуз. В общем, просто клад, а не бабулька. Власов опасался лишь одного – что первым делом старуха потребует его документы и внимательно их изучит; дотошность вкупе с подозрительностью у такой публики в крови. В этом случае сойти за русского полицейского, проверяющего жалобу, уже не получится; впрочем, у Фридриха оставалось несколько запасных вариантов – он мог, к примеру, выдать себя за представителя университета (едва ли старуха знала, что Кокорев отчислен), или даже за близкого родственника Марты.

Однако радость старухи по поводу того, что жильцом сверху наконец-то занялись всерьез, была сильнее ее бдительности. Информация полилась потоком, Фридрих едва успевал вставлять наводящие вопросы. В считанные минуты он узнал, что, во-первых, Кокорев и впрямь все еще живет здесь; что тип он угрюмый и подозрительный и вообще хам, никогда не скажет ни "здрасьте", ни "извините"; что он курильщик, и Анна Сергеевна (как звали старуху) не раз жаловалась в инстанции на табачную вонь, проникающую в ее квартиру через вентиляцию, и что пару лет назад жалобы наконец-таки возымели действие – вонь прекратилась, хотя, очевидно, табачную отраву он заменил алкогольной или еще чем похуже – видела она его на лестнице, краше в гроб кладут, рожа желтая, глаза оловянные, она уж удивилась сегодня – какая ж девушка на такого польстится, и что после курева началась еще другая напасть – "этот пунк" начал слушать тяжелую музыку, "эту американскую, которая как рельсой по голове – бум, бум, бум!" (то есть "металл",

понял Фридрих, так что Кокорев, собственно, скорее металлист, чем панк), и все это часами, хотя по ночам эту дрянь гонять Анна Сергеевна его быстро отучила, зато уж днем он из принципа врубал на полную громкость, и уж сколько она писала-писала – эти бюрократы отвечали, что нет закона, запрещающего использование звуковоспроизводящей аппаратуры днем, точнее, есть какое-то там ограничение по этим, как их, дебилам, что ли, да-да, децибелам, но пунк-де до этого предела чуть-чуть не дотягивает, самим бы им, бюрократам, пожить под таким "не дотягивающим" типом, особенно когда тот одну песню – если, конечно, эту какофонию можно назвать песней – долбит по десять раз подряд, но вот уж она лично городскому голове написала, слава богу, помогло, уже пару месяцев тихо...

– Два месяца? – перебил Власов. – Это точно?

– Ну... – задумалась старуха, вынужденная прервать поток, – может быть, и все три. Снег уж точно лежал... но он в том году рано выпал...

– И с тех пор он вас больше не беспокоил?

– Тише воды, ниже воды стал – уж, видать, прижали его, голубчика! Хотя, наверное, еще какую-нибудь пакость готовит, знаю я его, пунка этого! Уж он меня и заливал два раза, ну, не иначе, по пьяному делу кран не заворачивал, а может, и из вредности, я-то, конечно, его оба раза заставила ремонт оплатить, а все равно на кухне на потолке пятно осталось, пойдемте, я вам покажу, уж я писала, чтоб мне еще раз потолок побелили, да от этих бюрократов разве толку дождешься, мол, "согласно подписанному акту, вы претензий по качеству работ не имели", ну, недоглядела я, старость не радость, глаза-то уж не так видят, а они-то и рады, бездельники, вы проходите, засвидетельствуйте, что есть пятно...

– Но в последние два-три месяца Кокорев никак себя не проявлял, – вернул старуху к теме Власов. – Вы уверены, что он вообще еще здесь, а не съехал куда-то? Вы вообще его видели за это время?

– Да я его и раньше почти не видела! Он же сидит, как сыч, в берлоге своей, носу на белый свет не кажет, все люди, как люди, на работу ходят, а у этого уж и не знаю, откуда деньги берутся, уж я писала, чтоб проверили, а только куда ж он отсюда съедет, кому он нужен, пунк-то этот, видать, до смерти мне его над собой терпеть, вот же послал бог наказание...

– А от городского головы вам ответ пришел? – заинтересовался Фридрих.

– Да прислали, как всегда, отписку стандартную, что-де вашему обращению присвоен номер такой-то, и оно передано для рассмотрения в канцелярию... Я уж думала, толку никакого не будет, придется снова писать, а то и лично на прием записываться, а куда уж мне по чиновникам-то ходить, ноги-то больные, да только вот, видать, городской голова все ж-таки велел разобраться, прекратились концерты эти...

– Понятно, – кивнул Фридрих. – Значит, Кокорев отсюда не съезжал, и вообще из дома почти не выходит. Однако, если он и дома, то дверь не открывает и на звонки никак не реагирует... Где тут у вас домоуправление?

– Первый подъезд, как войдете, направо будет лифт, а вам прямо надо... Дверь ломать будете? – просияла догадливая старуха. – Вам, чай, понятые понадобятся? Так вы не стесняйтесь, меня зовите, я, хоть у меня ноги и больные, а гражданский долг исполнить всегда готовая...

– Конечно, конечно, – покивал Власов, пятясь к лестнице. – Мы высоко ценим помощь таких граждан, как вы. Так что, если понадобитесь, непременно... До свидания,

Анна Сергеевна.

Старуха, уже открывшая было рот, чтобы спросить, что же такое Кокорев сделал Марте, еще некоторое время так и торчала в дверях символом неутоленного любопытства, но Фридрих с девушкой уже, не оборачиваясь, спускались вниз.

Дальнейшее сильно напомнило Власову сцену в доме на Ореховом бульваре – тогда, правда, основные уговоры управдома брал на себя Эберлинг, а теперь Фридриху пришлось пройти через это самому. Местный управдом был на голову выше и лет на пятнадцать старше тамошнего своего коллеги, но манеры и интонации имел на удивление похожие. Первым делом, когда Фридрих и Марта зашли в его контору, он, не поднимая головы от каких-то бумаг, раздраженным тоном заявил, что все знает про лифт в третьем подъезде, и что его отремонтируют завтра к полудню, в крайнем случае – к вечеру, а раньше – никак, хотя бы даже он, управдом, разорвался сейчас на части. Когда же выяснилось, что посетителей интересует отнюдь не лифт, последовали долгие препирательства, в которых принимала активное участие и Марта, вполне убедительно настаивавшая, что Кокорев давно уже не отвечает на электронные письма и звонки и что он непременно поставил бы ее в известность, если бы куда-нибудь уехал. "Вот и соседка его подтверждает, что уже несколько месяцев не видела, чтобы он выходил из дома..." "Это Купцова, что ли? Нашли кого слушать – она уже всех задолбала своими жалобами..." "Вы хоть понимаете, что речь может идти об уголовном деле? И если окажется, что вы препятствовали..." – это уже, конечно, наседал Власов. "А вы меня не пугайте, я пуганный! Все равно тут все замки по сто раз меняли, дубликатов ключей у меня нет... Где я вам в семь часов слесаря найду?" "Полагаю, в его квартире." "Это если он с дружками пить не пошел..." "А вы позвоните и проверьте." "А кто ему сверхурочные платить будет?" "Ладно, – вздохнул Фридрих. – Я заплачу. Если окажется, что мы и в самом деле напрасно вас побеспокоили."

В итоге слесарь отыскался без особенных проблем, и все четверо направились к квартире Кокорева. Фридрих, правда, подумал, не предложить ли Марте подождать в машине, ибо зрелище за закрытой дверью могло оказаться не из приятных, а в качестве второго понятого и впрямь сгодилась бы Купцова – но тут же решил, что воспоминания Марты о том, как выглядела квартира в ее прошлый визит, могут оказаться полезными.

Слесарь вскрыл дверь за считанные секунды, и управдом, заранее вооружившийся большим фонарем, первым шагнул в непроглядный мрак. Власов осторожно двинулся следом. Пахло затхлостью и застарелой грязью, но не разложением. Едва ли в квартире мог находиться труп – уж во всяком случае, не двухмесячный точно, и даже не недельный, если вспомнить время отъезда Грязнова в Бург.

Луч фонаря обежал косяки, задержавшись на выключателе. Власов, загодя натянувший перчатки, зажег свет в крохотной прихожей без зеркала, а затем – в комнате, куда вела распахнутая дверь.

Комнатенка размерами больше напоминала купе поезда, чем постоянное человеческое жилище. Вдоль левой стены – продавленная коричневая софа, вдоль правой – лишенный скатерти стол, на котором громоздились рехнер с неожиданно большим монитором, друкер, два внушительных динамика стереосистемы (еще два висели на стене над софой), и валялись в беспорядке еще какие-то рехнеркомплектующие, а также диски, распечатки и даже давно засохший недоеденный бутерброд, рядом с которым стояла захватанная щербатая кружка. Посередине между софой и столом, почти касаясь их обоих, точно под люстрой, в которой из трех лампочек зажглась лишь одна, стояло

вращающееся бюрокресло на колесиках. Между торцом софы и задернутым плотной черной шторой окном громоздилась бесформенная груда, состоявшая из пустых пластиковых бутылок из-под пива и газировки, рваных коробок из-под пиццы, мятых рубашек, футболок и носков, затрепанных журналов и бог весть чего еще. На всем в комнате лежал слой пыли, которая вполне могла скопиться за несколько месяцев; впрочем, пол здесь, по всей видимости, не мыли еще дольше.

– Здесь всегда был такой гадючник? – брезгливо осведомился Фридрих у Марты.

– В прошлый раз было не слишком опрятно, но уж не так, – ответила девушка. – Это уж он совсем опустился, – "и туда ему и дорога", угадывалось по ее тону.

На кухне (возникшей, как и комната, благодаря перегородке, разделившей некогда единое помещение) царили не меньшие разор и запустение. Нагромождение грязных тарелок в раковине (в верхней паслись тараканы, брызнувшие в разные стороны при приближении людей), обугленная до черноты сковородка, кастрюля на столе, в которой, подобно обомшелому валуну, покоилась густо заросшая плесенью горбушка, холодильник, единственным содержимым коего оказались початая банка тушенки с торчащей из нее вилкой и бутылка пива... Фридрих не преминул проверить на пивной этикетке дату изготовления: начало декабря.

– Ну, и где ваш покойник? – язвительно осведомился управдом.

– Я бы и сам хотел это знать, – невозмутимо ответил Фридрих, доставая кошелек. – Что ж, как я и обещал...

– Во всяком случае, здесь его нет, – констатировал управдом, запихивая деньги в карман; если он и собирался делиться со слесарем, то позже. – А посему прошу господ понятых поставить свои подписи под актом и освободить помещение.

– Составление акта требует тщательного осмотра, – возразил Власов, возвращаясь в комнату. Искушение включить рехнер и порыться в кокоревских платтендатах было велико, но не будет ли управдом протестовать? Да черт с ним, пусть протестует! Однако Кокорев оказался не так прост: сразу же после включения высветилось окошко диагностики, известившее об отсутствии в рехнере какого-либо плата – и о невозможности загрузки, соответственно. Фридрих выключил машину и под недовольное бурчание управдома шагнул к груде хлама в углу. Из всего сваленного здесь его больше всего интересовали коробки от пиццы.

Власов уже составил вполне четкое представление об обитателе этой квартиры. То, что он здесь увидел, нельзя было объяснить никакой непритязательностью рехнерэнтузиаста. Кокорев жил не просто грязно – он жил весьма бедно. Если, конечно, не считать современного рехнера и его периферии – те стоили немало, но это, в конце концов, были разовые траты. На что же уходили остальные доходы высококлассного программиста – доходы, некогда позволившие ему в короткий срок накопить деньги на квартиру, а ведь с тех пор он должен был еще повысить свой профессиональный уровень? Ответ напрашивался, особенно в сочетании с показаниями Купцовой: на наркотики.

Ясно было и то, что Кокорев покинул свое обиталище добровольно. В отношении кого другого все эти недоеденные бутерброды и немытые тарелки свидетельствовали бы, что человек отлучился ненадолго, но что-то помешало ему вернуться; однако для такого, как Кокорев, было вполне в порядке вещей переселиться куда-то на долгое время, бросив здесь все в таком виде. Все, кроме рехнера, из какового Макс вытащил плат – что он едва ли стал бы делать, отправляясь в булочную за хлебом. Вероятно, он ударился в бега, как Фридрих и предполагал с самого начала. Хотя вернуться все же надеялся, раз оставил

здесь все эти вещи...

Возможно, Кокорева давно нет в Москве. Но если он все же где-то в городе, как его найти? Вряд ли он изменил своим привычкам не вылезать из дома – в особенности если он и впрямь от кого-то прячется. Готовить он тоже явно не любит. Значит, что? Значит, он по-прежнему питается преимущественно пиццей, которую заказывает с доставкой на дом. А раз так, на коробках наверняка имеется телефон или аншрифт магазина. Такие заведения доставляют товар в любую точку города по одинаковой цене, так что едва ли Макс, перебравшись на новое место, стал менять привычный магазин. И, значит, там знают, где он теперь живет.

Телефона на коробках не оказалось – только сетевой адрес, на всех один и тот же. Это был REIN-магазин. Что ж, вполне естественно. Осталось решить одну проблему – магазины не выдают сведений о своих клиентах кому попало, в том числе и сотрудникам спецслужб другого государства...

Управдом тем временем все громче проявлял нетерпение, и Фридрих, в последний раз окинув взглядом жалкое жилище, согласился расписаться в наскоро составленном акте и проследовать на выход.

Марта в дальнейших изысканиях Власова была бы только помехой, однако отправить ее снова в подземку после всей помощи, которую она оказала, было бы как-то слишком невежливо, так что Фридрих, рассудив, что может позволить себе потерять еще полчаса, пока Лемке копается в сетевых архивах, предложил подвезти девушку, куда она попросит. Час пик уже миновал, и, согласно навигатору, обстановка на большинстве московских дорог, исключая самый центр, была спокойной.

– Я... я уже сказала, что не знаю, куда мне ехать. Я снимала комнату через наших. Ночью я решила, что мне нельзя там оставаться – и сама рискую, и хозяев подведу. У меня вещи в камере хранения на вокзале... – девушка посмотрела на Власова просительно. – Можно мне...

"Неужели попытается напроситься ночевать ко мне?" – мелькнула у Фридриха неприязненная мысль.

-... еще раз ваш целленхёрер?

Власов протянул ей трубку.

– Вадик? Привет, это снова я. Ну что там, есть новости про Игоря? Это точно, не слухи? А Эдуард? Как по-твоему, он успел уехать из Москвы? Что значит "почему спрашиваю"? Ну да, я же сказала! Ну не тронули, ну и что? Я же весь день по Москве колешу! Или "колесю"? Вот ведь дурацкий русский язык... Вадик, ты что? Ты сдурел вообще?! Ты в чем меня подозреваешь?! При чем тут мой отец?! Ну и что, что с чужого целлена? Ну... друг один, ты его не знаешь. Нет, не из наших. А какое это вообще имеет...

Девушка с растерянно-обиженным видом отняла целленхёрер от уха.

– Бросил трубку, – сообщила она, словно в пространство. – Вот же идиот. Они там все с ума посходили. Ищут стукача, который их всех заложил... (Фридрих отметил про себя, что если прежде "они" означало ДГБ, то теперь этим местоимением Марта обозначает прежних "наших".) И кому-то взбрело в голову, что, раз меня не арестовали вместе с другими... и раз мой отец... Лучше бы сами разобрались, у кого деньги берут! Знаете, Игоря так и не выпустили, ему предъявлено официальное обвинение в пособничестве наркоторговле... а Эдик в бега ударился... Если он невиновен, зачем же бежать? Только остальных подставил...

– Теперь вы уже не считаете все это сплошной выдумкой ДГБ?

– Я уже не знаю, что мне считать... и куда мне деваться, тоже не знаю. У меня и денег-то с собой немного совсем... я думала, они мне помогут, а они... – девушка, казалось, сейчас расплачется.

– Знаете что, Марта, – сказал Фридрих как можно мягче, – давайте я отвезу вас к отцу.

Марта вскинула на него широко распахнутые глаза. Должно быть, в первый миг она хотела решительно возразить, но замерла в растерянности.

– Сейчас вы, чего доброго, уподобитесь вашим друзьям и решите, что это он меня подослал, – усмехнулся Власов. – Это не так, я сказал вам правду – я видел его только на фотографии... и все же я кое-что смыслю в людях. Ваш отец любит вас. Может быть, он не умеет об этом сказать, но это так. И, я думаю, он извлек урок из вашего ухода. Возвращайтесь к нему и поговорите с ним. Не о политике, или, во всяком случае, о политике не в первую очередь. В конце концов, вы же смогли нормально общаться со мной, несмотря на различия во взглядах...

– Хорошо, – решилась девушка, и Фридрих увидел в ее глазах облегчение, словно она сбросила давно тяготившую ее ношу. – Отвезите меня на Котельническую набережную.

Kapitel 49. Тот же день, поздний вечер. Москва, Котельническая набережная – улица Теплый Стан, 27.

– В русских форумах довольно много этих "Джедаев", – докладывал по телефону Лемке. – Большинство, правда, с добавлением каких-нибудь букв или подчеркиваний...

– Я уже сказал – нас интересует просто Jedi. Тот, кого я ищу, получил доступ в REIN одним из первых в Москве, тогда этот шпиц еще никем не был занят.

– Я понимаю, шеф, но на всякий случай... В общем, я нашел в разных форумах трех "джедаев" с разными адресами. Один интересуется исключительно рехнериграми, пишет много и часто, последнее сообщение датировано сегодняшним утром. Второй когда-то создал свою штелку и вел в сети свой дневник, но давно забросил это занятие; последнее обновление датировано позапрошлым годом. Судя по информации на штелке, его настоящие имя – Герман Вольф. Так это или нет, можно узнать у REIN-анлифера, но нужен официальный запрос...

– В сферу интересов этого Вольфа входило программирование?

– Судя по прочитанным мною записям, нет. То есть ему хватило знаний на создание своей штелки, но профессионально он этим не занимался. Зато занимался третий.

– Вы могли бы начать с самого важного, – неприязненно заметил Фридрих.

– Да, шеф, но вы велели представить полный отчет, предоставив делать выводы вам, – напомнил Лемке несколько обиженно. – Третий писал почти исключительно на форуме рехнерпрофессионалов, начиная с момента его создания. Последнее сообщение – от 2 декабря прошлого года.

"Вот оно!" – понял Власов. Значит, Кокорев все же не стал менять свой шпиц. Да и какой смысл – все равно его персональный сетевой адрес остался бы прежним, получить новый можно только по новым документам...

– И что в этом сообщении?

– Не знаю, шеф. Поисковик хранит данные только о количестве сообщений от

"Джедая" в архивах форума. Чтобы их прочитать, надо зайти на сам форум, а это невозможно без регистрации...

– Ну так зарегистрируйтесь!

– Не могу! – в голосе Лемке на миг прозвучали нотки обиженного ребенка, которого поманили, но не угостили конфеткой. – Эти так называемые профессионалы очень много о себе мнят. Для того, чтобы зарегистрироваться у них на форуме, надо сломать их защиту. У них там написано, что взлом официально разрешен, так что это не "хакерство"... но навыки нужны как раз хакерские. А с теми, кто такого не умеет, им, дескать, и общаться неинтересно.

– Ясно, – вздохнул Власов. Увы, тут он и сам не мог помочь своему подчиненному; как аналитик, он много и часто пользовался рехнером, но специалистом по взлому все-таки не был. Что ж, придется привлечь экспертов Управления. Но, пока они займутся этим делом, не исчерпан и другой путь...

Автомобиль стоял на Котельнической набережной, недалеко от Большого и Малого Устьинских мостов, и беспроводной доступ работал здесь отлично – то есть в той мере, конечно, в какой вообще позволяла эта только начавшая развиваться технология. С оптоволоконной связью, конечно, не сравнить, а вот с телефонным каналом уже вполне сопоставимо; Фридрих даже не стал отключать загрузку графики. Первым делом Власов проверил, сколько вообще в Москве REIN-магазинов, торгующих пиццей и тому подобными готовыми к употреблению пищевыми продуктами. Таковых оказалось всего два – все же REIN-торговля пока оставалась для большинства москвичей чересчур необычной и к тому же дорогой экзотикой. Правда, у сетевых торговцев бытовой и вычислительной техникой, книгами и разного рода билетами дела шли бойчее, но в отношение еды абсолютное большинство по-прежнему не понимало, зачем платить за сетевой заказ, если можно за пару минут дойти до ближайшей лавки или кафе. Так что, как видно, два магазина полностью покрывали узкий рынок, и Кокореву, даже прояви он повышенную предусмотрительность, деваться было все равно особо некуда.

Власов зашел на плац магазина, чей адрес значился на коробках. Здесь сведений о фирме оказалось больше – включая телефон. Фридрих задумался, как заставить человека на том конце провода выдать конфиденциальную информацию. Самый верный способ – организовать официальный запрос через ДГБ или крипо. Но этот путь вызывал сомнения. Во-первых, Никонов сейчас в Бурге, и, как он ясно дал понять, его возможность организовывать что-то в Москве сейчас ограничена. Возможно, он просто не хочет лишний раз привлекать внимание ищеек Бобкова к своей деятельности... А на искреннее сотрудничество Департамента в обход Никонова надеяться и вовсе не приходится. Во-вторых... у Фридриха не было уверенности, что даже и Никонов откровенен с ним относительно этого Макса. Уж больно охотно он "перевел стрелки" на некоего Максуда – а ведь Кокорев в свое время сотрудничал с ДГБ и имел прямое отношение к делу Грязнова. Возможно, тем разовым доносом все и ограничилось, но возможно, и нет. Что, если ДГБ из каких-то соображений покрывает Кокорева, и именно поэтому, несмотря на регулярные "сигналы" госпожи Купцовой, человек с внешностью и поведением наркомана остается на свободе? Все, конечно, может объясняться и проще – обыкновенным русским раздолбайством и тем раздражением, которое испытывают официальные лица от постоянных обращений Анны Сергеевны (забывая, разумеется, что лица официальные при исполнении своих обязанностей не имеют право на раздражение и прочие эмоции). Но гарантии нет.

Действовать через антинаркотическую службу крипо, пожалуй, вернее – особенно учитывая, что они заинтересованы в помощи Фридриха в поимке Спаде. Но торговаться Власову не хотелось. Он, конечно, был бы рад положить конец преступлениям этого гнусного типа, но действительно не знал, какие события могут развернуться в ближайшие часы и останется ли у него время на участие в операции крипо.

Но что, если... В Дойчлянде это было бы почти наверняка бесполезно, но в России могло сработать. Фридрих набрал номер и строгим голосом попросил администратора.

В трубке долгое время играла музыка, прежде чем заранее недовольный мужской голос, готовый отражать претензии клиента, буркнул: "Слушаю вас".

– С вами говорит майор Никонов из Третьего отделения Департамента Государственной Безопасности, – сообщил Власов тоном почти что светским, который, как он знал, был у русских безопасников в ходу. – Мы разыскиваем одного человека, и нам требуется ваша помощь.

Это был самый ответственный момент: заглотит или не заглотит? Не нужно быть гением, чтобы понять, что назваться дэгэбэшником по телефону может кто угодно. В принципе администратор имел полное право, прежде чем продолжать разговор, позвонить в Департамент и спросить, действительно ли там служит такой офицер и действительно ли он действует в рамках служебных полномочий. В ДГБ, свою очередь, могли подтвердить это, опровергнуть или ответить, что не могут предоставить такие сведения; понятно, что во втором и третьем случае гражданин был уже не обязан отвечать на вопросы неведомо кого. Существование майора Никонова в ДГБ вполне могли бы подтвердить, но тонкость была в том, что формально офицер, представляясь, обязан был назвать не только имя и звание, но и номер служебного удостоверения, коего Власов, конечно, не знал. Дойчский коллега московского торговца почти наверняка действовал бы по правилам и разоблачил бы мнимого гестаповца – однако обычно страх русских перед своими властями вообще и Департаментом в первую очередь, тем более – всесильной, по их мнению, "тройкой", был слишком велик, чтобы вспоминать о своих формальных правах.

– Да... слушаю вас, – повторил администратор уже совсем другим тоном. Сработало!

– Этот человек – ваш постоянный клиент Максим Кокорев. Скорее всего, он зарегистрирован под нутцерфрагом "Йеди". Julia – Emil – Dora – Ida . Нам нужна вся информация о нем, какой вы располагаете.

– Сейчас я посмотрю... – из трубки донеслось щелканье клавиш. – Да, есть такой. Давний клиент, имеет десятипроцентную скидку... Профиль обновлен в декабре прошлого года – к сожалению, данные предыдущего профиля у нас не хранятся...

– Ничего, – подбодрил Фридрих, – нас как раз интересуют свежие сведения. В декабре прошлого года он переехал и, очевидно, записал в свой профиль новый адрес. Какой?

– Улица Теплый Стан, 27, квартира 43. Код подъезда 1238.

– Как часто он делает заказы?

– У нас хранятся данные только о десяти последних. Но, судя по общей сумме – очень часто, то через день, то каждый день. И эти десять последних тоже.

– Что заказывал?

– Пиццу, пиво, газировку, хрустящий картофель. Вам нужны конкретные марки?

– Не обязательно. Когда он сделал последний заказ?

– 3 февраля в 19:26... – на последних цифрах в голосе администратора прозвучала

растерянность. – Это что же получается, он уже почти две недели к нам не обращался? С ним что-то случилось?

– Это мы и выясняем. Во сколько был доставлен заказ?

– Точно не могу сказать, но не позднее девяти. Это наш фирменный стиль – в течение полутора часов в любую точку Москвы! – в интонации администратора послышалась профессиональная гордость.

– Курьер, доставивший заказ, не заметил ничего необычного?

– Это курьера надо спрашивать... хотя, конечно, он бы доложил, если бы что-то незаконное... сейчас я посмотрю, кто в тот день развозил... Ага – Панченко... вы знаете, он сейчас на выезде к очередному клиенту. Когда он вернется...

– У него есть целленхёрер? – перебил Фридрих, добавляя металла в голос.

– Да, конечно. У всех курьеров...

– Дайте мне его номер. Если понадобится, я с ним свяжусь. А вы пока позвоните ему и предупредите, чтобы был готов к моему звонку, не отключал и не занимал надолго свою трубку.

– Да... да, конечно... Диктую...

Записав номер, Власов, снова светским тоном, поблагодарил администратора за помощь и попрощался, к явному облегчению собеседника. Теперь путь лежал на улицу со странным названием Теплый Стан – судя по карте навигатора, она находилась на юго-западе Москвы, почти у самой кольцевой. Интуиция, однако, подсказывала, что он собрался туда слишком поздно. Некие события произошли там вечером третьего февраля, как раз в день его приезда – а также в день появления в городе Зайна и ареста фрау Галле вместе с провозимыми ей образцами. Что это – совпадение? Во всяком случае, раз уж по крайней мере частичное финансирование московских либералов наркоденьгами доказано, к делу Вебера это может иметь самое прямое отношение...

Едва Фридрих выехал на середину моста через Москву, запел целленхёрер. Власов скосил глаза на экранчик и поморщился.

– Sie wünschen, Mister Ronalds? – осведомился он вместо приветствия.

– Guten Abend! – откликнулся американец, как ни в чем не бывало, и, как обычно, тут же перешел на английский. – Я хочу знать, где фрау Галле и что с ней.

Начинается, подумал Власов.

– Почему вы спрашиваете об этом меня? – произнес он вслух.

– А кого же еще? Я хотел сказать, вы ведь так ее здесь опекаете... Видите ли, я не могу до нее дозвониться. Пробовал вчера, и сегодня тоже весь день. Никто не берет трубку.

– Возможно, фрау Галле просто не хочет с вами разговаривать.

– До этого она разговаривала со мной неоднократно, – возразил Рональдс с ноткой самодовольства.

– И о чем же? – осведомился Фридрих тоном скучающего безразличия.

– Да в общем-то ни о чем, – простодушно признался американец, – Похоже, просто пыталась поддержать у меня интерес к ее особе. После, ну, той беседы, которую вы нам с ней устроили. Но вот как раз теперь, когда она мне понадобилась, я не могу с ней связаться. С ней все в порядке? Вы можете передать ей, чтобы она мне позвонила?

– Зачем?

– Это уже следующий вопрос. Вы мне скажите – можете или нет?

– Я не могу указывать госпоже Галле, кому ей звонить, а кому нет, – Власов

чувствовал, однако, что настырный американец не отвяжется.

– У меня сложилось обратное впечатление, – усмехнулся Рональдс. – И по-моему вы, как и положено нормальному нацисту, утаиваете правду от свободной прессы. С госпожой Галле случилось что-то плохое. Вероятно, она снова арестована. Ведь так?

– Нет.

– Значит, вы знаете, что с ней?

– Обратитесь в пресс-службу крипо, ДГБ или кого вы там еще подозреваете, – вздохнул Фридрих. – Мне нечего вам сказать.

– Что ж, – согласился Рональдс, – в таком случае мне тоже нечего вам сказать. Я тоже ничего не знаю. Например, про книгу... – он запнулся, явно читая сложное имя по бумажке, – цу Зэйн-Витгенштейна, которую вы разыскиваете.

– Зайн-Витгенштайна, – автоматически поправил Власов, вспоминая, однако, что уже зарекался недооценивать этого противника. Неужели все эти журналистские дела – маскарад, а истиная цель приезда Рональдса в Россию совсем иная? Сомнительно – уж тогда бы он, наверное, знал, как читается фамилия князя... если это тоже не притворство. – Допустим, вам известно это имя. И что?

– Э нет, сэр. Не прикидывайтесь, будто вам неинтересно. Вам очень интересно, вы ведь даже надеялись получить эту книгу от меня... И, между прочим, то, что я узнал, несколько отличается от вашей официальной версии о скупке краденого частным коллекционером. Я предлагаю честный обмен: то, что я знаю о книге, на то, что вы знаете о Галле. Ну как?

Фридрих прикинул варианты. О да, Мюллер сказал, что это "не его тема". Но это значит лишь, что он не должен на нее отвлекаться в ущерб основному делу – а не отказываться от информации, которая идет в руки сама. Тем более что эта информация, возможно, поможет ответить на все тот же роковой вопрос – кому из вышестоящих он может доверять?

Книга, очевидно, не у Рональдса, иначе тот запросил бы совсем другую цену. Может быть, Франциска просто рассказала ему то же, что и Власову? Хотя тогда американец не стал бы оспаривать версию о скупщике краденого – если это, конечно, не блеф. С другой стороны, если Рональдсу стало известно что-то еще, пусть даже самая малость, это может оказаться полезным. А чем при этом рискует сам Фридрих, если расскажет американцу о похищении? Только тем, что об этой истории раструбит нью-йоркское радио и другие СМИ – но ведь, чем бы она ни кончилась, она все равно в итоге получит огласку: при удаче российские власти с помпой отчитаются о ликвидации опасного бандита, при неудаче – уж точно не станут брать на себя его вину в исчезновении оппозиционной журналистки. Вот только, если эта огласка произойдет преждевременно, это может помешать полицейской операции. Если бы Рональдс потерпел до завтрашнего вечера... но какой атлантистский журналист упустит возможность первым прокукарекать на весь мир?

– Хорошо, я расскажу вам, – сказал Власов. – Но прежде вы должны пообещать, что не будете делать об этом репортаж, и вообще сообщать то, что узнаете от меня, кому бы то ни было каким-либо способом, до тех пор, пока не получите от меня разрешение. Я, в свою очередь, обязуюсь дать его вам сразу, как это станет возможным.

– Хмм... ну хорошо, – согласился Рональдс как-то уж подозрительно быстро. – Только вы рассказывайте свою информацию первым.

– Франциска Галле и ее сын похищены крупным московским наркоторговцем. В

настоящее время готовится операция по их освобождению. Как только она завершится, я вам позвоню. Помните, Рональдс, вы обещали ничего не разглашать до этого момента. Если вы не сдержите слово, это поставит под удар жизнь заложников.

– Да... да, я понимаю... – пробормотал Майк.

– Теперь ваша очередь.

– Ну, моя история подлиннЕе. Видите ли, есть у меня один приятель, тоже журналист, вместе учились, но он работает для бумажных медиа. Мы с ним не то чтобы близкие друзья, но периодически ездим вместе на рыбалку, ну и переписываемся по е-мэйлу, нерегулярно, правда. Так вот, я ему недавно писал через гейт, ну там впечатления от России, то-се, он-то тут не был никогда, – добавил Рональдс с ноткой превосходства. – Ну и про Галле эту тоже упомянул, мол, сперва гонялся за ней, а теперь не знаю, как от нее избавиться, – Майк хохотнул, осознав двусмысленность своей фразы. – Так он мне мигом ответил, а обычно через несколько дней только писал! Просит, чтобы я с Галле срочно связался и точно выяснил ситуацию. Оказывается, в издательстве из-за этой Галле целый переполох, и его girlfriend уже одной ногой на бирже труда...

– Вы хотите сказать – в редакции журнала?

– Да то-то и оно, что нет! Этот мой приятель в основном для журналов работает, но еще у него деловые отношения с одним крупным нью-йоркским издательством. Его girlfriend как раз оттуда, она вообще-то старше него, но он по этому поводу не комплексует... в общем, она ему эту работу и устроила. Он время от времени занимается для них литературной обработкой текстов. Так вот, некоторое время назад там затевался крупный проект, его girlfriend говорила, что он принесет им кучу денег. Она за него отвечала. А сейчас все это на грани краха. Как выяснилось, она вела переговоры с этой вашей Галле, даже летала для этой цели в Германию. Переговоры о том, что та должна передать ей книгу Вингинштейна...

– Витгенштайна!

– Да, да. То есть не лично передать, а... – Майк прикусил язык, вспомнив, что говорит с нацистским офицером.

– А переправить на Запад по каналам русских правозащитников, – спокойно докончил за него Власов. – Не думайте, что для меня это новость. Или что меня удивляет тот факт, что любовница вашего приятеля не хотела рисковать лично. Продолжайте.

– Да, собственно, продолжать уже и нечего. Старик умер, а Галле так и не успела с ним встретиться и получить книгу. И где эта книга, судя по всему, тоже не знает. А теперь и она сама пропала. Вы, кстати, уверены, что ее похитили именно наркоторговцы? Что это не связано с книгой?

Фридрих на секунду задумался. Нет, в интересы Спаде букинистика уж точно не входит. Конечно, если бы тот узнал, что на этом можно заработать круглую сумму... но тогда бы он требовал деньги не с Фридриха.

– Уверен, – искренне ответил Власов. – А что вам еще известно об этой книге?

– Да ничего. Честно, ничего. Мой приятель – и тот не знает. Там же такая секретность, в этих издательствах! Пока все права не у них – они страшно боятся, что о деле пронюхают конкуренты и уведут у них добычу из-под носа. Если бы узнали, что их сотрудница хоть словом обмолвилась своему boyfriend'у – ее бы уже уволили. Но теперь, если книга срочно не найдется, ее так и так уволят...

– Крайне глупо выгонять того, кто владеет секретной информацией, интересной противнику, – заметил Фридрих. – Такого человека надо холить и лелеять. Или убить.

– Надеюсь, вы шутите, – неуверенно произнес Майк.

– Надейтесь. Хотя, когда речь идет о сотнях тысяч долларов, я бы не был в этом так уверен. В Америке убивали и за меньшее. И именно поэтому я еще раз настоятельно советую вам, если вдруг вам все же удастся узнать, где эта книга, обратиться в имперское посольство, а не пытаться реализовать ее самостоятельно. Имейте в виду – за этой книгой охотятся очень серьезные и неприятные люди.

– Кто именно? – профессионально заинтересовался Рональдс.

– Это все, что я могу вам сообщить, – свернул тему Власов. – И помните, что вы мне обещали.

Положив целленхёрер в карман, Фридрих задумался. Полку охотников за книгой прибыло – теперь еще и американское издательство... Выходит, с одной стороны книга является ключом к архиву Шмидта – впрочем, это все еще гипотеза, хотя и весьма правдоподобная. С другой стороны, содержит некие компрометирующие сведения о прошлом влиятельных германских родов. А с третьей – представляет интерес и как литературное произведение, которое можно выгодно издать? Уж наверное издательство хочет приобрести ее не просто как букинистический раритет, чтобы потом продать на аукционе – хотя теоретически и такой вариант нельзя исключать. Но скорее все-таки целью является публикация (что, кстати, не исключает перепродажи оригинала впоследствии). В конце концов, старинный манускрипт, существующий в единственном экземпляре – такая же рукопись, как и любая другая. Но что может быть такого в этой рукописи, что сделало бы ее издание прибыльным в современном мире? Например, это может оказаться ранее не издававшееся произведение какого-нибудь всемирно признанного классика. Скажем, издательство, опубликовавшее неизвестную пьесу Шекспира, получило бы очень солидные барыши. Или не Шекспира – раз уж книга обнаружилась в России, то, скорее, Пушкина... хотя в США он мало известен. Это должен быть западный классик, например, Гёте – что, кстати, объяснило бы, почему книгу хранил дойчский аристократ. Но почему он все же решился продать ее в Америку? Или он хотел лишь передать ее внуку, а вся инициатива с продажей исходит от Франциски?

Стоп. Пункт три противоречит пункту два. Если речь о литературном вымысле, то никакого компромата на реальные семьи там быть не может по определению. А если о документальных хрониках, то они интересны лишь узкому кругу историков, и издать такую книгу с прибылью, которая окупила бы обещанное Франциске и любовнице приятеля Рональдса, невозможно – даже если вокруг каких-то изложенных там фактов и получится раздуть скандальчик в газетах... Или все-таки – какая-то неизвестная пьеса признанного классика, в которой, к примеру, очень едко высмеиваются некие реальные лица, и ныне их потомки готовы платить за то, чтобы... Нет, притянуто за уши. Какая-то уж слишком неслыханная для нынешних прагматичных времен щепетильность. Надо все-таки расспросить Фрау о содержании книги. Пусть она поймет, что он этого не знает – теперь он уже ничем не рискует, он получил от Порцига все, что мог получить благодаря ей. В худшем случае она ему просто не ответит, и он останется там же, где сейчас. Что сейчас в Австралии – раннее утро? Нет, кажется, еще ночь... придется подождать со звонками. Зачем ей вообще сдалась эта Австралия – можно подумать, там есть что-то такое, чего не может предложить дойчская медицина... Скорее всего, подумал Фридрих, версия о лечении – всего лишь благовидный предлог, позволивший устроить небольшой политический скандальчик, а на деле старуха просто отправилась поплавать у Большого барьерного рифа. Фридрих знал, что в свои почти уже девяносто она увлекается еще и

подводным плаванием.

Так, это сейчас неважно, одернул себя Власов. Согласуются ли новые сведения с версией о кладе, то есть об архиве Шмидта? Почему бы и нет. Эренбург вполне мог использовать в качестве ключа раритет, имеющий не только историческую, но и литературную ценность. Каковой вполне мог попасть ему в руки – большевики награбили немало, в том числе и культурных сокровищ. Возможно, рукопись долгие годы хранилась в дальнем шкафу библиотеки какой-нибудь дворянской усадьбы... И публикация не нарушила бы уникальности ключа, ибо не вопроизвела бы точное положение слов на страницах рукописи.

Но точно ли рукопись старинная? Возможно, она все же написана самим Эренбургом, и американское издательство охотится не за классикой, а за сенсационными большевицкими тайнами? Нет, не сходится. Эренбургу было важно обеспечить сохранение рукописи при любых режимах, стало быть, он не стал бы писать ни компромата на большевиков, ни их апологетики. Тем паче что апологетика едва ли заинтересовала бы американское издательство. Как, впрочем, и политически нейтральная рукопись, автор которой – не Шекспир и не Гёте, а всего лишь советский литератор-пропагандист. Опять же, едва ли такую рукопись стал бы хранить цу Зайн-Витгенштайн...

Целленхёрер снова запел о том, что от Северного полюса до Южного – один кошачий прыжок. На сей раз это был Лемке, в очередной раз отряженный Власовым прикрывать тыл.

– За вами хвост, – сообщил он без лишних предисловий.

Ну что ж, констатировал Фридрих, всякое везение со временем кончается. Дабы избежать навязчивого внимания после возвращения из Бурга, он даже не стал заезжать на точку С, распорядившись, чтобы машину, на которую уже был предусмотрительно установлен другой номер, оставили для него недалеко от Каланчевской площади. И это вроде бы сработало. Но ненадолго. Где за ним снова увязались – на Котельнической? Кстати, не исключено. Территория вокруг респектабельного дома на набережной, где жило немало высокопоставленной публики, включая и отца Марты, наверняка находилась под наблюдением. В первую очередь, разумеется, ради безопасности самих жильцов, что относится к ведению Охранного отделения ДГБ. Но не исключено, что ребята из личной охраны высших офицеров ГРУ не безусловно доверяют коллегам и тоже приглядывают за объектом. У господина Шварценеггера после благополучного возвращения Марты домой как будто нет особых причин докучать Власову, но ГРУ – это не только Шварценеггер, и кто знает, какие мотивы могут быть у них. Впрочем, скорее всего на хвост сели все же ребята Бобкова. И это совсем некстати. До тех пор, пока он не разобрался, в каких отношениях ДГБ с Грязновым, Фридрих отнюдь не хотел прибыть в Теплый Стан с подобным эскортом. И вообще он желал первым и без помех осмотреть место происшествия – а в том, что происшествие имело место, он практически не сомневался.

– Как выглядят? – осведомился Власов.

– Черный "Адлер" – почти наверняка, и серый "Ханомаг" – с большой вероятностью.

Фридрих присмотрелся к зеркалу заднего вида.

– "Адлер" вижу, – спокойно констатировал он. Двое – это серьезно. Но не безнадежно, особенно в это время: уже темно, но машин в центре еще много. Хотя, конечно, кроме этой парочки могут быть и другие... Фридрих бросил взгляд на карту, прикидывая схему отрыва. Так, впереди Серпуховская площадь – очень даже неплохое

место, где сходятся сразу восемь улиц: Валовая, Пятницкая, Большая Ордынка, Большая Полянка, Житная, Коровий вал и обе Серпуховские. Тут-то мы и устроим коллегам достойную встречу, внезапно переходящую в прощание... Фридрих перестроился в крайний левый ряд и наддал газу. "Адлер", выдержав подобающую приличию паузу, последовал за ним. Власов зорко всматривался вперед, надеясь правильно рассчитать время подъезда к светофору. Ага, желтый... красный. Очень хорошо.

Власов затормозил, даже чуть заехав на стоп-линию, всем своим видом выражая готовность рвануть дальше, как только предоставится возможность. "Адлер" встал сразу за ним, практически бампер в бампер. Свет сменился на желтый – Фридрих усмехнулся, представив себе, как водитель "адлера" ласкает ногой педаль акселератора, готовясь сорваться с места, если объект наблюдения попытается уйти в отрыв, не дожидаясь зеленого. И тут Фридрих, для убедительности газанув с невыжатым сцеплением и позволив мотору заглохнуть, включил аварийку.

Машины сзади громко и возмущенно забибикали, затем, поняв, что это надолго, принялись объезжать застрявшего прямо на перекрестке неудачника. И, естественно, то же самое вынужден был проделать и "адлер" – изображать, что у него тоже внезапно случилась авария, было бы уж слишком нарочито. Власов проводил его довольным взглядом. Самое замечательное, что "адлер" не может, проехав площадь, остановиться и подождать. Сделать-то это можно только на одной из улиц, а Фридриху ничто не мешает поехать по любой другой.

Теперь черед "ханомага". Его задача как раз в том, чтобы принять эстафету, если объект вынудит первую машину уйти вперед. Вот, кажется, и он. Если Лемке определил его роль правильно, "ханомаг" сейчас припаркуется в дозволенных пяти метрах до светофора. Ага, так и происходит. Что ему еще остается? Пока объект стоит – только стоять как можно ближе к нему и ждать дальнейших действий. Но его проблема в том, что, не нарушая правил и не привлекая всеобщего внимания, он может парковаться лишь у тротуара, в крайнем правом ряду. А Фридрих, весело помигивая всеми бортовыми огнями, стоит в крайнем левом.

Снова красный. Вставшие в ожидании машины достаточно загородили машину Фридриха от "ханомага", чтобы там не увидели дымок из выхлопной трубы. Не выключая аварийки, Власов осторожно завелся. Желтый... зеленый... пора!

На последних секундах зеленого Фридрих сорвался с места, резко уходя влево, на Большую Серпуховскую. "Ханомаг" при всем желании не мог повторить этот маневр – не только потому, что левый поворот из правого ряда запрещен правилами, но в первую очередь потому, что его отсек от преследуемого поток мчавшихся прямо машин, спешивших проскочить перекресток – а затем уже и красный свет, открывший дорогу перпендикулярному потоку с Большой Серпуховской на Пятницкую.

Попетляв по переулкам (Лемке, оставшийся следить за "ханомагом", подтвердил, что тот потерял цель), Фридрих устремился мимо Шаболовской телебашни к Власовскому проспекту. Отключившись от Лемке, он уже поднес палец к кнопке, чтобы позвонить Панченко, но тут целленхёрер опять заиграл Das Fliegerlied. На сей раз это оказался Эберлинг.

– Привет, Фридрих. Что поделываешь?

– Играю в ящерицу, – светским тоном сообщил Власов. На жаргоне Управления это означало "отрываюсь от хвоста".

– О, извини, если помешал.

– Да ничего, вроде проблема уже решилась. У тебя что-то случилось?

– Просто выдалось свободное время, и решил поинтересоваться, как твои дела. Ты все-таки вернулся в Москву?

– Да.

– Узнал что-нибудь новое?

Фридрих в нескольких фразах рассказал о своих новостях.

– Хм, – задумался Хайнц. – Не исключено, между прочим, что Зайн может быть связан и с американцами. В свое время они изрядно к нему благоволили. Не так, как нынче к бин Ладену, но все-таки. Слышал, кстати – бин Ладен выдвинут на Нобелевскую премию мира? Всего лишь за то, что согласился на мирные переговоры с Израилем. Как будто не известно, ради чего террористы идут на переговоры... И помяни мое слово – он ее получит. Пока члены Нобелевского комитета кормятся известно из чьих рук...

– Хайнц, извини, но мне нужно сделать важный звонок. Так что, если у тебя ничего срочного...

– Конечно, конечно. Пока. Если что, звони. Хоть ночью.

– Это само собой, – усмехнулся Фридрих. – И ты, если выйдешь на Зайна, тоже.

Нажав отбой, Власов подозрительно покосился на целленхёрер, опасаясь, что тот снова подаст голос, и поспешно ввел номер Панченко. Курьер REIN-магазина, уже настропаленный своим начальством, отвечал в стиле "так точно!" и "никак нет!", естественно, даже и не думая подвергать сомнению личность господина майора; Фридриху даже представилось, как он пытается вытянуться по стойке "смирно" за рулем своего пиццамобиля. Ничего интересного, впрочем, Панченко не сообщил. Клиент, как обычно, получил заказ и расплатился наличными; расчет, как всегда, происходил на пороге, в квартиру клиент курьера никогда не приглашал, не относящихся к делу разговоров не заводил, чаевых не давал. Как выглядел клиент? Тоже как обычно; правда, вид имел нездоровый, но он у него всегда такой. Нет, спиртным от него не пахло. Нет, больше курьеру добавить нечего.

– Ладно, вы свободны, – вздохнул Власов.

– Служу Отечеству, господин майор!

Служи, служи, подумал Фридрих, убирая трубку в карман. Но не успел он это сделать, как целленхёрер зазвонил вновь. "Да что ж это сегодня творится!" – подумал Власов, опять вытаскивая аппарат и вставляя его в кронштейн держателя. Номер на экранчике был незнакомый. У Фридриха, впрочем, мелькнула мысль, кто это может быть.

– До тебя не дозвонишься, Фриц, – не обманул его ожиданий голос с неистребимой блатной интонацией. Власов почувствовал прилив гнева: "словно чувствует, мразь, что это обращение мне неприятно!" – Чем порадуешь? – продолжал бандит.

– Я нашел Грязнова, но он уже мертв, – сообщил Фридрих. Одновременно он вытащил аппаратик, врученный ему обходительным ротмистром, и ввел свежий номер Спаде. Особых надежд Фридрих, впрочем, не испытывал: он знал, что предыдущая попытка засечь Спаде по горячим следам – звонку с целленхёрера Галле – успеха не принесла, и сомневался, что сработает и эта. Скорее всего, он говорит, не оставаясь в одной точке. Так что район, допустим, определят, но дальше... Полиция все равно едва ли сможет оперативно перекрыть все пути, тем более что перекрывать, вполне возможно, надо не только улицы, но и подземные коммуникации.

– Это плохо, – констатировал Спаде. – Прежде, чем умереть, он должен был рассчитаться со мной.

– От меня это никак не зависело, – холодно ответил Власов. – Он, по всей видимости, связался не с теми людьми.

– Что ж – это лишний раз доказывает, как опасно иметь в России дело со штриком, не заручившись помощью нужного человека, – не преминул заметить дуфан. Власов в очередной раз подивился его звериному чутью: откуда Спаде мог знать, что Грязнов пытался провернуть сделку именно со штриком? Впрочем, возможно, Андрей уже высказывал своему компаньону такую идею прежде, но тогда Спаде не захотел связываться с этим наркотиком... – Однако, – продолжал бандит, – это возвращает нас к нашим собственным делам. Раз я не могу получить мои деньги с Андрюши, мне придется получить их с тебя. Надеюсь, ты не забыл про первый взнос?

– Я собираю деньги. Завтра ты получишь свои сто тысяч.

– Маленькая поправочка, Фриц: не сто, а сто пятьдесят. Я готов был на поблажки, но, раз уж с Андрюшей случилась такая неприятность...

– Так дела не делают, Матиас, – твердо возразил Власов. Разумеется, ни он, ни полиция не собирались платить Спаде и пфеннига, но легко соглашаться на требования бандита не следовало, иначе тот стал бы наглеть и дальше, а то и счел бы такую уступчивость подозрительной. – Мы договаривались о ста.

– Не учи меня, как делаются дела! – рявкнул бандит. – Мы договаривались о полумиллионе, если ты забыл! Так что теперь я буду говорить, а ты будешь слушать! 150 тысяч должны быть у меня завтра, или ты знаешь, что будет.

– Мне нужно еще время, – упрямо произнес Фридрих.

– Два часа, Фриц. Я даю тебе еще два часа: не к пятнадцати, а к семнадцати ноль-ноль. Все, не трать время даром, – в трубке зазвучали гудки отбоя.

Власов перестроился в крайний правый ряд и, придирчиво поизучав в зеркале едущие следом машины, остановился у тротуара, дабы без помех соединить телефонные аппараты друг с другом и переправить в полицию запись разговора. Вроде бы никто из ехавших сзади не выразил желания остановиться позади или впереди автомобиля Фридриха. Похоже, ДГБ или кто это там был действительно потеряли след... Кольнула внезапная мысль: а что, если это не спецслужбы? Что, если его сумели выследить подельники Спаде? В конце концов, Франциска могла описать им его BMW, правда, номер на машине сейчас другой, ей неизвестный... Нет, это уже паранойя. Бандиты в российской столице не настолько могущественны, это все-таки не Чикаго и не Нью-Йорк. Их удел – прятаться в подземке и канализации, а не хозяйничать на улицах. Власов еще раз посмотрел на свой целленхёрер – тот, кажется, наконец-то угомонился – и тронул машину с места.

Шесть минут спустя он вырулил на МКАД, затем повернул влево, на свернувшуюся кольцом улицу академика Варги, и вскоре въехал на улицу Теплый Стан. Справа от него возвышалось здание, похожее на разрезанную пополам сверху вниз гигантскую восьмигранную бочку; это и был дом номер 27. Фридрих направил машину внутрь "бочки", во двор, пытаясь определить, какой из подъездов первый – какие-либо различимые издали таблички, как водится в Москве, отсутствовали. Лишь остановившись перед ближайшим подъездом и подойдя к нему вплотную, Власов убедился, что ему нужен противоположный из четырех сомкнутых корпусов дома. Во двор углом вдавалась ограда школы, к которой примыкали гаражи; обойдя это препятствие, Власов увидел впереди искомый подъезд – и его сразу же обуяло скверное предчувствие: перед подъездом стояла машина самого полицейского вида. Разумеется, в этом подъезде больше

сотни квартир, и ниоткуда не следует... Власов невольно ускорил шаг, затем подумал, что это глупо. Если полиция уже там, спешка не поможет, лишь привлечет нежелательное внимание.

Фридрих вошел в подъезд – ему даже не пришлось набирать код, дверь была предусмотрительно распахнута, миновал лифт, перед которым стояли двое в штатском, проводившие Власова настороженными взглядами, и начал подниматься по лестнице. Дом был современной планировки, по четыре квартиры в холлах с двух сторон от лифта, так что Фридриху был нужен шестой этаж. Уже поднимаясь от пятого, он услышал голоса, а шестой оправдал его худшие предчувствия: дверь холла была настежь, и дверь квартиры с латунными цифрами 43 тоже. Из квартиры доносились деловитые мужские голоса; блеснул свет – видимо, кто-то фотографировал со вспышкой. У выхода из холла на лестничную площадку стояла бледная испуганная женщина средних лет в домашнем халате; пузатый мужчина в затрапезном тренировочном костюме с пузырями на коленях негромко ее успокаивал. Очевидно, то были соседи, приглашенные в качестве понятых, но не выдержавшие зрелища, открывшегося им внутри. И еще Фридрих уловил запах – слабо различимый на лестнице, но, должно быть, куда более сильный в квартире. Ну еще бы – двенадцать дней в хорошо отапливаемом помещении с закрытыми окнами... Возможно, именно этот запах, просочившийся даже из закрытой квартиры, стал причиной вызова полиции.

Открылась еще одна дверь в дальнем конце холла, и в коридор высунулась лисья мордочка любопытной старушки, явно желавшей расспросить соседей, что происходит. Фридрих и сам не прочь был задать им несколько вопросов, но как раз в этот момент из сорок третьей квартиры вышел еще один полицейский, на сей раз в форме, и протянул пузатому какой-то бланк.

– Расходитесь, господа, – сумрачно сказал он, обращаясь, очевидно, к Власову и старушке. – Здесь нет ничего интересного.

С последним Фридрих никак не мог согласиться, но его согласия и не спрашивали. Он понимал, что демонстрация его удостоверения отнюдь не наполнит крипо жаждой сотрудничества – пожалуй, наоборот, его же, пришедшего навестить погибшего, еще и захотят допросить, как свидетеля, на что имеют формальное право. Оставалось лишь надеяться, что ему сообщат о результатах их расследования позже, когда он будет говорить с их коллегами по поводу Спаде.

Дабы не вызывать лишних подозрений, Власов поднялся по лестнице еще на два этажа, затем вызвал лифт и спустился вниз.

Kapitel 50. 15 ноября 1990 года, раннее утро. Мюнхен, Эберсбергерштрассе, 18.

Отто Ламберт открыл глаза. Прищурился, чтобы разглядеть цифры на экране, поступающие с датчиков напульсника. Артериальное давление в норме. Температура тела – тридцать шесть и пять. Обычно для пробуждения. Судя по ощущениям, тестостерон тоже в норме. Температура воздуха в комнате – восемнадцать градусов. Слишком тепло, надо будет снизить до пятнадцати. Пятнадцать градусов по Цельсию – идеальная температура для начала дня. По крайней мере, для него.

Экран померцал и высветил сообщение – "желателен экспресс-анализ крови". Отто подумал. В принципе, сейчас он не делает с собой ничего такого, что требовало бы ежедневных проверок. Но всё-таки... Да, пожалуй, не помешает посмотреть, как у него там

с железом.

Он скинул тонкую простыню, перекатился на живот, сгруппировался и легко поднялся с мата. Зеркала, покрывающие левую стену зала, повторили его движение: раз-два. Ламберт-младший улыбнулся строю своих зеркальных двойников. То, что он увидел в зеркале, ему, в общем, понравилось. Обнажённый юноша – невысокий, худощавый, с неброской, но заметной мускулатурой. С неудовольствием отметил синеющую вену с левой стороны груди и чуть выпирающий живот. Надо подкачать нижний отдел – пожалуй, нужно будет внести изменения в обязательную программу... Зато всё остальное его удовлетворило. Особенно хороша была линия бёдер и ноги: длинные, с идеальным рельефом мышц и красивой лепкой стоп. Он вытянул левую ногу и полюбовался на пальцы – классический греческий тип, второй палец длиннее первого и третьего, высокий подъём. Спасибо природе и родителям. А вот то, что выше – это его, Отто, работа.

Он любил рассматривать своё тело. Одно время его тревожило, нет ли в этом самолюбовании примеси гомоэротизма, но тесты показали: его сексуальные реакции вполне нормальны. Впрочем, он и без тестов знал, что дело не в этом. Отто любовался собой, как мастер любуется хорошо сделанной работой. Что соответствовало действительности.

Спортзал Отто оборудовал пять лет назад, когда Ламберт-старший снял его с образовательной тематики, чтобы бросить на безнадёжный участок работы – физическую культуру. В тот момент Клаусу Ламберту нужно было удержать контроль над Райхсюгендом. Всегерманская юношеская организация, традиционно руководимая правыми, подверглась неожиданной атаке через партийную печать. Одним из поводов для обвинений было ослабление спортивно-оздоровительной работы. Очень кстати пришёлся зафиксированный статистикой рост числа простудных заболеваний среди учащейся молодёжи. Дело дошло до передовицы в "Фёлькишер беобахтер": "пока дойчские спортсмены потрясают мир своими результатами, дойчские студенты, подобно тропическим орхидеям, чахнут от сквозняков и морозов". Во времена Дитля за такой передовицей последовало бы немедленное смещение всего руководства Райхсюгенда и чистка рядов. Шук ограничился удалением нескольких фигур, но почему-то все они были друзьями и единомышленниками Клауса Ламберта.

Надо было срочно спасать положение: Райхсюгенд был значимым ресурсом политического действия, и отдавать его без боя Ламберт-старший не собирался. Необходим был успех. Причём успех несомненный и значительный, который заставил бы говорить о себе. Доверить подобное дело Ламберт-старший мог только сыну.

Ламберт-младший с детства ненавидел спорт и физические упражнения. Нет, он не был тропическим цветком. Но занятия в спортзале нагоняли на него тоску. Он искренне не понимал, что хорошего в дрыгоножестве и рукомашестве. Он с грехом пополам выполнял нормативы, но ничто не могло задержать его в зале хотя бы на полминуты дольше положенного. Потраченное на физическую подготовку время он считал украденным у библиотеки и рехенцентра.

Тем не менее, получив задание, Отто принялся искать решение. Он всесторонне изучил проблему и предложил безумный, на первый взгляд, проект: "физическая культура для интеллектуалов". Все уже привыкли к тому, что умные дети не блистают в спортзалах, и перестали обращать на это внимание. Ламберт-младший, в кратчайшие сроки изучив груды специальной литературы по психологии и физиологии, практически в одиночку разработал систему физической подготовки для людей с повышенным интеллектом.

Выяснилось, что физические нагрузки – лучшее средство для снятия тяжёлых психических напряжений, связанных с интенсивной умственной деятельностью, а в здоровом теле и в самом деле живёт здоровый дух. В этом он убедился лично – так как все теоретические выводы проверял на себе.

Сначала систему приняли в штыки. Слыханное ли это дело – отказываться от традиционной утренней зарядки? Или переносить пик физических усилий на время "после отбоя" – то есть за два часа перед сном? А сколько смеялись над "креслом Ламберта", исправляющим осанку? Или над его системой статических упражнений? Зато теперь восемь юных дойчских гениев, взявших золотые призы на Всегерманской Интеллектуальной Олимпиаде, объявили себя последователями его системы. Ламберт-старший выступил на ежегодном райхсюгендовском слёте с речью, в которой намекнул, что хитлеровский идеал дойча как гармонично развитого в физическом и интеллектуальном отношении индивида оказался вновь востребованным – "как, возможно, будут заново осмыслены и поняты и другие идеи этого великого человека" – и это сошло с рук. Разговоры об "орхидеях" прекратились. Атлантисты начали втихую вводить "систему Ламберта" в своих питомниках для молодых талантов.

Тем временем Отто продолжал совершенствовать систему. Недавно он отказался от спальни: разработанный им комплекс упражнений позволял мгновенно засыпать прямо на матах. Как фиксировали приборы, его тело научилось расслабляться оптимальным образом, что позволило снизить потребность в ночном сне до трёх с половиной часов. Ламберт добавлял к этому короткий дневной сон. В результате чего он теряет на сон не восемь часов ежедневно, а всего пять. Жизнь коротка, а дел так много.

Он ещё немного полюбовался на свои мускулы, потом повязал широкий шерстяной пояс, прикрывающий почки, и побежал вдоль белой линии на полу, делая традиционный утренний круг для лёгкого разогрева мышц. Добежал до турника, подпрыгнул, качнулся туда-сюда, но подтягиваться не стал: тело ещё не вполне проснулось, не следует будить его грубо и назойливо. Сначала он посмотрит новости, потом кровь, потом планирование дня, дальше упражнения: "крест" и контрастный душ. После чего можно будет, пожалуй, и позавтракать.

Газеты лежали на тумбочке, рехнер подмигивал красным глазком, показывая, что он готов к работе. Как всегда, рядом с газетами стояло синее фарфоровое блюдце: капсулы с рыбьим жиром (омега-3-полиненасыщенные жирные кислоты, необходимые для нормальной работы коры мозга, восстанавливающие межсуставную жидкость, повышающие уровень липопротеинов и снижающие уровень триглицеридов), там же – средства для укрепления сосудов и крохотные белые таблетки для поддержания калиевого баланса. Отто наморщил лоб: а принимал ли он вчера на ночь цинк-стимул? Разумеется, рехнер, ведающий его личной аптечкой, не умеет ничего забывать, но не мешает проверить базу... Он вызвал на экран графики приёма основных лекарственных добавок, нашёл кривую калия. Всё в порядке – вчера калий был ему не нужен.

Хорошо, решил Отто. Теперь проверим кровь.

Ламберт положил руку в экспресс-анализатор, последнюю разработку лабораторий Менгеле. Тончайшая игла деликатно кольнула палец, добывая крошечную, почти невидимую каплю крови. Через десять минут она будет разложена на все мыслимые и немыслимые составляющие. А пока можно посмотреть новости в REINe...

За последние шесть часов мир не перевернулся и даже не сильно изменился. Всё происходящее описывалось выражениями "продолжается" и "завершается". Вот,

например, завершается подготовка визита Райхспрезидента в Индию: окончательно согласована основная программа и последовательность мероприятий. Ага: если об этом объявили, значит, Индия и в самом деле готова на решительные шаги. Из Британского Содружества она, конечно, не выйдет, но... посмотрим, посмотрим. Продолжаются четырёхсторонние переговоры по проблеме Гонконга. Ну и пусть себе продолжаются, это уж точно не наша головная боль... Так, польские новости: ничего особенного. Это и хорошо: лучшая новость из Польши – отсутствие новостей... Ведётся подготовка к референдуму. Нет, сейчас об этом лучше не думать... Новый мост через Дунай... Кинофестиваль... Спорт... Погода...

Обычный обзор REIN через поисковики тоже ничем не порадовал, кроме интересной ссылки на плац Венской филармонии. Там были выложены отрывки из музыкальных записей в новом формате сжатия звука. Похоже, решил Ламберт-младший, звуковые технологии в REIN начинают стремительно развиваться. Надо будет поинтересоваться разработками в этой области. Похоже, здесь намечается прорыв.

Рехнер тихо зазвенел, извещая о завершении программы. Анализ крови готов.

Отто просмотрел гемограмму – всё оказалось в норме – и основные графы биохимических показателей. Глюкоза четыре... билирубин 14,9... холестерин общий в норме... конкретно триглицериды 0,4... белок 70, нормально... ого, глобулины 28, а норма начинается с 35. Опять печень? Железо 15, ещё норма, но вблизи нижней границы. Всё-таки у него слабая кровь. Это плохо. У отца тоже слабая кровь... Эта мысль ему чем-то не понравилась, и Отто волевым усилием отодвинул её вглубь сознания. В последнее время он стал ловить себя на том, что ему неприятно думать об отце. Да, конечно, он читал сочинения доктора Фройда – запрещённые к широкому распространению, но доступные для него. Доктор Фройд объяснил бы его мысли от отце так называемым "эдиповым комплексом" – желанием убить отца, чтобы жениться на матери. Какая глупость. Отто ни за что на свете не хотел бы жениться на матери. Как, впрочем, и на ком бы то ни было ещё. Конечно, рано или поздно это придётся сделать: неженатый мужчина не может рассчитывать на успешную политическую карьеру в Райхе... Во всяком случае, в *этом* Райхе.

Последнюю мысль Отто додумывал на ходу, возвращаясь в спортзал.

У стен стояли тренажёры – все уникальные, сделанные по его чертежам. Но сейчас они ему были не нужны. Всё, что ему было необходимо, находилось у стены.

Он подошёл к стулу, на котором лежали наушники и две лёгенькие гантельки по три кило каждая. Вес, не заслуживающий внимания – с такими гантельками занимаются девочки в школе. Но Отто знал, что они могут быть очень тяжёлыми.

Впрочем, перед основным упражнением нужно сделать китайскую гимнастику. Интересно, почему коммунисты, на словах радеющие о здоровье народа, запретили цигун? Отто ещё мог понять, почему красные боятся боевых искусств – хотя, честно говоря, китайский опыт "боксёрских восстаний" показал, что против огнестрельного оружия никакие боевые искусства не помогают... Но чем провинилась перед Марксом, Энгельсом и Мао безобидная гимнастика, цель которой – долголетие? Впрочем, кто их разберёт...

Он прикрыл глаза, вспоминая упражнения лянгун шифаба для укрепления плеч и очищения суставов. Так, согнуть руки в локтях, подобно трезубцу, полые кулаки, поворот шеи налево – направо... Хорошо, сделано. Теперь рука вертикально вверх, взгляд следует за кончиками пальцев... вторая рука... Сделано. Пора приступать к главному.

Ламберт-младший надел наушники, взял гантели, встал к стене, прижимаясь к

тёплому дереву затылком и лопатками. Сделал несколько глубоких вдохов. Поднял руки с гантелями, раскинув их крестом, дождался попискивания в наушниках, опустил. Сейчас рехнер, соединённый с датчиками в гантелях, по микроколебаниям мышц определит, сколько времени ему нужно выполнять упражнение. И начнёт воспроизводить музыку нужной продолжительности.

Отто поднял гантели на нужный уровень. В наушниках звонко щёлкнуло, потом полилась мелодия. Молодой человек недоуменно поднял бровь, потом рассмеялся: бесчувственная железка иногда проявляла что-то вроде юмора. На сей раз она поставила "Хава Нагилу" в исполнении какого-то израильского ансамбля. Видимо, длина записи точно соответствовала времени, которое, по мнению компьютера, нужно держать гантели. Тем не менее, это показалось ему забавным. Знал бы отец, что эта песенка есть в его фонотеке... Мысль опять показалась неприятной, и к тому же несвоевременной. Во время упражнения следует думать только об упражнении. К счастью, это недолго. Вряд ли машина назначит ему больше пяти минут. Хотя – кто знает, эту дурацкую песенку можно петь долго, с повторами, юде это любят...

Сначала – длинный, как ближневосточный переговорный процесс, музыкальный проигрыш. Гантели в руках, как это всегда бывает на первой минуте "креста", казались лёгкими. Отто выпрямил руки, чуть подал плечи вперёд, готовя мышцы к нагрузке.

– Хава нагила, хава нагила,

Хава нагила, вэ нисмеха... – затянул сладкий мужской голос.

– Хава нагила... – подхватил женский хор.

Мышцы начало покалывать внутри, как иголочками. Дыхание перехватило, но пока не сильно. Живот сжался, рёбра начали ходить ходуном. Отто почувствовал, что ему хочется встать на цыпочки: диафрагма начала давить на лёгкие снизу.

– Хава нагила, вэ нисмеха... – продолжали девушки.

Отто с усилием вдавил руки в стену, упёрся лопатками – тело само ползло вверх. Ламберт знал, почему так происходит: такие же движения вверх-вниз делали распятые на кресте. Самая известная римская казнь была основана на том же физиологическом механизме: масса тела давит на лёгкие, человек в неестественной позе начинает задыхаться, и подтягивается на распростёртых руках, чтобы глотнуть воздуха... Впрочем, подобные позы использовали не только для казней. Некоторые позы йоги, кое-что из оккультных практик, о которых не пишут в популярной литературе...

Мышцы начало ломить. Отто ужасно хотелось согнуть руки, чтобы уменьшить боль, но он ждал сигнала компьютера.

– Уру, уру ахим! Уру ахим бе лев самеах! – мужской голос призывал "пробудиться и радоваться". Ламберт его почти не слышал – он ждал, когда раздастся долгожданное "би-бип".

Наконец оно прозвучало. Юноша чуть согнул руки, поднимая гантели над собой.

Он хорошо понимал, что происходит в этот момент. Боль в мышцах возникала оттого, что волокна лопались, не выдерживая нагрузки. Потом организм начнёт залечивать микротравму, а чтобы предупредить её на будущее, сделает волокна толще. Мышцы рук вырастут ещё немного. На этом основана изометрическая часть упражнения, в отличие от кардиочасти, которая тренирует сердце и сосуды... Также сжигается лишний жир... Ламберт сжал зубы: боль в руках нарастала, пальцы коченели, толчки крови отдавались в онемевших запястьях.

– Уру ахим бе лев самеах! – пели девушки.

Руки дошли до такого состояния, что опустить их – с гантелями – казалось больнее, чем продолжать держать. Но именно это и было целью. Мышцы впечатывали в себя усилие.

Наконец, долгий последний аккорд и финальное "би-и-ип".

Отто с тихим стоном опустил руки, не роняя гантелей. Мышцы буквально кричали от боли. Он положил гантели на пол и побежал в душевую кабину – сейчас нужна была горячая вода. Очень горячая, чтобы как следует прогреть тело.

Стоя под тугой струёй, бьющей из сетки душа, Отто прокручивал в уме список текущих задач на ближайшие часы. Вчерашняя аналитическая записка для отца готова на две трети. Точнее говоря, текст готов полностью, но Отто не удовлетворяла литературная сторона. Анализ должен быть не только глубокомысленным, но и блестящим по форме. К сожалению, последняя треть – там, где рассматривается расклад сил на Востоке перед референдумом – грешила длиннотами. Да какими длиннотами! – там попадались фразочки на полстраницы. Отто отдавал себе отчёт в том, что подобная порча стиля была побочным следствием его недавних философских штудий. Увы, слог, простительный Канту, Баадеру или Хайдеггеру, совершенно недопустим в его, Отто, сфере деятельности. Особенно если учесть, что его отчёты читает не только Ламберт-старший, но и кое-кто повыше...

В левом плече что-то заныло. Отто стал вытягивать руки, снимая напряжение. Это помогло, боль ушла. Ламберт с наслаждением засунул голову под горячую струю, чувствуя, как вода скатывается по спине.

Итак, записку следует переписать. Лучше – не исправляя платтендат в рехнере, а сначала по памяти, потом – сверившись со старым вариантом. Трудоёмкая технология, но она себя окупает. На это у него есть четыре часа: сейчас где-то около семи, час следует отвести на упражнения, полчаса – на готовку и лёгкий завтрак. Еду он предпочитал готовить себе сам: слишком интимное дело, чтобы доверять его посторонним. Особенно завтрак: завтрак задаёт ритм работы желудка на весь день. Сегодня, кстати, его ждут лишние нагрузки днём. В час он должен присутствовать на официальном обеде, устраиваемым Отделом народного образования, Schulamt. Обед – традиционное мероприятие, но в кулуарах будут обсуждаться важные вопросы, в частности – расширение полномочий Oberschulaufsichtsbehörde в области контроля за качеством образования в частных гимназиях. Отто уже давно отошёл от этой темы, но, тем не менее, это его план реконструкции имперского образования сейчас вышел на финишную прямую, так что следует проконтролировать политическую сторону текущего процесса. В конце концов, образование – это будущее Райха. Войны выигрывают школьные учителя...

Днём нужно будет выкроить время на то, чтобы посетить Ассоциацию библиотечных работников, там сегодня перевыборы руководства. Около шести – запланированный официальный визит. Хитлеровский Национально-Патриотический Фронт проводит ежеквартальную сессию. Разумеется, открытая часть – это нудная говорильня. Но он, Отто, сын *того самого* Клауса Ламберта, допущен и на закрытую часть сессии, где ожидается обсуждение действительно важных вопросов. В частности – перспектив организационной деятельности Фронта. Впрочем, вряд ли дело дойдёт до чего-то реального: старики боятся всего нового... И, наконец, вечернее собрание у евангелистов. Скользкие, двуличные люди, типичные двуглавые орлы, заигрывающие одновременно и с либералами, и с правыми. Тем не менее, надо было поддерживать контакты и с этими – хотя бы потому, что они контролировали несколько миллионов дураков, по какой-то причине называющих себя христианами. Ещё один ресурс

политического давления, который нельзя упускать... Хорошо если удастся поспать во время богослужения.

Потом, скорее всего, позвонит отец и выскажет своё мнение по поводу вопросов, затронутых в аналитической записке. Выскажет ряд ценных мыслей (к которым его незаметно подвёл Отто), даст ряд поручений (по большей части тех, которыми сам Отто считал нужным заняться). Пожалуется на здоровье. Возможно, зайдёт к нему домой – чтобы в последний раз обсудить детали московского визита. После этого Отто будет, наконец, свободен.

Свободен?

Отто Ламберт выключил воду. Подумал, не включить ли сушилку: недавно он установил в ванной комнате устройство, обдувающее тело потоком горячего воздуха. Потом решил всё-таки воспользоваться полотенцем.

Вытираясь, он воспроизводил в уме свой анализ текущих перспектив своей партии. Точнее, партии его отца, частью которой он был.

Итак. За два с лишним десятилетия политической карьеры Клаус Ламберт вырос до политика общегерманского масштаба, признанного духовного лидера респектабельной правой оппозиции. Увы, теперь уже ясно, это выгодная позиция в текущей игре – и патовая в плане большой стратегии. Ламберт всегда будет вынужден тратить девяносто процентов усилий на поиски временных союзников, а также разгребание последствий уже состоявшихся союзов, предательств и измен. Его политическое влияние велико, но его эффективность – ничтожна.

Да, конечно, большая часть правых, и прежде всего сам Ламберт-старший – честные, принципиальные люди, которые ставят интересы нации и Райха превыше всего. Увы, на этом их достоинства и заканчиваются. У правых нет ни привлекательной программы, ни видения перспектив, ни даже осознания того, что такое видение им необходимо. Их критика существующего положения вещей – неверного и двусмысленного – сама по себе точна и справедлива, но не сопровождается никакой конструктивной альтернативой. Приходится признать: им нечего предложить Райху и его народу. У правых нет образа будущего, они живут прошлым, причём не понимая этого.

Да, конечно, правые – единственная сила, до конца понимающая опасность либерального реванша. Увы, в отличие от тех же левых, за спиной которых так или иначе стоят атлантисты, правые лишены каких бы то ни было внешних ресурсов влияния.

Да, конечно, правые правы. Увы, они никогда не получат достаточно власти, чтобы доказать свою правоту делом. А дойчи смотрят прежде всего на реальные дела.

В чём состоит главная, системная ошибка лидера респектабельной правой оппозиции Клауса Ламберта? В общем-то, в том, что он принял роль лидера респектабельной правой оппозиции. То есть главного противника официального курса Райхспрезидента Вальтера Шука. Главного врага, если называть вещи своими именами. Врага, с которым никакие компромиссы невозможны по определению.

Впрочем, стоят ли воззрения Клауса Ламберта того, чтобы за них сражаться? Пять лет назад Отто сказал бы – да. Сейчас он столь же твёрдо даст отрицательный ответ. Увы, отец и в самом деле ничего не может предложить, кроме возвращения к давно дискредитировавшим себя идеям. Но это не значит, что эти идеи бесплодны. Напротив, их творческое развитие позволило бы, наконец, дать новый импульс к развитию самого Райха. Который перешёл от экспансии в глухую оборону. А оборонительная позиция, даже самая лучшая – это в перспективе проигрыш.

С другой стороны, на своем пути отец накопил достаточный политический капитал. Но сам этот путь – тупиковый. На нем этот капитал не может быть реализован, не может быть пущен в дело, и так и останется лежать мертвым грузом, лишь укрепляя фундамент той системы, которую призван был изменить. И отступить с этого пути Клаус Ламберт тоже не может. Прежде всего – не захочет. Но если бы даже и захотел – это означало бы признание в собственном поражении. И тем самым весь капитал мгновенно бы обесценился.

Существует лишь один способ, которым этот капитал может быть пущен в ход. Не только без потерь, но даже с умножением. Другого способа нет. И доктор Фройд тут совершенно ни при чём.

"Ich soll meinen Vater erledigen" – сформулировал Ламберт-младший. В очередной раз он констатировал богатство и одновременно точность родного языка. Английский глагол "finish" создавал совершенно неверный смысл – добивания кого-то слабого, жалкого, корчащегося в агонии. Русское "прикончить" звучало и вовсе омерзительно вульгарно, с каким-то кабацко-балаганным оттенком. Не говоря уже о примитивных, лишенных всякой многомерности глаголах "kill" и "убить", сводящих все к банальной уголовщине. Нет. Erledigen. Это одновременно и "убить", и "исполнить", и "уладить", и "разрешить сомнения", и "довести до конца". Фактически он намерен исполнить свой – их общий – долг и довести до конца дело отца – пусть и вопреки самому Клаусу Ламберту.

"Я должен erledigen своего отца" – повторил себе Отто и швырнул мокрое полотенце на пол.

Kapitel 51. 16 февраля 1991 года, суббота, утро. Москва, Трубниковский переулок, 30.

Праздничным субботним утром Фридрих проснулся в прескверном настроении.

Если его оценки верны, времени не оставалось совсем. А в активе по-прежнему не было ничего, кроме гипотез и оборвавшихся ниточек. Оборвавшихся или оборванных, мрачно напомнил он себе.

Накануне, вернувшись из безрезультатной поездки в Теплый Стан, Власов отослал Мюллеру то, что только и мог отослать – отчет о последних событиях с комментарием, что наиболее вероятной он считает версию о теракте, который руками Зайна намерены осуществить некие высокопоставленные деятели Райха (вероятно – при поддержке определенных кругов в России, в частности, в ДГБ, возможно – к делу причастен лично Бобков) по случаю тайного (во всяком случае – не афишируемого заранее) визита в Россию кого-то из политиков Фатерлянда, каковой визит – и теракт – скорее всего, состоится в ближайшие два дня. Будет ли теракт направлен против данного политика или же, напротив, послужит его интересам – пока остается неизвестным. Фридрих, кривясь от отвращения, перечитал все эти беспомощные "некие", "возможно" и "вероятно", но делать было нечего – лучше это, чем ничего. Пусть теперь Мюллер сам делает ход. Если он все знает об этом визите, то, возможно, наконец перестанет играть в секретность и сообщит эту важную для дела информацию подчиненному. Если же не знает даже он – пусть задействует свои ресурсы, чтобы выяснить, кто и почему шутит с Управлением такие шутки. Если знает и замешан... что ж, Власов, по крайней мере, исполнил свой долг.

Фридрих чувствовал, как он устал от этой неопределенности. От ситуации, когда чем дальше, тем менее понятно, где свои, а где враги, кому и на каком уровне можно доверять... На какой-то миг он почувствовал нечто вроде зависти к американцам. Офицер ЦРУ, оказавшийся в подобной ситуации, мог бы, наверное, слить информацию, пусть

сырую и бездоказательную, в их пресловутую свободную прессу. А уж тамошние шакалы пера расстарались бы, преподнеся набор намеков и версий в виде железобетонного обвинительного заключения, где имена заговорщиков не упоминаются исключительно "в интересах следствия". И такого "разоблачения", вполне возможно, оказалось бы достаточно, чтобы либо сорвать планы противника, либо заставить того обнаружить себя раньше времени...

Увы. Для офицера РСХА подобный путь был полностью исключен. Не в "Свободное слово" же обращаться... И даже если бы, чисто теоретически, он решился на столь безумный шаг, все равно уже слишком поздно. Ближайший номер выйдет лишь на следующей неделе.

Так что после шести часов сна Власов чувствовал себя почти таким же усталым, как накануне. Контрастный душ, как обычно, помог вернуть физическую бодрость, но дело было не в ней... Первым делом после душа он проверил почту. Посланий от Мюллера не было. Власов почти не удивился, коль скоро его не разбудили телефонным звонком. Впрочем, не исключено, что шеф сам еще спит. Он, в конце концов, тоже человек, и накануне наверняка тоже работал допоздна.

Фридрих проверил в сети информацию аэропортов Москвы и Петербурга – причем не только адресованную пассажирам, но и предназначенную для пилотов. Если прибывает специальный борт с каким-нибудь важным человеком – возможны изменения в графике обычных рейсов и даже полное закрытие воздушной зоны аэропорта на определенный период. Ничего такого, однако, не обнаружилось – хотя, конечно, нет гарантий, что соответствующие объявления не последуют в самый последний момент. Но "самый последний" в данном случае – это все-таки не перед посадкой: нельзя объявить уже подлетающим к цели лайнерам, которых будет не один десяток, что они должны следовать на запасной аэродром. То есть объявить-то в принципе можно, и по инструкции они должны иметь достаточный остаток топлива, чтобы туда добраться – но скандал от срыва десятков рейсов получится изрядный, и хаос в небе тоже (в том числе – и в небе запасного аэродрома, который принимает в это время собственные борты и которому внезапно привалит такое счастье). У атлантистов такое стоило бы политику карьеры. В Райхсрауме это не так, но все же вряд ли кто-то захочет злить народ без крайней необходимости – особенно если готовится некий широкий жест, апеллирующий к тому самому народу. Так что о переносе рейсов все же должны объявить за несколько часов, пока эти рейсы еще не поднялись в воздух. Значит, хотя бы это время еще есть... Прибытие самолета с официальной делегацией во внуковском графике, напротив, было отмечено и ожидалось через три часа, но здесь Фридрих никаких сюрпризов не ждал.

Он попробовал дозвониться до фрау Рифеншталь, чтобы расспросить ее о книге. Пусть ему и сказали, что это "не его тема", но, может, хоть это прояснит ситуацию... Увы – номер на той карточке, что она вручила ему, не отвечал. Возможно, старуха и в самом деле плавала под водой у берегов Австралии. "Хорошо, если хотя бы не как Гельман", – мрачно подумал Власов и тут же сказал себе, что уж это-то точно паранойя, такую фигуру тронуть не посмеют, да и кому она помешает с противоположной стороны земного шара... А как знать – может, этот отъезд – не ее идея? Может, ей мягко посоветовали съездить в эти дни куда-нибудь подальше – исключительно ради пользы для здоровья? Гипотезы, гипотезы...

И кстати, насколько все-таки Никонову можно доверять? Фридрих уже не раз думал о схеме с добрым и злым следователем, и вроде бы пока майор опровергал эти

подозрения, его помощь была реальной, а информация – достоверной... но что если, подумал Власов, все еще хитрее – и хуже? Если никакого "злого следователя" нет, а Бобкова просто-напросто подставляют – как, возможно, подставляют и Мюллера? Замначальника "тройки" выглядит просто идеальной фигурой для этого, его недружелюбие к Райху вполне искреннее – но что, если это не более чем эмоции, за которыми не стоит ничего реального?

Все же прочее... Фридрих внезапно осознал, что все остальное он знает либо со слов Никонова, либо из собственных домыслов, основанных на тех же словах. Никонов по собственной инициативе вышел на контакт с ним, Никонов организовал ликвидацию водителя Бобкова – да полно, была ли вообще эта смерть, или это просто страшилка, придуманная, чтобы подтолкнуть Власова к отъезду из Москвы? И с той же самой целью устроена эта навязчивая слежка за ним – устроена не Бобковым, а именно Никоновым, ну или теми, кто за ним стоит... Во всяком случае, если целью Никонова было не допустить сотрудничества Власова с Бобковым, то он своего добился.

Однако с Грязновым все оказалось правдой, тот действительно рванул в Бург, и Никонов за ним... хотя... хотя... Фридрих вспомнил, *кому* он сообщил о розовой трубке и *кому* отдал саму эту улику. И в чьей версии услышал дальнейшие события.

Предположим, Никонов вышел на Грязнова, давно находившегося в поле зрения "тройки", сам. И именно он, а не Спаде, подтолкнул бывшего студента-физика к бегству в Петербург. А уж только потом поставил в известность крипо. А дальше в нужный момент по своим каналам слил бургским дуфанам информацию, дававшую уверенность, что живым в руки полиции Грязнов не попадет.

Вспомнилось, что тогда, в машине у складов, Никонов вовсе не выглядел обеспокоенным, услышав выстрелы. И пытался удержать его, Власова – мол, сидите, не мешайте специалистам делать их работу. Кого он в тот момент подразумевал под *специалистами*, интересно... И удобное объяснение про "Максуда", чуть было не помешавшее выйти на Кокорева... И Гельман, жаловавшийся, что его обложили люди Бобкова... погибший как раз тогда, когда Никонов находился в Бурге... хотя это, скорее, все-таки совпадение: Гельман погиб раньше, чем Никонов узнал об интересе к нему со стороны Фридриха.

Да, но если считать, что в начале недели Никонов подталкивал Власова в поездке в Бург, то почему вчера он, напротив, пытался склонить его помочь уже московскому крипо? Тут как раз ничего странного – по мере развития операции ключевым может становиться то один, то другой участок. Значит ли это, что предварительная фаза была в Москве, но финал состоится все же в городе на Неве? Или все-таки нет – просто заговорщики считают, что теперь Власов уже не успеет им помешать? И используют это как дополнительный аргумент против Мюллера: "ваш человек был в Москве и проморгал то, что произошло прямо у него под носом!"

"Vo-om Nordpol zu Südpol..." – запел целленхёрер.

Это оказался Никонов. Легок на помине...

– Есть новости? – осведомился майор.

– Полагаю, ничего, о чем вы бы не знали, – обтекаемо ответил Власов. Интересно, знал ли Никонов об обнаружении трупа Кокорева? И если да, то стало ли это для него сюрпризом? Но нет смысла спрашивать, если совершенно не уверен ни в правдивости, ни в лживости ответа... – А у вас?

– Определено время и, вероятно, место гибели Гельмана. Последним – не считая

убийц, конечно – его видел сотрудник допо, снявший у него номер за отсутствие техосмотра. Это было поздно вечером в среду. Если, оставшись без машины, Гельман пошел домой пешком, то должен был пересечь Фонтанку – скорее всего, по Чернышёву мосту. Там как раз найдена характерная полынья, еще не полностью затянувшаяся. Судя по всему, там его и сбросили.

– Вы говорите об убийцах во множественном числе, – заметил Власов. Эта уверенность показалась ему подозрительной.

– Судмедэксперт считает, что его схватили несколько человек. Это следует и из расположения синяков на теле, и из того, сколь недолгой оказалась борьба. Минимум двое, возможно, больше.

– Вы занимаетесь этим делом?

– Пока дело ведет крипо, но мы контролируем. Гельман светился по кое-каким нашим темам.

– И оказывал вам кое-какие услуги, не так ли?

– Без комментариев, – ответил со смешком майор.

Вот, значит, как, подумал Власов. Игры в сотрудничество кончились, в них уже нет нужды? Или просто Никонов решил, что давно не получал ничего взамен?

– Значит, вы остаетесь в Петербурге отслеживать дело Гельмана? – спросил Фридрих вслух.

– Нет. Генерал потребовал моего возвращения в Москву.

– Прямо в выходной день? – усмехнулся Власов.

– Ну вы ведь сегодня тоже не на прогулку собираетесь, – столь же саркастически ответил Никонов. – Кстати, вы приняли решение по операции против Спаде?

К отчету, отправленному Мюллеру, Фридрих присовокупил и этот вопрос. Но шеф все еще не откликнулся...

– Это зависит не от меня, – честно ответил Власов, хотя сильно сомневался, что получит санкцию – да и не рвался ее получить. Все-таки захват бандитов – это не его профиль, а каждый должен заниматься своим делом. Да и Спаде, похоже, все же не имел отношения к политике и интересующим его темам.

– Осталось меньше девяти часов, – напомнил Никонов.

– Я знаю. И не сомневаюсь, что у крипо уже есть план операции – как с моим участием, так и без такового. Я ведь с самого начала ничего не обещал.

– Ну что ж... – майор, как видно, собирался прощаться, и Фридрих решился. Все его подозрения, что Никонов скорее противник, чем союзник, оставались в силе – и даже укрепились в свете новости о возвращении майора в Москву. Если вчера Никонов пытался подтолкнуть его к возвращению в российскую столицу, то неудивительно, если он и сегодня продолжит в том же духе, чтобы Власову не вздумалось вернуться в Бург. Срочный приказ Бобкова говорил о важности готовящегося здесь – но был ли этот приказ в действительности? И все же Фридрих решил задать интересовавший его вопрос. В конце концов, ответ может быть перепроверен через то же крипо, хотя это, очевидно, потребует волокиты с официальным запросом...

– Да – вам ведь уже сообщили о найденном вчера трупе Максима Кокорева? – осведомился Фридрих как ни в чем не бывало.

– Еще один труп? – в интонации не чувствовалось сильного удивления; впрочем, Никонов и не походил на человека, способного громко изумляться. – Похоже, в последнее время вокруг вас их образуется слишком много. Такими темпами придется признать

главным подозреваемым вас, – усмехнулся майор.

– Или вас, – в тон ему ответил Власов. – Во всяком случае, кого-то из вашего ведомства. Сначала Гельман, потом Кокорев... точнее, по хронологии было наоборот. Кокорев был убит третьего или четвертого февраля.

– А, так вот почему вы считаете, что я должен об этом знать. Этот Кокорев сотрудничал с Департаментом?

– В свое время да. Так вам о нем неизвестно?

– Ну, если вы думаете, что мы отслеживаем судьбу каждого доносчика...

– Так вы все-таки знаете, что он доносчик!

– Просто предположил, – спокойно ответил Никонов. – Чаще всего малоизвестные люди сотрудничают с нами именно в такой форме.

– Кажется, вы относитесь к сознательным гражданам без особого почтения, – констатировал Фридрих.

– Уфф, – вздохнул майор. – Тут сложно. Это у вас в Дойчлянде все просто – если человек информирует власти о нарушителе порядка, он исполняет свой гражданский долг, и никаких претензий морального толка к нему быть не может в принципе. Они были бы, если бы он этот долг не исполнил. Это даже у атлантистов так, что так шокирует наших диссидентов, когда они туда попадают. А в России... с одной стороны, формально все так же, а с другой, детей с малолетства учат, что ябедничать – плохо... даже пословица есть: "Доносчику – первый кнут"... Возможно, виновато инородческое засилье, которое в нашей истории бывало в разных формах, начиная с татар – а с точки зрения некоторых, и с варягов... русский человек воспринимает власть как нечто чужое и враждебное, хотя в то же время и слишком могущественное, чтобы сопротивляться открыто...

– Но сейчас-то у власти не инородцы. И негоже человеку вашей профессии поддерживать предрассудки, – холодно заметил Власов.

– Ой, да вы бы почитали эти доносы! – оправдывающиеся нотки в голосе майора сменились брезгливыми. – Идейные там – большая редкость, уверяю вас. Чаще всего мотивы корыстные. В первую очередь – банальная зависть. То есть, в общем, понятно, что если есть в обществе такая установка, что доносить – плохо, то порядочные люди нам и не пишут, а пишут такие вот... что укрепляет стереотип... замкнутый круг получается... Так, – произнес Никонов уже другим, деловым тоном, – я сейчас как раз сижу перед рехнером и, пока мы тут болтаем, нашел этого Кокорева. Дело закрыто... нет, не в связи со смертью, а намного раньше, как не представляющее оперативного интереса. Даже не был присвоен оперативный псевдоним, видимо, разовый донос...

– Дело в том, что этот Кокорев и есть тот "Макс-сука", который некогда донес на Грязнова.

– А, так вот почему вы им заинтересовались... Да, точно. Нет, подождите, тут что-то еще есть. Ссылка на другой раздел... Хм, позже он еще был в разработке как подозреваемый.

– В чем? – быстро спросил Власов.

– Ничего особо интересного. Распространение "пиратской" музыки. Причем сам он, собственно, распространением и не занимался, только какие-то программки писал для перевода в цифровой формат... Соответственно, привлечь его было не за что. Идейных мотивов не имел, просто работал на заказ. Кажется, с ним даже профилактической беседы проводить не стали. Так вы говорите, он умер?

– Подозреваю, что он убит. В вашем деле это не отражено?

– Я же говорю, дело давно закрыто. Подозреваю, что крипо даже не поставило Департамент в известность.

– Разве в случае смерти от штрика они не должны были это сделать?

– А кто вам сказал, что это смерть от штрика?

– Хм... в самом деле, – смутился Власов. – Я просто уже привык, что в делах, связанных с моей темой, фигурирует штрик. Но это, конечно, ниоткуда не следует.

– Как и то, что это дело связано с вашей темой.

– Верно. Но мне все же хотелось бы знать, как он умер.

– Возможно, крипо поделится с вами сведениями в обмен на ответную услугу.

В этот момент звякнула почтовая программа, и на экране нотицблока замигал конвертик. Фридрих поспешно открыл письмо.

"Похоже, мы работаем хуже, чем следует, но лучше, чем от нас хотят. Участие в любых операциях русских запрещаю. Будьте на связи, вы можете понадобиться в любой момент. О."

Так, понятно. Старик тоже не знал о визите. И за прошедшие часы задействовал все свои рычаги, чтобы разузнать. Пока ему удалось выяснить только то, что визит будет. Подробности он надеется сообщить позже. И он тоже сильно подозревает подставу со стороны русских спецслужб. Но не знает, каких именно, поэтому на всякий случай велит держаться подальше ото всех...

– Так что мне передать криминалистам? – напомнил о себе Никонов.

– К сожалению, я не смогу им помочь, – честно ответил Власов. – Я сообщу, когда Спаде позвонит и изложит условия передачи выкупа, – пожалуй, это не было нарушением мюллеровского приказа. – Но не более.

– Ну что ж. Не могу приказывать крипо, а вам тем более. А сейчас мне пора на самолет.

Власов положил целленхёрер и сел поудобнее, переваривая впечатления. Мог ли и этот разговор быть провокацией со стороны Никонова? Говорят, факты – упрямая вещь... зато их интерпретация – вещь чрезвычайно сговорчивая. Только что версия о том, что именно Никонов играет против него, представлялась Власову вполне убедительной – а теперь он вновь видел, что всем тем же фактам можно дать противоположное толкование. И опять-таки, уже не в первый раз, майор по собственной инициативе сообщал дополнительные детали... в частности, о причастности Кокорева к контрафактным музыкальным записям. Вот, значит, почему он "долбил одну и ту же музыку", сводя с ума Анну Сергеевну Купцову – должно быть, отлаживал программу... Да, но какое это может иметь отношение к делу? За "пиратскую" музыку не убивают. Ни в Америке, ни уж тем более в России. По краю сознания царапнула ассоциация: звукозапись, книгоиздание... может быть, какая-то уникальная запись, настолько ценная, что... Нет. Не может. Не бывает таких записей. Это не букинистический раритет, ценный сам по себе, копия звукового дата ничем не отличается от оригинала. Если бы Вебер хотя бы был меломаном, еще можно было бы что-то заподозрить, но он им не был.

А если не музыка? Если запись каких-то тайных переговоров? Вот такое вполне может быть, но кто бы доверил такую запись Кокореву? Да и зачем? Даже если его программа звукозаписи лучше стандартных – бери ее и пользуйся, не привлекая к делу самого программиста. Тем более что он написал и отладил ее еще несколько лет назад.

Нет, скорее всего, это тупик. Ничто не указывает на связь Кокорева с делом Вебера. Даже та версия, которую Власов скормил Марте – что Кокореву могли

предложить взломать веберовский плат. Каким бы гениальным программистом Макс ни был, он бы не справился с этой задачей за один день. И за год тоже не справился бы. Для используемых Управлением алгоритмов это в принципе невозможно. Ну, предположим, сперва убийца этого не знал, а затем, услышав от исполнителя, что ничего не выйдет, решил убрать его, как видевшего плат. Тоже маловероятно, один день – слишком маленький срок, заказчик наверняка предложил бы пробовать еще...

Нотицблок снова известил о пришедшей почте.

Дополнение от Мюллера? Нет. Это оказались распечатки сообщений "Джедая" с "хакерского" форума. Кое-кому из рехнерэкспертов Управления, похоже, пришлось не спать ночь, но защиту они взломали... Кстати, сетевой адрес "Джедая" подтвердил, что это действительно Кокорев.

Фридрих быстро просматривал записи. В основном они касались чисто программистских вопросов и к тому же были изложены таким жутким жаргоном, что Власов мало что мог понять. Впрочем, эксперты это уже прочитали, если бы что-то показалось им подозрительным, они бы обратили внимание... С другой стороны, отсутствие замечаний от них тоже ничего не доказывает. Частные технические вопросы мало что говорят о характере задачи в целом, так же, как, к примеру, вопрос о характеристиках какой-то радиодетали не проясняет, что именно собирает человек – личную рацию, цветомузыкальную установку, игрушку с дистанционным управлением или взрыватель для бомбы? Часть реплик были ответами "Джедая" на чужие вопросы, также главным образом технические. Впрочем, манера, в которой он оказывал бескорыстную помощь коллегам, была откровенно хамской, в стиле "специально для тупых объясняю...” Попадались и "бытовые" высказывания – главным образом депрессивные, Кокорев жаловался на то, какое все вокруг дерьмо и как его все достало; со временем его стиль становился все злее и истеричнее. Несколько раз он получал замечания от модератора за грубость или сообщения не по теме.

Наконец Фридрих добрался до последнего сообщения. Оно тоже было сумбурным и хамским: в ответ на очередное замечание и угрозу окончательно закрыть ему доступ "Джедай" посылал модератора и всех прочих подальше, потому как у него все равно нет больше времени "ковыряться в вашей песочнице"; из путаных намеков можно было понять, что Кокорев получил некий важный и срочный заказ от каких-то серьезных людей, готовых очень хорошо заплатить. Эти люди явно настаивали на полной конфиденциальности, но и не прихвастнуть, хлопая дверью, "Джедай" не смог, поэтому ограничился намеками...

Итак, предположение подтверждается – Кокорев получил загадочную работу вовсе не в день убийства Вебера, а за два месяца до этого. Вполне возможно, что эта работа и впрямь была связана с чем-то незаконным. Взлом каких-нибудь банковских кодов, например. Но ясно, что ни Управление, ни ДГБ, ни другие спецслужбы, от ЦРУ до Моссада, не стали бы связываться с таким типом. У них достаточно собственных рехнерспециалистов. Да и вообще, ниоткуда еще не следует, что Кокорева убили. Если он и впрямь был наркоманом, вполне мог загнуться сам.

А что, если Зайн? Прилетел он, правда, за считанные часы до смерти Макса – но ведь заказать работу мог и заранее, по электронной почте. Разумеется, с чужого аншрифта... Тогда времени у него как раз хватило бы, чтобы по прилете принять работу и рассчитаться с исполнителем. Допустим, Кокорев действительно вскрыл для него некий шифр или пароль... скажем, для доступа к той же книге... ясно, что это не решило

стоявшую перед Зайном задачу, раз тому понадобился визит к Борисову, но могло приблизить к цели

Фридрих выругал себя за то, что не подумал об этом раньше. Но Зайн – это тема Эберлинга. Что ж, звонок другу будет сейчас очень кстати в любом случае. Возможно, у Хайнца тоже появились свежие идеи.

Kapitel 52. Тот же день. Москва, Новый Арбат – Центр – Садовое кольцо.

Погода наконец-то радовала москвичей и гостей столицы.

Было около нуля, что зимой в этих краях случается лишь в пасмурную погоду – но небо было ясным, и в его чистой, свежей синеве уже совсем по-весеннему сияло солнце, словно специально выглянувшее к празднику в свою честь. Кое-где по тротуарам даже струились тонкие ручейки, вытекая из подворотен и водосточных труб. На самом Новом Арбате таять было нечему – одну из главных московских улиц тщательно чистили от снега и льда с самого начала праздничной недели.

Никакого удивительного совпадения в этом, конечно, не было – именно потому, что такая погода характерна для второй половины февраля, на Руси и возник обычай отмечать в это время Масленицу, праздник солнца и проводов зимы. Хотя впереди еще, вне всякого сомнения, ждали и новые морозы и метели, и пресловутый "март-марток – надевай двое порток", считающийся в России весенним месяцем по чистому недоразумению – или, точнее, из вечной манеры выдавать желаемое за действительное...

Немало солярных символов было и внизу, на улице. Свастики – левосторонние германские хакенкройцы и правосторонние славянские коловраты – красовались повсюду: на стендах с праздничными плакатами, в витринах магазинов, на полотнищах протянувшихся над Новым Арбатом перетяжек, на воздушных шариках и маленьких флажках в руках у детей... (эти флажки и шарики продавали тут же, на тротуарах, вместе с горячими пирожками, пончиками и пышками). Некоторые из свастик, образованные лампочками и неоновыми трубками, еще только ждали своего часа, чтобы после заката засиять во всем великолепии торжественной иллюминации. Фридрих знал, что в воскресенье вечером над Красной площадью расцветут даже хитроумные фойерверки в форме свастики... Религиозной символики нигде не было – хотя православная церковь и продолжала вялые попытки примазаться к торжествам, на деле древнему языческому празднику был давно возвращен его истинный арийский смысл.

И, разумеется, свастики были на имперских знаменах – многометровых полотнищах, свисавших вдоль стен домов, и флагах, горделиво развевавшихся на фонарных столбах. Почти как в Берлине в дни национальных торжеств. С одним существенным отличием: в Москве все знамена висели симметричными парами – к каждому алому германскому обязательно прилагался российский триколор.

В принципе, в Дни арийского единства полагалось украшать улицы флагами всех стран Райхсраума, но их полный комплект встречался редко – чаще всего на мостах или на флагштоках некоторых площадей, где проходили массовые гуляния. Парой же из германского и российского флага был украшен практически каждый дом или столб. Кое-где встречалась и патриотическая самодеятельность – флаги, вывешенные в окнах и с балконов жилых зданий.

Из уличных репродукторов текла бодрая музыка – тоже в основном русская и дойчская.

Власов и Эберлинг шагали по проезжей части Нового Арбата среди прочих

гуляющих. Так же, как и они, большинство народу двигалось в сторону Кремля. Семьи с нарядными детьми, парочки, молодежные компании, москвичи и туристы, русские и нерусские... Арийское Единство в действии. Кое-где заметны были полицейские в парадных мундирах, приглядывавшие за порядком; главным образом они следили, чтобы не было пьяных и распивающих спиртное на улице – однако, похоже, работы им не находилось, во всяком случае, пока.

– Не думаю, что это личный энтузиазм, – заметил Хайнц, проследив взгляд Фридриха на один из балконов. – Скорее всего, в таких квартирах живут члены партии, и вывесить флаги им велели в их ячейке. А вот большевицкая символика на стенах рабочих окраин – это действительно от души. А вовсе не на американские деньги, что бы там ни говорила по этому поводу пропаганда...

– Тогда уж на китайские, – усмехнулся Власов. – Хотя, конечно, американцам тоже не особенно важно, как именно подрывать Райхсраум изнутри. Если среди русских находятся идиоты, испытывающие ностальгию по большевизму, которого сами не застали – почему не использовать и это. Пропаганда пропагандой, но роль иностранных спецслужб во всей этой гадости я бы не стал недооценивать. Нет, конечно, каждому малолетнему недоумку, малюющему на стене подъезда серп и молот, никакой дядя из ЦРУ не платит. Средства идут на создание атмосферы, в которой само появление таких недоумков становится возможным. На вбрасывание лозунгов в стиле "не надо было воевать за Власова – пили бы сейчас американскую колу". Сталин-де был союзником Америки и после войны провел бы демократизацию... Жаль, что нельзя создать альтернативную ветку истории специально для таких вот агитаторов. Чтоб на собственной шкуре убедились, какую "колу" подают в гулаговских бараках! И вообще, нечего сказать, достойный символ свободы – американская кола... Как будто кто-то не знает, что она запрещена в Райхсрауме не из идеологических соображений – что вообще за глупость, какая идеология может быть в напитке? – а исключительно из-за вредности для здоровья. В ней, между прочим, монета за ночь растворяется, а сахара в одном стакане больше, чем в литре нормального чая...

– Запретный плод сладок, – ответил Эберлинг и хохотнул над невольно получившимся каламбуром.

– Вот, кстати, тоже чего я не понимаю и никогда не пойму, – сердито произнес Фридрих. – Откуда вообще взялась эта идея, что если что-то запрещать, то оно непременно станет привлекательным? Мне кажется, это тоже какой-то сознательно раскручиваемый миф... Библия тут, кстати, ни при чем – змей соблазнял Еву вовсе не фактом запретности плода, а тем, что "будете как боги". И до тех пор, пока Адам и Ева этого не услышали, сам запрет совершенно их не смущал, то есть не служил стимулом его нарушить. Что вполне логично. Ведь очевидно же, что если что-то запрещено, то это не просто так. Да, запрет может быть и неоправданным – но для такого вывода надо, как минимум, разобраться в его причинах. И во многих случаях окажется, что эти причины вполне основательны... Даже если что-то запрещает твой враг, само по себе это еще не означает, что этот запрет надо нарушать. Большевики, к примеру, запрещали немало действительно вредных вещей – криминальную преступность, в частности. А уж если запрещают свои, это тем более повод прислушаться, а не поступать наоборот из совершенно непонятного принципа...

– Русские, как видно, не считают представителей власти своими, – усмехнулся Хайнц.

– По-моему, мы с тобой присутствуем на русском государственном празднике, – заметил Власов. – И наблюдаем вокруг, как говорят в официальных репортажах, радостные лица, улыбки и смех. Пусть эти репортажи ругают за казенно-пафосный слог, но ведь действительно наблюдаем... Ты же не будешь утверждать, что всех этих людей тоже пригнали сюда по партийной разнарядке? Они пришли сами. И они вовсе не выглядят озлобленными врагами существующего строя.

– А, это ничего не значит, – отмахнулся Эберлинг. – Русским все равно, что праздновать. Если бы сейчас вдруг вернули празднование Седьмого ноября, мы наблюдали бы там точно такие же гуляния и те же улыбки на тех же лицах. Кстати, и большевиков здесь в свое время точно так же считали своими. Несмотря на все, что те творили именно с этим самым народом. Боюсь, что логика и в самом деле плохо применима в этой стране. Не хочу обидеть, но ведь даже твой отец начинал войну на стороне Сталина.

– Он раскаивался в этом до последнего своего дня, – сумрачно поведал Фридрих. – Говорил, что, если бы раньше повернул оружие против красных, Москва была бы взята уже осенью сорок первого. И война бы кончилась на два года раньше, и было бы сохранено множество жизней, и русских, и дойчских... Но, во всяком случае, он осознал свои заблуждения и сделал выводы. Для него это был серьезный и тяжелый процесс. Его союз с Германией был сознательным выбором, а уж никак не желанием поступить кому-то назло...

Из репродукторов как раз зазвучал марш РОА:

Мы идем широкими полями,
На восходе утренних лучей...

– А интересное вышло бы исследование – "Желание поступить назло и его роль в русской истории ", – усмехнулся Эберлинг. – Думаю, эта роль окажется куда больше, чем у любых рациональных соображений.

Хор мощно подхватил припев:

Марш вперед, железными рядами,
В бой за Родину, за наш народ!
Только вера двигает горами,
Только смелость города берет!

– Вот, кстати, – кивнул в сторону ближайшего столба с динамиком Хайнц. – Смелость, конечно, штука хорошая, да и вера небесполезна... но впридачу к ним нужны еще стратегия и тактика. И вообще разум и здравый смысл.

– Они, собственно, нужны в первую очередь, – заметил Власов.

– А здесь для них вообще не оставляют места. "Только" – и все тут.

– Ну, что ты хочешь от военного марша, – пожал плечами Фридрих. – Все песни такого рода апеллируют к эмоциям. Они адресованы простым солдатам, а не интеллектуалам из Генштаба.

– Здешние интеллектуалы – это вообще особая песня. Нет, я не про военных, хотя дуболомов и среди них хватает... но их, по правде говоря, везде хватает, и у нас тоже. Армия как система, основанная на беспрекословном выполнении приказов, этому

способствует, и тут ничего не поделаешь... А вот пресловутая русская интеллигенция – явление совершенно уникальное в своей патологичности. Русский интеллигент своим изощренным умом измысливает такие глупости, до которых ни один дурак просто не додумается.

– Да уж, – хмыкнул Фридрих, – недавно общался кое с кем из этой публики... Или взять того же Войновича. Проще всего было бы объявить его графоманом, ищущим скандальной популярности – как, кстати, и поспешил сделать кое-кто из не слишком умных пропагандистов – но ведь это не так. Как бы я ни относился к нему сейчас, он действительно очень талантливый писатель. Ты читал "Приключения солдата Ивана Чонкина"?

– Как-то не довелось. Ты знаешь, я вообще не очень хорошо знаю русскую литературу. Хотя, конечно, помню, что в свое время вокруг этой книги был какой-то шум. Кажется, роман шел на Власовскую премию, но в итоге ее дали Солженицыну. Чего, похоже, Войнович до сих пор не может тому простить.

– Да, но дело там не только в личных счетах. Официальная российская критика встретила роман на "ура". И это тот случай, когда идеология ничуть не мешала художественности и наоборот. Прочти, советую – это и впрямь замечательная книга. Лучше в оригинале – в переводе на дойч многое теряется... Правда, стиль первой и второй части сильно различаются. Если первая – очень смешная сатира на большевиков, то вторая скорее грустно-философская. Но подобная эклектика вообще в обычае современных русских писателей... Так вот, официальные рецензии были сплошь положительными. Зато так называемая "передовая русская интеллигенция" устроила Войновичу форменную обструкцию. В чем его только не обвиняли – "пинание дохлого льва", "выслуживание перед режимом", "глумление над памятью павших в войне"... Кант говорил, что знает две непостижимых вещи – зведное небо над головой и нравственный закон внутри человека. Я бы добавил третью – непоколебимая уверенность русского интеллигента в том, что он обязан быть против власти. При этом совершенно неважно, что из себя представляет власть и что она делает. Главное – быть против. Вот уж, воистину, "вещь в себе"... Может быть, Войнович и оказался бы выше этого. Если бы ему дали премию. Но премию не дали. И он обиделся. Я, мол, ради вас испортил отношения с братьями по цеху, а вы... Короче, он решил, что в России у него нет перспектив, и уехал в Германию. Поселился в селении Штокдорф. Получил гражданство и все такое. Печатался. Имел все блага, которые может дать Райх деятелю культуры. И что он делает? Едет в Америку и издает там этот убогий пасквиль, "Берлин-2042". Просто поразительно, куда девается талант человека, когда он начинает служить ложным идеям.

– Я вполне разделяю твое отношение к идеологии этой книги, но, как я слышал, она все же достаточно остроумна.

– Да какое там остроумие! Половина шуток основана на дерьме. В буквальном смысле. "Вторичный продукт". Если эту книжку и стоит кому читать, то разве что дамам, сидящим на диете – всякий аппетит отобьет на полгода вперед... И что в итоге? Русская интеллигенция говорит ему "Вернись, я все прощу". И он с триумфом едет на Родину. Точнее, не сразу. Первое приглашение он порвал, поскольку оно начиналось – "Уважаемый господин Войнович!" Да еще и разразился ядовитой статьей по этому поводу. Принял только второе, которое начиналось с "Глубокоуважаемый Владимир Николаевич!"... Причем российские власти тоже приняли его вполне благосклонно. Вслух они этого не скажут, но им тоже приятно, что "немцам вставили фитиля". Наши

ограничились тем, что объявили его персоной non grata на территории Райха. Привлечь его к суду за клевету невозможно, фантастика не может быть клеветой по определению... Не знаю, может, и этого не стоило делать, чтобы, как говорится, не создавать рекламу и ореол мученика – хотя атлантистская пропаганда и без нас постаралась бы... Вообще злопыхатель всегда в выигрыше. Если на его нападки реагируют – "ага, правда глаза колет!" Если не реагируют – "ага, возразить-то нечего!"

– По такой логике его бы следовало наградить, – усмехнулся Хайнц. – Кстати, ты никогда не замечал – по-русски слова "наградить" и "нагадить" отличаются всего одной буквой?

Фридрих отметил про себя, что, похоже, его друг так и не избавился от своего филологического увлечения. Из репродукторов тем временем грянули первые такты красивой мелодии, знакомой всему Райхсрауму. Интересно, подумал Власов, на каком языке будут исполнять?

"Знамена вверх!
В шеренгах, плотно слитых..."

– вывел молодой сильный голос по-русски.

–... еще какой-то скандально известный писатель, тоже Владимир? – продолжал меж тем Эберлинг. – Которого долго держали в психлечебнице...

– Сорокин, – с отвращением поморщился Фридрих. – Ну, это и обсуждать нечего. Случай клинический в самом буквальном смысле. Маниакальная копрофилия, тяжелая социопатия, все это еще отягощенное манией величия...

– Я слышал, что он все-таки неплохой стилист.

– Про Мопассана тоже говорили что-то подобное. Что не помешало ему закончить тем же – пожиранием фекалий в сумасшедшем доме. Впрочем, все непотребства, о которых писал Мопассан, по сравнению с сорокинщиной – просто образец чистоты и вкуса. Да что там Мопассан – даже надписи в солдатском сортире более достойны называться литературой... Но в клинику Сорокина отправили лишь после того, как он устроил, как это называют атлантисты, "перформанс" в Центральном Доме Литераторов – принес туда полный пакет дерьма и принялся кидаться им в окружающих. На мой взгляд, надо было изолировать его раньше. По крайней мере, люди бы не пострадали...

– На Западе и без того поднялась истерика вокруг очередного "узника совести", а Мосюк, сам знаешь, любит периодически заигрывать с Америкой...

– Вот именно что все равно поднялась. Так и нечего было придавать этому значение. И уж тем более нечего было выпускать его потом, что, конечно же, атлантисты объявили своей победой. "Если он опасный псих, то почему вы его выпустили, а если не псих, почему держали?" И это говорят те, кто регулярно выпускает из своих психушек педофилов и маньяков после нескольких лет бесполезного "лечения"! Впрочем, ладно. По крайней мере, он больше не проблема Райхсраума, пусть теперь учит есть дерьмо американских студентов. А взамен французы отпустили из своей тюрьмы Жана-Мари Ле Пена, и это главный плюс во всей этой истории.

Повсюду наши флаги
Будут реять скоро,
Неволе длиться

Долго не дано!

– закончил солист последний куплет. Вообще-то в канонической версии есть еще четвертый, но он – повторение первого, и в России, а в последнее время и в Райхе, его обычно не пели. Фридрих догадывался, почему был выбран русский вариант "Песни Хорста Весселя". Не из-за четвертого куплета, а из-за третьего. В официальном русском переводе вариант "наши флаги" – единственно возможный по причине стихотворного размера. В оригинале же в этом месте изначально было "Hitlerfahnen". Через некоторое время после Сентябрьских убийств, когда имя Хитлера стало как-то постепенно исчезать из обихода, возник второй вариант, аналогичный появившемуся позже русскому – "uns're Fahnen" – а после Второго Чрезвычайного Съезда он стал единственным. Потом, при Шуке, когда не только об ошибках, но и о заслугах первого лидера Райха снова стали говорить вслух и, в конце концов, во всех официальных учреждениях появились Три Портрета, партийный гимн опять начали исполнять в старом варианте, но и новый полностью отменен не был. Понятно, что вариант с "флагами Хитлера" стал атрибутом правого крыла, а с "нашими флагами" – символом новообновленцев – и, соответственно, исполнение на официальном мероприятии в Москве любого из них могло быть воспринято как соответствующий намек. Так что выбор не имеющей вариантов русской версии, вдобавок еще ублажающей русофилов в ПНВР, был мудрым решением.

– Да, Ле Пен – один из очень немногих современных французов, внушающих уважение, – согласился Эберлинг. – А у русских по этому поводу частушка появилась, – и он процитировал, старательно выговаривая русские ругательства:

Состоялся акт обмена
Говноеда на Ле Пена.
Где б найти нам мудака,
Чтоб сменять на Мосюка?

– Стилизация, и не слишком умелая, – заметил Власов. – Простой русский народ так не говорит – "состоялся акт обмена".

– Возможно, выражение из газеты, – пожал плечами Эберлинг. – Не хочешь же ты сказать, что и эту частушку в ЦРУ придумали?

– Нет, конечно. Придумали на какой-нибудь московской кухне все те же русские интеллигенты. Которые как полтораста лет назад изобрели себе комплекс вины перед народом, так до сих пор и страдают от своей с ним разделенности. И преодолевают таковую, стараясь не поднять народ до своего уровня культуры, а самим опуститься до его бескультурья. В чем, надо отдать им должное, немало преуспели – взять хотя бы эту нынешнюю моду на мат среди этой публики. Во времена Достоевского хотя бы такого не было... – Фридрих брезгливо скривился.

"Так громче, музыка, играй победу!" – надрывались динамики.

– Между прочим, могу рассказать одну весьма поучительную историю, – произнес Хайнц. – По поводу американцев и подрывной деятельности. Год назад я случайно наткнулся в архиве на один крайне любопытный старый документ. Правда, формально с него гриф так и не снят, но я не думаю, что будет большой вред, если я...

– Начал, так уж рассказывай, – подбодрил Власов.

– Так вот. Это докладная записка, поданная руководству Управления неким

аналитиком. Там он обозначен как Клюге, хотя это, понятно, не настоящая фамилия...

– Само собой.

– Фактически в своем меморандуме Клюге излагает план крупномасштабной диверсии против США и их союзников.

– Диверсии? Мы ведь не...

– Да, не применяем их со времени Фолшпиля. Разумеется, речь шла об идеологической диверсии. Клюге предлагал через агентов влияния в атлантистских СМИ, университетской и богемной среде, а также, разумеется, через правозащитные организации внедрить в США следующие идеи. Во-первых, внушить американцам комплекс коллективной вины перед всеми, кто когда-либо подвергался хоть какой-то дискриминации, неважно, когда, в какой мере и по какой причине, и даже не подвергался сам, а хотя бы принадлежит к группе, которая когда-либо подвергалась... или хотя бы отдельные ее представители подвергались... или, по крайней мере, имеют достаточно нахальства, чтобы это утверждать. Или, в крайнем случае, просто живут плохо, в то время как сытые и богатые американцы имеют наглость жить хорошо – опять же, независимо от причин такого положения дел. То есть перед неграми, перед индейцами, перед юде, перед мусульманами и так далее. Мужчины – перед женщинами, этому посвящен отдельный раздел меморандума: как превратить маргинальное прежде движение феминисток в, как это там называется, mainstream, чтобы каждый мужчина считался насильником и грубым животным, виновным перед всеми женщинами скопом и каждой в отдельности уже просто в силу своей половой принадлежности. Второе: провозгласить, что цивилизованное демократическое государство не имеет права никому навязывать представления о норме. То есть что нормой является все: гомосексуализм и прочие половые извращения, не говоря уж об обычном разврате, любые, самые дикие и агрессивные, религиозные культы, самые варварские национальные обычаи, любые формы морального, физического и психического уродства, включая умственную отсталость, и так далее. И более того – что все это не только нормально, но и прекрасно. Социум утрачивает иммунитет, теряет способность защищаться от разрушительных воздействий снаружи и, в особенности, изнутри. Третье, вытекающее из первых двух: раз есть вина, должно быть и искупление. Обратная дискриминация – создание особых привилегий всем перечисленным "жертвам несправедливости", яростная защита любых маргинальных меньшинств в ущерб большинству. Причем защита не только моральная, но и юридическая. Клюге убедительно обосновывал, что армия американских адвокатов, предвкушающих огромные барыши от бесчисленных дел о дискриминации и диффамации, станет могучим союзником такой программы. Общество начинает само работать на свое разрушение. Четвертое, прямо вытекающее из предыдущего: обществу, уже потерявшему моральные ориентиры, внушается, что если какие-то меньшинства не достигают достаточных успехов, то виноваты не они, а общество, которое их дискриминирует. Если кто-то пострадал от собственной глупости, виноват не он, а общество, которое это допустило. И, соответственно, общественные правила должны быть изменены таким образом, чтобы уравнять отстающих с лидерами – что возможно лишь путем опускания последних. Страна, таким образом, начинает ориентироваться не на лучших, а на худших, с понятными последствиями. Пятое: из всего этого культа терпимости делается одно важное исключение – а именно, провозглашается полная нетерпимость к его противникам. Всякий, кто выразит хотя бы сомнение в том, что ранее перечисленное – это единственный цивилизованный и правильный подход, должен

клеймиться как замшелый нацист и подвергаться беспощадной травле. Американцы, как известно, вот уже полвека больше всего боятся прослыть нацистами, и Клюге настаивал, что их антинацистскую истерию в рамках его проекта следует только усиливать, тогда они точно не догадаются, кто на самом деле стоит за разрушением их страны... Шестое: для нейтрализации тех, кого не испугает даже пункт пять, под предлогом защиты меньшинств вводится особая форма политической цензуры. Все, что может показаться обидным для какого-нибудь умственно отсталого негра-педераста или исламского фанатика, запрещается. Запрещаются высказывания, отдельные слова и даже факты. Нельзя, к примеру, публиковать результаты научных исследований, подтверждающих правоту расовой теории, и даже просто исторические сведения, выставляющие в негативном свете представителя той или иной маргинальной группы. Официально, разумеется, это не называется цензурой, это даже не оформляется в виде законов и подается просто как "цивилизованная" форма вежливости – нарушители которой, однако, становятся изгоями в собственной стране. Клюге придумал неологизм для этой концепции – "политикет". Термина "политкорректность" он не употреблял.

– Так, значит, весь этот маразм американцам на самом деле навязали мы?!

– Разумеется, я тоже так подумал. И был удивлен этим открытием не меньше, чем ты. Но куда больше я был удивлен, когда добрался до резолюции на меморандум Клюге. Проект был отвергнут на самом высоком уровне, однозначно и категорически. Как видно, кое-кто еще помнит уроки кайзеровской разведки, на свою голову выкормившей Ленина и его банду. Непредсказуемые последствия морально-политической дестабилизации вражеской сверхдержавы могут оказаться куда хуже, чем продолжение привычной уже холодной войны. Особенно когда при этом создается деструктивная идеология, которая может выплеснуться за пределы границ противника... Ты понимаешь, в чем дело, Фридрих? Никто потом не пересматривал это решение, документу так и не был дан ход. То, что враги Америки замыслили и так и не решились применить для ее разрушения, американцы придумали и воплотили в жизнь *сами, по собственной воле*. Инициаторами были те самые группы, на которые указал Клюге – левые университетские профессора, богемные круги, прямо заинтересованные в пропаганде гомосексуализма и наркотиков, независимые ни от чего, включая здравый смысл, СМИ, бесчисленные правозащитники и кормящиеся за их счет адвокаты... но не потому, что их подталкивали внедренные в их среду агенты. Сами, все сами.

– Да уж... И ты полагаешь, что сейчас русская интеллигенция готовит нечто подобное в России?

– Если бы только русская и только в России... В СЛС каждый первый сочувствует тем же идеям. Еще бы, для них ведь таковые освящены авторитетом "цивилизованного мира", то есть Америки...

– Ну да. Плюс тупая логика "от противного". Просто поразительно, насколько глупо рассуждают люди, считающие себя интеллектуалами! Если нацисты говорят, что убийц надо казнить – мы будем говорить, что не надо. Если говорят, что негры глупее белых – мы сперва скажем, что не глупее, а потом – что, пожалуй, и умнее... Цифры и факты при этом никакого значения не имеют. Если действительность противоречит либеральному мифу, тем хуже для действительности.

– И опять-таки – если бы только либеральному, – вздохнул Хайнц. – Увы, наши правые точно так же смотрят на реальность исключительно через призму собственных мифов. Вообще, людьми с убеждениями принято восхищаться. Но ведь чем тверже

убеждения, тем меньше человек склонен воспринимать объективную реальность. И чем он при этом умнее, тем искуснее будет убеждать себя и других, что верить надо мифу, а не собственным глазам. И тем катастрофичнее, соответственно, будут последствия...

– Ну и что ты хочешь этим сказать? Да здравствует безыдейность?

– Да нет, конечно. Просто в любой идее надо уметь вычленять главное. А все прочее выводить логически, а не воспринимать как набор священных догматов. И если выводы противоречат догматам, неверны догматы, а не выводы. Разве ты не согласен?

– Согласен, разумеется. Иначе я работал бы не у нас, а в Министерстве Пропаганды, – усмехнулся Фридрих.

Хайнц хотел что-то ответить, но тут из динамиков полилась новая мелодия, и Власов предостерегающе поднял руку:

– О, погоди. Моя любимая.

Высокий и чистый голос запел:

Deutschland, du Land der Treue,
Oh du mein Heimatland...

Фридрих действительно любил эту песню с самого детства. Написанная еще до войны, песня о Германии, в сияющем великолепии восстающей после долгой ночи, очень органично звучала и в эпоху послевоенного возрождения. Казалось бы, пелось в ней не только о радостных вещах, но и о серьезных и тревожных – о верности до смерти, о готовности к новым боям, о бушующих штормах, о женщинах, благословляющих оружие воинов – и все же эта песня, с ее потрясающе красивой мелодией, была удивительно светлой и жизнеутверждающей. Фридриху так и виделись ряды красивых, сильных, гордых людей, с открытыми лицами и сияющими глазами, радостно и уверенно шагающих навстречу солнцу и прекрасному будущему. Над ними, озаренные солнечным светом, развеваются на фоне синего неба самые красивые в мире знамена – черные свастики в белых кругах на красном поле – и эти люди салютуют им сердцем и рукой.

Hakenkreuzfahnen,
Schwarz, weiß und rot,
Grüßen und mahnen,
Seid getreu in dem Tod!
Deutsche, seid Brüder,
Reicht euch die Hand!
Heil uns'rem Führer,
Heil dem Vaterland!

– широко и вольно лился припев. Фридрих еще помнил времена, когда вместо "Führer" пели "Deutschland", что было не в рифму, да и по смыслу превращало две последние строки в тавтологию, но зато отвечало партийным решениям "о преодолении последствий культа личности Хитлера". Впрочем, в этой песне первоначальный текст был восстановлен гораздо быстрее, чем в случае с "Хорстом Весселем". С одной стороны, уж больно неудачной с поэтической точки зрения была замена, а с другой – как-никак, слово "Führer" в дойче означает отнюдь не только Хитлера, а вообще любого, кто чем-то руководит или управляет, вплоть до машиниста поезда и вагоновожатого. И хотя Дитль

отказался от его использования в качестве личного титула, равно как и от персонализированного приветствия, заменив таковое нейтральным "Хайль дем Райх!" (злые языки утверждали, что истинной причиной была не борьба с культом, а то, что "Хайль Дитль" звучало хуже, чем "Хайль Хитлер") – все же с чисто лингвистической точки зрения и он, и любой будущий Райхспрезидент оставался руководителем, т.е. "фюрером", Райха, и никакой крамолы во фразе "Да здравствует наш руководитель" не было.

Отвлекшись от детских и юношеских воспоминаний, Власов окинул взглядом толпу вокруг. Казалось, что от звуков песни даже у этой праздно гуляющей публики, большинство среди которой составляли русские, появилась некая подтянутость в осанке, целеустремленность на лицах и ритм в движениях. Хотя, наверное, многие из них, несмотря на обязательные уроки дойча в школе, со слуха даже не понимали слов, а к Германии относились в лучшем случае равнодушно. Да, печально подумал Фридрих, Хайнц, наверное, прав – им нравится красивая музыка, но по большому счету русским все равно, что праздновать...

И хуже того, подумал он еще более мрачно – только ли русским? "Германия, ты страна верности..." Если проанализировать, какая добродетель восхваляется в дойчских песнях чаще всего, то, пожалуй, это будет именно верность. Даже если оставить за скобками неизбежный мотив о верности невесты своему жениху, уходящему в море или на войну, и рассматривать только более важный аспект – верность стране, идее, долгу. Но если что-то приходится так настойчиво прославлять в песнях, то не потому ли, что ощущается нехватка этого в реальной жизни? Вот и сейчас – он, Власов, пытается распутать заговор, устроенный людьми, неоднократно клявшимися в верности Германии, партии, Райхспрезиденту. И достигшими под эти слова высоких постов, и никем в своем пути наверх не остановленными. Можно, конечно, сказать, что это всего лишь перерожденцы, не распознанные вовремя, прискорбное исключение, язва на теле в целом здорового общества. Но язвы обычно не образуются на пустом месте без причины. Кстати – возникла вдруг у Фридриха новая мысль – зачем вообще нужны клятвы, если нет искушения их нарушить? И – как там говорил Гуревич? "Средний гражданин скажет то, что от него хотят услышать, а потом пойдет и проголосует по-своему." Хотелось бы, конечно, послать подальше старого толстого юде с его семитской мудростью и гордо заявить, что она неприменима к арийцам. А как быть с фрау Рифеншталь, тоже убежденной, что все вот-вот рухнет? Делает хорошую мину, чтобы оправдать свой собственный маргинальный политический проект? Да, конечно. Но что-то такое все же висит в воздухе... и чувствуется... Взять уже сам этот чертов референдум – в прежние времена сама идея такого мероприятия никому не пришла бы в голову!

Певец допел о том, что возврата назад нет, и в последний раз перешел к припеву про знамена со свастикой.

Фридрих смотрел на эти знамена, развевавшиеся над Москвой. Почти так же (и тоже парами с русскими) развевались они и осенью сорок третьего. Но тогда одни смотрели на них с восторгом и надеждой, другие – с ненавистью. Сейчас для большинства они были просто элементом праздничного декора...

Свою последнюю речь (точнее, предпоследнюю, если считать и ту, во время которой он умер прямо на трибуне) Дитль закончил словами: "...пока светит солнце, пока стоят горы, пока реет над Европой знамя со свастикой!" Далее в стенограмме, естественно – "бурные аплодисменты, все встают". Да, разумеется – это эмоционально эффектная

концовка, предполагающая, что все перечисленное – явления одного временнОго порядка. Но на самом деле возраст Солнца – миллиарды лет, возраст гор – максимум сотни миллионов, а Райх существует лишь считанные десятилетия. И просуществует ли он еще хотя бы столько же?

Фридрих не знал ответа на этот вопрос.

"Вижу чу-удное приво-олье..." – залились репродукторы.

Власов попытался отогнать от себя мрачные мысли. Дело вовсе не в какой-то угрозе, сказал он себе – я чувствую себя не в своей тарелке из-за того, что мое расследование до сих пор не выявило конкретных имен, а время уходит...

Когда утром, через некоторое время после их первого телефонного разговора, Хайнц перезвонил ему и предложил прогуляться по праздничной Москве, Фридрих в первый миг счел это неуместной шуткой. До загадочного теракта остаются, быть может, считанные часы, а они все еще не знают, как его предотвратить и что именно вообще надо предотвращать – самое подходящее время для увеселительной прогулки!

– А у тебя есть лучший план? – огорошил его Эберлинг. – Что мы можем сделать прямо сейчас? Я жду, пока Управление добьется от московского крипо всех данных по смерти Кокорева. Ну и плюс результатов от оперативников, пытающихся вновь отыскать след Зайна. Ты – пока Мюллер вытрясет из кого надо подробности про этот визит. Пока мы не получим этой информации, все равно не можем осмысленно двигаться дальше. А прогуляться я зову тебя не просто так. Вспомни, как нас учили смотреть на ситуацию глазами противника. Вот представь себе, что ты готовишь теракт в праздничной Москве. Напрашивается мысль сделать это в месте массовых гуляний... Нет, я, конечно, не утверждаю, что мы непременно вычислим замысел Зайна, или, тем более, застукаем за работой его самого. Но как знать – может, и появятся какие-то идеи. И поглядывать по сторонам все-таки надо, особенно тебе – ты все же его видел лично...

– Насколько я понимаю, в Москве сейчас много мест для гуляния, и все мы не обойдем при всем желании.

– Это верно. Движение перекрыто практически по всему центру в пределах Бульварного кольца, исключая Тверскую – а кое-где и за пределами, твой Новый Арбат, кстати, тоже. В Парке Культуры имени Чехова катание на санях и штурм снежной крепости, в Нескучном саду фольк-фестиваль, на Воробьевых горах соревнования лыжников и саночников, на Крымской набережной – выставка ледяных скульптур и сожжение десятиметрового чучела зимы, ну, это завтра... на Васильевском спуске праздник блинов – ты, кстати, завтракал?

– Да как-то руки не дошли, вот как раз собирался себе что-нибудь сделать...

– Вот-вот, и у меня тоже. В Александровском саду что-то театрализованное-историческое, на Манежной торжественный митинг – это тоже завтра... но это только основные мероприятия на открытом воздухе, а на самом деле в каждом парке – своя программа, и в каждом районе понатыкано эстрад, где местные управы устраивают что-то свое. Угадать, конечно, сложно, но предлагаю прогуляться в сторону Кремля. Все ж таки "сердце России" и все такое прочее. Наибольшее число мероприятий – в центре, любой символический жест будет наиболее заметен здесь; "теракт под стенами Кремля" – это заголовок для первых полос по всему миру. Да и высокопоставленная публика вряд ли попрется на Воробьевы горы.

– Гм... все это напоминает надежду на выигрыш в лотерею. Но ты прав – все лучше, чем сидеть на месте и ждать новостей.

Нотицблок Фридрих, по некотором размышлении, не взял, оставив в режиме пересылки сообщений на целленхёрер. Власов не любил, когда у него заняты руки, особенно в ситуации, которая может потребовать внезапных и быстрых действий, а кроме того, человек с чемоданчиком среди праздных гуляющих привлекает внимание.

И вот теперь они с Хайнцем, пройдя по Новому Арбату, вступили на Воздвиженку; впереди уже маячила Троицкая башня Кремля, увенчанная золотым орлом, который отсюда выглядел маленькой солнечной искоркой. Улица была поуже, чем Новый Арбат; на столбах и домах висели все те же флаги, но репродукторы остались позади. Зато спереди донесся голос мороженщика, катившего по асфальту навстречу им свою тележку и рекламировавшего свой товар. Фридрих взглянул на него, как на идиота – зима же на дворе! – но с удивлением заметил, как сперва один, а затем другой гуляющий останавливаются и покупают холодное лакомство. Заодно мороженщик торговал и флажками. Хм, а ведь в таком металлическом ящике можно спрятать что угодно... Впрочем, никакая служба безопасности не подпустит такого вот уличного торговца к охраняемому объекту. Если только объект сам не захочет подойти – но это невозможно запланировать заранее...

Больше ничего примечательного по всей длине Воздвиженки, однако, не просматривалось, и Власов с неудовольствием подумал, что куда лучше было бы здесь проехать, нежели идти пешком. Пока что он чувствовал себя в форме, но знал, что после долгой ходьбы пострадавшая нога все же даст о себе знать – а прогулка вокруг Кремля и, возможно, по набережной Москвы-реки может получиться неблизкой...

– Дурацкая идея – перекрыть весь центр, – проворчал он. – Ну оставили бы для гуляний одну улицу...

– Русские гуляют с размахом, – усмехнулся Хайнц. – В Москве население вдвое больше, чем в Берлине, не забывай.

– Если что-то случится, полиции и медикам будет непросто добраться до места происшествия. Даже с сиреной через эту толпу быстро не проехать...

– Для этого есть вертолеты.

В этот момент целленхёрер Эберлинга подал голос, возвещая о пришедшем KMD.

– Ага! – удовлетворенно констатировал Хайнц, глядя на экранчик. – Вот, наконец, и сведения по Кокореву.

– И как он умер? – живо заинтересовался Власов. – Наркотики?

– Нет, – покачал головой Эберлинг, продолжая читать. – Самоубийство.

– И ты в это веришь?!

– В это верит русская полиция. Что ж, понятно, почему мы узнали об этом фактически случайно – такие вещи считаются чистой бытовухой и в поле зрения спецслужб не попадают...

– Каким способом?

– Повесился на проводе.

– Или его повесили.

– Вполне возможно, но они не нашли улик, доказывающих, что там был убийца. Во всяком случае, характерные повреждения пальцев есть. Человек, вешающийся сам, в последний миг инстинктивно пытается освободиться от петли, в отличие от тех, кого вешают в бессознательном или беспомощном состоянии...

– Возможно, его чем-то накачали.

– Спустя две недели в теплом помещении уже трудно сказать. Экспертиза следов

не нашла. Но повреждения вен от многократных прошлых инъекций имеются. В квартире ни наркотиков, ни шприца не найдено. Полиция предполагает, что он мог пытаться бросить и не выдержал абстиненции.

– Что с его рехнером?

– Был все еще включен, когда полиция вошла в квартиру. На экране – надпись "FUCK YOU!" Большими буквами.

– Плат на месте?

– На месте, но толку от этого нет. Отформатирован на физическом уровне, восстановить информацию невозможно.

– Как же он ввел эту надпись? Если, конечно, считать, что это сделал он..

– Загрузился с системного накопителя. Тот остался в приводе. Все остальные накопители уничтожены в микроволновке.

– И полиция считает это самоубийством?!

– Да, я не хуже тебя понимаю, как это выглядит. Но согласись – формальные основания у них есть, а возиться с делом об убийстве никому не охота. Наркоман с неустойчивой психикой действительно мог покончить с собой, уничтожив все результаты своих трудов. Есть мотив, есть способ, есть предсмертная записка...

– Которую мог отстучать на клавиатуре кто угодно.

– На клавишах – только его отпечатки. Не смазанные.

– Его могли заставить. Или взять за руку уже мертвого и потыкать пальцем в клавиши.

– Само собой. Но с точки зрения крипо это – бездоказательные фантазии. Опять же, эти уничтоженные накопители... с точки зрения убийцы было бы логичнее взять их с собой, а не сжигать. Хотя, с другой стороны, если убийца пытался изобразить самоубийство...

– Они хотя бы опросили соседей?

– Конечно. Без толку. Знаешь, эти большие современные дома, где люди не знают друг друга... особенно если кто-то и не стремится общаться...

– Насколько я понимаю, квартира принадлежала не ему?

– Снимал через агентство. Там тоже не знают ничего полезного. Плата была внесена на три месяца вперед...

– Кстати, деньги в квартире найдены?

– Да, но не очень много.

– Впрочем, это ничего не дает. Мы ведь знаем, что если это и убийство, то не с целью ограбления... Ну ладно, версию крипо мы знаем. И, похоже, большего из них не вытрясем. Что сам думаешь?

– Ну... – протянул Эберлинг, убирая целленхёрер. – Вариантов тут много. Первый – что он действительно сделал это сам. Это я бы не сбрасывал со счетов. Тут даже возможен мотив, о котором крипо не знает – если, как ты говоришь, он и в самом деле получил важный и срочный заказ, на который возлагал большие надежды. Предположим, он с этим заказом не справился – учитывая состояние его психики, вполне повод...

– Или его грохнули обиженные заказчики.

– Не исключено. Хотя, скорее всего, в таком случае ему бы просто не заплатили, ну, плюс неустойка – и не более чем, если заказчики – "чистая публика". Или, напротив, прикончили бы демонстративно, для начала хорошенько избив – если это криминальные круги... Еще версия – что это действительно Зайн. Тем более что Носика он тоже убрал

через имитацию самоубийства. Хотя детали расходятся, но Зайн – субъект изобретательный и не обязан действовать по одному сценарию. Еще вариант – люди, прикрывающие Зайна. Те самые, что отравили таксиста. Могут быть, разумеется, и какие-то дела, никак не связанные с нашими темами. Скажем, он задолжал за наркотики... хотя нет, из квартиры бы забрали все деньги, да и рехнер заодно. Тогда – некий криминальный заказ на "хакерские" услуги, с устранением исполнителя не за плохую работу, а просто как знающего лишнее... М-да. Ну допустим даже, что это Зайн – что нам это дает в практическом плане?

Фридрих задумался.

– Ну раз соседи ничего не видели, я бы тряхнул еще раз агентство, сдавшее квартиру. Выяснить, как именно он платил, откуда поступили деньги...

– Скорее всего, наличными через кассу. Не думаешь же ты, что его наниматель настолько глуп, чтобы оплатить это дело со счетов, которые можно отследить?

– Пожалуй. Но проверить стоит. Иногда самые хитроумные заговорщики сыплются на самых очевидных вещах.

– Придется опять организовывать официальный запрос. Причем даже неясно, кому именно. Крипо не хочет возбуждать уголовное дело ни по статье "Убийство" – за отсутствием состава преступления, ни по статье о наркотиках – в связи со смертью подозреваемого. А агентство не станет раскрывать свою финансовую документацию из простой любезности. Впрочем, ладно – сообщу шефу твою мысль, и пусть он решает, что делать, – Хайнц вытащил целленхёрер.

Они пересекли по переходу Моховую и вышли мимо Манежа к Кремлю. Из-под арки Кутафьей башни тянулся хвост очереди – туристов, жаждущих увидеть Кремль изнутри, пускали по одному после тщательной проверки.

Спуск в Александровский сад тоже требовал проверки, но попроще – нужно было всего лишь пройти через рамку металлодетектора.

Фридрих знал, что здешние меры безопасности вполне основательны, не хуже, чем в международных аэропортах, так что у террористов едва ли был шанс. Ему не хотелось лишних объяснений по поводу оружия, так что друзья свернули за Манежем влево и пошли вдоль балюстрады, глядя вниз, в сад.

Театрализованное представление еще не началось, но гуляющих было много, а конная полиция, патрулировавшая сад, облачена была в кольчуги и шлемы (что, впрочем, не мешало наличию на поясе с бутафорским мечом заодно и кобуры с настоящим пистолетом).

Возле грота в основании Средней Арсенальной башни разместился военный оркестр, развлекая гостей праздника живой музыкой. Фридрих мысленно посочувствовал музыкантам, вынужденным провести на одном месте не один час – хоть солнце и сияло по-весеннему, день все-таки оставался зимним.

Оркестр исполнял не бравурные марши, а что-то танцевальное, и несколько пожилых пар кружились на тщательно расчищенной от снега площадке перед гротом под одобрительными взглядами зевак. В продуктовых киосках бойко торговали горячим чаем, бубликами, баранками, калачами и кренделями, но за главным масленичным блюдом – блинами – надо было идти на Васильевский спуск.

Когда музыканты делали паузу, можно было расслышать шипение гелия, наполнявшего воздушные шарики с праздничной символикой; то здесь, то там они взмывали в небо. Хм, а если в каком-то из баллонов будет не гелий, а, скажем,

нервнопаралитический газ? Содержимое лотков и тележек проверяют, но вряд ли делают химический анализ баллонов... Однако на открытом воздухе эффект будет не очень значительным, и пострадают лишь простые гуляющие.

Еще дальше в сторону Манежной, уже возле выхода из сада, праздничную беззаботность сменяла строгая торжественность двух Вечных Огней – в память о павших бойцах РОА и Вермахта. Каменные воины обеих армий застыли в вечном рукопожатии, а по обе стороны от них вытянулись столь же каменно-неподвижные солдаты почетного караула в парадных униформах времен войны: русский из Кремлевского полка и дойч из Церемониальной роты германского контингента в России. Фридрих знал, что завтра утром, перед началом торжественного митинга, здесь состоится возложение венков от руководства России и от прибывших на праздник официальных делегаций. Венок от России возложит лично Мосюк. То есть, разумеется, венок возложат солдаты, а он подойдет и потрогает ленточку.

Что ж, мишень для теракта вполне лакомая... вот только никаких гуляющих ни в саду, ни на Манежной улице в это время не будет, все вокруг будет оцеплено и перекрыто. Меры безопасности стандартные, отработанные годами подобных церемоний и ни разу не дававшие осечки.

На Манежную площадь пройти было нельзя уже сейчас. Вся она была по периметру обнесена стальными турникетами, вдоль которых вытянулись цепочкой уже не полицейские, а солдаты войск ДГБ. Вдалеке за их спинами, перед гостиницей "Москва", рабочие монтировали сцену для завтрашнего митинга. Движение по Моховой от Большой Никитской до Тверской также было перекрыто. Фридрих отыскал взглядом старшего по званию (им оказался прапорщик ДГБ, что соответствовало армейскому подпоручику) и предъявил ему свое удостоверение.

– Извините, херр оберст, нельзя, – вежливо, но твердо ответил охранник. – Проход только по спецпропускам.

– Даже сейчас, когда там одни рабочие? – прикинулся простачком Власов. – Нам с коллегой нужно просто пройти на Тверскую.

– Без спецпропуска не имею права пустить даже собственного начальника, – непреклонно произнес охранник, и Фридрих понял, что это не гипербола. – Придется вам в обход, – он принялся показывать рукой. – Сейчас назад к Манежу, от него на Большую Никитскую и по ней до первого поворота направо, в Никитский проезд.

– Ну что ж... понятно, – кивнул Власов и повернулся к прапорщику спиной. На самом деле ни Тверская, ни Никитская были им не нужны, и они с Эберлингом двинулись в сторону ближайшего – и единственного открытого – прохода на Красную площадь, справа от Исторического музея.

– Подождите минуточку!

Они обернулись. Их решительно нагонял все тот же прапорщик.

– Вы, верно, не поняли. На Тверскую – это вам туда. Через Красную площадь вы туда никак не попадете.

– Спасибо, мы поняли, – вежливо сказал Власов. – Мы просто передумали идти сейчас на Тверскую. На Красную площадь мы ведь можем пройти?

– Можете, разумеется, – кивнул дэгэбэшник, и в его глазах появился нехороший прищур. – А на документики ваши позвольте еще раз взглянуть? И коллеги вашего тоже.

Фридрих вздохнул и вновь протянул ему удостоверение. То же сделал и Эберлинг. Прапорщик проворно извлек из кармана блокнот и переписал данные господ имперских

офицеров.

– Теперь мы можем идти? – недовольно осведомился Эберлинг.

– Все в порядке, господа, – он вернул им документы. – Сами понимаете, мы обеспечиваем безопасность. Не мне вам объяснять, что такое служебный долг. Добро пожаловать в Москву и с Арийским Единством вас!

– Вас также, – ответил Власов и совершенно искренне добавил: – И спокойной вам службы.

Друзья вышли на знаменитую площадь, покрытую брусчаткой, миновав знак, запрещавший езду на велосипедах. Фридрих подумал, что ездить на велосипеде по такому покрытию может разве что мазохист.

Здесь, разумеется, тоже было много народу, причем преобладали, похоже, приезжие. Многие щелкали друг друга на фотоаппараты. По площади прохаживались ряженые – стрельцы с алебардами, бояре в высоких шапках, варяги в рогатых шлемах (полная чушь, подумал Фридрих, никогда они таких шлемов не носили – такие рога только помогали бы вражескому мечу разрубить шлем вместо того, чтобы соскользнуть), германские рыцари в латах, казаки с нагайками, белогвардейцы в шинелях с башлыками и даже Николай II, прогуливавшийся в компании кайзера Вильхельма. Сфотографироваться с обычными ряжеными стоило пять рублей, а с двойниками – вдвое дороже, но желающие находились, в основном из числа иностранцев. Власов знал кое-что, о чем не догадывались беззаботные гости столицы – все эти ряженые были, как минимум, внештатными агентами ДГБ, без согласия сотрудничать они бы просто не получили разрешения на свой промысел в столь ответственном месте. А несколько человек из числа ряженых, фотографов и "простых гуляющих" были и штатными сотрудниками с хорошим знанием иностранных языков и правом применять оружие в критической ситуации. По случаю праздников их количество наверняка увеличили. Некоторое время Фридрих развлекался тем, что пытался на глаз вычислить агентов среди прочей толпы, пока не встретил в ответ столь же пристальный подозрительный взгляд. Власов ответил коллеге легкой понимающей улыбкой. Очередных выяснений с проверкой документов ему не хотелось.

В центре площади, на фоне памятника Минину и Пожарскому, возвращенного на свое законное место сразу после того, как заровняли яму на месте мавзолея, фотографировался целый выводок азиатов – один из них, постарше, снимал выстроившихся в ряд шестерых остальных, на удивление похожих друг на друга, и даже одетых в одинаковые желтые куртки. "Неужели японцы?" – удивился Власов и тут же понял – нет, скорее всего, российская Средняя Азия. Подобные пришельцы добирались до Москвы редко – формально законы их визитам не препятствовали (запрещался лишь их найм на работу муниципальными предприятиями), но расово чуждых в столице не любили, и это было всем известно; в особенности такие настроения усилились после эксперимента с массовым приемом китайских беженцев, притащивших с собой наркотическую заразу. Кстати, среднеазиатские губернии России были по этой части тоже отнюдь не безгрешны.

– Лобное место, – со знанием дела показал Эберлинг. – Русские считают его символом казней, хотя на самом деле здесь никого никогда не казнили. Отсюда только зачитывали официальные указы, ну, и смертные приговоры в том числе. А собор впереди, который русские называют "храмом Василия Блаженного" – на самом деле Покровский. Храм в честь "блаженного", то есть городского сумасшедшего – это полный абсурд,

храмы могут быть посвящены только святым. А сам Кремль, считающийся чуть ли не символом России, строили итальянцы.

– А памятник, который мы только что прошли, на самом деле поставлен не в честь освободителей России от польских оккупантов, а в честь победителей в междоусобной склоке между двумя русскими боярскими кланами, – подхватил Фридрих. – Один из этих кланов хотел призвать на престол польского королевича, что, кстати говоря, вполне отвечало обычаям средневековья – вспомним хотя бы, сколькими странами правили те же Бурбоны – но поляки сами охладели к этой идее, да и было их в Москве совсем немного. Более того, Романовы, стараниями Минина и Пожарского возведенные на трон, во время Смуты неоднократно перебегали с одной стороны на другую и активно поддерживали "тушинского вора" Лжедмитрия Второго. Да и Минин – на самом деле никакой не Минин, а Захарьев-Сухорукий. Минин – это не фамилия, а отчество: людям простого звания полноценное отчество не полагалось, говорили, к примеру, "Иван Кузьмин" вместо "Кузьмич"... Кстати, эксгумация его останков в Нижегородском кремле показала, что в могиле лежат кости нескольких человек, ни один из которых не мог быть Мининым, в том числе одной женщины.

– В общем, сплошные мифы и ни слова правды, – кивнул Хайнц. – Чем больше изучаешь историю, тем больше убеждаешься, что это не наука, а раздел пропаганды.

– Что да, то да, – согласился Власов. – Отец рассказывал мне, как принималось решение о возвращении этого памятника в центр площади. Тема обсуждалась в Райхе, и чуть ли не на высшем уровне! Кое-кто в имперском руководстве считал, что памятник, прославляющий освобождение России от иностранных интервентов, не худо бы вообще задвинуть подальше, во избежание нежелательных ассоциаций. Другие возражали, что если так сделать, то как раз в этом случае ассоциации и возникнут. Третьим просто нравилась идея лишний раз щелкнуть по носу поляков – кажется, их точка зрения в конечном счете и перевесила.

Они миновали другой памятник борцам за свободу России, поставленный в пятьдесят третьем, в десятилетнюю годовщину освобождения от коммунизма. Он был установлен перед собором, на том самом месте, где при большевиках стояли Минин и Пожарский, и даже отчасти напоминал предшественника по композиции, носившей, впрочем, еще более аллегорический характер: боец РОА принимает знамя у белогвардейца. Памятник стал последней работой Веры Мухиной.

Друзья прошли справа от храма по устремлявшейся вниз брусчатке (к счастью, полностью очищенной от наледи) и вышли на Васильевский спуск.

Запахло жареным. В прямом смысле. Здесь царил еще один символ солнца.

Практически до самой реки площадь была уставлена павильонами, ларьками и палатками, стилизованными под терема, избушки и даже какие-то полевые шатры – и в каждом из этих сооружений торговали блинами.

Прямо на глазах у посетителей пекли и предлагали блины всех видов – просто с маслом, с различным вареньем, с медом (тоже разных сортов), со сметаной, с икрой (куда же без этого!), свернутые пухлыми конвертиками блинчики с мясом, с рыбой, с рисом, с грибами, с вишней, толстые оладьи с добавлением картошки, яблок, кабачков, кукурузы... Здесь тоже играла музыка из репродукторов – на сей раз русская народная – но ее перекрикивали торговцы и нанятые ими зазывали, рекламировавшие товар. На блинном фестивале, очевидно, считалась хорошим тоном реклама в старорусском стиле – во всяком случае, в том виде, в каком его здесь представляли: с громкими выкриками,

незамысловатыми стишками и частушками, нередко почему-то с демонстративным оканьем, которое никогда не было характерно для московской речи.

Большинство торговцев были одеты в том же стиле лубочной Московии; среди мужчин было особенно много скоморохов в колпаках с бубенчиками, бабы – назвать их женщинами не поворачивался язык – в кокошниках, густо нарумяненные. Фридрих брезгливо скривился – по сравнению с таким обличьем даже знакомое по кинохроникам большевицкое уродство казалось верхом вкуса и эстетики.

Меню в витринах и на выставленных рядом с павильонами рекламных щитах чаще всего были стилизованы под славянскую вязь, с красными заглавными буквами, ятями и ижицами, далеко не всегда правильно расставленными.

Впрочем, не все старались взять горлом и аляповатой стилизацией под старину. Проталкиваясь сквозь толпу, Фридрих остановился и невольно залюбовался дородным блинопеком в белом халате и поварском колпаке, который под одобрительные восклицания зрителей лихо подбрасывал пекущийся блин, заставляя его перевернуться в воздухе, и снова ловил на сковородку.

Но Эберлинг, тронув Власова за рукав, указал в другую сторону: – Ты только посмотри.

Фридрих посмотрел. Над большим крытым павильоном был растянут рекламный плакат – фото прямоугольного стола, накрытого красной скатертью. В центре стола на тарелке возвышалась горка круглых бледно-желтых блинов. На верхнем черной икрой была выложена свастика. Не требовалось богатого воображения, чтобы опознать во всей этой композиции райхсбаннер.

– Ну это уже слишком! – возмутился Фридрих. – Мало им этих идиотских кокошников – это еще, в конце концов, их собственные проблемы...

– Не понимаю, что тебе так не нравится, – пожал плечами Хайнц. – По-моему, неплохо придумано.

– Ты что, не понимаешь, какая это чудовищная пошлость?! По-твоему, знамя Райха можно использовать, как скатерть? Может быть, ещё и как половик у двери?

– Как половик – нет, о половик вытирают ноги, а вот скатерть в славянском быту – очень уважаемая вещь. Русские на протяжении всей своей истории голодали. И напомнить лишний раз, кто именно принёс им сытость и изобилие – не такая уж плохая мысль... И кстати о сытости – давай уже, наконец, возьмем блинов и поедим.

– Давай. Только уж точно не там!

Власов повернулся было в сторону жонглера, но к тому выстроилась довольно длинная очередь, так что Фридрих двинулся дальше и подрулил к окошку избушки, пользовавшейся меньшей популярностью – видимо, по причине нехватки рекламы, а не качества: от окошка как раз отходил турист с фотоаппаратом на животе, с явным удовольствием жующий свернутый трубкой, сочащийся горячим маслом блин.

Хайнц не удержался и заказал себе блины с икрой – все-таки красной, а не черной, как на пресловутом плакате. Фридрих же избрал более дешевый вариант с клубничным вареньем. Выбор напитков тоже оказался довольно широким, включая квас, морс, лимонад и даже какой-то "горячий сбитень", но друзья не стали экспериментировать и взяли себе обычного чаю с лимоном. Ближайший свободный стоячий столик был не слишком чистым – кто-то уже успел капнуть на него медом и пролить маленькую лужицу какой-то темной жидкости, возможно, того самого сбитня – но, пока Фридрих брезгливо косился на этот непорядок, Хайнц водрузил поднос с заказом прямо на лужицу и тем

пресек дальнейшие сомнения. Власов намеренно встал спиной к оставшемуся позади плакату.

В первую минуту они лишь активно работали челюстями, ибо прогулка на свежем воздухе и впрямь изрядно разожгла их аппетит. Но затем Эберлинг, все еще жуя блин, вернулся к разговору:

– Воф, нафйимех, амехихансы...

– Ты прожуй сначала.

Хайнц сглотнул.

– Американцы, говорю. Их можно упрекнуть в чем угодно, только не в отсутствии патриотизма. Но они рисуют свой флаг на лифчиках и трусиках. Один тип из политотдела говорил мне, что даже на презервативах. Как думаешь – зачем?

– Тоже мне, нашел обладателей тонкого вкуса! Да они просто не понимают, какая это пошлость и профанация!

– Кому надо, тот все прекрасно понимает. Просто флаг на таких местах на подсознательном уровне связывает идею американского патриотизма и идею секса как приятного занятия – как бы ты к нему ни относился...

– Я никогда и не отрицал, что оно приятное. Я лишь говорю, что оно превращает разумное существо в скотину. Как и алкоголь, как и другие наркотики.

– Хорошо, хорошо, не будем спорить. Пусть в скотину. Простейший механизм формирования условного рефлекса, как у собаки Павлова. Но это работает! Американцы апеллируют к низменному – и выигрывают. А мы все больше говорим о высоком и священном, и обыватель начинает зевать, – Эберлинг отправил в рот очередной кусок блина.

Вокруг по-прежнему было полно народу, клубившегося между павильонами. Какой-то невысокий мужичонка, проталкиваясь за спиной Хайнца, задел того плечом и буркнул по-русски извинение. Эберлинг дернул щекой, но не стал оборачиваться.

– Знаешь, я совсем не уверен, что выигрыш ценой низменного оправдан, – произнес Фридрих. – Я даже не уверен, что это вообще можно назвать выигрышем.

– Ой, ну можно подумать, мы не занимаемся тем же самым! Все эти наши песни о девушке, ждущей солдата, как бы ее ни звали – Лили Марлен, Эрика, Доротея, Герда Урсула Мари – они к чему апеллируют, по-твоему? Просто мы ведем себя ханжески, не называем вещи своими именами, не говорим, что этот солдат сделает с девушкой, когда она его таки дождется. Скунсы действуют прямее – и получают лучший результат.

– Между прочим, от этих песен я тоже не в восторге, – пробурчал Фридрих и отхлебнул чаю. – Не с музыкальной точки зрения, конечно...

– А потому, что они пропагандируют любовь, то есть столь презираемое тобой неразумное поведение, – подхватил Эберлинг. – А ты лучше подумай – многого ты добьешься от солдата, пропагандируя ему разумное поведение? Сам сегодня говорил – военные песни апеллируют к эмоциям. Почему? Потому что солдат глуп и не понимает доводов разума? Нет! Потому что доводами разума невозможно убедить его отдать жизнь. Любая потеря для человека – это потеря лишь какой-то части его мира. Потеряв жизнь, он теряет весь мир. Часть всегда меньше целого. С рациональной точки зрения жертва жизни никогда не оправдана. Поэтому да, ради твоих высоких идеалов нужно превращать человека в низменную нерассуждающую скотину.

– Жизнь, так или иначе, конечна... – начал отвечать Власов, и в этот момент у него зазвонил целленхёрер.

Фридрих поспешно вытер пальцы салфеткой и выхватил трубку. Звонил шеф.

– Это Клаус Ламберт, – сообщил Мюллер без предисловий.

– Когда и куда? – спросил Власов столь же лаконично.

– Завтра около полудня в Москву.

Фридрих похвалил свою интуицию: значит, все-таки не в Бург. Он хотя бы находится в правильном городе, и время еще есть.

– И знаете, что самое скверное, мой мальчик? – продолжал шеф. – Не то, что я узнаю об этом только сейчас. А то, какими окольными путями мне пришлось это узнавать. Словно речь о тайном визите какого-нибудь американского генерала в Афганистан.

– Он знает об угрозе теракта?

– Он не станет слушать без очень веских доказательств. Сочтет это провокацией врагов, которые хотят сорвать его визит.

– Значит, моя задача...

– Как минимум, добыть эти доказательства. Как максимум, разумеется – ликвидировать угрозу, как таковую.

– Йошка Фишер знал об этом визите, как минимум, за две недели, – вспомнил Фридрих. – Не знаю, насколько подробно, но знал. Надо прошерстить сотрудников "Либерализирунг".

– Этим уже занимаются. Но, похоже, глухо. Видимо, что-то знал только Фишер и, возможно, его убийца.

"И они на удивление своевременно умерли", – достроил Власов очевидную мысль, а вслух спросил:

– По этому убийству тоже ничего? Полиция, как я понимаю, его уже закрыла, но наши...

– Увы. Пока никаких зацепок.

– Что-нибудь еще, что может мне помочь?

– Сообщу, как только узнаю. Оставайтесь все время на связи. И будьте осторожны.

Смысл последней фразы Мюллера, обычно не демонстрировавшего большой заботливости, был очевиден: не повторите ошибки Вебера. Да, сомнений в том, что Рудольф погиб, расследуя ту же тему, практически не оставалось...

– Шеф? – осведомился Эберлинг, когда Власов убрал трубку. Фридрих кивнул, ожидая, что сейчас целленхёрер запоет и у Хайнца. Но Мюллер почему-то медлил сообщить Эберлингу новости о потенциальной жертве Зайна, так что Власов сам пересказал другу новости.

– Значит, все-таки Ламберт... – задумчиво пробормотал Хайнц. – И, конечно, визит согласован с Мосюком. Не рейсовым же самолетом он прилетит. Чем он уломал Дядюшку Лиса, хотелось бы мне знать... Знаешь, я, пожалуй, еще блинков возьму. Хороши, tscherti!

Фридрих, еще не покончивший со своей порцией, рассеянно кивнул и погрузился в раздумья. Итак, предположим, Вебер знал об этом визите. И узнал не по каналам в Управлении – во всяком случае, не по официальным, раз сам Мюллер был не в курсе – но и едва ли от Йошки Фишера, по крайней мере, напрямую. Возможно ли, что информация главреда "Либерализирунг" каким-то образом попала к его коллегам из "Свободного слова", к чьим делам Вебер как раз проявлял интерес? И которыми сейчас, кстати, активно занимается ДГБ в связи с делом Грязнова... а может быть, наркотический след – это только повод? Если ДГБ играет против Управления...

– Scheiße! Alle Teufel! Полиция! – последнее слово Эберлинг выкрикнул по-русски.

Фридрих резко повернул голову; рука нырнула во внутренний карман за "стечкиным". Впрочем, стрелять пока, кажется, было преждевременно. Хайнц стоял перед блинной избушкой растерянный и злой, но непосредственная опасность ему, похоже, не угрожала. Власов быстро стрельнул глазами по сторонам – все еще не понимая, как и прочие свидетели происшествия, что произошло – и в два прыжка оказался рядом.

– В чем дело?

– Бумажник сперли! Прямо из кармана! Полез расплачиваться, и... Всегда знал, что с этими русскими...!

– Там было что-то важное? – быстро перебил Фридрих, подразумевая под этим что либо секретное. Конечно, документы в бумажнике не носят, но, возможно, какая-нибудь карточка...

– Ничего, если для тебя не важны две тысячи марок, – огрызнулся Эберлинг. – То есть рублей, конечно...

Фридрих окидывал цепким взглядом толпу вокруг, в которой происходили волнообразные движения: любопытные проталкивались к месту происшествия, сообразительные, наоборот, пятились прочь, не желая иметь дело с полицией. Мог ли среди этих пятившихся быть и вор? Скорее всего, он был таков еще раньше...

– Ты уверен, что нам стоит вмешивать полицию? – тихо спросил Власов, но заливистая трель свистка уже не оставила выбора. Сквозь поспешно расступавшуюся толпу к ним с решительным видом направлялся русский страж порядка – усатый, слегка полноватый, лет под пятьдесят. Услышав первые же слова Эберлинга, он отдал по рации какое-то распоряжение, состоявшее главным образом из кодовых цифр, а затем обратился к потерпевшему:

– Давно?

– Да буквально только что! Несколько минут назад я платил за порцию блинов, сейчас вот хотел взять вторую, – эти блины, уже подготовленные продавщицей, сиротливо стыли на прилавке избушки, – полез в карман, и...

– Господа, прошу никого не расходиться! – громко выкрикнул полицейский. – Выход с фестиваля все равно уже перекрыт! Вы уверены, что бумажник украден? – вновь обратился он к Эберлингу. – Может, вы просто сунули его не в тот карман? Проверьте.

Фридрих оценил профессионализм. Лучше сначала организовать оцепление, а потом разбираться, не ложный ли вызов, чем из-за промедления упустить преступника.

– Уверен, проверял уже... – Эберлинг еще раз по очереди сунул руки в карманы куртки и брюк. – Вот здесь он лежал...

– Ты что же, держал бумажник в наружном кармане? – понял Фридрих. – Ну знаешь, это же азы – все важное только во внутренних, тем более в толпе...

– Да, в такой вот толчее они и работают, – подтвердил полицейский. – Смотрят, как кто покупает, куда потом кошелек кладет. И вынимают так ловко, что человек и не почувствует. Секунда-две – и ищи его свищи.Особенно иностранцев любят, те беспечнее и часто богаче. Совсем у мерзавцев совести нет, позорят нас перед заграницей...

– Да вот и я как-то расслабился, – оправдывался Хайнц. – Голова другим была занята, ну и сунул в карман на автомате...

– Где вы находились после того, как пользовались бумажником в последний раз? – спросил полицейский.

– Ели с другом блины вот за этим столиком.

– Как точно вы стояли?

– Вот так, – Хайнц занял прежнее место.

– А ваш друг?

– Напротив меня.

– Ага! – полицейский удовлетворенно повернулся к Власову. – Значит, вы должны были видеть вора.

– Ну, физически, наверное, видел, но не обратил внимания, – пожал плечами Власов. – Сами видите, тут вокруг постоянно народ, за спиной у Хайнца все время кто-то проходил... Хотя постойте. Какой-то тип его толкнул. Хайнц, помнишь?

– Ну да, я чуть было чай не пролил из-за него. Но я не почувствовал, чтобы он лез мне в карман.

– Ну ясное дело, – кивнул полицейский, – это у них классический отвлекающий прием... Если, как вы говорите, это было пару минут назад, возможно, он еще где-то здесь. Вы хорошо его запомнили? – это снова был вопрос Власову.

– Говорю же, нет. Я к нему не присматривался. Невысокий такой невзрачный тип... совершенно ничего примечательного...

– Но вы сможете его опознать? Мы, конечно, сейчас попробуем найти и других свидетелей, но боюсь – вы окажетесь единственным, кто видел момент кражи.

– Попробую, – обреченно вздохнул Власов. Вот ведь не было печали... На площади тысячи человек, если всех их осматривать и опрашивать... Впрочем, русская полиция, конечно, права, что взялась за дело так серьезно. Преступники не должны уходить от наказания, и карманники далеко не безобидны. Но как же это некстати... А может быть, как раз и *кстати* – ожгла новая мысль. Что, если это никакой не карманник? Что, если их *пасли* – и надеялись на более важный улов, чем бумажник с деньгами? Фридрих поспешно проверил собственные наружные карманы, хотя и знал, что он-то соблюдал технику безопасности, и у него вор мог поживиться разве что одноразовыми перчатками да носовым платком... Нет, и это на месте... А если, допустим, не украли, а наоборот – что-то подсунули? Он проинспектировал карманы, особенно пустые, более тщательно. Нет, кажется, ложная тревога... но провериться сканером все же не помешает. И не помешает все-таки отловить этого вора и выяснить, что он за птица.

Подошли еще трое полицейских – моложе по возрасту, но старше по званию, чем подоспевший первым патрульный (в том числе одна девушка). Один из них, с погонами поручика, сразу взял руководство процессом на себя.

– Ниночка, сними показания с потерпевшего – описание пропавшего, все как обычно; Алексеев, поможете опросить свидетелей здесь; Олег, а ты прогуляйся вокруг с господином...

– Власовым, – подсказал Фридрих.

– ... может, вам удастся заметить того типа.

И Фридрих в сопровождении долговязого Олега двинулся сквозь толпу, без особой надежды оглядываясь по сторонам. Разве мыслимо кого-то отыскать в этом столпотворении – особенно если видел его мельком один раз? Вдали от места происшествия блинное празднество продолжалось, как ни в чем не бывало – здесь, очевидно, даже и не знали о краже и начавшемся расследовании, хотя пройдет еще несколько минут – и слух о том, что из фестивального городка никого не выпускают, дойдет и сюда. Хотя торговцы, пожалуй, в накладе не останутся – раз уж клиентам некуда уйти, они будут делать новые заказы...

Целленхёрер запел "Песню летчиков". Номер не высветился.

Олег покосился на Фридриха недовольно – мол, нельзя ли перенести звонок на более подходящее время, нам важно поймать вора по горячим следам – но Власов всем своим видом продемонстрировал, что этот звонок слишком важен, и нажал кнопку приема.

– Херр Фридрих Власов? – осведомились в трубке. Голос был молодой, незнакомый. Произношение, пожалуй что, русское.

– Я, – ответил Фридрих сразу на обоих языках.

– Я майор Шульгин из криминальной полиции, получил ваш номер от Никонова из Безопасности. Руковожу операцией по освобождению заложников. Трубка, которую вам дали бургские коллеги, у вас с собой?

– Да.

– Включите ее, пожалуйста, и наберите известный вам номер. Продолжим разговор через нее.

Логично, подумал Власов: тем самым он получит гарантию, что действительно говорит с полицейским.

– Как я понял, вы не будете лично участвовать? – продолжил Шульгин, когда они вновь соединились.

– К сожалению, нет, – ответил Фридрих, хотя сожаления не чувствовал.

– Что ж, мы были к этому готовы. Даже подобрали сотрудника, похожего на вас внешне. Не идеально, конечно, но с хорошим гримом и на расстоянии...

– Не думаю, что у Матиаса была возможность меня разглядеть.

– Мы тоже так считаем, но береженого... Он еще не звонил?

– Пока нет.

– Когда позвонит, скажите ему, что деньги собраны. Пусть рассказывает план обмена. Постарайтесь подольше продержать его на линии.

– Само собой.

О случившемся с Эберлингом Власов рассказывать не стал – чем тут мог помочь Шульгин? – и двинулся за Олегом дальше в обход блинных рядов. Как Фридрих и ожидал, заметной пользы от этого не было. Несколько раз он всматривался во вроде бы похожие невзрачные лица, но всякий раз приходил к выводу – нет, не тот. Наконец, потратив уже, наверное, не меньше получаса, они вновь оказались возле павильона с так возмутившим Власова плакатом. Олег направился внутрь, и Фридриху ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

Все столики были заняты, но не за всеми ели – должно быть, несколько человек зашли сюда просто посидеть и погреться, когда убедились, что не могут выйти с фестиваля. В гудении голосов не чувствовалось ни страха, ни особого гнева; общее настроение, надо полагать, было – "власть опять создает проблемы простому человеку, ну да не в первый и не в последний раз". Несколько лиц обернулись в сторону вошедших. И среди них Фридрих увидел искомое.

Мужичонка сидел в дальнем углу. Страха он тоже не показывал. Но, приглядевшись, Власов окончательно пришел к выводу – тот самый, и сообщил об этом полицейскому.

Олег тут же надел пытавшемуся возражать подозреваемому наручники и, подрядив семейную пару с соседнего столика в понятые, на месте произвел обыск. Бумажника у задержанного не обнаружилось. Обнаружился потертый рыжий кошелек, содержавший наличность на общую сумму 147 рублей 30 копеек.

– Это ничего не значит, – констатировал Олег. – Времени, чтобы избавиться от украденного, было достаточно.

Задержанного отконвоировали на место преступления, где уже окончился опрос "свидетелей", среди которых, как и предсказывал немолодой Алексеев, не нашлось никого, кто в действительности что-то видел. Мужичонка клялся, что ни в чем не виноват и видит потерпевшего впервые. Тут как раз подоспел кинолог с собакой; большой серый пес тщательно обнюхал Эберлинга, затем подозреваемого и, после некоторых сомнений, гавкнул, показывая, что контакт между этими людьми был. Задержанный признал, что, может, и толкнул нечаянно этого господина, в этакой толпе разве убережешься, но никакого бумажника в глаза не видел и вообще в жизни своей ничего не крал. Пока поручик отечески увещевал его облегчить вину добровольным признанием, а Власов подписывал свидетельские показания, кинолог со своим подопечным отправился обследовать урны и ящики для мусора на предмет выброшенного бумажника. Эти поиски увенчались успехом очень быстро: встав передними лапами на край ближайшей к месту преступления урны, пес опустил нос вниз и тут же уверенно залаял. Из кучи бумажных стаканчиков и скомканных салфеток был торжественно извлечен бумажник Хайнца – к сожалению, пустой.

– Ну правильно, – кивнул поручик, – это у них первое дело – сразу от улики избавиться... В последний раз по-хорошему спрашиваю – куда деньги дел?!

– Христом-богом, господин начальник, не брал я никаких денег, и бумажника не брал, приехал вот Москву на праздники посмотреть... – судя по документам, мужичонка был не местный, из Серпухова.

– Ниночка, пришел ответ из архива? Что там у нас на гражданина Нечипорука?

– Пришел, Игорь Витальевич. В молодости был условно осужден за драку, позже – неоднократный клиент вытрезвителя. По делам о кражах, однако, не проходил.

– Ну, все когда-то бывает в первый раз... Ладно, не хочешь по-хорошему – продолжим разговор в отделении. Херр Эберлинг, – поручик повернулся к Хайнцу, – от лица московской криминальной полиции примите извинение за испорченный праздник. Не беспокойтесь, этот рано или поздно расколется. Скорее всего, он передал деньги сообщнику, хотя мог со страху и в какую-нибудь щель засунуть... Как выясним, мы вам позвоним. Бумажник пока вернуть не можем, сами понимаете – вещдок.

– Понимаю, – вздохнул Хайнц. Спустя несколько минут они с Фридрихом, наконец, вышли с фестивальной территории. Людей уже начали выпускать – на всякий случай по одному, мимо все той же служебной собаки.

– М-да, история... – пробормотал Власов. – Может, это все же не он?

– Мне-то откуда знать, – пожал плечами Эберлинг. – Ты видел, чтобы кто-нибудь еще за моей спиной задерживался?

– Говорю же – не присматривался. Гарантировать не могу.

– Ну, может, песик и еще кого унюхает.

– Во всяком случае, на агента ДГБ этот тип не похож.

– Да, я тоже об этом думал. Хотя как знать. Первый признак такого агента – он не похож на агента. Незапоминающаяся внешность – как раз необходимое качество...

– У тебя точно не было ничего, за чем он мог охотиться?

– Можешь не беспокоиться. Если нашим русским друзьям что и досталось, то только деньги.

– Слушай, ты же сейчас, получается, вообще без копейки? Давай я тебе одолжу.

– Зайду в банк и сниму со счета. Ах черт, сегодня ж, небось, и банки не работают... Да, пожалуй, полсотни до понедельника мне не помешают.

Фридрих порылся в собственном бумажнике.

– Возьми сто на всякий случай... Что дальше делать будем?

– Перейдем сейчас по мосту и пойдем направо, глянем на Крымскую набережную и Парк Чехова. А на Крымском валу уже можно сесть на городской транспорт.

– Что-то мне разонравилась эта идея. Сомневаюсь, что мы увидим на этих набережных что-то, интересное для террориста.

– Ну, из центра нам все равно иначе как пешком не выбраться. А думать и обсуждать лучшие идеи можно и на ходу.

– Можно, в принципе, сесть в подземку.

– Да, но мне шеф велел все время быть на связи, а там сигнал ловится далеко не везде.

– Ты прав, мне тоже... Ладно, пошли.

Они прошли по Большому Москворецкому мосту, украшенному наконец-то полным набором флагов, включая лихтенштайновский; Фридрих попытался было свернуть за мостом направо, но Хайнц напомнил ему, что они на острове, и надо пересечь еще Водоотводный канал. На мосту через канал целленхёрер Власова вновь подал голос.

Распозналась лишь одна цифра номера. Самодельный антиопределитель.

– Привет, Фриц, – сказал Спаде. – Достал деньги?

Власов, уже вытащивший полицейскую трубку, тут же нажал нужную кнопку.

– Да. Сто пятьдесят тысяч, как договаривались.

– Вот видишь – можешь, когда захочешь! Клади в сумку на молнии, и через пятьдесят минут ты должен быть с ней на Курском вокзале.

– Я сейчас на другом конце Москвы, – соврал Власов. – Мне нужно больше времени, чтобы добраться. И у меня нет сумки на молнии.

– Захочешь – успеешь. А сумки прямо на вокзале продают.

– Слушай, Матиас, мы договаривались к 17:00, а сейчас только три!

– Мы договаривались, что к семнадцати деньги будут уже у меня! – рявкнул бандит. – Так что не трать время на споры!

– Ладно, – вздохнул Фридрих. – Где именно на Курском?

– А ты не мельтеши раньше времени. И трубку не занимай. Приедешь – узнаешь, – в трубке зазвучали гудки.

Почти сразу же зазвонил полицейский целленхёрер.

– Он не так глуп, – констатировал Шульгин. – Хоть он и считает вас преступником, но действует так, как действовал бы, требуя выкуп у полиции. Очевидно, на каждом этапе будет передавать новые инструкции по телефону, заставляя вас, ну, в смысле, нашего человека, перемещаться в новые места за минимальное время, чтобы исключить подготовку засады.

– Но звонить-то он будет не вашему человеку, а мне, – заметил Фридрих.

– Вы, главное, своевременно включайте эту трубку на передачу.

– Все равно получится задержка. Сами понимаете, я не могу включать передачу в момент звонка – мне могут звонить и совсем другие люди, – "чьи сообщения совсем не предназначены для ушей крипо", достроил Власов фразу мысленно; Шульгин, без сомнения, тоже это понял. – Значит, сначала мне нужно будет убедиться, что это Спаде. И, если он или его люди будут наблюдать за вашим человеком, то могут заметить, что тот

взял трубку позже ответа на звонок...

– Ну а что поделать, вы же не согласились доставить выкуп лично или поставить телефон на прослушку! – хотя полицейский и понимал, что Власов не обязан был это делать, в его голосе все же обозначилось раздражение.

– Да, конечно. Сам знаю – не стоит учить профессионала делать его работу. И все-таки позвольте еще вопрос – вы уверены, что сможете его взять, если он явится за деньгами не сам, а пришлет кого-то?

– Он придет сам, – отрезал майор. – Сто пятьдесят тысяч – немаленькая сумма, никому из своих он ее не доверит. Тем более, сейчас его фанду в тяжелом положении, что не лучшим образом отражается на лояльности, у бандитов и без того невысокой.

– Операция против Спаде? – спросил Эберлинг, когда Власов убрал обе трубки.

– Да.

– Все-таки, может быть, зря ты не согласился участвовать. Я не уверен, что русская полиция сработает, как надо. А эта Галле, возможно, последняя ниточка. Она знала про визит Ламберта.

– Слышала краем уха от Фишера, не более чем. Я уже выяснил у нее все, что она могла рассказать.

– Но она не просто знала, что некто важный летит в Москву. Она знала, что здесь произойдет какая-то сенсация...

– Сам визит такого деятеля в Москву – это уже сенсация. В любом случае, мне запретил Мюллер. Кстати говоря, а почему бы тебе не попытаться связаться с Ламбертом? Может быть, он все-таки согласиться выслушать старого знакомого?

– Я тебе уже говорил – ему нет до меня никакого дела. И уж если он задумал какую-то политическую комбинацию, то не стал бы слушать даже моего деда, если бы тот был еще жив. И если даже представить, что мне позволили бы переговорить с ним напрямую – это только ухудшило бы ситуацию. Если визит скрывали даже от Мюллера, значит, Клаус, мягко говоря, не очень доверяет нашей с тобой конторе.

– Пожалуй...

Беседуя таким образом, но так и не придя ни к каким практически полезным выводам, они, наконец, дошли до Крымской набережной. Гигантское чучело зимы было заметно издали; оно, обряженное в яркие аляповатые тряпки, казалось целиком сплетенным из пучков соломы, но на самом деле внутри, конечно, был деревянный каркас. Фридриху стало неуютно от этого зрелища; вспомнился американский фильм, где в подобном чучеле заживо сожгли главного героя, полицейского, явившегося спасать собственную дочь. А в итоге она-то, воспитанная сектантами, и поднесла факел... Политуправление охотно санкционировало закупку таких фильмов, равно как и гангстерских боевиков: пусть зрители Райха видят, какой в Америке мрак и ужас. Вот только сами американцы отнюдь не считают, что снимают компромат на себя, они считают денежки да радуются... Нет, конечно, никаких людей здесь завтра жечь не будут, но если напихать в чучело взрывчатки – рванет так, что мало не покажется.

Подойти к самому чучелу оказалось невозможным – пространство вокруг было огорожено проволочной сеткой, вдоль которой прогуливались скучающие полицейские. Фридрих предъявил удостоверение и поинтересовался, насколько безопасно запланированное мероприятие. Ему с ленцой и неохотой – мол, ты нам не начальство – поведали, что процедура отработана годами и поводов для опасений нет. Сетка и охрана нужны, главным образом, чтобы в чучело не забрались ребятишки, но, разумеется, и

взрослым злоумышленникам ничего туда подложить не удастся. Начинавшаяся на безопасном расстоянии от места будущего аутодафе и уходящая двумя рядами вглубь парка выставка ледяных скульптур опасений тем более не внушала; Власов лишь обратил внимание на эклектичность тематики – патриотические свастики, орлы и даже ледяной PzKpfw IV в натуральную величину (в варианте с короткой пушкой) соседствовали с лешими, русалками и прочей нечистью из славянского фольклора. Может ли Ламберт заявиться смотреть на эти художества? Вот уж вряд ли.

– Куда он точно пойдет, так это вечером в Большой театр, – заметил Эберлинг, с которым Фридрих поделился этой мыслью. – Русские таскают туда всех высоких гостей в обязательном порядке. Говорят, некоторые из наших шишек уже видели "Лебединое озеро" по пять раз.

– Что, и завтра в программе тоже оно? Могли бы, в честь праздников, дать ну хотя бы Вагнера.

– Ехать из Берлина в Москву за Вагнером так же глупо, как ехать из Москвы в Берлин за Чайковским, – возразил Хайнц.

– В любом случае театр – неплохое место для покушения, – обеспокоено заметил Власов.

– Непроверенных людей в зале не будет. Нам с тобой, например, билеты не продадут. Русские многому научились с тех пор, как 80 лет назад у них в театре застрелили премьер-министра. Впрочем, и то убийство, как говорят, стало возможно лишь при попустительстве властей.

– Вот именно.

Фридрих решил проверить и дозвонился сперва до справочной (что оказалось непросто), а потом, узнав нужный номер – до кассы Большого театра. Ему вежливо ответили, что все билеты на завтра забронированы и в свободную продажу бронь поступать не будет.

Давали, кстати, все-таки Вагнера. Последние четыре вечера праздничной недели – четыре части "Кольца". Стало быть, завтра будет "Гибель богов".

Друзья поднялись на Крымский мост и некоторое время рассматривали оттуда Парк Чехова, где по заснеженным дорожкам под звон бубенцов петляли между павильонами и аттракционами русские тройки (а также и сани поскромнее, запряженные одной лошадью), но идею идти внутрь Власов решительно отверг как бесполезную, и они вернулись назад на Крымский вал, вновь перейдя улицу и остановившись на троллейбусной остановке. Через пару минут подошел троллейбус; несмотря на весеннюю погоду, Фридрих был рад оказаться в теплом салоне и опуститься на мягкое сиденье (нога все-таки начала давать о себе знать).

Поездка, однако, оказалась короче, чем ожидалось. Посреди Смоленского бульвара троллейбус встал – вдали от остановок и не открывая двери. Машины слева, однако, продолжали проезжать, так что общей пробки не было.

– Что там? – недовольно спросил Власов у сидевшего возле окна Хайнца. Тот, прижавшись щекой к холодному стеклу, попытался разглядеть, что творится впереди.

– Кажется, затор какой-то. Перед нами еще один троллейбус стоит, и еще впереди рога виднеются. Наверное, какой-то один сломался, а остальные его объехать не могут. Вечная беда троллейбусов и трамваев.

– Да уж... Автобусы здесь, как я понимаю, не ходят?

– Их в Москве вообще немного, а со временем хотят весь муниципальный

транспорт на провода перевести. Сам знаешь, с нефтью в России негусто, зато с электричеством хорошо.

Да, машинально подумал Власов, помимо гидроэлектростанций, которые так любили большевики – еще и целый пояс атомных, построенных дойчами. Персонал там тоже был исключительно дойчский, а энергия шла на нужды как России, так и других стран Райхсраума. Официально это, разумеется, считалось даром Германии братскому арийскому народу. Неофициально – платой за то, чтобы Россия не развивала собственную ядерную отрасль. Атлантистские "зеленые" и их русские подпевалы, естественно, вопили, что Райх превратил Россию в свою ядерную заложницу и договаривались даже до того, что в случае нелояльности в Берлине нажмут секретную кнопку, и все эти АЭС взлетят на воздух – ну это уже, понятно, было чистой клиникой...

Зазвонил целленхёрер. Доставая обе трубки, Фридрих бросил взгляд на часы – кажется, Спаде расщедрился и даже подарил ему пару минут. Впрочем, эта щедрость тут же нашла объяснение:

– Приехал? Беги на третью платформу и прыгай в третий вагон от конца. Быстро – электричка отходит через две минуты!

– Я же не успею взять билет!

– Ничего, если что, штраф заплатишь. Только не говори, что денег не осталось, – хохотнул дуфан, – ты мне еще 350 штук должен, не забывай! – в трубке запиликали гудки.

Фридрих на всякий случай повторил инструкцию в полицейский целленхёрер. Про себя он меж тем подумал – ну ясно, Спаде прикажет выбросить сумку с деньгами на ходу в определенном месте... не на глазах у других пассажиров, конечно, но, наверное, это электричка повышенной комфортности, с туалетными кабинками. Что ж, будем надеяться, что полиция готова и к такому варианту. Водитель меж тем, оценив, что затор надолго, открыл переднюю дверь. Нетерпеливые потянулись к выходу, терпеливые (и знающие, что другой транспорт по Садовому кольцу все равно не ходит) остались сидеть. Власов поначалу выбрал сторону вторых, но через несколько минут решительно поднялся (тем более что тепло через открытую дверь все равно улетучилось).

– Пойдем, что ли. Тут вроде недалеко уже.

– Ну пошли, – согласился Хайнц без особого энтузиазма.

Когда они уже подходили к Новому Арбату, подал голос целленхёрер Эберлинга. Некоторое время Хайнц молча слушал, затем велел "о новостях сразу докладывать" и повернул довольное лицо к Власову.

– Ну наконец-то хорошая новость! Похоже, на след Зайна все-таки вышли!

– Здесь, в Москве?

– Ну, мы ведь уже в этом не сомневались? Раз Ламберт летит сюда, все сходится... Представь, эта затея с соцработниками в конце концов все же дала результат. Пока информация еще нуждается в уточнении и проверке, но, надеюсь, сегодня мы его возьмем! Уфф, гора с плеч. Я уже боялся, что мы не уложимся...

"Гуревич упустил свой шанс, – подумал Власов. – Ну, оно и к лучшему." Вслух он, однако, сказал:

– Знаешь, есть такая русская пословица – "не говори "гоп", пока не перепрыгнешь"...

– Ты прав, конечно. Но будем надеяться – на сей раз не сорвется.

– Я могу чем-то помочь?

– Пока нет. Дам знать, если что.

Вскоре они расстались – Эберлинг сел в оставленную на подъезде к Новому Арбату машину, а Власов пошел в свой Трубниковский. Фридрих испытывал странное чувство. С одной стороны, если Зайна возьмут, теракт, очевидно, будет сорван – а после допросов потянутся нити и к его организаторам. Так что можно, вроде бы, просто расслабиться. С другой стороны – его собственное расследование так и не привело к конкретным результатам. Он по-прежнему не знает, кто убил Вебера и почему. И ведь теоретически может оказаться, что Мюллер был прав, заставив его и Хайнца работать автономно, и Зайн и смерть Вебера – это действительно две *разных* темы. Вряд ли совсем уж никак не связанные, но...

Он думал об этом, подперев голову руками перед включенным нотицблоком. Затем вновь принялся рассматривать свою схему с овалами и стрелками. Его не покидало ощущение, что он упускает что-то совсем простое. Что-то, возможно, давно ему известное, но на тот момент не привлекшее внимание... Хотя, конечно, это могло быть и ложное чувство, возможно даже (с неловкостью признал Фридрих) – порожденное завистью к успеху друга...

Запел целленхёрер. Власов уже привычным движением достал обе трубки.

Но это был не Спаде. Это оказалась Берта Соломоновна.

Kapitel 53. Вечер того же дня. Москва, улица Бутырский Вал, д. 8а, кв. 23.

Езда по городу, одни улицы которого были перекрыты из-за праздников, а другим по той же причине пришлось принять на себя двойное бремя автомобилей, не доставила Фридриху никакого удовольствия. К тому времени, когда он, наконец, выбрался из машины на Бутырском валу, солнце уже скрылось за домами, и утренние намеки на весну бесследно развеялись. Московская погода напоминала теперь политику польского ландтага по отношению к официальному Берлину: по отдельности придраться вроде бы и не к чему, но в целом – скверно. Так и здесь: ветра не было, белая гадость с неба не сыпалась, даже предательского льда под ногами на расчищенном дворе не ощущалось, и тем не менее, на улице было на редкость неуютно. Возможно, причиной тому был ранний вечер, тёмное небо, которое с запада уже вновь начали затягивать тучи, и очень редкие огоньки в окнах. Во всяком случае, дом 8а был тёмным практически полностью. Горело только несколько окон на верхних этажах, и это были не окна квартиры старой Берты.

Отыскивая на домофоне кнопку вызова консьержки, Власов думал, станет ли старуха говорить о заложниках. Во всяком случае, главной темой встречи это точно не будет. Всю информацию о происшествии, в том числе и показания самой Берты, Власову предоставили русские безопасники. Фридрих просмотрел их вполглаза: никакой оперативной ценности они уже не представляли... Кстати, дело, надо полагать, уже завершено. За последние два часа Спаде так больше и не звонил – видимо, его взяли в поезде или прямо на вокзале. Почему бы и нет? Там имеются видеокамеры, а внешность Спаде известна. Даже забавно, если он попался так просто... вероятно, он маскировался, но недостаточно успешно. Так или иначе, теперь с ним будет разбираться российский суд – если дело дойдёт до суда. Власов, впрочем, имел основания полагать, что это маловероятно. Спаде не из тех людей, которых судят открыто. Таких людей или уничтожают, или используют – в зависимости от того, что они знают и насколько могут быть полезны в тех или иных отношениях. В любом случае, если дуфана взяли, в течение ближайшего месяца-двух его жизни ничего не угрожает. Да и здоровью тоже – сейчас

языки развязываются куда более гуманными способами, нежели лет тридцать назад. Пытки применяют только отморозки вроде визенталевцев: Фридрих представил себе Спаде в лапах юдских боевиков и скептически хмыкнул.

Тем временем домофон, наконец, проснулся. Невнятный мужской голос пробасил:

– Слушаю.

Власов понял, что консьержку заменили – наверное, на какого-нибудь стажёра из Департамента. Рефлекторная реакция всех подобных контор на любое ЧП – усиление мер безопасности. Особенно после того, как всё плохое уже случилось.

– Я пришёл с визитом в квартиру двадцать три, – как можно отчётливее сказал Власов. – К Берте...

– Соломоновне, – ответил всё тот же голос, звучащий уже вполне осмысленно. – Заходите.

Это Фридриха несколько удивило: он ожидал долгого и нудного выяснения личности, или хотя бы вопроса. Потом он поднял голову и увидел стеклянный блеск линзы над дверью. Видеокамера, понял он. Судя по всему, поставлена недавно. Страхуются.

Внутри всё было то же самое – белый камень лестничной площадки, консьержская клетушка. В ней кое-как умещался здоровенный парень с копной отчаянно рыжих волос и усами того же цвета. На Фридриха он посмотрел очень внимательно, цепко, но пропустил без разговоров.

Неплохо соображает, подумал Власов. Похоже, обитающий здесь божий одуванчик решили всерьёз оберечь от возможных неприятностей.

Дверь в квартиру 23 тоже заменили. Вместо деревяшки с узором из гвоздиков на него смотрела гладкая серая панель без замка. Старые косяки заменила металлическая рама. Единственное, что сохранилось в неприкосновенности – кнопка звонка.

Трель за стеной была столь же противной, но хотя бы не такой громкой.

Старая Берта выглядела как всегда – халат, огромные тапочки, очки на поллица, остальное место занимал нос. Единственным новшеством был небольшой слуховой аппарат за левым ухом.

– Власов, шоб вы были здоровы, – сказала старуха не очень громко, но слышно, – не кричите в меня, я слышу. Идёмте в обеденную, там будет у нас чай. Дверь хлопните только, она мине тягостная.

Власов с силой захлопнул дверь – в самом деле, тяжеловатую: не металл, но что-то прочное, – и поплёлся по знакомому коридору, гадая, что же всё-таки понадобились старой ведьме лично от него.

Обеденный стол и в самом деле был накрыт под чаепитие. Посреди стола стоял самый настоящий самовар, такие Фридрих видел только в кино – медный, пузатый, с краником на боку. Картинку портил только чёрный электрический провод, тянущийся под сервант. Власов невольно подумал, как же это старуха умудрилась таскать по коридору этакое чудовище, и решил, что она крепче, чем кажется.

– Должны принести торт, – торжественно объявила старуха. – Я заказала торт у Розанова.

– Который на Тверской? – блеснул познаниями Власов.

Старуха поправила аппаратик возле уха и рассеянно кивнула.

– Давайте вашу чашку, – распорядилась она. – Если вы чего хотите знать за ту женщину и Мойше, вы говорите. Я всё видела этими вот глазами, – она провела рукой

перед лицом.

– Я читал отчёт, – сказал Фридрих. – Насколько я понимаю, фрау Галле и её сын спрятались в тайнике у вас на кухне, но были обнаружены. Как вы утверждаете, женщина закричала.

– Очень глупо, – заметила старуха. – Я уже немножко решила это дело, и тут она кричала. Мне пришлось показать, где тайник, и тот хулиган их достал. Очень грубо, – добавила она и замолчала.

– Это чрезвычайно прискорбно, – выжал из себя Власов: скорби он не испытывал, скорее уж досаду и злость. Отчасти на себя, но больше – на фрау Галле, которая долго и старательно нарывалась на неприятности, и, наконец, нарвалась.

– Так должно быть, – старуха открутила медный краник, самовар зафыркал, свистнул паром, и, наконец, выпустил сверкающую стеклянную струйку кипятка, горячую даже на вид. – Я знала, кого-то убьют.

– Почему он не убил вас? – спросил Фридрих напрямик. В стиль дуфана это как-то не вписывалось.

– Шобы я пила тут чай, – старуха то ли ушла от ответа, то ли на что-то намекнула: Власов не понял. – Эти дураки сделали мне цорес. Их эта дверь, я не могу это двигать, у меня возраст. Скажите им, пусть вернут ту старую дверь. Если меня захочут убить, зачем ему дверь, он и так войдёт, – непонятно добавила она.

Власов усилием воли подавил нарастающее раздражение. Старуха сама напросилась на эту встречу, вроде бы намереваясь сообщить что-то важное. "Это будет о жизни и смерти, пожалуйста", – вспомнил он её голос в трубке. В прошлый раз она свела его с израильской разведкой; он рассчитывал, что и теперь услышит нечто существенное, возможно – решающее для событий ближайших часов. Скажем, кто-то из участников игры решил слить информацию через старуху... а учитывая, что квартира прослушивается – слить ее не только Управлению, но и ДГБ. Точнее, определенным людям в ДГБ. Вне всякого сомнения, Берта это учитывала, иначе позвала бы Власова не к себе домой, а, скажем, в ту же китайско-израильскую чайную. Возможно, это был наилучший способ анонимно уведомить союзников – или же, напротив, предупредить противников: мы знаем о ваших замыслах! Власову приходилось включиться в эту игру вслепую, но, учитывая дефицит времени и отсутствие внятных результатов, он вынужден был рискнуть. И вот теперь он попусту сидит и смотрит, как она наливает ему чай!

Впрочем, было и кое-что еще. Кое-что более скверное, чем потеря времени. Старуха определенно нервничала. Она пыталась это скрывать, и, наверное, великолепно умела скрывать такие вещи в прошлом, но теперь годы все же брали свое. Что-то ее беспокоило, всерьез беспокоило...

Заверещал, как резаный поросёнок, домофон. Старая карга недовольно подняла глаза.

– Торт, – сказала она. – Вы не можете сходить за торт?

Власов встал, старательно убеждая себя, что ещё пять минут он может потерпеть.

На пороге стоял тот самый рыжий парень-консьерж со здоровенной белой коробкой в лапах. Коробка была неловко перевязана каким-то шнуром.

– Торт "Киевский", пожалуйста! – парень чуть сипел, видимо, был простужен. Фридрих про себя подумал, что отправлять на задание больного могут только в этой безалаберной стране.

– Простите, пожалуйста, – парень заговорщицки наклонился к Власову, – я

посмотрел, что там... Мало ли, сами понимаете... Потом завязал, некрасиво получилось: тут ленточка была, вы уж извините...

Власов понимающе наклонил голову. Вряд ли старую Берту будут убивать бомбой в коробке, но порядок есть порядок.

– Оплачено? – на всякий случай поинтересовался он.

– Всё в порядке, – шепнул парень, – я с курьером уже расплатился. За счёт заведения, – он подмигнул.

Тут у рыжего в кармане запиликал целленхёрер. Рыжие усы дрогнули.

– Ой, это мне... Извините, – он повернулся и побежал по лестнице, смешно перескакивая через ступеньки.

Власов захлопнул дверь – та закрылась с неприятным лязгающим звуком, как будто что-то проглотила, – и вернулся, держа торт за верёвку.

Старуха тем временем закончила с чаем и даже выставила блюдечко с печеньками, каменными даже на вид, и вазочку с каким-то полузасохшим вязким составом, то ли вареньем, то ли конфитюром. Выглядело оно так, будто варили его в прошлом столетии.

– Теперь вы откроете торт, я не могу это крутить– заявила она решительно. – А я пока принесу тарелки и лопаточку, шобы накладывать.

Власов достал одноразовые перчатки и салфетку – ему совершенно не хотелось измазаться в креме.

Верёвки, которыми излишне старательный парень стянул торт, оказались неожиданно жёсткими и тугими. Власов повозился, стараясь развязать хитро накрученный узел, и в конце концов плюнул, достал "зонненбранд" и несколькими движениями рассёк путы. Потом аккуратно взял крышку за бока и поднял...

– Это есть нельзя, – сказала Берта Соломоновна, глядя на содержимое коробки. Она стояла в дверях с двумя тарелками в одной руке и серебряной лопаточкой в другой.

Фридрих позавидовал ее хладнокровию. Он отнюдь не был кисейной барышней. И, хотя летчикам война обычно представляется гораздо чище, чем пехотинцам, в Африке ему доводилось видеть очень скверные вещи. И все же он ощутимо вздрогнул, когда увидел, что было в коробке, и усилием воли подавил импульс тошноты. Женщине от такого зрелища полагалось вообще хлопнуться в обморок... впрочем, конечно, не с такой биографией, как у Берты.

Затем он достал полицейский целленхёрер и нажал кнопку. Никто не ответил. Со вздохом Власов положил телефон в карман.

– Рыжий наверняка ушёл, – констатировал он. – Интересно, что случилось с дэгэбэшником.

– Он мог вынести его в чёрный ход, – предположила старуха. – Идите вниз. Может, он ещё немножко живой.

Зазвонил его собственный целленхёрер. Власов прижал трубку к уху.

– Власов? – это был Никонов. – Только что был звонок в полицию. Звонил Спаде. Он сказал...

– Я у Берты и всё знаю, – перебил Власов. – Что с вашим человеком?

– Спаде сказал, чтобы мы его забрали... С вами всё в порядке? Что он сделал?

– Со мной всё в порядке – ответил Власов. – Опасности нет. Попробуйте найти в окрестностях высокого рыжего человека... хотя, скорее всего, это парик, – добавил он, вспомнив неестественный цвет волос парня. – За меня не беспокойтесь.

– Что затеял Спаде? – не отставал Никонов.

– Ничего особенного. Прислал гостинец, – ответил Власов. – Непосредственной опасности не представляет, – ещё раз добавил он.

– Никуда не уходите, слышите! – крикнул Никонов, когда Фридрих уже нажимал на отбой.

Власов положил целленхёрер перед собой, сел и внимательно посмотрел на старуху, которая тоже села и спокойно придвинула к себе чашку.

– Чего вы на мене пялитесь, как будто я молодая? – прервала молчание Берта. – Ну я таки сделала, шо он мине сказал. А если бы не сделала, вот такое было бы со мной. Он, который был тогда, совсем мишигин. Пфуй!

– То есть? – уточнил Фридрих.

– Бывает человек, который режет кошку, – сказала старуха, прихлёбывая чай, – а бывает человек, который режет кошку и так про себя улыбается. Это мишигин. Такое наше слово.

– Это всё-таки не кошка, – Власов покосился на содержимое коробки.

Торт был испорчен: сладкие коржи с орехами отсутствовали. Осталась только основа и кремовая шапка, в которой была утоплена – лицом вверх – отрезанная голова Микки. Запекшаяся кровь среди белого крема походила на варенье. Глазницы были пусты, как у маски. Влажные шарики глаз были аккуратно воткнуты в крем рядом с лицом, словно большие экзотические ягоды.

Фридрих отметил про себя, что глаза у мальчика были карие, того же оттенка, что у фрау Галле. Раньше он как-то не обращал на это внимания.

– Вы помогали Спаде. Зачем? – спросил он, закрывая коробку. Он понимал, что внутри могут быть какие-нибудь сюрпризы, но не собирался заниматься этим сам.

– Пейте чая, – Берта придвинула к нему блюдце. – Чего теперь делать, я всё буду рассказывать, чего интересуетесь.

Власов осторожно отхлебнул чай. Чай был самый обычный, ничего особенного.

– Когда тот человек нашёл эту вашу женщину, – начала старуха, – он на меня очень сердился. Он думал, я их спрятала. Я не спрятала, но так он думал. Хотел меня убить. Я сказала – таки зачем?

– Зачем – что? – не понял Фридрих.

– Такие люди, – объяснила старуха, поправляя слуховой аппарат, – они за собой убивают всех. Но если сперва спросить, зачем убивать, они немножко думают. Я спросила. Он подумал и мине сказал – почему мне тебя не убить? Я сказала ему того, чего могу за него чегой-то сделать. Он посмеялся и говорил: ничего не нужно. Тогда я сказала: может, ему нужно будет что-нибудь про вас.

– Сделать что-нибудь мне, – механически поправил Власов.

– Да. Тогда он опять сильно смеялся и сказал: ты всё сделаешь, как я тебе позвоню. Всё точно сделаешь. Или к тебе придут ещё и всё сделают тебе. Я понимаю, когда человек просто так, или когда он говорит за свои понятия. Поэтому я всё сделала, как он звонил.

Власов сжал голову руками. Старуха уже не казалась взволнованной, но была как-то особенно невнятна.

– Вы хотите сказать, – начал он, – что предложили Спаде в обмен на жизнь свои услуги в качестве связного между им и мной. Так?

Берта кивнула.

– Он согласился, – продолжал Фридрих. – И сказал, что позвонит и даст инструкции, которые вы должны исполнить в точности, или с вами расправятся его люди.

Вы этому обещанию поверили. Так?

Старуха снова кивнула.

– О чём именно он вас попросил? Точнее, что приказал?

Берта задумалась, пожевала бескровными губами.

– Я должна до вас сказать, чтобы вы пришли ко мне сюда. Накрыть стол и пить чай. Заказать торт. Он сказал, шобы я купила большой киевский торт. В такой высокой коробке.

– Вы это сделали? – уточнил Власов.

– Да, звонила Розанову на Тверскую и сказала киевский торт. Этот шайгец содрал с мене такие деньги, каких я не видела в своей жизни! – возмущённо сказала старуха и даже чуть-чуть выпрямилась. Чувствовалось, что непредвиденные расходы её и в самом деле до глубины души возмутили.

Фридрих понял, что нечто в этой истории его смущает.

– Так он вам звонил? Разве ваш телефон не прослушивается?

– У меня в тайнике была трубка. Он мине сказал держать ее рядом, но шобы я сама никому с нее не звонила. Сказал, что будет звонить на нее сам, и шоб я говорила там, где меня не слышно.

– Ясно... А откуда взялся этот рыжий тип? – не отставал Власов.

– Почем я видела, рыжий он или малиновый? Пришёл своими ногами, я так думаю, – старуха изобразила нечто вроде оскорблённой невинности. – Тот человек звонил полтора часа назад, сказал про торт, и еще что у мене будут гости, шобы я впустила. Сказал не делать никаких глупостев. Я не делала никаких глупостев. Если бы я делала глупостев, я бы не жила столько время.

Логично, подумал Фридрих – в квартиру бандит не поднимался, зная, что она прослушивается. Просто воспользовался тем, что старуха велела его впустить, убрал охранника и сел на его место дожидаться, пока розановский курьер доставит торт. Курьер, надо полагать, услышал через домофон, что заказчица просит оставить торт консьержу, получил свои деньги и спокойно поехал обратно, даже не догадываясь, как легко отделался. Убивать его Спаде было ни к чему – курьера могли хватиться раньше времени...

– То есть вы не известили ДГБ о том, что к вам должен прийти опасный бандит, – Власов откинулся на стуле и тот возмущённо скрипнул. – Который, судя по всему, убил сотрудника Департамента, дежурившего внизу, чтобы обеспечить вашу же безопасность! И вы думаете, это сойдёт вам с рук?

– Таки я думаю, да, – старуха сказала это совершенно спокойно, как будто речь шла о том, какое варенье выбрать к чаю. – Тот человек может вернуться. У него понятия за честь вот здесь, – она постучала пальцем по черепу. – У государственных людей нет ничего за честь, чего они сделают старой Берте?

– Если бы вы вовремя сообщили, его бы взяли!

– Шоб я так жила, как вы ошибаетесь, – покачала головой старуха. – Взяли бы его человека, а он бы ушел. Такие всегда выскальзывают.

Власов немного подумал. В самом деле, Берта Соломоновна Садовская поступила скверно. Но, вынужден был признать Фридрих, в чём-то и рационально. Действительно, Спаде, как типичный бандит, обязан отомстить, если его, как выражаются в этих кругах, "кинут". Это входит в обычные бандитские представления о правильном поведении, в "понятия". Сотрудники Департамента подобными представлениями не связаны. Убивать

Берту они не будут – она им ещё нужна. Сделать же с ней что-нибудь другое... а что, собственно? Вычесть из её ежемесячного пособия известную сумму на похороны человека, которого она подставила под бандитский нож? Разве что так... Переживёт ли это Берта Соломоновна? Скорее всего, ей это не понравится. Но свою жизнь она ценит больше...

Фридрих потёр лоб. Что-то не складывалось. Какая-то деталь не лезла в общую картину.

– Пейте себе чай, – старуха подвинула к нему чашку, полную до краёв.

Деталь с хрустом встала на место. В самом деле – старуха очень ценит свою жизнь. Вот почему она нервничала. Вот почему она вышла "за тарелками и лопаточкой". Она подозревала, что в торте бомба. И увидеть реальное содержимое коробки было для нее облегчением...

– Вы сказали, – медленно проговорил он, наблюдая за старухой, – что предложили Спаде "сделать что-нибудь про меня". Кажется, я вас неправильно понял. Не так ли?

В выцветших глазах старухи что-то мелькнуло.

– Вы предложили, – ещё медленнее проговорил Власов, – свою помощь в моей ликвидации. Заманить меня куда-нибудь, например, отвлечь внимание... что-нибудь ещё. Это его и рассмешило. Да?

– Какая разница, – старая Берта сказала это так, что осталось непонятным, утверждение это или вопрос.

– В самом деле, какая разница, ведь он не воспользовался вашей любезностью, – саркастически изрек Власов. А почему, кстати, в коробке и в самом деле не оказалось бомбы? Сначала-то он был нужен Спаде в качестве партнера, но теперь, когда бандит понял, что никакого "бузинеса" не будет... Почему понял, кстати? Полиция провалила операцию – это очевидно. Но что послужило причиной? Недостаточное внешнее сходство их агента? Задержка при звонке на целленхёрер? Ладно, это уже неважно... Так почему не бомба? Спаде так же, как и Зайн, гордится верностью данному слову? "Если у меня не будет денег, у мальчишки не будет головы." Скорее, понял Фридрих, обманутый бандит счел взрыв слишком легкой местью. Мгновенная смерть, обидчик даже ничего не успеет понять. К тому же гарантии, что коробку все-таки не осмотрит сперва какой-нибудь полицейский эксперт, все же не было... Так что – "живи с этим и мучайся, и пусть это всегда стоит у тебя перед глазами". Сам Спаде из-за подобной вещи, конечно, мучиться бы не стал. Но теперь он убежден, что Власов не относится к преступному миру – а стало быть, должен испытывать те моральные терзания, что переживают благородные герои в фильмах... Ну что ж, хотя бы в этом ублюдок ошибся.

Фридрих не испытывал чувства вины – он сделал то, что мог сделать, не отвлекаясь от своей главной задачи. Скорби по погибшим – он не сомневался, что Франциска уже тоже мертва – он тоже не чувствовал: они не вызывали у него никаких симпатий, и смерть ничего не изменила. В то же время, куда-то вдруг пропали и желание язвить, и даже злость. Осталась только досада на себя, так глупо вляпавшегося в это шайсе.

Да, ощущение было именно такое – как будто наступил на дерьмо. Так или иначе, теперь придётся потратить время, чтобы его отчистить. Что очень некстати.

– Дайте-ка мне это сюда.

– Пфуй, гадость, – старуха подвинула Власову коробку.

Фридих снял крышку, отметив про себя, что одноразовые перчатки сейчас оказались как нельзя более кстати, и осторожно извлёк голову из крема.

При близком осмотре оказалось, что это, скорее, отсечённое лицо, а не целая голова – затылочная часть черепа отсутствовала. Мозга тоже не было. Нижняя челюсть держалась только на коже. Похоже, головёнку Микки разрубили пополам чем-то острым. Власов попытался понять, зачем это понадобилось Матиасу, и решил, что он таким образом пытался уменьшить вес головы. Аккуратный и изобретательный бандит не хотел, чтобы коробка показалась слишком тяжёлой. Сюрприз был хорошо подготовлен.

Под лицевой частью черепа лежал маленький накопитель в прозрачном пакетике, прилепленный к кремовой розочке. Власов извлёк его, покрутил между пальцами.

– Это чего? – заинтересовалась Берта, приспуская очки по носу вниз, чтобы лучше видеть.

– Платтендат, – ответил Власов. – Скорее всего, звуковой или с видео. Что-то вроде киноплёнки.

– А, ну там будет это самое, – старуха сразу утратила интерес к вещице.

– Скорее всего, – Власов снова уложил вещицу в пакетик и накрыл её головой Микки. – Пусть такое смотрят те, кому положено по службе.

Берта Соломоновна взглянула на Фридриха с уважением.

– Вы таки понимаете за эти вещи, – сказала она. – Может быть, мы закроем коробку с Мойше и будем пить наш чай?

Власов накрыл коробку крышкой и поставил на сервант.

– Я так понимаю, никакой ценной информации для меня у вас нет? – жестко произнес он, садясь. – Ваша задача была – заманить меня сюда и угостить отрезанной головой?

– Я не знала, чем, – заупрямилась старуха. – Но таки да, у меня не было разговора. Я сделала, чего мине попросили. Чай пейте. Вы же можете пить чай? Или вы думаете за ту глупую женщину?

Власов тяжело вздохнул.

– Похититель, – сказал он, – похоже, думает, что фрау Галле представляет для меня личную ценность. Хотя это странно. Ну, сначала она наверняка наплела ему с три короба, чтобы показать, как она для меня важна – из страха, что иначе он убьет ее сразу. Но неужели он всему поверил и так и не добился от нее правды? Не выяснил, что никаких отношений между нами нет?

– Он из этих самых, и за женщин совсем не понимает, – проговорила старуха. – И за мужчин, которые любят женщин, тоже. Он думает, если мужчина ходит около женщины, то он её хочет. И я таки думаю, что он вовсе не интересовался этой вашей правдой.

Фридрих молча сделал глоток чая. Старуха допила свою чашку, поставила ее и вдруг встала и вышла в коридор.

Власов напрягся, но тут же снова расслабился. Нет, никакой бомбы уже не будет. И яда в чай она ему тоже не сыпанула, уж такое бы ей с рук никак не сошло. Просто, должно быть, после пережитых волнений ей понадобилось в уборную. Он даже прислушался, ожидая хлопка двери в конце коридора.

Но дверь туалета так и не хлопнула, а Берта Соломоновна неожиданно быстро вновь возникла на пороге. В руках она держала пожелтевший бумажный пакет.

– Вы себе думаете, то плохой человек, – заговорила старуха, вновь садясь за стол и кладя пакет на скатерть. – Я таки жила на этом свете, и знаю за плохих людей. Глядите сюды, – она вытащила из пакета несколько старых фотографий и принялась их

перебирать. Власов опознал несколько лиц из экспозиции на стене – барышня в шляпке, сюртучные мужчины, даже военный в большевицком мундире – но не мог понять, к чему это все.

– Вот, – сказала старуха, кладя на скатерть очередное фото и тыча в него желтым ногтем. – То старые дела.

Власов развернул снимок к себе, пригляделся. Мужчина в странной одежде, худое породистое лицо, горбатый нос – как у романского патриция, а не как у юде. Выразительный тип... и вроде бы кого-то напоминает. Фридрих попытался сосредоточиться на этой мысли, но ничего не получалось: всё загородило безглазое лицо Микки. Власов был вынужден признать, что гнусная придумка Спаде его всё-таки задела, причём сильнее, чем хотелось бы.

– Мине про него спрашивали эти наши, – Берта подумала и добавила, – я таки поняла, что он живой. Я очень огорчилась.

Картинка встала на место. Ну конечно, брови, морщины. Зайн.

– Откуда это? – спросил Власов. – Вы его знали?

Целленхёрер задрожал и запел свою мелодию, показавшуюся неуместно бодрой. Власов быстро поднёс его к уху.

Звонил Никонов.

– Власов? Мы тут внизу, – майор не стал терять время. – Нашли стажёра. Лежал на полу в каморке. Хорошо приложили. Но вроде дышит.

Власов запоздало сообразил, что стажёр нужен был бандиту живым – на случай проверочного звонка из конторы. Видимо, он держал его под дулом пистолета, а когда собрался наверх – оглушил. Он, конечно, мог его добить, когда пошёл заносить гостинец, но не стал – то ли слишком спешил, то ли не хотел в случае чего вешать на себя лишний труп, тем более зная, что за смерть своих "органы" мстят с особой беспощадностью. Правда, парень вполне мог опознать рыжего... вот именно: вряд ли он запомнил что-нибудь, кроме рыжих волос и усов. Или... или он просто не боялся опознания. Например, потому, что его внешность и без того известна?

– Что требуется от меня? – резче, чем хотелось бы, спросил Власов.

– Мы хотим получить объяснения, – голос Никонова тоже звучал жестче обычного. – И по поводу того, что вам принесли, и по поводу остального.

"Какого еще остального?" – подумал Фридрих, а вслух ответил:

– Я дам вам все объяснения, но мне нужно ещё десять минут... Будьте столь любезны! – рявкнул он в трубку и нажал отбой.

Старуха наблюдала за ним с интересом.

– Вы говорили о Зайне, – напомнил Фридрих. – Почему вы огорчились, когда узнали, что он жив?

– Потому что я таки думаю, он зайдёт к старой Берте, – проговорила старуха. – Мне не хочется с ним разговаривать за наши старые дела и потом чтобы умирать. Я не хочу умирать, это скучное дело. Но я ждала, что он придёт. А пришёл этот мишигин. Я его не ждала.

– Откуда вы знаете Зайна? – не отставал Фридрих. – Что вы можете о нём сказать?

– Фолшпиль, – ответила старуха и прикрыла глаза. – Вы мене будете спрашивать, – добавила она, – но я ничего не знаю за новые его дела. Мои дела были давно.

– Думаете, он намеревается вас убить? – решил уточнить Власов.

– Он мине тогда обещал, – ответила старуха, – что если ещё сюда вернётся, то

зайдёт. Но не сказал, что будет убивать меня. Если бы сказал, я бы тут не жила... Он похож на меня, – добавила она очень тихо, – только он верит.

– Во что? – спросил Фридрих.

– В глупости, – сказала старая Берта. – Все, которые верят, они верят в глупости. Даже если умные, но верят, это глупости. Это лох ин коп. Дырка в голове. У меня целая голова, потому что я верю ни в чего.

Заорал звонок. То ли это были люди Шульгина, то ли Никонова, которому надоело ждать.

– Откройте уже, – распорядилась Берта. – Вас таки скоро отпустят, а мене будут долго полоскать мои старые мозги. Плохой вечер.

Власов пошёл открывать, думая про себя, что в кои-то веки Берта сказала чистую правду: вечер и впрямь не задался.

Квартира мигом наполнилась топотом ног и запахом чужих людей. Первыми, едва не сбив Власова с ног, ворвались оперативники в униформе крипо и в штатском. За ними вошел Никонов и еще какой-то незнакомый майор чуть пониже его ростом – надо полагать, Шульгин, окативший Фридриха откровенно злым взглядом. Никонов тоже смотрел как-то странно. Интересно, кто из двоих тут главный? Никонов старше по званию – дэгэбэшный майор считается выше полицейского – но Шульгин говорил, что операцией командует он. Хотя так было, пока речь шла лишь о поимке дуфана, но не о вторжении к Берте. Но скорее всего – каждый распоряжается своими людьми.

– Это в столовой, – показал Власов. – Коробка из-под торта на серванте.

Вся эта толпа людей протопала мимо него. Фридрих после секундной паузы последовал за ними и увидел с порога "обеденной", как сперва оперативник в перчатках, снявший крышку, а затем и оба майора заглянули в коробку. Судя по их лицам, ничего неожиданного они не увидели.

– Я так понимаю, женщина тоже мертва? – спокойно уточнил Власов.

– А вы как думаете?! – окрысился на него Шульгин; Фридрих узнал его голос, который, впрочем, по телефону звучал куда дружелюбнее.

– Послушайте, майор, – холодно произнес Власов, – я понимаю вашу досаду по поводу проваленной вашими людьми операции, но это еще не повод забывать ни о вашем, ни о моем достоинстве.

– Проваленной нашими людьми?! И у вас еще хватает наглости... – Шульгин задохнулся от возмущения.

– В самом деле, – неожиданно поддержал его Никонов, – я не знаю, зачем вы это устроили, наверное, у вас были важные причины, но вы могли хотя бы предупредить нас. Если вам нужна была имитация спасательной операции, об этом вполне можно было договориться...

– Это счастье, что офицер, которого вы подставили, просто прокатился чуть ли не до Тулы, а не лежит сейчас где-нибудь под насыпью с перерезанным горлом, – добавил полицейский майор.

– Господа, – потряс головой Фридрих, – я ничего не понимаю. Что я, по-вашему, устроил и кого подставил?

Майоры переглянулись.

– Около двух часов назад, – сказал Никонов, – Общественное радио Нью-Йорка передало информацию о похищении и готовящейся спецоперации. Позже ее подхватили атлантистские агентства новостей. К сожалению, мне доложили об этом совсем недавно.

Информаторы Спаде, или он сам, как видно, оказались оперативнее.

Сверкнула вспышка – полицейский фотограф снимал коробку.

– А теперь скажите, что эта информация утекла не от вас, и я с радостью извинюсь, – докончил Шульгин.

– Рональдс, – пробормотал Власов. – Ублюдок. Он же обещал мне молчать! Что ж, господа, – добавил он после паузы, – вы правы: извиняться надо мне.

Он кратко рассказал, как было дело, не пересказывая, конечно, сообщенные Рональдсом сведения, а лишь упомянув об их "оперативной ценности". Взгляд Шульгина смягчился, но не намного: он явно считал, что верить на слово журналисту – это идиотизм. В этот момент у него зазвонил целленхёрер.

– Нашли тела, – поведал Шульгин Никонову, выслушав доклад. – В канализационном коллекторе, как он и сказал.

– Что он сделал с женщиной? – осведомился Фридрих. Не то чтобы ему хотелось услышать подробности, но уж лучше знать, чем воображать.

– Экспертиза покажет, – ответил криповец. – Но, предварительно – в физическом смысле почти ничего. Несколько ушибов мягкий тканей, следы от наручников – не более. Судя по всему, она умерла от сердечного приступа.

– Может быть, диабетическая кома? – предположил Власов.

– Нет, об этом он знал и колол ей инсулин, пока она была ему нужна... Я так думаю, то, что он сделал с ее ребенком, он сделал у нее на глазах.

– Там накопитель, – Власов кивнул в сторону коробки, которую уже аккуратно упаковывали в пленку. – Полагаю, со всеми подробностями.

Вспомнилось, что Спаде еще и педераст. Впрочем, кажется, все-таки не педофил... В любом случае, ощущение, что вляпался в дерьмо, только усилилось. Фридрих подумал, что первое, что он сделает, вернувшись к себе в Трубниковский – это примет душ.

Kapitel 54. Тот же день, поздний вечер. Москва, Трубниковский переулок, 30 – Староконюшенный переулок, 39.

Какой длинный день, думал Фридрих, вновь сидя над своей схемой. Длинный и скверный. Впрочем, тут же поправился он, если Зайна все-таки возьмут – день, наоборот, замечательный. Что-то Хайнц не звонит. Неужели опять сорвалось? Позвонить ему, что ли? Нет, не стоит: Власов по собственному опыту знал, как это раздражает, когда под руку спрашивают о недоделанном деле.

А его собственное дело оставалось безнадежно недоделанным. Схема украсилась множеством стрелочек и надписей, гипотез он мог придумать множество – но что толку, если он не знал, какая из них верна и как в этом убедиться? Похоже, его подвела чрезмерная склонность аналитика к далеко уводящим логическим рассуждениям вместо того, чтобы опираться на факты, на простые материальные улики. Правда, улик в деле Вебера после работы русских "органов" ему досталось немного. По сути, только две кассеты, одна из которых пустая, а вторая – с короткой записью звонка...

Без особой надежды Власов решил снова проанализировать эту запись. Особого смысла в этом не было – это уже делали эксперты Управления и не нашли ничего интересного, а Фридрих, как всегда, ценил мнение профессионалов выше самоуверенных потуг дилетанта. Но все-таки – бывает, что профессионал, в силу привычки, не замечает то, что бросается в глаза человеку с незамыленным взглядом. Шансов мало, но...

Он запустил программу работы со звуком, загрузил с береха Управления ту самую

запись, уже оцифрованную экспертами с максимальной точностью. Полюбовался графиком, похожим на след от лихорадочно пляшущего самописца сейсмографа во время землетрясения. Прослушал еще раз, удалил реплики полицейского, которые уж точно ничего не могли дать, оставил один высокий голос. Нет, разумеется, со слуха он ничего интересного не заметит – надо анализировать график. Как? Программа предоставляла достаточно возможностей. Ну, например, выделить гармоники, построить огибающие... Некоторое время по экрану ползла полоска с процентами, затем выделились цветом построенные кривые. На удивление чистые графики получаются, однако. В том смысле, что все частоты и гармоники относятся к человеческой речи. А ведь звонок был из уличного автомата – почему не слышно звуков улицы? Неужели эксперты проглядели такую очевидную вещь? Однако, не успела радость открытия охватить Власова, как он тут же одернул себя. Это же не Европа, это Россия! А в этой стране с ее жутким климатом телефонные кабинки не такие, как в Фатерлянде. Здесь они полностью закрытые, что обеспечивает вполне приличную звукоизоляцию. Он ведь даже видел ту самую будку, из которой был сделан звонок... В целом, из общей картины выделяется лишь хиленькая полоска монотонных колебаний вдоль временнОй оси. В ней уж точно нет ничего человеческого, это, очевидно, помеха, внесенная как качеством телефонной передачи, так и магнитофоном. Тем не менее, Фридрих выделил и увеличил эту полоску и проделал операцию с построением гармоник уже над ней. Хмм... на фоне общего гудения, характерного для помех, выделяются четкие пики. Власов велел программе отфильтровать все, кроме них, и прослушал результат, на порядок усилив громкость. Довольно быстрые высокие щелчки. Период вполне похож на вращение маленькой кассеты. Значит, магнитофон? Власов вернулся к исходной записи и восстановил столь поспешно отброшенные начало и конец со словами дежурного – и даже короткие гудки в конце. Если все дело в полицейском магнитофоне, помеха везде одинаковая...

А вот и нет. На гудках никаких щелчков не было.

Как могли эксперты пропустить это? А вот так, очевидно, и пропустили. Гудки отбросили сразу, а помеха – она и есть помеха, что ее анализировать. Скорее их насторожило бы отсутствие помех, свидетельствующее об искусственной подчистке – а то и о синтезе – записи...

Возможен еще вариант неких щелчков на линии. Но скорее всего это никакая не помеха, а реальный звук, записавшийся вместе с голосом. Что это может быть за звук? Мог ли он звучать в телефонной будке?

Фридрих закрыл глаза и постарался представить эту русскую будку и себя в роли звонящего. Какой-нибудь отбойный молоток, доносящийся даже сквозь дверь? Да, в Москве дорожные работы бывают и зимой, но вроде бы в том районе ничего такого не было. Да и не похоже ни по частоте, ни по высоте... Что еще? Тиканье часов на руке звонящего? Тоже не похоже по характеру звука, да и не запишется оно, если только не уткнуть микрофон прямо в часы – а тогда будет не слишком удобно говорить, да и зачем это делать?

Власов еще сильнее увеличил масштаб, присматриваясь к графику. Теперь стало заметно, что щелчки не столь однородны, как показалось поначалу. Они различались и по интервалам, и по высоте, и по амплитуде. Фридрих не мог сказать, есть ли какая-то закономерность в этих вариациях. Во всяком случае, если таковая и была, то нетривиальная. Но если щелчки – результат работы некоего механизма (а едва ли их могло производить нечто живое), то этот механизм, похоже, основательно разболтан.

"Если бы это был мотор самолета, не хотел бы я на нем лететь", – подумал Власов.

Кстати, может быть, мотор? Предположим, голос записан в машине, а в телефонной будке лишь проиграли запись в трубку. Пока оставим в стороне вопрос "зачем"... На звук мотора это все-таки не похоже, но, допустим, езда по брусчатке? Вполне объясняло бы все неровности... Но, пожалуй, в машине шум мотора бы все-таки записался. А здесь – Фридрих усилил остальную часть помехи, послушал чисто "электрический" шум – ничего похожего нет.

Проигранная запись. Запись, которую уж точно не стал бы делать случайный свидетель – значит, убийца... Но ведь эксперты утверждают, что голос принадлежит подростку и не был изменен! Мог ли пятнадцатилетний мальчишка убить резидента РСХА? Бред... Правда, в Африке Власову доводилось видеть четырнадцатилетних туземцев, не умевших читать и писать, но прекрасно умевших пользоваться американскими штурмовыми винтовками. Точнее, доводилось видеть их трупы. И трупы убитых ими дойчских солдат. Но нечто подобное в московском антураже – нет, слишком невероятно, особенно учитывая, как умер Вебер... Может, убийца просто попросил какого-то мальчишку произнести в микрофон определенные фразы? Подозрительные фразы, надо сказать... Но это можно представить, например, как кинопробы. "Мальчик, хочешь сняться в кино? Прочитай с выражением вот это. Если ты нам подойдешь, мы тебе позвоним..." Побежит ли подросток после этого в полицию, даже когда не дождется вожделенного звонка? Нет, конечно. В официальной русской прессе об убийстве Вебера не было ни строчки, и иначе и быть не могло. Так что вполне вариант, особенно если убийство готовилось заранее.

Но что это, все-таки, за звук? Капли из недозакрытого крана? Хороший пример неидеальной монотонности, но тоже не похоже – по характеру затухания звук скорее тугой, металлический, чем мягкий "плюх" разбивающейся капли – да и при такой частоте скорее лилось бы струйкой, чем капало... Пленочная кинокамера? Вентилятор? Власов представлял себе различные технические устройства, пока не пришел к выводу, что пусть не по тембру, но по ритмическому рисунку звуки все-таки ближе всего к тиканью. Хотя тикать так громко, чтобы записаться, даже когда микрофон не направлен на них специально, могут только большие часы...

И он вспомнил, где не так давно видел такие.

Напольные часы в человеческий рост в кабинете Вебера.

Власов никогда не слышал, как тикает этот монстр, но звук наверняка разносится по всему кабинету. И попал бы в любую сделанную там запись. Вот только с этими высокими, быстрыми, не вполне равномерными щелчками он не ассоциируется. Такие часы должны звучать куда более степенно и солидно... Да и не мог убийца записать постороннего мальчишку прямо на месте преступления!

Объяснение напрашивается. Запись понадобилась для того, чтобы до неузнаваемости преобразовать голос программой. А вместе с голосом преобразовалось и тиканье. На которое убийца просто не обратил внимания – известная особенность человеческой психики, перестающей реагировать на монотонный раздражитель...

Но ведь эксперты Управления утверждают, что запись не подвергалась рехнеробработке!

Однако эксперты – тоже люди и судят в пределах собственной компетентности. Они исходят из особенностей известных им программ обработки звука. А что, если на рехнере Вебера стояла некая новая, уникальная программа? И потому-то этот рехнер и

исчез...

А на следующей день в Теплом Стане умер некий специалист по программам обработки звука.

Кажется, на этот раз все действительно сходится.

Оставался последний штрих – записать, как на самом деле звучат часы в кабинете Вебера. Тогда можно рассчитать обратное преобразование и услышать истинный голос убийцы.

Разумеется, далеко не факт, что этот голос что-то скажет Власову. Или всем экспертам Управления, куда он немедленно отправит запись. Или Никонову, если тому все-таки можно доверять – что тоже далеко не факт... И все же это будет почти то же самое, что заполучить отпечатки пальцев.

Так, сколько времени? 22:12. Поздно? Неважно.

В 22:17 Власов уже шагал по улице со своим нотицблоком знакомым маршрутом к Староконюшенному переулку.

Погода сделалась окончательно мерзкой, было холодно и скользко. С неба, правда, ничего не сыпалось, хотя его уже основательно затянуло. У помойки опять рылся пес, не то другой, не то тот же самый – правда, на сей раз он не стал прерывать свое занятие, чтобы облаять прохожего. Новый Арбат, впрочем, выглядел непривычно: движение там было по-прежнему перекрыто, и по проезжей части все еще фланировали гуляющие, заметно, впрочем, поредевшие к этому часу – зато теперь среди них попадались явно нетрезвые. Обогнав одну такую компанию, Власов услышал пьяную дойчскую речь и скривился от отвращения.

Полиции поблизости видно не было. Сияющие свастики и прочая праздничная иллюминация отражалась в витринах уже закрытых магазинов и успевшей образоваться на тротуарах наледи.

Но когда Фридрих нырнул в Серебряный переулок, его вновь охватило ощущение дежа вю. Те же торговцы сувенирами на Старом Арбате (по случаю наплыва туристов они, похоже, готовы были нести свою вахту круглосуточно), даже та же самая девка в папахе на месте (а впрочем, куда ей с него деваться) – правда, на сей раз Власов хотя бы не заметил никакой большевицкой символики: в Дни арийского единства спросом пользовался другой товар. Тот же темный и мрачный Староконюшенный, те же мертвенно-голые торсы атлантов на московском морозе...

Квартира номер шесть тоже по-прежнему оставалась опечатанной.

"Позвонить, что ли, Хайнцу и спросить, не собирается ли он снова сюда наведаться, – с усмешкой подумал Власов, аккуратно открывая дверь. – Впрочем, в прошлый раз в это время он был уже здесь." Но полоска с печатью не была отклеена.

Квартира встретила Фридриха все той же нежилой тишиной и темнотой. Скорее всего, с тех пор здесь так больше никто и не бывал. Власов прошел в кабинет, задернул светонепроницаемые шторы и зажег свет. Мелькнула дурацкая мысль, что сейчас он увидит сидящего в кресле мертвеца, а то и живого человека, который внимательно на него смотрит и целится из пистолета – но кресло, конечно, оставалось таким же пустым, как и в тот момент, когда санитары вынесли труп.

Власов отыскал розетку в стене поближе к часам, не желая разряжать аккумулятор, передвинул туда кресло, уже не боясь оставлять следы своего присутствия, и подключил нотицблок. Затем открыл высокую застекленную дверцу часов, потянул за цепь, поднимая цилиндрическую латунную гирю, похожую на эталон чего-то-там из Палаты мер и весов,

и толкнул маятник.

Клик. Клак. Клик. Клак. Звук часов оказался именно таким, как он и представлял – громким, отчетливым и лишенным всяких намеков на неравномерность. Ни по тону, ни по частоте он не походил на то, что Власов слышал из динамика своего рехнера.

Фридрих сел в кресло мертвеца и положил нотицблок на колени. Он подогнал стрелочку к пиктограмме с микрофоном, а через минуту остановил запись. Программа звукового анализа нарисовала замечательно четкий график. Выровнять масштаб – дело нескольких секунд... а теперь задача посложнее: построить функцию преобразования. В аналитическом виде это потребовало бы довольно навороченной аппроксимации, но, к счастью, его задача проще – всего лишь вычислить коэффиценты пересчета в каждой точке. Хорошо, что в последней версии программы появилась соответствующая функция. Не такая совершенная, как в гипотетической кокоревской разработке – после его преобразования экспертиза нашла бы следы обработки, неестественный для человеческого голоса характер некоторых гармоник, определенные сглаживания и т.п. – но для его цели сгодится...

Полоска с процентами доползла до конца. Так, корректирующая функция готова. Осталось применить ее к исходной записи.

Словно оттягивая момент развязки, для начала Власов выделил и послушал одну лишь тикающую составляющую. Теперь на слух она звучала неотличимо от часов, тикавших у Фридриха над ухом, только, естественно, в исходной записи была гораздо тише.

Затем он, наоборот, отфильтровал все помехи, оставив один голос – и включил воспроизведение.

– Тут... тут это, труп, – раздалось в комнате. – В квартире. В кресле. Староконюшенный переулок...

Но это больше не был голос подростка. И даже не был голос человека, чьим родным языком был русский.

Это был голос, знакомый Фридриху Власову очень хорошо.

Голос Хайнца Эберлинга.

Kapitel 55. Ночь с 16 на 17 февраля. Москва, Трубниковский переулок, 30.

Теперь оставалось только ждать.

Фридрих положил "стечкин" на стол перед собой, вытащил обойму, проверил спусковой механизм, вогнал обойму обратно.

Еще раз спросил себя, правильно ли он делает, что ждет Эберлинга для разговора тет-а-тет вместо того, чтобы немедленно доложить в Управление и предоставить прочее имперскому правосудию. На худой конец, можно было бы позаботиться о собственном прикрытии силами Лемке и других оперативников, но он не делает даже этого. Потому что нельзя обеспечить эффективное прикрытие, не объяснив прикрывающим, от кого исходит опасность – в особенности если это офицер их собственной службы.

Фридрих не знал сострадания к врагам и предателям, не собирался щадить чувства изменника, предлагая, по гуманной имперской традиции, преступившему закон и честь офицеру пистолет с одним патроном вместо позора официального расследования. И прежняя дружба не имела тут никакого значения. Если Эберлинг виновен, он должен получить по полной. Но... несмотря на бесспорность доказательств, он не мог избавиться

от этого "если". Не мог поверить, что Хайнц Эберлинг, которого он знал с четырнадцати лет, предал Райх и Управление. Хотя как знать, синонимичны ли теперь два последние понятия. И уместно ли говорить не то что о Райхе, но и об Управлении как о едином целом. Во всяком случае, такая гипотеза выглядела куда вероятнее идеи, что внешние враги, кем бы они ни были – от ЦРУ до главарей русских криминальных группировок – могли завербовать Хайнца с помощью денег, женщин и прочей атрибутики из бульварных романов, не говоря уже об атлантистской пропаганде. Куда вероятнее, что Хайнц оказался пешкой в игре своих, что он исполнял приказ, исходящий с неких немаленьких высот... но и это не сходилось со всем, что Фридрих о нем знал. Эберлинг не стал бы пешкой – во всяком случае, нерассуждающей пешкой, послушно исполняющей явно незаконный и, весьма вероятно, вредящий интересам Райха приказ. По крайней мере, тот Эберлинг, которого знал Власов. Неужели этот образ был лживым, и Фридрих не заметил фальши за много лет? Но теперь он должен разобраться, что двигало Хайнцем – прежде, чем примет какие-либо решения. Он понимал, что, вполне вероятно, такое же желание разобраться самому, никому ни о чем не докладывая, погубило Вебера. И все же не мог поступить иначе. Может быть, все же существует какое-то объяснение, снимающее обвинение с Хайнца? Впервые в жизни Власов шел на столь прямое и грубое нарушение должностных инструкций. Но он должен понять...

Звонок в дверь прозвучал в ночной тишине неожиданно резко – во всяком случае, Фридриху так показалось. С неудовольствием отметив учащение собственного пульса, он нажал кнопку пульта. Разумеется, это был Эберлинг; на экране фернзеера он выглядел, как обычно, рук в карманах не держал и вообще не проявлял беспокойства. Из телефонного разговора он узнал лишь, что друг желает сообщить ему нечто важное и срочное – но для изменника и этого достаточно, чтобы насторожиться... Впрочем, он не мог не знать, что за ним наблюдают.

Фридрих взял "стечкин", еще раз проверил, снят ли предохранитель, и пошел открывать.

Надо отдать Хайнцу должное – даже в самый первый миг, увидев наставленный на него ствол, он не выказал испуга. Его брови лишь удивленно поползли вверх, а губы раздвинулись в улыбке:

– Фридрих? Что это за карна...

– Карнавал закончился, Хайнц, – жестко перебил Власов, делая от двери шаг назад. – Он заряжен, и я выстрелю при малейшем твоем неосторожном движении. Ты убил Вебера, но со мной у тебя тот же трюк не пройдет. Подними руки. Медленно.

– По-моему, ты перетрудился, – заявил Эберлинг все еще самоуверенным тоном. – Не знаю, откуда ты взял всю эту чушь, но я... хорошо, хорошо, я подниму руки, но...

– Мы теряем время, – вновь оборвал его Власов. – Я уже сказал, я *знаю*, что ты сделал. И единственная причина, по которой ты говоришь сейчас со мной, а не с имперскими следователями, состоит в том, что я хочу узнать – почему.

– Ладно, – согласился вдруг Хайнц. – Я все тебе расскажу. Но обещай не предпринимать никаких действий, пока не дослушаешь до конца.

– Согласен. Но не надейся усыпить мою бдительность. Мое донесение уже лежит на берехе Управления, пока что в моем личном разделе. Я еще могу его удалить. Но если по каким-либо причинам я этого не сделаю, оно будет разослано автоматически. Захват или уничтожение моего рехнера тебе не помогут.

– Я не собираюсь играть в Джеймса Бонда, – невесело усмехнулся Эберлинг. Руки

он держал на уровне головы, полусогнутые пальцы были вяло расслаблены, плечи ссутулились. Во всем облике читалась не готовность к борьбе, а проявившаяся наконец бесконечная усталость. – Может быть, мы все же куда-нибудь присядем?

– Ладно, – кивнул Фридрих, отступая в глубь прихожей. – Иди на кухню. И помни, я не шучу насчет пистолета.

Кухню он выбрал для того, чтобы посадить Эберлинга через стол от себя, спиной к окну – классическая позиция для допроса. Табурет, конечно, не привинчен, ну да ничего. Вскочить и поднять его Хайнц все равно не успеет.

– Я могу опустить руки? – осведомился Эберлинг.

– Да. Положи их на стол перед собой и держи ровно, – сам Власов сделал почти то же самое, с той разницей, что в его руке по-прежнему был "стечкин".

Эберлинг подчинился, с усмешкой поглядел на оружие.

– Я не предатель, – сказал он, – и ты это знаешь.

– Я знаю, что ты убил имперского резидента, – мрачно ответил Власов.

– Я не хотел, – не стал отпираться Хайнц. – Я был вынужден. Ты знаешь, как это иногда бывает. Райх стоит на порядке, да. Но он стоит и на целесообразности. Иногда высшие интересы государства требуют нарушить закон, этим же государством установленный. Мы ведь не атлантисты с их догмами типа "демократия – это процедура", заставляющими их отпускать даже явных преступников, если не соблюдена какая-то дурацкая формальность...

– Вебер не был преступником, – мрачно перебил Власов. Маловероятную обратную гипотезу он уже рассматривал и отверг. Даже если предположить, что, при всем своем безупречном досье, Вебер оказался предателем, и что, по неведомым соображением, покарать его решили максимально тихо, оставив в полном неведении даже ближайших коллег – все равно исполнять такое поручение послали бы не Эберлинга. Не та специализация. – Он был патриотом Райха.

– Иногда приходится убивать и патриотов, – пожал плечами Хайнц. – В нашей истории такое уже бывало, не так ли? Сначала Хитлер убил Рёма и компанию. Потом триумвиры убили Хитлера и компанию...

– Последнее, положим, не доказано, – заметил Фридрих.

– Да брось, ты же взрослый человек, работающий в очень серьезной организации. Неужели ты веришь в эту сказочку из школьных учебников про сговор высших чинов СС и остатков штурмовиков? Я мог бы рассказать тебе кое-что интересное на эту тему, благо соприкасался с ней совсем недавно... но это сейчас неважно. А важно то, что Райх стоит на краю гибели. И я пытаюсь ее предотвратить.

– В самом деле?

– Я отлично понимаю твой скепсис. И понимаю, как мои слова звучат со стороны. Не то неумелая ложь, не то бред сумасшедшего, да? Поверь, это был бы не худший вариант. Но все-таки вспомни триумвиров. Тогда, в августе сорок первого, большинству тоже казалось, что дела обстоят превосходным образом. Мы контролировали практически всю Европу и успешно развивали наступление на Востоке – по крайней мере, внешне казалось, что оно развивается успешно. Высадка в Британии, правда, сорвалась, но все верили, что это временная заминка – вот возьмем через пару месяцев Москву, и тогда... Тогда на человека, заявившего, что Хитлер ведет страну к катастрофе, тоже посмотрели бы, как на безумца и изменника. С соответствующими последствиями. Но, к счастью, такие люди нашлись. То есть они, конечно, ничего не заявляли вслух. Они просто

понимали, что хитлеровская национальная политика – это самоубийственное превращение естественных союзников во врагов, а полководческий гений фюрера – миф. Этих людей звали Роммель, Гудериан и Канарис. И они сделали то, что должны были сделать. Пожертвовали фюрером, чтобы спасти Райх...

– Погоди, к чему это ты ведешь? Уж не к покушению ли на Райхспрезидента?

– Нет, теперь дело не в этом. Конечно, Шук допустил страшную ошибку, согласившись на этот референдум. Но отыгрывать назад уже поздно. Это значило бы продемонстрировать всем наш страх и нашу слабость. Да и, в конце концов, референдум лишь обнажил проблему, которая все равно никуда бы не делась. Гнойник уже прорывался, и прорвался бы снова. А если даже и нет, тем хуже – гной продолжал бы отравлять организм изнутри...

– Давай без медицинских метафор. Что конкретно ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что, если все пойдет, как идет, то 12 мая мы проигрываем референдум.

Власов посмотрел на Эберлинга с недоумением.

– Да, я знаю, что ты скажешь – данные опросов и все такое, – продолжал Хайнц. – Но, видишь ли, всякая крупная бюрократическая машина склонна со временем принимать на веру мифы, которые сама же и порождает. Ты сам сталкивался с этим в Управлении в наиболее гротескной форме, когда деза, придуманная одним отделом, через независимый источник становилась оперативной информацией другого...

– Ты хочешь сказать, что данные опросов сфальсифицированы?

– Где-то, может, и так, но в целом все сложнее. Тут не столько сознательный обман, сколько подсознательное желание видеть то, что хочешь увидеть, и говорить то, что от тебя хотят услышать...

– В разведке от этого отучают в первую очередь.

– Именно, поэтому я и занимался этим, проверяя и перепроверяя данные социологических служб и Министерства пропаганды. И убедился, что верить их результатам нельзя. Прямые опросы неэффективны, истинную картину можно восстановить лишь по косвенным признакам – от оперативной информации внутренней агентуры до рехнермоделей, обрабатывающих данные местных голосований, а также плебисцитов в других странах с похожей политической системой... тот же референдум в Чили, в частности...

– И что в итоге?

– Большинство дойчей проголосует за сохранение Райха в его нынешнем виде. Правда, не такое большинство, как ожидается. Не 70-80%, как выходит по опросам, а всего лишь около 60. При весьма умеренной явке. Если явку сделать обязательной, мы ничего не выиграем, так как это даст прирост протестного голосования.

– Но 60 – это все еще уверенная победа.

– Здесь мы подходим к главному. Я сказал "дойчей". Я не сказал "райхсграждан".

– Восточные территории?

– Именно. Польша, Чехия, Украина, Беларусь – все они проголосуют против. Включая и тех, кто поддержал Райх год назад. Они не осмелились выступить против нас открыто, но не откажут себе в удовольствии сделать это тайно. Тоже, конечно, не поголовно. Но явка будет очень высокой. В итоге среднее арифметическое по Райху будет не в нашу пользу. Ну, точнее говоря, результат выходит в районе пятидесяти процентов. Плюс-минус три. Сам понимаешь, что значит "минус".

– Твоя модель может быть неверна. И кроме того, за три месяца многое может измениться.

– Может. Но вряд ли в нашу пользу. Чем ближе референдум, тем яснее осси понимают, что это их единственный шанс на независимость. А местные чиновники уже спят и видят себя самостоятельными князьками. Посему любые мероприятия, направленные на укрепление единства Райха, на восточных территориях будут просто тихо саботироваться. Причем так, что придраться будет не к чему и найти виновных невозможно. Ты знаешь, славяне это умеют...

– Вопрос о единстве Райха не выносится на референдум. Впрочем, разумеется, если к власти придет демократическое правительство...

– Именно. Первым делом оно отпустит всех жаждущих. Во всяком случае, им уже делаются подобные авансы.

– И что дальше? Ты решил спасти Фатерлянд, вдохновившись примером твоего тезки Гудериана?

– Ты совершенно напрасно иронизируешь. Ситуация очень серьезна. Даже если моя оценка ошибочна, ты должен понимать, что ныне лежит на весах...

– Я понимаю. Мне тоже ужасно не нравится эта затея с референдумом, – нетерпеливо перебил Фридрих. – Я только не могу понять, при чем тут Вебер.

– Подожди, это потом. Это, на самом деле, неважно... Важно, что выход у нас только один. Поверь мне, я долго искал лучшую альтернативу. Но ее нет. Ты правильно сказал – спасти Фатерлянд. Именно Фатерлянд. Мы должны нанести удар первыми. Сбросить балласт, тянущий нас на дно.

– Опять ты изъясняешься метафорами. Боишься произнести это вслух?

– Хорошо, я скажу прямо. Мы должны отпустить восточные территории. Еще до референдума. Их жители потеряют райхсгражданство и не смогут влиять на результаты.

– Замечательное решение, – пистолет дрогнул в руке Фридриха. – Вот, значит, к чему эти разговоры про "вычленить главное и отбросить догматы". Вот так взять и выкинуть половину Райха. Из страха перед каким-то вшивым референдумом отказаться от результатов Второй мировой войны...

– ... за которые наши отцы проливали кровь, – докончил за него Хайнц. – Да, я прекрасно понимаю, как это звучит. И я не говорил, что это простое решение. Но ситуация такая же, как в сорок первом году. Хитлер был символом Райха, может быть, самым главным его символом. Но в практическом плане он был бесполезен, а точнее – вреден. И им пришлось пожертвовать. И едва ли кто-нибудь, кроме старых пердунов из ХНПФ, ныне жалеет об этом. Райх от Норвегии до Кавказа – это тоже очень внушительный символ. Но на практике восточные территории уже давно представляют собой сплошную головную боль. От них больше убытка, чем пользы. И в экономическом плане, и даже в политическом. Вечная мина под единство и стабильность Райха, рассадник оппозиции, повод для атлантистов клеймить нас как оккупантов... О да, конечно, на атлантистов наплевать и забыть. Если бы от восточных земель было много проку. Но на самом деле это преимущественно дотационные регионы. Производительность труда там ниже, чем в Дойчлянде. Конечно, средние зарплаты тоже ниже, но не так уж намного. Они все-таки райхсграждане, и пользуются соответствующими правами и гарантиями... Вспомни, Фридрих, ведь это уже не первый раз, когда нам приходится отказываться от территорий – просто потому, что содержать их обходится дороже, чем отпустить. За Сахару мы тоже проливали кровь. Ты лично ее проливал в Африканской войне. И что ты сказал мне после

вывода войск? Что Шук прав, что нет никакого смысла и дальше поливать дойчской кровью бесплодные пески, на них все равно ничего не вырастет...

– Осси – не Африка, – не согласился Фридрих. – Свой вклад в экономику они вносят. В абсолютных цифрах – не такой уж маленький. Не забывай про кавказскую нефть, кстати.

– Кавказ останется нашим, – мотнул головой Эберлинг. – Там же почти не осталось местных, сплошные фольки... Да, конечно, получится анклав, что не очень удобно. Придется договариваться с Россией о транзите. Но это пустяки по сравнению с тем, что мы выигрываем. Смотри. Допустим, завтра осси объявляют о независимости...

– Едва ли они решатся, – усмехнулся Власов. – Они слишком хорошо запомнили прошлогодний урок.

– Сами, конечно, не решатся, – кивнул Хайнц. – Между нами говоря, сами они не решились и год назад. То есть, конечно, планы объявить суверенитет у них действительно были, но в стадии подготовки. Украинцев специально спровоцировали выступить раньше времени, а остальным ничего не оставалось, как последовать за ними... В итоге вся их затея сорвалась, и они надолго зареклись пробовать снова. Но сейчас кое-кому из их лидеров уже сделаны неофициальные намеки. Относительно условий, на которых оформленная должным образом просьба может быть удовлетворена. Они, безусловно, остаются в составе Райхсраума и отказываются от членства в каких-либо иных военно-политических блоках. На их территории остаются наши базы и все такое прочее... Да и куда им, собственно, деваться – они окружены Райхсраумом со всех сторон. Все, что они производят более-менее стоящего в экономике – начиная с украинской пшеницы и чешского пива – они все равно будут продавать нам. А кому еще? Америке? У атлантистов собственные рынки, где нет места чужакам. Задрать цены они не смогут: если не купим мы, не купит никто. Обрушить – да пускай обрушивают. Будь у нас атлантистский свободный рынок, это ударило бы по нашим собственным производителям, но у нас, к счастью, госрегулирование. Мы скупим их товар по дешевке, а на сэкономленные деньги не дадим в обиду своих работников. Зато вся их социалка разом перестает быть нашей обузой. Вероятно, их уровень жизни упадет с обретением независимости в несколько раз, но это будут уже их проблемы...

– Знаешь, – задумчиво произнес Власов, – рассуждая таким образом, можно договориться и до суверенитета отдельных земель Дойчлянда. Распускать – так распускать.

– Фридрих, ну зачем же доводить до абсурда... – поморщился Эберлинг.

– Я лишь хочу сказать, что, что бы там ни было по части экономики – а проверять твои выкладки надо серьезно, и в Райхе для этого имеются лучшие специалисты, нежели я – но твой проект совершенно невозможен политически.

– Да почему? – раздраженно воскликнул Хайнц. – Я же не предлагаю сделать эти земли американскими штатами! Речь идёт всего лишь о переходе из Райха в Райхсраум. В конце концов, в чем разница? Райхсраум образован странами, которые были нашими союзниками во Второй мировой. Райх, за пределами исконных границ Фатерлянда – странами, которые не захотели быть нашими союзниками и были нами завоеваны. Во-первых, все это дела давно минувших дней. А во-вторых, получается, что бывших врагов мы приблизили сильнее, чем бывших друзей. В этом есть даже нечто противоестественное...

– Давай без демагогии, – скривился Фридрих. – Ты прекрасно понимаешь, что

политика – это не арифметика, где можно безболезненно выносить слагаемые за скобки. Если сегодня Райх разломится пополам, завтра затрещит по швам и весь Райхсраум. Он и так уже, прямо скажем, мало похож на монолит...

– Опасность есть, – признал Эберлинг. – Но альтернатива еще хуже. Даже в самом скверном случае – пусть лучше падет Райхсраум, чем Берлин.

– Ты и в самом деле надеешься убедить в этом Шука? Только не говори мне, что ему уже тоже сделали "неофициальные намеки".

– Нет... пока еще нет. Райхспрезидент не в курсе. Но Шук сам по себе достаточно разумен, чтобы принять такое решение – после того, как ему будут изложены все аргументы. В конце концов, это он ушел из Северной Африки, хотя многие и тогда были против.

– Но не так, как будут сейчас.

– Да. Сейчас позиции неоконсерваторов в партии слишком сильны. И пока это так, Шук не решится отпустить восточные земли. Но волею судьбы неоконсерваторы сейчас – это фактически один человек. Без его ума, воли и энергии они снова превратятся в сборище кабинетных теоретиков и уличных горлопанов, не способных ни на что реальное – даже на то, чтобы просто договориться между собой. По крайней мере, до тех пор, пока не сойдутся на кандидатуре нового вождя – а это произойдет нескоро...

– Ты имеешь в виду Клауса Ламберта.

– Да, его. Переубеждать его бесполезно – к Райхсрауму он относится весьма скептически, зато каждый клочок территории собственно Райха для него священен, как символ веры... Значит, его необходимо устранить.

– То есть убить. Называй вещи своими именами.

– Да, убить.

– Завтра... то есть, уже сегодня, здесь, в Москве, – произнес Фридрих без вопросительной интонации.

– Да, – подтвердил Эберлинг.

– Кто еще участвует в заговоре?

– Он сам, – усмехнулся Хайнц. – Нет, я не издеваюсь. Просто каков вопрос – таков ответ. Ты опять слишком все упрощаешь. Разумеется, то, что я делаю, я не смог бы сделать в одиночку. Но не существует некоего единого "заговора". Как я уже говорил, в этом деле сходятся интересы сильно разных людей...

– И одного из этих людей зовут Зайн, – усмехнулся Фридрих.

– Да. Это одно из обстоятельств, делающих операцию особенно красивой. Убить двух зайцев, как говорят русские. Или двух волков... Зайн ликвидирует Ламберта, а мы, вместе с русскими безопасниками, тут же ликвидируем Зайна. Это, кстати, одна из причин, по которой Ламберт согласился сыграть роль живца. Ему объяснили, что на приманку меньшего масштаба Зайн не клюнет, а Ламберт, конечно, не прочь избавить Райх от одного из самых гнусных врагов германского народа. Естественно, ему гарантировали безопасность... Хотя, полагаю, для него эта причина не главная. Просто покушение очень способствует политической карьере – если, конечно, не увенчивается успехом. Когда Ламберту предложили идею операции, он ухватился за нее, как за свою. Пусть. Я не тщеславен, – осклабился Эберлинг. – Кажется, он собирается выступить потом с какой-то программной речью... но это уже все, сам понимаешь, не имеет значения.

Фридрих подумал, что Хайнц, очевидно, увлекся и совершенно забыл о своем нынешнем положении, но не стал перебивать. Пусть выговорится.

– Имеются, разумеется, и те, кто знает, что покушение будет успешным, – продолжал Хайнц. – Кое-кто из них сидит достаточно высоко. Увы, их волнуют не высшие интересы Райха. И даже не Зайн, хотя, конечно, они отнюдь не против, если он сдохнет...

– Политические конкуренты Ламберта, – понимающе кивнул Фридрих. – Как из числа его идейных противников, так и из ближайших соратников.

– Именно. Но если ты думаешь, что я перечислю фамилии, то вынужден тебя разочаровать. Они достаточно осторожны, в основном я имел с ними дело через посредников. Догадки у меня есть, но юридически доказать будет сложно... Кстати, и те, и другие наверняка сказали бы, что их заботит вовсе не личная карьера. Противники сказали бы, что Ламберта надо остановить любой ценой, пока Шук не сделал его своим преемником – что, по-моему, совершенно исключено. Соратники заявят, что в качестве мученика Ламберт будет полезнее делу правых патриотов, чем живой, что тоже чепуха... В любом случае, какими бы интересами они ни руководствовались, сейчас они приносят пользу общему делу. Они думают, что я – их орудие, но на самом деле все наоборот.

– И, конечно, среди них есть кто-то из руководства Управления.

– Само собой.

– Мюллер в курсе?

От Фридриха не укрылась крохотная пауза перед ответом: Эберлинг явно решал, солгать или сказать правду.

– Нет, – произнес Хайнц. – Старик ничего не знает.

"Если это ложь, мой доклад Мюллеру лишь позволит заговорщикам выиграть время, – подумал Власов. – Но это может быть и правдой – если Хайнц пытается втянуть в дело меня и делает ставку на откровенность".

– Значит, при успехе покушения он окажется крайним, – мрачно констатировал Фридрих вслух.

– Да, одним из. За прокол, приведший к гибели одного из ведущих политиков Райха, кто-то должен нести ответственность. Мюллеру, вероятней всего, придется уйти на пенсию, и вообще в руководстве грядут перестановки. Мне жаль его, но тут уж приходится идти на жертвы. Сам понимаешь, я затеял это не ради себя.

– Кстати, о жертвах. Чем тебе все-таки помешал Вебер? Он раскрыл твой заговор?

– Да, точнее, не совсем. Он понял, что я его обманываю, и попытался выяснить остальное... Кстати, можно узнать, на чем я прокололся в этот раз?

Фридрих чуть задумался и решил, что откровенность поспособствует ответной откровенности Хайнца.

– Часы в кабинете Вебера. Когда ты писал свою сольную партию для звонка в полицию, на пленку попало тиканье. Программа, которой ты пользовался, преобразовала его вместе с голосом, а когда я догадался, что это такое, то смог осуществить обратное преобразование.

– Проклятье! – Эберлинг и в самом деле был раздосадован. – Опять из-за этой чертовой программы. Она должна была фильтровать посторонние шумы... так и знал, что она не отлажена до конца... Впрочем, это надо рассказывать с начала.

Власов подумал, не пытается ли Эберлинг оттянуть время. Впрочем, до прилета Ламберта еще полдня. И даже до отлета из Берлина еще много часов. Времени на отмену визита более чем достаточно. А информация Эберлинга может оказаться полезной.

– Рассказывай.

– Зайн прибыл в Москву лишь на финальной стадии операции, – начал Эберлинг. – До этого здесь необходимо было провести подготовительную работу. Каковая, впрочем, не отменяла и моих официальных обязанностей. Вебер не был моим непосредственным начальником, но здесь я находился в его оперативном подчинении, хотя и имел широкую автономию. Привлечь его к операции я, конечно, не пытался. Рудольф был образцовым служакой, помешанным на дойчском порядке. В критической ситуации он мог пойти на нарушение каких-то формальностей, но уж никак не на убийство высокопоставленного функционера НСДАП – чем бы оно ни мотивировалось. (Власов слегка кивнул – это вполне соответствовало впечатлению, которое он вынес из веберовского досье.) Но поначалу он мне не мешал. Его интересовали местные либералы и их связи с СЛС и атлантистами.

– Эта публика, конечно, не имеет отношения к покушению на Ламберта? – предпочел уточнить Фридрих.

– Разумеется, нет. Это же просто безответственное трепло, доверять им серьезное дело может только самоубийца. Их потолок – финансовые махинации и торговля порнухой. Конечно, позже мне пришлось убеждать тебя в обратном, но, сам понимаешь...

– Понимаю. Так что случилось дальше?

– Кто мне начал досаждать, и довольно ощутимо, так это ДГБ. Точнее, не весь ДГБ, а конкретно Бобков и его братия...

– Погоди. Ты сказал, что Зайна должны ликвидировать русские безопасники? То есть они в курсе?

– Ну ты же понимаешь, в ДГБ сейчас тоже идет борьба фракций. Похоже, Бобков и прочие твердолобые русофилы успели-таки достать Мосюка. Полагаю, не потому, что Дядюшка Лис так любит Германию, а потому, что он недостаточно уверен в их лояльности ему лично. Но для того, чтобы сковырнуть целую кучу многозвездных генералов, нужен повод, и провороненное покушение на Ламберта тут как нельзя кстати – вот тебе, кстати, и еще одна заинтересованная сторона... Поэтому дэгэбэшники, участвующие в операции, конечно, есть, но не из команды Бобкова. Строго говоря, даже я не знаю, из чьей они команды. Вероятно, кроме них самих, это знает только Мосюк. Могу лишь предположить, что никто из этой группы не входит в высшее руководство Департамента – если я что-нибудь понимаю, оно назначено на заклание целиком. По крайней мере, это было бы логично. Выдвижение из низов – неплохой залог личной преданности...

– Среди тех, кого ты знаешь, случайно не фигурирует майор Никонов?

– Никонов? А, этот... Нет, он из команды Бобкова. Не в идейном плане, просто по субординации. Очевидно, он не любит шефа и чует, что тот скоро пойдет ко дну. А потому стремится переметнуться к победителям. Проблема в том, что, кто будет победителем, он не знает – лишь догадывается, что тут замешаны дойчи, потому и искал контактов с тобой. Может быть, выйди он на нас раньше, мы бы и привлекли его к операции, но сейчас он нам уже не нужен. Лишний потенциальный источник утечки информации... Впрочем, насколько я понимаю, он не один. Там целая антибобковская группировка. Их беда в том, что это другая антибобковская группировка – не та, на которую поставил Мосюк... Бобков, однако, тоже чутьем не обделен. Он вообще не любит дойчей, а сейчас в особенности ждет каких-нибудь пакостей... Так что его внимание становилось навязчивым, и мне необходимо было его нейтрализовать. Нет, нет, не убить, конечно же, это уже было бы чересчур. Просто вывести из игры, хотя бы на время. Один

из самых простых и эффективных способов в таких случаях – компромат, реальный или сфабрикованный. Если приходится фабриковать, он не должен быть убийственным – вопреки заветам Гёббельса, чудовищная ложь слишком легко опровергается. Лучше что-то такое неявное, смазанное, от чего, однако, трудно отмыться. Скажем, относящееся даже не к самому объекту, а к его родственникам...

– Не надо читать мне лекцию по теории дезинформации, – поторопил Фридрих. – Кого ты выбрал мишенью?

– Сын Бобкова Сергей – человек опасной профессии. Он, видишь ли, поэт. Нет, никакого диссиденства, наркотиков и гомосексуализма. Ну, выпивка и девки, конечно, наличествуют, но в разумных пределах...

Фридрих раздраженно поморщился: единственным действительно разумным пределом для подобных вещей, по его твердому убеждению, был строгий математический ноль. Но момент для отвлеченных идейных споров был неподходящий.

– Но согласись – услышав слово "поэт", ты подумал в первую очередь обо всяких богемных гадостях, – продолжал Хайнц. – И подобные гадости, особенно с политическим душком, обернулись бы временным отстранением от дел Бобкова-старшего – до окончания расследования. Русские правила на сей счет немногим менее строги, чем наши. Скорее всего, генералу порекомендовали бы уйти в длительный отпуск... Добыть образцы голоса не было проблемой, сфабриковать на их базе правдоподобные застольные беседы... вот тут имеется загвоздка. Есть масса рехнерпрограмм работы с речью, но эксперты сумеют отличить их продукцию от реальных разговоров. Требовалась новая, более совершенная программа. Вообще говоря, я подумал о ее необходимости еще до того, как решил соорудить компромат на Бобкова. Подумал еще в начале русской фазы операции. И принялся искать человека, который мог бы такую программу написать. У русских попадаются очень талантливые программисты, этого у них не отнять... Мне, впрочем, нужен был человек, обладающий рядом специфических достоинств помимо профессионального уровня. То есть не задающий лишних вопросов, не болтливый и вообще имеющий как можно меньше родных и друзей вне Сети.

– Дабы потом его проще было убить.

– Да, я с самого начала просчитывал этот вариант, – невозмутимо подтвердил Эберлинг. – Сам понимаешь, оставлять подобного свидетеля было бы рискованно – впрочем, это зависело от того, для чего использовалась бы программа. Компромат на Бобкова был еще не столь страшен, а вот после смерти Вебера оставлять программиста в живых было бы уже непростительной глупостью. Да, я понимаю, о чем ты думаешь. Что я, увлекшись своим планом, убиваю невинных людей направо и налево. Но, в конце концов, это наша работа, Фридрих. Мы с тобой офицеры, наша профессия – убивать людей во имя интересов нашей страны, и, как правило, невинных людей. В чем виноват солдат неприятельской армии, особенно если она комплектуется по призыву – только в том, что его угораздило родиться на территории недружественного нам государства? На войне гибнет куда больше народу, чем в ходе моей операции, и это счастье, что для спасения Райха достаточно лишь нескольких жертв... К тому же я нашел такого программиста, которого ты бы уж точно не стал жалеть.

– Максима Кокорева.

– Да. Но тут, признаюсь, я допустил промашку. Пошел по легкому пути. Искать специалиста подходящей квалификации можно было через плацы и форумы профессионалов в REIN. Но узнавать прочие качества кандидатов... мне не хотелось

устраивать собеседования с кучей народу и наводить потом дополнительные справки о каждом. Это могло привлечь внимание, не сразу, так потом, и было слишком хлопотно. Я предпочел воспользоваться любезностью русских союзников и поискать среди тех, о ком уже имелись данные в архивах ДГБ. У молодых рехнерспециалистов случаются проблемы с законом, ты знаешь – от распространения самиздата до хакерства. Обычно, правда, попавшийся на чем-то подобном и не без труда избежавший тюрьмы становится крайне пуглив и осторожен, но это делу не помеха – скорее наоборот. Можно намекнуть ему на свою принадлежность к спецслужбам – и он сделает для тебя все, а можно, напротив, предложить якобы легальную работу, а потом признать ее нелегальный характер – и он опять-таки будет покорной овечкой, уже из страха перед разоблачением... Кокорев попал в поле зрения ДГБ еще во время учебы в МГУ. Он написал донос на своего приятеля и соперника по амурным делам, небезызвестного тебе Грязнова. Донос был правдив, Грязнова из университета выперли, но Кокореву это счастья не принесло. Девица, служившая яблоком раздора, по старой русской традиции сделала выбор в пользу гонимого, и что еще хуже – информация об авторстве доноса каким-то образом просочилась наружу. Может, топорно сработал какой-нибудь дуб в погонах, продемонстрировавший Грязнову показания Кокорева, или же в самом доносе было что-то такое, что мог знать только он... короче, вскоре об этом знали все. Большинство студентов подвергло sstukatscha остракизму, и даже члены РОМОСа не особо за него заступались, понимая, что истинные кокоревские мотивы лежат на поверхности и на пример беззаветного патриотизма как-то не тянут... Естественно, с такой репутацией интереса в качестве осведомителя он уже не представлял, хотя ДГБ еще некоторое время на всякий случай вел на него досье. Кокорев и прежде посещал занятия нерегулярно, полагая, очевидно, что собственные таланты ставят его выше дисциплины, а в атмосфере всеобщей неприязни и вовсе почти перестал появляться в университете. В итоге был отчислен за непосещаемость и академические задолженности. На постоянную работу так и не поступил, перебивался разовыми заказами, но программистом, судя по всему, и впрямь был хорошим, причем специализировался как раз на работе со звуком. В последний раз попал в поле зрения ДГБ, когда работал на некую контору, торговавшую пиратскими музыкальными записями. Записи делались прямо в зале во время концерта, а задача Кокорева была – восстановить качество до студийного уровня. К ответственности привлечен не был, поскольку само по себе написание программы для улучшения качества звучания преступлением не является. Да и вообще, в России на авторские права смотрят сквозь пальцы... Департамент заинтересовался этим делом только потому, что среди записей были композиции американских и полуподпольных российских рок-групп. Далее Кокоревым не занимались, а зря. Когда я, проведя переговоры по электронной почте, впервые встретился с ним лично, то сразу понял, что передо мной наркоман со стажем. Конечно, это вызывало большие сомнения насчет его способности работать быстро и качественно, зато в остальном подходило идеально. Смерть наркомана от передозировки никого не озаботит, да и держать его на крючке, имея запас зелья – а мне таковое выделили из числа конфискованного – дело нехитрое. Вскоре я решил, что мои сомнения напрасны: получив дозу, он мог работать чуть ли не круглые сутки. Потом, конечно, наступал "otkhodniak", как это здесь называют... Возможно, он и втянулся-то потому, что использовал наркотики в качестве стимуляторов.

– Он употреблял штрик?

– Нет, конечно, на штрике много не наработаешь, тем более головой, да и достать

его в Москве сложно. Но если бы он умер именно от штрика, никто бы не удивился. Для наркомана обычное дело переходить на все более тяжелые наркотики, особенно в последней стадии – а он был уже явно в невыводимом штопоре. А добыть – ну мало ли где добыл...

– Так в чем была твоя промашка? Ты переоценил работоспособность наркомана?

– Ну, в общем, это тоже сказывалось. Работал он достаточно быстро, но крайне неряшливо. В каждой версии программы была куча ошибок, он исправлял старые и тут же лепил новые... Да и паузы между версиями становились все длиннее, похоже, его мозг окончательно исчерпывал свой ресурс. Но я не мог больше ждать и решил использовать очередную версию – в отношении которой он клялся, что уж теперь все работает – для создания компромата на Бобкова. Но я не был уверен в качестве результата и попросил Вебера провести неофициальную экспертизу записи, сказав, что получил ее от источника в демократических кругах – что, кстати, было вполне правдоподобно, учитывая содержание. Неофициальность тоже понятна, Бобков – серьезная фигура, преждевременный скандал ни к чему, особенно если окажется, что он на пустом месте... Мне казалось, я ничем не рискую. Если эксперты не заметят подделку, компромат можно пускать в ход, а Кокорева, наконец, убрать – признаться, я ждал с нетерпением, когда смогу избавиться от этого гнилого типа. Если заметят – ну что ж, свалю все на грязную игру демократов, которые, понятно, Бобкова ненавидят лютой ненавистью. Экспертиза показала, что записи подлинные. Однако в это время я уже был вынужден уехать из Москвы улаживать бургские дела. Вебер настоял, чтобы этим занялся именно я. Формально потому, что мне уже приходилось работать там. Но, кажется, истинной причиной было то, что он на тот момент уже что-то заподозрил, хотя не имел никаких доказательств... Все-таки, он был отличным профессионалом. И ошибся только один раз.

– "Бургские дела" – это выкрадывание у фрау Рифеншталь книги, принадлежавшей князю цу Зайн-Витгенштайну?

– Да, твое расследование и впрямь продвинулось... Хотя, строго говоря, я ничего не крал. Гельман выкрал книгу из сейфа Фрау еще до моего визита. Моя задача была лишь договориться с ним и забрать ее. К сожалению, это только копия. Первая и, вероятно, последняя, но копия. Оригинал князь, очевидно, прятал где-то в Москве. Скорее всего – в банковской ячейке; во всяком случае, при осмотре его тела в кармане был найден ключ соответствующего типа. Естественно, на ключе нет никаких опознавательных знаков – банки не облегчают задачу потенциальному вору, так что оригинал мы, видимо, никогда не найдем. Но не найдет и кто-то другой – когда истечет оплаченный срок хранения, содержимое ячейки просто уничтожат, что тоже неплохо. В общем, эта тема моими усилиями была признана закрытой...

– Подожди, откуда известно, что это первая копия?

– Ну как, экспертиза определяет такие вещи вполне однозначно. Князь пользовался очень качественной копиркой и использовал тонкую бумагу, так что на первый взгляд может даже сойти за оригинал, но...

– Копиркой? Так... князь писал эту книгу сам?

– Ну, едва ли он мог доверить подобное содержание литобработчику – впрочем, у него и у самого слог весьма недурён... Э, Фридрих, – Эберлинг, наконец, понял удивление Власова, – да ты до сих пор не знаешь, что это за книга?

– Были кое-какие гипотезы, но они, похоже, не подтверждаются, – вынужден был признать Власов. – Просвети, будь любезен.

Хайнц чуть улыбнулся – похоже, ему было приятно почувствовать хотя бы маленькое превосходство над собеседником, держащем его на мушке.

– Книга, а точнее, рукопись, представляет собой мемуары князя, – с готовностью начал пояснять он. – Точнее, больше чем просто мемуары – он писал не только о том, что пережил сам, но и о том, что узнал от других. А жизнь у князя была весьма интересная... Центральная часть книги посвящена Сентябрьским убийствам. В которых он лично принимал непосредственное участие.

– Участие? И это он хотел продать на Запад? – изумился Власов, одновременно осознавая, что обстоятельства, бросающие тень на некоторые очень известные в Райхе (и не только) фамилии, относятся отнюдь не ко временам средневековья.

– Ну, в Райхе это бы все равно не напечатали еще лет пятьдесят как минимум – если, конечно, не случится очередного Обновления или того хуже.

– Погоди. Я примерно понимаю, что именно там можно написать, – нахмурился Власов. – И что же в ней такого страшного? Допустим, в ней есть подтверждения того, что Сентябрьские убийства – дело рук триумвиров. Я, положим, в это не верю, поскольку не имею на руках доказательств. Но, допустим, это так. На эту тему ходят слухи аккурат с момента прихода к власти АКК. Это ничему не мешало...

– Ага, а почти все участники этих дел уже мертвы. Но тут важны детали и подробности. Уверяю, при должной подаче эта книга может иметь колоссальные политические последствия. Положим, политический режим она не разрушит, но подкинет его ненавистникам немало поводов обосновать свою ненависть... а это опасно. Особенно в преддверии референдума.

– Но почему же он хотел передать это атлантистам? Я всегда считал князя твердым патриотом...

– Я тоже твёрдый патриот, – криво усмехнулся Хайнц, – и ты тоже. Но почему-то у тебя в руках пистолет, и направлен он на меня. Если бы события повернулись чуть иначе, могло бы быть и наоборот. И самое смешное – каждый из нас уверен, что служит интересам Райха, как мы их понимаем. Вот и князь тоже уверил себя, что публикация его откровений – в интересах Германии, как он её понимает.

– Как он их понимает, – машинально поправил Фридрих.

– Нет, я не оговорился. Князь воспринимал Германию не только как Райх. Кажется, он до последнего сохранял двойную лояльность...

– Я не верю в это, – Власов чуть подался вперёд. – Хотя, конечно, европейский аристократ с такой родословной должен чувствовать себя связанным не только со своей страной, но и с Европой в целом. Но не более того. Князь был человеком долга. А долг запрещает служить двум господам.

– Нет, не то. Речь идёт о чисто дойчских вещах... Но это долго объяснять. В общем, у него были свои причины досаждать системе. И заодно "исполнить свой долг перед Историей". Князь был тщеславен – что да, то да.

– А при чем тут Гельман? Переговоры с западным издательством шли через него?

– Насколько я понимаю, нет. Гельман узнал о существовании рукописи – скорее всего, от проболтавшейся Рифеншталь – когда вопрос был уже решен, и князь собрался передать книгу через Галле. Старуха, кстати, была против всей этой затеи...

– Ну еще бы, – желчно усмехнулся Фридрих, – ведь публикация книги закрывала ей денежный краник.

– Ну да. Я это тоже выяснил. Но отговорить князя она не сумела – сам знаешь, как

упрям был покойный – а запретить ему распоряжаться собственными мемуарами, естественно, не могла. Возможно, он пообещал ей в утешение какой-то процент издательских отчислений, не знаю... Так или иначе, Гельман понял, что упустил возможность сорвать хороший куш на посреднических услугах. Однако он рассудил, что на подобный товар можно найти и другого покупателя, с прямо противоположными мотивами.

– То есть Управление.

– Да. Он, конечно, понимал, что играет с огнем, и был очень осторожен, действовал через посредников. Но мы все равно выяснили, что за ними стоит он... Так вот, он выкрал рукопись и предложил Управлению ее приобрести, прислав в качестве доказательства отсканированные фрагменты. Я был послан в Бург разобраться с этим делом и, скажу не хвастая, провел его успешно. Гельману пришлось сильно укоротить первоначальные аппетиты – достаточно было указать на тот факт, что его инкогнито раскрыто. Точнее, на тот момент это было предположение, но блеф сработал. Даже не знаю, чего он испугался больше – проблем с Управлением или гнева Фрау, – усмехнулся Эберлинг. – А учитывая, что рукопись оказалась не оригиналом, а копией, он получил и вовсе сущие пфенниги – и, похоже, был еще рад, что выпутался из этой истории. Все же в прежних своих махинациях он не осмеливался напрямую перебегать дорогу *нам*.

– Я все-таки не понял, что ему было нужно от меня, – признался Власов. – Раз книги у него уже не было.

– А, это все чепуха, – пренебрежительно махнул пальцами Эберлинг. – Ну во-первых, он надеялся продать тебе свое досье на лихачевцев, то есть, конечно, на рифеншталевцев. Он и ко мне с этой идеей подкатывался, но я не вдохновился. Почти все, что он мог нам предложить, мы и так получаем через Калиновского – собственно, ты читал эти материалы – а оставшееся не представляло практического интереса. Разумеется, я не объяснял ему причин отказа, вот с твоим появлением он и возомнил, что Управление передумало, и у него появился второй шанс.

– Боялся гнева Фрау и в то же время пытался продать их всех с потрохами?

– Ну да. Такой уж он был человек. Ну, это не просто так, конечно... Просто Гельман, как к нему ни относиться, тоже чувствовал, что все рушится. Только ни в какую Ингерманландию он, разумеется, не верил. И ни в какое светлое демократическое завтра для России тем более. А верил он исключительно в то, что сейчас самое время переводить любые активы в деньги и linjat' с ними на Запад. Пока не накрыло обломками.

– А во-вторых?

– Что во-вторых?

– Ты сказал, что это первая причина его навязчивого внимания к моей персоне.

– Вторая, – Эберлинг усмехнулся, – это моя маленькая телефонная просьба подольше поводить тебя за нос с целью задержать в Бурге. Сам понимаешь, в Москве ты и твое расследование были мне ни к чему. Уж не знаю, что он подумал, получив от одного офицера РСХА такую просьбу в отношении другого, но, во всяком случае, меня он боялся больше, чем тебя. Уже хотя бы потому, что я вышел на него сам.

– А когда удержать меня подальше от Москвы все же не получилось, ты взялся за дело сам. Устроил мне праздничную прогулку, лишь бы не дать заниматься делом... – понял Власов.

Эберлинг молча улыбнулся.

– И никаких денег у тебя тоже не крали? – продолжал допытываться Фридрих.

– Разумеется. Надо же было тебя отвлечь после разговора с Мюллером и задержать еще на час... Я просто выкинул в урну пустой бумажник. Надеюсь, ты не переживаешь за того серпуховского алкоголика? Выпустят его, никуда не денутся. Улики только косвенные, продержат 72 часа и выпустят...

– И где теперь мемуары Зайн-Витгенштайна? – вернулся к более важной теме Власов.

– Где-то в секретных архивах РСХА. Переправлены в Дойчлянд прямо из Бурга. Разумеется, тот экземпляр, что хранился у Фрау. Варианты, как добыть оригинал, хранящийся у князя, прорабатывались – об этой Галле тогда не знали, иначе все, естественно, было бы очень просто – но Зайн-Витгенштайн умер прежде, чем было принято какое-то решение. Обыск в его доме, как ты знаешь, ничего не дал – ну кто бы сомневался, что он не хранил рукопись дома.

– Мюллер не информировал меня обо всей этой истории, – мрачно произнес Фридрих.

– Считал, что она не имеет отношения к делу Вебера, – пожал плечами Эберлинг. – Гельман уж точно не годился на роль убийцы имперского резидента, не тот калибр. Ну, конечно, если бы ты сообщил Мюллеру предложение Гельмана о покупке досье, наш шеф бы объяснил, что в этом нет нужды... Однако свою роль вся эта история сыграла. Будь я в Москве, когда подлинность бобковского компромата была подтверждена, я бы, вероятно, успел убрать Кокорева. Впрочем, в этом случае Вебер, скорее всего, просто не сказал бы мне об этом до окончания своей проверки – раз уж он уже что-то заподозрил... В общем, едва разобравшись с Гельманом – и не доделав другие дела, связанные с лихачевским салоном – я получил от Вебера электронное письмо. В котором он писал, что раскрыл мой обман, называл имя и фамилию программиста, сообщал, что уже допросил его и теперь срочно ждет меня для объяснений. Честно говоря, я поверил. Хотя и с самого начала принял меры, чтобы Кокорева не нашли. Наше с ним соглашение предусматривало, что на время работы я снимаю ему новую квартиру и он живет там безвылазно, ни с кем не общаясь ни лично, ни в Сети. Но раз Вебер выяснил его имя, я не мог исключать, что ему удалось и остальное... Хотя оказалось, что как раз в этом Вебер блефовал. Как выяснилось в дальнейшей нашей с ним беседе, найти Кокорева ему не удалось. Но вообще он сделал то, чего я от него не ждал. Получив заключение экспертов, он и не принял его на веру, и не стал перепроверять по косвенным источникам, что заняло бы много времени. Вместо этого он встретился с Бобковым напрямую, лично, и выложил ему все открытым текстом. Согласись – неординарный ход.

– Да, нетривиально. Особенно учитывая отношение Бобкова к дойчам.

– Тем не менее, у Бобкова хватило ума понять, что в данной ситуации Вебер ему не враг. И вместо того, чтобы принимать позу оскорбленной гордости, генерал привел вполне убедительные доказательства, что мои "записи" – деза. К сожалению, я о существовании этих доказательств не знал. Но это была даже не главная моя промашка. Главная заключалась в том, что специалистов такого уровня, как Кокорев, очень мало, и в профессиональной среде они хорошо известны. Поэтому, когда Вебер начал искать, кто мог сотворить столь качественную фальшивку, он с легкостью обнаружил подходящую кандидатуру, общаясь с публикой на "хакерских" плацах. Как ты знаешь, Вебер и сам был хорошим рехнерспециалистом и потому легко сошел там за своего...

"Так вот, значит, зачем ему понадобилось подключение через обычного анлифера!" – понял Власов. Вебер опасался, что среди "хакеров" имеются знающие, кому на самом

деле принадлежат адреса, выдаваемые берехом в посольстве. Шансов на это, конечно, было немного, но в таких делах всегда лучше перестраховаться.

– В общем, он выяснил, что имеется подходящий человек, который некоторое время назад вдруг пропал из Сети, напоследок сообщив что-то туманное о полученной им срочной работе, – продолжал Эберлинг. – Далее Вебер раскопал все, что было можно, об этом человеке, выяснил, что тот одновременно с пропаданием из Сети съехал с прежней квартиры неведомо куда... но главное – узнал его подноготную. И понял, что с кем-с кем, а с Кокоревым демократы не стали бы иметь дела ни при каких условиях. А значит, все, что я ему сообщил – ложь. Он, правда, не знал, что за всем этим скрывается, но, начав копать дальше, мог поставить под угрозу всю операцию. Да и, сам понимаешь, тот факт, что я без санкции начальства повел грязную игру против одного из руководителей, что ни говори, союзной спецслужбы – уже грубое нарушение, независимо от того, что за ним стоит. Немедленный отзыв в Берлин был бы самым малым из последствий, вздумай Вебер об этом доложить...

– И ты помчался в Москву. Как я понимаю, не на самолете и не на поезде.

– Да, на попутной машине.

– Водитель остался жив? – усмехнулся Власов.

– Да, и я неплохо заплатил ему, – Эберлинг сделал вид, что не заметил иронии. – Включая оплату двух штрафов за превышение скорости. Был, конечно, некоторый риск, что через эти штрафы можно выйти на водителя, а затем на меня. Но это меньший риск, чем оставить свои данные в базе железнодорожной или авиакассы. А на автобане Москва-Петербург скорость превышают часто, уж больно хорошая дорога...

– И у тебя был с собой штрик.

– Да. Бургский гостинец для Кокорева. Можно было, конечно, обеспечить ему передоз и более традиционными веществами, но я собирался заодно допросить его напоследок на предмет возможных утечек информации.

– Откуда ты взял штрик?

– Ты удивишься, что можно достать через салон Рифеншталь. Нет, разумеется, сама Фрау этим не занимается. Но среди привечаемой ей богемной публики... Как я уже сказал, у меня остались недоделанные дела в Петербурге.

– Ладно, с этим позже. Что было дальше?

– Пока я ехал, все обдумывал, какой же вариант избрать: настаивать на каком-нибудь невинном объяснении, типа того, что я сам стал жертвой провокации, направленной, вероятно, разом и против Бобкова, и против либералов – или же открыть карты и убеждать Вебера присоединиться ко мне. Оба варианта мне не нравились. Интуиция говорила, что Вебер не поверит мне в первом случае и не согласится во втором. Но в конечном счете вышло так, что он сам избавил меня от необходимости выбирать. Он не стал встречать меня с пистолетом, – Эберлинг с усмешкой кивнул на "стечкин", все еще глядящий в его сторону, – напротив, был вполне любезен – в той мере, в какой бывал любезен обычно; ты знаешь, бурные дружеские чувстав не были ему свойственны, хотя мы всегда были в хороших отношениях. Он, правда, выразил удивление, как быстро я прибыл в Москву – ведь, насколько он знает, авиарейс будет только вечером, и ни один поезд из Петербурга в это время тоже не прибывает... А бросив этот намек, спокойно спросил, что я буду пить. Мы с ним нередко при встречах выпивали стаканчик-другой – в меру, разумеется, и, пожалуйста, избавь меня от лекций о служебном долге и разрушительном влиянии даже минимальных доз алкоголя на мозг. Так что вопрос был

вполне обычный, в явном расчете на обычную же реакцию. Но здесь Вебер переиграл. Ибо повод для нашей встречи обычным не был, и я уверен, что Вебер предпочел бы сначала получить от меня все объяснения, а уж потом переходить к более приятной части. Если он так не сделал, вывод напрашивался один.

– Он что-то подмешал в вино.

– Конечно. Я не знал, что именно – какой-нибудь "наркотик правды", или же препарат, который позволил бы доставить меня в Райх в полубессознательном состоянии. Так или иначе, я не мог рисковать. Пришлось нанести ответный удар. Задача была не из легких – незаметно подсыпать ему в стакан штрик, для начала небольшую, несмертельную дозу. Но мне это удалось. Я отвлек его звонком на телефон точки А с моего собственного нотицблока. Я предвидел, что мне может такое понадобиться, так что машина была настроена на модемный звонок в определенный момент... Штрик – не лучшее средство для допроса, но на альтернативы не было времени. Ну а дальше тривиально: сделать вид, что отпил, дождаться, пока он сделает глоток, поперхнуться, закашляться и опрокинуть свой стакан, чтобы не пить свою порцию. Шито белыми нитками, конечно, но мне нужно было выиграть буквально минуту. Штрик действует очень быстро. Ну и, соответственно, роли поменялись. Допрашивающим оказался я. А после, сам понимаешь, у меня не осталось другого выхода, кроме как вручить Веберу шприц со смертельной дозой штрика и приказать уколоться. Конечно, на верную смерть обычно не идет даже подштрикованный. Я сказал ему, что это противоядие.

– Зачем ты забрал его рехнер?

– Видишь ли, – Эберлинг чуть ли не впервые за время своего рассказа продемонстрировал смущение, – тут странность. Конечно, я велел Веберу сказать мне пароль к его нотицблоку, и он это сделал. Мне нужно было уничтожить любой компромат на меня, а кроме того, я собирался использовать этот рехнер для записи звонка в полицию. Накопитель с кокоревской программой был у меня с собой. Я мог бы сходить и за своим нотицблоком, но из предосторожности оставил свой автомобиль достаточно далеко от точки А... Так вот, программа поставилась на рехнер Вебера без проблем. Но, просматривая информацию на его плате, я обнаружил, что многие каталоги закрыты индивидуальными паролями. И, когда я спросил у Вебера эти пароли, он сказал, что не знает. Когда потребовал снять их – сказал, что не может. Выглядело так, словно он надо мной издевается, хотя, разумеется, под штриком это невозможно. Я даже спросил у него, пользовался ли его нотицблоком кто-то еще. Он, конечно, сказал, что нет. В общем, я так и не добился толку.

– Может, он забыл пароли? – предположил Власов. – Штрик плохо влияет на память.

– При длительном приеме, не при разовой дозе, – напомнил Эберлинг. – И не мог он забыть их все сразу. Главный-то пароль, ко всей машине, он вспомнил без запинки. А тот был вполне зубодробительный, бессмысленная мешанина букв и цифр.

– Ладно. И где его "Тосиба" теперь?

– Я ее уничтожил.

– Ясно. Продолжай.

– Собственно, я уже почти все рассказал. Поняв, что от Вебера больше ничего не добьюсь, я дал ему шприц. В общем-то, он умер неплохой смертью – без мучений, и даже не понимая, что умирает... Потом я изготовил запись. Мне нужно было, чтобы первой Вебера нашла русская полиция, а не наши – полагаю, понятно, почему.

– Конечно, – кивнул Власов. В этом случае любые неувязки и нехватки на месте происшествия ложились бы на русских. На их умение нечаянно или преднамеренно затаптывать следы. – И понятно, почему ты оставил открытой дверь. Кстати, зачем ты открыл форточку?

– Я открыл весь балкон, – самодовольно усмехнулся Эберлинг. – Мне нужно было слегка подморозить квартиру. Ускорить трупное окоченение, дабы судмедэксперты потом не смогли правильно определить время смерти. Но, конечно, если б я так и ушел, оставив дверь нараспашку, они бы все поняли. Поэтому балкон я потом закрыл и позволил воздуху вновь прогреться. Но форточку все же оставил, в качестве объяснения на случай, если они найдут в кухне какие-нибудь следы растаявших снежинок...

Фридрих хмыкнул, воздавая должное его хитроумию.

– Потом я изъял кассету с записью нашего разговора, – продолжал Хайнц. – На всякий случай поставил на ее место пустую из веберовских запасов. Но у меня был отличный план – изготовить фальшивку, изобличающую в убийстве Вебера русских демократов, и подсунуть ее в тайник прежде, чем на точку А наведается кто-нибудь из наших. Собственно, я ее изготовил – полчаса разговора, целая драма в одном действии, по-моему, вышло вполне убедительно... обидно, что такой труд пропал даром.

– Значит, когда мы встретились на точке А, новая запись была у тебя в кармане.

– Именно! Появись ты там на полчаса позже... А раньше я никак не мог – сразу после ликвидации Вебера вернулся в Бург и оттуда уже официально, на поезде, приехал на следующий день. Лемке я до поры отвадил от точки А, при помощи той же программы позвонив ему голосом Мюллера и велев ничего не трогать...

– Это был большой риск. Он мог перезвонить Мюллеру и удостовериться.

– Ты разве еще недостаточно изучил старину Лемке? Он исполнителен, но умом не блещет и начальству доверяет безоговорочно...

– Выходит, я испортил тебе весь замысел, – усмехнулся Фридрих.

– Я не думал, что пришлют тебя, – кивнул Хайнц. – Другой, возможно, и не побежал был на точку А сразу по приезде. Но ты одновременно и помог мне. Выйти на Зайна.

– Вот как? Я думал, вы с ним работаете в тесном дружеском союзе.

– Предполагалось, что он будет работать здесь под моим патронажем, – подтвердил Эберлинг, не обращая внимания на иронию. – Но старый сукин сын слишком хитер. Он не вышел на связь и предпочел, как обычно, действовать самостоятельно. Пришлось поднапрячься, выслеживая его самому и одновременно не позволяя сделать это другим... Правда, потом он допустил большую ошибку, наведавшись к своему старому приятелю Борисову, за которым велась слежка. Наши русские союзники было сняли ее, но, узнав, что заказ на Ламберта сделан Зайну, возобновили вновь – как оказалось, весьма предусмотрительно... Но это было потом.

– Таксиста убил тоже ты?

– Таксист убил себя сам. Я лишь навестил его после допроса его коллег и поговорил с ним о его пассажире, премировав за содержательный рассказ бутылкой "Власовки". Пить я его не заставлял. Между прочим, все вышло в соответствии с твоими принципами: был бы он трезвенником – остался бы жив.

– Был бы он трезвенником, ты бы нашел иной способ его убить, – мрачно констатировал Фридрих. Хайнц развел руками: на войне как на войне.

– Еще какие-то трупы, о которых я не знаю? – осведомился Власов.

– Нет. Только Кокорев, о котором ты знаешь. Я убрал его в ночь с третьего на четвертое, после нашей беседы в "Калачах". Раньше просто не было времени.

– Значит, дело было не в срочном звонке от Мюллера.

– Нет. Старикан действительно сообщил мне о Зайне, но на тот момент большой срочности еще не было. Необходимо было сначала получить и обработать твой отчет, результаты допросов персонала Шёнефельда... Я лишь воспользовался предлогом покинуть тебя так, чтобы избежать вопросов и догадок. И сделать дело, несделанность которого меня давно тяготила – особенно после того, как я узнал, что ты в Москве. В полицию в пятницу позвонил тоже я, когда узнал, что ты собираешься наведаться в Теплый Стан.

– Почему ты его, кстати, повесил, а не устроил передоз, как собирался?

– Да вот представь себе – нечего было ему вколоть. Весь штрик-то пришлось потратить на Вебера. А запас той дряни, которой я пичкал Кокорева обычно, как раз закончился, и новую порцию я мог получить лишь через два дня. Даже имея своих людей в ДГБ, это далеко не так просто – все же система контроля и учета там весьма серьезная, а на помощь с самого верха рассчитывать не приходилось – Бобков непременно поднял бы шум... Ну и вот, ждать я не рискнул. Твой приезд заставил меня понервничать.

– Польщен твоим высоким мнением о моих сыскных способностях, – криво усмехнулся Власов, – к сожалению, оно не очень оправдалось.

– В конечном счете все же оправдалось, – ответил усмешкой на усмешку Эберлинг, указывая взглядом на пистолет. – И это подводит нас к главному вопросу. Что мы теперь будем делать, Фридрих?

– А ты как думаешь? – Власов чуть шевельнул стволом.

– Я думаю, что ты не меньший патриот Райха, чем я, – размеренно произнес Хайнц. – Не каких-то отдельных субъектов, играющих в свои политические игры, и не казенных параграфов, не способных охватить все многообразие реальной жизни. Райха. И ты разумный человек, понимающий, что лучше потерять часть, чем целое. Поэтому... нет, я не прошу тебя помогать мне. Просто не мешай. Четырнадцать часов спустя... теперь уже даже меньше... дело будет сделано. Почему бы в эти четырнадцать часов тебе не заняться чем-нибудь другим? Твоей карьере это не повредит, я обещаю. Крайними окажутся Мюллер и кое-кто еще из верхушки Управления.

Фридрих ответил не сразу. Некоторое время он молча смотрел на своего друга и, казалось, сосредоточенно размышлял.

– Я полагаю, Хайнц, – произнес от наконец, – что опасность для Райха, о которой ты говоришь, может быть реальной. Хотя я не могу знать этого наверняка, не перепроверив твои источники и твои выкладки – это азы нашей работы, и ты это знаешь. Но даже если твои расчеты верны, это не может служить оправданием твоих действий. То, что ты затеял – это преступная авантюра, и, полагаю, глупая преступная авантюра. Ради того, чтобы спасти Райх, ты намерен взорвать его изнутри. Ты в одиночку возомнил себя спасителем Отечества, совершенно не интересуясь мнением Отечества на сей счет – будь то миллионы райхсграждан, которых ты готов ввергнуть в потрясения, или единицы экспертов, которые, вероятно, способны предложить разумные альтернативы твоему плану. Напомню, что один такой вот любитель простых решений, считавший, что единственное политическое убийство избавит от всех проблем, в итоге вызвал Первую мировую войну. Конечно, у государств-участников были для нее и более веские причины, и все же именно он стал тем, кто поднес факел к бочке с порохом... Я не намерен

допускать такого сейчас. Ты с легкостью переступил через присягу и закон, но я исполню свой долг офицера и патриота, и тебе не удастся меня отговорить. Ты арестован, Хайнц.

– Жаль, – произнес Эберлинг, не меняясь в лице. – Я ждал от тебя подобного, и все же надеялся, что ты поймешь... Ладно, оставим высокие материи. Я даже не буду апеллировать к нашей дружбе. Поговорим о вещах сугубо практических. Я предлагаю тебе сделку.

– Ты что же, надеешься меня подкупить? – презрительно произнес Власов. Вот так всегда – сначала разговоры о высоких идеалах, о судьбах Отечества, а в итоге – банальная взятка. Но неужели Хайнц пал настолько низко?

– Я не настолько скверного о тебе мнения, чтобы предлагать деньги, – криво усмехнулся Эберлинг. – Я проиграл, признаю. Ты хочешь предотвратить убийство Ламберта? Хорошо. Но мой арест тебе в этом не поможет. Зайн прекрасно справится без меня. А где он, ты не знаешь, и найти его за оставшиеся четырнадцать часов вряд ли сможешь. Более того, ты даже не знаешь, кому из московских оперативников можно доверять... Мое предложение: я сдаю тебе Зайна. И всех, кто участвует в операции – по крайней мере, тех, о ком я знаю. Впрочем, они – прикрытие, главное – Зайн. За это ты не докладываешь обо мне – только обо мне лично – в течение двенадцати часов. Только двенадцать часов, больше я не прошу. Я понимаю, что на допросах остальных моя роль все равно вскроется. Но этого времени мне хватит, чтобы скрыться.

– И куда ж ты намерен бежать? – усмехнулся Фридрих.

– Россия – большая страна, – пожал плечами Эберлинг. – И в ней живет много людей, говорящих с легким дойчским акцентом.

– Я был лучшего мнения о тебе, Хайнц, – покачал головой Власов. – Устроить заговор ради высших интересов – это вполне в твоем духе. Но бежать от ответственности, выкупая собственную голову головами подельников...

– Можешь думать обо мне, что хочешь, – резко произнес Эберлинг. – "Трус", "подлец", что ты там еще хочешь сказать? А я тебе скажу, что класть голову под топор, когда от этого никому нет никакой пользы – попросту глупо. Если бы от моего ареста была хоть какая-то выгода Райху, тогда другое дело. Но ее нет. Все, что я знаю – скажу и так. Так что какой смысл?

– Где у меня гарантия, что ты действительно все скажешь? – хмыкнул Фридрих.

– А где у меня гарантия, что ты действительно дашь мне двенадцать часов? – парировал Эберлинг. – Мы должны просто поверить друг другу. Поверить в последний раз.

– Я тебе уже верил, – жестко констатировал Власов. – Думаю, будет куда надежней, если тебя допросят по всем правилам.

– Для этого меня надо еще взять, – ощерился Эберлинг. – Нет, не размахивай пистолетом. Знаешь русский анекдот: "Что вы будете делать с курицей, если она перестанет нестись? – Я ее зарежу. – А разве это поможет?" Убить меня ты можешь в любой момент, а вот взять в пригодном для допроса виде... Учти, мне терять нечего. За все, что я сделал, мне так и так полагается расстрел. Так уж лучше я погибну от пули сейчас, быстро и чисто, чем после допросов и всего прочего.

Фридрих задумался. В словах его бывшего друга был резон.

– Для того, чтобы взять Зайна и обезвредить то, что он подготовил для теракта, не потребуется много времени, – добавил Хайнц. – Если выяснится, что я солгал, ты еще успеешь объявить охоту на меня. Гораздо раньше, чем пройдут двенадцать часов и я

успею достаточно удалиться от Москвы. В противном случае... ну, ты можешь, конечно, начать кричать о теракте, не имея реальных доказательств. Да, я понимаю, что наш разговор пишется, и на сей раз мне вряд ли удастся добраться до кассеты. Но в этом же самом разговоре идет речь о программе, позволяющей изготавливать подобные фальшивки. Кто поручится, что ты – не вор, громче всех кричащий "держи вора"? Особенно после того, как ты меня застрелишь. Убийство одного офицера РСХА другим – это, знаешь ли, серьезное дело, и слова убийцы вряд ли будут принимать на веру до окончания расследования... Верю, что оно установит твою невиновность, но время будет упущено. Ты можешь, конечно, до поры скрыть мою смерть и неофициально попытаться убедить Ламберта и его службу безопасности отменить его визит в Москву. Но тебя никто не станет слушать. Ламберт убежден, что все идет по его собственному плану, и сам же первый попытается заткнуть тебя, чтоб не мешал.

– Ну хорошо, – медленно произнес Власов. – Двенадцать часов. Рассказывай.

– Ты обещаешь мне?

– Слово офицера.

– Теракт произойдет сегодня, около 14: 00, во время торжественного выступления гостей праздника на Манежной площади. Естественно, вся она оцеплена еще со вчерашнего дня, вся публика, которая будет допущена на площадь, пройдет досмотр, все окна близлежащих зданий под наблюдением, на крышах патрули. Но все это не имеет никакого значения. Зайну не понадобится даже близко подходить к площади. В нужный момент он просто нажмет на кнопку, и микрофон, в который будет говорить Ламберт, взорвется. Нужный момент он, кстати, узнает по фернзееру – речи гостей будут транслировать в прямом эфире, очень удобно. Ну то есть не совсем в прямом, конечно, а с задержкой в несколько секунд, как это всегда бывает на российском фернзеене, но это он знает и учитывает.

– Ясно. И где сейчас Зайн?

– Улица Роммеля, дом 9, квартира 3. Да, это первый этаж. Он обо всем подумал, в том числе и о возможности ухода через окна – они там, кстати, выходят на обе стороны, квартира четырехкомнатная. Во дворе его дожидается машина, "Опель Кадет", номер М 78-62 ВС. Еще есть запасной вариант, мотоцикл BMW K1000 GT, номер М 92-42 МЕ.

– Мотоцикл? Старик на мотоцикле привлечет всеобщее внимание.

– Нет, если он будет в шлеме с тонированным забралом, перчатках и мотоциклетной куртке. Старый ублюдок все еще в хорошей форме...

– Ясно. Как его здесь зовут?

– Он пользуется документами на имя Сергея Григорьевича Ступина. Что с этим человеком на самом деле, мы не знаем, но, по всей видимости, он мертв. Нами для Зайна были приготовлены документы на имя Андрея Тарасовича Петренко, ветерана дивизии СС "Галичина", гостящего в Москве. Сам Зайн родом из Украины, ты в курсе? Эти бумаги он забрал, но, насколько нам известно, до сих пор ими не пользовался. Возможно, у него есть и еще какие-то запасные "корочки", о которых мы не знаем.

– Хорошо. По Зайну что-то еще есть? (Эберлинг отрицательно мотнул головой). Тогда теперь назови имена твоих сообщников. Громко и четко, пожалуйста.

Хайнц перечислил шесть дойчских фамилий (две из них принадлежали московским оперативникам) и четыре русские.

– Негусто, – нахмурился Фридрих.

– Я говорил – в основном это пешки и посредники, – пожал плечами Эберлинг. –

Кто стоит за ними, я могу догадываться, и с большой вероятностью – но не могу утверждать наверняка. Впрочем, тебе под силу проделать те же умозаключения. Но суть и смысл операции в целом знаю только я, а не они и даже не их шефы. Учти, однако, что ты гарантировал мне двенадцать часов безопасности. Это значит, что их не должны допрашивать обо мне в течение этого времени. Сосредоточься пока на Зайне, все равно организатор и исполнитель покушения – он, без него ничего не состоится. Арестовать остальных еще успеется. Они-то ничего не подозревают и никуда не бегут.

– Гм, – мысль о том, что из-за данного Эберлингу слова придется пока оставить на свободе и других заговорщиков, Власову решительно не понравилась. – Ты гарантируешь мне, что не станешь их предупреждать? И что нет еще кого-то, кого ты знаешь, но не назвал?

– Да, конечно, – охотно подтвердил Хайнц. – Даю слово, что назвал всех, что не буду никого предупреждать, что не буду вообще ни с кем связываться и немедленно уеду из Москвы. Это тебя устраивает?

– Ладно, – вздохнул Власов. – Сейчас час ноль три. До тринадцати ноль четырех у тебя есть фора.

– Спасибо, – Эберлинг, нарочито избегая резких движений – пистолет все еще был в руке Фридриха – поднялся из-за стола. – Я понимаю, моя благодарность для тебя сейчас мало что значит... но все равно – спасибо. И поверь, мне очень жаль, что четвертьвековая дружба заканчивается... так. Но что уж тут... Вот, прими подарок напоследок, – его рука потянулась во внутренний карман куртки.

– Не двигаться!!! – Власов вскочил, вскидывая "стечкин".

– Фридрих, там не оружие, – печально улыбнулся Хайнц. – Я что, похож на героя американского боевика? Вот смотри, я достаю очень медленно... – под прицелом "стечкина" рука плавно погрузилась внутрь и вышла обратно. Эберлинг держал небольшой плоский параллелепипед из тускло блестящего металла, скругленный с одной стороны. – Вот, – сказал он, осторожно кладя предмет на стол. – Это плат Вебера. Возможно, ты окажешься сообразительней, чем я, и сможешь получить доступ к закрытым каталогам.

– Ты же сказал, что уничтожил его рехнер? – удивился Фридрих.

– Да, уничтожил. Но прежде извлек плат. Меня не покидает мысль, что пароли хранятся где-то на самом плате. Но найти их я так и не сумел... Ну ладно. Мое время уже тикает, так что не буду задерживаться и задерживать тебя.

Власов, все еще с пистолетом в руке, проводил его до двери.

– А! – воскликнул вдруг Хайнц. – Я ж тебе еще сотню должен. Не будешь стрелять, если я еще раз залезу в карман? – под пристальным взглядом молчавшего Фридриха он осторожно достал из куртки тонкую пачку разномастных российских банкнот, нашел среди них сотенную – возможно, даже ту самую – и протянул бывшему другу. Власов вдруг почувствовал, что совершенно невозможно протянуть руку и взять эти деньги – словно эта сторублевка была взяткой за то, что он давал преступнику уйти. Глупое ощущение, конечно...

Эберлинг, видя его замешательство, усмехнулся и засунул купюру в карман висевшей на вешалке в прихожей власовской куртки.

– Прощай, Фридрих, – обернулся он на пороге. – Ne pominai lichom. Время покажет, кто из нас был прав.

– Прощай.

Дверь захлопнулась. Фридрих не сомневался, что видел Хайнца в последний раз.

Kapitel 56. 17 февраля, воскресенье, предутренние часы. Москва, улица Роммеля, 9 – Можайское шоссе.

Так. Первым делом следовало проинформировать Мюллера – и так, чтобы не выдать при этом Эберлинга. И так, чтобы суметь оправдаться за эту невыдачу позже – ибо с объяснениями насчет честного слова офицера к старику, конечно, лучше не соваться... Чертов Хайнц, задал задачку.

Ладно. Пока – только самый минимум, необходимый для спасения Ламберта. И, конечно, электронной почтой, а не по телефону: прямой разговор с проницательным шефом сейчас совсем ни к чему... ну, это как раз предотвратить проще всего: Фридрих достал целленхёрер и нажал кнопку "снять трубку". Затем он уселся за нотицблок и быстро сформулировал нужные фразы: заговор, в который вовлечены сотрудники дойчских и русских спецслужб, Ламберт, бомба в микрофоне на Манежной площади. Информация из агентурного источника, непроверенная, в процессе уточнения. Фамилии предателей среди московской агентуры... – Власов стер "агентуры", написал "оперативников", выводя из-под подозрения Эберлинга – ...будут установлены позже.

Он выставил флажок "особо важно и срочно" – спит Мюллер или нет, письмо с таким флажком его разбудит – и нажал "отправить", затем зашел в личный раздел береха и кратко дополнил информацию об Эберлинге – на сей раз не скрывая основных фактов – одновременно передвинув срок автоматической рассылки на 13:05. Он, конечно, надеялся, что до необходимости в автоматической рассылке не дойдет, но кто знает... В любом случае, ошибки Вебера он не повторит.

Теперь проблема посерьезнее. Зайн. Пока что Фридрих не написал о нем Мюллеру. Формально что с санкции шефа, что даже без таковой следовало действовать одинаково: поднимать оперативников, согласовать операцию с русскими и проводить захват. Ситуация осложнялась тем, что Власов не был уверен ни в своих, ни тем более в русских оперативниках. Даже если Хайнц действительно назвал всех, кого знал, он сам признавал, что знает не всех вовлеченных в заговор. Конечно, уйти Зайну не дадут в любом случае. Но, как только станет ясно, что план заговорщиков раскрыт, одной из главных их задач станет ликвидация старого бандита. Каковая, собственно, планировалась и изначально, что лишь облегчит им дело. Не столь даже важно, окажутся предатели в группе захвата или нет. За домом на улице Роммеля наверняка наблюдают, и наблюдатели будут действовать соответственно... А Фридриху очень не хотелось, чтобы один из важнейших свидетелей по этому делу умер прежде, чем даст показания, позволив высокопоставленным участникам заговора выйти сухими из воды. Власов мог дать шанс на спасение Эберлингу – но не им, возомнившим, что ради личных амбиций позволительно играть судьбами Райха и заниматься убийствами политических конкурентов.

Фридрих не испытывал симпатий к Ламберту ни как к политику, ни как к человеку. Но Райх стоит и будет стоять на дойчском порядке – или рухнет. Возможно, когда-то Сентябрьские убийства, кто бы их ни организовал, и стали спасительными – но если ссылаться на этот пример всякий раз, когда кому-то захочется кого-то убрать...

Конечно, громкий скандал в преддверии референдума не нужен. Ну пусть не будет открытого процесса, пусть будут пистолеты с одним патроном... главное, чтобы эти люди

не оставались у руля Империи. Чтобы дело не было спущено на тормозах.

И чем больше Власов об этом думал, тем больше убеждался, что никаких гарантий нет даже в случае успешного ареста Зайна. На другой день сообщат о его смерти в тюрьме от сердечного приступа, и дело с концом... Тем более что перечень высокопоставленных заговорщиков на данный момент неизвестен, и отстранить их заранее не представляется возможным. Какая-то гарантия появится лишь в том случае, если то, что знает Зайн, станет известно кому-то еще. До того, как он попадет в руки Управления.

Идея, некогда с порога отвергнутая Фридрихом, при новом рассмотрении уже не казалась такой неприемлемой. Райхспрезидент не в курсе заговора и, следовательно, не имеет личных причин покрывать его участников. Он может исходить лишь из соображений государственного престижа. Но если компромат уже будет на руках у другой стороны, тогда единственным разумным ответным ходом станет упреждающий удар. Честное и открытое расследование и разоблачение заговорщиков.

Если оно начнется не под давлением снизу, не из-за утечек в иностранной и полулегальной прессе, а будет инициировано с самого верха, то не станет политической катастрофой – напротив, дело можно будет представить в выигрышном свете, как доказательство, что система эффективно очищается от перерожденцев, какие бы высокие должности они ни занимали. Ретивые пропагандисты наверняка еще и припишут заговорщикам связи с атлантистами, что будет, конечно, неправдой, но, пожалуй, тоже не повредит... Правда, Ламберту и его ортодоксам эта история пойдет на руку. Его обвинить не в чем – разве что в том, что он геройски рисковал собой, дабы покончить с Зайном, и был жестоко обманут подлыми заговорщиками. Хотя, с другой стороны, политик, позволивший обвести себя вокруг пальца, заметно теряет авторитет. Дойчлянд – это не Россия, где принято жалеть неудачников...

Фридрих подумал о Бобкове – вот уж кто точно был заинтересован в раскрытии заговора – но личность генерала с его, мягко говоря, сомнительной лояльностью Райху не вызывала у него энтузиазма. Еще, чего доброго, поднимет шум до того, как Райхспрезидент успеет начать действовать... Опять же, чтобы его соединили с генералом посреди ночи, придется убеждать по телефону нескольких человек, и неизвестно, что это за люди.

Власов отыскал в стопке визиток синюю карточку. Лучше бы всего, конечно, заручиться предварительным согласием Мюллера. Старик отнюдь не дурак, и все соображения, промелькнувшие в уме Власова, понятны и ему. И недаром он сам дал санкцию на контакт с израильтянами и "неточное следование инструкциям". С другой стороны, Мюллер, особенно в свете открывшегося заговора, понимает и тот факт, что кресло под ним шатается. И что даже в случае победы – особенно если она будет не абсолютной – любое сомнительное решение может быть истолковано не в его пользу. А решение сдать Зайна Израилю уж точно из категории сомнительных. Одно дело – сотрудничать с Моссадом, когда ничего еще толком не известно и любая информация может быть полезной, пусть за нее и придется платить собственной информацией. И совсем другое – отдать Зайна, когда он уже практически в руках РСХА... А если Мюллер не согласится, против прямого запрета Власов, конечно же, не пойдет. Значит, единственный выход – действовать на свой страх и риск... Фридрих нажал на целленхёрере "сброс" и набрал номер. Он еще не был уверен, что станет продолжать разговор, если ответит какая-нибудь секретарша...

– Слушаю, – раздался в трубке голос Гуревича уже после второго звонка. Стало

быть, тот дал Власову прямой телефон. Прямой телефон, позволяющий позвонить послу Израиля во втором часу ночи... Голос, кстати, не заспанный.

– Вы узнаете, кто это? – спросил Фридрих так же по-русски. Он понимал, что уж этот-то разговор точно пишется, хотя бы из утилитарных соображений – дабы не пропало ни слова из информации, которую он собирается сообщить. Как, впрочем, понимал и то, что при необходимости его нетрудно будет вычислить. И все же предпочел не говорить напрямую.

Крохотная пауза, затем все такой же внешне спокойный ответ: – Да.

– Каждый охотник желает знать, где сидит фазан, – сказал Власов. Слышанная в детстве от отца присказка, означающая цвета радуги, пришлась на удивление в тему.

– И? – в тоне Гуревича не было удивления. Он явно понял, о чем, точнее, о ком идет речь.

– Некоторые охотники уже знают. Другие скоро узнают. И застрелят фазана, чтобы он не достался никому.

– Если те, кто хотят поймать фазана, не будут расторопны, – подхватил мысль Гуревич. – Но они будут. Итак, где?

– Сначала мне нужны гарантии, что вы поделитесь с нами всем, что достанете из фазана, – ответил Фридрих и решил для определенности все же отойти от иносказаний: – Все записи. Все протоколы.

Снова крохотная пауза.

– Мое слово, – произнес израильтянин. – Вы знаете, что это единственная гарантия, какую я могу вам дать. Плюс законы арифметики.

Фридрих сообразил, о какой арифметике речь. В течение тех нескольких суток, что Зайн будет находиться в руках своих соплеменников, его будут допрашивать непрерывно, не давая спать и поддерживая в сознании препаратами. Стало быть, суммарное время видеозаписи всех допросов будет практически равно времени его нахождения в их руках – минус затраты на транспортировку. Если из записи вырезать сколь-нибудь протяженный отрывок, это станет заметно.

– Хорошо, – согласился Власов. – Роммеля, девять, три. И обойдитесь без стрельбы.

– Она так же не в наших интересах, как и не в ваших, – заверил Гуревич. – Что-нибудь еще?

Фридрих назвал ему номера машины и мотоцикла Зайна и дал отбой. Затем принялся писать следующее донесение Мюллеру – с теми же сведениями, какие сообщил Гуревичу, плюс дополнительными, освещающими роль Зайна в этой истории. Формально фора, которую он дал израильтянам, исчерпывалась считанными минутами, что в большом городе и вовсе не является форой; все зависит от того, кому откуда придется ехать. Однако Власов догадывался, что моссадовцы уже несколько дней стояли на низком старте, ожидая подобной весточки, и рванули за добычей сразу же – а у Управления уйдет еще некоторое время на организацию операции.

Ответное письмо пришло четыре минуты спустя, сразу на оба сообщения. Чуть позже, чем ожидал Фридрих – видимо, Мюллер, в отличие от Гуревича, в это время все-таки спал. Как Власов и предполагал, послание было лаконичным.

"1, 2 – понял. Нет связи с Хайнцем. Вы знаете, где он?"

Ну да, конечно. Ведь именно он должен заниматься Зайном.

"Нет", – отстучал на клавиатуре Фридрих. Это была чистая правда, и все равно он

чувствовал себя лжецом. А ведь так, пожалуй, старик отвлечет часть сил на поиски Эберлинга – не чтобы его арестовать, а чтобы ему помочь... Впрочем, нет. Шеф прекрасно знает, какая задача сейчас приоритетна.

Минута – и в ящик падает новый ответ.

"Тогда общее руководство захватом на вас. Он нужен живой. Вам виднее на месте, кому там сейчас можно доверять. Постарайтесь обойтись без русских. Телефон не освободился?"

Нет, Мюллер не будет крайним в этом деле. Во всяком случае, единственным крайним. Сейчас он переложил ответственность за подбор персонала и общий исход операции на Власова, причем сделал это вполне логичным и естественным образом. Фридрих действительно сейчас наилучшим образом осведомлен, кому из оперативников не следует доверять. Хотя руководство группами захвата – не его специализация. Но если Зайна не удастся взять живым, виноват будет понятно кто. Или если его уведут из-под носа РСХА израильтяне. Впрочем, нет, Фридрих не даст повода к себе придраться. Больше никаких фор Гуревичу. Теперь Власов будет работать без дураков, и если Моссад не успеет – значит, Израиль не использовал свой шанс.

"Понял, – отстучал Фридрих. – По телефону могут в любую минуту прийти новые сведения."

Теперь – отобрать команду. Власов уже перебрал мысленно московских оперативников, но сейчас торопливо перелистал их досье на экране рехнера, проверяя, не упустил ли он что-нибудь существенное. Впрочем, досье ничего не гарантируют – у тех, кого назвал Эберлинг, они тоже были безупречны... Так или иначе, время идет, сомневаться некогда. Непосредственно командовать захватом Фридрих, конечно, не собирался – все же каждый должен заниматься своим делом. Командиром группы он решил назначить хауптмана Конрада Шрамма, на счету которого уже имелось восемь успешных операций, связанных с захватом или освобождением захваченных. Шрамму приходилось работать в самой Америке, и нынешнюю свою командировку в союзную Россию он, должно быть, воспринимает как отдых – или даже как знак начальственной немилости. Случайно ли он оказался здесь, или это предусмотрительность Мюллера? Так или иначе, пора ему вспомнить славное прошлое. Фридрих набрал его номер – тот, который, согласно иструкции, надлежало использовать лишь в чрезвычайных ситуациях. Несмотря на ночь, Шрамм отозвался моментально, даже быстрей, чем Гуревич – вот что значит выучка профессионала. Власов назвал свой пароль и добавил: "Код 'змеи'." Это означало – предатели среди своих.

– Принял, "змеи", – ответил Шрамм. Его голос был ровным, хотя можно было представить, какой гнев вызывало у образцового бойца это известие.

Фридрих лаконично поставил ему задачу, подчеркнув необходимость предотвратить ликвидацию Зайна (и умолчав, естественно, об израильских конкурентах), и перечислил отобранных членов группы.

– Понял, – ответил Шрамм и повторил перечень фамилий. Фридрих, ожидавший, что он, как более компетентный в данном вопросе, как-то прокомментирует его выбор, подумал, что беспрекословная исполнительность идеальных солдат иногда все же раздражает.

– Вопросы, возражения? – осведомился он.

– Никак нет.

– Тогда исполняйте. Связь на частоте 133.2, – эта частота отличалась и от

стандартной, и от резервных, каковые могли прослушиваться заговорщиками. – Позывной – "егерь", объект – "фазан". Группой командуете вы, но я тоже прибуду на место.

– Так точно, – снова Власов подумал, что за бесстрастным уставным ответом на самом деле скрывается неудовольствие. Профессионалы (и сам Фридрих не был исключением) не любят, когда кто-то путается у них под ногами, в особенности если этот кто-то – с начальственными полномочиями. И, в принципе, назначив командира группы, он мог спокойно оставаться дома и ждать докладов. Но если взять Зайна не удастся, первым делом ответственному за операцию поставят в вину, что он не проконтролировал ее лично – хотя это и не было его обязанностью. И кроме того – при наихудшем развитии событий только он сможет остановить стрельбу.

Фридрих встал из-за стола, взял пистолет и запасную обойму, затем бросил сомневающийся взгляд на плат Вебера. Брать его с собой было опасно – мало ли как будут развиваться события, плат может пострадать... но оставлять без присмотра, пусть даже и на точке С, в свете открывшихся обстоятельств тем более не хотелось. Да и будет ли вообще прок от этих зашифрованных данных? Все же он взял плат в левую руку и пошел в прихожую.

Теплее и уютнее на улице, естественно, не стало; Фридрих чуть не поскользнулся у самого подъезда и подумал, что ехать по городу, где мороз прихватил все, что натаяло днем, придется с осторожностью. Было не очень темно: рассеянный свет огней большого города отражался от низко нависших над Москвой туч, вновь меланхолично сеявших редкий снежок. Переулки были, естественно, пустынны, хотя с Нового Арбата, где с часу ночи вновь открыли движение, то и дело доносился шум машин – главные артерии российской столицы не затихают ни на минуту даже в самые глухие ночные часы.

Улица Роммеля, однако, к главным никак не относилась. Расположенная на западе Москвы почти возле кольцевой, к северу от Можайского шоссе, она представляла собой практически такую же рабочую окраину, как Ореховый бульвар. Или улица Гудериана... Фридриху вдруг подумалось, что в Москве есть улицы, названные в честь каждого из трех триумвиров, но все они достаточно захолустные. Не идущие ни в какое сравнение с тем же Новым Арбатом, не говоря уже о Власовском проспекте. Фридрих с удивлением понял, что это вызывает у него странное смешанное чувство – он даже не мог определить, преобладает в этом чувстве досада или гордость.

Так, к черту эти славянские самокопания. Надо думать о деле.

Зайн, конечно, недаром выбрал себе жилище в таком месте – в одной из типовых многоподъездных многоэтажек, где сроду не было консьержек, соседи плохо знают друг друга, и к тому же квартиры часто сдаются небогатым приезжим; причем покинуть город отсюда можно очень быстро, и разными путями – на машине или на электричке. Но все это работает лишь до тех пор, пока охотники не знают, где сидит фазан... Впрочем, может быть, они едут к разоренному гнезду, и добыча уже у юде? Если так, пусть они уже унесут ноги. В общей сложности у них было более пятнадцати минут форы, вполне могли успеть.

Теперь, когда ответственным назначили лично его, Власов уже не был уверен, что это лучший вариант – но пусть лучше так, чем перестрелка. Фридрих вставил в ухо наушник, закрепил у подбородка миниатюрный микрофон и настроил нужную частоту.

– Первый – Егерь. Контроль связи.

– Егерь-два – Первый, связь хорошая, – немедленно откликнулся Шрамм. – Выходим на позицию, пока все спокойно.

Все-таки отличные ребята эти оперативники. Управились на удивление быстро,

особенно учитывая, что операция заранее не готовилась, им пришлось вскочить посреди ночи и куда-то мчаться, прорабатывая план уже в пути... Тут Власов вспомнил о заговорщиках в их рядах, и его настроение вновь испортилось.

Он замедлил скорость, сворачивая на улицу Роммеля и всматриваясь в полумрак, едва рассеиваемый горевшими вполнакала фонарями. Ага. К дому номер 9 подкатывал длинный фургон. Кажется, с какой-то рекламой, намалеванной на борту. Не очень подходящее время для коммерческих перевозок... а вот идея правильная: едва миновав ближний к первому подъезду угол дома, фургон останавливается параллельно фасаду с внешней стороны здания, прикрывая окна квартиры Зайна от возможных снайперов из дома напротив. Ну и затрудняя бегство через эти окна, само собой. Власов остановил машину: не нужно еще и ему соваться слишком близко, тем паче что его автомобиль следящие за Зайном могут узнать. С занятой позиции ему была видна внешняя стена и торец здания. Меж тем уже сейчас кто-то должен взять под контроль окна с противоположной стороны и дверь подъезда...

– Егерь – Егерь-пять! У подъезда – машина "Скорой помощи" с включенным двигателем.

Черт. Ну и где же ваша расторопность, господин Гуревич?! Хотя, конечно, это может быть и самая обычная "скорая", прибывшая к кому-то по вызову. Но почему-то Фридриху в это не верилось.

– Водитель у меня на мушке, – доложил пятый несколько секунд спустя.

– Пятый – первый, отставить! – рявкнул Фридрих прежде, чем Шрамм успел отдать какую-либо команду. – Никому не стрелять.

– Это не боевой, это транквилизатор, – пояснил командир группы с оттенком снисходительности.

– Все равно, – стоял на своем Власов. – Нет необходимости. Если это просто врачи, они сделают свое дело и уедут. Мы должны ждать и наблюдать за квартирой. Вы не согласны, Егерь-два?

– Согласен, – ответил Шрамм после крохотной заминки. – Егерь-пять, держи его на мушке, но никаких действий без команды. Какой номер машины?

– М 03-29 АА.

– Пробей по доповской базе, – велел Шрамм вполголоса. Позывной он при этом не назвал – очевидно, обращался к кому-то, кто находился рядом с ним в фургоне. Это, конечно, была не полная доповская база, со всеми спецномерами – если бы Управлению удалось получить доступ к такой, Власов бы это знал. Это лишь официальная ее версия, которой русские поделились с союзниками – но номера машин городских служб в ней есть.

– Егерь – Егерь-четыре, в квартире со стороны улицы шторы задернуты, свет через щели нигде не просачивается, тихо.

– Егерь-шесть, подтверждаю со стороны двора, – тут же прозвучал второй доклад.

Фридрих, разумеется, понимал, откуда у находящихся снаружи эта уверенность в тишине внутри квартиры: невидимые глазом лазерные лучи, отраженные от оконнных стекол, фиксируют малейшую вибрацию, позволяя подслушивать хоть сколько-нибудь громкие разговоры и другие звуки.

– Егерь-три, по базе это действительно номер московской "скорой", – доложил третий. Но Шрамм был не так прост.

– Какого участка? – спросил он.

Последовала пауза, во время которой в эфире ничего не происходило, а затем торжествующий голос третьего возгласил:

– Таганский район! Здесь ей делать нечего!

Значит, номера поддельные. Значит, это точно Моссад. Группа, конечно, не знала, что это Моссад, но должна была понять, что это не заговорщики, следящие за Зайном. Те знают его адрес уже давно и, если они не совсем глупы, подделали бы номер, соответствующий району.

Но прежде, чем кто-нибудь озвучил в эфире этот очевидный вывод, четвертый и шестой практически хором крикнули:

– В квартире звонок!

– В квартире звонит целленхёрер!

И почти сразу же началась стрельба.

Стреляли внутри квартиры; одна из пуль пробила окно и срикошетила от стенки фургона, но вряд ли это было целенаправленно.

– Егерь-пять – Егерь-два, огонь! – скомандовал Шрамм. – Егерь, "лавина"!

"Лавина" означала команду на штурм по быстрому варианту, без деликатничанья со скрытным проникновением в помещение. Фридрих открыл было рот, чтобы отменить приказ, но тут же раздумал. Шрамм находился в положении, которому не позавидуешь: лезть в гущу перестрелки, не имея представления об обстановке – последнее дело. Но у него был приказ взять Зайна живым, а с каждой секундой и каждым выстрелом шансы на это уменьшались. И, вырубая водителя скорой, он тоже был прав – он просто уменьшал число неизвестных в критичном по времени уравнении.

– В "скорой" могут быть союзники, – только и сказал Фридрих.

– Без необходимости не убивать, – согласился Шрамм. – "Фазана" – только живым.

Значит, "егеря" не будут стрелять на поражение по израильтянам, пока не сочтут, что те реально угрожают их жизни. Уже хорошо. Но если у моссадовцев хватит дури наставить оружие на ворвавшихся... Гуревич, конечно, обещал, что стрельбы не будет, но фактически она уже началась, пусть и не по вине израильтян...

– Егерь – Егерь-пять, снять водителя не удалось, бронестекло!

Так, подумал Власов. Этого следовало ожидать. Как теперь объяснить Моссаду, что группа Шрамма – это не те, кто хочет убрать Зайна? И что будет делать Шрамм – штурмовать на глазах у сидящего в бронированном микроавтобусе противника?

– Егерь, ждать команды! – отложил штурм хауптман. – Что "скорая"?

– Разворачивается и пытается уехать в переулок!

– Не препятствовать! Егерь... пошли! Осторожно спины!

Фридрих видел, как из открывшихся в правом борту фургона потайных дверей выскакивают фигуры в белых маскировочных комбинезонах и шлемах, одновременно разбивают стекла всех трех окон квартиры и запрыгивают внутрь. Очевидно, то же самое происходило сейчас и с другой стороны дома – с той разницей, что там их не прикрывает фургон. Впрочем, стрелять им в спины все же будут вряд ли. Если за двором и наблюдают, то интересуют их не оперативники, а Зайн. Опасность будет при выходе. Но там добычу надежно заслонят специальными щитами...

– Егерь-три, в первой пусто!

– Егерь-восемь, в четвертой пусто!

Фридрих мысленно представил себе план квартиры, с которым уже успел ознакомиться. Комнаты пронумеровали вдоль каждой стороны от входа к торцовой стене.

Первая и вторая – те, что выходят на улицу, третья и четвертая – во двор. Плюс еще кухня, перед первой комнатой.

– Егерь-шесть, в третьей пусто!

– Егерь-три, в коридоре труп! Не "фазан"!

– Егерь-четыре, во второй пусто!

– Егерь-семь, в кухне два трупа и следы крови. Кого-то тащили. "Фазана" нет. На полу матрас, кажется, тут он и спал. А потом использовал его в качестве щита.

Да, подумал Фридрих, от усыпляющих пуль матрас – вполне надежная защита. А сам Зайн, конечно, стрелял боевыми. И то, что он, снимая четырехкомнатную квартиру, спал на полу на кухне и с оружием (и, скорее всего, в одежде) – это умное решение. Да, старый ублюдок предусмотрителен... Хотя его это не спасло. Наверняка захват прошел бы гладко, если бы не звонок – судя по всему, израильтяне были уже в квартире, когда он раздался. И нетрудно догадаться, кто звонил. Те самые, что следили за домом, поняли, что ликвидировать Зайна во время захвата будет весьма затруднительно, и решили, по крайней мере, его разбудить, в надежде, что он сам о себе позаботится. Значит, они выяснили даже номер его целленхёрера – об этом Эберлинг не сказал... хотя, возможно, и сам был не в курсе? Так или иначе, этот звонок застал моссадовцев врасплох – счастье еще, что не группу Шрамма. Интересно, откуда кровь – израильтяне, понеся потери, перешли на боевые? Скорее, нет – тащили кого-то из своих раненых...

Все эти мысли стремительно пронеслись в голове Фридриха, пока "егеря" докладывали результаты осмотра ванной, туалета, стенных шкафов... "Фазана" нигде не было. Равно как и кого-либо еще, не считая уже найденных трех мертвецов. Меж тем пятый докладывал, что во дворе все по-прежнему спокойно, из подъезда никто не выходил. В нескольких окнах на нижних этажах дома зажегся свет, кое-где к стеклам прижались силуэты любопытных – жителей разбудили выстрелы. Фридрих подумал, что это характерно для непуганных жителей городов с низким уровнем преступности. Даже в этом рабочем районе шпана наверняка имеется, но до перестрелок не доходит. А вот нью-йоркцы, к примеру, хорошо знают, что если на улице слышна стрельба, к окнам лучше не подходить, а уж тем более нельзя зажигать свет и становиться отличной мишенью на его фоне. Да и окна первых этажей там все в железных решетках, как в тюрьме. В нормальных странах за решеткой сидят воры и бандиты, а у там – мирные жители, вынужденные прятаться от воров и бандитов, разгуливающих по улицам...

– Четвертый на площадке, лифт едет вверх, – прозвучал доклад, вернувший Фридриха к более актуальной теме.

– Третий – проверь подвал, четвертый – прикрываешь в подъезде, остальные наверх! – скомандовал Шрамм.

Лифт, конечно, мог быть и отвлекающим маневром, но скорее они действительно рванули наверх, а не в подвал, подумал Власов. Через подвал выбраться сложно, тем паче с грузом, если только заранее не подготовить себе путь, а на это у них не было времени...

Стоп, а что, если это все-таки не "они", а Зайн – раненый, но живой, убивший всех, кого за ним послали? Он-то мог подготовить себе отход через подвал... Но вряд ли Моссад послал за Зайном только троих. Они-то знали, что за птицу ловят, этот фазан прикончил уже многих охотников...

– Егерь-три, подвал заперт на висячий замок, – подтвердил предположения Власова оперативник. Шрамм велел ему остаться с четвертым прикрывать лифт и подъезд. Все ли моссадовцы едут в лифте? Он, кстати, в этом доме рассчитан максимум на пятерых, а с

учетом веса, да и объема, бронежилетов, оружия и снаряжения цифру надо понизить до четырех. Вполне вероятно, что еще пара израильтян сейчас тоже бежит вверх по лестнице, оставаясь впереди дойчей. Фора у них – всего около минуты. Но они могут устроить на лестнице заслон, прикрывая бегство остальных. А куда денутся остальные? Ломиться в квартиры им смысла нет, значит, либо на крышу, либо на пожарную лестницу, а оттуда – в другой подъезд...

Фридрих подал машину вперед, подъезжая к дому. Неухоженные балконы пожарных лестниц поднимались вверх, стиснутые с боков преимущественно застекленными жилыми балконами соседних подъездов. И вот на балконе восьмого этаже Власов заметил какое-то движение, едва, впрочем, различимое в темной нише. Едва Фридрих доложил об этом, те же белесые тени мелькнули этажом ниже. Они спускались по пожарной лестнице вниз, надеясь обмануть устремившуюся вверх погоню!

Шрамм немедленно послал четверых оперативников на пожарную лестницу (несколько секунд раньше, и они бы встретились с беглецами, но и теперь участников двух групп захвата разделяла лишь пара пролетов), но двоим все же велел подниматься вслед за лифтом, остановившимся на последнем этаже. Меж тем беглецы, убедившиеся, что обнаружены, на уровне четвертого этажа лихо перемахнули на балкон второго подъезда и, не церемонясь, высадили окно чьей-то кухни. Однако при этом их увидел не только Фридрих, медленно ехавший по противоположной стороне улицы, но и Шрамм из своего фургона.

– Егерь – Егерь-два! Отставить пожарную лестницу, там всего двое! Все – на крышу, третий и четвертый – на лифте!

Крыша собственного автомобиля мешала Фридриху разглядеть крышу тянувшегося справа от него здания. Впрочем, если израильтяне бегут не возле края, их отсюда все равно не увидеть... Через какой подъезд они попытаются спуститься? Выбор у них есть... Фридрих решил обогнуть дом с противоположного торца и заехать во двор. Не исключено, что снайперы заговорщиков сейчас тоже пристально следят за подъездами. Получается, он рискует жизнью, дабы спасти от гибели одного из самых гнусных врагов Райха – ну не ирония?

И тут, едва он проехал мимо торца, где-то впереди взревел мотор, и из-за соседнего дома на полной скорости вылетела "скорая". Власов поспешно свернул, опасаясь столкновения; несмотря на маленькую скорость "BMW", машину занесло на наледи, и она ткнулась в сугроб. Фридрих с проклятьем дал задний ход, колеса заскользили, буксуя на месте, так что Власову оставалось лишь наблюдать, как "скорая" тормозит и почти прижимается боком к торцовой стене. В ее крыше открылся большой люк (вообще говоря, не предусмотренный конструкцией подобных микроавтобусов – как, разумеется, и броня), и Фридрих, посмотрев наверх, увидел, как по двум тросам, сброшенным с крыши дома вдоль торцовой стены, стремительно скользят вниз четыре фигуры. Две из них удерживали в вертикальном положении носилки с привязанным к ним телом; из двух других один, похоже, поддерживал второго. Фридрих невольно восхитился физической подготовкой моссадовцев, сумевших проделать все это с раненым, пленником и дойчскими оперативниками на хвосте. И они все-таки взяли живым неуловимого Зайна – с потерями, но взяли... лишь увидев это своими глазами, Власов понял, что сомневался в этом до последнего момента. Буквально через несколько секунд спустившиеся исчезли в люке, и "скорая", с визгом стронувшись с места, вырулила на пустынную улицу Роммеля и помчалась прочь.

– Первый – второй, "фазан" у них? – крикнул Шрамм, не видевший из фургона, что произошло у торцовой стены.

– Да, – коротко ответил Фридрих.

– Мне нужна еще минута, чтобы забрать людей! Сможете пока их преследовать в одиночку?

Фридриху очень хотелось ответить отрицательно, но в тот же миг его машина, наконец, сползла с наледи и вновь ощутила уверенное сцепление с дорогой.

– Да, – вновь произнес Власов, выворачивая на улицу следом за "скорой", успевшей, впрочем, уже довольно прилично оторваться. Фридрих не был уверен, что сумеет ее догнать, даже несмотря на форсированный движок "BMW". Даже на стандартной "скорой" мотор не из последних, а уж на этой... Хотя аэродинамика у микроавтобуса, конечно, похуже, чем у легковой машины. Впрочем, гонкам сейчас мешает состояние дороги... А еще меньше Фридрих был уверен, что станет делать, если догнать моссадовцев все же удастся. Если он попытается переговорить с Гуревичем прямо из машины, есть немалый риск, что разговор засекут. Впрочем, Гуревич тоже не дурак. Ему, конечно, докладывают о ходе операции, и он, вполне возможно, найдет дипломатическое решение прежде, чем закончится погоня. Может быть, даже выйдет напрямую на власовское начальство. Теперь, когда Зайн в руках юде, давешняя договоренность поделиться результатами может быть оформлена как бескорыстный акт доброй воли со стороны израильских спецслужб... бескорыстный, конечно, в той мере, в какой им дадут спокойно уйти вместе с добычей. Ладно, пока будем изображать служебное рвение, а там посмотрим. Фридрих еще чуть-чуть притопил акселератор, хотя делать это ему не хотелось – он чувствовал, что машина не слишком устойчива на дороге.

"Скорая" рвалась к Можайскому шоссе. У уходящих от погони есть две тактики: либо пытаться замотать преследователей в переулках, либо выходить на прямую и стараться оторваться чисто за счет мощи движка. Кстати, то же верно и для самолетов, только вместо переулков там маневрирование в воздухе... Моссадовцы избрали вторую тактику, понимая, что более массивный автомобиль на скользкой дороге имеет мало шансов на виражах. На микроавтобусе включили сирену и мигалки. Привлекать лишнее внимание им сейчас, конечно, ни к чему, но проблемы с допо нужны еще меньше. А если ты едешь без спецсигналов на скорости, более чем вдвое превышающей разрешенную в городской черте, такие проблемы гарантированы даже глухой ночью на окраине. Фридрих тоже об этом помнил, но номер его машины – в специальном списке, ему мешать не должны. А вот есть ли такая же договоренность относительно фургона? Если кое-кто переиграл в секретность и снобизм по отношению к русским, это не факт...

Словно в ответ на его мысли откуда-то сбоку и впереди вынеслась полицейская "сука", тоже с включенной цветомузыкой – и, словно настоящая легавая собака, мигом взяла след "скорой". Или, может быть, просто поехала по своим, несомненно важным, делам в том же направлении? Но интуиция Власова, как обычно, не верила в случайные совпадения. Что-то им надо от этой "скорой", и, конечно, не выписать штраф за превышение скорости. Скорее всего, это не допо. Кто-нибудь из жильцов на улице Роммеля наверняка вызвал полицию – если не слышавшие выстрелы, то уж точно обитатели той квартиры, через которую проломились с балкона на лестницу двое израильтян. Интересно, кстати, удалось ли уйти этим двоим? Шрамму быстро стало не до них, а до приезда полиции время еще было.

Быстро, однако, эта "сука" объявилась. *Слишком* уж быстро. И сейчас, кстати,

мчалась словно по гоночной трассе в Тушино. Даже если бы Фридрих выжал из своего мотора неразумный по такой погоде и времени суток максимум, он все равно отставал бы от русских – разве что несколько медленней, чем сейчас. А вот к "скорой" "сука", напротив, постепенно приближалась...

Когда полицейская машина оказалась примерно посередине между "BMW" и "скорой" – других машин на шоссе в эту пору не было – левое заднее стекло "суки" опустилось. Фридрих не видел этого и даже не очень хорошо различил во мраке на таком расстоянии, что за предмет высунулся в окно – но сразу же понял, что это такое. Фаустпатрон, или, как это называется у русских, ручной противотанковый гранатомет.

Фридрих ничего не мог сделать. Не мог даже стрелять по "суке" из "стечкина" – с водительского места он мог высунуть в окно лишь левую руку, а значит, все равно бы не попал, тем более с такой дистанции, да и вряд ли пистолетная пуля причинит большой урон спецмашине... Да и времени прицелиться у него уже не было. Он мог лишь бессильно наблюдать, как полыхнул факел уносящейся вперед ракеты – зрелище, не раз виденное им из кабины истребителя... а потом ракета поразила цель.

Взрывом корму "скорой" подбросило вверх. Пару секунд машина еще ехала на передних колесах, а потом ее резко кувыркнуло через нос, снова подбросило при ударе крыши об асфальт и развернуло поперек дороги, где она покатилась, кувыркаясь уже вокруг продольной оси, охваченная пламенем, с каждым ударом разбрасывая вокруг осколки стекла и еще какие-то ошметки. Последние несколько метров она проскользила на боку и, наконец, замерла. Удивительно, но сирена, в отличие от сразу разбившихся мигалок, доработала почти до конца и лишь за секунду до остановки смолкла с последним агонизирующим стоном.

Однако перегородивший дорогу разбитый автомобиль сумел отомстить своему убийце. Слишком поздно водитель "суки" понял, что не следовало в охотничьем азарте так разгоняться по скользкой дороге. Затормозить он уже не успевал, так что попытался объехать "скорую" по встречной, но машину занесло, завертело волчком и бросило на тротуар, где она со всего размаха впечаталась в фонарный столб.

В следующий миг огненная вспышка слилась с грохотом взрыва.

Фридрих знал, что в жизни попавшие в аварию автомобили взрываются гораздо реже, чем в кино, но в данном случае удивляться не приходилось – наверняка израсходованный на "скорую" боеприпас был в "суке" не единственным.

Опасность грозила и Фридриху, но он в момент выстрела находился вдвое дальше и успел, аккуратно притормаживая, погасить скорость. Остановившись практически у горящей "скорой", он тут же сдал назад, на случай, если в ней тоже рванет бензин или что похуже.

Однако его ожидал другой сюрприз. Покореженная задняя дверь микроавтобуса со скрипом откинулась на дорогу, и из салона на четвереньках выбрался человек. Одежда на нем тлела, и он с видимым усилием дважды перекатился по мокрому асфальту, чтобы полностью ее загасить. А затем – Фридрих не верил своим глазам, после такой-то катастрофы – поднялся и, хромая на обе ноги и горбясь, побежал прочь от шоссе, с явным намерением затеряться между ближайшими домами.

Власов уже не сомневался, кто это, и лишь поражался живучести старого ублюдка. При захвате ему, разумеется, вкатили изрядную дозу транквилизатора, но, как видно, боль при аварии привела его в чувство. Вероятно, ненадолго – скоро он снова свалится... но, в любом случае, его надо хватать как можно скорее. Со "стечкиным" наготове Фридрих

выскочил из машины и побежал следом.

Он никогда не был хорошим бегуном, а после той роковой посадки – тем более, однако Зайн, разумеется, находился в куда худшей форме, так что Власов настиг его уже через несколько десятков метров, в проходе между глухой торцовой стеной жилого дома и каким-то закрытым по ночному времени магазином.

Зайн, слыша за собой топот и дыхание преследователя, попытался сделать отчаянный рывок, но поскользнулся и упал в снег; Фридрих тут же навалился сверху. Наручников у него при себе не было, пришлось вязать террористу руки за спиной своим собственным ремнем, что было неудобно и небезопасно; впрочем, враг, похоже, окончательно выдохся.

Затянув ремень потуже, Власов слез со своего пленника и рывком перевернул его, дабы исполнить то, что ему давно хотелось – заглянуть старому убийце в глаза.

В лице, освещенном дежурным светом магазинной витрины, уже не было ничего от того исполненного достоинства облика старого заслуженного воина, который Фридрих видел мельком в аэропорту. В нем не было даже испепеляющей ненависти фанатика. Это лицо – покрытое ожогами и кровоподтеками, испачканное кровью, с налипшими комочками грязного московского снега – было лицом изможденного, измученного, смертельно уставшего старика. Но глаза... глаза Зайна смеялись.

– Хазер, – выдохнул он, демонстрируя отсутствие нескольких зубов во рту, – ты думаешь, что поймал меня, хазер? Вы всегда были кретинами, и всегда будете.

Затем он, продолжая улыбаться, отчётливо произнес несколько непонятных слов – скорее всего, на иврите. С последним из них тело Зайна дернулось, подбородок задрался, и глаза разом утратили осмысленное выражение. Фридрих не мог поверить, щупал пульс на шее, оттягивал веки, подозревая очередную уловку. Но сомнений не оставалось: один из самых опасных террористов в истории был мертв. Именно сейчас, когда столько усилий – и жизней! – было потрачено, чтобы взять его живым... И что-то подсказывало Фридриху, что он умер не от полученных травм. Они были серьезными, но отнюдь не смертельными. Он... словно бы прочитал древнее юдское заклинание, и оно сработало.

Бред, бред, раздраженно мотнул головой Фридрих. Никакой мистики не бывает и не может быть. Это какой-то фокус, самовнушение или что-то вроде... Не об этом сейчас надо думать. Надо обыскать тело.

Действительно, моссадовцы утаскивали Зайна в такой спешке, что не забрали у него ничего, кроме оружия. Возможно даже, они проглядели какой-нибудь ножичек, посредством коего Зайн освободился от ремней, привязывавших его к носилкам – или же "заслуга" этого освобождения целиком принадлежит аварии? Власов одёрнул себя: привычки аналитика мешают оперативной работе. Сейчас нужно не думать, а смотреть и запоминать.

Поначалу в улове Фридриха не было ничего необычного. Бумажник с деньгами, около трех тысяч рублей наличными – немало, конечно, но для Зайна вполне естественно. Пластиковые карточки. Документы на имя Ступина и еще какого-то Корнейченко. Билет на самолет во Францию, улетающий этим вечером – этот наглец думал, что ему, тем паче после успешного теракта, позволят пройти контроль и улететь? А, вот и запасной вариант – билет на поезд до Иркутска для Корнейченко... уж не через Китай ли он собирался удирать? И он готов был к бегству – спал в одежде и со всем этим...

Но вот из внутреннего кармана мертвеца Власов выудил длинный конверт авиапочты, из плотной бумаги, с пятью наклеенными марками. Бросились в глаза

иностранные печати, корявые дрожащие буквы адреса – так мог писать пьяница, человек с психомоторными расстройствами или, скажем, дряхлый старик – и оттиснутый на конверте типографским способом обратный адрес, написанный по-английски: приют "Тихая гавань", штат Нью-Йорк, США.

Что это такое – Зайн получает письма из американского дома престарелых? У него там какой-нибудь родственник или друг? Нет, только не у Зайна – вот уж кто был напрочь свободен от сентиментальных глупостей. Фридрих сунул руку в распечатанный конверт и извлек оттуда тонкий листок размером в половину тетрадного. Нет, сентиментальный вздор тут явно был ни при чем. На листке не было ни приветов, ни "пока" – если уж на то пошло, там не было вообще ни одного слова. А были выведенные тем же ужасным почерком восемь цифр. Власов перевернул листок. С обратной стороны уже другим почерком, карандашиком, еле различимо было выведено: "1Пр 4С 17-803". Что это – почерк самого Зайна? А возраст сказывался – раньше он всякие коды хранил исключительно в памяти, а теперь, готовясь к бегству, предпочел все же записать. Вес конверта показывал, что там есть что-то еще, и потяжелей простого листка. Фридрих заглянул внутрь и обнаружил плоский металлический ключик, не похожий на дверные. Ключ от камеры хранения? Или от банковской ячейки... Тогда цифры и буквы – это номер ячейки и код. "1Пр" – вероятно, название банка. Почему-то в голову пришло идиотское "Первый Пролетарский Банк". Нет, конечно. Наверное, Первый Промышленный или что-то в этом роде. Надо будет проверить, какие "первые" банки есть в Москве.

Поколебавшись, Власов сунул конверт со всем его содержимым к себе в карман. Прочее он возвратил мертвецу, для описи по стандартной процедуре. Впрочем, ее теперь будут проводить русские – после всего случившегося с ними придется объясняться, и уж им сдавать ячейку не следует ни в коем случае. Но и своим... сначала он узнает, что в ней, а уж потом решит, надо ли Управлению – и кому именно в Управлении – знать об этом. Фридрих с тоской подумал о временах, когда ему и в голову не могло прийти нарушать инструкции и утаивать что-то от начальства...

Он поднялся, почувствовал, что брюки ему слишком свободны, и вернул себе ремень. Затем ухватил труп за шиворот, как за ручку, и потащил к шоссе. Даже мертвого Зайна он опасался оставить без присмотра.

По пути Власов коротко сообщил Шрамму новости, прибавив, что спешить больше не нужно – для тяжелого грузовика это тем более небезопасно.

"Скорая" продолжала гореть, но, похоже, взрываться не думала. В колеблющемся свете пламени Фридрих с удивлением заметил на мостовой еще одно тело. Как видно, этот человек пострадал сильнее, чем Зайн, и сил у него хватило лишь на то, чтобы отползти от горящей машины на несколько метров. Фридрих приблизился и склонился над неподвижной фигурой.

Человек был еще жив. Фридрих не сразу понял, что это женщина – так сильно она обгорела. Фактически на ее голове уцелели только левый глаз, щека и ухо – все прочее представляло собой безобразную багрово-черную корку.

– Власов, – прошептали обоженные губы. Должно быть, каждое слово стоило ей ужасной боли. – Вы... его... взяли?

Эстер Шляйм, догадался Фридрих. Добилась у начальства права участвовать в операции, чтобы загладить прошлую оплошность...

– Он мертв, – коротко ответил Власов, стараясь не показывать своего разочарования этим фактом.

– Хорошо... – женщина чуть расслабилась. Даже попыталась улыбнуться, но это снова причинило ей боль.

– Помощь сейчас будет, – попытался подбодрить ее Фридрих. Вдали и впрямь уже выли сирены. Полицейские и "скорые" спешили к месту происшествия. Настоящие полицейские и "скорые"...

– Мы все... так тщательно... – она, казалось, его не слушала. – Отключили свет, телефон... он бы и пикнуть... но тут... мобильный. Никогда не любила... мобильные...

– Их заговор провалился, – успокаивающе произнес Власов. – Все кончено.

– Нет! – она снова напряглась, даже попыталась поднять голову. – Не кончено... Помните, две бездны... сверху и снизу... вы должны предотвратить...

Голова бессильно упала набок. Фридрих понял, что смотрит на труп, и жалость, которую он только что испытывал к ней, мгновенно сменилась острой брезгливостью.

Он распрямился. Опять эта идиотская мистика. Юдская мистика, китайская мистика... К черту всю эту суеверную чушь! Вот он знает совершенно точную примету: если к тебе на всех парах летят полицейские, значит, тебе скоро придется отвечать на кучу неприятных вопросов.

Фридрих скрестил руки на груди и стал ждать, глядя на быстро приближающиеся огни.

Kapitel 57. Тот же день, раннее утро. Москва, Трубниковский переулок, 30.

Фридрих ввалился в квартиру на точке С, тяжело дыша. Он нарочно взбежал на свой седьмой этаж "в форсажном режиме", чтобы взбодриться – ибо еще в машине почувствовал, что бессонная ночь все-таки начинает сказываться, а это ему сейчас совершенно некстати. "В могиле выспитесь", как любят говорить унтеры в учебках. Впрочем, в летном училище так не говорили. Во время наземной подготовки недосып был жестоким, это точно, но перед полетами обязательные восемь часов сна строго предписаны уставом, и не дай бог курсанта поймают в это время за другим занятием – даже если это будет изучение учебной литературы. Тогда, впрочем, против лишней возможности поспать мало кто возражал... Фридрих несколько раз прошелся по кабинету, успокаивая дыхание, затем, взяв с собой нотицблок, направился на кухню, чтобы сварить себе крепкого кофе.

Выяснение отношений с русскими, хотя и не доставило ему удовольствия, отняло меньше времени, чем он опасался. Первыми на место прибыли крипо, не упустившие случая продемонстрировать собственную значимость и сразу же поведшие разговор на повышенных тонах, вплоть до угроз обыскать и задержать Власова до выяснения. (Фридрих, уже, естественно, предъявивший им свое удостоверение, в ответ флегматично пожал плечами – "попробуйте, если всю жизнь мечтали регулировать движение на трассе Хабаровск-Магадан"; полицейский штаб-ротмистр помянул традиционный "не сорок третий год", но тон все же несколько сбавил.) Но криминалистов быстро оттерли прибывшие следом ребята из ДГБ; эти, напротив, были исключительно вежливы и корректны. Фридрих, естественно, не знал, какую группировку они представляют, и насколько осведомлены о творящихся наверху делах. Так или иначе, версия, которую он им изложил, была примитивной, но внешне достаточно гладкой. Поскольку вся израильская группа захвата погибла – за исключением тех двоих, которым, как успел

доложить Шрамм, все же удалось уйти – самым удобным было свалить все на нее. Не открывая, конечно, собственной осведомленности, что это были израильтяне. Представители Управления, дескать, лишь осуществляли наблюдение за подозрительной квартирой, когда туда вломились неизвестные, и потом пытались проследить за машиной этих неизвестных.

Об обстоятельствах гибели лже-"скорой" Власов рассказал без утайки. Если дэгэбэшники и знали, что на самом деле роль дойчей не ограничивалась пассивным наблюдением за домом, то афишировать это знание было им крайне невыгодно, ибо это означало, что за домом следили и они, но никаких законных мер не приняли – зато подозрения относительно истинной ведомственной принадлежности якобы доповской "суки" становились до неприличия явными. (Фридрих, кстати, не сомневался, что тела сидевших в "суке" будут объявлены обезображенными до полной невозможности опознать – разве что ДНК-анализом, но какое же ведомство признается, что соответствующие образцы ДНК есть в базе данных его собственных сотрудников...) Офицеры Департамента, должно быть, учли эти соображения и предпочли поверить версии Власова – а может, и впрямь не имели даже косвенного касательства к заговору. Больше его не стали задерживать, лишь слегка дружески попеняв напоследок, что дойчи не поставили ДГБ в известность сразу же, "как только события на улице Роммеля стали приобретать неконтролируемый оборот", и пообещав, в свою очередь, держать германских коллег в курсе расследования "этого инцидента". Труп Зайна, как и тела моссадовцев, они, естественно, забрали с собой.

По дороге домой Фридрих, дабы не терять времени, звонком поднял с постели Лемке, пребывавшего в счастливом неведении относительно последних событий. Тот все еще чувствовал свою вину за провал задания по Галле и прямо-таки рвался продемонстрировать усердие и полезность. Власов велел ему составить и сбросить электронной почтой справку по московским банкам, имеющим в названии слово "первый". Теперь самое время было ознакомиться с результатами его работы. Фридрих подсоединил нотицблок к сети и включил питание. Пока грузилась система, он позаботился о закипающем кофе и вернулся к столу, уже осторожно неся чашку с обжигающим черным напитком. Нотицблок тем временем звякнул, подтверждая получение письма.

В коротком списке, присланном Лемке, действительно обнаружился Первый Промышленный банк. Но еще был и Первый Профессиональный. Услугу по хранению в персональной ячейке предоставляли оба. Ехать, как услужливо подтвердил рехнер, было ближе до Промышленного. Однако Фридрих не поленился изучить все присланные сведения и обратил внимание, что Промышленный банк был создан в начале семидесятых, в то время как Профессиональный – аж в 1946 году. Что, кстати, и впрямь свидетельствовало о профессионализме его управляющих – из банков, что, как грибы после дождя, возникали в свежеосвобожденной от большевиков России, пережить череду кризисов сороковых-пятидесятых удалось немногим... Таким образом, если Зайн действительно охотился за бумагами Эренбурга и если эта ячейка имеет к ним отношение, то, скорее всего, она находится именно в Первом Профессиональном. Эренбург бежал из России никак не позже 1960. Хотя, конечно, в первое время бумаги, или что там находится в ячейке, могли храниться в другом месте... Но все же начать Фридрих решил с Профессионального банка. Он еще раз взглянул на адрес: улица Краснова, 18.

Почему этот адрес кажется ему знакомым? Ну конечно – на улице Краснова он

стал свидетелем смерти князя. Только не напротив дома 18, а, кажется, слегка до него не доезжая... Стоп. А не в этот ли самый банк направлялся цу Зайн-Витгенштайн?

Фридрих испытал знакомое ощущение вставших на место кусков мозаики.

Картина получилась следующая. Книга князя существовала в двух экземплярах. Оригинал он держал в банковском сейфе в Москве, а копию передал на сохранение фрау Рифеншталь – не сказав при этом, что это лишь копия, дабы, надо полагать, польстить самолюбию старухи. Экземпляр в Бурге похитил Гельман. 4 февраля Фрау обнаружила пропажу и, после неких безуспешных изысканий, на следующий день сообщила об этом князю. Тот во взволнованных чувствах помчался проверять, на месте ли московский экзмепляр, но сердце не выдержало, когда до цели оставались буквально считанные метры... А зачем для частного визита в банк, к своей ячейке, понадобилось надевать мундир с орденами? Да очень же просто! Князь очень спешил, и к тому же знал, что творится на московских дорогах в центре в это время суток. Стало быть, он предполагал, что может нарушить правила, и не хотел при этом лишних задержек с допо. Фольки, работающие в дорожной полиции, неподкупны и глухи к мольбам нарушителей, но к героическим ветеранам войны обычно испытывают глубокое уважение, граничащее с благоговением – кстати, и фельдфебель Кормер, как помнил Фридрих, не был исключением. Конечно, в случае серьезного нарушения это все равно не помешало бы дорожному инспектору исполнить свой долг. Но в случае какой-нибудь мелочи – скорее всего, дело ограничилось бы замечанием типа "будьте, пожалуйста, поаккуратнее". Это князь просчитал верно, и, возможно, не раз уже этим пользовался...

Но если банк – тот самый, возможно ли, что в ячейке князя хранилось все-таки нечто, относящееся к бумагам Эренбурга? Или что Зайн охотился все же за мемуарами? Скоро это станет ясно, но вообще-то вряд ли. Скорее всего, тут просто совпадение, хотя и не совсем случайное. Просто к услугам одного и того же банка, известного своей надежностью, в разное время прибегли и юдский большевик-германофоб, и дойчский нацист-юдофоб...

В любом случае, оба банка открывались лишь в девять, так что у Фридриха оставалось еще почти пять часов для... для чего? Первым делом, конечно, для написания и отправки отчета о фактическом провале операции "фазан", чем Власов немедленно и занялся. Кое-какие события он вывернул с точностью до наоборот, написав, что информация о логове Зайна якобы неофициально получена им от израильской стороны, как продолжение договоренностей, достигнутых при предыдущих, санкционированных Мюллером контактах; при этом-де совместное проведение операции израильтянами не предлагалось (и в самом деле, официальное согласование такой операции под единым командованием потребовало бы слишком долгой бюрократической волокиты, по крайней мере, с имперской стороны); в итоге стороны действовали каждая за себя, что, в соковупности с недооценкой израильтянами опасности ликвидации Зайна заговорщиками уже после захвата, явилось основной причиной провала. В общем-то, несмотря на искажение исходных посылок, вывод был правильный... А вот о письме из американского дома престарелых и своих планах посетить банк Власов поначалу написал всю правду. Но перед отправкой письма задумался и стер последний абзац. Нет уж, сначала он сам узнает, что в этой ячейке. И, кстати, учитывая наличие заговора, участники которого все еще на свободе и на своих постах – Мюллер такую осторожность одобрил бы. Даже учитывая, что она подразумевает недоверие к самому Мюллеру.

Тем не менее, к информации в личном разделе, назначенной к автоматической

рассылке, если он не отменит таковую до 13:05, Фридрих эти сведения все же добавил. Не повторять ошибки Вебера. Не повторять.

И кстати, о Вебере. Вот хорошее занятие на ближайшие часы (если, конечно, от Мюллера не поступит иной приказ) – поломать голову над доступом к его платтендатам. Фридрих вытащил из кармана многострадальный плат и подключил его через переходник как внешнее устройство к своему нотицблоку. "Ди Фенстер" слегка помигали песочными часами, но все же определили второй плат корректно – значит, как Фридрих и надеялся, покойный использовал ту же программу защиты, что стояла по умолчанию и на рехнере Власова, да и на других служебных нотицблоках Управления. Поводов менять ее у Вебера не было – защита была весьма надежной и, как в один голос утверждали имперские криптоаналитики, без знания пароля за реальное время не вскрывалась.

"Норденкоммандёр" показал обычное дерево каталогов – главный пароль к плату отключил еще Эберлинг, которому, очевидно, неохота было вводить каждый раз "зубодробительную" комбинацию. Фридрих просмотрел имена каталогов и платтендатов в главном из них. Большинство представляли собой какие-то маловразумительные аббревиатуры – впрочем, для самого Вебера во всем этом наверняка была четкая система. Да и такие ли уж маловразумительные? Как военному человеку и летчику, Фридриху очень часто – чаще даже, чем тем, кто пришел в РСХА, не имея за плечами армейского опыта – приходилось иметь дело с аббревиатурами, так что у него выработался навык расшифровывать их практически слету. Вот, например, каталог MG.ZSW. Память тут же услужливо развернула MG в Maschinengewehr, но нет, вряд ли в этом каталоге характеристики пулемета. ZSW – это вполне может быть zu Sayn-Wittgenstein... тогда MG – Мюрат Гельман? Фридрих ткнул подушечку, заходя в каталог. Все платтендаты в нем, судя по расширению bld, представляли собой графические изображения; вместо имен у них были номера – что любопытно, идущие не подряд. Но при попытке просмотреть первый же из них система потребовала пароль. Фридриху не потребовалось много времени, чтобы убедиться, что зашифрованы и остальные даты в этом каталоге. И пароли, надо полагать, во всех случаях разные. А ведь это, если верить Эберлингу, не единственный закрытый таким образом каталог. Несомненно, что даже человек с великолепной памятью Вебера не мог хранить такую кучу паролей в уме... равно как и неудобно – да и небезопасно! – хранить их в виде длинного списка в отдельном дате или на бумажке... Конечно, этот дат с паролями тожно можно закрыть, уже каким-то одним паролем, который запомнить вполне реально – видимо, Эберлинг предполагал что-то подобное... но это было тяжеловесное, некрасивое, "лобовое" решение. Вебер, с его блестящими математическими способностями, отверг бы такой вариант уже хотя бы по эстетическим соображениям...

Почтовая программа подала звуковой сигнал. Ага, ответ от Мюллера. Шеф, как обычно в переписке, лаконичен: "Действуйте по обстановке. Узнаете ч-л о Хайнце – сразу докладывайте. Манеж обезврежен. Л. летит." Понятно. Значит, с бомбой в микрофоне все подтвердилось, а Ламберт прилетит в Москву, как и планировалось. Ну а почему бы ему, собственно, не прилететь? Главный номер его программы сорван, но это не повод отменять визит. Да и, собственно, что изменилось по сравнению с его планом? Все равно он сможет выступить со своей речью, как жертва неудачного покушения, только не состоявшегося, а предотвращенного. Доложили ли ему сейчас, что его собирались убить по-настоящему (что очевидно уже по мощности заряда в микрофоне)? Уж наверное, доложили. Поверил ли он? Если не дурак (а впечатления дурака Клаус Ламберт не

производил) – поверил. Но теперь он знает и то, что бомба обезврежена и организатор и исполнитель теракта мертв, так что бояться нечего. Разумеется, остаются еще неарестованные заговорщики, и в частности те, кто послал "суку" с фаустпатроном – но они не смогут, да и не захотят, ликвидировать Ламберта так, как ликвидировали Зайна. Не только потому, что теперь Ламберта будут охранять гораздо лучше – тот же Бобков в этом кровно заинтересован, да и не он один – и никакую постороннюю машину, даже полицейскую, не подпустят к нему на километр; но в первую очередь потому, что теперь, когда дело уже не спихнешь на Зайна, при любой попытке покушения уши его организаторов будут торчать уж слишком явно. Вся их забота сейчас – только о заметании следов.

И кстати – пора все же позаботиться о том, чтобы осложнить им эту задачу.

Пока что все, рассказанное Эберлингом, подтвердилось. И оперативники из группы Шрамма отработали честно – не их вина, что им не удалось выполнить задание. Значит, скорее всего, Эберлинг правдиво назвал и имена заговорщиков нижнего уровня – не оговорив невинных и не утаив виновных. Да, похоже, Хайнц честно исполнял свою часть сделки... но даже ради данного ему слова Фридрих не мог и дальше рисковать, оставляя заговорщиков на свободе.

Он нажал "Ответить" и отстучал следующее донесение Мюллеру: "По агентурным данным, в заговор могут быть вовлечены...” Воспользовавшись тем, что шеф сам предписал ему "действовать по обстановке", он закончил донесение словами: "Считаю целесообразным в течение ближайших часов не арестовывать их, а установить за ними наблюдение с целью установления их контактов. Наблюдающим следует учитывать возможные попытки ликвидации объектов”. Это было все, что он мог сделать, дабы оттянуть момент начала охоты за Эберлингом – и в то же время это действительно было достаточно резонное предложение. Возможно, менее резонное, чем сразу хватать и допрашивать подозреваемых, а возможно, и более – заранее сказать сложно.

Ответ упал в ящик буквально минуту спустя: "Я беру это под личный контроль. Оставайтесь на связи. Обо всех новостях немедленный доклад”.

Так, подумал Фридрих. Провал на улице Роммеля начинает сказываться – шеф фактически отстраняет его от активной роли в операции. Мюллер получил, что хотел – ниточки, за которые можно тянуть, и дальше намерен распутывать клубок сам...

Или дело вовсе не в упущенном Зайне – просто шеф руководствуется теми же соображениями, которые заставили Власова лично отправляться на охоту вместо того, чтобы передоверить все Шрамму? Так или иначе, какие бы последствия оно ни имело в будущем, сейчас это освобождение от ответственности весьма кстати. Можно вернуться к разгадыванию секрета паролей.

На чем он остановился, когда его отвекло письмо от Мюллера? Какая-то была важная мысль... Вебер... Вебер и эстетика... лобовое решение...

Пароли подчинены какому-то алгоритму, это наверняка. Именно поэтому Вебер ответил, что не знает их. Он их и в самом деле не *знал* – он каждый раз *вычислял их заново*. Теоретически это считается дурным тоном – пароли не должны вычисляться, они должны быть максимально бессмысленными, иначе есть риск, что их сумеет вычислить и противник – но возможных алгоритмов множество, попробуй угадай нужный... Вместе с тем, правило должно быть достаточно простым – вряд ли Вебер запускал специальную программу всякий раз, когда ему требовалось открыть тот или иной дат. Без надежды на успех Фридрих испробовал самое тривиальное – подставить в качестве пароля имя самого

дата в прямом или обратном порядке. Естественно, безрезультатно. Может быть, каждую букву или цифру имени надо заменить на следующую... или на предыдущую... или чередовать... нет, гадать бесполезно, таких вариантов бесконечно много.

Но Вебер-то знал правильный. Отчего же, находясь под штриком и не имея воли сопротивляться, на прямое требование дать доступ к платтендатам он ответил "не могу"? Видимо, правило построения паролей все же не такое простое. И требует мыслительных усилий, на которые подштрикованный неспособен. Все очень хорошо складывается один к одному, но к разгадке все же не приближает...

Фридрих откинулся на стуле, взгляд его скользнул по чашке с недопитым кофе на столе – он уже и сам не помнил, когда отставил ее в сторону. Жидкость успела остыть, он допил ее большими глотками без всякого удовольствия. Рассеянно подумал, что чашку можно было поставить прямо на веберовский плат – тот в процессе работы довольно ощутимо грелся.

Стоп! Веберовский плат!

Фридрих понял, что не выполнил одну из первейших заповедей, гласящую "если хочешь разгадать замысел другого – смотри на ситуацию его глазами". Он не стал перезагружаться с веберовского плата и по-прежнему смотрит на его данные своими собственными глазами, через призму собственных системных настроек. А как это все выглядело на рехнере Вебера?

Фридрих зашел в системные настройки, указал второй плат как загрузочный и перезапустил нотицблок. Ну вот – на сей раз никакой нудной загрузки "Ди Фенстер". Совместимости ради американская система на плате Вебера была, но по умолчанию он ей не пользовался. Несколько быстро высветившихся сообщений на экране – и вот она, родная PBS 7.0, точнее, ее текстовое ядро. Как рехнерспециалист старой закалки, Вебер глубоко презирал графические оболочки. Плат тихо хрюкнул в последний раз, обозначая окончание загрузки, и чернота "голой" PBS сменилась синевой панелей "Норденкоммандёра".

Но вид они имели иной, нежели у Власова. Вместо двух колонок с именами платтендатов – три, в первой из которых имя, во второй – размер платтендата и в третьей – дата его последнего изменения. Полоса прокрутки удобно соединяла имя и два относящихся к нему числа...

Вот. Это просто бросается в глаза, и это действительно изящное решение. Имя и два числа – дату ведь легко представить как шестизначное число. Два... слагаемых? Нет, это было бы слишком просто для человека со способностями Вебера... Фридрих, наконец, полностью вспомнил мысль, перебитую посланием от Мюллера. Блестящие математические способности Вебера – включая способность с легкостью проделывать в уме любые арифметические операции. Из четырех действий арифетики самый длинный результат – а стало быть, самый неподбираемый пароль – дает умножение. Для обычного человека мысленно перемножить два шестизначных числа – дело невозможное, а для Вебера это было вполне тривиально. Но, конечно, для нормального Вебера, а не для оболванненного штриком...

Фридрих не обладал арифметическими талантами своего покойного коллеги, так что ему пришлось сперва загрузить-таки графическую оболочку, а потом запустить уже со своего плата счетную программу. Для первой же картинки в каталоге MG.ZSW он умножил размер на дату, ввел получившееся десятизначное число в качестве пароля... и вновь получил отлуп.

Ну вот. Почему он, собственно, решил, что числа надо просто перемножить? Может, там какая-то формула, коэффициенты которой знал только Вебер...

Тут Фридрих вспомнил, что главный пароль к этому плату был "зубодробительной комбинацией букв и цифр". Да и теория информационной безопасности рекомендует при составлении паролей перемешивать те и другие. Но откуда могут взяться буквы в результате операций над числами? Очень просто – из принятой у программистов шестнадцатиричной системы счисления! Фридрих знал, что цифры больше девятки обозначаются там буквами латинского алфавита. Он перевел прошлый результат в шестнадцатиричный код – к счастью, счетная программа позволяла сделать это одним нажатием на кнопку – и скопировал получившуюся строчку в окошко пароля.

Есть!

На сей раз программа просмотра без возражений заглотила платтендат, и секунду спустя на экране перед Власовым была первая страница отсканированной рукописи.

Судя по всему, это были те части книги, которые предлагались на пробу издателям. Скорее всего, решил Власов, здесь содержится горстка мусора и немного вкусностей для возбуждения аппетита. Гельман не стал бы выкладывать на стол все карты: ему нужно было, во-первых, подтвердить подлинность рукописи, и, во-вторых, "презентировать", по его же выражению, содержание – да так, чтобы потенциальный покупатель клюнул.

Фридрих уселся поудобнее и приступил к просмотру.

Первый же платтендат содержал фотографию рукописной страницы. На ней каллиграфическим почерком с росчерками и завитушками было выведено: "Воспоминания и размышления". Фридрих подумал, что название очень характерно: когда-то он любил мемуарную литературу и с тех пор хорошо запомнил, что обычно за такими скромными заголовками скрываются клокочущие бездны ущемлённого самолюбия.

Бегло просмотрев несколько листов подряд (мощный тосибовский плат скрежетал при каждом обращении: страницы рукописи были сосканированы с хорошим разрешением), Власов убедился, что это именно беловик: листы были исписаны ровным аккуратным почерком без помарок и исправлений, а текст снабжён заголовками и подзаголовками.

Он вернулся к началу и стал быстро просматривать текст.

Во втором платтендате было три листа – нечто вроде введения, озаглавленного как "Обращение к читателям". Начиналось оно так:

"Я пишу эту книгу не для современников и даже не для потомков, ибо и те, и другие, хотя и по разным причинам, но в равной степени не заинтересованы в правде. Первые озабочены своими планами, сиюминутными или глобальными, для которых правда являет собой и очевидное препятствие, и удобную жертву. Что касается потомков, то они либо недопустимо пристрастны, либо постыдно равнодушны к деяниям своих отцов, причём пристрастие и равнодушие вовсе не исключают друг друга..."

Фридрих подумал, что долгое затворничество испортило не только характер великого пилота, но и его стиль. С точки зрения Власова, сухие и точные параграфы "Тактики воздушного боя" явно превосходили "Воспоминания" даже с чисто литературной точки зрения. Увы, похоже, что на затянувшемся досуге князь переусердствовал в чтении интеллектуальной литературы – и, разумеется, вынес из этого чтения культ длинной фразы и привычку к мудрствованию по пустякам.

"... Однако, несмотря на окружающие меня многочисленные образчики духовного

разложения, я всё ещё льщу себе надеждой, что мир ещё не настолько испорчен, чтобы вовсе перестать порождать немногочисленное племя свободных духом, коих интересует не только шелест знамён или грязные и кровавые пятна на них, но истина сама по себе. Этим редким выдающимся умам я и посвящаю свою книгу. В ней они найдут несколько крупиц той истины, которую они тщетно будут искать в других сочинениях, написанных людьми с более гибкой совестью..."

Власов поймал себя на внезапно вспыхнувшей неприязни к покойному. Старик прекрасно понимал, кто заинтересован в публикации его откровений и какая именно публика будет их читать. Похоже, помимо испорченного стиля, автор "Тактики" приобрёл ещё и вкус к лицемерию... Фридрих с отвращением закрыл платтендат и взялся за следующий, где начинались "Предварительные сведения".

"Я, Хайнрих Александр Людвиг Петер цу Зайн-Витгенштайн, появился на свет 14 августа 1916 года в Копенгагене. В настоящее время я остаюсь единственным представителем нашей ветви фамилии. Оба моих родных брата погибли в великой войне: младший, Александер – как подобает воину, в сражении, старший, Людвиг – при иных, не менее трагических обстоятельствах, о которых я расскажу в другом месте.

Наш род издревле славился своими традициями, важнейшей из которых является теснейшая связь наших мужчин с воинской службой. Можно даже сказать, что война – наше традиционное семейное занятие.

Впрочем, моя семья и её традиции заслуживают большего, чем несколько сухих слов, а потому я прерву своё ещё не начавшееся повествование экскурсом в историю моей фамилии, каковая история теснейшим образом переплетена с историей Германии и Европы в целом.

Итак: первые, не вполне достоверные, упоминания о нашем роде восходят к десятому веку..."

Власов тяжело вздохнул: стало понятно, что тщеславный старец не сможет не перечислить всех своих предков и их славные деяния. Так и оказалось: "небольшому экскурсу" Хайнрих цу Зайн-Витгенштайн отвёл семь страниц. В потоке слов мелькали самые разные имена, начиная с Фридриха Бранденбургского и королевы Хельги, которые каким-то образом поучаствовали в судьбах рода, и кончая потомством от браков с русскими аристократками и даже с грузинской княжной Параскевой Дадиани, с аккуратно выписанными в сносках ссылками на всякого рода источники – от Готского альманаха до стандартного учебника дойчской истории. Власов не стал вчитываться. Глаз зацепил только парочку русских фамилий.

Столь же быстро он просмотрел отрывки из детских и юношеских воспоминаний, начинавшиеся длинным рассуждением о положении среднего сына в семье и связанных с этим проблемах. Судя по нумерации, вся эта муть в оригинале занимала страниц сорок. Фридрих невольно пожалел атлантистских любителей жареного, которым придётся продираться сквозь эти дебри. Впрочем, напомнил он себе, скунсы не стесняются публиковать выжимки и фрагменты, и князь – даже будь он жив – не смог бы воспрепятствовать тому, что из его сочинения безжалостно выкинули бы всё лишнее, оставив только то, что интересно читателям и дискредитирует Райх...

Он просмотрел ещё несколько датов. Там были воспоминания боевой молодости, начинавшиеся с подглавы "Мой первый полёт", несколько более интересные. Когда речь шла о самолётах, Зайн-Витгенштайн писал живо, увлечённо и искренне. К людям же он относился с холодным безразличием, деля их на начальство, подчинённых, соперников и

врагов. Остальные для него не существовали.

Однако на протяжении первых глав текста автор упорно избегал всяких разговоров о политике. Было совершенно непонятно, как он относился к событиям тридцать третьего года, нацификации, и прочих реалиях того времени. Власов, жалея о невозможности запустить текстовый поиск, профессиональным взглядом обшаривал страницы, ища ключевые слова – "Хитлер", "партия", "национал-социализм" и так далее. Эти слова попадались, но редко и в совершенно нейтральном контексте.

Кое-где, впрочем, проскальзывали загадочные намёки. Например, в двадцатом дате – в нём хранились страницы со сто двадцать пятой по сто тридцатую – Фридрих нашёл такой пассаж: "В части было много политически ангажированных офицеров и даже солдат, зачитывающихся газетами и слушающих речи Хитлера. Моё презрение к этим источникам так называемой информации казалось им, наверное, аристократической блажью. Отчасти это было так: я не интересовался злобой дня. Общее же направление движения мне было известно куда лучше, чем иным руководителям, дело которых состояло в выполнении планов, составленных совсем в иных сферах..." В другом месте на глаза Власову попалось: "Генерал даже и представить себе не мог, как изменится наша ситуация в самом скором времени. Я же не мог открыть ему источники своей уверенности, так что наш диалог напоминал беседу слепого с немым – будучи зрячим, я вынужден был держать рот на замке и слушать самоуверенную болтовню слепца..."

Таких намёков на какую-то особую осведомлённость в высших политических материях стало появляться в тексте всё больше. Дойдя до двадцать четвёртого дата, Власов обратил внимание на описание одного ужина в дружеском кругу в декабре сорокового:

"... Затем начались разговоры о том, куда занесёт нас судьба и воля командования в следующем году. Постепенно спор свёлся к тому, какая страна из числа наших врагов будет следующей мишенью для нашего удара. Кто-то предложил нечто вроде гадания. Мы расстелили на столе карту мира, а потом каждый с закрытыми глазами должен был нанести острием карандаша точку. Наблюдать за этим было забавно. Мы смеялись, когда точки ложились на нашу территорию. Всем было понятно, что гарнизон нам не грозит. Попадание на территорию Британских островов, Аппенин или Северной Африки вызывало одобрительные улыбки. Удар по Балканам или даже Турции вызывал неодобрение: всем было понятно, что это реальный, хотя и неприятный, шанс развития событий. Особенно ясно это было мне – в отличие от своих сослуживцев, я хорошо знал о роли и масштабах большевицкой поддержки турецкого режима. Однако я был уверен в том, что турки не осмелятся открыто противостоять воле высшей расы. Поэтому, когда дело дошло до меня, я закрыл глаза и уверенно перенёс руку вправо. Я намеревался поразить Москву, но попал в район Смоленска. Этот мой жест был встречен недоумённым молчанием – недавно заключённый пакт о ненападении ещё казался чем-то большим, чем просто политическая уловка. Я, разумеется, знал истину: долгожданная война с Россией должна была начаться следующим летом..."

По мере того, как рассказ подходил к сорок первому году, Власов замедлил перелистывание и начал читать внимательно.

Интересное началось со сто девяносто пятой страницы, в главе "Истоки дойчской политики на Востоке". Вначале Фридриху показалось, что Зайн-Витгенштайн опять ударился в рассуждения об истории, но потом пригляделся и понял, что это стоит прочесть.

"Я не буду тратить время, излагая утверждённую придворными историографами легенду о Тевтонском ордене" – аккуратно выводил князь, – "ибо сейчас она в общих чертах известна каждому дойчскому школяру. Достаточно лишь напомнить, что, согласно официальной версии событий, предпоследний Гроссмайстер Ордена, эрцгерцог Ойген, изгнанный из пределов родины вместе с другими Хабсбургами, был вынужден перед лицом Папы сложить полномочия, чтобы передать их Норберту Кляйну, под несчастливым водительством которого Орден якобы окончательно деградировал и был распущен без особого сопротивления. Наследницей же традиций Ордена стала – вернее сказать, была объявлена задним числом – молодая, но могучая Пруссия, возглавляемая энергичным патриотическим руководством. Она же, дескать, и приняла на себя важнейшие цели и задачи Ордена.

Я свидетельствую, что это лишь оболочка правды. На самом деле эрцгерцог Ойген Хабсбург передал свои истинные полномочия куда более влиятельному и могущественному лицу, имя которого я не имею права раскрывать и сейчас. Могу лишь намекнуть, что этот славный сын нашего народа, бесстыдно оклеветанный, до недавнего времени влачил мрачное и тягостное существование вдали от родины, претерпевая муки, сравнимые с мучениями святых первых веков христианства. Этот великий человек, чьё имя несправедливо подвергнуто проклятию и забвению – более того, на родине он был объявлен безумцем, а вне её ввергнут в узилище и впоследствии постыдно убит после бесконечных лет пленения в результате сговора между новыми властями Германии и ее врагами, ибо и те, и другие были крайне заинтересованы в его молчании – именно этот человек был и оставался истинным Гроссмайстером Ордена, в том качестве, в котором Орден существовал после своего внешнего падения. Мне это известно лучше, чем кому бы то ни было другому, так как я, сначала в качестве Тайного Администратора Магистрата на землях Остеррайха, а впоследствии Тайного Капитулярия Ордена, был его помощником в трудах на протяжении нескольких лет. Теперь, когда величественные планы Ордена повержены в прах – увы, не силами врагов, а коварным предательством тех, кого мы считали своими друзьями – об этом можно сказать открыто.

Оговорюсь, однако, что, несмотря на нынешнее весьма плачевное положение дел, я всё же считаю себя связанным нерушимыми орденскими клятвами, а посему наиважнейшие тайны, связанные с историей и традициями Ордена, ни в коем случае не будут разглашены – во всяком случае, мной. В частности, я поклялся никогда не называть имени нашего Гроссмайстера и его ближайших помощников..."

Власов криво усмехнулся: после столь напыщенной клятвы ему стало понятно, что старик намерен рассказать всё, что знает, а может быть, и чуть больше. Это живо напомнило Фридриху ту своеобразную манеру держать слово, которой отличался другой Зайн – к сожалению, успевший-таки улизнуть в свой иудейский ад, или что там у юде вместо ада... Во всяком случае, имя Гроссмайстера, формально не названное, было обозначено более чем очевидно – по крайней мере, для тех, кто знает историю не по школьным учебникам, откуда упоминания Рудольфа Хесса и впрямь были вымараны.

Следующие два листа в платтендате отсутствовали, а сто девяносто восьмая страница начиналась словами:

"...не имеет никакого отношения к комической и зловещей попытке "возрождения" Ордена, то есть его "преобразования" изменником и предателем Райнхардом Хейдрихом. Предвосхищая дальнейшее, скажу, что именно настоятельная необходимость избавиться от этих людей очень сильно повлияла на те решения, которые принимались в те

трагические дни всеми заинтересованными сторонами.

Теперь, наконец, я могу сказать правду и о личном составе последнего истинного извода Ордена. Насколько мне известно, в период до 1941 года его ряды украшали такие выдающиеся дойчи, как..."

Следующие двадцать с чем-то строчек были стёрты редактором изображений – на их месте был нарисован перечёркнутый квадрат. Из-под него высовывалась только последняя строка, явно оставленная специально:

"...и бывший церковный служка в бенедиктинском монастыре, впоследствии обладатель партийного билета с однозначным номером некоей малочисленной партии".

Власов невольно вздрогнул. Как всякий честный дойч, он видел этот партбилет, хранящийся под слоем бронированного стекла в Пантеоне Национал-Социалистической Партии в Мюнхене.

Он оторвался от текста, чтобы посмотреть на часы. Времени до открытия банков оставалось еще достаточно, так что можно было позволить себе спокойно обдумать новую информацию.

В принципе, рассуждения о связях хитлеровской верхушки с остатками Тевтонского Ордена были не новостью – во всяком случае, на Западе, где невежественная публика обожала всё "тайное", "уходящее в глубь веков" и обязательно страшное. Тевтонский Орден с его историей как нельзя лучше подходил для демонизации: военная машина, перемоловшая западнославянские племена и воздвигшая на их землях города Дойчской Марки, выглядела и впрямь внушительно. Правда, сам проект расширения на Восток огнём и мечом и германизации славянских земель оказался элементарно нерентабелен, а потому и сошёл с исторической сцены, уступив место рационально организованному прусскому Райху, который утилизовал и использовал орденское наследие, включая символику, систему званий и боевых наград. Какие-то остатки орденских структур существовали и по сей день: отчаянно напрягая память, Фридрих вспомнил, что лет пять назад по польским делам проходил "аббат-хохмайстер Ордена" откуда-то из-под Вены. Кажется, это был престарелый идиот, которому взбрело в голову выступить с милитаристской речью на тему "недоцивилизованных" поляков и прочих славянских народов. Разобравшись, – время было горячее, и несчастного старика приняли было за провокатора – на него слегка цыкнули и оставили в покое. Помнится, Мюллер со свойственным ему юмором предлагал отправить аббата-хохмайстера к доктору Менгеле на опыты: пробовать на нём новейшие седативные препараты... Ничего более существенного за Орденом не значилось.

Рассказ цу Зайн-Витгенштайна позволял посмотреть на дело под другим углом. Если Тевтонский Орден и в самом деле продолжал существовать – не как оперетка, а как дееспособная структура – вплоть до тридцатых-сороковых годов, и в нём состояли достаточно серьёзные люди, то здесь и в самом деле можно говорить... Здесь Власов себя решительно оборвал. О чём тут можно говорить? В конце концов, вспомнил он, любой серьёзный политик состоит в десятке-другом организаций, в том числе и таких, которые свою деятельность не афишируют. Как правило, он делает это не для того, чтобы служить этим организациям, а для того, чтобы пользоваться их финансовыми и человеческими ресурсами, а также иметь площадку для распространения собственных идей. Тем более, в двадцатые годы, когда Германия была унижена и раздавлена, а патриоты искали утешения в славном прошлом, интерес к Ордену было вполне объяснимым – особенно для католиков, хотя бы номинальных. Хитлер к таковым относился: он и в самом деле родился

в католической семье и в детстве учился в бенедиктинском монастыре. Впоследствии, ища тех людей, которых он мог бы возглавить и повести за собой, Хитлер вполне мог набрести и на людей из Ордена. Из этого ничего не следовало, кроме того, что он какое-то время состоял в этой курьёзной организации, вот и всё.

Однако, если Гроссмайстер Ордена и в самом деле занимал то высокое положение, на которое намекал – да что там, писал почти открыто – Зайн-Витгенштайн, это несколько меняло дело. К тому же, судя по тому, что уже было сказано, Орден и в самом деле давал своим членам некие возможности – например, распространял по своим каналам закрытую информацию. Другой вопрос, насколько секретарь Хитлера влиял на его реальные решения... Впрочем, напомнил себе Фридрих, западный обыватель в любом случае сделает свои конспирологические выводы, а атлантистская пропаганда найдёт, с чего здесь поиметь свой барыш.

Он вернулся к тексту. Дальше в нумерации была зияющая дыра: очередной дат начинался с двести шестьдесят первой страницы. Почерк здесь стал уже более неряшливым – старику либо надоело выписывать завитушки, либо он просто торопился – но притом, как ни странно, более удобным для чтения.

"... с ним подробную беседу, продолжавшуюся далеко за полночь. Мы оба сходились на том, что все здоровые национальные силы должны объединиться, чтобы предотвратить опасность, нависшую над нашей возлюбленной Родиной. Увы, опасность эта исходила от тех, кто был вознесён к высшему служению ей – то есть к кормилу власти.

На предыдущих страницах я приводил довольно примеров нелепых, вздорных и даже преступных решений, которые принимались так называемым "Фюрером дойчской нации". Какое-то время этого человека выручала наглость и своего рода удачливость, присущая выскочкам. Однако недостаточная глубина мышления, полная неспособность к серьёзной самостоятельной работе, необразованность, отсутствие настоящей внутренней культуры – всё это неминуемо должно было рано или поздно привести к краху всех его начинаний. Тогда это было неочевидно для профанов, но ясно как день для людей более глубоких и умеющих видеть дальше, чем другие.

Я должен признать: определённой, и не самой лучшей, частью своих идей этого человек обязан Ордену и лично Гроссмайстеру.

Я не считаю Орден сколько-нибудь ответственным за это. Увы, профаны всегда низводят сложные доктрины до примитивного уровня, понятного их плоскому рассудку. Так произошло и с величайшей доктриной Ордена – идеей Натиска на Восток.

Эта доктрина имеет глубочайшие оккультные корни..."

Фридрих фыркнул.

"...Я могу лишь намекнуть на то, что само слово "Восток" всегда означало для посвящённых не только материальные земли, лежащие к востоку от Фатерлянда и заселённые славянскими народами , но и мистический, оккультный Восток – тот Восток души, о котором поведали нам великие германские ясновидцы. Однако этот истинный Восток, родину нашей души, ныне заселяют славяне – которых, опять же, следует понимать как материально-символический образ наших внутренних несовершенств: того низшего, рабского, что есть в нашей натуре, о чем и говорит само это имя – славяне, sclavi, slaves. Печально известный тезис Slaven sind Sklaven, интерпретированный профанами как призыв к порабощению восточно-европейских народов, есть на самом деле лишь объяснение истинного смысла термина. Идея о том, что славяне должны быть истреблены или крещены, таким образом, означает, что низшие качества должны быть

либо уничтожены, либо поставлены на службу высшим началам. Фатерлянд же символизирует основу самости, мистическую Искру Духа. Материальные же действия в этом направлении должны совершаться с должной осторожностью и ни в коем случае не препятствовать действиям духовным..."

Власов с отвращением ткнул световым карандашом в значок, закрывающий дат. Он терпеть не мог такого рода рассуждения, поскольку хорошо знал, зачем они нужны. Исламистские проповедники тоже любили рассуждать о мистических аспектах "джихада". Всегда, когда проповедника ловили на слове, выяснялось, что речь шла о символике и иносказаниях, что призывы к убийствам юде и немусульман вообще означали всего лишь аллегорические призывы к освобождению сознания от пороков, а "всемирная исламская умма" – это "страна души, дарованная Аллахом правоверным", конкретные же теракты – это лишь "следствия неправильного понимания профанами сложных исламских доктрин". Те же песни пели сепаратисты Шри-Ланки: для них убийство индуса означало "освобождение души от тягостного круга перерождений" и называлось "актом ахимсы". Впрочем, когда индийские войска начинали активно спасать души самих сепаратистов, те почему-то подавали жалобы в международные организации и говорили о кровавой жестокости индийского режима. И так далее – вплоть до американских тоталитарных сект, которые прикрывали убийства и извращения рассуждениями о "символической значимости" этих мерзостей, вызывая сочувствие пустоголовых университетских интеллектуалов.

Временами Власову даже приходило в голову, что коммунисты, при всей отвратительности их идеологии и практики, хотя бы не придавали своим доктринам мистического измерения и упорствовали в своём непримиримом атеизме до конца. Иначе эту заразу не удалось бы искоренить даже на территории тех стран, которые от неё в наибольшей степени пострадали: нашлись бы те, кто пел бы с кафедр и со страниц газет сладкие песни о том, что коммунизм – это "родина души" и "новейший завет", а экспроприация экспроприаторов – духовная практика, которую не всегда следует понимать буквально. Честен был и Хитлер, говоривший о правах дойчской нации прямо и жёстко.

Он прервал размышления и открыл следующую страницу. То, что он там увидел, его не слишком удивило.

"...нельзя пренебрегать и материальным аспектом духовного по своей сути деяния. Поэтому величайшие цели Ордена – объединение Великой Германии в её естественных границах и продвижение германской цивилизации на Восток, расцвет германского духа, le retour des Grands Temps – имели и ту составляющую, о которой мы знаем из обычных учебников истории.

Хитлер ничего в этом не понимал. Он вынес из орденской идеологии только одно – ненависть и отвращение к славянским народам и желание освободить просторы Востока от них с целью последующей колонизации этих земель этническими дойчами. Нелепость подобных планов доказывали самые элементарные арифметические подсчёты. Более того, в угоду своим предрассудкам Хитлер отступил в славянском вопросе от данных расовой науки, объявив неарийцами целый ряд арийских народов, по всем объективным параметрам, начиная от языка и кончая генетикой, относящихся именно к арийцам. Всё это чуть было не привело к краху нашего наступления на Востоке, что сейчас признают даже официозные историки Райха. Забегая далеко вперёд, замечу: уже несколько десятилетий являясь обитателем одной из самых значительных в географическом и

демографическом отношении славянских стран, я могу засвидетельствовать, что единственным способом нашего продвижения в этих пространствах является их постепенная духовная германизация. Увы! Современная Германия нуждается в том же самом, и едва ли не в большей мере, чем Россия! Во всяком случае, я могу засвидетельствовать, что даже российские фольксдойчи сохранили в себе гораздо больше от истинно дойчского духа, чем развращённые и напыщенные берлинцы или мюнхенцы..."

Фридрих пролистал пару страниц, заполненных очередным выплеском стариковских эмоций.

"Несмотря на все усилия нашего Гроссмайстера, долгое время духовно окормлявшего Хитлера и бывшего для так называемого "фюрера немецкого народа" посохом и свечой, этот человек так и не сумел впитать в себя те глубокие учения, которые мы тщились ему преподать.

Здесь стоит сказать несколько слов о так называемой "проницательности" Хитлера. Известно, что в первые месяцы войны он действовал словно зрячий среди слепцов. Начиная войну с очередной европейской страной, он уже знал, когда наши воины вступят во вражескую столицу. Это нельзя было объяснить даже достижениями разведки. Однако многое станет яснее, если вспомнить о давних связях Ордена с некими негласными структурами, существующими в Европе на протяжении столетий и оказывающими огромное влияние на реальную политику..."

Власов нажал на клавишу и перешёл на следующий дат. Он начинался так:

"...ложное понимание событий 10 мая 1941 года вполне естественно – для тех, кто не знает истинной их подоплёки. Прежде всего, это был не первый перелёт Гроссмайстера за линию фронта. Он вёл сложнейшие переговоры с британскими структурами, отчасти родственными Ордену и не воспринимающими возрождение Германии как нечто безусловно враждебное и опасное. Я не обладаю достоверной информацией о том, насколько Хитлер был осведомлён о его действиях – но почти уверен, что определённое представление о происходящем он имел. Тем ужаснее и нелепее было случившееся сразу после, когда Хитлер устами Гёббельса объявил нашего Гроссмайстера безумцем, "живущим в мире галлюцинаций". Несомненно, Хитлер лишь выжидал момента, чтобы избавиться от опостылевшей опеки с нашей стороны.

Не менее постыдной была и реакция нации, кичащейся своим спортивным духом..."

Власов пропустил несколько абзацев.

"...Впрочем, нужно признать, что Хитлер был ещё не так безнадёжен, как его ближайшее окружение. Оно производило самое гнетущее впечатление. В основном оно состояло из людей с интеллектом и кругозором мелких лавочников и было поражено рессентиментом самого отвратительного свойства. Достаточно вспомнить такие курьёзные фигуры, как Гёббельс или Химмлер. В наши дни трудно себе представить, что подобные люди когда-то обладали реальной властью.

Наши случайные союзники, увы, тоже немногим отличались от Хитлера и его людей. Это были благонамеренные, но вульгарные, плоские люди, лишённые масштаба – хотя, надо отдать им должное, неплохие солдаты. Роммель внушал искреннее уважение всем, кто его знал. Однако был ли он глубоким мыслителем, проницающим судьбы Германии? Увы, нет. То же самое можно сказать и о руководителе Абвера Канарисе, который, несмотря на свою ловкость, недостаточно хорошо знал..."

Власов откинулся на стуле, переваривая накопившееся раздражение. От

выспренних речей князя прямо-таки несло самой отвратительной разновидностью снобизма – а именно, снобизмом теоретика, удобно устроившегося в кресле перед грудой книг и судящего героев прошлого с позиции учёного всезнайки.

Фридрих напомнил себе, что князь в свои лучшие годы не брюзжал по поводу недостаточной внутренней культуры руководства Райха, а смело охотился за вражескими самолётами. Хотя вряд ли в кабине истребителя его посещали глубокие мысли о будущем мира... Власов некстати вспомнил о пикантном французском приключении князя, в котором начисто отсутствовали и масштаб, и величие – и огромным усилием воли вернул себя к чтению.

В листах опять зиял провал: следующая страница была двести восемьдесят девятой.

"... в сопровождении неизвестного мне майора. Разговор продолжался недолго. Мне сообщили радостную, как нам тогда казалось, новость: к нашему делу присоединился генерал Манштайн. Это означало, что Генштаб наш целиком, и можно более не опасаться за успех предприятия.

Как обычно бывает, за хорошей новостью последовала плохая: в наших рядах начались трения. Гудериан, всё ещё не оправившийся от скандала 23 августа, когда Хитлер позволил себе публично его унизить, настаивал на немедленном выступлении. Канарис колебался, в своём очередном письме – как всегда, запаздывающем – советовал более тщательно проработать ситуацию, чтобы исключить неприятные неожиданности. Знали бы мы тогда, что нас ждёт буквально через несколько дней!

Здесь стоит сказать несколько слов о наших первоначальных планах. Планировалось уничтожить Хитлера, Бормана и Хейдриха, а также ещё несколько фигур, которые казались нам опасными. Остальных планировалось арестовать и разбираться с ними по мере выяснения их доли вины перед народом и Райхом. На устранении Хейдриха особо настаивал Орден. Впрочем, к Хитлеру, как к предателю наших идеалов, это относилось в той же мере: он должен был умереть.

Что касается дальнейшего, то планировалось ввести систему временного управления, где три главных вдохновителя заговора будут решать текущие задачи – прежде всего, военные – под эгидой и духовным водительством истинных интеллектуалов, способных взять в свои руки будущее страны в целом. Формально же место первого лица предназначалось официальному преемнику Хитлера, председателю совета по обороне, райхсмаршалу авиации Херману Гёрингу. Разумеется, никто не собирался отдавать в руки этому жовиальному истерику ту власть, которой обладал его предшественник. Увы, тогда мы не подозревали о его истинных планах.

Впоследствии, когда всё рухнуло, я тысячу раз задавался вопросом: планировали триумвиры предательство с самого начала, или же, напуганные и ошеломлённые темпом развития событий, действовали случайно, слепо, наугад, не задумываясь о последствиях? В конце концов я пришёл к выводу, что имело место и то, и другое. Откровенно говоря, они рассматривали нас просто как расходный материал. Впрочем, буду справедлив: точно так же они относились и друг к другу.

Вернёмся, однако, к фактической стороне дела. Как ни странно, устранение Хитлера было не самым сложным этапом операции. Разумеется, его прекрасно охраняли. Однако этот неисправимый позёр никак не мог отказаться от такого наркотика, как ораторские выступления перед толпами, посещения военных частей и госпиталей, публичные награждения и так далее. Будучи плоть от плоти плебса, он возобновлял свои

силы прикосновением к этому живительному для него источнику..."

Власов пропустил всё остальное.

"...ударной силой должны были стать остатки кадрового состава СА, избежавшего истребления в "ночь длинных ножей" 30-го июля 1934 года. Связь с ними якобы осуществлял Гёринг – как бывший руководитель СА, некогда вовремя переметнувшийся на сторону Хитлера, но сохранивший старые контакты и принявший личное участие в спасении некоторых нужных ему людей. По его собственным словам, он пользовался среди них непререкаемым авторитетом. Он представлял дело так: эти люди фанатично ненавидели Хитлера, устроившего руками эсэсовцев бойню и уничтожившего без суда их товарищей, которые всегда преданно служили идеалам национал-социализма, и были готовы на самопожертвование. Всё это было ложью Гёринга, лишь делавшего вид, что он с нами.

У дойчского читателя – если моя книга когда-либо попадёт ему в руки, что маловероятно – сказанное выше вызовет удивление: ведь официальные выводы Комиссии по расследованию преступлений против Райха гласят, что бойня в Райхстаге стала возможной благодаря сговору высшего руководства СС с бывшими штурмовиками, мстившими за смерть товарищей. Впрочем, на эти тени прошлого – штурмовиков Рёма – и раньше пытались возложить множество преступлений. Достаточно вспомнить смехотворное "письмо Краузе", обвинявшего своих товарищей в поджоге Райхстага в 1933 году. Фактически, эта версия была возобновлена после Сентябрьских убийств – разве что в новой упаковке. Дойчи, почувствовав уже ставший привычным вкус, охотно съели то, что им скормили с ложечки радиорепродуктора.

На самом деле никакие бывшие штурмовики не играли никакой роли в событиях. Более того, я убеждён, что их даже не существовало. Разговоры Гёринга о его связях с неким подпольем СА были такой же ложью, как и всё остальное.

Замечу между строк, что наш Гроссмайстер сделал для сохранения жизней безвинных бойцов СА куда больше, чем этот человек. Разумеется, мы рассчитывали на эти связи. Увы, ужасное майское событие вырвало из наших рук это оружие – если даже оно и было когда-то в наших руках. Мне, во всяком случае, об этом ничего доподлинно не известно.

Впрочем, гадать о несостоявшемся – дело умов досужих и неглубоких. Истина состоит в том, что Сентябрьские убийства были делом рук совсем других людей, многие из которых по сей день считаются образцами верности Отечеству и дойчскому народу".

Одна страница снова была пропущена, а на следующей значилось:

"...индивидуальное покушение невозможно. Вариант с бомбой, прикреплённой к миниатюрному летательному аппарату – идею, кажется, высказал Йодль в полушутливой форме – был ещё не самым безнадёжным. Точно так же была отвергнута идея о бомбе в портфеле или папке для бумаг, у заговорщиков были все возможности пронести такое устройство практически куда угодно, но только вместе с собой. Профессор Гебхардт – впоследствии убивший своего друга и многолетнего пациента доктора Гёббельса – предлагал интересные варианты с отравленной пулей или иглой. Как известно, все эти экзотические..."

Текст обрывался, закрашенный очередным черным квадратом.

Власов задумчиво покрутил в руках световой карандаш. Несмотря на весь пафос и умолчания, картинка вырисовывалась вполне отчётливая – и весьма нелестная для автора "Воспоминаний".

Похоже, напыщенные дураки, в чью компанию молодой Хитлер когда-то вступил, и в самом деле ожидали, что он вознесёт их к вершинам власти. Хитлер, судя по всему, попал под влияние одного из них, который какое-то время играл роль его ближайшего помощника. Однако интриги и попытки самостоятельной внешнеполитической игры этого персонажа в конце концов привели к скандальному разрыву. Он кончился плохо для обоих: Хитлер был убит, а его бывший друг и учитель, совершивший скандальный перелёт в Шотландию, многие десятилетия оставался единственным заключённым Тауэра. Власову был известен юридический трюк, посредством которого британцы оставили самого высокопоставленного из своих узников себе вопреки всем нормам, предписывающим обмен пленными после окончания войны. Было объявлено, что на родине Хессу угрожает смертная казнь (и действительно, Хитлер, узнав о его перелете, в ярости приказал "пристрелить его на месте, если он когда-нибудь появится на территории Германии" – впрочем, никаким судом этот приговор подтвержден не был), а Британия, только что отменившая у себя этот полезный институт, приняла закон, запрещающий выдачу преступников в те страны, где их могут казнить. Иными словами, Хесс был обречен на бессрочное заключение вдали от родины "из гуманных соображений". Ни Дитль, ни Шук не потрудились его вытащить, хотя и могли бы, и в 1987 году он был найден болтающимся в самодельной петле при довольно-таки подозрительных обстоятельствах... Вполне возможно, что он и впрямь унес с собой в могилу тайну каких-то закулисных переговоров, но, как известно, на практике они так ни к чему и не привели. И, кажется, тем же человеком и ограничивались возможности "тевтонов". Что касается прочих членов ордена, то, понимая их бессилие и безвредность – как, впрочем, и бесполезность – Хитлер оставил их жить, чего он никогда не позволял в играх с политическими противниками классом выше. Всё, что он сделал, так это отнял у них руками Хейдриха название "Тевтонский орден" – кстати, с ведома, если уж не с согласия, Гроссмайстера Ордена настоящего... Гуманно, но недальновидно: даже самый ничтожный, но злобный враг может получить свой шанс сквитаться. Как выражался Мюллер в таких случаях, "даже мёртвые не вполне безопасны, не говоря уж о живых". Во всяком случае, Хайнрих цу Зайн-Витгенштайн постарался создать своей стране немало проблем даже после смерти.

Очередной платтендат содержал страницу 322. Фридрих сначала окинул её рассеянным взглядом, потом пододвинул к себе "Тосибу" поближе и начал читать очень внимательно.

"... переходящий в панику.

Сразу с аэродрома, не переодеваясь, я направился по указанному адресу. Присутствовали практически все участники нашего первого совещания полугодовой давности, включая Йодля.

Не буду пересказывать всё происходившее в ту воистину историческую ночь. Положение было критическим: после постыдного предательства Гёринга Хитлер знал – или мог знать – практически всё, включая подробные списки заговорщиков. Впрочем, получить их было бы нетрудно: гестапо, получив прямые указания Фюрера, не стало бы церемониться ни с кем, а методы допроса, применяемые в этой организации, известны своей эффективностью.

С другой стороны, он не мог немедленно обрушить на нас свой гнев: репрессии против верхушки германского руководства – а заговорщики к ней принадлежали – в самый разгар войны привели бы к очень серьёзным проблемам. Хитлер не мог этого не

понимать. Ему нужно было хотя бы несколько дней, чтобы собрать доказательства, которые он мог бы предъявить дойчскому народу.

Моё положение на тот момент было, пожалуй, предпочтительнее, чем у всех прочих. Несмотря на всё то, что было сказано выше, если судить с чисто внешней, фактологической точки зрения, не проникая в суть вещей, то моё участие в деле было крайне незначительным. Фактически, всё, что можно было поставить мне в вину – опять же, с внешней точки зрения – было то, что я знал о заговоре, присутствовал на нескольких собраниях заговорщиков, а также несколько раз исполнял роль, которую можно назвать курьерской: я был передаточным звеном в сообщении заговорщиков с нашим Гроссмайстером. Я также принимал участие в передаче денег от Святого Престола, о чём я вкратце сказал выше".

Власов подумал было вернуться к пропущенным страницам, но решил не суетиться.

"Иных грехов за мной тогда не было" – продолжал князь.

"Вот именно" – подумал Власов. Было уже ясно: Хайнрих цу Зайн-Витгенштайн играл не слишком-то важную роль, как бы ему ни хотелось доказать себе и читателям обратное.

"Неизвестно, чем закончилось бы наше обсуждение, если бы не энергичная речь Канариса, поддержанная мной и Йодлем. Он убедил нас, что единственным нашим шансом было немедленное выступление – пока страх и уныние не сломили наши ряды. В сложившихся обстоятельствах нам было нечего терять, кроме чести. Честь же легко защитить: достаточно одного выстрела".

Фридрих подумал об Эберлинге, избравшем иной выход, и с тяжёлым сердцем убрал страницу с экрана.

Очередной дат начинался со страницы 329. Страница была озаглавлена: "Эдвард Дитль".

"Я приступаю к этой части своего повествования не без колебаний и сомнений", – писал князь, особенно аккуратно выписывая каждое словечко, – "поскольку многое из того, что я должен сообщить современникам и потомкам, может показаться им посягательством на лавры наших предков и честь нашего общего дома, Германии.

Однако, славя победы – или то, что в то или иное время принято считать победами – и обходя молчанием промахи, поражения и в особенности преступления своих отцов, потомки мнят, что оказывают им услугу, не отдавая себе отчёта в том, что перед лицом вечности, которая рано или поздно поглотит всё, гордо выставляемые и стыдливо скрываемые поступки выглядят в равной степени ничтожно. Лишь духовное очищение, признание своих грехов и искренне покаяние в них способно очистить нашу кровь, нашу почву..."

– Пакость какая, – прошептал по-русски Власов. Он-то хорошо знал эти рассуждения: они были одним из самых ходовых инструментов в рабочем наборе атлантистской пропаганды правого толка. Особенно хорошо этим инструментарием владели скунсы: страна, чья истинная история была погребена в глубоких подвалах соответствующих служб (неизвестно было даже, кто же на самом деле убил их самого популярного президента), обожала заниматься обличениями чужой истории и неплохо за это платила. Не то чтобы Фридрих был против обнародования исторической правды, но "историческая правда" в американском исполнении выглядела следующим образом: из двух сторон конфликта одна провозглашалась либо невинной жертвой (и тогда любые ее

действия априори оправдывались самозащитой), либо борцом за правое дело (и тогда то же самое оправдывалось высокой целью) – а затем начинался самый скрупулезный разбор действий (и в особенности насильственных действий) другой стороны.

Впрочем, положа руку на сердце, нельзя было не признать, что тем же самым, только с обратным распределением ролей, периодически грешила и имперская пропаганда.

"Итак, я намерен поведать миру правду об Эдварде Дитле – в том числе ту правду, которую сейчас не знает уже никто из живущих. Увы, сейчас некому ни подтвердить, ни опровергнуть мои показания на этом суде истории. Я могу лишь ручаться своим словом солдата в том, что я говорю правду, насколько она мне известна. В мою пользу говорит то, что я сам был свидетелем и участником описываемых событий.

Официальная биография первого Райхспрезидента хорошо известна в Германии и в Райхсрауме. Для читателя, незнакомого с дойчскими учебниками истории, всё же напомню самое главное.

Дитль родился в 1890-м году в Баварии. Во время Первой Германской войны был командиром роты, и хорошо зарекомендовал себя в этом качестве. С 1920 года состоял в Национал-социалистической партии Германии, будучи, таким образом, ветераном партии. В том же году он вернулся на военную службу, где и преуспел. С 1935 года он становится командиром 99-го горно-стрелкового полка, история и боевой путь которого теперь известны каждому дойчскому школьнику. Опять же, как известно каждому дойчу, первым в истории Германии он стал кавалером нового ордена – Рыцарского Креста с дубовыми листьями. Уже в чине генерал-оберста он удостоился особой чести – стал первым дойчем, награждённым Нарвикским щитом, учреждённым в честь захвата и обороны норвежского Нарвика. Именно в честь Дитля на этом нарукавном знаке изображён цветок эдельвайса, символ горных егерей, которыми он командовал. 21 марта 1941 г. эту награду ему вручил лично Хитлер. Полагаю, впоследствии Дитль вспоминал эту сцену со смешанными чувствами.

В 1941 году Эдвард Дитль был назначен командиром горно-стрелкового корпуса. Примерно тогда же появились явственные признаки своего рода культа Дитля: официальная пропаганда принялась восторженно описывать его военные подвиги. Дитль охотно принял на себя роль "идеального дойчского солдата" и позировал перед фотографами. Не буду рассуждать о том, насколько такое поведение украшает дойчского воина: в конце концов, существуют определённые пропагандистские цели, ради которых следует временно отложить присущую дойчам сдержанность, столь противоположную западному стремлению к известности, глянцевым фотографиям и славе так называмой "звезды". Увы, внимание и восхищение публики подобно лести – оно развращает душу. Впоследствии Дитль удовлетворил своё непристойно воспалённое тщеславие в полной мере: на протяжении всей оставшейся жизни его портрет висел в каждом дойчском доме".

Власов перешёл на следующую страницу.

"Но вернёмся к фактам – или к тому, что сейчас принято считать фактами. Согласно официальной версии, после Сентябрьских убийств Дитль совершает перелёт в Берлин, где и принимает полномочия Председателя Комиссии по расследованию преступлений против Райха. Несколько позже – в этом вопросе дойчские источники, обычно весьма подробные, почему-то (я ещё скажу, почему) начинают пестреть белыми пятнами и следами умолчаний – он принимает на себя также дополнительную ношу временно исполняющего обязанности райхсканцлера. Специалисты, знакомые с архивами,

утверждают, что это назначение произошло с многочисленными нарушениями процедуры. Фактически же это назначение было проведено под сильнейшим давлением, что нехотя признают даже записные апологеты режима.

14 марта 1942 года Дитль становится райсхканцлером. К тому моменту он начинает создавать свои структуры, неподконтрольные триумвирату. Дойчские историки из числа самых объективных сквозь зубы признают, что известную помощь в этом ему оказывал Гёринг, фактически отстранённый от власти, но всё ещё остававшийся влиятельной фигурой".

Власов перелистнул страницу, окинул взглядом следующую и стал читать с последнего абзаца:

"Длительная борьба с триумвиратом за власть не могла не сказаться на качестве руководства страной, и в первую очередь в военной области. Война забуксовала, превратившись из стремительной и победоносной в изматывающе-обременительную. Хитлер был лишён истинного военного гения, но хотя бы обладал отчаянным авантюризмом, позволявшим ему совершать невозможное; Дитль же не имел и этого. В конце концов он принял решение пожертвовать своей страной и её интересами, но не своей властью.

8 августа 1945 года Дитль лично подписал четырёхсторонний Женевский договор..."

На следующей странице было продолжение:

"...который положил конец законным притязаниям Германии на окончательную победу и доминирование в мире. Этот капитулянтский по своей сути документ дойчская пропаганда до сих пор восхваляет как величайшую победу. Я ещё не раз вернусь к этому позорному и нелепому договору. Пока же только скажу, что, как дойчский воин, неоднократно рисковавший жизнью во имя Германии, я считаю этот договор оскорблением своей воинской чести, как потомок германцев и член Тевтонского Ордена – величайшим предательством деяний предков, а как политический мыслитель – постыдной ошибкой, все последствия которой..."

"Тоже мне, политический мыслитель", – зло подумал Власов. "Интересно, что он скажет про атомную бомбу?"

"...станут ясны лишь отдалённым потомкам.

Не скрою, моя позиция может быть не понята дойчами, воспитанными на продитлевской пропаганде. Мирный договор и отказ от множества территориальных приобретений Германии подаётся как необходимая жертва или военная хитрость, позволившая избежать ядерной войны в Европе – в условиях, когда у Германии не было атомного оружия. Никому не приходит в голову, что преступная задержка с созданием атомной бомбы целиком и полностью лежит на совести германского руководства, то есть прежде всего Дитля. Именно он, и никто другой, виновен в том, что дойчи не подчинили себе атомную энергию первыми. Достаточно снять шоры с глаз, чтобы понять: следовало бросить все усилия и все средства на ядерный проект. Можно было похитить ядерные секреты у врага. Наконец, в самом крайнем случае можно было рискнуть и продолжать войну: вряд ли наши враги в ту пору обладали достаточным количеством ядерных зарядов, чтобы сокрушить сердце Германии. Нет ничего невозможного, если напрячь волю. И, добавлю, нет ничего возможного, если воля отсутствует – или, хуже того, склоняется к компромиссу, к спокойствию любой ценой".

Власов достал влажную салфетку и вытер лоб: в комнате было жарко. Рассуждения

князя были ему знакомы: будучи школьником, он сам задавал такие вопросы – себе и взрослым, за что не раз и не два получал нагоняй от учителя истории. Впоследствии, когда он сам вдосталь поварился в закулисных делах, он только удивлялся, каким образом Дитлю – в его-то отчаянном положении – удалось не только сохранить власть (и, следовательно, страну), но выиграть войну на Востоке и удержать Западный фронт. Князю, однако, было удобнее занять радикальную позицию, отличающуюся от известных рассуждений дедушек из Национал-Патриотического Фронта разве что отсутствием прохитлеровской риторики. Что напишет князь по поводу Обновления?

Это выяснилось через три абзаца, наполненных всё тем же недовольным бурчанием:

"Я не буду подробно анализировать прочие действия Дитля – а именно, искусственное создание поста Райхспрезидента и его узурпацию в 1949 году, его бездарную экономическую политику, ввергшую Райх в послевоенный кризис, запоздалое и непомерно дорогое решение атомной проблемы, позорную Нобелевскую премию мира, принятую Райхспрезидентом из рук западных плутократов. Присущая каждому честному дойчу лояльность до поры до времени заставляла меня терпеть и молчать, несмотря на всё то, что я знал об этом человеке.

Последней же каплей послужил так называемый Второй чрезвычайный съезд Партии и последовавшая за ним компания истребления подлинно германского духа, фарисейски именуемая "Обновлением". В конце книги я освещу подробнее это величайшее преступление против дойчских патриотических идеалов и национальных интересов. Пока скажу лишь одно: именно это побудило меня к тяжелейшему в моей жизни решению – я покинул пределы Отечества. Горький парадокс состоит в том, что я нашёл приют и помощь в стране, самое существование которой противоречило многим моим прежним взглядам. Обо всём этом – то есть о моём переезде в Россию и сопутствующих ему обстоятельствах – я буду говорить подробно в последней части книги".

Слово "помощь" Власова заинтересовало: старик то ли проговаривался, то ли прямо намекал на какое-то участие или интерес российских властей... Впрочем, решил Власов, сначала нужно просмотреть текст до конца.

Очередная страница начиналась словами:

"Но вернёмся к событиям 1941 года. Прежде всего, я намерен разоблачить помпезный, но ничего общего с истиной не имеющий миф о так называемом "перелёте Дитля", призванном затмить в умах другой перелёт. Я свидетельствую – по крайней мере за сутки до начала событий Эдвард Дитль уже находился в Берлине, чему я сам был свидетелем".

Власов шумно выдохнул. Это было сильное заявление.

"В наш круг его ввёл Йодль, который был связан с Дитлем через своего брата Фердинанда. Однако активнее всего его продвигал Канарис. До сих пор помню его слова: "Это необходимый нам человек, который возьмёт на себя всю грязь". Имелась в виду силовая часть переворота.

В ту пору я не знал, что Эдвард Дитль ещё в 1920-м году, вернувшись на военную службу, занимался развёртыванием системы партийной пропаганды в войсках и партийной же разведывательной сети, иной раз выполняя при этом весьма деликатные, чтобы не сказать больше, задания. Если бы мне это было известно заранее, я, может быть, отнёсся бы к этому человеку с большим вниманием. Тогда же я, как и большинство

заговорщиков, видел в нём и в его горных егерях всего лишь орудие наших планов.

Впервые я увидел его лично накануне событий, то есть 29 августа 1941 года. Признаюсь честно, в тот момент он произвёл на меня самое благоприятное впечатление. Высокий, подтянутый, с честным открытым лицом, он казался настоящим дойчским героем. Он полностью разделял наши цели и идеалы и был готов буквально на всё. Кроме того – впрочем, это было главное – за ним стояла сила, а именно альпийские стрелки. Оказывается, Дитль своим личным распоряжением перебросил часть наиболее преданных ему..." Здесь текст обрывался всё тем же квадратом.

Следующий дат начинался с триста сороковой страницы.

"Воистину, история не знала столь бредовой авантюры, столь плохо подготовленного плана, увенчавшегося в конечном итоге успехом! Вспоминая это сейчас, могу сказать так: мы все должны были погибнуть. Нас спасла череда случайностей, а также та наглость отчаяния, которую иногда проявляют осуждённые на смерть, бросаясь со скованными руками на палача.

Прежде чем продолжить, я напомню интересную, но мало кем замечаемую деталь. Несмотря на горы книг, посвящённых Сентябрьским убийствам, до сих пор не существует ни одной сколько-нибудь убедительной реконструкции того, что же именно происходило в то роковое утро. Не существует даже полного списка всех жертв – точнее, имеют хождение несколько его версий, и имперские историки с увлечением спорят, был ли такой-то депутат, охранник или просто случайно попавший в здание посетитель жертвой Сентябрьских убийств или нет.

Официально это объясняется тем, что Комиссия первым делом наложила лапу на все материалы, связанные с Сентябрём: на всякий случай секретом было объявлено всё. Впоследствии же начались обычные в таких случаях бюрократические игры – выяснилось, что основная масса документов не может быть вынесена в публичный доступ в сколько-нибудь обозримом будущем. Специально прикормленные историки на содержании известных служб иногда получают возможность посмотреть тот или иной документ, что только запутывает дело. Во всем Райхсрауме не существует даже ни одного художественного фильма, где сцены убийств были бы сняты на плёнку. Великая Лени Рифеншталь лично говорила мне, что пыталась получить разрешение на съёмки подобного фильма, но получила решительный отказ. Неудивительно: владыки Райха не хотят, чтобы у его жителей появился бы хоть какой-то образ, пусть ложный, но всё-таки образ этого важнейшего события нашей истории. Слепое пятно и отсутствие всякого света – вот то единственное, что их устраивает.

Я восполню этот постыдный пробел в исторической правде – так, как могу. Разумеется, кроме моих личных воспоминаний здесь будет и то, что мне удалось выяснить, пока я ещё находился в рядах заговорщиков, уже победивших, но ещё не вступивших в схватку друг с другом и поэтому откровенных. Впрочем, время откровенности быстро кончилось.

Начнём с того, что заседание Райхстага было назначено на раннее утро – по личной просьбе (то есть приказу) Хитлера, намеренного выступить с речью. Мы были уверены, что эта речь будет посвящена разоблачению "подлого заговора против Фюрера и народа Германии". В пользу этой версии говорило и то, что была запланирована радиотрансляция. Впрочем, Хитлер любил звуки собственного голоса и при каждом удобном случае стремился облагодетельствовать всех дойчей возможностью лишний раз послушать извергаемый им вздор, иногда по нескольку часов подряд.

Нельзя сказать, что здание Райхстага не охранялось. Напротив, оно охранялось слишком хорошо. Существовали как минимум две практически независимые системы охранения помещений, одна из которых занималась исключительно нижними ярусами здания и катакомбами, в том числе охраной подземных ходов, включая пресловутый подземный ход в здание председателя Райхстага. Кроме того, важные персоны посещали здание вместе со своей охраной. Особенно боялись личной охраны Хитлера – полномочия этих людей были столь же высоки, как и их подозрительность.

Однако внешнее охранение здания было откровенно слабым – это было ясно даже мне. Психологически это можно понять: дворец, находящийся в центре имперской столицы, не воспринимался как..."

Здесь текст обрывался, а за ним шла страница триста сорок четвёртая.

"...его личное участие. Дитль был в числе тех пятерых, которые поднялись на купол здания. Как бы то ни было, но это был достойный и смелый поступок, и я должен повторить эти слова даже сейчас.

Подъём представлял собой гротескное зрелище. "Эдельвайсы" поднимались по отвесной стене Райхстага, легко вбивая альпинистские крюки в щели между плитами. Я никогда не мог бы предположить, что подобный способ штурма вообще возможен, если бы не видел это собственными глазами.

Впрочем, что касается видимости, то она оставляла желать худшего: сентябрьская ночь была недостаточно тёмной. Однако ловкость и проворство "эдельвайсов" были таковы, что их тела почти сливались с густой чёрной тенью, отбрасываемой зданием. Двигались они почти бесшумно. Кажется, я слышал приглушённый стук: удары наносились горными молотками, снабжёнными специальными твёрдыми каучуковыми насадками, но совсем бесшумными они всё-таки не были.

После того, как первые пятеро поднялись, по тросам стали поднимать какое-то оборудование. Тогда я не мог разглядеть, что это такое. Возможно, если бы я знал, какое именно оружие они собираются применить, я иначе оценивал бы наши шансы.

Сколько времени это продолжалось, не помню. Мне это показалось вечностью. Так или иначе, у них были все шансы оказаться замеченными, несмотря на удачно выбранное место и густую тень. Я до сих пор уверен, что какой-нибудь старичок, ветеран прошлой войны, страдающий бессонницей и подозрительностью, мог заметить скрытное движение на стене. Возможно, в его жалкой квартире не было телефона, чтобы немедленно сообщить в полицию, и он решил подождать до утра – а утром его всё-таки сморил сон?..

Если же говорить о нашем душевном состоянии в ту решающую ночь, то я назвал бы его возвышенным. Не было ни страха, ни той мелочной суетливости, которая обычно маскирует страх. Светлеющее берлинское небо, чёрно-серая колоннада Райхстага – всё это не внушало нам ни ужаса, ни надежды. Все были спокойны и собраны, равно готовые к победе и поражению. Как сказал великий дойчский поэт (а разве можно не считать дойчем того, кто в цветущие годы оставил своё случайное место рождения ради Германии?), блажен тот, кто посетил сей мир в его роковые минуты. Нечто подобное мы ощущали все. В нас билось одно сердце, в нас жило одно дыхание, мы чувствовали себя единым целым".

Власов попытался открыть очередной платтендат и досадливо чертыхнулся сквозь зубы: в данных был какой-то сбой, и дат не открылся.

Следующий дат содержал страницу триста восемьдесят девять.

"Дверь распахнулась настежь, и оттуда высунулся человек в чёрном комбинезоне и противогазе. Первое, что он сделал – протянул мне такой же противогаз. Он предложил

мне также накидку, но я её отверг.

Пользуясь случаем, разоблачу ещё одну легенду – о людях в "чёрных эсэсовских формах". Именно цвет одежд убийц в дальнейшем стал поводом для тщательно распускаемых слухов, а также и для вполне реальных репрессий против СС. На самом деле это были обыкновенные прорезиненные армейские комбинезоны с накидками, используемые для защиты от ядовитых веществ. Как я слышал краем уха, вся партия была изъята с какого-то старого военного склада лично Канарисом.

Я до сих пор не знаю, какое именно средство они применили. Во всяком случае, это был не зарин, зоман или иприт, а что-то относительно новое – по крайней мере для того времени. Похоже, это действовало очень быстро и смертельно.

Потом, когда всё кончилось, мне пришлось – не из любопытства, а по необходимости – побывать в помещениях охраны на нижних ярусах. Война приучила меня к хладнокровию, но зрелище, открывшееся мне, меня всё же смутило. Там лежали буквально кучи трупов, вповалку друг на друге – все с посиневшими лицами и сухой красной пеной на губах. Кажется, никто не успел взяться за оружие. Иные, похоже, не успели даже проснуться. В одном месте проход загораживал труп тучного мужчины с недоеденным бутербродом во рту. Этот бутерброд почему-то запомнился мне особенно отчётливо.

Но не будем упускать из виду хронологическую последовательность событий. Итак, я вошёл, торопливо надевая резиновую маску через голову..."

На следующей странице верхние абзацы были снова замазаны. Пришлось читать с середины.

"...ими командовал невысокий энергичный человечек – не помню его имени и звания. Кажется, он потом погиб во время перестрелки наверху.

Когда я поднялся по лестнице, я увидел, как по белому мрамору стекает кровь. Я никогда не видел столько крови. Ковровая дорожка разбухла, под ногами хлюпало. Наверху лежал труп. Это был явно штатский – во всяком случае, об этом свидетельствовали очки и серый пиджак, тоже намокший от крови.

"Эдельвайсы" убивали всех, кто оказался на их пути. Возможно, это было единственным выходом – посеять панику, ужас, устроить настоящую бойню, чтобы добраться до нескольких хорошо охраняемых персон.

Итак, я поднялся вверх по лестнице. В моей руке был пистолет, и я не замедлил бы пустить его в ход, попадись мне кто-нибудь на пути. Но никого не было, только из коридора доносились чьи-то невнятные стоны и проклятия. Не знаю, что на меня нашло, но я свернул в коридор. Признаться, я готов был пристрелить раненого – настолько меня разозлила его брань. Умирать со столь грязными словами на устах было недостойно сколько-нибудь образованного человека.

В коридоре было темно: половина лампочек не горела, а остальные едва светили. Возможно, случайная пуля повредила проводку. Посреди коридора лежал на боку грузный человек с серым лицом. Он был одет в штатское. Его лицо сквозь стёкла противогаза показалось мне смутно знакомым, но не более того.

Увидев меня, он попытался было пошевелиться, но тут же бессильно уронил руку. Я приблизился, держа оружие наготове.

Человек с огромным усилием поднял голову и попытался меня рассмотреть.

– Я ваш друг, – сказал я, не спуская с него глаз. – Что здесь происходит?

– Измена, измена... – человек на полу снова крепко выругался, потом взял себя в

руки и постарался говорить отчётливо. – Убивают всех. Где фюрер?

– Не знаю, – честно ответил я.

– Переворот... – простонал человек на полу, но снова сосредоточился. – У меня большая потеря крови. Выбейте дверь в любой кабинет, затащите меня туда и окажите первую помощь. Если вы к тому же найдёте работающий телефон, получите Железный Крест с мечами.

Он сказал это так уверенно, несмотря на слабость, что я сорвал противогаз – судя по тому, что раненый был ещё жив, газа здесь не было – и присмотрелся к нему повнимательнее. Мои усилия были вознаграждены: я его узнал. Это был не кто иной, как доктор Ханс Ламмерс, начальник райхсканцелярии и советник Хитлера по юридическим вопросам. Он не входил в число лиц, которых мы наметили к уничтожению в первую очередь – первоначально мы намеревались лишь арестовать его. Но все наши первоначальные планы уже рухнули, а та кровь, что уже была пролита людьми Дитля, могла быть смыта только ещё большей кровью. К тому же Ламмерс был опасным противником и фанатично преданным Хитлеру человеком. Нужно было принимать какое-то решение, и я его принял".

На этом страница кончалась.

Осталось всего несколько платтендатов. Фридрих открыл очередной. Номера страницы почему-то не было. Почерк стал совсем неровным.

"...усыпано гильзами. Стены были покрыты выбоинами и пулевыми отверстиями. Вдоль коридора лежало несколько чёрных и серых островков – трупы "эдельвайсов" и охранников. Охрана фюрера сражалась до последнего и многих забрала с собой – не знаю, в ад или в Вальхаллу.

Потом открылась левая дверь и оттуда вышел человек в стандартном чёрном комбинезоне и в противогазной маске. На нём также были чёрные перчатки, блестевшие толстой резиной. Высокий, подтянутый, он шёл по коридору уверенной походкой, несмотря на тяжёлый груз – мертвеца, которого он волочил за собой по полу, крепко взяв за воротник, как за ручку.

Присмотревшись, я испытал нечто вроде мистического ужаса. Это было тело Адольфа Хитлера – человека, который ещё несколько минут назад был единоличным правителем самого могущественного в мире государства, повелителем миллионов дойчей, владыкой их тел и душ. Как во сне, я, остановившись, смотрел на неподвижное лицо Хитлера, слипшуюся от пота прядь волос, полуоткрытый рот, из которого текла кровь. Он не был отравлен: его пристрелили, как животное в норе.

Человек в чёрном тащил его так уверенно, как если бы труп был его собственностью – словно лисица или хорёк, несущий к себе в нору добычу. В этом зрелище было что-то отвратительное и одновременно завораживающее.

Внезапно мой ужас перешёл в какой-то странный восторг. Я осознал, что время произнесло свой приговор и мы, дойчи, теперь – к добру или к худу – ступили на новую историческую землю. Повинуясь импульсу, исходящему из глубины души, я встал по стойке, вытянулся и выбросил вперёд правую руку в общеизвестном жесте.

Человек в чёрном внимательно посмотрел на меня. Я не видел его рта, но мне показалось, что он улыбается. Он тоже сделал жест, слегка помахав мне поднятой рукой со сжатыми пальцами.

Через много лет я увидел абсолютно тот же самый жест у некоего знаменитого (не могу назвать его великим) политика, выступавшего с трибуны ООН, в момент его

наивысшего торжества.

Я не могу поклясться, что это был один и тот же человек. Но даже если это он – это будет то деяние, которое я никогда не поставлю в вину ему одному, пусть даже он сделал это лично, своими руками. Мы все виновны, и я не хочу отрицать собственную ответственность. Тем не менее, я не могу отрицать и того, что..."

Фридрих усмехнулся, подумав о том, как мог бы снять подобную сцену хороший холливудский режиссёр.

Следующий дат содержал сразу несколько страниц, начиная с номера 403. Они были написаны аккуратнее.

"Проблемой оставался Гёринг. К сожалению, у него – помимо вполне понятной осведомлённости о заговоре – на руках было грозное оружие: указ Хитлера от 29 июня, в котором Гёринг объявлялся преемником фюрера в случае неспособности последнего руководить страной. Несмотря на чрезвычайные полномочия, которые успела присвоить себе Комиссия и вытекающую из них возможность тянуть время, это был, как говорят англичане, упрямый факт. Кроме того, Гёринг знал о наших возможностях практически всё. С другой стороны, триумвиры были готовы любой ценой закончить то, что начали. Если бы не было другого выхода, они не остановились бы ни перед чем.

Я не осведомлён о подробностях переговоров с Гёрингом, в которые пришлось вступить Гудериану и Канарису. В конце концов они сошлись на том, что Гёрингу гарантируется неприкосновенность, он также сохраняет за собой пост министра авиации, хотя реальное управление переходит в другие руки.

Мне же была предложена должность его личного адъютанта. Формально для офицера в звании хауптмана и должности командира эскадрильи -это большой карьерный взлет. Фактически же мне предложили стать одновременно шпионом и надзирателем триумвирата при человеке, превращающемся в ничего не решающую куклу. Подобная роль была категорически несовместима с моими представлениями как о дворянской, так и об офицерской чести, не говоря уже о том, что она лишала меня возможности вернуться к летной работе..."

При всем своем разочаровании в былом кумире Фридрих знал, что, говоря о своем стремлении обратно на фронт, князь не лукавил. Незадолго до этого командиру Виттгенштайна стоило большого труда уговорить его взять отпуск и уехать в Растенбург, чтобы получить награду из рук фюрера (тоже, очевидно, "со смешанными чувствами"). Князь опасался, что за время его отсутствия двое других прославленных пилотов, Лент и Штрайб, могут перегнать его по числу сбитых самолетов. Впрочем, очевидно, Виттгенштайн вполне согласился бы и на штабную должность – и даже рассчитывал на таковую, принимая участие в заговоре – но только не при Гёринге, где отныне уж точно нельзя было стяжать никакой славы, а при ком-то, реально определяющем судьбы Райха. И именно отсутствие соответствующего предложения и стало корнем его дальнейших обид...

"Прежде чем рассказывать о дальнейшем, отмечу ещё одно условие, которое поставил этот человек триумвирату: никто из триумвиров не должен был сосредоточивать в своих руках единоличную власть. Ему позволили ощутить, что он отстоял это требование в трудной борьбе (уступив в некоторых других пунктах), хотя на самом деле оно соответствовало изначальным договоренностям триумвиров, сошедшихся на том, что им удобнее и проще будет поставить на это место фигуру второго плана.

В этой ситуации Дитль также повёл себя умно, точнее сказать – хитро. Вовремя

сообразив, что, скорее всего, все сойдутся на той персоне, которая появится последней, он совершил красивый ход – покинул Берлин, вернувшись в свои снега. Это был уже второй перелёт, который он совершал, но не в Берлин, а из него.

Пятого сентября, наконец, было сделано официальное сообщение о гибели фюрера и ещё полутора десятков человек из числа первых лиц государства. Особняком прошло сообщение о смерти Гёббельса. О полном списке жертв Сентябрьских убийств спорят и сейчас. Могу лишь сказать, что это должен быть очень длинный список.

Пятого же числа Дитль совершил тот самый знаменитый..." – страница закончилась.

Следующей была не 404-я, а 406-я страница.

"...предпочту отправиться обратно на фронт, где смогу принести больше реальной пользы Райху и народу Германии, нежели служа ниткой для марионетки.

После этого я ожидал всякого – в том числе и того, что Дитль решит меня уничтожить. Но я не мог и подумать, что он и в самом деле отпустит меня обратно. В конце концов, я знал смертельно опасные вещи. Вместо этого он сказал: "Хорошо, я уважаю ваше решение. Вы могли бы понять, что я не могу сейчас избавиться от этого жирного борова. Это политика. Но если вы не готовы поступиться личными амбициями ради интересов общего дела – не смею вас задерживать". Кажется, именно в этот момент я понял, что он не рассматривает себя как "Хансвюрста", как его называл Йодль, или "временную техническую фигуру", по несколько более деликатному выражению Канариса – он думает о реальной власти. И уж, конечно, сам никакими амбициями поступаться не собирается.

Через много лет, окидывая взглядом прошедшее, я думаю: возможно, я допустил ошибку, не согласившись быть теневой фигурой в министерстве? В конце концов, самому Дитлю удалось – хотя и огромной ценой, о которой я уже говорил и ещё буду говорить впоследствии – искусно лавируя между разными силами, подчинить себе триумвират и стать тем Райхспрезидентом, которого мы знаем. К добру или к худу, мой позвоночник слишком негибок для того, чтобы долго стоять в полусогнутом положении.

Но тогда я был, признаться, взбешён. Участие в заговоре должно приносить победу или смерть, но не возвращение на прежнее место, в том же звании и должности. Я принял это, но не смирился. Более того, я надеялся, что после избавления от Гёринга – чего я наивно ожидал ещё долгое время – обо мне вспомнят.

Увы. Именно Гёринг стал той точкой опоры, благодаря которой Дитль сумел перевернуть ситуацию.

Разумеется, Эдвард Дитль вполне разделял те чувства, которые мы все питали к этому человеку, предавшему наше дело и доверившихся ему людей. Однако марионетка на престоле – впрочем, престол ещё следовало создать! – и опальный, но все же не растерявший окончательно связей и влияния партийный лидер нашли общий язык. Один хотел получить верховную власть, другой – выжить и вернуть себе хотя бы часть былого влияния.

Даже когда Дитлю удалось провернуть аферу с райхспрезидентством, одновременно аннулировав и волю Хитлера, и решения триумвирата о коллективном руководстве, он продолжал держаться за Гёринга. Только в 1945 году, после подписания Женевского договора, он решил, что старый предатель ему больше не нужен. Однако и тогда он не стал его уничтожать, хотя и отнял у него, наконец, министерский пост.

Должен сказать: неопределённость, воцарившаяся в результате "полуотстранения"

Гёринга – который формально продолжал оставаться имперским министром авиации, самым роковым образом отразилась на наших военных действиях. Отсутствие легитимно действующего начала, отступление от фюрерпринципа, пусть даже отчасти оправданное политическими соображениями, неизбежно ведёт..."

Власов сменил страницу – времени на чтение почти совсем не осталось.

"Даже смерть Гёринга в 1946 году сопровождалась официозным некрологом весьма двусмысленного свойства, из которого при желании можно было вычитать намёки на нездоровый образ жизни покойного. На партийных же политинформациях прямо говорилось, что Гёринг умер от обжорства и пьянства. Некоторые поговаривали о самоубийстве на почве алкоголизма – и эти разговоры никто не останавливал.

Теперь я должен сказать несколько слов о политике триумвиров. Обычно им ставят в заслугу "гениальное" решение восточного вопроса. На самом деле оно было тривиальным: прекратить радикальную политику Хитлера по отношению к русскому населению. Не спорю, это была разумная мера. Отчасти разумной была и опора на русские антикоммунистические силы. Однако создание Райхсраума и независимой – хотя бы формально – России было очередной преступной ошибкой, ибо противоречило предначертаниям самой истории. Задача германизации славянских земель могла быть решена лишь путём продолжения политики Тевтонского Ордена, разумно изменённой и приспособленной к новым условиям..."

Фридрих с раздражением закрыл страницу: ещё раз знакомиться с изложением теоретических построений лихачевского кружка, да ещё и перемешанных с "тевтонской мистикой" у него не было ни времени, ни желания.

Этот дат оказался последним. За кадром, очевидно, оставалось много любопытного – например, рассказ о французском плене, написание "Тактики", обстоятельства переезда в Россию и всё за этим последовавшее. Однако, судя по всему, это всё показалось юдскому жулику безобидной болтовнёй, не способной заинтересовать покупателей, и он не стал это сканировать.

Что ж, кажется, Власов как раз уложился во время. За окнами светало. Пора было ехать в банк.

Kapitel 58. Тот же день, утро. Москва, улица Краснова, 18 – проспект Освободителей.

Фридрих прибыл в банк в 9:04. Вежливый служащий в строгом сером костюме проводил его в хранилище и оставил в одиночестве; Власов быстро отыскал нужную ячейку и ввел код, затем вставил ключ. Тот повернулся с мягким клацаньем, и тяжелая металлическая дверца приоткрылась. Фридрих поздравил себя с удачей: выходит, он все определил правильно. Тут же, впрочем, в глубине сознания плеснулся иррациональный страх, что ячейка окажется пустой.

Однако пустой она не была. Внутри лежал тщательно заклеенный пакет из плотной серой бумаги. То, что находилось в пакете, формой, размерами и весом действительно напоминало книгу.

Фридрих, естественно, не поддался искушению разорвать пакет тут же, под недреманым оком висящей над входом видеокамеры. Не сделал он этого и две минуты спустя, когда сел за руль. Лишь отъехав от банка километра на три и удостоверившись, что скорее всего за ним все-таки не наблюдают – как видно, у ребят Бобкова в это утро хватало других проблем – Власов заехал в какую-то подворотню и вскрыл свой трофей.

Это была не книга. Бумаги, уложенные аккуратной стопкой между двумя листами твердого картона, были сложены так, что походили на страницы одного размера – но на самом деле это были совсем разные бумаги. Дневниковые записи, исписанные выцветшими чернилами листы, вырванные из блокнотов и тетрадок. Отчеты, отпечатанные на пишущей машинке... на разных пишущих машинках, отметил профессиональным взглядом Фридрих. Но главное – карты. Их было больше всего. Разного масштаба, все – довоенные, некоторые даже нарисованные от руки. И на каждой – значки, знакомые любому школьнику, проходящему по географии полезные ископаемые. Вот только, расставь этот школьник значки таким образом, он получил бы двойку. В официальных атласах на этих местах ничего не было...

Порциг был прав. Россия оказалась богатейшей в плане минеральных ресурсов страной. Нефть, алмазы, редкоземельные элементы – все это было здесь. Фридрих держал в своих руках миллиарды... возможно, даже триллионы. Клад Эренбурга, он же – архив Шмидта. Да, это не какие-то зарытые в лесу ящики с золотыми слитками...

"Я сейчас желаю двух вещей, – вспомнилось ему. – Или чтобы никто не нашёл эти бумаги. Или чтобы вы нашли их первым. И передали своему начальству. Своему, а не российскому." Что ж... так он, видимо, и поступит. Но не прямо сейчас. Сначала пусть закончится вся эта катавасия и восторжествует порядок. Тогда появится уверенность, что бумаги не попадут не в те руки. Подумать только – столько лет ими фактически владели злейшие враги Райха и России... последний из таковых – еще сегодня ночью. Да, Зайну не хватило считанных часов, чтобы заполучить архив – прямо как в холливудских триллерах, где злодея останавливают в последний момент. Интересно, как ему удалось получить код и ключ? Теоретически это можно выяснить – добраться до обитателя американского дома престарелых не так уж сложно... вот только интуиция подсказывала Фридриху, что осуществившие это агенты найдут лишь старого маразматика, неспособного дать внятные объяснения при всем желании. Удивительно, от сколь ничтожных людей зависят порой судьбы мировых держав...

Фридрих тщательно упаковал бумаги обратно в пакет и сунул его во внутренний карман куртки, застегнув таковой на молнию. Почти тут же он ощутил под курткой вибрацию, словно большевицкие тайны стремились вырваться наружу. Но это был всего лишь целленхёрер. Мюллер наконец получил возможность переговорить с подчиненным напрямую.

– Какие у вас новости, мой мальчик? – осведомился знакомый голос со все той же неспешно-брюзгливой интонацией.

– Пока никаких, – ответил Фридрих, испытывая гадливое чувство от того, что вновь вынужден врать шефу. А что, если за его поездкой в банк все-таки проследили, и притом не дэгэбэшники, а свои? В ситуации вскрытого заговора такое недоверие вполне возможно – даже по отношению к тому, кто сам же этот заговор и вскрыл... – А у вас? – нахально осведомился он.

– Мы разворошили осиное гнездо, – ответил Мюллер, и на сей раз в его брюзгливости послышалась нотка удовлетворения. – Но, кажется, успели сделать это вовремя. Наш друг очень не любит, когда с ним шутят такие шутки. И шутникам сейчас не до смеха.

Понятно, подумал Фридрих. Разъяренный Ламберт задействовал собственные ресурсы, чтобы вывести заговорщиков на чистую воду. А ресурсы у далеко не последнего человека в партии немаленькие, и за какие ниточки тянуть, он знает – как-никак,

заговорщики общались с ним непосредственно, причем, очевидно, не те мелкие сошки, которых сдал Эберлинг... интересно, был ли среди них сам Хайнц? На правах старого знакомого – вполне мог быть, но тогда бы, вероятно, Мюллер уже бы знал и сообщил о его предательстве. Нет, надо полагать, Хайнц не выходил на "дядю Клауса" сам, но это, конечно, дает ему лишь временную отсрочку. Любопытно, какой будет первая реакция Ламберта, когда он узнает? Не поверит? Или сразу – "И ты, Брут?"

– Он прилетит, как запланировано? – спросил Фридрих.

– Да, рейс уже в воздухе и должен приземлиться в 11:20. Формально программа визита не меняется, если, конечно, он не задумал каких-нибудь сюрпризов... хотя едва ли теперь ему захочется лишний раз рисковать. Но его безопасность сейчас уже не наша забота. Сколько часов вы не спали?

– Почти 26, – честно ответил Власов, взглянув на часы и попутно с удивлением отметив, что просмотр бумаг Шмидта занял у него почти час.

– Можете немного отдохнуть, – разрешил Мюллер. Фридрих не обольщался – он понимал, что "немного" значит именно "немного", и шеф может вновь затребовать его в любую минуту. Но пока экстренной необходимости в этом не было, и шеф давал ему возможность хоть частично восстановить форму. Действительно, от засыпающего на ходу сотрудника толку мало...

Что ж, возможность поспать сейчас очень кстати. Фридрих почувствовал, как усталость, которую доселе удавалось оттеснить куда-то на периферию, наваливается на него всей тяжестью, словно перегрузка на выходе из пике. И не только усталость последних суток. Вся последняя неделя выдалась еще та. Да и предыдущая... тоже...

– Правильно, поспи, – раздался из-за правого плеча знакомый голос. – Как я сказал, я не прошу твоей помощи – просто не мешай.

Фридрих резко обернулся. На заднем сиденье "BMW" сидел Эберлинг собственной персоной.

– Что ты здесь делаешь? – удивленно воскликнул Власов.

– Лучший способ спрятать – положить на видное место, лучший способ скрыться от погони – не бежать вообще, – усмехнулся Хайнц. – Тем, кто будет искать и, вероятно, уже ищет меня по всей России, не придет в голову посмотреть здесь, не так ли?

– Ты дурак, Хайнц, – покачал головой Фридрих. – У тебя был шанс. Ты его не использовал. Теперь тебе уже не скрыться.

– Я думал, за четверть века ты лучше изучил меня, Фриц, – усмехнулся Эберлинг. Демонстративное "Фриц" прозвучало, как звук пощечины. – Ты в самом деле возомнил, что я наложил в штаны и выпросил двенадцать часов, чтобы удрать? Зарыться в землю, как последнее ничтожество? К твоему сведению, это время было нужно мне лишь для того, чтобы доделать дело, которому ты пытался помешать.

– У тебя ничего не выйдет. Твоих подельников сейчас арестовывают и здесь, и в Дойчлянде. Охрана Ламберта усилена, ты не сможешь к нему подобраться. Времена террористов-одиночек прошли.

– Как знать, Фридрих, как знать, – загадочно улыбнулся Эберлинг.

"Почему я так спокойно говорю с ним? – удивленно подумал Власов. – Ведь я должен его арестовать." Он потянулся за пистолетом, но почему-то никак не мог нащупать оружие. Рука все время натыкалась на плотный бумажный конверт.

– Однако мы с тобой заболтались, а мне уже пора, – все с той же издевательской улыбкой изрек Хайнц. – Я еще должен успеть на аэродром, – с этими словами он открыл

дверцу и полез наружу. Фридрих рванулся, пытаясь его задержать, хотя бы и голыми руками, но сила ушла из его мышц, а воздух неожиданно сделался плотным и вязким. Плотным, словно вода – но при этом абсолютно сухим, таким, что от него пересыхал рот. Власов в последний раз отчаянно рванулся вслед уходящему Эберлингу – и открыл глаза.

Он полулежал в кресле, откинув голову на спинку, и с неудовольствием понял, что во сне у него отпала челюсть, как у покойника – оттого и сухость во рту. Уже понимая, что это глупо, он все же не удержался и бросил быстрый взгляд на заднее сиденье. Там, разумеется, никого не было.

Спать в машине, конечно, не следовало, особенно в нынешней ситуации. Надо было сперва доехать до дома. Ну ладно, нет худа без добра – вроде бы ничего страшного не случилось, а небольшой заряд бодрости он получил. Но уж теперь – домой. Пока это слово еще означает точку С, но скоро он уже отправится домой по-настоящему...

Послушно заурчал двигатель. Власов выехал из подворотни. Сон, однако, не шел из головы, и Фридрих не стал от него отмахиваться. Глупые суеверия – это одно, а работа, которую продолжает проделывать мозг даже во сне, подсказывая сознанию ответы, ускользнувшие от него наяву – дело совсем другое. Вполне возможно, что Эберлинг – тот Эберлинг, что из сна – действительно сказал правду. Такое и впрямь более соответствовало характеру Хайнца, чем трусливое бегство. Но – лишь в том случае, если шанс "доделать дело" все же был. Хайнц был хорошим профессионалом, но не фанатиком; он мог пойти на серьезный риск и даже на верную смерть – но не на бессмысленное самоубийство. Но ведь правда и то, что ответил ему во сне Фридрих: к Ламберту сейчас не подобраться...

Предположим, у Эберлинга действительно был резервный план на случай провала. Возможно, такой план, о котором не знает никто, кроме него самого. В этом случае аресты подельников ему пока не очень страшны... но что он может сделать один? Что стал бы делать на его месте сам Власов? Собственно, Фридрих уже начал решать эту задачу – во сне, когда его мозг придумывал реплики за Эберлинга. Аэродром, успеть на аэродром... Эберлинг собирается осуществить теракт прямо во Внуково, куда – быстрый взгляд на часы – пятьдесят минут спустя должен приземлиться Ламберт? Шансов еще меньше, чем где-нибудь по дороге. Начиная с конца шестидесятых дойчские, а следом и московские аэропорты защищены от терактов очень хорошо – за образец, кстати, был взят израильский опыт, хотя официально об этом, конечно, не говорили. Защищены даже в обычные дни, а уж тем более теперь, когда по случаю прилета Ламберта – и сопровождающих его визит обстоятельств – все будут стоять на ушах... Не то что Эберлинга – самого Мюллера близко не подпустят к проми-зоне. Нет, после посадки Ламберт будет в безопасности. Да, но как насчет *до*? Вокруг аэропорта, конечно, тоже есть охрана, но она не в состоянии контролировать километры территории. У лайнеров длинная пологая глиссада, рядом проходит оживленное Киевское шоссе, теоретически достать садящийся самолет "стингером" (почему-то на ум пришел именно американский "стингер", а не русские или дойчские ПЗРК) возможно прямо из окна машины... Впрочем, как было известно Фридриху, все правительственные самолеты, формально сугубо гражданские, оснащены противоракетными средствами, включая систему обнаружения, постановщик помех, инфракрасные и радиолокационные ловушки. Но любой летчик знает, что полной гарантии это не дает. Особенно в случае такой большой и неманевренной цели, как авиалайнер.

Правда, для этого еще надо раздобыть зенитно-ракетный комплекс, что, между

прочим, не так-то просто, особенно если Эберлинг готовил свой "план Б" без соучастников. Но, возможно, соучастники все же есть?

Фридрих вновь посмотрел на часы. 10:24. Надо принимать решение. Пока что все его предположения – лишь домыслы, выведенные из собственного сна, и время, отведенное по их уговору Эберлингу, еще не истекло, а доказательств, что Хайнц нарушил свою часть соглашения, никаких... Ладно, к черту уговор. Нельзя рисковать судьбами Райха из-за какой-то высокопарной чуши. Впереди как раз зажегся красный свет, и Власов воспользовался вынужденной остановкой, чтобы отстучать KMD Мюллеру: "ХАЙНЦ ЗАГОВОРЩИК. ПОДОЗРЕВАЮ ПОПЫТКУ СБИТЬ Л. ПРИ ПОСАДКЕ"

Облегчение от сознания исполненного долга, однако, не наступило. Что-то продолжало беспокоить Фридриха. Что-то, связанное со сном... или не со сном? Какая мысль вертелась у него в голове перед тем, как он отключился? Никак не вспомнить... черт, как же все-таки спать хочется – сейчас, если верить медикам, его работоспособность снижена процентов на 40...

Завибрировал целленхёрер. Фридрих, не упуская из виду дорогу, метнул взгляд на экранчик. Там появилось одно слово – "ДОКАЗАТЕЛЬСТВА?"

"ГОЛОС НА ПЛЕНКЕ. ОН УБИЛ РУДИ", – отстучал морзянкой Власов и, упреждая очевидное предположение, добавил: "НЕ ПОДДЕЛКА".

"ПОНЯЛ", – коротко ответил шеф. Фридрих ждал новых указаний, но их не последовало. Видимо, даже такому человеку, как Мюллер, требовалось время, чтобы переварить новость. И чтобы решить, насколько он может доверять самому Власову...

"BMW" катил на запад по Новому Арбату. Опять время принятия решения: уйти на следующем повороте направо, в Трубниковский – и отправиться отсыпаться, или же ехать во Внуково самому? Вроде бы во втором нет никакого смысла – во-первых, до посадки он, скорее всего, не успеет, во-вторых, его не подпустят к Ламберту точно так же, как и любого постороннего. Да и если бы даже пустили, что бы он сказал или сделал? Закрывал бы Ламберта грудью, оттеснив профессиональных телохранителей? Убедил бы отменить визит и вернуться в Берлин из страха перед рыщущим неведомо где Эберлингом? Смешно.

Фридрих включил правый поворотник, но интуиция продолжала бить тревогу. Проклиная несовершенный человеческий мозг, ограничивающийся туманными намеками подсознания там, где нужен четкий ясный ответ, Власов поехал прямо.

Кстати, как именно ехать? Самый прямой путь из центра Москвы во Внуково – по Власовскому проспекту, но он остался к югу. Навигатор все равно рекомендовал на следующем повороте уйти налево, на Садовое кольцо, но затем свернуть направо еще до Крымского моста и ехать не по Власовскому, а по Молодежному проспекту. Но Фридриху не слишком хотелось связываться с Садовым кольцом в воскресный праздничный день – он уже знал, что пробка здесь может возникнуть в любой момент, да и без пробок настоишься на светофорах. Уж лучше рвануть прямо, через проспект Освободителей и Можайское шоссе: навигатор демонстрировал, что обстановка там совершенно безоблачная – очевидно, дорожные службы проявили оперативность, устранив всякие последствия ночных событий. Ну а затем налево по МКАД, где разрешены 110 км/ч вместо городских шестидесяти. На семь километров длиннее, зато надежнее.

Кстати, как раз таким путем, только в обратном направлении, две недели назад таксист вез его самого. И, скорее всего, таким путем повезут и Ламберта. Везти высоких гостей из Райха в Кремль по проспекту Освободителей – это давняя московская традиция.

Главная московская правительственная трасса – именно по ней проходит маршрут из Кремля на подмосковные дачи российских лидеров и обратно; опять же, вроде бы демонстрация лояльности и уважения, отраженных и в названии проспекта, и в знаменитом памятнике... и в то же время кое-кто вкладывает в слова "освободитель" и "освобождение" совсем не тот смысл, который приятен германским ушам.

"BMW" оставил позади Новоарбатский мост и покатил по широкому прямому проспекту. Машин было довольно много, но не настолько, чтобы это вызывало опасения. В прицнипе в это время следовало ожидать более густого встречного потока, но левая проезжая часть выглядела подозрительно свободной. Похоже, так и есть – дорогу уже принялись расчищать для кортежа Ламберта. Движение пока не перекрыто, но доповцы, очевидно, уже начали мягко, дабы не создать пробок по бокам, перенаправлять транспортные потоки на другие магистрали. Ту проезжую часть, что вела из Москвы, это, разумеется, никак не затрагивало и потому Фридриха, ехавшего в крайнем левом ряду, не беспокоило.

Не беспокоило его это до самой Поклонной горы, напротив которой целеустремленные зады едущих впереди машин вдруг начали озаряться раздраженными стоп-сигналами. Движение скисало на глазах. Власов попытался перестроиться вправо, но, как обычно и бывает в таких ситуациях, выиграл лишь жалкую сотню метров. На экране навигатора замигала красная клякса предупреждения о пробке, но было уже слишком поздно. "BMW" был затерт со всех сторон.

"Ну и черт с ним, – подумал Фридрих с неожиданным облегчением. – Я сделал все, что мог. И все равно бы от моей поездки в аэропорт ничего бы не изменилось." Он снова посмотрел на часы. 10:53, и до цели еще тридцать километров. Теоретически, был шанс успеть. Он и сейчас еще есть, если пробку сумеют растащить в считанные минуты – иногда, когда процесс удается ухватить в самом начале, такие чудеса случаются. Дорожные службы должны стараться вовсю – хотя пробка на этой стороне проспекта и не помеха Ламберту, негоже демонстрировать дойчскому гостю, известному, кстати, своей критикой России, московские дорожные проблемы...

Но, похоже, проблема оказалась серьезной. Красный отросток на карте только рос, дотянувшись почти до улицы генерала Ермолова – но там доповцы уже успели сориентироваться, перенаправляя новые машины в объезд. 11:00... 11:05... Конечно, теперь уже никуда не успеть. То сзади, то спереди, то сбоку раздавались длинные бессмысленные гудки. Типично русские глупость и неспособность держать себя в руках, с раздражением подумал Фридрих. Несмотря на эту какофонию, он снова чувствовал, что засыпает. Вероятно, в сложившейся ситуации это и было бы самым правильным решением. Но все же для очистки совести он решил вылезти наружу и посмотреть, что стало причиной затора и каковы перспективы.

Протиснувшись через открывшуюся лишь наполовину дверь, Власов поспешно поднял воротник куртки; сырой холодный ветер, густо пропитанный запахом выхлопных газов, не приносил бодрости, а лишь усиливал желание немедленно вернуться в тепло, устроиться поуютнее и спать. Пробравшись между бамперами машин слева, Фридрих вышел на разделительную полосу и зашагал в сторону головы пробки. Но, не успел он пройти и пары десятков метров, как знакомый голос с акцентом окликнул его: "Херр Власов!"

Фридрих, на ходу вскипая гневом, обернулся, обнаружив застрявший в той же пробке белый "мерседес" и Рональдса, который неотвратимо приближался, лавируя между

машинами.

– Guten Tag, – слюбезничал американец, как ни в чем не бывало, и тут же перешел на родной язык: – Вы в курсе, почему мы стоим?

– Вы! – выдавил сквозь зубы Власов. Он никогда не уважал тех, кто пускает в ход кулаки там, где можно обойтись словами, но сейчас желание вмазать по улыбающейся физиономии было почти нестерпимым. – Вы нарушили слово. И из-за этого убили двух человек. Ребенку отрезали голову. Ради того, чтобы вы лишний раз прокукарекали в эфире. Их смерть на вашей совести. Это вы хоть понимаете?!

– Я... я не знал... – растерянно пробормотал Рональдс. – Вы понимаете, мой шеф... он сказал, что отзывает меня... что я не справился с заданием... это... это даже хуже, чем если бы меня вовсе никуда не послали... вы понимаете, в Америке, если у тебя был шанс подняться наверх и ты им не воспользовался, ты не просто возвращаешься на прежнее место. Ты скатываешься гораздо ниже... Мне нужно, очень нужно было дать в эфир какую-то сенсацию! Мой последний шанс, вы понимаете? И потом... – американец, поначалу робко, принялся переходить в контрнаступление, – я сожалею о гибели этих людей, но все-таки это не я их убил. И не я их не спас. Их должна была спасти полиция, это ее прямая обязанность! – он чувствовал себя все увереннее. – Я просто делал свою работу! Моя работа – давать людям информацию, и я это сделал! А работа полиции – спасать заложников, и она с этим не справилась! Ваша нацистская полиция, между прочим!

Власову стало скучно и противно. Он отвернулся от американца и снова зашагал вперед, желая все-таки выяснить причину затора. Но Рональдс не отставал.

– Послушайте, ну, я очень сожалею, – доносилось из-за плеча. – Если бы я знал, что все так кончится, я бы, конечно, не... Пусть бы меня лучше уволили...

Фридрих резко остановился и развернулся на каблуках.

– Что вам от меня надо? – рявкнул он едва не налетевшему на него журналисту.

– Вообще-то я ехал на Можайское шоссе, – из голоса Рональдса мигом улетучилась скорбь по погибшим, и он перешел к обычному деловому тону. – Там ночью была стрельба, сгорели две машины, говорят, куча трупов... Вам что-нибудь об этом известно?

"Опоздал, стервятник", – подумал Фридрих с оттенком мстительного удовлетворения. "Если бы и не пробка, все равно там уже никаких следов". Хотя, наверное, журналист бы не успокоился, нашел бы свидетелей в ближайших к месту катастрофы домах...

– Обратитесь в пресс-службу дорожной полиции, – сказал Власов вслух.

– Официально объявлено, что в городе ликвидировали банду международных террористов, – сообщил Рональдс, и Фридрих мысленно выругал себя за то, что не удосужился послушать утренние новости. Когда известна истина, официальная русская версия не столь интересна, но знать ее все же не мешает. Хотя, наверное, ее озвучили совсем недавно, иначе Рональдс съездил бы на место событий раньше. – Главаря взяли живым, говорят, что это очень крупная фигура, но имени не называют.

А Бобков молодец, невольно подумал Фридрих. Сукин сын, конечно, но молодец. Все же делает вид, что поймал Зайна. И уж, конечно, этот блеф адресован не российскому обывателю, доверчиво слушающему новости... вопрос – выгорит ли? Те, кто хотят убрать нынешнее руководство ДГБ, тоже не дураки... Может, кстати, блефует даже и не Бобков, а его начальник – генерал Калугин?

– Так неужели вы об этом ничего не знаете? – не отставал Рональдс. – Помните

наш разговор... ну, о вашей истинной профессии, и о сотрудничестве во взаимных интересах...

– Меня восхищает ваша наглость, – холодно произнес Фридрих и снова двинулся вперед. – Я уже погасил свои обязательства перед вами и больше не желаю иметь с вами никаких дел, – впрочем, он тут же подумал, что и эта фраза может быть истолкована американцем как некий комментарий со скрытым смыслом, и ядовито добавил: – Кроме того, вы плохо представляете себе специфику работы соответствующих служб. В них каждый занимается своим делом и старается без необходимости не совать нос в работу коллег.

– Вы можете безусловно рассчитывать на мою скромность, – не отставал Рональдс. – Я же не прошу об официальном интервью, просто намекните. Мы никогда не выдаем свои источники, и вообще... Оу, Джизус!

В этот момент они как раз обошли минифургон с эмблемами службы курьерской доставки, и им открылась впереди причина пробки. Движение перегораживал завалившийся набок рефрижератор, который, однако, не был виновником аварии. Судя по всему, его занесло, когда он пытался объехать машины, столкнувшиеся впереди – сколько именно их было, отсюда сказать было трудно, но, по крайней мере, за рефрижератором просматривались белый мерседесовский микроавтобус, основательно вмявшийся углом в прогнувшийся рельс ограждения разделительной полосы, и синяя легковушка – кажется, "DKW" какой-то старой модели – со всей дури впечатавшаяся ему в левый бок. Зад легковушки тоже был разбит – вероятно, наподдал скользивший на боку фургон рефрижератора. Рядом толпились несколько доповцев, приехавших по встречной и перебравшихся к месту аварии пешком через разделительную полосу, для чего им пришлось перелезать через ограждения. Пострадавших не было видно, но судя по тому, как помяты были машины, их не могло не быть.

Однако в восклицании Майка прозвучала не радость стервятника, наконец-то обнаружившего падаль. Похоже, что журналист был искренне потрясен, и Фридрих подумал, что американец все же не так циничен, как кажется. Тут же, однако, Рональдс припустил к месту аварии почти бегом, но Власов не последовал за ним, поскольку в этот же миг в его кармане пробудился целленхёрер.

На сей раз Мюллер не ограничился KMD и желал общаться голосом. Если бы у Фридриха не было такой возможности, он мог дать отбой и вновь перейти на морзянку, однако теперь он предпочел поднести трубку к уху – на всякий случай шагнув через ограждение и повернувшись спиной к машинам.

– Самолет благополучно приземлился две минуты назад, – сообщил шеф, но в голосе его звучало недовольство – причем явно выходившее за рамки обычной брюзгливости.

– Что-то не так? – предпочел уточнить Фридрих.

– Все так... за исключением того, что я тут чуть не сорвал горло, крича по телефону и на наших, и на русских, чтобы одни задержали рейс, а другие оторвали от кресел свои задницы и как следует прочесали район аэродрома. С рейсом, как видите, ничего не вышло – этот упрямый кретин заявил, что прилетит минута в минуту, как подобает истинному дойчу... но русские действительно бросили роту спецназа и за полчаса перерыли там все кусты, и даже перекрыли Киевское шоссе. Все впустую, никаких следов диверсантов. По правде говоря, вы выставили нас в несколько идиотском свете, мой мальчик. У вас ведь не было ровно никаких фактов – только ваша интуиция?

– Шеф, вы сами всегда говорили, что лучше перебдеть, чем недобдеть.

– Верно, но беда в том, что мы и недобдели тоже. Если насчет Хайнца все правда... а это, похоже, правда – один из арестованных уже дал против него показания... и хуже всего то, что я узнал об этом окольными путями...

– То есть нам не доверяют, – констатировал Власов. – И это после того, как мы сами раскрыли заговор?

– Такова человеческая природа, мой мальчик, – констатировал Мюллер; Фридриху представилось, как он пожимает плечами в своем кабинете. – Вас никогда не будут помнить как человека, который сто раз оказался прав. Вас запомнят как человека, который один раз ошибся.

И ложная тревога лишь усилила это недоверие, сделал очевидный вывод Власов.

– Я понял, шеф, – сказал он вслух. – Какие будут указания?

– Где вы сейчас? – откликнулась трубка уже обычным мюллеровским тоном.

– Стою в пробке на проспекте Освободителей. Здесь какая-то авария.

– Вот и ладно, вот и стойте. Полагаю, эта пробка надолго. И пусть они там сами разбираются, как знают...

Фридрих спрятал трубку в карман и вновь повернулся в ту сторону, куда убежал Рональдс. Пойти взглянуть поближе на аварию? Или не уподобляться американцу с его праздным любопытством, а сразу вернуться в машину и, наконец, поспать? Пробка, судя по всему, действительно надолго, уже один этот рефрижератор не сдвинешь без специальной техники... а самолет Ламберта, как сказал Мюллер, благополучно приземлился... сразу видно, что шеф никогда не служил в авиации. Летчик сказал бы в таком контексте не "самолет", а "борт" или "рейс", и слово "приземление" тоже не из летного лексикона... "посадка" – да, посадка на бетон, на асфальт, на грунт, на воду...

И тут, наконец, то, что Фридрих не мог вытянуть из подсознания, рывком выскочило на поверхность и сразу словно замкнуло контакты в его мозгу.

Он вспомнил, какая фраза проплыла в его сознании перед засыпанием в машине. "Последняя неделька выдалась еще та". И он понял, почему вслед за этой мыслью ему явился во сне Эберлинг. Потому что эту фразу Власов уже слышал. От Эберлинга. В ночь их первой встречи в Москве. Только та фраза звучала чуть по-другому. "Крайняя неделька выдалась еще та." Крайняя!

Суеверные летчики принципиально не говорят "последний". Только "крайний". Крайний полет, крайняя посадка... доходит до полного абсурда – даже когда речь идет о разборе свершившейся катастрофы, о полете, ставшем последним в том самом смысле, его все равно называют крайним. Ну и на другие темы, не связанные с авиацией, это тоже распространяется. Похожее суеверие есть и в наземных войсках, но там вместо "последний" говорят "завершающий". Тоже, если вдуматься, глупость в квадрате – ведь слово "завершающий" может иметь тот же зловещий смысл, что и "последний". Хотя, разумеется, смешно ожидать логики от суеверий.

Фридрих не терпел суеверий, и еще он не терпел безграмотности. Потому их сочетание в особенности резало ему ухо. Сам он всегда принципиально говорил "последний", чем порою навлекал на себя недовольство коллег и даже командиров. Но все же за годы летной работы он привык слышать "крайний" в речи других и уже почти не обращал на это внимания. Не обратил внимания и в тот вечер, тем более что тогда, как и теперь, чувствовал себя изрядно уставшим...

Фокус в том, что об этой слабости летчиков очень трудно узнать, не будучи одним

из них. Ни в фильмах, ни в книгах, ни даже в публичных выступлениях ветеранов на патриотических мероприятиях это "крайний" вместо "последний" не встречается. Официальная пропаганда и легальную-то религию не жалует, что уж говорить о мелких суевериях, недостойных истинных арийцев, птенцов Ралля, имперских орлов, защитников небес Фатерлянда... И стало быть, Хайнц, усвоивший это выражение – усвоивший настолько хорошо, что оно вырвалось у него непроизвольно – в недавнее время, как минимум, плотно общался с летчиками, общался с ними в их среде. А скорее всего – приобщился к летному братству и сам. Ведь это было его мечтой с юности! Неудивительно, что он с восторгом неофита принялся перенимать обычаи, пусть даже и нелепые – сам Эберлинг суеверен не был... Начал ли он посещать частный аэроклуб еще в Дойчлянде – или, что более вероятно, уже в России, где правила для пилотов-любителей менее строги и для того, чтобы начать осваивать реактивный (а Хайнца всегда привлекали именно мощь и стремительность реактивных машин), не требуется сначала налетать сто часов на винтомоторном с неубирающимся шасси, потом еще сто с убирающимся и т.д. и т.п.? Имел ли он с самого начала далеко идущие планы, помимо желания воплотить давнюю мечту? Теперь уже не столь важно. Важно, что у него есть средство нанести удар, откуда не ждут, откуда не прикроют Ламберта никакие телохранители – с воздуха. Вот откуда "успеть на аэродром" во сне. Вовсе не о Внуково там шла речь...

Пока эти мысли мелькали в голове Фридриха, он уже бежал к своей машине. Так. Хорошо, что он взял с собой нотицблок. Как же медленно грузятся эти проклятые "окна"... Беспроводной доступ в REIN – технология совсем новая и несовершенная, по скорости, конечно, она и рядом не стояла с кабельным доступом, но для работы в текстовом режиме сойдет. Окно поисковика – "аэроклуб г.Москва" – "найти". После мучительно долгой паузы – список из двенадцати позиций, девять из которых базируются на аэродроме Мячково к юго-востоку от Москвы. Остальные три – существенно дальше, вряд ли Эберлинг мог позволить себе тратить два часа на дорогу в один конец... Значит, Мячково. Есть ли среди тамошних аэроклубов владеющие реактивными самолетами? Есть, даже целых три. У одного – "Мессершмит 762", машина с двумя двигателями, прожорливая и, стало быть, дорогая, Эберлингу вряд ли по карману. К тому же строгая в управлении, как самолет первоначального обучения не годится. У двух других клубов матчасть попроще – чешские L-29 "Дельфин". Тоже отнюдь не идеальный самолет – мощность двигателя маловата, маневренность так себе, скорости, ясное дело, даже близко не подходят к звуковому барьеру, да и авионика, как на истребителях первого поколения. Ничего удивительного – разработка конца пятидесятых... Но для курсанта сгодится – правда, в летных училищах самого Райха "элки" никогда не использовали, с самого начала почти все "Дельфины" поставлялись на Восток. И все же это хотя и учебно-тренировочный, но истребитель, который может быть оснащен пусть и самым примитивным (пулеметы в подвесных контейнерах, неуправляемые ракеты), но настоящим боевым оружием. Вот только, конечно, частному аэроклубу никто никогда не позволит это сделать. Что же задумал Эберлинг – неужели таран, атаку камикадзе? В принципе, на "Дельфинах" есть катапульта, можно навести самолет на цель и выпрыгнуть в последний момент – но это не спасет, медленно опускающемуся на парашюте диверсанту не дадут уйти... Или ему все же удалось где-то раздобыть авиационное вооружение? Если бы и удалось – в одиночку его на самолет не установишь, это и клубные техники должны быть в сговоре, а они-то точно не самоубийцы...

Значит, два частных аэроклуба – "Стрижи" и "Русские витязи". Список членов... а

вот этой информации в REIN уже нет. Можно предположить, что Эберлинг выбрал первый клуб – уже просто из-за названия. Хотя мог выбрать и второй – "чтоб не догадались", если там, конечно, не собрались какие-нибудь твердолобые русофилы, не выносящие дойчей... Ладно, хорошо хоть телефоны обоих клубов в Сети имеются. Можно бы звонить официально, но на сей раз Мюллер не примет ссылок на одну лишь интуицию. Теперь он начнет шевелиться лишь при наличии твердо доказанных фактов. Что ж, добудем ему факты... Частные аэроклубы – коммерческие организации с достаточно узким рынком, новые клиенты попадают туда, как правило, по знакомству. Нередко приведшему нового клиента полагается какое-нибудь материальное поощрение, так что ссылка на "друга, который порекомендовал мне ваш клуб", прозвучит совершенно естественно. Если, конечно, Эберлинг вступил в клуб под своим именем. Но ведь он, наверное, хотел не просто полетать, а выучиться и получить полноценное пилотское свидетельство – которое, конечно, будет действительным лишь с подлинным именем...

Фридрих торопливо – время, время! – набрал номер "Стрижей".

– Добрый день, это аэроклуб? Могу я поговорить с вашим начальником?

– Он в воздухе. А что вы хотели? Я тоже пилот-инструктор.

– Я хочу у вас полетать на "элках". Сам я бывший военный летчик...

– Я тоже, – нельзя сказать, что предыдущая реплика инструктора прозвучала неприветливо, но теперь его голос заметно потеплел. Пилотское братство – штука полезная. – Воронежское высшее авиационное училище, выпуск шестьдесят девятого. А вы что заканчивали?

– Центр подготовки истребителей имени Хартмана, – честно ответил Фридрих. Заодно проверим, как здесь относятся к дойчам. В послевоенные годы русские военные летчики относились к пилотам Люфтваффе, "отнявшим у них небо", мягко говоря, без восторга. Правда, с тех пор от ограничений, наложенных на российские ВВС Смоленским договором, не осталось и следа (если не считать того факта, что русские военные пилоты по-прежнему летают на германских машинах) – но национальные обиды имеют тенденцию затягиваться подолгу...

– Хартмана? Это который в Германии? Известное заведение... – голос стал несколько суше, впрочем, в допустимых пределах. – Так вы дойч? А по говору и не скажешь...

– Я долго жил в Германии, но корни у меня русские, – поспешно произнес Фридрих; пора было, наконец, переходить к делу. – Но у вас ведь и дойчи в клубе есть? Мне вас порекомедовал мой друг, Хайнц Эберлинг. Он сейчас не у вас, кстати? Вчера вроде собирался...

– Эберлинг? Вы знаете, я тут недавно работаю и не знаю всех членов клуба по именам. Да, кажется, к нам ездит какой-то дойч, Хайнрих или Хайнц, но сам я с ним не летал. Его инструктор – наш начальник, Макс...

– Так они сейчас вместе в воздухе? – разочаровано перебил Фридрих. Если так, значит, время потрачено зря, не мог Эберлинг втянуть в это дело еще и начальника аэроклуба...

– Нет, Макс с новичком на пилотаж полетел, а Хайнрих этот самостоятельно уже летает. Второй борт у нас сейчас тоже в воздухе, но я не видел, кто на нем полетел. Хотите, у техника спрошу.

– Спросите, пожалуйста.

"Па-а-ша-а!" – протяжно донеслось из трубки, которую, как видно, отодвинули ото

рта, но недостаточно. "Паша, кто у нас на втором...?"

Ну вот, с раздражением подумал Фридрих, вместо того, чтобы выдать персоналу портативные рации, будем орать через весь аэродром. Вечный русский бардак, и никакие высшие военные училища не в состоянии его исправить. А время тикает...

– Вы слушаете? – голос вновь придвинулся. – На маршрут полетел ваш друг, если это он. Вернется часа через два с минутами.

– А давно он взлетел?

– Да только что. Минут пять. Маршрут на запад только сейчас дали, с утра во Внуково ждали каких-то шишек из Райха, ну и перестраховались, закрыли для полетов весь район... Вы не в курсе, говорят, ночью в Москве какие-то взрывы были?

– Нет. Простите, мне тут срочно... Я позже перезвоню.

Так. Значит, Хайнц уже в воздухе. Или все-таки неведомый Хайнрих? Нет, на такое совпадение лучше не закладываться. Позвонить для очистки совести "витязям"? Если Эберлинг уже летит, это будет недопустимой потерей времени. "Элка" – не самый быстрый самолет, но все же крейсерская у земли свыше 500, сюда он может добраться за четыре минуты. Правда, напрямую он не полетит. Во-первых, если он сразу отклонится от маршрута и рванет в запрещенную для полетов зону – а такой зоной для частной авиации является вся Москва – его все-таки могут успеть перехватить и сбить ракетой. Во-вторых, его цели здесь еще нет, Ламберт, очевидно, еще не выехал из Внуково. Наверняка Эберлинг полетит по утвержденному маршруту вокруг Москвы и отклонится от курса лишь вблизи цели. Наилучшее место для атаки – за городом, на Киевском шоссе. С другой стороны, с загородного шоссе есть куда свернуть, на обочину и в лесополосу – на МКАД с ее боковыми ограждениями или на плотно застроенном домами по бокам проспекте увернуться от атаки сложнее. Все же, как он собирается осуществить атаку без оружия? Уже вызывая из памяти трубки номер Мюллера, Фридрих понял. Инструктор "стрижей" сказал, что Хайнц заказал длинный маршрут, на два с лишним часа. Но ведь это почти предел для "элки". Значит, полет с подвесными топливными баками. А у них есть механизм аварийного сброса. Вот вам и бомба, даже две. Триста литров авиационного керосина в металлических оболочках, сброшенные на скорости 500 км/ч с высоты в пару сотен метров – а если в пикировании, то скорость будет еще выше, и меткость, кстати, тоже – даже бронированному лимузину такое вряд ли понравится.

– Шеф, это срочно. Надо поднимать московскую ПВО. Хайнц умеет пилотировать самолет, и он уже вылетел из Мячково, чтобы сбросить топливные баки на машину Ламберта.

– Московская ПВО мне не подчиняется, – ворчливо напомнил Мюллер. – И что я им скажу? Что у моего подчиненного опять острый приступ интуиции?

– Он член аэроклуба "Стрижи", все можно доказать, но на формальности нет времени, счет идет на минуты...

– Вот именно. Пока я добьюсь, чтобы меня соединили, с кем надо, пока буду его убеждать поверить вам еще раз...

Фридрих это уже и сам понял.

– Тогда дайте мне прямую связь с Ламбертом.

– Могу только передать ваше сообщение начальнику его охраны. Хотя сомневаюсь, что это что-то изменит. Мне кажется, он вбил себе в голову, что мы хотим любой ценой сорвать его визит.

Ну да, сообразил Власов. Неожиданная апатия Мюллера объясняется именно этим.

"Он" – это, конечно, не начальник охраны, а сам Ламберт. И хотя он знает, что заговорщики на самом деле собирались его убить, это не мешает ему помнить, что у него имеются и другие противники. В частности, те, которые очень не хотели его визита. Вообще, недоверие Ламберта – не такой уж самоуверенный идиотизм, если взглянуть на ситуацию его глазами. Один из людей Мюллера раскрыл заговор, второй его организовывал. Что должен подумать Ламберт – что у Мюллера (или тех, кто за ним стоит) было два плана – не сработает один, сработает другой? Что необходимость срочно самим "раскрыть" заговор – пока это не сделали другие – возникла из-за того, что израильтяне или русские спутали карты, раньше времени выйдя на Зайна? Да, конечно, на самом деле это чушь, но подите докажите это Ламберту, имея в своем распоряжении несколько минут плюс его изначальное недоверие...

Соответственно, и позиция Мюллера, решившего умыть руки, тоже понятна. Но он, Власов, еще поборется. Он, в отличие от этих господ, еще не забыл, что, помимо политических амбиций и личных интересов, есть еще интересы Райха. Каковым успешный теракт с последующей дестабилизацией ситуации в партии накануне референдума, не говоря уже о реализации программы Эберлинга, отнюдь не отвечает.

Фридрих снова вылез из машины и побежал вперед, к месту аварии. Там были доповцы, хоть какие-то представители власти – может, удастся убедить хотя бы их. Сесть в их машину и мчаться по расчищенной встречной навстречу кортежу... а что дальше? Уж лучше убедить их начальство пустить кортеж другим путем – тут даже Ламберт, при всем своем упрямстве, не сможет помешать... но время, время...

Вот, наконец, и место, где столкнулись машины. Теперь Власов увидел, что вместе с рефрижератором их четыре: четвертым был серебристый "Хорьх" со смятым в гармошку задом, тоже развернутый поперек движения. Между микроавтобусом и отброшенным ударом "Хорьхом" оставалось довольно обширное пространство пустого асфальта. На этом асфальте вдоль ограждения были разложены какие-то чехлы, пальто и куртки, а поверх всего этого лежали в ряд четверо пострадавших – молодой парень, две женщины – одна пожилая, возраст другой было трудно понять из-за крови, залившей лицо – и девочка; над ребенком сидел на четвереньках доповец, пытаясь оказать какую-то помощь. Дальше, уже на голом асфальте и без верхней одежды, лежали еще двое с накрытыми лицами – им, очевидно, помощь уже не требовалась; Фридрих понял, что их одежду использовали для утепления раненых. Между ранеными и мертвыми сидел на ограждении грубоватого вида мужчина с перебинтованной головой – Власов подумал, что это, наверное, шофер грузовика. Рядом встрепанный субъект без видимых повреждений – вероятно, водитель "Хорьха" – что-то раздраженно втолковывал доповцу, который слушал его с планшеткой в руках, терпеливо кивая. Напротив них, метрах в четырех от ограждения, растерянно топтался долговязый длинноволосый парень с фернкамерой на плече, показавшийся Фридриху смутно знакомым. Доповцы почему-то не пытались его прогнать, но и он, в свою очередь, не пытался снимать, а лишь односложно отвечал пристававшему к нему Рональдсу.

В первый миг Власов удивился, как и когда успел сюда пролезть фернрепортер и почему он так странно себя ведет, но затем увидел на правом, уцелевшем боку микроавтобуса логотип CNN и все понял. Очевидно, фернзеен-коллеги и соотечественники Рональдса мчались снимать сюжет – очень может быть, что как раз о ночных событиях на Можайском шоссе, а возможно, что и о прилете Ламберта – и, как это у них водится, не слишком заботились о соблюдении правил обгона и скоростного

режима. Результат – два трупа, пятеро раненых, не говоря уже о разбитых машинах. Их оператору повезло – он, как видно, сидел справа и отделался испугом (Фридрих, кстати, вспомнил, где видел парня: во дворе у Бутырской тюрьмы), а вот его начальница, репортерша, лежала теперь на асфальте, то ли с окровавленным лицом, то ли с накрытым. Еще Власов подумал, что Рональдса, должно быть, шокировал не сам факт аварии, а то, что пострадали именно сиэнэновцы (кажется, аккредитованная в Москве корреспондентка считалась у себя на родине какой-то звездой – не самой яркой, но одной из), однако первичное потрясение не мешало Майку донимать единственного уцелевшего члена группы вопросами. Волосатый парень, однако, явно до сих пор не оправился от шока, о чем свидетельствовал хотя бы тот факт, что он продолжал держать на плече бесполезную выключенную камеру, словно единственную ценную вещь, спасенную из горящего дома.

При виде Власова Рональдс на миг оставил свою жертву и повернулся к нему, желая не то поделиться переполнявшими его чувствами, не то, напротив, о чем-то спросить. Фридрих, не обращая на него внимания, отыскал взглядом среди полицейских старшего по званию – таковым оказался поручик – и шагнул в его сторону. Доповец встретил его настороженным и неприветливым взглядом.

И в этот момент сзади и сверху послышалось торопливое стрекотание, которое быстро приближалось. Майк и полицейские подняли головы; Фридрих тоже взглянул через плечо. Над проспектом снижался белый вертолет с красными крестами на боках и днище. Как видно, такой способ эвакуации раненых из пробки был надежнее, чем подогнать "скорую" по встречной – или же встречную держали девственно-чистой для Ламберта, который должен был проехать уже буквально через минуты.

В мгновение ока в голове Фридриха вспыхнул новый план. Вертолет завис точно над разделительной полосой и, умело парируя снос, принялся опускаться; стрекотание перешло в свистящий грохот. Поручик вопросительно посмотрел на Власова, но тот, поднеся руки к ушам, кивнул на снижающуюся машину – дескать, в таком шуме все равно разговаривать невозможно.

В следующий момент хлесткий холодный ветер от винта ударил по лицам (полицейские схватились за фуражки), взвихрил снег с разделительной полосы и погрузил всю сцену в колкий белесый туман. Затем воздушные потоки более-менее разогнали снежное марево; вертолет коснулся земли, уверенно вписавшись между ограждениями, но двигатель продолжал работать – дабы не терять драгоценное для спасения раненых время. Из уже открытой двери, пригибаясь, выпрыгнули четверо санитаров с носилками и врач.

Фридрих подождал, пока они переберутся через ограждение – помеха в виде нескольких дюжих мужиков была ему совершенно ни к чему – а затем сквозь ветер и снежную пыль рванул в противоположном направлении. Никто не успел опомниться, как он уже был в кабине за спиной у пилота. Кресло второго пилота было свободно.

Летчик обернулся, полагая, что это кто-то из своих. Фридрих сунул ему под нос удостоверение – свое настояшее удостоверение.

– Дайте мне штаб ПВО московского округа, – потребовал он, беря свободную гарнитуру со спинки правого кресла.

– Что вы себе позволяете? – взвился вертолетчик. – Немедленно покиньте машину! Вы мешаете спасательной операции!

– Плевать на спасательную операцию. Речь о срочном деле государственной важности, – не выпуская пилота из вида, Фридрих шагнул назад и с грохотом задвинул тяжелую боковую дверь, зафиксировав защелку изнутри. Сквозь стекло иллюминатора он

увидел растерянное лицо одного из санитаров, который повернулся к вертолету, понимая, что происходит что-то не то.

– Плевать на вашу государственную важность! Я вам не подчиняюсь! Сейчас не...

– Не сорок третий год, – кивнул Власов, доставая "стечкин" и приставляя его к виску вертолетчика. – Я знаю. А сейчас соедините меня со штабом ПВО.

– Это гражданский борт, – огрызнулся пилот, но напора в его голосе заметно поубавилось. – Я не знаю частоты никакого штаба...

– Знаете, – перебил Фридрих. – Мне известны должностные обязанности пилотов МЧС. И не заставляйте меня повторять в третий раз.

Вертолетчик послушно защелкал вращающимися ручками, переключая частоту и бормоча что-то о воздушном пиратстве. Фридрих поднес левый наушник своей гарнитуры к уху и поправил мизинцем микрофон возле рта, оставив правое ухо свободным.

– Правдивый – Фоке-Ахгелис 09447. Ко мне в кабину ворвался какой-то дойч с пистолетом и...

Фридрих стволом "стечкина" сбросил гарнитуру с его головы.

– Правдивый – Фридрих Власов, Главное Управление Имперской Безопасности. Личный номер – S928743. Код "Гром". Поднимайте перехватчики. L-29 из мячковского клуба "Стрижи" летит сейчас где-то к югу от Москвы. Им управляет диверсант Эберлинг, собирающийся разбомбить кортеж Клауса Ламберта.

– Кто вы такой и почему я должен принимать ваши слова на веру?

– Я вам сказал, кто я такой! – рявкнул Фридрих. – Свяжитесь с посольством и проверьте мой личный номер! Только сначала отдайте приказ перехватчикам. Отозвать их обратно вы всегда успеете.

– У вас нет полномочий объявлять код "Гром". Я не отдам такой приказ без санкции командования.

– Ваше имя и звание?! – гаркнул Власов еще громче. Иногда это действовало.

– Дежурный по штабу ПВО майор Сивухин, – невозмутимо отозвался наушник.

– Так вот, майор, если не хотите завтра быть капитаном – немедленно свяжите меня с вашим командованием!

– Ждите, – коротко бросил Сивухин.

Фридрих ждал, с трудом обуздывая нарастающий гнев и по-прежнему держа пистолет у головы пилота. Снаружи меж тем принялись дергать дверь вертолета, затем колотить в нее. Фридрих скосил взгляд направо и увидел, что к "Фоке-Ахгелису" направляются доповцы.

– Власов или как вас там, – ожил, наконец, наушник начальственным басом, – вы действительно захватили медицинский борт? Сейчас же прекратите самоуправство!

– Я сделал это, чтобы связаться с вами! Нужно немедленно сбить самолет диверсанта, пока он не уничтожил Ламберта!

– Ситуация под контролем. Занимайтесь вопросами вашей компетенции. Которых на территории суверенной России, кстати, немного.

– Вы хоть понимаете, с кого сорвут погоны, если теракт состоится?

– Полагаю, с начальника охраны... – насмешливо ответил бас и тут же спохватился: – Я не обязан отчитываться перед вами. Покиньте незаконно захваченный вертолет, или будете отвечать по законам Российской Республики.

Бесполезно, понял Власов. Он имеет распоряжение не вмешиваться и не препятствовать теракту в отношении Ламберта. Распоряжение, отданное, очевидно, еще

заговорщиками и доселе не отмененное... а почему, собственно, его должны были отменить, если в России заговорщики заручились поддержкой на самом верху? То, что замысел Зайна провалился, отнюдь не означает, что Мосюк расхотел смещать руководство ДГБ. Конечно, формально дэгэбэшникам, обеспечивающим безопасность высокого гостя, сейчас оказывается всяческое содействие. Но если при этом есть возможность не отменить распоряжение, отданное дураку-генералу, верящему, что его не сделают крайним – почему бы именно так и не поступить?

Кому еще звонить? Бобкову? Калугину? А что они могут сделать за оставшиеся минуты? ПВО не находится в подчинении ДГБ. Даже допо – и та не находится. В распоряжении Департамента нет собственных истребителей – во всяком случае, базирующихся на подмосковных аэродромах. Учебные и испытательные центры ВВС тоже слишком далеко от Москвы, да и их начальство не стало бы действовать без приказа...

Доповцы, заглядывавшие через боковое остекление в кабину, очевидно, разглядели власовский пистолет и предпочли пока отступить, встав в оцепление вокруг "Фоке-Ахгелиса". Один из них что-то говорил в портативную рацию.

Фридрих принял решение.

– Мне понадобится ваша помощь, – сказал он пилоту, чуть отодвинув "стечкин", но не опуская его совсем. – Взлетайте и наберите высоту двести.

– Послушайте, – торопливо сказал вертолетчик, глядя на него просительно, – я не знаю и не хочу знать, что там у вас за шпионские игры... но здесь четверо тяжелораненых, из них две женщины и маленькая девочка. Их надо срочно в больницу, дорога каждая секунда. Давайте я скажу допо, что недоразумение улажено и у меня нет претензий, вы отпустите вертолет, а потом...

– На "потом" нет времени, – перебил Фридрих. – Мне тоже дорога каждая секунда. И я тоже, если вы не расслышали, в данный момент занимаюсь спасением человеческой жизни. Просто эта жизнь сейчас важнее, чем те.

– Да кто дал вам право решать, чья жизнь...

– Некогда спорить, – Фридрих снова прижал ствол к виску пилота. – Взлетайте, или лишитесь собственной.

– Если вы меня убьете, кто поведет вертолет? – криво усмехнулся пилот.

– Я. Я оберст Люфтваффе. У меня Рыцарский Крест за Африканскую кампанию.

Это был блеф чистой воды: Фридрих никогда в жизни не пилотировал вертолет и хорошо знал, что это заметно сложнее, чем управлять самолетом. Хорошо стриммированный, уравновешенный по всем осям самолет, в полном соответствии со своим русским названием, летит по прямой сам, практически не требуя вмешательства со стороны летчика – для вертолета же устойчивого положения равновесия не существует в принципе. Один из американских хеликоптерных асов сравнил управление винтокрылой машиной с "балансированием, сидя на шаре, поставленном на другой шар".

Однако русскому вертолетчику блеф показался убедительным, особенно в сочетании с пистолетом у виска. Он покорно взялся за ручку "шаг-газ", увеличивая угол установки лопастей, и "Фоке-Ахгелис", чуть качнувшись, взмыл в воздух. Через несколько секунд он поднялся уже выше головы Воина-Освободителя и продолжал набирать высоту. Фридрих окинул взглядом проспект Освободителей, забитый машинами с одной стороны и идеально пустой с другой, протянувшееся между ним и Парком Победы Староможайское шоссе, где движение было по-прежнему оживленным, и тающее в

мутной дымке нечистого московского воздуха Можайское шоссе на западе. Низко над головой плыли тяжелые зимние облака. Где сейчас Ламберт и где – Эберлинг? В принципе, от Внуково досюда на хорошей скорости можно домчаться за пятнадцать минут... если так, и если встреча в аэропорту не затянулась – а разрешенный маршрут L-29, в свою очередь, огибает столицу достаточно далеко с юга – тогда Эберлинг может и не успеть перехватить свою жертву ни на Киевском шоссе, ни даже на МКАД. Тогда все решится где-то здесь. Эберлинг будет идти не выше двухсот метров, чтобы оставаться ниже облаков и поля зрения наземных радаров и лучше видеть происходящее на земле, но и не ниже ста, чтобы не зацепить городские постройки. Заход он будет строить вдоль дороги, вдогонку своей цели – так легче попасть; в ходе атаки, вероятно, снизится, возможно даже ниже крыш, благо ширина проспекта более чем достаточна – опять же чтобы повысить шансы попадания... Шансы эти у него, кстати, не столь уж велики – в частных аэроклубах бомбометанию не учат; впрочем, если инструктор – бывший военный летчик, он мог показать по просьбе курсанта, как строится заход – "просто из любопытства" и без реального сброса, а кроме того, Хайнц, как человек, давно неравнодушный к небу, может иметь немалый налет в рехнерсимуляторах. В любом случае, готовиться надо к худшему. Лучшее позаботится о себе само.

– Слушайте задание, – сказал Фридрих пилоту, когда цифровой альтиметр показал 180. – Летите над проспектом Освободителей в сторону МКАД, затем над Можайским. Скорость – максимальная, на которой возможен быстрый разворот. Нас интересуют два объекта: правительственный кортеж на земле и самолет L-29 в воздухе, на этой высоте или чуть ниже. Заметив кортеж, мы будем его сопровождать, пропустив впереди себя метров на двести. Заметив самолет... ваша задача будет – развернуть машину правым боком перпендикулярно его курсу и висеть как можно более ровно. Возможно, я буду командовать вам "вверх" или "вниз", это надо будет делать быстро. Вы хороший пилот, вы справитесь. Я видел, как ровно вы садились. Сейчас я открою боковую дверь. Тут есть какая-нибудь страховка?

– Да, трос и сбруя, там сзади уложены. С креплениями справитесь?

– Постараюсь. Ведите машину.

Сбруя оказалась конструкцией из плотных брезентовых полос и ремней, которую, очевидно, надевал на себя спасатель, когда ему приходилось спускаться на тросе в такие места, куда вертолет не мог сесть. Замок с креплениями оказался не сложнее, чем на парашютах. Помимо замка, на животе у Фридриха оказалась металлическая коробочка с боковым рычажком на три позиции – вверх, вниз и нейтрально. Рычажок управлял закрепленной на борту лебедкой. Трос был полностью смотан; Фридриху пришлось на миг дернуть рычажок вниз, ослабляя трос, чтобы подойти к двери и открыть ее, сдвигая назад.

В салон снова ворвались грохот и пронизывающий ледяной ветер. В следующий миг, перекрывая шум винта, пилот крикнул: "Вижу кортеж!" Фридрих, держась левой рукой в перчатке за край дверного проема, осторожно выглянул вперед. Плотная масса зимнего воздуха, рвущегося навстречу со скоростью полтораста километров в час, ударила его в лицо, обожгла кожу, вцепилась в волосы, залила слезами глаза – но все же Власов успел разглядеть внизу, на пустом шоссе, мчавшуюся с мигалками полицейскую "суку", а за ней, с большим отрывом – черный лимузин и черную же машину сопровождения. Кортеж гнал очень даже лихо – километров сто двадцать в час, не меньше. Как видно, "истинный дойч, прибывающий минута в минуту", все же чувствовал

беспокойство и стремился максимально сократить свое пребывание на улицах недружественной ему российской столицы... Хорошо, подумал Фридрих, поспешно убирая голову обратно в салон и потирая успевший занеметь лоб – пилот уже воспринимает себя не как жертву захвата, а как члена команды. Кажется, это называется парижским синдромом, в честь инцидента, когда заложники, захваченные в одном из парижских банков, встали на сторону террористов. Парижский так парижский, лишь бы шел на пользу...

Фридрих прикинул, как будет стрелять. Ложиться на густо заляпанный следами грязных ботинок пол не хотелось, но, очевидно, придется. Стоя без приклада он не попадет; если прижать ствол к краю дверного проема, будет неудобно целиться...

– Вы в самом деле надеетесь сбить самолет из этой пукалки? – крикнул пилот. Теперь, когда она не упиралась ему в висок, "пукалка" уже не казалась ему грозной.

– Нет, – честно ответил Фридрих, – но я попробую.

Шансов и впрямь почти не было. "Стечкин" – очень хороший пистолет, один из лучших в мире. Его прицельная дальность составляет 200 метров – в несколько раз выше, чем у большинства пистолетов. Но все же это пистолет, а не ПЗРК, не авиационный пулемет и даже не снайперская винтовка. L-29 – учебный самолет, он не имеет бронирования, в том числе и бронирования лобового стекла; в принципе его можно взять пистолетной пулей, если попасть в пилота. Но, даже если перед атакой Эберлинг уменьшит скорость ради более точного выхода на цель, двести метров он преодолеет за пару секунд. За это время можно успеть сделать два выстрела одиночными и четыре очередью. Меткость при стрельбе очередями заметно ниже – впрочем, если как следует упереть рукоятку в пол... но тогда менять прицел будет уже некогда, а самолет может маневрировать. Конечно, высокая встречная скорость цели позволяет начать стрельбу пораньше, с большей дистанции – ну пусть это еще выстрел-другой, все равно они почти наверняка пройдут мимо...

Вертолет пропустил промчавшийся внизу кортеж и, сбросив скорость, начал стремительный левый разворот. Сейчас будет самое сложное – лететь следом за Ламбертом, высматривая противника со стороны хвоста. Но еще до того, как разворот был закончен, Фридрих заметил в открытом дверном проеме темную точку на западе, над Можайским шоссе.

– Стоп! – крикнул он. Вертолетчик, тоже заметивший цель, выровнял машину. Фридрих плюхнулся на живот, разводя ноги носками врозь, как учил когда-то инструктор по стрельбе. Металлическая коробочка тут же уперлась в диафрагму, но он постарался не обращать на нее внимания. Значит, первый одиночным с трехсот метров, около секунды на перевод в автоматический режим и дальше очередь с упреждением...

* * *

Не нужно было быть гением, чтобы понять: такой шанс выпадает раз в жизни. И притом далеко не каждому. Майк Рональдс наконец-то дождался своего от этой поездки, которая, казалось, выходила совершенно провальной.

Он, заурядный радиорепортер, фамилию которого едва ли помнили даже большинство постоянных слушателей Общественного радио Нью-Йорка, оказался в самом центре захватывающих и, похоже, имеющих политическое значение событий вместе с оператором CNN, только что лишившимся своей корреспондентки! И уж эту возможность он не упустит! Даже хорошо, что этот парень, Эдвин, все еще в ступоре – иначе, возможно, он стал бы протестовать...

– Давай, Эдвин! Камеру на меня! Ну скорее же, скорей, что ты возишься! Как у меня волосы – нормально?

Сознание Эдвина все еще пребывало где-то там, в жутких секундах аварии, последовавших за восклицанием Дона "Проскочим!", но, стоило ему включить камеру, как пальцы сами вспомнили профессиональные навыки. Он проверил контрастность, подстроил баланс белого, взглянул на цифры в углу жидкокристаллического экрана и левой рукой показал Рональдсу четыре пальца. Затем три – два – один – "мы в эфире!"

– Хеллоу, Америка! С вами Майк Рональдс из Москвы, Россия. Вы, конечно, удивлены, ибо ожидали увидеть Карэн. Увы, у меня плохие новости. Несколько минут назад Карэн и вся съемочная группа CNN попали в ужасную аварию... – Рональдс повернулся, сделал знак рукой, и Эдвин не подвел – дал панораму разбитых машин и лежащих тел, кажется, даже взял пару крупных планов. – Состояние пострадавших критическое, думаю, не ошибусь, если скажу, что наши мысли и молитвы в этот час с ними. Но это далеко не все, что происходит в эти минуты на московской авеню Osvoboditeley. Как известно, сегодня нацистская Россия отмечает Maslenitza – языческий праздник Арийского Единства. Как нам удалось выяснить, в честь этого события в Москву в глубоком секрете прибыл лидер германских ультраправых, один из наиболее непримиримых врагов Свободного мира и демократии Клаус Ламберт, которого многие прочат в будущие лидеры нацистского Райха. С минуты на минуту его кортеж должен проследовать мимо меня. Пока неизвестно, связаны ли с этим визитом драматические события, которые развиваются прямо у нас на глазах. Только что русский санитарный вертолет, присланный для эвакуации Карэн и других раненых, был захвачен офицером германских спецслужб Фридрихом Власовым. Сейчас наш оператор покажет вам этот вертолет... (Эдвин, наконец, сообразил, что от него требуется, и перевел камеру на взлетающий "Фоке-Ахгелис".) Угрожая пилоту оружием – вы сами можете видеть, как это происходит (Эдвин дал максимальное увеличение кабины), этот нацист заставил его взлететь, не позволив оказать помощь раненым американцам! Вот сейчас вы видите, как к нам направляется один из русских полицаев, очевидно, он хочет запретить нам снимать! (Рука в кадре, камера опускается и показывает асфальт, голос за кадром по-русски: "Отойдите, вы мешаете работе медицинской бригады!") Mi imeyem accreditatzia! U nas est pravo... Хорошо, хорошо, мы уходим. Конечно, такое отношение к свободной прессе в нацистской России не удивительно... Оставайтесь с нами, сейчас мы продолжим съемку с другой точки! (Камера колышется на бегу, показывая асфальт, мелькающие ноги, черный от придорожной грязи снег.) Итак, как вы видите, вертолет... Эдвин, вертолет! ... набрал высоту и летит над авеню Osvoboditeley. К сожалению, наша машина разбита, и мы не можем последовать за ним, поэтому будем наблюдать с этого места. Возможно, все происходящее как-то связано со взрывами, имевшими место этой ночью неподалеку отсюда. Ранее информационные агенства передали официальную российскую версию, объяснившую эти взрывы успешной операцией против повстанцев. По просочившимся неофициальным сведениям, при этом был уничтожен попавший в зону операции автомобиль "скорой помощи", спешивший на вызов. Но вот я слышу сирену. Возможно, это "скорая", наконец-то спешащая на помощь раненым американцам... и другим пострадавшим в аварии, – вспомнил, наконец, про них Майк. – Будем надеяться, этих врачей не постигнет та же судьба, что и их несчастных коллег... Но нет, это не "скорая", это полиция, вероятно, спешащая к месту инцидента... нет! Вот теперь вы можете отчетливо видеть – это головная машина кортежа! А следом – черный лимузин Ламберта,

обратите внимание, с какой скоростью он несется – в то время как простых москвичей ждут суровые штрафы за превышение скорости выше 38 миль в час... Но что происходит в небе? Мы видим, как угнанный вертолет разворачивается над дорогой – похоже, он собирается преследовать кортеж... нет, завис в воздухе и как будто чего-то выжидает. Что это – вы слышите этот гул? Низко над шоссе появился реактивный истребитель, он держит курс прямо на вертолет, неужели будет столкновение?!

* * *

Власов некстати вспомнил, что со времен Первой мировой войны летчику-истребителю не доводилось сбивать самолет противника из пистолета. Был, правда, трагикомический случай в 1943 году, когда пилот американского бомбардировщика Оуэн Бэггетт, уже покинув подбитый японцами самолет и спускаясь на парашюте, застрелил из револьвера пытавшегося добить его пилота одного из вражеских истребителей. Но там скорости были отнюдь не реактивные; японец даже специально уменьшил тягу до минимума, чтобы получше рассмотреть того, кого считал беспомощной жертвой... Как поведет себя Эберлинг, видя у себя прямо по курсу вертолет – будет обходить его сверху или снизу? Явно, что не сбоку – в этом случае он уже не успеет выровняться, чтобы зайти на цель прямо. Если сверху, тогда стрелять бесполезно – в кабину под таким углом не попадешь, а единичная пуля в брюхо едва ли сможет причинить "Дельфину" критические повреждения. Зато, чтобы успеть выйти после такого маневра на цель, Эберлингу придется слишком круто пикировать – пожалуй, шансов выйти из такого пике при такой высоте точки входа немного... Если он пойдет снизу, стрелять по нему будет удобнее – но он может и сам это понять. К тому же он может нырнуть совсем низко, так, что Фридрих не успеет скорректировать прицел. Возможен и вариант, когда за остающиеся секунды Эберлинг не успеет принять решение, или изменит его в последний момент – у неопытных летчиков это бывает – и просто врежется в вертолет. Фридрих понимал, что, возможно, следующие секунды станут последними в его жизни. Впрочем, для ветерана Африканской кампании это чувство не было ни новым, ни особенно неприятным: просто информация на заднем плане, которая не должна мешать выполнению задачи. Необходимость оценивать дистанцию и скорость цели на глазок, без радара, была куда неприятнее. Особенно учитывая, что "элка" меньше боевых истребителей, с которыми ему приходилось иметь дело, и, значит, интуитивно ему будет казаться, что самолет дальше...

В последний момент Фридрих подумал, что можно было бы попробовать связаться с Хайнцем – вероятно, его радиостанция все еще настроена на частоту последней из зон легальной части его маршрута – и еще раз попробовать отговорить его. Но едва ли из этого вышел бы толк, да и, в любом случае, было уже слишком поздно.

Ломая интуитивную установку, первый выстрел он сделал, наверное, метров с четырехсот. Пистолет дернулся в руках и снова замер, упертый рукояткой в пол. Еще бы один одиночный, но, когда счет на доли секунды, менять план на ходу нельзя. Щелчок в положение "автоматическая стрельба", одновременно кисти чуть вперед с поворотом, слегка опуская ствол – а Эберлинг меж тем тоже опускает нос – он все-таки решил обходить снизу – но не ныряет в крутое пике, он понимает, что по выходе из пике ему пришлось бы бросать баки по пологой траектории, и они могут срикошетить, не причинив вреда – хорошо, что он это понимает, а палец уже снова жмет на спуск, толчок в ладони, отдача подбрасывает ствол, а надо, наоборот, опускать его все ниже, думать над этим некогда – руки все делают сами, еще толчок, еще...

Когда машины разделяло метров тридцать, нос снижающейся "элки" вдруг как-то

резко, смазанно мотнулся вверх и вбок. Это не сознательный маневр, понял Фридрих, это даже не ошибка неуверенного в себе пилота – так дергают ручку рефлекторно, от внезапной боли... Эта мысль, не успевшая оформиться словами, пришла почти одновременно с другим осознанием – вот теперь он точно врежется, не в корпус вертолета, так в винт наверняка. Понял это и пилот "Фоке-Ахгелиса", рывком бросивший свою машину на левый бок с почти немыслимым для вертолета креном.

Фридрих скользнул по вздыбившемуся полу к противоположной двери, по инерции продолжая давить на спуск (он выпустил в пустоту еще три пули) – но все же успел разглядеть, как правый подвесной бак "элки" скользнул мимо сверкающего круга винта, разминувшись с ним менее чем на метр.

Показалось ему, или он и впрямь различил за этот немыслимо краткий миг кое-что еще – темные брызги на внутренней поверхности фонаря передней кабины и силуэт неестественно запрокинутой головы в шлеме?

Вертолетчик, чудом избежав срыва потока на лопастях, выровнял машину двумя десятками метров ниже. Истребительный навык – при любых маневрах не терять из вида противника – позволил Фридриху увидеть, как L-29, продолжая все круче задирать нос, косой свечой вонзился в низкую облачность и пропал. "Даже если он еще жив, от такой перегрузки должен был потерять сознание", – подумал Власов. Значит, неуправляемый самолет сделает косую петлю, уходя в сторону от проспекта (отлично!), и рухнет на землю. Прикинув радиус и направление петли, Фридрих понял, что упадет он где-то в Парке Победы. Сейчас там мало народу – основные масленичные гуляния проходят в центре – так что, скорее всего, обойдется вообще без жертв.

Власов встал с пола, задвинул дверь, расстегнул сбрую и сунул "стечкин" в карман.

– Поздравляю, коллега, – сказал он русскому, усаживаясь в кресло второго пилота, – мы справились.

За шумом винта и в закрытой кабине он не слышал, как снова растет за облаками реактивный рев – причем вовсе не со стороны Парка Победы. А затем голубое тело "элки" с красным силуэтом стрижа на брюхе пробило облака впереди, прямо над проспектом. Стриж пикировал на добычу.

* * *

– Как вы видели, истребитель, чудом избежав столкновения с вертолетом, ушел в облака. Мне кажется, самолет получил какие-то повреждения... Возможно, только что мы наблюдали попытку покушения на Клауса Ламберта! Меж тем его кортеж, не снижая скорости, проносится мимо меня... Эдвин! (Эдвин вздрогнул и послушно проводил камерой автомобили) Но что это? Я опять слышу гул самолета! О боже, это снова он! Он пикирует прямо на меня!! Снимай, Эдвин!! Да снимай же скорей, дебил!!!

Водитель Ламберта, которому все же успели сообщить о происходящем в небе, сумел сделать невозможное. Он на полной скорости развернул тяжелый лимузин в управляемом заносе и на визжащих и дымящихся шинах рванул назад, попутно избежав столкновения с машиной сопровождения. Водитель был отличным профессионалом. Пилот, смотревший на несущуюся навстречу бескрайнюю стену земли, был любителем. Но он все же успел отдать ручку от себя, переводя нос сперва вертикально вниз, а затем назад. Земля и небо поменялись местами, и отрицательная перегрузка выплеснула его кровь через дыру в шее за несколько миллисекунд до того, как самолет, автомобиль и четыре человеческих существа стали единым клубом огня.

* * *

(В кадре – мир, поваленный набок. Вертикальный край дороги, на другой ее стороне – горизонтальные столбы с гирляндами праздничной иллюминации. Иллюминация выключена, но откуда-то сверху прорываются сполохи огня. Затем камера поднимается, поворачивается, обретает нормальное положение. В кадре появляется Майк Рональдс, его лицо и одежда в грязи.)

– Нашу съемочную группу накрыло взрывной волной, но, к счастью, все целы. Но вы видите этот черный дым, поднимающийся за моей спиной? Это все, что осталось от Клауса Ламберта и его зловещих планов! Да, сегодня воистину черный день для нацизма! Это был Майк Рональдс, специально для CNN!

* * *

Фридрих молча смотрел, как косо тянутся к серому небу черные клубы дыма. Подсознание летчика, анализируя эту картину, автоматически подсказывало: ветер западный, порывистый, скорость у земли от трех до семи метров в секунду...

– Куда теперь? – спросил русский вертолетчик, хотя Власов больше не угрожал ему пистолетом.

"Действуйте согласно вашим должностным инструкциям", – хотел ответить Фридрих, но эта фраза была слишком длинной.

– Куда хотите, – устало ответил он, закрывая глаза.

Когда вертолет коснулся земли, он уже крепко спал.

Epilog

23 мая, четверг, день. Берлин, Трептов-парк.

Утренний прогноз сулил "кратковременные дожди в течение дня", но кучевые облака так и не утратили безмятежного белого цвета, а к полудню небо и вовсе совершенно очистилось. Солнце припекало, словно стоял уже июль, но народу в парке почти не было: все-таки рабочий день, а мамаши с детьми издавна предпочитали для прогулок более тенистые и менее строгие места. Лишь какие-то пичуги перекликались в аккуратно подстриженных кронах. Все, как обычно, словно ничего не случилось... вот разве что в прежние времена на глаза бы уже попались одна-две группы туристов, внимающих экскурсоводу. Сейчас автобусная стоянка перед мемориалом Павших Героев была пуста.

Фридрих подумал с иронией, что, происходи это все в книге или фильме, автор непременно нагнал бы на небо угрожающих или наводящих уныние туч, заставил бы деревья вздрагивать от резких порывов ветра, а птиц – носиться над парком с хриплыми криками, и оборвал бы повествование громовым ударом бури, за секунду до падения первых капель; впрочем, так, вероятно, поступила бы Рифеншталь, а Феллини просто снял бы мелкий, по-осеннему безнадежный дождь, пузыри под ногами прохожих, мокрый мусор, забивающий водосток... Но природе, как всегда, не было дела до художественных канонов – погода оставалась до пошлости прекрасной. И потому сидевший на лавочке в тени старик в плаще, опиравшийся обеими руками на рукоять уткнутого в асфальт старомодного нескладывающегося зонта, смотрелся особенно нелепо. Очевидно, он поверил прогнозу и ожидал дождя; что ж, если так – ждать ему придется долго. "После дождика в четверг", – припомнилось Фридриху русское выражение; да, к сегодняшнему

дню подходит идеально. Старик был грузен, лыс и всем своим обликом походил на какого-нибудь отставного бухгалтера, всю жизнь проработавшего в мелкой конторе, а ныне интересующегося исключительно своими гортензиями. "Впечатление, что он поправился килограммов на пятнадцать", – подумал Власов. Нет, конечно, за полторы недели это вряд ли возможно. Видимо, все дело в выправке, от которой не осталось и следа.

– Добрый день, шеф, – сказал Фридрих, садясь рядом.

– Двойная ошибка, – откликнулся Мюллер своим обычным брюзгливым тоном, продолжая смотреть куда-то в пространство перед собой, – день не добрый, и я вам больше не шеф. Вообще говоря, теперь я вам не шеф уже дважды.

– Я знаю, – сказал Власов. Собственно, он был даже удивлен, что отставка Мюллера последовала так поздно.

– Вы ведь не в обиде на меня за тот, первый раз? – продолжал старик. Фридрих счел вопрос риторическим и промолчал. Но бывший шеф явно ждал ответа. Ого, подумал Власов. Мюллер, всерьез интересующийся душевными терзаниями уволенных подчиненных – это что-то новое. Впрочем, теперь все новое...

– Я понимаю, что у вас не было другого выхода, – произнес он вслух.

– Разумеется – после того, как тот американский кретин засветил вас на весь мир... Говорил же я вам – сидите в машине и не дергайтесь. На тот момент мы ничего уже не могли сделать.

– Я мог, – возразил Фридрих, – и у меня почти получилось.

– Как говорили еще во времена моего детства, "почти" не считается. Точнее говоря, в нашей работе "почти" – это даже еще хуже, чем просто ничего... И все же в том, чтобы отправлять на пенсию своих молодых сотрудников, есть нечто противоестественное. Почти как в том, чтобы хоронить собственных детей... Впрочем, я еще тогда сказал вам, что едва ли переживу вас надолго.

– Мне казалось, тогда вы еще на что-то рассчитывали, – заметил Фридрих.

– Какая разница, на что я рассчитывал... Все мы на что-то рассчитываем. Человек предполагает... "а бог располагает", так ведь гласит русская пословица? Так вот что я вам скажу, мой мальчик: если бы и в самом деле бог – это было бы еще не так обидно. Хуже, что располагает тоже человек, только другой и не лучший. Точнее, другие люди. Все пошло не так, как планировал этот несчастный идиот Хайнц, но вышло в итоге еще гаже...

Да, после смерти Клауса Ламберта все действительно пошло не так, как рассчитывал Эберлинг. Впрочем, ошибся не он один. Многие полагали, что, лишившись своего вождя, консерваторы немедленно перегрызутся между собой и надолго – во всяком случае, до референдума точно – перестанут быть влиятельной политической силой. Действительно, любой анализ ситуации показывал, что у каждого из маститых консерваторов имеются не менее авторитетные соперники, которые ни за что не пожелают согласиться с его лидерством. Ошибка аналитиков была в том, что они рассматривали лишь старшее поколение. Кто же мог предположить, что непримиримые старики в кратчайший срок сойдутся на кандидатуре Ламберта-младшего? Тогда – никто, это теперь кажется, что сын, поднимающий знамя из рук трагически погибшего отца – это самый простой и очевидный вариант.

Сам Отто Ламберт, естественно, весьма поспособствовал такому решению. Он ухватился за свой шанс столь быстро и цепко, что можно было подумать, будто он готовился к гибели отца заранее. Хотя расследование заговора не обнаружило никакого

компромата на сына погибшего. Так или иначе, Отто с первых же дней, как говорят в России, взял быка за рога. Убийство Ламберта-старшего и без того качнуло симпатии многих в сторону консерваторов; Отто же оседлал эту волну и всячески развивал ее, разъезжая по всей стране и выступая с гневными и горячими речами – надо признать, весьма талантливыми – где обличал тлетворную заразу либерализма и попустительства и всячески эксплуатировал образ отца, мученически погибшего ради единства Райха и незыблемой твердости имперского порядка. Это оказалось очень выигрышно для укрепления своих позиций в Партии – и абсолютно проигрышно для Империи в целом.

Восточные земли, где многие уже предвкушали если не обещанную заговорщиками независимость, то, по крайней мере, поблажки и послабления в преддверии референдума, осознали, что в случае торжества ламбертовской линии следует ожидать резкого закручивания гаек. А торжество консерваторов в те дни казалось весьма вероятным. Слухи о том, что Отто станет преемником Шука, ходили уже в открытую и косвенно подтверждались тем, что Райхспрезидент не предпринимал никаких мер, чтобы обуздать бурную активность молодого политика. Остполитики поняли, что придется не только на долгие годы забыть обо всяком расширении прав автономий, но, возможно, и расстаться с привилегиями, с таким трудом полученными от Берлина в прежние годы. Это их сплотило: перед лицом общей для всех угрозы все противоречия отошли на второй план.

Более того – и в самом Фатерлянде речи Ламберта, вызывая бурный восторг одних, пугали других. СЛС завалил страну газетами и листовками о "новом Хитлере" и "последнем шансе его остановить". И, надо сказать, к подобной агитации начинали все чаще прислушиваться люди, прежде не интересовавшиеся политикой и либералам не сочувствовавшие .

За считанные дни до референдума Шук все же попытался исправить ситуацию. Сперва он пригласил Ламберта для личной беседы – увы, не имевшей успеха: молодой человек явно закусил удила и не желал останавливаться. Затем в обращении к нации Райхспрезидент – повторив, разумеется, дежурные лозунги о необходимости сохранения единства Райха и его политической системы – подверг консерваторов разгромной критике в уже подзабытом дитлевском стиле, и в прямом эфире снял нескольких одиозных деятелей из их числа с партийных и государственных постов. В их число попал и Ламберт – впрочем, у него официальных постов было негусто.

Но было уже слишком поздно. Либералы открыто называли речь Райхспрезидента "неуклюжим маневрированием в страхе перед народным волеизъявлением". И даже последняя победа Управления, которому удалось-таки доказать, что по крайней мере часть агитационных материалов СЛС печатается на американские деньги, мало что могла изменить. "Шук тоже критиковал ламбертизм, не иначе, он тоже американский наймит!" – ехидничала в своих статьях Новодворская. Тиражи агитационных газет и брошюр арестовывались и изымались (благо теперь для этого появилось более чем веское основание), но тут же появлялись новые. Можно рассыпать набор в типографии, но нельзя приставить полицейского к каждому рехнеру с друкером...

Референдум принес демократам 60.73% голосов. В основном, конечно, за счет восточных территорий, голосовавших чуть ли не единогласно, но и в Фатерлянде поддержка режима оказалась значительно ниже, чем три месяца назад.

Результаты были подсчитаны с дойчской скрупулезностью и честно оглашены в новостях. Два-три процента еще оставляли бы теоретическую возможность для манипуляций (хотя и затрудненных широко разрекламированной прозрачностью всех

этапов процедуры). Но почти одиннадцать процентов разницы – это был факт столь же бесспорный и безнадежный, как рак в четвертой стадии.

Консерваторы во главе с Ламбертом, однако, не пожелали с этим мириться. Они объявили, что результаты референдума должны быть аннулированы, а Райхспрезидент и правительство, как "пошедшие на поводу у врагов Райха и не обеспечившие безопасности государства", смещены со своих должностей. Путчисты образовали Чрезвычайный Государственный Комитет, провозгласивший, что он берет на себя все управление страной "до созыва Чрезвычайного съезда Партии и устранения угрозы государственному строю". Им удалось занять несколько министерств, включая военное (что неудивительно, учитывая, что в число заговорщиков вошли военный министр и несколько генералов). Они даже пошли на то, чтобы блокировать Шука в его резиденции – штурмовать которую они, однако, не осмелились, понимая, что охрана Райхспрезидента будет стоять до конца, и без большой крови дела не завершить; ограничились тем, что отрезали Шуку всю связь, включая беспроводную, для чего к резиденции подогнали глушилки РЭБ. В войска полетели шифрограммы от имени Комитета с приказами прибыть в столицу "с целью обеспечения порядка и общественного спокойствия".

И вот тут-то на сцену выступил СЛС.

Даже после победы либералов на референдуме консерваторы по традиции не принимали их всерьез, полагая, что основная борьба развернется с "новообновленцами" и сторонниками Шука внутри НСДАП. Меры по аресту лидеров СЛС, правда, принимались, но вялые и бессистемные, к тому же задача осложнялась и тем, что лидером в собранном из карликовых партий Социал-Либеральном Союзе мнил себя чуть ли не каждый третий. Однако в первый же день переворота СЛС удалось вывести на улицы Берлина сто пятьдесят тысяч человек – не так уж много по сравнению со всем населением столицы и тем более страны, но, собранные в одном месте, они производили впечатление. Причем не все они были вооружены лишь лозунгами и транспарантами. Были среди них и люди с охотничьими ружьями, и немногочисленные, но хорошо организованные отряды немногословных мужчин с невесть откуда взявшимися "Шмайсерами", и даже берлинские полицейские с табельным оружием и в форме. Присутствие последних было легко объяснимо, ибо СЛС, несмотря на сопротивление отдельных радикалов в своих рядах, с самого начала событий выдвинул грамотный лозунг защиты законности и Райхспрезидента. Должно быть, и в страшном сне не мог себе представить Шук *таких* защитников...

Ну а дальше – три дня противостояния выявили, что армия в массе своей вовсе не горит желанием выполнять приказы самозванного Комитета, и что части, все-таки прибывшие в город, попросту не станут расстреливать и давить танками собственных соотечественников, большинство которых были все-таки безоружными гражданскими. Иного же способа разогнать двухсоттысячную уже к тому времени толпу не было. Когда эти части начали одна за другой заявлять о своей верности законному лидеру нации и своему Главнокомандующему, путчистам ничего не осталось, кроме как капитулировать. Лишь двое из членов Комитета предпочли покончить с собой; остальные, включая Ламберта, были заключены в тюрьму Шпандау. Райхспрезидент был с триумфом освобожден либералами и вынужден был обратиться к своим врагам с благодарственной речью, в которой подтвердил итоги референдума. Фактически это было его последнее решение в качестве действующего политика. Формально он еще оставался на посту, но реально уже ничем не управлял – власть прибрала к рукам Временная Конституционная

Комиссия, готовившая разом новую конституцию и демократические выборы. Да и нечем, по сути, Шуку уже было управлять именно в качестве Райхспрезидента: за три дня кризиса восточные земли успели не только дружно декларировать свою независимость, но и получить (под вечер третьего дня, когда исход противостояния был уже ясен) официальное признание от стран Атлантического блока. Мотивировавших этот шаг, помимо всего прочего, "отсутствием в Райхе на текущий момент легитимного правительства".

– Как вы полагаете, – спросил Фридрих, – если бы Шук выступил против Ламберта раньше, это могло бы спасти ситуацию?

– Не знаю, – пожал плечами Мюллер. – Смотря насколько раньше, смотря как выступил... Я думаю, Шук и впрямь рассматривал Ламберта-младшего как возможного преемника. И не вмешивался в ситуацию именно потому, что хотел посмотреть, как тот будет справляться. И совершил ту же ошибку, что и сам Ламберт – мерял успех сугубо внутрипартийными мерками. А когда спохватился, было поздно. Мягкая коррекция была уже невозможна, оставалась жесткая конфронтация. Что, в свою очередь, толкнуло этих твердолобых олухов на ответный шаг, окончательно лишивший Райхспрезидента пространства для маневра. Не мог же он поддержать тех, кто пытался его свергнуть.

– Мог и поддержал, – желчно возразил Власов. – Между теми, кто свергал его через путч, и теми, кто делал это через референдум, он выбрал вторых, только и всего.

– А вы выбрали бы первых? – усмехнулся Мюллер. – Что вы делали во время путча?

– Сидел дома, смотрел фернзеер. Нет, я не выбрал бы первых. Путч был глупостью, хотя самой большой глупостью, конечно, был референдум. Но уж раз он состоялся – нечего было, как говорят русские, махать кулаками после драки. Может быть, следовало и дальше сыграть по этим правилам. Мобилизовать наши ресурсы и идти на эти демократические выборы. В конце концов, в тридцать третьем нам это удалось. Пусть без восточных территорий, но спасти хотя бы сам Фатерлянд – здесь наша поддержка все еще была достаточно сильна... Но этот идиотский путч окончательно угробил репутацию Партии. Если Ламберта повесят за измену, вот уж о ком не буду сожалеть!

– Его не казнят, – убежденно возразил Мюллер. – Первое, что сделают либералы, окончательно утвердившись во власти – отменят смертную казнь. Вот увидите, через годик-другой его вообще амнистируют. Иное, во всяком случае, было бы свинской неблагодарностью с их стороны, – саркастически добавил он. – Думаю, мы еще увидим Ламберта и прочих клоунов на митингах ХНПФ, где их будут чествовать как героев и чуть ли не спасителей Фатерлянда...

– Новообновленцы собрались на собственный съезд, вы слышали? Очевидно, объявят о выходе из НСДАП. И будут стараться перещеголять в либерализме самих либералов...

– Да, я видел репортаж. Все никак не отучусь от дурной привычки интересоваться новостями, хотя сейчас это не дает ничего, кроме вреда для печени... Вы видели эту мерзость – сюжет, как ломали Стену на границе с Францией? Им хватило бесстыдства показывать это все в прямом эфире... Знаете, мой мальчик, именно тогда я понял, что это – конец. Окончательный и бесповоротный.

– Ну, – криво усмехнулся Фридрих, – французы сами построили Стену из страха перед "германской угрозой" и имели полное право разломать ее в любую минуту.

– Да, но когда через проломы полезла вся эта мразь... какие-то волосатые ублюдки

в драных американских штанах, девки с голыми сиськами... никто из наших пограничников даже не попытался их остановить.

– Чтобы остановить лезущую "брататься" укуренную толпу, пришлось бы стрелять на поражение, и не один раз. В нынешних обстоятельствах мне трудно представить себе офицера, который взял бы на себя ответственность за такой приказ.

– Вот именно, мой мальчик. Вот именно. Да и потом, солдаты не стреляли не только из-за отсутствия приказа. Им эти сиськи очень даже понравились, и сигареты с марихуаной, кажется, тоже.

– Но один все-таки дал пощечину полезшей к нему французской шлюхе, вы видели? Правда, камера тут же ушла в сторону...

– Угу – мы дожили до времен, когда о пощечине шлюхе уже приходится говорить, как о боевом отличии... Вы уже придумали, чем будете теперь заниматься? Только не надейтесь, что удастся прожить на пенсию. Помяните мое слово – скоро двух тысяч марок в месяц не будет хватать даже на хлеб. А может, и марки никакой не останется. Введут какой-нибудь евродоллар, чтобы лишний раз подчеркнуть разрыв с проклятым нацистским прошлым...

– В последние месяцы я просто отдыхал... и ждал, чем все закончится, – признался Фридрих. – Сейчас... не знаю. Может, устроюсь инструктором в какой-нибудь частный аэроклуб.

– Тогда поторопитесь, – посоветовал Мюллер. – Грядет масштабное сокращение армии, на улице окажутся тысячи пилотов... Кстати, пытать счастье на земле предков не советую. Там сейчас то же самое, если не хуже. И людей с дойчской кровью, включая даже фольков в десятом поколении, величают не иначе как оккупантами.

– Знаю, – сухо ответил Власов, в очередной раз задетый намеком на свои русские корни. – А у вас есть какие-то планы на будущее?

– Может, сяду писать мемуары. Осталось только дождаться предложений от американских издателей. "Кровавые тайны нацизма! Сенсационные откровения бывшего генерала РСХА!" Что вы на меня так смотрите? Шучу я, шучу. Хотя... в нынешних обстоятельствах... Знаете, мой мальчик, я рад, что вы не стали бросаться на меч или что там положено делать потерпевшему поражение рыцарю. Честно говоря, я этого опасался.

– А у меня мелькали аналогичные мысли на ваш счет, – усмехнулся Фридрих.

– Это было бы красиво, но глупо. Жизнь – это не героические саги, она куда пошлее и примитивнее, не так ли? Мы хотим жить, и мы будем стремиться выжить, даже когда все кончено... А главное – от нашей смерти теперь не было бы ровно никакого проку. Нет уж, лучше мы выживем. Хотя бы *им* назло.

Повисла короткая пауза.

– Кстати, – припомнил Мюллер, – вам, должно быть, интересно, как именно ушел от правосудия Зайн? Мне все же удалось вытрясти отчет у русских. Еще тогда, почти сразу после вашей отставки.

– Я догадался, – кивнул Фридрих. – Ему был вживлен электронный имплант с голосовым управлением.

– Да, – подтвердил бывший шеф Власова. – У него был кардиостимулятор – именно поэтому этот ублюдок проявлял такую несвойственную возрасту прыть. И микроимплант в гортани, распознающий речь и способный послать стимулятору команду на остановку сердца. Команда, естественно, активировалась только голосом самого Зайна. Он верно рассчитал, что, если его захватят, то уж наверняка станут допрашивать, а значит,

возможность говорить у него будет...

– Какой была ключевая фраза?

– "Прими, Господи, душу мою" на иврите. Просто и по-своему остроумно... Кстати, и сам стимулятор, и распознавалка – американского производства.

– Неужели даже с маркировками?

– Вот представьте себе. А чего им бояться? Во-первых, поди докажи, что микросхемы не были куплены или даже украдены кем-то, не имеющим отношения к США. Во-вторых, даже если мы найдем клинику, где Зайну сделали операцию – окажется, что это сугубо частное заведение, делающее операции на коммерческой основе, и доктор понятия не имел, кто его пациент... Впрочем, теперь уже, конечно, *мы* ничего не найдем. А *они* и искать не будут.

– Знаете, – признался Власов, – меня до сих пор не покидает ощущение нереальности происходящего. Как все рассыпалось на ровном месте. "Тысячелетний Райх"... Ведь не было ни военного поражения, ни даже экономического кризиса. Еще недавно мы были одной из самых стабильных стран мира...

– Мы лишь подтвердили общую закономерность, – вздохнул Мюллер. – Все попытки построения идеального государства в истории терпели крах. И в общем-то это логично. Классы, партии, арийцы, неарийцы – все это, на самом деле, чепуха. Никакие идеи, даже самые красивые и правильные, не будут работать, пока человек в массе своей остается свиньей. Знаете, кстати, что по своей физиологии люди ближе всего к свиньям? Научно-медицинский факт. А еще я читал, что шея свиней устроена таким образом, что они в принципе не могут смотреть в небо. Теоретики коммунизма – я не про практиков, я про мечтателей, кто это все замышлял – решили, будто достаточно сказать свинье, что она умеет летать, и она полетит. Ну а если от одних слов свиньи не полетят, надо им помочь, столкнув с обрыва... Мы действовали разумнее. Мы не требовали разорвать связь с землей, мы лишь показали свиньям звезды. Для этого им, правда, пришлось подняться на задние ноги. И в такой позе они могли оставаться достаточно долго, но все же, как только представилась первая же возможность, с радостным хрюканьем вернулись на четвереньки. Вот почему жвачный американский капитализм вечен: он идеально подходит для свиней...

– Странно слышать такое о дойчах, – произнес Фридрих.

– Увы. Я был бы рад, если бы наш народ оказался исключением из общего правила. Но – вы видите то, что вы видите, – Мюллер сердито обвел рукой окружающее пространство.

Фридрих невольно проследил за его жестом и вдруг задержал свой взгляд, всматриваясь. Вдали сквозь листву обрамлявших аллею деревьев пробивался колеблющийся свет пламени – не слишком яркий в сиянии солнечного дня, но все же отчетливо различимый.

– Смотрите! – воскликнул он, вытягивая руку. – Снова зажгли Вечный огонь!

Вечный огонь в честь павших солдат Вермахта, горевший в пяти чашах Трептов-парка на протяжении сорока пяти лет, погас в первую же ночь после путча. Никаких официальных заявлений и разъяснений по этому поводу сделано не было; позже один из лидеров СЛС, когда к нему пробился журналист "Берлинер беобахтер" с этим вопросом, промямлил что-то насчет экономии газа. Его товарищи по партии, впрочем, были более откровенны, прямо призывая в своих газетах "сровнять фашистское капище в Трептов-парке с землей" и выстроить на его месте мемориал жертв нацизма или, еще лучше, торговый комплекс.

Мюллер, машинально вскинувший голову на слова Фридриха, тут же вновь опустил ее.

– Нет, – проворчал он. – Я там уже был. Это просто жгут мусор.

Некоторое время оба молчали. Затем Мюллер, тяжело опираясь на зонт, поднялся.

– Пойду, пожалуй, – сообщил он. – Не знаю, увидимся ли мы еще. Я собираюсь уехать из Берлина. В последнее время этот город смердит. This city stinks, как сказали бы наши новые скунсообразные друзья... Прощайте, Фридрих. И помните – теперь каждый сам за себя.

Власов тоже встал, а затем, повинуясь внезапному порыву, вытянулся, щелкнув каблуками и отрывисто вскидывая руку в недавно еще официальном жесте. Мюллер скептически усмехнулся, но затем лицо его посерьезнело, и он отсалютовал в ответ; на миг его выправка вновь вернулась. Потом он повернулся и пошел прочь, не оборачиваясь.

Оставшись один, Фридрих некоторое время стоял, не двигаясь с места. Затем зашагал в ту сторону, где сквозь листву мерцало пламя.

Через пару минут, свернув с асфальтовой дорожки на гранитные плиты, он подошел к каменной чаше Вечного огня. Ее подножие с цитатой из Дитля кто-то уже заляпал красной краской. В самой чаше, как и предупреждал Мюллер, дымно горел мусор, коего после массовых гуляний, устроенных по всему городу в честь победы демократии, набралось преизрядно. Что ж, подумал с горькой усмешкой Фридрих, хорошо, что его, по крайней мере, убирают. Во всяком случае, пока.

Некоторое время Власов просто смотрел на огонь, а затем сунул руку за пазуху и нащупал плотный бумажный пакет.

Тогда, после воздушного боя, эти бумаги лишь чудом не достались русским: Фридриху удалось взять их на испуг и не позволить себя обыскивать, хотя они имели на это полное формальное право. Он лишь подчинился их требованию сдать оружие; его задержали и после передали представителям имперского посольства. С тех пор пакет оставался у него, и ни одна живая душа об этом не знала. События, начавшиеся в Райхе вслед за гибелью Клауса Ламберта, развивались столь непредсказуемо, что Фридрих не решился вбросить в игру новый козырь, не зная, на чью чашу весов он упадет. "И передайте их своему начальству. Своему, а не российскому. Но лучше, конечно, чтобы их совсем не нашли."

Фридрих, бросив быстрый взгляд по сторонам, достал пакет. И тут же в его сознании зазвучал другой голос: "Только не надейтесь, что удастся прожить на пенсию. Скоро двух тысяч марок в месяц не будет хватать даже на хлеб... На улице окажутся тысячи пилотов... Помните – теперь каждый сам за себя!"

В его руках были несчетные миллиарды марок. Или теперь и впрямь лучше говорить – долларов? И что ему за дело до России – страны, некогда фактически изгнавшей своего спасителя – Власова-старшего, а ныне обзывающей оккупантом, вкупе с остальными дойчами, и Власова-младшего? Страны, где памятник Воину-Освободителю был взорван под улюлюканье пьяной толпы, даже несмотря на протесты каких-то деятелей из ООН, признавших его мировой культурной ценностью? Что ему за дело до атлантистских концернов, которые ринутся скупать по дешевке богатейшие месторождения, до быдловатых русских нуворишей, которые станут вспухать на спекуляции ресурсами, как поганки после дождя, до бандитских войн, которые захлестнут Россию похлеще, чем Америку тридцатых годов? Что ему за дело...?

Фридрих размахнулся и швырнул пакет в самый центр горящей мусорной кучи.

Он стоял и смотрел, пока не убедился, что от архива Шмидта не осталось ничего, кроме пепла. Затем развернулся и зашагал прочь.

NACHSPIEL

23 августа, пятница, вечер. Нью-Йорк, Мэнхэттэн, Лафайетт Стрит, 281.

Заведение на Лафайетт-стрит не изменилось. Матовая дверь без вывески всё так же сияла розовато-жёлтым. Открыв её, Майк увидел всё того же медведя в портупее и красноармейской ушанке. Афиша в лапе, правда, была новая. Рональдс зачем-то присмотрелся к бумажке – и к своему удивлению понял, что это не реклама очередного русского певца, а объявление о приёме на работу. Некие "Владимор Страйз и Айзек Лысакобылко Лимитэд" – именно так было написано кириллицей – искали "первичных дистрибутеров" для работы на "перспективном российском направлении". Род деятельности компании, насколько мог понимать Рональдс, указан не был, реквизиты – тоже. Текст был только на русском. Вместо контактного телефона указывалось: "обратись для контакта посредством бармен".

В зале тоже было без перемен. Те же зеркала, те же знамёна, тот же шум, та же табачная вонь. Майк, впрочем, различил в ней струю благородного сигарного дыма.

Человек, курящий сигару, обнаружился довольно быстро: неприятного вида пузатенький господинчик сидел прямо напротив входа, оглядывая колючими глазками входящих. На его столике стоял графинчик – явно с водкой – но вид у него был совсем не как у праздного гуляки. Рональдсу это решительно не понравилось.

Эстрада была пуста: видимо, время шансона ещё не подошло. Через колонки в зал выплёскивалась какая-то мутная песня с перезвоном и перестуком. Майк сумел разобрать только слова "я хотел бы с тобой" – всё остальное тонуло в гитарных риффах и глухом рокоте ударных.

Местечко нашлось только за стойкой: все столики были заняты.

– Водки, – попросил Майк. Потом добавил, – Сто грамм "власовки". A tam posmotrim, – добавил он по-русски.

Бармен посмотрел на него с подозрением.

– Вы наниматься пришли? – осведомился он на всякий случай. – Если хотите получить работу у "Страйз энд Лысакобылко", обратитесь к вон тому типу, – он показал взглядом на человека с сигарой.

– Нет, нет, – замахал руками Майк. – Я пришёл сюда напиться. И пошли они все... – он не закончил фразы.

Взгляд бармена заметно потеплел.

– И правильно, – тихо сказал он, – Подозрительные люди. Собираются делать бизнес в России. Там сейчас очень опасно.

– Я там был. И плевал я на всё, – Майк ещё не выпил ни грамма, но уже заранее почувствовал ту странную лихость, которую он ощутил при первом знакомстве с русским национальным напитком и которая его так подвела в решающий момент его жизни.

– Майк? – прозвучало над ухом.

– Yes, – Рональдс успел среагировать раньше, нежели узнал собеседника.

Перед ним стоял Николай – тот самый, с которым он познакомился накануне поездки.

Правда, этот Николай сильно отличался от прежнего. На нём был костюм, надеть который не побрезговал бы и господин Брэндон: неброский, но дорогой. Галстук в мельчайшую полоску выдавал породистое происхождение – не менее чем от Армани. Элегантный "виндзор" был туго затянут. Тёмные волосы до плеч никуда не девались, зато артистическая небритость куда-то пропала, её место заняла аккуратная эспаньолка. От Николая отчётливо пахло дорогой туалетной водой. И деньгами. Вполне приличными деньгами, насколько Майк понимал в этом вопросе.

– Privet, – Николай был дружелюбен и слегка пьян: пожалуй, решил Майк, первое объяснялось вторым .

– Эй, друг, – кинул он бармену, – скажи, чтобы счёт выписали на меня, я сегодня угощаю. Пойдём, у меня тут столик, – скомандовал он Майку.

Через пару минут они уже сидели за уютным столиком – неподалёку от эстрады, но в относительно тихом уголке. На столике стояла тарелка с жареными шампиньонами, омлет, варёный говяжий язык и вполне ожидаемый графинчик.

– Не-а, с Лысакобылко я никаких дел не имею, – рассказывал Николай, – и тебе не советую. Это жульё. Какие-то юде, перекупщики, без репутации. Здесь, в "Правде", таких полно крутится. Просто эти вовремя пробашляли владельцам заведения, вот их и терпят.

– Чем они занимаются? – без особого интереса спросил Майк.

– Говорю же, перекупщики. Вроде бы намерены покупать в Москве недвижимость. Когда западные фирмы туда пойдут, им понадобятся площади, цены поднимутся... Во всяком случае, они это так объясняют. Если они и в самом деле на это рассчитывают, то зря.

– Почему? – Рональдс просматривал меню, ожидая своей водки.

– Во время кризиса недвижимость дешевеет, – усмехнулся Николай, доставая пачку "Винстона" и срывая с неё хрустящую обёртку. – А в России будет кризис. Обязательно будет.

– С чего бы? – Майк вспомнил огни Тверской, потоки машин, магазинные витрины. – Они там вполне нормально живут. По-своему, конечно, – добавил он.

– Вот именно, – Николай выудил из пачки сигарету и принялся разминать её между пальцами. – По-своему. Значит, не по-американски. А вам, американцам, обязательно нужно, чтобы все жили по-американски, только хуже. Ну смотри сам. Всё, производимое в России, соответствует дойчским стандартам. То есть не американским. А значит, неконкурентоспособно на мировом рынке. Вот тебе и причина кризиса. Дальше начнётся быстрая скупка их производств и массовое закрытие. Кому нужны русские товары? Вот тебе и вторая причина. А потом...

– Как это они раньше жили без мирового рынка? – пробормотал Рональдс.

– Раньше – жили, – легко согласился Николай. – А теперь – сам понимаешь...

Он сунул сигарету в рот, щёлкнул зажигалкой. Шапочка сизого пламени на секунду облегла кончик сигареты.

Появился заказ Рональдса – сто грамм "власовки" на дне запотевшего графина. Предупредительный половой принёс два новых стакана и наполнил их прозрачной жидкостью.

– Ладно, пора бы и выпить. Ну, за встречу, – он поднял свой стакан, Рональдс чокнулся край об край и лихо спустил в глотку свои полста. Он совсем ничего не почувствовал – только приятное тепло разлилось по пищеводу и уютным комочком устроилось в желудке. Майк подозвал полового и потребовал повторить. Вторая пошла

ровно, но потребовала грибочка, а потом и второго.

– Я смотрю, ты там кое-чему научился, – оценил русский. – Лихо ты водку пьёшь.

– А ты, я смотрю, не бедствуешь, – в тон ему ответил Майк. – Костюмчик у тебя очень приличный. Что, программистам в Южной башне подняли жалованье?

– Сисадминам, – поправил его русский. – Работёнка как работёнка. Только я там больше не работаю. Меня наняла... одна фирма, – он покрутил в руках дымящуюся сигарету.

– В смысле, обслуживать их компьютеры? – на всякий случай поинтересовался Рональдс.

Николай прикусил нижнюю губу. На его лице проявилась странная смесь чувств – неловкость, гордость и что-то вроде недоверия к ситуации. Майк знал, что такие лица бывают у людей, сделавших какую-нибудь глупость, которая случайно обернулась удачей.

– Ну, в общем, началось с этого, – наконец, приступил к объяснениям Николай. – У меня в старой конторе сменился начальник... посадили какого-то аллергика, который ненавидит табачный дым. В общем, запретили мне курить в серверной. А я без табака не могу. И решил: чем мучиться, поищу-ка себе новое место. Разослал резюме. Ну и везде пишу, что русский у меня родной язык. Мало ли – может, пригодится. Представь, через два дня вызывали на первое собеседование. Весь разговор идёт по-русски. И вопросы задают совсем не технические. В основном по России и её истории. А я, ты знаешь, в этом деле разбираюсь... Короче, через полчаса разговора я понял, что меня совсем не на то смотрят. В смысле, не сисадминить. Понимаешь?

Майк кивнул.

– Ну, значит, поговорили мы таким манером, мне и говорят: парень, ты нам нравишься, русский у тебя нормальный, сам ты без иллюзий, и фамилия подходящая. Давай, типа, паря, это твой шанс. Принято, дескать, решение осваивать русский рынок... – он сделал крохотную паузу, – сигарет.

– То есть? – не понял Майк. – В России не курят.

– Это сейчас не курят, – сказал Николай, выпуская изо рта бесформенное облако дыма. – Скоро там всё изменится. Знаешь, какие бюджеты выделены под рекламу? Хотя... этого я тебе не говорил, о’кей?

– Ты мне и так ничего не сказал, – нахмурился Рональдс.

– Ну, всё равно... Короче, мне предложили позицию начальника московского отделения продаж. Не сразу, конечно. Месяца два я прокантуюсь как человек без статуса. Но платить будут как надо. Если всё получится – возьмут на работу официально.

– Тебе повезло, – смог выдавить из себя Майк.

– Просто им срочно нужен был человек с хорошим русским языком и без комплексов по поводу исторической родины... И не работавший на них раньше. В случае неудачи фирма ответственности не несёт. Сам знаешь, это Россия. Неизвестно, как у них ещё всё повернётся с легализацией... а продажи нужно начинать сейчас. Так что завтра утром я лечу в Москву. У меня сегодня последний вечер в Нью-Йорке. Решил вот посидеть...

– Надолго?

– Если дело пойдёт, то очень надолго, – вздохнул Николай. – Жаль будет расставаться с этим городом, я к нему привык... Но это мой шанс.

– Едешь продавать отраву? – не выдержал Рональдс.

– Ну... – Николай неопределённо пожал плечами, – это как посмотреть. Что не отрава в этом мире? Телевизор, скажешь, не отрава? Или вот автомобили – знаешь, сколько там всякой дряни в выхлопе? И потом, я никому ничего не навязываю. Не хочешь – не покупай, на то и свобода, – он глубоко затянулся. – К тому же, если не я – то другой парень. И этот другой парень мне уже заранее не нравится.

Майк помолчал две секунды, переваривая новости.

– Что ж, поздравляю, – наконец, выдавил он. – А у меня вот сплошное дерьмо.

Николай выпустил клуб дыма. Прищурился. Подозвал официанта, потребовал ещё двести "власовки" и грибочков.

– Рассказывай, – по-хозяйски распорядился он. – Только сначала выпей.

Через десять минут Майк крутил в руке пустую стопку и, сбиваясь и путаясь, рассказывал о своём лучшем репортаже.

– ...Ну вот. А потом мне звонит Брэндон, ну, мой шеф – и, чуть ли не рыча от злости, говорит, что я уволен без выходного пособия. Потому что, согласно моему контракту с Общественным радио Нью-Йорка, я не имел права делать репортажи ни для кого, кроме них. Ну, я ему, конечно, сказал, куда он может идти и что сделать со своим контрактом... я-то думал, что мне теперь от предложений работы отбиваться придется... даже если вдруг не возьмут на CNN, хотя я, конечно, надеялся, что возьмут... как же – Майк Рональдс, сделавший тот самый знаменитый репортаж в прямом эфире... тем более, место освободилось... Карэн-то так и не спасли, не успели... если бы тот нацист вертолет не угнал, может, и хватило бы времени... ну, ты в курсе, наверное... там еще русская девочка тоже погибла... Вот. А потом звонят с CNN. И сообщают, что против меня подан иск.

– За то, что ты вышел в эфир от их имени, не имея на то права? Незаконное использование товарного знака?

– Все еще хуже. В своем репортаже я на весь мир употребил слова "черный" и "дебил" в негативном контексте. И на CNN подала в суд Антидиффамационная лига и еще полдюжины афроамериканских и правозащитных организаций. Телевизионщики, конечно, мигом перевели стрелки на меня, доказав, что я у них не работаю и никакого отношения к ним не имею. И добавили второй иск сверху, уже от себя лично. За нанесение ущерба деловой репутации компании. До сих пор вот сужусь. На адвокатов уже все деньги растратил. Чем буду расплачиваться, когда проиграю дело – понятия не имею.

– Проиграешь, kak pit' dat', – без особого сочувствия в голосе констатировал русский. – И журналистика для тебя теперь, конечно, закрыта... У тебя сейчас есть работа? Или на что жить?

– Нет, – вздохнул Майк. – Последняя надежда, – добавил он в порыве нетрезвой откровенности, – на наследство от деда. Послезавтра должны огласить завещание. Но там по-любому не очень много...

Он хотел рассказать о смерти деда и о том, что тот для него значил, но Николай его перебил:

– Погоди-ка. Кажется, я могу тебе помочь. Сиди тут.

Русский легко поднялся, возле стойки о чём-то перекинулся парой слов с барменом, потом скрылся в чёрном проёме служебного входа. Рональдс тяжело вздохнул и налил себе ещё водки. Пить, однако, пока ещё не хотелось. Он сидел и тупо смотрел, как тает изморозь на дне графина, когда вернувшийся Николай хлопнул его по плечу.

– Порядок! Я тут поговорил с владельцем заведения. У них сейчас нехватка

персонала: очень много людей подалось в Россию за лёгкими деньгами. Не хочешь пока постоять за стойкой? По-русски ты немного умеешь, этого тебе пока хватит, а там nasobachishsia. Работа как работа. Платят здесь не то чтобы очень, но будут комиссионные от вербовщиков.

– Да... Почему бы и нет? – пробормотал Майк: спирт уже вязал ему язык.

Он смотрел на свою руку – сильную, крепкую руку взрослого мужчины. И видел сквозь неё другую руку – старую, иссохшую, со вздутыми синими венами, привычными движениями перетирающую грязные стаканы. Трясущаяся рука осторожно берёт рюмку со следами алой помады на боку и остатками водки на дне – и сливает опивки в мерный стаканчик, где уже накопилось на палец прозрачной жидкости. Рядом ждёт добычи другая ёмкость – для виски и коньяка. Два пальца, большой и указательный, с тёмной каёмкой под ногтями, перехватывают хрупкий черенок стеклянной посудинки, несет ко рту...

Майк встряхнул головой, и наваждение пропало. Какая чушь! Нет, конечно, он здесь не задержится. Он профессионал. Репортёр, сделавший гениальный репортаж. Да, он случайно ляпнул кое-что неосторожное. Но это забудут, а вот картину воздушного боя – нет. Может быть, стоит попытать счастья в прессе? Там ведь можно писать под псевдонимом... хотя – скрыть свое имя от работодателя все равно не получится, иначе контракт не будет иметь силы... Или – о, вот идея! – интернет-проекты? Там ведь тоже требуются профессионалы? Ну конечно! Как он мог забыть про Всемирную сеть? Решено: он соглашается постоять за стойкой – временно, сугубо временно, пока не найдёт себе местечка в одном из этих новых... как они, бишь, называются? Новостные порталы, да. В конце концов, за ними будущее. Может быть, – нашёптывала ему водка, – всё не так уж и плохо? Ведь он – настоящий профи. Такие люди, как он, Майк, никогда не оказываются без дела. Решено! Пересидеть плохие времена в этом смешном ресторанчике – кстати, неплохой жизненный опыт, интересная глава в его будущих мемуарах, – а потом ринуться с головой в сетевую жизнь, в короткие сроки заработать себе имя... положение... состояние... Да его перспективы просто великолепны, чёрт побери! Даже странно, почему он не понял этого сразу...

За такое следовало немедленно выпить.

– А с интернетом ты имел дело? – язык Майка уже слегка заплетался. – С новостными ресурсами, например? Перспективное дело?

– Интернет? Интересная штука... но, по большому счёту, помойка, – Николай сморщился. – Хотя... – он выцепил вилкой кусочек омлета, обмакнул его в соус и понёс ко рту, – если этим заниматься... Сейчас мы, наконец, заполучили германские алгоритмы сжатия изображений и быстрой передачи данных – ну и попёрла порнуха. Народ готов платить. За извраты особенно. Это сейчас главное. Гомики, садомазо, дерьмо, моча... тут лежат большие деньги.

Майк попытался было спросить, как можно делать деньги на дерьме и моче, но почувствовал, что, пожалуй, он уже не в состоянии вести светскую беседу. И что ему больше всего на свете хочется спать.

– Что-то ты, брат, быстро набрался, – осуждающе заметил Николай, глядя на Рональдса, уткнувшего голову в руки. – Ничего, привыкнешь, – пообещал он ему, вставая. – Не забудь к шефу подойти и сказать, что ты от меня, – посоветовал он похрапывающему Майку.

– Т-так т-ты едешь в Россию? – Рональдс на секунду оторвал лицо от мокрых ладоней. – Б-будь осторожен.

24 августа, суббота, день. Борт "Аэрофлот RU314".

В "Боинге" было холодно. Николай подумал, что не следовало все-таки брать билет на аэрофлотовский рейс. Он бы, конечно, полетел привычной "Дельтой" или "Пан Америкэн", но чертовы соотечественники – этим словом Николай называл, понятное дело, американцев – все-таки пробили запрет на курение на своих рейсах. Зато "Аэрофлот", напротив, стал первой из российских компаний, кто курение разрешил – правда, пока только на международных рейсах продолжительностью больше пяти часов. Но что лучше – девять часов мучиться без курева или столько же – от холода? Проблема. Все-таки у русских удивительный талант портить все, к чему они прикасаются. Казалось бы, точно такой же американский самолет, как у любой нормальной компании, а вот поди ж ты... И вообще он чувствовал себя препаршиво. Вечером он явно перебрал – до потери соображения. Утро он встретил в постели какой-то мулатки. Ш-шит, а был ли у него презерватив? В Нью-Йорке нельзя без гондонов. У двадцати процентов чёрных – СПИД. А ведь есть ещё хламидиоз, плохо поддающийся антибиотикам. Или какой-нибудь энтерококк... Как только он прилетит в Москву, надо будет провериться. Хотя с этим будут сложности: кажется, в этих диких краях всё ещё незнакомы с серьёзными венерическими заболеваниями. Ну да чёрт с ним, как-нибудь...

Что-то ведь было ещё. Что-то плохое, опасное... Ах да! Кажется, он болтал лишнее. Когда? В баре "Pravda" с одним типом. Как его зовут? Майк, да. Этот Майк – журналист. И у него большие неприятности. Что, если...

Он стал мучительно вспоминать, упомянул ли он в разговоре своего работодателя. После тщательной прокрутки в голове сохранившихся фрагментов вечера Николай пришёл к выводу, что, кажется, ему хватило выдержки всё-таки не произнести название фирмы, которая его завербовала. Проклятые русские гены, в пьяном состоянии его всё время тянет на откровенность...

Он сжал пачку "Винстона" в кармане. Нет, кажется, всё путём. Этот Майк нахрюкался раньше него. Кажется, он его там и оставил – в баре "Pravda". Что-то там было ещё... Ладно, всё побоку. Будем надеяться на лучшее.

Николай попросил по-русски у кстати пробегавшей стюардессы минеральной воды. Симпатичная девушка (на бейджике, приколотом к блузке, было написано "Frosya") внимательно посмотрела на него и предложила виски. Подумав секунду, Николай кивнул. В самом деле, хорошая идея. Именно то, что ему сейчас нужно.

Виски оказалось дрянным, но стало заметно легче. Включить, что ли, ноутбук? Однако по проходу уже двигалась другая девушка с каталкой, развозившая ланч.

– Meat, fish, chicken?

Николай выбрал порцию с мясом и вспорол ногтем пленку, закрывавшую пластиковый лоток. Внутри лежало что-то условно-съедобное: несколько ломтиков пахучего сыра с какой-то травой, капустный салатик с парой маслин (Николай терпеть их не мог), два тонких сэндвича с ветчиной, плоский кусок говядины, своим видом подозрительно похожий на старую растрескавшуюся резину, красно-желтое яблоко какого-то плебейского сорта и несколько тюбиков с приправами. "И это у них называется бизнес-класс", – поморщился Николай, тыкая пластмассовой вилкой в бифштекс, который, похоже, напоминал резину не только по виду. Тем не менее, перелет над Атлантикой занимает много часов, так что поесть следовало.

Старательно пережевывая аэрофлотовские деликатесы, он попытался сосредоточиться и вспомнить всё, что прочитал за последнее время о стране назначения.

Память не подвела: факты нехотя начали строиться в ряд.

Итак, Россия, она же Российская Республика. До недавних пор – часть Райхсраума, формально всё ещё существующего межгосударственного образования, центрированного вокруг бывшего Райха, фактически – официально очерченная зона имперских интересов. На самом деле, конечно, никакого Райхсраума больше нет и быть не может: руководство новообразованной Федеративной Республики Германия изо всех сил открещивается от имперского прошлого и усиленно отрицает само наличие каких бы то ни было дойчских национальных интересов.

Впрочем, это всё неважно. Он, Николай, летит в Россию, где идут совсем другие игры.

Николай наморщил лоб, вспоминая ежемесячный обзор из "Таймс", выловленный в интернете. Там всё было разложено по полочкам.

После спешной отставки тамошнего верховного диктатора и преобразования страны в президентскую республику – кажется, это было сделано то ли за два, то ли за три дня, с нарушением всех законов, правил и процедур, это англичане отметили особо – формальным руководителем страны является Президент РР Никита Сергеевич Михалков. На самом деле он – марионетка в руках более серьёзных людей, концентрирующихся вокруг новообразованной коалиции "Единая Демократическая Россия". Это хорошо: в программе едросов значится легализация некоторых запрещённых в России стимуляторов, и на первом месте идёт табак.

"Единая", хм. Они ведь там приняли закон о возвращении высланных с Кавказа мусульман и их потомков – вот ужо те устроят им единство... да и Восточная Украина с Восточной Беларусью совсем не рвутся укреплять российское единство, их воссоединение с обретшими независимость западными частями – только вопрос времени. И ещё в Петербурге... Николай постарался сосредоточиться: его новое начальство особо выделяло этот город как перспективный рынок. Что там у них? А, эти, национал-германисты. Любопытные ребята. Их раньше никто не принимал всерьёз, а теперь в Бурге скапливаются фольксдойчи со всей России, которые на остальной территории страны ныне чувствуют себя, скажем так, некомфортно. А в последнее время к ним уже стали добавляться эмигранты из Германии. В общем, с ними, похоже, придётся иметь дело. В лидерах у них какой-то академик. Странно, яйцеголовые обычно в этом смысле без амбиций, к тому же и фамилия у него совсем не германская. Наоборот – характерная такая русская, что-то связанное то ли с бедой, то ли со свободой... Точно, Лихачёв, от слова "лихо". Лихой, наверное, тип. А на Урале, вспомнил он, всё еще забавнее – там объявился некий атаман, "батька Борис". В прошлом, кстати – видный функционер ПНВ, но кого это волнует? В своих прокламациях он призывает "брать столько суверенитета, сколько захотите" – и пользуется большой популярностью....

Ну ладно. Урал – это далеко. Сейчас самое главное – что делается в Москве. И не вообще, а сейчас.

Николай закончил сражаться с бифштексом, вяло поковырял вилкой анемичный салатик и переставил лоток на соседнее незанятое кресло. Стряхнув крошки с откидного столика, он водрузил на него ноутбук и нажал кнопку.

"Тосиба" последней модели – толщиной в пачку печенья – заурчала, загружая заставку "Виндоус". Звёздно-полосатое полотнище лениво моталось по экрану, пока

система считывала файлы с диска. Дождавшись окончания загрузки, он подключил свой ноут к разъёму на кресле и вошёл в Интернет – эта услуга в последнее время стала бесплатной не только для VIP-салона, но и для бизнес-класса. К прибытию он уже должен быть знакомым с текущим положением дел.

Так, интервью с Мосюком для "Вошингтон Пост"... Николай вызвал полный текст, пробежал глазами по строчкам. Ему даже понравилось, как говорит Мосюк – жёстко и уверенно, без соплей. "Распад Райха – это величайшая геополитическая катастрофа века, и в самом ближайшем времени мир оценит её масштабы". "Я не в восторге от демократии". "Я не жду от перемен в России ничего хорошего". Так может говорить человек, который никого и ничего не боится... Впрочем, чего ему бояться? Первое, что сделал Михалков, оказавшись во главе России – подписал указ о гарантиях всему прежнему руководству страны. Видимо, не только в указе дело. Какие-то гарантии у всех этих старых монстров наверняка есть. И никакого нового Петербургского процесса над ними не будет. Тоталитарная практика публичного осуждения зла ушла в прошлое. Ну и хрен, собственно, с ней.

Хе-хе, а вот по его части: акция на Старом Арбате за легалайз табака и лёгких наркотиков. Николай ухмыльнулся: он уже получил пакет инструкций на тему организации подобных мероприятий. Но это, вроде бы, было самопальным: десять молодых парней, плакатики, красные маечки... какой-то густо обросший волосами тип, физиономия хитрая, наверняка из этих самых... На плакатиках – портреты американских киноактёров с сигаретами в зубах. Ха, интересный ход... может быть, акция не такая уж и стихийная? Кто-то, похоже, опередил "Винстон"... Надо выяснить. Но не сейчас.

Что там ещё? Краткое интервью с неким Никоновым – первым заместителем начальника Третьего Отделения ДГБ, занимавшегося, в частности, политическими преступниками. Не оно ли, кстати, занималось и наркотиками? Тогда это важно... Фото: молодой и симпатичный улыбчивый офицер с погонами подполковника, и вынесенные во врезку слова: "Моя цель – полная реорганизация Отделения". В комментарии от редакции упоминалось, что в условиях, когда место начальника Третьего Отделения вакантно – занимавший его генерал Калугин был отправлен в отставку еще Мосюком, а новое назначение, в связи с последовавшими бурными событиями, так и не состоялось – Никонов фактически является главой самого влиятельного подразделения главной российской спецслужбы. Подполковник, надо же... Похоже, этот Никонов – бойкий парнишка. Вот будет потеха, если в скором времени подполковник встанет во главе всего ДГБ. Хотя такое, наверное, чересчур даже для России...

Николай лениво потыкал пальцем в экран, сходив по паре ссылок. Оказалось, что Никонов занял место своего шефа, Филиппа Бобкова, покинувшего свой пост "по возрасту и состоянию здоровья". Впрочем, на последней фотографии бывший шеф "трёшки" выглядел вполне уверенно. Ещё потыкавшись по ссылкам, Николай нашёл линк на интервью с ним в "Свободном Слове". Оно называлось "Я всегда сочувствовал диссидентам". Читать его Николай не стал, за исключением концовки, где Бобков объяснял, что собирается уйти в коммерческие структуры. Это стоило взять на заметку.

Других важных новостей не обнаружилось. Николай отключился от сети, открыл файл с именами и координатами людей, с которыми он должен установить контакты в первую очередь. Как ему намекали винстоновцы, некоторые из них имели проблемы с законом. Что ж, переход от тоталитаризма к демократии меняет многое, в том числе и рамки запрещённого и разрешённого.

Николай поводил курсором по аккуратному столбику данных на экране. Его внимание привлекла красивое нерусское имя в середине списка: Матиас Спаде... или Шпаде? Кажется, в разных частях Германии такая фамилия читается по-разному... Впрочем, неважно – в России он точно Спаде. Данные на него были скудными, но многообещающими. Этнический дойч из Германии, переехавший в Россию "в знак протеста против германского тоталитаризма". Николай наморщил лоб: скорее всего, у человека были какие-то неприятности с имперским законом. Так-так, обладает опытом сбыта запрещённых российским законодательством веществ (Николай нахмурился: это ему не понравилось) и имеет в распоряжении готовую дилерскую сеть.

Николай низко наклонился над экраном: дилерская есть – это было то самое, что ему необходимо в первую очередь. К тому же настоящий дойч. Законы законами, а дойчи любят порядок, этого у них не отнять. Нужно будет связаться с этим Спаде. Неважно, чем он там занимался раньше – если он сумеет наладить продажи "Винстона", будет просто отлично...

– Простите, вы – гражданин России?

Николай поднял глаза от ноутбука. Над ним стояла Фрося со стопкой каких-то листочков в руках.

– Нет, – широко улыбнулся он.

– Тогда заполните, пожалуйста, – она протянула ему листок и двинулась дальше по проходу.

А, ну конечно, въездная анкета. Как полагается, на двух языках – крупными буквами по-английски, ниже мелкими – русский перевод. Николай выудил из кармана ручку и подвинул ноутбук, освобождая место на краю столика.

LAST NAME фамилия	Романов
FIRST AND MIDDLE NAMES имя и отчество	Николай Александрович
PURPOSE OF VISIT цель поездки	Бизнес

Да, подумал Николай, с именем ему повезло. Хорошо, что отец в свое время не стал менять свою "контрреволюционную" фамилию, ссылаясь на деда – красного героя Первой Гражданской... теперь вот пригодилось. В "Винстоне" ему прямо намекнули: хорошо себя поставишь – получишь собственную торговую марку. "Сигареты и папиросы от Николая Романова". Исторический тезка был известный курильщик, но так просто, без согласия близких родственников, использовать его имя в коммерческих целях нельзя – не позволяют российские законы. Но человек с таким же паспортным именем имеет право на собственную марку. А на логотипе, естественно, будет некий обобщённый бравый военный, ни на кого конкретно не похожий, но не без определённого сходства с последним царем. Говорят, тот сейчас в России сделался сильно популярен... только русские и могут сделать своим героем лузера, прогадившего все, что только можно. Но уж нынешний Николай лузером не будет! Своя марка, да... А товаром, разумеется, будет все тот же самый "Винстон". Надо приучать эту дикую страну к западным ценностям.

Заполняя остальные графы анкеты, Николай почувствовал быстро растущий дискомфорт внизу живота. Кажется, все-таки не надо было есть эту самолетную дрянь... Тем более когда в организме еще бродят токсины после вчерашнего. Романов закрыл

ноутбук, переложил его на сиденье и направился к туалетной кабинке. Ему не повезло: туалет оказался занят. Вроде и народу в бизнес-классе немного, а вот поди ж ты... Ждать он не хотел (а говоря откровеннее – не мог), посему быстро пошел в хвост, в туалет эконом-класса.

Здесь оказалось свободно. Романов поспешно спустил штаны, плюхнулся на сиденье – вроде бы относительно чистое – и шумно опростался. Аах, хорошо... Вспомнилась старая шутка: "Душа находится внизу живота: облегчишься – и на душе легчает!" Теперь еще покурить. Но сначала все-таки...его рука привычно потянулась направо за туалетной бумагой и уперлась в металлические зубцы. Бумага не нащупывалась. Николай раздраженно откинул блестящую крышку, под которой должен был скрываться рулон. Рулона не было. На металлической оси висела лишь пустая картонная сердцевина.

– F-fuck! – с чувством произнес он. Это называется – Россия встречает Николая Романова. Отсутствием бумаги в сортире.

Но что-то делать все-таки надо. Не ходить же еще полдня с грязной задницей. Романов обследовал свои карманы, но ничего подходящего не обнаружил. Разве что пожертвовать носовым платком? Николай беспомощно оглянулся по сторонам и заметил краем глаза какой-то листок на крышке бачка. Ага – газета! Точнее, обрывок таковой – примерно половина листа. Едва ли его оставил здесь кто-то из персонала – уж эти все же принесли бы полноценный рулон. Скорее, предыдущий пассажир, столкнувшийся с той же проблемой, но имевший при себе газету – и оставивший неиспользованную ее часть для следующего страдальца.

Николай взял газету в руку, равнодушно скользнул взглядом по строчкам. Шрифт был русский – какое-то эмигрантское издание... Глаза зацепились за короткий стихотворный столбик возле самого оторванного края:

Вселенский опыт говорит,
Что погибают царства
Не от того, что труден быт
Или страшны мытарства.
А гибнут царства оттого
(И тем больней, чем дольше),
Что люди царства своего
Не уважают больше.

– Херня, – пробормотал Романов и употребил газету по намеченному назначению.

ENDE

2002, 2003-2006, 2009, 2010

APPENDIX

Anhang I.

Из "Краткого русско-английского словаря технических терминов" (М: "Русский язык", 1990)

(В скобках приведены исходные дойчские термины)

Примечание. Перевод РАЙН-терминов через интернет-аналоги является приблизительным, в силу существенных различий в принципах организации и работы двух сетей.

Аншрифт (Anschrift) – e-mail address
Берех (Berech, Bedienungsrechner) – server
Вандерунг (Wanderung) – roaming
Дат, платтендат (Datei, Plattendatei) – file
КМД (KMD, Kurzmitteilungsdienst) – SMS
Нотицблок (Notizblock) – notebook
Нутцерфраг (Nutzerabfrage) – login name
ПБС (PBS, Plattenbetriebssystem) – Disk Operating System
Плат (Platte) – harddrive
Плац (Platz) – site
РАЙН (REIN, Reichsraums Einheitsinformationsnetz) – Reichsraums Unified Information Network, analog of Internet
Райнанлифер (Reinanliefer) – Internet-provider
Райнмайстер (Reinmeister) – webmaster
Райнаусштатунгер (Reinausstattunger) – webdesigner
Рехнер (Rechner) – computer
Тагебух, таг (Tagebuch) – logfile
Фернзеен (Fernsehen) – TV
Фернзеер (Fernseher) – TV set
Целленхёрер (Zellenhörer) – cell phone
Шпицнам, шпиц (Spitzname) – nickname
Штелка (Stelle) – web-page

Anhang II.

Из "Краткого словаря русского уголовного жаргона" (издание Департамента Внутренних Дел, 1989, для служебного пользования)

(В скобках дана этимология)

Агредать (англ. agreed) – согласовать, договориться
Вейджать (кит. веи джао) – врать
Ворка (англ. work) – работа
Гуй (англ. guy) – парень, мужик
Даен (кит. да йен) – марихуана
Джанхуашки (кит. джиан хуа) – разговор, "базар"
Джахуа (кит. джяо хуа) – торговля

Джин (кит. джин ца) – полицейский

Джу (кит. джу) – спиртное (особ. контрабандное или контрафактное)

Джубануть (кит. джу бо) – донести, "настучать"

Дзыня (кит. дзин ю) – проститутка

Дуфан (кит. ду фан) – крупный наркоторговец

Дыо гуорен, дыо (кит. дыо гуо рен) – дойч, гражданин Германии

Каолить (кит. као лью) – думать, полагать (иногда раздельно: я такую као лью – я такую мысль имею)

Конджить (кит. кон джу) – бояться

Коунтить (англ. to count) – считать

Пантуй (кит. пан ту) – стукач, предатель

Сагуа (кит. са гуа) – дурак, идиот

Сохать (кит. со хуа) – говорить

Сочан (кит. соу чиан) – пистолет

Суджи (кит су джи) – тихо!

Сыла (кит. сы ла) – смерть

Табель (англ. table) – стол

Фанду (кит. фан ду) – преступная группировка (особ. наркоторговцев)

Фирстовый (англ. first) – первоклассный, первосортный

Хайлуин (кит. хайлу йин) – героин

Хайпато (кит. хай па) – страшно, "стремно"

Хаун бадан (кит. хаун ба дан) – сукин сын (тяжесть оскорбления зависит от контекста)

Хинчануть (кит. хин чиан) – спрятать; хинчануть под четыре доски – убить

Хуаиться (кит. хуа ии) – быть на подозрении

Цао (кит. цао) – козел, пидор, херосос (тяжелое оскорбление, может быть достаточным поводом для убийства обидчика)

Чени (кит. чиэн) – деньги

Шидудзе, шидуз (кит. щи ду дзе) – наркоман

Шовить (англ. to show) – показывать

Яопинька (кит. яо пинь) – ампула, доза

Anhang III.

Краткий справочник социально-политических понятий

(Источники: "Российский энциклопедическй словарь" (М: "Российская энциклопедия", 1985),

"Сборник методических материалов" (М: издание Высшей школы ДГБ, 1987, для служебного пользования))

109, символ.

Происхождение – первые три цифры даты Сентябрьских убийств, 1-09-1941. Изначально – символ опасности, в особенности – угрожающей Райху и дойчам как нации, в настоящее время – антигерманский символ. Как элемент настенной росписи, означает нечто вроде "долой немцев" или "смерть немцам". Распространен в некоторых областях Райхсраума, особенно в Польше. В России встречается редко.

110.

Телефон полиции и скорой медицинской помощи, принятый во всех государствах Райхсраума. Звонки по этому телефону бесплатны.

Атлантический блок, атлантисты.

Военно-политический блок, созданный на базе коалиции Западных Союзников по Второй мировой войне для противостояния Райхсрауму. Официально учрежден 4 апреля 1949 в США. К настоящему времени (1985) насчитывает 33 страны, но доминирующая роль принадлежит США и их главным сателлитам – Великобритании, Канаде и Франции. Австралия и Мексика имеют статус наблюдателей. Прочие участники – главным образом карликовые островные государства и бывшие британские колонии в Африке. Формально признавая незыблемость итогов Второй мировой войны, подтвержденную Женевским мирным договором и Уставом ООН, на деле А.б. проводит политику гонки ядерных вооружений, реваншизма (т.н. "освобождение Европы") и вмешательства во внутренние дела суверенных государств ("экспорт демократии"). В странах А.б. нашли убежище многие коммунистические преступники и террористы.

Гёринг (Göring) Херманн, 1893-1946.

Политический, государственный и военный деятель Германского Райха. Летчик-эксперт Первой мировой войны (22 победы). Член НСДАП с 1922 г. С 1923 г. – руководитель СА (штурмовых отрядов). Председатель Райхстага (1932 – 1945). Министр-президент Пруссии (1933 – 1941). Имперский министр авиации (1933 – 1945), райхсмаршал (1940). С конца 1941 года фактически не принимал участия в управлении государством. Умер в 1946 после продолжительной болезни.

Двуглавый орел.

1. Жаргонное выражение, восходящее к аббревиатуре DA, "Doppelagent", "двойной агент".

В РСХА двойных агентов, особенно высокопоставленных и ведущих свою игру, часто называют "Doppeladler", "двуглавый орел".

2. Распространенное наименование герба России.

Дитль (Dietl) Эдвард, 1890-1976.

Выдающийся германский политик, один из основателей Германского Райха. Родился в Байерне. Во время Первой мировой войны – командир роты. Член НСДАП с 1920. В том же году вернулся на военную службу. Заведовал партийной работой в армии. С 1935 – командир 99-го горно-стрелкового полка. Первый в истории Германии кавалер нового ордена – Рыцарского Креста с дубовыми листьями. В 1941 году направлен на Восточный фронт.

После гибели Хитлера (см. Сентябрьские убийства) 5 сентября 1941 года совершил перелет в Берлин, где принял полномочия Председателя Комиссии по расследованию преступлений против Райха и временно исполняющего обязанности райхсканцлера.

С 14 марта 1942 года – райхсканцлер.

8 августа 1945 года лично подписывает четырехсторонний Женевский мирный договор (см.), положивший конец Второй мировой войне.

С 1949 г. – Райхспрезидент.

На Втором Чрезвычайном съезде НДСАП (см.) выступил с президентским посланием, осуждающим культ личности Хитлера.

Один из инициаторов и идеологов Обновления (см.)

Стоял у истоков ООН. Нобелевская премия мира (1962).

Женевский мирный договор (1945), Женевские соглашения.

Договор об окончании Второй мировой войны, подписанный в Женеве 8.08.1945 представителями Германского Райха, Италии, США и Великобритании. Договор фиксировал границы послевоенной Европы и принцип их незыблемости. С целью недопущения применения ядерного оружия в Европе Германия согласилась на ряд уступок, в частности, германские войска были выведены из Франции и Бельгии, а США получили право продолжать войну против Японии, отказавшейся присоединиться к Ж.с. В то же время, США и Великобритания от имени Западных Союзников признали: вхождение в состав Германского Райха бывших Остеррайха (Австрии), Дании, Люксембурга, Норвегии, Польши, Сербии, Словении, Чехии; вхождение в состав Германского Райха и его союзников части территории бывшего СССР, оформленное Смоленским договором о мире и дружбе (1943) (частей Украины, Беларуси и Кавказа, а также Карьялии и Молдовы); вхождение в состав Италии бывших Албании, Греции, Македонии, Мальты и Черногории. Суверенитет Нидерландов был восстановлен на условии принятия ими конституции, запрещающей иметь собственную армию. Также были согласованы новые границы колониальных владений в Африке и поэтапное прекращение британского мандата над Палестиной (т.н."дорожная карта") с образованием независимого государства Израиль (см).

Закон против гомосексуализма, Gesetz gegen Homosexualität, 175-й параграф.

Введен при Хитлере. В диспозитивной части не пересматривался. Санкция менялась дважды: в 1953 и 1969, в последний раз – в связи с подписанием известного соглашения с Францией, согласно которому последняя автоматически предоставляет гражданство дойчам, осужденным по ряду статей, связанных с расовой гигиеной и общественной нравственностью. Это соглашение позволило сделать депортацию неполноценных стандартной практикой.

Израиль (офиц. наименование – Республика Израиль, РИ).

Государство на Ближнем Востоке. Образовано по Женевскому мирному договору в качестве юдского национального очага.

Президентскаая республика. Основополагающий документ – Конституция 1949 года.

Первый президент – Мартин Бубер.

Маргариновое десятилетие, Margarinejahrzehnt.

Народное название послевоенного десятилетия. В связи с необходимостью послевоенного восстановления, удержания ядерного паритета с Атлантическим блоком и развития вооружений для этого исторического периода был типичен низкий уровень жизни масс.

В отличие от официальной историографии, в которой начало и конец "послевоенного периода" маркируется подписанием основополагающих договоров – Женевских соглашений (8 августа 1945 года) и Хельсинских договоренностей о взаимном разоружении (11 января 1957 года) – Margarinejahrzehnt отсчитывается примерно от середины 1946 года (централизация продовольственных поставок и жесткие полицейские меры против черного продуктового рынка) до 24 декабря 1956 года (отмена карточек).

Металлы войны, War Metals, WM.

Американское название ряда металлов, необходимых для получения легких и жаростойких сплавов.

Как правило, к WM относят кобальт, никель, марганец, ванадий, хром, а также иногда уран и прочие радиоактивные материалы. Термин появился в связи с так называемой никелевой блокадой (1956-1957).

Обновление (Erneuerung).

Политика реформ, проводившаяся НСДАП под руководством Э.Дитля с целью преодоления последствий культа личности А.Хитлера, восстановления национал-социалистической законности, модернизации и укрепления национал-социалистического учения. Хотя отдельные реформы были проведены еще до окончания Второй мировой войны, официально началом Обновления считается Второй Чрезвычайный съезд НСДАП. Обновление сопровождалось усилением партийной демократии во внутренней политике и разрядкой международной напряженности во внешней; в то же время отдельные непродуманные решения привели к активизации экстремистских элементов на территории Райха и Райхсраума. Официально об окончании политики Обновления так никогда и не было объявлено; атлантистские историки считают концом Обновления применение вооруженных сил для подавления беспорядков, устроенных антигерманскими экстремистами в Протекторате Богемия и Моравия (т.н. "пражской весны") в 1964 г.

Окончательное решение (юдского вопроса), Endlösung.

Комплекс мер по репатриации юде (гл. обр. германских) на историческую родину, осуществленный правительством Германского Райха в 1942-1945 гг.

Теоретические основы ОРЮВ сформулированы основоположниками сионизма (см). Практическая реализация наталкивалась на сопротивление правительства

Великобритании, отказывавшегося принять репатриируемых в своих ближневосточных колониях, в результате чего более 40000 юде умерло от эпидемий в пересыльных лагерях.

По Женевскому мирному договору образовано независимое гос-во Израиль.

Осткультуркампф (Ostkulturkampf).

Широкий комплекс мероприятий по пропаганде и распространению дойчской культуры и борьбе с германофобскими пережитками, проводившихся на восточных территориях Райха и Райхсраума в 1950-е – 1960-е годы. Помимо активной книгопечатной, кинопрокатной, выставочной и концертной деятельности, строительства библиотек, школ, культурных центров и т.п. учреждений, организации фестивалей и программ обмена для учащихся и туристов, включал в себя в также частичную реформу национальных языков, в рамках которой были устранены искажения в произношении слов дойчского происхождения (как имен собственных, так и нарицательных), а также изъяты из литературной нормы некоторые устаревшие слова, имевшие неадекватный и германофобский оттенок (в частности, в России – слово "немец", исходно означающее "немой", и его производные). Идеология Осткультуркампфа впоследствии оказала влияние и на сам дойчский литературный язык, где также возникла тенденция к употреблению иностранных имен собственных максимально близко к оригиналу (но обычно это касается лишь союзных стран и народов).

Райхсраум (Reichsraum, Германское Содружество).

Крупнейший военно-политический и экономический союз современного мира. Сформировался в ходе Второй мировой войны; юридически закреплен Женевскими мирными соглашениями (см.) и рядом последующих двухсторонних договоров. Все страны Райхсраума сохраняют государственный суверенитет, но проводят скоординированную внешнюю и внутреннюю политику, образуют единое таможенное и валютное пространство (на основе германской марки). В состав Райхсраума, помимо Третьего Райха, входят также Болгария, Италия, Латвия, Лиетува, Лихтенштайн, Мадьярорсайг (Венгрия), Россия, Ромыния, Словакия, Суоми, Хорватска, Ээсти (1985). Не входят в состав Райхсраума, но тяготеют к нему политически и связаны с ним рядом экономических соглашений Эспанья и Португалия.

Расовая теория.

Учение о физической и психической неравноценности человеческих рас. Впервые сформулирована (в донаучном виде) Ж.А. Гобино, впоследствии разрабатывалась британской расистской школой в качестве идеологического орудия для оправдания захватнических планов британских империалистов. Научная расовая теория возникла в Германии. Выдающийся вклад в развитие научной расовой теории внесли А. Розенберг и К. Хаусхофер. Основные положения научной расовой теории экспериментально подтверждены в ходе многолетних биологических и психологических исследований, ведущихся Центром Гёте. Вместе с тем, ранняя расовая теория содержала теоретические и практические ошибки, в частности, отрицала принадлежность славянских народов к арийской расе.

Скунсы.

Жаргонное (презрительное) обозначение американцев, распространенное в

Райхсрауме.

Происхождение слова – из популярной политизированной радио– (позднее теле-) передачи для детей "Зеленый дом" (выходила в 1948-1957), где симпатичные зверюшки, символизирующие народы Райхсраума – зайчик Фриц, белочка Маша, бобренок Тойво и другие – боролись с бандой злых животных, символизирующих Атлантический блок: скунсом Сэмом, жабой Франсуазой, бульдогом Джоном и так далее.

Передача перестала выходить после заключения Хельсинских соглашений, согласно протоколам так называемой Третьей корзины ("прекращение пропаганды взаимной ненависти"). Тем не менее, изображения соответствующих зверюшек в качестве символов государств и наций до сих пор используются в политической карикатуре, причем не только имперской, но и западной.

"Ужин в 'Медведе'" (1956).

Знаменитый десятиминутный черно-белый фильм Лени Рифеншталь, шедевр имперской пропаганды. Признан "лучшим документальным фильмом всех времен". Был впервые показан по всеимперскому фернзеену 24 декабря 1956 года, накануне отмены карточной системы, поданной как "рождественский подарок народу Райха". Сюжет фильма – дружеский ужин, устроенный Райхспрезидентом в берлинском ресторане "Медведь" в тот же день. На ужин были приглашены полторы сотни людей, имеющих особые заслуги в одержании "Второй Победы" (в основном гражданские лица). Все продукты, которыми демонстративно угощали приглашенных, на следующий день появились в свободной продаже по доступным ценам.

Хотя первый показ "Ужина" состоялся накануне Рождества, впоследствии его демонстрация именно в рождественский вечер стала частью общенародного ритуала.

Ниже приведены выдержки из книги "Моя жизнь в кино" Ханса Келера, кинооператора, ассистента и четвертого мужа Лени Рифеншталь. Книга опубликована в эмиграции, к публикации в Райхе запрещена по суду как клеветническая. Первая публикация приводимого отрывка – NY, журнал "Die Saat" ("Посев"), N 3 за 1983 год.

"[...] Это была фантастическая работа. Пленка была отснята, проявлена и смонтирована всего за полтора часа. Кажется, этот рекорд до сих пор никем не превзойден. Райхспрезидент Дитль, не упустив случая показать свою "германскую честность", настоял, чтобы ужин состоялся именно 24 декабря, а фильм – показан в тот же день поздно вечером. Лени устроила в политуправлении двухчасовую истерику, но потом согласилась на предложенные условия: ей предоставили новейшее кинооборудование для непрерывного монтажа стоимостью приблизительно в четверть биллиона дореформенных марок. Разумеется, морально-политическое единство Райха стоило любых расходов. Это особенно хорошо чувствовалось, когда мы ехали на место съемки мимо недостроенной больницы для ветеранов войны. [...]

Лаборатория была устроена непосредственно в подвале ресторана. Для доставки отснятой пленки использовался кухонный лифт, управлять которым доверили двум офицерам РСХА. После первой пробы их пришлось удалить, так как они были недостаточно расторопны и напрасно теряли несколько драгоценных секунд. Пришлось обратиться к помощи ресторанных служителей, которые в связи с этим получили допуски на "специальное мероприятие". Кажется, их об этом даже не известили. [...]

Вопреки знакомой нам всем атмосфере фильма, сам ужин производил странное и жалкое впечатление. Большинство гостей не имели опыта естественного поведения

перед камерой, и поэтому постоянно переходили от крайней зажатости к развязности. Некоторые даже не были заранее уведомлены, что их будут снимать: в этом еще раз проявилась пресловутая имперская предусмотрительность. Однако Лени это совершенно устраивало: реальность для нее была и остается всего лишь материалом для монтажа. [...]

Следует признать, что Райхспрезидент показал себя хорошим актером: старый лис позировал совершенно невозмутимо и хорошо понимал, чего мы от него хотим. Но знаменитый жест, вошедший в историю мирового кино – когда Райхспрезидент с чашечкой кофе в левой руке пытается посмотреть на часы – был простой случайностью. Если бы не моя расторопность в обращении с камерой, эта деталь так и осталась бы незафиксированной, так что Лени напрасно приписывает себе еще и эту заслугу. Впрочем, феноменальная лживость этой женщины является органической составной частью ее феноменального таланта – не столько художественного, сколько пропагандистского. [...]

Несмотря на то, что почти каждый райхсгражданин помнит "Ужин" практически наизусть, примерно две трети действующих лиц ему неизвестны: кто-то был забыт, кого-то приказано было забыть. Я позволю себе указать лишь на некоторых персонажей, особенно неудобных современной райхспропаганде. В кадре с упавшей вилкой – Лео Шпербер, выдающийся химик, впоследствии репрессированный по позорной 175-й статье, сейчас – борец за права сексуальных меньшинств в тоталитарных государствах и мой хороший друг. В сцене с сотейником – Ханс фон Майер, врач-микробиолог, автор "капель Майера" и противостолбнячной вакцины, используемой до сих пор. В те времена доктор Майер был чрезвычайно популярен. После отъезда в Соединенные Штаты его имя перестали упоминать. В эпизоде с бутербродом – Вальтер Порциг, геолог, первооткрыватель "германского" (на самом деле российского) никеля. Этот был впоследствии уличен в совращении малолетней приемной дочери. Партийные органы принудили его жениться на своей жертве (что хорошо характеризует хваленую немецкую нравственность), после чего запихнули в какой-то медвежий угол, подальше от глаз любопытных кумушек. [...]

Оглушительный успех "Ужина" произвел на интеллектуальную часть политуправления сильнейшее впечатление. Это выразилось в изменении стиля пропаганды. Был взят курс на драматизацию и героизацию грубой, серой, филистерской действительности, в которой жили и живут подавляющее большинство райхсграждан. Культивирование Gefühlsmitwirkung, чувства сопричастности к победам и достижениям Райха, с тех пор стало основной заботой штатных промывателей мозгов."

Хитлер (Hitler) Адольф. 1889-1941.

Выдающийся германский политик, теоретик национал-социализма, один из создателей НСДАП (партбилет номер 7). Основатель Германского Райха.

Родился в Австрии. Во время Первой мировой войны – ефрейтор. С 1921 года – фюрер НСДАП. После победы НСДАП на демократических выборах 1933 г. принял звание райхсканцлера. С 1934 г. объединил этот пост и пост президента Германии.

Военный руководитель Райха на первом и втором этапах Второй мировой войны.

Убит 1.09.1941 года во время выступления в Райхстаге (см. Сентябрьские убийства).

Сыграл выдающуюся роль в становлении научного национал-социализма,

возрождении германской нации после Первой мировой войны, разгроме рёмовской антипартийной оппозиции.

Вместе с тем допускал грубые теоретические и политические ошибки (в частности, некритически принимал некоторые положения ранней расовой теории), нарушения национал-социалистической законности, непродуманные волюнтаристские шаги во внутренней и внешней политике.

Культ личности Хитлера осужден НСДАП на Втором Чрезвычайном съезде НСДАП (Мюнхен, 1953) как чуждый духу национал-социализма.

Холокост (интифада).

Политика террора против граждан Израиля и юдского народа в целом, осуществляемая арабскими террористическими группировками.

Продолжается с 1948 г. Осужден как форма геноцида 30-й сессией Ген. ассамблеи ООН (1975).

Чрезвычайный Военный Комитет, Ausnahmekriegskomitee, АКК.

Орган военно-государственного управления Германского Райха в 1941-45 гг.

Создан 2.09.1941 после Сентябрьских убийств (см.)

Возглавляли Х. Гудериан, Ф. Канарис и Э. Роммель ("триумвиры"). На начальном этапе фактически сосредоточил в своих руках всю полноту власти.

Под эгидой АКК действовала Комиссия по расследованию преступлений против Райха.

С 1944 г. влияние АКК начинает снижаться. 10.08.1945 распущен указом Э. Дитля "в связи с окончанием войны".

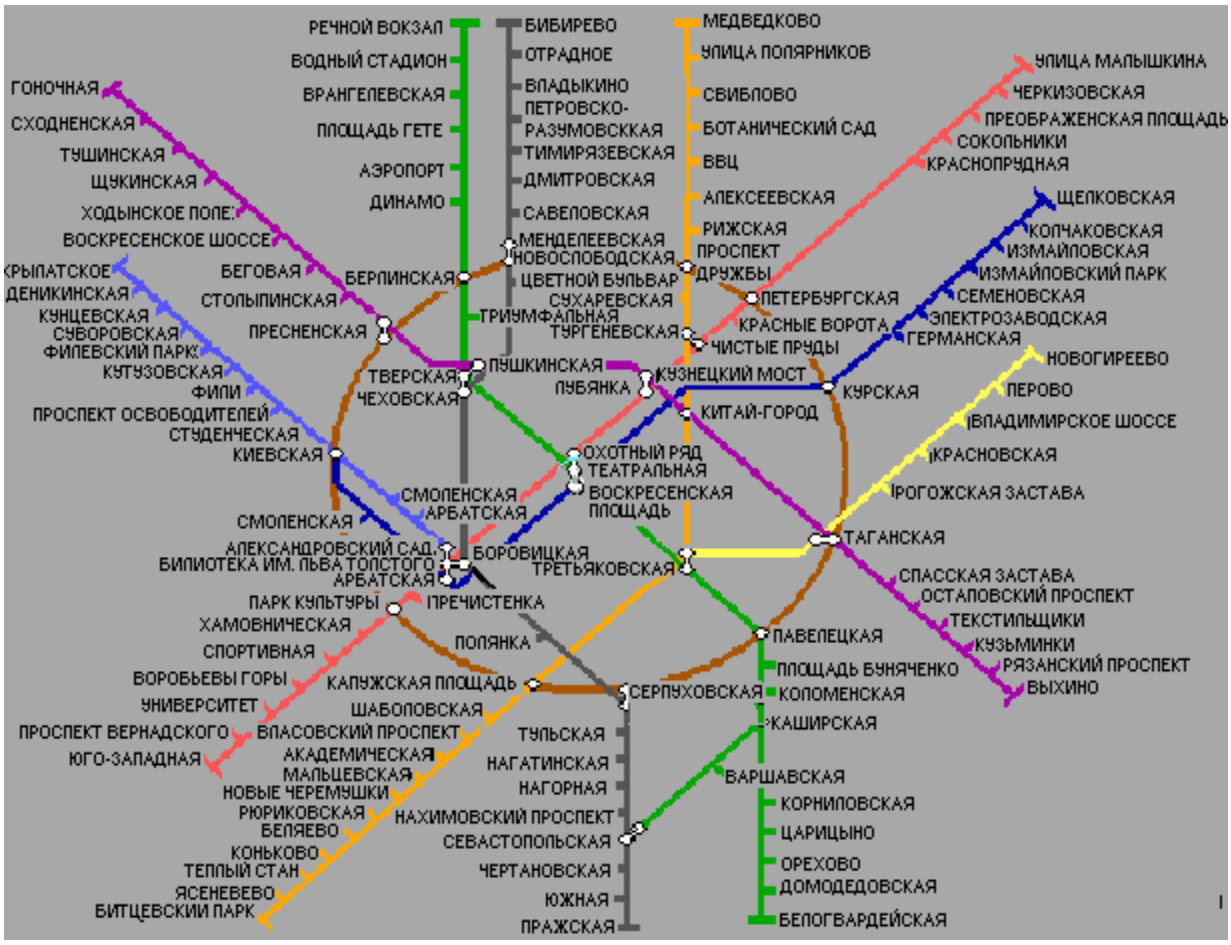
Эксперт (летчик) – почетное звание в Люфтваффе. Изначально присваивалось за десять воздушных побед, что вдвое выше, чем для аналогичного звания аса в ВВС стран, наследующих авиационным традициям Антанты. Поскольку после образования Райхсраума ряд таких стран оказался в его составе, в целях унификации в 1949 году порог для эксперта был также понижен до пяти воздушных побед.

Юде.

Народ (по другой трактовке, религиозно-национальная группа); живут в разных странах мира. Оценка численности затруднена из-за различия трактовок понятия Ю. Закон о гражданстве Райха (1935) определяет юде как человека, у которого как минимум 3 из 4 родителей его родителей были чистокровными юде, либо двое родителей его родителей были чистокровными юде и сам он при этом состоит в иудейской общине или браке с юде, либо является внебрачным ребенком, одним из родителей которого был юде (последний пункт отменен в 1955). Гражданский кодекс Российской республики (1973) определяет принадлежность к юде на общих основаниях с другими национальностями (национальность ребенка определяется национальностью его родителей; если таковые не совпадают, гражданин при получении паспорта вправе выбрать одну из них). Согласно галахическим правилам иудаизма, юде считается тот, кто рождён от матери-юде и не перешёл в неиудейское вероисповедание, а также лицо, принявшее иудаизм. Израильский Закон о регистрации населения (1950) признает юде также полукровок, рожденных от отца-юде, по причине чего постоянно подвергается критике со стороны ортодоксальных иудеев . Общая численность Ю. по разным методикам оценки – от 15 до 20 млн., из которых ок. 50% проживают в Израиле(см.) и ок. 40% в США. Большая часть говорит на

языке страны, в которой они живут. Самоназвание (используемое в основном в Израиле) – йехудим (ед.ч. йехуди). В русском языке до начала 1950-х годов для обозначения юде использовался термин "евреи"; в настоящее время он считается ругательным и официально не употребляется (повторив, таким образом, историю более раннего термина "жиды", изначально также нейтрального). Вопреки существующему ошибочному мнению вытеснение термина произошло естественным путем, а не в результате Осткультуркампфа (см.)

Anhang IV.
Схема московского метро (1990)



Anhang V.

Речь Райхспрезидента Эдварда Дитля перед выпускниками ВПШ имени Канта

Знаменитая "речь Дитля" является одним из важнейших документов "позднего", или "послесъездовского", национал-социализма.

Несмотря на архаичную тяжеловесную риторику, в речи содержится ряд принципиально важных положений – например, новая интерпретация расовой теории, принципиальная готовность включить в "национал-социалистический пантеон" классиков дойчской философии, и т. п. В дальнейшем все эти положения вошли в так называемый "поздненацистский синтез", бывший до самого последнего времени официальной идеологией Райха.

Перевод выполнен по изданию: Dietl E. Sämtliche Werke. Leipzig, 1979, S. 402-409.

* * *

Речь Райхспрезидента Эдварда Дитля перед выпускниками Кёнигсбергской Высшей Партийной Школы имени Иммануила Канта при Университете Альбертина. 1956 г.

Дорогие боевые товарищи, коллеги, друзья!

Не будет преувеличением сказать, что именно на вас, сидящих в этом зале, на ваши плечи, ляжет особая тяжесть. Решения Второго Чрезвычайного съезда нашей партии требуют от нас особого мужества и особой выдержки. Целесообразные и необходимые в своей основе, эти решения вызвали смущение и колебания среди нестойких духом. Уже раздаются голоса, уже высказываются мнения об "исчерпанности" национал-социалистического учения, о его якобы "несоответствии духу времени", и даже о его "врождённых пороках". Я, как Райхспрезидент и как ваш партийный товарищ, заявляю: решения Съезда знаменуют собой не крах и даже не кризис национал-социализма, а новый этап его развития. Национал-социалистическое учение было и остаётся нашим знаменем, нашей путеводной звездой, неисчерпаемым источником нашего умственного и нравственного здоровья. [Аплодисменты].

Партия признала свои ошибки, в том числе и ошибки принципиального характера. Что ж! Мы, дойчи, умеем за частностями видеть целое, и только целое нас интересует по-настоящему. Можно проиграть несколько сражений, но всё-таки выиграть войну. Вы, партийные работники, ни на минуту не должны забывать, кто вы такие. Вы – солдаты Райха, ведущие великую борьбу за освобождение германского духа от сковывающих его пут. Бесплодные сожаления, сомнения, колебания – всё это плохие помощники в этой борьбе. Мы, ваши старшие товарищи, всецело полагаемся на ваше мужество, стойкость, неутомимость и верность делу национал-социализма.

Истинным творцом национал-социалистического учения является, прежде всего, дух нашего народа – мужественный, трезвый дух, гармонично сочетающий в себе практичность и твёрдое стояние на своих собственных ногах со способностью погружаться в глубочайшие бездны отвлечённого мышления, сохраняя при этом свою ясность. Как ошибались те наши недруги, кто говорил и писал о дойчах как о приземлённом народе, движимом лишь только животными интересами! Но ошибались и те, кто называл нас безответственными фантазёрами, обитающими в воздушных замках.

Наш народ сражался и победил в великой войне, в едином порыве встав на защиту своего будущего. Что касается воздушных замков, то вчерашний парад нашей реактивной авиации свидетельствует о прочности их стен и укреплений [смех, аплодисменты].

Итак, истинным творцом национал-социализма является народный дух. Тем не менее, общее по своей природе не может найти своё выражение иначе как в особенном, в частном – причём мощь общего, его необходимость не могла не заявить о себе с особенной остротой именно в остроте и силе особенного. Поэтому нет ничего удивительного в том, что национал-социализм не возник сам собой из глубин народного сознания, а нашёл свою родину в сердцах немногих людей, по праву считающихся гордостью нашего народа.

Я назову три германских имени – Иммануил Кант, Фридрих Ницше, Адольф Хитлер. Эти люди выковали ту форму, которую впоследствии приняло сознание немецкого народа, ищущего своё духовное отечество. И пусть даже они не были во всём достойны своих прозрений [шум в зале], всё же учение Канта о категорическом императиве, учение Ницше о морали господ и учение Хитлера о фюрерпринципе были и остаются основой национал-социалистического мировоззрения, нашего национального бытия, наших надежд на великое будущее германской цивилизации.

Я намерен посвятить эту речь Иммануилу Канту. Иммануил Кант – вечный, непреходящий образец того, каким должен быть дойч, посвятивший себя чистому познанию. В тиши своего уединения он совершил мировой переворот, найдя и предъявив миру начала подлинно научной философии. Изучение наследия Канта, дальнейшее развитие его основоположений стало с тех пор занятием всей мировой мысли, а сам Кант – учителем всего мира.

Увы, мы все стали свидетелями того, как отречение от истин, данных Кантом человечеству, завело современную западную мысль в мёртвый тупик. Вряд ли человек, находящийся в здравом уме, назовёт философией то, что преподаётся в американских, английских или французских университетах. Не так давно Высшее партийное управление по делам печати сняло последние ограничения на публикации западной гуманитарной литературы – и что же? Так называемый "французский экзистенциализм", являющийся одной сплошной проповедью пессимизма и отчаяния, равно как и американская "лингвистическая философия", вовсе лишённая какого-либо смысла, не вызвала никакого интереса ни в наших образованных кругах, ни среди читающей публики. Мне сообщили, что тираж последней книги французского "мыслителя-марксиста" Сартра так и не был распродан. Я полагаю, что это свидетельствует только об одном: о здравомыслии нашего народа, о его непоколебимом душевном здоровье.

Драгоценнейшим достоянием, ядром всей философии Канта – и, более того, ядром всего национал-социализма в целом – является учение о категорическом императиве. Этим учением Кант разорвал завесу, скрывающую от нас нашу собственную глубочайшую внутреннюю сущность. Впервые за всё время существования германского мира ему была дана моральная система, не унижающая, а возвышающая достоинство каждого дойча, каждого арийца. Ибо всякий человек, носящий в своей груди нравственный закон, открытый Кантом, есть по сути своей ариец. И напротив, тот, кто отвергает этот закон, не может быть назван арийцем, а следовательно и дойчем.

В чём состоит различие между категорическим императивом – и моральными системами прошлого, сколько их ни есть? Оно в том, что все остальные моральные системы были, есть, и останутся недочеловеческой моралью, моралью рабов.

Вы все знаете знаменитую формулу. Всё же повторю её ещё раз. Кант говорит: "Поступай так, чтобы максима твоего морального поступка могла бы служить нормой всеобщего законодательства". Иными словами, Кант усматривает моральность в том, чтобы каждый поступал так, как если бы его поступок тут же становился бы всеобщим примером для подражания, более того – законом для всего человечества. Тем самым Кант ставит каждого морального субъекта в положение абсолютного Господина мира, который добровольно подчиняется лишь тому закону, который хорош для всего мира, всей Вселенной. Но кто может быть законодателем всего мира? Очевидно, лишь тот, кто носит в своей груди готовность к господству, к величию. Кант осмелился сделать это стремление основой своей моральной системы. Кант говорит каждому человеку: "Поступай так, как поступил бы на твоём месте суверенный Господин всего мира, прими на себя эту ответственность – и в этом ты обретёшь источник морали и права". Добродетель как раз и состоит в том, чтобы быть Господином, а не рабом, и поступать сообразно этому.

В сущности говоря, Кант открыл нам, что рабство и господство как таковые, в их глубочайшей сущности, не связаны с так называемым вопросом о власти и первичны по отношению к этому вопросу. Рабство или господство заключены в самом человеке. Раб по природе остаётся рабом даже на троне, Господин же остаётся Господином и в оковах. Более того, исторический опыт показывает, что бывают времена, когда господа по призванию оказываются в оковах чаще, чем рабы.

Германский человек по природе своей есть Господин, и никогда не раб. Именно из этого ощущения господства проистекают все наши национальные добродетели, составляющие предмет зависти других народов. Недаром иностранцы, посещающие Германию, замечают в самом незначительном чиновнике, в самой простой домохозяйке, в индустриальном рабочем, в обычном крестьянине, даже в дворнике или стороже необычайное достоинство, ответственность за своё дело, суровую требовательность к себе, мужество в преодолении трудностей, стремление к совершенству. Это обычно объясняют традицией, воспитанием, привычкой. Но как могла бы удержаться традиция, что могло бы сделать воспитание, откуда было бы взяться привычке, если бы они не опирались на главное – на тот дух господства, который живёт в груди каждого дойча? Он – Господин по своей природе: даже на самом скромном месте, им занимаемом, он господствует, а не рабствует. И каждый истинный сын Германии, в чьих жилах течёт чистая дойчская кровь, повинуясь безошибочному инстинкту, чтит это величие во всяком другом дойче, исполняющем свои святые обязанности Господина! Человек, не способный и не желающий доверять, чтить и любить каждого чиновника, полицейского, школьного учителя – такой человек не способен любить Фатерлянд, доверять Партии, чтить идеалы национал-социализма.

В среде иных народов столь высокие свойства души отличают лишь верхушку правящего класса, которая вынуждена их культивировать ради удержания власти. Но и это им обычно не удаётся: постепенное, но неуклонное моральное разложение – удел всех негерманских аристократий. Для дойчей же подобное моральное разложение возможно лишь как следствие заражения чужеродным для них духом.

Нечего и говорить, что столь высокий строй народной души нуждается в постоянном, заботливом взращивании и охранении. Для достижения этой великой цели Партия избрала единственно подходящий метод: всячески поощрять и развивать высшее, разумное начало в человеке. Поэтому, например, граждане Райха избавлены от

унизительной бедности, но и ограждены от соблазнов чрезмерного богатства. Ведь и то и другое нездорово: бедность притупляет и обедняет ум, а чрезмерное богатство побуждает к извращённым желаниям. Точно так же, граждане Райха свободны в своей частной жизни, в праве объединяться друг с другом для достижения своих частных интересов, в выражении своих мнений. Я утверждаю – нигде, ни в одной стране невозможно найти столь богатое, столь развитое гражданское общество, как у нас, в национал-социалистической Германии! Но в то же время государство оставляет за собой ту свободу, которую признаёт и за своими гражданами: свободу от мнений толпы. Наши государственные мужи избавлены от тягостной необходимости заискивать перед развращёнными и невежественными избирателями, и тем более специально оглуплять и развращать их, как мы это видим в так называемых демократиях. Они действуют так, как им велят их знания и интуиция, и несут полноту ответственности за свои действия. В этом больше честности, больше подлинного уважения к народу, чем в мнимых знаках уважения, оказываемых народу "демократиями". Наше правительство не лжёт народу, утверждая, что поставлено выполнять его капризы. Напротив, оно видит свою легитимность и право на власть именно в том, что знает больше и видит дальше, чем средний обыватель, и способно блюсти интересы целого. То беспрецедентное доверие, которое народ оказывает своим вождям, свидетельствует, что это правильный и честный путь. Лишь пустой, жалкий, низменный человек с рабской душонкой будет алкать участия в том, в чём он не разбирается и что его никоим образом не касается. Такой человек не видит дальше своего носа, и как раз поэтому суёт свой нос везде... (смех в зале). Напротив, человек, не понаслышке знакомый с серьёзной, трудной работой – а таким должен быть каждый дойч! – прекрасно знает, что такое настоящая компетентность и сколь опасно вмешательство профанов и дилетантов с их плоскими понятиями в дела людей основательных.

Возможно, вам, молодёжи, рождённой в свободной Германии, воспитанной и вскормленной Партией, кажется, что иначе и быть-то не может, что никакой иной способ построения прочного общественного благосостояния немыслим. Но, в таком случае, как же тогда возможен тот воистину удивительный строй, который утвердился на современном Западе, и который с гордостью носит чужие перья, ложно величаясь "демократическим"? Я отвечу и на этот вопрос.

Начнём с самого слова. Демократия есть народовластие. Что ж, в таком случае в нашем возлюбленном Отечестве установлена самая глубокая, самая истинная демократия, ибо власть в нём принадлежит именно народу Германии. Впрочем, наш строй можно назвать и истинной аристократией, потому что власть у нас принадлежит достойнейшим. В этом можно усмотреть противоречие. Но это мнимое противоречие разрешается просто: мы стремимся сделать достойнейшими всех дойчей, и более того – всех райхсграждан. Что касается вопросов делегирования власти, то для нас он прост: дойч доверяет дойчу, один Господин доверяет другому Господину. Это истинно аристократическое доверие Господина к Господину и составляет основу того доверия, которое дойчский народ питает к дойчской власти.

На Западе дело обстоит прямо противоположным образом. Их извращённый строй общественной жизни основан на рабском страхе перед властью как таковой, наряду с признаваемой самими же рабами неспособностью управлять собой. Из этого страха перед властью и господством прямо следует западная система раздела, разбиения власти на множество кусочков, организованных так, чтобы каждый обладал лишь малой частью

власти, не отвечая ни за что конкретно. Поэтому, к примеру, успехи и неудачи в реальных делах почти не оказывают влияния на карьеру политика на Западе – тем более, что наиболее важные дела совершаются там тайно, дабы не пробуждать рабствующие массы от их бесконечного сна. Зато западные политики зависят от общественного мнения, от капризов толпы. Что касается второго пункта, то раб, не желая видеть над собой хозяина, всё же хочет быть управляемым, то есть быть объектом манипуляций. В этом состоит основа той власти плутократов, которая, подобно паутине, опутывает Запад. Увы, в её основе лежит не только злая воля самих плутократов, но и всеобщее желание народов, чтобы их власть была именно такова и действовала именно такими методами.

Здесь мы снова возвращаемся к вопросу о рабе и Господине. Некоторые полагают, что рабом может называться лишь тот, кто повинуется чужой воле, выполняет чужие приказы. Но это лишь внешнее, поверхностное понимание вопроса. Истинный раб, раб по природе – это как раз тот, кто не способен повиноваться приказам, если они не подкреплены силой или страхом. Раб не способен добровольно повиноваться разумному началу в себе или в другом человеке. Рабом владеют боль и удовольствие. Он не может принудить себя исполнять даже то, что сам считает правильным. Ум раба, если раб умён – а рабы способны иногда проявлять кое-какую хитрость и смышлёность – никогда не может стать ему ни помощником, ни советчиком, ни, тем более, мерилом его поступков. Раб может познать всю мудрость мира, но повинуется он только палке.

Именно поэтому раб нуждается во внешней принудительной силе, в Господине. Раб нуждается в Господине как во внешнем начале, которое, будучи разумно само, обращается к неразумному, то есть к награде и наказанию. Раб не может выжить и достичь благополучия без Господина, который принудит его к этому. Вопреки внешней очевидности, не Господин ищет раба, а раб ищет Господина, раб навязывает себя Господину. И раб обязательно мстит тому Господину, который не хочет господствовать над ним.

Этим-то и объясняется та глубочайшая враждебность, та неистовая страсть, с которой рабы всего мира ненавидели и ненавидят нашу возлюбленную Отчизну, Германию.

При этом раб хочет верить, что всё происходящее вокруг него происходит само собой. Отсюда рождаются нелепые, легко опровергаемые учения о "невидимой руке рынка", "стихийном развитии общества", и прочее. Раб сам жаждет, чтобы его обманули – и готов щедро платить обманщикам.

Таким образом, западная плутократия есть система рабствования в самообмане.

Вы можете спросить меня: почему же столь неестественный, столь уродливый политический порядок не только существует, но и в чём-то преуспевает, и даже представляет угрозу для нас, дойчей? Я дам простой ответ: неуспешные в созидании бывают чрезвычайно успешны в разрушении. Подкуп, обман, лживая пропаганда, неустанное развращение нравственных устоев нашего народа позволили нашим врагам добиться кое-каких успехов. Вспомним, например, то обстоятельство, о котором я не могу говорить без боли в сердце: атомное оружие, которое позволило англо-американскому блоку избежать неизбежного окончательного поражения, было создано учёными, рождёнными и воспитанными в Германии. Поверив лживой "антифашистской" пропаганде, эти люди, многие из которых составляли цвет германской науки, поставили свой ум и талант на службу плутократическому атлантизму. Позднее прозрение, посетившее некоторых из них, уже ничего не смогло изменить: наша победа была у нас

украдена.

То же самое относится и к прочим успехам наших врагов. Так или иначе, их мнимая сила – это лишь какая-то наша слабость, явная или неявная. Устранив эту слабость, мы устраним их преимущество.

И если мы будем тверды, то общество, основанное на лжи и обмане, рано или поздно потерпит историческое поражение. Наша главная задача – не отступая ни на шаг, отстаивать те идеи, те ценности, которые составляют суть нашего национального бытия.

Да здравствует Райх!